НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

И. В. Пьянков

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ СТЕПЬ В ДРЕВНОСТИ

Петербургское лингвистическое общество
Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(5+4)
П96

Пьянков, И. В.

П96 Средняя Азия и Евразийская степь в древности. — СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2013. — 736 с., ил. — (Исторические исследования).

ISBN 978-5-4318-0014-6

Настоящая книга включает работы И. В. Пьянкова, опубликованные в разное время в различных российских и зарубежных изданиях — журналах, сборниках, коллективных трудах. Многие из этих публикаций ныне практически недоступны в их первом издании. Некоторые статьи впервые публикуются на русском языке. В книге рассматриваются проблемы, в решении которых автор занимает позиции, далеко не всегда совпадающие с общепринятыми. Исследуются письменные источники, не переводившиеся на русский язык, предложены оригинальные решения ряда проблем исторической географии, этнической и политической истории, истории религии, военной истории, отражений истории в эпосе и др. Проблемы эти нередко выходят за географические рамки Средней Азии и Евразийской степи.

Книга рассчитана как на узких специалистов, профессиональных историков, так и на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся далеким прошлым ближайших соседей России, издавна связанных с ней общими историческими судьбами.

ББК 63.3(0)31

Piankov, I. V.

Middle Asia and the Eurasian Steppes in Antiquity. — St. Petersburg : Linguistic Society of St. Petersburg, 2013. — 736 p., ill. — (Historical Studies).

The book includes I. V. Piankov's works published in various times in Russian and foreign editions — journals and collected studies. Many of them are inaccessible at present in their original printed forms. Some articles are published in Russian for the first time. The author's positions to solve a number of problems are not always coinciding with those generally accepted. He explores the written sources that were not translated into Russian before, as well as proposes original solutions for several problems of historical geography, ethnic, political, religious and military history, historical reflections in epic literature, etc. Quite often, these problems go beyond the geographic borders of Middle Asia (also called Western Turkestan or Western Central Asia) and the Eurasian steppes.

The book is intended for both professional historians and the wide reading public interested in the remote past of the neighbouring countries whose historical destinies were long since connected with that of Russia.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© И. В. Пьянков, 2013
© Петербургское лингвистическое общество, 2013
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

ISBN 978-5-4318-0014-6

Моим любимым женщинам: бабушке, маме, сестре, жене и дочери

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга включает работы автора, опубликованные в разное время и в разных местах, в России и за рубежом. Работы эти большей частью посвящены проблемным вопросам, в которых автор занимает позиции, далеко не всегда совпадающие с общепринятыми представлениями. В данной книге они сопровождаются примечаниями (заключенными в квадратные скобки), в которых отмечено, подтверждаются или не подтверждаются эти позиции фактами к настоящему моменту.

Значительная часть материалов книги представляет собой статьи, разбросанные по самым разным журналам, сборникам, коллективным трудам. Многие из публикаций, вошедших в книгу, ныне практически недоступны в их первом издании. Некоторые статьи публикуются в книге в их оригинале на русском языке впервые. В то же время содержание этих статей обычно объединено той или иной общей концепцией, в обоснование которой каждая из статей вносит свой отдельный вклад. Все это, нам кажется, делает целесообразным их новое издание в виде единой монографии.

Научная литература на русском языке, посвященная истории Средней Азии, в том числе древней истории, достаточно обильна и насчитывает много первоклассных трудов. Но почти все они написаны археологами, и письменные источники, за очень редкими исключениями, использованы в них весьма поверхностно, в переводах, зачастую помещенных в хрестоматиях, и т. п. Между тем подход к письменным источникам как к самостоятельному виду источников, с предварительным источниковедческим анализом, прокомментированных с помощью данных археологии, этнографии, лингвистики, антропологии и т. д., неизмеримо расширяет исторический горизонт исследователя и часто приводит к новым и даже неожиданным выводам. Такой подход и стремился осуществить автор данной книги.

Несколько слов о термине «Средняя Азия». Термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» мы используем в том их раздельном смысле, в каком они издавна использовались в русскоязычной научной литературе. Термином «Центральная Азия» в том смысле (очень неопределенном и расплывчатом), какой иногда придают ему современные русскоязычные публикации, мы не пользуемся. Под «древностью» применительно к Средней Азии мы имеем в виду доисламскую историческую эпоху.

ЧАСТЬ 1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ДРЕВНЕМ МИРЕ. РАЗНОЕ

В этом разделе мы рассматриваем разные стороны жизни древних народов Средней Азии, включая и естественное продолжение ее на востоке — Восточный Туркестан. Значительная часть раздела посвящена источникам — основе наших знаний о давно прошедших временах[1]. Здесь же речь идет о проблемах природной среды, об истории города и военного дела[2]. Последняя глава раздела является как бы введением к двум следующим разделам работы: в ней рассматриваются общие проблемы истории и оседлых, и кочевых народов древней Средней Азии.

[1] Обзор всех письменных источников по истории древней Средней Азии см. в работе: *Пьянков И. В.* Источники и литература // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 7–44, 563–585.

[2] Новейший общий обзор истории города и военного дела древней Средней Азии см. в соответствующих разделах «Истории древнего Востока» (М., 2004), написанных Б. А. Литвинским (С. 762–772, 788–794).

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ИЗВЕСТИЯХ АНТИЧНОГО ИСТОРИКА КТЕСИЯ (Текст, перевод, примечания)*

1. ВВЕДЕНИЕ

Известия Ктесия составляют значительную долю фонда древнейших письменных свидетельств о Средней Азии.

Ктесий, древнегреческий историк, писавший в самом начале IV в. до н. э., был автором нескольких сочинений. Сведения о народах, обитавших тогда в Средней Азии и в Восточном Иране, разбросаны по разным местам его сочинений; трудов, посвященных специально этим народам, у него не было.

Античный читатель свитков. Барельеф римской эпохи
(по: *Борухович В. Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976. С. 175, рис. 24)

*Впервые опубликовано: Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душанбе: Дониш, 1975.

На территории самой Средней Азии еще не найдено письменных документов, относящихся ко времени, о котором писал Ктесий. Поэтому древнейшую историю Средней Азии приходится восстанавливать по источникам, происходящим из других мест. Основную массу этих источников составляют свидетельства античных авторов. А среди античных авторов основными являются Ктесий и Геродот, писавший несколько ранее Ктесия, в V в. до н. э. При этом Ктесий, сознательно дополнявший своего предшественника, дает больше сведений о среднеазиатских народах, чем Геродот. Вообще Ктесий и Геродот были самыми известными из ранних греческих историков, писавших о Востоке, или, как тогда говорили, об «Азии» (Ἀσία), и почти все сведения последующих античных (греческих и латинских) авторов, писавших на ту же тему, восходят в конечном итоге к этим двум историкам. Сведения Ктесия представляют большой интерес, многие из них связаны с очень важными и спорными проблемами истории Средней Азии; ряд сведений можно назвать уникальными.

В то же время Ктесий — автор исключительно сложный. Если Геродот, как правило, без всяких ухищрений записывал то, что видел, о чем слышал или читал, то Ктесий все добытые им сведения подвергал «художественной обработке», подавая в виде занимательных рассказов, сюжеты для которых он зачастую сам и придумывал (или домысливал). Один современный ученый следующим образом характеризует сведения Ктесия: «Под вымыслами [у Ктесия. — *И. П.*] находят намек на реальные факты; известные эпизоды оказываются приписанными другим персонажам, известные имена соединены с невозможными эпизодами. Ныне крайне трудно распознать в последнем анализе достоверные сведения...»[1]. Брать сообщения Ктесия для исторических выводов прямо, без предварительного источниковедческого изучения — нельзя. Кроме того, сложность в использовании сообщения Ктесия состоит еще и в том, что сочинения Ктесия в противоположность сочинению Геродота в подлинном своем виде не дошли до нас. Мы знаем о них только по фрагментам, которые передают текст Ктесия с разной степенью точности. И прежде, чем судить о тексте Ктесия, его еще нужно реконструировать.

Между тем сообщения Ктесия, особенно интересующие нас сведения, не очень часто привлекали внимание филологов. В отечественной же науке Ктесий практически совсем не изучен, нет даже точного и полного перевода на русский язык всех отрывков, относящихся к нашей теме. В настоящее время интенсивно разрабатывается древняя история народов Средней Азии. При этом историки и археологи, естественно, не могут обойтись без свидетельств Ктесия. Но, во-первых, привлекаются далеко не все из этих свидетельств; во-вторых, и те свидетельства, которые известны, могут мало что дать, если не подвергнуть их специальному источниковедческому анализу. Более того, без такого анализа свидетельства могут быть неправильно истолкованы, что может привести к ошибочным выводам.

[1] *Goossens G.* Рецензия на кн.: Ctesias. La Perse, l'Inde, les sommaires de Photius / Ed., trad. et comment. par R. Henry. Bruxelles, 1947 // BOr. V. 1948. P. 180.

Предметом нашей работы являются сведения Ктесия о ряде народов, которых он сам называет бактрийцами (Βάκτριοι), хорамнеями (Χωραμναῖοι), парфянами (Παρθυαῖοι), карманиями (Καρμάνιοι), барканиями (Βαρκάνιοι) и гирканцами (Ὑρκάνιοι), саками (Σάκαι), дербиками (Δέρβικες) и дирбеями (Δυρβαῖοι), каспиями'(Κάσπιοι), тапирами (Ταπύροι). Никакого общего наименования для всех этих народов у самого Ктесия нет. В дальнейшем мы для краткости будем именовать перечисленные народы «восточными» (это действительно самые восточные из известных Ктесию народов, не считая индийцев).

Одни из этих народов хорошо известны по многим свидетельствам античных авторов, независимых от Ктесия. Другие известны только по свидетельствам Ктесия и зависимых от него авторов, и идентификация их не может считаться бесспорной. К числу первых народов следует отнести прежде всего *бактрийцев*. Ядро земель, в древности населенных бактрийцами, позже было известно под названием Балх (область и город). Вообще же бактрийцы занимали земли, расположенные в бассейне Верхней Амударьи, северную часть современного Афганистана и южную часть современного Таджикистана. Но Ктесий определяет границы страны бактрийцев еще более широко: от Танаиса (Сырдарьи) до Инда. *Хорамнеи* упоминаются только у Ктесия. Вероятнее всего, хорамнеи Ктесия соответствуют хорасмиям других античных авторов, но предложены и иные определения этого названия. Хорасмии связаны с областью, известной под названием Хорезм, но во времена Ктесия хорасмии, по-видимому, занимали земли, лежавшие к югу от современного Хорезмского оазиса: долины Теджена-Герируда и его нижних притоков и прилегающие к ним горные местности. *Парфяне*, хорошо известный народ, населяли область, позже известную под названием Хорасан, занимая равнину к югу от Эльбурса и район Хорасанских гор. *Кармании* и *гирканцы* также были известными народами. Центр занимаемой карманиями страны позже именовался Керманом (город и область). Вообще же к стране карманиев обычно относили все земли, расположенные на юг от Хорасанской пустыни вплоть до Персидского залива. Основная область, занимаемая гирканцами, позже была известна под названием Гурган и прилегала к юго-восточному углу Каспийского моря. *Баркании* упоминаются только у Ктесия. Всего вероятнее, баркании Ктесия тождественны гирканцам, однако сам Ктесий считал их двумя разными народами. По-видимому, он черпал сведения о гирканцах из одних источников, а о барканиях — из других и потому не понял, что речь идет об одном и том же народе. Впрочем, предложены и иные толкования сведений Ктесия о барканиях. *Саки* и *дербики* — два «скифских» народа. Саки были широко известны и помимо Ктесия. Дербики впервые упоминались, по-видимому, Ктесием. Названия их имели два значения: узкое (специальное) и широкое (обобщающее). В первом значении название «саки» прилагалось к группе «скифских» племен восточной части Средней Азии, а название «дербики» — к группе «скифских» племен западной части Средней Азии, соответствуя, может быть, «массагетам» других авторов. Во втором значении оба названия прилагались к «скифам» вообще. У Ктесия не было четкого представления ни о саках, ни о дербиках. Он колеблется между двумя значениями этих названий. Саки у него, с одной стороны, являются соседями бактрийцев, с другой — вступают в войну с мидийцами

из-за парфян, присоединившихся к сакам. Дербики, с одной стороны, являются соседями гирканцев, а с другой — вступают в союз с индийцами. Вопрос о *дирбеях* и их отношении к дербикам не вполне ясен. Видимо, никакого отношения к дербикам дирбеи не имели. Скорее всего, это один из автохтонных горских народов древней Средней Азии[1]. *Каспии* во фрагментах сочинения Ктесия не упоминаются. Ктесий, по-видимому, вообще предпочитал говорить о «Каспийской земле». Если Ктесий и употреблял название «каспии» (отсюда и «Каспийская земля», и «Каспийское море»), то лишь в качестве собирательного, обозначавшего народы, которые обитали на южном берегу Каспийского моря и в прилегающих к нему горах. Основных народов здесь было два: кадусии, обитавшие на западе «Каспийской земли», и тапиры — на востоке. *Тапиры* были довольно известным народом. Основная область их обитания позже именовалась Табаристаном, а затем — Мазендераном.

Территория, занимаемая перечисленными народами, как видим, далеко выходит за пределы собственно Средней Азии. Правильнее было бы назвать эту территорию Средней Азией и Восточным Ираном. Когда мы имеем дело с древними источниками, то очертить в них круг сведений, точно относящийся к Средней Азии, вообще невозможно. В древности, и в частности во времена Ктесия, не существовало географического понятия, адекватного содержанию современного термина «Средняя Азия». Но в сообщениях Ктесия можно уловить представление о группах народов, являвших, по-видимому, некое единство. Территория некоторых из этих групп частично включает Среднюю Азию. Так, в состав одной группы входили бактрийцы, хорамнеи, парфяне, кармании, баркании и дербики. В состав другой, по-видимому, входили кадусии, тапиры, гирканцы и дербики. Иногда Ктесий говорит о народах одной из таких групп вместе. Искусственно разрывать сведения о народах, входящих в одну группу, не имело бы смысла.

Задача нашей работы заключается в исследовании сведений Ктесия о перечисленных народах. Работа начинается с воспроизведения текста отрывков, сообщающих о восточных народах, и его перевода. И текст и перевод нуждаются в примечаниях. Во-первых, рукописная традиция текста обычно имеет ряд особенностей и может предлагать различные варианты чтения, а понимание текста не всегда бывает однозначным и бесспорным и может допускать различные варианты перевода. Все это необходимо учесть. Во-вторых, приводимые отрывки взяты из фрагментов, которые далеко не всегда точно воспроизводят подлинный текст Ктесия; иногда фрагменты передают его из вторых и третьих рук. Поэтому необходимо установить, действительно ли и насколько верно отражают фрагменты текст Ктесия. Этот этап исследования и отражен в настоящей работе. Но дошедшие до нас фрагменты сохранили далеко не весь текст Ктесия. Сообщения многих авторов, заимствовавших у Ктесия (без ссылки на него), дополняют имеющиеся фрагменты, а иногда дают сведения, вообще отсутствующие в них. Все это также необходимо учесть, чтобы возможно более полно предста-

[1] См.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Население // История древнего Востока. М., 2004. С. 727–728.

вить себе содержание сообщений Ктесия. Далее, Ктесий, создавая свои сочинения, пользовался источниками разной ценности, по-своему истолковывал и комбинировал их. И это также необходимо иметь в виду, чтобы правильно понять и использовать сообщения Ктесия. Реконструкция известий Ктесия о восточных народах и определение источников этих известий составят содержание предполагаемого второго выпуска данной работы[1].

В тексте нашей работы дано много ссылок на античных авторов. При этом ссылки относятся как к полностью сохранившимся сочинениям, так и к сочинениям, сохранившимся во фрагментах. Ссылки на фрагменты содержат указание на издателя фрагментов. Лишь ссылки на фрагменты сочинений Ктесия, изданные Ф. Якоби (об этом издании см. ниже), даны без указания на издателя.

Итак, задача настоящей работы — источниковедческая. Использовать сообщения Ктесия о восточных народах для собственно исторического исследования мы пытались в других своих работах.

1.1. Ктесий и его сочинения

Наша задача ограничена рассмотрением сведений Ктесия только о восточных народах. Но для того, чтобы правильно понять и оценить эти сведения, необходимо предварительное общее знакомство с биографией Ктесия и его творчеством, тем более что на русском языке об этом до сих пор писалось очень мало[2].

1.1.1. Биография Ктесия

Ктесий Книдский (Κτησίας ὁ Κνίδιος) — врач по профессии, происходил из небольшого греческого города Книда. Точные даты рождения и смерти Ктесия неизвестны, но можно предполагать, что родился он приблизительно в середине V в. до н. э., а умер, безусловно, уже в IV в. до н. э.

Книд — дорийский город на карийском побережье Эгейского моря (в Малой Азии), колония лакедемонян. Город этот находился в зоне столкновения интере-

---

[1] [Второго выпуска данной работы не было. Но исследованию сведений Ктесия об отдельных восточных народах посвящен ряд статей автора: *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 35–50; *Он же.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 98–103; *Он же.* Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. Вып. 1. С. 55–68; *Он же.* Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. Вып. 2. С. 3–21; *Он же.* Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 19–25; *Он же.* Таниоксарк и Бактрия // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1978. Вып. 3. С. 84–97; *Он же.* Древнейшая история иранских народов в античной схеме «истории Азии» // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Вып. 1. С. 234–241 и ряд других работ.]

[2] О Ктесии на русском языке см.: *Соболевский С. И.* Ктесий // История греческой литературы. М., 1955. Т. 2. С. 127–129; *Мищенко Ф. Г.* Ктесий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895. Т. XVI. С. 910, 911.

сов трех главных политических сил того времени в Эгейском бассейне: Афинского морского союза, Спарты и Ахеменидской державы в лице ее малоазийских сатрапов. Некогда Книд входил в состав державы Ахеменидов, но ко времени Ктесия он контролировался Афинами.

Род Ктесия — древний книдский род потомственных врачей, который возводил себя к божественному врачу Асклепию[1]. Источники называют Ктесия сыном Ктесиарха или Ктесиоха (Κτησιάρχου ἢ Κτησιόχου[2], ὁ Κτησιόχου[3]). Из слов самого Ктесия можно заключить, что и отец и дед его были врачами[4]. Родственником Ктесия был его современник, знаменитый врач Гиппократ[5]. Видимо, известным врачом был и сам Ктесий; сохранились фрагменты его сочинений на медицинские темы[6].

Всю биографию Ктесия можно разделить на три основных периода: период до плена, пребывание в плену в Персии и, наконец, период после возвращения на родину.

О первом периоде жизни Ктесия источники совсем ничего не сообщают.

Почти ничего не известно также о том, как и когда попал Ктесий в Персию. Мы знаем лишь, что оказался он там в качестве «пленника» (αἰχμάλωτος)[7]. Вполне правдоподобно предположение И. М. Дьяконова, что Ктесий, поступив на службу к Аморгу, персидскому повстанцу в Карии, был захвачен в плен лидийским сатрапом Тиссаферном, воевавшим с Аморгом в период около 414–412 вв. до н. э.[8].

Определить более точно дату пленения Ктесия затруднительно, хотя некоторые указания в источниках на этот счет имеются. Древнегреческий историк Диодор (I в. до н. э.) сообщает, что Ктесий провел при царе «семнадцать лет» (ἑπτακαίδεκα ἔτη)[9], и поскольку известно, что Ктесий возвратился из Персии на родину в 398/397 г. до н. э.[10], то начало его пребывания в Персии придется на 415/414 г. до н. э. Но такая дата заставляет предполагать, что Ктесий находился при дворе не только Артаксеркса II (405–358 гг. до н. э.), но и Дария II (424–405 гг. до н. э.), хотя источники указывают лишь на первого[11]. Поэтому современные

---

[1] *Ctes.*, t. 4 (*Galen.*, 70).

[2] *Ctes.*, t. 1 (*Suid.*, s. v. Κτησίας).

[3] *Ctes.*, t. 11 h (*Lucian.*, Ver. Narr., 1, 3); *Tzetz.*, Chil., 1, 82.

[4] *Ctes.*, fr. 68.

[5] *Ctes.*, t. 4 (*Galen.*, 70).

[6] *Ctes.*, fr. 67, fr. 68.

[7] *Ctes.*, t. 3 (*Diod.*, 11, 32, 4). Слова Диодора можно понять так, что Ктесий был взят в плен во время войны Кира Младшего с Артаксерксом II (401 г. до н. э.). Именно так понял Диодора византийский историк Цец (XII в. н. э.) (*Tzetz*, Chil., 1, 84). Но это, безусловно, неприемлемо, так как противоречит другим достаточно точным указаниям источников; см.: *Jacoby F.* Ktesias // RE. 1922. Bd. XI. Стб. 2033.

[8] *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956, С. 22. Прим. 1.

[9] *Ctes.*, t. 3 (Diod., 11, 32, 4). То же повторяет Цец (*Tzetz.*, Chil., 1, 85): ἑπτὰ καὶ δέκα.

[10] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2033.

[11] Действительно, Ктесий мало знает о Дарии II. Он посвятил всему его царствованию лишь часть одной (XVIII) книги, тогда как только первые годы царствования Артаксеркса II (405–397 гг. до н. э.) описаны им в четырех (XIX–XXII) книгах.

исследователи, стремясь согласовать данные источников, пытаются как-то исправить число «семнадцать»: или заменить его на «семь»[1], или, во всяком случае, считать его преувеличенным[2]. Нам кажется, что нет нужды предполагать более позднюю дату пленения Ктесия, чем 414 г. до н. э.; следует лишь думать, что Ктесий как искусный врачеватель не сразу был замечен царем, и поэтому «семнадцать лет» нужно понимать как общий срок пребывания его в Персии, но не обязательно при дворе царя, как можно заключить из слов Диодора. Первые годы Ктесий мог провести при Тиссаферне, а ко двору попасть в 405 г. до н. э., когда Тиссаферн прибыл из Малой Азии в Вавилон на коронацию Артаксеркса II.

При дворе Ктесий «жил в почете» (διετέλεσε τιμώμενος)[3], он врачевал царя, а также его жену, детей и мать (знаменитую Парисатиду)[4]. У последней он пользовался особенным доверием[5]. Факт пребываний греческого врача при дворе Ахеменидов не был чем-то исключительным. Помимо Ктесия Артаксеркс II, видимо, имел и других придворных врачей — греков; таков, например, Поликрит из Менда, находившийся при царе одновременно с Ктесием[6]. Сам Ктесий рассказывал об одном из своих предшественников, Аполлониде из Коса, придворном враче Артаксеркса I (465–424 гг. до н. э.)[7]. Еще ранее (в конце VI в. до н. э.) был известен Демокед из Кротона, придворный врач Дария I; судьба этого врача несколько напоминает судьбу Ктесия.[8] Вообще при дворе Ахеменидов, как во времена Ктесия, так и до него должно было жить немало греков: художников, врачей, танцоров и т. д.[9] Поэтому кажется вполне вероятным, что Ктесий во время своего пребывания при персидском дворе мало был связан с местными жителями, находясь в окружении греков; может быть, он и жил в греческой колонии в Сузах[10].

То, что Ктесий жил в основном в Сузах, как и его предшественники, придворные врачи, — всего вероятнее[11]. Но он побывал, видимо, вместе с царским двором и в других столицах Ахеменидов — в Вавилоне[12], может быть, в Экбата-

---

[1] *Muellerus C.* Ctesiae Cnidii… fragmenta (в издании Геродота): *Dindorf W. P.*, 1877.

[2] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2033.

[3] *Ctes.*, t. 3 (*Diod.*, 11, 32, 4).

[4] *Ctes.*, fr. 15 a, c. 1, 4; врачом только Артаксеркса II его называют: *Ctes.*, t. 1 (Suid., s. v. Κτησίας), t. 2 (Strab., XIV, 2, 15), t. 3 (Diod., 11, 32, 4); врачом Парисатиды: *Ctes.*, fr. 27, § 69.

[5] *Ctes.*, fr. 27, § 69, fr. 28, c. 18, 3.

[6] *Ctes.*, t. 7 d (Plut., Artox., XXI, 3).

[7] *Ctes.*, fr. 14, § 34, 44.

[8] *Her.*, III, 129–137. До Демокеда персидские цари (Дарий I, Камбис) пользовались услугами египетских врачей (*Her.*, III, 132). В числе этих врачей был и известный Уджагорресент, живший в Сузах при Дарии и, может быть, при Камбисе (Тураев Б. А. История древнего Востока. Л., 1935. Т. II. С. 121–125, 133–135).

[9] Об этом свидетельствуют как вещественные (*Richter G. M. A.* Greeks in Persia // AJA. 1946. 1. Vol. L. С. 15–30), так и письменные (ср. *Plut.*, Artox., XXI, 3; *Ctes.*, fr. 31) источники.

[10] *Дьяконов*. Ук. соч. С. 22.

[11] Точнее сказать что-либо об условиях жизни Ктесия в Персии трудно; врач Демокед, например, который так же, как и Ктесий, был пленником, рабом царя, имел большой дом в Сузах и питался за царским столом (Her., III, 132).

[12] Ср.: *Ctes.*, fr. 45b.

нах. Свои впечатления от путешествий в эти города он мог использовать впоследствии в подробных описаниях Вавилона[1], окрестностей Экбатан[2], а также окрестностей дороги из Суз и Вавилона в Экбатаны. В восточных областях Ахеменидской державы Ктесий, несомненно, не был.

События этого периода жизни Ктесия также мало известны. Мы знаем лишь, что во время битвы при Кунаксе в Вавилонии в 401 г. до н. э. Ктесий находился в свите Артаксеркса II[3] и затем, как он сам утверждает, был послан для переговоров с греками, воевавшими против Артаксеркса II[4], после битвы он был щедро награжден царем за свои услуги[5]. Однако с вождем греков, спартанцем Клеархом, захваченным после битвы в плен, он поддерживает самые лучшие отношения и стремится с помощью Парисатиды всячески облегчить его участь[6]; Клеарх даже подарил ему за это свой «перстень» (δακτύλος), чтобы Ктесий смог впоследствии предъявить его как свидетельство дружбы «родственникам» (συγγενεῖς) и «домашним» (οἰκεῖοι) Клеарха в Лакедемоне.

Вскоре после этого Ктесий действительно выступает не только как врач, но и как дипломат Артаксеркса II: через его посредство ведутся переговоры персидского царя с правителем греческого города Саламина на Кипре Эвагором и со Спартой, а также переписка царя с афинянином Кононом, который становится персидским навархом (флотоводцем) в войне персов со Спартой[7].

Наконец, Ктесий сам отправляется с царским письмом к Конону и спартанцам[8], при этом, по словам Ктесия, царь по собственному побуждению распорядился, чтобы он оставался при Кононе как человек, полезный в действиях на море[9]. Явившись к Конону, Ктесий попадает в Книд, на свою родину, а затем переходит к спартанцам и прибывает в Лакедемон. Перед этим ему еще пришлось выдержать какое-то «судебное разбирательство» (κρίσις) со стороны спартанских послов на острове Родос; на суде он получил «оправдание» (ἄφεσις)[10] — надо думать, перстень Клеарха сыграл здесь немалую роль. Все это должно было произойти в первой половине 397 г. до н. э.[11].

---

[1] *Ctes.*, fr. 1b, c. 7, 9.

[2] *Ctes.*, fr. 1b, c. 13, 5–8.

[3] *Ctes.*, t. 6a — fr. 20, c. 11, 3, fr. 22. c. 13, 3, fr. 21, c. 8, 26.

[4] *Ctes.*, fr. 23, c. 13, 5. Плутарх, однако, оспаривает это утверждение Ктесия, ссылаясь на Ксенофонта, который, хотя и знал о том, что Ктесий служит у царя, не назвал его среди посланных (*Plut.*, Artox., XIII, 6–7).

[5] *Ctes.*, t. 6b — fr. 26, c. 14, 1.

[6] *Ctes.*, t. 7a — fr. 27, § 69, fr. 28.

[7] *Ctes.*, t. 7c– fr. 30, § 72–74, t. 7 d — fr. 32.

[8] *Ctes.*, t. 7c — fr. 30, § 74.

[9] Некоторые его современники, однако, рассказывали, что это путешествие Ктесия обязано лишь его уловке: в письме, которое перед тем написал царю Конон и которое прошло через руки Ктесия, этот последний приписал просьбу о присылке его, Ктесия, в распоряжение Конона (*Plut.*, Artox., XXI, 4).

[10] *Ctes.*, t. 7c — fr. 30, § 75. В фрагменте события перечисляются (прибытие в Книд, в Лакедемон, суд на Родосе), очевидно, не в хронологическом порядке.

[11] *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1960. P. 380; ср.: *Jacoby*. Op. cit., стб. 2034.

После этого начался третий период жизни Ктесия. Попав к враждебным персидскому царю спартанцам, в Персию Ктесий уже не возвратился и остался в Элладе. Здесь, в Лакедемоне или родном Книде, он и пишет свои многочисленные сочинения.

1.1.2. Сочинения Ктесия

Сочинения Ктесия дошли до нас только во фрагментах, в передаче более поздних авторов, главным образом Диодора (I в. до н. э.) и Фотия (IX в. н. э.).

Судя по свидетельствам этих авторов, Ктесием были написаны следующие сочинения (не считая медицинских):

1. «История Персии» (Περσικά), в двадцати трех книгах.
2. «Описание Индии» (Ἰνδικά), в одной книге.
3. «Об азиатской дани» (Περὶ τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν φόρων), может быть, не менее чем в трех книгах.
4. «Землеописание» (Περίοδος или Περιήγησις), не менее чем в трех книгах.
5. «О горах» (Περὶ ὀρῶν), не менее чем в двух книгах.
6. «О реках» (Περὶ ποταμῶν)[1], в одной или более книгах (?).

Самым большим и известным из этих сочинений является «История Персии». На втором месте находится «Описание Индии». От остальных сочинений мало что осталось.

1.1.3. Время и место написания Ктесием своих сочинений

В большинстве случаев считают, что Ктесий писал свои сочинения в Греции, после возвращения на родину в 398/297 г. до н. э.[2], и с этим, как нам кажется, нельзя не согласиться.

Однако точнее датировать эти сочинения довольно затруднительно. Некоторые данные для более точной датировки имеются лишь об «Истории Персии».

Диодор сообщает, что Ктесий закончил «Историю Персии» в 398/397 г. до н. э. (3-й год 95-й олимпиады)[3]. Но полностью согласиться с этим утверждением невозможно. Дата, указанная Диодором, — это, в сущности, дата возвращения Ктесия на родину, и если в источнике Диодора она действительно была как-то связана с датировкой сочинений Ктесия, то ее можно понимать лишь как указание на то, что писать Ктесий стал после возвращения из Персии. Следовательно, 398/397 г. до н. э. может считаться началом, а не концом написания «Истории Персии».

Когда было закончено это сочинение — также судить довольно затруднительно. Пожалуй, единственный намек, который можно здесь использовать, содер-

[1] Последние два сочинения иногда считают подложными, см.: *Jacoby*. Op. cit., стб. 2036; FGH. IIIC. Bd I, P. 517.

[2] См. например: *Соболевский*. Ук. соч. С. 127: *Дьяконов*. Ук. соч. С. 26; Jacoby. Op. cit., стб. 2036.

[3] *Ctes*., t. 9 (Diod., XIV, 46, 6).

жится в самом сочинении: Ктесий однажды сообщает, что произошло «спустя восемь лет» (δι' ἐτῶν ὀκτώ) после смерти Клеарха (401 г. до н. э.)[1]. Следовательно, закончена «История Персии» была не ранее 393 г. до н. э., скорее всего, где-то около 390 г. до н. э.[2]

1.1.4. Историографические и географические представления Ктесия

Создавая свои сочинения, Ктесий руководствовался определенной системой взглядов на прошлое и настоящее тех народов и стран, о которых он писал. Эти взгляды довольно явственно проступают в его сочинениях. Остановимся здесь на общих представлениях Ктесия об истории и географии «Азии».

Историю Азии Ктесий представлял себе следующим образом[3].

Существовало три царства (βασιλεία, ἡγεμονία), объединявших всю Азию и последовательно сменявших друг друга: Ассирийское, Мидийское, Персидское. Первым царем-завоевателем был Нин. Народы всей Азии, кроме Индии, некогда завоеванные Нином, переходили к его преемникам, входя последовательно в состав всех трех царств, — и так продолжалось до Артаксеркса II, т. е. до времени Ктесия.

Ассирийское (Ἀσσυρίων) царство испытало последовательные правления тридцати царей, от Нина до Сарданапала, и просуществовало более 1300 лет[4].

Мидийское (Μήδων) царство испытало последовательные правления девяти царей, от Арбака до Астиига (Аспанда), и существовало 315 (или 317) лет[5].

Персидское (Περσῶν) царство испытало последовательные правления десяти царей, от Кира до Артаксеркса II, но длительность его существования по сохранившемуся тексту Ктесия трудно определить[6].

Вот список персидских царей по Ктесию:

---

[1] Ctes., fr. 27, § 71.

[2] Так датирует Эд. Мейер: *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1901. Bd III, Hlft. I. S. 7. И. Маркварт датирует это сочинение не ранее чем 389 г. до н. э.: *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias. Phil. 1893. SupplBd VI. S. 589.

[3] Общая картина истории Азии по Ктесию выявляется из всей совокупности его данных. Среди отдельных указаний см.: *Ctes.*, fr. 33, fr. 33a.

[4] *Ctes.*, fr. 1, c. 21, 8, c. 28, 8: более 1300 (или 1306, 1360) лет; *Ctes.*, fr. 33a: 1450 лет. О длительности правления ассирийских царей по Ктесию см.: *Gutschmid A. von.* Kleine Schriften. Lpz., 1890. Bd II. S. 106; *Marquart.* Op. cit. S. 585; *Drews R.* Assyria in classical universal histories. Hist. 1965. Bd XIV. Hft. 2. P. 130, 138–142.

[5] Ctes., fr. 5, c. 32,6, c. 34,1: 280 (или 282) лет (по данным об отдельных царствованиях) + [35] лет. *Ctes.*, fr. 33a: 470 лет. Несколько иначе определяет длительность правления мидийских царей И. Маркварт: *Marquart.* Op. cit. S. 563. О длительности правления мидийских царей см. также: *Muellerus.* Op. cit. P. 43, 44; *Дьяконов.* Ук. соч. С. 26, 27.

[6] *Ctes.*, fr. 9, § 8, fr. 13, § 14, 16, 23, fr. 14, § 46, fr. 15, § 48, 50, fr. 16, § 57: более 157 лет (по данным об отдельных царствованиях) + ? (время правления Ксеркса и Артоксеркса II); *Ctes.*, fr. 33a: 215 лет (от Кира до времени Ктесия).

	Имя царя	Длительность правления
1	Кир (Κῦρος)	30 лет
2	Камбис (Καμβύσης)	18 лет
3	Сфендадат маг (Σφενδαδάτης ὁ μάγος)	7 месяцев
4	Дарий (I) (Δαρεῖος)	31 год
5	Ксеркс (I) (Ξέρξης)	?
6	Артаксеркс (I) (Ἀρτοξέρξης)	42 года
7	Ксеркс (II) (Ξέρξης)	45 дней
8	Секиндиан (Σεκυνδιανός)	6 месяцев и 15 дней
9	Дарий (II) (Ох) (Δαρειαῖος) (Ὦχος)	35 лет
10	Артаксеркс (II) (Арсик) (Ἀρτοξέρξης) (Ἀρσίκας)	

Географию Азии Ктесий представлял себе в общих чертах приблизительно так[1].

Азия — это земля, расположенная «между Танаисом и Нилом» (ἡ ἐντὸς Τανάϊδος καὶ Νείλου)[2] Она делится на две примерно равные части: Индию и «остальную Азию» (ἡ ἄλλη Ἀσία)[3]. Эти две части отделены одна от другой рекой Инд[4]. «Остальная Азия», по-видимому, делилась на западную и восточную части.

Западную часть Азии населяют многочисленные народы, занимающие земли вдоль морского берега, от Нила до Танаиса, и далее в глубь материка[5]. Восточную часть «остальной Азии» также населяют многие народы. На юге, вдоль моря,

[1] Общая картина географии Азии по Ктесию выявляется также из всей совокупности его данных. Среди отдельных указаний см.: *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 1–4. Рассказ Ктесия о походах Нина представляет собой, по-видимому, периегесу Азии, изложенную в своеобразной форме. Нин движется сначала вдоль западного побережья Азии, от Египта до Танаиса, отсюда переходит к прикаспийским народам, затем к восточным, от них — к приэрифрейским, затем (через Мидию) идет снова в Каспиану, а из нее (через земли восточных народов) — в Бактрию. Ср.: *Krumbholz P.* Zu den Assyriaka des Ktesias // RhM. N. F. 1897. Bd LII. C. 272–273. Сообщения Аристотеля (Aristot., Meteor., 1, 13, 15–16) здесь мы не привлекаем. Эти сообщения часто используют для восстановления ктесиевой географии Азии. Но убедительных данных в пользу принадлежности этих сообщений Ктесию нет. См.: Jacoby. Op. cit., стб. 2072.

[2] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 1. О границах Азии по Ктесию см.: *Jacoby.* Op. cit., стб. 2037, 2072, 2073.

[3] *Ctes.*, fr. 49.

[4] *Ctes.*, fr. 1b, c. 16, 7. Царство Семирамиды здесь совпадает с «остальной Азией».

[5] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. К западной части Азии здесь относятся народы и страны от Египта до «припонтийских варварских народов, обитавших до Танаиса».

обитают персы и сусийцы[1]. Южное море Ктесий, как и другие авторы, называл Эрифрейским[2]. На севере, тоже у моря, лежит «Каспийская земля», в которую ведет «весьма узкий проход» (εἰσβολαὶ στεναὶ παντελῶς), называемый Каспийскими воротами[3]. Здесь обитают кадусии и тапиры, а далее на восток вдоль моря — гирканцы и их соседи дербики[4]. Возможно, что Ктесий называл это северное море Каспийским; во всяком случае, к нему должны относиться слова об «огромном озере» (λίμνη μεγίστη) в Каспийской земле[5]. Между этими народами, обитающими близ южного и северного морей, живут мидийцы. На восток от них обитают парфяне и баркании, хорамнеи и кармании[6]. Наконец, на самом востоке находятся бактрийцы. С запада доступ на бактрийскую «равнину» (πεδίον)[7] преграждают «горы» (ὄροι)[8], через которые ведут лишь узкие горные «проходы» (εἰσβολαί, στεναί)[9]. Бактрия простирается до Танаиса и Инда. Танаис отделяет ее от Европы[10], Инд — от Индии[11]. Инд, по-видимому, течет с «гор» (ὄρεα)[12]. Танаис, возможно, течет с тех же гор, но в сторону, противоположную от Инда[13], и впадает в Понт[14].

Вот набросок (разумеется, схематичный и очень приблизительный) карты «остальной Азии» по Ктесию.

1.1.5. Метод Ктесия как историка

Основываясь на таких общих историографических и географических воззрениях, Ктесий писал свои сочинения. Используя и устные, и письменные источники, он компоновал из них свои «рассказы» (λόγοι), из которых состоят его сочинения. Об источниках Ктесия и структуре его сочинений мы еще будем говорить в дальнейшем. В данном случае мы рассмотрим, как создавал Ктесий свои сочинения, имея в виду главным образом «Историю Персии», самое большое и сложное по составу сочинение Ктесия.

---

[1] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. К этой (приэрифрейской) части Азии здесь относятся Персида и Сусиана.

[2] *Ctes.*, fr. 14, § 43, fr. 14a, fr. 66.

[3] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. Ср.: *Aelian.*, N. A., XVII, 32.

[4] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. К этой (прикаспийской) части Азии здесь относятся народы от кадусиев до гирканцев, а также дербики. Ср.: *Ctes.*, fr. 43.

[5] *Aelian.*, N. A., XVII, 32. Сообщение Элиана восходит к Ктесию.

[6] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. К этой (восточной) части Азии здесь относятся народы от карманиев до парфян.

[7] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 3, 7.

[8] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 3.

[9] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 1, 3.

[10] Об этом свидетельствуют такие моменты в географических воззрениях Ктесия: границей Азии на востоке является Танаис, а Бактрия — крайняя страна на востоке Азии. Ср.: *Curt.*, VII, 7, 2, 4.

[11] Об этом можно заключить по такому моменту в рассказе Ктесия о Семирамиде: некогда Семирамиде, чтобы перейти из Бактрии в Индию, и наоборот, из Индии в Бактрию, потребовалось только переправиться через Инд: *Ctes.*, fr. 1b, c. 16, 7, c. 19, 10. Ср.: *Ctes.*, fr. 45h.

[12] *Ctes.*, fr. 45, § 14.

[13] Об этом заключаем по аналогии с представлением о водораздельном хребте на востоке Азии, которое зафиксировано у многих античных авторов начиная с Аристотеля.

[14] *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3. Ср. здесь слова о «припонтийских… народах, обитавших до Танаиса».

Если оценивать метод Ктесия с современных позиций, то Ктесия придется поставить ближе к автору художественного произведения, чем к историку-исследователю. В этом отношении Ктесий резко отличается от Геродота и приближается, например, к Ксенофонту как автору «Киропедии» и историкам «риторического направления». Геродот прямо передавал добытые им сведения, делая, где это было необходимо, отступления от основного хода изложения, отмечая варианты и т. д. Ктесий все это органически сливал в единый рассказ с единым сюжетом. Способ создания таких рассказов можно представить примерно так. Ктесий, имея в своем распоряжении какой-либо сюжет (или даже намек на сюжет), брал его за основу, развивал далее, нанизывал на него ряд других рассказов, первоначально самостоятельных, как «исторических», так и «описательных», подчиняя их сюжет основе или придавая им сюжет заново, и, наконец, уснащал все это описанием бытовых деталей, речами действующих лиц и т. д.

В качестве примеров можно привести рассказы о Нине и Семирамиде[1] и о Кире и Астиаге[2]. В основу первого рассказа было положено предание о деяниях Нина и Семирамиды (хотя сейчас трудно сказать, как оно выглядело первоначально), в основу второго — предание о возвышении Кира. Ктесий развил сюжет, намеченный в этих преданиях, и превратил их в увлекательные повести. К первому рассказу было присоединено и приспособлено к нему несколько других, первоначально самостоятельных рассказов, в том числе миф о Деркето, легенда о происхождении персидской одежды, рассказ о захвате царем, завоевателем Азии, сопредельного царства и его столицы. Со вторым рассказом точно так же были слиты предания о войне Кира с Астиагом, о завоевании Киром Азии и о его гибели, о деяниях Ойбара. В первый рассказ был введен ряд крупных и мелких описаний, как, например, периегеса Азии, поданная в виде сообщения о походах Нина, описании городов Нина и Вавилона, а также достопримечательностей Азии, использованные в сообщениях о строительной деятельности Нина и Семирамиды (хотя, видимо, некоторые сооружения были связаны с именами Нина и Семирамиды уже в традиции, использованной Ктесием). Во втором рассказе точно так же можно заметить, что за сообщением о пребывании Кира во дворце Астиага проглядывает описание дворцовой службы, за сообщением о войне Кира с Астиагом — описание дороги из Суз в Пасаргады и т. д.

Составляя рассказы о древних царях, Ктесий использовал в них все то, что знал о современной ему Персии. Это не случайно. Историчность мышления вообще была не очень свойственна античным историкам, кроме Фукидида и еще немногих авторов. У Ктесия же это качество отсутствовало почти полностью. Все царство «Азии» начиная с Нина и его первых преемников представляется ему неизменным вплоть до Артаксеркса II, при дворе которого он жил: двор древних царей таков же, как и при Артаксеркссе II, в нем часто распоряжаются властные царицы, матери или жены царя, похожие на Парисатиду, и имеют «наибольшую силу» несколько первых евнухов; государство древних царей

[1] *Ctes.*, fr. 1a, fr. 1b, c. 1, 4–30, 3, fr. 1c — fr. 1m, fr. 3.

[2] *Ctes.*, fr. 5, c. 34, 6, fr. 9, § 1–8, fr. 9a — fr. 9c, fr. 10 — fr. 12, fr. 43, fr. 44; *Nic. Dam.*, fr. 66. Jacoby.

состоит из тех же сатрапий, с тем же устройством, как и при Артаксерксе II; точно так же и все остальное в «Азии» остается неизменным вплоть до Артаксеркса II.

Ясно, что Ктесиеву историю ассирийских, мидийских и первых персидских царей принимать буквально нельзя. Но в той же части исторического повествования Ктесия разбросано — и это не всегда в должной мере учитывается — множество самых разнообразных сведений о придворных порядках, системе управления, верованиях и обычаях, хозяйстве, несколько мифов, обрывков исторического эпоса и других данных, ценных для изучения жизни современной Ктесию Персии. Даже многие имена лиц и некоторые события Ктесий переносит из современности в древность.

1.1.6. Цели и тенденции Ктесия как историка

Ктесий, как мы уже видели, взялся за писание своих сочинений после возвращения из Персии. Обстоятельства, побудившие его к этой работе, можно представить следующим образом. Ктесий, поселившись вновь на родине после семнадцати лет пребывания при дворе персидского царя, где он имел влияние и пользовался доверием многих значительных лиц, конечно, не мог не считаться у своих соотечественников большим знатоком Персии, ее истории и вообще восточных стран. А этими темами греки весьма интересовались, причем задолго до Ктесия, о чем свидетельствует хотя бы уже то, что к его времени было известно немало сочинений под названием Περσικά (до Ктесия такие сочинения были написаны, например, Дионисием Милетским, Хароном Лампсакским и Геллаником Митиленским). Особенно же ярко об этом интересе свидетельствует «История» Геродота. Естественно, что от Ктесия ждали новых сведений и критики его предшественников, которые если и бывали в Персии, то никогда не занимали там столь влиятельного положения, как он[1].

Действительно, основным мотивом к писанию и тенденцией, пронизывающей все сочинения Ктесия, было: непременно дать нечто оригинальное, отличающееся от произведений других авторов, «исправить» или «опровергнуть» сведения предшественников. Особенно яростно Ктесий нападал на Геродота, видимо, считая его главным своим конкурентом. Даже в переложении сочинений Ктесия Фотием в тексте еще осталось несколько ссылок на Геродота с изобличением «лживости» его сведений.

Основной причиной этого антагонизма послужило честолюбие Ктесия, стремление показать свое превосходство в знании Востока, но немалую роль должны были сыграть и политические симпатии его: в противоположность афинской тенденции Геродота Ктесий был лаконофилом[2]. Возможно даже, что Ктесий

[1] О новой стадии в развитии интереса греков к восточным народам в конце V в. до н. э. говорит Реверден (основываясь, в частности, на сочинениях Ктесия), см.: *Reverdin O.* Crise spirituelle et évasion // Grecs et Barbares. Vandoeuvres; Genève, 1962. P. 83–120. (Entretiens sur l'antiquité classique VIII.)

[2] О честолюбии («необыкновенно честолюбив», δαιμονίως φιλότιμος) и лаконофильстве Ктесия очень выразительно говорит Плутарх (*Plut.*, Artox., XIII, 7).

в Спарте был таким же официально признанным историком, как Геродот в Афинах, и должен был дать «спартанскую» версию «Истории» Геродота.

Разумеется, если бы честолюбивые стремления Ктесия действительно соответствовали его знаниям, то мы нашли бы в его работах много интересного и ценного о прошлом восточных стран, но, к сожалению, это не так. Если сопоставить претензии Ктесия с содержанием его работ, то складывается определенное впечатление, что во время пребывания в Персии Ктесий и не собирался писать ее историю, а взялся за это дело уже на родине только для того, чтобы подкрепить свою репутацию знатока Востока. Поэтому и оказалось, что Ктесий, не обладая ни столь обширными запасами специально собираемых сведений, как Геродот, ни критическим чутьем последнего, не смог дать чего-либо равноценного труду Геродота, хотя как будто имел большие возможности для этого. А настойчивое стремление во что бы то ни стало противоречить предшественникам, «обличать» их в ряде случаев еще более повредило сочинениям Ктесия.

Лаконофильство и честолюбие Ктесия сказались также и непосредственно на изложении фактов, но не в такой степени, как на общей его тенденции. Лаконофильство Ктесия в полной мере могло проявиться в «Истории Персии» не ранее чем при описании греко-персидских войн (в книгах XII–XIII), а стремление придать себе роль позначительнее в делах персидского царя было ограничено описанием царствования Артаксеркса II (в книгах XIX–XXII).

1.1.7. Язык и стиль Ктесия

Судить о языке и стиле Ктесия довольно трудно, так как фрагменты его сочинений редко содержат дословное воспроизведение текста Ктесия; в большинстве случаев этот текст дается древними авторами в пересказе. Однако до нас дошли отзывы о языке и стиле Ктесия тех, кто имел еще возможность читать подлинный текст этого автора.

По свидетельству Фотия, Ктесий в «Истории Персии» и в «Описании Индии» пользуется ионийским диалектом, но в первом сочинении не так постоянно, как Геродот, а лишь в некоторых оборотах, во втором же — более постоянно[1]. Таким образом, хотя сам Ктесий был дорийцем, а литературным диалектом в его время являлся аттический, писал он в основном на ионийском диалекте, подражая Геродоту. Но ионийский диалект не был сохранен им в чистом виде. Современный филолог Ф. Якоби считает, что язык Ктесия представлял переход дорийцев от литературного ионийского к литературному койнэ[2]. О стиле Ктесия древние обычно отзываются с похвалой. Так, Фотий отмечает, что повествование Ктесия

[1] *Ctes.*, t. 10 (*Phot.*, Bibl., 72, p. 45a), t. 13 (*Phot.*, Bibl., 72, p. 45a).

[2] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2064. В одной из последних работ о языке Ктесия (по недавно открытому папирусному фрагменту, — fr. 8b у Якоби) подчеркивается его аттицизм, а сам Ктесий считается прямым предшественником писавших на койнэ: *Corno Del D.* La lingua di Ctesia (P. Ox. 2330) // Ath. 1962. Vol. XL. P. 126–141.

доставляет наслаждение: изложение содержит много волнующего и неожиданного, а украшено оно наподобие мифических сказаний[1].

Деметрий приводит повествование Ктесия в качестве образца ясности изложения[2]. Однако высказывались противоположные мнения. Тот же Деметрий сообщает, что некоторые обвиняют Ктесия в повторениях и болтливости[3]. Подобным образом оценивает стиль одного из рассказов Ктесия Плутарх, отмечая его растянутость и многословие[4]. Добавим еще, что Фотий засвидетельствовал отсутствие у Ктесия беспричинных отступлений, которые прерывали рассказ, как это бывало у других[5], в частности у Геродота[6].

1.1.8. Общая характеристика сочинений Ктесия

Отзывы древних о Ктесии, касающиеся достоверности его сообщений, неблагоприятны для него. Страбон[7], Антигон[8], Плутарх[9], Аристотель[10], Арриан[11], Элиан[12], Лукиан[13], Авл Геллий[14] говорят о недостоверности, баснословности сведений Ктесия. Первый автор имеет в виду, очевидно, вообще сочинения Ктесия, два следующих — «Историю Персии», а остальные — преимущественно «Описание Индии»[15]. Плутарх, давая наиболее развернутую оценку творчества Ктесия, говорит, что его писания наполнены всевозможным вздором из невероятных и нелепых басен (μῦθοι) и что рассказ его часто уходит от истины, превращаясь в басню или драму (πρὸς τὸ μυθῶδες καὶ δραματικόν). Однако, имея дело с такими отзывами, необходимо учитывать, что в основу их положен один критерий — баснословность или правдоподобность сообщаемых фактов. Не случайно, что почти все перечисленные авторы примерно в таком же духе отзываются и о Геродоте. Но с помощью такого критерия не всегда можно определить подлинную

[1] *Ctes.*, t. 13 (Phot., Bibl., 72, p. 45a). Относительно чтения и толкования этого высказывания Фотия см.: *Renehan R.* Photius on Ctesias // AJ Ph. 1963. Vol. LXXXIV. № 1. C. 71. Примерно так же характеризуют стиль Ктесия (по папирусному фрагменту) современные исследователи, отмечая склонность этого автора к «драматизации», введению прямой речи и т. д., см.: *Biltcliffe D. A. W.* P. Ox. N 2330 and its importance for the study of Nicolaus of Damascus // RhM. N. F. 1969. Bd CXII. Hft. 1. P. 86–93).

[2] *Ctes.*, t. 14a (*Demetr.*, De eloc., 209–216).

[3] *Ctes.*, t. 14a (*Demetr.*, De eloc., 212).

[4] *Ctes.*, t. 14b (*Plut.*, Artox., XI, 11).

[5] *Ctes.*, t. 13 (*Phot.*, Bibl., 72, p. 45a).

[6] О стиле Ктесия по отношению к стилю Геродота (по папирусному фрагменту) см.: *Gigante M.* Lettera alla regina, o dello stile di Ctesia // RFIC. 1962. Vol. XL. P. 249–272.

[7] *Ctes.*, t. 11a, b (*Strab.*, XI, 6, 3; 1, 2, 35).

[8] *Ctes.*, t. 11c (*Antigon.*, Hist. mir., 15).

[9] *Ctes.*, t. 11d, e (*Plut.*, Artox., 1, 4; VI, 9).

[10] *Ctes.*, t. 11f (*Aristot.*, H. A., VIII, 28).

[11] *Ctes.*, t. 11g (*Arr.*, Anab., VI, 4, 2).

[12] *Ctes.*, t. 11g (*Aelian.*, N. A., IV, 21).

[13] *Ctes.*, t. 11h (*Lucian.*, Ver. narr., 1, 3).

[14] *Ctes.*, t. 19 (*Gell.*, N. A., IX, 4, 1).

[15] *Jacoby.* Op. cit., стб. 2037.

ценность автора. Древний писатель, с одной стороны, мог вполне правдоподобно передать собственный вымысел, с другой — в виде «нелепой басни» сохранить ценные следы действительно существовавшей устной традиции.

Как же оценивается Ктесий современными исследователями?

В «Истории Персии» Ктесия элемент произвольного сочинительства, фантазии, действительно настолько значителен, что в строгом смысле историческим этот труд назвать нельзя. Справедливо отмечают, что многими своими чертами «История Персии» приближается к историческому роману[1], но и настоящим историческим романом она еще не является: Ктесий претендует на достоверность своих сообщений и в последних книгах действительно в какой-то мере придерживается исторических фактов. Поэтому, как нам кажется, вполне можно согласиться с Ф. Якоби, который определяет этот труд Ктесия как нечто среднее между исторической работой и романом[2], а Ктесия называет «отцом исторического романа»[3].

Еще более фантастично, на первый взгляд, «Описание Индии». Однако если в целом это сочинение и действительно представляет собой «древнейшую форму сказки о стране блаженства»[4], то сказочные черты его во всяком случае не всегда являются выдумкой самого Ктесия, а отражают действительную местную традицию[5]. Конечно, и здесь довольно обычны литературные заимствования и обработка сведений, обязанных местной традиции, по литературным образцам. Тем не менее часто встречающиеся слишком суровые отзывы об «Описании Индии»[6] нам кажутся не вполне справедливыми.

1.1.9. Судьба сочинений Ктесия в древности

Сочинения Ктесия уже в древности, как мы отмечали, не всегда пользовались доверием. Однако Ктесий был автором довольно известным; это, видимо, объясняется и увлекательной формой его повествования и самой его биографией: Ктесий все-таки несколько лет пробыл при дворе персидского царя, что, конечно, в глазах многих придало вес его сообщениям. О популярности Ктесия свидетельствует обилие цитат из его сочинений у разных авторов различных времен.

Ктесий был известен уже своим современникам. Сохранилось, например, прямое указание на то, что Ксенофонт, современник Ктесия, знал и о самом Ктесии, и о его «сочинениях» (τὰ βιβλία)[7].

В последующие века сочинения Ктесия имели широкое распространение

---

[1] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2063; *Gercke, Norden*. Einleitung in die Altertumswissenschaft, 3 Aufl. Lpz.; B., 1927. Bd 1. S. 158; *Соболевский*. Ук. соч. С. 129.

[2] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2063.

[3] Там же, стб. 2045.

[4] *Клингер В. П.* Сказочные мотивы в «Истории» Геродота. Киев, 1903. С. 75.

[5] *Jacoby*. Op. cit., стб. 2037–2039; *Клингер*. Ук. соч. С. 75.

[6] Например: *Bunbury E. H.* A history of Ancient geography. Vol. 1. 2 ed. N. Y., 1959. P. 342; *Дьяконов*. Ук. соч. С. 25.

[7] *Ctes.*, fr. 23. Это видно и по содержанию сочинений Ксенофонта. Ср.: *Xen.*, Anab., I, 8, 26–27 (*Ctes.*, fr. 21); *Cyrop.*, 5, 2; VIII, 5, 28; 7, 11.

в античном мире. Как свидетельствует писатель Авл Геллий, в его время (II в. н. э.) сочинения Ктесия можно было найти в продаже в Италии, в городе Брундизии. Здесь, среди «связок книг» (fasces librorum), выставленных на продажу, среди старых, заплесневелых «свитков» (volumina), можно было найти сочинения Ктесия и других старинных греческих авторов, — рассказывает Авл Геллий[1].

Еще в I в. н. э. ученая женщина Памфила составила эпитому (сжатое изложение) Ктесия в трех книгах[2]. Эта эпитома была довольно известна (хотя до нас она не дошла) — о ней даже в X в. н. э. упоминалось в византийском сочинении Свида[3]. Может быть, распространение этой эпитомы и было причиной того, что сочинения самого Ктесия стали читать меньше[4]. Однако тексты Ктесия сохранялись еще долгое время. В IX в. н. э. константинопольский патриарх Фотий вновь составил эпитому двух основных сочинений Ктесия — «Истории Персии» и «Описания Индии». Наряду с Ктесием Фотий излагал также произведения других авторов, и то, как пространно пересказывает Фотий сочинения Ктесия по сравнению с сочинениями прочих историков, свидетельствует, видимо, о редкости в его время рукописей с текстами Ктесия. По этой последней эпитоме мы главным образом и судим о сочинениях Ктесия, которые в подлинном виде до нас не дошли[5].

1.2. Средняя Азия во времена Ктесия

Для того чтобы правильно понять сведения Ктесия о восточных народах, необходимо предварительное общее знакомство с положением, в котором находились эти народы ко времени Ктесия[6].

Большинство восточных народов ко времени Ктесия входило в состав огромной Ахеменидской державы.

Эта держава была создана царем Киром, происходившим из рода Ахемена, в 40-х и 30-х годах VI в. до н. э. Первоначально Кир владел лишь небольшим Персидским царством на юго-западе Ирана, но в результате многих походов он объединил в пределах одного государства всю Переднюю Азию: от западных берегов Малой Азии до земель по Нилу и Сырдарье. Последующие цари еще более расширили границы государства. Господствующим народом в Ахеменид-

[1] *Ctes.*, t. 19 (*Gell.*, N. A., IX, 4, 1).

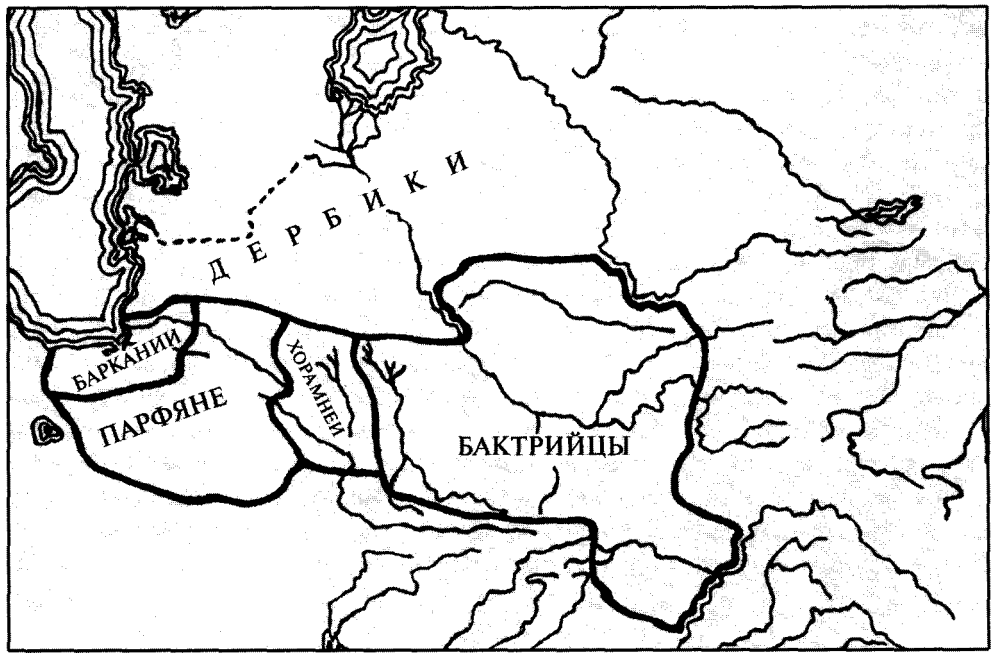
[2] Что было изложено в этой эпитоме — все или только какая-то часть написанного Ктесием, — неизвестно. Маркварт (*Marquart.* Op. cit. S. 593), правда без достаточных оснований, полагает, что в ней содержалась лишь персидская часть (книги VII–XXIII) «Истории Персии».

[3] *Ctes.*, t. 16 (Suid., s. v. Παμφίλη).

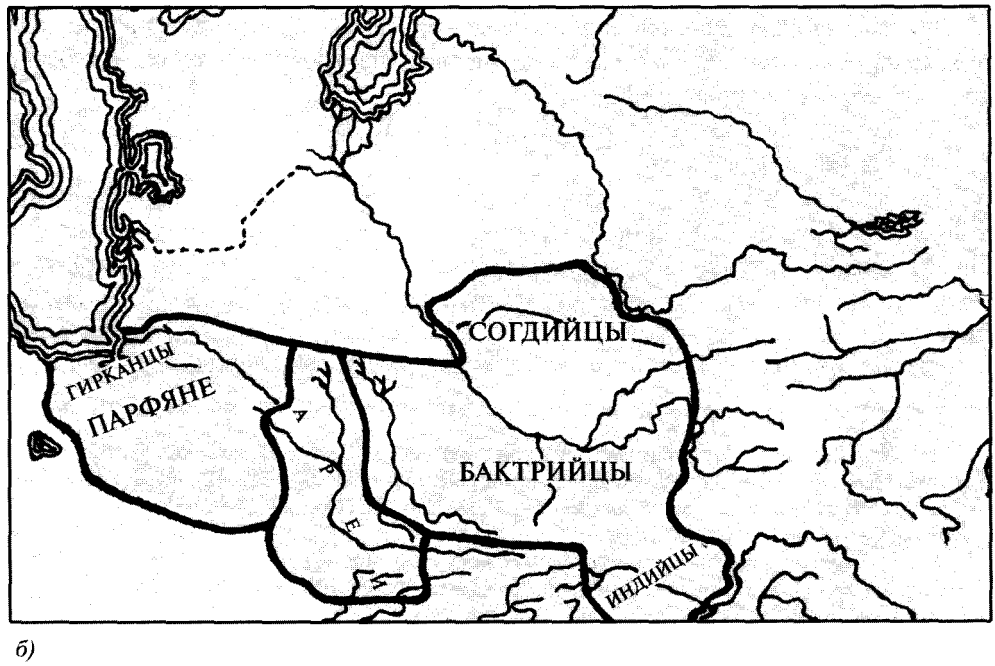
[4] То же, например, случилось с сочинениями Помпея Трога (I в. до н. э.). Эпитома этого сочинения, составленная Юстином во II в. н. э., постепенно заставила забыть само сочинение Трога (см.: История римской литературы, т. I. М., 1959, С. 500).

[5] Кроме небольших дословных выдержек у других древних авторов и отрывков в находимых за последнее время папирусах.

[6] Один из новейших общих очерков о Средней Азии ахеменидского времени: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 73–87.

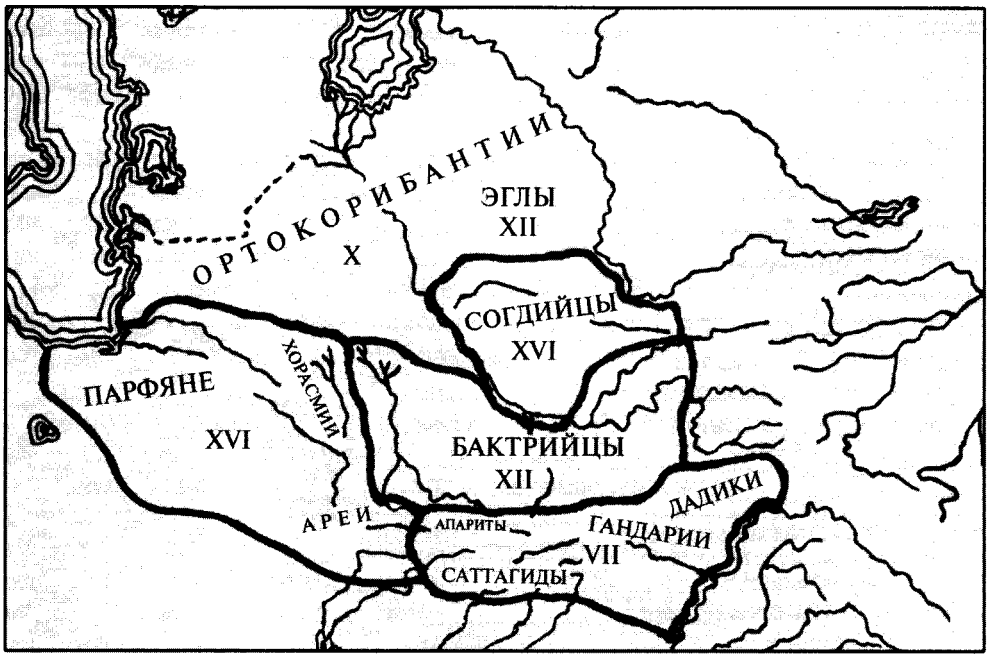

а)

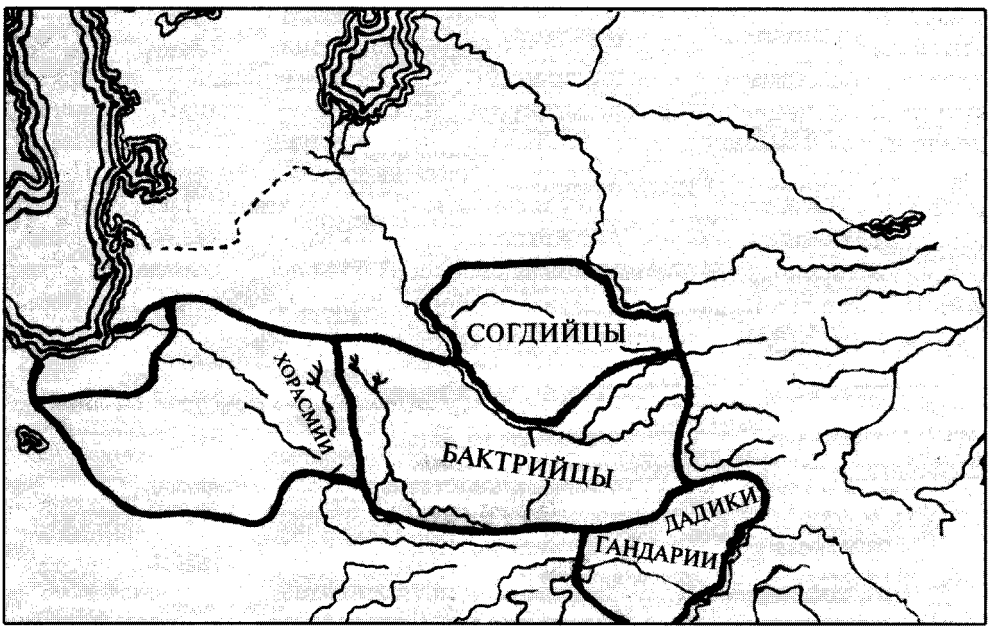

б)

Карта Ахеменидской империи при

в)

г)

Артаксеркс II (*а*), Дарии III (*б*), Дарии I (*в*) и Ксеркс I (*г*)

ской державе были персы, а земли остальных народов составляли ряд сатрапий (σατραπηίαι), являвшихся основными административными единицами державы. Во главе сатрапии стоял сатрап (σατράπης). Состав сатрапий не оставался неизменным.

Почти каждый из восточных народов, перечисленных Ктесием, представлял отдельную сатрапию — список восточных народов Ктесия, собственно, и является списком сатрапий[1]. Во главе этих сатрапий стояли персидские сатрапы, лишь во главе парфян, может быть, находился местный владетель (δυνάστης). Только саки стояли вне сатрапий; их возглавлял свой царь, считавшийся союзником персидского царя. Таково было положение, установившееся ко времени Ктесия. Однако сам Ктесий относил учреждение этих порядков ко времени Кира и даже более древних «царей Азии».

Восточные народы, кроме дербиков, были подчинены самим Киром лет за полтораста до Ктесия. В борьбе с дербиками (массагетами) Кир погиб, и покорены они были, по-видимому, лишь Дарием I[2], лет за сто с лишним до Ктесия[3], хотя Ктесий и это дело приписывает Киру[4]. Саки находились сначала на положении подданных, но примерно при Артаксерксе I, лет за шестьдесят до Ктесия, стали союзниками[5], хотя Ктесий считает, что уже союзником Кира был сакский царь[6]. Дербики и хорамнеи (если отождествлять последних с хорасмиями) во времена Ктесия были накануне отпадения от персидского царя и, может быть, уже не входили в число его подданных, когда Ктесий писал свои сочинения[7].

Самой значительной и крупной из восточных сатрапий ко времени Ктесия была Бактрия. Эта сатрапия включала тогда не только собственно бактрийские земли, но также Согдиану и Индию по эту сторону Инда[8]. Ко времени Ктесия, видимо, уже утвердилось правило, чтобы во главе бактрийской сатрапии стоял сын царя с резиденцией в городе Бактрах, причем временами этому царевичу подчинялись и соседние сатрапии[9]. Бактрия нередко становилась опорой мятежных царевичей, выступавших с претензиями на персидский престол. Правда, последнее такое выступление (если считать, что выступал Гистасп, брат царя) имело место, по-видимому, при Артаксерксе I, лет за шестьдесят до Ктесия[10], непосредственно же во время пребывания Ктесия при персидском дворе Бактрия вместе с Персидой, наоборот, служила опорой царю, Артаксерксу II, в борьбе с его братом, Киром Младшим[11].

---

[1] *Пьянков И. В.* Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. Вып. 2. С. 68–79.

[2] *Herrmann.* Massagetai // RE. 1930. Bd XIV, стб. 2128–2129.

[3] Здесь и далее имеется в виду время пребывания Ктесия при дворе Артаксеркса II.

[4] *Ctes.*, fr. 9, § 7, 8.

[5] Ср.: *Herrmann.* Sakai // RE. 1920. Bd 1 (R. 2), стб. 1800–1801.

[6] *Ctes.*, fr. 9, § 3, 4.

[7] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ, 1972. С. 19, 20.

[8] Несколько позже источники прямо указывают на подчинение бактрийскому сатрапу бактрийцев, согдийцев и «индийцев, соседей бактрийцев», см.: Arr., Anab., III, 8, 3.

[9] *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 98–103.

[10] *Ctes.*, fr. 13, § 24, fr. 14, § 35; ср.: *Diod.*, XI, 69, 2; 71, 2.

[11] *Diod.*, XIV, 20, 4–5; ср.: *Plut.*, Artox., VI–VII.

В связи с нашей темой было бы интересно выявить известия, касающиеся, с одной стороны, роли представителей восточных народов в Ахеменидской державе, а с другой — роли эллинского элемента в странах восточных народов.

1.2.1. Представители восточных народов в Ахеменидской державе

Мы не будем давать здесь полной сводки известий на эту тему, а ограничимся лишь тем, что сообщают Ктесий или другие, современные ему античные авторы.

Ктесий, пребывая в Сузах или других центрах Ахеменидской державы, несомненно, встречался с бактрийцами и представителями других, соседних с ними народов. Сохранилась прямая ссылка Ктесия на рассказы бактрийцев и индийцев[1]. Возможно, что Ктесий сам видел того «торговца вразнос» (κάπηλος) из бактрийцев, который показывал фокусы с камнем пантарба[2]. Видел Ктесий и индийцев, в том числе, как он сам говорит, «белых»[3], т. е. обитавших в областях к западу от Инда[4]. Очевидно, это были индийцы, прибывшие ко двору персидского царя[5]. В том, что люди из столь отдаленных областей часто посещали персидскую царскую резиденцию, нет ничего удивительного. Известно, что Сузы были соединены системой дорог с самыми далекими окраинами царства. О дороге «от Эфеса до Бактр и Индии», очевидно, с заходом в Сузы, сообщает сам Ктесий[6]. Это была прекрасно оборудованная дорога со специальными станциями, расположенными через определенное число парасангов. По этой дороге бактрийцы и индийцы и следовали в персидские столицы. Древние документы, найденные в Персеполе, свидетельствуют, что бактрийцы и индийцы значительными группами, иногда в несколько десятков человек, периодически прибывали в Сузы, видимо, в связи с какими-то государственными делами, получая от царских чиновников дорожное довольствие на каждый день пути[7].

Некоторые бактрийцы достигали высокого положения при персидском дворе. Так, Ктесий упоминает некоего Артасира (Ἀρτασύρας), который занимал должность «царского ока» (ὁ βασιλέως ὀφθαλμός) при Артаксерксе II[8]. По-видимому, это тот Артасир, который в других источниках упоминается как отец Оронта

---

[1] *Ctes.*, fr. 45h.

[2] *Ctes.*, fr. 45, § 6. См. комментарий к рассказу о пантарбе: *Muellerus*. Op. cit. P. 87, 88. В ахеменидской Бактрии, по-видимому, были в ходу греческие монеты. Так, в долине Кабула (которая считалась во времена Ктесия частью Бактрии) обнаружен клад ахеменидского времени, в котором имеется много греческих монет V в. до н. э.; между прочим, одна монета клада происходит из Книда — родины Ктесия. См.: *Schlumberger D.* L'argent Grec dans l'empire achéménide // MDAFA. 1953. T. XIV. Pl. I, 15.

[3] *Ctes.*, fr. 45, § 19.

[4] Ср.: Arr., Ind., I, 2.

[5] *Reese W.* Die griechischen Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen. Lpz., 1914. S. 84.

[6] *Ctes.*, fr. 33, § 76. Ср.: *Her.*, V, 52–54.

[7] *Дандамаев М. А.* Новые документы царского хозяйства в Иране (509–494 гг. до н. э.) // ВДИ. 1972. С. 3–27.

[8] *Ctes.*, fr. 20, c. 12, 1–3.

(Ὀρόντης, Ἀροάνδας), «бактрийца родом» (τὸ γένος Βάκτριος), сатрапа Армении и мужа Родогуны (дочь Артаксеркса II)[1].

Ктесий, пребывая в центральных и западных областях Ахеменидской державы, мог видеть и гирканцев. Ксенофонт, современник Ктесия, сообщает, что в его время многие гирканцы жили в Вавилонии, имея там дома и земли; их предки якобы переселились в эту страну еще при Кире[2]. Другие авторы сообщают также о выведении персами гирканских колонистов в Лидию; большая равнина, на которой они поселились, получила название Гирканской[3].

И многие гирканцы занимали влиятельное положение при Персидском дворе. Ксенофонт утверждает даже, что в его времена «гирканцы пользовались доверием и имели власть точно так же, как и те из персов и мидийцев, которые считались достойными [этого]»[4]. Хотя Ксенофонт, как, по-видимому, и Ктесий, возводил этот факт ко времени Кира, объясняя его событиями той эпохи, на самом деле, скорее всего, гирканцы приобрели особое влияние при Дарии II, предшественнике Артаксеркса II. Дарий II до своего воцарения был сатрапом Гиркании[5], и после того, как он вступил на престол, многие его гирканские приближенные, очевидно, последовали за ним в столицу. Могущественные гирканские вельможи при дворе Дария II и Артаксеркса II, надо думать, послужили Ктесию прототипами при создании образов Артасира (Ἀρτασύρας) и Артапана (Ἀρτάπανος), гирканцев, занимавших должность азарабита (ἀζαραβίτης[6], в рукописях ἀζαβαρίτης), или хилиарха, при первых Ахеменидах[7].

Точно так же Ктесий мог сталкиваться и с представителями других восточных народов. Особенно это относится к сакам. Саки, как и другие кочевники Средней Азии, были прекрасными воинами, причем наибольшую славу они приобрели в качестве конных лучников. Как воины саки высоко ценились и были хорошо известны в Ахеменидской державе; их можно было встретить, по-видимому, во всех уголках Ахеменидского государства[8]. Намек на мастерство саков — конных стрелков имеется в одном из фрагментов сочинений Ктесия[9]. Часто упоминает о сакских воинах Ксенофонт. У него описан, например, такой эпизод: персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы; длина беговой дорожки была определена в пять стадиев; когда начались бега, то какой-то молодой сак вырвался вперед и достиг финиша, оставив всех других

[1] FGH. III. P. 483; Puchstein. Artasyras (2) // RE. 1896. Bd II, стб. 1308; *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran, Hft. 1. Göttingen, 1896. S. 63.

[2] *Xen.*, Cyrop., VIII, 4, 28.

[3] *Strab.*, XIII, 4, 13.

[4] *Xen.*, Cyrop., IV, 2, 8.

[5] *Ctes.*, fr. 15, § 47.

[6] О должности азарабита см.: *Ctes.*, fr. 15, § 49; *Marquart.* Untersuchungen... Hft. 1. S. 61.

[7] Сообщения Ктесия об Артасире и Артапане см.: *Ctes.*, fr. 13, § 9. 13, 15, 16, 23, 24, 27, 33, fr. 14, § 34; Nic. Dam., fr. 66, § 46, Jacoby.

[8] Ср.: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия и Ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 156.

[9] *Ctes.*, fr. 45dß.

всадников почти на половине дорожки; персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на «благодарность храброго человека»[1]. Эту историю Ксенофонт рассказывает, повествуя о древнем Кире, но вряд ли можно сомневаться, что в основе ее лежит какая-то сценка, наблюдаемая самим Ксенофонтом.

1.2.2. Греки в восточных областях Ахеменидской державы

Здесь мы также ограничимся лишь обзором указаний античных авторов о пребывании греков в восточных областях Ахеменидской державы.

Имеются указания о том, что греки жили в Бактрии. При Дарии I, лет за сто до Ктесия, персы угрожали восставшим ионийцам, по словам Геродота, переселить их дочерей в Бактры[2]. Поскольку восставшие потерпели поражение, нужно думать, что угроза была приведена в исполнение, — это можно заключить и из слов Геродота. При том же царе часть жителей греческого города Барка в Ливии была обращена в рабство и поселена в Бактрии, в деревне, названной также Баркой и существовавшей, во всяком случае, еще во времена Геродота[3].

Имеются указания и о пребывании греков в Согдиане. При Ксерксе I, лет за восемьдесят до Ктесия, был основан в Согдиане Город Бранхидов. Произошло это так. Когда Ксеркс, совершив неудачный поход в Грецию, возвращался обратно, Бранхиды, жреческий род в греческом городе Милете в Ионии, выдали ему храмовые сокровища, находившиеся в Дидимах близ Милета, и добровольно отправились вслед за персидским царем. Ксеркс отвел им место для поселения в Согдиане, где-то недалеко от реки Окс. Город Бранхидов просуществовал вплоть до походов Александра Македонского, от современников которого до нас и дошли его описания. Город этот описывается как небольшой, окруженный стенами и имевший «священные рощи»; жители его ко времени Александра еще не забыли обычаи предков, но были уже двуязычны[4].

2. ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ФРАГМЕНТОВ СОЧИНЕНИЙ КТЕСИЯ (ТЕКСТ И ПЕРЕВОД)

В настоящее собрание избранных отрывков вошли все те отрывки из фрагментов сочинений Ктесия, в которых упоминается один или несколько восточных народов (или соответствующие им страны и т. д.): бактрийцы, хорамнеи, парфя-

[1] *Xen.*, Cyrop., VIII, 3, 25–26.
[2] *Her.*, VI, 9.
[3] *Her.*, IV, 204.
[4] *Curt.*, VII, 5, 28–35; *Strab.*, XI, 11, 4; XIV, 1, 5; XVII, 1, 43.

не, гирканцы, баркании, дербики, кармании, саки, дирбеи, тапиры, каспии. Эти отрывки мы в большинстве случаев старались дать как целостные, законченные по содержанию сообщения.

При работе над текстами были использованы издания фрагментов сочинений Ктесия, опубликованные в нынешнем и прошлом веке.

За основу было принято следующее издание: *Jacoby F.* Ktesias von Knidos // Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil IIIC. Bd I. Leiden, 1958. S. 416–517. Наряду с ним было использовано издание: *Muellerus C.* Ctesiae Cnidii... fragmenta (приложение к изданию Геродота: *Dindorf W.* P., 1877).

В меньшей мере учитывались издания: *Baehr F.* Ctesiae Cnidii operum reliquiae, Francofurti ad Moenum, 1824; *Borheck A. Chr.* Herodoti Halicarnassei et Ctesiae Cnidii... opera... ed. altera. Lemgoviae, 1808. T. III. P. 295–436.

В отдельных случаях учитывались также издания: *Gilmore J.* The fragments of the Persica of Ktesias. L.–N.Y., 1888, *A. Lion.* Ctesiae Cnidii quae supersunt. Göttingen, 1823.

Мы, к сожалению, не успели воспользоваться последним изданием: *König F. W.* Die Persika des Ktesias von Knidos. Griech. und Deutsch. Graz, 1972.

Кроме того, были использованы издания сочинений авторов, наиболее полно излагавших текст Ктесия, а именно, издания сочинений Диодора и Фотия.

Используя текст Диодора, мы основывались на следующем издании: Diodori Bibliotheca Historica, recogn. *F. Vogel.* Lips., 1888. Vol. I.

Используя текст Фотия, мы учитывали издания: Ctesias. La Perse, l'Inde, les sommaires de Photius, ed., trad. et comment. par *R. Henry.* Bruxelles, 1947; Photius. Bibliothèque, I. Texte établi et trad. par *R. Henry.* P., 1959.

Тексты сопровождаются нашим переводом. Сочинения Ктесия в целом на русский язык не переводились. Перевод (весьма неточный) некоторых отрывков, помещенных в настоящей работе, имеется в хрестоматии: Древние авторы о Средней Азии / Под ред. *Л. В. Баженова.* Ташкент, 1940. С. 26–31, 39.

Несколько слов относительно условных обозначений, применяемых в тексте, переводе и примечаниях. Нумерация фрагментов: номера фрагментов, как и в других частях нашей работы, даны по изданию Якоби (Jacoby): номер фрагмента, стоящий на втором месте и заключенный в скобки, дан по изданию Мюллера (Mueller): прочерк вместо номера означает, что в данном издании фрагмент отсутствует. Sigla: < > — знак включений в текст по Якоби; [ ] — знак наших включений в текст и перевод; ⟦ ⟧ — знак исключений из текста по Якоби; † — знак, отмечающий место в тексте, которое испорчено и не поддается точному восстановлению.

ΠΕΡΣΙΚΑ «История Персии»

§ 1. История Нина и Семирамиды в целом (в кратком изложении Кефалиона, текст которого сохранился у Синкелла и Евсевия)[1]

Fr. (-) (21). *Cephal.*, fr. (1):	Fr. 1a, g (21). *Cephal.*, fr. 1 (1):	
Syncell., p. 167 A: Κεφαλίων… οὕτω φάσκων· «Ἄρχομαι γράφειν ἀφ' ὧν ἄλλοι τε ἐμνημόνευσαν καὶ τὰ πρῶτα Ἑλλάνικός τε ὁ Λέσβιος καὶ Κτησίας ὁ Κνίδιος, ἔπειτα Ἡρόδοτος ὁ Ἁλικαρνασεύς. Τὸ παλαιὸν τῆς Ἀσίας ἐβασίλευσαν Ἀσσύριοι, τῶν δὲ ὁ Βήλου Νίνος.» Εἶτ' ἐπάγει γένεσιν Σεμιράμεως καὶ Ζωροάστρου μάγου ἔτει νβ΄ τῆς Νίνου βασιλείας. Μεθ'ὃν Βαβυλῶνα, φησὶν, ἡ Σεμίραμις ἐτείχισε τρόπον ὡς πολλοῖσι λέλεκται Κτησίᾳ, Ζήνωνι, Ἡροδότῳ καὶ τοῖς μετ'αὐτους· στρατείαν τε αὐτῆς κατὰ τῶν Ἰνδῶν καὶ ἧτταν, καὶ ὅτι τοὺς ἰδίους ἀνεῖλεν υἱοὺς καὶ ὑπὸ Νίνου τῶν παίδων ἑνὸς ἀνῃρέθη τοῦ διαδεξαμένου τὴν ἀρχήν.	*Syncell.*, p. 167 A: Кефалион… так заявляет: «Мы приступаем писать, начиная с тех, [которых и] другие упоминали, и, прежде всего, Гелланик Лесбосский и КТЕСИЙ КНИДСКИЙ, затем Геродот Галикарнасский. В древности над Азией царствовали ассирийцы, из которых был и Нин, [сын] Бела». Затем добавляет о происхождении Семирамиды и Зороастра мага, [о том, что] лет царствования Нина — 52. Вслед за тем, говорит, Семирамида окружила Вавилон стенами таким образом, как многими сказано, КТЕСИЕМ, Зеноном, Геродотом и после них другими; о войне ее против индийцев и поражении и [о том], что собственных сыновей истребила, и что одним из сыновей Нина была убита, который унаследовал власть.	*Euseb.* (Arm.), Chron.:[1] Историк Кефалион «О царстве ассирийцев»: «Я приступаю писать о том, о чем и другие упоминали, прежде всего, Гелланик Лесбосский и КТЕСИЙ КНИДСКИЙ, затем Геродот Галикарнасский. Сначала над Азией господствовали ассирийцы, из которых был Нин Белид, — ему, когда он царствовал, выпали на долю многие дела и великие свершения». Затем добавляет о происхождении Семирамиды; [повествует] также о Зороастре маге, царе БАКТРИЙЦЕВ, и о войне, в которой он был побежден Семирамидой. Наконец, о том, сколько лет правил Нин, а именно, пятьдесят два, а также о его смерти. Затем [говорит] о том, что Семирамида, воцарившись, окружила Вавилон стенами таким образом, как многими было рассказано, а именно: КТЕСИЕМ, Зеноном, Геродотом и после них другими. Далее повествует о походе Семирамиды в Индию, ее поражении и бегстве; конечно, об убийстве сыновей, совершенном ею же самой, так что и она была погублена также сыном Нинием, после того, как процарствовала сорок два года.

§ 2. Завоевания Нина (по Диодору)

Fr. 1 b (2, 5). Diod., II, 2, 1: οὕτω δὲ τῶν πραγμάτων τῷ Νίνῳ προχωρούντων, δεινὴν ἐπιθυμίαν ἔσχε τοῦ καταστρέψασθαι τὴν Ἀσίαν ἅπασαν τὴν ἐντὸς Τανάιδος καὶ Νείλου· ὡς ἐπίπαν γὰρ τοίς εὐτυχοῦσιν ἡ τῶν † πραγμάτων ἐπίρροια τὴν τοῦ πλείονος ἐπιθυμίαν παρίστησι· διόπερ τῆς μὲν Μηδίας σατράπην ἕνα τῶν περὶ αὐτὸν φίλων κατεστησιν, αὐτὸς δ'ἐπήιει τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἔθνη καταστρεφόμενος· καὶ χρονον ἑπτακαιδεκαετῆ καταναλώσας πλὴν Ἰνδῶν καὶ Βακτριανῶν τῶν ἄλλων ἁπάντων κύριος ἐγένετο. (2) τὰς μὲν οὖν καθ'ἕκαστα μάχας ἢ τον ἀριθμὸν ἁπάντων τῶν καταπολεμηθέντων οὐδεὶς τῶν συγγραφέων ἀνέγραψε, τὰ δ'ἐπισημότατα τῶν ἐθνῶν ἀκολούθως Κτησίᾳ τῷ Κνιδίῳ πειρασόμεθα συντομως ἐπιδραμεῖν. (3) κατεστρέψατο μὲν γὰρ τῆς παραθαλαττιου καὶ τῆς συνεχοῦς χώρας τὴν τε Αἴγυπτον καὶ Φοινικην, ἔτι δὲ Κοίλην Συρίαν καὶ Κιλικίαν καὶ Παμφυλίαν καὶ Λυκίαν· πρὸς δὲ ταύταις τήν τε Καρίαν καὶ Φρυγίαν καὶ Μυσίαν καὶ Λυδίαν· προσηγάγετο δὲ τήν τε Τρωιάδα καὶ τὴν ἐφ' Ἑλλησπόντῳ Φρυγίαν καὶ Προποντίδα καὶ Βιθυνίαν καὶ Καππαδοκίαν καὶ τὰ κατὰ τὸν Πόντον ἔθνη βάρβαρα κατοικοῦντα μέχρι Τανάιδος· ἐκυρίευσε δὲ τῆς τε Καδουσίων χώρας καὶ Ταπύρων, ἔτι δ' Ὑρκανίων καὶ Δραγγῶν, πρὸς δὲ τούτοις Δερβίκων καὶ Καρμανίων καὶ Χωρομναίων, ἔτι δὲ Βορκανίων καὶ Παρθυαίων· ἐπῆλθε δὲ καὶ τὴν Περσίδα καὶ τὴν Σουσιανὴν καὶ τὴν καλουμένην Κασπιανήν, εἰς ἣν εἰσιν εἰσβολαὶ στεναὶ παντελῶς, διὸ καὶ προσαγορεύονται Κάσπιαι πύλαι. (4) πολλὰ δὲ καὶ ἄλλα τῶν ἐλαττόνων ἐθνῶν προσηγάγετο, περὶ ὧν μακρὸν ἂν εἴη λέγειν. τῆς δὲ Βακτριανῆς οὔσης δυσεισβόλου καὶ πλήθη μαχίμων ἀνδρῶν ἐχούσης, ἐπειδὴ πολλὰ πονήσας ἄπρακτος ἐγένετο, τὸν μὲν πρὸς Βακτριανοὺς πόλεμον εἰς ἕτερον ἀνεβάλετο καιρὸν, τὰς δὲ δυνάμεις ἀναγαγὼν εἰς τὴν Ἀσσυρίαν, ἐξελέξατο τόπον ἔυθετον εἰς πόλεως κτίσιν.

c. 4, 1: ἐπεὶ δὲ μετὰ τὴν κτίσιν ταύτην ὁ Νίνος ἐστράτευσεν ἐπὶ τὴν Βακτριανήν, ἐν ᾗ Σεμίραμιν ἔγημε τὴν ἐπιφανεστάτην ἁπασῶν τῶν γυναικῶν ὧν παρειλήφαμεν, ἀναγκαῖόν ἐστι περὶ αὐτῆς προειπεῖν, πῶς ἐκ ταπεινῆς τύχης εἰς τηλικαύτην προήχθη δόξαν.

Fr. 1b (2, 5). Diod., II, 2, 1: Когда дела у Нина пошли так удачно, он возымел горячее желание подчинить себе всю Азию между Танаисом и Нилом. Ведь всегда [благоприятное] течение дел внушает счастливым желание иметь большее. Поэтому он поставил сатрапом Мидии одного из своих друзей, а сам отправился в поход, покоряя азиатские народы, и в течение семнадцати лет сделался владыкой всех прочих [народов], кроме индийцев и БАКТРИЙЦЕВ. (2) Отдельные сражения и число всех покоренных не записал ни один писатель, а важнейшие из народов мы постараемся пробежать вкратце, следуя КТЕСИЮ КНИДСКОМУ. (3) [Нин] покорил из приморских и соседних [с ними] областей Египет и Финикию, затем Глубокую Сирию, Киликию, Памфилию и Ликию, кроме того, Карию, Фригию, Мисию и Лидию, подчинил своей власти Троаду, Геллеспонтскую Фригию, Пропонтиду, Вифинию, Каппадокию и припонтийские варварские народы, обитавшие до Танаиса, овладел областью кадусиев, ТАПИРОВ, затем ГИРКАНЦЕВ и дрангов, кроме того, [областями] ДЕРБИКОВ, КАРМАНИЕВ и ХОРОМНЕЕВ, затем БОРКАНИЕВ и ПАРФЯН, прошел также Персиду, Сусиану и так называемую КАСПИАНУ, в которую ведет весьма узкий проход, поэтому и называемый КАСПИЙСКИМИ воротами. (4) Он подчинил себе и многие другие, менее значительные народы, о которых долго было бы говорить. Так как БАКТРИАНА — труднодоступна и имеет множество воинственных мужей, то после многих напрасно перенесенных трудов он отложил войну против БАКТРИЙЦЕВ на другое время. Отведя войска в Ассирию, [Нин] выбрал место, удобное для возведения города [названного по имени царя Нином].

с. 4, 1: После основания города Нин выступил в поход на БАКТРИАНУ, где женился на Семирамиде, знаменитейшей из всех женщин, о которых мы слышали; необходимо сообщить о ней, как из низкого положения она поднялась до столь высокой вершины славы.

§ 3. История Семирамиды в целом (в изложении анонимного автора)

Fr. 1 c (5). Anon., De mul., 1: Σεμίραμις· θυγάτηρ μέν, ὥς φησι Κτησίας, Δερκετοῦς τῆς Συρίας θεοῦ καὶ Σύρου τινός, ἥτις ἐτράφη ὑπὸ Σίμμα, ὄντος ὑπηρέτου τοῦ βασιλέως Νίνου, γαμηθεῖσα δὲ Ὄννεφ, ὑπάρχῳ τινὶ βασιλικῷ, εἶχεν υἱοὺς <β′>. ἑλοῦσα δὲ Βάκτρα μετὰ τοῦ ἀνδρός, ἐπιγνο ὺς Νίνος ἤδη γηραιὸς ὤν, ἐγάμησεν· ἡ δὲ ἐτέκνωσεν ἐξ αὐτοῦ Νινύαν παῖδα μιτὰ δὲ τὸν Νίνου θάνατον ἐτείχισε τὴν Βαβυλῶνα ὀπτῇ πλίνθῳ καὶ ἀσφάλτῳ, καὶ τὸ τοῦ Βήλου ἱερον κατεσκεύασεν. ἐπιβουλευθεῖσα δὲ ὑπὸ τοῦ υἱοῦ Νιν<ύ>ου ἐτελεύτησεν, ἔτη βιώσασα ξ<β>′, βασιλεύσασα ἔτη μβ′.

Fr. 1c (5). *Anon.*, De mul., 1: Семирамида, как говорит КТЕСИЙ, дочь Деркето, сирийской богини, и некоего сирийца, которая была воспитана Симмой, являвшимся слугой царя Нина; выйдя замуж за Оннея, некоего царского вельможу, она имела 2 сыновей. [После этого] с мужем захватила БАКТРЫ; когда об этом узнал Нин, то, хотя был уже стариком, женился на ней, и она имела от него сына Ниния. После смерти Нина [Семирамида] окружила Вавилон стенами из обожженного кирпича и асфальта и воздвигла храм Бела. Наконец, подвергшись козням Ниния, она окончила жизнь в возрасте 62 лет, процарствовав 42 года.

§ 4. Нин и Семирамида в Бактрии (по Диодору и Арнобию)

Fr. 1b (6–8). *Diod.*, II, 5, 3: καθ'ὃν δὴ χρόνον ὁ βασιλεύς, ἐπειδὴ τὰ περὶ τὴν κτισιν τῆς ὁμωνύμου πόλεως συνετέλεσε, στρατεύειν ἐπὶ Βακτριανοὺς ἐπεχείρησεν, εἰδὼς δὲ τά τε πλήθη καὶ τὴν ἀλκὴν τῶν ἀνδρῶν, ἔτι δὲ τὴν χώραν ἔχουσαν πολλοὺς τόπους ἀπροσίτους διὰ τὴν ὀχυρότητα, κατέλεξεν ἐξ ἁπάντων τῶν ὑπ'αὐτὸν ἐθνῶν στρατιωτῶν πλῆθος· ἐπεὶ γὰρ τῆς πρότερον στρατείας ἀποτετευχὼς ἦν, ἔσπευδε πολλαπλασίονι παραγενέσθαι δυνάμει πρὸς τὴν Βακτριανήν. (4) συναχθείσης δὲ τῆς στρατιᾶς πανταχόθεν, ἠριθμήθησαν, ὡς Κτησίας ἐν ταῖς Ἱστορίαις ἀναγέγραφε, πεξῶν μὲν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα μυριάδες, ἱππέων δὲ μιᾷ πλείους τῶν εἴκοσι μυριάδων, ἅρματα δὲ δρεπανηφόρα μικρὸν ἀπολείποντα τῶν μυρίων ἑξακοσίων.
c. 6, 1: ὁ δ'οὖν Νίνος μετὰ τοσαύτης δυνάμεως στρατεύσας εἰς τὴν Βακτριανήν, ἠναγκάζετο — δυσεισβόλων τῶν τόπων καὶ στενῶν ὄντων — κατὰ μέρος ἄγειν τὴν δύναμιν. (2) ἡ γὰρ Βακτριανὴ χώρα πολλαῖς καὶ μεγάλαις οἰκουμένη πόλεσι μίαν μὲν εἶχεν ἐπιφανεστάτην, ἐν ᾗ συνέβαινεν εἶναι καὶ τὰ βασίλεια· αὕτη δ'ἐκαλεῖτο μὲν Βάκτρα, μεγέθει δὲ καὶ τῇ κατὰ τὴν ἀκρόπολιν ὀχυρότητι πολὺ πασῶν διέφερε. βασιλεύων δ'αὐτῆς Ὀξυάρτης κατέγρσαψεν ἅπαντας τοὺς ἐν ἡλικίᾳ στρατείας ὄντας, οἳ τὸν ἀριθμὸν ἠθροίσθησαν εἰς τετταράκοντα μυριάδας. (3) ἀναλαβὼν οὖν τὴν δύναμιν καὶ τοῖς πολεμίοις ἀπαντήσας περὶ τὰς εἰσβολάς, εἵασε μέρος τῆς τοῦ Νίνου στρατιᾶς εἰβαλεῖν· ἐπεὶ δ'ἔδοξεν ἱκανὸν ἀποβεβηκέναι τῶν πολεμίων πλῆθος εἰς τὸ πεδίον, ἐξέταξε τὴν ἰδίαν δύναμιν. γενομένης δὲ μάχης ἰσχυρᾶς, οἱ

Fr. 1b (6–8). *Diod.*, II, 5, 3: около этого же времени царь [Нин], после того, как закончил все то, что имело отношение к сооружению соименного города, начал поход против БАКТРИЙЦЕВ. Но хорошо зная о многочисленности и храбрости [бактрийских] мужей и о том, что область [их] имеет много неприступных, в силу своей укрепленности, мест, он произвел набор множества воинов со всех подвластных ему народов. Учитывая бесплодность попытки предшествующего похода, [Нин] теперь стремился покорить БАКТРИАНУ с много большими силами. (4) Когда войско было собрано отовсюду, было подсчитано, как передает КТЕСИЙ в «Истории», пеших — один миллион семьсот тысяч, конных — двести десять тысяч и серпоносных колесниц — немногим менее десяти тысяч шестисот.
c. 6, 1: Нин, двинувшись с такими силами в поход на БАКТРИАНУ, вынужден был из-за труднодоступности мест и узости проходов [в страну] разделить войско на несколько частей. (2) Область БАКТРИАНЫ, обладая большим числом значительных городов, имела один, наиболее выдающийся, в котором была и столица. Он назывался БАКТРАМИ и выделялся среди всех других [городов] своей величиной и мощностью акрополя. Царствовавший там Оксиарт произвел набор всех тех, кто был в состоянии носить оружие; их число оказалось [равным] четыремстам тысячам. (3) Встав во главе своих войск и выйдя навстречу врагам к проходам, он позволил [одной] части войск Нина пройти через

Βακτριανοὶ τοὺς Ἀσσυρίους τρεψάμενοι καὶ τὸν διωγμὸν μέχρι τῶν ὑπερκειμένων ὀρῶν ποιησάμενοι διέφθειραν τῶν πολεμίων εἰς δέκα μυριάδας. (4) μετὰ δὲ ταῦτα πάσης τῆς δυνάμεως εἰσβαλούσης, κρατούμενοι τοῖς πλήθεοι κατὰ πόλεις ἀπεχώρησαν, ἕκαστοι ταῖς ἰδίαις πατρίσι βοηθήσοντες. τὰς μὲν οὖν ἄλλας ὁ Νίνος ἐχειρώσατο ῥᾳδίως, τὰ δὲ Βάκτρα διά τε τὴν ὀχυρότητα καὶ τὴν ἐν αὐτῇ παρασκευὴν ἠδυνάτει κατὰ κράτος ἑλεῖν. (5) πολυχρονίου δὲ τῆς πολιορκίας γενομένης… (7) παραγενομένη δ'εἰς τὴν Βακτριανὴν καὶ κατασκεψαμένη τὰ περὶ τὴν πολιορκίαν, [Σεμίραμις] ἑώρα κατὰ μὲν τὰ πεδία καὶ τοὺς εὐεφόδους τῶν τόπων προσβολὰς γινομένας, πρὸς δὲ τὴν ἀκρόπολιν οὐδένα προσιόντα διὰ τὴν ὀχυρότητα, καὶ τοὺς ἔνδον ἀπολελοιπότας τὰς ἐνταῦθα φυλακὰς καὶ παρεπιβοηθοῦντας τοῖς ἐπὶ τῶν κάτω τειχῶν κινδυνεύουσι. (8) διόπερ παραλαβοῦσα τῶν στρατιωτῶν τοὺς πετροβατεῖν εἰωθότας καὶ μετὰ τούτων διά τινος χαλεπῆς φάραγγος προσαναβᾶσα, κατελάβετο μέρος τῆς ἀκροπόλεως καὶ τοῖς πολιορκοῦσι τὸ κατὰ τὸ πεδίον τεῖχος ἐσήμηνεν· οἱ δ'ἔνδον ἐπὶ τῇ καταλήψει τῆς ἄκρας καταπλαγέντες ἐξέλιπον τὰ τείχη καὶ τὴν σωτηρίαν ἀπέγνωσαν. (9) τοῦτον δὲ τὸν τρόπον ἁλούσης τῆς πόλεως, ὁ βασιλεύς… c. 7, 1: ὁ δὲ Νίνος τοὺς τε ἐν Βάκτροις παρέλαβε Θησαυρούς, ἔχοντας πολὺν ἄργυρόν τε καὶ χρυσόν, καὶ τὰ κατὰ τὴν Βακτριανὴν καταστήσας ἀπέλυσε τὰς δυνάμεις…	них; и когда он решил, что достаточное количество врагов вышло на равнину, он построил свою армию для битвы. Когда началось *ожесточенное сражение*, БАКТРИЙЦЫ, обратив ассирийцев в бегство и преследуя их вплоть до находившихся за ними гор, убили сто тысяч врагов. (4) Но при [виде] всех вторгшихся войск [бактрийцы], удрученные числом своих врагов, рассеялись по городам, занятые каждый защитой своего отечества. Нин легко овладел [всеми] остальными [городами], БАКТРАМИ же, из-за их неприступности и [произведенных] в них приготовлений, он не смог овладеть силой. (5) Когда осада затянулась на длительное время… (5–6) [Оннес, находившийся при царе Нине в Бактрии, вызывает к себе свою жену Семирамиду]. (7) Когда [Семирамида] прибыла в БАКТРИАНУ и понаблюдала за ведением осады, то заметила, что нападения были направлены только со стороны равнины и к пунктам легкодоступным, но никто не приближался к акрополю из-за [его] неприступности, так что осажденные покинули свои посты [в акрополе] и присоединились к тем, кто *сражался на нижних стенах*. (8) А поэтому, собрав воинов, привычных к лазанью по скалам, она вместе с ними поднялась [на вершину горы] через труднопроходимое ущелье, захватила часть акрополя и подала сигнал [войскам], которые осаждали стены со стороны равнины. Осажденные были потрясены захватом вершины и покинули стены, отчаявшись в своем избавлении. (9) Захватив таким образом город, царь… c. 7, 1: Нин овладел сокровищами БАКТР, которые состояли из большого количества серебра и золота, и после устройства дел в БАКТРИАНЕ распустил свои войска…
Fr. 1f (6). *Arnob.*, Adv. nat., I, 52: age nunc veniat quaeso per igneam zonam magus ab interiore orbe Zoroastres, Hermippo ut adsentiamur auctori Bactrianus et ille conveniat, cuius Ctesias res gestas Historiarum exponit in primo.	Fr. 1f (6). *Arnob.*, Adv. nat., 1, 52: Пусть теперь прибудет, прошу, через огненный пояс из отдаленной земли маг Зороастр, — если мы соглашаемся с свидетельством Гермиппа, — БАКТРИЕЦ, и вместе с ним пусть явится тот, деяния которого описывает КТЕСИЙ в первой книге «Истории».

§ 5. Приготовления Семирамиды в Бактрии к походу в Индию (по Диодору и Плинию)

Fr. 1b (15), *Diod.*, II, 16, 1: ἡ δὲ Σεμίραμις καταστήσασα τὰ τε κατὰ τὴν Αἰθιοπίαν καὶ τὴν Αἴγυπτον ἐπανῆλθε μετὰ τῆς δυνάμεως εἰς Βάκτρα τῆς Ἀσίας. ἔχουσα δὲ δυνάμεις μεγάλας καὶ πολυχρόνιον εἰρήνην ἄγουσα φιλοτίμως ἔσχε πρᾶξαί τι λαμπρὸν κατὰ πόλεμον.
(5) ὁρῶσα δ'αὐτὴν μεγάλων καθ'ὑπερβολὴν προσδεομένην δυνάμεων, ἐξέπεμψεν ἀγγέλος εἰς ἁπάσας τὰς σατραπείας, διακελευσαμένη τοῖς ἐπάρχοις καταγράφειν τῶν νέων τοὺς ἀρίστους, δοῦσα τὸν ἀριθμὸν κατὰ τὰ μεγέθη τῶν ἐθνῶν· προσέταξε δὲ πᾶσι κατασκευάζειν καινὰς πανοπλίας καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασα λαμπρῶς παραγίνεσθαι κεκοσμημένους μετὰ τρίτον ἔτος εἰς Βάκτρα. (6) μετεπέμψατο δὲ καὶ ναυπηγοὺς ἔκ τε Φοινίκης καὶ Συρίας καὶ Κύπρου καὶ ἄλλης τῆς παραθαλαττίου χώρας, οἷς ἄφθονον ὕλην τῆς παραθαλαττίου χώρας, οἷς ἄφθονον ὕλην μεταγαγοῦσα διεκελεύσατο κατασκευάζειν ποτάμια πλοῖα διαιρετά. (7) ὁ γὰρ Ἰνδὸς ποταμός, μέγιστος ὢν τῶν περὶ τοὺς τόπους καὶ τὴν βασιλείαν αὐτῆς ὁρίζων, πολλῶν προσεδεῖτο πλοίων πρός τε τὴν διάβασιν καὶ πρὸς τὸ τοὺς Ἰνδοὺς ἀπὸ τούτων ἀμύνασθαι· περὶ δὲ τὸν ποταμὸν οὐκ οὔσης ὕλης, ἀναγκαῖον ἦν ἐκ τῆς Βακτριανῆς πεζῇ παρακομίζεσθαι τὰ πλοῖα.
c. 17, 1: ἐπεὶ δ'αἵ τε νῆες καὶ τὰ θηρία κατεσκευάσθησαν ἐν τοῖς δυσὶν ἔτεσι, τῷ τρίτῳ μετεπέμψατο τὰς πανταχόθεν δυνάμεις εἰς τὴν Βακτριανήν. τὸ δὲ πλῆθος τῆς ἀθροισθείσης στρατιᾶς ἦν, ὡς Κτησίας ὁ Κνίδιος ἀέγραψε, πεξῶν μὲν τριακόσιαι μιριάδες, ἱππέων δὲ εἴκοσι μυριάδες, ἁρμάτων δὲ δέκα μυριάδες. (2) ὑπῆρχον δὲ καὶ ἄνδρες ἐπὶ καμήλων ὀχούμενοι, μαχαίρας τετραπήχεις ἔχοντες, τὸν ἀριθμὸν ἴσοι τοῖς ἅρμασι. ναῦς δὲ ποταμίας κατεσκέυασε διαιρετὰς δισχιλίας, αἷς παρεσκευάσατο καμήλους τὰς πεζῇ παρακομιζούσας τὰ σκάφη ἐφόρουν δὲ καὶ τὰ τῶν ἐλεφάντων εἴδωλα κάμηλοι, καθότι προείρηται· πρὸς δ' αὐτὰς τοὺς ἵππους οἱ στρατιῶται συνάγοντες συνήθεις ἐποίουν τοῦ μὴ φοβεῖσθαι τὴν ἀγριότητα τῶν θηρίων.

Fr. 1b (15), *Diod.*, II, 16, 1: Семирамида, после устройства дел в Эфиопии и Египте, вновь пришла со своими войсками в БАКТРЫ в Азии. Имея многочисленные войска, но проводя время в длительном мире, она загорелась желанием отличиться каким-нибудь большим военным предприятием. (2) [Семирамида решила начать войну с индийским царем]
(5) Но так как она считала, что [для этого предприятия] она нуждается в особенно больших силах, то она разослала вестников по всем сатрапиям, предписывая правителям произвести набор лучшей молодежи, установив число [воинов от каждой сатрапии] в соответствии с количеством ее населения. И приказала, чтобы все приготовили новые доспехи и, обильно снабженные всем прочим, явились бы на третий год в БАКТРЫ. (6) Она вызвала также кораблестроителей из Финикии, Сирии, Кипра и других приморских областей, предоставила им обильный строительный материал и поручила им построить речные разборные суда. (7) Инд, величайшая река в тех местах, он же и граница ее царства, требовал многих судов как для переправы, так и для того, чтобы можно было отражать от них индийцев. И так как леса не имелось на берегах реки, необходимо было доставлять суда из БАКТРИАНЫ сухим путем. (8–10) [Кроме судов, Семирамида, учитывая преимущества индийцев, имевших боевых слонов, решила соорудить также чучела слонов, чтобы этим устрашить индийцев, убежденных, что только они обладают слонами].
c. 17, 1: Два года было потрачено как на постройку кораблей, так и на изготовление этих [фигур] животных; в течение третьего она объединила все силы в БАКТРИАНЕ. Численность всего собранного воедино войска, как пишет КТЕСИЙ КНИДСКИЙ, была: три миллиона пеших, двести тысяч всадников и сто тысяч боевых колесниц. (2) Кроме того, там были люди верхом на верблюдах и вооруженные мечами длиной в четыре локтя — в количестве, равном [количеству] колесниц. Речных разборных судов было изготовлено две тысячи, и для того, чтобы доставить суда сухим путем, были собраны верблюды. Изображения слонов также везли верблюды, как уже было сказано. К ним воины должны были часто подводить лошадей, чтобы заставить их не бояться дикого [вида] животных.

Fr. 3 (-). Plin., N. H., VII, 207: longa nave Iasonem primum navigasse Philostephanus auctor est; … Ctesias Samiramin…	Fr. 3 (-). Plin., N. H., VII, 207: Филостефан говорит, что первым плавал на длинных судах Ясон… Ктесий — что [первой плавала] Семирамида…
§ 6. Возвращение Семирамиды из Индии в Бактрию (по Диодору)	
Fr. 1b (15). *Diod.*, II, 19, 10: μετὰ δὲ ταῦθ' ὁ μὲν τῶν Ἰνδων βασιλεύς, διοσημείων αὐτῷ γενομένων, καὶ τῶν μάντεων ἀποφαινομένων σημαίνεσθαι τὸν ποταμὸν μὴ διαβαίνειν, ἡσυχίαν ἔσχεν, ἡ δὲ Σεμίραμις ἀλλαγὴν ποιησαμένη τῶν αἰχμαλώτων, ἐπανῆλθεν εἰς Βάκτρα, δύο μέρη τῆς δυνάμεως ἀποβεβληκυῖα. c. 20, 3: Κτησίας μὲν οὖν ὁ Κνίδιος περὶ Σεμιράμιδος τοιαῦθ'ἱστόρηκεν…	Fr. 1b (15). *Diod.*, II, 19, 10: После этого царь Индии, предупрежденный небесными знамениями и ответами прорицателей, не стал переходить Инд и прекратил военные действия. Семирамида же, после обмена пленными, возвратилась в БАКТРЫ, лишившись двух третей своего войска. c. 20, 3: Так рассказывает о Семирамиде КТЕСИЙ КНИДСКИЙ…
§ 7. Участие бактрийцев в разрушении Ассирийского царства (по Диодору)	
Fr. 1b (21). *Diod.*, II, 26, 1: … ἦκέ τις ἀπαγγέλλων διότι δύναμις ἐκ τῆς Βακτριανῆς ἀπεσταλμένη τῷ βασιλεῖ πλησίον ἐστὶ πορευομένη κατὰ σπουδήν. (2) ἔδοξεν οὖν τοῖς περὶ τὸν Ἀρβάκην ἀπαντῆσαι τοῖς στρατηγοῖς τὴν ταχίστην, ἀναλαβόντας τῶν στρατιωτῶν τοὺς κρατίστους καὶ μάλιστ' εὐζώνους, ὅπως ἂν μὴ διὰ τῶν λόγων τοὺς Βακτριανοὺς δύνωνται πεῖσαι συναποστῆναι, τοῖς ὅπλοις βιάσωνται μετασχεῖν τῶν αὐτῶν ἐλπίδων. (3) τέλος δὲ πρὸς τὴν ἐλευθερίαν ἀσμένως ὑπακουσάντων τὸ μὲν πρῶτον τῶν ἡγεμόνων, ἔπειτα <δὲ> καὶ τῆς ὅλης δυνάμεως, πάντες ἐν ταὐτῷ κατεστρατοπέδευσαν. (4) ὅτε δὴ συνέβη τὸν βασιλέα τῶν Ἀσσυρίων τὴν μὲν ἀπόστασιν τῶν Βακτριανῶν ἀγνοοῦντα, ταῖς δὲ προγεγενημέναις εὐημερίαις μετεωρισθέντα, τραπῆναι πρὸς ἄνεσιν…	Fr. 1b (21). *Diod.*, II, 26, 1: [Против последнего ассирийского царя, Сарданапала, восстал мидиец Арбак со своими союзниками. К повстанцам] прибыл вестник с сообщением, что войско, посланное из БАКТРИАНЫ, к [ассирийскому] царю, находится поблизости, двигаясь со всей поспешностью. (2) Арбак, узнав об этом, решил быстро пойти навстречу [бактрийским] полководцам, отобрав из воинов наилучших и самых легковооруженных, с тем чтобы если не удастся словами склонить БАКТРИЙЦЕВ к отпадению, то заставить их силой оружия присоединиться к замыслам повстанцев. (3) Наконец, к [обещаниям] свободы охотно прислушались сначала вожди, а затем и остальное войско, и все соединились в одном лагере. (4) Тогда же случилось, что ассирийский царь, еще не зная об отпадении БАКТРИЙЦЕВ и возгордившись предшествующими удачами, впал в праздность… (4–5) [ассирийский лагерь, погруженный в пьяный разгул, оказался беззащитным перед войсками Арбака. Арбак и его союзники одерживают победу].
§ 8. История Заринеи (в изложении Диодора)	
Fr. 5 (25). *Diod.*, II, 34, 1: τῶν δὲ Μήδων βασιλεῦσαι μετὰ τὴν Ἀρταίου τελευτὴν Ἀρτύνην μὲν ἔτη δύο πρὸς τοῖς εἴκοσι, Ἀστυβάραν δὲ τετταράκοντα. ἐπὶ δὲ τούτου Πάρθους ἀποστάντας Μήδων Σάκαις τήν τε χώραν καὶ τὴν πόλιν ἐγχειρίσαι. (2) διόπερ συστάντος πολέμου	Fr. 5 (25). *Diod.*, II, 34, 1: [Ктесий рассказывает], что после смерти Артея над мидийцами царствовал Артин двадцать два года, а Астибар — сорок. При этом [последнем] ПАРФЯНЕ, отложившись от мидийцев, передали [свою] область и город САКАМ. (2) Поэтому между САКАМИ и ми-

τοῖς Σάκαις πρὸς Μήδους ἐπ' ἔτη πλείω, γενέσθαι τε μάχας οὐκ ὀλίγας, καὶ συχνῶν παρ' ἀμφοτέροις ἀναιρεθέντων, τὸ τελευταῖον εἰρήνην αὐτοὺς ἐπὶ τοῖσδε συνθέσθαι· Πάρθους μὲν ὑπὸ Μήδους τετάχθαι, τῶν δὲ προυπαρχότων ἑκατέρους κυριεύσαντας φίλους εἶναι καὶ συμμάχους ἀλλήλοις εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον. (3) βασιλεῦσαι δὲ τότε τῶν Σακῶν γυναῖκα τὰ κατὰ πόλεμον ἐζηλωκυῖαν καὶ τόλμῃ τε καὶ πράξει πολὺ διαφέρουσαν τῶν ἐν Σάκαις γυναικῶν, ὄνομα Ζαριναίαν· καθόλου μὲν οὖν τὸ ἔθνος τοῦτο γυναῖκας ἀλκίμους ἔχειν καὶ κοινωνούσας τοῖς ἀνδράσι τῶν ἐν τοῖς πολέμοις κυνδύνων, ταύτην δὲ λέγεται τῷ τε κάλλει γενέσθαι πασῶν ἐκπρεπεστάτην καὶ ταῖς ἐπιβολαῖς καὶ τοῖς κατὰ μέρος ἐγχειρήμασι θαυμαστήν. (4) τῶν μὲν γὰρ πλησιοχώρων βαρβάρων τοὺς ἐπηρμένους τῷ θράσει καὶ καταδουλουμένους τὸ ἔθνος τῶν Σακῶν καταπολεμῆσαι, τῆς δὲ χώρας πολλὴν ἐξημερῶσαι, καὶ πόλεις οὐκ ὀλίγας κτίσαι, καὶ τὸ σύνολον εὐδαιμονέστερον τὸν βίον τῶν ὁμοεθνῶν ποιῆσαι. (5) διὸ καὶ τοὺς ἐγχωρίους μετὰ τὴν τελευτὴν αὐτῆς χάριν ἀποδιδόντας τῶν εὐεργεσιῶν καὶ τῆς ἀρετῆς μνημονεύοντας, τάφον οἰκοδομῆσαι πολὺ τῶν ὄντων παρ' αὐτοῖς ὑπερέχοντα· ὑποστησαμένους γὰρ πυραμίδα τρίγωνον, τριῶν μὲν σταδίων ἑκάστην πλευρὰν αὐτῆς κατασκευάσαι τὸ μῆκος, τὸ δ' ὕψος σταδιαῖον, εἰς ὀξὺ συνηγμένης τῆς κορυφῆς· ἐπιστῆσαι δὲ τῷ τάφῳ καὶ χρυσῆν εἰκόνα κολοττικήν, καὶ τιμὰς ἡρωικὰς ἀπονεῖμαι, καὶ τἆλλα πάντα μεγαλοπρεπέστερα ποιεῖν τῶν τοῖς προγόνοις αὐτῆς συγχωρηθέντων.	дийцами вспыхнула война на много лет и произошло немалое число битв; наконец, после больших потерь с обеих сторон, они заключают мир на таких [условиях], чтобы ПАРФЯНЕ подчинялись мидийцам и каждый владел бы тем, чем ранее владел, и чтобы быть [им] друзьями и военными союзниками на вечные времена. (3) Над САКАМИ тогда царствовала женщина по имени Заринея, приверженная к военным делам и смелостью и предприимчивостью намного превосходившая [других] САКСКИХ женщин. Народ этот вообще имеет женщин отважных и совместно с мужьями участвующих в военных опасностях, но она, говорят, выделялась среди всех красотой, и как в [своих] намерениях, так и в делах, была удивительна. (4) Ибо она покорила тех из пограничных варваров, которые возгордились своей храбростью и порабощали народ САКОВ, привела большую часть страны в более возделанный вид, основала немалые города и вообще создала своему народу много более счастливую жизнь. (5) И поэтому после ее смерти соотечественники, чтобы воздать [ей] благодарность за благодеяния и сохранить память о [ее] доблести, соорудили [для нее] гробницу, намного превосходящую все другие, которые были у них [до этого]. Взяв за основание треугольную пирамиду, придали каждой стороне по три стадии в длину, в высоту же [одну] стадию — до сходящейся острым углом вершины. Над гробницей возвели ее колоссальную золотую статую, воздали героические почести и всякие другие, более пышные, чем те, которые были оказаны ее предкам.

§ 9. Война саков с мидийцами (по анонимному автору)

Fr. 7 (26). *Anon.*, De mul., 2: Ζαρινάία· αὕτη τελευτήσαντος τοῦ προτέρου ἀνδρὸς αὐτῆς καὶ ἀδελφοῦ Κυδραίου, Σακῶν βασιλέως, ἐγαμήθη Μερμέρῳ τῆς Παρθυαίων χώρας δυνάστη. τοῦ δὲ Περσῶν βασιλέως ἐπιστρατεύσαντος, πολεμοῦσα καὶ τρωθεῖσα ἔφυγε· διωχθεῖσα δὲ ὑπὸ Στρυαγγείου ἱκετεύουσα διεσώθη. μετ' οὐ πολὺ δὲ ὑποχείριον αὐτὸν ὁ ἀνὴρ αὐτῆς λαβὼν ἐβούλετο ἀνελεῖν· ἡ δὲ δεομένη σώζειν καὶ μὴ πειθουσα, λύσασά τινας τῶν ἑαλωκότων σὺν αὐτοῖς τὸν Μέρμερον ἀνεῖλε, καὶ παραδοῦσα τῷ Πέρσῃ τὴν χώραν φιλίαν ἐποιήσατο πρὸς αὐτόν, ὡς ἱστορεῖ Κτησίας.	Fr. 7 (26). *Anon.*, De mul., 2: Заринея. Она, когда умер ее первый муж и брат Кидрей, царь САКОВ, вышла замуж за Мермера, диаста области ПАРФИЕЕВ. Когда царь персов пошел войной [на них, Заринея], сражаясь и будучи ранена, бежала; преследуемая же Стриангеем, умоляла [о пощаде и] была спасена [им]. Немного спустя ее муж, захватив [Стриангея] в плен, решил убить [его]; она же, упрашивая пощадить [его] и не убедив [в этом], освободила некоторых из пленников, убила вместе с ними Мермера и, передав персидскому [царю] область, установила с ним дружбу, как повествует КТЕСИЙ.

§ 10. Заринея и Стриангей (по Деметрию, Цецу и отрывку из Оксиринхского папируса)	
Fr. 8a (27). *Demetr.*, De eloc., 213: Στρυαγγαῖός τις, ἀνὴρ Μῆδος, γυναῖκα Σακίδα καταβαλὼν ἀπὸ τοῦ ἵππου· «μάχονται γὰρ δὴ αἱ γυναῖκες ἐν Σάκαις ὥσπερ αἱ Ἀμαζόνες»· θεασάμενος δὴ τὴν Σακίδα εὐπρεπῆ καὶ ὡραίαν, μεθῆκεν ἀποσώζεσθαι. μετὰ δὲ τοῦτο σπονδῶν γενομένων, ἐρασθεὶς τῆς γυναικὸς ἀπετύγχανεν. ἐδέδοκτο μὲν αὐτῷ ἀποκαρτερεῖν, γράφει δὲ πρότερον ἐπιστολὴν τῇ γυναικὶ μεμφόμενος τοιάνδε· «ἐγὼ μὲν σὲ ἔσωσα, καὶ σὺ μὲν δι'ἐμὲ ἐσώθης, ἐγὼ δὲ διὰ σὲ ἀπωλόμην».	Fr. 8a (27). *Demetr.*, De eloc., 213: Некий Стриангей, мидиец, сбросил с лошади САКСКУЮ женщину. «У САКОВ ведь женщины сражаются как амазонки». Увидев САКСКУЮ женщину, прекрасную и в цветущем возрасте, он отпустил ее невредимой. Но после заключения мира, страстно влюбленный в женщину, потерпел неудачу. Он решил умереть голодной смертью. Однако прежде пишет этой женщине такое письмо, в котором жалуется: «Ведь я тебя спас, ты спасена благодаря мне, я же из-за тебя погиб».
Fr.-(28). *Tzetz.*, Chil., XII, 893–898: [Σάκαι], αἱ γυναῖκες τούτων δὲ συμμαχονται ἀνδράσιν, /ὡς καὶ Κτησίας εἴρηκε καὶ ἕτεροι μυρίοι· / αἱ τῶν Σακῶν γυναῖκες δὲ μάχονται δὴ ἀφ' ἵππων·/καὶ πάλιν δὲ Στρυάλιος, ἀνήρ τις ἐκ τῶν Μήδων, / γυναῖκα τῶν Σακίδων μὲν καταβαλὼν ἐξ ἵππου.	Fr. (28). *Tzetz.*, Chil., XII, 893–898: [саыки], у которых женщины сражаются совместно с мужчинами, как говорит КТЕСИЙ, а также многие другие; женщины САКОВ [умело] сражаются на лошадях, однако Стриалий, некий мидийский муж, именно САКСКУЮ женщину сбросил с лошади.
Fr. 8b (-). P. Ox., 2330. S. 11[P]: … 'Στρυαγ/[6] γαῖος Ζαρε[ιεν]αίαι οὕτω λέγει· /[7] ἐγὼ μὲν σὲ ἔσωσα, καὶ σὺ δι' ἐ /[8] μὲ ἐσ[ώ]θης, ἐγὼ δὲ διὰ σὲ ἀ/[9] πω[λ]ομην…	Fr. 8b (-). P. Ox., 2330, S. 11[P]: [Стриангей в письме к Заринее пишет]: Стриангей Зарейенее так говорит: ведь я тебя спас, ты спасена благодаря мне, я же из-за тебя погиб» (далее излагаются жалобы Стриангея на свою судьбу].
§ 11. Кир назначает Астиага правителем барканиев (по Цецу)	
Fr. 9a (31). *Tzetz.*, Chil., I, 87–88: τὸν Ἀστυάγη μέν φησι καταβληθέντα Κύρῳ / τῶν Βαρκανίων ἄρχοντα γενέσθαι παρὰ τούτου.	Fr. 9a (31). *Tzetz.*, Chil., I, 87–88: [Ктесий] говорит, что Астиаг, свергнутый Киром, был назначен им правителем БАРКАНИЕВ.
§ 12. Война Кира с бактрийцами (по Фотию)	
Fr. 9 (29). *Phot.*, § 2: καὶ ὅτι πρὸς Βακτρίους ἐπολέμησε, καὶ αγχώμαλος ἡ μάχη ἐγένετο· ἐπεὶ δὲ Βάκτριοι Ἀστυίγαν μὲν πατέρα Κύρου γεγενημένον, Ἄμυτιν δὲ μητέρα καὶ γυναῖκα ἔμαθον, ἑαυτοὺς ἑκόντες Ἄμυτι καὶ Κύρῳ παρέδοσαν.	Fr. 9 (29). *Phot.*, § 2: [Ктесий говорит], что [Кир] воевал с БАКТРИЙЦАМИ, и битва не дала перевеса какой-либо из сторон. Но после того, как БАКТРИЙЦЫ узнали, что Астииг был признан отцом Кира, Амитида же — матерью и женой [его], они добровольно подчинились Амитиде и Киру.
§ 13. Война Кира с саками (по Фотию)	
Fr. 9 (29). *Phot.*, § 3: καὶ ὅτι πρὸς Σάκας ἐπολέμησε Κῦρος, καὶ συνέλαβεν Ἀμόργην τὸν Σακῶν μὲν βασιλέα, ἄνδρα δὲ Σπαρέθρης, ἥτις καὶ μετὰ τὴν ἅλωσιν τοῦ ἀνδρὸς στρατὸν	Fr. 9 (29). *Phot.*, § 3: [Ктесий говорит], что Кир воевал с САКАМИ и взял в плен Аморга, царя САКОВ, мужа Спаретры, которая после пленения мужа собрала войско и устремилась на вой-

συλλέξασα ἱπολέμησε Κυρῳ, ἀνδρῶν μὲν στράτευμα τριάκοντα μυριάδας ἐπαγομένη, γυναικῶν δὲ εἴκοσι· καὶ νικᾷ Κῦρον, καὶ συλλαμβάνει ζωγρίαν μετὰ καὶ ἄλλων πλείστων Παρμίσην τε τὸν Ἀμύτιος ἀδελφὸν καὶ τρεῖς αὐτοῦ παῖδας· δι'οὓς ὕστερον καὶ Ἀμόργης ἠφέθη, ἐπεὶ κἀκεῖνοι ἠφέθησαν (§ 4) καὶ ὅτι στρατεύει Κῦρος ἐπὶ Κροῖσον καὶ πόλιν Σάρδεις, συνεργὸν ἔχων Ἀμόργην…	цну с Киром, выведя в бой триста тысяч мужчин и двести тысяч женщин. Она победила Кира и взяла в плен помимо многих других Пармиса, брата Амитиды, и трех его сыновей. Поэтому, чтобы они были освобождены, освободили и Аморга. (§ 4). [Ктесий продолжает], что [затем] Кир двинулся на Креза и город Сарды, имея помощь Аморга…
§ 14. Гибель Астиага на пути от баркaниев к Киру (по Фотию и Цецу)	
Fr. 9 (29). *Phot.*, § 6: ἔτι διαλαμβάνει ὡς ἀποστέλλει Κῦρος ἐν Περσίδι Πετησάκαν τὸν εὐνοῦχον, μέγα παρ'αὐτῷ δυνάμενον, ἑνέγκαι ἀπὸ Βαρκανίων Ἀστυίγαν· ἐπὸθει γὰρ αὐτός τε καὶ ἡ θυγάτηρ Ἄμυτις τὸν πατέρα ἰδεῖν· καὶ ὡς Οἰβάρας βουλεύει Πετησάκᾳ ἐν ἐρήμῳ τόπῳ καταλιπόντα Ἀστυίγαν λιμῷ καὶ δίψει ἀπολέσαι· ὃ καὶ γέγονε· δι'ἐνυπνίων δὲ τοῦ μιάσματος μηνυθέντος, Πετησάκας πολλάκις αἰτησαμένης Ἀμύτιος εἰς τιμωρίαν παρὰ Κύρου ἐκδίδοται· ἡ δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐξορύξασα καὶ τὸ δέρμα περιδείρασα ἀνεσταύρισεν. Οἰβάρας δὲ δεδιὼς μὴ τὰ ὅμοια πείσεται, καίτοι Κύρου μηδὲν τοιοῦτον ἰσχυριζομένου παραχωρῆσαι, αὐτὸς μὲν ἀποκαρτερήσας δι'ἡμερῶν δέκα ἑαυτὸν ἐξήγαγεν· Ἀστυίγας δὲ μεγαλοπρεπῶς ἐτάφη· καὶ ἐν τῇ ἐρήμῃ δὲ ἄβρωτος αὐτοῦ διέμεινεν ὁ νεκρός· λέοντες γὰρ αὐτοῦ (φησίν), μέχρι Πετησάκαν πάλιν ἐλθεῖν καὶ ἀναλαβεῖν, ἐφύλαττον τὸν νεκρόν.	Fr. 9 (29). *Phot.*, § 6: [Ктесий] также рассказывает, как Кир в Персиде послал евнуха Петесака, который пользовался у него наибольшим влиянием, привести Астиига от БАРКАНИЕВ, потому что и сам он, и дочь [Астиига] Амитида хотели увидеть отца; как Ойбар посоветовал Петесаку, чтобы он, оставив Астиига в пустынном месте, обрек бы его на смерть от голода и жажды, что и было сделано. Но когда злодеяние благодаря сновидениям раскрылось, Петесак был передан Киром для наказания Амитиде, неоднократно требовавшей этого. Она вырвала у него глаза, содрала кожу и пригвоздила [его] к кресту. Ойбар, боясь, как бы и ему не понести то же наказание, — хотя Кир и утверждал, что ничего подобного не допустит, — лишил себя жизни, голодая десять дней. Астииг же был пышно погребен; труп его в пустыне оставался нетронутым, ибо львы, как рассказывает [Ктесий], сторожили тело, [дожидаясь], когда Петесак вернется и заберет его.
Fr.-(31). *Tzetz.*, Chil., I, 93–100: μετὰ τὴν αἰχμαλώτισιν, φάσκει δὲ τὴν τοῦ Κροίσου, / πρὸς Ἀστυάγη πέπομφεν ὁ Κῦρος Πετησάκαν, / ὅπως ἐλθὼν τὴν Ἄμυτιν ἴδῃ σὺν Ἀστυάγει,/ Ἡ Ἄμυτις ὑπάρχουσα δὲ παῖς τοῦ Ἀστυάγους / τοῦτον τὸν πρωτοεύνουχον, ἄθλιον Πετησάκαν, / ἐπίβουλον νοήσασα τούτου τοῦ Ἀστυάγους, / τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐξώρυξεν, ἐκδείρασά τε ζῶντα, ἀ νεσκολόπησε σταυρῷ, θεῖσα βορὰν ὀρνέοις.	Fr.-(31). *Tzetz.*, Chil., I, 93–100: [Ктесий] говорит, что после пленения Креза Кир послал к Астиагу Петесака, чтобы Астиаг посетил Амитиду и она повидалась бы с ним. Амитида же, дочь Астиага, этому первому евнуху, несчастному Петесаку, когда узнала [в нем] того, кто строил козни против Астиага, вырвала глаза и, ободрав живьем, подвесила [его] к кресту, оставив на съедение птицам.
§ 15: Описание каспиев (по Аполлонию и Элиану)	
Fr. 10a (35). *Apollon.*, Hist. mir., XX: Κτησίας δὲ ἐν τῇ δεκάτῃ Περσικῶν καμήλους τινὰς ἐν τῇ <Κασπίᾳ> χώρᾳ γίγνεσθαι, ἃς ἔχειν τρίχας πρὸς Μιλήσια ἔρια τῇ μαλακότητι, ἐκ δὲ τούτων τοὺς ἱερεῖς καὶ τοὺς ἄλλους δυνάστας τὰς ἐσθῆτας φέρειν.	Fr. 10a (35). *Apollon.*, Hist. mir., XX: КТЕСИЙ в десятой [книге] «История Персии» [пишет], что в КАСПИЙСКОЙ области водятся какие-то верблюды, которые имеют шерсть, [похожую] по мягкости на милетскую, и что одежду из нее носят жрецы и другие знатные.

Fr. 10b (35). *Aellian.*, N. A., XVII, 34: αἶγες δὲ Κάσπιαι γίνονται λευκαὶ ἰσχυρῶς, [καὶ] κεράτων δὲ ἄγονοι, μικραὶ τὸ μέγεθος καὶ σιμαί. κάμηλοι δ'ἀριθμοῦ πλείους, αἱ μέγισται κατὰ τοὺς ἵππους τοὺς μεγίστους, εὔτριχες ἄγαν· ἁπαλαὶ γάρ εἰσι σφόδρα αἱ τούτων τριχες, ὡς καὶ τοῖς Μιλησίοις ἐρίοις ἀντικρίνεθαι τὴν μαλακότητα. οὐκοῦν ἐκ τούτων οἱ ἱερεῖς ἐσθῆτας ἀμφιέννυνται καὶ οἱ τῶν Κασπίων πλουσιώτατοί τε καὶ δυνατώτατοι.	Fr. 10b (35). *Aellian.*, N. A., XVII, 34: КАСПИЙСКИЕ козы очень белы, не имеют рогов, малы ростом и тупоносы. Верблюдов большое количество, крупнейшие [из них величиной] с самых больших лошадей, шерсть [они] имеют необычайно хорошую. Шерсть их очень нежна, так что по мягкости не уступает милетской шерсти. Одежду из нее надевают жрецы и самые богатые и влиятельные из КАСПИЕВ.
§ 16. Описание дирбеев (по Стефану Византийскому)	
Fr. 11 (33). *Steph. Byz.*, s. v. Δυρβαῖοι· ἔθνος καθῆκον εἰς Βάκτρους καὶ τὴν Ἰνδικήν.Κτησίας ἐν Περσικῶν ι'· «χώρα δὲ πρὸς νότον πρόσκειται Δυρβαῖοι, <πρὸς τὴν Βακτρίαν καὶ Ἰνδικὴν κατατείνοντες>. οὗτοι εὐδαίμονες ἄνδρες καὶ πλούσιοι καὶ κάρτα δίκαιοί εἰσι [πρὸς τὴν Βακτρίαν καὶ Ἰνδικὴν κατατείνοντες]·.οὗτοι οὔτε ἀδικοῦσιν οὔτε ἀποκτεννύουσιν ἀνθρώπων οὐδένα· ἐὰν δέ τι εὕρωσι ἐν τῇ ὁδῷ χρυσίον ἢ ἱμάτιον ἢ ἀργύριον ἢ ἄλλο τι, οὐδὲν ἀποκινήσειαν. οὗτοι οὔτε ἀρτοποιέουσιν οὔτ' ἐσθίουσιν οὔτε νομίζουσιν ** ἐὰν μὴ ἱερῶν οὕνεκεν. ἄλφιτα δὲ ποιοῦσι λεπτότερα καθάπερ οἱ Ἕλληνες· καὶ ἐσθίουσι μάζας ποῶν.»	Fr. 11 (33). *Steph. Byz.*: ДИРБЕИ. Народ, простирался до БАКТРИЙЦЕВ и Индии. КТЕСИЙ в 10-й [книге] «Истории Персии» [пишет]: «Область обращена к югу; [ее занимают] ДИРБЕИ, простираясь вплоть до БАКТРИИ и Индии. Это счастливые, богатые и весьма справедливые люди. Они не обижают и не убивают никого из людей. Если они найдут что-нибудь на дороге: золото, одежду, серебро или что другое — ничего не подберут. Они и не приготовляют хлеб, и не едят [его], и не имеют обычая [ничего делать], если [это делается] не ради посвящений богам. Они изготовляют хорошо обмолоченную ячменную муку, как эллины, и едят ячменные лепешки».
§ 17. Описание хорамнеев (по Стефану Византийскому)	
Fr. 12 (34). *Steph. Byz.*, s. v. Χωραμναῖοι· ἔθνος Περσικὸν ἀγρίων ἀνθρώπων. Κτησίας ἐν Περσικῶν ι'· «οὗτω δὲ ταχύς ἐστιν ὁ ἄγριος ἄνθρωπος, ὡς καὶ διώκων τὰς ἐλάφους' καταλαμβάνειν.» καὶ ἄλλα πλεῖστα περὶ αὐτῶν φησιν.	Fr. 12 (34). *Steph. Byz.* ХОРАМНЕИ. Персидский народ диких людей. КТЕСИЙ в 10-й [книге] «Истории Персии» [пишет]: «Дикий человек настолько быстр, что и оленей преследуя, настигает их». И многое другое о них говорит.
§ 18. Поход Кира на дербиков Раздел Киром своего царства (по Фотию)	
Fr. 43 (36). *Steph. Byz.*, s. v. Δερβίκκαι· ἔθνος πλησίον τῶν Ὑρκανῶν… Κτησίας δὲ Δερβίους (?) αὐτούς φησιν ἢ Τερβισσούς.	Fr. 43 (36). *Steph. Byz.* ДЕРБИККИ. Народ близ ГИРКАНЦЕВ… КТЕСИЙ же называет их ДЕРБИЯМИ или ТЕРБИССАМИ.
Fr. 9 (29). *Phot.*, § 7: Κῦρος δὲ στρατεύει ἐπὶ Δέρβικας, Ἀμοραίου βασιλεύοντος αὐτῶν. καὶ ἐξ ἐνέδρας οἱ Δέρβικες ἱστῶσιν ἐλέφαντας, καὶ τοὺς ἱππεῖς Κύρου τρέπουσι. καὶ πίπτει καὶ αὐτὸς Κῦρος ἐκ τοῦ ἵππου, καὶ Ἰνδὸς ἀνήρ — συνεμάχουν γὰρ καὶ Ἰνδοὶ τοῖς Δερβίκεσιν, ἐξ ὧν καὶ τοὺς ἐλέφαντας ἔφερον — οὗτος ὁ Ἰνδὸς	Fr. 9 (29). *Phot.*, § 7: Кир предпринял поход на ДЕРБИКОВ, царем которых был Аморей. ДЕРБИКИ вывели из засады слонов, и всадники Кира обратились в бегство. Сам Кир упал с лошади, и некий индиец — ведь индийцы воевали совместно с ДЕРБИКАМИ, от них были получены и слоны, — ранил упавшего Кира дроти-

πεπτωκότα Κῦρον βάλλει ἀκοντίῳ ὑπὸ τὸ ἰσχίον εἰς τὸν μηρόν· ἐξ οὗ καὶ τελευτᾷ. τότε δὲ ζῶντα ἀνελόμενοι αὐτὸν οἱ οἰκεῖοι ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἤισαν. ἀπέθανον δὲ ἐν τῇ μάχῃ καὶ Περσῶν πολλοὶ καὶ Δερβίκων ἴσοι· μύριοι γὰρ καὶ αὐτοί. Ἀμόργης δὲ περὶ Κύρου ἀκούσας σπουδῇ παραγίνεται, ἔχων Σακῶν δισμυρίους ἱππέας· καὶ πολέμου συρραγέντος Περσῶν καὶ Δερβίκων, νικᾷ κατὰ κράτος ὁ Περσικὸς καὶ Σακῶν στρατός, ἀναιρεῖται δὲ καὶ ὁ τῶν Δερβίκων βασιλεὺς Ἀμοραῖος καὶ αὐτὸς καὶ οἱ δύο παῖδες αὐτοῦ. ἀπέθανον δὲ Δερβίκων μὲν τρισμύριοι, Περσῶν δὲ ἑνακισχίλιοι· καὶ προσεχώρησεν ἡ χώρα Κύρῳ. (§ 8) Κῦρος δὲ μέλλων τελευτᾶν Καμβύσην μὲν τὸν πρῶτον υἱὸν βασιλέα καθίστη, Τανυοξάρκην δὲ τὸν νεώτερον ἐπέστησε δεσπότην Βακτρίων † καὶ τῆς χώρας καὶ Χωραμνίων καὶ Παρθίων καὶ Καρμανίων, ἀτελεῖς ἔχειν τὰς χώρας διορισάμενος. τῶν δὲ Σπιτάμα παίδων Σπιτάκην μὲν Δερβίκων ἀπέδειξε σατράπην, Μεγαβέρνην δὲ Βαρκανίων· τῇ μητρὶ δὲ πάντα πείθεσθαι προσέταττεν. καὶ Ἀμόργην φίλον τούτοις τῶν δεξιῶν ἐμβαλλομένων ἐποιεῖτο [καὶ ἀλλήλοις], καὶ τοῖς μὲν ἐμμένουσι ταῖς πρὸς ἀλλήλους εὐνοίαις ἀγαθὰ ἠύχετο, ἐπηρᾶτο δὲ τοῖς χειρῶν ἄρξουσιν ἀδίκων. ταῦτα εἶπας, ἐτελεύτησε τριτῃ ὕστερον ἀπὸ τοῦ τραύματος ἡμέραι, βασιλεύσας ἔτη λ′. ἐν οἷς <τελευτᾷ> ὁ ια′ Κτησίου λόγος τοῦ Κνιδίου.	ком в бедро под таз. От этой раны он [потом] и умер. Его, еще живого, близкие перенесли в лагерь. В этой битве было убито много персов и столько же ДЕРБИКОВ. С той и другой стороны [погибло] по десять тысяч. Аморг, когда услыхал о Кире, поспешно прибыл, ведя с собой двадцать тысяч САКСКИХ всадников. Когда персы и ДЕРБИКИ [вновь] столкнулись в битве, то персидское и САКСКОЕ войско, [собрав] все силы, победило; был убит и сам Аморей, царь ДЕРБИКОВ, и два его сына. ДЕРБИКОВ погибло тридцать тысяч, персов — девять тысяч. Страна эта была подчинена Киру. (§ 8) Кир, уже умирая, старшего сына Камбиса поставил царем, а Таниоксарка, младшего, сделал владетелем БАКТРИЙЦЕВ и [их] страны, ХОРАМНИЕВ, ПАРФЯН и КАРМАНИЕВ, условивши, что он эти области будет держать свободными от налогов. Одного из сыновей Спитама, Спитака, он назначил сатрапом ДЕРБИКОВ, а другого, Мегаберна, — [сатрапом] БАРКАНИЕВ. Он предписал им во всем подчиняться матери, а также подать правую руку друг другу и Аморгу в знак дружбы. Тем, кто будет пребывать во взаимной доброжелательности, он пожелал счастья и проклял тех, которые первыми нанесут обиду [другим]. Сказав это, он умер, — на третий день после того, как была получена рана, — процарствовав тридцать лет. На этом и кончается 11-я книга КТЕСИЯ КНИДСКОГО.
Fr. 13 (29). *Phot.*, § 9: ἄρχεται δὲ ὁ ιβ′ ἀπὸ τῆς Καμβύσου βασιλείας. οὗτος βασιλεύσας ἀπέστειλε τὸν τοῦ πατρὸς νεκρὸν διὰ Βαγαπάτου τοῦ εὐνούχου εἰς Πέρσας ταφῆναι, καὶ τἄλλα, ὡς ὁ πατὴρ ὥρισεν, διῳκήσατο. μέγιστον δὲ παρ'αὐτῷ ἠδύνατο Ἀρτασύρας Ὑρκάνιος, τῶν δὲ εὐνούχων Ἰζαβάτης τε καὶ Ἀσπαδάτης καὶ Βαγαπάτης, ὃς καὶ παρὰ τῷ πατρὶ μέγιστος ἦν μετὰ τὸν Πετησάκα θάνατον.	Fr. 13 (29). *Phot.*, § 9: Книга 12-я начинается с царствования Камбиса. Он, получив царскую власть, отправил тело отца с евнухом Багапатом в Персы для погребения и сделал все другое, что было завещано отцом. Наибольшим влиянием у него пользовался ГИРКАНЕЦ Артасир, а из евнухов — Изабат, Аспадат и Багапат, который уже у отца [его] был влиятельнейшим [евнухом] после смерти Петесака.
§ 19. История Таниоксарка, наместника Бактрии, и Сфендадата (по Фотию)	
Fr. 13 (29). *Phot.*, § 11: μάγος δὲ τις Σφενδαδάτης ὄνομα, ἁμαρτήσας καὶ μαστιγωθεὶς ὑπὸ Τανυοξάρκου, ἀφικνεῖται πρὸς Καμβύσην ἐνδιαβάλλων τὸν ἀδελφὸν Τανυοξάρκην ὡς ἐπιβουλεύοντα αὐτῷ καὶ σημεῖον ἐδίδου τῆς ἀποστάσεως, ὡς εἰ κληθείη ἐλθεῖν, οὐκ ἂν ἔλθοι. δηλοῖ τοίνυν ὁ Καμβύσης ἐλθεῖν τὸν	Fr. 13 (29). *Phot.*, § 11: Некий маг, по имени Сфендадат, который [в чем-то] провинился и был наказан плетьми Таниоксарком, подошел к Камбису и пожаловался на [его] брата Таниоксарка, что тот строит против [Камбиса] козни. В качестве доказательства отпадения [Таниоксарка от Камбиса] он привел то, что если [Таниоксарк] будет

ἀδελφόν· ὁ δὲ χρείας ἄλλης ἀπαιτούσης μένειν, ἀνεβάλετο. παρρησιάζεται ταῖς διαβολαῖς πλέον ὁ μάγος. Ἄμυτις δὲ ἡ μήτηρ τὰ τοῦ μάγου ὡς ἦν ὑπονοοῦσα, ἐνουθέτει Καμβύσην τὸν υἱὸν μὴ πείθεσθαι· ὁ δὲ ὑπεκρίνετο μὴ πείθεσθαι, ἐπείθετο δὲ μάλιστα. (§ 12) διαπεμψαμένου δὲ τρίτον Καμβύσου πρὸς τὸν ἀδελφόν, παραγίνεται. καὶ ἀσπάζεται μὲν αὐτὸν ὁ ἀδελφός, οὐδὲν δὲ ἧττον ἀνελεῖν ἐμελέτα, κρύφα δὲ Ἀμύτιος εἰς πρᾶξιν ἀγαγεῖν τὴν μελέτην ἔσπευδε. καὶ λαμβάνει πέρας ἡ πρᾶξις· ὁ γάρ τοι μάγος βουλῆς τῷ βασιλεῖ κοινωνῶν βουλεύει τοιοῦτον· ὅμοιος ἦν αὐτὸς ὁ μάγος κάρτα τῷ Τανυοξάρκῃ· βουλεύει τοιγαροῦν αὐτὸν μὲν ἐν τῷ φανερῷ, ὡς δῆθεν ἀδελφοῦ βασιλέως κατειπόντα, τὴν κεφαλὴν προστάξαι ἀποτμηθῆναι, ἐν δὲ τῷ κρυπτῷ ἀναιρεθῆναι Τανυοξάρκην, καὶ τὴν ἐκείνου στολὴν ἀμφιασθῆναι τὸν μάγον, ὥστε καὶ τῷ ἀμφιάσματι νομίζεσθαι Τανυοξάρκην. καὶ γίνεται ταῦτα· αἵματι γὰρ ταύροι, ὃ ἐξέπιεν, ἀναιρεῖται Τανυοξάρκης, ἀμφιάζεται δὲ ὁ μάγος καὶ νομίζεται Τανυοξάρκης. (§ 13) καὶ λανθάνει πάντας ἐπὶ πολὺν χρόνον πλὴν Ἀρτασύρα καὶ Βαγαπάτου καὶ Ἰζαβάτου· τούτοις γὰρ μόνοις Καμβύσης ἐθάρρησε τὴν πρᾶξιν. Λάβυζον δὲ τῶν εὐνούχων τὸν πρῶτον, οἳ ἦσαν Τανυοξάρκεω, προσκαλεσάμενος ὁ Καμβύσης καὶ τοὺς ἄλλους, ὑποδείξας τὸν μάγον ὡς ἐσχημάτιστο καθεζόμενον, 'τοῦτον' ἔφη 'νομίζετε Τανυοξάρκην;' ὁ δὲ Λάβυζος θαυμάσας 'καὶ τίνα ἄλλον' ἔφη 'νομιοῦμεν;' τοσοῦτον ἐλάνθανε τῇ ὁμοιότητι ὁ μάγος. ἐκπέμπεται οὖν εἰς Βακτρίους, καὶ πράττει πάντα ὡς Τανυοξάρκης. πέντε δὲ ἐνιαυτῶν διελθόντων μηνύεται ἡ Ἄμυτις τὸ δρᾶμα διὰ Τιβέθεως τοῦ εὐνούχου, ὃν ὁ μάγος τυπτήσας ἐτύγχανε· καὶ αἰτεῖ τὸν Σφενδαδάτην παρὰ Καμβύσου· ὁ δὲ οὐ δίδωσιν. ἡ δὲ ἐπαρᾶται, καὶ πιοῦσα φάρμακον τελευτᾷ.	вызван [к Камбису], то не явится [на вызов]. Итак, Камбис приказал вызвать к себе брата. Однако тот, занятый каким-то делом, отъезд откладывал. Тогда маг стал обвинять его более смело. Амитида, мать, во всем этом деле подозревавшая мага, убеждала своего сына Камбиса не верить [этому], но [Камбис] не дал себя переубедить, хотя она и убеждала [его] весьма настоятельно. (§ 12) Когда Камбис вызвал брата в третий раз, тот явился. [Камбис] обнял брата, хотя уже замышлял его убийство. Он старался, чтобы [убийство], которое затевал, совершилось без ведома Амитиды. Дело в том, что маг, совещаясь с царем, придумал следующее. Сам он был очень похож на Таниоксарка и поэтому посоветовал [царю], чтобы он в присутствии всех приказал отрубить ему голову как якобы лжедоносчику на брата царя, а тайно бы повелел убить Таниоксарка. Затем в его платье будет одет маг, чтобы и по самой одежде считали, что он Таниоксарк. Так и сделали. Выпив бычьей крови, Таниоксарк умер, маг же был одет [в его одежды] и признан за Таниоксарка. (§ 13). Долгое время Камбис скрывал [это] от всех, кроме Артасира, Багапата и Изабата, которым одним осмелился открыть это дело. Камбис, вызвав Лабиза, который был первым из евнухов Таниоксарка, и других, показал [им] мага, сидевшего одетым в платье [Таниоксарка] и спросил: «Вы признаете, что этот [человек] Таниоксарк?» Лабиз же, удивленный, ответил: «Разве мы считаем, что это кто-то другой?» — до такой степени маг уподобился [Таниоксарку]. Итак, он отправился к БАКТРИЙЦАМ и поступал во всем так, как будто был Таниоксарком. По истечении пяти лет Амитида узнала обо всем этом деле из доноса евнуха Тибетиса, которого побил маг, и потребовала от Камбиса [передать ей] Сфендадата. Он, однако, не передал. Тогда [Амитида], призвав на Камбиса проклятия, выпила яд и умерла.

§ 20. Отпадение бактрийского сатрапа от Артаксеркса I (по Фотию)

Fr. 14 (29). *Phot.*, § 35: ἀφίσταται Ἀρτοξέρξου Βάκτρα καὶ ὁ σατράπης, ἄλλος Ἀρτάβανος· καὶ γίνεται μάχη ἰσοπαλής. καὶ γίνεται πάλιν ἐκ δευτέρου, καὶ ἀνέμου κατὰ πρόσωπον Βακτρίων πνεύσαντος, νικᾷ Ἀρτοξέρξης, καὶ προσχωρεῖ αὐτῷ πᾶσα Βακτρία.	Fr. 14 (29). *Phot.*, § 35: От Артаксеркса отпали БАКТРЫ и [их] сатрап, другой Артабан. Произошла битва с равным исходом для обеих сторон. Затем вступили в битву во второй раз, и, когда ветер подул в лицо БАКТРИЙЦАМ, победил Артаксеркс. Вся БАКТРИЯ перешла под его власть.

§ 21. Артаксеркс I назначает Оха гирканским сатрапом (по Фотию)	
Fr. 15 (29). *Phot.*, § 47: …τὸν δὲ Ὦχον ζῶν ὁ πατὴρ Ὑρκανίων σατράπην ἐποίησε, δοὺς αὐτῷ καὶ γυναῖκα Παρύσατιν ὄνομα, ἥτις ἦν <Ἀρτο>ξέρξου μὲν θυγάτηρ, ἀδελφὴ δὲ οἰκεία.	Fr. 15 (29). *Phot.*, § 47: …Оха отец еще при жизни назначил ГИРКАНСКИМ сатрапом, женив его на Парисатиде, дочери Артаксеркса и его [Оха] собственной сестре.
§ 22. Описание дороги от Эфеса до Бактр и Индии (по Фотию)	
Fr. 33 (29). *Phot.*, § 76: ἀπὸ Ἐφέσου μέχρι Βάκτρων καὶ Ἰνδικῆς ἀριθμὸς σταθμῶν, ἡμερῶν, παρασαγγῶν…	Fr. 33 (29). *Phot.*, § 76: [к своему сочинению Ктесий прилагает] число стоянок, дней, парасангов от Эфеса до БАКТР и Индии…

INDIKA «Описание Индии»

§ 23. Фокусы бактрийских торговцев с камнем «пантарба» (по Фотию)	
Fr. 45 (57). *Phot.*, § 6: [Κτησίας λέγει] περὶ παντάρβας τῆς σφραγῖδος· καὶ ὡς υοζ′ σφραγῖδας ἀπορριφείσας καὶ τιμίους λίθους εἰς τὸν ποταμόν, ἄτινα ἦν τοῦ Βακτρίων καπήλου, αὕτη ἀνείλκυσεν ἐχομένας ἀλλήλων.	Fr. 45 (57). *Phot.*, § 6: [Ктесий рассказывает] о самоцвете «пантарба» и [о том], как 477 самоцветов и драгоценных камней, брошенных в реку, — они принадлежали какому-то мелкому торговцу из БАКТРИЙЦЕВ, — [«пантарба»] извлекла, сцепленные друг с другом.
§ 24. Серебряные рудники Бактрии (по Фотию)	
Fr. 45 (57). *Phot.*, § 26: ἔστι δὲ αὐτόθι [ἐν τῇ Ἰνδικῇ] ἄργυρος πολὺς καὶ ἀργύρεα μέταλλα οὐ βαθέα· ἀλλὰ βαθύτερα εἶναί φασι τὰ ἐν Βάκτροις…	Fr. 45 (57). *Phot.*, § 26: Имеется здесь [в Индии] много серебра, и серебряные рудники не глубоки. Во всяком случае, говорят, что в БАКТРАХ — более глубокие…
§ 25. Рассказы бактрийцев и индийцев о добыче золота (по Фотию и Элиану)	
Fr. 45 (57). *Phot.*, § 26: … ἔστι δὲ καὶ χρυσὸς ἐν τῇ Ἰνδικῇ χώρᾳ, οὐκ ἐν τοῖς ποταμοῖς εὑρισκόμενος καὶ πλυνόμενος, ὥσπερ ἐν τῷ Πακτωλῷ ποταμῷ, ἀλλ᾽ὄρη πολλὰ καὶ μεγάλα, ἐν οἷς οἰκοῦσι γρῦπες, ὄρνεα τετράποδα, μέγεθος ὅσον λύκος, σκέλη καὶ ὄνυχες οἷαπερ λέων. τὰ ἐν τῷ ἄλλῳ σώματι πτερὰ μέλανα, ἐρυθρὰ δὲ τὰ ἐν τῷ στήθει. δι᾽ αὐτοὺς δὲ ὁ ἐν τοῖς ὄρεσι χρυσὸς πολὺς ὢν γίνεται δυσπόριστος.	Fr. 45 (57). *Phot.*, § 26: …Имеется и золото в Индийской земле, которое, однако, не в реках разыскивают и промывают, как [это бывает] в реке Пактоле, но в обширных и громадных горах, в которых обитают грипы, четвероногие птицы, величиной с волка, с ногами и когтями как у льва. Перья [у них] на всем теле — черные, а на груди — красные. Из-за них-то обильное в тех горах золото и добывается с трудом.
Fr. 45h (70). *Aelian.*, N. A., IV, 27: τὸν γρῦπα ἀκούω τὸ ζῷον τὸ Ἰνδικὸν τετράπουν εἶναι κατὰ τοὺς λέοντας, καὶ ἔχειν ὄνυχας καρτεροὺς ὡς ὅτι μάλιστα, καὶ τούτους μέντοιγε τῶν λεόντων παραπλησίους. κατάπτερον δὲ τὰ νῶτα εἶναι, καὶ	Fr. 45h (70). *Aelian.*, N. A., IV, 27: Я узнаю, что грип, это индийское животное, — четвероногое, наподобие льва, когти имеет чрезвычайно сильные, и притом также похожие на [когти] льва. Повествуют, что спина [его] покрыта перьями,

τούτων τῶν πτερῶν τὴν χροαν μέλαιναν ἄδουσι, τὰ δὲ πρόσθια ἐρυθρά φασι· τάς γε μὴν πτέρυγας αὐτὰς οὐκέτι τοιαύτας ἀλλὰ λευκάς. τὴν δέρην δὲ αὐτῶν κυανοῖς διηνθίσθαι τοῖς πτεροῖς Κτησίας ἱστορεῖ, στόμα δὲ ἔχειν ἀετῶδες καὶ τὴν κεφαλὴν ὁποίαν οἱ χειρουργοῦντες γράφουσί τε καὶ πλάττουσι. φλογώδεις δὲ τοὺς ὀφθαλμούς φησιν αὐτοῦ. νεοττιὰς δὲ ἐπὶ τῶν ὀρῶ ν ποιεῖται· καὶ τέλειον μὲν λαβεῖν ἀδύνατόν ἐστι, νεοττοὺς δὲ αἱροῦσι. καὶ Βάκτριοι μὲν γειτνιῶντες Ἰνδοῖς λέγουσιν αὐτοὺς φύλακας εἶναι τοῦ χρυσοῦ <τοῦ> αὐτόθι· καὶ ὀρύττειν τε αὐτόν φασιν αὐτοὺς καὶ ἐκ τούτου τὰς καλιὰς ὑποπλέκειν, τὸ δὲ ἀπορρέον Ἰνδοὺς λαμβάνειν. Ἰνδοὶ δὲ οὔ φασιν αὐτοὺς φρουροὺς εἶναι τοῦ προειρημένου <χρυσίου>· μηδὲ γὰρ δεῖσθαι χρυσίου γρῦπας (καὶ ταῦτα εἰ λέγουσι, πιστὰ ἔμοιγε δοκοῦσι λέγειν), ἀλλὰ αὐτοὺς μὲν ἐπὶ τὴν τοῦ χρυσίου ἄθροισιν ἀφικνεῖσθαι, τοὺς δὲ ὑπέρ τε τῶν σφετέρων βρεφῶν δεδιέναι καὶ τοῖς ἐπιοῦσι μάχεσθαι. καὶ διαγωνίζεσθαι μὲν πρὸς τὰ ἄλλα ζῷα, καὶ κρατεῖν ῥᾷστα, λέοντι δὲ μὴ ἀνθίστασθαι μηδὲ ἐλέφαντι. δεδιότες δὲ ἄρα τὴν τῶνδε τῶν θηρίων ἀλκὴν οἱ ἐπιχώριοι μεθ᾽ἡμέραν ἐπὶ τὸν χρυσὸν οὐ στέλλονται, νύκτωρ δὲ ἔρχονται· ἐοίκασι γὰρ τηνικάδε τοῦ καιροῦ λανθάνειν μᾶλλον. ὁ δὲ χῶρος οὗτος, ἔνθα οἵ τε γρῦπες δαιτῶνται καὶ [τὰ χωρία] τὰ χρυσεῖά ἐστιν, ἔρημος πέφυκε δεινῶς. ἀφικνοῦνται δὲ οἱ τῆς ὕλης τῆς προειρημένης θηραταὶ κατὰ χιλίους τε καὶ δὶς τοσούτους ὡπλισμένοι, καὶ ἅμας κομίζουσι σάκκους τε, καὶ ὀρύττουσιν ἀσέληνον ἐπιτηροῦντες νύκτα. ἐὰν μὲν οὖν λάθωσι τοὺς γρῦπας, ὤνηνται διπλῆν τὴν ὄνησιν· καὶ γὰρ σώζονται καὶ μέντοι καὶ οἴκαδε τὸν φόρτον κομίζουσι, καὶ ἐκκαθάραντες οἱ μαθόντες χρυσοχοεῖν σοφίαι τινὶ σφετέραι πάμπολυν πλοῦτον ὑπὲρ τῶν κινδύνων ἔχουσι τῶν προειρημένων· ἐὰν δὲ κατάφωροι γένωνται, ἀπολώλασιν. ἐπανέρχονται δὲ ἐς τὰ οἰκεῖα, ὡς πυνθάνομαι, δι᾽ἔτους τρίτου καὶ τετάρτου.	и цвет этих перьев — черный, а спереди, говорят, — красный. Крылья же у него, ни того и ни другого [цвета], но белые. Шея, рассказывает КТЕСИЙ, украшена у него темно-синими перьями, клюв — орлиный, голова такая, какую мастера рисуют или ваяют, глаза его, говорит, огненные. Гнезда вьет в горах. Взрослого [грипа] поймать невозможно, [поэтому] ловят птенцов. БАКТРИЙЦЫ, соседние с индийцами, рассказывают, что [грипы] в тех местах являются сторожами золота. Говорят, что они выкапывают его и сооружают из него гнезда, а осыпающееся [при этом] подбирают индийцы. Индийцы же, напротив, отрицают, что [грипы] являются сторожами этого золота, так как грипы не нуждаются в золоте (и мне, по крайней мере, кажется, что это правильно утверждают), но [индийцы] сами отправляются на сбор золота. [Грипы] же, обеспокоенные за своих птенцов, нападают на приближающихся. Они также вступают в борьбу и с другими живыми существами, и легко одолевают их, кроме льва и слона, с которыми не могут бороться. Местные жители, опасаясь силы этих животных, отправляются собирать золото не днем, а ночью, так как тогда надеются лучше спрятаться. Область, где обитают грипы и находятся золотые рудники, — пустыннейшая. Поэтому желающие добыть металл, о котором идет речь, отправляются туда, снаряженные [всем необходимым], по тысяче и по две, приносят заступы и мешки и копают, дождавшись безлунной ночи. И если утаятся от грипов, то достигают двойной выгоды: и сами остаются живыми, и уносят домой ношу [золота]. Те, которые очищают золото, научившись выплавлять его каким-то своим способом, приобретают себе путем этих опасностей огромные богатства. Если же окажутся схваченными — гибнут. Возвращаются оттуда, как я узнаю, через три или четыре года.

§ 26. Способ сражения сакских стрелков (по Элиану)

Fr. 45d β (67). *Aelian.*, N. A., IV, 21: … [μαρτιχόρας] καὶ ἐς τοὔμπροσθεν μὲν ὅταν ἀπολύῃ τὰ κέντρα, ἀνακλᾷ τὴν οὐράν· ἐὰν δὲ ἐς τοὐπίσω κατὰ τοὺς Σάκας, ὁ δὲ ἀποτάδην αὐτὴν ἐξαρτᾷ…	Fr. 45d β (67). *Aelian.*, N. A., IV, 21: [описывается мифическое животное мартихора] если [мартихора] вперед выкидывает жало, то и хвост направляется вперед, если же назад, наподобие САКОВ [выпускает жало], то [хвост] вытягивает в длину…

ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΤΗΝ ΑΣΙΑΝ ΦΟΡΩΝ «Об азиатской дани»

§ 27. Масло из аканфа в Кармании (по Афинею и Евстафию)	
Fr. 38, 53 (96). *Athen.*, II, 74, p. 67 A: Κτησίας δ' ἐν Καρμανίᾳ φησὶ γίνεσθαι ἔλαιον ἀκάνθινον, ᾧ χρῆσθαι βασιλέα· ὃς καὶ καταλέγων ἐν τῷ Περὶ τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν φόρων † τούτῳ βιβλίῳ πάντα τὰ τῷ βασιλεῖ παρασκευαζόμενα ἐπὶ τὸ δεῖπνον οὔτε πεπέρεως μέμνηται οὔτε ὄξους.	Fr. 38, 53 (96). *Athen.*, II, 74, p. 67 A: КТЕСИЙ говорит, что в КАРМАНИИ производится масло из аканфа, которым пользуется царь. Он также в … книге [сочинения] «Об азиатской дани», описывая приготовления к царскому обеду, не упоминает ни перец, ни уксус, потому что оно одно является наилучшей из приправ.
Fr. (96). *Eust.*, Ad. Od., VII, 79: Ἐν Καρμανίᾳ ἱστορεῖ Κτησίας ἔλαιον γίνεσθαι ἀκάνθινον, ᾧ χρῆσθαι τὸν βασιλέα.	Fr. (96). Eust., Ad. Od., VII, 79: В КАРМАНИИ, рассказывает КТЕСИЙ, производится масло из аканфа, которым пользуется царь.
§ 28. Вино у тапиров (по Афинею)	
Fr. 54 (97). *Athen.*, X, 59, p. 442: …τὸ τῶν Ταπύρων ἔθνος φασὶν οὕτω φίλοινον εἶναι ὡς καὶ ἀλείμματι ἄλλῳ μηδενὶ χρῆσθαι ἢ τῷ οἴνῳ· τὰ δ' αὐτὰ ἱστορεῖ καὶ Κτησίας ἐν τῷ Περὶ τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν φόρων· οὗτος δὲ καὶ δικαιοτάτους αὐτοὺς λέγει εἶναι.	Fr. 54 (97). *Athen.*, X, 59, p. 442 B: …говорят[3], что народ ТАПИРОВ так вину предан, что даже для умащения не пользуется ничем другим, кроме вина. То же самое рассказывает КТЕСИЙ в [сочинении] «Об азиатской дани». Он говорит, что [тапиры] являются справедливейшими [людьми].

[1] Перевод армянского Евсевия даем по латинскому переводу у Мюллера (издание Ктесия в FHG. Vol. III, P. 626) с учетом немецкого перевода у Якоби (FGH. III C. Bd I. N 688, 690; Bd II A. N 93).

[2] Перед этим рассказывалось об Артабане, приближенном Ксеркса I, устроившем заговор против царя.

[3] Перед этим названы Бетон и Аминта, авторы сочинений. Слово «говорят» относится к ним.

3. ПРИМЕЧАНИЯ К ИЗБРАННЫМ ОТРЫВКАМ

Примечания к избранным отрывкам из фрагментов сочинений Ктесия делятся на две части. В первой части примечания относятся к тексту и переводу непосредственно цитируемых авторов. Во второй части в примечаниях рассматривается вопрос о том, как цитируемые отрывки относятся к подлинному тексту Ктесия.

3.1. Примечания к тексту и переводу

Настоящие примечания относятся к тексту и переводу непосредственно цитируемых авторов и имеют целью установить текст именно данных авторов, а также дать толкование текста, влияющее на перевод его.

В примечаниях к тексту отмечаются различные его варианты: разночтения рукописей, конъектуры издателей и др. Не все существующие варианты учтены в них. Отмечены лишь те, которые более или менее заметно меняют смысл, а также варианты в написании собственных имен, терминов и цифр. Варианты текста, предлагаемые рукописями и издателями (кроме вариантов собственных имен), мы сопровождаем переводом на русский язык. Если чтения в рукописях или у издателей не отличаются от принятых нами, мы отмечаем это словом «так».

Из имеющихся вариантов текста нами отмечаются обычно сначала те, которые фиксируются рукописями, а затем те, которые предлагаются издателями. При этом мы даем ссылки обычно лишь на те конкретные рукописи и издания, которые дают чтения, отличающиеся от чтений, принятых основными рукописями или большинством рукописей и изданий.

Справки о рукописях сочинений Диодора и Фотия см. в указанных выше изданиях этих авторов. Справки о рукописях сочинений других авторов см. в изданиях этих авторов. Отметим лишь, что среди рукописей сочинения Диодора выделяются две группы, возможно, равноценных, в одной из которых древнейшей является рукопись D (XI в.), а в другой — рукопись C (XII в.); среди рукописей сочинения Фотия также различаются две группы, в одной из которых древнейшей является рукопись A (X в.), а в другой — рукопись M (XII в.).

Под словом «издатели», если оно не сопровождается дальнейшими ссылками, мы имеем в виду издателей сочинений Ктесия, Якоби (Jacoby) и Мюллера (Mueller), а также, если речь идет о тексте Диодора, издателя его сочинения, Фогеля (Vogel), и если речь идет о тексте Фотия — Анри (Henry); могут иметься в виду все они или один, два из них. Ссылки на других издателей даются особо. Слово «примечание» означает, что данный вариант издатель приводит не в основном тексте, а в примечании.

В тех случаях, когда вопрос об установлении правильного чтения особенно важен и обсуждался в литературе, это обстоятельство также отмечается.

В примечаниях к переводу отмечаются главным образом те случаи, когда текст допускает различные толкования, от которых обычно зависит и перевод.

Переходим теперь к рассмотрению текстов отдельных авторов и их переводов (по параграфам раздела: «Избранные отрывки из фрагментов сочинений Ктесия»).

§ 1

Fr. 1a, g (21). *Cephal.*, fr. 1.

Примечания к тексту.

Ζήνωνι Зеноном] В тексте: так (Syncell.), Zenon (Euseb. Arm.). У издателей: так. Возможно, однако, чтение: Δείνωνι[1] и Dinon[2].

§ 2

Fr. 1b (2, 5). *Diod.*, II, 2, 1–4; 4, 1.

Примечания к тексту.

[1] FHG. III. 626.

[2] FGH. III C. Bd 1. P. 525.

Diod., II, 2, 1.

ἡ τῶν πραγμάτων ἐπίρροια [благоприятное] течение дел] В рукописях: так. Место испорчено. У издателей: так или ἡ τῶν *πραγμάτων εὔροια* счастливое течение дел (Vogel со ссылкой: Herwerden), ἡ τῶν ἀγαθῶν ἐπίρροια? приток благ? (Jacoby, примечание).

Diod., II, 2, 3.

καὶ Μυσίαν и Мисию] В рукописях: так или пропущено (D). У издателей: так.

Βιθυνίαν Вифинию] В рукописях: так. У издателей: так или дополнено Βιθυνίαν <καὶ Παφλαγονίαν>? Вифинию и Пафлагонию? (Jacoby, примечание).

Καδουσίων кадусиев] В рукописях: так или καδδουσίων (CF). У издателей: так.

Δραγγῶν дрангов] В рукописях: так (D) или Δράγκων. У издателей: так.

Χωρομναίων хоромнеев] В рукописях: так или ῥόμνων (C). У издателей: так.

Diod., II, 2, 4.

Ἀσσυρίαν Ассирию] В рукописях: так или συρίαν (C). У издателей: так или Συρίαν (Mueller).

πόλεως города] В рукописях: так (D) или дополнено πόλεως μεγάλης большого города. У издателей: так (Jacoby) или πόλεως μεγάλης.

§ 3

Fr. 1c (5). *Anon.*, De mul., 1.

Примечания к тексту.

Σίμμα, ὄντος Симмой, являвшимся] В рукописях: так (Mueller и Jacoby со ссылкой: Heeren).

§ 4

Fr. 1b (6–8). *Diod.*, II, 5, 3–4; 6, 1–5, 7–9; 7, 1.

Примечания к тексту.

Diod., II, 6, 2.

Ὀξυάρτης Оксиарт] В рукописях так: (C), ἐξαόρτης (A, B, D), ὁ ξαόρτης (F), ὁ ζαόρτης (G, M). У издателей: так или Ζωροάστρης (Jacoby, примечание со ссылкой: Neuhaus, Krumbholz). Здесь возможны различные чтения: и то, которое принято издателями,[1] и другие, которые предполагают наличие в тексте какого-то имени, позже испорченного переписчиками[2], в том числе имени Ζωροάστρης[3].

Diod., II, 6, 3.

εἰς τὸ πεδίον[вышло] на равнину] В рукописях: так, πεδίων [вышло] от равнин (D), или пропущено (F). У издателей: так.

Fr. 1f (6). *Arnob.*, Adv. nat., 1, 52.

Примечания к тексту.

quaeso per прошу, через] В рукописях: quae super. У издателей: так (Jacoby) или qui super который по ту сторону (Mueller) per igneam zonam через огненный пояс] У издателей: так или Azonaces (Heraldus).

---

[1] *Muellerus*. Op. cit. P. 19.

[2] *Wilhelm E.* L'expédition de Ninos et des Assyriens contre un roi de la Bactrie // Le Museon. 1891. P. 9 сл.

[3] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte // RhM. N. F. 1886. Bd XLI. S. 338.

Примечания к переводу.

Пусть теперь прибудет — в первой книге «Истории»] Далее Арнобий продолжает: «Армений (Armenius), внук Гостана (Hostanis, по Orelli, вместо Zostriani рукописей), и друг Кира Памфил (Pamphylus); Аполлоний (Apollonius), Дамигерон (Damigero) и Дардан (Dardanus); Вел (Velus), Юлиан (Iulianus) и Бабил (Babilus вместо Baebulus рукописей) и всякий другой из тех, о которых говорят, как об имевших особые способности и известность в таких фокусах».

Усложненный стиль Арнобия[1] затрудняет точное понимание отрывка. Возможные толкования разделяются на две основные группы. Одни из них кончают фразу на слове primo, получая смысл: «...и тот [лицо не названо автором], деяния которого...»; другие продолжают фразу после слова primo, получая смысл: «...и тот Армений, деяния которого...» Можно разделить толкования и по другому признаку. Одни из них кончают первую смысловую часть фразы на слове Bactrianus, получая смысл: «...Зороастр бактриец и тот...»; другие кончают эту часть на слове auctori, получая смысл: «...Зороастр. Бактриец и тот...». Кроме того, можно придавать разные значения словам Armenius и Pamphylus. Или толковать их как имена собственные: Армений и Памфил; или как определения к слову Zoroastres, получая смысл: «бактрийский Зороастр, арменийский [Зороастр] и памфилийский [Зороастр]». Возможны и различные другие варианты и оттенки толкования.

По-разному толковали этот отрывок и издатели и исследователи сочинений Ктесия. У издателей толкование отрывка выражалось в том, какой пунктуацией они снабжали его. Borheck дает такую пунктуацию: ...auctori, ...primo. Однако в примечании он говорит о возможности другой пунктуации: ...Bactrianus. ... primo, ..., связывая ille с Armenius. Baehr и Mueller дают уже такую пунктуацию: ...authori. ...primo, ...Наконец, Jacoby возвращается к первоначальной пунктуации: ...primo. На этом слове он и кончает фрагмент. Исследователи придерживались примерно столь же разных вариантов толкования. К. Якоби кончал фрагмент на слове primo[2]. П. Крумбхольц считал, что фрагмент нужно понимать так: «...и тот Армений, деяния которого...».[3] И. Маркварт толковал фрагмент так: «...и тот [Зороастр], деяния которого...»[4].

Нам представляется весьма убедительным следующее толкование: фраза кончается на слове primo, первая часть фразы — на слове Bactrianus. Следовательно, мы в основном примыкаем к одному из первых (Borheck) и к последнему (Jacoby) из издателей сочинений Ктесия. Слова Armenius и Pamphylus мы понимаем как имена собственные. Рассматриваемый отрывок дополняется и поясняется другим отрывком из того же сочинения Арнобия (1, 5); сравнение двух отрывков показывает, в частности, кого мог иметь в виду Арнобий под словами

[1] *Jüblicher*. Arnobius // RE. 1896. Bd II. стб. 1206.

[2] *Jacoby C*. Ktesias und Diodor, eine Quellenuntersuchung von Diodor II, 1–34 // RhM. N. F. 1875. Bd XXX. S. 581.

[3] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 337.

[4] *Marquart*. Die Assyriaka... S. 529.

et ille. В этом втором отрывке наряду с прочим говорится следующее: «...некогда между ассирийцами и бактрийцами (inter Assyrios et Bactrianos) под предводительством Нина (Nino) и Зороастра (Zoroastreque) велась война...». Здесь аналогия с первым отрывком очевидна: Zoroastres Bactrianus — et ille в одном случае; Zoroastres (предводитель бактрийцев) — Ninus (предводитель ассирийцев) — в другом. Действительно, именно деяниям Нина посвящена большая часть I книги «История Персии» Ктесия. То, что Нин не назван по имени в первом отрывке, согласуется с общей витиеватостью и ученостью стиля Арнобия. Впрочем, отсутствующее имя не было загадкой для образованных читателей Арнобия: с описания деяний Нина, в том числе его войны с бактрийцами, начинал свой труд не только Ктесий, но и многие другие авторы античных всемирных историй и хроник, а позже об этих деяниях писали и авторы христианских хроник.

§ 5

Fr. 1b (15). *Diod.*, II, 16, 1, 5–7; 17, 1–2.

Примечания к тексту.

Diod., II, 16, 5.

σατραπείας сатрапиям] В рукописях: στρατοπεδείας военным лагерям. У издателей: σατραπείας (Jacoby и Vogel со ссылкой: Dindorf).

Diod., II, 17, 1.

εἴκοσι двадцать [мириад] (C). В рукописях: так (D) или πεντήκοντα пятьдесят [мириад] (C). У издателей: так или πεντήκοντα (Mueller).

Diod., II, 17, 2.

ἀγριότητα дикого] В рукописях: так. У издателей: так или ἀλλοτριότητα? чуждого? (Jacoby, примечание).

§ 6

Fr. 1b (15). *Diod.*, II, 19, 10.

Примечания к тексту.

διοσημείων небесными знамениями] В рукописях: так (D), διοσημιῶν [то же], διὸς σημασιῶν указаниями Зевса (CF). У издателей: так или διοσημιῶν (Mueller, Vogel).

§ 7

Fr. 1b (21). *Diod.*, II, 26, 1–3.

Примечания к тексту.

Diod., II, 26, 3.

τέλος δὲ наконец] Издатели (Vogel) подозревают наличие большой лакуны перед этими словами.

§ 8

Fr. 5 (25). *Diod.*, II, 34, 1–5.

Примечания к тексту.

Diod., II, 34, 1.

Ἀρτύνην Артин] В рукописях: так (C), ἀρτιήνην (D). У издателей: так или Ἀρτύκην (Jacoby, примечание со ссылкой: Büdinger).

Ἀστιβάραν Астибар] В рукописях: ἀρτιβάρναν (C), γαρταμέρνην (D), γαρταμάρνην (AB). У издателей: так (со ссылкой: Gemistus), Artibanum (Mueller, примечание со ссылкой: Poggius).

Diod., II, 34, 2.

πλείω много [лет] В рукописях: так или πλείους δύο полных два [года] (F). У издателей: так или δύο два [года] (Jacoby и Vogel, примечания со ссылкой: Gemistus).

Diod., II, 34, 3.

Ζαρινσίαν Заринея] В рукописях: ζαρίναν или ζαρίνναν (D). У издателей: так (Jacoby) или Ζαρίναν.

§ 9

Fr. 7 (26). *Anon.*, De mul., 2.

Примечания к тексту.

Στρυαγγείου Стриангеем] В тексте: τοῦ ἀγγαίου. У издателей: так (Jacoby) или Στρυαγγαίου (Mueller).

§ 10

Fr. 8a (27). *Demetr.*, De eloc., 213.

Примечания к тексту.

Στρυαγγαῖός Стриангей] В тексте: στρυάγλιος. У издателей: так (Jacoby) или Στρυάγλιός (Mueller).

§ 11

Fr. (28). *Tzetz.*, Chil., XII, 893–898.

Примечания к тексту.

Στρυάλιος Стриалий] В тексте: так. У издателей: Στρυάγλιος? (Mueller).

§ 12

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 2.

Примечания к тексту.

Ἄμυτιν Амитида] В рукописях: так или ἄμυντιν (M). Так же и далее у Фотия (§§ 2, 3, 6): ἄμυτ– (A) или ἄμυντ– (M). У издателей: так.

§ 13

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 3–4

Примечания к тексту.

Phot., § 3.

Παρμίσην Пармиса] В рукописях: так или παρμίσον (A). У издателей: так.

§ 14

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 6.

Примечания к тексту.

ἐν Περσίδι в Персиде] в рукописях: так. У издателей: так или εἰς Περσίδα в Персиду (Mueller, примечание).

Πετησάκαν Петесака] В рукописях: так или πετισακᾶν (M). Так же и далее у Фотия (§ 6): πετη (A), πετι (M).

εὐνοῦχον евнуха] В рукописях: так или ἡμιάρρενα полумужчину (M). Так же и далее у Фотия (§ 9, 13): εὐνουχ (A), ἡμιαρρεν (M). У издателей: так.

φησίν рассказывает] В рукописях: так или φασίν рассказывают. У издателей: так.

Πετησάκαν Петесак] В рукописях: так или πετησακᾶ (M). У издателей: так.

Примечания к переводу.

Кир в Персиде послал] Возможно двоякое толкование: «Кир, [находясь] в Персиде, послал» или «Кир послал в Персиду». Mueller предпочитает второе толкование и поэтому предлагает чтение εἰς Περσίδα, прибавляя к нему следующий комментарий (со ссылкой: Gailius): «Он послал Петисака в Персию, чтобы тот провел некоторое время в Персии и выполнил там доверенное поручение». Первое толкование предпочтительнее, так как Персида и область барканиев, по Ктесию, — разные страны (ср.: *Ctes.*, fr. 1b, c. 2, 3). Если же принимать второе толкование, то следует допустить, что Кир послал Петесака, находясь в Лидии или возвращаясь из нее (ср.: *Ctes.*, fr. (31)), и что слово «Персида» употреблено здесь в широком смысле (Персидское царство?).

§ 15

Fr. 10a (35). *Apollon.*, Hist. mir., XX.

Примечания к тексту.

ἱερεῖς жрецы] В тексте: ἱεροὺς великие [или] посвященные богам. У издателей: так.

Примечания к переводу.

в... области] Возможно двоякое толкование: «в области» или «в [области] Хора». Первое толкование не дает ясного смысла. Поэтому Jacoby, придерживающийся данного толкования, добавляет слово Κασπίᾳ [в] Каспийской [области]. Baehr предпочитает второе толкование и поэтому пишет: ἐν Χώρᾳ в [области] Хора. В пользу первого толкования, предусматривающего указанное добавление, свидетельствует то обстоятельство, что Аполлоний здесь явно говорит о каспиях (ср.: Ctes., fr. 10b). Если же принимать второе толкование, то следует допустить, что Ктесий считал область Хору, очевидно, тождественную области Хωρηνή или Хοαρηνή, частью земли каспиев.

§ 16

Fr. 11 (33). Steph. Byz., s. v. Δυρβαῖοι.

Примечания к тексту.

χώρα — Δυρβαῖοι область — дирбеи] В рукописях: ...πρὸς αὐτὸν... около него... У издателей: так (Jacoby со ссылкой: Berkel), ...χωρη δὲ αὐτων?... к области их [примыкают дирбеи]? (Jacoby, примечание со ссылкой: Meineke), χώρα δὲ πρὸς αὐτὸν πρόσκειται Δυρβαίων область дирбеев находится около него (Mueller).

Δυρβαῖοι дирбеи] В рукописях: так (Epit), δερβαῖοι (S). У издателей: так или Δυρβαίων (Baehr, Mueller).

κάρτα весьма] В рукописях: так или пропущено (Epit). У издателей: так.

ἐὰν δέ — ἢ ἄλλο τι если — или что другое] В рукописях: так (S) или пропущены слова ...τι ...ἢ ἱμάτιον ἢ ἀργύριον... что-нибудь... одежду, серебро... (Epit). Возможно, что пропущенные слова являются интерполяцией (ср.: Jacoby со ссылкой: Meineke).

οὐδὲν ἀποκινήσειαν — μάζας ποῶν ничего не подберут — ячменные лепешки...] В рукописях: так или пропущено (Epit). У издателей: так (с указанными ниже вариантами).

οὔτε νομίζουσιν не имеют обычая] В рукописях: так. У издателей: так или οὔτ'οἰνίζουσι? не достают вина? (Jacoby, примечание со ссылкой: Meineke), οὔτ' ἐσθίουσι (ἄρτον) οὔτε νομίζουσιν <χρῆσθαι>? и не едят хлеб, и не имеют обычая заниматься [чем-либо]? (Jacoby, примечание), οὔτε ποτίζουσι? не поят? (Mueller, примечание).

μάζας ποῶν ячменные лепешки... (?)] В рукописях: так. У издателей: так (Jacoby) или καρπούς плоды (Mueller).

§ 18

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 7–8.

Примечания к тексту.

Phot., § 8.

καὶ τῆς χώρας и [их страны́] В рукописях: так. Место испорчено (Jacoby, Mueller, Baehr со ссылкой: Schweighauser). У издателей: так или [Βακτρίων] τῆς χώρας страны́ [бактрийцев] (Gilmore, Baehr, примечание), καὶ τῆς... χώρας и... страны́ (Jacoby, примечание). Может быть, первоначально это место читалось так: [Βακτρίων] καὶ Χωρασμίων ἢ [Χωραμνίων] [бактрийцев], хорасмиев или [хорамниев][1].

Σπιτάμα Спитама] В рукописях: так или Σπιταμᾶ (M). У издателей: так.

Σπιτάκην Спитака] В рукописях: так или Σπιτάδην (M). У издателей: так.

ια΄ 11-я] В рукописях: так или πρῶτος первая (A). У издателей: так.

Примечания к переводу.

Phot., § 8.

И [их] страны́] Здесь также возможно двоякое толкование: «и [их] страны́» или «и [области] Хора»[2]. В последнем случае необходимость в исправлении текста отпадает.

Fr. 13 (29). *Phot.*, § 9.

Примечания к тексту.

ιβ΄ 12-я] В рукописях: так или δεύτερος вторая (A). У издателей: так.

Ἰζαβάτης Изабат] В рукописях: так или ἰζαλβατης, ἰξαλβάτης. У издателей: так или Ἰξαβάτης (Baehr).

Примечания к переводу.

[1] См.: *Пьянков.* Хорасмии... С. 10. Прим. 62.

[2] См.: Marquart. Die Assyriaka... S. 611. Прим. 371.

в Персы] В данном случае имеется в виду: «в [город] Персы», где Персы = Персеполь (?)[1].

Fr. 43 (36). *Steph. Byz.*, s. v. Δερβίκκαι.

Примечания к тексту.

Δερβίκκαι дербикки] В рукописях: δελβίκκαι. У издателей: так (Mueller, Jacoby со ссылкой: Berkel) или Δερβίκαι (Jacoby, примечание).

Δερβίους — Τερβισσούς называет — тербиссами] У издателей текста Стефана: Δερβίους αὐτούς φησιν καὶ Δερβίσσους называет их дербиями и дербиссами (Berkel), Δερβισσοὺς αὐτούς φησιν ἢ Τερβισσούς называет их дербиссами или тербиссами (Meineke). У издателей текста Ктесия: так (Jacoby), Δερβίσσους [называет их] дербиссами (Mueller).

Δερβίους дербиями] В рукописях: так или Δερβισσοὺς. У издателей: Δερβίους (?) (Jacoby) или Δερβίσσους (Mueller).

Τερβισσούς тербиссами] В рукописях: так (?) или Δερβίσσους. У издателей: так (Jacoby) или пропущено (Mueller).

Примечания к переводу.

Ктесий же — тербиссами] Возможно двоякое толкование в зависимости от того, какое чтение принимать, с καὶ или с ἢ, и какой смысловой оттенок придавать слову ἠ: «Ктесий употреблял ту и другую формы» (т. е. обе); «Ктесий употреблял или ту, или другую форму, не известно точно, какую» (т. е. одну из них)[2]. Предпочтительнее все же первое толкование.

§ 19

Fr. 13 (29). *Phot.*, § 11–13.

Примечания к тексту.

Phot., § 11.

μάγος маг] В рукописях: так или μέγας великий (M). У издателей: так.

Σφενδαδάτης Сфендадат] В рукописях: так или σφανδαδάτης (M). У издателей: так.

ὁ — πείθεσθαι но — переубедить] В рукописях: так или пропущено (M). У издателей: так.

Phot., § 12.

Ταυνοξάρκῃ Таниоксарка] В рукописях: так или ταυνοξάρκει (A). У издателей: так.

Phot., § 13.

Ἰζαβάτου Изабата] В рукописях: так или ἰξαβάτου (M). У издателей: так.

Λάβυζον Лабиза] В рукописях: так или λάβυξον (A). Так же и далее у Фотия (§ 13): -υζος (M), -υξος (A). У издателей: так или Λάβυξον (Jacoby, Henry) и соответственно υζος или υξος (Jacoby, Henry). К чтению Λάβυζος: ср. Λάβυζος, Dein. Fr. 25, Jacoby.

Σφενδαδάτην Сфендадата] В рукописях: так или σφενδοδάτην (M).

§ 21

Fr. 15 (29). *Phot.*, § 47.

[1] FGH. III C. Bd I. S. 459.

[2] Ср.: *Krumbholz P.* Zu den Assyriaka des Ktesias // RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 213.

Примечания к тексту.

Ἀρτοξέρξου Артаксеркса] В рукописях: ξέρξου. У издателей: так (Jacoby со ссылкой: Unger) или Ξέρξου (Mueller, Henry).

§ 22

Fr. 33 (29), *Phot.*, § 76.

Примечания к тексту.

σταθμῶν — παρασαγγῶν стоянок — парасангов] В рукописях: так или παρασάγγων, σταθμῶν, ἡμερῶν парасангов, стоянок, дней (М). У издателей: так.

§ 23

Fr. 45 (57). *Phot.*, § 6.

Примечания к тексту.

περὶ παντάρβας — ἀλλήλων о самоцвете — друг с другом] В одной из рукописей (Monac.) текст в измененном виде: φασὶ γὰρ ἐν τῷ Ἰνδικῷ ποταμῷ εὑρίσκεται λίθος παντάρβας λεγόμενος, εἴ τις ἔχει οζ΄ σφραγίδας ἀπορριψησας. Ἐκεῖσε δὲ καὶ λίθοι πολλοὶ τίμιοι ἔσωθεν τῶν Βακτρίων πυλῶν ‘говорят, что в Индийской реке обнаруживается камень, называемый пантарбой, если кто-нибудь имеет 77 самоцветов, брошенных [в реку]. Там много драгоценных камней внутри Бактрийских ворот’. В рукописи первоначальный текст испорчен, и она не имеет какой-либо самостоятельной ценности (ср.: Mueller). Слова τῶν Βακτρίων πυλῶν Бактрийских ворот — появились, видимо, в результате искажения слов τοῦ Βακτρίων καπήλου торговца из бактрийцев (ср.: Baehr).

υοζ΄ 477] В рукописях: так или οζ΄ 77 (М). У издателей: так.

Βακτρίων из бактрийцев] В рукописях: так. У издателей: так или Βακτρίου? бактрийцу? (Jacoby, примечание).

§ 25

Fr. 45 (57). *Phot.*, § 26.

Примечания к тексту.

ὄρη — μεγάλα в обширных — горах] В рукописях: так или ἐν μεγάλοις ὀρεινοῖς καὶ τραχέσι в громадных и обрывистых горах (Monac.). У издателей: так.

χρυσοχοεῖν выплавлять золото] В рукописях: χρυσωρυχεῖν выкапывать золото. У издателей: так (Mueller, Jacoby со ссылкой: Gesner).

Fr. 45 h (70). *Aelian.*, N. A., IV, 27.

Примечания к тексту.

καὶ — πτερῶν и этих перьев] В рукописях: так. У издателей: так или καὶ τῶν μὲν νωτιαίων πτερῶν и спинных перьев (Jacoby, примечание со ссылкой: Hercher).

§ 27

Fr. 38, 53 (96). *Athen.*, II, 74, p. 67 A.

Примечания к тексту.

τούτῳ в этой] В рукописях: так. Место испорчено. У издателей: так или καλουμένῳ (ἐπιγραφομένῳ) о. а.? в так называемой (в так обозначаемой) и т. д.?

(Jacoby, примечание: Musurus), τρίτῳ или ιγ′? в третьей или в 13-й? (Mueller, примечание).

§ 28

Fr. 54 (97), *Athen.*, X, 59, p. 442.

Примечания к тексту.

φασὶν говорят] В рукописях: так или φησὶν говорит. У издателей: так (Jacoby) или φησὶν (Mueller).

δικαιοτάτους справедливейшими] В рукописях: так. У издателей: так или λιχνοτάτους? прожорливейшими? (Jacoby, примечание со ссылкой: Kaibel).

3.2. Вопрос о подлинности и точности фрагментов

Сочинения Ктесия дошли до нас не в подлинном виде, а во фрагментах, представляющих собой главным образом пересказ отдельных частей этих сочинений более поздними авторами. Поэтому прежде чем пользоваться сообщениями Ктесия, требуется еще установить, действительно ли и насколько точно отражает данный фрагмент подлинный текст Ктесия. Цель примечаний к отдельным фрагментам, которые мы даем ниже, рассмотрение указанного вопроса.

Фрагменты сочинений Ктесия, приведенные в нашем собрании отрывков, извлечены из сочинений следующих авторов:

Диодор Сицилийский, жил в I в. до н. э. Его сочинение, «Библиотека» (Βιβλιοθήκη) является античной «всемирной историей». Оно представляет собой компиляцию, составленную из пересказов сочинений предшествующих авторов, причем в каждом отдельном разделе его используется преимущественно какой-то один автор. При написании истории Ассирии и Мидии Диодором использовано сочинение Ктесия. Из сочинения Диодора извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 1b (2, 5, 6, 8, 15, 21, 24) — *Diod.*, II, 2, 1–4; 4, 1; 5, 3–4; 6, 1–5, 7–9; 7, 1; 16, 1, 5–7; 19. 1–2; 19, 10; 20, 3; 26, 1–4.

Ctes., fr. 5 (25) — *Diod.*, II, 34, 1–5.

Плиний Старший, жил в I в. н. э. Его сочинение «Естественная история» (Naturalis historia), является своего рода научной энциклопедией по естествознанию. Это также компиляция, в которой цитируется огромное количество более ранних авторов, в том числе и Ктесий. Из сочинений Плиния извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 3 (-) — *Plin.*, N. H., VII, 207.

Кефалион Гергитский (?) жил во II в. н. э. Его сочинение «История» (Ἱστορίαι) или «Музы» (Μοῦσαι) по содержанию тоже «всемирная история». Образцом для Кефалиона вообще был Геродот, но историю Ассирии он излагает преимущественно по Ктесию. Сочинение Кефалиона, в свою очередь, сохранилось во фрагментах, в изложении более поздних авторов. В частности, Кефалиона цитировал Евсевий в своей «Хронике». Последнее сочинение также не дошло до нас в подлинном виде; имеется лишь перевод его на армянский язык и перело-

жения более поздних авторов, в частности Синкелла. Из сочинения Кефалиона извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 1 a, g (21) — *Cephal.*, fr. 1, Jacoby.

Афиней Навкратидский, жил во II–III вв. н. э. Его сочинение «Пир мудрецов» (Δειπνοσοφισταί) относится к особому литературному жанру, жанру «симпосия». Под видом описания беседы мудрецов здесь приводится масса цитат из сочинений древних авторов, в том числе и из сочинений Ктесия. Из сочинения Афинея извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 38 и 53 (96) — *Athen.*, II, 74, p. 67A.

Ctes., fr. 54 (97) — *Athen.*, X, 59, p. 442B.

Клавдий *Элиан*, жил также во II–III вв. н. э. Одно из его сочинений, «О животных» (Περὶ ζῴων), представляет собой сборник рассказов о животных, преимущественно анекдотического характера. Рассказы эти являются выписками из сочинений разных авторов, в том числе и из сочинений Ктесия. Из этого сочинения Элиана извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 10b (35) — *Aelian.*, N. A., XVII, 34.

Ctes., fr. 45d β (67) — *Aelian.*, N. A., IV, 21.

Ctes., fr. 45h (70) — *Aelian.*, N. A., IV, 27.

Арнобий, жил в III–IV вв. н. э. Сочинение его, «Против язычников» (Adversus nationes), является апологетическим церковным произведением. Защищая христианское учение и полемизируя с античными «язычниками», Арнобий цитирует большое количество античных авторов, в том числе и Ктесия. Из сочинения Арнобия извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 1f (6) — *Arnob.*, Adv. nat., I, 52.

Стефан Византийский, жил в VI в. н. Его сочинение «Описание племен» (Ἐθνικά) является лексикографическим трудом, своего рода географическим словарем. Собирая сведения о различных народах, упоминавшихся в античных сочинениях, Стефан цитирует множество древних авторов, и в том числе Ктесия. Из сочинения Стефана извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 11 (33) — *Steph. Byz.*, s. v. Δυρβαῖοι.

Ctes., fr. 12 (34) — *Steph. Byz.*, s. v. Χωραμναῖοι.

Ctes., fr. 43 (36) — *Steph. Byz.*, s. v. Δερβίκκαι.

Фотий Константинопольский, жил в IX в. н. э. Одно из его сочинений, «Библиотека» (Βιβλιοθήκη), представляет собой свод аннотаций на многие десятки произведений античных и византийских авторов на самые разнообразные темы; некоторые из этих аннотаций содержат и краткий пересказ произведения («эпитома»). В числе этих произведений — два сочинения Ктесия. Из этого сочинения Фотия извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 9 (29) — *Phot.*, Bibl. cod., LXXII, Pers., § 2–4, 6–8[1].

Ctes., fr. 13 (29) — *Phot.*, Bibl. cod., LXXII, Pers., § 9, 11–13.

Ctes., fr. 14 (29) — *Phot.*, Bibl. cod., LXXII, Pers., § 35.

Ctes., fr. 15 (29) — *Phot.*, Bibl. cod., LXXII, Pers., § 47.

Ctes., fr. 33 (29) — *Phot.*, Bild. cod., LXXII, Pers., § 76.

[1] Номера параграфов даны по Якоби (Jacoby).

Ctes., fr. 45 (57) — *Phot.*, Bild. cod., LXXII, Ind., § 6, 26.

Иоанн *Цец*, жил в XII в. н. э. Одно из его сочинений, «История» (Ἱστορίαι), или «Хилиады» (Χιλιάδες), является стихотворным сводом пересказов множества разрозненных сообщений древних авторов. В число этих авторов входит и Ктесий. Из этого сочинения Цеца извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 9a (31) — *Tzetz.*, Chil., I, 87–88.

Ctes., fr. – (31) — *Tzetz.*, Chil., I, 93–100.

Ctes., fr. – (28) — *Tzetz.*, Chil., XII, 893–898.

Евстафий Фессалоникский, жил в XII в. н. э. Одно из его сочинений представляет собой комментарии к Гомеру. В своих комментариях Евстафий часто цитирует античных авторов, и в том числе Ктесия. Из этого сочинения Евстафия извлечен фрагмент:

Ctes., fr. (96) — *Eust.*, Ad Odyss., VII, 79.

Деметрий, время жизни неизвестно, хотя некоторые исследователи отождествляют этого автора с Деметрием Фалерским, жившим в IV–III вв. до н. э. Его сочинение «О способе выражения» (Περὶ ἑρμηνείας) трактует вопросы риторики. Иллюстрируя литературный стиль различных авторов, он приводит выдержки из их сочинений. Такие выдержки приведены и из сочинений Ктесия. Из сочинения Деметрия извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 8a (27) — *Demetr.*, De eloc., 213.

Аполлоний, время жизни неизвестно. Его сочинение «Удивительные рассказы» (Ἱστορίαι θαυμασίαι), относящееся к жанру парадоксографии, является сборником рассказов о различных «чудесах». Эти рассказы представляют собой выписки из сочинений разных авторов, в том числе и из сочинений Ктесия. Из сочинений Аполлония извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 10a (35) — *Apollon.*, Hist. mir., XX.

Анонимный автор. Его сочинение «О женщинах…» (Περὶ γυναικῶν…) является сборником рассказов о женщинах, отличившихся в войне. Эти рассказы кратко перелагают подходящие по теме истории, заимствованные из сочинений разных авторов, в том числе и из сочинений Ктесия. Из сочинения Анонима извлечены фрагменты:

Ctes., fr. 1 c (5) — *Anon.*, De mul., 1.

Ctes., fr. 7 (26) — *Anon.*, De mul., 2.

Кроме того, отрывочные тексты из сочинений Ктесия обнаружены на древних *Оксиринхских* папирусах, найденных в Египте и относящихся ко II в. н. э. Из этих папирусов извлечен фрагмент:

Ctes., fr. 8 b (-) — *P. Ox.*, 2330.

Названные авторы передают текст Ктесия с разной степенью точности. В дальнейшем мы попытаемся, насколько это возможно, отделить подлинный текст Ктесия от того, что было привнесено в него более поздними авторами. Эта работа будет проделана в примечаниях к отдельным фрагментам. Но прежде нужно сказать несколько общих слов о том, как передают текст Ктесия Диодор и Фотий, два автора, благодаря которым сохранились наиболее пространные фрагменты сочинений Ктесия.

Ктесий у Диодора

Диодор, греческий историк, был родом из Сицилии и побывал, по его словам, во многих местах; долгое время жил в Риме. Время его жизни относится в основном к середине и второй половине I в. до н. э. Его сочинение «Библиотека» было написано, по-видимому, после 21 г. до н. э. На создание своего сочинения Диодор потратил, по его же заявлению, тридцать лет. Видимо, написанию этого труда предшествовала большая подготовительная работа по сбору материалов. Однако труд Диодора — компилятивный, составленный почти целиком по литературным работам его предшественников[1]. Сочинение это состояло из сорока книг и излагало историю Востока, Греции и Рима в синхронистическом порядке.

Во II книге (главы 1–34) своей «Библиотеки» Диодор излагает, в основном по Ктесию, ассирийскую и мидийскую историю.

Однако вопрос о том, в какой мере и насколько точно Диодор воспроизводит текст Ктесия, был предметом многих дискуссий. С этим связан и другой вопрос: читал ли Диодор сочинение Ктесия сам или был знаком с ним лишь через посредника, т. е. сам читал только какого-то автора, который уже до Диодора излагал и обрабатывал текст Ктесия. По этим спорным вопросам было высказано два основных мнения: одни ученые считают, что Диодор очень близко следует Ктесию и заимствует у него непосредственно; другие полагают, что Диодор представил нам повествование Ктесия в сильно измененном виде, заимствуя его не прямо у Ктесия, а у какого-то посредника. Впрочем, сторонники той и другой точек зрения согласны в том, что основное содержание и порядок изложения ассирийской и мидийской истории у Диодора — Ктесиевы. В то же время даже и противники теории о посреднике не отрицают наличия в этом изложении крупных вставок в первоначальное повествование Ктесия.

Первые исследователи, касавшиеся этой темы, в том числе и издатели сочинений Ктесия (Ф. Бэр, К. Мюллер), не сомневались в том, что Диодор прямо заимствовал сообщения Ктесия, хотя и отмечали ряд изменений, внесенных в них Диодором.

Но затем многие ученые обратили внимание на случаи бесспорных совпадений в ассирийской истории Диодора с историей Александра Македонского того же автора и Курция и, толкуя эти совпадения как вставки в текст Ктесия из описаний походов Александра, считали, что Диодор пользовался не подлинными сочинениями Ктесия, а их обработкой, сделанной каким-то автором эпохи Александра Македонского. Первым выдвинул такую гипотезу К. Якоби. Поскольку и Диодор и Курций писали историю Александра в основном по Клитарху, он считал, что автором, которому принадлежит обработка Ктесия, использованная Диодором, был Клитарх (III в. до н. э.)[2]. И. Маркварт, указав на ряд противоречий гипотезы К. Якоби, предложил считать автором обработки Агафархида Книдского (II в. до н. э.)[3]. Другие исследователи называли и еще

[1] *Schwartz E.* Griechische Geschichtschreiber. Lpz., 1957. S. 35; *Соболевский С. И.* Диодор Сицилийский // История греческой литературы. М., 1960. Т. III. С. 153.

[2] *Jacoby C.* Op. cit. S. 615. С этим согласился и Дж. Гилмор: *Gilmore J.* The origin of the Semiramis legend // EHR. 1887. Vol. II. S. 731.

[3] *Marquart.* Die Assyriaka... S. 504 сл. Гипотеза И. Маркварта пользовалась успехом среди историков.

некоторых древних авторов в качестве посредников между Ктесием и Диодором[1].

Против теории о посреднике энергично выступили ряд ученых. Отмечая, что Клитарх сам широко пользовался сочинениями Ктесия, они те же самые совпадения толковали как свидетельства независимого заимствования и Диодором и Клитархом (последним, как иногда полагают, через посредство Динона) из общего для них источника, из сочинений Ктесия. Такую точку зрения весьма убедительно отстаивали, опровергая теорию о посреднике, сначала П. Крумбхольц[2], а затем поддержавшие его Ф. Якоби[3] и Эд. Швартц[4].

Ассирийскую и мидийскую историю Диодор излагает, безусловно, в основном по Ктесию, о чем свидетельствует он сам: в этой части его сочинения разбросано одиннадцать ссылок на Ктесия, причем одна из них общая — относится в целом ко всему рассказу о Семирамиде[5]. Кроме того, основные моменты изложения Диодора совпадают с содержанием других фрагментов сочинения Ктесия[6]; в частности, общим для всех них являются рассказы о Нине, первом царе-завоевателе, о войне в Бактрии и победе Нина и Семирамиды над бактрийским царем, о неудачной войне Семирамиды в Индии, о Сарданапале и гибели Ассирийского царства, о Заринее. Конечно, Диодор сильно сократил текст Ктесия: менее чем в одной книге своего сочинения он передал содержание шести книг Ктесия. Сокращение осуществлялось за счет исключения или максимального сжатия явно баснословных или откровенно романтических рассказов; Диодор хотел представить всемирную историю в возможно более рациональном виде[7].

В то же время в ассирийской и мидийской истории Диодора имеется ряд мест, явно общих с сочинениями историков Александра и восходящих к общему с ними источнику. Однако установить этот источник в каждом отдельном случае не всегда бывает просто. Таким источником могло быть и сочинение Ктесия, из которого заимствовали, независимо один от другого, и Диодор и историк Александра, могло быть и сочинение историка Александра, из которого заимствовал Диодор. Возможны даже такие сложные случаи, когда тот или иной момент, отмеченный у Диодора как вставка в повествование Ктесия, заимствованная из сочинения историка Александра, в конечном счете восходит к сочинению Ктесия[8].

Историки Александра хорошо знали и использовали сочинения Ктесия. Чтобы полнее понять этот факт, нужно учитывать следующее обстоятельство. Среди современников Александра чрезвычайно популярны были сказания о древних богах и героях, таких как Дионис и Геракл, деяния которых, как тогда полагали,

---

Ее придерживался Эд. Мейер: *Meyer E.* Geschichte des Altertums. B., 1925. Bd I, 2 Awfl. § 319.

[1] *Goossens G.* L'histoire d'Assyrie de Ctésias // AC. 1940. T. IX. P. 40, 44.

[2] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 321–341; *Он же.* Zu den Assyriaka… Rhm. N. F. 1985. Bd L. S. 205–240; 1897. Bd LII. S. 237–285.

[3] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2040, 2070, 2071.

[4] *Schwartz.* Op. cit. S. 49.

[5] *Diod.*, II, 20, 3. См.: *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 327.

[6] Ср. фрагменты, переданные Кефалионом: Ctes., fr. 1a, g, o α и Анонимом: Ctes., fr. 1c; fr. 7.

[7] Ср.: *Drews R.* Op. cit. P. 134; *Biltcliffe.* Op. cit. P. 92.

[8] Наглядный пример такого сложного заимствования — описание у Диодора (II, 7, 3–4) Вавилона, построенного Семирамидой. Здесь дается прямая ссылка на Клитарха, но описание явно восходит к Ктесию, см.: *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 261.

повторял Александр. Образы эти всюду сопровождали македонских воинов, воображение которых заставляло совершать мифических предшественников Александра те же подвиги, какие выпадали на долю самого Александра. Не последнее место среди древних воителей, почитаемых спутниками Александра, занимала Семирамида. Во всяком случае, деяниями Семирамиды восхищался Александр[1]. При этом Семирамида Александра и его соратников — именно ктесиев персонаж; возможно, что Александр познакомился с ним благодаря Аристотелю, своему учителю[2]. Понятно, что когда историки Александра первого поколения, сами обычно участники походов Александра, писали свои сочинения, они охотно вводили в повествование образы и эпизоды из преданий о древних воителях, а если это было возможно, то и из сочинений о них. Деяния Семирамиды были описаны в сочинении Ктесия. Оно и послужило литературным образцом для описания ряда деяний Александра. Особенно широко пользовался сочинением Ктесия Клитарх, главный представитель «романтического» направления среди историков Александра, сын Динона, автора «Истории Персии», в основу которой было положено одноименное сочинение Ктесия. Сочинение Клитарха дошло до нас в передаче Диодора, Трога, Курция. У Клитарха много заимствовал другой ранний историк Александра, Аристобул, так что и у этого историка можно найти отзвуки ктесиевых рассказов. Сочинение Аристобула дошло до нас в передаче Арриана, Страбона и других поздних авторов. Кроме того, независимо от Клитарха у Ктесия черпали и многие другие историки Александра, сочинения которых сохранились, например, в передаче Арриана и Курция.

С другой стороны, Диодор хорошо знал сочинение Клитарха: историю Александра он излагал, целиком основываясь на этом сочинении. Вполне возможно, что, излагая ассирийскую и мидийскую историю по Ктесию, он включал в нее по ассоциации и некоторые данные из сочинения Клитарха. Предположение же о существовании посредника между Ктесием и Диодором, как нам кажется, не доказано, да в таком предположении, видимо, и нет необходимости.

Таким образом, порядок использования сочинений Ктесия у Диодора можно изобразить в виде следующей схемы:

[1] Curt., VII, 6, 20.

[2] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2070; *Tarn W.* Alexander the Great. Cambr., 1950. Vol. II. P. 50

В заключение приведем список мест в ассирийской и мидийской истории Диодора (II, 1–34), о которых можно сказать как о принадлежащих или не принадлежащих Ктесию.

Ктесию принадлежат следующие места:

По П. Крумбхольцу[4]		По Г. Гооссенсу[5]
принадлежность Ктесию		(места только из ассирийской истории)
определенна	сомнительна	
	1, 4–5/2, 7–10	
2	3	2
4		4, 3
5, 1–4		5, 4
6		
7		7, 1, 3–4
8		8, 5
9	10	
11, 1/2, 4–5	11, 1/2–3	
13		13, 1
14		
15, 2–4		15, 2
16, 1–2, 5–10		
17		17, 1
18		
19		
20, 1–2		20, 2–3[6]
21, 8	21 (–8)	21, 8
22–28		22, 5
32, 4–34		

[4] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 335.

[5] *Goossens*. Op. cit. P. 45.

[6] Г. Гооссенс дает: 20, 3 — здесь содержится ссылка на Ктесия, — но, очевидно, имеет в виду и 20, 2, поскольку здесь же указывает на Athenag., Legat. pro Christ., 26.

Ктесию не принадлежат следующие места:

По П. Крумбхольцу[7]	По Эд. Швартцу[8]	По Ф. Якоби[9] (определенно или предположительно)
1, 1–3, 5/2–6	1, 5–6	1, 1–3, 5/2–6
5, 5–7	5, 6–7	5, 5–7
	7, 3–4	7, 3–4
		9, 4/2
	10	10
	11	11
		12
15, 1, 5		15, 5
16, 3–4	16, 3–4	16, 3–4
17, 3	17, 3	17, 3
20, 3–5	20, 3–5	20, 3–5
		22, 4–5/2
	23, 3	23, 3
29–31	29–31	29–31
32, 1–3	32, 3	32, 1–3

[7] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 335.

[8] *Schwartz*. Op. cit. S. 49.

[9] У Диодора II, 7, 3–4 даны вперемежку ссылки на Ктесия, Клитарха и других, «более новых» (по отношению к Ктесию) авторов.

Ктесий у Фотия

Фотий, константинопольский патриарх, жил в Константинополе, когда не был в ссылках. Время его жизни относится в основном к середине и второй половине IX в. н. э. Сочинение Фотия «Библиотека» было написано, по словам автора, за короткий срок в связи с назначением его послом к «ассирийцам» (арабам), но на основе заметок, собранных им на протяжении двадцати лет. Фотий был большим знатоком не только церковной, но и античной литературы, и в доме его в течение многих лет собирался кружок любителей древней словесности. Указанное сочинение и давало обзор содержания произведений, прочитанных и обсужденных на этих собраниях[1]. Сочинение это делится на 279 «кодексов» (листов) и излагает содержание, а иногда и дает оценку множества литературных произведений.

[1] *Ziegler*. Photios (13) // RE. 1941. HlBd XXXIX. стб. 691; *Фрейберг Л. А.* Фотий // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 39, 40.

В LXXII «кодексе» своей «Библиотеки» Фотий дает «эпитомы» (краткие изложения содержания) двух сочинений Ктесия: «Истории Персии» (только собственно персидской ее части) и «Описания Индии».

Вопрос о том, насколько точно передает Фотий текст Ктесия, решается более просто. Однако и по этому вопросу высказывались различные мнения. Так, например, И. Маркварт считал, что Фотий пользовался не подлинной «Историей Персии» Ктесия, но лишь эпитомой ее, сделанной Памфилой (I в. до н. э.), и сокращение Фотия, таким образом, является «эпитомой эпитомы»[1]. Но такая точка зрения на работу Фотия встретила решительные (и справедливые) возражения П. Крумбхольца[2] и Ф. Якоби[3].

Фотий прямо заявляет, что он излагает «Историю Персии» (начиная с VII книги) и «Описание Индии» Ктесия[4]. Пересказывая содержание этих сочинений, Фотий, безусловно, сам имел их перед глазами; текст Ктесия он передает достаточно верно. Разумеется, Фотий передал текст Ктесия в сильно сокращенном виде; так, в одной небольшой эпитоме изложено содержание семнадцати книг «Истории Персии» Ктесия. Сокращение ведется Фотием не везде равномерно. Некоторые книги Ктесия совсем не нашли отражения в эпитоме Фотия (может быть, последний вообще не располагал ими?). Так, Фотий не говорит о содержании десятой книги, в которой рассказывалось о походе Кира против восточных народов: каспиев, хорамнеев и некоторых других. Возможно, что Фотий опустил в своем пересказе и содержание восьмой книги, в которой предположительно говорилось о войне Кира с вавилонянами. Фотий допускает также некоторую неточность в передаче имен, например заменяет по ошибке одни имена другими.

Переходим теперь к рассмотрению вопроса о подлинности и точности **отдельных фрагментов** сочинения Ктесия (по параграфам раздела: «Избранные отрывки из фрагментов сочинений Ктесия»).

§ 1

Fr. 1a, g (21). *Cephal.*, fr. 1.

Сохранился еще аналогичный фрагмент сочинения Кефалиона, но без ссылки на Ктесия: «Это напоминает мне рассказ Кефалиона, который, как многие другие, помещает после вступления Семирамиды на трон сначала ее войну против Зороастра, войну, в которой, как он утверждает, она была победительницей, затем ее поход в Индию»[5]. Здесь в цитировании, как можно заметить путем сравнения с другими фрагментами того же сочинения, допущена неточность: Семирамида стала царицей во время войны Нина с Зороастром, унаследовала же она царство Нина лишь после войны.

---

[1] *Marquart.* Die Assyriaka... S. 592, 593. Такого мнения придерживаются и другие ученые, см.: *Rose H. J.* A handbook of Greek literature. From Homer to the age Lucian. L.-N.Y., 1961. P. 309.

[2] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka... // RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 213.

[3] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2066.

[4] *Phot.*, Bibl., cod. LXXII, Pers., § 1; Ind., § 1.

[5] *Mos. Chor.*, I, 15. Перевод даю по французскому переводу Вольнея (C. F. de Volney) в кн.: *Muellerus.* Op. cit. P. 33.

Вопрос о том, насколько точно Кефалион воспроизводит текст Ктесия, также был предметом обсуждений. Некоторые исследователи считают, что Кефалион заимствовал не прямо у Ктесия, а у какого-то автора, перерабатывающего сочинения Ктесия. П. Крумбхольц полагает, что это был некий автор, сочинение которого послужило общим источником и для рассказа Кефалиона, и для версии Юстина о Нине и Семирамиде[1]. Ф. Якоби считает, что этим автором был Динон или какой-то последователь Динона[2].

Рассказ Кефалиона о Нине и Семирамиде в целом близко воспроизводит текст Ктесия[3]. Кефалион дает прямую ссылку на Ктесия. Содержание его рассказа во всех основных моментах не расходится с содержанием других фрагментов сочинения Ктесия. Это относится прежде всего к общему построению рассказа: у Кефалиона героическим деянием Семирамиды является участие ее в бактрийской войне. У Трога и Динона такие деяния перенесены на время после бактрийской войны и воцарения Семирамиды[4]. Таким образом, Кефалион в своем сочинении развивал версию рассказа о Нине и Семирамиде, весьма близкую версии, представленной в других фрагментах сочинения Ктесия, и в то же время отличающуюся от версии Трога и Динона. Однако Кефалион, взяв за основу рассказ Ктесия, использованный им независимо от Динона и источника Трога, добавлял к этому рассказу кое-какие сведения, заимствованные у Геродота и Гелланика, на которых он прямо ссылался. Можно допустить, что Кефалион брал какие-то сведения и у Динона, особенно если согласиться с тем, что Кефалион в своем рассказе ссылался на Динона (т. е. если принять чтение Δείνωνι и Dinon вместо Ζήνωνι и Zenon).

Переходим теперь к рассмотрению отдельных мест рассказа Кефалиона, принадлежность которых Ктесию вызывала сомнения.

ὁ Βήλου Νίνος Нин [сын] Бела] Указание на Бела как на отца Нина считает не принадлежащим Ктесию П. Крумбхольц; он определяет его как заимствование у Геродота[5]. Поскольку в других фрагментах сочинения Ктесия такого указания нет, то вполне возможно, что оно действительно было заимствовано у Геродота[6], которого сам Кефалион упоминает как одного из трех авторов, писавших до него о древних ассирийцах.

Ζωροάστρου μάγου Зороастра мага] В принадлежности этих слов Ктесию высказывали сомнения ряд исследователей и наиболее развернуто — П. Крумбхольц[7]. Однако вряд ли можно отрицать принадлежность Ктесию первого слова. Царь бактрийцев назван Зороастром еще в одном (не исключено, что и в двух)

---

[1] *Krumbholz*. Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 245, 246.

[2] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2070.

[3] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 332, 333.

[4] *Trog.*, fr. 20, Seel; Iust., I, 1, 10–2, 10; Dein., fr. 7, Jacoby; *Athen.*, fr. 1, Jacoby. См. по этому поводу: Пьянков *И. В.* Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. Вып. I. С. 59–61.

[5] *Krumbholz*. Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 345.

[6] *Her.*, I, 7.

[7] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 337–338; *Он же*. Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 245, 246.

фрагменте сочинения Ктесия, а также в двух или трех независимых друг от друга и восходящих к Ктесию рассказах. Что же касается второго слова, то оно, по-видимому, не принадлежит Ктесию. Зороастр как маг — персонаж из другой традиции, в которой он выступает мидийцем или персом, а не бактрийцем. Возможно, что определение «маг» появилось здесь просто под влиянием распространенного в античном мире представления о Зороастре именно как о маге. Но возможно также, что в этом сказалось влияние версии Динона, который, по-видимому, впервые объединил Зороастра Ктесия с Зороастром-магом. Если принять такое предположение, то можно представить, что характеристика Зороастра как мага была дана Кефалионом в особом отступлении, как это сделал Трог, и в нем Кефалион изложил заимствованные у Динона сведения.

καὶ ὑπὸ Νίνου — ἀνῃρέθη и что — убита] Описание конца Семирамиды у Кефалиона, как показано П. Крумбхольцем, отличается от описания, данного Ктесием[1]. Действительно, в других фрагментах сочинения Ктесия конец Семирамиды описан не так. Но это изменение, введенное Кефалионом, могло быть просто результатом его собственной рационализации версии Ктесия.

§ 2

Fr. 1b (2, 5). *Diod.*, II, 2, 1–4; 4, 1.

Diod., II, 2, 1.

τὴν ἐντὸς Ταναΐδος καὶ Νείλου между Танаисом и Нилом]. Это определение границ Азии вызвало сомнения многих исследователей в отношении принадлежности его Ктесию. К. Якоби, сравнивая данное определение с другими высказываниями Диодора и с сообщением Курция, в которых эти авторы называют Танаис границей Азии и Европы[2], видит в нем один из следов обработки текста Ктесия Клитархом[3]. П. Крумбхольц считает это определение вставкой Диодора в текст Ктесия, в которой Диодор выразил свое представление о границах Азии, высказанное им также перед этим[4]. Это представление, по его мнению, противоречит дальнейшему тексту Диодора, в котором был дан список народов (с. 2, 3), якобы не укладывающийся в территориальные рамки определения «между Танаисом и Нилом»[5]. Ктесий, по мнению этого исследователя, говорил здесь примерно так, как сказано у Юстина: Нин покорил всю Азию «до самых пределов Ливии»[6]. Возможность вставки здесь допускает (хотя и под вопросом) Ф. Якоби, ссылаясь на П. Крумбхольца[7].

Однако, как нам кажется, действительных оснований для того, чтобы сомневаться в принадлежности этого определения Ктесию, нет. Трог, заимствовавший у Ктесия независимо от Диодора, приводит такое же определение. Рассказывая о завоеваниях Нина, он говорит, что Нин покорил всю Азию «до Ливии по ту

[1] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 245.
[2] *Diod.*, I, 55, 4; Curt., IV, 2, 13.
[3] *Jacoby C.* Op. cit. S. 570.
[4] *Diod.*, I, 55, 4.
[5] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 272–274.
[6] *Iust.*, I, 1, 5.
[7] FGH. III C. Bd I. P. 421. Ср.: *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2037, 2072, 2073.

сторону Египта (per Aegyptum) и до Европы по ту сторону Танаиса (per Danaum)»[1]. Это определение не противоречит и дальнейшему повествованию Диодора, в котором он следует Ктесию. Из этого повествования вытекает, что Бактрия наряду с Индией — крайняя страна Азии (с. 2, 1) и что походы Нина были направлены от одного края Азии, от Египта, до другого ее края, до Бактрии (с. 2, 3–4). Поскольку известно, что Египет — страна, расположенная при реке Ниле, одном рубеже Азии, должно следовать, что Бактрия является страной, расположенной при реке Танаисе, другом рубеже Азии. Действительно, есть свидетельство того, что Ктесий именно так представлял себе положение Бактрии. Это свидетельство мы находим у Курция, в том месте его сочинения, где он следовал, по-видимому, Клитарху: «Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими; он же образует границу между Азией и Европой… [скифы] граничат с крайними пределами Азии, которыми является Бактрия»[2]. О влиянии на Клитарха со стороны Ктесия мы уже говорили выше. Данная параллель между сообщениями Диодора и Клитарха (у Курция) является результатом независимого заимствования того и другого автора у Ктесия. Это определение не противоречит и тому, что мы знаем вообще о развитии античных представлений о границах Азии и Европы. Танаис как граница двух частей земли выступает в античной географии задолго до Ктесия; об этом вполне определенно свидетельствует Геродот[3].

ὡς ἐπίπαν — παρίστησι ведь всегда — большее] Это общее рассуждение, по всей видимости, принадлежит самому Диодору[4].

Βακτριανῶν бактрийцев] Форма Βακτριανοί здесь и далее во фрагментах, переданных Диодором (fr. 1 b, c. 2, 4; c. 5, 3; c. 6, 3; c. 26, 2, 4), видимо, заменила форму Βάκτριοι, которую употреблял Ктесий[5]. Указанная форма вообще всюду принята у Диодора.

Diod., II, 2, 2.

τὰς μὲν — ἀνέγραψε отдельные — писатель] Это краткое отступление, по-видимому, также принадлежит самому Диодору[6].

Diod., II, 2, 3.

Вопрос о том, в какой мере рассказ Диодора о покорении Нином «Азии», и особенно список покоренных стран, принадлежит Ктесию, вызвал много споров у исследователей. Уже Т. Нельдеке отмечал, что Диодор передает ктесиев список с изменениями, хотя вообще в существовании такого списка в данном месте сочинения Ктесия не сомневался[7]. К. Якоби, сравнивая этот список со списком сатрапий македонской державы, приведенным у того же Диодора[8], ви-

[1] *Trog.*, fr. 19a, Seel. Ср.: *Iordan.* Get., 5; о заимствовании сообщения о Танаисе Иорданом у Трога см.: *Marquart.* Die Assyriaka… S. 522.

[2] *Curt.*, VII, 7, 2, 4.

[3] *Her.*, IV, 45. Ср.: Jacoby F. Op. cit. стб. 2037.

[4] Ср.: FGH. III C. Bd I. P. 421.

[5] Ср.: *Ctes.*, fr. 9, § 2, 8; fr. 13, § 13; fr. 14, § 35; fr. 45, § 6; fr. 45 h.

[6] Ср.: FGH. III C. Bd I. C. 421, 422.

[7] *Nöldeke Th.* Ἀσσύριος Σύριος Σύρος // Herm. 1871. Bd V. P. 445, 446.

[8] *Diod.*, XVIII, 3, 2–5.

дит и здесь след обработки текста Ктесия[1]. И. Маркварт считает сомнительным, давал ли Ктесий список стран в рассказе о завоеваниях Нина. Этот список, по его мнению, был вставлен сюда автором обработки текста Ктесия, который использовал для него список из сочинений Ктесия «О дани на Азию», добавив к этому последнему еще три названия народов (дербики, хоромнеи, боркании) из рассказа Ктесия о завоеваниях Кира. Маркварт доказывает позднее и искусственное происхождение списка покоренных Нином стран тем, что некоторые из перечисляемых в нем народов якобы нарушают географический порядок перечисления, исходя при этом из своей локализации (весьма спорной) данных народов[2]. Против предположений о позднем происхождении списка убедительно выступил Крумбхольц. Он считает, что Ктесий действительно давал такой список, и именно здесь, хотя и не отрицает определенных изменений, внесенных в него Диодором[3].

По нашему мнению, нет оснований для того, чтобы считать рассматриваемый список вставкой. Диодор дает его с прямой ссылкой на Ктесия: «Следуя Ктесию Книдскому» (ἀκολούθως Κτησίᾳ τῷ Κνιδίῳ) (с. 2, 2)[4]. Этот список заимствован у Ктесия, хотя и не полностью, Ксенофонтом[5], современником Ктесия, писавшим намного раньше предполагаемой обработки текста Ктесия. Список содержит ряд названий народов, упоминавшихся только у Ктесия и не встречавшихся в списках персидских или македонских сатрапий у других авторов. Конечно, Диодор не точно воспроизводит рассказ Ктесия о завоевании Нином «всей Азии». О сокращениях говорит сам Диодор, свидетельствуя о них словечком «вкратце» (συντόμως). Видимо, Диодор очень сжато излагал этот рассказ Ктесия, перечисляя лишь названия «важнейших из народов» и опуская названия «менее значительных народов». Так как о них «долго было бы говорить» (с. 2, 2 и 4). Иногда предполагают, что общее число покоренных народов у Ктесия (у Диодора названо 27 народов) стояло в какой-то связи с числом 17 — количеством лет, в течение которых они были покорены[6]. В то же время здесь возможны и дополнения Диодора в текст Ктесия.

Переходим теперь к рассмотрению упоминаний об отдельных народах.

Δραγγῶν дрангов] О возможности того, что название это не принадлежит Ктесию, говорил И. Маркварт[7]. По-видимому, в данном случае следует согласиться с ним и считать это слово дополнением Диодора, введенным в текст Ктесия. Название это нигде более у Ктесия не встречается. Вызывает подозрение и положение его в списке народов, между гирканцами и дербиками. Гирканцы и дербики, по Ктесию, являются соседями[8], и очень странно, что между ними вклинились далекие от них дранги; вообще упоминание дрангов здесь — гео-

[1] *Jacoby C.* Op. cit. S. 570.
[2] *Marquart.* Op. cit. S. 522, 523.
[3] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 214–222; 1897. Bd LII. S. 271–273.
[4] См. по этому поводу: *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 212.
[5] *Xen.*, Cyrop., I, 5, 2–3; IV, 6, 56.
[6] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 271.
[7] *Marquart.* Die Assyriaka… S. 523. Ср.: *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 273.
[8] *Ctes.*, fr. 43.

графически неуместно. Сама форма Δράγγαι — поздняя, встречается у историков Александра[1]. Более ранняя форма — Σαράγγαι, ее употребляет Геродот[2] и некоторые историки Александра[3].

Δερβίκων дербиков] Относительно принадлежности Ктесию названия Δέρβικες высказывались различные мнения. И. Маркварт считал, что это название было введено в текст Ктесия, изложенный у Диодора, автором обработки сочинения Ктесия под влиянием Клитарха, который впервые отождествил известных ему дербиков (Δέρβικες) с дербиями (Δέρβιοι или как-то в этом роде) Ктесия[4]. Против такого предположения высказывался П. Крумбхольц, считавший, что название Δέρβικες употреблял уже Ктесий[5]. Действительно, трудно согласиться с тем, что название Δέρβικες не принадлежит Ктесию. Это название несколько раз употребляет Фотий, излагавший текст Ктесия совершенно независимо от Диодора.

Χωρομναίων хоромнеев] Форма Χωρομναῖοι здесь, видимо, заменила форму Χωραμναῖοι, которую употреблял Ктесий[6].

Βορκανίων борканиев] Форма Βορκάνιοι здесь, видимо, заменила форму Βαρκάνιοι, которую употреблял Ктесий[7].

Κασπιανήν Каспиану] С формой Κασπιανή ср. выражение Κασπία γῆ или Κασπία χώρα, которое, по-видимому, употреблял Ктесий[8].

Diod., II, 2, 4.

Βακτριανῆς Бактриана] Форма Βακτριανή здесь и далее во фрагментах, переданных Диодором (fr. 1b, c. 2, 4; c. 4, 1; c. 5, 3; c. 6, 1, 2, 7; c. 7, 1; c. 16, 7; c. 17, 1; c. 26, 1), видимо, заменила форму Βακτρία, которую употреблял Ктесий[9]. Указанная форма вообще всюду принята у Диодора.

οὔσης — ἐχούσης труднодоступна — мужей] Это краткое описание Бактрианы, безусловно, тождественно такому же описанию Бактрианы, которое дает Клитарх у Диодора[10]: «[Бактриана] труднодоступна и имеет достаточное количество мужей для приобретения независимости»[11]. К. Якоби делает отсюда вывод, что это описание является вставкой Клитарха в обработанный им текст Ктесия. Однако более вероятно здесь видеть параллельное заимствование Диодором и Клитархом из общего источника, из сочинения Ктесия. В дальнейшем повествовании Диодор, излагая текст Ктесия, еще дважды возвращается к этому описанию, которое органично входит в излагаемый текст (c. 5, 3; c. 6, 1). Во всяком случае, историк Александра вряд ли мог быть действительным автором этого описания, так как Александр не испытал особых затруднений при покорении Бактрии.

---

[1] Например: *Arr.*, Anab., III, 28, 1.

[2] *Her.*, III, 93, 117; VII, 67.

[3] Например: *Arr.*, Anab., III, 25, 8; VI, 17, 3; VII, 6, 3. Относительно употребления обеих форм у Арриана см.: Schwartz. Op. cit. S. 122.

[4] *Marquart.* Die Assyriaka... S. 522, 616.

[5] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka... RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 214.

[6] Ср.: *Ctes.*, fr. 12; fr. 9, § 8.

[7] Ср.: *Ctes.*, fr. 9, § 6, 8; fr. 9 a.

[8] Ср.: FGH. III C. Bd I. P. 458.

[9] Ср.: *Ctes.*, fr. 11; fr. 14, § 35.

[10] *Jacoby C.* Op. cit. S. 570; *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 339; FGH. IIIC. Bd I. P. 422.

[11] *Diod.*, XVII, 74, 2.

§ 3

Fr. 1c (5). *Anon.*, De mul., 1.

Рассказ Анонима о Семирамиде очень сжато, но в общем точно передает текст Ктесия.[1] И в этом рассказе дана прямая ссылка на Ктесия, а содержание его полностью совпадает с содержанием других аналогичных фрагментов сочинения Ктесия. Вполне возможно, что Аноним основывается на сочинении Ктесия непосредственно, во всяком случае, он независим от Диодора[2].

§ 4

Fr. 1b (6–8). *Diod.*, II, 5, 3–4; 6, 1–5, 7–9; 7, 1.

Вопрос о том, в какой мере рассказ Диодора о войне Нина с бактрийским царем принадлежит Ктесию, также вызывал много споров.

Уже ранние издатели сочинений Ктесия решали этот вопрос по-разному. Ф. Бэр не сомневался в принадлежности рассказа Ктесию, хотя и отмечал отсутствие здесь ссылки на него[3]. К. Мюллер, напротив, считал, что Диодор в данном месте сменил свой источник, т. е. Ктесия, излагая рассказ по другому источнику, ибо решил, что упомянутый в рассказе Ктесия Зороастр не может здесь фигурировать по хронологическим соображениям[4]. К. Якоби, выдвинувший теорию о посреднике, частично поддержал К. Мюллера и указал на имя Оксиарт, появившееся в рассказе Диодора вместо Ктесиева Зороастра, как на еще одно подтверждение того, что Диодор черпал не прямо из сочинения Ктесия, а из какой-то обработки его, произведенной автором македонского времени[5]. П. Крумбхольц, опровергавший теорию о посреднике, считал, что нет доказательств смены здесь Диодором своего источника, так как имя бактрийского царя в рассказе Диодора само по себе еще ничего не доказывает, да и чтение его не установлено точно[6].

Очевидно, нет оснований сомневаться в том, давал ли Ктесий вообще рассказ о войне Нина с бактрийским царем. Правда, в рассматриваемом рассказе Диодора ссылка на Ктесия дана лишь один раз, в описании приготовления Нина к войне (с. 5, 4), в описании же самой войны ни одной такой ссылки нет. Но основные моменты рассказа Диодора совпадают с тем, что сообщают другие три фрагмента сочинения Ктесия. В рассматриваемых частях рассказа эти моменты таковы: ассирийский царь Нин начинает войну с бактрийским царем; Семирамида захватывает Бактры, и Нин, таким образом, побеждает. О войне Нина с бактрийским царем рассказывают и многие другие авторы, заимствуя у Ктесия. В числе этих авторов — Ксенофонт, современник Ктесия, упоминающий об осаде Бактр ассирийским царем[7]. Но принадлежат ли Ктесию другие моменты рассказа Диодора, описания подробностей войны? В этих описаниях много явных

[1] *Krumbholz.* Zu den Assiriaka… RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 224.

[2] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 327, прим. 1.

[3] *Baehr.* Op. cit. P. 396.

[4] *Muellerus.* Op. cit. P. 19.

[5] *Jacoby C.* Op. cit. S. 581–583.

[6] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 338.

[7] *Xen.*, Cyrop., IV, 6, 56.

совпадений с рассказами историков Александра. Совпадающие места можно возводить к Ктесию, т. е. считать, что и Диодор, и историки Александра независимо черпали у Ктесия, но можно возводить и к тому или иному историку Александра, т. е. считать, что Диодор заимствовал их у этих историков, включая и рассказ Ктесия. На наш взгляд, первое объяснение более вероятно.

Рассказ Диодора о войне Нина с бактрийским царем имеет совпадения с рассказом двух историков Александра. Сообщения одного из них представлены у Арриана и, более слабо, у Курция, сообщения другого, по-видимому Клитарха, — у Диодора, Трога, Курция и Полиена. К тексту Диодора ближе сообщения первого историка. Места, общие для текста Диодора и рассказов историков Александра, у последних поданы обычно в более развернутом виде. Если указанные совпадения рассматривать как результат независимого заимствования Диодором и историками Александра у Ктесия, то отмеченные взаимоотношения между сообщениями Диодора и историков Александра можно объяснить следующим образом. Историки Александра приняли некоторые рассказы Ктесия за литературный образец и заимствовали из них ряд деталей во время литературной отделки своих сочинений. Заимствованные места и обнаруживают близость с рассказом Диодора. При этом заимствования более точно воспроизводили текст Ктесия у первого из историков Александра, чем у второго, а у обоих этих историков они оказались более полными, чем у Диодора в его сжатом пересказе Ктесия.

Одному историку (не Клитарху) принадлежат рассказы о походе Александра в Бактрию и о взятии им Согдийской скалы. С рассказом Диодора совпадают в них и общая композиция, и отдельные моменты. Часто даже словоупотребление здесь одинаковое. Все это хорошо заметно, несмотря на то что указанные рассказы этого историка дошли до нас не в своем первоначальном виде, а из вторых или даже третьих рук. Рассказ о походе Александра в Бактрию, представленный у Арриана и Курция[1], имеет явные совпадения с сообщением Диодора о вторжении Нина в Бактрию. Рассказ об осаде Согдийской скалы Александром, представленный у Арриана[2], почти буквально совпадает с рассказом Диодора об осаде Бактр Нином. В рассказе о завоевании Бактрии Александром и в рассказе об осаде Согдийской скалы фигурирует Оксиарт. По-видимому, историк, о котором мы говорим, сознательно приблизил рассказ о походе Александра в Бактрию к рассказу Ктесия о войне Нина в Бактрии; при этом, поскольку Бактры были взяты Александром без особых затруднений, аналогией для истории взятия Бактр Нином и Семирамидой послужил рассказ о взятии Согдийской скалы. Этот же историк ввел в оба свои рассказа Оксиарта, также сознательно сблизив его с бактрийским царем Ктесия. Действительно, история взятия Александром Согдийской скалы известна и в другом варианте, где Оксиарт и его родственники совсем не фигурируют.

Другому историку, очевидно, Клитарху, принадлежат рассказы о взятии Александром Согдийской скалы и женитьбе его на Роксане. Первый рассказ, пред-

[1] *Arr.*, Anab., III, 28, 8–29, 1; Curt., VII, 4, 20–25.
[2] *Arr.*, Anab., IV, 18, 4–19, 5.

ставленный у Диодора, Курция и Полиена[1], обнаруживает явные совпадения с рассказом Диодора об осаде Бактр Нином. Правда, никакого упоминания об Оксиарте в этом рассказе о Согдийской скале уже нет. Второй рассказ сохранился в двух коротких отрывках. Его передавали по Клитарху Диодор и Трог, но в полном своем виде в сочинениях ни того, ни другого авторов он до нас не дошел. От рассказа Диодора сохранилось лишь краткое описание его содержания в оглавлении к XVII книге: «Как Александр, влюбившись в Роксану, дочь Оксиарта, женился на ней и убедил большинство своих друзей жениться на дочерях знатных варваров»[2]. По-видимому, Оксиарт здесь был назван «царем бактрийцев»[3]. От рассказа Трога сохранился небольшой фрагмент, в котором говорится: «Наконец, [Александр] вступил в землю бактрийцев и женился на Роксане, [обладавшей] прекрасной наружностью, дочери [З]ороастра, царя бактрийцев»[4]. Полагают. что Трог здесь употребил оба имени, Оксиарт и Зороастр, отнеся их к одному лицу, отцу Роксаны[5].

Итак, по остаткам этих двух рассказов можно заключить, что Клитарх, рассказывая о женитьбе Александра, отождествлял Оксиарта, отца Роксаны, с Зороастром, царем бактрийцев. Здесь сближение Оксиарта с бактрийским царем, персонажем рассказа Ктесия, уже очевидно.

Цель историков, создававших эти рассказы, отмеченные тенденцией сближения Оксиарта с Зороастром, царем бактрийцев, легко объяснима: надо было оправдать брак Александра на Роксане, объявив род Роксаны древним царским родом[6].

Переходим теперь к рассмотрению отдельных мест рассказов Диодора.

Diod., II, 6, 2.

Ὀξυάρτης Оксиарт] Вопрос о том, в каком отношении к Ктесию находится имя бактрийского царя, приведенное Диодором, и как называл бактрийского царя сам Ктесий, обсуждается в науке уже долгое время. Привести здесь мнение всех ученых, занимавшихся этим вопросом, нет возможности, но мы попытаемся дать обзор основных точек зрения, высказывавшихся по этому поводу. Ранние исследователи обычно полагали, что Ктесий называл бактрийского царя Зороастром, Диодор же вместо этого имени привел другое, назвав царя Оксиартом. К. Мюллер полагал, что замену произвел сам Диодор[7]. К. Якоби приписывал ее Клитарху, который, как он считал, сознательно подставил в обработанный им текст Ктесия имя Оксиарта, тестя Александра[8]. О замене первоначального имени Зороастр, которое было приведено у Ктесия, на более позднее имя Оксиарт, фигурирующее у Диодора, говорил Дж. Гилмор[9]. Такой

[1] *Diod.*, XVII, prol. (2), 25; *Curt.*, VII, 11, 1–29; *Polyaen.*, IV, 3, 29.
[2] *Diod.*, XVII, prol. (2), 30.
[3] Ср.: *Diod.*, XVIII, 3, 3.
[4] *Trog.*, fr. 94 a, Seel.
[5] *Seel O.* Pompei Trogi Fragmenta. Lips., 1956. P. 110, 111.
[6] Ср.: *Jacoby C.* Op. cit. S. 582, 583.
[7] *Muellerus.* Op. cit. P. 19.
[8] *Jacoby C.* Op. cit. S. 581, 582.
[9] *Gilmore.* Op. cit. P. 731.

же точки зрения придерживаются или, во всяком случае, учитывают ее и многие советские исследователи[1]. Высказывалось и другое мнение, а именно, что у Ктесия царь бактрийцев был безымянным и лишь у Диодора был наделен именем Оксиарта. И. Маркварт говорил, что имя Оксиарта, тестя Александра, вставил в обработанный им текст Ктесия Агафархид, у которого заимствовал Диодор; какой-то другой автор (которого И. Маркварт затрудняется определить, хотя склоняется, видимо, к тому, что это был Александр Полигистор) назвал Ктесиева бактрийского царя Зороастром, и у него заимствовали остальные авторы, употреблявшие для бактрийского царя то же имя[2]. Наконец, считали, что сам Ктесий называл бактрийского царя тем же именем, которое приведено у Диодора. Такую точку зрения высказал А. В. Джексон: Ктесий называл бактрийского царя Оксиартом, и так же назвал его, следуя Ктесию, Диодор; другие авторы, неправильно истолковав сообщение Ктесия, назвали бактрийского царя Зороастром[3]. Однако не всегда ученые присоединяются к какой-либо одной из этих трех основных точек зрения; иногда они вообще оставляют вопрос, в сущности, открытым. Так, например, П. Крумбхольц отмечал, что наличие у Ктесия имени Зороастр для бактрийского царя не является доказанным, а если Ктесий и употребил такое имя, то остается неясным, как называл бактрийского царя Диодор[4].

Нам кажется, что нельзя отрицать наличия у Ктесия имени Зороастр для бактрийского царя. Зороастр упоминается в двух фрагментах сочинения Ктесия, переданных Кефалионом и Арнобием, и в двух или трех сообщениях других авторов: Трога, Феона и, может быть, Динона. Сообщения всех этих авторов, черпавших у Ктесия, независимо одно от другого; указанные авторы передают рассказ, связанный с именем Зороастра, или близко следуя Ктесию, или развивая каждый свою самостоятельную версию. Правда, можно допустить некоторое влияние версии Динона на сообщения Трога, Кефалиона и Арнобия, но это влияние могло сказаться лишь в том, что Ктесиеву Зороастру, бактрийскому царю, были приданы черты Зороастра-мага. Все это делает очень мало вероятной возможность того, что упоминание Зороастра было приписано Ктесию заимствовавшими у него авторами. Трудно было бы также понять, почему именно бактрийского царя из Ктесиева рассказа назвали Зороастром, если бы этого не сделал сам Ктесий[5]. Предположение о принадлежности имени Зороастр Ктесию не противоречит и тому, что известно об осведомленности греков относительно Зороастра вообще. Судя по сообщению Ксанфа Лидийского, о Зороастре греки

[1] *Дьяконов И. М.* Ук. соч. С. 358, 376; *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА, 1954. Т. XIX. С. 126, прим. 6; Массон *В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы (МИА. № 73). М.; Л., 1959. С. 131; *Лившиц В. А.* Древнейшая Бактрия // История таджикского народа. М., 1963. Т. I. С. 154, 510; *Гафуров.* Ук. соч., С. 50.

[2] *Marquart.* Die Assyriaka… S. 533, 534.

[3] *Jackson A. V. W.* Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. N. Y., 1919. C. 154, 155, 186, 187.

[4] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 337, 338; *Он же.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 239.

[5] Обоснование этой точки зрения см.: Пьянков. Ктесий о Зороастре. С. 55–68.

говорили задолго до Ктесия[1], но считали его магом, т. е. мидийцем[2]. То, что Ктесий вывел Зороастра царем бактрийцев, «опровергая» таким образом распространенный до него взгляд[3], вполне соответствует общей тенденции Ктесия.

Чем же объяснить появление у Диодора того имени, которое мы находим у него? Здесь следует учитывать, что чтение этого имени не установлено. Не исключено чтение Ζωροάστρης. Если принимать такое чтение, то проблема отпадает вообще. Но более вероятно чтение Ὀξυάρτης или как-то вроде этого. Если принимать второе чтение, то возможны два объяснения. Это имя, как и многое другое в рассказе Диодора, имеет соответствие в рассказах историков Александра. В них упоминается Оксиарт, отец Роксаны, жены Александра. У одного историка он именуется просто Оксиартом бактрийцем (Ὀξυάρτης ὁ Βάκτριος), однако роль его в рассказе сознательно уподоблена роли Ктесиева царя бактрийцев[4]. У другого историка, возможно, Клитарха, он назван Оксиартом (Ὀξυάρτης) и Зороастром (Zoroastres), царем бактрийцев (βασιλεὺς Βακτριανῶν, rex Bactrianorum)[5], т. е. прямо отождествлен с Ктесиевым царем бактрийцев. Как и в других случаях, это соответствие можно объяснить или независимым заимствованием Диодора и историков Александра у Ктесия, или заимствованием Диодора у историков Александра. Если принять первое объяснение, то нужно допустить, что уже у Ктесия были названы два имени бактрийского царя. Оксиарт или скорее какое-то другое, близкое этому имя, и Зороастр[6]. Такая вещь вполне возможна, и сообщение Ктесия могло выглядеть примерно так: «Оксиарт [или, скорее, как-то наподобие этого], который у эллинов зовется Зороастром»; ср.: «Аспанд… который у эллинов зовется Астиагом»[7]. В этом случае Диодор заимствовал у Ктесия первое имя, а другие авторы, писавшие по Ктесию, — второе. Для историков же Александра это сообщение Ктесия могло послужить поводом к отождествлению Оксиарта, тестя Александра, с Ктесиевым царем бактрийцев. Если принять второе объяснение, то нужно считать, что Диодор, пересказывая Ктесия, заменил имя Зороастр на имя Оксиарт под влиянием Клитарха, соединившего оба этих имени.

Diod., II, 6, 3–4.

Повествование Диодора о вторжении Нина в Бактрию имеет общие места с рассказом одного из историков Александра о вторжении Александра в Бактрию[8],

---

[1] *Xanth.*, fr. 29, Müller. Исследователи иногда выражают сомнение в принадлежности этого фрагмента Ксанфу, см., например: *Marquart*. Die Assyriaka… S. 530, 531; *Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxford, 1939. P. 118, 119. Против подлинности фрагмента могут свидетельствовать некоторые выражения и имена, встречающиеся в его тексте. Но следует учитывать, что слова Ксанфа цитируются во фрагменте из вторых рук, — видимо, через посредство Гермодора; поэтому сообщение Ксанфа оказалось здесь соединенным с данными самого Гермодора; ср.: *Gutschmid A. von*. Kleine Schriften. Lpz., 1892. Bd III. S. 4, прим. 18.

[2] Маги, по сообщению Геродота, были одним из мидийских племен: Her., I, 101.

[3] Возможно, что Ктесий был знаком с сочинениями Ксанфа, см.: *Rose*. Op. cit. P. 309.

[4] *Arr.*, Anab., III, 28, 10; IV, 18, 4; 19, 4–5.

[5] *Diod.*, XVII, prol. (2), 30; XVIII, 3, 3; *Trog.*, fr. 94a, Seel.

[6] Ср.: *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte, S. 338.

[7] *Ctes.*, fr. 5, c. 34, 5.

[8] *Arr.*, Anab., III, 28, 8–29, 1; *Curt.*, VII, 4, 20–25.

где в это время находился Оксиарт. Видимо, уже обстоятельства того и другого вторжения располагали к сближению рассказов о них: как Нин вторгся в Бактрию через горные проходы, так и Александр явился в Бактрию через перевалы «Кавказа»[1]. В качестве общих с рассказом историка Александра отметим следующие места в повествовании Диодора:

Diod., II, 6, 4.

κατὰ — βοηθήσοντες рассеялись — отечества] Ср. слова Арриана: «[бактрийцы] разошлись (ἀπηλλάγησαν) каждый по своим [домам]»[2], и Курция: «[бактрийцы] рассеялись каждый по своим селениям» (in suos quisque vicos dilapsi)[3].

τὰς — ῥᾳδίως легко — остальными [городами] Ср. слова Арриана: «остальным бактрийцам, покоренным без труда...»[4]

Diod., II, 6, 4–5, 7–8.

Данный рассказ Диодора пересказан Цецем: «Прокандавл, первый военачальник среди всех сирийских (Συρίοις по исправленному чтению вместо ὑστέροις) военачальников, находившихся при царе Нине, который осаждал Бактры, но не был в состоянии завершить [осаду], говорит Нину...: „если бы находилась здесь Семирамида, которая вышла замуж за меня, владел бы ты Бактрами, разрушенными за короткое время“»[5]. Цец повторяет Диодора — с той лишь разницей, что рассказ о взятии Бактр в очень сжатом виде вкладывает в уста Онна. Самого Онна Цец называет Прокандавлом, считая его прообразом известного Кандавла. Определение Онна как «первого военачальника (πρόταγος) среди всех сирийских военачальников» взято из другого места сочинения Диодора, где Онн назван «первым из членов царского совета, назначенным правителем (ὑπαρχος) всей Сирии[6].

Рассказ Диодора о взятии Нином Бактр имеет особенно много общих мест с рассказами историков Александра о взятии Александром Согдийской скалы. Видимо, действительные события, связанные с осадой этой скалы, наталкивали на сравнение ее с осадой Бактр Нином. Один из этих историков ввел в свой рассказ Оксиарта[7]. Другой историк, Клитарх, говорил лишь об Ариамазе[8], так как эпизод с Оксиартом и Роксаной у него описывался в связи с какими-то иными событиями. Третий историк, Аристобул, комбинируя по своему обыкновению рассказы первых двух историков, говорил о Согдийской скале как скале Оксиарта или, «как говорят некоторые, Ариамаза»[9]. В качестве общих с рассказами историков Александра отметим следующие места в рассказе Диодора.

---

[1] Ср.: *Ctes.*, fr. 1 b, c. 6, 1 и *Arr.*, Anab., III, 28, 4, 9.

[2] *Arr.*, Anab., III, 28, 10.

[3] *Curt.*, VII, 4, 20.

[4] *Arr.*, Anab., III, 29, 1.

[5] *Tzetz.*, Chil., IX, 532 сл. *Krumbholz.* Zu den Assyriaka... // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 266.

[6] *Diod.*, II, 5, 1.

[7] *Arr.*, Anab., IV, 18, 4–19, 5.

[8] *Curt.*, VII, 11, 1–29; *Polyaen.*, IV, 3, 29.

[9] *Strab.*, XI, 11, 4. О чтении в тексте Страбона Ὀξυάρτου вместо τοῦ Ὤξου см.: *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 74, прим. 4.

Diod., II, 6, 4.

τὴν ὀχυρότατα [из-за] неприступности [...не смог овладеть силой] Ср. слова Арриана: «...[скалу], совершенно недоступную для штурма»[1], Курция[2] и Полиена.

τὴν ἐν αὐτῇ παρασκευὴν [произведенных] в них приготовлений] Ср. слова Арриана: «...доставили [на скалу] продовольствие (σιτία)»[3], Курция[4] и Полиена: «...имели [на скале] обильные запасы продовольствия» (παρασκευὴν σιτίων).

Diod., II, 6, 5.

πολυχρονίου δὲ τῆς πολιορκίας γενομένης когда осада затянулась на длительное время] Ср. слова Арриана: «...в расчете на длительную осаду» (ὡς ἐς χρόνιον πολιορκίαν)[5] и Курция[6].

Diod., II, 6, 7.

πρὸς δὲ — φυλακὰς но никто — посты] Ср. слова Арриана: «к самой недоступной [части] скалы и потому неохраняемой» (ἀφυλακτότατον)[7] и Курция[8].

Diod., II, 6, 8.

παραλαβοῦσα — εἰωθότας собрав — по скалам] Ср. слова Арриана: «...собраны были [воины], привыкшие во время осад лазить по сказам (πετροβατεῖν)»[9], Курция[10] и Полиена: «велел... юношам, у которых был опыт и умение лазить по кручам (κρημνοβατεῖν)».

προσαναβᾶσα — ἀκροπόλεως поднялась [на вершину горы]... захватила — акрополя]. Ср. слова Арриана: «взошли (ἀναβάντες)... и захватив (καταλαβόντες) вершину горы...»[11], Курция[12] и Полиена.

τοῖς πολιορκοῦσι — ἐσήμηνεν подала сигнал — равнины] Ср. слова Арриана: «с...тали махать платками в сторону македонского лагеря»[13], Курция[14] и Полиена.

οἱ δ'ἔνδον — καταπλαγέντες осажденные — вершины] Ср. слова Арриана: «... варвары были потрясены (ἐκπλαγέντες) неожиданным зрелищем», увидев, что «вершина» (τὰ ἄκρα) занята[15], Курция[16] и Полиена.

Fr. 1 f (6) *Arnob.*, Adv. nat., I, 52.

Имеется еще один отрывок из сочинения Арнобия аналогичного содержания, но без ссылки на Ктесия: «Разве то, что некогда между ассирийцами и бактрий-

---

[1] *Arr.*, Anab., IV, 18, 5.
[2] *Curt.*, VII, 11, 2.
[3] *Arr.*, Anab., IV, 18, 5.
[4] *Curt.*, VII, 11, 1.
[5] *Arr.*, Anab., IV, 18, 5.
[6] *Curt.*, VII, 11, 1.
[7] *Arr.*, Anab., IV, 19, 1.
[8] *Curt.*, VII, 11, 9.
[9] *Arr.*, Anab., IV, 19, 1.
[10] *Curt.*, VII, 11, 7.
[11] *Arr.*, Anab., IV, 19, 3.
[12] *Curt.*, VII, 11, 17.
[13] *Arr.*, Anab., IV, 19, 3.
[14] *Curt.*, VII, 11, 19, 21.
[15] *Arr.*, Anab., IV, 19, 4.
[16] Curt., VII, 11, 25.

цами под предводительством Нина и Зороастра велась война не только посредством оружия и воинов, но также тайными науками магов и халдеев, вследствие ненависти к нам произошло?»[1] Этот второй отрывок дополняет первое сообщение.

Вопрос о принадлежности данного фрагмента Ктесию был предметом многих обсуждений. Правда, сначала для ученых не существовало такого вопроса: например, К. Мюллер[2] и К. Якоби[3] не сомневались в принадлежности всего отрывка Ктесию. Но П. Крумбхольц исходя из своего толкования считал, что ссылка на Ктесия в отрывке относится лишь к сообщению об Армении, сообщение же о Зороастре цитировано по Гермиппу[4]. И. Маркварт, также исходя из своего толкования и сопоставляя сообщение Арнобия о «том [Зороастре]», Армении и Памфиле со словами Климента Александрийского об «Эре, который есть Зороастр», сыне Армения и родом Памфиле, приходит к заключению, что Арнобий не читал ни Ктесия, ни Гермиппа и что Арнобий и Климент взяли рассматриваемый отрывок у какого-то неопифагорейца, возможно, у Нумения[5] (вторая половина II в. н. э.).

Сообщение Арнобия о Зороастре и о войне его с Нином имеет ссылку на Ктесия и говорит о событии, о котором рассказывают также другие фрагменты сочинения Ктесия. Нам кажется, что сообщение Арнобия нельзя считать просто выдумкой неопифагорейцев, но нельзя и прямо возводить его к Ктесию. Вопрос о происхождении этого сообщения сложен.

Вполне возможно, что содержание обоих приведенных отрывков из сочинения Арнобия восходит к какому-то одному рассказу. В этом рассказе повествовалось о магах, сгруппированных в три триады. В первую триаду входили Зороастр, Армений и Памфил. Зороастр как-то связан с «отдаленной землей» по ту сторону «огненного пояса». Зороастр был бактрийцем, и бактрийцы под его предводительством вели войну с ассирийцами, предводительствуемыми Нином, причем война эта велась не только обычными средствами, но и с применением тайных наук магов и халдеев. Армений был внуком Гостана. Памфил являлся другом Кира. Во вторую триаду входили Аполлоний, Дамигерон и Дардан; в третью — Вел, Юлиан и Бабил.

Автором этого рассказа мог быть действительно какой-нибудь неопифагореец, писавший не ранее конца II в. н. э.

В основе рассказа лежит список «магов». Известно, что такие списки составлялись уже непосредственными учениками Платона[6]. Подобные списки составляли и более поздние авторы, которые брали за основу перечни магов, заимствованные у своих предшественников, но изменяли и «обновляли» их. Возможно, что ближайшим прототипом рассказа, использованного Арнобием, был список «магов», подобный тому, который мы находим у Апулея (II в. н. э.). В этом списке упоминается ряд лиц, «известных среди магов после Зороастра и Гостана», и в том числе Дамигерон, Дардан и, может быть, Вел[7].

---

[1] *Arnob.*, Adv. nat., I, 5.

[2] *Muellerus.* Op. cit. P. 19.

[3] *Jacoby C.* Op. cit. S. 581.

[4] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 337.

[5] *Marquart.* Die Assyriaka... S. 528, 529.

[6] Гермодор у Diod. *Laert.*, Prooem., 2, 2. Ср.: *Suid.*, s. v. Μάγοι.

[7] *Apul.*, Apol., 90. Ср.: Plin., N.H., XXX, 3, 5, 8, 11.

Список этот был дополнен, и упомянутые в нем лица искусственно объединены в три триады. В той части списка, в которой говорилось о «древних магах», первоначально фигурировали, видимо, только Зороастр и Гостан: Гостан упомянут первым среди магов, преемников Зороастра, уже в списке Гермодора; Гостана называли ближайшим учеником и преемником Зороастра и последующие авторы. Все остальное, что сказано о первой триаде магов в рассказе, использованном Арнобием, следует считать дополнением к первоначальному списку. Часть списка, относящаяся к новым временам, была пополнена именами известных «магов» I–II вв. н. э. Таковы Аполлоний Тианский, знаменитый неопифагорейский проповедник, Юлиан и Бабил.

Непосредственно интересует нас дополнение к древней части списка. В основе этого дополнения лежит, несомненно, рассказ об Эре — Зороастре.

Впервые этот рассказ приводит Платон (V–IV вв. до н. э.) якобы со слов самого Эра: некий Эр, сын Армения, родом Памфил, был убит на войне, и в то время как тело его пролежало невредимым несколько дней, душа совершила путешествие в Аид; по воле «судей» Аида он был свидетелем судьбы душ, с тем чтобы, вернувшись на землю, поведать о виденном живущим; каждая душа через каждую тысячу лет, которую она проводит в Аиде, воплощается в новом теле[1].

Рассказ Платона повторяют многие последующие авторы. Но у некоторых авторов Эр заменен Зороастром, от лица которого и ведется рассказ. Так, Климент Александрийский (II–III вв. н. э.) цитирует Зороастра следующим образом: «Так написал я, Зороастр, сын Армения, родом Памфил; я погиб на войне, но оказавшись в Аиде, обучался у богов»[2]. Ту же цитату приводит Прокл (V в. н. э.), но добавляет, что Зороастр, оказавшись среди богов, обратился к Киру, «явно царю»[3].

Кто был автором этих цитат? Климент считал, что так «пишет сам Зороастр». Прокл замечал в связи с приведенной цитатой, что «некоторые» издают сочинения под именем Зороастра, и ссылался при этом на Колота (первая половина III в. до н. э.), ученика Эпикура. Первого автора таких сочинений нужно искать, по-видимому, среди непосредственных учеников Платона. Так, известно, что Гераклид Понтийский (около 340 г. до н. э.), платоник, испытавший также влияние пифагорейства, написал сочинение (возможно, диалог) «Зороастр»[4]. Странствия душ и перевоплощения были излюбленной темой Гераклида.

В основе рассказа, приписанного Зороастру, лежит рассказ Платона об Эре. Климент прямо сопоставляет оба рассказа. Прокл приводит рассказ Зороастра, комментируя рассказ Платона об Эре.

Эта основа подверглась некоторым изменениям. Самое заметное изменение заключается в появлении имени Зороастр вместо Эр. Как произошла эта замена одного имени на другое? Климент просто отождествляет Эра с Зороастром, говоря: «Эр, сын Армения, родом Памфил… который есть Зороастр». Прокл, хотя и ставит такой вопрос, затрудняется на него ответить, но все же замечает:

[1] *Plat.*, R. P., X, 614–621.

[2] *Clem. Alex.*, Strom., V, 14 (103, 3). Ср.: *Euseb.*, Praep. Evang., XIII, 13, 30.

[3] *Procl.*, in Plat. R. P. Comm., II, p. 109 s.

[4] *Daebritz.* Herakleides (45) // RE. 1913. Bd VIII. стб. 482.

«Некоторые соглашаются, что писал Эр и что он стал учителем Зороастра». Зороастр был известен грекам и до Платона, но особенно популярной тема Зороастра стала в кругу платоников. Видимо, в среде учеников Платона делались попытки и непосредственно связать учение Платона с учениями магов и Зороастра[1]. Возможно, что о Зороастре упоминал и сам Платон[2]. Одновременно греки познакомились с зороастрийским учением о шести- и трехтысячелетних мировых периодах. Еще Ксанф Лидийский (середина V в. до н. э.) писал о том, что от Зороастра до похода Ксеркса в Грецию прошло шесть тысяч (ἑξακισχίλια, другое чтение ἑξακόσια) лет[3]. Вскоре эти данные были приспособлены к традиционной греческой хронологии и было определено, что Зороастр жил за пять тысяч лет до Троянской войны. Сочинение Ксанфа знали платоники. Гермодор повторяет обе даты[4]. Гермипп сообщает о второй дате[5]. Когда учение Платона стали связывать с учением Зороастра, ученики Платона определили шеститысячелетний период как время, отделяющее Зороастра от Платона. О такой дате говорят Эвдокс и Аристотель[6]. Вместе с тем платоникам был известен и трехтысячелетний период, в течение которого Доброе и Злое божества борются друг с другом. Об этом периоде, как нам известно, сообщал историк Феопомп (вторая половина IV в. до н. э.), но о нем же знали, по-видимому, Аристотель, Эвдокс и Гермипп[7]. В зороастрийском учении эти мировые периоды связаны с циклами «жизни» Зороастра. На протяжении одного из периодов душа Зороастра пребывает на небе, но по истечении периода божество посылает Зороастра на землю, чтобы его устами возвестить миру божественное откровение. Очевидно, все это было известно платоникам, и они, сопоставляя свои знания о Зороастре с рассказом Платона об Эре, где также фигурируют тысячелетние циклы для душ в Аиде, уподобили Эра Зороастру. Следует ожидать, что платоники уподобляли Зороастру не только Эра, но и персонажей других рассказов, содержание которых позволяло делать такие уподобления[8]. Другое изменение, которому

[1] *Benveniste E.* The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. P., 1929. P. 15–21; *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 130.

[2] *Plat.*, Alcib. I, 122a. Диалог «Первый Алкивиад» иногда считают не принадлежащим Платону и на этом основании выражают сомнение в том, был ли Зороастр известен Платону, см.: *Marquart.* Die Assyriaka... S. 532. Однако указанный диалог не входит в число сочинений, признанных древними авторами или современной критикой определенно не принадлежащими Платону, и вполне вероятно, что Платон действительно упоминал Зороастра, см.: *Benveniste.* Op. cit. P. 16. Даже если этот диалог — подложный, он написан современником Платона, например, как иногда полагают, Алексаменом Теосским, см.: *Jackson.* Op. cit. C. 231.

[3] *Xanth.*, fr. 29, Müller.

[4] Гермодор у *Diog. Laert.*, proem, 2, 2.

[5] Гермипп у *Plin.*, N. H., XXX, 4.

[6] Эвдокс и Аристотель у Plin., N. H., XXX, 3.

[7] Феопомп у *Plat.*, De Is., 46, 47. Ср.: Аристотель, Гермипп, Эвдокс и Феопомп у Diog. Laert., I, 8.

[8] Действительно, тот же Прокл приводит в качестве аналогии Эру некоего Крония, Памфила родом, «каким-то образом связанного с Зороастром». Плиний говорит о Зороастре Проконнесском (*Plin.*, N. H., XXX, 8), — очевидно, имея в виду знаменитого Аристея Проконнесского. Полагают, что древние легенды об Аристее были истолкованы в мистическом духе и представлены как рассказы о странствии и перевоплощении души Гераклидом Понтийским, см.: *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962. P. 142–175.

подвергся рассказ Платона при переработке, — это введение фигуры царя Кира, собеседника Эра-Зороастра. Появление здесь Кира не случайно. В греческой литературе существовала традиция, восходящая, по-видимому, к Ксанфу, которая изображала Кира величайшим знатоком учения магов, а также царем, наделенным лучшими качествами, необходимыми для правителя[1]. И сам Платон считал Кира выдающимся государственным деятелем. В то же время, согласно Платону, «магия Зороастра» наставляла не только в почитании богов, она учила и искусству царствовать[2].

Рассказ об Эре — Зороастре был дополнен рядом других рассказов: о какой-то связи Зороастра с «отдаленной землей»; о войне Зороастра с Нином; может быть, о связи Зороастра с Гостаном. Возможно, что по поводу того же рассказа приводились и другие сообщения, например сообщение об Атлантиде, как-то увязанное со сведениями о Зороастре. Очень похоже, что все это вместе первоначально выглядело как цитата из сочинения «Зороастра», подобная тем, которые приводят Климент и Прокл, снабженная комментарием, содержащим разные сведения о Зороастре.

Кто мог быть автором такой работы? В тексте Арнобия, как мы знаем, сообщение о Зороастре сопровождается ссылкой на Гермиппа. Это, несомненно, Гермипп Смирнский (конец III в. до н. э.), перипатетик. Гермипп известен как автор, который много писал о магах и Зороастре и даже составил указатели (indices) к текстам, которые, как считалось, были написаны Зороастром[3]. Возможно, что в числе текстов «Зороастра», которые комментировал Гермипп, был и рассказ об Эре — Зороастре.

По-видимому, Гермипп заимствовал у платоников не только рассказ об Эре — Зороастре. Из того же арсенала сюжетов, которыми оперировали платоники, Гермипп почерпнул и материал для своих комментариев. Относительно сообщения о связи Зороастра с «отдаленной землей» мы еще будем говорить ниже. Относительно сообщения о войне Зороастра с Нином нужно сказать следующее. В тексте Арнобия именно это сообщение снабжено ссылкой на Ктесия; точнее, ссылка на Ктесия относится к упоминанию о деяниях Нина, но в число этих деяний входит и война Нина с бактрийцами. Сочинение Ктесия «История Персии», и именно ее ассирийская часть, были известны самому Платону. Очевидно, и это сообщение Гермипп заимствовал у платоников. Не случайно в тексте Арнобия непосредственно перед сообщением о войне Нина с Зороастром приведен рассказ об Атлантиде с прямой ссылкой на Платона[4]. Правда, сообщение о войне Нина с Зороастром в том виде, в каком застал его Арнобий, обнаруживает примесь к первоначальному известию Ктесия. Мы уже говорили, что Ктесий вряд ли называл Зороастра магом. А в данном случае Зороастр — «маг» (magus),

[1] *Nic. Dem.*, fr. 67, Jacoby. Ср.: *Diod.*, IX, fr. 22; *Xen.*, Cyrop., I, 2, 1.

[2] *Plat.*, Alcib., I, 122a.

[3] *Plin.*, N. H., XXX, 4. Относительно подлинности этой работы Гермиппа см.: *Heibges*. Hermippos (6) // RE. 1913. Bd VIII. стб. 846.

[4] *Arnob.*, Adv. nat., I, 5.

и война ведется «также тайными науками магов и халдеев» (etiam magicis et Chaldaeorum ex recondito disciplinis). Может быть, не случайным является и то, что в качестве противника Зороастра назван только Нин, но не Семирамида. Возможно, что в данном случае рассказ Ктесия был видоизменен под влиянием сообщений Динона о Зороастре. От этих сообщений осталось лишь упоминание о «колдовской магии» (γοητική μαγεία) Зороастра и о толковании имени Зороастр как «звездопоклонник» (ἀστροθύτης)[1]. Трудно сказать с определенностью, в каком контексте находились эти упоминания в сочинении Динона; возможно, что они входили в состав рассказа о войне Нина с Зороастром. Версия Динона об этой войне должна была отличаться от версии Ктесия тем, что у Динона Семирамида не могла участвовать в войне[2]. Совмещение рассказа Ктесия с аналогичным рассказом Динона было произведено, скорее всего, также платониками. Сообщения Динона о Зороастре были известны ученикам Платона, в частности Гермодору и Аристотелю[3].

Относительно Гостана заметим следующее. Это имя, как уже говорилось, фигурировало, видимо, в списке магов, который лег в основу рассказа, использованного Арнобием. Вообще Гостан, или Остан (Ὥστάνης или Ὥσθάνης, а также (H)osthanes), маг и мидиец, — довольно видная фигура в античной традиции. Под его именем у греков была в ходу большая литература[4].

Но каким образом Остан был приведен в родственную связь с Эром — Зороастром? Можно подозревать, что автору, соединившему Остана с Эром — Зороастром, был известен рассказ об Остане как участнике похода Ксеркса в Грецию. В этом случае, если Эр мыслился как современник Платона, Остан вполне мог быть представлен как близкий предок (очевидно, дед) Эра. В упомянутом рассказе говорится, что Остан сопровождал Ксеркса во время его похода в Грецию и был первым, кто возбудил у греков интерес к учению магов[5]. С этим рассказом естественно сочетается другое сообщение о магах и походе Ксеркса в Грецию. Мы имеем в виду рассказ о том, как во время вторжения персов в Грецию жители Абдер Дамасипп и Меандрий — видимо, наряду с другими состоятельными гражданами города, — угощали Ксеркса и его войско и как Ксеркс оставил своим гостеприимцам магов и халдеев в качестве наставников их детей в теологии и астрологии[6]. Дамасипп был отцом великого философа Демокрита, а Меандрий — отцом также известного мудреца Протагора.

Возможно, что подобный рассказ об Остане был приведен уже Ксанфом.

---

[1] *Dein.*, fr. 5, Jacoby.

[2] Об этом свидетельствует построение всего рассказа Динона о Семирамиде, ср.: Dein., fr. 7, Jacoby. По той же причине Семирамида не фигурирует в рассказе Трога о бактрийской войне Нина.

[3] Гермодор и Аристотель у *Diog.* Laert., I, 8.

[4] *Шангин М. А.* Отрывок из неизвестного произведения Остана // ВДИ. 1939. № 3. С. 137.

[5] *Plin.*, N. H., XXX, 8.

[6] Рассказ этот в более или менее полном виде передают несколько авторов: *Diog.* Laert., IX, 34; Philostr., Vit. Soph., I, 10; Val. Max., VIII, 7, 4. Рассказ подтверждается независимым свидетельством Геродота, который подробно описывает, как греческие города, и в том числе Абдеры, находившиеся на пути следования персидского войска, должны были угощать Ксеркса и его воинов, а также говорит об особом расположении Ксеркса к абдеритам, см.: Her., VII, 109, 120; VIII, 120.

Позднее рассказ о магах, обучавших детей Дамасиппа и Меандрия, приводил Динон[1]. Правда, к предполагаемому рассказу Динона можно отнести лишь фрагмент, в котором упоминается Меандрий, отец Протагора, абдерит[2]. Но это упоминание и могло быть сделано в «Истории Персии» Динона, скорее всего, в рассказе о походе Ксеркса по поводу магов, ставших воспитателями Демокрита и Протагора[3].

Впоследствии тот же рассказ мог отразиться в позднем романе о Демокрите. Маг Остан в этом романе оказался смотрителем египетских святилищ, у которого обучался Демокрит. Роман этот в искаженном виде передавал более ранние свидетельства[4]. В данном случае могли совместиться два разных указания более ранних биографий Демокрита: об обучении Демокрита магом Останом и о путешествии Демокрита в Египет, где он беседовал с египетскими жрецами. Тот же рассказ мог повлиять и на то обстоятельство, что Бол Мендесский, выдававший свои сочинения за сочинения Демокрита, ссылался на Остана как на учителя[5].

Трудно сказать, кто именно ввел Остана в рассказ об Эре — Зороастре. У Платона в рассказе об Эре Остан не упоминается. Но фигурировал ли Остан в рассказе «Зороастра», как Кир, или только в комментариях к нему — неизвестно. Рассказ Динона был, по-видимому, знаком его современнику Гераклиду Понтийскому[6]. Последний специально писал и о Демокрите, и о Протагоре. Рассказ об Остане, сопровождавшем Ксеркса в Грецию, был знаком и Гермиппу[7].

Итак, дополнение к древней части списка магов включало текст «Зороастра» и комментарии к нему. Текст «Зороастра» имел в виду одно лицо: Зороастра, сына Армения, родом Памфила. Содержание комментариев также относилось только к этому персонажу. Но составитель рассказа, использованного Арнобием, чтобы получить «триаду», истолковал текст так, будто в нем шла речь о трех разных лицах, трех магах: Зороастре, Армении и Памфиле, и распределил указания комментариев между этими персонажами.

В целом происхождение сообщения Арнобия о Зороастре и магах можно представить следующим образом:

---

[1] Так полагает С. Я. Лурье, возражая ученым, считающим этот рассказ выдумкой неопифагорейцев, поводом для которой якобы послужили сообщения Геродота о Ксеркссе и абдеритах, см.: *Лурье С. Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970, С. 387, 388.

[2] *Dein.*, fr. 6, Jacoby.

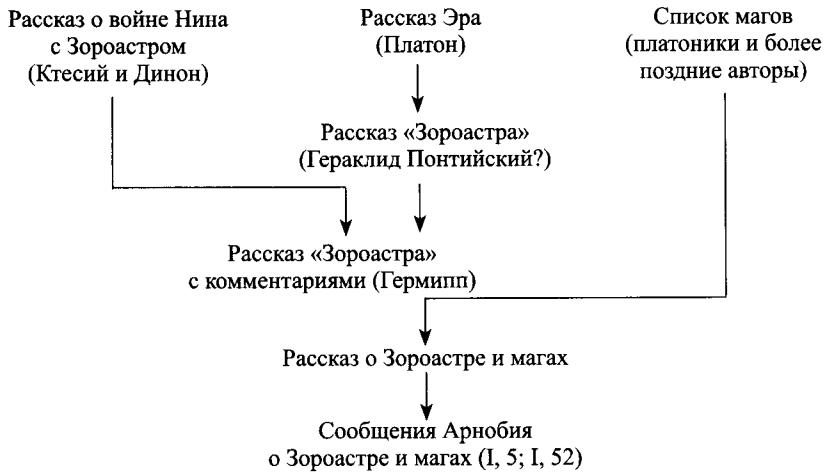
[3] См. об этом: FHG. II. C. 90; FGH. III C. Bd I. C. 524.

[4] *Лурье.* Ук. соч. С. 393.

[5] Именно так естественнее всего объясняется происхождение поздней традиции о связи Остана с Демокритом. Если же, наоборот, рассказ об Остане, спутнике Ксеркса и учителе Демокрита, выводить из поздних легенд и указаний Бола (так в работе: *Preisendanz K.* Ostanes (8) // RE. 1942. Bd XVIII. стб. 1614, 1642), то будет трудно объяснить, как возникла сама эта поздняя традиция.

[6] Гераклид у *Diog. Laert.*, IX, 50. Здесь сообщение о Протагоре сопровождается ссылкой как на Гераклида, так и на Динона; возможно, что в данном случае Динон цитирован через посредство Гераклида.

[7] Рассказ Плиния об Остане основан на сообщениях Гермиппа, см.: *Preisendanz.* Op. cit. стб. 1614.

Переходим теперь к рассмотрению отдельных мест рассказа Арнобия, принадлежность которых Ктесию вызывает сомнения.

magus маг] Это слово, по нашему мнению, не принаждежит Ктесию. За этим словом, как мы видели выше, скрывается определение Ктесиева Зороастра как первого мага, ведшего с Нином войну средствами «колдовской магии». Это определение принадлежит посредникам в передаче ктесиева сообщения о Зороастре, длинный ряд которых стоит между Ктесием и Арнобием, и заимствовано, может быть, у Динона.

Zoroastres Зороастр] Вопрос о том, принадлежит ли это упоминание Зороастра Ктесию решается, как мы видели, по-разному. П. Крумбхольц[1] и И. Маркварт[2], опираясь на свое толкование данного отрывка, считают, что это упоминание не относится к Ктесию. Мы считаем, что слово Зороастр здесь действительно принадлежит Ктесию, но только как имя бактрийца (Zoroastres Bactrianus), не мага. До Арнобия это упоминание дошло через многих посредников, в том числе через Гермиппа.

per igneam zonam... ab interiore orbe через огненный пояс из отдаленной земли] Эти слова, по-видимому, не принадлежат Ктесию. Можно полагать, что среди платоников бытовало представление о приходе Зороастра из какой-то отдаленной земли. Это известие о Зороастре они интерпретировали с точки зрения платоновской географии. Так возникали сообщения, подобные следующему: «Некоторые говорят, что [Зороастр] был дитя тех, кто бежал с материка, [расположенного] по ту сторону Великого моря...»[3] (ср. представления Платона об Атлантиде и Заатлантическом материке). Когда Эвдокс Книдский (около 370 г. до н. э.), находившийся под влиянием Платона, разработал учение о зонах (поясах)[4], то «отдаленную землю» Зороастра, видимо, стали как-то соотносить и с зонами Эвдокса. Извест-

[1] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 337, 338.
[2] *Marquart*. Die Assyriaka... S. 527–529.
[3] Schol. in Plat. Alcib. I, 122 a.
[4] *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953. С. 175, 183.

но, что Эвдокс писал и о Зороастре, причем писал в том же духе, как и другие платоники. Есть основания считать, что с этими сообщениями Эвдокса был знаком Гермипп[1]. Очевидно, Гермипп и говорил об «отдаленной земле» и «огненном поясе» в связи с Зороастром. Если же принимать чтение Azonaces Азонак, то и в этом случае данное слово следует считать включением Гермиппа. Некоего Азонака (Azonaces, другие чтения: Agonaces, Abonaces) Гермипп называл своим (?) учителем, сообщившим ему некоторые сведения о Зороастре[2].

§ 5–6

Fr. 1 b (15). *Diod.*, II, 16, 1, 5–7; 17, 1–2; 19, 10.

Вопрос о том, в какой мере рассказ Диодора об индийском походе Семирамиды принадлежит Ктесию, был предметом многих обсуждений. Так, К. Мюллер еще считал, что Диодор ведет здесь изложение в основном по Ктесию[3]. К. Якоби, который именно здесь нашел особенно богатый материал для сопоставлений с авторами македонского времени (представленными у Диодора и Курция), считал этот рассказ свидетельством заимствования Диодора у Клитарха, обработавшего сочинение Ктесия[4]. В. Тарн, также отметивший ряд совпадений с авторами македонского времени (на этот раз представленными у Арриана), считал, что этот рассказ в изложении Диодора претерпел сильное влияние Клитарха (Аристобул, источник Арриана, был, по В. Тарну, одним из главных источников Клитарха)[5]. Г. Гооссенс также считал этот рассказ в основном созданием авторов македонского времени[6].

Вообще рассказ об индийском походе Семирамиды, безусловно, имелся в сочинении Ктесия. Правда, в рассматриваемом рассказе Диодора ссылка на Ктесия дана лишь один раз, в описании приготовлений Семирамиды к походу (с. 17, 1), в описании же самой войны ни одной такой ссылки нет. Но основные моменты рассказа Диодора совпадают с тем, что сообщают другие два фрагмента сочинения Ктесия. В рассматриваемых частях рассказа эти фрагменты таковы: Семирамида предпринимает поход в Индию и строит специальные суда для переправы через Инд: поход кончается поражением и бегством Семирамиды. Об индийском походе Семирамиды рассказывают и многие иные авторы, заимствуя у Ктесия. Но принадлежат ли Ктесию другие моменты рассказа Диодора, описания подробностей похода? В этих описаниях много общих мест с рассказами историков Александра и Мегасфена. Если исключить одно из тех мест, которые с достаточ-

[1] *Diog. Laert.*, I, 8; *Plin.*, N. H., XXX, 3. В обоих случаях ссылка на Эвдокса стоит рядом со ссылкой на Гермиппа; видимо, Эвдокс в том и другом случае цитирован через посредство Гермиппа. Отметим, что некоторые исследователи, например И. Маркварт, считают упоминаемого здесь Эвдокса не Книдским, а Родосским, жившим несколько позже (III в. до н. э.), см.: *Marquart.* Die Assyriaka… S. 532, прим. 94.

[2] Гермипп у *Plin.*, N. H., XXX, 4.

[3] *Muellerus.* Op. cit. P. 28.

[4] *Jacoby C.* Op. cit. S. 599–602.

[5] *Tarn W.* Op. cit. P. 50.

[6] *Goossens.* Op. cit. P. 40, 41. Однако попытка Г. Гооссенса установить позднее происхождение этого рассказа на том основании, что в нем упоминаются боевые слоны (по мнению этого исследователя, они впервые стали известны грекам со времени битвы при Иссе в 333 г. до н. э.), — неудачна, так как Ктесий бесспорно знает о применении боевых слонов, см.: *Ctes.*, fr. 9, § 7; fr. 45, § 7; fr. 45 b.

ной определенностью можно считать вставками из сочинения Мегасфена в повествование Ктесия у Диодора (с. 16, 3–4), то остальные совпадающие места можно возводить как к Ктесию, так и к тому или иному историку Александра. На наш взгляд, в большинстве случаев первое объяснение более вероятно.

Рассказ Диодора об индийском походе Семирамиды имеет совпадения с рассказами главным образом Клитарха и Аристобула и в некоторой степени Неарха и Мегасфена. Совпадающие места у историков Александра часто поданы в более развернутом виде. В этой связи следует сказать, что рассказы Ктесия об Индии, в том числе и об индийском походе Семирамиды, были особенно популярны как среди непосредственного окружения Александра, так и у историков Александра первого поколения[1]. Александр, по свидетельству Неарха, даже сознательно подражал некоторым деяниям Семирамиды во время индийского похода[2]. Об индийском походе Семирамиды знал не только Клитарх, он был известен и Аристобулу (может быть, и независимо от Клитарха), Неарху, Мегасфену. Поэтому неудивительно, что мы находим в их сообщениях многочисленные реминисценции ктесиева рассказа об индийском походе Семирамиды. Историки Александра вполне могли использовать рассказ Ктесия параллельно с Диодором.

Клитарху и зависящему от него Аристобулу принадлежат основные рассказы, в которых имеются соответствия рассматриваемым частям рассказа Диодора об индийском походе Семирамиды. Это рассказы о походе Александра от Инда до Гидаспа, о подготовке последнего (неосуществленного) морского похода Александра.

Рассказ о походе Александра от Инда до Гидаспа, принадлежащий Клитарху, представлен у Диодора (не полностью, так как часть его приходится на лакуну в сочинении Диодора) и Курция[3]. В качестве общих с рассказом Диодора об индийском походе Семирамиды отметим следующие моменты: Александр приказал построить на Инде суда для переправы войска, причем строить так, чтобы их можно было разбирать, перевозить на повозках и затем снова собирать (об этом сообщает только Курций, соответствующие места сочинения Диодора не сохранились); возможно, что Клитарх затем рассказывал, как эти суда были применены для переправы через Гидасп (момент, пропущенный у Диодора и Курция). Следы аналогичного рассказа Аристобула представлены у Арриана[4]. Здесь отметим следующие моменты: Аристобул, видимо, комбинируя рассказы Птолемея Лагида и Клитарха, подобно первому, ничего не говорит о том, каков был мост через Инд, но затем, заимствуя у второго, сообщает, что Александр приказал разобрать суда, заготовленные для переправы через Инд, и доставить их к Гидаспу и что разобранные суда были перевезены на подводах и вновь собраны

[1] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2054; *Schwartz.* Op. cit. S. 125; *Goossens.* Op. cit. P. 40, 41.

[2] *Nearch.*, fr. 3 a, b, Jacoby; *Strab.*, XV, 2, 5.

[3] *Diod.*, XVII, 86, 3–89, 3; *Curt.*, VIII, 10, 2–3; 12, 4–14, 46.

[4] *Aristobul.*, fr. 34, Jacoby; *Arr.*, Anab., IV, 30, 9; V, 7, 1–19, 3. Арриан в этом рассказе в некоторых случаях следует, по-видимому, только двум источникам: сочинениям Птолемея и Аристобула, см.: *Arr.*, Anab., V, 7, 1; 8, 1.

у Гидаспа[1]; Аристобулу же, видимо, принадлежат сообщения о том, что разборные суда нужны были Александру для переправы войска и для отпора индийцам, которые решили помешать переправе, а также о том, что лошади Александра могли испугаться вида слонов. Вполне возможно, что Клитарх и Аристобул сознательно заимствовали эти детали из рассказа Ктесия об индийском походе Семирамиды. Уподобить поход Семирамиды от Бактр до Инда походу Александра от Инда до Гидаспа могло заставить их то, что Александр встретил действительного своего врага не за Индом, а за Гидаспом, а также то, что указанные детали рассказа Ктесия выглядели географически более реально — Клитарх и Аристобул это понимали — при описании маршрута от Инда до Гидаспа. Действительно, версия этого же рассказа, принадлежащая Птолемею, разборных судов, скорее всего, вообще не знала[2].

Рассказ о подготовке к походу вниз по Акесину и Гидаспу, принадлежащий Клитарху, представлен у Диодора и Курция[3]. Интересующий нас момент в сохранившемся рассказе представлен невыразительно: лишь глухо упомянуто (у Диодора), что Александр набрал экипаж для судов. Следы аналогичного рассказа (но о походе вниз по Гидаспу с самого начала) Аристобула (или Аристобула и Неарха?) представлены у Арриана и Страбона[4]. Здесь интересующий нас момент представлен более полно: сообщается (у Арриана), что Александр набрал экипаж на суда из финикийцев, киприотов и египтян, а также островитян, ионийцев и геллеспонтийцев. При составлении этого рассказа Клитарх и Аристобул могли взять за образец повествование Ктесия.

Рассказ о подготовке последнего морского похода Александра (против Карфагена и далее по Средиземному морю), принадлежащий Клитарху, представлен у Диодора и Курция (видимо, не полностью, так как часть его могла приходиться на лакуну в сочинении Курция)[5]. Здесь отметим следующие моменты: Александр, возвращаясь из Индии и находясь, по-видимому, в приморском городе Салмунте[6], приказал построить суда на верфях Финикии, Сирии, Киликии и Кипра (по Диодору; Диодор, однако, переносит это сообщение в рассказ о последних планах Александра, которые стали известны Пердикке), заготовить строительный материал в Ливанских горах, получить на Кипре медь, пеньку и паруса, свезти все в город Фапсак (на Евфрате), приделать кили к судам и спустить флот в Вавилонию; возможно, что Клитарх затем рассказывал, как Александр, прибыв в Вавилон, застал там этот флот (момент, пропущенный у Диодора; соответствующее место сочинения Курция не сохранилось). Аналогичный рассказ (о под-

[1] Арриан заявляет, что ему не известно, каков был мост через Инд, — настоящий или наведенный на судах, — так как ни Птолемей, ни Аристобул об этом не сообщают (*Arr.*, Anab., V, 7, 1); но немного погодя он говорит о судах, заготовленных для переправы через Инд (*Arr.*, Anab., V, 8, 4).

[2] *Ptolem.*, fr. 19, Jacoby.

[3] *Diod.*, XVII, 89, 4–5; 95, 3, 5; *Curt.*, IX, 1, 3; 4, 22.

[4] *Aristobul.*, fr. 35, c. 1, 17; Jacoby; *Arr.*, Anab., VI, 1, 1, 6; *Ind.*, 18, 1–19, 7; *Strab.*, XV, 1, 29, 32. О принадлежности Аристобулу указанных сообщений Арриана и Страбона см.: *Schwartz.* Op cit. S. 123, 126.

[5] *Diod.*, XVIII, 4, 4; *Curt.*, X, 1, 17–19.

[6] Ср.: *Diod.*, XVII, 107, 4; XVIII, 4, 4; *Curt.*, X, 1, 10, 17–19.

готовке морского похода в Аравию) имелся у Аристобула[1]. Здесь соответствующие моменты таковы: план о сооружении флота на Евфрате возник у Александра, по-видимому, в Пасаргадах и Персеполе; когда же он прибыл в Вавилон, то застал на Евфрате флот, построенный в Финикии, на Кипре, — суда в разобранном виде были доставлены оттуда в город Фапсак, собраны здесь и спущены к Вавилону; в Вавилонии же был построен другой флот, из кипарисового дерева, так как других деревьев, годных для кораблестроения, там нет; в Вавилон к Александру стекались люди, связанные с морем, из Финикии и с остального побережья. Судя по контексту Арриана, весь рассказ о подготовке флота в Вавилоне Арриан нашел только у Аристобула[2]. И в данном случае на изложение Клитарха и Аристобула (через посредство Клитарха или непосредственно) могло повлиять повествование Ктесия.

Мегасфену принадлежит описание страны гандаридов, представленное у Диодора[3]. Здесь Ганг описан теми же словами, какими описан Инд в рассказе Диодора об индийском походе Семирамиды.

Переходим теперь к рассмотрению отдельных мест рассказа Диодора.

Diod., II, 16, 5.

τοῖς ἐπάρχοις правителям] Это слово в указанном значении характерно, как считает В. Тарн, для позднего времени (Селевкидская эпоха). В. Тарн полагает, что оно было введено сюда под влиянием Клитарха; однако тот же исследователь считает, что оно могло быть вставлено просто самим Диодором[4].

Diod., II, 16, 6.

μετεπέμψατο — χώρας вызвала — областей] Ср. слова Диодора: «...приказал [построить суда] в верфях Финикии, Сирии, Киликии и острова Кипра»[5], и Арриана: «набрали экипаж на суда из находившихся в войске «финикийцев, киприотов, египтян», а также «островитян», «ионийцев и геллеспонтийцев»[6]. Совпадение со словами Диодора отметил К. Якоби и считал его свидетельством обработки текста Ктесия Клитархом[7]. Совпадение со словами Арриана отметил В. Тарн и считал его также свидетельством влияния Клитарха (заимствовавшего, как полагал этот исследователь, у Аристобула) на текст Ктесия[8]. Однако рассматриваемые слова Диодора и совпадающие с ними слова Клитарха (у Диодора), взятые из рассказа о подготовке последнего морского похода Александра, и слова Аристобула (у Арриана), взятые из рассказа о подготовке похода вниз по Гидаспу, могли одинаково восходить к Ктесию. При этом, возможно, Клитарх и Аристобул приводят более подробный перечень народов, из среды которых Семирамида призвала кораблестроителей, чем перечень, приведенный в данном месте Диодором.

---

[1] *Aristobul.*, fr. 55, Jacoby; ср.: *Arr.*, Anab., VII, 1, 1–3.

[2] *Arr.*, Anab., VII, 19, 3–4.

[3] *Diod.*, XVIII, 6, 1–2. О принадлежности Мегасфену указанного сообщения Диодора см.: *Schwartz.* Ук. соч. С. 68.

[4] *Tarn.* Op. cit. P. 50.

[5] *Diod.*, XVIII, 4, 4.

[6] *Arr.*, Anab., VI, 1, 6; Ind., 18, 1–2.

[7] *Jacoby C.* Op. cit. S. 600.

[8] *Tarn.* Op. cit. P. 50.

διεκελεύσατο — διαιρετά поручила — суда] Ср. слова Курция и Арриана, сказанные по одному поводу: о поручении построить для переправы через индийские реки суда, которые можно было разбирать и вновь собирать (Курций)[1], о поручении разобрать суда у Инда и собрать их у Гидаспа (Арриан)[2]; и слова тех же авторов и Страбона, сказанные по другому поводу: о приказе приделать кили к судам в Фапсаке (Курций)[3], о том, как разобранные суда были доставлены в Фапсак и вновь собраны там (Арриан и Страбон)[4]. Совпадение с первым сообщением Арриана отметил К. Якоби[5]. Совпадение со вторым сообщением Арриана отметил В. Тарн[6]. Оба исследователя видели в этих совпадениях признаки обработки текста Ктесия, представленного у Диодора. Однако и в данном случае слова Клитарха (у Курция) и Аристобула (у Арриана и Страбона), взятые из рассказов о походе Александра от Инда до Гидаспа и о подготовке последнего морского похода Александра, могут отражать влияние сочинения Ктесия на Клитарха и Аристобула. Во всяком случае, сообщение о разборных речных судах встречается, по-видимому, только у таких историков Александра, как Клитарх и Аристобул, вообще обильно заимствовавших у Ктесия. В то же время сообщение о речных разборных судах у Диодора, излагавшего Ктесия, помещено в перечне военных сил Семирамиды, сопровождаемом ссылкой на Ктесия, и находится в тесной связи с упоминанием о таком чисто Ктесиевом элементе, как «изображения слонов» (с. 17, 1–2); ср. также упоминания о «длинных судах» Семирамиды в другом фрагменте рассказа Ктесия об индийском походе Семирамиды и у «Свиды»[7].

Diod., II, 16, 7.

ὁ γὰρ Ἰνδὸς — ὁρίζων Инд — царства] Ср. слова Диодора: «границей той области и соседней Индии служила река, величайшая в тех местах» [речь идет о Ганге] (ὁρίζει δὲ τὴν χώραν ταύτην καὶ τὴν ἑξῆς Ἰνδικὴν ποταμὸς ὁ μέγιστος ὢν τῶν περὶ τοὺς τόπους)[8]. Совпадение это было отмечено К. Якоби[9] и П. Крумбхольцем[10]. Совпадение, действительно, почти буквальное. Возможно, что слова Мегасфена были здесь использованы для характеристики Ктесиева Инда, но возможно и наоборот: слова Ктесия были использованы для описания мегасфенова Ганга[11]. Во всяком случае, Инд как граница царства Семирамиды и Стабробата фигурирует во всем дальнейшем повествовании Диодора, где излагается рассказ Ктесия об индийском походе Семирамиды.

---

[1] *Curt.*, VIII, 10, 3.
[2] *Arr.*, Anab., V, 8, 4–5; 12, 4.
[3] *Curt.*, X, 1, 19.
[4] *Arr.*, Anab., VII, 19, 3; Strab., XVI, 1, 11.
[5] *Jacoby C.* Op cit. S. 600.
[6] *Tarn.* Op. cit. P. 50.
[7] *Ctes.*, fr. 3; Suid., s. v. Σεμίραμις.
[8] *Diod.*, XVIII, 6, 2.
[9] *Jacoby C.* Op. cit. S. 600, 601.
[10] *Krumbholz.* Diodor's assyrische Geschichte. S. 339.
[11] Ср.: *Diod.*, XVIII, 6, 2 и *Diod.*, II, 37, 1–2; *Strab.*, XV, 1, 35. Все это из Мегасфена.

πολλῶν — ἀμύνασθαι требовал — индийцев] Ср. слова Арриана о том, что Александр приказал доставить к Гидаспу речные разборные суда для переправы через реку и для того, чтобы дать отпор индийцам, решившим помешать переправе[1]. В рассказе Аристобула (у Арриана) о походе Александра от Инда до Гидаспа, как мы видели, много заимствований у Ктесия.

περὶ δὲ τὸν ποταμὸν — τὰ πλοῖα и так как леса — сухим путем] Ср. слова Арриана и Страбона о том, что леса в ассирийской земле, кроме кипарисов, не было, и суда в разобранном виде доставлялись из Финикии на Евфрат[2]. Рассказ Аристобула о подготовке последнего морского похода Александра, к которому относятся приведенные слова Арриана и Страбона, как уже указывалось, также имеет следы замствований у Ктесия.

Diod., II, 17, 2.

ναῦς — τὰ σκάφη речных — верблюды] Ср. слова Курция и Арриана о том, как суда, изготовленные для переправы через индийские реки, в разобранном виде перевозились на повозках[3]. Эти слова относятся к рассказу Клитарха (у Курция) и Аристобула (у Арриана) о походе Александра от Инда до Гидаспа, в котором прослеживается влияние Ктесия.

πρὸς δ'αὐτὰς — τῶν θηρίων к ним — животных] Ср. слова Арриана: Александр при переправе через Гидасп учитывал, что лошади могут испугаться вида слонов[4]. И эти слова относятся к рассказу Аристобула о походе Александра от Инда до Гидаспа.

Fr. 3 (–). *Plin.*, N. H., VII, 207.

Упоминание Плиния о «длинных судах», на которое обратили внимание А. Лион[5] и П. Крумбхольц[6], должно относиться к рассказу об индийском походе Семирамиды. Так (ναῦς μακρὰς) названы разборные суда у «Свиды» в описании подготовки Семирамиды к индийскому походу[7]. Не исключена, однако, другая возможность, а именно, что это замечание Плиния относится к описанию завоеваний Семирамиды в Эфиопии, которые должны были повторять завоевания Сесостриса[8]; согласно Геродоту, он первым плавал на длинных судах[9].

§ 7

Fr. 1b (21). *Diod.*, II, 26, 2–4.

Рассказ Диодора о Сарданапале (с. 23–28), и в том числе рассматриваемая его часть (с. 26), вообще считается очень близко воспроизводящим текст Ктесия[10].

---

[1] *Arr.*, Anab., V, 8, 4.
[2] *Arr.*, Anab., VII, 19, 3–4; *Strab.*, XVI, 1, 11.
[3] *Curt.*, VIII, 10, 3; *Arr.*, Anab., V, 8, 5.
[4] *Arr.*, Anab., V, 10, 2; 11, 4.
[5] *Lion.* Op. cit. P. 110.
[6] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka... // RhM. N.F. 1897. Bd LII. S. 279, 280.
[7] *Suid.*, s. v., Σεμίραμις.
[8] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2054.
[9] *Her.*, II, 102; то же у *Diod.*, I, 55, 2.
[10] *Jacoby C.* Op. cit. S. 609.

То, что бактрийцы не упоминаются ни в одной другой версии о Сарданапале[1], объясняется большей подробностью рассказа Диодора по сравнению с прочими рассказами, повествующими о тех же событиях[2].

§ 8

Fr. 5 (25). *Diod.*, II, 34, 1–5.

Рассказ Диодора о Зарине, как и вся его мидийская история (с. 32, 4–34), введенная словами «[Ктесий] говорит» ([Κτησίας] φησί) (с. 32, 5), безусловно, воспроизводит текст Ктесия[3], хотя и с большими сокращениями. Диодор стремится передать лишь собственно историческую часть повествования Ктесия, исключив из него любовный роман Зарины и Стриангея[4], который восстанавливается по другим фрагментам.

Diod., II, 34, 1.

Πάρθους парфяне] Форма Πάρθοι здесь, видимо, сменила форму Παρθυαῖοι, которую употреблял Ктесий[5].

§ 9

Fr. 7 (26). *Anon.*, De mul., 2.

Рассказ Анонима о Зарине много более подробно передает события сакско-мидийской войны, чем рассказ Диодора, однако источник у них общий — Ктесий[6].

Μερμέρῳ Мермера] Форма Μέρμερος здесь и далее (Μέρμερον), видимо, заменила форму Μαρμάρης, которую употреблял Ктесий[7]. У Анонима имя, приведенное Ктесием, ассоциировалось с распространенным в античной литературе именем Μέρμερος[8].

Περσῶν персов] Замена Анонимом первоначального Μήδων мидийцев на Περσῶν персов, как и Μήδῳ на Πέρσῃ далее, обязана давней традиции в античной литературе, смешивающей определения «мидийский» и «персидский», особенно в применении к царям Ахеменидам; последние часто называются «царями мидийцев». В данном случае мы наблюдаем обратное: мидийский царь назван «царем персов».

§ 10

Fr. 8a (27). *Demetr.*, De eloc., 213.

Деметрий приводит цитаты из сочинения Ктесия с целью проиллюстрировать его стиль. Поэтому следует ожидать, что выдержки из сочинения Ктесия у Де-

[1] См.: *Muellerus*. Op. cit. P. 36, 37.
[2] *Jacoby C.* Op. cit. S. 612.
[3] *Krumbholz*. Diodor's assyrische Geschichte. S. 332, 335; ср.: *Schwartz*. Op. cit. S. 49.
[4] *Jacoby F.* Op. cit. стб. 2042.
[5] Ср.: *Ctes.*, fr. 1 b, c. 2, 3; fr. 7: *Nic. Dam.*, fr. 66, Jacoby.
[6] *Krumbholz*. Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1895. Bd I. S. 225.
[7] Ср.: *Nic. Dam.*, fr. 5, Jacoby.
[8] *Homer.*, Il, XIV, 513; *Ovid.*, Met., XII, 305.

метрия максимально точны. Действительно, одна из цитат дословно совпадает с папирусным фрагментом «Истории Персии» Ктесия[1].

Fr. (28). *Tzetz.*, Chil., XII, 893–898.

В данном случае Цец независим от Диодора (и от Деметрия) и достаточно верно передает текст Ктесия[2].

Fr. 8b (-). *P. Ox.*, 2330.

Ζαρεινάιαι Зарейенее] По-видимому, имя здесь искажено. У Ктесия это имя, скорее всего, выглядело как Ζαρινάια[3].

§ 11

Fr. 9a (31). *Tzetz.*, Chil., I, 87–88.

Tzetz., Chil., I, 87.

Ἀστυάγη Астиаг] Форма Ἀστυάγης здесь и далее (I, 94–96, 98), видимо, заменила форму Ἀστύγας, которую употреблял Ктесий[4]. Форма Ἀστυάγης — обычная у античных авторов.

§ 14

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 6.

Βαρκανίων барканиев] В связи с тем что евнух послан Киром именно в Персиду, иногда считают возможным исправлять Фотия, подставляя вместо барканиев карманиев[5], как более близких к Персиде. Однако фрагмент 9a не допускает такого исправления.

§ 18

Fr. 9 (29). *Phot.*, § 7–8.

Phot., § 7.

Δέρβικας дербиков] Относительно принадлежности Ктесию названия Δέρβικες здесь и далее у Фотия (§ 7, 8) высказывались различные мнения. И. Маркварт считал, что название, употребляемое Ктесием, в эпитоме Фотия по какой-то причине было заменено на Δέρβικες[6]. Против такого предположения справедливо возражал П. Крумбхольц[7]. Действительно, предположение об одинаковой замене подлинного названия сравнительно мало известного народа у двух совершенно различных, не зависимых друг от друга авторов (Диодора и Фотия), заимствовавших к тому же из разных частей сочинения Ктесия, совершенно неубедительно.

Fr. 43 (36). *Steph. Byz.*, s. v. Δερβίκκαι.

Мы относим данный фрагмент к рассказу о походе Кира на дербиков, так как к рассказу о Кире относятся и другие фрагменты сочинения Ктесия у Стефана, содержащие сведения о восточных народах (см.: fr. 10–12).

---

[1] *Biltcliffe.* Op. cit. P. 86.

[2] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1897. Bd LII. S. 267.

[3] Ср.: *Ctes.*, fr. 5, c. 34, 3; fr. 7. FGH. III C. Bd L. C. 453.

[4] Ср.: *Ctes.*, fr. 9, § 1.

[5] См.: *Baehr.* Op. cit. P. 106.

[6] *Marquart.* Die Assyriaka… S. 611, 612.

[7] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1895. Bd I. S. 213, 214.

ἔθνος — Ὑρκανῶν народ — гирканцев] Сообщая о дербиках, Стефан ссылается на Аполлония (Аполлодора?) и Ктесия. Есть основание считать, что определение местообитания дербиков, данное Стефаном, опирается и на указания Ктесия[1].

Κτησίας — Τερβισσούς Ктесий — тербиссами] Вопрос об отношении Стефана к подлинным словам Ктесия — сложен. И. Маркварт полагал, что сообщение Стефана о разных формах названия народа, приписываемых Ктесию, восходит к источнику, который имел в виду разные варианты написания этого названия, встречающиеся в различных рукописях сочинения Ктесия; подлинное название, употреблявшееся Ктесием, могло быть Δέρβιοι, Δερβισσοί или Τερβισσοί, вероятнее всего — последняя форма; более поздние авторы — впервые, возможно, Клитарх — исходя из каких-то соображений (может быть, основываясь на совпадении характерных черт в описании) отождествили этот народ Ктесия с дербиками, Δέρβικες, другим народом, после чего авторы, заимствуя у Ктесия, употребляли форму Δέρβικες, заменяя ею подлинное Ктесиево название[2]. П. Крумбхольц, убедительно возражая против этой гипотезы, принимал как наиболее вероятное следующее объяснение: данное сообщение Стефана восходит к автору, имевшему в своем распоряжении рукопись сочинения Ктесия, в которой название народа, употреблявшееся Ктесием, было искажено, — например, было написано Δερβίσσων вместо Δερβίκων, — и это искаженное название источник Стефана принял за форму, употреблявшуюся Ктесием; сам же Ктесий в действительности употреблял форму Δέρβικες, которую и воспроизводят другие фрагменты его сочинения[3].

Нам кажется, что принадлежащими Ктесию нужно считать как ту форму, которая передана Диодором и Фотием, так и те формы, которые засвидетельствованы Стефаном. Если отрицать принадлежность Ктесию первой формы, то трудно будет объяснить, почему она появилась у Диодора и Фотия. Если считать, что Ктесию принадлежала только первая форма, то так же трудно будет понять, почему источник Стефана был уверен в том, что приведенные им формы являются лишь другими названиями тех же дербиков. Очевидно, уже у самого Ктесия имелось указание о том, что дербики (Δέρβικες) именуются также дербиями (Δέρβιοι) и т(д)ербиссами (Τ(Δ)ερβισσοί). Как конкретно выглядело такое указание, решить трудно; во всяком случае, в нем не было противопоставления обычной, принятой в литературе формы новым формам, введенным Ктесием, так как все три формы, скорее всего, были впервые введены в литературу самим Ктесием. Возможно, что формой, обычно употребляемой Ктесием, была первая, а две другие он дал в специальном описании дербиков, к которому и восходит фрагмент, сохраненный у Стефана[4].

---

[1] Ср.: *Ctes.*, fr. 1 b, c. 2, 3.

[2] *Marquart.* Die Assyriaka… S. 611–617.

[3] *Krumbholz.* Zu den Assyriaka… // RhM. N. F. 1895. Bd L. S. 213, 214.

[4] Возможно, что одна из двух последних форм засвидетельствована и в двух других отрывках, которые также могли бы восходить к Ктесиеву описанию дербиков. В одном из этих отрывков упоминаются Δερβαῖοι (другое чтение Δυρβαῖοι) (Steph. Byz., s. v. Δυρβαῖοι), в другом — Δερβαῖς (другое чтение Δυρβαίοις) (*Steph. Byz.*, s. v. Τέως). Может быть, в первом случае следует читать Δέρβιοι, а во втором Δερβίοις?

Fr. 14 (29). *Phot.*, § 35.

Ἀρτάβανος Артабан] Многие современные историки, рассказывая по Ктесию о восстании Артабана, подставляют вместо имени Артабан имя Гистасп, причем иногда даже сохраняют ссылку на Ктесия[1].

Более вероятно, что Ктесий называл восставшего сатрапа Артабаном, поскольку именно так он назван в единственном сохранившемся фрагменте рассказа Ктесия о восстании бактрийского сатрапа. Однако не исключена и другая возможность, а именно, что Ктесий называл этого сатрапа Гистаспом, Ὑστάσπης. Дело в том, что данный рассказ Ктесия был известен Диодору и в качестве восставшего сатрапа там, по-видимому, фигурировал Гистасп[2]; правда, этот рассказ Диодор излагал не непосредственно по Ктесию, да и изложение самого Диодора очень кратко. Если считать, что Ктесий называл сатрапа Гистаспом, то чем объяснить ошибку Фотия? Можно было бы думать, что Фотий здесь механически повторил то имя, которое он неоднократно называл непосредственно перед этим. Но Фотий специально оговаривается: «...другой (ἄλλος) Артабан». Можно предполагать, что имя Артабан действительно фигурировало в этом рассказе Ктесия, но Фотий перепутал его с именем восставшего сатрапа. Артабаном мог быть назван у Ктесия сатрап, сменивший[3] Гистаспа[4].

Список сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
AC	— L'antiquité classique
AJA	— American Journal of Archaeology
AJPh	— American Journal of Philology
Ath	— Athenaeum

[1] См., например: *Prašek J. D.* Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonischen Eroberung. Gotha, 1910. T. II. S. 163; *Huart C., Delaporte L.* L'Iran antique. Élam et Perse et la civilisation iranienne. P., 1952. P. 268; *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. 2 ed. Chicago, 1960. P. 290; *Sykes P.* A History of Afghanistan. L., 1940. Vol. I. P. 52; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 99, 379.

[2] *Diod.*, XI, 71, 2. Ср.: *Diod.*, XI, 69, 2.

[3] Ср.: *Diod.*, XI, 71, 2.

[4] Такое объяснение см., например: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия под властью Ахеменидов // История таджикского народа. М., 1963ю Т. I. С. 210. Другой вариант подобного объяснения дан у Е. А. Мончадской: *Мончадская Е. А.* О правителях Бактрии и Согдианы VI–IV вв. до н. э. // Культура и искусство народов Востока (ТОВЭ. Т. V). Л., 1961. С. 111. Согласно этому варианту, после подавления восстания бактрийцев Артаксеркс назначил сатрапом Артапана, а «затем сатрапом Бактрии был младший брат Артаксеркса I, Гистасп». Но, во-первых, Гистасп «имел сатрапию в Бактрах» уже в момент убийства Ксеркса и до воцарения Артаксеркса (*Diod.*, XI, 69, 2); во-вторых, Гистасп из трех сыновей Ксеркса и Амастриды был вторым, а Артаксеркс — третьим (*Ctes.*, fr. 13, § 24). Следует отметить, что оба автора, приводя эти реконструкции, почему-то сопровождают их без всяких оговорок прямыми ссылками на Ктесия.

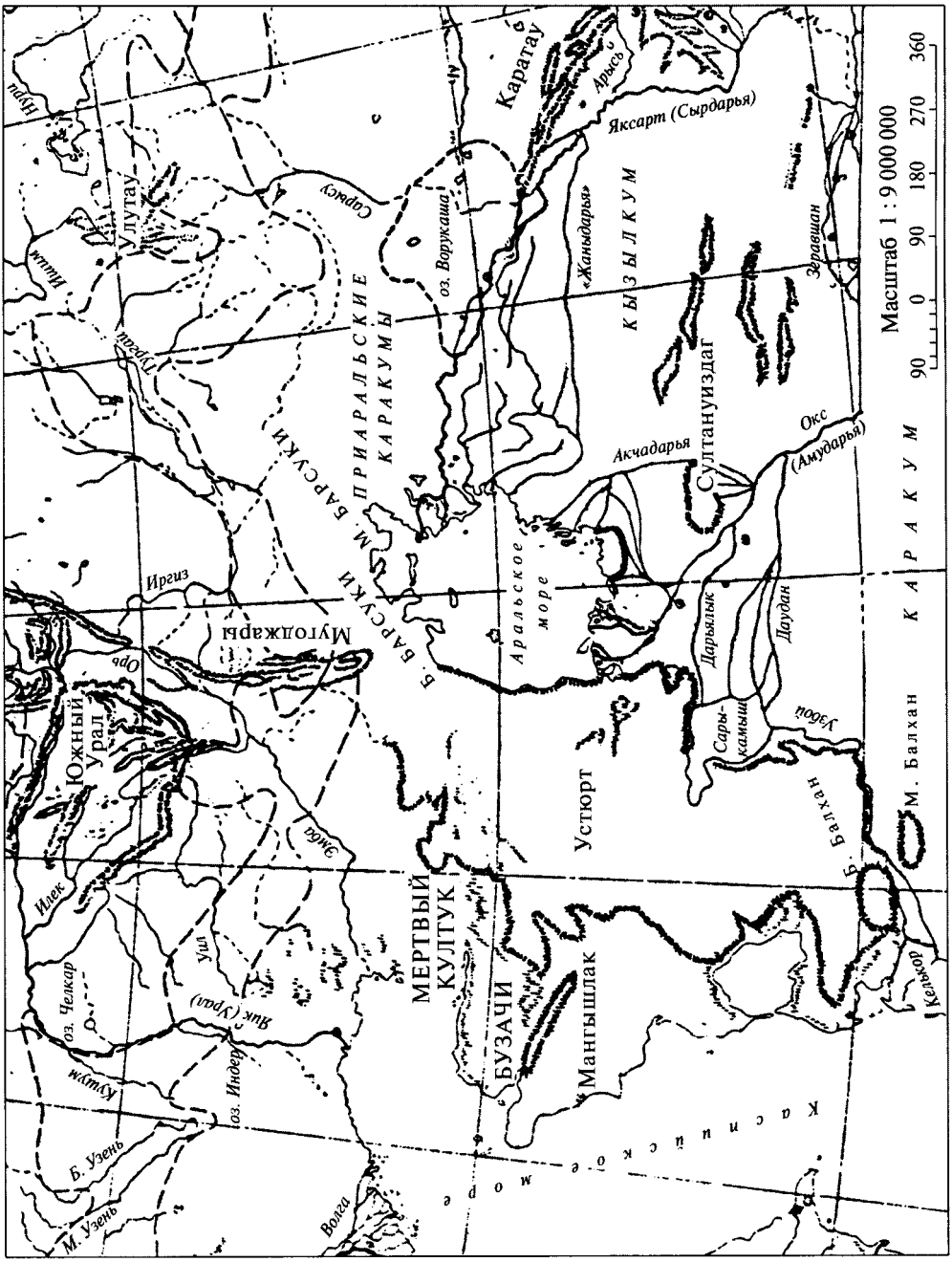
BOr — Bibliotheca Orientalis
EHR — The English Historical Review
FGH — Die Fragmente der griechischer Historiker, ed. F. Jacoby
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Muellerus
Herm — Hermes
Hist — Historia
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
Phil — Philologus
RE — Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica
RhM — Rheinisches Museum für Philologie

2. АМУДАРЬЯ И КАСПИЙСКОЕ МОРЕ В ДРЕВНОСТИ*

Природно-климатические условия Арало-Каспийского региона были очень непостоянными еще и в исторический период — этот вывод все более подтверждается новейшими свидетельствами. Определяющим фактором здесь являлись колебания увлажненности (по данной проблеме существует большая литература; см., напр.: [8]). В прямой зависимости от этих колебаний находилась, по всей видимости, конфигурация нижнего течения Амударьи, существенно влиявшая, в свою очередь, на формирование той физико-географической среды, в которой протекала жизнь древних народов Арало-Каспийского региона (свод материалов по географии Арало-Каспийского региона исторической эпохи см. в: [4; 5]). Вопрос о том, впадала ли Амударья в Каспийское море когда-либо в историческое время, давно уже обсуждался в науке. И в прошлом, XIX в., и в настоящем были сторонники как положительного, так и отрицательного решения этого вопроса. К числу последних обычно приходится относить геологов и географов. Историки, имеющие дело с письменными источниками, иногда пытаются примирить свидетельства таких источников с выводами геологов, но это не всегда получается, и тогда историки, доверяющие своим источникам, выступают за положительный ответ на указанный вопрос.

Так, последовательным выразителем того мнения, что Амударья в определенные исторические периоды впадала в Каспий, выступал А. Херрман. (К вопросу о впадении Амударьи в Каспий он обращался во многих своих работах; см. одну из них: [21].) Той же точки зрения придерживался В. В. Бартольд — но лишь для Средневековья, к античным сообщениям на эту тему он относился скептически. (Данному вопросу тоже посвящено много работ ученого, в том числе: [2].) В. Тарн был еще более решителен в своем скепсисе, полагая, что ни один современный ему специалист не стал бы утверждать, что Амударья впадает в Каспий на протяжении исторической эпохи, и пытался показать, что античные источники ни в коей мере не могут служить опорой для таких утверждений [25: 113, 491–493]. С. П. Толстов придерживался, в сущности, таких же взглядов, хотя под давлением хорошо известных ему археологических фактов вынужден был допускать, что и в средневековье, и в древности возможны были кратковременные прорывы амударьинских вод в Узбой [15: 17–26, 233–236, 261–268]. Б. Шпулер, обозревая историю вопроса о впадении Амударьи в Каспий, приходит к выводу, что, как бы ни толковать исторические свидетельства, заключе-

* Впервые опубликовано: Амударья и Каспийское море в древности // История и культура Арало-Каспия. Сб. ст. Вып. 1. Алматы, 2001. С. 38–42.

Низовья Амударьи и соседние области
(по: [7: рис. 1])

ния геологов не позволяют считать Узбой руслом Амударьи когда-либо в историческое время [23: 456; 23, с. 997].

Именно такое отношение к заключениям геологов и, мне казалось, — археологов как к последнему и решающему слову в споре повлияло на мои выводы в работе 1964 г., где я рассматривал вопрос об обводненности Узбоя в древности: письменные источники определенно свидетельствовали об Узбое как настоящей реке, но заключения геологов заставляли не доверять им полностью и искать какой-то компромисс [13: 115, 129–130]. Однако всего через несколько лет туркменский археолог Х. Юсупов в результате изысканий на месте показал со всей ясностью, что письменным свидетельствам вполне можно доверять и предложенный мной компромисс вовсе не нужен. Узбой функционировал как живая река в древности, с VI в. до н. э. (может быть, и с VII в., но определенных данных об этом нет) по IV в. н. э. [16: 122–127; 17: 141, 196–197]. В тот же период, с VII в. до н. э. по VI в. н. э., действовала Сарыкамышская дельта Амударьи, [6: 8; 17: 142, 186–187, 196–197] и следовательно, Сарыкамышская впадина была заполнена водой, которая и стекала по Узбою в Каспий. Та же картина потом повторяется в XIII–XVI вв. н. э. Несколько позднее с интересной и хорошо обоснованной теорией, предлагающей большую трансгрессию Каспийского моря в древности, выступил С. Н. Муравьев. Путем тщательного анализа письменных источников, подкрепленного археологическими данными, ему удалось показать, что воды Каспия в период примерно с VI по I в. до н. э. выходили далеко за пределы современной береговой линии, на западе затопляя значительную часть Куро-Аракской низменности, а на востоке достигая местности Игды [10: 117–147; 11: 73–84; 12: 235–247], где недалеко от устья Узбоя того времени находился мощный водопад. Оба заключения — и относительно Узбоя, и относительно Каспийского моря — хорошо согласуются друг с другом, так как из истории известно, что поворот Амударьи к Сарыкамышу, регрессия Арала и трансгрессия Каспия всегда были взаимосвязаны.

В свете всех этих новых данных можно по-новому взглянуть и на сведения письменных источников об Амударье.

Одни из наиболее ранних известий об Амударье и ее низовьях кроются в сообщениях античных авторов о реке Аракс. Особенностью этих известий является то, что в них слиты воедино элементы описания Амударьи и кавказского Аракса — древние авторы обычно не различали эти две реки.

Образцом таких известий являются сообщения Геродота и Страбона об Араксе. Мы имеем в виду сообщение Геродота о реке Аракс, которая вытекает из страны матиенов и изливается сорока устьями, из которых все, кроме одного, впадают в «болота» (ἑλεά), «мелководья» (τενάγεα), лишь один рукав течет по открытой местности (διὰ καθαροῦ) в Каспийское море (1, 202), и два сообщения Страбона, в одном из которых говорится о реке Аракс, ветвящейся на множество рукавов, впадающих в «другое на севере [расположенное] море» (ἡ ἄλλη ἡ πρὸς ἄρκτοις θάλαττα), и лишь одним из рукавов текущей в Гирканский залив (XI, 8, 6, p. 512), в другом — о реке Аракс, вытекающей из страны матиенов, ветвящейся на сорок рукавов и отделяющей скифов от бактрийцев (XI, 14, 13, p. 531).

Каковы источники этого рассказа о низовьях Аракса? Данный вопрос имеет долгую и сложную историю. Я специально рассматривал его в одной из своих работ и пришел к следующему выводу: вполне возможно, что рассказ действительно восходит к одному первоисточнику, которым мог быть Гекатей Милетский, но непосредственно из этого первоисточника черпал лишь Геродот, до Страбона же рассказ дошел через посредство Геродота; при этом первое сообщение Страбона на пути к нему прошло еще через обработку какого-то историка раннеэллинистического времени, возможно Эвдокса Родосского, заметно в нем также влияние Эратосфена; что касается второго сообщения, то сам его текст указывает на Каллисфена как на посредника между Геродотом и Страбоном [14: 49–52, 56–60, 65–66].

Реальная основа рассказа проступает довольно прозрачно. Прежде всего ясно, что в нем слились представления о кавказском Араксе и Амударье. На первый указывает упоминание о матиенах. Описание болотистой дельты Аракса толковалось по-разному, колебался в локализации ее и я. Но если признать, что тюлени, упоминаемые Геродотом и Страбоном при описании этой дельты, действительно водились некогда в низовьях Амударьи, то можно достаточно уверенно отождествлять ее с дельтой Амударьи [9: 116–124]. При этом описание, данное Геродотом и восходящее к Гекатею (VI в. до н. э.), ближе всего соответствует Сарыкамышской дельте, представлявшей собой в VI в. до н. э. болотистую местность со множеством протоков [1: 148–151], впадавших в мелководный Сарыкамыш, а описание, данное Страбоном, включавшее в себя новые сведения Эвдокса (III (?) в. до н. э.), относится, может быть, к сформировавшейся тогда северной, аральской дельте Амударьи. Один рукав Аракса, впадающий в Каспийское море (именуемое «Гирканским заливом»), — это, конечно, поток Узбоя, протекающий по пустынной местности.

Одним из древних элементов описания Аракса являются сообщения о водопаде этой реки. К кавказскому Араксу такие сообщения не могут относиться, на Узбое же существование древнего водопада зафиксировано геологически в местности Игды [16: 155, 183]. На водопад намекает Дионисий Периегет, заимствовавший сведения у какого-то более древнего автора, называя Аракс «шумящим» (κελάδοντος) (строка 739). О страшном шуме узбойского водопада, который так и назывался — «Шум», сообщали средневековые авторы во времена обводнения Узбоя в XIII–XVI вв.[3: 173]. Прямо о водопаде Аракса говорит Помпоний Мела, конечно, тоже заимствуя у значительно более древнего автора. И он упоминает о страшном гуле водопада, приводя его описание (II, 40), довольно близко соответствующее водопаду Игды, хотя сам Мела думал, что ведет речь о кавказском Араксе. Наконец, Страбон, заимствуя, видимо, через посредников у спутников Александра Македонского, говорит о расщелине (τὴν διασφάγα) в скале, через которую вода Аракса «низвергается с шумом» (καταράττει) в Каспийское море (XI, 14, 13, p. 531). И в данном случае узбойский водопад фигурирует в контексте описания, относящегося к кавказскому Араксу.

Представление об Узбое как живой реке, впадающей в Каспийское море, точнее в Красноводский залив, глубоко вдававшийся тогда в сушу, помогает лучше понять и описание некоторых событий (VI в. до н. э.), связанных с этими местами. Таковы рассказы о походе Кира на массагетов. В двух версиях этих

рассказов, в которых упоминаются детали ландшафта, — версиях Геродота (I, 201, 204–214) и какого-то близкого к нему автора (Динона?), заимствованного Трогом — Юстином (I, 8), Оросием (II, 7) и Фронтином (II, 5), — говорится о большой реке Аракс, для переправы через которую потребовались суда (πλοῖα) и мост, и о прилегающих к ней горах с теснинами и ущельями (angustiae). Все это вполне соответствует району впадения Узбоя в залив и горам Большого Балхана. (Относящиеся к этому событию источники собраны и проанализированы мной в работе: [13]). Таково же известие о походе Дария в тот же регион. Согласно последней реконструкции текста пятого столбца Бехистунской надписи, предложенной Я. Харматтой, маршрут Дария был связан сначала с «морем» (darya), а затем с «рекой Арахша», через которую он, как Кир до него, переправился [20: 27][1]. Очевидно, Дарий просто повторил поход Кира в те места, где Узбой (Аракс, Арахша) впадал в залив Каспийского моря.

Интересные сведения об Узбое как каспийском рукаве Амударьи можно извлечь и из сведений античных авторов об Оксе, под которым уже точно подразумевалась только Амударья.

Прежде всего это сведения о впадении Окса в Каспийское море, добытые спутниками Александра Македонского (конец IV в. до н. э.) и затем подкрепленные морской экспедицией Патрокла в Каспийское море (начало III в. до н. э.) и поисками водных путей в Индию. Теперь нет необходимости отвергать свидетельства Патрокла о существовании устья Окса в Каспийском море и считать, что за устье Амударьи были ошибочно приняты устье Атрека или вход в залив Кара-Богаз-Гол, тем более что расстояния, указанные Патроклом, довольно точно увязывают устье Окса Патрокла с устьем Узбоя в районе Игды [12: 239, 246]. Нет также необходимости видеть лишь теоретическое предположение в сообщении Патрокла о возможности переправки индийских товаров по Оксу прямо в Каспийское море. О реальном существовании торгового пути по Узбою в древности свидетельствуют руины крепости Игды-кала, контролировавшей когда-то путь в районе водопада и каспийского устья Амударьи [17: 148, 155, 174–176, 193].

С Оксом также связаны в античной литературе рассказы о водопаде, подобные рассказам о водопаде Аракса. Они подтверждают, что речь в данном случае идет именно об узбойском русле Амударьи. Известен рассказ Полибия о водопаде Окса между апасиаками и Гирканией (X, 48), содержащий две версии описания этого водопада. Одна из них очень близка рассказу Страбона со ссылкой на Эвдокса о не названных им реках гирканского побережья (XI, 7, 5, p. 510). Детали ландшафта, упоминаемые в рассказе Страбона, — высóты с жилыми пещерами на морском берегу близ водопада — тоже вполне соответствуют местности в районе Балхан, где воды Узбоя впадали в разлившийся Красноводский залив. Если и здесь говорилось об апасиаках, а упомянутый Эвдокс был родосцем, то речь шла, очевидно, о реке Окс, если же источником Страбона был книдиец, то подразумевалась, скорее всего, река Аракс.

[1] Здесь автор, ссылаясь на мою работу 1975 г., имел в виду современное русло Амударьи, впадающее в Аральское море. Но в литературе уже указывалось, что в данном тексте мог подразумеваться и каспийский рукав Амударьи: [18: 23].

В свете новых географических представлений о низовьях Амударьи в древности очень интересной представляется та карта Окса, которая стоит за данными Помпония Мелы, Плиния, Юлия Гонория и, отчасти, Клавдия Птолемея. Она независима от общепризнанной в античном мире карты Эратосфена, построенной на данных Патрокла, и в известной мере противоречит последней. Вопрос об источниках ее, конечно, очень сложен и спорен, но я предполагаю, что она могла быть основана на данных Демодама, действовавшего в Средней Азии примерно одновременно с Патроклом. Если попытаться реконструировать эту карту, то Окс будет выглядеть на ней следующим образом. Протекая сначала с востока на запад, Окс поворачивает затем на северо-запад, к Оксианскому озеру: вытекая из этого озера, он направляется к юго-западу, имея справа от себя Оксианские горы, и в стране апасиаков впадает в Скифский залив Каспийского моря, напротив священного острова Талка; где-то в районе Оксианского озера с Оксом соединяется и Яксарт[1]. Все это очень близко соответствует реальной карте Узбоя и прилегающих земель, где мы видим Сарыкамышскую впадину и выходящее из нее русло Узбоя, тянущееся вдоль южных обрывов и возвышенностей плато Устюрт вплоть до Бала-Ишемской низменности (Агрыча), заполненной в древности водами Красноводского залива, которые отрезали Челекен от суши, превращая его в остров; Сырдарья же в древности тоже могла, как и в средние века, одним из рукавов впадать в Амударью.

Ту же самую картину мы получим, если извлечем из Авесты (Yt. V) и зависимой от нее среднеперсидской зороастрийской литературы все данные, характеризующие знаменитую Ардви-Суру-Анахиту как реальную реку[2]. Это мощный поток, который течет от горы Хукарья (Хугар), вершины хребта Хара, с востока на запад, делится на множество озер и проток с густонаселенными берегами, а одной из этих проток, очень длинной, низвергается в море Ворукаша (Фрахвкард), напротив острова Ус-Хинду (Аусинд).

Интересна такая деталь в описании Ардви-Суры-Анахиты: море Ворукаша кипит и бурлит у берегов и в середине, когда в него низвергается эта река (Yt. V, 3–4). Как не вспомнить здесь слова Страбона (XI, 14, 13, p. 531) об Араксе, низвергающемся в Каспийское море, и все описания водопада Аракса или Окса близ впадения их в море!

Островная гора Ус-Хинду или Аусинд лежит в середине моря Ворукаша и в то же время «принимает воды» реки, текущей с вершины Хукарья, а точнее, воды отдельного ее рукава (Yt. VIII, 32; Bund. XII, 6, XIII, 5, West). В середине моря Ворукаша, т. е. на том же острове, имеется дерево, на котором во множестве

---

[1] Подробную реконструкцию этой карты с обоснованием я даю в моей работе, подготовленной к печати: «Средняя Азия в античной географической традиции». [В настоящее время эта работа вышла из печати (М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 297, 300).]

[2] Современные реконструкции древнего имени реки и божества в виде *Харахвати-Ардви-Сура (см., напр.: [18: 29–30, 197, 201–202, 217]) кажутся мне очень проблематичными. Основным и первоначальным названием реки было, видимо, все же слово с корнем Ард-. Оно очень рано и очень прочно закрепилось за низовьями Амударьи: его можно видеть и в названии кушанского божества Ардохшо и Ард-Вахш, и в элементе Ард- средневековых топонимов Хорезма, и даже в названии Ардок, приводимым Дженкинсоном в XVI в. н. э.

произрастают растения всякого рода и семена лекарственных трав, а хозяином его является божественная птица Сайна (Yt. XII, 17; Vend. V, 19, и многие пехлевийские источники). А еще известно, что гора эта состоит из какого-то светлого металла (Bund. XII, 6). И в данном случае напрашивается сравнение с рассказом Помпония Мелы об острове Талка в Каспийском море как о месте, где в изобилии родятся разные плоды без обработки почвы, предназначенные только для богов (III, 58). А Страбон говорит об островах Каспийского моря, на которых имеется золотой песок (XI, 7, 2, p. 509).

Авестийская география реки Ардви приобретает особое значение в связи с проблемой датировки Зороастра. Есть основания думать, что эта география в зороастрийской традиции была связана с жизнеописанием Зороастра. Во всяком случае, согласно традиции, одна из встреч пророка с божественными силами состоялась «на Хугаре и Аусинде». Хотя традиция относила обе эти горы к хребту Харбурз, все же, я думаю, в данном контексте указанные слова подразумевают не Харбурз (и тем более не современный Альбурз) [22: 46–47], а реку Ардви, отмечая место ее истока (Хугар) и устья (Аусинд). К мифическому же хребту Харбурз, окаймлявшему на севере земной круг, эти горы были отнесены, видимо, потому, что считались его крайними восточным (Хугар) и крайним западным (Аусинд) отрогами. Такая география реки Ардви, свидетельствующая о функционировании узбойского рукава Амударьи во времена странствий Зороастра, не позволяет относить жизнь пророка ко времени ранее VII в. до н. э. и, следовательно, говорит в пользу традиционной даты Зороастра (за 300 лет до Александра Македонского) и против новейших тенденций датировать Зороастра очень ранним временем.

Итак, письменные источники, относящиеся примерно к VII–III вв. до н. э., подтверждаемые археологическими данными, свидетельствуют, что современная им Амударья через Сарыкамышскую впадину текла в Каспийское море. Уровень самого Каспийского моря был значительно выше современного. Об Аральском же море сведений, достоверно относящихся к нему, нет: видимо, если какой-то водоем и существовал на его месте, то размеры его были невелики. Есть основания полагать, что такая географическая ситуация складывалась в Арало-Каспийском регионе периодически и до указанного времени, и после. Письменные источники, например, фиксируют ее достаточно наглядно еще и для XIII–XVI вв. н. э. Признаки ее формирования наблюдаются и в настоящее время.

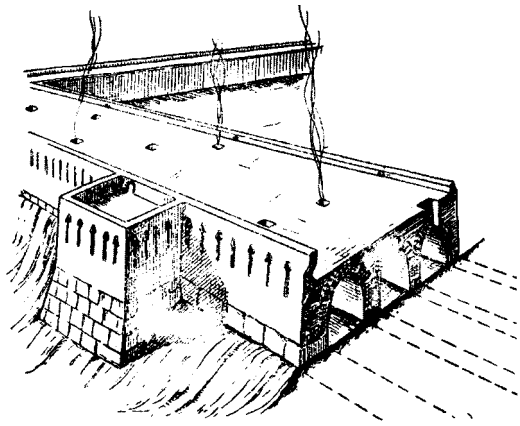
Библиография

1. *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Соч. М., 1965. Т. III.
3. *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана // Соч. М., 1965. Т. III.
4. *Берг Л. С.* Очерки истории исследований в связи с историей картографии Аральского моря // *Берг Л. С.* Избранные труды. М., 1960. Т. III.

5. *Берг Л. С.* Уровень Каспийского моря за историческое время // Берг Л. С. Избранные труды. М., 1960. Т. III.
6. *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
7. *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.
8. Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
9. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
10. *Муравьев С. Н.* Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия // ВДИ. 1983. № 1.
11. *Муравьев С. Н.* Уровень Каспия глазами древних греков // Природа. 1987. № 4.
12. *Муравьев С. Н.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 год. М., 1988.
13. *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3.
14. *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.
15. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
16. *Юсупов Х.* Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизыл-Арватом // Каракумские древности. Ашхабад, 1972. Вып. 4.
17. *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
18. *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975–1982. Vol. I–II.
19. *Gardiner-Garden J. R.* Ktesias an early Central Asian history and ethnography. Bloomington, 1987.
20. *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Saka tigraxauda // Studies in the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
21. *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin, 1914.
22. *Jackson A. V. W.* Zoroaster. The prophet of Ancient Iran. London, 1899.
23. *Spuler B.* Âmû Daryâ // Encyclopaedia of Islam. 1957. Vol. I, fasc. 8.
24. *Spuler B.* Âmû Daryâ // Encyclopaedia Iranica. 1985. Vol. I, fasc. 9.
25. *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambridge, 1951.

3. ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ*

Первые достоверные и точно датирующиеся письменные сообщения о городах Средней Азии относятся к ахеменидскому времени; большинство этих сообщений принадлежит античным авторам. Но сведения античных авторов очень скудны и случайны. Эти сведения не дают возможности произвести детальный анализ жизни городов, скажем, их экономической структуры. Поэтому мы ограничимся следующей задачей: из отдельных, случайных сообщений, разбросанных по сочинениям античных авторов и собранных воедино по крупицам, восстановить — с возможно большей полнотой — общую картину среднеазиатского города ахеменидского времени (конечно, с учетом своеобразия отдельных областей).

Типичная городская стена среднеазиатского города ахеменидского времени. Городище Кюзели-гыр (по: История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 721, рис. 155)

Территория, о которой мы будем говорить: Бактриана, Согдиана, области хорасмиев и саков, т. е. северная часть восточноиранского мира; Парфия и Гиркания не будут включены в наш обзор, так как они являлись скорее частью западноиранского мира (и в ахеменидское время, видимо, не простирались на территории, входившие в состав Советского Союза). Время — период вхождения указанных областей в состав Ахеменидской державы или в сферу влияния ее, т. е. VI–IV вв. до н. э.

*Впервые опубликовано: Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов // Древний Восток и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. С. 126–135.

Источниками для нашего обзора послужат сведения античных авторов — или современников Ахеменидской державы, или современников Александра Македонского; сведения последних мы будем учитывать лишь постольку, поскольку они отражают положение, существовавшее до походов Александра. Среди первых отметим: Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.), который заимствовал интересующие нас сведения, возможно, у Скилака Кариандского (конец VI в. до н. э.), Геродота (середина V в. до н. э.), сведения которого относятся к началу V в. до н. э., и Ктесия (около 400 г. до н. э.), который пишет о мифической древности, но в действительности проектирует в эту древность современную ему обстановку. Среди вторых: Птолемея Лагида — представителя «официальной», более достоверной традиции. Клитарха — основного представителя «романтической», менее достоверной традиции, Аристобула, сочетавшего ту и другую традиции. Сочинения этих авторов не дошли до нас, но указанные традиции отражены у более поздних писателей: первая — у Арриана и, в меньшей степени, у Курция, вторая — у Курция, Диодора и Трога; Аристобул представлен у Арриана и Страбона.

Античные авторы называют на указанной территории в указанное время и города (πόλις, urbs, oppidum), и села (κώμη, vicus, ager). Каким критерием пользовались они для различения города и села — неясно. Скорее всего, они исходили просто из размеров населенного пункта: больший называли городом, меньший — селом. Поэтому мы будем учитывать известия о всех населенных пунктах.

Каковы же известия по каждой из указанных *областей*?

В *Бактриане* упомянуты только города. Отмечается, что там много «больших городов» (μεγάλαι πόλεις)[1]; в другом случае говорится о многих «неприступных укрепленных местах», (τόποι ἀπρόσιτοι διὰ τὴν ὀχυρότητα)[2], возможно, что в числе последних имеются в виду те же большие укрепленные города. Молва о «бактрийских крепостях» (Βάκτρια τείχη; τεῖχος — здесь, видимо, «пункт, обнесенный стеной») вообще широко разошлась по Ахеменидской державе[3]. Всего более известен в этой области город Бактры (Βάκτρα, Bactra) или Зариаспы (Ζαρίασπα, Zariaspa)[4]. Этот город наделяется эпитетами «самого выдающегося» (ἐπιφανεστάτη)[5], «самого большого» (μεγίστη)[6] города Бактрианы и даже, видимо, Согдианы. В другом месте «самыми большими городами» (μεγισταὶ πόλεις) Бактрианы названы Бактры и Аорн (Ἄορνος)[7]. Из других городов Бактрианы этого времени известны Драпсаки, или Дарапсы, Адрапсы (Δράψακα, Δάραψα, Ἄδραψα)[8], и Кариаты (Καριάτα)[9]. О двух из этих городов, Бактрах и Аорне, сообщается, что

[1] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 2, 4.
[2] *Ctes.*, fr. 1b, c. 5, 3.
[3] *Eurip.*, Bacch., 13 = *Strab.*, 1, 2, 20.
[4] О тождестве Бактр и Зариасп: *Strab.*, XI, 11, 2; *Plin., N. H.*, VI, 45, 48.
[5] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6. 2.
[6] *Arr.*, Anab., IV, 1, 5; *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 2.
[7] *Arr.*, Anab., III, 29, 1.
[8] *Arr.*, Anab., III, 29, 1; *Strab.*, XI, 11, 2; XV, 2, 10.
[9] *Strab.*, XI, 11, 4.

они имели кремль (ἄκρα, ἀκρόπολις)[1]. Город (πόλις, urbs, oppidum)[2] Бактры — мощная крепость на востоке Ахеменидской державы. Говорится о стенах (τείχη, moenia) этого города[3]; различаются «нижние стены» (τά κάτω τείχη)[4] и сильно укрепленный акрополь на высокой горе[5]. «Нижние стены» окружали город со стороны равнины[6], а акрополь располагался, видимо, близ гор (отроги Парапамиса), у подножья которых и находились Бактры[7]; путь к акрополю извне преграждало глубокое ущелье[8]. Имелись ли селения в ближайших окрестностях Бактр — неясно, но их существование возможно, так как участники набегов могли поживиться богатой добычей под стенами Бактр, не входя в сам город[9]. Бактры орошались рекой, носящей то же название: Бактр, или Зариаспа[10]; согласно одним известиям, эта река протекала под стенами города[11], согласно другим — текла через (διαρρεῖ) сам город[12].

В *Согдиане*, в собственно согдийских областях (долина Политимета, Навтаки, Ксениппы), напротив, известны только села[13] и лишь один город.

Город (πόλις, urbs, oppidum)[14] — это Мараканды (Μαράκανδα, Maracanda); он характеризуется как «очень красивый» (pulcherrimum) и весьма укрепленный[15]. Внешняя его стена (murus) имела в окружности 70 стадиев[16], а кремль (ἄκρα, arx)[17] был окружен другой стеной (τεῖχος, murus) с воротами (θύραι) и рвом (τάφρος)[18].

Видимо, последним пунктом обороны Мараканд была какая-то гора, расположенная в непосредственной близости от города[19]. К Маракандам примыкали «ближайшие села» (proximi vici)[20]. Многие исследователи выражали сомнение в достоверности известий о длине внешних стен Мараканды, но возможно, что в источнике имеются в виду не собственно городские стены, а стены городской округи, включающей упомянутые «ближайшие села»; при таком предположении

---

[1] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 2, 7–8; *Arr.*, Anab., III, 29, 1.

[2] Последний термин применен у *Plin.*, *N. H.*, VI, 45, 48.

[3] *Curt.*, VII, 4, 31; *Strab.*, XI, 11, 3. Последний автор говорит неопределенно о «столице (метрополии) бактрийцев».

[4] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 7–8.

[5] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 2, 7–8.

[6] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 7.

[7] *Curt.*, VII, 4. 31.

[8] *Ctes.*, fr 1b, c. 6, 8.

[9] *Arr.*, Anab., IV, 16, 5.

[10] *Plin.*, VI, 45, 48.

[11] *Curt.*, VII, 4, 31.

[12] *Strab.*, XI, 11, 2.

[13] В сообщении *Strab.*, IV, 16, 3 исследователи часто видят указание на города Согдианы, существовавшие до Александра. На самом деле здесь речь идет не о восстановлении старых городов, а о выведении военных колоний, ср. *Diod*, XVII, prol. (2), 24; *Curt.*, VII, 10, 15.

[14] Последний термин употреблен, например, у *Plin.*, *N. H.*, VI, 49, причем в связи с названием Panda, которое восстанавливается как [Mara]canda.

[15] Epit. rerum gestarum Alex., 7.

[16] *Curt.*, VII, 6, 10, 21; Epit. rerum gestarum Alex., 7.

[17] *Arr.*, Anab., IV, 5, 2–3; 6, 3; 8, 9; *Curt.*, VII, 6, 10.

[18] *Arr.*, Anab., IV, 8, 9; *Curt* , VII, 6, 10.

[19] Ср. *Plut.*, De Alex. fort. sive virt., I, 2; II, 9 и *Arr.*, Anab., III, 30, 10–11; *Curt.*, VII, 6, 1–9.

[20] *Curt.*, VII, 6, 10.

стало бы понятным сообщение о том, что Александр «разрушил (срыл)» (κατασκάφαι) Мараканды[1], противоречащее другим данным: это сообщение относилось бы к срытию внешних стен и разрушению «ближайших сел»[2]. Местность Мараканд орошалась рекой Политимет[3], непосредственно стены города «обтекала» (circumfluit) какая-то безымянная река[4]; возможно, что уже тогда близ Мараканд известна была река Даргаман[5].

Все остальные населенные пункты названы селами или укреплениями. Говорится о многих укреплениях (ἐρύματα) согдийцев в местности от Окса до Мараканд[6]. Упоминаются и отдельно укрепления (ἐρύματα) в долине Политимета[7], которые в другом месте названы селами (agri)[8]; сообщается, что все взрослое население этих сел-крепостей составляло 120 000[9] — цифра, может быть, как-то связанная с количеством сел. Упоминаются также многочисленные, густо расположенные села (vici) в Ксениппах[10] и село (κώμη) в Навтаках[11]. Описание последнего дает несколько более конкретное представление о селе-крепости: это небольшое поселение, обведенное стеной (τεῖχος) с воротами (πύλαι).

В местности около Танаиса (Яксарта) снова упоминаются города (πόλεις, urbes), числом 7[12] (3? — согласно другому источнику)[13]. «Самый большой» (μεγίστη)[14] из них — Кирополь (Κυρούπολις, Kyropolis), или Киресхата (Κυρέσχατα, Cyreschata). Из других городов известно название лишь одного — Газа (Γάζα)[15]. Города были окружены стенами (τεῖχη, moenia)[16]; стены — не очень высокие (более высокая лишь в Кирополе)[17], глинобитные («земляные») (γήϊνοι)[18]. В Кирополе внутри стен, перед городскими воротами (πύλαι), имелась площадь (ἀγορά)[19], был в Кирополе и кремль (ἄκρα), причем довольно обширный, так как в нем могли поместиться 15 000 воинов[20]. Через Кирополь протекала река, не названная в источнике; текла она в город прямо под городскими стенами, летом

[1] *Strab.*, XI, 11, 4.
[2] *Curt*, VII, 6. 10.
[3] Ср. *Arr.*, Anab., IV, 5, 3–6, 5; *Curt.*, VII, 9, 20–10, 3.
[4] Epit. rerum gestarum Alex., 7.
[5] *Ptol.*, Geogr., VI, 11, 2, 4; *Amm. Marc.*, XXIII, 6, 57.
[6] *Arr.*, Anab., IV, 15, 7; 13, 3.
[7] *Arr.*, Anab., IV, 6, 5.
[8] *Curt.*, VII, 9, 22.
[9] Ср. *Diod.*, XVII, prol. (2), 23 и *Curt.*, VII, 9, 22.
[10] *Curt.*, VIII, 2, 14.
[11] *Arr.*, Anab., III, 30, 1–2.
[12] *Arr.*, Anab , IV, 2, 1.
[13] *Iust.*, XII, 5, 12, ср. *Curt.*, VII, 6, 16–23.
[14] *Arr.*, Anab., IV, 2, 2; 3, 1.
[15] *Arr.*, *Anab.*, IV, 2, 1, 3.
[16] *Arr.*, Anab., IV, 2, 3; 3, 1–2, 4; *Curt.*, VII, 6, 18, 23.
[17] *Arr.*, Anab., IV, 2. 3; 3, 1.
[18] *Arr.*, Anab., IV, 2, 3.
[19] *Arr.*, Anab., IV, 3, 3.
[20] *Arr.*, Anab., IV, 3, 4.

же пересыхала, так что между ее сухим руслом и стеной оказывалось отверстие[1].

В Бактриане и *Согдиане* были и такие пункты, которые, видимо, не имели постоянного населения: это пограничные крепости и «скалы».

На границе земледельческих областей с пустыней воздвигались крепости, которые, видимо, служили сторожевыми пунктами, охранявшими эти области от набегов со стороны кочевников пустыни. Таково «укрепленное место» (χωρίον ὀχυρόν) Баги (Βαγά) в Согдиане, на границе со скифами-массагетами[2]. Таков же безымянный форт (φρούριον) в Бактриане, на пути из земли скифов-массагетов в Бактры[3].

В горных областях между Бактрианой и Согдианой имелись неприступные горные убежища, «скалы» (πέτραι), куда скрывалось во время опасности окрестное население, прежде всего знать. Таковы Согдийская скала (ἡ ἐν τῇ Σογδιανῇ πέτρα), или скала Ариамаза (Ἀριαμάζου ἡ πέτρα), и скала Хориена (Χοριήνου ἡ πέτρα), или Сисимифра (Σισιμίθρου ἡ πέτρα), — последняя в области паретаков. «Скалы» описываются как крутые и неприступные возвышенности, иногда опоясанные еще рекой или ущельем. Размеры первой скалы определяются так: высота — 30 стадиев, окружность — 150 стадиев[4]; размеры второй: высота — 20 стадиев, окружность — 60 стадиев[5], или соответственно 15 и 80 стадиев[6]. Из сооружений, сделанных человеческой рукой, упоминаются только какие-то укрепления (munimenta) на подступах к скале[7] и подземный ход (cuniculus iter), ведущий через скалу к полям[8]. О каких-либо сооружениях на вершинах скал ничего не говорится, лишь замечено относительно одной из скал, что вершина ее плоская и покрыта плодородной землей, способной прокормить 500 человек[9].

В области *хорасмиев* известен город (πόλις) Хорасмия (Χορασμίη): «у них [хорасмиев] — город Хорасмия[10]». Судя по контексту, это единственный город в упомянутой области.

Саки обычно предстают у античных авторов как кочевой скотоводческий народ, у которого отсутствуют города. Тем не менее в некоторых источниках фигурируют «немалые города» (πόλεις οὐκ ὀλίγαι) саков[11], и в их числе Роксанака (Ῥωξανάκη)[12] и Фастея (Φασταία)[13].

Насколько повлияли на городскую жизнь Средней Азии греки уже в ахеменидский период — трудно оказать (если основываться только на письменных источниках). Но то, что греки находились в немалом количестве в Средней Азии

[1] *Arr.*, Anab., IV, 3, 2.
[2] *Arr.*, Anab., IV, 17, 4.
[3] *Arr.*, Anab., IV, 16, 4–5.
[4] *Curt.*, VII, 11, 2; *Strab.*, XI, 11, 4.
[5] *Arr.*, Anab., IV, 21, 2.
[6] *Strab.*, XI, 11, 4.
[7] *Curt.*, V1II, 2, 20, 22.
[8] *Curt.*, VIII, 2, 20–21.
[9] *Strab.*, XI, 11, 4.
[10] *Hec.*, fr. 293.
[11] *Ctes.*, fr. 5, c 34, 4.
[12] *Nic. Dam.* fr. 5; *Steph. Byz.*, s. v. Ῥοξονοκαία.
[13] *Steph. Byz.* s. v. Φασταία.

того времени — вполне возможно. Причиной этого, видимо, была в основном политика переселений, проводимая Ахеменидамн: они часто перемещали своих подданных с одного конца державы в другой. Так, уже в начале V в. до н. э. персы угрожали восставшим ионийцам, что переселят их дочерей в Бактры[1]. При Дарии I часть жителей греческого города Барка в Ливии была обращена в рабство и поселена в Бактриане, в деревне (κώμη), названной также Баркой (Βάρκη) и существовавшей, во всяком случае, еще во 2-й половине V в. до н. э.[2] Жреческий род Бранхидов из Милета при Ксеркое I добровольно переселился в Согдиану и основал здесь город (ἄστυ, oppidum). Он существовал еще при Александре. Это был город небольшой (parvulum oppidum), имевший «священные рощи» (nemora et luci sacri) и окруженный стенами (moenia, muri); жители его не забыли обычаи предков, но были уже двуязычны[3].

Каковы же функции тех поселений, которые в источниках названы городами?

Можно предполагать, что некоторые из этих поселений еще сохраняли свое древнейшее назначение — быть племенными центрами, укрепленными пунктами, за стенами которых укрывалось во время опасности окрестное население (город – refugium). Таковы города близ Танаиса (Яксарта). Так, город Кирополь, видимо, был центром племени (gens) мемакенов[4], а все семь городов служили убежищем для жителей окрестностей во время нашествия иноземцев[5]. Возможно, таким же племенным центром была Хорасмия — единственный город хорасмиев и одноименный с ними. В еще большей степени это, видимо, должно относиться к «городам» саков, но о них, к сожалению, в источниках более ничего не говорится.

Более отчетливо рисуют источники роль городов как административных центров. Два города — Бактры в Бактриане и Мараканды в Согдиане — названы «царскими» (βασίλεια, regia, также «царский дворец, сокровищница»)[6]. Подобные же «царские города» были и в ближайших к Бактриане и Согдиане областях: Гиркании, Арее, Дрангиане[7]. По-видимому, «царским городом» считался главный город каждого из «народов» (ἔθνεα), входивших в державу Ахеменидов; такой город являлся номинальной резиденцией царя, превращаясь в его действительную резиденцию во время царских объездов страны. Очевидно, непременной принадлежностью этих городов являлся царский дворец; так, в «царском городе» Гиркании прямо упоминается «дворец Дария» (regia Darei)[8]. Имелись и другие черты, отличавшие «царские города»; так, в окрестностях Мараканд, в области

[1] *Her.*, VI, 9.

[2] *Her.*, IV, 204.

[3] *Curt.*, VII, 5. 28–35; *Strab.*, XI, 11, 4; *Diod.*, XVII, prol (2), 20.

[4] *Curt.*, VII, 6, 17. «Город мемакенов», по-видимому, тождествен Кирополю.

[5] *Arr.*, Anab., IV, 2, 1.

[6] *Ctes.*, fr. 1b, c. 6, 2; *Arr.*, Anab., III, 30, 6; Itin. Alex., 79. Предположение о втором «царском городе» Согдианы на основании сообщения *Arr.*, Anab., IV, 5, 3 нельзя признать удачным. Текст Арриана в указанном месте, несомненно, испорчен; в настоящее время слово βασίλεια там исправляют на Βάσιστα или βόρεια.

[7] *Arr.*, Anab., III, 25, 1, 5, 8.

[8] *Curt.*, VI, 5, 22.

Басиста, был устроен «парадис» (παράδεισος) — парк для царской охоты, обнесенный оградой с башнями, который ко времени Александра сохранялся для царя на протяжении четырех поколений[1].

Бактры были резиденцией ахеменидского сатрапа и наместника[2], как правило, из царского рода; ему подчинялась не только Бактриана, но, временами, Согдиана и другие соседние области. Здесь же собирались на сходки (ξύλλογοι) более мелкие правители (ὕπαρχοι) этих областей[3]. В Бактрах хранились «сокровища» (θησαυροί), состоявшие из «большого количества серебра и золота» (πολὺς ἄργυρος τε καὶ χρυσός)[4], — видимо, часть царской казны, пополняемой данью с окрестных земель; подобные царские сокровищницы имелись и в других центрах Ахеменидской державы — в Персеполе и Пасаргадах, Сузах, Экбатанах, Вавилоне, Дамаске, Сардах. Бактры, видимо, были и пунктом сбора войск для походов в соседние страны; описывается, как во время подготовки похода в Индию, длившейся три года, в Бактры стекались воины со всем необходимым снаряжением из всех сатрапий, собирались кораблестроители из Финикии, Сирии, Кипра и других приморских областей, чтобы строить «разборные суда», грузились караваны верблюдов и т. д.[5] Бактры были также одним из центров официального ахеменидского культа; при Артаксеркселе II в Бактрах, как и в Персеполе, Сузах, Экбатанах, Вавилоне, Дамаске и Сардах, была воздвигнута статуя Анаитиды[6]. Бактры были соединены с другими центрами Ахеменидской державы «царской дорогой», тянувшейся «от Эфеса до Бактр и Индии» с ответвлением на Сузы; на всем протяжении дороги, через определенное количество парасангов, были устроены стоянки со специально оборудованными жилыми помещениями[7].

О городах как центрах ремесла и торговли наши источники, видимо, в силу самой их специфики, не сообщают почти ничего. Об этой роли городов можно судить лишь косвенно. Так, можно предполагать, что структура, присущая развитым средневековым городам Средней Азии, торгово-ремесленным центрам: кремль (арк), собственно город (шахристан), пригород (рабад), — прослеживается в Бактрах и Маракандах уже ахеменидского времени (если правильны высказанные выше предположения о существовании пригородов в Бактрах и Маракандах).

Очень мало говорят наши источники о торговых путях Средней Азии того времени. Знаменитый «шелковый путь», который проходил, в частности, через Бактры и горную страну саков, где к нему присоединялась ветвь из Согдианы, — в рассматриваемое время еще не существовал (сообщения о нем относятся к I в. н. э.)[8]; правда, он частично шел по тем же местам, что и «царская дорога» (до

[1] *Curt.*, VIII, 1, 10–19; *Diod.*, XVII, prol. (2), 26; *Arr.*, *Anab.*, IV, 6, 1.
[2] *Her.*, IX, 113; *Ctes.*, fr. 14, § 35.
[3] *Arr.*, Anab., IV, 1, 5.
[4] *Ctes.*, fr. 1b, c. 7, 1.
[5] *Ctes.*, fr. 1b, c. 16, 1, 5–10; 17, 1–2; ср. *Diod.*, XIV, 20, 4–5.
[6] *Beross.*, fr. 11.
[7] *Ctes.*, fr. 33, § 76; *Her.*, V, 52–54; ср. *Baeton*, fr. 2a.
[8] *Ptol.*, Geogr., 1, 12, 7; VI, 13, 1–2.

Бактр), но последняя имела в основном административное значение, а в какой мере она была торговым путем — трудно сказать. Сообщения о торговом пути из Индии по реке Бактр — следовательно, через город Бактры — и затем по реке Оке к Каспийскому морю, а оттуда по рекам Кир и Фасис к Понту Эвксинскому — очень темны и сомнительны[1]. Возможно, что в рассматриваемое время уже существовал торговый путь, пролегавший к северу от Каспийского моря и позже соединявший Индию и страны Закавказья, а через них — и Вавилонию, причем посредниками между ними выступали аорсы, которые вели караванную торговлю на верблюдах[2]. Но следы описания древнейшего варианта этого пути очень скудны и неясны; по ним можно лишь заключить с некоторой долей вероятности, что путь вел от греческих городов Северного Причерноморья через низовья Аракса (в данном случае — Волги) куда-то в землю массагетов[3]; в каком отношении к этому торговому пути находились города Средней Азии — сказать ничего нельзя. Тем не менее жители Средней Азии занимались торговлей и, видимо, предпринимали далекие путешествия с торговыми целями; так, упоминается мелкий торговец (κάπηλος) — бактриец, которому принадлежало несколько сотен самоцветов (σφραγίδες) и драгоценных камней (τίμιοι λίθοι)[4]; автор данного сообщения, судя по всему, встретил его в Сузах или какой-либо другой из столиц Ахеменидов.

[1] *Strab.*, II, I, 15; XI, 7, 3; *Plin.*, *N. H.*, VI, 52.
[2] *Strab.*, XI, 5, 8.
[3] *Her.*, I, 201–202.
[4] *Ctes.*, fr. 45, § 6.

4. ВОЕННОЕ ДЕЛО У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В VI–IV ВВ. ДО Н. Э. (совместно с Б. А. Литвинским)*

В обширной литературе по древней истории Средней Азии нет ни одной работы, специально посвященной истории военного дела[1].

Чрезвычайно интересный экскурс С. П. Толстова «Конница Кангюя»[2] ставит своей задачей исследовать лишь один раздел этой обширной темы. Некоторые данные по истории военного дела изложены одним из авторов статьи в соответствующей главе «Истории таджикского народа»[3].

Вместе с тем за последние годы в процессе археологических раскопок накопился обширный материал, позволяющий конкретно охарактеризовать вооружение и фортификацию среднеазиатских народов в VI–IV вв. до н. э. Комплекс среднеазиатского вооружения чрезвычайно близок вооружению, описанному в Авесте, и вопреки мнению Е. Герцфельда является свидетельством в пользу ее среднеазиатского (а не мидийского) происхождения; поэтому данные Авесты используются нами как важный источник. Свидетельства античных авторов позволяют дополнить характеристику вооружения и дают ценнейшие сведения для выявления разных сторон боевого применения среднеазиатского войска. Определенные данные были извлечены из иконографического и лингвистического материалов[4].

Мы вполне отдаем себе отчет и в сложности поставленной задачи, и в несовершенстве нашего опыта. В дальнейшем, после накопления новых материалов, станет возможным и более детальное, и более дифференцированное изложение, с учетом особенностей военного дела у отдельных этнических массивов, стоявших к тому же на разном уровне социально-экономического развития. В нашей работе мы лишь намечаем особенности в вооружении и тактике отдельных среднеазиатских народов. При этом в одних случаях мы имеем в виду племенное (или народное) ополчение, в других — специально набранное войско, в третьих — дружину.

---

* Впервые опубликовано: Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // Вестник древней истории. М.: Наука, 1966. № 3. С. 36–52. Совместно с Б. А. Литвинским. И. В. Пьянкову принадлежит характеристика предметов вооружения по античным источникам в первом разделе работы и таблица названий предметов вооружения. Б. А. Литвинским написана остальная часть работы.

[1] [В настоящее время такие работы имеются; см., например: *Литвинский Б. А.* Средняя Азия в ахеменидское время. Военное дело в Средней Азии ахеменидского времени // История древнего Востока. М., 2004. С. 762–772; *Nikonorov V. P.* The armies of Baktria 700 B. C. — 450 A. D. Yorkshire, 1997. Vol. 1–2.]

[2] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 211–227.

[3] История таджикского народа. I / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963. С. 236–274.

[4] Транскрипция авестийских слов и в большинстве случаев их значение даны по Хр. Бартоломе (*Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. B., 1961).

I. ВООРУЖЕНИЕ. ФОРТИФИКАЦИЯ

Говоря о вооружении среднеазиатских народов, следует рассмотреть оружие ближнего боя, оружие дальнего боя и оборонительный доспех.

Оружие ближнего боя включало кинжал и меч, боевой топор, булаву, копье; оружие дальнего боя — лук и стрелы, пращу; оборонительный доспех предназначался для воинов, имелся и конский оборонительный доспех.

Кинжал и меч. Разные типы двухлезвийных ножей и специализированных кинжалов известны в Средней Азии с эпохи поздней бронзы и раннего железа[1]. В VI–IV вв. еще употреблялись бронзовые кинжалы типа кинжала, найденного на Ташкентском канале[2], а также железно-бронзовые кинжалы: лезвие у них было железное, а рукоять или полностью бронзовая (такова высокохудожественная рукоять кинжала из Ак-Беита[3]), или имеет бронзовые перекрестие, навершие и оковки сторон. Такие кинжалы были распространены в начале рассматриваемого периода. Основную же их часть составляли чисто железные кинжалы небольших размеров (30–40 см), в том числе с брусковидно-полуовальным навершием и таким же перекрестием, с простым антенным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием, а также распространившиеся в конце рассматриваемого периода кинжалы с серповидным навершием и дуговидным перекрестием[4] и др.

Гораздо меньше известны мечи. В Тагискенском могильнике был найден очень длинный меч (1, 2 м) с зооморфным рисунком на золотых обкладках его рукояти и ножен[5].

Судя по находкам в памирских курганах, ножны были кожаными и деревянными[6]. Акинак носили на правом боку. Наглядное представление о способе ношения этих кинжалов дают рельефное изображение саков в Персеполе, а также изображение на золотых пластинках из Амударьинского клада[7].

---

[1] *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962. С. 199–201.

[2] Там же. С. 201–202.

[3] *Бернштам А. Н.* Саки Памира // ВДИ. 1956. № 1. С. 127–128. Рис. 9.

[4] Перечислены типы, встреченные при раскопках сакских курганов Памира, проведенных А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским, см.: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. С. 292, 296, 305, 320–321; *Он же.* Саки Памира. С. 124, 126–127, 130. Рис. 4, 9; *Литвинский Б. А.* Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. // Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. XXVII. 1961. С. 38; *Он же.* Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. // Там же. 1961. XXXI. С. 54, 58; *Он же.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. III. С. 31–40. Рис. 1–2; *Литвинский Б. А., Бубнова М. А.* Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. // Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. 1962. XXXIV. С. 29, 32.

[5] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 280.

[6] У скифов ножны акинаков были обычно деревянными (*Граков Б. М.* Скіфи. Київ, 1947. С. 71), покрытыми сверху кожей (*Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964. С. 60–61).

[7] *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-work. L., 1926. P. XXXIV–XXXV, 19, 22; табл. XIV, 48; XV, 70.

Термин «акинак», часто применявшийся у античных авторов для обозначения меча самых различных ираноязычных народов[1], по-видимому, западноиранского, персидского происхождения. Геродот (VII, 54) говорит, что так (ἀκινάκης) назывался «персидский меч» (Περσικὸν ξίφος). В ираноязычных памятниках этот термин впервые засвидетельствован в буддийско-согдийском тексте[2] в форме kyn'k[3]. Х. Бэйли, указав на то, что параллельные китайские тексты дают термин «меч», считает, что в древнеперсидском этот термин должен был иметь форму *akīnaka-, «меч, нож». Суффикс -aka- придает значение «режущее орудие»[4]. У восточноиранских народов первоначально, видимо, употреблялось другое слово — karta-. Оно засвидетельствовано в авестийском и скифском языках[5].

Меч (кинжал) (karəta-) часто упоминается в Авесте как «обоюдоострый» (vayōdārā-), «легко вытаскивающийся [из ножен]» (hufraŋharšta-), в некоторых случаях богато декорированный — его носят как символ власти[6]. У Панини фигурируют воины āsika «действующие мечом»[7].

В античных источниках упоминаются акинаки согдийцев и бактрийцев, хотя при этом неясно, идет ли речь действительно о среднеазиатском вооружении или о персидском[8]. Лишь об акинаках каспиев (восточных) говорится как об их собственном оружии[9]. Гирканцы носили (как персы и мидийцы) «кинжалы» (ἐγχειρίδια), подвешенные к поясу на правом боку[10]. Не применяется слово «акинак», но только «кинжал» (ἐγχειρίδιον) к оружию степных народов Средней Азии; таковы кинжалы массагетов[11] и саков[12].

---

[1] Упоминаются, например, акинаки персов и мидийцев (*Herod.*, VII, 54; VIII, 120; *Xen.*, Anab., I, 2, 27; 8, 29; *Hor.*, Od., I, 27, 5), европейских скифов (*Herod.*, IV, 62), аланов (*Amm. Marc.*, XXXI, 2). Греческая терминология разобрана Е. Придиком — *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 года // МАР. СПб., 1911. № 31. С. 7. См. также *Droysen.* Ακινάκης // RE. 1894. I. P. 1168–1169.

[2] Textes Sogdiens / edit., trad. et comment. par Benveniste E. // Mission Pelliot en Asie Centrale. III. P., 1940. P. 82 (любезно указано В. А. Лившицем).

[3] *Gershevitch J.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954. P. 245.

[4] *Bailey H. W.* Indo-Iranian Studies. III // Transactions of the Philological Society, 1955. Oxf., 1956. P. 69.

[5] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949. С. 171. По Квинту Курцию (VII, 7, 1), одного из предводителей заяксартских скифов звали Carthasis. Это имя В. И. Абаев этимологизирует как «меч асов», а В. А. Лившиц предлагает следующие этимологии: «строгающий ножом, вырезающий ножом», «ведущий войско», «ведущий нож (меч), владеющий мечом» — см.: *Литвинский Б. А.* Саки, которые за Согдом // Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. 1960. CXX. С. 95.

[6] *Yt.*, XIV, 27. См. *Jackson A. V. W.* Herodotus VII, 61, or the Arms of the Ancient Persians Illustrated from Iranian Sources // Classical Studies in Honour of Henry Drisler. N. Y.; L., 1894. P. 109–110; *Herzfeld E.* Zoroaster and his World. II. Princeton, 1947. P. 783.

[7] *Agrawala V. S.* India as Known to Pāṇini. University of Lucnow, 1953. P. 421.

[8] Акинаки (acinaces) Спитамена (*Curt.*, VIII, 3,4; далее этот акинак назван gladius «мечом» — VIII, 3, 9) и Бесса (*Curt.*, VII, 4, 19). Указания относятся к 330–328 гг. (пребывание Александра Македонского в Средней Азии).

[9] *Herod.*, VII, 67. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса I в Грецию).

[10] *Herod.*, VII, 62 и 61. Указание относится к тому же времени, что и предыдущее.

[11] *Herod.*, I, 214; *Strabo*, XI, 8, 6. Указание относится к 529 г. (битва Кира II с массагетами).

[12] *Herod.*, VII, 64. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса в Грецию). Возможно, что к сакам относится и упоминание о мечах (gladii) у *Curt.*, IV, 9, 3 — битва при Гавгамелах, 331 г.

Боевой топор. Серия железных боевых топоров найдена в сакских погребениях Восточного Памира. Среди них — боевые клевцы разных типов, в том числе такие, у которых одна половина имеет вид граненого клевца, а другая — в виде узкого топорика, а также боевые секиры-молотки, двухлезвийные секиры.

Наиболее ранним является клевец-топорик, напоминающий бронзовый клевец, найденный на Таманском полуострове, железный клевец из-под Пятигорска и клевцы бассейна р. Камы. По-видимому, через Среднюю Азию клевцы проникли еще дальше на восток, в Центральную Азию[1].

Представление о среднеазиатских боевых топорах дают также иконографические материалы. На ахеменидских рельефах согдийцы (?) приносят в качестве подати топоры[2]; изображение сакского топора-клевца есть на ахеменидских печатях[3].

Сведения о боевых топорах (čakuş-) мы находим в Авесте. При описании колесницы Митры там фигурируют «двухлезвийные (bitaēγa-) стальные (haosafnaēna-) топорики»[4].

О секире (ἀξίνη) как оружии среднеазиатских народов имеется несколько упоминаний в античных источниках, в которых говорится и о простых, и об обоюдоострых секирах. Простые (однолезвийные) секиры степных народов Средней Азии называются обычно местным словом «сагарис» (σαγάρις)[5]; таковы секиры массагетов, сделанные из меди (χαλκῷ)[6], и секиры саков[7]. Обоюдоострые секиры (bipennis) известны у барканцев (= гирканцев)[8].

Копье. В эпоху позднего бронзового века в Средней Азии применялось несколько видов копий с бронзовыми наконечниками, однако для рассматриваемого времени, когда наконечники были уже железными, их находки в археологических комплексах — редкость.

Слово для обозначения копья, aršti-, было, видимо, общим во всех древнеиранских языках. Оно засвидетельствовано и в древнеперсидском, и в авестийском, и в скифском[9].

Копье несколько раз упоминается в Авесте. Оно стоит на первом месте в пе-

---

[1] Inner Mongolia and the Region of the Great Wall // Archaeologia Orientalis, B. Ser. Tokyo; Kyoto, 1935. Vol. I. P. 6–7. Табл. XXXV, 8. Рис. 12, 1; *Loehr M.* Chinesische Pickeläxte // Monumenta Serica. Pekin, 1940. Vol. 4. Fasc. 2. P. 600. Табл. II, 1.

[2] *Herzfeld E.* Op. cit. P. 787; *Schmidt E. F.* Persepolis II // The Univ. of Chicago Oriental Institute Publications. Chicago; Illinois, 1957. Vol. LXIX.

[3] *Junge J.* Saka-Studien // Klio. Beiheft XLI. Нов. сер. № 28. Lpz., 1939. Табл. II.

[4] *Yt.*, X, 130. См.: *Gershevitch J.* The Avestan Hymn to Mithra, with Introd., Translat. and comm. Cambr., 1959. P. 139. См. также *Jackson*. Op. cit. S. 116; *Herzfeld*. Op. cit. P. 783–785. О терминологии см. там же. P. 786–791.

[5] Ср.: *Hesych. Alex.*, s. v. σαγάρις.

[6] *Herod.*, I, 215; *Strabo*, XI, 8, 6. Указание относится к концу VI в., поскольку входит в описание массагетов, очевидно, восходящее к Гекатею Милетскому (около 500 г. до н. э.), — *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. B., 1914. S. 12.

[7] *Herod.*, VII, 64. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса в Грецию).

[8] *Curt.*, III, 2, 5. Указание, возможно, относится к концу V в., если это описание барканцев восходит к Ктесию (около 400 г. до н. э). Ср. *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 126. Прим. 74.

[9] *Абаев*. Ук. соч. С. 155.

речне вооружения в Видевдате (XIV, 9). Это авестийское копье — с «длинным древком» (darəγa. ārštaya-) и «острым лезвием» (brōiθrō. taēža-)[1].

В индийской армии, по Панини, имелись воины śāktīkā — «сражающиеся копьем»[2].

На монетах саков, пришедших в Индию, царь часто изображается с копьем. Серия этих монет начинается медной монетой Мауеса, на av. которой — изображение царя на лошади, с копьем. Это изображение, как указал Л. Бахофер, стало характерным для монет сакских правителей в Индии. На другой монете Мауеса представлен сидящий царь с длинным копьем на коленях. Оба изображения повторяются на монетах Азеса. Это длинное и тяжелое копье явно является главным оружием[3].

Из других иконографических материалов можно отметить изображение короткого (судя по масштабу фигур, около 1 м) копья в руках двух всадников на умбоне из Амударьинского клада[4].

В античных источниках копье (αἰχμή, ξυστόν) в вооружении среднеазиатских народов упоминается довольно часто. Более всего известно «короткое копье» (αἰχμή βραχέα). Его имели бактрийцы и вооруженные по их образцу парфяне, хоразмии, согдийцы, арии, загиндукушские народы (гандарии и дадики)[5], кроме того, — гирканцы[6]. Очевидно, именно это копье имеют в виду античные авторы, когда упоминают «копье с метательным ремнем» (μεσάγκυλον) в качестве оружия бактрийцев, согдийцев, ареев и парфян, противопоставляемое длинному македонскому копью[7]. Арриан, кроме того, один раз отдельно упоминает о метательном копье ареев[8]. «Длинное копье» (ξυστὸν μακρόν) из упомянутых здесь народов засвидетельствовано лишь у загиндукушских племен (у аспасиев)[9].

Копье (αἰχμή) имело широкое распространение у массагетов, которые так и названы «копьеносцами» (αἰχμοφόροι) (Herod., I, 215). Их копья имели «[наконечники] из меди» (χαλκῷ)[10]. В описании дербиков, где они выступают дублерами массагетов[11], копья (hastae) дербиков были «обиты спереди» (praefixae) «медью» (aere) или «железом» (ferro)[12]. Возможно, что копье степных народов

---

[1] *Yt.*, X, 39, 102, 130.

[2] *Agrawala*. Op. cit. P. 420. Другие упоминания в индийских источниках — *Dikshitar V. R. R.* War in Ancient India. Madras; Bombay; Calcutta; London, 1944. P. 106.

[3] *Bachhofer L.* On Greeks and Sakas in India // JAOS. 61 (1941). N 4. P. 248–249.

[4] *Степанов П. К.* История русской одежды. Пг., б. г. Вып. I. Рис. 4.

[5] *Herod.*, VII, 64, 66. Указание относится к 480 г. до н. э.

[6] *Herod.*, VII, 62 и 61. Указание относится к тому же времени.

[7] *Arr.*, *Anab.*, VII, 6, 3–5. Указание относится ко времени Александра Македонского.

[8] Копье (hasta) Сатибарзана — *Curt.*, VII, 4, 36. Указание относится ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[9] *Arr.*, *Anab.*, IV, 24, 4. Указание относится к тому же времени.

[10] *Herod.*, I, 215, ср. 214. Указание относится к 529 г. до н. э., во всяком случае, ко времени не позже конца VI в.

[11] *Пьянков*. Ук. соч. С. 126.

[12] *Curt.*, III, 2, 7. Это указание относится к концу V в. до н. э. (восходит к Ктесию). Характерно упоминание железа. В то время как Геродот (I, 215) говорит об отсутствии железа у массагетов, Страбон (XI, 8, 6), дополняя его описание массагетов из каких-то более поздних источников, утверждает, что железо, хотя и в небольшом количестве, имеется у массагетов.

Средней Азии было длинным[1], как копье европейских скифов[2] и савроматов[3] (около 2 м).

Булава. Находки каменных наконечников булав чрезвычайно многочисленны, но они относятся к периоду позднего бронзового века. В Авесте неоднократно упоминается булава (vazra-), а однажды говорится о булаве «из позолоченного (zarənya-) железа (ayah-), красивой, легко размахиваемой, с сотней выступов (fštāna-) и лезвий (dara-) на ней»[4]. Может быть, среднеазиатские булавы были похожи на савроматские, у которых действительно имеются многочисленные выступы-шишки[5].

Лук и стрелы. Наступательным оружием дальнего боя прежде всего служил лук, который входил в вооружение и оседлых жителей, и кочевников[6]. Чрезвычайно многочисленны находки бронзовых наконечников стрел как на поселениях, так и в могильниках. В V–IV вв. в Средней Азии употреблялись преимущественно двухлопастные, трехлопастные и трехгранные втульчатые, а также черешковые бронзовые наконечники стрел; постепенно распространяются железные наконечники[7]. Деревянные наконечники, существовавшие тогда на Памире, очевидно, не находили применения в военном деле. Длина древка стрелы равнялась 50–60 см.

Можно считать установленным, что в Средней Азии в середине I тыс. до н. э. применялся чрезвычайно эффективный и дальнобойный сложносоставной лук «скифского» типа[8].

Термины для лука во многих восточноиранских языках происходят, как показал Х. В. Бэйли[9], от индо-иранского dāru-, dru-. Такие термины известны, например, в буддийско-согдийском (δr'wn «лук», δr'un-p'δ'y «стрельба из лука», δrwnštn «горит»), в старом хотано-сакском (durna- «лук»), в кафирском (drō, drū «боевой лук») и т. д. Х. В. Бэйли предполагает наличие такого термина и в Авесте (*druvan- «лук»), хотя в ней обычно применяется для лука другое слово (см. ниже). Этот термин отмечен и в скифском (druna- «лук»)[10].

Лук (θanvan-, θanvar-, θanvarətay-[11]) и колчан (akana-) встречаются в Авесте. Стрела (tiγray-, išav-) в Авесте является символом быстроты. Упоминается кол-

---

[1] Очевидно, такие длинные копья были у позднейших парфян (ср.: *Plut.*, Crass., XXVII), имевших в своем вооружении среднеазиатско-скифские (точнее, дахские) элементы.

[2] *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

[3] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. С. 71.

[4] *Yt.*, X, 132. См.: *Gershevitch.* The Avestan Hymn… P. 139. Слово fštāna- имеет значение «округлая выпуклость», также «женская грудь».

[5] *Смирнов.* Савроматы… Рис. 26, 1а.

[6] *Herod.*, VII, 64; I, 215; *Strabo*, XI, 8, 6.

[7] *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА, 1965. № 2. С. 75–77. Рис. 1–2.

[8] *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский сложносоставной лук (в печати).

[9] *Bailey H. W.* Arya III // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Univ. of London. XXIV (1961). N 3. P. 471–473.

[10] *Абаев.* Ук. соч. С. 163.

[11] От слова θang-, «тянуть».

чан с 30 стрелами (Vd., XIV, 9)[1]. Большую дискуссию вызвало описание стрелы в Яште, X, 129. Толкования этого места настолько разноречивы, а порой и фантастичны, что пока нет никакой возможности использовать его для истории среднеазиатских реалий.

Античными источниками засвидетельствовано несколько типов лука (τόξον) у среднеазиатских народов. «Мидийский лук» (τόξον Μηδικόν) (Herod., VII, 66) был в употреблении у гирканцев и ариев[2]. Этот лук назван «большим» (μέγα); с ним употреблялись «тростниковые стрелы» (ὀϊστοὶ καλάμινοι), применялся и «колчан» (φαρετρεών) (Herod., VII, 61). «Местный» (ἐπιχώριον) среднеазиатский лук бактрийского типа был в употреблении у бактрийцев, согдийцев, парфян, хорасмиев и загиндукушских народов (гандариев, дадиков)[3].

Этот лук характеризуется как «тростниковый» (καλάμινον). До нас дошло несколько упоминаний о стрельбе из лука (τόξεύω, sagitto «стреляю из лука») и «стрелах» (τοξεύματα, βέλεα, sagittae, tela)[4] согдийцев (из области у Танаиса)[5] и загиндукушских народов (ассакенов[6], аспасиев[7]); упоминаются также «наконечники стрел» (spicula) согдийцев (Curt., VII, 6, 2–3) и ассакенов (Curt., VIII, 10, 28), но из какого материала — неизвестно. Свой, «местный» лук был и у каспиев (восточных). Он тоже назван «тростниковым»[8]. Наконец, «местный» лук известен у саков (= затанаисских скифов)[9]. Упоминаются «лучники» (τόξόται) и «конные лучники» (ἱπποτοξόται) саков[10], их искусство стрельбы из лука высоко ценилось в древности[11]. Об устройстве сакского лука ничего не говорится; известно лишь, что саки могли пускать стрелы через реку Танаис (Сырдарью) в узком месте[12] и что древки этих стрел были «еловыми» (ἐλάτινοι) (Strabo, XI, 7, 4). «Лучниками» названы также массагеты[13], несколько раз упоминается о стрельбе их из лука[14], в том числе конной. «Наконечники стрел» (ἄρδεις) у массагетов — «из меди» (χαλκῷ) (Herod., I, 215). Известен у них и «колчан» (φαρετρεών)[15].

---

[1] *Jackson*. Op. cit. P. 113.

[2] *Herod*., VII, 72, 66. Указание относится к 480 г. до н. э.

[3] *Herod*., VII, 54, 66. Указание относится к тому же времени.

[4] Все эти указания относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[5] «Скала» у Танаиса — *Arr*., Anab., III, 30, 11; *Curt*., VII, 6, 2–3; *Plut*., Alex., XLV, 3; Кирополь — *Arr*., Anab., IV, 3, 3.

[6] *Arr*., Anab., IV, 26, 3–4; *Curt*., VIII, 10, 27–28.

[7] *Arr*., Anab., IV, 23, 3; *Curt*., VIII, 10, 6.

[8] *Herod*., VII, 67. Указание относится к 480 г. до н. э.

[9] *Herod*., VII, 64. Указание относится к тому же времени.

[10] *Xen*., Сугор., V, 3, 24; *Arr*., Anab., III, 8, 3. Первое указание относится к концу V в. до н. э., второе — к 331 г. до н. э.

[11] *Dionys. Per*., 749 сл.; *Clem. Alex*., Strom., IV, 8.

[12] *Arr*., Anab., IV, 4, 2. Указание относится к 329 г. до н. э.

[13] *Herod*., I, 215; ср.: *Strabo*, XI, 8, 6. Указание относится к концу VI в. до н. э. К этому же времени относятся и прочие элементы описания массагетского лука (о наконечниках стрел и колчане) у Геродота и Страбона.

[14] *Herod*., I, 215; *Arr*., Anab., IV, 5, 4, 6, 8. Первое указание относится к 529 г., второе — к 329 г. до н. э.

[15] *Herod*., I, 216; *Strabo*, XI, 8, 6.

Праща. Метательные ядра для пращи, найденные в Средней Азии, правда, относящиеся к более раннему времени, имели биконическую или яйцевидную форму и делались либо из обожженной глины, либо из камня[1].

Праща (fradaxšanā-) и камни для пращи (asan- fradaxšanya-) фигурируют в Авесте. Е. Герцфельд из факта отсутствия этого оружия в перечне военного снаряжения ахеменидской армии, приведенном Геродотом, сделал вывод, что праща была, по-видимому, охотничьим оружием[2].

Значительно меньше, чем о других видах оружия, говорится о среднеазиатской праще в античных источниках. Праща засвидетельствована лишь для согдийцев (в области у Танаиса)[3]: в одном случае прямо названы «пращи» (fundae)[4], в другом — «камень» (λίθος, saxum)[5], очевидно, от пращи.

Оборонительный доспех. Металлический оборонительный доспех, возникший в VIII–VII вв. до н. э., достиг к V–IV вв. высокого совершенства. В это время полный оборонительный доспех воина включал панцирь, щит[6], а также металлический шлем[7]. Наиболее ранняя находка такого рода в Средней Азии — значительные части железного военного доспеха из погребения, датированного С. П. Толстовым концом IV в. до н. э. (городище Чирик-Рабат). В этом доспехе сочетались принципы чешуйчатого и пластинчатого доспехов[8]. Известны находки на Старой Нисе фрагментов металлических пластинчатых панцирей для воинов и лошадей[9]. Тенденция развития оборонительного доспеха состояла, в частности, в его постепенном усилении. Это привело к тому, что в более позднее время парфянские катафрактарии, по словам Арриана, казались с ног до головы покрытыми железом[10].

Металлический панцирь (zrāδa-) упоминается в Авесте. В античных источниках засвидетельствовано два вида панциря (θώραξ) у среднеазиатских народов. Один из них — мидийский «железный чешуйчатый панцирь» (λεπὶς σιδηρέη), похожий на рыбью чешую (Herod., VII, 61), — был в употреблении

---

[1] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73. С. 38, 41.

[2] *Herzfeld.* Op. cit. P. 787. Это заключение для Средней Азии неправильно — праща служила здесь и боевым оружием.

[3] Эти свидетельства относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[4] О «скале» у Танаиса — *Curt.*, VII, 6, 2.

[5] О Кирополе — *Arr.*, Anab., IV, 3, 3; *Curt.*, VII, 6, 22; *Plut.*, Alex., XLV, 3.

[6] О кожаных с металлическим каркасом щитах из Нисы см. *Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. 1955. V. С. 46. Описание найденного на Старой Нисе парадного парфянского щита см. *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. IV. С. 21.

[7] *Кузьмина Е. Е.* Бронзовый шлем из Самарканда // СА. 1958. № 4. С. 120–126 (там же литература вопроса).

[8] *Толстов С. П.* Приаральские скифы и Хорезм // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 23.

[9] *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Ук. соч. С. 20.

[10] Описание полного оборонительного доспеха парфянского воина (позднего времени) см. *Arr.*, Parth., fr. 20. Иконографические и археологические материалы см. *Brown F. E.* Arms and Armor. The Excavations at Dura-Europos. Preliminar Report of Sixth Season of Work, Oktober 1932 — March 1933, ed. by *Rostovtzeff M. I., Bellinger A. R., Hopkins C., Welles C. B.* New Haven, 1936. P. 439–466.

у гирканцев[1]. Другой «панцирь» (tegumentum) — «из железных пластинок» (ex ferreis laminis), скрепленных между собой рядами (Curt., IV, 9,3), — известен у степных народов Средней Азии; им «тщательно были закрыты» (ἀκριβέστερον πεφραγμένοι ἦσαν) (Arr., Anab,, III, 13, 4) в битве среднеазиатские скифы — саки или массагеты[2]. «Панцирь» (Θώραξ) упомянут также отдельно и у саков[3], и у массагетов[4].

Щит (ἀσπίς) среднеазиатских народов также известен античным авторам в нескольких разновидностях. Распространенным был легкий «плетеный [обтянутый кожей] щит» (γέρρον). Такой щит носили гирканцы[5]; очевидно, именно он имеется в виду, когда описывается «легкий [прямоугольный] щит» (leve scutum) барканцев, похожий на цетру (cetra, «короткий кожаный щит»)[6]. Такой щит (γέρρον) носили и саки[7]; возможно, что этот сакский щит (scutum) упомянут еще раз[8].

«Большой щит» (σάκος) греки считали изобретением саков[9]. Хотя это утверждение является домыслом самих греков, основанным на созвучии слов, оно, надо думать, подтверждалось и наблюдениями греков над вооружением саков. Даже имя одного из сакских царей, Σακεσφάρης (Polyaen., VII, 12), в греческой передаче уподобилось слову σακεσφόρος, «щитоносец»[10].

Металлический шлем (sāra-vāra-, букв. «покрывающий голову», хаоδа-, также просто «шапка») и бармица (kuirit-) упоминаются в Авесте.

Из античных источников о шлеме (κράνος или galea, «кожаный шлем») мы знаем лишь у ареев[11].

О времени возникновения в Средней Азии конской брони пока ничего определенного сказать нельзя, однако характерно, что в Авесте (судя по работам исследователей, специально занимавшихся этим вопросом) конский доспех еще не фигурирует[12]. Но уже Геродот (I, 215) сообщает о том, что кони масса-

---

[1] *Herod.*, VII, 62. Указание относится к 480 г. до н. э.

[2] То, что это описание панциря относится именно к скифам (среднеазиатским), вытекает из сопоставления *Curt.*, IV, 9, 2–3 и *Arr.*, Anab., III, 13, 4. Труднее решить вопрос, кто эти скифы — саки или массагеты? Из сопоставления *Arr.*, Anab., III, 13, 4 и *Curt.*, IV, 15, 2 как будто получается, что бронированные скифские всадники — это массагеты, но сопоставление *Curt.*, IV, 9, 2–3 и *Arr.*, Anab., III, 8, 3 позволяет думать, что эти всадники — саки. Оба указания (Арриана и Курция) относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[3] *Arr.*, Anab., IV, 4, 4. Указание относится к 329 г. до н. э.

[4] *Strabo*, XI, 8, 6. Впрочем, возможно, что здесь имеется в виду конский панцирь — ср. *Herod.*, 1, 215.

[5] *Herod.*, VII, 62 и 61. Указание относится к 480 г. до н. э.

[6] *Curt.*, Ill, 2, 5. Указание относится к концу V в. до н. э. (восходит к Ктесию).

[7] *Arr.*, Anab., IV, 4, 4. Указание относится к 329 г. до н. э.

[8] *Curt.*, IV, 9, 3. Указание относится к 331 г. до н. э.

[9] *Steph. Byz.*, s. v. Σάκαι; *Tzetz.*, Hist., XII, 894. Это указание восходит к какому-то древнему описанию саков; у Цеца оно стоит рядом со ссылкой на Ктесия.

[10] Юсти видит в одном из компонентов этого сакского имени действительно слово «щит». См.: *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 279.

[11] Шлем упомянутого уже Сатибарзана, современника Александра Македон ского, — *Diod.*, XVII, 83,5; *Curt.*, VII, 4, 33.

[12] *Jackson.* Op. cit. P. 94–125; *Herzfeld.* Op. cit. P. 782–791; *Gershevitch.* The Avestan Hymn… P. 279–280 и др. В этой связи очень интересны авестийские термины: zaya «оружие», «орудие», zaena «оружие» и прилагательное zayan «вооруженный». Последующая история слова как в иранских языках, так и в индийских

гетов были защищены медными нагрудными панцирями (это первое в истории упоминание о конской броне). В персидском войске ахеменидского Ирана в первой половине V в. конский доспех был или неизвестен или мало распространен[1], но в конце этого же столетия, в битве при Кунаксе в 401 г., в персидской коннице Кира Младшего конь был защищен налобником, нагрудником и доспехом на спине[2]. О железных доспехах коней в ахеменидском войске упоминается в связи с описанием битвы при Иссе (Curt., III, 11, 15) и приготовлений к битве при Гавгамелах[3]. По общему мнению, в Иран, как и в Китай, конский доспех попал из Средней Азии[4]; лингвистические данные, как указывалось выше, намекают как будто на среднеазиатское происхождение конского доспеха и в Индии[5].

В среднеазиатском войске имелись боевые колесницы, в том числе, возможно, и серпоносные[6].

(в которые оно проникло из иранских, см.: *Bailey H. W.* Ariana. Dress and Equipment // Orientalia Suecana. IV. Uppsala, 1955. P. 7–8) позволяет, как нам кажется, сделать предположение, что в более позднее время, с развитием конского доспеха, этот термин все больше стал прилагаться именно к нему. Наряду со значением «вооружение (в целом)» он приобрел специфическое значение «конское снаряжение», «конский доспех». В Индию этот термин, следовательно, должен был проникнуть, скорее всего, в V–II вв. до н. э., что обнаруживает еще одну линию среднеазиатско-индийских связей. Одновременно в санскрит вошли и иранские термины, обозначающие «всадник», «седло» (о вхождении этих терминов в санскрит см.: *Bailey*. Op. cit. P. 7–9). Об индийской терминологии военного дела (по Панини) см.: *Agrawala*. Op. cit. P. 419–423. Об оборонительном доспехе в древнеиндийских источниках см. *Dikshitar*. Op. cit. P. 126–128.

[1] Судя по отсутствию упоминаний о конском доспехе в подробном описании вооружения персов, входивших в состав войска Ксеркса, — *Herod.*, VII, 61 и 84.

[2] *Xen.*, Anab., 1, 8, 7; ср. Cyrop., VI, 4, I; VII, I, 2; Eq., XII, 8. Образцы пластинок (бронзовых, железных позолоченных и железных) брони ахеменидского войска представлены в находках в Персеполе — см. *Schmidt*. Op. cit. P. 100. Табл. 77, 1–16. Для более позднего времени характеристику конской брони парфян см. *Arr.*, Parth., fr. 20. Иконографические и археологические (последние — из Западной Парфии) материалы по парфянской конской броне см. *Brown*. Op. cit. P. 440–449.

[3] *Curt.*, IV, 9, 3; 13, 1; *Arr.*, Anab., Ill, 13, 4. Образцы среднеазиатского (парфянского) пластинчатого железного конского доспеха известны благодаря раскопкам на Старой Нисе — см. *Массон, Пугаченкова*. Ук. соч. С. 20.

[4] *Laufer B.* Chinese Clay Figures. Ч. I // Prolegomena on the History of Defensive Armor, Field Museum of Natural History, Publication 177, Anthropological series. N 2. Chicago, 1914. T. XIII. P. 215 слл.; *Brown*. Op. cit. C. 444; *Tarn W. W.* Hellenistic Military and Naval Developments, Cambr., 1930. P. 74; *Толстов*. Древний Хорезм, С. 225; *Altheim F.* Niedergang der alten Welt, I. Frankfurt am Main, 1951. S. 21.

[5] Данные, содержащиеся в письменных источниках, а также археологические материалы свидетельствуют о том, что в Средней Азии рассматриваемого периода было высокоразвитое оружейное производство. Его металлургическая (и рудная) база находилась в самой Средней Азии. Лишь полным незнанием геологической литературы и литературы по истории средневекового горного дела Средней Азии объясняются совершенно беспочвенные утверждения, до сих пор высказываемые западными авторами, о том, что парфяне железо получали якобы из «области между Уралом и Алтаем» (см. особенно *Lozinski B. Ph.* The Original Homeland of the Parthians, 'S-Gravenhage, 1959. P. 22 сл.).

[6] Намек на это как будто можно видеть в диспозиции войск перед битвой при Гавгамелах — см. *Arr.*, Anab., III, 11, 3–7; *Curt.*, IV, 12, 6–7. Изображения среднеазиатских боевых (?) колесниц имеются среди наскальных рисунков Саймалы-Таша (*Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952. № 2. С. 61–62); золотые модели бактрийских колесниц представлены в Амударьинском кладе (*Dalton*. Op. cit. Рис. 20–21. Табл. IV); описания — в Авесте (особенно реальное — *Yt.*, X, 128–132). См. также *Толстов*. Древний Хорезм. С. 225.

Древние воины Средней Азии: конные копейщики и лучники, пешие воины, колесница. Скульптурная группа из Халчаяна, I в. до н. э. — I в. н. э.
(по: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 408, табл. CXX)

Народы Средней Азии к моменту греко-македонского нашествия обладали легкой и тяжелой конницей. Следует подчеркнуть также, что уже в то время здесь были выведены породы коней, обладавших прекрасными боевыми качествами. Саки славились своим искусством объезжать коней[1].

Фортификация. Зародившаяся в конце II тыс. до н. э. среднеазиатская фортификация к рассматриваемому времени достигла больших успехов. Из сообщений античных авторов Средняя Азия предстает как страна больших, сильно

[1] *Aelian.*, Var. hist., XII, 38.

укрепленных городов, внутри которых находились мощные цитадели (например, Мараканда, Кирополь и др.), и укрепленных поселений. Благодаря археологическим работам можно составить и конкретное представление об уровне среднеазиатской фортификации. Стены укреплений выкладывались из пахсы и сырцового кирпича. Толщина оснований стен достигала 15 м[1]. Оборона стен осуществлялась системой башен, форма которых была различной (круглая, прямоугольная, полуовальная). Башни и стены имели один (иногда —два) ряд бойниц. Находили применение «обоймы» бойниц —строенные бойницы. Более архаическая система фортификации — без башен, основанная на сложной системе бойниц по всему периметру стен, — также еще не вышла из употребления. Наиболее уязвимое место городских укреплений — ворота — было часто защищено сложной системой предвратных сооружений[2]. При постройке укреплений умело учитывались свойства местности. Особой неприступностью отличались крепости в горных районах, красочное описание которых приводят античные авторы. По-видимому, в Средней Азии употреблялись стенобитные машины[3].

II. БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВОЙСК

Сохранившиеся сведения о принципах среднеазиатской стратегии VI–IV вв. ничтожны. Отметим лишь рассказ Геродота о предложении Томирис Киру II отойти с массагетским войском на три дня пути от Аракса или же, наоборот, чтобы ахеменидское войско отошло в противоположную сторону[4]; в сопоставлении с последующим действительным отходом массагетских войск это может, по-видимому, свидетельствовать о беллетризованном изложении Геродотом (I, 208) действительного события — применения массагетами приема стратегического отступления[5]. Из этого же рассказа Геродота известно о выделении массагетами в оборону передового отряда, составляющего треть войска (Herod., I, 211; ср. Polyaen., VII, 11).

Для рассмотрения вопроса о тактике среднеазиатского войска мы также располагаем лишь отрывочными (но более подробными) данными. Безусловно, тактика разных племен и народностей имела особенности как в целом, так и в отдельных тактических приемах. Однако благодаря тесному военно-политическому контакту наиболее ценные способы ведения военных действий должны были перениматься соседями.

---

[1] *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. II. М., 1958. С. 155.

[2] *Толстов.* Работы… С. 144 сл.; *Он же.* Древний Хорезм. С. 79–93.

[3] На основании косвенных данных (см.: *Толстов.* Приаральские скифы и Хорезм. С. 12).

[4] *Herod.*, I, 206. Об источниках и других версиях рассказа см.: *Пьянков.* Ук. соч. С. 116–117.

[5] Если следовать переводу Кента V столбца Бехистунской надписи (*Kent R.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. 2ed. New Haven, Connecticut, 1953. P. 134), можно было бы думать, что такой же прием применили и саки-тиграхауда во время похода на них Дария. Однако М. А. Дандамаев сомневается в правильности восстановления Кента и предложил иное восстановление (и перевод) соответствующих строк — *Дандамаев М. А.* Поход Дария против скифского племени тиграхауда // КСИНА. 1963. Вып. 61. С. 176–177.

Прекрасными конными и пешими воинами были саки (Strabo, XI, 8, 6). По античной традиции, «за Яксартом обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу»[1]. Сохранилось свидетельство, что сакские женщины «...наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими»[2] — следовательно, у саков женщины участвовали в военных действиях. Высокие военные качества сакских контингентов были прекрасно известны Ахеменидам. Именно поэтому в Марафонской битве саки, наряду с отборными персидскими частями, располагались в центре ахеменидского войска[3], причем именно в центре греческая фаланга оказалась прорванной (Herod., VI, 113). Следует думать, что саки выступали здесь в пешем сомкнутом строю[4], иначе они едва ли смогли бы прорвать фалангу. Подводя итоги битвы при Платеях, Геродот (IX, 71) отмечает, что в ахеменидском войске отличалась своей храбростью сакская конница. Битва при Гавгамелах началась встречным кавалерийским сражением, в котором со стороны Ахеменидов приняла участие конница саков и бактрийцев. В первый момент сражения сако-бактрийская конница смяла и обратила в бегство конный авангард Александра. Тогда вступили в бой другие подразделения греко-македонской кавалерии и потеснили саков и бактрийцев. Следующий этап боя ознаменовался введением в действие второго эшелона среднеазиатской конницы. Завязалась упорная «конная битва» (ἱππομαχία). В ней греко-македонское войско понесло большие потери, в частности, благодаря тому, что саки и их лошади были лучше защищены. Лишь введя в действие резервы (очевидно, отряды тяжеловооруженной конницы), Александр добился победы[5]. Сражение при Гавгамелах завершилось нападением Александра на правое крыло ахеменидского войска, где перед этим соответствующие части греко-македонян попали в тяжелое положение (Arr., Anab., III, 15, 1). Из среднеазиатских воинов здесь в начале битвы находились парфяне и саки (Arr., Anab., III, 11, 4). Сюда Александр двинул наиболее сильное из своих подразделений — именно тяжеловооруженную конницу гетеров, которая напала на противника с тыла. Ей противостояли в основном парфяне, персы и индийцы. Саки не упоминаются, но учитывая, что они находились на этом крыле, они, вероятно, также приняли участие в битве. Как пишет Арриан, бой конницы, завязавшийся на этом месте, был самым упорным во всей битве. «Варвары», выстроенные в глубину по своим подразделениям, сделали поворот и начали фронтальную атаку. При этом особое удивление греков вызвало то, что, не занимаясь маневрами и обстрелом на расстоянии,

[1] *Dionys. Per.*, 749 сл. Перевод Григорьева В. В. — «О скифском народе саках» // Труды Вост. отд. Русск. арх. общ-ва. СПб., 1872. Ч. 16. С. 125.

[2] *Clem. Alex.*, Strom., IV, 8, 62. Греко-македонские воины были поражены искусством бить «влет» птицу, которое им, по Квинту Курцию (VII, 5, 41–42), якобы продемонстрировал соратник Спитамена Катен. Хотя этот эпизод, возможно, вымышлен, существенно, что в представлении античных авторов и их информаторов искусство стрельбы из лука было высоко развито среди населения Средней Азии.

[3] О роли центра в ахеменидском войске — *Xen.*, Anab., I, 8, 21–22; в скифском войске — *Diod.*, XX, 22. См. также: *Блаватский В. Д.* Битва при Фате и греческая тактика IV века до н. э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 102 сл.

[4] О неучастии конных войск в этом сражении см.: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. I. М., 1936.

[5] *Arr.*, Anab., 111,13; ср. *Curt.*, IV, 15, 12–19.

атакующие прямо врезались в греко-македонские боевые порядки и завязали жестокий рукопашный бой (Arr., Anab., III, 15, 2).

Сражение Кира II с массагетами по данным, которыми располагал Геродот (I, 214), происходило так: на первом этапе противники обстреливали, находясь на значительном расстоянии, друг друга из луков; затем начался рукопашный бой, и они сражались копьями и мечами. Бой был длительным и упорным. Массагеты одержали полную победу, большая часть ахеменидского войска пала в битве.

Арриан сохранил довольно подробное описание двух полевых сражений между Александром Македонским и среднеазиатскими войсками. В сражении за Танаисом (Сырдарьей), пока численного превосходства на стороне греко-македонян не было, саки окружили их и то нападали, то отступали. Однако после введения в бой основных сил греко-македонского войска, в том числе дополнительно большого количества конницы, а также пехоты, эти «повороты кругом» стали для саков невозможны, и они начали отступать[1]. В сражении с греко-македонским отрядом, возглавлявшимся Фарнухом, согдийцами и саками (под руководством Спитамена) была применена такая же тактика[2], причем на этот раз греко-македонские войска были полностью разгромлены. Позже этот прием широко использовался парфянами[3], которые, очевидно, разработали и использовали его стратегический вариант, применявшийся еще массагетами.

Как явствует из рассказа Квинта Курция (VIII, 2, 20–22) об осаде греко-македонским войском «скалы Сисимитра», бактрийцы применяли блокирование горных проходов, ведущих к крепостям, для чего возводили специальные фортификационные сооружения. Из сообщения Диона Кассия мы узнаем, что много позже (в 36 г. до н. э.) парфяне в борьбе с римлянами блокировали горные перевалы[4].

Среднеазиатские народности были знакомы с членением вооруженных сил на отдельные рода войск[5] и, вероятно, с комбинированным их использованием. В военных действиях применялись построения по отдельным подразделениям, причем и пехота и конница знали сосредоточенные действия компактными частями боевого порядка[6]. Конный бой велся с большим упорством, переходя в рукопашный[7]. В более позднее время (конец III в. до н. э.) известно применение греко-бактрийским войском такого приема, как атака противника глубоко эшелонированной конной массой, вступавшей в бой последовательными волнами[8].

---

[1] *Arr.*, Anab., IV, 4. Подробный анализ источников — *Литвинский*. Саки, которые за Согдом. С. 93–96.

[2] *Arr.*, Anab., IV, 5, 4–5. Изложение хода сражения см.: История таджикского народа. I. С. 260–261.

[3] *Plut.*, Crass., XXIV; *Tacit.*, Ann., VI, 35.

[4] *Dion. Cass.*, XIX, 3–4. О применении этого же приема гирканцами см.: *Polyb.*, X, 30, 2–4.

[5] *Curt.*, IV, 12, 7; может быть, намек на это содержится уже в сообщении Геродота о том, какие способы войны знают массагеты (I, 215).

[6] Хорошо известно применение сомкнутого строя парфянами (в более позднее время) — см., напр., *Plut.*, Crass., XXIV; *Iust.*, X, 1, 2; *Tacit.*, Ann., VI, 35.

[7] При этом, как и у скифов (*Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 39), в рукопашном бою особое значение должны были иметь копья.

[8] *Polyb.*, X, 49, 9–11. Тогда же бактрийцы применяли в обороне выдвижение большого конного передового отряда (прием, который знали уже массагеты). Известно также, что конные отряды бактрийцев стремились напасть на противника до того, как он успевал перестроиться из походного в боевой порядок, — *Polyb.*, X, 49, 4 и 6.

<table>
<tr><td></td><td>гирканцы</td><td>ареи</td><td colspan="2">бактрийцы</td><td>согдийцы</td><td>парфяне</td><td>хорасмии</td><td>загинду-кушские народы</td><td>каспии (восточ-ные)</td><td>саки</td><td>массагеты</td></tr>
<tr><td>меч, кинжал</td><td>кинжал (ἐγχειρίδιον)[10]</td><td></td><td colspan="3">акинак (acinaces)[11]</td><td colspan="3"></td><td>акинак (ἀκινάκης) [12]</td><td colspan="2">кинжал (ἐγχειρίδιον)[13]
кинжал, меч (μάχαιρα)[14]</td></tr>
<tr><td>боевой топор</td><td>секира двусто-ронняя (bipennis)[15]</td><td colspan="8"></td><td colspan="2">сагарис (σαγάρις)[16]
из меди (χαλκῷ)</td></tr>
<tr><td rowspan="3">копье</td><td colspan="2">копье короткое (αἰχμὴ βραχέα)[17]</td><td colspan="6"></td><td colspan="2"></td><td>копье (αἰχμή) [с наконеч-ником] из меди (χαλκῷ) [20]</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">копье с метательным ремнем (μεσάγκυλον)[18]</td><td colspan="3"></td><td></td><td>копье длин-ное (ξυστὸν μακρόν)[19]</td><td colspan="3"></td><td rowspan="2">копье (hasta) [с наконеч-ником] из меди (aere) и железа (ferro)[22]</td></tr>
<tr><td></td><td>копье [ме-тательное] (hasta)[21]</td><td colspan="4"></td><td></td><td colspan="3"></td></tr>
<tr><td>лук</td><td colspan="2">лук мидийский (τοξον Μηδικόν) большой (μέγα)[23]</td><td colspan="5">лук местный [бактрийский] (τόξον ἐπιχώριον) тростниковый (καλάμινον[24]</td><td>лук мест-ный (τόξον ἐπιχώριον) тростнико-вый (καλάμινον) [25]</td><td>лук мест-ный (τόξον ἐπιχώριον) [26]</td><td>лук (τόξον) [27]</td></tr>
</table>

[10] *Herod.*, VII, 62 и 61.
[11] *Curt.*, VII, 4, 19; 3, 4.
[12] *Herod.*, VII, 67.
[13] *Herod.*, I, 214; VII, 64.
[14] *Strabo*, XI, 8, 6.
[15] *Curt.*, III, 2, 5.
[16] *Herod.*, I, 215; VII, 64; *Strabo*, XI, 8, 6.
[17] *Herod.*, VII, 62 и 61; 64 и 66.
[18] *Arr.*, Anab., VII, 6, 3–5.
[19] *Curt.*, VII, 4, 36.
[20] *Arr.*, Anab., IV, 24, 4.
[21] *Herod.*, I, 214–215.
[22] *Curt.*, III, 2, 7.
[23] *Herod.*, VII, 62, 66 и 61.
[24] *Herod.*, VII, 64 и 66.
[25] *Herod.*, VII, 67.
[26] *Herod.*, VII, 64.
[27] *Herod.*, I, 214–215; *Strabo*, XI, 8, 6.

	гирканцы	ареи	бактрийцы	согдийцы	парфяне	хорасмии	загинду-кушские народы	каспии (восточ-ные)	саки	массагеты
стрела	[28]стрела тростниковая (ὀϊστὸς καλάμινος)			стрела (τόξευμα, sagitta) наконеч-ник стрелы (spiculum) [29]			стрела (τόξευμα, sagitta) наконечник стрелы (spiculum) [30]		стрела еловая (ὀϊστός ἐλάτινος)[31]	наконечник стрелы (ἄρδις) из меди (χαλκῷ)[32]
колчан	колчан (φαρετρεών)[33]									колчан (φαρετρεών)[34]
праща				[35]праща (funda) камень [от пращи] (λίθος, saxum)						
пан-цирь	чешуйчатый панцирь же-лезный (λεπὶς σιδηρέη)[36]								панцирь (θώραξ, tegumentum) из железных пластинок (ex ferreis laminis)[37]	
щит	щит плетеный [обтянутый кожей] (γέρρον)[38]								щит пле-теный (γέρρον) [39]	
	легкий щит (leve scutum) похожий на цетру (cetra — кожаный щит)[40]								щит боль-шой (σάκος)[41]	

[28] *Herod.*, VII, 62, 66 и 61.
[29] *Arr.*, Anab., IV, 3, 3; *Plut.*, Alex., XLV, 3; *Curt.*, VII, 6, 2–3.
[30] *Arr.*, Anab., IV, 26, 3–4; *Curt.*, VIII, 10, 6 и 27–28.
[31] *Strabo*, XI, 7, 4.
[32] *Herod.*, I, 215.
[33] *Herod.*, VII, 62, 66 и 61.
[34] *Herod.*, I, 216; *Strabo*, XI, 8, 6.
[35] *Arr.*, Anab., IV, 3, 3; *Plut.*, Alex., XLV, 3; *Curt.*, VII, 6, 2 и 22.
[36] *Herod.*, VII, 62 и 61.
[37] *Arr.*, Anab., IV, 4, 4; *Strabo*, XI, 8, 6; *Curt.*, IV, 9, 3.
[38] *Herod.*, VII, 62 и 61.
[39] *Curt.*, III, 2, 5.
[40] *Arr.*, Anab., IV, 4, 4.
[41] *Steph.* Byz., s. v., Σάκαι; *Tzetz.*, Hist., XII, 894.

	гирканцы	ареи	бактрийцы	согдийцы	парфяне	хорасмии	загинду-кушские народы	каспии (восточ-ные)	саки	массагеты
шлем		шлем кожа-ный (κράνος, galea)[42]								
пан-цирь кон-ский									панцирь (tegumentum) из железных пластинок (ex ferreis laminis)[43]	
										нагрудный медный пан-цирь (τὸ περὶ τὸ στέρνον χαλκέος θώρηξ)[44]
боевая колес-ница			колесница серпоносая (ἅρμα δρεπαν-ηφόρον, currus falcatus) за-пряженная четырьмя лошадьми (quadrigae)[45]							

[42] *Diod.*, XVII, 83,5; *Curt.*, VII, 4, 33.
[43] *Curt.*, IV, 9, 3.
[44] *Herod.*, I, 215.
[45] *Arr.*, Anab., III, 11, 6; *Curt.*, IV, 12, 7.

Приведенные данные о трех полевых сражениях в Средней Азии, а также цитата из Климента Александрийского показывают, что применялся и другой тактический прием — нападение лавой. По греческим представлениям, типично скифская тактика конного боя — «сражаться с врагом, обращаясь в бегство». Раскрывая содержание этого тактического приема, В. Д. Блаватский пишет: «...по представлениям греков, скифская конница широко применяла в бою отступление как вполне установившийся тактический прием. В таких случаях конница скифов, видимо, шла лавой. Скифские конные лучники обрушивались на неприятеля, засыпая его дождем метких стрел, пущенных с коней на полном ходу. На более близкой дистанции метались дротики. Сокрушение поредевших, приведенных в расстройство противников довершал рукопашный бой. Если неприятель стойко держался и первый натиск не удавался, лава откатывалась обратно и вновь собравшиеся всадники могли возобновить атаку»[1]. Прием нападения лавой должен был быть особенно эффективным, когда противником была легковооруженная пехота при малочисленной коннице, измотанной в сражениях или изнуренной тяжелыми переходами.

Вообще из сражения согдийцев и саков против отряда Фарнуха ясно, что следующим после нападения лавой этапом наступательного боя была решительная атака. В некоторых случаях, как показывает ход того же сражения, Спитамен выделял резерв, сосредоточенный в скрытом месте, который в кульминационный момент битвы наносил удар противнику с тыла. Отсюда явствует, в частности, что ход сражения планировался. Следует отметить, что прием скрытого сосредоточения основных и резервных сил перед началом сражения, с искусным использованием с этой целью свойств местности (рельеф, лесные заросли), получил дальнейшее развитие в парфянском военном искусстве. Он принес парфянам значительный успех уже в самом начале битвы при Каррах в 53 г. до н. э.[2]

Хорошо было известно устройство засад. В частности, Квинт Курций (VIII, 1, 3–6) сообщает о засаде, устроенной в лесу бактрийцами, массагетами и дахами. Греко-македонский отряд с помощью военной хитрости был завлечен в ловушку и внезапно атакован, в результате чего был полностью истреблен[3].

Своеобразный прием комбинированной атаки описан Квинтом Курцием. У дахов, выделенных Спитаменом (при сражении с отрядом Фарнуха) в резерв и спрятанных в лесных зарослях, на каждой лошади сидело по два всадника. В ходе атаки, очевидно, когда этот конный отряд вошел в соприкосновение с противником, всадники поочередно соскакивали с лошадей и пешими принимали участие в конном сражении. При этом античный автор не без удивления отмечает, что проворство спешившихся воинов соответствовало быстроте их коней (VII, 7, 32–33). При помощи этого приема достигалось одновременное сближение с противником пехоты и конницы, что давало, конечно, значительный боевой эффект.

---

[1] *Блаватский В. Д.* О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 1950. Вып. XXIV. С. 24.

[2] *Dion. Cass.*, XL, 21, 2–3; 22, 1–2.

[3] История таджикского народа, I. С. 260–261.

Развитое фортификационное строительство является недвусмысленным показателем того, что население Средней Азии было хорошо знакомо с приемами обороны укрепленных пунктов, а также с осадными работами. Об упорстве, с которым велась оборона, свидетельствует, например, оборона Кирополя[1].

Наконец, следует упомянуть и о ведении военной разведки, засылке в стан противника лазутчиков с целью дезинформации (Polyaen., VII, 12).

В письменных источниках засвидетельствовано (правда, для более позднего времени) обучение военному делу у парфян начиная с детского возраста (Dion. Cass., XL, 15, 2).

Итак, среднеазиатские народности имели богатый военный опыт. Этот опыт явился результатом как войн между племенами и народностями Средней Азии, так и оборонительных и наступательных войн, проводившихся ими за ее пределами[2]. Благодаря участию в военных предприятиях ахеменидского государства среднеазиатские воины и военачальники на практике ознакомились с принципами организации, тактикой и вооружением греческих, а на последнем этапе существования ахеменидского государства — и греко-македонских войск.

Можно сделать следующие выводы:

1. Вооружение среднеазиатского войска стояло на высоком для своего времени уровне и в некоторых отношениях превосходило даже вооружение греко-македонского войска[3].

2. Среднеазиатские войска знали и применяли различные тактические приемы в нападении и обороне.

3. Благодаря участию в войнах Ахеменидского государства с греками, в том числе в битвах против войск Александра Македонского (за пределами Средней Азии), руководители среднеазиатского войска были очень хорошо знакомы с оружием и тактическими приемами как ахеменидского, так и греко-македонского войска.

4. Военный потенциал народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. был очень высок, что явилось важным фактором в их борьбе против иноземных завоевателей.

---

[1] История таджикского народа, I. С. 253–254.

[2] О последнем — см.: *Ruben B.* Die Entstehung der Kataphrakterreiterei im Lichte der choresmischen Ausgrabungen // Historia. IV (1955). N 2–3. S. 265–266.

[3] Признание этого в последнее время стало проникать и в труды некоторых западноевропейских ученых см.: *Andreotti R.* Die Weltmonarchie Alexanders des Grossen in Überlieferung und geschichtlicher Wirklichkeit // Saeculum. VIII (1957). S. 129–130. Прим. 27. О военной организации и вооружении греко-македонского войска см.: *Tarn.* Hellenistic Military and Naval Developments; *Он же.* Alexander the Great II. Sources and Studies Cambr., 1950. P. 135–190; *Kromayer J., Veith J.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer Münch., 1928; *Дельбрюк.* Ук. соч. I. С. 154–211; *Болдырев А. В., Боровский Я. М.* Техника военного дела // Эллинистическая техника. М.; Л., 1948. С. 269–319 и др.

5. ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В СВЕТЕ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ*

Рассматриваемые здесь сведения античных (греко-римских) источников, относящиеся ко II в. до н. э. — II в. н. э., можно приурочить к Восточному Туркестану лишь очень приблизительно, что объясняется как смутностью представлений об этой стране по причине ее крайней удаленности, так и тем обстоятельством, что Античность не выработала понятия «Восточный Туркестан», вполне адекватного нашему. В общем, можно сказать, что к поименованной стране относятся сведения о северо-восточной окраине ойкумены. Сведения о серах, тохарах, исседонах и т. д. будут рассмотрены здесь лишь постольку, поскольку они связаны с Восточным Туркестаном. Интерпретация сведений в нашей статье ограничивается тем уровнем, который можно назвать филологическим, и не выходит на уровень реалий.

Античные сведения о Восточном Туркестане уступают китайским по полноте и точности, но тем не менее содержат ценный материал, дополняющий китайские известия, и возможности этого материала исследователи не всегда используют в полной мере; кроме того, античные сведения о Восточном Туркестане начинаются с несколько более раннего времени, чем китайские.

В первой части настоящей работы даны переводы сообщений античных авторов о северо-восточной окраине ойкумены и их источниковедческая интерпретация, во второй — рассматриваются истоки античных сведений о северо-восточной окраине ойкумены, т. е. сообщения о путешествиях и походах на территории Восточного Туркестана, к которым в конечном счете восходят все сведения об этой стране.

I. АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ОЙКУМЕНЫ

В процессе постепенного расширения географического кругозора Античности территория современного Восточного Туркестана была включена в него лишь в эллинистическую и римскую эпохи. В настоящее время нет никаких оснований думать, что античный мир знал о Восточном Туркестане и Китае и поддерживал с ними постоянные торговые связи во времена Геродота (V в. до н. э.) или даже

---

*Впервые опубликовано: Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, 1988. С. 190–222.

Аристея (VII в. до н. э.). Поэтому в общем обзоре античных сведений о северо-восточной окраине ойкумены мы приводим лишь те данные, которые действительно относятся к Восточному Туркестану, и лишь тех авторов, которые хотя и были компиляторами, но для нас являются оригинальными, так как их первоисточники до нас не дошли: это Мела (I в. н. э.), Плиний (I в. н. э.), Дионисий (II в. н. э.) и Птолемей (II в. н. э.).

Сообщения более поздних авторов, таких как Солин (III в. н. э.), Аммиан (IV в. н. э.), Авиен (IV в. н. э.), Капелла (V в. н. э.), Присциан (V–VI вв. н. э.), здесь не приводятся. Если оставить в стороне вопрос о посредствующих и добавочных источниках, то можно сказать, что Солин компилировал данные Плиния и Мелы, Капелла — в основном Плиния, Аммиан — Птолемея и Плиния, а Авиен и Присциан являются переводчиками Дионисия. Следует отметить также, что здесь использованы лишь те сообщения, в которых содержится общий обзор северо-восточной окраины ойкумены. Сообщения, которые содержат данные по отдельным частным вопросам, имеющим отношение к территории Восточного Туркестана, будут рассмотрены в ходе дальнейшего исследования.

1. Мела

Помпоний Мела родом из города Тингентера в Испании, живший, видимо, и в Риме, написал свое сочинение «De chorographia» («О хорографии») или «De situ orbis» («О положении мира»), на латинском языке около 43 г. н. э. Приводимые здесь отрывки из этого сочинения можно разбить на две части: одна из них (I, 9, 11) посвящена общему обзору восточного побережья Азии, другая (III, 59, 60) — более подробному описанию северо-восточного участка побережья Азии.

Издание текста, принятое нами за основу: Pomponii Melae de chorographia libri tres. Ed. G. Ranstrand. Stockholm, 1971. Перевод на русский язык: Античная география. М., 1953. С. 176–237.

Книга I.

(9) ...Азия обращена к востоку огромным сплошным побережьем. Ширина восточной оконечности Азии так велика, что равняется расстоянию от самой южной точки Африки до самой северной точки Европы, а это расстояние включает еще ширину Средиземного моря...

(11) В ней первые люди, начиная с востока, как мы узнаем, это инды, серы и скифы. Серы обитают почти как раз в середине Эойской (т. е. Восточной) части [побережья Азии][1], инды [и скифы] — по краям. Оба последние расселены на широком пространстве и омываются не только этим (т. е. Эойским) морем, но инды обращены также к югу и сплошь заселяют племенами побережье Индийского моря до тех пор, пока оно не делается необитаемым из-за жары. Скифы же обращены к северу, а именно к Скифскому берегу (т. е. к берегу Скифского

[1] Здесь и далее в квадратных скобках — реконструкция текста, сделанная издателями, в круглых — пояснения автора статьи.

океана), и, кроме мест, недоступных из-за холодов, населяют его вплоть до Каспийского залива.

Книга III.

(59) Отсюда (от северного побережья земли) путь поворачивает к Эойскому морю, — мы имеем в виду к берегу земли, обращенному на восток. Он тянется от Скифского мыса до мыса Колиды и сначала непроходим из-за снегов, а затем не возделан из-за дикости жителей. Там обитают скифы: андрофаги и саки; их разделяет область, изобилующая дикими животными и потому необитаемая.

(60) Далее лежит пустыня, опасная из-за чудовищ; она простирается до горы Табис, находящейся у моря. На большом расстоянии от [этой горы] возвышается Тавр. Между ними живут серы, очень справедливый народ. Они широко известны своим способом торговли, которая происходит в их отсутствие, после того как они оставляют свои товары в уединенной местности.

2. Плиний

Г. Плиний Секунд Старший жил по преимуществу в Италии и Риме. Свое сочинение «Naturalis historia» («Естественная история»), написанное на латинском языке, он в основном закончил к 77 г. н. э. Приводимые здесь отрывки из этого сочинения посвящены описанию северо-восточного участка побережья Азии.

Издание текста, принятое нами за основу: Pliny. Natural history / By H. Rackham. L., 1947. Vol. 2. Перевод (частичный) на русский язык: ВДИ. 1949. N 2. P. 271–317.

Книга VI.

(53) Путь от Каспийского моря и Скифского океана к Эойскому меняет направление, когда внешняя сторона берегов становится обращенной к востоку. Первая от Скифского мыса часть побережья необитаема из-за снегов, а ближайшая [к ней] — не возделана из-за дикости жителей. Там сидят антропофаги — скифы, питающиеся человеческими телами. Поэтому вблизи — обширные пустыни и множество зверей, подстерегающих людей, сходных с ними по дикости. Затем снова скифы и снова пустыни с дикими зверями вплоть до прилегающего к морю горного хребта, который называют Табисом. Эта страна становится обитаемой не раньше чем почти с половины длины того побережья, которое обращено к летнему востоку.

(54) Первыми из людей здесь живут те, которые называются серами. Они известны шерстью, производимой лесами: серую листву, смоченную водой, они расчесывают, тем самым доставляя нашим женщинам двойную работу — распутывать нити и сплетать их снова (т. е. ткать); так многообразен труд и так отдален район земного круга, используемый для того, чтобы матрона могла публично появляться в просвечивающих одеяниях. Серы хотя и кротки, но подобны зверям, потому что избегают общества остальных людей и выжидают торговлю.

(55) Первая известная у них река — это Псифара, ближайшая — Камбары, третья — Лан, за которой мыс Хриса, залив Кирнаба, река Атиан, залив и племя

людей аттакоров, которые, будучи укрыты солнечными холмами от всех вредных дуновений, живут в таком же умеренном климате, как гипербореи. О них составил от своего имени сочинение Амомет, подобно тому как Гекатей — о гипербореях. За племенем аттакоров — фуны и фокары и, уже у индов, касиры внутри страны по направлению к скифам, питающиеся человеческими телами; также номады Индии прикочевывают сюда. Некоторые говорят, что со стороны Аквилона с ними соприкасаются киконы и брисары.

3. Дионисий

Дионисий, известный под прозвищем Периегет, написал свое сочинение «Οἰκουμένης περιήγησις» («Периегеса ойкумены») на древнегреческом языке в стихах в Александрии Египетской около 125 г. н. э. Приводимый здесь отрывок из этого сочинения можно назвать описанием земель по Оксу, Яксарту и далее, вплоть до северо-восточных пределов ойкумены.

Издание текста, принятое нами за основу: Geographi Graeci minores / Ed. C. Müllerus. P., 1864. Vol. 2.

(746) ...земля (747) Сугдии, через всю середину которой катится священный Окс, (748) который, покинув гору Эмод, впадает в Каспиду. (749) За ним по течению Яксарта обитают (750) саки, носящие луки, — никакой другой лучник не превзошел бы их, (751) ведь у них не в обычае стрелять впустую. (752) И тохары, фруны и варварские народы серов — (753) они, отвергая быков и тучных овец (или коз), (754) собирая пестрые цветы в пустынной стране, (755) изготовляют одежды искусные, знаменитые, (756) окраской подобные цветам луговой травы; (757) не напрасно бы с этим и труд пауков состязался. (758) Есть и другие многочисленные скифы, которые обитают (759) на окраинах земли. У них страна, сотрясаемая бурями, (760) опустошена зимними ветрами и градом. (761) Столько народов живет вокруг Каспийских волн.

4. Птолемей

Клавдий Птолемей, живший в Александрии Египетской, написал свое сочинение «Γεωγραφικὴ ὑφήγησις» («Географическое руководство») на древнегреческом языке около 177 г. н. э. При этом «Список известных городов», включенный в сочинение (VIII, 3–28), написан несколько ранее остальной части сочинения, и содержащиеся в нем данные могут расходиться с данными других частей труда Птолемея. Интересующие нас сведения содержатся в основном в разделах, посвященных Скифии, лежащей по ту сторону горы Имая, и Серике.

Издания текста, принятые нами за основу: Ptolemaios, Geographie 6, 9–21 / Ed. I. Ronca. Teil 1. Rom, 1971 (для книги VI); Claudii Ptolemaei Geographia / Ed. C. F. A. Nobbe. Lipsiae, 1845. T. 3. (для книги VIII)

Книга VI.

15: Расположение Скифии, лежащей по ту сторону горы Имая.

(1) Скифия, лежащая по ту сторону горы Имая, ограничена: на западе Скифией по эту сторону [Имая] и [страной] саков вдоль всей северной ветви гор; на севере неизвестной землей; на востоке Серикой вдоль прямой линии, концы которой лежат под 150°/63° и 160°/35°; на юге частью Индии, лежащей по ту сторону реки Ганга, вдоль широтной линии, соединяющей названные концы [160°/35° и 145°/35°].

(2) В этой области находится западная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 149°/49°, западная часть так называемых Касийских гор, конец которой лежит под 152°/41°, а также западная часть Эмодских гор, конец которой лежит под 153°/36°, и у Авзакийских гор — исток реки Ойхарда, который лежит под 153°/51°.

(3) Северные области этой Скифии населяют абии-скифы, области под ними — гиппофаги-скифы, за ними простирается область Авзакитида и под ней, еще у названного Горметериона, — область Касия, под ней — хаты-скифы, затем область Ахаса и под ней у Эмодских гор — хауранеи-скифы.

(4) В этой области имеются города: Авзакия — 144°/49°40', Исседон Скифский — 150°/48°30', Хаурана — 150°/37°15', Соита — 145°/35°20'

16: Расположение Серики.

(1) Серика ограничена: на западе Скифией, лежащей по ту сторону горы Имая вдоль названной линии; на севере неизвестной землей вдоль той самой параллели, которая проходит через Фулу; на востоке неизвестной землей вдоль долготной линии, концы которой лежат под 180°/63° и 180°/35°; на юге остальной частью Индии, лежащей по ту сторону Ганга, вдоль той же широтной линии вплоть до конца, место которого лежит под 173°/35°, и затем [областью] синов вдоль [той же] продолжающейся линии вплоть до названного конечного пункта у неизвестной земли.

(2) Через Серику проходят [такие] горы: так называемые Аннибские горы, концы которых лежат под 153°/60° и 171°/56°; восточная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 165°/54°, так называемые Асмирейские горы, пределы которых лежат под 167°/47°30' и 174°/47°30'; восточная часть Касийских гор, концы которой лежат под 162°/44° и 171°/40°; Фагурская гора, середина которой лежит под 170°/43°; затем восточная часть Эмодских гор, называемых также Серийскими, конец которой лежит под 165°/36°; так называемая гора Отторокора, концы которой лежат под 169°/36° и 176°/39°.

(3) По большей части Серики протекают преимущественно две реки: Ойхард, исток которого у Авзакийских гор уже указан, а исток у Асмирейских гор лежит под 174°/47°30', ветвь же по направлению к Касийским горам [начинается] под 160°/49°30/, а исток ее в этих горах лежит под 161°/44°15/, и так называемый Баутис, исток которого, также у Касийских гор, лежит под 160°/43°, исток у Отторокоры — под176°/39°, ветвь по направлению к Эмодским горам [начинается] под 168°/39°, а исток в тех же горах — под 160°/37°.

(4) Северные области Серики населяют народы антропофагов, под ними и выше одноименных гор обитает народ аннибов, между ним и Авзакийскими горами — народ сизигов, под ним дамны, затем пиады вплоть до реки Ойхард и под ней одноименные ойхарды.

(5) Далее, к востоку от аннибов,— гаринеи и раббаны, под ними — область Асмирея выше одноименных гор, под ними вплоть до Касийских гор — исседоны, большой народ, к востоку от них — фроаны, затем под ними — фагуры на восток от одноименной горы, под исседонами — аспакары, снова под этими — байты, и самые южные, вдоль Эмодских и Серских гор, — отторокоры.

(6) Города Серики, известные по имени, таковы: Дамна —156°/51°40', Пиада —160°/49°40', Асмирея — 170°/48°20', Фроана —174°40'/47°40',

(7) Исседон Серский — 162°/45', Аспакара — 162°30//42°40', Дросаха — 167°40'/42°30', Палиана — 162°30'/41°, Абрагана — 163°30/39°30',

(8) Фогара — 171°20'/39°40', Даксата — 174°/39°40', Оросана — 162°/37°30', Отторокора — 165°/37°15', Солана — 169°/37°30', Сера = столица — 177°/38°35'.

Книга VIII.

24: Восьмая карта Азии.

(1) Восьмая карта Азии заключает Скифию, лежащую по ту сторону горы Имая, и Серику. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану как 2 к 3.

(2) Ограничивается эта карта с севера и востока неизвестной землей, с юга [страной] синов и частью Индии, с запада [страной] саков и Скифией, лежащей по эту сторону Имая.

(3) Из известных городов Скифии Исседон Скифский имеет самый длинный день в 16 часов и отстоит от Александрии к востоку на 6 часов.

(4) Авзакия имеет самый длинный день приблизительно в 16 часов 15' и отстоит от Александрии к востоку на 5,5 часа и 6'.

(5) Из известных городов Серики Исседон Серский имеет самый длинный день в 15,5 часа и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 6,5 часа и 20'.

(6) Дросаха имеет самый длинный день в 15 часов 10' и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 7 часов и 10'.

(7) Отторокора имеет самый длинный день приблизительно в 14 часов 40' и отстоит от Александрии к востоку на 7 часов.

(8) Столица Сера имеет самый длинный день в 14 часов 45' и отстоит от Александрии к востоку на 7 часов 50' или полных 8 часов.

30: (22) Восьмая [карта Азии]: от 140° вплоть до 180°; получается длина в 40°; ширина — от 35° вплоть до 63°; получается ширина в 28°.

5. Источники

Сочинения всех четырех авторов, отрывки из произведений которых приведены, посвящены общему описанию ойкумены. Такие сочинения, разумеется, не могли избежать влияния хотя бы одного из трех основных авторитетов, определявших развитие античной географической мысли в эллинистическую и римскую эпохи: Эратосфена, Гиппарха и Посидония. Основные географические труды Эратосфена (около 200 г. до н. э.), Гиппарха (перед 125 г. до н. э.) и По-

сидония (перед 65 г. до н. э.) разрабатывали в основном теоретические вопросы, но, не говоря уже об Эратосфене, и Гиппарх, и Посидоний (подчеркнем это особо) включали в свои сочинения и описательный географический материал, «топографию материков» (Strabo, VIII, 1, 1). Хотя идеи трех ученых и являлись фундаментом для более поздних географических работ, определить их конкретный вклад в этих работах не так-то просто.

Очень сложен вопрос об источниках Мелы и Плиния. Сравнивая текст Мелы и III–VI книг «Естественной истории» Плиния, можно сделать вполне определенный вывод: в основе сочинений того и другого автора лежит какой-то общий источник; сообщения Мелы он исчерпывает почти целиком, у Плиния он обильно дополнен иным материалом. Назовем его «источник А». В нем выделяются две части: одну из них можно условно назвать «периплом»; в ней последовательно описываются прибрежные части ойкумены, вдоль которых автор мысленно «проплывает»; другая представляет собой описательный материал, соответствующий «периплу», в частности содержит описания упомянутых в нем народов. «Перипл» является костяком, «красной нитью» географического повествования и у Мелы, и у Плиния. По целому ряду признаков можно заключить, что Мела и Плиний, составляя «перипл», описывали какую-то карту. А описания народов, временами вставляемые в изложение «перипла», Мела и Плиний заимствовали из текста, сопровождавшего эту карту.

Задача определения общего источника Мелы и Плиния считается очень трудной и до сих пор не решенной, хотя, надо сказать, решению ее препятствовало более всего господство предвзятых мнений. Ранее в большинстве случаев считали, что таким общим источником является одно из сочинений Варрона. Но работа К. Г. Залльмана [29] опровергла это мнение. Плиний ссылается на Варрона как раз там, где расходится с Мелой. Мы не можем здесь подробно описать и обосновать свою точку зрения на этот вопрос, но все же вкратце ознакомимся с ней, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения. Мы считаем, что более всего прав на роль общего источника Мелы и Плиния имеет карта Агриппы и приложенный к ней текст. Известно, что Агриппе, ближайшему сподвижнику Августа, принадлежала мысль создать в Риме общедоступную карту; смерть (в 12 г. до н. э.) помешала осуществить ему свой замысел. «По указанию (плану)» (ex destinatione) Агриппы, используя оставшиеся от него «записки» (commentarii), Август довел до конца эту работу: карта была выполнена на стене одного из римских портиков (около 12 г. н. э.) (Plin., N.H., III, 17), и тогда же, видимо, был опубликован сопровождающий и поясняющий ее текст, известный позднее как «Хорография Августа».

Отмечая бесспорную общность сообщений Мелы (III, 59,60) и Плиния (VI, 53, 54) о северо-востоке ойкумены, ранее обычно объясняли ее заимствованием обоих автора у Варрона; такое объяснение давали, например, Д. Детлефсен (1886) и А. Клотц (1906). Когда Ф. Альтхайм высказывает предположение о том, что общим источником сведений Мелы и Плиния о северо-востоке ойкумены является Варрон [7: 56; 8: 715], то он примыкает к общепринятому мнению. Хотя он считает, что Плиний имел перед глазами также карту Агриппы, но возводит к ней, видимо, лишь упоминания о Скифском и Эойском океанах. А. Герман полагает,

что сведения о Скифском мысе, андрофагах, пустынях, серах и горе Табис у Мелы и Плиния восходят к одному источнику и что все эти сведения имелись уже у Агриппы, но тем не менее источником Мелы считает некую, совершенно гипотетичную греческую обработку карты Эратосфена, а источником Плиния — карту Агриппы, которая является, по его мнению, латинской обработкой карты Эратосфена [15: 31, 44, 46, 47]. Тем самым А. Геррман (видимо, находясь под влиянием общих концепций) совершенно неоправданно и искусственно осложняет вопрос. К. Г. Залльман видит решение в том, чтобы считать описание северо-востока ойкумены заимствованием Плиния (VI, 53) у Мелы (III, 59–60) [29: 146, 147]. Но описание северо-востока ойкумены является органической частью всего «перипла» Мелы и Плиния, связанной с ним по смыслу и содержанию. В таком случае пришлось бы весь «перипл» считать заимствованием Плиния у Мелы, что, конечно, невозможно: известно, что, хотя Плиний и упоминает Мелу в числе использованных им авторов, в действительности заимствует у него очень мало [12: стб. 2402; 29, с. 123, прим. 89].

Описания восточного побережья Азии у Мелы (I, 9, 11) и северо-восточного участка того же побережья у Мелы (III, 59, 60) и Плиния (VI, 53, 54) являются неотрывными частями «перипла» того и другого автора, который, как уже было сказано, мы считаем описанием карты Агриппы. Рассказ о серах и их торговле у Мелы (III, 60) и Плиния (VI, 54), видимо, взят из хорографии, сопровождавшей карту. При этом возможно, что сообщение Плиния (VI, 54) о «шерсти» серов, отсутствующее у Мелы, является собственным добавлением Плиния, почерпнутым из ходячих в его время представлений (ср. характерные упоминания: feminis nostris и matrona).

Карту Агриппы А. Геррман считает латинской обработкой карты Эратосфена, что соответствует общепринятому взгляду. Однако нам кажется, что после работы П. Шнабеля [30] возможен и другой вывод. Работа Агриппы вместе с материалом, заимствованным из нее Мелой и Плинием, как будто больше соответствует положениям Гиппарха. Правда, данные Гиппарха в этой работе подверглись весьма существенному перетолкованию, судя по некоторым признакам, во время обработки Августом «плана» и «записок» Агриппы. Конечно, установление зависимости Агриппы от Гиппарха не влечет за собой с необходимостью вывода о заимствовании всех сведений Агриппы у Гиппарха: многое могло быть введено и самим Агриппой или Августом.

«Перипл», основа географических книг Плиния, дополнен у него обильным описательным материалом. Большая часть этого материала обнаруживает определенное внутреннее единство и, по-видимому, заимствована у одного автора. Этот второй главный источник Плиния можно назвать «источником Б». Мы считаем, что этим источником скорее всего являлись сочинения М. Варрона (около 50 г. до н. э.): Агриппа и М. Варрон неизменно фигурируют в числе первых двух-трех имен в списках авторов, использованных Плинием в географических книгах. Уже в «источнике Б» были объединены сведения различных авторов.

Таким материалом, дополняющим «перипл» у Плиния, являются его сообщения о землях от Псифары до касиров (VI, 55). Относить их к числу заимствований у Агриппы, как это делает А. Геррман [15: 47], нет оснований, поскольку

последние нужно ограничить моментами, совпадающими у Мелы и Плиния. Но если этот дополняющий материал и заимствован Плинием у одного автора (как мы полагаем, Варрона), то восходит он в конечном счете к двум разным источникам. Одному из них обязано сообщение о Псифаре — аттакорах, другому о фунах — касирах.

Сообщение о землях от Псифары до аттакоров — это обрывок какого-то «перипла», описывавшего морские берега, простирающиеся по ту сторону Индии, причем основным объектом внимания здесь являются аттакоры. С серами это сообщение было связано Плинием, видимо, потому, что, судя по тексту Птолемея (VII, 2, 7, 10; 3, 2), описывающему те же места [15: 32], рядом с Псифарой в нем должна бы упоминаться река Сер, которая к серам в действительности никакого отношения не имела. Плиний прямо называет автора этого сообщения, Амомета, причем в связи с Гекатеем. Аттакоров Плиний упоминает еще раз, и опять в связи с гипербореями (IV, 90). Можно подумать, что данные Амомета здесь использованы через посредство Гекатея. Гекатей Абдерский, живший при дворе первых Птолемеев (конец IV — начало III в. до н. э.), создавая сочинение «О гипербореях», собрал много экзотических сведений не только о «счастливом народе» греческих преданий, но и о других подобных «счастливцах» аналогичных традиций, в том числе об аттакорах, этих индийских гиперборeях, использовав, очевидно, сочинение своего современника и земляка Амомета. Однако у нас нет оснований расширять авторство Амомета, как это делает Ф. Альтхайм, приписывая ему, видимо, почти все данные Плиния (через посредство Варрона) о северо-восточной части ойкумены [7: 55–57]. Еще К. Мюллер ограничивал этот фрагмент сочинений Амомета только сообщением об аттакорах [26: 396].

Сообщение о фунах, фокарах и касирах представляет собой, напротив, часть итинерария, описывавшего путь по суше от серов к индам. В изложении Плиния получается так, что фуны следуют за аттакорами, на самом же деле сообщения о Псифаре — аттакорах и о фунах — касирах являются двумя параллельными вставками, каждая из которых непосредственно связана с серами. Мы считаем, что сообщение Плиния о фунах — касирах, как и многие другие, восходит к Артемидору (около 100 г. до н. э.), хотя аргументировать такое положение здесь нет возможности (об Артемидоре у Плиния см. [29: 64]. Сообщение Артемидора, как и Гекатея, очевидно, дошло до Плиния через посредство Варрона [19: стб. 302; 29, 62], а сам Артемидор заимствовал его у Аполлодора, о чем еще будет речь впереди. Заметим здесь, что имя Артемидора в списке использованных авторов к VI книге Плиния в соответствующем месте стоит рядом с именем Аполлодора (хотя в тексте ссылок на последнего нет).

Источником Дионисия являются, как это давно признано, данные Посидония [18: стб. 920]. Те моменты, которые связывают Дионисия с Эратосфеном, также могут восходить к Посидонию, поскольку последний во многом возвратился к взглядам Эратосфена. Однако Дионисий заимствовал у Посидония не непосредственно. Еще Александр Лихн (I в. до н. э.) изложил в стихах географию Посидония — он, очевидно, и явился посредником между Посидонием и Дионисием [18: стб. 921]. Вопрос же о посредничестве П. Варрона (I в. до н. э.) неясен [11: 765].

А. Геррман, очевидно, прав, возводя к Посидонию сообщения Дионисия о северо-востоке ойкумены [15: 35, 43]. Однако их можно отнести к еще более раннему автору, а именно Аполлодору. Посидоний несомненно знал сочинение этого автора, так как специально собирал сведения о восточных землях из сочинений типа «Парфика» [17: 72; 21: 136]. Хотя, конечно, нельзя утверждать, что все сообщения Дионисия о северо-востоке ойкумены, прошедшие через несколько авторов, непременно восходят к Аполлодору.

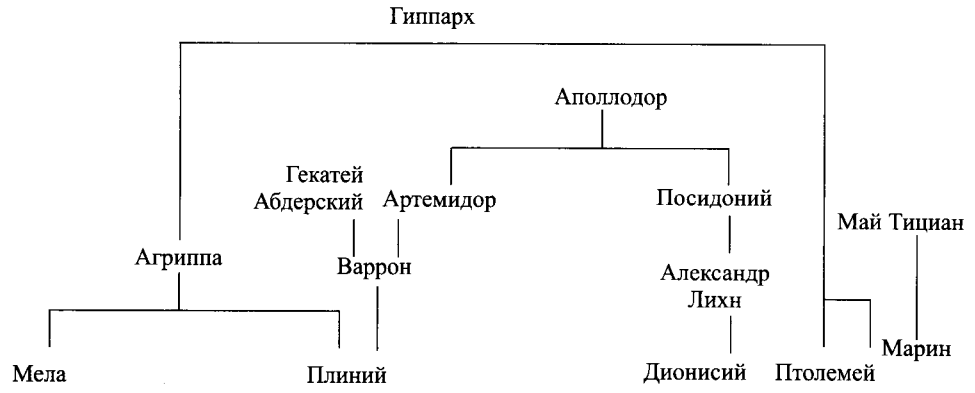
Непосредственным источником Птолемея, как он сам говорит, являлись сочинения Марина. Марин Тирский (около 110 г. н. э.) был очень начитанным автором и, несколько раз переиздавая свои «Исправления географической карты», рассмотрел множество сочинений предшественников (Geogr., I, 6). Однако сам он так и не успел начертить карту (Geogr., I, 17, 1), а изложение его, особенно при описании земель внутри суши, было бессистемным и часто содержало указание только на широту или только на долготу того или иного пункта (Geogr., I, 18, 3–6). Птолемей решил на основе этого материала составить карту, хотя в большинстве случаев он не имел (подчеркнем это) дополнительных новых данных. Марин в числе новейших источников использовал итинерарий Мая Тициана (Geogr., I, 11, 6). Из этого сочинения и почерпнуто большинство данных для описания страны саков, Скифии, лежащей по ту сторону Имая, и Серики — земель, практически неведомых предшественникам Марина и Птолемея.

А. Геррман выделяет в пределах описания Серики и Скифии, лежащей по ту сторону Имая, названия, восходящие, по его мнению, к более древним источникам, чем итинерарий Мая. Это антропофаги, гиппофаги-скифы, Отторокора, а также названия, имеющие, как он считает, соответствия на карте Пейтингера: абии-скифы и хаты-скифы [15: 124]. Как точнее определить этот более ранний источник? Известно, что и Марин и Птолемей были верными последователями Гиппарха и не только придерживались его теоретических взглядов, но и заимствовали у него конкретный описательный материал, в частности по восточным областям [23: 241; 17: 55, прим. 3, 57, прим. 3]. Как уже отмечалось выше, на данных Гиппарха построена и карта Агриппы, лежащая в основе географии Мелы и Плиния, а также карты Пейтингера (здесь мы не касаемся вопроса об отношении карты Пейтингера и карты Агриппы). Очевидно, сопоставление сообщений Птолемея—Марина и материалов, заимствованных у Агриппы, поможет выявить их общее наследие, восходящее к Гиппарху. Конечно, в описании Заимайской Скифии и Серики, заполненном почти целиком данными Мая, такое наследие окажется минимальным. Очевидно, к нему можно отнести упоминание антропофагов (VI, 16, 4), указанных примерно в тех же местах Мелой (III, 59) и Плинием (VI, 53), а также абиев-скифов (VI, 15, 3), фигурирующих и на карте Пейтингера (XII, 3). Что же касается хатов-скифов (VI, 15, 3), то Xatis Scythae карты Пейтингера (XII, 4, 5), с которыми их сопоставляет А. Геррман, более убедительно отождествляются с яксартами Птолемея (VI, 14, 10, 11) [22: 221].

Особый случай представлен исседонами. Оригинальные, самостоятельные сведения об исседонах относятся к VII–V вв. до н. э. и восходят к Аристею,

Алкману, Гекатею (Милетскому) и Геродоту, причем почти каждый автор называл их по-своему (как обычно бывает, когда сведения каждого из авторов самостоятельны): Ἰσσηδοί, Ἰσσηδόνες, Ἐσσηδόνες (или Ἀσσηδόνες). Конечно, совершенно невероятно, чтобы спустя полтысячелетия была независимо воспроизведена та же форма названия народа, которую употреблял Геродот. Ясно, что такой начитанный географ, как Марин, познакомившись с итинерарием Мая, по каким-то признакам «узнал» в одном из описанных там народов «классических» исседонов (знакомство Марина—Птолемея с традицией, близкой Геродоту, прослеживается и по другим данным). Еще В. В. Григорьев писал: «...представляется нам, что исседоны Птолемея не имеют ничего общего с исседонами Геродота, но что тем не менее исседоны птолемеевские — какое-нибудь malentendu, какое-нибудь qui pro quo, вследствие соображений александрийского географа, которых разгадать мы не беремся» [4: 73]. А. Геррман считал, что такие соображения были основаны на фонетическом сходстве названий и картографических недоразумениях ([14: стб. 2240–2242; 15: 118, 121, 124, 126, 131, 133, 141]; ср. [16: 97]). Правда, толкования А. Геррмана несколько натянуты, особенно там, где они касаются появления второго, скифского Исседона. Может быть, объяснение кроется в рассказе о «погребальных» обычаях исседонов? Наиболее характерной, больше всего поражавшей воображение античного читателя частью описания исседонов у Геродота, несомненно, являлся именно этот рассказ. Видимо, в Центральной Азии он был своего рода бродячим сюжетом: во всяком случае, еще Рубрук и Плано Карпини рассказывали о тибетцах почти то же самое, что Геродот говорит об исседонах [3: 42, 131]. Не рассказывалось ли нечто подобное в итинерарии Мая и о том народе, который Марин (или Птолемей) назвал исседонами?

Конечно, в описании Серики и Скифии, лежащей по ту сторону Имая, возможны заимствования и из других дорожников, помимо итинерария Мая. Так, А. Геррман считает, что данные Птолемея о реке Баутис и городах Палиана, Оросана и Солана взяты из дополнительного источника, вообще не использованного Марином [15: 59, 60].

Итак, нам представляется, что источники сообщений Мелы, Плиния, Дионисия и Птолемея о северо-восточных окраинах ойкумены таковы:

II. ИСТОКИ АНТИЧНЫХ СВЕДЕНИЙ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ОЙКУМЕНЫ

Страбон намечает несколько этапов в развитии конкретных географических знаний античного мира, в расширении географического кругозора: времена персов, македонян и, наконец, римлян и парфян (I, 2, 1; XI, 6, 3, 4). То же самое он говорит относительно познания земель «к востоку от Гиркании вплоть до Согдианы по эту сторону Тавра» (XI, 11, 6), т. е. северо-восточной части ойкумены. Походы Александра Македонского познакомили с обширными пространствами Азии, но сведения историков Александра во многом недостоверны (I, 2, 1; XI, 6, 4). Кроме того, во времена Александра не совершались походы в земли самых отдаленных (северных и восточных) кочевников (XI, 11, 6), а это значит, что северо-восточные окраины ойкумены остались неизвестными. Обобщил данные историков Александра Эратосфен. Парфяне еще более расширили знания об отдаленных землях, а историки, писавшие о парфянах, рассказали об этих землях достовернее и полнее, потому что видели больше, так что благодаря им значительно пополнились знания о Гиркании, Бактриане и живущих выше скифах (I, 2, 1; XI, 6, 4). Именно авторам «Парфика», и прежде всего Аполлодору Артемитскому, мы обязаны многими сведениями об этих отдаленных странах (II, 5, 12). Суммированы были указанные сведения Посидонием и Артемидором.

К этапам, намеченным Страбоном, можно добавить еще один, последний, когда вследствие расцвета торговли и чрезвычайного расширения торговых связей географический горизонт еще раз значительно раздвинулся. Новые знания о северо-восточной части ойкумены на этом этапе получены главным образом благодаря итинерарию Мая Тициана, а обобщены Марином и Птолемеем.

Итак, сведения о северо-восточных окраинах ойкумены, содержащие данные о территории Восточного Туркестана, восходят, во-первых, к сочинениям типа «Парфика», прежде всего к сочинению Аполлодора Артемитского, и, во-вторых, к торговым итинерариям и периплам, преимущественно к итинерарию Мая Тициана. Это основные источники сведений Античности о северо-восточных пределах ойкумены; однако некоторые сведения имеют и иное происхождение.

1. Распространение владений греческих царей Бактрии до фаунов и серов

Аполлодор в переложении Страбона, видимо, через посредство Посидония рассказывает о могуществе греческих царей Бактрии, подчинивших больше племен, чем Александр; эти завоевания в Индии совершили Менандр и Деметрий, причем Менандр переправился через Гипанис на востоке и дошел вплоть до

Исама; они распространили свое господство также вплоть до серов и фаунов (Strabo, XI, 11, 1, 2 = Apollodor., fr. 7a, Jacoby). Аполлодор говорит здесь о распространении власти греческих царей Бактрии, вышедшей за пределы завоеваний Александра в двух направлениях: юго-восточном, в Индии, и, очевидно, северо-восточном, «вплоть до серов и фаунов» (ср. [7: 347, 348; 28, с. 36]). Кто именно совершил завоевания во втором направлении, Страбон не говорит, но многие исследователи склоняются к тому, что это был Деметрий (напр., [1: 457; 7: 349; 28: 27]).

Иногда слова Страбона толкуют почему-то так, будто серы и фауны являлись ближайшими соседями Греко-Бактрии и походы греко-бактрийских царей были направлены непосредственно против них (например, [31: 84–87, 111, 112]). Нам кажется, что контекст сообщения о серах и фаунах не свидетельствует в пользу такого понимания. Серы и фауны, «вплоть» (μέχρι) до которых распространилось господство бактрийских царей, так же как и Исам, «вплоть» (μέχρι) до которого дошел Менандр, — не объекты, а пределы завоеваний, причем, видимо, пределы внешние, исключающие («an exclusive limit» [28: 27]). А это значит, что между первоначальными владениями бактрийских царей, с одной стороны, серами и фаунами — с другой, находилось некое пространство, распространившись на которое бактрийская держава вошла в контакт с серами и фаунами.

Имеются ли у античных авторов какие-либо данные, позволяющие заполнить это пространство? Выше уже приводились сообщения Плиния (VI, 55) и Дионисия (749–757), связанные с серами и фаунами (фунами, фрунами). Как было отмечено, они восходят к Аполлодору (сообщение Плиния через посредство Артемидора, а сообщение Дионисия через посредство Посидония) и в тексте Аполлодора, несомненно, имели какую-то связь с сообщением о завоеваниях бактрийских царей (ср. [22: 207]). Нам кажется, что нет необходимости прибегать к сложному предположению, согласно которому Аполлодор вместе с серами и фаунами упоминал также тохаров, а Посидоний, посредник между Аполлодором и Страбоном, исходя из каких-то своих соображений, вычеркнул последних [25: 148]. Скорее всего, уже Аполлодор называл серов и фаунов, а также Исам как пределы завоеваний. Но описывал ли он последовательно ход завоеваний сначала в Индии до Исама, а затем в другом направлении до серов и фаунов или, указав пределы завоеваний в том и другом направлении, дал для общего представления описание путей, ведущих к этим пределам, трудно сказать. Пожалуй, вероятнее второе.

Плиний, перечисляя названия народов (серы, фуны, фокары, касиры), придерживается определенной пространственной последовательности [1: 457]. Касиры являются уже индами, обитающими с внутренней, т. е. материковой, стороны Индии, обращенной к скифам. Но на этом перечень Плиния не кончается. Он лишь прерывает его, обращаясь на время к «источнику А» и некоторым другим материалам, чтобы определить границы и размеры Индии. Затем Плиний возвращается к прежнему источнику и продолжает перечень, вновь называя касиров, но сопровождая упоминание о них новыми данными: по ту сторону Гемодских гор (которые являются границей Индии) живут исары, косиры (Cosiri = Casiri [23: 28, прим. 3; 25: 297, прим. 2]), изы; по горному хребту — хирото-

саги и многочисленные племена, известные под прозвищем брагманов; реки Прина и Каинна, последняя из которых впадает в Ганг; калинги у моря, мандеи и маллы внутри страны, река Ганг (VI, 64); упоминаются также гангаридские калинги (VI, 65). Что нужно понимать здесь под исарами и изами, которые названы лишь в связи со вторым упоминанием касиров, неизвестно. Возможно, что исары (Isari) как-то связаны с Исамом (Ἴσάμος), который фигурирует у Страбона в качестве предела завоеваний Менандра в Индии и тоже не получил убедительного объяснения [31: 144, 145; 7: 325, 326][1].

Видимо, с этим же описанием связано сообщение Плиния о том, что зеленоватый камень (callaïna) «родится у жителей Кавказской горы позади обратной стороны Индии: фикаров [фокаров, тохаров], саков и дардов»[2] (XXXVII, 110), т. е. у племен, обитающих по ту сторону гор (Эмодские, или Гемодские, горы считались частью Кавказского хребта), ограничивающих Индию со стороны материка [32: 205][3].

Дионисий перечисляет, в общем, те же племена, что и Плиний, но в обратном порядке: Эмодские горы в верховьях Окса, саки по Яксарту, тохары, фруны, серы. Конечно, и в основе этого сообщения — описание пути [1: 458, 459]. Никак нельзя согласиться с тем, что это искусственная конструкция [25: 148, 149]. Такое истолкование сообщения Дионисия нужно было И. Маркварту для того, чтобы подкрепить свою гипотезу, в общем неудачную, о передвижении тохаров. В соответствии со своей концепцией он даже переводит указание Дионисия (749) на местообитание саков не «по течению Яксарта», а «у устья (an der Mündung) Яксарта» [25: 148] (о значении слова προχοή в данном тексте см. также [27: 151]). Дионисий, подобно Плинию, рассказывая об Индии в другом месте своего сочинения, дает продолжение приведенного перечня, основанное на описании того же пути; здесь названы гангариды, река Гипанис, Эмодские горы (1144–1147). В данном случае характерно упоминание Гипаниса. Эта форма названия индийской реки засвидетельствована кроме Аристобула только у Аполлодора [31: 144; 7: 323].

Какие-то известия о том же пути Посидоний использовал при создании своей теории зон, а именно в трактовке восточной части того пояса, который простирается вдоль северных склонов горного хребта Тавр — Кавказ. Следы учения Посидония в этой части сохранились у Страбона там, где он говорит о Бактриане и Северной Индии как странах, расположенных у северной стороны горной цепи Тавр, на одних широтах (II, 1, 14; ср. XI, 7, 2), а также у Птолемея в его астрологической географии, где Бактриана, Каспирия (т. е. страна касиров, северных индов) и Серика составляют отдельную триаду (Tetr., II, 3). Ф. Болл был, несомненно, прав, возводя указанную географию к Посидонию [10, с. 189–217].

---

[1] В переводе Страбона на русский язык, осуществленном Г. А. Стратановским (*Страбон.* География: В 17 кн / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского. [Л.], 1964. С. 488), это слово истолковано как Имай (так толковал его еще Казобон).

[2] Dardas — чтение В. Томашека [33: 205], другое чтение — Dahas.

[3] [Об этом сообщении Плиния см. отдельное исследование автора: *Пьянков И. В.* Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261–267.]

К сожалению, это мнение было оставлено после работы К. Трюдингера, который не увидел в астрологической географии Птолемея ничего, кроме непонятного дробления и дублирования названий стран, что, по его мнению, исключает научно-систематический источник (т. е. Посидония), и, таким образом, отверг ценнейший материал, очень полезный для реконструкции учения Посидония о зонах [34: 87]. Видимо, того же происхождения сообщение Равеннского географа (2, 3) об Индии, Серике и Бактриане, в котором Ф. Альтхайм, в общем, правильно угадал связь с традицией о владениях Деметрия, простиравшихся до серов и фаунов [7: 352], хотя к этой традиции оно должно восходить скорее всего, через посредство теории зон Посидония.

Итак, если обобщить данные Плиния и Дионисия, путь, соединявший саков, серов и индов, выглядит следующим образом: в одном направлении он проходит по землям фрунов (фаунов), тохаров и саков, живущих по Яксарту, затем через Эмодские горы в верховьях Окса, в другом — по землям фунов (фаунов), фокаров (тохаров), касиров (каспиров), затем через Эмодские горы, реку Гипанис, к Исаму (исарам?) и индийским племенам Ганга.

К какому времени относятся эти данные? Деметрий осуществлял завоевания в начале II в. до н. э., Менандр — в середине того же века. Сам Аполлодор происходил из Артемиты, города, расположенного к востоку от Селевкии на Тигре, там, где дорога, ведшая от Селевкии в Бактрию и Индию, раздваивалась. Очень вероятно, что он был близок к торговой аристократии Селевкии и много путешествовал [31: 44, 45; 7: 17–19]. Но считать, что он писал тогда, когда уже процветала регулярная торговля по «шелковому пути» в I в. до н. э. [7: 64], нет оснований. Приведенные выше данные явно относятся к более раннему времени. Для определения даты Аполлодора нет необходимости приписывать ему все упоминания о сакарауках; terminus post quem для его сочинения — вряд ли позднее предпоследнего десятилетия II в. до н. э. Видимо, правы те, кто считает Аполлодора современником описанного им вторжения номадов в Согдиану и Бактриану [17: 54]. Его рассказ о пути к серам (по которому еще не велось регулярной караванной торговли) относится в таком случае ко времени, непосредственно предшествующему этому вторжению.

2. Путешествие жителей Тапробаны к серам

Во времена принципата Клавдия, говорит Плиний, в Рим прибыло посольство, отправленное царем острова Тапробаны и состоявшее из четырех человек, главным из которых был Рахия (VI, 85, 86). Они рассказали в Риме о своей родине и, между прочим, о том, «что сторона их острова, обращенная к Индии, имеет 10 000 стадиев и лежит в направлении к зимнему востоку, а позади Гемодских гор они обращены также к [стране] серов, которые известны им еще и благодаря торговле; отец Рахии торговал там, и, когда он прибывал туда, серы сбегались к нему навстречу; сами же они (серы) превышают ростом [обычных] людей, имеют рыжие волосы, голубые глаза, язык с резкими звуками, а в торговле обходятся без слов; в остальном они (послы с Тапробаны) говорят то же, что и наши

торговцы: товары, положенные на другой стороне реки, рядом с тем, что выставили для продажи [туземцы], они забирают, если их удовлетворяет обмен...» (VI, 88).

Посольство прибыло в Рим в период правления Клавдия (41–54 гг. н. э.), хотя Р. Хенниг считает, что оно достигло Рима не ранее 54 г. н. э. [6, с. 352]. Дж. О. Томсон почему-то не доверяет сообщению Плиния о серах, торговавших с жителями Тапробаны [5: 427], но оснований для недоверия как будто нет. Напротив, эту информацию, полученную, видимо, непосредственно от послов царя Тапробаны, нужно отнести к числу наиболее свежих и достоверных материалов Плиния. Непонятно также, почему А. Геррман считает, что грубый голос, отсутствие речи, пригодной для торговли, и сама немая меновая торговля не могут быть присущи этим серам и что указанные детали взяты из другого источника, общего для Плиния и Мелы (т. е. «источника А»), имевшего в виду других серов [15: 31]. Меновую торговлю действительно приписывают серам и жители Тапробаны, и «источник А»; но Плиний специально замечает по этому поводу, что послы говорят «то же, что и наши торговцы» (eadem quae nostri negotiatores), и, кроме того, добавляет подробность, отсутствующую в «источнике А», упомянув о реке в качестве рубежа (VI, 88).

Несколько слов относительно названия «серы» в данном сообщении. Называли ли так сами жители Тапробаны тот народ, о котором рассказывали, или так назвали его уже в Риме? В. Тарн считает, что информант Плиния назвал этот народ серами потому, что он обитал там же, где жили серы Аполлодора, и, следовательно, серы Рахии и серы Аполлодора связаны друг с другом [31: 111]. Нам кажется, что все это крайне маловероятно. Аполлодор и Рахия получили свою информацию при совершенно различных обстоятельствах, и истоки их традиций совершенно различны. Название «серы» связано с континентальными трассами «шелкового пути». Скорее всего серы появились в рассказе Рахии лишь в переложении Плиния. Уже в описании местоположения Тапробаны заметно, что Плиний как бы сверяет свой рассказ с картой «источника А», т. е. с картой Агриппы, и подводит к мысли, что люди, с которыми имел дело отец Рахии, не могут быть никем иным, кроме серов; описанный же далее способ торговли, практиковавшийся этими людьми, делает для Плиния такое отождествление бесспорным.

3. Путешествие торговых агентов Мая Тициана в Серику

Некто Май, он же Тициан, македонянин и потомственный купец, посылал своих людей к серам. Хотя сам Май у серов не бывал, но, видимо, со слов своих агентов «записал измерения» пути, т. е. составил итинерарий. Обо всем этом Птолемей сообщает, ссылаясь на Марина (Geogr., I, 11, 6)[1]; очевидно, и с содержанием итинерария Мая Птолемей был знаком через посредство Марина.

[1] Текст первой книги «Географического руководства» Птолемея: Claudii Ptolemaei Geographia / Ed. C. Müllerus. P., 1883. Vol. 1, pars 1. Перевод на русский язык: Античная география. М., 1953. С. 286–318.

Путь, описанный Маем, начинаясь от римского пограничного города Гиераполис, находившегося у переправы через Евфрат, вел далеко на восток, через город Бактры и Каменную Башню вплоть до Серы, столицы серов. В качестве последнего участка этого пути выделено расстояние от Каменной Башни до Серы. Сведений, непосредственно к нему относящихся, Птолемей дает очень мало. Сообщается, что по этому участку пути следуют в течение семи месяцев; здесь бывают сильные бури, и потому путники должны задерживаться; климат здесь на всем протяжении пути одинаков; в остальном же люди, совершившие семимесячное путешествие, не нашли в нем ничего чудесного и достойного описания (Geogr., I, 11, 3–5, 7; 12, 2). Марин установил, что путь от Каменной Башни до Серы проходит по параллелям Геллеспонта (40°55') и Византия (43°5') (Geogr., I, 11, 5). Протяженность этого пути Марин исходя из семимесячного срока путешествия определил в 36 200 стадиев, но Птолемей нашел нужным сократить указанную цифру в два раза и определил расстояние от Каменной Башни до Серы в 18 100 стадиев, или $45^1/_4$ градуса (Geogr., I, 11, 3; 12, 1, 2).

Очень мало данных у Птолемея и относительно маршрута пути от Каменной Башни до Серы. Непосредственные указания сводятся к следующему. От Каменной Башни «на восток горы, расступаясь, примыкают к Имаю, поднимающемуся от Полимбофр на север» (Geogr., I, 12, 8). Там, где к горе Имаю примыкает гора Аскатанка, находится Горметерион, принадлежащий купцам, ведущим торговлю с Серой; он лежит под 140°/43°, на границе страны саков с Заимайской Скифией (Geogr., VI, 13, 1). Этим ограничиваются непосредственные указания, однако ясно, что большая часть карты Заимайской Скифии и Серики построена на путевых данных Мая Тициана. Возможно, что эти данные относились к описанию пути от Каменной Башни до Серы, представленному на участке от Горметериона до Серы как две ветви — северная и южная. По реконструкции А. Германа, маршрут пути от Каменной Башни до Серы выглядел у Марина так [15, с. 116–121]:

Северная ветвь: Каменная Башня—Горметерион—Авзакия—Исседон Скифский—Дамна—Пиада—Асмирея—Фроана—Дросаха—Фогара—Сера-столица.

Южная ветвь: Горметерион—Соита—Хаурана—Исседон Серский и Аспакара к югу от него—Даксата—Сера-столица.

Определяя место различных пунктов на градусной сетке Серики и Заимайской Скифии, Марин и Птолемей вряд ли располагали какими-либо иными данными, кроме указаний на протяженность и направление пути. Эти данные они и переводили в градусы и часы. В большинстве случаев, к сожалению, только эти последние определения, в градусах и часах, и дошли до нас. Делая обратный перевод, необходимо учитывать следующее.

1. Широты от 14 часов 30 минут до 16 часов определялись Птолемеем в градусах так: параллель Родоса, 14 часов 30 минут = 36°; параллель Смирны, 14 часов 45 минут = 38°35'; параллель Геллеспонта, 15 часов = 40°55'; параллель Византия, 15 часов 15 минут = 43°5'; параллель середины Понта, 15 часов 30 минут = 45°; параллель устья Борисфена, 16 часов = 48°30'.

2. Отсчет долготы Птолемей вел от Счастливых островов на восток. Долгота самой Александрии определена им в 60°30'. Каждый час равен 15°.

3. Протяженность одного градуса по меридиану и по экватору у Марина и Птолемея определена в 500 стадиев, а по параллели Родоса — в 400 стадиев. Исходя из последнего определения они и переводили данные итинерария Мая Тициана в градусы.

4. Один день пути в итинерарии Мая Тициана Марин приравнивал, видимо, к 170 стадиям [15: с. 107].

Время путешествия торговых агентов Мая определялось исследователями по-разному. В. Томашек датировал его 50–70 гг. I в. н. э. [33: 22], И. Маркварт — 96–98 гг. н. э. [24: 59, прим. 1], А. Герман — около 97 г. н. э., перед 100 г. н. э. [15: 91, 93]. Р. Хенниг почему-то считает, что путешествие совершил сам Май «между 98 и 107 гг., а еще вернее — между 100 и 105 гг. н. э.», воспользовавшись тем, что караваны в это время курсировали беспрепятственно, «чтобы как можно больше узнать о загадочной стране — родине шелка»; он посетил «серов», занимавшихся, по мнению Р. Хеннига, посреднической торговлей, и расспрашивал их о дорогах; в то же время сам Май дошел только до Каменной Башни [6: 401–403]. Как совместить последние два утверждения — непонятно; согласно Птолемею, который основывался здесь на данных Мая, Каменную Башню отделяла от Серов Заимайская Скифия. Название «серы» у Птолемея никаких следов собирательного значения в том смысле, какой приписывает ему Р. Хенниг, не обнаруживает. Но к какому бы времени ни относить путешествие людей Мая, ясно, что торговый караванный путь, по которому они следовали, функционировал уже давно, хотя и с перерывами, — начинать ли его существование со 119 г. до н. э. [20: 169, 172], 114 г. до н. э. [15: 27] или 106 г. до н. э. [7:347].

Для установления источников, которыми пользовался Май Тициан при составлении своего итинерария, важна попытка А. Геррмана конкретнее определить тот исходный материал, на базе которого построен итинерарий. Исследователь приходит к выводу, что в описании восточной части пути, т. е. участка от Каменной Башни до Серы, Май использовал не только сообщения своих помощников, посылавшихся им в Серу, но и некий китайско-иранский путеводитель. Последний явился переводом того же документа, который лег в основу описания Западного края в Цяньханьшу, глава 96. Указанный путеводитель был лишь дополнен сведениями агентов Мая при описании отрезков пути, выходивших за рамки путеводителя. При этом сами торговые помощники Мая должны быть иранцами, так как иначе им вряд ли был бы доступен участок пути от Евфрата до Бактрии, контролировавшийся парфянами, и свой отчет они составили на иранском языке [15: 91, 126, 127]. Х. В. Хауссиг также считает, что Май пользовался местными итинерариями при описании восточной части пути. Он выделяет согдийский и индийский источники Мая [13: 187, 188]. Однако выводы Х. В. Хауссига обоснованы значительно слабее.

4. Пути из Серики в Бактрию и Индию

Приблизительно в то время, когда Май Тициан писал свой итинерарий, другой купец, живший в Египте около 90 г. н. э., составил «Перипл Эрифрейского моря», который дошел до нас под именем Арриана.

О крайнем северо-востоке известной ему ойкумены он сообщает следующее[1]: «(64) За этой страной (островом Хриса), уже совсем на севере, где крайнее море соприкасается с неким местом страны серов, у них внутри страны находится очень большой город, называемый Фины. Из него через Бактры доставляются сухим путем в Баригазы, а также через Ганг в Лимирику серская шерсть, пряжа и полотно[2]. Проникнуть в эту область (в Фины) нелегко: из нее изредка приходят отдельные [купцы]. Это место лежит под самой Малой Медведицей, и говорят, что оно граничит с самыми отдаленными частями Понта и Каспийского моря, рядом с которыми лежит Меотийское озеро, которое вместе с Каспийским морем впадает в Океан. (65) Каждый год на границу страны Фин приходит племя, люди которого очень малы ростом, очень широколицы и совершенно курносы[3]; говорят, что их называют сесатами и что они очень похожи [по образу жизни] на диких. Они являются с женами и детьми, таща на спине большие тяжести и плетеные корзины цвета свежих виноградных лоз; некоторое время они остаются на границе между их страной и Финами, в течение нескольких дней справляют праздники: они подстилают себе эти плетеные корзины; затем они уходят дальше, в глубь своей страны. Местные жители, заметив это, приходят тогда же на эти места, собирают их подстилки и вытаскивают оттуда тростники, так называемые петры. Затем они накладывают листья плотно один на другой и, сделав из них шарики, прошивают их волокнами из тростника. Получается три вида: из более крупного листа — так называемый крупнозернистый малабатр, из более мелкого — среднезернистый и из самого мелкого — мелкозернистый. Отсюда эти три сорта малабатра постоянно доставляются в Индию теми, кто его [так] приготовляет. (66) Местности, находящиеся за этими, или малодоступны из-за очень сильных снежных бурь и морозов, или не исследованы по высшему соизволению богов».

Своеобразные географические представления автора «Перипла Эрифрейского моря» являются, конечно, результатом сочетания старых географических воззрений с новыми данными [2: 117]. Было высказано и предположение, что его география северо-востока ойкумены воспроизводит какую-то карту [15: 54]. По-видимому, автор перипла или его источник имел в своем распоряжении устаревшую карту, отражавшую уровень познания ойкумены, свойственный

---

[1] Перевод перипла на русский язык см.: ВДИ. 1940. № 2. С. 264–281. Мы воспроизводим этот перевод с некоторыми изменениями.

[2] В тексте: ὀθόνιον τὸ Σηρικόν. В указанном переводе на русский язык (с. 281): «хлопок». У А. Германа: «serisches Leinentuch (Fertigseide)» [15: 26, 37].

[3] В тексте: ἐν μοι εἰς τέλος… В указанном переводе на русский язык (с. 281): «племя, люди которого очень малы ростом, очень плосколицы (с кожей белого цвета), но по разуму замечательные». У А. Германа, который принимает чтение σιμοὶ: «…ein Volk, körperlich sehr kleine und sehr breitgesichtige, ganz und gar stumpfnasige Menschen» [15: 37, 38].

примерно эпохе Эратосфена, когда на северо-востоке известной суши, омывавшейся, как считалось, Океаном, далее Каспийского моря практически ничего не знали, и попытался поместить на ней страну серов и город Фины исходя из путевых данных об их удаленности.

К несколько более позднему времени относятся известия, в которых, видимо, вновь сообщается о путях к серам, знакомых еще автору «Перипла Эрифрейского моря». Птолемей, внося поправки в некоторые утверждения Марина, ссылается на рассказы своих современников νῦν ἱστορουμένοι); это показания людей, много плававших вдоль берегов Аравии и Индии и хорошо знавших земли вплоть до Золотого Херсонеса и Каттигар (Geogr., I, 17, 1–4). «Они говорят, — пишет Птолемей, — что выше синов находятся страна и столица серов, а к востоку (sic!) от них есть неизвестная земля, где имеются болотистые озера, в которых растет высокий тростник, настолько густой, что по нему переправляются [через озера]; и что оттуда дорога ведет не только на Бактриану через Каменную Башню, но и на Индию через Палимбофры» (Geogr., I, 17, 4). Вполне возможно, что для создания карты Серики и Заимайской Скифии Птолемей в какой-то мере использовал и данные этих своих современников. А. Геррман считает, например, что данные Птолемея о баутах (баитах), Палиане, Оросане, Солане и реке Баутис являются добавлением к данным Марина [15: 59, 60].

5. О переносе античных данных, касающихся северо-восточной окраины ойкумены, на современную карту

Истолкованием отдельных античных данных о северо-востоке ойкумены занимались многие исследователи, но мы ограничимся обзором лишь основных работ, специально посвященных названной проблеме. В. Г. Григорьев в своих дополнениях к переводу «Землеведения» К. Риттера посвятил специальный раздел античным сведениям о Восточном Туркестане [4: 57–78]. И следует сказать, работа В. В. Григорьева не устарела до сих пор. Любопытно, например, что в этой работе, написанной задолго до открытия знаменитых восточнотуркестанских рукописей, локализация города Фроаны дана лишь с небольшой ошибкой: в Сучжоу вместо Дуньхуана [4: 67, 68; ср. 9: 252]. Труд В. Томашека [33] насыщен фактами и ценными наблюдениями по частным вопросам, но в целом его концепция, ведущая уже Аристея в Восточный Туркестан, — неприемлема.

Из более поздних работ наибольшее значение имеет исследование А. Геррмана [15]; хотя в нем содержится много спорных положений, тем не менее это наиболее фундаментальное исследование по данной проблеме. Много внимания уделено этой проблеме и в работе А. Бертело [9]. Однако установка автора, согласно которой данные Птолемея являются результатом чуть ли не настоящей топографической съемки (автор уверен, что в александрийском Музее, как и в Институте Петерманна в Готе или Географической службе Французской армии, накопился ко времени Птолемея огромный материал, нужный для определения долготы и широты упомянутых Птолемеем пунктов [9: 117]), не могла не при-

вести к существенным ошибкам. Автор стремится во что бы то ни стало оправдать указания Птолемея и прямо перенести их на современную карту, совсем не учитывая влияния традиции, которая, несомненно, также преломилась в труде Птолемея, еще более исказив его и без того неточные данные. Х. В. Хауссиг [13], вырывая отдельные данные Птолемея из контекста, пытается расшифровать их, прибегая главным образом к фонетическим сопоставлениям. Но сопоставления эти настолько поверхностны, а выводы, основанные на них, настолько далеко идущи, что поверить им очень трудно. Работа Х. Хумбаха [16] во многом удачнее, а карта Птолемея получила у него более трезвую и правильную оценку.

Библиография

1. *Бартольд В. В.* Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток // Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2.
2. *Диттмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973.
3. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
4. *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Дополнения [В. В. Григорьева]. Отдел 1-й. Историко-географический. СПб., 1873. Вып. 2.
5. *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953.
6. *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. 1.
7. *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Halle, 1947. Bd 1.
8. *Altheim F., Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Aitertum. B., 1970.
9. *Berthelot A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.
10. *Boll F.* Studien über Claudius Ptolemäus. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astrologie. Lpz., 1894.
11. *Dahlmann H., Speyer W.* Varronische Studien, II // Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Kl. Jahrgang 1959, № 11.
12. *Gisinger F.* Pomponius Mela. — RE. HlBd 42. 1952.
13. *Haussig H. W.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios // ZDMG. 1959, Bd 109 (34), H. 1.
14. *Herrmann A.* Issedoi. // RE. HlBd 18, 1916.
15. *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz., 1938.
16. *Humbach H.* Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 19 Jargang. Mainz, 1972.
17. *Junge J.* Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz., 1939.
18. Knaack. Dionysios // RE. Bd 5, 1905.
19. *Kroll W.* Plinius (N. H.) // RE. HlBd 41, 1951.
20. *Loewe M.* Spices and Silk: Aspects of World Trade in the First Seven Centuries of the Christian Era // JRAS. 1971, № 2.
21. *Laffranque M.* Poseidonios d'Apamée. P., 1964.
22. *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.
23. *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2. Lpz., 1905.
24. *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.

25. *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 1946, 15, fasc. 1–3.
26. *Müllerus C.* Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1848. Vol. 2.
27. *Müllerus C.* Geographi Graeci minores. Vol. 2. P., 1861.
28. *Narain N. K.* The Indo-Greeks. Ox., 1957.
29. *Sallmann K. G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. B.; N. Y., 1971.
30. *Schnabel P.* Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparchos und Ptolemaios // Philologus. 1935, Bd 90.
31. *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambridge, 1951.
32. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Persien. 1. Die Strassenzüge der Tabula Peutingerana // SKAW. Philos.-hist. Cl., 1883. Bd 102.
33. *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. 2. Ueber das Arimaspische Gedicht des Aristeas // SKAW. Philos.-hist. Cl., 1888, Bd 116.
34. *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918.

6. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

Далекое прошлое Средней Азии — с того момента, когда оно начинает освещаться письменной историей,— связано преимущественно с ираноязычными народами. Тюркский этнический элемент, преобладающий ныне в Средней Азии, тоже имеет долгую историю, но ранние этапы его этногенеза, как это общепризнано, протекали вне Средней Азии. Алтайские племена впервые явственно появляются в Средней Азии в лице хуннов, хотя не исключено их появление и в более ранние времена. Бесспорно, что население древней Средней Азии в основном было ираноязычным. Народом же, который вобрал в себя все более ранние ираноязычные пласты, являются таджики. Поэтому процесс сложения таджикского народа можно в известной мере отождествить с общим ходом этнической истории древней Средней Азии.

Попробуем проследить основные вехи указанного процесса. Пойдем ретроспективным путем, т. е. от позднего к раннему, в направлении, обратном ходу времени, как бы спускаясь по ступеням истории все глубже и глубже в толщу времен. Путеводной нитью нам будет служить язык. Конечно, язык — не единственный и, может быть, даже не самый важный из признаков, характеризующих этническую общность, но он наиболее удобен для историка в силу расплывчатости и неопределенности большинства других признаков.

Таджикский язык в современных научных классификациях относят к юго-западной группе иранских языков[1]. Древнейшие памятники на языке данной группы были созданы персами во времена Ахеменидов еще в VI–IV вв. до н. э. Уже в языке этих памятников прослеживаются некоторые характерные «юго-западные» черты, свойственные и более поздним языкам этой же группы, в том числе таджикскому. Поэтому историю таджикского языка можно начинать с таких знаменитых памятников, как Бехистунская надпись.

---

*Впервые опубликовано: Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. М.: Наука. 1995. № 6. С. 27–46.

[1] Здесь и далее, касаясь проблем, относящихся к начальному этапу собственно таджикского этногенеза и распространения таджикского языка, я излагаю общепризнанные факты, необходимые для лучшего понимания последующего изложения, относящегося уже к предыстории таджикского народа. Об указанном этапе много и неоднократно писали. См., например, соответствующие разделы в книгах: История таджикского народа. М., 1964. Т. 2. Кн. 1; *Гафуров Б. Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1; *Негматов Н.* Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. Гиссар, 1992; Проблемы истории и культуры таджикского народа. Душанбе, 1992; *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München, 1983; The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983, 1985. Vols. 2, 3.

Но коренным местом обитания древних персов был юго-запад Иранского нагорья, где находилась страна Парса (по-гречески — Персида, позднее — Фарс). Лишь много позднее, в период Сасанидов, в III–VII вв., персидский язык стал проникать на север и восток, первоначально — в города. Этому способствовали и политическая экспансия Сасанидов, и торговые связи, и распространение религий — ортодоксального зороастризма и манихейства. Считается, что в V–VI вв. персидский вытеснил местные наречия в городских центрах Западного Хорасана; видимо, в это же время персидский распространялся и в городах Восточного Хорасана, особенно в Балхе, т. е. в центре территории формирования таджикского этноса. Сходные процессы шли и на юге, в Сеистане, где связи с Сасанидами были еще более тесными.

Особенно интенсивно персидский язык стал распространяться на востоке после арабского завоевания и утверждения ислама, в VII–VIII вв. Это обстоятельство отмечается всеми исследователями. Однако в вопросе о том, как происходило распространение языка, остается много неясного. Некоторые ученые, в том числе Б. Г. Гафуров, большое значение в этом процессе придают персоязычным подданным арабов, так называемым *мавали*[1]. Во всяком случае, в VIII в. в Балхе говорили на персидском, и это обстоятельство дало возможность Табари привести первый образец речи на фарси того времени, обычно цитируемый во всех очерках истории таджикского языка. Другие авторы того же времени и последующих веков говорят даже об особом «языке Балха», подразумевая, видимо, местный диалект *фарси* (*дари*). Тогда же и позднее персидский язык распространялся в Мавераннахре. В дальнейшем на этой основе сформировался в IX–X вв. общий для всех таджиков язык.

Конечно, было бы большим упрощением просто сказать, что таджикский язык (фарси) пришел из Фарса: ведь фарси на территории Хорасана интенсивно обогащался заимствованиями из вытесняемых им местных, более древних, языков. Там же, в Хорасане, стал складываться литературный фарси (дари)[2]. Но остается фактом, что в древности на территории, где позднее формировался таджикский народ, персидский язык не был языком местного населения, что истоки истории этого языка берут начало за пределами указанной территории[3]. Значит ли это,

[1] *Гафуров Б. Г.* Указ. соч. С. 373; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 342.

[2] Это последнее обстоятельство часто служит причиной путаницы, когда смешивают два процесса: сложение литературного фарси и происхождение персидского языка. Позволю себе по этому поводу процитировать адресованное мне письмо такого признанного знатока истории иранских языков, как В. А. Лившиц (от 17.12.1988): «Совершенно беспочвенны, конечно, высказывания некоторых таджикских (и афганских) авторов о возникновении (сложении) персидского на базе согдийского или бактрийского (тохарского) — здесь путается сложение *литературного* языка при Саманидах (язык «дари») на базе персидских диалектов Хорасана, Балха, Самарканда и Бухары (к X в. такие диалекты уже были) с распространением персидского языка (в живой разговорной его форме) в VII–IX вв.; Из *восточноиранских* согдийского и бактрийского (и ферганского тоже) *западноиранский* персидский никак получиться не может…»

[3] Когда-то А. Ю. Якубовский задавался вопросом: поскольку неизвестно, на каком языке говорили бактрийцы, то «не является ли таджикский язык языком бактрийцев» и не сложился ли именно в Бактрии язык дари, «из которого и развился богатый таджикский язык»? В качестве аргумента он выдвигал то соображение, что Рудаки, Дакики и другие великие поэты не могли бы «выступить с таким совершенным

что и сами таджики пришли откуда-то со стороны? Конечно, нет! Язык — лишь один из элементов этноса, и руководствоваться в поисках предков только языковым признаком, разумеется, нельзя. Где же, в каком древнем народе искать непосредственных предков таджиков на территории их формирования?

На основной части территории формирования таджикского народа в период, непосредственно предшествующий собственной таджикской истории, а частично и совпадающий с ее началом, известны иранские языки, родственные таджикскому, но представляющие другую линию развития, так что ни из них фарси не мог возникнуть, ни они сами не могли произойти из персидского. Это — иранские языки восточной группы. Одним из таких восточноиранских языков является язык древнего народа *согдийцев,* когда-то широко распространенный в Согде, т. е. в долине Зеравшана и Кашкадарьи. В течение веков он постепенно вытеснялся таджикским и к нашим дням сохранился лишь в Ягнобе. Другой восточноиранский язык был распространен к югу от согдийского. Отличительной его чертой является то, что памятники его выполнены письмом греческого происхождения[1]. Некоторыми своими чертами он особенно напоминает современный *мунджанский* и афганский (*пашто*). Основной его территорией был Тохаристан, т. е. область верхнего течения Амударьи и ее притоков, к югу и к северу от реки; известно, что на этом языке говорили в Чаганиане. Правда, отдельные надписи на том же языке находят и за пределами Тохаристана, например в районе Газни, в районе Кандагара и т. д. Датируются памятники этого языка II–IX вв.

Установлено, что китайские и арабоязычные авторы первых веков ислама именно этот язык называли *тохарским.* Исторически такое название вполне оправданно, так как самые ранние памятники этого языка появляются именно при первых царях *тохаров* (народа, который китайцы называли *юэчжи*) из династии Кушанов — Вима Кадфизе и Канишке (I–II вв.). Применение этого названия в науке, однако, затруднено тем обстоятельством, что оно уже закрепилось совсем за другим языком, некогда бытовавшим в Восточном Туркестане. Позднее, с IV в., современники применяли то же название и к языку *эфталитов,* которые в массе своей были одноязычны с тохарами.

Впоследствии этот язык дольше всего сохранялся в географически обособленных местностях. Так, в Хуттале, где эфталиты долго удерживали свою самобытность и где был в употреблении тохарский язык (не путать с «тохарским» языком Восточного Туркестана!), скорее всего, именно этот язык и греческую письменность использовали для создания книг еще «в начале ислама». Один

языком, не имея долгой местной языковой традиции» (Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 9). Этот аргумент часто используется и ныне, хотя за время, прошедшее с тех пор, когда А. Ю. Якубовский писал цитированные строки, были совершены открытия, ясно показавшие, что в Бактрии говорили на языке, который не мог быть прямым предком фарси (дари). Относительно же Рудаки В. А. Лившиц в уже цитированном письме пишет: «Прадед Рудаки, вероятно, еще не знал персидского. В селении, где родился Рудаки… могли еще говорить по-согдийски и в IX, и даже в X в., но часть населения могла быть уже двуязычной».

[1] Здесь и далее речь идет о языке и памятниках, которые в научной литературе обычно носят название бактрийских. См.: *Стеблин-Каменский И. М.* Бактрийский язык // Основы иранского языкознания: среднеиранские языки. М., 1981.

из диалектов тохарского долго сохранялся в Бадахшане (я имею в виду область Верхней Кокчи и ее притоков), в одной из долин которого, в Мунджане, он дожил до наших дней. Другой диалект долгое время жил в Вазиристане, в верховьях Куррама и Гумаля, откуда идут первые известия об афганцах. Видимо, не случайно, что одна из самых поздних надписей тохарским письмом (IX в.) обнаружена в долине Точи в Вазиристане: она не древнее самых ранних упоминаний об афганцах — упоминаний, относящихся примерно к этим же местам. Данное обстоятельство подтверждает предположение об особой роли эфталитов в этногенезе паштунов.

Если учесть все, что известно о среднеазиатских тохарах и их языке, то можно прийти к выводу, что вряд ли они годятся на роль основных предков таджикского народа. Разумеется, речь идет о собственно тохарах и эфталитах — кочевниках, основавших огромные империи, в состав которых входило и земледельческое население оазисов, с течением времени также ставшее называться тохарами и эфталитами. Кочевые скифские племена тохаров и гуннские племена эфталитов, пришедшие из степных просторов Центральной Азии, в местах своего последующего расселения в Средней Азии и Восточном Иране или образовывали военную и правящую элиту коренного земледельческого населения, или продолжали жить — там, где позволяли природные условия,— прежним кочевым бытом. Только они и могли принести с собой восточноиранский (т. е. скифский) язык тохарских надписей. Позднее в таких же условиях оказывались приходившие в эти места кочевые тюркские племена, игравшие решающую роль в распространении тюркских языков. В тохарах и эфталитах, очевидно, следует видеть прямых предков паштунов и родственных им этнических образований.

Тохары не были ни единственными, ни первыми восточноиранскими пришельцами на территории формирования таджикского народа. Задолго до прихода тохаров вокруг земледельческих оазисов и в восточной, горной, части Средней Азии обитали различные племена кочевого народа *саков.* Среднеазиатские саки не оставили после себя письменных памятников, но, судя по сохранившимся именам и древним названиям мест, в которых они некогда обитали[1], этот народ относился к числу восточноиранских. Потомки саков, как и согдийцев, постепенно, в течение веков, переходили на таджикский язык и лишь на Памире — в Шугнане и Рушане, Вахане, Сарыколе и ряде других мест — сохранили свою древнюю речь. Еще в прошлом веке на таком же древнем, восточноиранском наречии говорили в Ванджe, а еще раньше — и в Дарвазе.

Часть сакских племен под давлением тохаров (юэчжи) ушла во II–I вв. до н. э. из степей и гор Центральной Азии в Северо-Западную Индию и оттуда стала заселять южную часть интересующей нас территории, которая стала называться Сакастаном, а позднее — Сеистаном. И язык их, судя по его скудным остаткам, обладал теми же чертами, которые объединяли язык тохарских надписей с пашто и мунджанским[2].

[1] Об этих древних топонимах см.: *Додыхудоев Р. Х.* Памирская микротопонимия. Душанбе, 1975. С. 21, 88.

[2] Имеются в виду именно индийско-сеистанские саки, а не хотанские.

Почва, в которой нужно искать корни таджикского этногенеза, была иной, не скифской. Таковой являлась, несомненно, этническая среда древнего населения земледельческих оазисов. Эта среда характеризовалась вполне выраженным этническим единством на протяжении почти всего I тыс. до н. э., по крайней мере до массовых вторжений тохаров, саков и других кочевых скифских племен в последних веках этого тысячелетия[1]. Единство это отражается в общих названиях, которые даются в источниках того времени странам древней земледельческой культуры на будущей таджикской территории: «Ариана» (причем подчеркивается, что название это объединяет причисляемые к ней страны именно в силу их племенного единства), «страны арьев», «обиталище арьев», «страны, созданные Ахурамаздой»[2]. Сведения об этих странах можно найти и в античных (греческих и латинских) источниках, и в Авесте — священной книге зороастрийцев, отчего их население ученые условно называют еще и *авестийскими арьями.* То же единство отражено в общности материальной культуры на соответствующей территории в комплексах типа Яз (всех трех его стадий, генетически связанных между собой), объединенных исследователями в ряд археологических культур, более древние из которых именуются культурой (или культурами) *поздней расписной керамики,* а поздние — культурой *баночной*, или *цилиндроконической*, *керамики*[3].

Народ Арианы обладал целым рядом специфических черт духовной культуры, объединявших его в нечто целое и отличавших его от соседей. У него был свой вариант общеиндоиранской этногенетической легенды, что очень важно, так как представления народа о своем происхождении являются существенным элементом этнического самосознания. У него были культы своих божеств и своя религиозная обрядность, которые, по крайней мере сначала, отличали его от соседей. Очень специфичными являются такие черты его культуры, имеющие большое этноразличительное значение, как погребальные и брачные обычаи. Отличался он от соседей и своим антропологическим обликом. Своеобразными были его хозяйственный комплекс и общественный уклад. Словом, населению Арианы были присущи все признаки, необходимые для того, чтобы считать его отдельным народом.

---

[1] Попытка дать сводную этническую характеристику этой общности была предпринята мной в работе: *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2. Чтобы подчеркнуть отличие этой общности как от западноиранской, так и от восточноиранской и промежуточное ее положение между ними, я называю ее центральноиранской. Это название мне кажется предпочтительнее, чем совершенно условное — «авестийский народ». Описания культуры «авестийского народа» предпринимались уже давно (работы В. Гейгера, Х. С. Нюберга, Э. Херцфельда и др.); см. одну из последних таких работ: The Cambridge History of Iran. 1985. Vol. 2. P. 640–663.

[2] Рассказ о создании Ахурамаздой разных стран, содержащийся в Авесте (в 1-м фаргарде Вендидада), неоднократно был предметом специальных исследований. Сообщения античных авторов об Ариане см.: *Пьянков И. В.* Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. 1995. № 1.

[3] Общий обзор этих культур см.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985; *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977; *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.

Народ Арианы создал в глубокой древности могущественные государства[1]. Таким было сначала царство древних *кави* Усадана и Хусравы с центром в низовьях реки Хильменд и в районе озера Хамун (IX–VIII вв. до н. э.), а затем царство кави Виштаспы и его преемников с центром в оазисе Балха (VII–VI вв. до н. э.). Здесь нужно искать и родину, и место признания пророка Заратуштры (Зороастра). В поисках родины зороастризма за последние десятилетия было выдвинуто немало различных гипотез, порой совершенно фантастических. Но самым правильным, мне кажется, было бы просто, не мудрствуя лукаво, следовать наиболее древней и достоверной традиции, согласно которой признание пророка имело место при дворе кави Виштаспы в Балхе в VII в. до н. э., тем *более* что для принятия данных этой традиции нет никаких препятствий. Что же касается другой традиции, переносящей все события, связанные с жизнью пророка, в Атурпатакан (Иранский Азербайджан), то ее искусственность и позднее происхождение, связанное с зороастрийскими храмовыми центрами Атурпатакана позднесасанидского времени, очевидны. Интересно, что и упоминаемые в некоторых источниках места странствий Заратуштры примерно совпадают с территорией Арианы[2].

Ариана представляла собой совокупность целого ряда стран, каждая из которых являлась большим земледельческим оазисом. Состав списков этих стран в целом в различных источниках совпадает. Страны эти таковы (сначала мы приводим их древнегреческие названия, под которыми они обычно упоминаются в научных работах, затем древнеиранские): Бактриана/Бахтри (область Балха, в широком смысле — территория, которая позднее именовалась Тохаристаном); Согдиана/Сугда (долина Зеравшана, иногда — также и Кашкадарьи, порой — еще более обширная территория); Маргиана/Маргуш (область Мерва); Арея/Харайва (область Герата и бассейн Герируда-Теджена); Дрангиана/Зранка, или Хайтумант (область Зеренджа в низовьях Хильменда у озера Хамун): Арахосия/Харахвати (область Кандагара, к ней же тяготели области Газни и Буста); Паропамис/Параупарисайна (Загиндукушье, область Кабула).

Особое место в пределах этой обширной территории занимала страна Арьяна-Вайджа на реке Вахви-Датья, считавшаяся древнейшим местом обитания арьев и деятельности Заратуштры. Если точно следовать указаниям источников, то эту страну нужно поместить в бассейн верхнего течения Амударьи, примерно в те же места, которые позднее назывались Бактрией в широком смысле, а еще позднее — Тохаристаном[3]. Однако часто встречается утверждение, будто

---

[1] Обзор политической истории авестийских арьев доахеменидской эпохи написан мною для второго издания «Истории таджикского народа». [*Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. С. 238–249, 625–635.]

[2] Данные источников о странствиях Зороастра см., например: *Jackson A. V. W.* Zoroaster. The Prophet of Ancient Iran. L., 1899. P. 36–55.

[3] О стране Арьяна-Вайджа написано очень много, и данные о ней толковались по-разному. Одна из последних работ на эту тему: *Negmatov N. N.* Géographie historique de l'Asie centrale à l'époque pré-achéménide // L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'âge du fer. P., 1988. Изложенное в настоящей работе толкование предложено мною в работе: *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 203.

Арьяна-Вайджа — не что иное, как Хорезм. Отождествление это основано на домыслах, но все еще повторяется из работы в работу[1]. Можно отметить также, что население расположенных к югу от Гиндукуша территорий, особенно какая-то часть жителей Арахосии, по ряду этнических признаков отличалось от населения областей к северу от хребта[2].

Территория эта не оставалась неизменной. Когда тому благоприятствовали условия, древние земледельцы Арианы колонизовали соседние области, пригодные для земледелия[3]. Кажется вероятным, что именно таким путем распространилась чустская культура в Фергане[4]. Если об обстоятельствах распространения этой культуры мы можем судить только по археологическим данным, то о появлении архаической культуры в Хорезме в результате земледельческой колонизации можно заключить и по археологическим, и по литературным источникам, в том числе по историческим преданиям самих хорезмийцев[5]. Колонизация шла и в южном направлении, о чем свидетельствуют археологические находки в Пираке (Белуджистан); похоже, что ко второй половине ахеменидского периода она достигла побережья Аравийского моря, о чем говорит появление там народа *оритов* — возможно, колонистов из Арахосии[6]. Мощный колонизационный поток шел и в восточном направлении, в соседнюю индийскую область Гандхара, в том числе и в заиндскую ее часть. Об этом говорят и археологические, и письменные источники, а отголоски соответствующих событий можно найти в эпической традиции — как иранской, так и индийской.

Вопрос о колонизации со стороны авестийских арьев подводит нас к проблеме *магов*[7]. О происхождении магов написано очень много. В источниках они обычно выступают как жрецы зороастрийской религии среди персов и мидян. Но в самых ранних источниках заметно также и отношение к ним как к особой этнической общности[8]. Именно в последнем качестве их характеризовали брачные и погребальные обычаи, благодаря которым они резко выделялись среди окружающего западноиранского населения. И эти же обычаи (которые, конечно, не были просто придуманы Зороастром) свойственны авестийским арьям. Может

---

[1] Критический разбор хорезмийской гипотезы см.: *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 84, 88 sq.

[2] См., например: *Шювен П.* Некоторые среднеазиатские аспекты в греческой поэзии императорской эпохи // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 174–175.

[3] О колонизации из области «бактрийской историко-культурной общности» (т. е. из центра культур круга Яз I–III) см., например: *Сагдуллаев А. С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987. С. 54, 88 и сл.

[4] О соотношении чустской культуры и культур поздней расписной керамики см., например: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962. С. 66, 67, 88, 89; *Сагдуллаев А. С.* О соотношении древнеземельческих комплексов Ферганы и Бактрии // Советская археология. 1985. № 4.

[5] О земледельческой колонизации Хорезма с юга в указанное время см.: *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 16 и сл.; *Он же.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 42; *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 49, 172.

[6] Об оритах см.: *Hamilton J. R.* Alexander among the Oreitae // Historia. 1972. XXI. В городе, основанном Александром в земле этого народа, были поселены арахосийцы (*Курций*, IX, 10, 7).

[7] Моя концепция истории магов изложена в работе: *Пьянков И. В.* К вопросу... С. 204–205.

[8] Об этом см., например: *Алиев И.* Очерк истории Атропатены. Баку, 1989. С. 16–18.

быть, западные иранцы первоначально называли «магами» колонистов из Арианы, обосновавшихся на первых порах в мидийской области Рага (Рей)[1] и близлежащих горных местностях? Именно в силу их этнической близости авестийским арьям они и восприняли учение Зороастра ранее других в Западном Иране.

Особая проблема — это проблема языка авестийских арьев. Казалось бы, вопрос ясен: их языком, прежде всего языком бактрийцев, среди которых, как уже указывалось, согласно древней традиции, и создавалось первоначальное ядро Авесты, должен быть авестийский язык. Действительно, в европейской науке еще в прошлом веке термины «древнебактрийский» и «авестийский» в применении к языку были синонимами. Под влиянием гиперкритического отношения к древней традиции о родине зороастризма от названия «древнебактрийский» со временем отошли, а с утверждением упомянутой выше хорезмийской гипотезы авестийский язык стали считать языком только древнего Хорезма, Мерва или Герата, хотя никаких оснований для такой его локализации, кроме самой хорезмийской гипотезы, не было и нет[2]. К этому добавилось определение языка кушанских надписей как бактрийского, предложенное В. Б. Хеннингом[3] и воспринятое затем под его влиянием почти всеми иранистами. Между тем никаких свидетельств о бытовании этого языка в Бактрии до прихода туда тохаров нет, не говоря уже вообще о малой вероятности того, что восточноиранский, т. е. скифский по происхождению, язык, используемый Кушанами в своих монументальных надписях, был языком местного, покоренного ими населения.

Гораздо более вероятным кажется, что язык Авесты относился к диалектам, распространенным по всей Ариане. Они занимали промежуточное положение между западно- и восточноиранскими языками, хотя в целом, видимо, были ближе к первым[4]. В источниках имеются прямые указания, относящиеся к до-

---

[1] О Раге как центре магов и одновременно центре распространения зороастризма в Западном Иране см.: *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 54, 376–377; *Boyce M. A.* History of Zoroastrianism. Vol. 2. Leiden—Köln, 1982. P. 8, 9.

[2] Современное состояние вопроса о локализации авестийского языка см., например, в работе: *Schmitt R.* Iranische Sprachen im vorislamischen Afghanistan // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1985–1988, T. 31, fasc. 1–2. P. 82.

[3] *Henning W. B.* The Bactrian Inscription // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Pt. 1, 1960. Vol. 23.Pt. 1. P. 47. В сущности, единственным аргументом в пользу такого определения явилось то, что этот язык занимает в Бактрии «естественное и законное место» между пашто и мунджанским, с одной стороны, согдийским, хорезмийским и парфянским — с другой. Но ведь сама эта языковая ситуация сложилась явно после большого передвижения скифских племен в последних веках до н. э.

[4] [Подробнее о языке народов Арианы, в том числе бактрийцев, см.: *Пьянков И. В.* К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения Кушанской державы // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999. С. 42–43. О языке народов Арианы докушанского времени мы можем судить лишь по ономастическому материалу. Но этот материал, поставляемый в том числе и недавно открытыми на территории Бактрии текстами, не содержит, насколько мне известно, никаких следов «бактрийского» кушанского языка, зато в ряде случаев обнаруживает явную связь с авестийским языком. Это относится и к недавней сенсационной находке: арамейским документам из Бактрии конца ахеменидской эпохи (*Shaked S.* Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Paris, 2004). В них приведены десятки имен местных жителей, которых издатель документов считает почему-то персами. Но часто встречающийся в этих именах компонент «Вахш» (божество Амударьи), характерный именно для бактрийских имен, свидетельствует, что среди названных в документе лиц несомненно были и бактрийцы

кушанской эпохе, на почти полную одноязычность всей Арианы, включая Бактрию и Согд, а также части Мидии и Персии[1]. Археология свидетельствует о культурном единстве всей Арианы, при котором тоже трудно допустить, что языки ее народов развивались в разных направлениях. Надо думать, что лишь после скифского нашествия последних веков до н. э. в отдельных, и прежде всего периферийных, областях Арианы — Согде, Хорезме и Дрангиане (Сакастане) — постепенно утвердились восточноиранские наречия, видимо, сохранившие некоторые «авестийские» черты в качестве субстрата[2].

Обычно считается, что авестийский язык не оставил после себя прямых потомков. Но на территории, где некогда жили авестийские арьи, доныне сохранились реликтовые языки *ормури* и *парачи*, занимающие такую же неопределенную позицию между западно- и восточноиранскими языками, как и авестийский. О происхождении их было высказано несколько предположений, из которых наиболее вероятным кажется следующее: эти два языка являются остатками обширной языковой общности, коренных представителей которой индийские источники докушанской эпохи называли *камбоджами*[3]. Территориально эта область совпадала как раз с южной, загиндукушской, частью земель авестийских арьев. Правда, специальных связей языков ормури и парачи с авестийским не усматривается[4], но нужно учитывать громадный временной промежуток между зафиксированным временем существования этих языков, а также весьма вероятную возможность того, что кроме известных нам авестийских диалектов существовали и другие, например дрангианский и арахосийский[5]; развитием последнего и могли быть упомянутые реликтовые языки Загиндукушья.

Именно в авестийских арьях, как кажется, и нужно видеть, при всех оговорках, ближайших предков таджикского народа. Детальный анализ обнаружил бы, конечно, и массу других нитей кроме территориального совпадения, связывающих два этих этноса. Отметим только одно обстоятельство, относящееся к области этнического самосознания: исторический эпос, запечатленный в великой поэме Фирдоуси, существовал в древнейших своих формах уже у авестийских арьев, в среде которых он и зародился[6].

(*Кошеленко Г. А.* Новые документы из Бактрии позднеахеменидского и раннеэллинистического времени // ВДИ, 2007, № 2. С. 216–220).]

[1] Об этом говорит Страбон (XV, 2, 8), а его сообщение через Эратосфена или какого-то другого автора восходит к историкам Александра.

[2] Эти черты и послужили основанием для специального сближения некоторыми лингвистами хорезмийского или согдийского языка с авестийским. Одна из последних работ на эту тему: *Mae Kenzie D. N.* Khwarezmian and Avestan // East and West. 1988. Vol. 38. N. 1–4.

[3] *Fussman G.* Documents épigraphiques Kouchans // Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. 1974. T. LXI. P. 32–34; *Kieffer Ch. M.* Afghanistan. V. Languages // Encyclopaedia Iranica (далее — EIr). 1983. Vol. 1, fasc. 5. P. 512.

[4] Хотя лексических соответствий у них вполне достаточно. См.: *Ефимов В. А.* Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.

[5] См.: *Hoffmann K.* Das Avesta in der Persis // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Isiamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 92, 93.

[6] [Об эпосе авестийских арьев см.: *Пьянков И. В.* Древнейшие эпические циклы Шахнаме // Известия АН Республики Таджикистан. Сер. ВИФ. Душанбе, 1994. № 2. С. 8–22; *Pyankov I. V.* On the Problem of

На протяжении всего своего существования народы Арианы вступали в тесные контакты с другими народами. Эти контакты усиливались, когда народы Арианы вовлекались в мировые политические системы — сначала в Ахеменидскую державу, затем в державу Александра Македонского, государство Селевкидов и Греко-Бактрийское царство. На территории Арианы появлялись и западные иранцы — персы и мидяне, и восточные — скифские народы, а также индийцы и греки. В свою очередь, представители народов Арианы в качестве воинов персидской, македонской и эллинистических армий, военных колонистов и т. д. побывали и даже селились в Передней и Малой Азии, Египте, Греции, Индии.

Особенно тесными были связи народов Арианы с восточными греками, закончившиеся своего рода симбиозом их этносов, по крайней мере частичным. Как ни странно на первый взгляд, влияние эллинской культуры на местную и взаимопроникновение этих культур здесь оказалось более глубоким и прочным, чем в Западном Иране, ближе расположенном к Греции. Возможно, это объясняется тем, что Ариана не только вошла в состав эллинистического мира, но и на ее территории, в Бактрии, находился центр одного из могущественнейших эллинистических государств — Греко-Бактрийского царства[1].

Первые греческие поселения — правда, незначительные — появились в Бактрии и Согде еще в Ахеменидскую эпоху (VI–IV вв. до н. э.): древние персидские цари имели обыкновение переселять своих подданных, в чем-то провинившихся или, наоборот, искавших у них защиту, из одного конца своей державы в другой. Массовый наплыв греческого и вообще европейского населения в Ариану начался с походов Александра (в Ариане — с 330 по 327 г. до н. э.). Пришедшие с ним воины оставались в местных центрах в качестве гарнизонов, заселяли основываемые города и военные поселения. Новые города, обретавшие статус классического греческого полиса, продолжали основываться и при Селевкидах (конец IV–III вв. до н. э.), и в Греко-Бактрийском царстве (III–II вв. до н. э.). Некоторое представление о количестве новоприбывшего населения могут дать следующие цифры. Александр, направляясь в Индию, оставил в одной только Бактрии 13 тыс. воинов, а восставшие после смерти Александра греческие колонисты «верхних сатрапий», т. е. в основном Арианы, смогли выставить 23 тыс. воинов. Греки продолжали прибывать сюда из метрополии и позднее, причем это были не только воины-наемники.

Естественно, что все это не могло не отразиться и на состоянии материальной культуры. Новые города основывались в соответствии с принципами греческого градостроительства, многие старые перестраивались, новые черты приобретала фортификация, изменилась и развивалась ремесленная техника, явно греческие черты приобретало даже такое массовое производство, как гончарное, развива-

---

the Origin of the Ancient Epic Cycles in the Shahname // Firdowsi's Shahname: 1000 Years After. Dushanbe, 1994. P. 163–168.

[1] Об эллинизме в Бактрии и соседних странах см.: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991; *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989; *Уилер М.* Пламя над Персеполем. М., 1972; *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum. P., 1985.

лась техника ирригации и т. д. Синтез греческого и местного искусства привел к формированию нового стиля — греко-бактрийского. Широкое распространение получил греческий язык: бактриец сопровождает свой дар местному божеству Амударьи посвящением на греческом языке, а само божество изображено им в соответствии с греческими представлениями; индийский царь Ашока (III в. до н. э.), обращаясь с указом к населению Арахосии, пишет его на греческом языке. Греческий язык сохранялся в быту даже местного, не греческого населения и после падения Греко-Бактрийского царства: так, один местный житель древнего селения в долине Явана (I в. до н. э.) надписывает принадлежащий ему сосуд по-гречески.

Как протекал процесс эллинизации на территории Арианы, какова была позиция местного населения по отношению к эллинской культуре? Об успехе процесса в целом свидетельствуют сами его масштабы, но по вопросу о том, встречала ли эллинизация также и негативное отношение в местной среде, существуют разные мнения. Представляется, что отрицать возможность такого отношения все же нельзя. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее. С одной стороны, в античных источниках сообщается, что «благодаря Александру Бактра и Кавказ (т. е. область Гиндукуша. — *И. П.*) поклоняются эллинским богам», а дети персов и других восточных народов хорошо знают греческий театр, «распевая трагедии Эврипида и Софокла»[1], и что то ли сам Александр, то ли его бактрийский сатрап (грек) запретил принятые у бактрийцев обычаи, связанные с переходом стариков в мир иной[2]. С другой стороны, зороастрийская традиция, в том числе и местная, сакастанская, сохранила следы чрезвычайно враждебного отношения к Александру как к разрушителю древних религиозных святынь и заветов. Тут перед нами, видимо, отзвуки какого-то активного антагонизма между эллинизмом и приверженцами местной традиционной культуры, антагонизма, вспыхивавшего и в других местах эллинистического мира и хорошо засвидетельствованного источниками, прежде всего для Палестины времен Маккавеев. Очень любопытны совпадения деталей в событиях, происходивших в удаленных друг от друга местах в одно и то же время (II в. до н. э.): в древнем бактрийском городе, развалины которого исследовали французские археологи, местные жители, бактрийцы, старательно разбивают греческую статую Зевса, воздвигнутую в негреческом храме, пустеют гимнасий и театр, на площади бактрийцы демонстративно совершают те самые обряды, которые когда-то запрещал Александр; в то же самое время в Палестине ликвидируют культ Зевса в Иерусалимском храме, а отношение к занятиям в палестре и театру определяет вообще культурную ориентацию человека.

Отношение к эллинской культуре, как показывают переднеазиатские примеры, было тесно связано с социальным положением: верхи местного общества охотно и легко приобщались к эллинскому образу жизни, низы упорно сохраняли верность древним традициям. Есть основания предполагать, что такая же ситуация сложилась и в странах Арианы.

---

[1] Об этом упоминает Плутарх (De Alex. virt., I, 5).

[2] Глухие сообщения об этих событиях, восходящие к современникам Александра, сохранились у Страбона (XI, 11, 3), Плутарха (De Alex. virt., I, 5), Порфирия (De abstin., IV, 21).

Каково было отношение к эллинской культуре скифских завоевателей, вторгшихся на территорию Арианы в последних веках до н. э.? Предположение о том, что скифы как этнические иранцы испытывали солидарность по отношению к коренному бактрийскому населению в противовес грекам[1], в принципе кажется маловероятным. Скорее, наоборот, кочевая знать довольно быстро слилась с эллинским и эллинизированным населением, т. е. с элитой местного общества. Об этом свидетельствует и то, что скифские вожди в Бактрии с самого начала активно воспринимали и использовали достижения античной культуры[2], и то, что позднее даже в погребальной обрядности наблюдается слияние степных традиций с греческими[3]. В этом плане можно рассматривать и факт использования кушанскими царями греческого алфавита для составления текстов на своем языке[4].

О значительности эллинского этнического компонента свидетельствуют устойчивые, древние и широко распространенные в Средней Азии, особенно в восточной, горной ее части, предания о греках как далеких предках той или иной группы населения.

Итак, авестийский народ, племена Арианы — первая, самая близкая к нам по времени, ступень в предыстории таджикского народа. Древнеиранский авестийский язык, при всей его архаичности, представляет собой все же отдельный иранский язык. Спустившись в глубь времен еще на одну ступень, мы сталкиваемся с протоиранским языком, послужившим общим предком для всех более поздних иранских языков, а также с другими индоиранскими языками, столь же или еще более древними. Носителей всех этих языков условимся называть *древнейшими арьями,* так как все древние индоиранские народы действительно именовали себя арьями.

Прямых исторических свидетельств о древнейших арьях, исходящих от их современников, до нас не дошло. Но методом лингвистической реконструкции, позволяющей в какой-то мере восстановить протоиранский и протоиндоиранский языки, в частности их лексику, а также путем тщательного изучения общего культурного фонда разных индоиранских народов в области как духовной, так и материальной культуры удается немало узнать об этих арьях[5]. Здесь невозможно дать общую картину жизни древнейших арьев, но основные факты таковы: они обитали значительно севернее, чем их потомки в Иране и Индии, и контактировали с предками армян, греков, славян, балтов и угро-финнов; знали медь и бронзу; занимались скотоводством (особенно коневодством) и земледелием, причем первое всегда преобладало; вели достаточно подвижный образ жизни,

---

[1] *Фуссман Ж.* Язык и культура при Кушанах // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1988. Вып. 15. С. 48.

[2] *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 210, 228.

[3] *Grenet F.* Les pratiques funéraires dans l'Asie centrale sédentaire P., 1984. P. 95, 102, 219.

[4] Конечно, если считать этот язык именно языком пришлых кочевников, а не языком местных бактрийцев. Как раз на последнем допущении и основана концепция Ж. Фуссмана о судьбе эллинизма в Бактрии после нашествия кочевников *(Фуссман Ж.* Указ. соч. С. 49, 51).

[5] Свод материалов на эту тему см.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981. См. также: *Schmitt R.* Aryans // EIr. 1987. Vol. 2. Fasc. 7. P. 684–687.

в некоторых случаях, возможно, даже кочевой; имели довольно сложные космологические и космогонические представления, а также несколько вариантов этногенетических легенд и мифо-географических схем.

Древнейшие арьи обитали в обширной полосе евразийских степей от Причерноморья до Казахстана и, может быть, еще восточнее[1], т. е. в местах, где и много позднее, уже в исторические времена, жили ираноязычные скифо-сарматские народы. Отсюда они и расселялись последовательными волнами на юг; удачным кажется предположение, что уже древнейшие арьи двигались по крайней мере двумя волнами, из которых поздняя частично перекрыла более раннюю[2]. Считается, что распад общеарийского единства относится примерно к рубежу III и II тыс. до н. э., общеиранского — примерно к середине II тыс. до н. э., а восточноиранского — к рубежу II и I тыс. до н. э.[3]

Общей иллюстрацией к процессу расселения древнейших арьев на юг может служить предание о Йиме (Яме), который почитался в качестве прародителя всеми древними индоиранскими народами. В нем повествуется, как этот славный герой трижды, через определенные промежутки времени, расширял землю в южном направлении, в полуденную сторону, когда она переполнялась «мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными огнями пылающими»[4].

Какова была связь интересующих нас авестийских арьев с их прямыми предками, древнейшими или протоиранскими арьями? В поздней зороастрийской литературе неоднократно выступает некая мифо-географическая схема, восходящая, несомненно, к древним авестийским текстам: центральный каршвар Хванирата (по наиболее удачному толкованию, «[страна] добрых колесниц»), где обитают арьи, ограничен с двух сторон могучими реками по имени Раха и Вахви-Датья, текущими с окружающей землю мировой горы Хара в срединное море Ворукарта, а между ними текут по каршвару еще 18 других рек[5]. Схема эта являет собой не что иное, как вариант известных скифских мифо-географических

---

[1] Вопрос о первоначальном месте обитания арьев и путях их последующего расселения тесно связан с более общей проблемой прародины индоевропейцев, частью которых являются арьи. При всем разнообразии мнений преобладающим и наиболее обоснованным из них является то, согласно которому индоевропейская общность формировалась в степях к северу от Черного и Каспийского морей. Ему и соответствует излагаемая здесь, в настоящей работе, схема расселения древнейших арьев. Существует также теория, которая помещает индоевропейскую прародину в Передней Азии; древнейшие арьи в соответствии с этой теорией должны были двигаться через Иранское нагорье в Среднюю Азию и отсюда выйти в степи (*Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. II. С. 914–935), т. е. в направлении, прямо обратном реконструируемому в настоящей работе. Эта гипотеза полностью противоречит всем засвидетельствованным историей фактам передвижения народов и языков в данном регионе и представляется совершенно неправдоподобной.

[2] *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973, N 2.

[3] *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 358.

[4] Предание о Йиме, изложенное в Авесте (во 2-м фаргарде Вендидада), много раз привлекало внимание исследователей. См., например: Мифология древнего мира. М., 1977. С. 347 и сл.; *Boyce M. A.* Op. cit. 1975. Vol. I. P. 83 sq., 92 sq.

[5] Этот сюжет детально исследован в работе: *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 114–119. Правда, не все выводы этого исследования кажутся одинаково убедительными.

представлений о панораме Северного Причерноморья[1]. В совокупности они отражают, видимо, общеиранскую мифо-географическую модель страны обитания. Данное представление о стране Хванирата фиксирует иную схему, нежели представление о стране Арьяна-Вайджа, где река Вахви-Датья находится как бы в центре мироздания. Схема эта, скорее всего, более древняя: в то время как Арьяна-Вайджа — прародина только авестийских арьев, Хванирата в данном случае — прародина общеиранская. Если так, то эта последняя располагалась в степных просторах между Волгой (Раха) и Амударьей (Вахви-Датья). Отсутствие гор в истоках Волги не должно смущать: мировая гора Хара — чисто мифический образ, выполняющий роль окраины «земного круга» в мифологической географии.

Археологические данные вполне соответствуют такой картине[2]. Эти данные относятся прежде всего к западным вариантам *андроновской* культурной общности. Самый ранний из них, представленный яркой и самобытной *петровской* культурой (XVII–XVI вв. до н. э.), ограничивается в основном степями Западного Казахстана и Южного Урала. Следующий, в лице *алакульской* культуры (XV–XIII вв. до н. э.), вырастающей из петровской, широко распространяется и в Средней Азии: памятники его находят в районе Ташкента, в долине Зеравшана, в Фергане и т. д.; вбирая по пути элементы соседней *срубной* культуры, этот вариант создавал смешанные типы, например *тазабагьябскую* культуру (XV–XI вв. до н. э.) в низовьях Амударьи. Надо думать, что в памятниках всех этих культур и в их распространении на юг и запечатлена история протоиранских арьев Хвани раты, страны колесниц: не случайно колесницы сопровождали носителей петровской и раннеалакульской культур даже на тот свет, составляя характернейшую принадлежность их погребальных сооружений.

Несомненно, эти арьи внесли основной вклад в формирование этноса авестийских арьев. Но археологически проследить данный процесс пока еще затруднительно. Известно лишь, что памятники завершающей фазы (XII–IX вв. до н. э.) упомянутых культур степных арьев находят уже непосредственно на территории земледельческих оазисов Средней Азии и Ирана, где они относятся к периоду, переходному от старых земледельческих культур к новым, в частности к язовским комплексам авестийских арьев. В то же время большинство археологов согласны с тем, что в сложении этих последних памятников, свидетельствующих об определенной архаизации и варваризации общества, на первых порах принимал участие степной компонент[3].

---

[1] Анализ этих представлений см.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983. С. 36 и сл., 66 и сл.

[2] Истолкование этих данных в свете этнической истории индоиранских народов см.: *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. IV. М., 1986; *Она же.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986; *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988; *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

[3] Вопрос о генезисе язовских культур сложен и пока еще далек от разрешения: археологи высказывают очень разные мнения по этому поводу.

В самих же степях андроновские племена к концу II тыс. до н. э. были потеснены носителями *карасукской* культуры, пришедшими, по всей вероятности, из глубины Центральной Азии. В результате слияния андроновских и карасукских элементов в степях Казахстана и Средней Азии возникли новые культуры, такие, например, как *бегазы-дандыбаевская.* В плане этнической истории эти события можно было бы истолковать как наложение какого-то центральноазиатского, неиндоиранского и вообще неиндоевропейского суперстрата на протоиранскую основу. Процесс этот сопровождался в конце II и первой половине I тыс. до н. э. распространением далеко на запад некоторых дальневосточных элементов культуры и монголоидного расового типа. Но в конечном итоге местный иранский элемент все же возобладал. Учитывая критерии места и времени, здесь можно было бы видеть, мне кажется, процесс сложения *восточноиранской, скифской* в широком смысле, этнической общности. Одними из первых известных истории представителей этой общности были воспетые в иранском эпосе *туры*, постоянные противники авестийских арьев. Заметим, что имена их предводителей не всегда поддаются истолкованию из иранских языков. Позднее эту же общность представляют упомянутые выше саки, тохары и другие племена, уже бесспорно ираноязычные.

Древнейшие арьи иранской группы находились в тесном взаимодействии с *арьями индийской группы.* Давно уже признано, что широко распространенные в индийской мифологии сказания о борьбе *дэвов* со своими старшими братьями, *асурами*, отражают взаимоотношения предков индийцев с предками иранцев[1]. В разделении самих асуров на две группы — *дайтьев* и *данавов,* потомков речных богинь Дити и Дану,— тоже легко просматривается историческая основа. У каждого древнего иранского народа существовала своя этногенетическая легенда, в которой он был представлен потомком героя-прародителя и духа (всегда являвшегося в женском облике) главной реки в стране обитания данного народа[2]. В упомянутом случае подразумеваются, видимо, духи рек Вахви (т. е. «Доброй») – Да[й]тьи (Амударьи), и Данавы (Танаис — у греков, Сырдарья — в данном контексте). А под дайтьями и данавами имеются в виду, надо думать, первые иранские племена, осевшие в бассейнах Амударьи и Сырдарьи в конце II тыс. до н. э. Замечу также, что в современной этим племенам Ригведе асуры упоминаются как вполне реальные и конкретные недруги.

Интересно, что часто упоминаемые в индийской мифологии потомки некоего героя Бхригу, связанные с асурами, в Ригведе тоже фигурируют как реальное племя. Из других источников известно, что *бригами* именовались *фригийцы* в древнейшие времена, еще до переселения их из Европы в Малую Азию (в конце II тыс. до н. э.). А лингвистические данные свидетельствуют о тесных контактах древнейших арьев с предками фригийско-фракийских племен, в которых есть основания видеть носителей срубной культуры степей Поволжья и Север-

[1] *Burrow T.* Op. cit. P. 128, 131.

[2] Эта легенда хорошо (хотя и не во всех деталях убедительно) проанализирована на скифском материале в работе: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. См. также: *Пьянков И. В.* Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? // Памир. 1992. № 7–8.

ного Причерноморья[1]. «Срубники» активно участвовали вместе с западными «андроновцами», т. е. древнейшими иранскими арьями, в заселении Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. Отсюда какие-то племена бригов могли попасть и к индийским арьям. Там потомки Бхригу стали основателями нескольких почитаемых родов брахманов, знатоков древних обрядов. Так становится понятным удивительный факт специфических протоармянско-индоарийских связей в области сакральной, жреческой поэзии. Ученые справедливо полагают, что эти связи могли осуществляться только через степной пояс в середине II тыс. до н. э.[2] Так совокупность всех источников позволяет предположить участие еще одного элемента в этнической истории Средней Азии[3].

Где же обитали сами *ведийские арьи*[4], создатели Ригведы? Общепризнано, что основной их территорией был Пенджаб, на востоке — долина Джамны, на западе — долины правых притоков Инда, а именно: Кабула, Куррама и Гумаля. Но проблему представляет локализация страны Брахмаварты[5] с ее реками Сарасвати и Дришадвати — древнего местообитания главных ведийских племен, таких как *бхарата* и *пуру*. Обычно ее пытаются поместить к востоку от Инда, но такая локализация наталкивается на ряд затруднений. В то же время давно уже замечено, что «Сарасвати» имеет прямое соответствие в иранском «Харахвати», т. е. в названии страны Арахосии и ее реки (Аргендаб)[6]. Имеет соответствие в ономастике этих же мест и название другой реки — «Дришадвати». А упоминание в Ригведе о разных событиях из истории ведийских племен полны названий, которые легко ассоциируются с различными местами южной части будущей Арианы; например, река «Сарайу» и иранское «Харайва», т. е. название страны Ареи и ее реки (Герируд). Все это подводит к заключению, что по крайней мере на территории более поздних Дрангианы и Арахосии и еще более позднего Сеистана во второй половине II тыс. до н. э. обитали ведийские арьи.

В археологическом плане ранние индийские арьи хорошо увязываются с культурой *серой расписной керамики,* распространенной в Восточном Пенджабе и бассейне Верхнего Ганга в XI–VI вв. до н. э.[7] Носители ее являются на следниками древнейших ведийских арьев Ригведы. Этих же последних надо связывать, скорее всего, с культурой *гандхарских могильников*, памятники которой обнаружены по правым притокам Инда и в Западном Пенджабе и относятся к второй

[1] Обычно «срубников» считают ираноязычными. Ранее близкого к этому мнения придерживался и я.

[2] *Дегтярева Т. А.* Пути развития современной лингвистики. М., 1962. Кн. 2. С. 134–137.

[3] О роли фригийско-фракийского элемента в этнической истории Средней Азии говорил (хотя и опираясь на теперь уже частично устаревшую аргументацию) еще С. П. Толстов: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 85 и сл., 138 и сл.

[4] О ведийских арьях и Ригведе см. новейший на русском языке очерк Т. Я. Елизаренковой в книге: Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 426 и сл.

[5] О стране Брахмаварта, ее реках и соседних местностях см.: The Cambridge History of India. Cambridge, 1922. Vol. 1. P. 80 sq.

[6] О реке Сарасвати и ее отношении к Арахосии см.: *Darian S.* Ganga and Sarasvati // East and West. New Serie. 1976. Vol. 26. N. 1–2. P. 155.

[7] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985. С. 138.

половине II тыс. до н. э.[1] Что же касается ведийских арьев Брахмаварты то их можно связать с культурой V слоя Мундигака, в области Кандагара, датируемой приблизительно серединой II тыс. до н. э. Она резко отличалась от культуры предшествующих слоев и сменилась другой, явно входившей в круг язовских культур, т. е. культур авестийских арьев[2].

Очевидно, ведийские арьи были рано вытеснены из Дрангианы и Арахосии, хотя в последней и позже сохранялся значительный индийский элемент. Если же считать остатком ведийских арьев *дардскую* группу индоарийских народов[3], то получится, что в настоящее время прямые потомки этих арьев обитают не западнее бассейна реки Кабул, где расселены небольшими островками дардские народности — *пашаи* и *тирахи.*

О степных истоках ведийских арьев прямых указаний в источниках нет. Может быть, намеком на пребывание их предков в степях являются сказания о совершенном в очень давние времена походе дэвов к далекой реке Раса (соответствующей Раха иранских текстов), расположенной за пределами мира дэвов и асуров. Возможно, что под рекой Раса имеется в виду Волга[4]. Археологическая связь ведийских арьев со степными культурами Средней Азии как будто намечается[5], но она очень неопределенна. Между тем в степном поясе археологами давно уже выявлена культура, которая, судя по отдельным ее чертам, и особенно по характеру погребального обряда, вполне может претендовать на роль культуры древнейших индийских арьев[6]. Это — восточный вариант андроновской культурной общности, а точнее, *федоровская* культура[7]. Если связь ее с ведийскими арьями не установлена, то по поводу отношения ее ко второй волне индийских арьев можно сделать кое-какие наблюдения.

Много раз дискутировавшийся вопрос о второй волне вторжения индоарийских народов в Индию[8] сводится к следующему: примерно на рубеже II и I тыс. до н. э. от Памирского горного региона через Гилгит и Читрал в Центральную Индию хлынула новая волна индийских арьев, которые частично наслоились на более древние, ведийские, племена индийских арьев, частично оттеснили их к горам. Новые племена иногда называют *эпическими арьями*, так как именно

---

[1] *Туза С.* Историко-культурное развитие долины Свата между серединой II тыс. до н. э. и началом новой эры // ВДИ. 1993. № 2. С. 130.

[2] О соответствующих памятниках см.: *Сариниди В. И.* Указ. соч. С. 107, 114; The Archaeology of Afghanistan. L., 1978. P. 115, 133–139, 181.

[3] Дардов обычно выделяют в отдельную группу индоарийских или даже индоиранских народов в целом (историю вопроса см.: *Эдельман Д. И.* Дардские языки. М., 1965. С. 7–10). Но в пользу их более тесной связи с древнейшими ведийскими арьями говорит ряд фактов, в том числе и такие: дарды считаются остатком древнейшего населения в местах их современного обитания; их предкам приписывают культуру гандхарских погребений; в тех же местах и в то же самое время, судя по древним текстам, обитали и арьи Ригведы.

[4] О реке Раса — Раха как Волге см.: *Markwart J.* Op. cit. S. 136.

[5] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Указ. соч. С. 133, 139.

[6] Имеется в виду обряд кремации, включающий некоторые характерные для арьев детали.

[7] О связях ее с культурой индийских арьев см.: *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы... С. 69, 87 и сл.

[8] The Cambridge History of India. Vol. 1. P. 45–46, 50, 110, 119–120; *Чаттерджи С. К.* Введение в индоарийское языкознание. М., 1977. С. 131, 132.

они выступают в главных ролях в древнеиндийском эпосе. Первым среди них было племя куру. По археологическим данным известно, что в последние века II тыс. до н. э. памятники федоровской культуры продвигаются все далее к югу: в Семиречье и долины Тянь-Шаня, в области правых притоков Амударьи, на Памир. Влияние этой культуры заметно и на памятниках местных земледельцев[1]. Возникает вопрос, не является ли указанный процесс археологическим выражением событий, связанных с продвижением на юг второй волны индийских арьев?

Но кроме иранской и двух индийских инвазий древнейших арьев есть основания предполагать еще одну индоиранскую волну на юг, предшествовавшую всем другим и принесшую, как уже говорилось, этнический слой, послуживший субстратом при последующих вторжениях. Этот слой выявляется благодаря пережиточным, очень ранним элементам в культуре древних иранских народов, не иранским по происхождению, а индоиранским, и благодаря появлению в Передней Азии следов какого-то индоиранского языка, принесенных неиндоирандами — *касситами* (с XVIII в. до н. э.) и *хурритами* (XVI–XIII вв. до н. э.),— языка, тоже явно не иранского, но и не безусловно индоарийского[2]. Очевидно, какая-то группа древнейших арьев на рубеже III и II тыс. до н. э., отделившись от общеиндоиранского единства, стала продвигаться к югу, в те места, где их сменили впоследствии иранские и индийские арьи, принесенные последующими волнами, т. е. в Среднюю Азию, Иран и, может быть, в Индию, вступив на западе Иранского нагорья в контакт с касситами и хурритами.

Может ли такая реконструкция найти подтверждение в археологическом материале? В каспийских и причерноморских степях в конце III — начале II тыс. до н. э. обитали племена *катакомбной* культуры, которые по ряду признаков могли быть индоиранскими. Судя по тому, что к началу II тыс. до н. э. памятники, близкие катакомбным, стали распространяться далеко на юг[3], племена, их создавшие, расселялись в том же направлении: так появилась *заманбабинская* культура в долине Зеравшана и, видимо, еще южнее, в Афганистане.

Ко второй четверти II тыс. до н. э. катакомбная культура в степях исчезает (ее частично заменили здесь андроновские памятники, о которых говорилось выше), но зато в то же время происходят большие изменения в культуре земледельческих оазисов Средней Азии: прежняя высокоразвитая протогородская цивилизация исчезает, а на смену ей приходят иные, более архаичные на первых порах, культуры круга *Намазга VI*, которые охватывают новые территории (например,

[1] *Аскаров А. А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

[2] Обзор материалов и литературы по данному вопросу см.: Ригведа. Мандалы I–IV. С. 429–431. Место этого языка ученые определяют по-разному; это или отдельная, очень древняя ветвь индоиранских языков, или один из индоарийских языков, хотя и более древний, чем язык Ригведы. Так же и арьев — носителей этого языка считают или отдельной, самой ранней индоиранской волной, синхронной предкам кафиров на востоке (которых в этом случае не отличают от дардов), или западным ответвлением индоарийской волны, восточная часть которой тогда же стала проникать в Индию. В настоящей работе предпочтение отдается в том и другом случае первой из двух альтернатив.

[3] *Алекшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 152–155.

культура *Сапалли* и *Дашлы* в бассейне Амударьи). Они сочетают традиции более древних земледельческих культур с инновациями, привнесенными, видимо, из степей, каковы прежде всего погребальные обряды. Другие племена — потомки катакомбников продолжали вести в Средней Азии прежний, степной, пастушеский образ жизни. Они, очевидно, и оставили памятники *вахшской* культуры[1].

Потомки индоиранцев этой первой, самой древней, волны оставили свой след и в дальнейшей истории Средней Азии и соседних территорий. С одной стороны, важные элементы связывают культуру Дашлы с *нуристанскми кафирами* нового времени[2]. С другой — признаки весьма специфического похоронного обряда, свойственного тем же кафирам и засвидетельствованного у их предков еще во времена Александра Македонского[3], обнаруживают памятники *бишкентской* культуры[4], близкой вахшской и имеющей черты преемственной связи с более древней, заманбабинской культурой. Вполне возможно, что последним остатком древнейших арьев первой волны и являются кафиры, сохранившие много древних черт в своей культуре и в языке, который лингвисты, признавая его индоиранский характер, не могут тем не менее отнести ни к иранской, ни к индийской ветвям[5]. Бывшие кафиры Нуристана, ныне обитающие только по южным склонам Гиндукуша, еще в Средние века занимали значительно большие территории: полагают, например, что родственные им племена составляли население Гура в домонгольское время[6].

Итак, мы спустились до времен самых первых из древнейших арьев, осевших в Средней Азии. Можно ли заглянуть еще глубже в толщу времен? Да, тщательное, научно обоснованное комбинирование языковых данных с археологическими и этнографическими позволяет это сделать. Но, опустившись в глубины истории еще на одну ступень, мы увидим уже иной, доиндоевропейский мир со своеобразными чертами общественного строя и духовной культуры.

В науке сейчас принято считать, что в земледельческой зоне Средней Азии предшественниками индоиранцев были народы *дравидийского* корня[7]. Одни из первых земледельцев Средневосточного региона, они жили отдельными общинами, сосредоточенными вокруг более или менее крупного селения, которое

---

[1] Об этой культуре см.: *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.

[2] *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 192–194.

[3] Там же. С. 312–313.

[4] Об этой культуре см.: *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968. По поводу упомянутого похоронного обряда (речь идет о деревянных гробах, оставляемых на поверхности земли), см.: Там же. С. 57, 109 и сл.

[5] Ученые или включают языки нуристанских кафиров в одну группу с дардскими, рассматривая те и другие как отдельную ветвь индоиранских языков, или считают отдельной ветвью только кафирские языки, относя дардские к числу индоарийских языков. В последнее время преобладает как будто вторая точка зрения (*Йеттмар К.* Указ. соч. С. 16). Предпочтение ей отдается и в настоящей работе.

[6] *Петров П. И.* К вопросу о происхождении населения Гура X века // Топонимика Востока. М., 1962.

[7] О древнейшей истории дравидов, затрагивающей также Среднюю Азию и Иран, см.: *Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В.* Древнейшая этнокультурная история народов Индостана // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988; *Пейрос И. И., Шнирельман В. А.* В поисках прародины дравидов // ВДИ. 1992. № I; *Winters C. A.* The Dravido-Harappan Colonization of Central Asia // Central Asiatic Journal. 1990. Vol. 34. N 1–2.

являлось и их культовым центром — местом почитания прародительницы общины, Богини-Матери. Судя по тому, что дравидийские языки обнаруживают отдаленное родство с *эламским*, на котором в глубокой древности говорило автохтонное население Юго-Западного Ирана, дравидийские племена двигались в Среднюю Азию с запада, из Ирана. Древнейший период в истории этих племен — общий *протодравидийский* — относится к V–IV тыс. до н. э. Всем этим условиям хорошо удовлетворяет *анауская* культура Южного Туркменистана, носители которой, очевидно, и являлись восточным форпостом древнейших протодравидийских племен[1].

Примерно на рубеже IV и III тыс. до н. э. происходит разделение прото-дравидийских племен на западные и восточные (индийские), что предполагает широкое расселение их на восток. Действительно, как установили археологи, именно в конце IV — начале III тыс. до н. э. памятники *геоксюрского* варианта анауской культуры (эпохи Намазга III) из долины Теджена распространяются на огромные пространства от долины Зеравшана (*культура Саразма)* до Сеистана и Белуджистана, и факт этот можно объяснить только расселением племен, создавших такие памятники[2]; возможно, что тогда же эти племена через Белуджистан дошли и до Индии. Следующая крупная веха в истории протодравидийских племен — разделение их на две группы уже в пределах Индии примерно в середине III тыс. до н. э.,— видимо, связана с началом формирования *хараппской* культуры, процветавшей в долине Инда в конце III — начале II тыс. до н. э., а распад основной из этих групп в начале II тыс. до н. э. и первые этапы формирования современных дравидийских народов Декана — с гибелью хараппской цивилизации и формированием *энеолитических* культур Центральной Индии.

Таким образом, дравидийская принадлежность носителей земледельческих культур Средней Азии, Сеистана и Белуджистана III — начала II тыс. до н. э.[3] весьма вероятна, поскольку процессы засвидетельствованные лингвистическими данными, с одной стороны, и археологическими данными — с другой, совпадают по месту, времени и содержанию, а для хараппской цивилизации — бесспорно[4]. Однако необходимо учитывать, что народы, создавшие эти культуры, мало походили на современных дравидов Индии и не являлись их прямыми предками. Поэтому предпочтительнее называть их протодравидийскими. Вообще, смена этноса еще не означает поголовной смены населения. Как показывают костные останки людей того времени, физический тип населения Средней Азии со сменой этноса не изменился: и до, и после того здесь жили люди средиземноморского варианта европеоидной расы. Это значит, что арийских при-

[1] Дравидийскую принадлежность земледельческих культур Средней Азии и Восточного Ирана эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы одним из первых обосновал В. М. Массон См.: *Массон В. М.* Печати протоиндийского типа из Алтын-депе // ВДИ. 1977. № 4.

[2] *Исаков А. И.* Саразм. Душанбе, 1991. С. 106.

[3] Общий обзор этих культур см.: *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 93 и сл., 151 и сл.

[4] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Указ. соч. С. 101, 103; *Бонгард-Левин Г. М., Гуров И. В.* Указ. соч. С. 63.

шельцев численно было немного и физически они быстро растворились среди местного населения. И не только физический тип не изменился: продолжались древние традиции в земледелии, в гончарном ремесле и т. п., так как степняки-арьи не могли привнести в эти виды деятельности что-то свое, особенное. Но в области языка, общественного устройства, идеологии и обрядности, т. е. в том, что определяет этнос, приход арьев принес коренные изменения.

В доарийский период своей истории отдельные протодравидийские народы образовывали мощные объединения, о характере которых пока судить трудно. Такова страна Аратта, часто упоминаемая в шумерских сказаниях, складывавшихся примерно в середине III тыс. до н. э., но повествовавших о событиях начала этого тысячелетия. В них прославлялись подвиги древнего царя шумерского города Урука, при котором из Аратты доставлялись в Шумер разные товары. Относительно локализации этой страны среди ученых нет согласия, но наиболее убедительным кажется предложение считать центром Аратты древнее селение, от которого осталось огромное городище Шахри-Сохте в Сеистане[1]. Если это так, то, принимая во внимание археологические материалы, нужно признать, что жители Аратты, будучи, по-видимому, потомками геоксюрцев, оказывали влияние на северные поселения, в том числе и на Саразм, в начале и середине III тыс. до н. э., организуя фактории по добыче и доставке тех минералов, которые затем попадали, в частности, и в Шумер.

Другое древнее объединение, название которого, к сожалению, до нас не дошло, сосредоточивалось вокруг центров, оставивших городища Намазга-депе и Алтып-депе в Южном Туркменистане. Население его, прямые потомки геоксюрцев и их соседей в предгорьях Копет-дага, достигло пика своего развития в конце III — начале II тыс. до н. э. (в эпоху Намазга V), формируя собственную протогородскую цивилизацию, дальнейшее развитие которой, однако, внезапно оборвалось.

В то же самое время на востоке Средней Азии, в бассейне Амударьи, процветали колонии (одна из них находилась на месте городища Шортугай), основанные выходцами из еще одного мощного объединения, представленного вполне уже сформировавшейся, высокоразвитой Индской цивилизацией (хараппская культура). Шумерские тексты, сообщая о стране Мелухха, донесли до нас сведения о ней. Но и эта цивилизация со всеми ее колониями прекращает существование в начале II тыс. до н. э.

Дравидийское население продолжало жить на территории Средней Азии и Иранского нагорья и после прихода арьев. Но оно или ассимилировалось индоиранцами, или оттеснялось в горы. Еще в средние века в горных местностях, преимущественно на юге Иранского плато, сохранялись отдельные островки дравидоязычного населения. К настоящему времени от иранских дравидов осталась лишь небольшая народность брагуев в Белуджистане, постепенно ассимилируемая белуджами.

---

[1] Обзор сведений об этой стране и предложенных локализаций см.: *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. P., 1989. P. 390, 394, 421; *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами //ВДИ. 1987. № 1. С. 20 и сл.

Но протодравидийские народы были не единственным доарийским населением Средней Азии. Наряду с ними существовали еще два крупных этнических массива.

В западной, равнинной части Средней Азии, тогда значительно более увлажненной, чем теперь, по берегам озер и в дельтах рек жили рыболовы и охотники *кельтеминарской* культуры (IV–III тыс. до н. э.)[1]. Они образовывали своего рода крайний южный клин обширного мира таких же рыболовов и охотников, обитавших на просторах Западного Казахстана, Урала и Зауралья. Именно они имели возможность вступать в непосредственные контакты с миром древних земледельцев Средней Азии, с создателями анауской культуры.

Все это подводит к мысли, что в таких условиях и могли осуществляться давно уже подмеченные лингвистами очень древние языковые связи финно-угорских народов с дравидами[2]. Отсюда, конечно, не следует, что кельтеминарцы являлись прямыми предками финно-угров, — они, скорее, были лишь одной из групп *протоуральских* племен, оказавшейся посредником между той группой протоуральцев, которая действительно дала начало финно-угорским народам и обитала, вероятнее всего, где-то в Западной Сибири[3], и протодравидами-анаусцами. Известно, что угорские племена еще и в исторической древности жили в лесостепях Урала и Западной Сибири. Так объясняется удивительная связь между народами, которые ныне удалены на огромные расстояния друг от друга, занимая крайний север и крайний юг Азиатского континента.

В восточной, горной части Средней Азии обитали племена очень архаичной *гиссарской* культуры[4]. Истоки ее уходят в глубь тысячелетий, а на последних этапах существования (III–II тыс. до н. э.) она непосредственно смыкается с земледельческими культурами Саразма, Сапалли и степными культурами поздней бронзы, частично, может быть, сосуществуя с ними. В то же время гиссарцы были лишь частью целого мира горных племен обширного Гиндукушско-Памирского региона, включая Кашмир на юге; на отдельных этапах своей истории эти племена могли занимать и прилегающие к горам равнины.

Горные племена указанного региона, по всей вероятности, представляли собой отдельную, древнейшую *гиндукушско-памирскую* этническую общность. Базировалась она на общности быта этих племен — быта охотников на горного козла, может быть, с зачатками скотоводства. Но по мере перехода их, под влиянием соседей, к производящим формам хозяйства сокращался и ареал данной

---

[1] См.: *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М., 1981.

[2] Проблему финно-угорско-дравидийских контактов поставил в связь с кельтеминарской культурой еще С. П. Толстов (*Толстов* С. *П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 65, 350). Теперь такая постановка проблемы широко принята в науке. Кроме того, новый аспект проблеме придала ностратическая теория *(Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. 1. С. 42 и сл.; *Иванов В. В.* О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими и западно-ностратическими языками // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985).

[3] О древнейшем прошлом финно-угорских народов см.: *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

[4] *Ранов В. А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии // История и культура востока Азии. Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985.

общности, происходила ее постепенная «арианизация». Проследить этот процесс можно по археологическим и в какой-то мере письменным источникам: так, есть основания предполагать, что еще во второй половине I тыс. до н. э. некоторые племена Гиндукушско-Памирского региона под внешним обликом своей культуры сохраняли прямую связь с указанной древней общностью[1]. К настоящему времени прямые ее наследники остались лишь в самом сердце региона — в узких горных долинах Хунзы и Ясина, в лице маленького народа *бурушков,* язык которых занимает совершенно изолированное положение среди языков мира. С другой стороны, многие загадочные явления очень древнего происхождения в области культуры и языка разных народов Гиндукушско-Памирского региона, может быть, являются субстратными следами все той же этнической общности. И не только данного региона, такое же субстратное происхождение могли иметь некоторые черты, в частности в сфере обрядности, свойственные культурам Сапалли-Дашлы и особенно язовским культурам.

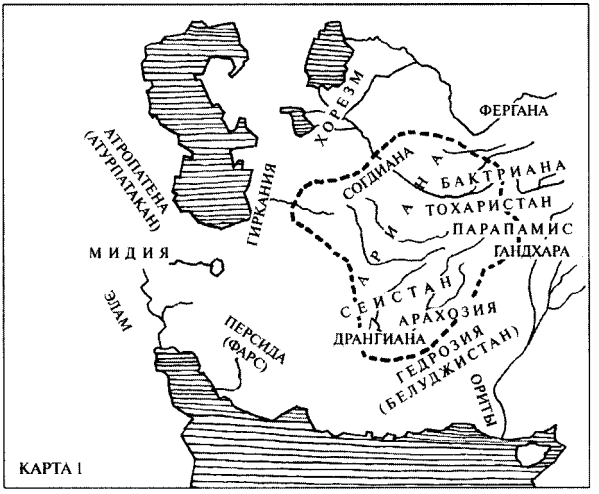
Итак, в самой глубокой древности, с того времени, когда уже начинают вырисовываться контуры каких-то этнических общностей, на территории формирования таджикского народа можно выделить три этнических массива: гиндукушский — горных охотников, протоуральский — равнинных рыболовов и охотников, протодравидийский — древних земледельцев, шаг за шагом осваивавших оазисы. В конце III — начале II тыс. до н. э. в степи Средней Азии с севера впервые проникают арьи — воинственные скотоводы, говорившие на языке индоиранской группы индоевропейской семьи языков. Вскоре, в начале II тыс. до н. э., они проникают и в оазисы, что приводит к заметному изменению общего облика культуры земледельцев. Возможно, что в это время впервые происходит их «арианизация». То же можно сказать и о древних гиндукушцах и протоуральцах. В середине II тыс. до н. э. в степи Средней Азии хлынула новая волна арьев-скотоводов, на этот раз уже собственно иранцев по языку. К концу II тыс. до н. э. они овладевают оазисами и в земледельческих областях Средней Азии и Восточного Ирана складывается этническая общность авестийских арьев — по ряду признаков наиболее близкий к таджикам их предок.

На юге и востоке древние иранские арьи активно взаимодействовали с индийскими арьями — сначала ведийскими, затем эпическими, истоки истории которых тоже уводят в степи Средней Азии. Важные последствия имело заселение оазисов Средней Азии и Восточного Ирана греческими колонистами после походов Александра Македонского (IV в. до н. э.). Под их влиянием существенно преобразился весь облик культуры жителей Арианы, потомков авестийских арьев, хотя как этнос последние и не исчезали. В степях же в конце II — начале I тыс. до н. э. складывается новая общность — восточноиранская. Относящиеся к ней скифские племена, сначала туры, потом саки и др., тоже входят в активное взаимодействие с авестийскими арьями, становясь их главными антагонистами на протяжении I тыс. до н. э. К концу этого тысячелетия скифские племена, среди которых главную роль играют тохары, а позднее — эфталиты, окончательно овладевают оазисами, и в результате значительная часть их населения пере-

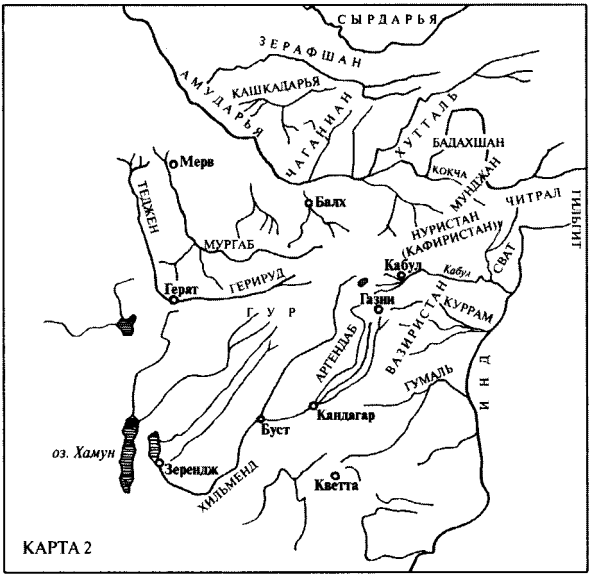
[1] *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Душанбе, 1984. Вып. 1.

ходит на восточноиранские языки. Но прямые потомки авестийских арьев продолжали сохраняться. Завершающим моментом в предыстории и одновременно началом собственной истории таджикского народа можно считать распространение языка фарси в Средней Азии и Восточном Иране с середины I тыс. н. э. и особенно интенсивно — в VII–X вв.

Настоящая статья представляет первую попытку нарисовать целостную картину этнической истории древней Средней Азии и, конечно, не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на окончательность выводов. Мы стоим лишь у начала изучения многих важных и интереснейших проблем. Разрешить их помогут в будущем совместные усилия историков, археологов, лингвистов, этнографов и антропологов.

КАРТА 1

КАРТА 2

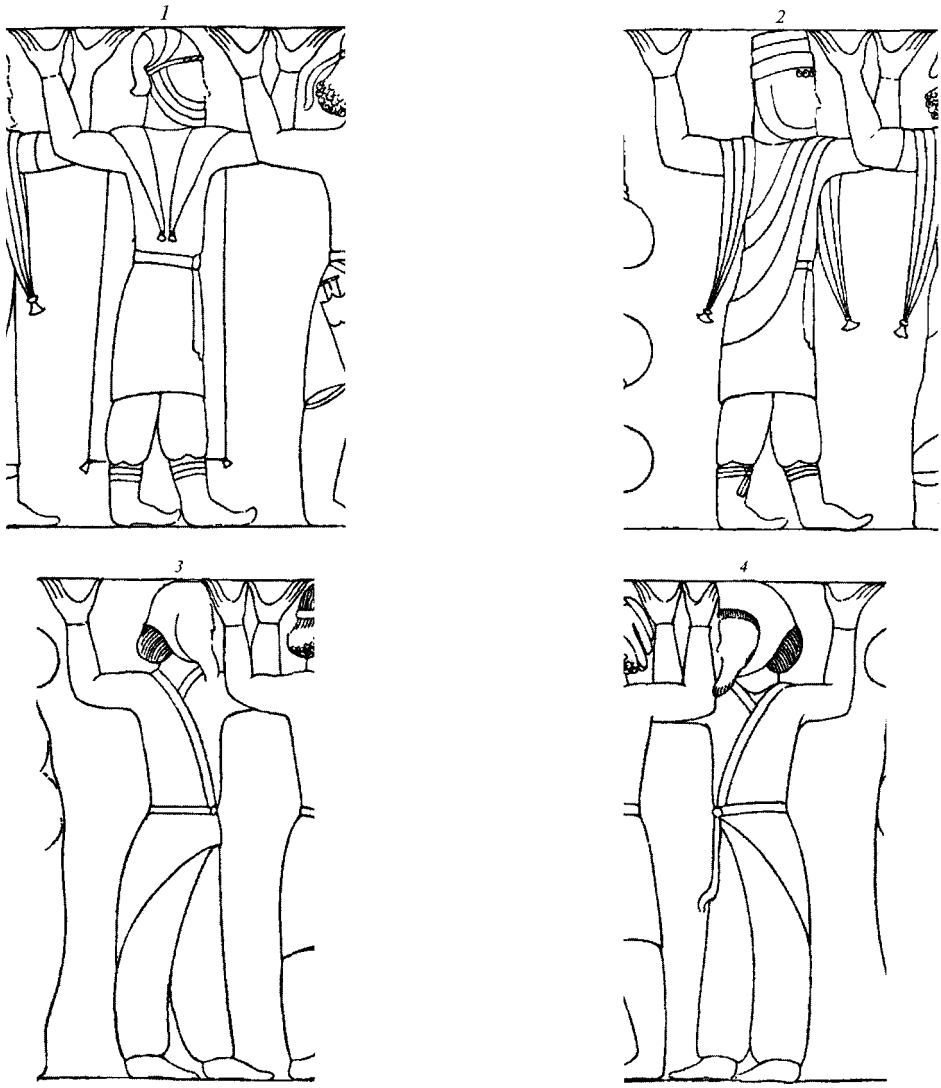
ЧАСТЬ 2. АРИАНА: СТРАНЫ И НАРОДЫ. ЗОРОАСТР — ДРЕВНИЙ ПРОРОК АРИАНЫ

В этом разделе мы рассматриваем историю древних оседлых земледельческих народов Средней Азии, которые составили историческую общность под названием «Ариана». Основным из этих народов: бактрийцам, согдийцам (столицей которых был город Мараканды), хорасмиям — посвящены отдельные главы[1]. Объединяющей идеей этого раздела является мысль о том, что народы Арианы представляли собой отдельную этническую общность ираноязычных народов, занимавшую промежуточное положение между западно- и восточноиранскими народами. Хотя она и была близка западноиранской общности, в целом она являлась вполне самостоятельным этническим образованием по основным этническим признакам: по языку, особенностям социального строя, погребальным и брачным обычаям, по историческим судьбам. Почти каждому из этих признаков посвящена отдельная глава раздела. В него не вошли публикации автора, посвященные рассмотрению в том же плане языка и брачных обычаев данной общности, поэтому отсылаю здесь читателя к соответствующим работам автора[2]. Ариана была вполне

[1] Новейший общий обзор истории этих и других оседлых народов древней Средней Азии см. в соответствующих разделах «Истории древнего Востока» (М., 2004), написанных И. В. Пьянковым (С. 698–762, 772–788).

[2] *Пьянков И. В.* К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения Кушанской

самобытна и в религиозном отношении, и именно она явилась той базой, где возник и сформировался изначальный зороастризм Авесты. Места проповеднической деятельности Зороастра точно совпадают с территорией Арианы. Поэтому народы Арианы можно с полным правом назвать «авестийскими арьями».

Носители трона ахеменидского царя. Изображения на рельефе из Персеполя:
1 — арей; *2* — дрангианец или арахозиец; *3* — согдиец; *4* — хорезмиец
(по: *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Berlin, 1966. S. 62–63, Abb. 5–6)

державы // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999. С. 42–43; История древнего Востока. М., 2004. С. 783–784.

1. АРИАНА ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ*

Арианой в древности называли страну, территория которой довольно точно соответствует территории формирования в более позднее время, уже в начале Средневековья, таджикского народа. Ариана и вопрос о сущности и формировании исторической общности Арианы теснейшим образом связаны с предысторией таджикского народа.

Начну с рассмотрения источников[1], в которых упоминается Ариана. Об Ариане говорится в античных источниках, в сочинениях древних греко-римских авторов. Сведения о ней разбросаны в нескольких сочинениях. Можно заметить, что сведения эти группируются как бы в отдельные гнезда информации, каждое из которых восходит к какому-либо одному автору. Попытаемся выделить такие гнезда.

Самая значительная группа сведений восходит к географическому сочинению Эратосфена. Сочинение это не сохранилось. Но из него в изобилии черпал Страбон, и сведения Эратосфена об Ариане дошли до нас главным образом в его переложении. Страбон, излагая Эратосфена, сообщает об Ариане преимущественно как о сфрагиде — одной из частей, на которые античные авторы делили обитаемую землю. Описывая деление ойкумены на части, он дает подробную характеристику Арианы как сфрагиды с указанием на ее границы, фигуру, величину и состав (Страбон, II, 1, 22 = Эратосфен, фр. III B, 5, 19[2]; Страбон, II, 1, 31; Страбон, II, 5, 32; XV, 2, 1 = Эратосфен, фр. III'B, 22, 24; Страбон, XV, 2, 8 = Эратосфен, фр. III B, 20; Страбон, XV, 2, 9 = Эратосфен, фр. III B, 23) или просто упоминает Ариану в перечне сфрагид (Страбон, II, 1,31; XI, 1, 7). С этими данными соединены: краткое описание Арианы, страны и людей, ее населяющих (Страбон, II, 5, 32), — несколько обособленно стоит замечание о мудрости арианов (Страбон, I, 4, 9 = Эратосфен, фр. II C, 24); краткий исторический очерк Арианы (Страбон, XV, 1, 10 = Эратосфен, фр. III B, 6; Страбон, XV, 2, 9 = Эратосфен, фр. III B, 23). Приводя все эти сведения, Страбон или прямо цитирует Эратосфена, или, во всяком случае, использует его материалы[3].

---

* Впервые опубликовано: Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. М.: Наука, 1995. № 1. С. 39–55.

[1] Общие источниковедческие вопросы, относящиеся к сведениям античных географов о Средней Азии, рассмотрены в моей работе, подготовленной для печати: «Средняя Азия в античной географической традиции». [Ныне эта работа опубликована (М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997).]

[2] Фрагменты сочинений Эратосфена см.: *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880.

[3] Об источниках Страбона см.: *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М., 1988. С. 6–175.

Данные Эратосфена сохранились помимо сочинения Страбона еще и в традиции Агриппы. Здесь тоже сведения об Ариане связаны с описанием частей ойкумены. Плиний, цитируя Агриппу, при описании соответствующей сфрагиды не упоминает Ариану (Плиний, VI, 137 = Агриппа, фр. 31[1]). Но он упоминает эту страну в других частях своего сочинения, имея в виду описание той же сфрагиды (Плиний, VI, 78; VI, 95). То, что Агриппа действительно говорил об Ариане в данном контексте, подтверждают сообщения других авторов. В анонимном сочинении «Измерение провинций» описание указанной сфрагиды содержит упоминание об Ариане, заимствованное у Агриппы[2]. Мела, хотя и не говорит о сфрагидах прямо, тем не менее в одном месте своего сочинения воспроизводит описание интересующей нас части ойкумены и при этом упоминает Ариану (Мела, I, 12). Традиция Агриппы в отличие от сообщений Страбона передает данные Эратосфена не непосредственно. Видимо, эти данные, прежде чем попасть к Агриппе, прошли через обработку Гиппарха — это относится и к данным об интересующей нас сфрагиде (ср. Страбон, II, 1, 34 = Гиппарх, фр. 23[3]). Но Гиппарх и Агриппа в рассматриваемом случае лишь переиначивали данные Эратосфена, не добавляя к ним каких-либо новых сведений.

Из каких источников черпал сам Эратосфен? Сфрагиды — творение Эратосфена, часть его общегеографической схемы. Но Ариана принадлежит реальной географии древности и лишь приспособлена к теоретическим построениям Эратосфена[4]. Сведения об Ариане как реальной стране Эратосфен заимствовал, скорее всего, у Мегасфена. Эратосфен, описывая восточные области ойкумены, вообще немало заимствовал у Мегасфена (и именно через его посредство данные Мегасфена отражены у Страбона)[5], а Мегасфен определенно говорил об Ариане.

Вторая по значению группа сведений об Ариане восходит, по моему мнению, к сочинениям Посидония. Эти сочинения тоже не сохранились. Но из них, как это давно признано, черпал материал Дионисий для своей «Периегесы». В названной поэме содержатся некоторые сведения об арианах: иносказательно, в поэтической манере, дано указание на их границы (713–714), приведены перечень их племен (1095–1098) и описание их страны (1099–1106)[6]. Такие же сведения Дионисий давал и в другой поэме — «Бассарика» (Стефан, «Каспир» = Дионисий, «Бассарика», фр. 16). У Дионисия их заимствовал Нонн для своей поэмы «Дионисиака» (Нонн, XXVI, 164).

---

[1] Фрагменты сочинений Агриппы см.: *Klotz A.* Die geographischen Commentarii des Agrippa und ihre Überreste // Klio. 1931. Bd 24.

[2] *Detlefsen D.* Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. B., 1906. S. 54; *A. Klotz.* Op. cit. S. 69.

[3] фрагменты сочинений Гиппарха см.: *Dicks D. R.* The Geographical Fragments of Hipparchus. L., 1960.

[4] См.: *Schmitt H. H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964, S. 78–80.

[5] См.: *Dubois M.* Examen de la Geographie de Strabon. P., 1891. P. 250; *Honigmann E.* Strabon von Amaseia // Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa (далее — RE). Leipzig, 1931. Bd 4A. Col. 137, 138.

[6] Фрагменты сочинений Дионисия Периегета см.: *Müllerus C.* Geographi Graeci Minores. P., 1861.

Влияние того же источника, из которого черпал Дионисий, заметно и у Страбона. Отметим прежде всего упоминание арианов в длинном рассуждении Страбона с прямой ссылкой на Посидония (Страбон, I, 2, 34), представляющем собой выдержку из тезисов Посидония, обосновывающих учение о зонах[1]. У того же автора заимствовал Страбон сведения, подразумевающие несколько иную концепцию Арианы, чем та, которую имел в виду Эратосфен, а именно замечание о Бактриане как части Арианы (XI, 11, 1), или упоминающие о событиях, выходящих за хронологические рамки сочинения Эратосфена (Страбон, XI, 11, I). Видимо, Страбон в данном случае, как и в других, используя в качестве основы сочинение Эратосфена, дополнял его материалами Посидония[2].

Наконец, на материалах Посидония основана астрологическая география «Тетрабибла» Птолемея (в спорном вопросе об источниках этой географии нам кажется убедительной именно такая точка зрения[3]). Описывая астрологическое районирование ойкумены, Птолемей в указанном сочинении несколько раз упоминает Ариану.

Из каких источников черпал сам Посидоний? Заметно, особенно по данным Дионисия, что представления Посидония об Ариане во многом повторяли указания Эратосфена. Это относится и к сведениям о границах и составе Арианы, к описанию этой страны. Но Посидоний, видимо, сознательно дополнял картину, нарисованную Эратосфеном, сведениями из более нового источника. Они содержатся в данных и Страбона, и Дионисия и в целом рисуют уже иную концепцию Арианы, которая проявляется и в характеристике ее состава, и в деталях ее описания, и в исторических указаниях. Некоторые из этих данных явно восходят к Аполлодору. Похоже, что и все новые данные об Ариане, которыми Посидоний дополнял сведения Эратосфена, заимствованы у названного автора. Материалы Аполлодора Артемитского определенно были использованы Посидонием, а через него дошли и до Страбона (нам кажется убедительной именно такая точка зрения на путь, которым данные Аполлодора Артемитского дошли до Страбона)[4], и до других авторов, использовавших сочинения Посидония.

Итак, мы выяснили, что первоисточниками двух основных групп сообщений об Ариане, рассмотренных выше, являются известия Мегасфена и Аполлодора. Действительно, данные этих авторов вполне могли основываться уже не на литературных источниках, а на их собственных наблюдениях и познаниях.

Мегасфен известен как посол Селевка I, ходивший к индийским царям Пору в Западную Индию и Сандрокотту (Чандрагупте) в город Палимботры (Паталипутру) в конце IV в. до н. э. и при этом посещавший также Сибиртия, сатрапа Арахосии — одной из областей Арианы. Его основное посольство было связано с заключением союза между Селевком и Сандрокоттом, в результате которого индийский царь получил ряд областей Арианы, расположенных вдоль Инда.

[1] *Honigmann E.* Op. cit. S. 122.

[2] *Behr A.* De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888. P. 8, 26.

[3] *Boll F.* Studien über Claudius Ptolemäus. Leipzig, 1894; ср. *Boer E.* Klaudios Ptolemaios. III A 8. Astrologische Schriften // RE. 1959. Bd 23. Col. 1836.

[4] *Behr A.* Op. cit. P. 7–35; ср. *Münzel R.* Apollodoros von Artemita // RE. 1894. Bd 1. Col. 2853.

Этот последний факт отмечен в историческом очерке Арианы, восходящем, как уже упоминалось, к Мегасфену.

Можно прямо показать, что ряд сведений Эратосфена об Ариане, рассмотренных выше, на самом деле восходят к более древнему автору, а именно к Мегасфену. Так, Эратосфен, как уже говорилось, сообщал об Ариане в связи с делением ойкумены. Но о таком же делении Азии писал уже Мегасфен, явно имея в виду в качестве одной из частей Азии наряду с Индией Ариану (Арриан, «Анабасис Александра», V, 6, 2 = Мегасфен, фр. 6а)[1]. Эратосфен говорил об Ариане как об одной из соседних с Индией стран (Страбон, XV, 1, 11, = Эратосфен, фр. III B, 6). Помимо того что само указанное сообщение основано на данных Мегасфена (Страбон, XV, 1, 11 = Мегасфен, фр. 6с), известно и другое высказывание Мегасфена о соседях Индии, среди которых упомянута и Ариана (Диодор, II, 37, 6 = Мегасфен, фр. 4), причем со ссылкой на индийских «философов и естествоиспытателей». Эратосфен говорил об арианах как о «воспитанных» людях (Страбон, I, 4, 9 = Эратосфен, фр. II C, 24), имея в виду, судя по контексту, какие-то их общественные установления. Известно сообщение Диодора (Диодор, I, 94, 2), восходящее, вероятнее всего, к Мегасфену (по другим предположениям — к Гекатею Абдерскому или к Ктесию)[2], о народах, принявших благие законы, и среди этих народов упоминаются арианы. Впрочем, следует учитывать, что существуют и такие чтения текста, согласно которым здесь речь шла не об арианах, а об ариаспах[3]. Далее, Эратосфен говорил, что некоторыми областями Арианы, частично расположенными вдоль Инда, завладели индийцы (Страбон, XV, 1, 10; 2, 9 = Эратосфен, фр. III B, 6, 23). Плиний же в своем описании Индии, которое в значительной части восходит к Мегасфену, говорит, что те же области одни относят к Индии, а другие — к стране ариев, т. е. в данном случае — арианов (Плиний, VI, 70). В этом сообщении, видимо, нашло отражение известие Мегасфена о переходе ряда областей Арианы под власть индийского царя.

Аполлодор родом из города Артемиты, расположенного в пределах Вавилонии, но к востоку от Тигра, был хорошо осведомлен о далеких восточных странах, и в том числе об Ариане, уже в силу того обстоятельства, что его родной город лежал на большой и важной дороге, соединявшей Селевкию на Тигре с Индией. Если он действительно, как полагают, был связан с торговой аристократией Селевкии, то вполне вероятно, что он и сам совершал путешествия на восток. Писал он, скорее всего, на рубеже II и I вв. до н. э. К Аполлодору, как уже говорилось, восходят сведения об Ариане, которыми Посидоний дополнял данные Эратосфена. В сочинении Страбона к числу таких сведений принадлежат те, которые трактуют Ариану в более широком смысле, причисляя к ней Бактриану, и которые связывают Ариану с более поздними историческими событиями. Но

[1] Фрагменты сочинений Мегасфена см.: Die Fragmente der griechischen Historiker (далее — FGH). Bd 3 C.

[2] См.: *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 146; относительно Ктесия как источника см.: *Jacoby C.* Ktesias und Diodor, eine Quellenuntersuchung von Diodor II, 1–34 // Rheinisches Museum für Philologie, N. F. 1875. Bd 30. S. 582.

[3] *Gnoli G.* Op. cit. P. 143, 144.

именно эти сведения являются бесспорным заимствованием у Аполлодора (Страбон, XI, 11,1 = Аполлодор Артемитский, фр. 7а)[1]. Их связывал с именем Аполлодора еще В. Томашек[2].

Данными Мегасфена и Аполлодора сведения об Ариане в античной литературе не ограничиваются. Есть указания и на еще более раннее знакомство античного мира с Арианой.

Много сведений о восточных странах, вплоть до Индии, собрал Демокрит, путешествовавший во второй половине V в. до н. э. Говорил он как будто и об Ариане. Во всяком случае, Плиний, цитируя его сочинение «Хирокмета», упоминает Ариану (Плиний, XXIV, 162). Правда, еще в древности высказывались сомнения относительно подлинности этого сочинения. Но вопрос о подлинности в данном случае для нас не очень существен, так как указанное и подобные ему сочинения, даже если и не были составлены самим Демокритом, все равно базировались на его материалах[3].

Еще больше сведений о восточных странах доставили походы Александра Македонского. Многие участники этих походов впоследствии описывали их. Таковы были Аристобул, дошедший с войсками Александра до Индии, и Неарх, возглавивший морскую экспедицию от устья Инда на запад во время возвращения македонских войск из Индии. Видимо, к этим авторам восходят сообщения Страбона о действиях македонских войск с упоминанием Арианы. Во всяком случае, цитируя одного из них по поводу географических воззрений Александра, Страбон упоминает Ариану (Страбон, XV, 1, 25). К Аристобулу, у которого Страбон вообще заимствовал большинство своих сведений на эту тему (впрочем, возможно, через посредство Эратосфена)[4], скорее всего, восходят сообщения о пути Александра в Бактриану через Ариану (Страбон, XV, 1, 26; XV, 2, 10). К тому же Аристобулу или Неарху восходят сообщения о походе Кратера через Ариану в Карманию (Страбон, XV, 2, 4; XV, 2, 11).

Сведения, собранные во время походов Александра, нашли отражение и в сочинении Феофраста, ученика и преемника Аристотеля. Иногда даже полагают, что Феофраст непосредственно использовал документы из архива македонского царя, составленные людьми, специально назначенными описывать отдаленные страны[5]. В сообщении Феофраста, относящемся именно к этому слою его информации, и упомянута Ариана (Феофраст, «Исследование о растениях», IV, 4, 12; в дошедшем до нас тексте — Ария[6]). Плиний, заимствуя это сообщение у Феофраста, говорит точно об Ариане (Плиний, XII, 33).

Остановимся теперь на вопросе о том, что понимали в древности под Арианой, какое содержание вкладывали в это название, зафиксированное у греческих авторов в виде Ἀριανή, у латинских — в виде Ariana, а как название народа —

---

[1] Фрагменты сочинений Аполлодора Артемитского см.: FGH. Bd 3C.

[2] *Tomaschek W.* Ariane // RE. 1896. Bd 2. Col. 814.

[3] *Hammer-Jensen J.* Pseudo-Demokrit // RE. Suppl. 1924. Bd 4. S. 221, 222.

[4] *Dubois M.* Op. cit. P. 244; *Honigmann E.* Op. cit. Col. 138.

[5] *Bretzl H.* Botanische Forschungen des Alexanderzuges. Leipzig, 1903, S. 4; *Brown T. S.* Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 79.

[6] См.: *Bretzl H.* Op. cit. S. 279–281.

соответственно в виде 'Αριανοί (эпическая разновидность — 'Αριηνοι) и Ariani. Иранский прототип этого названия имеет в основе arya-, но конкретные его формы восстанавливаются по-разному: иногда как aryana — «арийская [страна]»[1], чаще как aryānām [χšaϑram] — «[царство] ариев»; предложена также форма, аналогичная авестийскому выражению airyanam dahyunam, имевшая смысл «стра́ны ариев»[2]. Нужно отметить, что название «Ариана» и лежащее в его основе этническое имя «арии» не имеют ничего общего с названием страны «Ария» (иранский прототип — Haraiva) и производным от него названием «арии». Античные авторы часто путают «Ариану» с «Арией», но нет никаких оснований считать, что первое название вообще происходит от второго и лишь случайно совпало с иранским arya, как иногда полагают[3].

Вопрос о содержании названия «Ариана» не так уж прост, и исследователи отвечали на него по-разному. Обзор различных мнений был дан в научной литературе[4]. Сводятся они, в общем, к следующему. Одни ученые склоняются к тому, чтобы признать в указанном термине преимущественно этническое содержание. Арианами, по их мнению, уже с ахеменидского времени назывались все иранские народы Иранского нагорья, и даже в первую очередь персы (Г. Шмитт), а ограничение этого названия только народами восточной части Иранского плато объясняют или ошибкой источника (Т. Нёльдеке), или обстановкой, сложившейся лишь ко времени диадохов (В. Томашек, Г. Шмитт). Забегая вперед, отметим, что анализ источников позволяет согласиться с выводом о глубокой древности рассматриваемого названия, но не подтверждает такого определения его территориального содержания. Другие ученые видят в этом названии выражение «политической идеи» и обычно считают, что в античную литературу его ввел Эратосфен. Ариана, по их мнению, соответствует или Парфянскому царству времени Эратосфена (И. Маркварт, В. В. Бартольд, Э. Херцфельд, Р. Фрай), или тому же Парфянскому царству плюс все иранские области, не подчинявшиеся ни Селевкидскому, ни Греко-Бактрийскому государству (И. Вольский). Добавим, что подобная точка зрения, согласно которой Ариана Эратосфена означает царство парфян, выражена и в недавно вышедшем томе «Кембриджской истории Ирана»[5]. Источники не позволяют согласиться с этим мнением. Мы уже видели, что упоминания об Ариане появляются в античных сочинениях задолго до Эратосфена, а сам Эратосфен, пользуясь этими сочинениями, ничего не знал о современном ему положении в Восточном Иране: самые поздние использованные им источники, касающиеся указанного региона, видимо, относятся ко времени Селевка I и Антиоха I — это сочинения Патрокла, Мегасфена, Деимаха и т. п. Наконец, Дж. Ньоли полагает, что Ариана точно соответствует тем областям восточной части Иранского плато, где зарождался зороастризм[6].

---

[1] *Noldeke T.* Aufsatze zur Persischen Geschichte. Leipzig, 1887, S. 148; *Tomaschek W.* Op. cit. Col. 814.
[2] *Gnoli G.* Op. cit. P. 140.
[3] *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 20, 80, 81; см. также: *Gnoli G.* Op. cit. P. 142.
[4] *Gnoli G.* Op. cit. P. 12, 13, 140, 142; *Schmitt H. H.* Op. cit, S. 76, 77.
[5] The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983. Vol. 3. P. 747.
[6] *Gnoli G.* Op. cit. P. 12, 13, 130, 131, 141.

Обращаясь к источникам, мы обнаруживаем, что на вопрос о содержании названия «Ариана» они дают однозначный ответ: Ариана — это название единой племенной группы (Страбон, II, 1, 31), принадлежность к которой определяется сходством языков входящих в нее народов (Страбон, XV, 2, 8). Тем не менее, когда источники дают точное определение территории Арианы, они почти всегда имеют в виду под ней условную фигуру сфрагиды. Несовпадение между Арианой как действительно единой этнической группой и Арианой как сфрагидой сознавали и сами античные авторы: не случайно Страбон, характеризуя сфрагиду Арианы как племенное единство, добавляет условную частицу ὡάν — «как бы»; ту же частицу он добавляет и к определению сторон сфрагиды как прямых линий — прямыми они тоже были лишь приблизительно (Страбон, II, 1, 31; XV, 2, 8).

Создателем теории сфрагид был Эратосфен[1]. Всю Азию он разделил на южную и северную половины непрерывным хребтом Тавр, который позднее называли и Кавказом, а южную половину — на четыре сфрагиды. Самой восточной из них была Индия, а следующей за ней — Ариана. Наиболее полное описание этой второй сфрагиды южной половины Азии дал Страбон, следуя за Эратосфеном. Фигура Арианы, по его словам, является четырехсторонней, хотя и не образующей правильного параллелограмма (Страбон, XV, 2, 1; II, 1, 31; II, 1, 22 = Эратосфен, фр. III B, 19). С восточной стороны она ограничена Индом, с южной — Великим морем или частью его, Эритрейским (Красным) морем, с северной — Тавром, точнее хребтом Паропамис и следующими за ним горами вплоть до Каспийских ворот, а с западной — условной линией, проведенной от Каспийских ворот до побережья Кармании, где находится мыс и вход в Персидский залив (Страбон, XV, 2, 8 = Эратосфен, фр. III B, 20; Страбон XV, 2, 1 = Эратосфен, фр. III B, 24; Страбон, II, 1, 22 = Эратосфен, фр. III B, 19). Всю эту территорию населяют такие народы: в самой восточной части, примыкающей к Инду,— паропамисады, арахоты, гедросены, западнее — арии и дранги, а еще западнее — парфяне до Каспийских ворот и Карманийской пустыни, вдоль берега моря на юге — арбии, ориты, ихтиофаги и кармании (Страбон, II, 5, 32; Страбон, XV, 2, 8, 9 = Эратосфен, фр. 23; Страбон, XV, 2, 1 = Эратосфен, фр. 32; Страбон, XI, 10, 1). Области всех этих народов, конечно, нельзя было уложить в геометрические границы сфрагиды, и Эратосфен, судя по Страбону, сам понимал это. Особенно условной он считал западную границу, где народы жили смешанно (Страбон, II, 1, 22 = Эратосфен, фр. III B, 19; Страбон, II, 1, 23 = Эратосфен, фр. III B, 25) и действительной границей служили горы, отделявшие Парфию от Мидии, а Карманию от Персии и Паретакены (Страбон, XV, 2, 8 = Эратосфен, фр. III B, 20). Страбон вслед за Эратосфеном определяет и размеры Арианы. Шириной ее они считали длину Инда, принимаемую за 12 000 стадиев, длину определяли в 14 000 стадиев, а длину береговой линии — в 10 000 стадиев (Страбон, XV, 2, 8 = = Эратосфен, фр. III B, 20). Определяя длину, Эратосфен опирался на описание дороги, ведущей от Каспийских ворот через земли парфян, ариев, дрангов,

[1] О сфрагидах Эратосфена см.: *Дитмар А. Б.* География в античное время (Очерки развития физико-географических идей). М., 1980. С. 72.

арахотов и паропамисадов в Индию,— описание, содержащееся в «Списке азиатских дорожных стоянок» бематистов Александра, а определяя длину береговой линии — видимо, на описание плавания македонского флота от устья Инда к Персидскому заливу, составленное Неархом.

Такое представление об Ариане разделял и Посидоний, насколько можно судить по данным Дионисия. Посидоний в данном случае заимствовал у Эратосфена, хотя, возможно, дополнял его, черпая из других источников. К рассматриваемому варианту в трактовке Арианы относятся два места в «Периегесе» Дионисия. В одном из них Дионисий говорит о «кавказских поножах эритрейских ариенов» (714), намекая на северный и южный пределы Арианы — Кавказские горы и Эритрейское море, в другом перечисляет: ориты, арибы, арахоты, сатраиды и «все кто бы ни обитал близ ущелья Парпаниса, именуемые общим названием ариенов» (1095–1098).

Схему деления ойкумены на сфрагиды развивал далее труд Агриппы. Часть ойкумены в схеме Агриппы, соответствующая второй сфрагиде Эратосфена, приобрела несколько иные очертания: на западе в нее были включены все земли вплоть до Тигра. По Плинию, границами этой части были: на востоке — Инд, на западе — Тигр, на севере — Кавказский Тавр, на юге — Красное море; включала она Мидию, Парфию и Персиду, в ширину имела 840 миль, в длину — 1320 миль (Плиний, VI, 137 = Агриппа, фр. 31). Список стран, входящих в данную часть ойкумены, у Плиния явно не полон. Агриппа, как уже говорилось выше, упоминал здесь и Ариану. Плиний пропустил ее в указанном месте своего сочинения, но упоминает в других местах, заимствуя из того же источника. Так, он описывает «область Ариану у Инда» (Плиний, VI, 93), и хотя он ошибся, назвав Ариану вместо Арбианы (Плиний, VI, 97), сама эта ошибка показательна: видимо, в источнике Плиния Арбиана фигурировала как ближайшая к Инду часть Арианы. Ту же область, используя общий с Плинием источник, описывает Мела (Мела, III, 71). Этим общим источником, по моему мнению, и является труд Агриппы. Далее, Плиний говорит об области Даритида (Daritis): «некоторые» считают ее частью Арианы и дают размеры той и другой: длина — 1950 миль, ширина — половина ширины Индии (Плиний, VI, 95). В. Томашек видит в этой области мидийскую Даритиду[1], мне же кажется, что здесь имеет место рукописное искажение первоначального названия «Гандаритида» (Gandaritis). Видимо, Агриппа взял цифровые данные, как и в других случаях, у Гиппарха и Эратосфена, хотя и не принял их для своей схемы. Определение длины Арианы в 1950 миль (15 600 стадиев) близко к определению протяженности дороги через Ариану от Каспийских ворот до «границ Индии» (15 300 стадиев — по Страбону, 15 690 стадиев — по Плинию), которым Эратосфен оперировал при вычислении длины Арианы. В описании указанной дороги и могла фигурировать Гандаритида — ближайшая к Инду область, расположенная на пути из страны паропамисадов в Индию.

Следы описания рассматриваемой части ойкумены обнаруживаются и у Мелы, что подтверждает определение общего источника Плиния и Мелы как труда

[1] *Tomaschek W.* Op. cit. Col. 814.

Агриппы. Согласно Меле, ближайшей к Индии страной является Ариана, затем следуют Ария, Гедросида и Персида вплоть до Персидского залива, а внутри материка за Персидским заливом лежат области парфян и ассирийцев (Мела, I, 12, 14). У других авторов, наследующих традицию Агриппы, у Оросия (Оросий, I, 2, 17) и Исидора Севильского, в анонимных сочинениях «Измерение провинций» (2) и «Разделение мира» (23) тоже содержится описание интересующей нас части ойкумены. Они дают некоторые варианты в цифрах и названиях пограничных объектов, а состав сфрагиды, если суммировать их данные, определяют так: Ассирия, Персида, Мидия, Парфия, Кармания, Арахосия, Ариана. Конкретный материал всех этих авторов, заимствовавших у Агриппы, восходит в конечном счете к Эратосфену. То, что ряд областей, согласно Эратосфену, входивших в состав Арианы, у них назван рядом с Арианой — Парфия, Ария, Кармания, Гедросия, Арахосия, — не свидетельствует об их самостоятельности. Видимо, это объясняется заимствованием с карты, на которой общее название страны — Ариана стояло рядом с названием ее частей.

Сфрагиды — конструкция Эратосфена. Но отдельные элементы этой конструкции Эратосфен заимствовал у своих предшественников. Представление о хребте, делящем в широтном направлении всю Азию, он заимствовал у Дикеарха. Представление о трех частях Азии за вычетом Индии — из данных о делении Персидского царства ахеменидского времени на три части. Даже границы трех сфрагид совпадают с рубежами трех частей Персидского царства. И в том, и в другом случае таковыми являются Каспийские ворота и Евфрат. Сохранилось в источниках и прямое свидетельство того, что прообразом второй сфрагиды Эратосфена является восточная треть державы Ахеменидов: Страбон, приступая к обзору указанной сфрагиды, говорит, что Ариана — это первая часть территории, подвластной персам за рекой Инд, и верхних сатрапий за Тавром (Страбон, XV, 2, 1). Возникает вопрос: если Ариана не совпадает точно со сфрагидой, то, может быть, она соответствует по своим очертаниям восточной трети Персидского царства?

Определение Арианы как первой за рекой Инд части территории, подвластной персам, как будто позволяет ответить на вопрос утвердительно. Действительно, «первой за рекой Инд» — если обзор начинать с Индии — частью державы Ахеменидов и будет ее восточная треть. О ней имеются некоторые сведения в источниках, позволяющие точнее определить ее территорию. Так, Курций рассказывает, что заговорщики из числа персидской знати решили противостоять Александру, надеясь на «обширность пространств», им подвластных, занимающих «третью часть Азии» (Курций, V, 10, 3). Поскольку здесь говорится о владениях персидских сатрапов, то, очевидно, речь идет о «третьей части» не Азии вообще, а Персидской державы как «царства Азии». Судя по данным историков Александра, упомянутыми сатрапами были: бактрийский сатрап, которому подчинялись кроме бактрийцев согдийцы и «индийцы, соседи бактрийцев», они же «индийцы с этого берега Инда», а также Парфия, простиравшаяся тогда от Каспийских ворот на восток, и Ария; сатрап ариев, сатрап дрангов и арахотов. Таким образом, владения их простирались от Каспийских ворот до Яксарта и Инда. Яксарт, или Танаис, и Инд считались и внешними рубежами Персидского царства (Страбон, XI, 11, 4; XV, 1, 10). Другой автор, Харес, современник

Александра, был убежден, что страна от Каспийских ворот до Танаиса составляла отдельную часть «царства Азии» еще в мифические времена (Афиней, XIII, 35). Эта страна и являлась восточной третью державы Ахеменидов. Правда, следует учитывать, что власть Ахеменидов простиралась до Яксарта лишь в том месте, где к нему примыкала Согдиана, а до Инда лишь там, где к последнему подходила Гандаритида. На крайнем юго-востоке ко времени Александра власти Ахеменидов уже не существовало. На морском побережье подвластные им земли начинались от устья реки Гиктанис в пределах Кармании (Плиний, VI, 98). Территория в очерченных здесь границах и могла бы соответствовать Ариане, но ограничение, введенное Страбоном в определение Арианы — «часть верхних сатрапий за Тавром», т. е. часть восточных сатрапий только к югу от Тавра,— не позволяет согласиться с таким выводом. Очевидно, к Ариане во времена Александра относили не всю восточную треть Персидского царства, а лишь часть ее, расположенную к югу от гор.

Кроме сфрагид Ариана фигурирует и еще в одном теоретическом построении античной географии — в учении о зонах. Создателем этого учения был Посидоний[1]. Всю ойкумену он разделил на три основные зоны, которые, видимо, делил еще на «подзоны», и добавил к ним некоторые дополнительные пояса. Вопрос об общем количестве зон Посидония спорен. Мы считаем, что среднюю зону Посидоний делил Тавром на две половины — южную и северную. Учение о зонах уже у Посидония испытывало сильное влияние астрологии, и впоследствии его «зональная» география использовалась при создании различных схем астрологической географии.

Полагаю, что данные Посидония лежат в основе и астрологической географии «Тетрабибла» Птолемея. Здесь наряду с прочим дан перечень стран юго-восточной четверти ойкумены, сгруппированных в три триады: Индия, Ариана и Гедросия; Парфия, Мидия и Персида; Вавилония, Месопотамия и Ассирия (Птолемей, II, 3). Видимо, при составлении его Птолемей использовал описание южной половины средней зоны, принадлежавшее Посидонию. Аналогичный перечень стран северо-восточной четверти ойкумены тоже сгруппирован в три триады: Гиркания, Армения и Матиана; Бактриана, Каспирия и Серика; Саврматика, Оксиана и Согдиана (Птолемей, II, 3). Он, видимо, основан на описании северной половины средней зоны и частично северной зоны. Если определить территорию Арианы, взятой в контексте этих перечней, то она займет на карте вполне определенное место: на востоке она граничит с Индией, на севере — с Бактрианой и Каспирией, на западе — с Парфией, Мидией и Персидой, на юге — с Гедросией. Можно даже попытаться восстановить место Арианы в схеме зон Посидония. Ариана была помещена, очевидно, в южную половину средней зоны, к югу от Тавра. В том же поясе находилась Индия, равно как Парфия, Мидия и Персида, а в северной половине средней зоны, напротив Арианы, — Бактриана и Каспирия. Вполне возможно, что Гедросию Посидоний упоминал отдельно от Арианы в связи с описанием дополнительного, отличающегося

[1] О зонах Посидония см.: *Дитмар А. Б.* О географическом районировании ойкумены в античное время // Вопросы истории и теории землеведения. Ярославль, 1972. С. 47.

особой засушливостью, узкого пояса вдоль тропика. Об этом поясе говорит Страбон, ссылаясь на Посидония, и отмечает, что в его пределах находятся и ихтиофаги (Страбон, II, 2, 3 = Посидоний, фр. 49[1]), а последние, как считалось, обитают в Гедросии (Страбон, II, 5, 33; II, 5, 36).

В то же время Страбон, тоже обращаясь к учению о зонах и цитируя Посидония, называет ассирийцев, арианов и арамеев, т. е. сирийцев, населявших и Месопотамию (Страбон, I, 3, 34), в качестве соседних народов, обитающих на одних широтах[2]. Очевидно, Посидоний был знаком и с более широким пониманием Арианы и отводил ей всю ту часть южной половины средней зоны, которая была заключена между Индией, с одной стороны, Ассирией и Месопотамией — с другой, включая в нее Парфию, Мидию и Персиду. Посидоний конструировал свои зоны, опираясь на разнородный материал. Представления о востоке ойкумены, отраженные в его схеме, основаны на данных Эратосфена, дополненных некоторыми более новыми источниками, в том числе данными Аполлодора Артемитского. Также и представление его об Ариане скомбинировано из показаний разных источников: видимо, в основе здесь лежат данные Эратосфена об Ариане как сфрагиде, которые соединены с какими-то другими сведениями, более точно определяющими Ариану, исключая из нее Парфию и Гедросию, а также с данными, рисующими Ариану, напротив, как более широкую общность, включающую даже Персиду и Мидию.

Итак, Ариана как этническая общность не находит себе вполне адекватного выражения ни в теоретических построениях античной географии, ни даже в реально существовавшем административном объединении, хотя в источниках и соотнесена с последним. Обратимся к тем определениям Арианы, которые прямо характеризуют ее как этническую общность, а также к сообщениям, в которых Ариана упоминается в контексте исторического повествования или хорографического описания, где название «Ариана» могло употребляться в своем первоначальном смысле, не подверженном влиянию общих географических концепций.

Самое раннее сообщение такого рода, в котором упоминается Ариана, принадлежит, как уже говорилось, Демокриту. Согласно Плинию, Демокрит описывал какое-то растение «арианида», произрастающее у арианов: оно огненного цвета, собирают его, когда Солнце стоит в созвездии Льва (т. е. в августе), и куски дерева, смоченные в масле, воспламеняются при его прикосновении (Плиний, XXIV, 162). Сделать какие-либо выводы о местонахождении страны арианов из этого трудно. Последующие сообщения более содержательны. Их можно разделить на две хронологические группы, различающиеся по тому признаку, в каком качестве выступает в них Ариана. Каждая из них отражает свою концепцию Арианы.

Ранняя группа относится ко времени Александра Македонского и его ближайших преемников и восходит в основном к Аристобулу, Неарху и Мегасфену. То, что и тогда Ариана представляла собой некую общность, объединенную определенными традициями и обычаями, свидетельствует сообщение Диодора, восходящее к Мегасфену, об арианах как об одном из народов, законы которого

[1] Фрагменты сочинений Посидония см.: *Edelstein L., Kidd I. G.* Posidonius. Cambridge, 1972. Vol. 1.
[2] *Honigmann E.* Op. cit. Col. 122.

установлены пророками, ссылавшимися на божественное откровение: у арианов таким пророком был Затрауст, объявивший, что он получил законы от Доброго Духа (Диодор, I, 94, 2).

Общий исторический очерк Арианы рассматриваемого времени, который мы находим у Страбона, был составлен Эратосфеном по материалам Мегасфена. Он содержит следующие данные: Ариана, расположенная к западу от Инда, сначала принадлежала персам, затем ею овладел Александр, который отнял земли у арианов и основал там свои поселения, а еще позднее Селевк Никатор отдал часть ее, расположенную вдоль Инда, индийскому царю Сандрокотту (Страбон, XV, 1, 10 = Эратосфен, фр. III B, 6; Страбон, XV, 2, 9 = Эратосфен, фр. III B, 23).

Александр прошел через Ариану на пути из Парфии в Бактрию. Согласно Страбону, опиравшемуся на данные современников событий, Александр, приблизившись здесь к Индии, шел через Арию, земли дрангов, эвергетов, арахотов и паропамисадов: перевалив через хребет Паропамис на север и имея при этом Индию справа, он прибыл в Бактриану (Страбон, XV, 1, 26; XV, 2, 10). Правда, Страбон вместо Арии говорит об Ариане (Страбон, XV, 2, 10), как бы совместив две страны в одном названии, но этим лишь подчеркнуто, что на пути из Парфиены Ария была первой страной, принадлежавшей Ариане.

На обратном пути из Индии Александр послал отряд под предводительством Кратера, который прошел через Ариану, выступив от реки Инда в Индии и прибыв в Карманию. Согласно Страбону, на этом пути он проследовал через земли арахотов и дрангов (Страбон, XV, 2, 4, 5, 11; Арриан, «Анабасис Александра», VI, 15, 5; 17, 3). С этим сообщением связано и довольно темное известие Страбона о том, что Хаарена, ближайшая к Индии область, через которую прошел Кратер, отстоит от Арианы через земли арахотов и «вышеупомянутую горную страну» (страну паропамисадов?) на 19 000 стадиев (Страбон, XV, 2, 11). Обычно считают, что «Ариану» здесь нужно исправить на «Арию». Но с предполагаемым путем на Арию не согласуются ни названия народов, ни указание на расстояние. Думаю, что в основе этого известия лежат данные о том же пути Кратера, может быть, неправильно понятые уже самим Страбоном: Хаарена отделена от Арианы и земли арахотов как ее части какой-то горной страной (но не упомянутой выше страной паропамисадов), а указание на расстояние относится ко всему пути Кратера.

Селевк I большую часть Арианы отдал индийскому царю Сандрокотту. Судя по Страбону, эта часть должна была состоять из стран паропамисадов, арахотов и гедросенов (Страбон, XV, 2, 9). Очевидно, так оно и было[1]. Но Плиний, как мы видели, говорит о «четырех сатрапиях» арианов, включенных в состав Индии: гедросах, арахотах, ариях и паропанисидах, где река Кофет служит границей (Плиний, VI, 78). Реку Кофет Плиний противопоставляет в качестве границы Индии реке Инду. В источнике Плиния эта река определенно отмечалась как граница между паропанисидами и индийцами.

Общее описание Арианы, которое содержится у Страбона и Дионисия, восходит к Эратосфену и составлено последним, видимо, под впечатлением со-

[1] *Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 59; *Bernard P.* Fouilles d'Ai Khanoum. P., 1985. T. 4. P. 85–95.

общений, найденных им у историков Александра. Оно характеризует Ариану как страну, редко населенную из-за скудости почвы, заполненной песком и поросшей кустарником (Страбон, II, 5, 32; Дионисий, 1099, 1100). Предложено понимать под упомянутым у Дионисия «песком» лёссовые почвы долины Окса[1]. Однако вряд ли Дионисий, говоря о ψάμμος, имел в виду что-нибудь иное, кроме песка пустыни. Да и общее происхождение указанных сообщений Страбона и Дионисия, характеризующих Ариану, и контекст их достаточно явны. Эта характеристика Арианы определенно навеяна рассказами о переходе войск Александра через песчаную пустыню на пути от оритов в Гедросию (Страбон, XV, 2, 5–7). В этих же рассказах можно найти немало сведений и о кустарниковой растительности пустыни. Специально о растениях Арианы рассказывает Феофраст. Одно из них — так называемая «колючка», из которой на солнце вытекает сок, подобный мирре; другое — белая «колючка Геракла», с троящимся стеблем, из которой делают палицы и посохи; третье — колючий кустарник величиной с капусту, имеющий листву, как у лавра, и ядовитый для скота — коннице Александра он нанес большой урон (Феофраст, «Исследование о растениях», IV, 4, 12; Плиний, XII, 33, 34). Все эти кустарники описаны в рассказах, повествующих о возвращении македонского войска из Индии через пустыню, отделявшую страну оритов от Гедросии (Страбон, XV, 2, 3, 7; Аррриан, «Анабасис Александра», VI, 22, 4–8). Впрочем, Х. Бретцль, проанализировавший все эти сообщения, пришел к выводу, что последнее из описанных у Феофраста растений — это асафетида, хорошо известная античному миру под названием сильфия, но в данном случае не узнанная, так как греки видели ее осенью, когда растение не имело привычного для них облика, видели ее именно в Арии[2], когда Александр шел через Ариану в Бактрию и затем в Индию.

Нужно отметить еще один важный момент, предположительно относящийся к общему описанию Арианы. Нонн, заимствуя, скорее всего, у Дионисия Периегета, сопровождает упоминание об одном племени Арахосии очень любопытным замечанием, смысл которого заключается в том, чтобы отметить своеобразие этого племени, особую, отличающую его черту: они хоронят в земле своих воинов, павших в битве. В устах грека такое замечание выглядит странно. Оно будет понятно лишь в том случае, если допустить его происхождение из первоисточника, в котором указанная черта противопоставлялась обычаю, принятому у соседних народов, вместе с которыми жители Арахосии входят в какую-то более широкую общность. Если учесть, что таким первоисточником в данном случае, вполне возможно, был Мегасфен, то речь шла, очевидно, об одном из обычаев, установленных для народов Арианы пророком Затраустом. Уже показано — и вполне убедительно, — что таким обычаем, которому противопоставлен обряд погребения, принятый арахосийским племенем, являлся зороастрийский обычай выставления трупов своих родственников на съедение зверям[3].

---

[1] *Шювен П.* Некоторые среднеазиатские аспекты в греческой поэзии императорской эпохи // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 174.

[2] *Bretzl H.* Op. cit. S. 279–292, 311.

[3] *Шювен П.* Указ. соч. С. 174, 175.

Итак, из совокупности всех указаний рассмотренной группы источников следует, что в состав Арианы входили такие народы: арии, дранги, арахоты, паропамисады и гедросии. Возможно, впрочем, что гедросии были причислены к Ариане лишь благодаря их соседям-оритам: видимо, и сами ориты, и окружающая их пустыня иногда рассматривались как части Гедросии. Ориты же определенно принадлежали Ариане. Современники Александра отмечали, что ориты хотя и одеваются по-индийски, но язык, законы и обычаи у них — другие, в частности и такой обычай, как выставление трупов умерших сородичей в лесу на съедение зверям (Арриан, «Индика», 25, 2; Диодор, XVII, 105, 1, 2). Остальные народы, включенные во вторую сфрагиду, арианами не считались. Это определенно можно сказать относительно индийского народа арбиев. Страбон, цитируя Неарха, прямо говорит, что морское побережье, занятое арбиями, является частью страны индийцев (Страбон, XV, 2, 1 = Неарх, фр. 24)[1]. Ихтиофаги тоже вряд ли были арианами. Видимо, и кармании, и парфяне в это время еще не именовались арианами.

Ареи. Фрагмент рельефа из Персеполя
(по: *Walser G.* Op. cit. Tafeln)

Бактрийцы. Фрагмент рельефа из Персеполя
(по: *Walser G.* Op. cit. Tafeln)

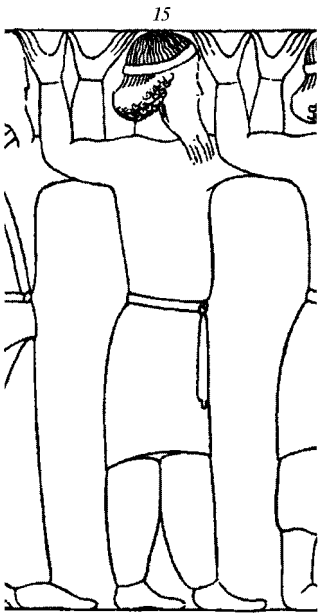
[1] Фрагменты сочинений Неарха см.: FGH. Bd 2 B.

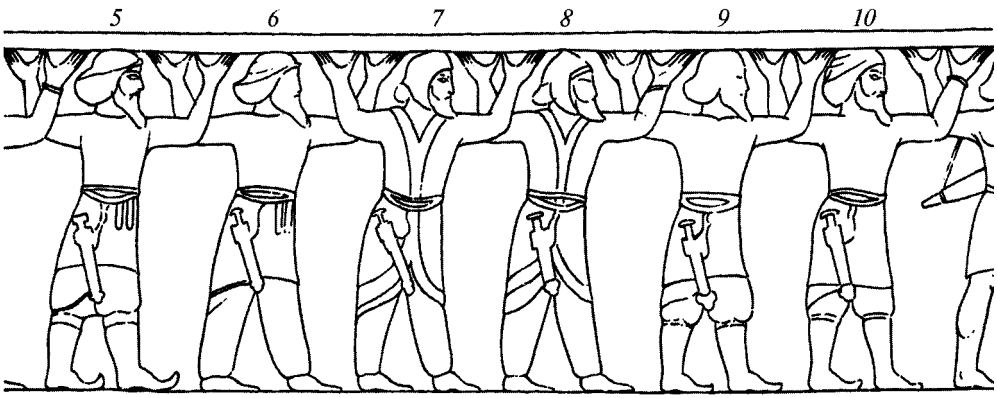
Драгианцы или арахозийцы. Фрагмент рельефа из Персеполя
(по: *Walser G.* Op. cit. Tafeln)

Бактриец, согдиец, хорезмиец. Реконструкция костюмов
(по: *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972. Вкл., рис. 2–4)

Бактриец. Фрагмент рельефа из Персеполя (по: *Walser G.* Op. cit.)

Носители трона ахеменидского царя: арей, бактриец, согдиец, хорезмиец, дрангианец, арахозиец. Рельеф из Накши-Рустама (по: *Walser G.* Op. cit. Falttafel 1)

Источники позволяют в некоторых случаях уточнить границы Арианы. Путь из страны паропамисадов в Бактриану вел, как уже говорилось, через перевалы Паропамиса. Здесь, видимо, и пролегала граница Арианы с Бактрией. Страбон, опираясь на данные историков Александра, прямо заявляет, что южные склоны Паропамиса принадлежат Индии и Ариане, а противоположные — бактрийцам и соседним варварам (Страбон, XV, 2, 10). Диодор, пересказывая данные Мегасфена, называет соседние с Индией народы в окружающих ее горных странах: скифы, бактрийцы, арианы (Диодор, II, 37, 6). Все это подтверждает, что, по

мнению очевидцев-путешественников, Ариана действительно не включала Бактрию, и Эратосфен не назвал последнюю в числе стран Арианы не только потому, что она оказалась вне рамок сконструированной им сфрагиды, как иногда полагают[1]. Далее, через страну паропамисадов проходила и дорога к «границам Индии» и Инду. Согласно данным Плиния, как уже отмечалось, границей здесь служила река Кофет (Плиний, VI, 78; VI, 62). Также и Страбон говорит о реке Кофе и впадающем в нее Хоаспе в связи с западной границей Индии (Страбон, XV, 1, 26). Видимо, отсюда действительно начиналась тогда индийская земля[2]. Первой индийской областью была Гандаритида, простиравшаяся до Инда. В данном случае граница сфрагиды Эратосфена, т. е. река Инд, не совпадала с действительной границей Арианы: между этими границами находилась индийская область Гандаритида. Не случайно Плиний отмечал, что лишь некоторые считают Гандаритиду частью Арианы (Плиний, VI, 95). Под «некоторыми» здесь нужно понимать сторонников схемы Эратосфена. Наконец, если правильно мое толкование приведенного выше сообщения Страбона (Страбон, XV, 2, 11), то путь от Инда через Хаарену в землю арахотов, откуда начиналась Ариана, тоже вел через какую-то горную страну, т. е. через горный проход, служивший границей Арианы. И в этом случае, как видим, граница сфрагиды по Инду не совпадала с действительной границей Арианы.

Поздняя группа сообщений об Ариане относится ко времени Греко-Бактрийского царства и вся восходит в конечном счете к Аполлодору Артемитскому. Сведения Аполлодора об Ариане, судя по Страбону, сводятся к следующему. Украшением всей Арианы является Бактриана, и греки, склонившие Бактрию к восстанию, достигли такого могущества, что овладели и Арианой, и Индией (Страбон, XI, 11, 1 = Аполлодор, фр. 7а). Юстин, излагая сочинение Помпея Трога, говорит более подробно о том, с какими народами воевали греческие цари Бактрии: ссогдийцами, арахотами, дрангами, ариями, индийцами (Юстин, XLI, 6, 3). И современные ученые считают, что в состав Греко-Бактрийского царства уже с самого начала входили помимо Бактрии Согдиана, Маргиана и Ария, а затем — Дрангиана, Арахосия и северо-западные области Индии[3].

Итак, теперь к Ариане причисляли помимо ее прежнего ядра, т. е. ариев, дрангов, арахотов, также и другие племена, а именно бактрийцев и согдийцев. О принадлежности их к Ариане свидетельствуют похоронные обряды бактрийцев и согдийцев: выставление тел умерших родственников на съедение собакам (описание этого обряда нарочито искажено у античных авторов: Страбон, XI, 11, 3; Плутарх, «Об Александре», I, 5; Порфирий, «О воздержании», IV, 21). Характерна и такая деталь: месторождения лазурита и рубина, которые должны были находиться, с точки зрения географа того времени, на территории Бактрии, древний автор помещает в страну арианов. Дионисий пишет, что там всюду имеется камень красного коралла, а в недрах скал жилы родят красивые плитки

[1] *Schmitt H. H.* Op. cit, S. 79; *Gnoli G.* Op. cit. P. 141.

[2] *Aly W.* Strabon von Amaseia. Bonn, 1957. S. 152.

[3] История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 293, 303; *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. М., 1964. Т. 1. С. 104, 110.

золотистого синего сапфира, вырезая который обитатели тех мест добывают себе средства на жизнь (1102–1106). Правда, в другом сочинении Дионисий говорит, что те же синие плитки сапфира родятся «вокруг залива эритрейских арианов» («Литика» в схолиях к «Периегесе», 714), но это утверждение обязано лишь укоренившемуся в античной географии представлению об арианах как соседях Индии на берегу Эритрейского моря. П. Бернар, безусловно, прав, признавая в камнях, упомянутых Дионисием, бадахшанский рубин и лазурит[1].

Определить точнее территорию Арианы по источникам этого времени помогают перечни ее соседей. Представление о соседях Арианы дает, как уже говорилось, схема Посидония, распределяющая страны и народы по зонам. Эта схема, в общем, отвечает условиям рассматриваемого времени, если сделать поправку на то, что в состав Арианы теперь включалась и Бактрия с Согдианой. Она, как было показано выше, делает восточными соседями Арианы каспиров и индийцев. Источники предоставляют и некоторый дополнительный материал. Так, Дионисий в сочинении «Бассарика» и Нонн упоминают арианов рядом с каспирами, арбиями и другими индийскими и «персидскими» племенами (Стефан, «Каспир» = Дионисий, фр. 16; Нонн. «Дионисиака», XXVI, 164).

Имеется еще одно чрезвычайно интересное сообщение Страбона, которое как бы объединяет обе группы сведений об Ариане. Страбон, описав по Эратосфену вторую сфрагиду, т. е. Ариану в его понимании, дополняет описание сообщением, в котором дается более широкое определение Арианы: название ее распространяется и на некоторую часть персов и мидян, а также обитающих к северу бактрийцев и согдианов, «ведь они почти одноязычны» (буквально: «одноязычны, за исключением малого», εἰσὶ γάρ ηως καὶ ὁμόγλωττοι παρὰ μικρόν — Страбон, XV, 2, 8).

Вопрос об источнике этого сообщения спорен. Х. Бергер включил его в состав фрагмента сочинения Эратосфена (Эратосфен, фр. III B, 20), хотя и не все были согласны с такой точкой зрения[2]. Возможно, что указанное сообщение действительно восходит к Эратосфену и было навеяно рассказами историков Александра, данными которых Эратосфен широко пользовался. Историки Александра говорят об одном ликийце, который долгое время жил в Персиде, хорошо знал персидский язык и затем вполне успешно служил переводчиком Александру в его общении с местными жителями Бактрии и Согда (Арриан, «Анабасис Александра», III, 18, 4; IV, 3, 7; Курций, V, 4, 4, 10–13; 7, 12; Диодор, XVII, 68, 5, 6; Плутарх. «Александр», 37; Полиен, IV, 3, 27)[3].

В то же время указание на принадлежность к Ариане какой-то части Мидии перекликается со словами Стефана, который, ссылаясь на Аполлодора, называет арианов соседями кадусиев (Стефан, «Арианы» = Аполлодор Афинский, фр. 315). Правда, данный фрагмент относят к «Периегесе», приписываемой

[1] *Bernard P., Francfort H.-P.* Études de Géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum. P., 1978. P. 50.

[2] *Berger H.* Op. cit. S. 242.

[3] [Речь идет о Фарнухе, см. История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 707–708. Вряд ли такая близость языков этих народов была бы возможна, если бы бактрийцы уже тогда говорили на «бактрийском» языке Кушанов.]

Аполлодору Афинскому. Но есть основания считать, что это подложное сочинение составлено в значительной части по материалам Аполлодора Артемитского. Так что цитированное сообщение Страбона обнаруживает связь и со второй группой известий об Ариане. Вряд ли можно согласиться с предположением И. Маркварта, что под арианами здесь имелся в виду Арран[1] — так в мусульманское время именовали древнюю кавказскую Албанию. Смысл приведенного выше фрагмента из сочинения Аполлодора становится ясным, если обратиться к Страбону, который, описывая Мидию, противопоставляет кадусиев как обитателей горных областей страны арианам (Страбон, XI, 13, 4). Отсюда следует, что северные горные области, населенные кадусиями, остались вне той части Мидии, которая входила в состав Арианы. На такое же расширительное понимание Арианы, включающее в нее часть Мидии, указывает и схема зон Посидония, где западными соседями Арианы являются ассирийцы и арамеи.

Какие выводы можно сделать на основании рассмотренного здесь материала античных источников? Прежде всего ясно, что понятие «Ариана» на том отрезке своей истории, который засвидетельствован этими источниками, имело два значения. Первое зафиксировано на рубеже двух эпох — ахеменидской и эллинистической, в основном в IV в. до н. э., второе — в греко-бактрийское время, в основном во II в. до н. э. В том и другом значении понятие «Ариана» имело преимущественно этническое содержание, которое, однако, существенно варьировало.

В первом случае в понятии «Ариана» этническое содержание было слито — как это вообще нередко бывает — с конфессиональным. Другими словами, под Арианой имелась в виду страна, населенная ираноязычными племенами, которые следовали «законам Затрауста». Многое говорит за то, что Ариана этого времени — не что иное, как «авестийский» мир, мир «авестийских» ариев в том виде, в каком он дожил до IV в. до н. э. Ариями тогда же называли себя и западноиранские народы, в том числе персы и мидийцы. Об этом было известно грекам. Однако название «Ариана» в узком его значении в применении к ним не зафиксировано. Это обстоятельство делает предпочтительным то объяснение указанного названия, которое производит его от местного географического термина типа авестийского выражения «арийские страны». Действительно, прослеживая в античной литературной традиции первоисточник, к которому восходит упоминание Арианы, мы всякий раз обнаруживаем, что таковым является сочинение путешественника (Демокрит, Аристобул, Неарх, Мегасфен), лично побывавшего в странах Арианы, который мог заимствовать это название прямо у местного населения. Добавим, что и имя пророка Арианы «Затрауст» (Ζαθραύστης), видимо, воспроизводит с некоторым искажением тоже авестийскую форму имени пророка (Zaraθuštra). И о нем получили сведения (вероятно, благодаря Мегасфену) непосредственно от местных жителей Арианы. Понятно, что греки не узнали в Затраусте давно известного им из сообщений магов Зороастра (о последнем писали, например, Платон и его ученики, в том числе Аристотель; знал о нем и Динон, отец Клитарха, одного из самых ранних историков Александра): сведения о том и другом исходили от совершенно разных традиций.

[1] *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901. S. 117.

Данные античных историков позволяют определить место понимаемой так Арианы на современной географической карте. В общем, Ариана занимала как раз восточную половину Иранского нагорья. Если говорить конкретнее, то она включала Систан (Дрангиану), области Герата (Арию), Кандагара (Арахосию) и Кабула (страну паропамисадов), может быть, Западный Белуджистан (Гедросию) и в пределах Восточного Мекрана (страна оритов), видимо, выходила к побережью Аравийского (Эритрейского) моря. Дорога через Гиндукуш (Паропамис) по перевалу Хавак соединяла Ариану с Бактрийской равниной. Эта же дорога, выходя южнее, в районе Джелалабада, к реке Кабул (Коф), вела из Арианы в долину нижнего течения этой реки (Гандаритиду). Дорога, пролегавшая по нагорью Кветты и Боланскому перевалу, соединяла Ариану с областями Восточного Белуджистана (Хаарена). Такова была Ариана первой группы источников. Для этой Арианы вполне пригодно определение, предложенное Дж. Ньоли: Ариана как область, объединенная местными зороастрийскими традициями, охватывала в основном территорию «центрально-южной части Восточного Ирана» к югу от Гиндукуша между Индом и Дашти-Лутом, с центром в Систане[1].

Но вообще территория «авестийских» ариев была шире. Нам кажется, что и сейчас не устарело известное определение территории авестийского языка в период сложения начального ядра Авесты: озеро Хамун — на юге, город Балх — на северо-востоке, город Мерв — на северо-западе[2]. «Авестийский» мир имел тогда два центра: один — в Систане, откуда, согласно Авесте, происходила династия Кавьянидов[3], потомки которой правили в этой области еще в XIX в.[4], другой — в стране к северу от Гиндукуша, где, согласно древней местной традиции, находилось царство кави Виштаспы. Обособление этих двух центров, южного и северного, и нашло отражение в ранней античной традиции об Ариане, где под последней как будто понимался по преимуществу южный центр[5].

Встает вопрос: почему именно южный центр проявил себя в античной традиции об Ариане? Ответ надо искать, видимо, в том обстоятельстве, что традиция эта восходит в конечном счете к очевидцам-путешественникам, сведения которых непосредственно отражали местные представления и тенденции, а точнее — воззрения какого-то местного зороастрийского центра. Более всего это относится к Мегасфену, о тесной связи которого именно с Арахосией мы уже говорили. Возможно, что Мегасфен был осведомлен и о местном зороастрийском центре Арахосии, если считать, что ему принадлежат сведения о пророке Арианы Затраусте — не распознанном греками двойнике Зороастра, известного им из других источников. Действительно, в Сакастане, преемнике древних Дрангианы и Арахосии, существовал старинный зороастрийский центр. И, судя по пехлевийскому сочинению «Чудеса Сакастана», отразившему традиции этого

[1] *Gnoli G.* Op. cit. P. 12, 13, 130, 131, 141.

[2] *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы // Избранные труды. М., 1960. С. 48.

[3] *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира. (К возможности новых постановок вопроса). — История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 138.

[4] *Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 143.

[5] *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. 3. М., 1979. С. 203, 204.

центра, ему была свойственна тенденция присваивать себе наиболее важные события зороастрийской истории[1]. Во времена, не очень отдаленные от времени самого пророка, здесь в городе Буст процветала школа, основанная неким Сеном, сыном Ахумстута. И Мегасфен упоминает город Беста в Арахосии в итинерарии, остатки которого прослеживаются у Плиния (Плиний, VI, 92)[2]. О древности Буста свидетельствует найденная на его месте, в современном Калаи-Бист, ахеменидская клинописная надпись времени Дария[3]. На существование влиятельной местной школы зороастризма в Арахосии в ахеменидскую эпоху и более поздние времена указывают и другие данные[4].

Во втором случае понятие «Ариана» имело существенно иное содержание. Оно носило прежде всего этнический характер и обозначало территорию иранских народов, говоривших на близких между собой диалектах: персидских и мидийских — на западе, «авестийских» — на востоке. Включение бактрийцев и согдийцев в число этих практически «одноязычных» племен ставит вопрос о том, на каком языке говорили тогда упомянутые два народа. Кажется сомнительным, что бактрийцы уже в то время говорили на восточноиранском языке, ранние памятники которого представлены кушанскими надписями и который в научной литературе обычно именуют «бактрийским». Вероятнее, что его принесли тохары, вторгшиеся в Бактрию, и что современники, называвшие его «тохарским» («тохари»), были более правы. Западные рубежи Арианы совпадали с границей между иранскими народами Персии и Мидии, с одной стороны, и семитскими народами — арамеями и ассирийцами — с другой, а внутри Персии и Мидии отделяли ираноязычное население от племен, сохранявших древние доиранские наречия. Источники этого времени иногда прямо называют их анариаками, т. е. «неиранцами». Восточные рубежи Арианы отделяли Бактрию от каспиров — древнего доиранского населения, занимавшего тогда горные области к востоку от Бактрии[5], а южнее восточная граница Арианы, проходившая в эту эпоху, видимо, по тем же местам, что ранее, отделяла земли ираноязычных народов от стран, занятых дардами, индо-ариями и дравидами. В какой мере название «Ариана» имело в этом более широком значении также и конфессиональный смысл — сказать трудно. Вряд ли все входившие в такую Ариану страны были зороастрийскими или по крайней мере ортодоксально зороастрийскими. Но сам факт расширения территориального содержания этого названия, видимо, связан с распространением зороастризма в иранских землях, вместе с которым распространялась и вообще авестийская ономастика, топо- и этнонимика.

---

[1] *Bo Utas.* The Pahlavi Treatise. Avdēh u sahikēh i Sakistan or «Wonders and Magnificence of Sistan» // From Hecataeus to Al-Huwārizml. Budapest, 1984. P. 266 sq.

[2] О форме названия города см.: *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968. P. 332; об источнике см.: *Пьянков И. В.* Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 263.

[3] *Schmitt R.* Iranische Sprachen im vorislamischen Afghanistan // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1985–1988. T. 31, fasc. 1–2. P. 81.

[4] *Hoffmann K.* Das Avesta in der Persis // Prolegomena to the Sources. Budapest, 1979. P. 89–93.

[5] *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Душанбе, 1984. Вып. 1. С. 116–117.

Следует специально отметить, что распространение понятия «Ариана» на персов и мидийцев, с одной стороны, на бактрийцев и согдийцев — с другой, имело разные основания. Если первые два народа были включены в Ариану действительно только на позднем этапе, то вторые два изначально входили состав Арианы, и этот факт не был отражен у античных авторов на первом этапе лишь потому, что они знали традицию только южного центра Арианы. На особую роль Бактрии указывает Аполлодор Артемитский, называя ее πρόσχημα «всей Арианы». Слово это означает не только «украшение», но и «начало, введение».

В Авесте кроме довольно часто встречающегося выражения «страны ариев» имеются еще два перечня арийских стран. В первом случае говорится о боге Митре, который впереди «бессмертного быстроконного Солнца» с вершин горы Хары обозревает всю «землю, населенную ариями» (airyō-šayana), и далее перечисляются шесть стран, к которым текут реки с Хары: Ишката (Бадахшан)[1]; Парута (Гур), Мерв, Герат, Согдийская Гава и Хорезм; сразу же вслед за этим перечисляются шесть каршваров Земли и, наконец, характеризуется седьмой, центральный, каршвар Хванирата (Яшт, X, 13–15). Этот очень древний текст, несомненно, отражает представления, относящиеся к времени сложения начального ядра Авесты. Однако составитель его не имел целью перечислять действительно все «страны ариев». Я уже обращал внимание на то, что автор этого перечня сознательно подобрал названия шести стран с тем, чтобы территория их вместе образовывала почти замкнутый круг, чтобы уподобить их шести каршварам, а центр круга — седьмому, центральному каршвару; и не случайно в центре круга оказывается Бактрия[2]. Перечень этот отражает факт существования мощного доахеменидского объединения с центром в Бактре (Балхе) — царства кави Виштаспы[3]. Сам состав перечня, соответствующий, в общем, северной половине Арианы, подтверждает древность традиции ее северного центра.

Во втором случае рассказывается о сотворении стран верховным богом Ахура-маздой; здесь перечислены 16 стран, первая из которых находится у реки Вахви-Датья, последняя — у реки Рангха (Видевдат, I, 1–21). Этот текст, по всей вероятности, поздний и составлен уже во времена кодификации Авесты. Было высказано множество догадок относительно того, какой смысл вкладывали составители в указанный перечень. Чаще всего видят в нем отражение какого-то политического объединения — обычно Аршакидского государства, иногда — последовательность распространения зороастризма[4] или расселения иранских племен. Нам кажется, что составитель хотел здесь дать прежде всего географический список достойных упоминания «стран ариев» в рамках каршвара Хваниграты, границами которого и считались, согласно древнему представлению, упо-

[1] Там же. С. 110.

[2] *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // Вестник древней истории. 1961. № 4. С. 99; *Он же.* Хорасмии Гекатея Милетского // Там же. 1972. № 2. С. 14, 15.

[3] [См. о нем: *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 238–249, 625–635; *Он же.* Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 334–348.]

[4] См. одну из новейших работ, посвященных истории зороастризма: *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. 1. Leiden; Köln, 1975. P. 275.

мянутые две реки. Однако в выборе стран он был ограничен древними текстами, которые он использовал для составления списка. Поэтому в списке и отсутствуют западноиранские страны, не упоминавшиеся в древних текстах. Но по общему своему характеру рассматриваемый перечень, пожалуй, ближе всего к составу Арианы позднего времени. Сложная проблема предназначения и происхождения данного перечня требует специального исследования (несмотря на то, что такие исследования уже предпринимались много раз).

Таковы основные итоги анализа сведений античных авторов об Ариане. Определение территории этой обширной страны и установление этнического характера соответствующего ей племенного объединения подтверждают тезис об особой роли Арианы в предыстории таджикского народа, выдвинутый в начале настоящей статьи. А установление того факта, что племенное объединение, подразумеваемое под словом «Ариана», является не чем иным, как этнической общностью «авестийских» ариев, придает этому тезису особое значение, которое, как мне кажется, требует дальнейшего изучения.

2. БАКТРИЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (Общие данные о стране: название и территория)*

Бактрия — крупнейшая из древних стран Средней Азии. С ней связаны многие события, имеющие значение не только для истории Средней Азии, но и для всемирной истории. На территории Бактрии и соседних стран происходило формирование таджикского народа древние бактрийцы стали его неотъемлемой частью. Вполне соответствовала действительному положению и та роль, которая отводилась Бактрии в античной литературной традиции. Бактрия, как и Индия, всегда оставалась для древнего грека и римлянина могущественной, сказочно богатой страной, расположенной на далеких окраинах обитаемого мира, «у восхода солнца». Античность долгое время считала Бактрию одной из крайних на востоке стран, и потому античные авторы, желая указать на самые восточные пределы известного мира, говорили о Бактрии и Индии.

Античные авторы уделяют Бактрии довольно много внимания. Настоящая работа не имеет цели рассмотреть все их сведения. Мы остановимся лишь на содержании самого понятия «Бактрия» и в связи этим рассмотрим вопросы о названии и территории указанной страны. Формулируя задачу нашей работы, начнем с некоторых общих замечаний о принципах подхода к античным источникам. Очень часто исследователи, работая с этими источниками, считают достаточным просто принять к сведению сообщения древнего автора и сразу же использовать их для исторических построений, непосредственно перенести на современную географическую карту и т. д. Между тем такой подход сплошь и рядом ведет к ошибочной интерпретации древних известий и, следовательно, к неправильным выводам. Дело в том, что почти все античные сведения о Бактрии, как и о других отдаленных странах, являются не простым свидетельством очевидца, а именно традицией — сложной информацией, прошедшей многократную обработку. В процессе создания литературной традиции один автор заимствовал у другого, сознательно или бессознательно изменяя или даже искажая его сведения, добавлял к ним сведения другого своего предшественнике и приспосабливал все это к принятой литературной схеме, затем у этого автора заимствовал следующий и снова комбинировал его сведения с другими данными и т. д. и т. п. Поэтому для того, чтобы правильно понять источник, нужно разложить его на «составляющие», а в идеале — выявить в нем данные первоисточника, его «первичные элементы». Отметим и еще одно обстоятельство. Рассматривая сообщения источника, исследователь невольно модернизирует их, приспосабливает к своим представлениям. Отсюда другая задача: постараться

---

*Впервые опубликовано: Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе: Дониш, 1982.

понять источник «изнутри», встав на точку зрения древнего автора, и по возможности точно определить, что имел в виду сам автор в том или ином своем сообщении. Именно такой подход к источникам мы и попытались положить в основу нашего исследования.

Настоящая работа является частью подготавливаемого нами большого исследования о Бактрии. Почти все вопросы, которые затронуты здесь в связи с основной темой, найдут в нем детальное освещение. Это относится и к ряду положений, которые мы принимаем здесь без развернутого обоснования: одни служат для нас отправным моментом, другие при их подробной трактовке увели бы очень далеко от поставленной темы. Таково прежде всего сформулированное нами понятие «орогидрографическая схема», т. е. картографическая схема гор и текущих с них рек. Границы и общие очертания стран в античной традиции нередко и определяются такими схемами. Но история и реконструкция указанных схем могут послужить темой для большой самостоятельной работы. Есть основания говорить об орогидрографических схемах, принадлежащих Демокриту, Каллисфену, Эратосфену и другим авторам, но изложить все это в настоящей работе нет возможности[1]. Рассматривая вопрос о пределах Бактрии, мы не стремимся учесть все данные о границах и соседях этой страны, а говорим лишь о горах и реках как ее естественных и определенно фиксируемых рубежах. Но горы и реки интересуют нас только как границы, хотя о каждом из этих объектов могло быть написано отдельное исследование. Преимущественное внимание в работе уделено вопросу о границе по Оксу. Обращаясь к данным историков Александра, мы также используем уже готовые результаты источниковедческого анализа традиции об Александре. Не разбираем здесь и вопроса о вкладе в античную традицию со стороны Ктесия, Аполлодора (Артемитского) и других авторов. Не входим в рассмотрение и некоторых других вопросов, хотя и вынуждены коснуться их в связи с нашей темой. Например, такой сложной проблемы, как этническая атрибуция языка кушанских надписей. В центре внимания данной работы — античные источники. Но поскольку сведения последних часто восходят в конечном счете к восточной традиции, то в необходимых случаях мы обращаемся и к восточным источникам: авестийским, древнеперсидским, среднеиранским, средневековым мусульманским, армянским и другим.

Общие проблемы современного этапа изучения Бактрии освещены в работах Б. Г. Гафурова (Гафуров Б. Г., 1966; 1972) и Б. А. Литвинского (Литвинский Б. А., 1967; 1977). Последние годы характеризуются резким переломом в развитии знаний о Бактрии, необычайным расширением и углублением наших представлений об этой древней стране. Но все это достигнуто главным образом благодаря успехам археологии. источниковедческое изучение Бактрии остается слабым местом отечественной науки. Можно назвать лишь одну источниковедческую работу, специально посвященную Бактрии: это хороший общий обзор античных известий о Бактрии, сделанный Г. И. Савицким (Савицкий Г. И., 1941). Хрестоматия под редакцией Л. В. Баженова, в которой собраны и переводы античных

[1] [Реконструкцию указанных орогидрографических схем см. теперь в работе: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 179–278.]

известий о Средней Азии, выполнена на весьма невысоком уровне, изобилует ошибками и всевозможными недоразумениями, так что пользование ею с научными целями практически невозможно (Древние авторы..., 1940). Автор настоящей работы опубликовал текст и перевод известий Ктесия о Средней Азии, преимущественно о Бактрии, с комментариями (Пьянков И. В., 1975). Что касается нашей темы — общего представления Античности о Бактрии, названия и территории страны, — то специальной работы, посвященной именно этой теме, мы не знаем. Тем не менее в научной литературе по разным поводам часто обращаются к отдельным вопросам, относящимся к указанной теме. Например, оживленно дискутируется вопрос о северной границе Бактрии. В качестве исследователей, наиболее фундаментально трактовавших эти вопросы, можно назвать В. Томашека, И. Маркварта, А. Херрманна, М. М. Дьяконова, В. М. Массона, Б. Я. Ставиского, П. Бернара. Изложение мнений этих ученых и ссылки на их работы будут даны ниже при обсуждении соответствующих конкретных вопросов.

I. НАЗВАНИЕ СТРАНЫ И НАРОДА БАКТРИИ

О названиях различных племен и мест античные авторы специально писали в лексикографических сочинениях, в частности в сочинениях, именовавшихся «Этника» (Ἐθνικά). Поздний лексикограф Стефан (Византийский), создатель одного из таких сочинений, компилировавший множество трудов своих предшественников, посвятил бактрийцам отдельную статью в своей «Этника»: «Βάκτρα, город. Страбон в 11 [книге]. Этникон — Βάκτροι, Βάκτριοι и в женском роде — Βακτρία. Есть и город Βάκτριον. Этникон — Βακτριανός и в женском роде — Βακτριανή». Стефан разделяет этникоы Βάκτριος и Βακτριανός возводя их к разным топонимам; по этому случаю он, видимо, и придумал город Βάκτριον. Однако словоупотребление античных авторов показывает, что такое разделение не оправдано.

Античные авторы употребляли для обозначения народа бактрийцев в основном формы Βάκτριοι и Βακτριανοί, а для обозначения страны бактрийцев — формы Βακτρία и Βακτριανή. Нередко в качестве названия страны употреблялось и слово Βάκτρα, являвшееся, собственно, названием города. Формы названия на -ιανοί и -ιανή, как и на -ιοι и -ια, имеют, безусловно, греческое происхождение и достаточно древни (Altheim F., I, 1947. S. 276, 277). Они являются, по существу, субстантивированными прилагательными. Так, Βακτριανή может рассматриваться как определение к предполагаемому слову γή, «земля» (Rawlinson H. G., 1912. P. 2, прим. 2). В основе всех этих форм, если отбросить их греческое оформление, остается Βακτρ-.

Название бактрийцев и их страны имеет очень долгий срок бытования в античной литературе. Древнейшим текстом из числа сохранившихся до нашего времени, в котором содержится это название, является трагедия Эсхила «Персы», поставленная в 472 г. до н. э. Но если иметь в виду фактическое происхождение отдельных сообщений, содержащихся в сохранившихся текстах, то одним из древнейших авторов, упоминавших о бактрийцах, будет Гекатей. Ему принад-

лежит список персидских сатрапий Геродота (это недавно вновь подтвердил Я. Харматта: Harmatta J., 1977. P. 3, 4), где назван и этот народ (III, 92). Более того, есть основания полагать, что о бактрийцах говорил еще Скилак: к этому путешественнику и мореплавателю должно восходить описание востока Азии, заимствованное Геродотом у Гекатея, где рассказывалось и о бактрийцах (ср. III, 102; см.: Jacoby F., 1912, стб. 2725).

В употреблении указанных форм античного названия бактрийцев и Бактрии наблюдаются некоторые различия хронологического характера. Можно заметить, например, что формы на -ιοι и -ια встречаются преимущественно у ранних авторов, а формы на -ιανοι и -ιανη — у поздних, но и здесь четкой границы провести нельзя. Уже у Геродота и Ксенофонта проскальзывают по одному разу формы на -ιανοι хотя они и могут быть объяснены искажением рукописной традиции. У Ктесия представлены и ранние, и поздние формы, правда, последние, т. е. формы на -ιανοι и -ιανη, засвидетельствованы главным образом во фрагментах, приведенных Диодором, и могут быть отнесены на его счет. Но Полибий определенно употребляет форму на -ιανη.

Все же смысловых различий между ранними и поздними формами, судя по текстам античных авторов, нет. В. Тарн пытался показать, что варианты наименования Бактрии, как и аналогичные варианты наименований других стран, отражают различные уровни административной организации. Название на -ια прилагалось к ахеменидской и селевкидской сатрапии, а названия на -ιανη к селевкидской эпархии, являвшейся частью сатрапии, но впоследствии, в государствах, возникших на развалинах Селевкидской монархии, превратившейся в сатрапию. В век Августа смысл различия двух разновидностей наименования стран был уже утрачен, и авторы этого времени, например Страбон, широко применяли названия на -ιανη, заменяя ими названия на -ια (Tarn W., 1951. P. 444, 445, 1–4). Однако предположение В. Тарна не подтверждается источниками и не может быть принято (Altheim F., I, 1947, с. 276, 277; Walbank F. W., II, 1967. P. 264).

Как именовали себя и свою страну сами бактрийцы и их ближайшие соседи? Прямым соответствием древнегреческому Βακτρία в древнеперсидских надписях VI–V вв. до н. э. является название одной из «стран» (dahyu-) Bāxtri-. По всей вероятности, это название относилось не только к стране, но и к ее главному городу (Altheim F., I, 1947. S. 88). Диалектная принадлежность этой формы определяется некоторыми ее фонетическими особенностями, характерными для мидийского и авестийского языков (Kent R. G., 1953. P. 8, 31). Собственно персидская (юго-западная иранская) форма реконструируется с помощью эламского ее воспроизведения как *Bāxçi-. Но и местная, бактрийская форма, — во всяком случае, в период, непосредственно предшествующий ее переходу в «Балх», — должна отличаться от той, которая представлена в древнеперсидских надписях; ее реконструируют как *Bāxθri- (Altheim F., 1925. S. 42, 43; I, 1947. P. 88, 89; Herzfeld E., 1968. P. 322, 323)[1]. Этимология данного названия точно не

[1] Э. Херцфельд находит, что эта форма представлена в авестийском названии одной из гор, Vāxδrikā, которое, по его мнению, следует понимать как «Бактрийская [гора]» (Herzfeld E., 1947. P. 754; 1968. P. 322, 323). Если это так, то можно считать, что древняя форма названия Бактрии представлена и в Авесте.

установлена. В. Томашек производил его от корня, от которого образовано и авестийское слово baxtar-, «тот, кто предоставляет надлежащую долю, tributor» (Tomaschek, 1896, стб. 2804; ср. AiW, стб. 923). Видимо, Р. Г. Кент также связывал его со словом baxtar- (Kent R. G., 1953. P. 52). Ср. авестийское слово того же корня, baxδra-, «доля, порция» (основа среднего рода), и bāxtri-·(основа женского рода) (AiW, стб. 923). Однако Ф. Альтхайм вообще отказывает этому названию в иранской этимологии (Altheim F., I, 1947. P. 311). По нашему мнению, решительных выводов здесь пока еще делать нельзя.

Среди западных иранцев это название, в той его форме, которая дана в древнеперсидских надписях, держалось очень долго, по крайней мере в III в. н. э. оно еще было в ходу (Marquart J ., 1901. S. 87, 88). Иной оказалась судьба этого названия в самой Бактрии. Уже в древности оно перешло сначала в Bāxl, Bax1: ср. BOXLO в легендах на кушано-сасанидских и эфталитских монетах (Göbl R., II, 1967. S. 4, 43, 44; Луконин В. Г., 1969. С. 140; предположение Р. Гёбля, что указанное название относится не к Балху, а к Баглану, кажется нам совершенно неубедительным) . Затем оно превратилось в Balx и сохранилось в последней своей форме до нашего времени в качестве названия города, бывшего некогда столицей Бактрии. Относительно времени и обстоятельств этого перехода существует несколько точек зрения. Согласно одной из них, появление указанных новых форм связано с приходом в Бактрию новых племен — тохаров (юечжи). Согласно другой, указанный переход явился результатом закономерного местного фонетического развития и осуществился где-то в промежутке между ахеменидским и кушанским временем. Наконец, согласно третьей точке зрения, новые формы сосуществовали со старыми почти с самого начала письменной фиксации последних. Любое толкование указанного перехода неизбежно связано с объяснением авестийской и индийской форм названий Бактрии: Bāxδī- и Bāhlī, Bāhlīka.

К диалекту тохаров возводил форму Balx (с вариантами) И. Маркварт. Еще на рубеже нашего столетия он правильно подметил, что для указанного диалекта характерен переход ϑr в l, как и δ в l. Тохарская форма и попала в индийские тексты в виде Vāhlī, Bāhlīka и т. д. Авестийская же форма Bāxδī- является искусственным образованием, ученой реконструкцией из Baxl (Marquart J., 1901. S. 88, 89; относительно авестийской формы так же Christensen A., 1943. P. 16; Herzfeld E., 1968. P. 322).

Результатом закономерного развития местного диалекта считал форму Balx Ф. Альтхайм. Не давая точного определения этому диалекту, он относил его к числу согдийских или близко родственных им наречий. Переход ϑr > δ > l в этом диалекте он датировал временем между ахеменидской и кушанской эпохами. Авестийскую Bāxδī- он считал формой, представляющей промежуточную ступень в развитии *ϑr* в l и датировал временем греческого господства (Altheim F., 1925. S. 42–44; I, 1947. S. 88–90; 1949. S. 23). К мнению Ф. Альтхайма примыкают высказывания И. М. Дьяконова по этому поводу. Он также считает, что в эволюции интересующего нас названия представлен переход ϑr > δ > l, и в авестийской форме видит среднеиранское слово, взятое из живого языка периода начала парфянского владычества (Дьяконов И. М., 1956. С. 54. Ср., однако, с. 384, прим. 2; Он же, 1971. С. 137, 152).

К очень раннему времени относит форму Baxl > Balx Э. А. Грантовский. Он полагает, что форма с l бытовала в каких-то диалектах Бактрии или районов между ней и Индией уже в V–IV вв. до н. э., поскольку именно в это время название Bāhlīka, по его мнению, было известно в Индии. Естественно, что и форму Bāxδī- он считает столь же старой, как и форму Suγδa-, т. е. не моложе VI в. до н. э. (Грантовский Э. А., 1975. С. 85, 90).

Нам кажется, что наиболее вероятным из трех рассмотренных мнений является первое. Действительно, форма Balx (с вариантами) не засвидетельствована ранее тохарско-кушанского времени, а переход θr в определенном положении в l, как и δ в l, свойствен языку кушанских текстов. Название Bāxδī-, которое приложено в Авесте к одной из «стран» (šōiθra-) и соответствующему «месту», т. е. центру страны, городу (asah-) (Christensen A., 1943. P. 10, 11; Herzfeld E. E., 1947. P. 744), видимо, действительно является искусственной формой. Ее, по всей вероятности, следует читать как Bāxlī- (в авестийском алфавите нет знака для l) и рассматривать как искусственно авестизированную реальную форму Baxl. Предполагаемая промежуточная ступень с δ в развитии θr в l нигде более реально не представлена. Ссылаться же на индийские литературные (как и на авестийские) тексты в целях датировки встречающихся в них форм того или иного ономастикона крайне рискованно и вообще, и в частности применительно к названию Bāhlī, Bāhlīka. Это название, употреблявшееся в индийских источниках для обозначения Бактрии, бактрийцев, а также, видимо, всего ираноязычного населения северо-западной Индии, вряд ли может быть точно датировано. Судя по тем нарративным текстам, которые все же поддаются приблизительной датировке, это название, по мнению П. Тиме, не старше II в. до н. э. (Thieme P., 1937. S. 93). В эпиграфических текстах оно появляется лишь в кушанскую эпоху. К тому же происхождение данного названия не вполне ясно, и изначальная связь его с Бактрией, видимо, может быть оспорена (ср. Tarn W., 1951. S. 169).

Кроме названия Bāxtrī- (с вариантами) и более позднего, производного от него имени Балх (с вариантами), в качестве местного соответствия древнегреческому Βακτρία иногда принимают название Bāxtar, т. е. Восток, или Бахтар Замин, т. е. Земля Востока. В средние века и в новое время местное население именовало так область Балха и сопредельные территории (Риттер К. и Ханыков Н. В., I, 1874. С. 62, 442). Термину бахтар в Авесте соответствует слово apāxtara-, или apāxδra-, — «лежащий позади», т. е. «северный». Среднеперсидское слово apāxtar сохранило значение «север» (AiW, стб. 79, 80), а в географическом смысле употреблялось, судя по армянской географии, приписанной Мовсесу Хоренаци, для обозначения земель согдов, тохаров, эфталитов и прочих народов «Скифии» (Marquart J., 1901. S. 140).

В названии Бахтар увидели соответствие античной Бактрии еще до открытия древнеперсидских надписей, а следовательно, и до знакомства с содержащимся в них названием Bāxtri-. В европейской науке это соответствие было признано в XVIII в., признавали его и в XIX в. (Риттер К. и Ханыков Н. В., I, 1874. С. 61–63). В настоящее время в таджикском языке слово Бохтар принято в качестве эквивалента античному названию Бактрии (ЭСТ, I, 1978. С. 498, 499). Однако, как ни соблазнительно уравнение Бахтар = Бактрия, доказанным считать его

нельзя (ср. Rawlinson H. G ., 1912. P. 1, прим. 1) В самом деле, с одной стороны, большая звуковая близость указанных названий и совпадение их территориального содержания, с другой — очень малая вероятность того, что древнее слово apāxtara- в Бактрии уже в VI в. до н. э. приобрело фактически новоперсидско-таджикскую форму. Но, может быть, название *Bāxθrī- в какой-то, достаточно ранний, период под влиянием близко звучащего слова apāxδra- , apaxtara- было переосмыслено как «север», затем «восток»? В таком случае можно допустить, что древнее название *Bāxθri- продолжало жить не только в видоизмененной форме Balx, но и в слове Bāxtar.

Остановимся теперь на двух специальных вопросах, связанных с названием Бактрии: происхождение и содержание названия.

1. Происхождение названия

Античные авторы очень часто возводили названия стран к какому-нибудь мифическому персонажу. В случае с Бактрией этого не наблюдается. Зато вполне определенны указания античных авторов на то, что название Бактрии произведено от названия ее главного города. Выше мы уже говорили, что словом Бактры нередко обозначали не только город, но и страну, а Стефан производил различные варианты названия бактрийцев от имени города. Сохранилось и прямое указание Аммиана (XXШ, 6, 58) — автора, правда, позднего, но опирающегося на ранние источники: «И сами Бактры, откуда царство и народ получили имя» (et Baktra ipsa[1], unde regnum et vocabulum nationis est institutum). Действительно, соответствующие древнеперсидское и авестийское названия, как уже отмечалось, прилагались каждое и к городу, и к стране одновременно.

Сохранилась и другая группа указаний, которая возводит название города и страны бактрийцев к имени реки. Сообщение Курция (VП, 4, 31) восходит, видимо, к Клитарху: «Она [река Бактр] дала имя городу и области» (Is [Bactrus amnis] urbi et regioni dedit nomen). Сообщения Плиния и Страбона, в которых фигурирует еще и название Зариаспа, восходят, по нашему мнению, к Патроклу. Плиний говорит о бактрах, «чей город — Зариаспа, который впоследствии был назван Бактрами по реке» (VI, 48: quorum oppidum Zariaspa[2], quod postea Bactra a flumine appellatum est)[3], а в другом месте упоминает о «городе Бактрах, который зовут Зариаспой» (VI, 45: Bactra oppidum, quod appellant Zariaspa)[4]. Страбон прямо не упоминает о происхождении названия города, но сообщение его явно

[1] Другое чтение: Bactris ipsis.

[2] В тексте: Zariasta.

[3] Так понимал данный текст, например, Савицкий Г. И., 1941. С. 16. Х. Рекхем полагает, что наряду с таким пониманием возможно и другое: «Чей город был назван Зариаспой по реке, но впоследствии заменил свое имя на Бактры» (Rackham H., II, 1947. P. 373–375). По мнению Ф. Альтхайма, слово postea' не следует понимать здесь слишком буквально во временном смысле (Altheim F., I, 1947. S. 311, прим. 283).

[4] В тексте: Zariasta.

имело тот же контекст, что и сообщение Плиния: «Бактры, именуемые также Зариаспой, через которую протекает одноименная река» (XI, 11,2: τά τε Βάκτρα, ἡνπερ καὶ Ζαριάσπαν καλοῦσιν, ἣν διαρρεῖ ὁμώνυμος ποταμός), и в другом месте: «...до города Бактры, который именуется также Зариаспой» (XI, 8, 9: ...εἰς Βεκτραν τὴν πόλιν ἡ καὶ Ζαριάσπα καλεῖται).

Утверждения античных авторов о «речном» происхождении названия Бактрии, восходящие к эпохе Александра и Селевка, в общем, принимаются современными исследователями (Фрай Р., 1972. С. 74). Действительно, подобное происхождение имели названия и большинства соседних с Бактрией стран. Это и неудивительно, ведь все эти страны являлись, по существу, оазисами, жизнь которых зависела от связанных с ними водных бассейнов. Так, Haraiva-, область и река Герируд, — «поток» (?), Margu-, область и река Мургаб, — «луг», Harahvati-, область и река Аргендаб, — «обильная водами», Zranka- , область реки Хильменд и озера Хамун, — «озерная» (?).

2. Содержание названия

Итак, происхождение названия страны и народа Бактрии — чисто географическое, не этническое. Судя по тому, что сказано выше о происхождении этого названия, первоначальное и наиболее узкое, специальное его значение — Балхский оазис, питаемый водами реки Балхаб, и население этого оазиса. Если указанное название приложено к более широкому региону, то это может означать лишь одно: центром, объединяющим этот регион, признается Балхский оазис. Диапазон территориального содержания названия Βάκτρα, Βακτρία, Βακτριανή — от города Бактры (Балх) до области между Индом и Танаисом, или Яксартом (Сырдарьей), а иногда, может быть, и еще более обширной территории.

Область, объединенная каким-то одним центром, — так, конечно, должно выглядеть прежде всего определение территории потестарной[1] общности. Название Бактрии и бактрийцев, насколько можно проследить по источникам, почти всегда и имеет потестарное содержание — даже тогда, когда говорится о τὸ Βάκτριον ἔθνος. Если различные варианты этого содержания выстроить в хронологический ряд, то он будет выглядеть следующим образом. Под Бактрией и бактрийцами самых ранних времен имеется в виду царство Зороастра, затем «народ», противостоящий Киру, сатрапия или часть таковой в государствах Ахеменидов, Александра, Селевкидов, царство, основанное греками, отпавшими от Селевкидов. и, наконец, царство, основанное скифами.

Имело ли название Бактрии и бактрийцев также этнокультурное содержание? Некоторые исследователи, преимущественно археологи, решительно утвержда-

[1] Этот термин мы заимствуем из книги: Бромлей Ю. В., 1973. С. 15, но берем на себя смелость видоизменить его смысл. Нам кажется, что он очень удобен в качестве общего определения для любого «социального организма» или его части, любой крупной организованной общности людей Древнего мира, будь то доклассовое или классовое общество, политическая или административная единица. В таком смысле мы и употребляем здесь этот термин.

ют, что Бактрия — это страна по обоим берегам Амударьи, охватывающая бассейн среднего ее течения. Причем определенно имеют в виду под Бактрией этнокультурную общность (особенно Дьяконов М. М., 1954. С. 123; Ставиский Б. Я., 1977. С. 36–41). К сожалению, сложность самого содержания понятия «Бактрия» и его преимущественно потестарный характер эти исследователи не учитывают. Они, безусловно, правы в том, что бассейн Средней Амударьи, примерно соответствующий Афгано-Таджикской впадине, во времена бытования имени «Бактрия» — как и в более позднее время, а также, по всей видимости, в более раннее — представлял собой этнокультурное единство (ср. Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 60,69). Но бесспорного ответа на вопрос о том, именовалось ли это единство Бактрией и бактрийцами, источники не дают. Хотя первоначальная топо- и даже гидронимическая сущность названия Бактрии и бактрийцев, видимо, препятствовала употреблению его в собственно этническом смысле, совершенно исключать возможность такого употребления, конечно, нельзя. Однако к решению вопроса можно подойти и с другой стороны: не совпадала ли в территориальном аспекте Бактрия, будучи по природе своей объединением потестарным, с этнокультурной общностью? Детальная реконструкция границ Бактрии, которую мы попытаемся дать ниже на основании главным образом данных историков Александра, позволяет как будто утвердительно ответить на такой вопрос.

Античное название Бактрии и бактрийцев соответствовало названию Bāxtri- (с вариантами), употреблявшемуся местным населением Бактрии и соседними ираноязычными народами в тех случаях, когда в античных источниках говорилось о бактрийском народе, противостоявшем Киру, о бактрийской сатрапии или части таковой в государствах Ахеменидов, Александра, Селевкидов, о Бактрийском царстве, основанном греками, отпавшими от Селевкидов. Начиная с походов Александра и основания греческих колоний античное название Бактрии, очевидно, и само было в ходу среди греческого населения этой страны. К царству Зороастра названия «Бактрия» и «бактрийцы» применялись ретроспективно. Современным географическим названием, частично соответствовавшим этому царству, — насколько последнее вообще соответствовало реальности, — являлось, возможно, Aryānām Vaijah- (Пьянков И. В., 1979. С. 203). К царству, основанному скифами, названия «Бактрия» и «бактрийцы» применялись лишь по традиции. Конечно, в среде местного и греческого населения Бактрии прежнее название должно было сохраняться в течение какого-то времени и после прихода скифов, а у западных иранцев оно удерживалось, как уже отмечалось, и в III в. н. э. Но в господствующем диалекте, принесенном скифами, название города Бактр превратилось в «Балх», страна, примерно соответствующая Бактрии, в потестарном смысле стала именоваться Кушанским царством, — Kwšnxštr (Кушаншахр) у западных иранцев, — а в этническом смысле именовалась сначала, видимо, *Tuxāra, затем Ţuxāristān (Tomaschek W., I, 1877. S. 55,56). Б. Я. Ставиский правильно отметил, что в кушанский период названия «Бактрия» и «бактрийцы» существовали в прежнем смысле, скорее всего, лишь в античной традиции (Ставиский Б. Я., 1977. С. 33, 41). Ссылка же его в данной связи на Птолемея, упоминавшего о стране Бактриане, но не о народе бактрийцев, на наш

взгляд, не очень доказательна. Общая картографическая схема Средней Азии у Птолемея, а вместе с ней и название Βακτριανή, восходит к Эратосфену. Список же племен Бактрианы Птолемея — разнородного происхождения, но ядро его, возможно, еще старше времени Эратосфена. С другой стороны, оригинальные сообщения о бактрийцах в связи с современными событиями встречаются и после Птолемея.

II. РУБЕЖИ БАКТРИИ

Границы стран в античной географии, как правило, проводились по естественным рубежам — горам и рекам. Это относится и к Бактрии.

Представления о границах как горах и реках, разумеется, были теснейшим образом связаны с орогидрографическими схемами, которые вырабатывались в античной географии. Что касается Бактрии, то ближайшее отношение к представлениям о ее границах имеют две такие схемы. Одна из них принадлежит времени до походов Александра Македонского. Отметим в ней следующий момент: с горы Парнасс течет река Аракс, а от нее отделяется в виде рукава Танаис (Aristot., Met., I, 13, 15, 16). Другая начала создаваться во времена походов Александра и продолжала разрабатываться позднее, а в окончательном виде сформулирована Эратосфеном (ср. Strabo, XI, 8,8 = Eratosth., fr. III B, 63, Berger). Самое существенное в ней в данной связи: с горы Паропамис, или Кавказ, текут две реки, одна из которых — Окс, а другая сначала была признана за Танаис, а потом стала именоваться Яксартом. Действительно, и Парнасс, и Паропамис, или Кавказ, и Аракс, и Окс, и Танаис выступают в античной литературной традиции в качестве рубежей Бактрии[1].

Рассматривая античные представления о рубежах Бактрии, мы будем специально останавливаться лишь на тех сообщениях, которые представляют собой самостоятельные темы, имеющие прямое отношение к нашему вопросу. Все остальные данные, в том числе указания, содержащиеся в рассказах о походах, в описаниях путей и т. п., мы будем привлекать лишь в случае необходимости для истолкования основных сообщений.

Горы как рубежи

В качестве рубежей Бактрии античная литературная традиция, специально касающаяся этой темы, определяет Парнасс и Паропамис (это последнее название в источниках приводится в разных написаниях; мы воспроизводим каждый раз ту форму, которая дана в источнике), или Кавказ. Под всеми этими названиями подразумевается Гиндукуш.

[1] [Подробнее об указанных схемах см.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 179–278.]

1. Парнасс как рубеж

Дионисий говорит о бактрах, населяющих область «под» (ὑπό) склонами Парнеса (Парнасса) (Per., 737). В соответствующих местах латинских переводов Дионисия, сделанных Авиеном и Присцианом, сообщается следующее: бактрийский народ «прикрывается (tegitur) скалами Парнасского хребта» — у Авиена (Descr., 914); бактры владеют землями «близ (prope) горы Парнесса» — у Присциана (Per., 716).

Это сообщение, относящееся к первой из указанных орогидрографических схем, восходит вместе с ней к какому-то путешественнику эпохи до походов Александра Македонского. В этом путешественнике, по нашему мнению, можно предположить Демокрита. Так охарактеризовать положение страны бактрийцев мог человек, прошедший через горные проходы Гиндукуша, соединявшие Бактрию с Индией.

Что рубежом Бактрии в эту эпоху действительно являлся Гиндукуш, подтверждается и другими источниками. Так, в перечнях у Геродота названы наряду с бактрийцами и отдельно от них народы, занимавшие все Загиндукушье: саттагиды, гандарии, дадики и апариты (III, 91). В ахеменидских надписях наряду с Бактрией также упоминаются соответствующие этим народам страны: Саттагидия и Гандара, отождествленная в надписях с Паропанисадами.

2. Паропамис, или Кавказ, как рубеж

Плиний говорит, что бактрийский народ занимает «противоположную сторону (aversa) горы Паропанис против истоков Инда» (N. H., V1, 48). Страбон, прямо ссылаясь на Эратосфена, сообщает о том же, но более подробно: «большая часть» (πλέον) бактриев «располагается вдоль» (παρακεῖσθαι) Паропамиса, и лишь на небольшом пространстве они противолежат Индии (XI,8,8 = Eratosth., fr . III B, 63, Berger); Бактриана расположена вдоль Арии и страны паропамисадов, к северу от них (XV, 2, 9 = Eratost., fr. III B, 23, Berger). Представления Эратосфена, насколько они переданы Страбоном, очевидно, можно восстановить так: южным рубежом Бактрии является гора Паропамис, но южная граница Бактрии простирается за пределы Паропамиса; к западу от него это граница с Арией, к востоку — с Индией. Паропамис, очевидно, был границей Бактрии лишь со страной паропамисадов (ср. XV, 2, 9 = Eratosth., fr. III B, 23, Berger). При этом западной границей Индии считалась река Инд (Strabo, XV, 1, l0 = Eratosth., fr. III B, 6, Berger; Arrian., Anab., V, 6, 3; Ind., III, 2 = Eratosth., fr. III B, 9, 10, Berger), текущая на юг с горы Паропамис, или Кавказ (Strabo, XV, 1, 13 = Eratosth.,fr. III B, 12, Berger; Arrian., V, 4, 1 = Eratosth., fr. III B, 13, Berger).

Несколько иначе трактует южный рубеж Бактрии Птолемей. Южная граница Бактрианы у него почти на всем протяжении идет вдоль северных склонов горы Паропанис, растянувшихся на 8° по широте (от 111°30' до 119°30') (Geogr., VI, 11, 5; 17, 1). Этот рубеж, в общем, совпадает с границей Бактрианы со страной паропамисадов (от 111° до 119°30' (Geogr., VI, 11, 1). На западном участке гра-

ницы Бактрианы, отделявшем ее от Арии и протянувшемся всего на 2°по широте (от 109 до 111°) (Geogr., VI, 11, 1; 10, 1), горы вообще не отмечены. К востоку от Паропаниса расположены «собственно Кавказские горы», отделявшие Согдиану от Индии (Geogr., VI, 12, 1). Долготная ветвь этих же гор, а не Инд, служит западным пределом Индии (Geogr., VI, 18, 1).

Представление о Паропомисе, или Кавказе, как рубеже Бактрии относится ко второй из указанных орогидрографических схем, т. е. схеме, выработанной Эратосфеном. К нему в конечном счете, и восходят рассмотренные здесь сообщения о Паропамисе, хотя, разумеется, представления Эратосфена в передаче Страбона и особенно Птолемея претерпели определенные изменения.

Сам Эратосфен в данном случае, как и во многих других, опирался явно на известия историков Александра. Представление о Паропамисе как рубеже Бактрии основано на рассказе о переходе Александра через Паропамис, или Кавказ: перевалив через эти горы, он попадал из страны паропамисадов в Бактрию (Arrian ., Anab., III, 28, 4; 29, 1; Curt., VII, 3, 22, 23; 4, 22–25; Diod ., XVII, 83, 1, 3; Strabo, XV, 1, 26; 2, 9, 10), или наоборот (Arrian., Anab, IV, 22, 4; Strabo, XV, 1, 26). Очевидно, перевалы Гиндукуша и следует рассматривать как непосредственные границы Бактрии. Такое положение соответствует и перечням стран, относящимся ко времени после походов Александра. Наряду с Бактрией в них обычно фигурируют Паропамисады. Правда, Элиан, пересказывая эпизод из похода Александра, относимый всеми другими авторами к стране паропамисадов, помещает его в Бактриану (V. H., XII, 37), но это, видимо, можно объяснить просто небрежностью Элиана или его источника.

В античных источниках, кроме того, выступает еще одно представление о южном рубеже Бактрии, принадлежащее Деймаху, согласно которому Бактриана примыкает к Кавказу с севера напротив Индии (в высказываниях Страбона, II, 1, 17, 18, использовавшего материал Деймаха, ср. II, 1, 17 = Deimach., fr. 2c). Деймах даже протяженность Индии с юга на север измеряет от южных ее пределов до «горного прохода (ὑπέρθεσις) к бактриям и согдианам» из Индии, у которого и расположена Бактриана (Strabo, II, 1, 14 = Deimach., fr. 2 b; ср. Strabo, II, 1, 14 о горном проходе в Индию). Иными словами, Кавказ здесь является южным пределом Бактрии, отделяющим ее непосредственно от Индии.

Тождественно ли это представление по своему реальному содержанию рассмотренному ранее, или подразумевает нечто иное? Эратосфен, который был знаком с сочинением Деймаха, понял его данные, кажется, во втором смысле, пытаясь их совместить с данными историков Александра. Его утверждение, что Бактрия на юге граничит на некотором протяжении к востоку от Паропамиса с Индией, основано на известиях Деймаха. В действительности же Деймах говорил о том же Кавказе, или Паропамисе, и о тех же проходах через него, о которых сообщали историки Александра. Дело в том, что во времена Александра Паропамисады являлись отдельной от Индии областью, а к тому времени, когда Деймах был послан Селевком 1 в качестве посла к индийскому царю Амитрохаду (Strabo, II, 1, 9) Паропамисады вместе с некоторыми другими областями отданные Селевком Сандрокотту, предшественнику Амитрохада (Strabo, XV, 1, 10; 2, 9), считались уже частью Индии (ср. Plin., N. H ., V1, 78).

В античной традиции Бактрия фигурирует также среди стран, расположенных вдоль северных склонов Тавра (Strabo, II, 1, 14; 5, 31; XI, 8, 1, см.: Ruge W., 1934, стб. 44). Хотя мнение о таком местоположении Бактрии высказывали, видимо, многие авторы, восходит оно все же к Эратосфену, который именовал Тавром горный хребет, пересекавший в широтном направлении всю Азию и включавший в себя Паропамис и Кавказ. Представление о Тавре как южном рубеже Бактрии не противоречит, следовательно, представлению о той же роли Паропамиса, или Кавказа.

3. Безымянные горы как рубеж

Кроме указанных гор на карте Птолемея фигурирует в качестве рубежа Бактрианы еще одна, безымянная «горная страна» (ὀρεινή), по которой проходит граница с Маргианой вплоть до Окса (Geogr., V1, 10, 1). В источнике Птолемея эта горная местность, видимо, упоминалась в описании Маргианы, а не Бактрианы. Не случайно и у самого Птолемея о ней идет речь только в сообщении о границах Маргианы. Данные о ней являются частью общего представления о рубежах Маргианы в той традиции, которой здесь придерживается Птолемей, и восходят вместе с этим представлением к источнику, общему для Птолемея, Плиния и Страбона.

У Птолемея Маргиана почти вся окружена горами (Geogr., VI, 10, 1). У Плиния она «заключена в прекрасных горах окружностью в 1500 стадиев» (N. H., VI, 46). Общим источником для этих сообщений вряд ли был Полибий или гипотетичный «источник Трога», и очень сомнительно, что представление о маргианских горах отражало какие-то реальные политические условия, в результате которых территория Маргианы чрезвычайно расширилась — до гор (ср. Kiessling, 1914, стб. 494, 495; Tarn W. W., 1951. P. 88–90). Общим, хотя и не непосредственным, источником здесь был Аполлодор, а известие о маргианских горах появилось, скорее всего, вследствие неясности изложения у последнего — примерно такого же, как у Страбона. Страбон, передавая слова Аполлодора, характеризует Арию и Маргиану вместе и отмечает, что эти страны окружены горами (XI, 10, 1). Хотя эта характеристика относится, в сущности, лишь к Арии, но ее можно понять так, что она включает и Маргиану. К тому же у Плиния маргианских гор касается, судя по указанию на длину их окружности, и сообщение Аполлодора о стене вокруг Маргианы, построенной Антиохом I (Strabo, Xl, 10, 2).

Реки как рубежи

В качестве рубежей Бактрии в античной литературной традиции, трактующей географическое положение этой страны, фигурируют Аракс, Танаис и Окс. Под Араксом и Оксом имеется в виду Амударья, а под Танаисом — Сырдарья.

1. Аракс как рубеж

Страбон, ссылаясь на Геродота и Каллисфена, сообщает об Араксе следующее: «[Геродот] говорит, что он [Аракс], вытекая из [области] матиенов, ветвится на сорок рек и разделяет скифов и бактрианов; за ним [Геродотом] же последовал Каллисфен» (XI, 14, 13 = Callisth., fr. 38).

Давно уже признано, что вся эта цитата восходит к Каллисфену, и только через его посредство приведены данные Геродота со ссылкой на последнего, и что в цитате допущена неточность: на самом деле о разделении Араксом скифов и бактрийцев Каллисфен говорил от себя (этого у Геродота нет), а у Геродота заимствовал только сообщение об истоке и сорока рукавах Аракса (Herod., 1, 202) (Herrmann A., 1914. S. 11; Junge J., 1939. S. 51, прим. 5; Пьянков И. В., 1975а. С. 52).

Тесно связано с этой темой сообщение Дионисия, который, упомянув о бактрах и деркебиях, продолжает: «На восток от них (τοὺς δὲ μετ' αντολίηνδε), по ту сторону (πέρην) шумного Аракса, живут массагеты» (Per., 739, 740). В латинском переводе Авиена в соответствующем месте говорится: «Затем (tum) … массагеты примыкают (succedunt) к течению глухо шумящего Аракса» (Descr., 916, 917). В переводе Присциана: «За (post) ними, за (post) потоком Аракса к востоку (ad ortum), [живут] массагеты» (Per., 718). Парафраза поясняет: «За этими деркебиями к востоку, по ту сторону шумящего Аракса… обитают массагеты». Однако у Дионисия скорее Аракс отделяет массагетов и от деркебиев, и от бактров.

Сообщение Дионисия также восходит к Каллисфену (Markwart J., I, 1946. S. 129). И здесь явно заметно обращение Каллисфена к Геродоту. У последнего заимствовано указание на место обитания массагетов, которое в оригинале выглядит так: массагеты живут «по направлению к востоку и восходу солнца (πρὸς ἠῶ τε καὶ ἡλίου ἀνατολάς), по ту сторону (πέρην) реки Аракс, напротив исседонов» (Herod., I, 201). Иногда полагают, что сведения Дионисия о массагетах, заимствованные у Каллисфена, восходят не к Геродоту, а к Гекатею, одному из главных источников Геродота, чем и объясняется якобы сходство этих сведений с данными Геродота (Markwart J., I, 1946. S. 129; иначе Пьянков И. В., 1975а, С. 52, 54). Но использование Каллисфеном данных Геродота прямо засвидетельствовано в приведенной выше цитате из сочинения Страбона (XI, 14, 13). К тому же цитированное сообщение Геродота о массагетах (I, 201) не заимствовано у Гекатея (Пьянков И. В., 1975а. С. 52, 53, 65).

Наконец, с этой же темой связаны слова Лукана: «…кочующие народы Скифии, которых ограничивает ледяной бездной Бактр и обширными лесами Гиркания» (De bello civ., III, 266–268). В другом месте Лукан упоминает о «холодном Араксе» (De bello civ., VIII, 431). Можно полагать, что в поэтическом языке Лукана «ледяная бездна Бактр» равнозначна «холодному Араксу». Вместе с тем это выражение содержит намек на то, что Аракс является пограничной рекой Бактрии. Следовательно, и Лукану знакомо представление об Араксе как реке, разделяющей скифов и бактрийцев.

Как истолковать указание Каллисфена на Аракс — рубеж между бактрийцами и скифами? Может быть, Каллисфен имел в виду под скифами массагетов, обитающих за Араксом? (Markwart J., I. 1946. S. 127). Но у Геродота эти массагеты за Араксом живут напротив исседонов (I, 201), а не бактрийцев. Геродот

также подразумевает, следуя другим источникам, что Аракс отделяет массагетов от персидских владений (I, 205, 209–211), но и в этом случае о бактрийцах ничего не говорится. Очевидно, указание Каллисфена не сводится к данным Геродота. Судя по цитированным отрывкам, Каллисфен, приводя свое описание Аракса, вообще сопровождал его выдержками об Араксе из сочинения Геродота. Видимо, и свое указание на Аракс как на границу между бактрийцами и скифами (это указание мы находим у Страбона) Каллисфен подкрепил ссылкой на аналогичное указание Геродота, где Аракс выступает в качестве рубежа для массагетов (соответствующую выдержку из текста Геродота, без ссылки на него, мы и находим у Дионисия), посчитав такую ссылку тем более уместной, что, согласно Геродоту, некоторые называли массагетов скифским народом (I, 201).

Может быть, Каллисфен, разработавший свою орогидрографическую схему Азии на основе старой схемы, созданной еще до походов Александра, в которой фигурировали Парнасс и текущий с него Аракс, заимствовал из нее и представление об Араксе как рубеже между бактрийцами и скифами? Другими словами, заимствовал это представление из литературного источника? Это не исключено, хотя предположение о том, что литературным источником Каллисфена здесь был Гекатей (Junge J., 1939. S. 25), казавшееся ранее вероятным и нам (Пьянков И. В., 1975а. С. 63), теперь мы считаем неприемлемым, так как орогидрографическая схема, использованная Каллисфеном, явно не принадлежит Гекатею.

Однако поскольку имеются основания думать, что Каллисфен, рассказывая об Араксе, располагал не только литературными сведениями, но и какими-то собственными данными, полученными во время похода Александра, то, естественно, имеется и возможность отнести к числу этих данных указание Каллисфена на Аракс как на границу между бактрийцами и скифами. Такое предположение требует объяснения. Действительно, почему у Каллисфена Бактрию отделяет Аракс от Скифии, в то время как у всех других историков Александра Бактрию отделяет Окс от Согдианы? Объяснение, как мы считаем, кроется в особой концепции Согдианы, которой придерживался Каллисфен.

Эта концепция трактует Согдиану как узкую полосу долины Политимета (Зеравшана), в противоположность обычному для античной традиции представлению о Согдиане как стране между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей). Такая трактовка Согдианы хотя и соответствует прежде всего представлениям Каллисфена, видимо, в той или иной мере отражена и другими историками Александра. В своем чистом, ясно выраженном виде она не сформулирована ни одним античным автором, чьи сочинения дошли до нас. Но следы ее в античной традиции не столь уж редки.

Наиболее существенный след этой концепции содержится в сочинении Курция, в его описании Согдианы: «Согдиана представляет собой страну, большей частью пустынную: обширные безлюдные места простираются в ширину примерно на 80 стадиев[1]. И в прямом направлении эта страна огромна; по ней не-

[1] Исследователи обычно читают: 800 (например: Савицкий Г. И., 1940. С. 13; Рахманова Р. М., 1963. С. 44), принимая исправление octingenta, предложенное издателями текста Курция. Но в тексте стоит цифра LXXX.

сется поток, который местные жители называют Политиметом» (VII, 10, 1, 2). Это описание представляет собой неудачное соединение двух разных характеристик Согдианы, заимствованных Курцием у Клитарха (о том, что данное описание должно принадлежать «в основном» Клитарху, см.: Jacoby F., 1921, стб. 650). В одной из них, принадлежавшей, видимо, самому Клитарху, который придерживался обычного представления о Согдиане как стране между Оксом и Танаисом, Согдиана была действительно большей частью «пустынной (deserta) страной»; ср. упоминание Курцием о «пустынных (deserta) местах» согдианов (VII, 5, 1). В другой, скорее всего заимствованной Клитархом, как и многие другие географические данные, у Каллисфена, определялись длина и ширина Согдианы. Длина ее в «прямом направлении» — это длина Политимета, ширина в 80 стадиев (около 15 км; оценку стадия Курция см.: Пьянков И. В., 1970. С. 40, прим. 65) — это ширина долины Политимета. Курций, узнав из первой характеристики, что Согдиана — пустынная страна, решил, что этими «безлюдьями» (solitudines) и является долина Политимета, отождествленная с Согдианой во второй характеристике.

«Границы» (ὅρια) Согдианы со Скифской пустыней находятся в непосредственной близости от Политимета и недалеко от Мараканд (Самарканда) (Arrian., Anab., IV, 5, 3, 4). Где-то в тех же местах, на «рубеже» (μεθόριον) между Согдийской землей и скифами стоит крепость Габы (Arrian., Anab., IV, 17, 4). Области вне долины Политимета уже не относятся к Согдиане: «варвары, живущие по соседству с рекой» Танаис (Сырдарья, в районе позднейший Уструшаны) упоминаются наряду с согдийцами и отдельно от них (Arrian., Anab., IV, 1, 4, 5; см.: Григорьев В. В., I, 1881. С. 29, 30; ИУ, I, 1967. С. 94; ср. Tarn W. W., 1951. P. 102; иначе — Негматов Н., 1957. С. 51, 52. Спор о том, действительно ли Уструшана являлась частью Согдианы, на материале античных источников неразрешим. В них можно найти свидетельства в пользу и того и другого мнения, что и отражает существование в античной традиции двух отмеченных нами представлений о Согдиане)[1]. Не случайно в одной из версий о взятии Кирополя (Curt., VII, 6, 17–23) его население названо «могущественным народом (valida gens) мемакенов». Под этим народом, конечно, не могло подразумеваться население одного только города. Видимо, мемакены здесь упомянуты потому, что Кирополь считался их центром. То, что здесь имелась в виду целая область, свидетельствует само слово Memaceni, образованное от названия области *Μεμακηνή или *Μαμακηνή (видимо, предшественницы более поздней Уструшаны). Все это

[1] Мы никак не можем согласиться с тем, что встречающееся у Арриана выражение «варвары, живущие за рекой» Танаис, является специальным обозначением оседлого населения Ташкентского оазиса (Григорьев В. В., I, 1881. С. 27; ср. Тереножкин А. И., 1950. С. 153) или Ферганы (Горбунова Н. Г., 1976. С. 29). В одном случае (Anab., IV, 1, 4) оно служит общим обозначением заречного населения, и в первую очередь — упомянутых рядом скифов. В другом случае (Anab., IV, 3, 6) оно относится к населению восставших пританаисских городов, жившему, по отношению к скифам, «по другую сторону» (’επέκεινα) реки. Наконец, в противопоставлении скифов «азиатским варварам» (Anab., IV, 4, 2) скифы, которые появились за Танаисом — границей Европы и Азии, знаменуют собой начало новой части света, «Европы», а «азиатскими варварами» названы здесь те народы Азии, через земли которых прошел Александр до прибытия к берегам Танаиса.

следы той же особой концепции Согдианы, которая совершенно не согласуется с обычным представлением античности о Согдиане как стране между Оксом и Яксартом, или Танаисом.

Следует сказать, что рассматриваемая концепция Согдианы, так подспудно выраженная в античной литературе, напротив, вполне обычна в средневековой мусульманской географии, где Согдом именовалась долина Зеравшана, преимущественно область Самарканда, а иногда и долина Кашкадарьи (Tomaschek W., I, 1877. S. 63; Бартольд В. В., III, 1965. С. 487, 488; Массон В. М., 1950. С. 173, 176).

Со Скифией граничит не только Согдиана, понимаемая как долина Политимета. Область Ксениппы (в долине Кашкадарьи) также «сопредельна» (confinis) со Скифией (Curt., VIII, 2, 14). Иными словами, в той концепции, которой придерживался Каллисфен, Скифией считалась вся степная территория к северу от Амударьи, окружавшая оазисы Зеравшана, Кашкадарьи и т. д. Поскольку воины Александра, переправившись через Амударью, шли через пустыню (ср. Arrian., Anab., III, 30, 6), пока не достигли оазиса Кашкадарьи, то понятно, почему страна к северу от Аракса (Амударьи) считалась Скифией. Так, очевидно, возникло представление о том, что Аракс отделяет Бактрию от Скифии.

Античное представление об Араксе как рубеже между Бактрией и Скифией или, в более широком смысле, между иранскими землями и владениями северных кочевников, имеет глубокие корни в иранской традиции. Об этом прямо свидетельствует армянское географическое сочинение «Ашхарацуйц»: «...Гозбон вплоть до реки, называемой Аранг, о которой (персы) рассказывают, что она несет серу, — широкой и непроходимой. Кажется, это Фисон, который персы называют Вехротом. А непроходимым его называют в том смысле, что он неодолим и непроходим для могущественных народов персов и индийцев в силу договора» (Marquart J., 1901. S. 138, 139; Markwart J., 1938. S. 137, 153; Minorsky V., 1937. P. 331).

Это сообщение о Гозбоне и Аранге, бесспорно, взято из эпической традиции (Marquart J., 1901. P. 147). На нее достаточно прозрачно указывают слова о договоре, свидетельствующие, что здесь подразумевается сказание об Арише (Markwart J., 1938. S. 153). Это сказание, связанное с мифологией «дождевой звезды» Тиштрия (Сириус) и древним праздником тираган (о последнем см.: Пигулевская Н., 1956. Р. 334–338), очень рано было введено и в иранский исторический эпос. В той его форме, которая известна по мусульманской и зороастрийской литературе, сказание выглядит так: Менучехр, царь Ирана, и Афрасиаб, владыка Турана, заключили договор, по которому пределы Ирана будут определены полетом стрелы. Стрелу выпустил искусный стрелок Ариш, она пролетела огромное расстояние и вонзилась в «ореховое дерево» (gōzbun).

В сочинениях средневековых мусульманских авторов Табари, Саалиби и Беруни стрела Ариша летит от Табаристана на восток (Markwart J., 1938. S. 14, 138, прим. 1). По Табари, она достигает Амударьи, по Саалиби — места, называемого Гозбун (т. е. Ореховое Дерево), в местности Хульм области Балха. По Беруни, она летит до крайних пределов Хорасана между Фарганой и Тохаристаном

(Беруни, V, 1973. С. 239; V1, 1975. P. 141; см.: Markwart J., 1938, с. 14, прим. 1). Тохаристан здесь нужно понимать, очевидно, в узком смысле, как область с центром в Талекане, а Фаргану — как область одного из притоков реки Кундуза между Багланом и Ишкамишем (ср. Marquart J., I, 1896. S. 31, прим. 136).

Намек на выстрел Ариша содержит и пехлевийское сочинение «Меноки-храт», судя по которому стрела летела от Патишхваргара (Табаристана) до Буни-Гозака (т. е. Орехового Дерева) (Markwart J., 1938. S. 11, 14, 175). В «Авесте» стрелок Рхша (Ариш) пускает стрелу от горы Арийская Хшута до горы Хванва (Yt. VIII, 6, 7, 37, 38). Нам кажется, что и в этом случае имеется в виду то же сказание об Арише, хорошо известное позднему иранскому эпосу, в котором Ариш пускает стрелу от гор Табаристана на восток (иное толкование см.: Herzfeld E. E., 1947. P. 442–444). С горой Хванва (Xvanvant-) можно сопоставить город Хоана (Χοάνα), располагавшийся на бактрийском (т. е. левом) берегу Окса (Ptol., Geogr., V1, 11, 7). Этот город локализуется у Амударьи напротив Термеза или в районе Ишкамиша и Кундуза.

Приведенный материал свидетельствует, что Гозбон «Ашхарацуйца» — это, несомненно, Ореховое дерево иранских сказаний, понимаемое как местность (Markwart J., 1938, S. 14, 15, 137, по P. фон Штакельбергу; ранее И. Маркварт читал Dzi-roin вместо Gozbon, см.: Marquart J. 1901. S. 138; B. Минорский толковал Gozbon как «Lying below Gōz [gān]», см.: Minorsky V., 1937. P. 331). B. Минорский исходя из предложенной им этимологии ищет Гозбон к северу от области Гузган (долины рек Аби-Шиберган и Аби-Андхой), между средневековыми городами Андхуд (Андхой) и Керкух (Керки на Амударье) (Minorsky V., 1937. P. 331, 332). Ореховое дерево, предел иранских земель в иранской традиции, всегда помещаемое у Амударьи или ее притоков, в «Ашхарацуйце» прямо связано с Арангом, который тут же отождествлен с Вехротом (Амударьей). Именно Аранг и является, собственно, границей, «непроходимой» для персов. Аранг — это иранское соответствие античному Араксу. Кроме того, в античной литературе имеется и прямое свидетельство о том, что сказание о стрелке Аракс (Рхша, Ариш) было связано с бактрийской рекой Аракс (Ps.-Plut., De fluv., XXIII, 1). Следует отметить, что полет стрелы Ариша от Табаристана до Аранга, где начальный и конечный пункты указывают, очевидно, на места соприкосновения иранцев с туранцами, вообще соответствует границе Скифии по Кавказу, т. е. горам Гиркании, и Араксу, которая дана в орогидрографической схеме, разрабатывавшейся Каллисфеном.

Места, в которые средневековое предание помещало Ореховое Дерево, далеко не всегда соответствовали действительным границам современного этому преданию Ирана (ср. Markwart J., 1938. S. 138, прим. 1). Видимо, традиционное представление о границе с кочевниками по Араксу-Арангу идет из глубокой древности, и не исключено, что оно, как и многие другие мотивы позднего иранского эпоса, возникло первоначально на востоке (в Бактрии?).

И. Маркварт видит в Аранге «Ашхарацуйца», игнорируя прямое указание этого источника, реку Согда Зеравшан (Markwart J., 1938. S. 137, 153). Это предположение основано на отождествлении Гозбона с местностью Казбион, упоминаемой другим армянским автором, Себеосом (Markwart J., 1938. S. 15). По-

следний, рассказывая о походе персидского полководца Вахрама Михревандака против тюрков, говорит, что этот полководец «силой завоевал Бахл и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрот, до места под названием Казбион» (Тер-Мкртичян Л. Х., 1979. S. 58; Marquart J., 1901. S. 83; Markwart J., 1938. S. 34, 137). При помощи сложных и совсем не бесспорных сопоставлений этого сообщения с другими источниками И. Маркварт локализует Казбион близ Пайканда в Бухарском оазисе (Markwart J ., 1938, с. 138–153). Но, во-первых, Гозбон, упомянутый в описании Хорасана к югу от реки Аранг-Вехрот, между областями, расположенными определенно к югу от Амударьи (ср. Minorsky V., 1937. P. 331), вряд ли может быть тождествен Казбиону, находящемуся по другую сторону реки Вехрот. Во-вторых, локализация самого Казбиона в Бухарском оазисе построена на очень шаткой основе (ср. Тревер К. В., 1954. С. 140). Возможно, например, что Казбион соответствует средневековому городу Кесба и современному городищу Касби недалеко от Карши (Массон М. Е., 1975. С. 47; Кабанов С. К., 1977. С. 115).

2. Танаис как рубеж

Курций говорит о Танаисе: «Танаис отделяет бактрианов от скифов, которых называют европейскими. Его течение является также границей между Азией и Европой» (VII, 7, 2). Далее он поясняет, что упомянутый скифский народ «занимает область, лежащую прямо за Истром у крайних пределов Азии, каковыми являются Бактры. Они населяют [земли], расположенные ближе к северу. Далее начинаются густые леса и обширные безлюдные края; напротив, [земли], обращенные к Танаису и Бактрам, не лишены человеческой культуры» (VII, 7, 4). В речи, сочиненной Курцием (ср. Bardon., II, 1948, с.265), но вложенной в уста послов европейских скифов к Александру (ср. VII, 8, 11; 9,1), утверждается: «... ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы. Если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы занимаем земли вплоть до Фракии» (VII, 8, 30).

Лежащее в основе этих сообщений представление о тождестве Танаиса (Сырдарьи), являвшегося рубежом между бактрийцами и скифами, с Танаисом (Доном), впадавшим в Меотиду (Азовское море) и служившим границей Азии и Европы, характерно для той традиции об Александре, которая связана с именем Клитарха и использовалась многими более поздними авторами, в том числе Аристобулом (Schwarts E., 1957. S. 126; специально о принадлежности Клитарху первого из цитированных сообщений см.: Jacoby F., 1921, стб. 650).

О Танаисе как границе Азии и Европы Курций говорит еще в одном месте своего сочинения: скифы, «которые живут в Европе, простираются по прямому направлению от левой стороны Фракии до Борисфена и оттуда до Танаиса, другой реки. Танаис протекает между Европой и Азией» (VI, 2, 13, 14). Давно уже отмечено, что определение границы Азии и Европы у Курция созвучно аналогичным определениям, данным Диодором: «Скифские народы вплоть до реки Танаис, отделяющей Европу от Азии» (I, 55, 4) — и Иорданом, заимствовавшим

здесь, видимо, у Трога: «Танаис, где находится известный рубеж Азии и Европы» (Get., 5) (Jacoby C., 1875. S. 570; Marquart J., 1893. S. 522). Это сходство не случайно, так как Курций вместе с Диодором и Трогом зависят от Клитарха.

Но представление о бактрийском Танаисе как границе Азии и Европы свойственно не только Клитарху. Оно было общим для всех современников Александра и участников его походов (Томсон Дж. О., 1953. С. 190; Ельницкий Л. А., 1961. С. 105, 106). Вопреки мнению Ю. Юнге (Junge J., 1939. S. 51), его придерживались не только менее образованные и осведомленные, но и сам Александр (Plut., Alex., 45; Plin., N. H., VI, 49). Оно господствовало по крайней мере до экспедиции Демодама и Патрокла. Из этого представления исходил Поликлит, считавший, что Танаис, до которого дошел Александр, впадает в Меотиду (Strabo , XI, 7, 4 = fr. 7), а у Поликлита заимствовал Клитарх (FGrHist, II BD, 2, 1927. S. 441). После того, как Демодам и Патрокл стали доказывать, что река, которую называли Танаисом, на самом деле — Яксарт, впадающий в Каспийское море, сторонникам Поликлита, полагавшим, что Яксарт — все-таки та же река, о которой говорил Поликлит, т. е. Танаис, впадающий в Меотиду, пришлось обосновывать эту старую точку зрения (Strabo, XI, 7, 4). Возможно, что таким сторонником Поликлита был Аристобул, который знал сочинение Патрокла (Strabo, XI, 7, 3 = fr. 20) и упоминал о том, что Танаис называется Яксартом (Arrian., Anab., III, 30, 7 = fr. 25), но тем не менее придерживался прежнего взгляда на Танаис-Яксарт как на границу Азии и Европы.

Доказательство своей правоты сторонники Поликлита видели в том, что страна по ту сторону Танаиса-Яксарта производит «ель» (ἐλάτη) и живущие там скифы употребляют «еловые стрелы» (οἱστοὶ ἐλατίνοι), в то время как верхняя и восточная Азия ели не производит (Strabo, XI, 7, 4). Рассмотреть древки стрел затанаисских скифов спутники Александра вполне могли, когда столкнулись с этими скифами у Танаиса: скифы пускали в них стрелы через реку в том месте, где она была неширокой (Arrian., 1V, 4, 2). Что касается отсутствия ели в Верхней, т. е. удаленной от моря, и Восточной Азии, то еще до походов Александра в античной науке установилось мнение, что «ель» (ἐλάτη)[1] — дерево, любящее холод (Theophr., Hist. plant., II, 3, 3; 1V, 5, 1),— растет только в Европе и приморских, т. е. западных, частях Азии (Theophr., Hist, plant., 1V, 4, 1; 5, 5; см.: Bretzl H., 1903. S. 220–225). Действительно, Аристобул подчеркивал, что даже в такой лесистой стране Азии, как Гиркания, «нет сосны, ели и пихты» (Strabo, XI, 7, 2 = fr. 19: πεύκην δὲ καὶ ελάτην καὶ πίτυν μὴ φύειν). То обстоятельство, что и Аристобул (Strabo, X1, 7, 2 = fr. 19), и Клитарх (Diod., XVII, 89, 4) знали об обилии «ели» (ἐλάτη) в северной, горной части Индии (Wenger F., 1914. S. 36), не противоречит, как нам кажется, мнению сторонников Поликлита об отсутствии этого дерева во внутренней Азии. Возможно, этот факт объясняли близостью северной части Индии к границе Европы (ср. представление Клитарха о близости Бактрианы и Арахосии к Понтийскому морю: Curt., VII, 3, 4; 4, 27).

[1] М. Е. Сергеенко всюду переводит слово ἐλάτη как «пихта», определяя как «пихту кефалонскую», Abies cephalonica L. (Сергеенко М. Е., 1951. С. 565). Но обычно слово ἐλάτη переводят как «ель», Pinus picea; считается, что такое значение это слово имело уже у Гомера (Hehn V., 1902. S. 296).

Если Аристобул действительно говорил о еловых лесах в стране за Танаисом, то вполне вероятно, что он основывался при этом не только на собственных наблюдениях, но, как и во многих других случаях, на данных Клитарха. Тогда будет понятно значение высказываний Курция о «густых лесах» (profundae silvae) (VII, 7, 4), «обширных лесах» (vastae silvae) (VII, 8, 16), о «лесах и снегах» (silvae et nives) (VII, 8, 13) в самых отдаленных районах страны за Танаисом. Места произрастания ели (ель Шренка, Picea schrenkiana), ближайшие к области Средней Сырдарьи, — Центральный Тянь-Шань не западнее Чаткальского хребта, — находились за пределами географического кругозора греков той поры, которым не были знакомы присырдарьинские земли выше позднейшего Ходжента. О существовании еловых лесов в стране за Танаисом современники Александра, видимо, сделали заключение лишь на основании еловых стрел скифов (Bretzl H., 1903. S. 345, 346).

Другое растение, фигурировавшее в античной науке наряду с елью как любящее холод и растущее только в Европе и прибрежной Азии, — это «плющ» (κιττός) (Theophr., Hist. plant., II, 3, 3; 1V, 4, 1; см.: Bretzl H., 1903. S. 243). И плющ, по данным Клитарха, спутники Александра нашли в стране за Танаисом. Курций рассказывает, что, когда македонские воины переправились через Танаис, преследуя скифов, на пути им встретились высокие деревья, стволы которых были «обвиты плющом» (hedera contexerat) (VII, 9, 15). Правда, теперь в тех местах, к которым может относиться это сообщение, т. е. в Моголтау и юго-западных частях Кураминского хребта, нет ни высоких деревьев, ни плюща, а последнего нет и вообще в Средней Азии (о значении указанного сообщения Курция для истории флоры Средней Азии см.: Попов М. Г., 1958. С. 18–26).

Когда спутники Александра говорили о Танаисе как границе бактрийцев со скифами, то, конечно, имели в виду место, где Александр столкнулся со скифами и затем переправился через реку для сражения с ними, т. е. область Средней Сырдарьи, а точнее, переправу у средневекового Ходжента, современного Ленинабада (о месте переправы Александра в этих местах см.: Литвинский Б. А., 1960. С. 91–96; Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., 1962. С. 297–299; ИТН, I, 1963, с. 258), или, как иногда полагают, у современного Бекабада, в самом узком месте реки (ИУ, I, 1967. С. 96; ИУ, 1974. С. 26). Страна скифов у Курция ориентирована относительно Бактрии на север (septentrioni propriora) (VII, 7, 4). Действительно, среднее течение Сырдарьи на участке, который был известен спутникам Александра, имеет в основном широтное направление. Согласиться с тем, что Танаис-Яксарт античной традиции — Сырдарья только до впадения в нее Ходжа-Бакыргана, а далее этот последний, и следовательно страна за Танаисом — территория не только к северу от Сырдарьи, но и к востоку от Ходжа-Бакыргана (Горбунова Н. Г., 1976. С. 28), мы не можем. Предположение о том, что верхнее течение Танаиса-Яксарта античной традиции — это Ходжа-Бакырган, кажется нам неприемлемым.

Земли, обращенные к Танаису и Бактрии, по словам Курция, не лишены «человеческой культуры» (humano cultu) (VII, 7, 4), т. е. частично возделаны человеком. Очевидно, это земли не скифские, так как скифы, по Курцию, бродят по пустыням, не тронутым «человеческой культурой» (humano cultu), избегая «го-

родов» (urbes) и «плодоносных полей» (opulentos agros) (VII, 8, 23). Видимо, здесь след смутных сведений, доходивших до спутников Александра, об оазисах Северной Ферганы или долин Чирчика и Ангрена.

Бактрия, простирающаяся до Танаиса, — органическая часть всего рассматриваемого комплекса сведений, восходящего к Клитарху. Очевидно, под Бактрией в данном случае имеется в виду позднеахеменидская Бактрийская сатрапия, включавшая Согдиану (см. об этой сатрапии: Пьянков И. В., 1965. С. 40). Менее вероятно, что под Бактрией здесь понимается Греко-Бактрийское царство (Литвинский Л. А., 1960. С. 91; ср. 1972. С. 169). Хотя в сочинении Курция и прослеживается традиция, более поздняя, чем время Александра, все же нигде не видно, чтобы Курций представлял себе Бактрию как Греко-Бактрийское царство.

Однако на формирование представлений Клитарха о Танаисе как пограничной реке могли оказать влияние и литературные источники. Клитарху была известна через Каллисфена старая орогидрографическая схема, относящаяся ко времени до походов Александра. Судя по тому, как эта схема описана у Аристотеля, Танаис, представленный рукавом Аракса, изображен в ней тоже впадающим в Меотиду (Met., I, 13, 15, 16). Но Аристотель здесь ничего не говорит о Танаисе как пограничной реке, и, насколько можно судить по другим данным, представление о Танаисе как границе между Европой и Азией он не разделял (Jacoby F., 1922, стб. 2072, 2073).

Большее сходство в этом вопросе с данными Клитарха обнаруживается в сочинении Ктесия — другом литературном источнике Клитарха. Бактриана у Ктесия, как и у Курция, — крайняя в Азии страна, а пределом Азии в тех местах является Танаис. В то же время «варварские народы у Понта» (судя по контексту, обитающие за Каппадокией) расселены «вплоть до Танаиса» (Diod., II, 2, 1, 3 = fr. 1b; см.: Пьянков И. В., 1965. С. 39; 1975. С. 144–146). К тому же Ктесий упоминает об «огромном озере» в Каспийской земле (Aelian., N. A., XVII, 32), так что Танаис может обтекать его с севера. Истолкование данных Ктесия о Танаисе как сведений о двух реках, Доне и Сырдарье, совмещенных в образе одной реки, помогает объяснить кажущиеся противоречия в этих данных (такие противоречия не раз отмечались; см.: например, Krumbholz P., II, 1897. S. 272–274). Бактрия у Ктесия, как и у Курция, простирается вплоть до Танаиса. Это отражает реальную обстановку: бактрийская сатрапия уже во времена Ктесия существовала в тех границах, в каких застали ее сподвижники Александра (Пьянков И. В., 1965. С. 39, 40).

Сырдарья предстает в качестве реки Танаис, впадающей в Меотиду и являющейся границей Европы и Азии, у разных авторов и в разных орогидрафических схемах. Хотя в некоторых случаях эти авторы и могли заимствовать друг у друга, все же несомненно, что такие представления формировались в античной географии и независимо одно от другого. Это можно объяснить тем, что подобные представления существовали и в местной ираноязычной среде. Они были порождены главным образом тем фактом, что и Сырдарья, и Дон одинаково назывались скифским словом Danu-, в нарицательном смысле «река», которое и передавалось по-гречески как Τάναις (ОИЯ, 1979. С. 285, 286). Река Dānuš считается в «Авесте» самой длинной и самой опасной из рек (Ys., LX, 4; Aogm.,

77) и соответствует, очевидно, Танаису как Сырдарье (Абаев В. И., 1956. С. 42–45). «Данайские туры» (dānavō tūra)[1], с которыми сражаются авестийские герои (Yt., V, 73, 74; XIII, 37, 38), соответствуют в таком случае танаисским скифам (Абаев В. И., 1956. С. 44, 45).

3. Окс как рубеж

Страбон, упоминая об Оксе, трижды в разных местах своего сочинения сопровождает эти упоминания пояснением, что Окс «разграничивает», или «разделяет» (два раза употреблен глагол ὁρίζω, один раз — διείργω), бактрианов и согдианов (II, 1,15; XI, 8, 8 = Eratosth., fr. IIIB, 63, Berger; XI, 11, 2), причем Согдиана «расположена выше Бактрианы по направлению к востоку» (XI, 11, 2: ὑπερκειμένη πρὸς ἕω τῆς Βακτριανῆς). В том же духе говорит об Оксе Птолемей: «Бактриана ограничена (περιορίζεται)… на севере и востоке (ἀπὸ δὲ ἄρκτων καὶ ἀνατολῶν) согдианами вдоль остальной части Окса [от пункта под 103°/44°до истока Окса под 119°30'/39°]» (Geogr., VI, 11, 1); «согдианы ограничены (περιορίζονται)… на юге и вновь на западе (ἀπὸ δὲ μεσημβρίας καὶ ἔτι δύσεως) Бактрианой вдоль уже описанной части Окса» (Geogr., V1, 12, 1).

И Страбон, и Марин у Птолемея свои представления об Оксе как рубеже между Бактрией и Согдианой заимствовали, несомненно, у Эратосфена (Berger H., 1880. S. 319; Ельницкий Л. А., 1961. С. 143; Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 6). Одно из приведенных здесь сообщений на эту тему Страбон цитирует с прямой ссылкой на Эратосфена. У Эратосфена положение об Оксе как границе являлось органической частью его орогидрографической схемы, в которой с Кавказа, тянущегося в широтном направлении, текут сначала на север, а затем на запад две реки: Окс и Яксарт. Окс отделяет бактрийцев от согдийцев, а Яксарт — согдийцев от саков, причем все три народа живут вдоль гор, с запада на восток (основное изложение этой схемы см.: Strabo, XI, 8, 8 = Eratosth., fr. IIIB, 63, Berger).

Но Марин и Птолемей внесли существенное изменение в положение Эратосфена об Оксе как пограничной реке. В то время как у Страбона, прямо воспроизводящего Эратосфена, вся Согдиана помещена к востоку от Бактрии, у Марина и Птолемея к востоку от Бактрии находится лишь часть Согдианы, а другая часть — к северу от Бактрии. Мы объясняем это изменение тем, что Марин и Птолемей контаминировали схему Эратосфена с другой схемой, восходящей, по-видимому, к Гиппарху и Посидонию. Эта последняя отличалась тем, что верхнее течение Окса и Яксарта в ней было направлено с востока на запад, а Согдиана помещена к северу от Бактрии. Действительно, если посмотреть на карту Птолемея, то можно заметить, что вся номенклатура северной части Согдианы принадлежит этой второй, более поздней схеме. В южной части Согдианы помещена Александрия Крайняя, сведения о которой восходят к историкам

[1] Так переводит В. И. Абаев. Geiger W., 1882. S. 196: die tūrānische Dānu. Gershevitch I., 1959. S. 189: the Turanian Dānus.

Александра, т. е. к основному источнику Эратосфена. На первый взгляд этот город, как известно, возведенный на берегу Танаиса-Яксарта, занимает на карте очень странное положение: на крайнем юге Согдианы, много южнее истока Яксарта. Но его положение вполне соответствует представлениям Эратосфена: он находится прямо к востоку от Бактры (координаты Бактры — 116°/41°, Александрии Крайней — 122°/41°, см.: Geogr., VI, 11, 9; 12, 5). Отрыв его от Яксарта объясняется тем, что Марин изобразил область верховьев Яксарта по новейшему источнику — итинерарию Мая. Очевидно, изменив координаты истока Яксарта, он забыл согласовать с ними координаты Александрии Крайней, оставив их прежними[1].

Итак, у Страбона и Птолемея границей Бактрии, отделяющей ее от Согдианы, является Окс, т. е. Амударья. Определение же расположения Согдианы относительно Бактрии, а именно к востоку или северу, производится по-разному в двух версиях, отражающих две разные орогидрографические схемы.

В той же роли выступает Окс у Плиния: бактрийский народ «ограничивается (includitur) рекой Окс» (N. H., VI, 48). Обычно издатели текста Плиния принимали в этом месте чтение Ocho, но Д. Детлефсен отмечает варианты к Ocho: Occhus, Occus, Oxus (Detlefsen D., 1904. S. 138). Очевидно, последний вариант и должен быть принят. Необходимость такого чтения становится особенно ясной при учете контекста рассматриваемого сообщения. Плиний говорит: «Этот народ (бактрийцы) занимает противоположную сторону горы Паропанис против истоков Инда и ограничивается рекой Окс. По ту сторону (ultra) [находятся] согдианы, город Мараканды[2] и Александрия на крайних пределах их [земли], основанная Александром Великим». Далее — Яксарт и саки за ним (N. H, V1, 48, 49). Перед нами описание, в основе которого лежит обычная, почти общепринятая, схема Эратосфена: Паропанис, он же Кавказ, Окс, отделяющий бактрийцев от согдийцев, Яксарт, отделяющий согдийцев от саков. Правда, у Плиния в описании Яксарта к схеме Эратосфена присоединены данные Демодама. Итак, у Плиния в качестве рубежа Бактрии и Согдианы тоже фигурирует Окс, т. е. Амударья.

Такое истолкование сообщения Плиния позволяет отвергнуть надуманные построения, связанные с чтением Ocho. Эти построения исходят из того, что Ох, отмеченный здесь в качестве пограничной реки Бактрии на западе (хотя Ох более нигде как граница не фигурирует), тождествен Теджену. Так, В. Томашек понимал рассматриваемое сообщение Плиния как указание на западную границу владений Диодота и Эвтидема, включавших Маргиану (Tomaschek, 1896, стб. 2806). М. Кисслинг считал, что под Охом здесь имеется в виду парфянско-бактрийская граница примерно того же времени, оставлявшая Маргиану за Бактрией, и что в этих местах нашел границу Антиох III, когда столкнулся у переправы через реку Арий с войсками Эвтидема (Kiessling, 1914, стб. 493). Заметим, что никакие источники не подтверждают тождество Ария (Герируда) или хотя бы

[1] [Об истории этой части карты Птолемея см.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 271.]

[2] В тексте; Panda. Мы принимаем чтение В. Томашека: Maracanda (Tomaschek W., 1, 1877. S. 67).

только его нижнего течения (Теджена) с Охом. И. Маркварт также полагал, что Ох в данном случае означает западную границу бактрийской сатрапии, включавшей Маргиану (Markwart J., 1938. S. 4, прим. 3).

Указание источников на значительный участок Окса (Амударьи), от истоков до выхода в Скифию, как на границу между Бактрией и Согдианой поднимает вопрос о реальности такой границы по Амударье. Этот вопрос затрагивался во многих работах и особенно остро дискутируется в последнее время.

Многие исследователи склонны были принимать буквально указание на Окс как на границу. Так, Г. Дж. Роулинсон считал, что Бактрия — это обширная страна между Гиндукушем и Оксом (Амударьей), позади которого простирается мало известный и редко населенный регион Согдианы (Rawlinson H. G., 1912. P. 1, 2). Сторонники такого мнения принимали Окс, ограничивающий Бактрию на севере, за Амударью, а Окс, омывающий Бактрию на востоке, — за один из ее левых притоков, реку Кундуза (Савицкий Г. И., 1941. С. 10; Мандельштам А. М., 1957. С. 38) или Кокчу (Herzfeld E., 1968. P. 323).

Оригинальной точки зрения придерживался И. Маркварт. По его мнению, пограничной рекой была Амударья и ее правый приток Сурхандарья, так что в действительности Согдиана ограничивала Бактрию с севера и запада, а не с севера и востока. Марин, однако, спутав Сурхандарью с Вахшем, северо-восточным истоком Амударьи, о котором он узнал из описания «шелкового пути», отождествил Вахш с другой рекой, считавшейся юго-восточным истоком Амударьи, за который принималась река Андераба и Кундуза, или Кокча, и перенес границу на эту реку. Но ту же путаницу с реками и границами должен был совершить уже Эратосфен, авторитет для Марина (Markwart J., 1938. S. 27, 28, 77, 78, 180; I, 1946. S. 141). Это сложное построение, основанное на чистых предположениях, выглядит очень искусственным и оставляет много неясностей. Непонятно, например, зачем И. Маркварт заставляет Марина, заимствовавшего у Эратосфена его орогидрографическую схему, самостоятельно совершать ту же самую ошибку, которую до него сделал Эратосфен. А. Херрман, ссылаясь на И. Маркварта, полагает, что хотя верхнее течение Окса на карте Птолемея изображает Пяндж в качестве реки, пограничной между Бактрией и Согдианой, оно все же соответствует Вахшу, так как по суше граница между этими странами проходила вдоль Зеравшанского хребта (Herrmann, 1942, стб. 2013). Е. П. Денисов также полагает, что данные античных авторов отражают положение, когда граница между Бактрией и Согдианой проходила по Вахшу и Амударье (Денисов Е. П., 1977. С. 17).

Нам кажется, что принимать границу по Оксу такой, какой изображают ее античные авторы, и прямо переносить ее на современную карту, пытаясь найти соответствующую речную границу в реальной географии, не позволяют следующие обстоятельства. Направление течения Окса, образующего границу между Бактрией и Согдианой, как его определяет Эратосфен, — сначала с юга на север, а затем с востока на запад, — на первый взгляд отражает действительное направление верхнего и среднего течения Амударьи или ее левых притоков (ср. Ставиский Б. Я., 1977. С. 36). Но сходство здесь кажущееся. Эратосфен совершенно не знал верховьев Окса и верхний, долготный, участок этой реки посту-

лирован им только на основании теоретических соображений. Согдиана, примыкающая у Марина и Птолемея к Бактрии с севера и востока, также на первый взгляд может быть опознана на современной карте, так что южная ее часть окажется примерно Бадахшаном или Памиром (ср. Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 5). Но и это не так. Согдиана Марина и Птолемея в указанных ими границах — искусственное создание, которое явилось результатом двух разных представлений об этой стране. Южная ее часть — это Согдиана Эратосфена, северная — Согдиана Гиппарха и Посидония.

Концепция Согдианы, связанная с представлением об Оксе как границе и вообще с орогидрографической схемой Эратосфена, выражена Страбоном: Согдиана — страна, расположенная «между» (μεταξύ) Оксом и Яксартом (XI, 11,2). Действительно, у Страбона, и особенно у Птолемея, Согдиана фактически равнозначна Трансоксиане или Мавераннахру, междуречью Окса и Яксарта (Berthelot A., 1930. P. 190; Markwart J., I, 1946. S. 139; ср. Савицкий Г. И., 1940. С. 5, 12). Но таковой Согдиана была лишь в условной картографической схеме Эратосфена. Марин и Птолемей, восприняв эту схему, относили к условной «Согдиане» все те объекты, которые, как они считали, должны быть помещены между Оксом и Яксартом (и не в Скифии), хотя в использованных ими источниках эти объекты отнюдь не обязательно связывались с Согдианой.

Другие исследователи, напротив, полностью или частично отрицают реальность границы по Оксу, утверждая, что в действительности граница проходила по горам. Еще В. Томашек считал, что граница не могла проходить по Оксу. Бактрия, как позднее Тохаристан, простиралась от Гиндукуша до водораздела с Согдианой, до Железных ворот, включая долину реки Термеза (Tomaschek W., I, 1877. S. 27; 1896, стб. 2805). Много внимания обоснованию такой же точки зрения уделил М. М. Дьяконов. По его мнению, Окс не мог быть границей принципиально: реки всегда соединяют, а горы — разъединяют. Бактрия, подобно Тохаристану, занимала обширные пространства от Гиндукуша до Гиссарского хребта и Железных ворот, являясь бассейном Средней и Верхней Амударьи, включая ее правые притоки Сурхандарью, Кафирниган, Вахш и реки Кулябской долины (Дьяконов М. М., 1954. С. 123; 1954а. С. 308; 1956. С. 23, 25). Эту точку зрения продолжает аргументировать Б. Я. Ставиский. Он считает Бактрию-Тохаристан определенной историко-культурной областью, которая простирается от Гиндукуша до Гиссарского хребта, включая полосу правобережья до Келифа, Керки или даже Чарджоу, и охватывает бассейн Средней и отчасти Верхней Амударьи (Stavisky B. J., 1972. P. 253–257; Ставиский Б. Я., 1976. С. 43–46; 1977. С. 38, 40, 41). К той же точке зрения склоняется Р. Фрай: Бактрия — культурный центр обширного района, опоясанного горами на севере, востоке и юге и орошаемого Амударьей; она делится на две части: южную, т. е. Афганский Туркестан, и северную, правобережную, т. е. Таджикистан (Фрай Р., 1972. С. 12, 31, 234, 235, ср. с. 74). В общем, можно сказать, что представление о Бактрии как о стране, объединявшей оазисы и Афганского Туркестана, и южных частей Таджикистана и Узбекистана, является сейчас преобладающим и из него исходят как из общепринятого (ср. ИТН, I, 1963, с. 8; Гафуров Б. Г., 1972. С. 78; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И., 1980. С. 235).

Можно вполне согласиться с тем, что граница между Бактрией и Согдианой по Оксу — условна (Массон В. М., 1950. С. 175, 176) и что эта условность объясняется склонностью античных авторов проводить рубежи по рекам (Ставиский Б. Я., 1976. С. 44). Но нельзя не учитывать, что и для условности должен быть повод в реальной действительности и что античная география не менее часто, чем по рекам, проводила границы и по горам (ср. южную границу Бактрии у того же Эратосфена).

Если говорить о реальности границы по Амударье в целом, то, очевидно, следует выделить в этом вопросе два аспекта: река как граница культурная и река как граница административная или политическая. В оценке этих аспектов, безусловно, прав П. Бернар: Амударья никогда не была культурным рубежом, особенно в своем бассейне, но часто бывала, и в древности и позднее, административной или политической границей (Bernard P., Francfort H., 1978. P. 60, 69). Заметим, что источники вообще чаще фиксируют границы второго рода.

Сообщения Страбона и Птолемея об Оксе как границе Бактрии и Согдианы таковы, что сами по себе они действительно не могут ни подтвердить, ни опровергнуть реальность границы по Амударье — в смысле и протяженности ее, и характера (ср. Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 9). Указанные сообщения Страбона и Птолемея восходят к Эратосфену. Но Эратосфен не располагал собственными сведениями о дальней Азии. Фактические материалы, на которых он построил свою схему, заимствованы в основном у историков Александра (Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 6, 12). Высказывалось и предположение о зависимости Эратосфена в этом отношении от Демодама (Ельницкий Л. А., 1961. С. 142, 143). Чтобы установить, каковы были основания у Эратосфена для определения границы между Бактрией и Согдианой по Оксу, нужно рассмотреть указания историков Александра на этот счет.

Указания на рубеж между Бактрией и Согдианой можно извлечь из описания следующих событий истории Александра: переход Бесса и вслед за ним Александра через Окс из Бактрии в Согдиану в 329 г. до н. э., вновь переход Александра через Окс из Бактрии в Согдиану в 328 г. до н. э., движение Александра из Согдианы в Бактрию в 327 г. до н. э.

Сообщение о переходе Бесса через Окс принадлежит, очевидно, «официальной» традиции. Арриан говорит, что Бесс, убегая от Александра, переправился через Окс и ушел в Навтаки, расположенные в Согдийской стране (Anab., III, 28, 9). То же самое у Курция, хотя в качестве места, куда удалился Бесс, называется просто Согдиана (VII, 4, 21). В этом сообщении о маршруте Бесса ничего не говорится, ясно только, что Бесс, переправившись через Окс, попал в Согдиану, а именно в область Навтаки (верхняя часть долины Кашкадарьи). Но по тому же самому маршруту должен был пройти и Александр, так как он преследовал Бесса по пятам.

Сообщение о переходе Александра через Окс также принадлежит «официальной» традиции, которую передают и Арриан (Anab, III, 29, 3, 4), и Курций (VII, 13–18). Маршрут похода Александра к Оксу и за Оксом описан в источниках довольно подробно, и на основании этого описания исследователи почти единодушно указывают на Келиф как на место переправы Александра через

Амударью. К этому определению, на наш взгляд, нельзя не присоединиться.

Но в описании похода к Оксу имеется одна деталь, которая как будто позволяет утверждать, что в сочинениях историков Александра нет четких указаний на Окс как на границу между Бактрией и Согдианой (см., например: Ставиский Б. Я., 1977. С. 37). Судя по Курцию, Александр на пути из Бактр к Оксу прошел по Согдийской пустыне, тянувшейся на протяжении 400 стадиев (VII, 5, 1–12). Ученые обычно принимают в данном случае последовательность событий такой, какой она представлена у Курция. Однако согласиться с этим нельзя, так как указанная последовательность является результатом искусственных построений Курция. Комбинируя в своем изложении две версии, он пытался рассказ о конце Бесса, принадлежащий «романтической» традиции (Curt., VII, 4, 1–19; 5, 19–26, 36–43; ср. Diod., XVII, 83, 7–9), совместить с описанием переправы через Окс по «официальной» традиции (Curt., VI, 5, 13–18, 27; ср. Arrian, Anab., III, 29, 3–5; описание переправы в своей основе должно восходить к Птолемею, ср. Kornemann E., 1935. P. 136). Совмещение оказалось не очень удачным (есть основания подозревать, что в «романтической» версии о переправе через Окс вообще не говорилось, и это, конечно, затрудняло правильное соединение версий), и в изложении Курция переход через Согдийскую пустыню стал предшествовать переправе через Окс. Между тем в «романтической» традиции переход через эту пустыню следовал за расправой с Бессом (ср. Diod., XVII, 83, 7–9 и prol., 19), а эта последняя, судя по другой версии, произошла уже после переправы через Окс (Arrian., Anab., III, 29, 6–30, 5 = Ptol., fr. 14).

В «романтической» традиции фигурировали и Бактрийская, и Согдийская пустыни. Сведения о первой (Curt., VII, 4, 27–29) связаны, очевидно, с походом Александра от Бактр до Окса (следовательно, это пустыня между Балхским оазисом и Амударьей у Келифа). О второй рассказывалось (Curt., VII, 5, 1–12; Diod., XVII, prol., 19) в связи с событиями, имевшими место уже после переправы через Окс (если исходить из реальной последовательности событий, то это, скорее всего, Каршинская степь к югу от оазиса Карши). «Официальная» традиция также намекает на эти две пустыни, когда упоминает о трудностях, которые претерпело войско Александра во время похода к Оксу и за Оксом (Arrian., Anab., III, 30, 6).

Сообщение о следующем переходе Александра через Окс из Бактрии в Согдиану представлено в обеих традициях. В «официальной» традиции Александр, решив возвратиться из Бактр в Согдиану, идет к Оксу и, переправившись через эту реку, оказывается в Согдиане (Arrian., Anab., IV, 15, 7; 16,1; Curt., VII, 10, 13). О переходе через Окс говорится на этот раз и в «романтической» традиции: Александр переправился через Окс и «покорил согдийцев второй раз» (Curt., VII, 10, 15; Diod., XVII, prol., 24). Судя по тому, что Александр достиг реки Окс на четвертый день (Curt., VII, 10, 13), им использовались не ближайшие к Балху переправы. Скорее всего, македонское войско шло по проторенной уже дороге и переправилось опять в районе Келифа.

Очень важно для установления подлинных границ между Бактрией и Согдианой проследить движение Александра из Согдианы в Бактрию в конце его пребывания в этих странах.

В «официальной» традиции основные вехи этого движения таковы. По Арриану, Александр после зимней стоянки в окрестностях Навтак (Anab., IV, 18, 2), «закончив дела у согдианов» (Anab., IV, 21, 1), пошел к паретакам, и прежде всего к скале Хориена, находившейся в их земле (Anab., 1V, 21, 1). От паретаков он направился в Бактры (Anab., IV, 22, 1), а вслед за ним туда прибыл Кратер, оставленный перед этим в стране паретаков (Anab., IV, 22, 2). Между сообщением о зимовке Александра и рассказом об осаде скалы Хориена Арриан говорит о взятии Согдийской скалы (Anab., 1V, 18,4–19,5). Вопреки почти общему убеждению, порядок изложения у Арриана здесь не соответствует действительному ходу событий. Это один из тех частых случаев, о которых предупреждает сам Арриан (Anab., 1V, 8,1; 14,4), когда он группирует события не в хронологической последовательности, а по сходству, по аналогии (см. об этом приеме у Арриана: Schwartz E., 1957. S. 145; ср. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И., 1980. С. 253). В данном случае такими аналогичными событиями Арриан счел осаду Согдийской скалы и скалы Хориена и поставил их рядом. Хронологические неувязки, вытекающие из такой последовательности, были отмечены еще В. В. Тарном, хотя выводы, которые он делает из этого наблюдения, кажутся нам не очень удачными (Tarn W. W., I, 1948. P. 72, 73). В источнике Арриана о взятии Согдийской скалы рассказывалось примерно в том же месте, в каком говорилось о взятии соответствующей ей скалы Аримаза в «романтической» версии (ср. Curt., VII, 11; Diod., XVII, prol., 25). По Курцию, Александр пришел в область Хориена[1] и женился здесь на Роксане (VIII, 4, 21–30; Epit. R. G. Alex. M., 28; об этом сообщении Курция как об одной из версий рассказа о взятии скалы Хориена см.: Markwart J., 1938. S. 73). Затем Александр «двинулся в Бактрийскую землю (in agrum Bactrianum)», прошел мимо какой-то «крепости» и переправился через реку Окс (Epit. R. G. Alex. M., 32). Курций говорит и о действиях Кратера, дополняя рассказ о них сообщением о покорении Полиперхоном страны Бубакена (VIII, 5, 2).

В «романтической» традиции события, происходившие в стране паретаков, отнесены к Бактриане. Об этом свидетельствуют данные Трога: Александр «вступил в землю бактрианов (in terram Bactrianorum) и женился на Роксане» (Anecd. Rue., Laur. 174–176, Bamb. 154, 155 = fr. 94a, Seel) Курций рассказывает более подробно. Царь совершил поход в область навтаков и приступил к скале Сисимифра (Curt., VIII, 2, 19; ср. Diod., prol., 29), соответствующей скале Хориена предшествующей традиции. После взятия скалы Александр оставил фалангу (под предводительством Кратера?) для покорения отпавших, а сам двинулся дальше трудной горной дорогой (Curt., VIII, 2, 33, 34). Здесь, несомненно, место отправления совмещено с местом прибытия, при этом название первого вытеснило название второго (Markwart J., 1938. S. 73, прим. 1). Первоначально сообщение имело в виду, что македонское войско, отправившись из области навтаков, прибыло в область паретаков. Но эта путаница должна была содержаться уже

[1] В изданиях текста Курция имя правителя обычно дается в форме Oxyartes. Но в рукописях дано написание Cohortandes, которое, несомненно, является искажением имени Chorianus (Markwart J., 1938. S. 73, 74).

в общем источнике Курция и Диодора, т. е. в сочинении Клитарха. Той же традиции принадлежит еще одна, третья версия. Поскольку она тоже восходит к Клитарху (Fox R. L., 1975, с. 534), то, надо думать, контаминацию второй и третьей версии произвел сам Клитарх. Курций излагает эту версию так: Александр выступил из зимнего лагеря (следовательно, из области навтаков) и направился в область Газаба (VIII, 4, 1); на третий день пути, у какого-то «ущелья», над войском разразилась снежная буря (VIII, 4, 2–14; ср. Diod., XVII, pro1., 29); после помощи, оказанной войску Сисимифром, оно отправилось дальше в шестидневный поход против саков (VIII, 4, 20). И. Маркварт, правильно распознавший в этом сообщении следы самостоятельной версии рассказа о взятии скалы Сисимифра, отметил, что сама осада скалы и сдача ее Сисимифром здесь выпущены, поскольку о них у Курция рассказывалось в другой версии (Markwart J., 1938. S. 73). Видимо, поход в области Газаба предшествовал вступлению в страну паретаков, где находилась скала Сисимифра.

Аристобул, судя по сохранившимся фрагментам его повествования, примыкавший в описании этих событий к «романтической» традиции, также относил действия Александра в стране паретаков к Бактрии. Страбон, который передает сообщения Аристобула, считает, что скала Сисимифра, где была отпразднована свадьба Александра и Роксаны, находится в Бактриане (ἡ ἐν τῇ Βακτριανῇ) (XI, 11, 4).

Из сопоставления этих сообщений вытекает, что Паретакена, находившаяся уже за пределами Согдианы и расположенная, очевидно, между скалой Хориена, или Сисимифра, и переправой через Окс, а также, может быть, Бубакена, расположенная дальше, по одной версии как будто отличается от собственно Бактрии, а по другой — считается бактрийской землей.

Итак, маршрут последнего похода Александра из Согдианы в Бактриану можно восстановить следующим образом. Путь от страны навтаков в область Газаба вплоть до ущелья занял три дня; при вступлении в страну паретаков состоялась осада скалы Хориена, или Сисимифра. Далее Александр, переправившись через Окс близ крепости, прибыл в Бактры, где и соединились все македонские отряды, пришедшие из страны паретаков и Бубакены. Возможно, что под шестидневным походом Александра от скалы Сисимифра и имелся в виду поход его к конечной цели — к городу Бактры. В таком случае нападение на саков было не целью, а лишь побочным эпизодом похода. Если исходный пункт этого маршрута действительно находился в верхней части долины Кашкадарьи, где-то в области Кеша, то было бы интересно сопоставить реконструированный маршрут Александра с сообщениями средневековых дорожников о пути от Кеша до Балха (см. о них: Бартольд В. В., I, 1963. С. 192, 193; Tomaschek W., I, 1877. S. 27, 28). Согласно этим дорожникам, от Кеша через область Гузара до Железных ворот — четыре перехода, от Железных ворот через Термез до Балха — пять переходов. Первая половина указанного пути могла бы соответствовать трехдневному походу Александра вплоть до ущелья. Александр, двигаясь на неприятеля ускоренным маршем, мог преодолеть этот путь к исходу третьего дня. Газаба в таком случае должна соответствовать области Гузара. Вторая половина пути, очевидно, соответствует запланированному Александром шестидневному

походу. Переправа через Окс близ крепости была совершена, скорее всего, в районе Термеза. Что же касается Бубакены, то есть основания полагать, что она примерно соответствует позднейшему Хутталю, т. е. области Куляба.

При таком истолковании маршрута Александра упомянутому ущелью будут соответствовать Железные ворота. Как уже говорилось, близ этого «ущелья, горного прохода» (saltus) македонское войско попало в снежную бурю. Но согласно другим источникам, снегопады и продовольственные трудности, с чем и связана была помощь Сисимифра, или Хориена, имели место как раз во время осады его скалы (Arrian., Anab., 1V, 21, 10; Plut., Alex., 58), преграждавшей вход в Паретакену (ср. Curt., VIII, 2, 20). Собственным именем ее защитника было, очевидно, «Сисимифр», а «Хориеном», или «Хорианом», его называли по имени области или племени, властителем которой он являлся.

Упомянутая «скала» локализовалась по-разному. Самая убедительная, как нам кажется, локализация ее, гораздо более соответствующая данным источников, чем все предложенные впоследствии, была обоснована В. Томашеком на материале Курция (VIII, 2, 19–23). Он помещает эту «скалу» в районе Железных ворот, ныне Бузгалахона (Tomaschek W., I, 1877. S. 27–30, 120; с ним согласен Григорьев В. В., II, 1881. С. 192)[1]. Если это так, то крепость, служившая убежищем для Сисимифра и его свиты, находилась на скале, возвышавшейся над «воротами», а длинный и узкий «проход» (peruium) с укрепленными подступами, рассекавший горный хребет и выводивший в поля по ту сторону хребта, являлся самим ущельем «ворот». Между прочим, В. Томашек исходя из такой локализации скалы Сисимифра и доводил северный предел Бактрии до Железных ворот, хотя и не вполне последовательно (Tomaschek W., I, 1877. S. 27, ср. S. 35, 50).

Скала Сисимифра, или Хориена, являлась, очевидно, не столько крепостью, действительно запиравшей проход в страну (Железные ворота легко обойти с юга), сколько пограничным постом, который отмечал на большой дороге рубеж между Бактрией и Согдианой. У противоположных пределов ахеменидской Бактрии известен аналогичный пограничный пункт, контролировавший доступ в страну с запада: это узкие горные проходы (στενά, εἰσβολαί), ведущие в Бактрию (Diod. II, 6, 1, 3 = Ctes., fr. lb), сведения о которых Ктесий почерпнул из описания дороги «от Эфеса до Бактр и Индии» и которые можно отождествлять, по нашему мнению, с ущельем у селения Бала-Мургаб. Очень похожие пограничные пункты между странами на ахеменидских дорогах известны в описаниях западных областей. Таковы «сторожевые посты» (φυλακτήρια) с «воротами» на границах между Каппадокией и Фригией, между Каппадокией и Киликией, о которых говорит Геродот в описании дороги от Эфеса до Сус (V, 52). Эти же «ворота» более подробно описаны Ксенофонтом (Anab. I, 4, 4) и Диодором по данным других участников похода Кира Младшего (XIV, 20, 21).

Таким образом, историки Александра рисуют картину более сложную, чем схема Эратосфена, лишь частично совпадающую с последней. В научной лите-

[1] [Тщательное археологическое обследование района Железных ворот было проведено в последние годы Э. В. Ртвеладзе, в результате и он уверенно помещает скалу Сисимифра близ ущелья Бузгала-хона, см.: *Ртвеладзе Э.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002. С. 94–116.]

ратуре уже высказывалось мнение, что во времена Александра граница между Бактрией и Согдианой действительно могла проходить на каком-то участке по Амударье — в районе современного Керки (Ставиский Б. Я., 1977. С. 37) или ниже впадения реки Кундуза (Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 12) — и лишь впоследствии сами греческие географы распространили ее на все течение Окса. Рассмотренные выше сообщения показывают, что спутники Александра нашли границу между Бактрией и Согдианой проходящей по Амударье в районе Келифа. Очевидно, Амударья являлась границей и несколько выше и ниже этого пункта. Но восточнее граница, отмеченная горным проходом Бузгалахона, шла по юго-западным отрогам Гиссарского хребта — Кугитангтау и Байсунтау (примерно совпадая с западной границей современной Сурхандарьинской области). Амударья на соответствующем участке, в том числе в районе Термеза, если и была границей, то только между двумя частями Бактрии — Паретакеной (Заречной Бактрией) и собственно Бактрией. Эратосфен обобщил положение, зафиксированное историками Александра в описаниях его первого и второго походов в Согдиану, когда он переправлялся через Амударью в районе Келифа. Такому обобщению способствовали и склонность античной картографии к схематизму, и тенденция проводить границы по рекам.

Бактрия в пределах, отмеченных Оксом и скалой Хориена, или Сисимифра, являлась одной из тех единиц в структуре Ахеменидского государства, которые фигурируют как «народ» или «страна» в списках сатрапий и войсковых соединений (в античных сочинениях) или в перечнях стран, подвластных персидскому царю (в ахеменидских надписях). Границы таких единиц были более устойчивыми, чем границы сатрапий и, очевидно, в большинстве случаев довольно близко воспроизводили действительные рубежи этнических и культурных общностей (о соотношении «народа» и сатрапии см.: Пьянков И. В., 1969. С. 171, 172)[1]. Вместе с тем эти единицы играли важную роль в административной системе Ахеменидского государства: по «народам» распределялись подати (Herod., III, 89) и различные повинности, в том числе воинская. Считать, что скала Сисимифра отмечала границу Бактрийской сатрапии (Tomaschek W., I, 1877. S. 27), вряд ли возможно, ибо северной границей последней являлся Танаис.

Итак, указания античной традиции на рубежи Бактрии имеют в виду, скорее всего, границы потестарной общности. Действительно, историков Александра мало интересовали этнические черты населения тех стран, по которым проходила македонская армия, их сходство и различие. Если они и описывали отдельные обычаи, то только для того, чтобы поразить воображение читателя. Мы не найдем в сочинениях этих авторов и следа указаний на то, что с такого-то пункта начинается Бактрия, поскольку язык и обычаи населения здесь становятся другими, бактрийскими. Напротив, когда у нас есть возможность выявить конкретный пункт, служащий «началом» Бактрии, он оказывается укрепленным пограничным постом, элементом административной системы, как это имеет место

[1] [О сатрапиях и «странах-народах» ахеменидского времени см. также: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Государство Ахеменидов и современные ему государственные и племенные объединения в Средней Азии // История древнего Востока. М., 2004. С. 751–754.]

в случае со скалой Хориена-Сисимифра. Возможно, что такие укрепления стояли и у переправ через Окс, использованных войсками Александра: «сторожевые посты» (φυλακτήρια) сооружались на ахеменидских дорогах и у переправ через реки, отделявшие одну страну от другой (Herod., У, 52). Они и могли послужить основанием для представления об Оксе как границе Бактрии.

И все же если бактрийская этническая общность существовала, то наиболее близкое соответствие ей, какое вообще можно найти в письменных источниках, будет представлять именно этот «народ» (или «страна») Бактрии. Многое говорит уже сам термин ἔθνος. Кроме того, такие «народы» не были созданием персидских властей, а, как правило, формировались еще в предахеменидский период и входили в состав Ахеменидской державы, сохраняя свои прежние границы. Наконец, очень важно, что рассмотренные границы Бактрии повторены в границах более позднего Тохаристана. Это обстоятельство лежит в основе аргументации тех исследователей, которые считают, что Бактрия включала и часть правобережья Окса. Действительно, как показывают многочисленные аналогии, народы, сменяющие друг друга на одной и той же территории — даже генетически не связанные, — всегда расселяются в пределах примерно одних и тех же границ. Конечно, не следует ожидать, что рассмотренные границы Бактрии абсолютно точно соответствуют границам бактрийской этнической общности, но общее их соответствие последним вполне вероятно.

В заключение рассмотрим сообщения источников, одни из которых подтверждают распространение Бактрии на правобережье верхнего Окса, а другие как будто противоречат этому.

Полибий говорит, что Окс, «сильно увеличившись в Бактриане благодаря вливающимся в него водам, обильным и мутным потоком несется по равнинной стране» (X, 48, 4). Судя по этому сообщению, Окс не только протекает по территории Бактрианы, но и принимает в ее пределах свои притоки. Ф. Б. Уолбенк правильно поясняет, что Бактрия здесь выступает как «ареал вокруг Окса», но почему-то добавляет: «...включая южную Согдиану на его левом берегу» (Walbank F. W., II, 1967. P. 263, 264). Очевидно, объективное восприятие сообщения Полибия здесь сталкивается с предвзятым представлением о Согдиане.

Очень показательны в этом отношении сообщения о золоте и соли Бактрии. Одно из них содержится в сочинении, приписанном Аристотелю, другое дано Плинием. Оба сообщения, по-видимому, восходят к Феофрасту (относительно первого из них см.: Bolchert P., 1908. S. 77) и, следовательно, принадлежат в конечном счете спутникам Александра. В первом из них говорится, что «в Бактрии река Окс несет вниз куски золота в большом количестве» (Ps.-Aristot., De mirab. ausc., 46). Это указание более всего подходит к Вахшу и Сурхобу: местное население издавна добывало там золото, в том числе и крупные самородки, а местные старатели считали, что река выносит золото вниз с гор (Бубнова М. А., 1975. S. 21). В другом сообщении речь идет о том, что «у бактрийцев реки Ох и Окс несут вниз кусочки соли с близлежащих гор» (Plin., N. H., VI, 75), причем цвет соли, происходящей из мест «вокруг» (circa) Окса, — «красноватый» (rufus) (Plin., N. H., VI, 86). И в этом случае под Оксом имелись в виду скорее всего Сурхоб и Вахш, так как именно на берегах этих рек находились обильные месторождения соли, от-

носящиеся к числу наиболее известных в Средней Азии и издавна разрабатываемых (Markwart J., 1938. S. 76, 77). Причем имелась здесь и соль красноватого цвета (Бубнова М. А.,1975. С. 31), хотя такая соль встречается и в других местах по Амударье (Вязигин С. А., II, 1949. С. 20). Интересно и сообщение Плиния о том, что «в Кофантии, в Бактрии, по ночам пылает вихрь» (N. H., II, 237). Пылающий вихрь Кофантия (Кухистана) вряд ли мог быть чем-либо иным, кроме знаменитых «подземных пожаров» обширного Фан-Ягнобского угольного месторождения. Это последнее сообщение, может быть, восходит через Посидония тоже к спутникам Александра. Во всяком случае, нет ничего,что обязывало бы нас приурочить его ко времени Греко-Бактрийского царства (ср. Tomaschek W., I, 1877. S. 25). Как видим, все эти сообщения заставляют нас относить к Бактрии на правобережье Амударьи долину Вахша, Каратегин и даже, по всей вероятности, Кухистан.

Однако в источниках имеются и указания иного рода. Дионисий (Периегет) говорит о «земле Сугдии, через [всю]середину которой катится священный Окс» (Per., 746, 747). Сообщение это противоречит обычному представлению Античности о территории Согдианы и вызывает недоумение у исследователей. И. Маркварт считал, что Дионисий здесь просто смешал Окс с Зеравшаном (Markwart J., 1938. S. 77, прим. 3). Но дело обстоит сложнее. Следы такого же представления проступают и в сообщениях других авторов. Так, по словам Мелы, Окс и Яксарт текут «из областей сугдианов» (III, 42). Поздний автор Гонорий, очень запутанно и беспомощно описывающий карту, тоже, видимо, уже весьма испорченную, прилагает к части Окса название Sygaton, или Sygogan (Cosm., A, 8; B, 5), которое явно созвучно его же названию согдийцев, Sigotani. Истоки Окса или, в его представлении, рукава этой реки он называет Saleantes (Cosm., A, 7). Все эти три автора основываются в конечном счете на одной, общей для них, орогидрографической схеме. Разгадка столь необычной трактовки Согдианы, в которой Окс и Яксарт не ограничивают собой Согдиану, а протекают по ее территории, кроется, как мы думаем, в том, что все три цитированные сообщения имеют своим оригиналом карты. Мы не будем здесь входить в детали реконструированной исходной схемы, но отметим лишь, что большую роль в ней играли Согдийские горы, к которым вплотную примыкали в своем верхнем течении реки Окс и Яксарт. На картах надпись, содержавшая название этих гор, могла выходить за пределы, отмеченные линиями указанных рек, и она-то и была принята за название страны или реки. Если это так, то под Sugdianorum Мелы и Σουγδιάς Дионисия нужно подразумевать не regiones и γαῖα, как они пишут, а montes и ὄρη (ср. ὄρη… Σούγδια Птолемея, Geogr., VI, 12, 2). Возможно, что и Saleantes Гонория — искаженное Sugdia montes[1]. Путаница в объектах при списывании с карты — нередкое явление у античных авторов.

Решающим аргументом в пользу очень широкого понимания Согдианы обычно считается сообщение одной из надписей Дария. Дарий в этой надписи, перечисляя материалы, которые были доставлены ему из различных стран для постройки дворца в Сусах, говорит: «Лазурит и сердолик, которые были

[1] [Реконструированную карту этой схемы см.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 297, 300.]

употреблены здесь, — это было доставлено из Согдианы» (DSf, 37–39). Общепринятые переводы слов kāsaka hya kapautaka и si[n]kabruš, употребленных в надписи, как «лазурит» и «сердолик», подкрепленные археологическими данными (Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 9, 10), не могут быть подвергнуты сомнению. Поскольку единственное месторождение лазурита, которое может быть принято во внимание в данной связи, находится в Бадахшане, в верховьях Кокчи, то естественно сделать вывод, что Согдиана Дария включала Бадахшан. Так обычно и поступают исследователи. Основываясь на указанном сообщении Дария, Э. Херцфельд полагает, что согдийцы с глубокой древности жили в Бадахшане (Herzfeld E., 1968. P. 323). Р. Л. Фокс также считает, что Согдиана в древности распространялась и на южный берег Амударьи, включая, в частности, всю долину Кокчи (Fox R. L.,1975. P. 559); П. Бернар на том же основании приходит к выводу, что «Большая Согдиана» как административное (не обязательно этническое или культурное) объединение, включавшее все правобережье Средней Амударьи, а также земли к востоку от Кокчи (или реки Кундуза) и весь Бадахшан, возникло в ахеменидскую эпоху, продолжало существовать позднее и нашло отражение на карте Птолемея (Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 10–12).

Однако сообщение надписи о лазурите, доставлявшемся из Согдианы, отнюдь не вынуждает, как нам кажется, делать столь далеко идущие выводы. Прежде всего сам факт доставки минерала из какой-либо страны не означает, что именно в этой стране он добывался. Так, известно, что сердолик, упомянутый в той же надписи наряду с лазуритом как продукт Согдианы, в последней определенно не добывался (даже если понимать ее как «Большую Согдиану», ср. Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 10). Еще Бируни говорил, что копей сердолика нигде, кроме Йемена и Индии, нет и, кстати, отвергая ошибочные представления о существовании таких рудников в других известных странах, замечал, что часто о товаре говорят: «Товар такой-то, ибо его врата — такая-то страна» (Бируни, 1963. С. 161).

Но наиболее убедительное объяснение для лазурита Согдианы, по нашему мнению, кроется в другом. Известно, что лазурит с древности путали с другими минералами, внешне похожими на него, прежде всего с азуритом, а также с различными искусственными смесями, которые использовались как краска или как материал для лепных изделий, и называли все это одним и тем же словом. Современники Дария и Ксеркса не составляли в этом отношении исключения, о чем свидетельствуют надписи этих царей на предметах из искусственного лазурита: «Дверной шпенек (ручка?) из лазурита (в персидском тексте просто kāsakaina, но в эламском iknu и в аккадском uqnū, т. е. именно лазурит)...» (*DPi*; *XPi*; см. Kent R. G., 1953. P. 109, 112, 137, 152; Schmidt E. F., II, 1957. P. 50). Так же было и много позднее. А. Е. Ферсман отмечает, что лазурит часто смешивали с различными соединениями меди, например с окрашенным азуритом, и среди многочисленных сообщений о мнимом лазурите Туркестана приводит указание на нахождение лазурита «в горах подле Самарканда и Ташкента» (Ферсман А. Е., VII, 1962. С. 133, 134). В этой связи обращает на себя внимание название средневекового города и области Кабудан, расположенных прямо к северу от Самарканда у склонов гор (Tomaschek W., 1, 1877. S. 85). Это название произведено от

корня, общего с древнеперсидским определением лазурита, kapautaka: древнеперс. kapauta-, среднеперс. kapōt, новоперс. kabūd — «голубой». Любопытно, что медный краситель, придававший глазури зеленый и голубой цвет, широко применялся в керамическом производстве древнего Самарканда (Афрасиаб) (Сайко Э. В., 1966. С. 150). Конечно, до древних персов доходил и настоящий лазурит, но Дарий получил для своего дворца в Сусах, видимо, ложный лазурит из долины Зеравшана. Между прочим, уже высказывалось мнение, что краска, применявшаяся в ахеменидских дворцах в Сусах, была изготовлена из азурита (Bernard P., Francfort H.-P., 1978. P. 71).

Представление об Оксе как пограничной реке прослеживается и в иранской традиции. В манихейском документе на парфянском языке из Турфана упоминается «божество Ард-Вахш» (baγ ard vāxš), известное также как Ардохшо по легендам кушанских монет, которое выступает в виде «духа хорасанской границы» (vāxš-e hvarāsān vīmand). Здесь слово vāxš, «дух», является, конечно, переосмыслением слова vaxš, «река Вахш» (Altheim F., I, 1947. S. 87, 88), ставшим возможным, когда последнее вышло из употребления в качестве названия всей Амударьи. Очевидно, в данном случае Вахш (Окс) выступает в роли, обычной для Амударьи и позднее, а именно в роли границы между Хорасаном и Мавераннахром. Судя по другому аналогичному документу, не исключено, что о Вахше здесь говорилось в связи с проникновением манихейских миссионеров из Мерва в Земм (современный Керки), откуда они направлялись в Согд. Само представление о Вахше как пограничной реке могло быть усвоено манихеями в Мерве или Балхе, где долго существовали значительные манихейские общины (Ставиский Б. Я., 1977. С. 178).

Итак, в античной традиции выступают в качестве рубежей Бактрии горы и реки. С одной стороны ее ограничивает Гиндукуш, который в более ранних источниках назван Парнассом, а в более поздних — Паропамисом. Непосредственной границей Бактрии здесь, видимо, являются перевалы на горных дорогах через Гиндукуш. С другой стороны Бактрию окаймляет Амударья, именуемая в ранних источниках Араксом, а в поздних — Оксом. В географических концепциях античных авторов Амударья является границей Бактрии от своих истоков до выхода в скифские пустыни. Однако внимательный анализ источников, на которых построены эти концепции, показывает, что такая трактовка Амударьи как границы появилась лишь в результате обобщения положения, действительного для места переправы войск Александра у Келифа. Рассмотрение дальнейшего движения Александра в областях за Оксом показывает, что положение выше по течению Амударьи было иным. Оно обрисовано в двух версиях античной традиции. Согласно одной из них, область между юго-западными отрогами Гиссарского хребта и Амударьей хотя и отличалась от собственно Бактрии, но в то же время четко отделялась и от Согдианы. Согласно другой версии, эта область прямо именовалась Бактрией. Есть основания полагать, что на правобережье Амударьи и Пянджа в состав Бактрии наряду с упомянутой областью входили также долина Вахша, Каратегин и, может быть, Кухистан и область Куляба. Амударья служила границей Бактрии ниже, примерно от Келифа до Керки.

Бактрия предстает перед нами в указанных границах главным образом в сообщениях историков Александра. Эта Бактрия, современная Александру, являлась, как мы думаем, одной из тех административных единиц Ахеменидского государства, которые фигурируют в источниках как «народ» или «страна». Являлась ли Бактрия действительно этнокультурной общностью — по данным письменных источников установить нельзя. Но это кажется нам вполне вероятным.

В качестве еще одного рубежа Бактрии в источниках времени Александра и несколько более ранних выступает Сырдарья под именем Танаиса. В этом случае Бактрия понимается как сатрапия — более крупная по сравнению с «народом» или «страной» административная единица, хотя и менее устойчивая. Сатрапия кроме основной «страны» могла включать и несколько соседних.

Библиография

Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientálni. 1956. XX1V. № 1.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. I.

Бартольд В. В. Согд // Соч. М., 1965. Т. III.

Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Ташкент, 1973. Т. V. 1. Канон Мас'уда.

Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. VI. Книга вразумления начаткам науки о звездах.

Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. Л., 1963.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв. М., 1975.

Вязигин С. А. Материалы по исторической географии Туркменистана. Сообщение II // Известия Туркменского филиала АН СССР. 1949. № 1.

Гафуров Б. Г. О связях Средней Азии и Ирана в ахеменидский период (VI–IV вв. до н. э.) // Academia Nazionale dei Lincei. 1966. № 76. CCCLXLXIII.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

Грантовский Э. А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. II.

Григорьев В. В. Поход Александра Великого в западный Туркестан // Журнал министерства народного просвещения. 1881. № 9, № 10.

Денисов Е. П. К вопросу о северных границах Бактрии // Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых и специалистов, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции (секция истории и педагогики). Душанбе, 1977.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Хрестоматия / Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956.

Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса) // История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971.

Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // Советская археология. 1954. Т. 19.

Дьяконов М. М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.

Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

История таджикского народа. М., 1963. Т. I.

История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1.

История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974.

Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.

Литвинский Б. А. «Саки, которые за Согдом» // Труды АН Таджикской ССР. 1960. Т. CXX.

Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории, 1967. № 4.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б. А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967–1977 гг.) // Вестник древней истории. 1977. № 4.

Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.

Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.

Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.

Массон В. М. К локализации Согда // Труды Среднеазиатского гос. университета. Археология Средней Азии, н. с. Гуманитарные науки. Ташкент, 1950. Вып. 11. Кн. 3.

Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. II.

Негматов Н. Н. Усрушана в древности и в раннем средневековье. Сталинабад, 1957.

Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956.

Попов М. Г. Плющ (hedera) в Западном Тянь-Шане (К истории развития флоры Туркестана) // Избранные соч. Ашхабад, 1958.

Пьянков И. В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // Вестник древней истории. 1965. № 2.

Пьянков И. В. Рец. на кн.: *Daffina P.* L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967 // Вестник древней истории. 1969. № 4.

Пьянков И. В. Мараканды // Вестник древней истории. 1970. № 1.

Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975.

Пьянков И. В. Массагеты Геродота // Вестник древней истории. 1975. № 2.

Пьянков И. В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию //Переднеазиатский сборник. М., 1979. III.

Рахманова Р. М. Хозяйство древней Средней Азии по античным источникам // Научные труды Ташкентского университета. 1963. Вып. 200. Исторические науки. Кн. 41.

Риттер К. Иран / Пер. и доп. Н. В. Ханыков. СПб., 1874. Ч. 1.

Савицкий Г. И. Древняя Согдиана (до эпохи греко-македонского впадычества) по данным античных писателей // Труды Самаркандского гос. пед. института им. А. М. Горького. Самарканд, 1940. Т. I. Вып. 1.

Савицкий Г. И. Древняя Бактриана (Известия античных писателей о Средней Азии, II) // Труды Самаркандского гос. пед. института им. А. М. Горького. Самарканд, 1941. Т. II. Вып. 1.

Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе, 1966.

Феофраст. Исследование о растениях / Пер. с древнегреч. и прим. М. Е. Сергеенко. М.,1951.
Ставиский Б. Я. О северных рубежах кушанской Бактрии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Тер-Мкртичян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V–VI вв. М., 1979.
Тереножкин А. И. Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1950. XXXIII.
Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953.
Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР // Избранные труды. М., 1962. Т. VII.
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
Энциклопедияи Советии Точик. I. Душанбе, 1978.
Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904/1961.
Altheim F. Awestica // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. 1925. Bd III. Hft. 1.
Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Halle, 1947. Bd I.
Altheim F. Awestische Textgeschichte. Halle–Saale, 1949.
Curtius, Quintus Rufus. Histoires / Texte établi et trad. par H. Bardon. P., 1948. T. II.
Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz., 1880.
Bernard P., Francfort H.-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). P., 1978.
Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sudorientale d'après Ptolémée. P., 1930.
Bolchert P. Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien. B., 1908.
Bretzl H. Botanische Forschungen des Alexanderzuges. Lpz., 1903.
Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København, 1943.
Die geographischen Bücher (II, 242 — VI Schluss) der Naturalis Historia des C. Plinius Secundus mit vollständigen kritischen Apparat. Hrsg. D. Detlefsen. B., 1904.
Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Lfg. 2. B., 1927. T. IIBD.
Fox R. L. Alexander the Great. L., 1975.
Geiger W. Ostiranische Kultur im Alterthum. Erlangen, 1882.
Gershevitch I. The Avestan hymn to Mithra. Cambr., 1959.
Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967. Bd II.
Harmatta J. The origin of the name Σόγδοι // Acta Classica. 1977. Vol. XIII.
Hehn V. Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen. 7-te Aufl. B., 1902.
Herrmann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. B., 1914.
Herrmann. Oxos // RE[1], HlBd. 1942. 36.
Herzfeld E. Zoroaster and his world. Princeton, 1947.
Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
Jacoby C. Ktesias und Diodor, eine Quellenuntersuchung von Diodor II, 1–34 // Rheinisches Museum fur Philologie, N. F. 1875. Bd XXX.
Jacoby F. Hekataios von Milet // RE. 1912. Bd VII.
Jacoby F. Kleitarchos // RE. 1921. HlBd 21.
Jacoby F. Ktesias // RE. 1922. HlBd 22.
Junnge J. Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz., 1939.

[1] RE здесь и далее: Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll.

Kent R. G. Old Persian grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953.
Kiessling. Hyrkania // RE. 1914. HlBd 17.
Kornemann E. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I von Aegypten. Versuch einer Rekonstruktion. Lpz. und B., 1935.
Krumbholz P. Zu den Assyriaka des Ktesias // Rheinisches Museum für Philologie. 1897. Bd LII.
Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 1946. XV. Fasc. 1/2.
Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias // Philologus, SupplBd. 1893. VI.
Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Hft. I. Göttingen, 1896.
Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. B., 1901.
Ḥudūd al-'Ālam, 'The regions of the world'. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A. D. Transl. and explain / By V. Minorsky. L., 1937.
Rawlinson H. G. Bactria. The History of a Forgotten Empire. L., 1912.
Pliny. Natural History. With an English transl. in ten volumes / By H. Rackham. Cambr., Mass.–L., 1947. Vol. II.
Ruge W. Tauros // RE. 1934. R. 2. HlBd 9.
Schmidt E. F. Persepolis. Chicago, 1957. Vol. II.
Schwartz E. Griechische Geschichtschreiber. Lpz., 1957.
Stavisky B. J. Two notes on Kushan Bactria // Studies in Indo-Asian art and culture. New Delhi, 1972. Vol. I.
Tarn W. Alexander the Great. Cambr., 1948. Vol. I.
Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambr., 1951.
Ühieme P. Über einige persische Wörter im Sanskrit // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. Bd 91(16). Hft. I.
Tomaschek W. Centralasiatische Studien, I. Sogdiana. Wien, 1877.
Tomaschek. Baktriane. Baktrianoi // RE. 1896. Bd II.
Walbank F. W. A Historical commentary on Polybius. II. Oxf., 1967.
Wenger F. Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kassandrea. Quellenkritische Untersuchung zur Alexandergeschichte. Würzburg, 1914.

Ссылки на фрагменты сочинений античных историков (кроме случаев, отмеченных особо) даны по изданию: Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, T. I и сл. B., Leiden, 1923 и сл.

Ссылки на фрагменты сочинений Эратосфена и Трога даны по изданиям: *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz., 1880; *Seel O.* Pompei Trogi fragmenta. Lipsiae, 1956.

3. ХОРЕЗМ В АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ*

Знания античного мира о Хорезме представлены сведениями античных авторов о народе хорасмиев, т. е. хорезмийцев. Сведения эти довольно скупы. Пути торговцев и завоевателей, известные античным авторам, проходили, как правило, в стороне от земли хорасмиев. Непосредственные контакты представителей античного мира с хорасмиями были редкими. Однако античные известия об этом народе при всей их немногочисленности имеют большую ценность. Они относятся к древнейшему периоду истории хорезмийцев, почти не освещенному другими источниками, и свидетельствуют о событиях большой важности. Исследователи, и в том числе С. П. Толстов в своих классических трудах о Хорезме[1], уделяли им немало внимания, тем не менее значение этих известий как источников далеко еще не исчерпано.

В настоящей работе мы попытаемся, учитывая все античные сообщения о хорасмиях, сначала проследить истоки этих сообщений в античной литературной традиции, а затем рассмотреть содержание их.

Древние греки впервые узнали о хорасмиях, когда вступили в тесные контакты с Ирано-среднеазиатской державой Ахеменидов. Хорасмии были тогда подданными Ахеменидов, и благодаря этому обстоятельству сведения о них дошли до греков, часть которых тоже входила в состав Персидской державы. К ахеменидскому периоду и относятся самые ранние античные известия о хорасмиях.

В период между 519 и 512 гг. до н. э. Скилак, родом из Карианды (в Малой Азии), по поручению царя Дария I совершил плавание по Инду от города Каспапира и Пактийской земли, затем по морю на запад вплоть до Египта (Herod., IV, 44). Свое путешествие Скилак описал в перипле. От сочинения Скилака осталось очень мало. Но у него усердно заимствовал сведения другой античный автор — Гекатей из Милета; описание далеких восточных земель Гекатей целиком берет из сочинений Скилака. Сочинения Гекатея тоже не сохранились, но фрагменты их дошли до нас через посредство поздних авторов уже в значительно большем количестве. Остатки указанных сочинений свидетельствуют, что Скилак описывал не только плавание по Инду и морю, но и путь к Инду. Частью описания этого пути является сообщение о хорасмиях в фрагментах сочинения Гекатея, сохраненных Афинеем Навкратисским (II, 70, B) и Стефаном Византийским (s. v. Chorasmiē). В нем говорилось о местообитании хорасмиев, об их стране и городе.

---

*Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе: Дониш, 1983. С. 38–56.

[1] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.

Маршрут Скилака пролегал непосредственно по стране хорасмиев, и потому описание ее основано на личных впечатлениях путешественника[1]. Таким образом, здесь перед нами редкий случай, когда данные о землях хорасмиев получены в результате автопсии. Скилак попал в страну хорасмиев через Мидию, Каспийские ворота (Гекатей у Steph. Byz., s. v. Mēdia) и Парфию, следуя обычной дорогой, ведущей в Бактры, которая оставляла слева и высокие лесистые горы, прикрывавшие Гирканию, и необозримую равнину у Каспийского моря (Arrian., III, 23, 1; Curt., VI, 4, 16, 19; ср. Herod., I, 204)[2]. Описание этой дороги, очевидно, и легло в основу представления о горах, тянущихся на восток через Мидию, «вдоль [земли] парфиев и хорасмиев», вплоть до бактриев, — представления, которое благодаря Эратосфену дошло до Арриана (V, 5, 2, 3)[3].

Примерно в это же время царь Дарий I проводил какие-то административные нововведения, которые в известной нам традиции охарактеризованы как устройство сатрапий, а на самом деле скорее были их переустройством. Дарий разделил свою державу на округа, именуемые сатрапиями, назначил в них правителей и установил дань, взимаемую с отдельных народов, распределив эти народы между сатрапиями (Herod., III, 89). Списки сатрапий с перечнем входящих в их состав народов и указанием на сумму дани, видимо, рассылались по всем провинциальным центрам Ахеменидской державы. Такой список и оказался в распоряжении Гекатея Милетского. Получил ли он его в Милете, в резиденции сатрапа или в Сардах от Артафрена[4], которого Дарий назначил сатрапом еще в 514 г. до н. э., — но в 499 г. до н. э. на совете восставших ионийцев он уже мог перечислить «все подвластные Дарию народы» (Herod., V, 36). Этот список, опубликованный Гекатеем, воспроизвел с некоторыми изменениями и добавлениями Геродот, сохранив его тем самым для потомства. Таково, во всяком случае, наиболее распространенное и обоснованное мнение современных ученых о происхождении геродотова списка сатрапий[5]. В списке названа и сатрапия, в состав которой входили хорасмии, и указан размер выплачиваемой ею дани (III, 93).

В 480 г. до н. э. следующий царь, Ксеркс I, собрал огромное войско и повел его в европейскую Грецию. Как всегда во время больших походов, все подвластные персам народы должны были поставлять отряды в армию царя. Во Фракии, в Дориске, воинов подсчитали, построили по племенам и назначили им начальников (Herod., VII, 59, 60, 81). После этого Ксеркс объехал все отряды, опрашивая каждый народ, и «писцы записывали» ответы (Herod., VII, 100). Описание персидского войска, двигавшегося в Грецию, дано Геродотом, несомненно, на основе каких-то документов. Возможно, что эти документы и представляли со-

[1] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 9 Там же см. историю вопроса и ссылки на литературу. См также: *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968. P. 287.

[2] *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 62, 63.

[3] *Пьянков И. В.* Хорасмии... С. 7, 8.

[4] *Herzfeld E.* Op. cit. P. 288.

[5] Такая точка зрения выражена, например, в следующих работах: *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956. С. 340, 341; *Harmatta G.* The origin of the name Σόγδοι // Acta Classica. 1977. Vol. XIII. P. 3, 4.

бой записи писцов Ксеркса. Но каким путем они дошли до Геродота — сказать трудно[1]. Впрочем, Геродот мог дополнять свой основной источник и другими данными, особенно в сообщениях об одежде и вооружении воинов. Еще до Ксеркса подобный большой поход предпринял Дарий. Он поставил у Боспора Фракийского два столпа, на которых высек имена всех подвластных ему народов, участвовавших в походе, причем на одном из столпов — по-гречески. На Самосе хранились изображения войска Дария, переходящего через Боспор (Herod., IV, 87, 88). Геродот был знаком с этими памятниками. Итак, на основе всех этих источников Геродот описал войско Ксеркса, и в частности отряд, в который входили хорасмии, упомянув о его составе, снаряжении и предводителях (VII, 66).

Этот отряд, предводительствуемый Артабазом, прошел с войском Ксеркса от места сбора в Каппадокии через Сарды и Геллеспонт в Европу и был в Греции. Затем Артабаз с 6000 воинов сопровождал Ксеркса, бежавшего из Греции, вплоть до переправы его в Азию, а возвратившись, воевал в Паллене, после чего зимовал в Фессалии и Македонии (Herod., VIII, 126–129). Во время битвы при Платеях в 479 г. до н. э., закончившейся разгромом персов, Артабаз со своим отрядом в 40 000 человек сумел уклониться от сражения с греками и, пройдя спешным маршем через Фессалию, Македонию и Фракию, переправился в Азию (Herod., IX, 66, 89).

Приблизительно в то же время на востоке Ахеменидской державы предпринимались какие-то большие ирригационные работы. Слухи о них дошли до Геродота — об этом свидетельствует его рассказ о реке Акес, долина которой некогда принадлежала хорасмиям (III, 117).

Геродот использовал здесь, как мы считаем, самостоятельный устный источник[2]. Точно определить этот источник невозможно, но все же некоторые наблюдения над текстом Геродота, пожалуй, позволят представить его несколько ближе. Рассказ об Акесе является одной из многочисленных в сочинении «отца истории» описательных вставок с типично фольклорным мотивом. Обычно у Геродота такие вставки оторваны от основного изложения исторических событий, которому они подчинены[3]. Это относится и к рассказу об Акесе. Мы думаем, что первоначально он был связан с одним эпизодом в повествовании о походе Ксеркса, где излагается замечание последнего о том, как легко можно было бы затопить фессалийскую котловину реки Пеней с ее пятью истоками (VII, 129, 130). Видимо, по этому поводу и говорилось, что Ксеркс или другой царь сделал подобное с равниной реки Акес. В таком случае Геродот узнал об Акесе из того же источника, которому он был обязан сведениями о пребывании Ксеркса в Фессалии.

Но к явно сказочному сюжету Геродот добавил данные какого-то другого источника, касающиеся вполне реальных условий современной ему действительности: он «узнал по слухам», что люди, которым нужно оросить свои поля,

---

[1] См. по этому поводу: *Lehmann-Haupt.* Op. cit., стб. 128.

[2] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 11. Там же см. историю вопроса и ссылки на литературу.

[3] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 167.

отправляются в Персию к царскому дворцу и умоляют открыть шлюзы (сам Геродот был уверен, что это шлюзы на той же реке Акес), а царь взимает за их открытие большие средства помимо дани. Сведения, почерпнутые из этого последнего источника, очевидно, и побудили Геродота дать рассказ об Акесе в качестве дополнения к списку сатрапий Дария и взимаемой с них дани, несмотря на то что, как уже отмечалось, в царе, устроившем шлюзы на реке Акес, отнюдь не обязательно видеть Дария[1]. Таким образом, в рассказе об Акесе слились данные двух источников, точно размежевать которые, к сожалению, нельзя.

Во времена Ксеркса I и особенно Артаксеркса I в Ахеменидской державе все более и более усиливалось влияние магов. Судя по данным Геродота, маги при Артаксерксе I уже монополизировали отправление культа у персов: «Без мага совершать жертвоприношение у них не принято» (I, 132). Поздний автор Лукиан (или Псевдолукиан) донес до нас сообщение, которое как бы уточняет известие Геродота: «пророческое племя» магов «посвящено богам» не только у персов, но и у ряда других народов, среди которых названы хорасмии (Macrob., 4). Форма самого названия хорасмиев у Лукиана свидетельствует о том, что его данные относятся ко времени до походов Александра. Возможно, что указанное сообщение Лукиана восходит через каких-то посредников к Ксанфу Лидийскому — первому античному автору, посвятившему магам специальное сочинение. Ксанф, как и Геродот, писал при Артаксерксе I.

Следующие по времени античные известия о хорасмиях относятся к эпохе походов Александра Македонского. Непосредственно страну хорасмиев походы не задели, но в событиях того времени они принимали активное участие. Почти все, что известно о походах Александра, восходит к трем авторам: Клитарху; Птолемею, сыну Лага, царю Египта; Аристобулу Кассандрийскому. Это историки Александра первого поколения, современники и участники походов македонского царя. Данные Птолемея считают более точными и документированными, чем данные Клитарха, но последний писал подробнее; Аристобул, писавший позднее того и другого, использовал и контаминировал их данные, опираясь преимущественно на Клитарха. Сочинения ни одного из этих авторов не дошли до нас, но их сведения легли в основу сохранившихся историй Александра.

Хорасмии фигурируют у историков Александра в связи со следующими событиями. Во-первых, Курций, излагая версию Клитарха[2], упоминает хорасмиев среди народов, от которых ждал помощи Бесс (VII, 4, 6). Во-вторых, Страбон, используя данные Аристобула, говорит о хорасмиях как части массагетов и о том, что у них скрывался Спитамен (XI, 8, 8). В-третьих, Арриан по Аристобулу[3], Курций и Трог (у Юстина) по Клитарху рассказывают о посольстве царя хорас-

[1] *Wood H.* The Histories of Herodotus. An analysis of the formal structure. The Hague; Paris, 1972. P. 77. Прим. 34.

[2] *Schwartz E.* Griechische Geschichtschreiber. Leipzig, 1957. S. 173.

[3] *Wenger F.* Die Alexandergerschichte des Aristobul von Kassandrea. Wurzburg, 1914. S. 19. То, что рассказ Арриана о посольстве Фарасмана принадлежит Аристобулу, можно считать общепринятым; подробнее об источниках рассказа см.: *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I von Aegypten. Leipzig; Berlin, 1935. S. 143, 144.

миев к Александру с предложением союза (1 Arrian., IV, 15, 4; Itin. Alex., 96; 2 Curt., VIII, 1, 8; Iust., XII, 6, 17; Oros., III, 18, 11; Fulg., Aet. mund., 10). Кроме того, Арриан упоминает хорасмиев в числе завоеванных Александром народов (VII, 10, 6), но это упоминание входит в состав риторической переделки небольшой части старого перипла Гекатея, основанного на данных Скилака[1], и не отражает действительных событий.

Прямые контакты хорасмиев с македонянами и греками не были особенно интенсивными и в эту эпоху. Наиболее выдающимся в этом плане событием являлся приезд к Александру хорасмийского царя Фарасмана со свитой в 1500 человек. Фарасман встретился с Александром в Маракандах весной 328 г. до н. э., сразу же после прибытия туда македонского царя, а не в Бактрах зимой 329/8 г. до н. э., как всегда считают: в данном случае следует предпочесть прямые указания Курция порядку изложения в тексте Арриана, который здесь не придерживается хронологической последовательности (к тому же и ничего не говорит о месте и времени этого события).

Очень интересным фактом, хотя он обычно ускользает от внимания исследователей, является посещение скифов Бердой, отправленным Александром в качестве посла и лазутчика. Берда отбыл летом 329 г. до н. э., тоже, видимо, от Мараканд, вместе с послами «европейских» скифов, чтобы познакомиться с природой и населением скифской земли (Arrian., IV, 1, 2; Curt., VII, 6, 12), а также посетить скифов, обитающих «выше Боспора» (Curt., VII, 6, 12), т. е. в Азии (Curt., VI, 2, 13). Возвратился Берда год спустя, вместе с новым посольством «европейских» скифов (Arrian., IV, 15, 1; Curt., VIII, 1, 7; но явившись от скифов, живущих «выше Боспора»(?) ср. Curt., VIII, 1, 7), прибывшим к Александру одновременно с Фарасманом. Отчет Берды, как и другие подобные документы, должен был поступить в царский архив (см. о нем: Strabo, II, 1, 6) и вместе с ним и погибнуть. Как уже отмечалось, у античных авторов нет ссылок на информацию, добытую Бердой[2], но не исключено, что некоторые античные ученые, успевшие воспользоваться царским архивом, все же учли ее[3]. Если принять во внимание географические представления спутников Александра, то окажется, что этот посланец македонского царя побывал совсем недалеко от страны хорасмиев, а может быть, и заходил в ее пределы. Видимо, опираясь на данные Берды, Александр и готовил поход на массагетов и хорасмиев, у которых скрывался Спитамен (Strabo, XI, 8, 8; 11, 6).

От последующего периода дошло очень мало известий о хорасмиях. После походов Александра основными источниками сведений античного мира о далеких среднеазиатских областях были сочинения двух авторов: Демодама Милетского и Аполлодора Артемитского. Сочинения эти не сохранились. Они, видимо, включали в себя род каких-то итинерариев, которые и содержали данные о хорасмиях и других восточных народах.

---

[1] *Пьянков И. В.* Хорасмии... С. 6.

[2] *Bunbury E. H.* A History of ancient geography, 2 ed. New York, 1959. Vol. I. P. 437. Прим. 4.

[3] *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 126. Прим. 75.

Демодам, полководец царей Селевка I и Антиоха I, в начале IV в. до н. э. совершил поход на скифов и переправился через реку Танаис, или Яксарт (Plin., VI, 49). Он собрал немало сведений о племенах, обитавших по рекам Окс и Яксарт. Значительная часть данных Плиния об этих местах восходит к Демодаму[1]. Таково же происхождение списка племен внутренней Азии, от оркианов до сарапанов (VI, 47, 48), в котором упомянуты хорасмы (VI, 48), хотя непосредственно Плиний заимствовал список с карты Агриппы. Здесь у нас нет возможности детально проследить сложную историю указанного списка, но отметим, что трактовка ее, предложенная В. В. Тарном, явно ошибочна. Упомянутый исследователь считал, что список этот является сборным перечнем заимствованных из различных источников названий, которые Плиний не знал, куда поместить, в частности название хорасмиев Плиний взял якобы у Геродота[2]. Вслед за Агриппой племена этого списка отмечались и на других картах его традиции. Так появились хорасмии на карте Юлия Гонория (A, 13, 38; Cosmogr., I, 13, 38).

Аполлодор происходил из Артемиты в Вавилонии — города, лежавшего к востоку от Тигра на большой и очень важной дороге, соединявшей Селевкию на Тигре с далекими восточными странами — Бактрией и Индией[3]. Вполне возможно, что Аполлодор был как-то связан с торговой аристократией Селевкии[4] и именно в силу этого обстоятельства совершал путешествие далеко на восток. Понятно, что и он располагал немалыми сведениями о племенах Окса и Яксарта. Мы считаем, что сведения Аполлодора стали широко использоваться в античной литературе главным образом благодаря посредничеству Посидония. Положение о заимствовании Посидонием у Аполлодора, обоснованное А. Бером[5], остается непоколебленным, как нам кажется, по сей день, хотя по этому вопросу высказывались и иные мнения. Видимо, к традиции Аполлодора следует отнести упоминание Птолемея о хорасмиях (Geogr., VI, 12, 4), поскольку оно входит в тот пласт его географической номенклатуры, который заимствован у Посидония. Ту же традицию можно проследить и у Дионисия Периегета, география которого, как известно, базируется на данных Посидония; это относится и к описанию «каспийской» части Азии у Дионисия (718–761), где упоминаются хорасмии (746; Prisc., 722; Avien., 923). Из близкого источника, возможно, с карты, некогда сопровождавшей сочинение Дионисия, Равеннский географ взял перечень, в котором названы хорасмии (II, 4).

Указанные сообщения, несмотря на их краткость и отрывочность, все вместе дают относительно полную картину, позволяющую судить о разных сторонах жизни хорасмиев. В настоящей работе нет возможности рассмотреть содержание этих сообщений в равной мере подробно, поэтому мы сосредоточим внимание лишь на отдельных моментах, наиболее существенных, спорных и дискутируемых в настоящее время.

---

[1] *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. Berlin, 1909. S. 124.

[2] *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India, 2 ed. Cambridge, 1951. P. 285.

[3] *Tarn W. W.* Ibid. P. 44.

[4] *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Halle, 1947. Bd I. P. 17, 18.

[5] *Behr A.* De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888. P. 34, 35.

Название. У греческих авторов название хорасмиев представлено в двух формах: Chorasmioi и Chōrasmioi. Первая форма свойственна ранним авторам — Гекатею, Геродоту и другим; вторая форма, с долгим О, появляется лишь со времени походов Александра[1]. Латинские авторы пишут название хорасмиев как Chorasmii или Chorasmi. Написание Равеннского географа (provincia) Chorasimon, очевидно, нужно считать искажением первоначального Chorasmiōn в его греческом оригинале.

Расселение. Данные о территории хорасмиев делятся на две группы, резко отличающиеся друг от друга по содержанию; одна из этих групп относится ко времени до походов Александра, другая — ко времени после походов.

В итинерарии Скилака область хорасмиев помещена между Парфией и Бактрией, к востоку от первой и к западу от второй. Сохранилось прямое указание Гекатея, заимствованное у Скилака, на место обитания хорасмиев: «К востоку от парфов живут хорасмии» (Athen., II, 70, B; Steph., s.v. Chorasmiē). Имеются сообщения, косвенно подтверждающие это указание: хорасмии связаны именно с парфами в списке сатрапий Дария и в перечне воинских отрядов Ксеркса, с гирканиями и парфами — в рассказе о реке Акес. Известен и ряд других данных, согласующихся с этими свидетельствами[2]. Обычно считается, что все это указывает на области Герата и Мерва как место обитания хорасмиев. Однако такое представление нуждается в некоторых коррективах. В итинерарии Скилака долина Герируда, несомненно, включена в территорию хорасмиев, поскольку через эту долину проходит дорога на Бактры (Балх). Но сообщения Геродота, т. е. списки сатрапий и воинских отрядов, в которых хорасмии упомянуты наряду с ариями (жителями области Герата), заставляют полагать, что хорасмии занимали и местности к западу от Герата. В этой связи напомним, что Парфия ахеменидского времени, начинаясь на западе от Каспийских ворот, на востоке — вопреки распространенному представлению — не включала область Туркмено-Хорасанских гор[3]. Очевидно, эта область, через которую проходила дорога от Парфии к долине Герируда, тоже входила в состав территории хорасмиев.

Ко времени походов Александра обстановка здесь изменилась. Спутники Александра, прошедшие той же дорогой, что и Скилак, хорасмиев к востоку от парфян уже не застали; они отмечают в этих местах только ариев. С посольством хорасмиев они встретились в Маракандах (Самарканде) — столице Согдианы, но сама страна хорасмиев так и осталась для них вне пределов досягаемости, где-то среди пустынь массагетов. Страбон, цитируя Эратосфена, который опирается здесь на данные современников Александра, сообщает, что «арахоты и массагеты живут рядом с бактрийцами, на запад от них, вдоль Окса» (XI, 8, 8). Если слово «арахоты» в этой цитате вообще нуждается в исправлении[4], то наи-

[1] *Tomaschek.* Chorasmia // RE. 1899. Bd III. Стб. 2407.

[2] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 10–15.

[3] [О Парфии ахеменидского времени см.: *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Т. I. Душанбе, 1998. С. 634; *Он же.* Средняя Азия в ахеменидское время. Страна // История древнего Востока. М., 2004. С. 707–708.]

[4] *Пьянков И. В.* Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 55.

более удачной его заменой было бы слово «хорасмии»[1]. Курций говорит, что пределы области хорасмийского царя «смежны с массагетами и дахами» (VIII, 1, 8). По Дионисию, хорасмии живут к северу от массагетов, а за ними — «земля Сугдии» (746, 747). У Птолемея хорасмии помещены на правом берегу Окса, выше оксианов (Geogr., VI, 12, 4). Ясно, что у всех этих авторов хорасмии обитают уже в современном Хорезмском оазисе.

Исследователи по-разному толкуют указания источников на местообитание хорасмиев. Одни убеждены, что хорасмии всегда обитали в Хорезмском оазисе, а сообщения о хорасмиях, находящихся в Хорасане, свидетельствуют лишь о зоне политического влияния этого народа. Другие полагают, что в период между Гекатеем и Геродотом, с одной стороны, походами Александра — с другой, произошло переселение хорасмиев из Хорасана в Хорезмский оазис[2]. Нам кажется, что вторые ближе к истине. В пользу этого говорит вся совокупность письменных свидетельств. Следует добавить, что и местная хорезмийская традиция, переданная хорезмийцем Бируни и Мукаддаси, начинает историю Хорезма с переселения[3].

Мы попытались реконструировать события следующим образом[4]. Хорасмии, оседлый земледельческий народ, первоначально обитали по реке Герируд и в области Туркмено-Хорасанских гор. К северу от них, в частности и в Хорезмском оазисе, жили тогда кочевые или полукочевые массагеты. Целью походов персидских царей Кира в 530 г. до н. э. и Дария в 519 г. до н. э. был Хорезмский оазис. Поход Дария оказался успешным, ему удалось подчинить массагетов, занимавших Хорезмский оазис и соседние территории. Чтобы упрочить здесь свое господство, он и его преемники стали насаждать в оазисе земледельческие колонии подвластных им хорасмиев (не исключено, что хорасмии проникали туда и ранее). Благодаря этой мере власть персов настолько укрепилась, что к рубежу V–IV вв. до н. э. в источниках стали появляться известия даже об отдельной сатрапии дербиков (дербиками персы иногда именовали массагетов)[5].

На протяжении VI–V вв. до н. э. страной хорасмиев считалась лишь южная часть занятой ими территории: и область Туркмено-Хорасанских гор, и область Герата — в итинерариях, только область Туркмено-Хорасанских гор — в адми-

---

[1] *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1980. S. 318, 319.

[2] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 16–18.

[3] *Толстов С. П.* Древний Хорезм… С. 43, 44, 68; *Он же.* По следам… С. 10, 74, 75.

[4] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 18–20; *Он же.* Массагеты Геродота. С. 68.

[5] [Предположение о создании отдельной сатрапии в Хорезме в конце V в. до н. э. подтверждено археологически (см. *Рапопорт Ю. А.* Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 33). Но сейчас, в свете новых археологических открытий, историю хорасмиев в административной системе Ахеменидов можно представить несколько иначе. В состав сатрапии хорасмиев, видимо, с самого начала входил колонизуемый с юга Хорезмский оазис, куда постепенно перемещался центр земель хорасмиев, и там же (городище Кюзели-гыр), возможно, действительно находился город Хорасмия, как и сатрапский центр (городище Калалы-гыр). Подчинившиеся же Дарию I массагеты-дербики составили отдельную сатрапию со своим сатрапским центром (городище Бабиш-Мулла 1). Такая картина еще ближе данным Ктесия (см. *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 42–44).]

нистративных списках. Хорезмский оазис, хотя и населенный хорасмиями, рассматривался тогда — по крайней мере, в административном обиходе — как часть страны массагетов, или дербиков. Положение изменилось примерно в начале IV в. до н. э., когда в результате новой активизации массагетских племен власть персов в Хорезме была уничтожена. С этого времени хорасмиями именовались только обитатели Хорезмского оазиса, а области Туркмено-Хорасанских гор и долины Теджена, где ранее были зафиксированы хорасмии, — Нисея, Аставена, Сиракена, — причислялись то к Арии (Ptol., Geogr., VI, 17, 3), то к Гиркании (Strabo., XI, 7, 2; Ptol., Geogr., VI, 9, 5).

Ахеменидскому владычеству в Хорезме синхронна так называемая «архаическая», или кюзелигырская археологическая культура. Многое, как нам казалось, говорит за то, что носители ее и являлись теми хорасмиями, которых ахеменидские цари переселили в Хорезмский оазис[1]: она имеет предполагаемые южные генетические связи и, напротив, не имеет корней в предшествующих местных культурах; многочисленны свидетельства о контактах ее с другими областями ахеменидской державы. В Хорезме была открыта и недостроенная резиденция персидского сатрапа, датированная рубежом V–IV вв. до н. э. Но М. Г. Воробьева считает, что гипотезу о переселении хорасмиев «вряд ли удастся подтвердить археологически»[2]. Главное препятствие для отождествления носителей «архаической» культуры с переселенными хорасмиями она, очевидно, видит в том, что памятники этой культуры в Хорезме древнее Ахеменидов. Мы, конечно, не можем авторитетно судить о датировке «архаической» культуры. Но все же при чтении статьи М. Г. Воробьевой создается впечатление, что пока нет данных, позволяющих достаточно твердо удревнять указанную культуру до VII — первой половины VI в. до н. э. В целом же археологические комплексы Средней Азии, близкие «архаической» культуре Хорезма и считающиеся ахеменидскими, бесспорно, имеют местные корни и возникли в доахеменидский период. Но в местах, где их обнаруживают ныне археологи, они могли появиться в разное время и при разных обстоятельствах. Подтвердится ли высказанная гипотеза археологически — покажет будущее. В частности, многое будет зависеть от того, удастся ли проследить истоки «архаической» культуры в памятниках, происходящих с территории Туркмено-Хорасанских гор (включая предгорья Копетдага) и долины Герируда и Теджена[3].

Другое археологическое соответствие для хорасмиев предложила Б. И. Вайнберг. По ее мнению, переселившиеся хорасмии — это создатели куюсайской культуры. Указанная культура имеет «сакский» облик, принадлежала она скотоводам. Памятники ее известны в Присарыкамышской дельте Амударьи и датируются VII–IV вв. до н. э. Переселение должно было произойти в первой по-

[1] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 18.

[2] *Воробьева М. Г.* Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 38.

[3] [Именно так сейчас и определяется археологами происхождение «архаической» культуры, связываемой с хорасмиями (см. *Пилипко В. Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. … докт. дис. М., 1989. С. 24). Появление ее в Хорезме, насколько мне известно, временем ранее VI в. до н. э. никто из археологов ныне не датирует.]

ловине VII в. до н. э., из Хоарены[1]. Гипотеза Б. И. Вайнберг интересна, но, по нашему мнению, недостаточно обоснованна. Прежде всего датировка таким ранним временем лишает логической опоры само предположение о переселении. Ведь о переселении хорасмиев из Хорасана в Хорезм прямо не говорит ни один древний источник. Мысль о переселении — это лишь умозаключение, основанное на том факте, что источники конца VI–V вв. до н. э. помещают хорасмиев к востоку от Парфии, а источники IV в. до н. э. и последующего времени — только в Хорезмском оазисе. На чем же основан тезис о переселении хорасмиев в VII в. до н. э., да еще из Хоарены, крайней западной области ранней Парфии? Памятников куюсайской культуры, насколько мы понимаем, в Хорасане нет. Предположение о переселении куюсайцев само порождено идеей о переселении хорасмиев, которая. Как видим, остается без опоры. Кроме того, гипотеза Б. И. Вайнберг не учитывает, что хорасмии уже на своей «прародине» характеризуются как культурный народ, имеющий свой «город», занимающийся ирригационным земледелием, как же получилось, что хорасмии в Хорезмском оазисе стали скифским народом скотоводов? Заметим, что сами хорезмийцы, насколько можно судить об их исторической традиции по данным упомянутых средневековых авторов, считали своих предков земледельцами, поселившимися в «тюркской» среде. Если памятники куюсайской культуры действительно отчасти предшествуют памятникам «архаической» культуры, то куюсайцы, скорее всего, были тем племенем массагетов, или дербиков, на землях которого поселились хорасмии.

Страна и хозяйственные занятия. Гекатей опираясь на данные Скилака, говорит, что хорасмии занимают «и равнины, и горы; на тех горах растут дикие деревья, колючая кинара, ива, тамариск». (Athen., II 70, B). Общее определение ландшафта страны вполне соответствует той территории, на которой мы поместили ранних хорасмиев: хребты Туркмено-Хорасанских гор разделены широкими равнинами. Для гор характерны заросли колючих кустарников. В горах сохраняются и небольшие участки леса. Тугайные леса, в состав которых входят тамариск и ива, есть в предгорьях и в долине Герируда-Теджена. Судя по археологическим данным, леса в этих местах, в частности тугайные, в древности были распространены шире[2]. Известны и письменные свидетельства разного времени о зарослях тамариска по берегам Герируда[3] и Теджена[4].

Геродот дополняет Гекатея, рассказывая о хозяйственных занятиях хорасмиев. Хорасмии, как и их соседи, — земледельческий народ: «Зимой божество ниспосылает им дождь, как и другим людям, летом же, сея просо и сезам, они нуждаются в воде» и пользуются водой горной реки Акес (III, 117). Противопоставление зимы и лета здесь, очевидно, имеет смысл противопоставления зимних богарных посевов и летних поливных. Это вполне отвечает условиям Хорасана,

[1] *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 49–52.

[2] *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 96–98.

[3] *Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 115.

[4] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана // Соч. М., 1965. Т. III. С. 134.

где имеются и посевы под дождь, и поля с речным орошением. При осенних посевах большинство полей действительно не требует искусственного орошения, на котором базируются почти все весенние посевы.[1] Пшеница обычно озимая, яровую культуру проса и теплолюбивый кунжут (сезам) сеют весной. Просо в значительном количестве возделывается в Герате, где на поливных землях его высевают после уборки озимых культур[2]. Кунжута особенно много в Герате, хотя он есть и в Хорасане[3]. Интересно, что просо с древности являлось одной из основных культур и в Хорезмийском оазисе[4]; так было уже в «архаическое» время[5] (не принесена ли туда культура проса именно в это время?).

Согласно Геродоту, земли хорасмиев и их соседей орошались водами реки Акес, которая течет с гор, окружающих равнину, и делится на пять рукавов, протекавших через пять ущелий в упомянутых горах, — по одному рукаву к каждому из пяти народов, земли которых примыкают к упомянутой равнине; персидский царь запер ущелье воротами, затопил равнину и поставил в зависимость от себя снабжение водой тех, кому она была необходима (III, 117). Ясно, что здесь идет речь о переходе от простого речного орошения к орошению с помощью сложных гидротехнических сооружений. Однако в целом интерпретация рассказа об Акесе вызывает большие трудности. Попытки объяснить данные об Акесе с опорой только на современную географическую карту всегда были неудачны[6].

Мы высказывали предположение, что Акес в том виде, в каком он представлен у Геродота, вообще не имеет реального соответствия. В основе рассказа об Акесе лежит представление об огромном хребте на востоке Азии, с которого текут крупные реки, — представление о Гиндукуше как источнике воды, издавна бытовавшее среди местного населения и после Геродота зафиксированное в более четком виде также античной традицией (данные о Парнассе, Кавказе, Паропамисе и т. д.)[7]. Ту же мысль недавно изложил П. Бернар, привлекая широкий материал и, на наш взгляд, достаточно убедительно[8]. К указанной основе должны принадлежать сведения о горах и реках, текущих с этих гор, чтобы оросить земли народов, живущих вокруг хребта. Возможно, что уже в преданию-

[1] *Гореликов С. Г.* Иран. Экономико-географическая характеристика. М., 1961. С. 180.

[2] *Вавилов Н. И., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан // Вавилов Н. И. Избр. труды. М.; Л., 1959. Т. I. С. 363.

[3] Там же. С. 300.

[4] *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С. 92, 93.

[5] *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 207.

[6] Историю вопроса см.: *Пьянков И. В.* Хорасмии... С. 11. Новейшие попытки истолковать рассказ об Акесе решительно противоречат данным Геродота, см.: *Chlopin I.* Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses // Orientalia Lovaniensia periodica. 2. 1972. С. 137–152; *Вайнберг В. И.* Указ. соч. С. 49, 51. Заметим, что выводы первой из этих работ построены на массе произвольных и противоречащих источникам допущений. В той и другой работе заметно влияние превратного представления о территории ранней Парфии.

[7] *Пьянков И. В.* Хорасмии... С. 11.

[8] *Bernard P., Francfort H.-P.* Études de géographie historique sur la plaine d'AïKhanoum (Afghanistan). Paris, 1978. P. 20–22.

основе истоки рек были помещены близко друг от друга[1], а всего их было пять, поскольку число «пять», как и число «семь», распространено в мифико-географических построениях.

Но на эту основу наложено описание вполне реального ирригационного сооружения, находившегося где-то на «равнине, окруженной со всех сторон горами» (III, 117), т. е. в Арии[2]. Возможно, что это сооружение имеет в виду Птолемей, когда говорит об озере Арий, образованном рекой того же имени (Geogr., VI, 17, 2; Аммиан, повторяя Птолемея, говорит о реке Арий, которая образует огромное озеро того же имени: XXIII, 6, 69)[3]. Позднее об оросительной системе Герируда сообщают Истахри и Мукаддаси[4]. Правда, высказывалось мнение, что в Герatском оазисе никогда не существовало сложных гидротехнических сооружений[5], но для окончательных суждений по этому вопросу необходимо специальное археологическое обследование оазиса[6]. В рассказе Геродота о реке Акес прозрачно выступают все элементы ирригационного сооружения: водохранилище, плотина и шлюзы, каналы. К этому сооружению целиком относится описание процедуры поочередного открытия ворот с тем, чтобы земли каждого из рукавов реки «вдоволь насыщались влагой». Даже название реки, видимо, относится сюда же: Aka — это. По Томашеку, «Klammer» или «Öffnung»[7]. Описание сооружения наложено на предание-основу так, что водохранилище превратилось в море между горами, плотина и шлюзы — в горы и горные проходы, каналы — в реки, ниспадающие с гор. Этим и объясняется странная «гиперболизация» Геродотом обычного гидротехнического сооружения, а также не менее странное описание рукавов «реки» Акес, с их «ущельями», которое не имеет никакого реального соответствия на карте[8], но зато «поразительно напоминает» местные оросительные системы[9]. Впрочем, мифологическому преломлению слухов об оросительных сооружениях могли способствовать и ассоциации с популярными легендами об искусственном создании крупных водоемов; такие легенды были известны античной традиции — с одной из них, как мы видели, и был соединен в источнике Геродота рассказ об Акесе; подобные легенды о водоемах, связанных с реками, текущими от Гиндукуша, бытовали среди местного населения: об Аральском море, об озерах Систана, об озерах Банди Амир. Главным моментом в контаминации предания-основы и описания конкретной ирригационной системы являлось совмещение центра Гиндукуша как источни-

[1] Ср. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 160.

[2] *Пьянков И. В.* Хорасмии... С. 11.

[3] Относительно толкований сообщения об озере Арий см.: *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin, 1914. S. 32–33.

[4] *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Alterthum. Erlangen, 1882. S. 72–76.

[5] *Вавилов Н. И., Букинич Д. Д.* Указ. соч. С. 146.

[6] Ср. археологические данные о Серахском оазисе VI–V вв. до н. э.: *Массон В. М.* Еще раз о геродотовой реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. М., 1967. С. 174.

[7] *Tomaschek.* Akes // RE. 1894. Bd I. Стб. 1162.

[8] *Вайнберг В. И.* Указ. соч. С. 51.

[9] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959. С. 156.

ка речных вод с водохранилищем, сооруженным где-то на Герируде, как источником ирригационных вод.

В рассказе об Акесе дан и перечень народов, граничащих с «равниной», превращенной в «море» и принадлежавшей некогда хорасмиям: сами хорасмии, а также гиркании, парфы, сарангеи и фаманеи (III, 117). Перечень этот до сих пор не получил удовлетворительного объяснения. Не претендуя на окончательное решение вопроса, мы позволим себе высказать следующее предположение. Возможно. что в предании-основе вообще, видимо, бедном конкретными географическими указаниями, имена пяти народов отсутствовали. Они были введены в рассказ уже после контаминации предания-основы с описанием ирригационного сооружения. Поскольку в процессе контаминации произошло упомянутое выше совмещение двух представлений об источниках вод, было решено, что пять народов предания-основы — это народы, окружающие «равнину» хорасмиев. В распоряжении автора рассказа об Акесе был какой-то итинерарий, и он выписал из него названия двух народов, предшествующих хорасмиям, и двух народов, следующих за ними, с тем чтобы всего иметь названия пяти народов. Предполагаемый итинерарий точно соответствует пути, по которому позднее прошел Александр и который впоследствии неоднократно описывался античными авторами. Из Парфии боковая ветвь пути вела в Гирканию. За Парфией ко времени Александра начиналась Ария. Как уже отмечалось выше, Ария этого времени простиралась на земли, относившиеся ранее к стране хорасмиев. Так как в итинерариях страна ранних хорасмиев включала и собственно Арию, т. е. долину Герируда, то в данном случае поздняя Ария должна полностью соответствовать стране ранних хорасмиев. Где-то в районе Туркмено-Хорасанских гор ранние хорасмии граничили и с Гирканией. За Арией следовала Дрангиана, т. е. страна сарангеев. За Дрангианой — ариаспы и арахоты. Фаманеев обычно отождествляют с арахотами, хотя, на наш взгляд, правильнее было бы приравнивать их к ариаспам.

Высказанное предположение не исключает возможности того, что соседи горной долины, т. е. Арии, действительно были заняты ирригационным строительством. В таком случае описание сооружения на реке Акес является в известной мере обобщающим описанием всех подобных сооружений в странах перечисленных народов. Это должно относиться и к хорасмиям, причем не только к южным, но и к тем, которые уже поселились в Хорезмском оазисе. Тогда станет понятным резкий прогресс в ирригационном деле Хорезма, приходящийся как раз на «архаический» период и свидетельствующий, с одной стороны, о влиянии более южных и даже переднеазиатских областей, с другой — о наличии сильной государственной власти с мощным аппаратом принуждения[1]. Конкретной археологической иллюстрацией к рассказу об Акесе, видимо, может служить крепость предполагаемой сатрапской резиденции, контролировавшая крупные оросительные системы Хорезма этого периода[2].

[1] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. С. 115, 116, 124.
[2] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 117.

Верования. Единственное, но очень ценное свидетельство о верованиях хорасмиев содержится у Лукиана. Этот автор говорит. что «у персов, парфов, бактров, хорасмиев, ариев, саков, мидян и у многих других варваров» богослужение совершали маги (Macrob., 4). Возможно, что данное сообщение восходит ко времени Артаксеркса I. Маги являлись жреческим «племенем», издавна сконцентрированным в Мидии. В ахеменидскую эпоху они были единственными приверженцами вероучения Зороастра, в среде которых складывалась Авеста[1]. Персидские цари всегда покровительствовали магам; более того, ряд фактов говорит о том, что некоторые из царей — Ксеркс, Артаксеркс I, Артаксеркс II — сознательно стремились распространить среди подвластных им народов учение магов и зороастрийские культы. Утверждение магов в качестве жрецов у парфов, хорасмиев, ариев, бактров и саков, может быть, было одним из проявлений этой тенденции. Мы думаем, что судьба магов у перечисленных народов отражена в истории зороастрийского календаря: есть основания считать, что календарь Авесты стал официальным в Персидской державе при Артаксеркссе I и тогда же распространился из западноиранских областей в восточные, положив начало парфянскому, хорезмийскому и согдийскому календарям, известным по более поздним источникам[2]. Сообщение о магах хорасмиев ценно тем, что помогает правильно представить историю формирования хорезмийского зороастризма предмусульманского времени; в основе среднеазиатских разновидностей зороастризма лежит не воображаемый «маздеизм», аморфный и всеобъемлющий, а религия Авесты — единственно реальный, в качестве исходного начала для них, зороастризм, позднее слившийся с верованиями, которые привнесли в него оссуарный обряд и по истокам своим были совершенно чужды зороастризму[3].

Одежда и вооружение. Об одежде и вооружении хорасмиев говорит Геродот в описании войска Ксеркса, вторгшегося в Грецию. Хорасмии упомянуты им в составе пешего войска: «Парфы, хорасмии, согды, гандарии и дадики шли в поход, имея то же снаряжение, что и бактрии» (VII, 66). Понятие «снаряжение» здесь может относиться и к вооружению, и к одежде. О бактриях в том же описании сказано, что они имели головные уборы, «весьма похожие на мидийские, а также туземные тростниковые луки и короткие копья» (VII, 64). Мидийский же головной убор описывается как «шапка из мягкого войлока» (VII, 61, 62), видимо, типа башлыка.

Насколько «снаряжение» хорасмиев походило на бактрийское в действительности, данное сообщение не дает возможности судить. Группы воинских отрядов, которые в тексте Геродота объединены только общностью «снаряжения», на самом деле отражают организационную структуру персидской армии: каждая

---

[1] Вопрос о магах сложен и дискуссионен. Остановиться на нем подробнее здесь нет возможности. Краткое изложение нашей точки зрения по этому вопросу см.: *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. М., 1979. III. С. 204, 205.

[2] *Лившиц В. А.* «Зороастрийский» календарь // Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 320–325.

[3] Ср.: *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 10, 13, 23, 35, 89, 120, 122.

такая группа представляла собой часть армии, подчиненную одному из шести главных военачальников[1]. Вооружение и одежда группы описывались в целом. Видимо, в источнике Геродота основу описания каждой группы составляли сведения о вооружении и одежде главного ее отряда, в данном случае бактрийского, а детали, отличавшие друг от друга остальные ее отряды, отмечались не всегда[2].

Город. Гекатей, опять-таки по данным Скилака, упоминает и о городе хорасмиев: «У них город Хорасмия» (Steph. Byz., s. v. Chorasmiē). Стефан, который приводит эту цитату, помещает город Хорасмию «к востоку от парфов». Однако остается неясным, основано ли это сообщение Стефана на прямом утверждении Гекатея, или только на собственном умозаключении, повод для которого могли дать цитируемые далее слова Гекатея о том, что хорасмии живут к востоку от парфов.

История. Последовательно изложенной истории хорасмиев в античных источниках не сохранилось. Все, что относится к этой теме, — разрозненные эпизодические сообщения об отдельных событиях.

Единственное сообщение, прямо касающееся доахеменидского прошлого хорасмиев, содержится в рассказе Геродота об Акесе: «равнина, окруженная со всех сторон горами», некогда принадлежала хорасмиям, а с того времени, как персы возымели власть, она принадлежит ахеменидскому царю (III, 117). К царю она перешла, надо думать, в связи с созданием там «моря» и сооружением «ворот». Для того чтобы глубже понять это сообщение, нужно учитывать следующее. Народы, которых античные авторы называют среди подданных ахеменидских царей, соответствуют, как правило, доахеменидским государственным или племенным образованиям, вошедшим в состав Ахеменидской державы. Ахеменидские власти обычно мало вмешивались в местные дела и иногда даже оставляли местных правителей. Это может относиться и к хорасмиям. Оросительные системы, которые сооружались по инициативе царской власти, принадлежали царю. На «равнине» между горами, т. е. в Арии, где были сооружены особенно крупные плотины и каналы, царю могли принадлежать большие площади орошаемой земли: другими словами, значительная часть страны действительно могла войти в домен царя[3]. Это, может быть, и побудило административно отделить Арию от хорасмиев. Характерно, что арии упоминаются наряду с хорасмиями только в официальных документах, в итинерариях же Ария включена в состав страны хорасмиев. На тесную связь царя с ариями, возможно, указывает частое упоминание их в качестве военных колонистов в Вавилонии[4]. Итак, из доахеменидской истории хорасмиев нам известен лишь тот факт, что им

[1] *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 48.

[2] Подробнее об отдельных предметах описанного вооружения см.: *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. С. 36–45.

[3] *Olmstead A.* T. History of the Persian Empire, 2 ed. Chicago, 1960. С. 47; ср. Дандамаев *М. А.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. М., 1974. P. 325–327.

[4] *Дандамаев М. А.* Клинописные данные об ариях // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 86–93.

принадлежала равнина Арии. Ни перечень народов, соседствующих с долиной Акеса, ни состав XVI сатрапии к этой истории вопреки обычному мнению не имеют отношения.

О событиях истории хорасмиев ахеменидского времени античные авторы ничего не сообщают. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах хорасмии вошли в состав Ахеменидской державы и как вышли из нее. К этому периоду относятся и упоминания хорасмиев у Геродота: одно — в списке сатрапий, другое — в перечень воинских отрядов. Первое сообщение. Дарий, учреждая сатрапии, установил дань от основных народов и присоединил к этим народам соседние и более отдаленные (III, 89). Шестнадцатую сатрапию составили «парфы, хорасмии, согды и арии», которые платили триста талантов (III, 93). Перечень народов внутри отдельной сатрапии в списке сатрапий у Геродота обычно начинается с основного народа. К указанной дани надо добавить еще «большие средства», взимаемые царем за открытие шлюзов с упомянутых здесь народов, по крайней мере с парфов и хорасмиев из их числа (III, 117). Второе сообщение. Ксеркс, вторгшись в Грецию, имел в составе своего войска отряд парфов и хорасмиев во главе с персом Артабазом, сыном Фарнака (VII, 66). Каждый такой отряд в персидском войске обычно соответствовал отдельной сатрапии, а предводителем его являлся сатрап.

Эти два сообщения дают возможность проследить историю сатрапии, в которую входили хорасмии. Парфия, т. е. подгорная полоса к югу от Эльбурса, вместе с входившей в ее состав Гирканией, т. е. юго-восточной частью прикаспийской низменности, были в свое время подвластны Мидийскому царству. Когда Ахемениды подчинили хорасмиев, обитавших далее к востоку, в Хорасане, они, очевидно, присоединили их в административном отношении к Парфии. Вместе с хорасмиями к Парфии были присоединены и арии, жившие в долине Герируда, которая принадлежала тогда хорасмиям. Гистасп, сатрап Парфии со времени Кира, видимо, имел в своем подчинении также хорасмиев и ариев. Когда воцарился его сын Дарий, Гистасп помогал ему бороться с повстанцами. В связи с этими событиями власть Гистаспа могла быть распространена и на согдов. Так сформировалась XVI сатрапия Дария[1]. Состав этой сатрапии отнюдь не был традиционным. Он явился результатом ряда событий раннеахеменидского времени. Менялся он и после Дария. При Ксерксе, как видим, под властью Артабаза кроме парфов оставались только хорасмии. Арии и согды составляли отдельные отряды, следовательно, и отдельные сатрапии.

Хорасмии в связи с конкретными историческими событиями упоминаются лишь у историков Александра. Судя по сообщениям этих авторов, в западной части Средней Азии во времена Александра активно выступали две группировки скифских племен: «азиатские» скифы, обитавшие «выше Боспора», или массагеты, и «европейские» скифы, или даи; разделяла их река Танаис, т. е. Сырдарья (следует заметить, что Курций под влиянием позднего автора часто путает массагетов с даями). Первое событие, в котором фигурируют упомянутые группировки, — это попытка бактрийского сатрапа Бесса противостоять Алек-

[1] Ср.: *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 346–350, 438.

сандру. Арриан, следуя версии Птолемея Лагида, говорит лишь о тех скифских союзниках Бесса, которые поставили ему вспомогательный отряд, — о даях (III, 28, 8, 10). Но Курций, излагая версию Клитарха, дает понять, что Бесс рассчитывал и на помощь хорасмиев (VII, 4, 6). А по Страбону, который основывался на данных Аристобула, получается, что Бесс даже скрывался где-то у хорасмиев и массагетов (XI, 8, 8; 11, 6). Второе событие — это борьба Спитамена с Александром. В версии Птолемея Лагида, скифские союзники Спитамена всегда именуются массагетами. Арриан, следуя этой версии, и конец Спитамена связывает с массагетами, в пустыню которых тот бежал от границ Согдианы (IV, 17, 7). А Страбон по данным Аристобула опять-таки говорит о бегстве Спитамена из страны бактрианов и согдианов к хорасмиям и массагетам и его гибели там (XI, 8, 8; 11, 6). Наконец, третий ряд фактов — посольства скифов к Александру. О них сообщают Арриан по Аристобулу и Курций по Клитарху. Во время первого пребывания македонского царя в Согдиане к нему явились посольства абиев (Arrian., IV, 1, 1; Curt., VII, 6, 11), т. е. массагетов[1], и «европейских» скифов (Arrian., IV, 1, 1; Curt., VII, 8, 8). А когда Александр через год вновь прибыл в Мараканды, к нему, как уже говорилось выше, опять явились два посольства: хорасмийского царя Фарасмана (Arrian., IV, 15, 4; Curt., VIII, 1, 8) и снова «европейских» скифов (Arrian., IV, 15, 1; Curt., VIII, 1, 9). Не было ли посольство абиев предварительным, разведочным посольством того же Фарасмана? Все эти сообщения показывают, что у историков Александры массагеты как-то ассоциируются с хорасмиями; их часто упоминают рядом или даже заменяют одних другими.

Объяснение этой близости можно найти у античных авторов. Страбон, основываясь на данных Аристобула, говорит, что хорасмии и аттасии — это «народы массагетов и саков» (XI, 8, 9). Хорасмии считались частью массагетов, как мы отмечали выше, еще в ахеменидскую эпоху. Но ко времени Александра положение стало иным. Хорасмии не были гегемоном массагетской «конфедерации племен», как ее изображали В. В. Тарн и С. П. Толстов[2]. Мы уже писали. что на характер взаимоотношений хорасмиев и массагетов может указывать сообщение Страбона о массагетах, которые сами земледелием не занимаются, но «хорой» владеют (XI, 8, 7)[3]. Скорее всего, слияние хорасмиев с массагетами было обычным симбиозом оседлоземледельческого населения и степных племен при господствующем положении последних. С учетом этого обстоятельства историю Хорасмийского царства, которое застали спутники Александра, можно представить в следующем виде. Уничтожение власти Ахеменидов в Хорезмском оазисе, по нашему мнению, связано с возникновением нового мощного объединения массагетских племен, известного под названием апасиаков. Упомянутое выше название Attasioi является, по всей видимости, искажением первоначального написания Apasioi (если не Augasioi), в котором надо признать самую раннюю форму названия апасиаков,

[1] *Пьянков И. В.* Рецензия на кн.: *Daffinà P.* L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967 // ВДИ. 1969. № 4. С. 172–174.

[2] *Tarn W. W.* Указ. соч. С. 81; *Толстов С. П.* Древний Хорезм… С. 244; *Он же.* По следам… С. 104.

[3] *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота. С. 56, 69, 70.

введенную в античную литературу Аристобулом. В III в. до н. э. апасиаки занимали обширную территорию (низовья Амударьи и Сырдарьи и земли по Узбою вплоть до Гиркании[1]), явно включавшую Хорезмский оазис.

Вожди этого объединения, очевидно, и стали царями хорасмиев. Один из них (традиционная массагетская царица?) воздвиг по апасиакскому обряду грандиозную усыпальницу Койкрылганкалы[2] на территории Хорезмского оазиса в начале IV в. до н. э. Другой хорасмийский царь, Фарасман, явился к Александру во главе большого конного отряда и, заявив о том, что его владения граничат с колхами и амазонками, вызвался напасть на эти народы, покорить и другие племена у Эвксинского моря и быть проводником Александру (Arrian., IV, 15, 4). Это чрезвычайно интересное сообщение толковалось по-разному. Можно считать, что поскольку своеобразные географические воззрения Александра и его спутников, позволявшие помещать страну хорасмиев в непосредственной близости от Черного и Азовского морей, сформировались еще до встречи с Фарасманом, то предложения последнего дошли до нас в географической «интерпретации» окружения Александра; в действительности же речь шла о каких-то местных пограничных затруднениях хорасмийского царя[3]. Однако прямое указание на колхов и популярность царского имени Фарасман у иберов и колхских племен, засвидетельствованная более поздними источниками, позволяют высказывать и другое предположение. Фарасман как царь апасиаков мог иметь касательство к делам своих массагетских сородичей в Северном Прикаспии, теснимых в это время даями с востока[4] и, очевидно, в свою очередь, напиравших на западе на савроматов («амазонок») и колхов[5]. Связь Хорезма с причерноморскими областями могла осуществляться по дороге, которую еще во времена Геродота боспорские купцы, ходившие к Араксу (Волге) и массагетам, обитавшим за этой рекой[6]. Позднее, во второй половине III в. до н. э., апасиаки принимали у себя парфянских царей, бежавших от Селевка II (Strabo, XI, 8, 8) и Антиоха III.[7] Вполне вероятно, что и тогда апасиаки имели своей базой Хорезмский оазис[8].

Ситуация существенно меняется лишь во II в. до н. э., после вторжения из-за Сырдарьи новых кочевников — сакарауков. Но о том, какую роль играли хорасмии в этих и более поздних событиях, античные источники не сохранили никаких известий.

---

[1] *Там же.* С. 51. Прим. 19. С. 68–70.

[2] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967. С. 227–230, 235–237.

[3] *Пьянков И. В.* Хорасмии… С. 20. Прим. 136; см. также: *Robinson G. A.* The extraordinary ideas of Alexander the Great // Alexander the Great. The main problems. Cambridge; New York, 1966. С. 64 и др.

[4] *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота. С. 67–69. Высказанные в указанной работе соображения относительно расселения массагетов нашли поддержку у К. Ф. Смирнова: *Смирнов К. Ф.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 76, 77.

[5] Ср.: *Толстов С. П.* Древний Хорезм… С. 17; 18; *Он же.* По следам… С. 108, 109.

[6] *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота. С. 53, 68, 69; ср.: *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1948. Vol. I. С. 71; *Он же.* The Greeks… P. 479.

[7] *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1960. С. 203. Прим. 160.

[8] Ср.: *Толстов С. П.* Древний Хорезм… С. 234, 342; *Он же.* По следам… С. 124.

Хорамнии. Сведения о хорасмиях могут быть дополнены данными Ктесия о народе хорамниев. О соотношении хорамниев Ктесия и хорасмиев остальных античных авторов среди исследователей нет единого мнения. Такие ученые, как В. Томашек, И. Маркварт, Э. Херцфельд, не считали возможным отождествлять их. Мы в своих работах исходили из того, что хорамнии и хорасмии — один и тот же народ. Недавно этот вопрос пересмотрел Р. Шмитт и пришел к такому же выводу[1]. Однако от специального исследования данных о хорамниях он воздержался, ссылаясь на то, что они будут предметом изучения в диссертационной работе И. В. Пьянкова[2]. Поскольку эта диссертация не опубликована[3], дадим краткий обзор этих данных здесь.

При сопоставлении данных о хорамниях и хорасмиях прежде всего возникает вопрос: если хорамнии и хорасмии — один и тот же народ, то чем объяснить разницу в самом названии его у Ктесия и остальных авторов — Choramnioi и Chorasmioi. Р. Шмитт, считающий эту разницу единственным препятствием для отождествления указанных народов, которое до сих пор не было устранено, объясняет ее так: народное аттическое произношение древности характеризовал переход mn > sm , и Ктесий, чтобы избежать «вульгарного» облика слова Chorasmioi, стал писать Choramnioi, что более соответствовало «высокому» стилю речи[4]. Вообще же надо сказать, что этот случай у Ктесия не единичен. Он действительно стремился к оригинальности, к отличию от своих предшественников, даже в написании имен и названий.

О местообитании хорамниев прямых сообщений Ктесия не сохранилось. О нем можно судить лишь по перечням народов. В этих перечнях выделяется компактная группа восточных народов, среди которых и упоминаются хорамнии[5]. В одном случае они названы между бактриями с одной стороны, парфиями и карманиями — с другой (Phot., Bibl., cod. LXXII, 8). В другом перечне они помещены между карманиями с одной стороны, барканиями и парфиями — с другой (Diod., II, 2, 3). Положение хорамниев между парфиями и бактриями точно соответствует положению хорасмиев, как оно определялось в итинерариях, включавших в страну хорасмиев Арию. Соседство хорамниев с барканиями (гирканиями) также находит соответствие в указаниях на соседей хорасмиев. И близость страны хорамниев к карманиям, т. е. жителям области Кермана, не противоречит данным о территории ранних хорасмиев, которая определенно включала на юге часть Кухистана. Следовательно, Ктесий, живший при дворе Артаксеркса II на рубеже V–IV вв. до н. э., застал хорасмиев, названных им

[1] *Schmitt R.* Die Wiedergabe iranischer Namen bei Ktesias von Knidos im Verglich zur sonstigen griechischen Überlieferung // Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 131–133. Там же см. историю вопроса и ссылки на литературу.

[2] Там же. С. 132.

[3] Материалы диссертации частично использованы нами в работе: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975. О хорамниях см.: С. 49, 89, 93, 117, 149.

[4] *Schmitt R.* Указ. соч. С. 132, 133.

[5] *Пьянков И. В.* Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. Вып. 2. С. 68–79.

хорамниями, в тех местах, которые они занимали во времена Скилака, Гекатея и Геродота.

Но дошедшее до нас описание хорамниев вызывает недоумение. У Стефана Византийского о хорамниях сообщается следующее: «Хорамнеи. Персидский народ диких людей. Ктесий в десятой [книге сочинения] «Персика» [пишет]: «Дикий человек настолько быстр, что и оленей преследуя, настигает их». И многое другое о них говорит» (s. v. Choramnaioi). Каких людей здесь имел в виду Ктесий, помогает понять другой поздний автор, Авл Геллий. Перечисляя древних писателей, сообщавших о разных чудесах, он называет среди них Ктесия, а среди самих чудес скифских стран упоминает о людях, отличающихся необычайной быстротой, со ступнями ног, вывернутыми назад (IX, 4, 6). Мегасфен, написавший вскоре после походов Александра сочинение об Индии и во многих своих рассказах о чудесах этой страны перекликающийся с Ктесием, также сообщал о «диких людях», имеющих пятки спереди, а ступни и пальцы сзади; говорил он и о быстроногих людях, бегающих быстрее лошади (Strabo, XV, 1, 57; Plin., VII, 23). Бетон, один из бематистов Александра, заимствуя, может быть, у Мегасфена, писал о «лесных людях» хребта Имава, т. е. Гималаев, с вывернутыми назад ступнями, чрезвычайно быстрых и блуждающих повсюду вместе со зверями (Plin., VII, 11). Во всех этих сообщениях «дикие люди» мыслятся как обитатели отдаленных окраин ойкумены, практически недосягаемые для царей. Ясно, что здесь идет речь о каких-то сказочных существах. Такое представление о хорамниях противоречило бы не только всему тому, что известно о хорасмиях, но даже не вязалось бы и с другими данными самого Ктесия о тех же хорамниях.

Возможно, что характеристика хорамниев как «дикий людей» объясняется просто недоразумением. Известно, что текст Стефана дошел до нас в довольно небрежном сокращении, сделанном еще в древности. Может быть, в подлинном тексте о «диких людях» говорилось наряду с «многим другим», лишь как об одной из достопримечательностей страны хорамниев. После сокращения, когда от раздела, посвященного хорамниям, не осталось ничего, кроме описания «диких людей», это последнее было перенесено на самих хорамниев. Показательно, что в прямой цитате из Ктесия, приведенной Стефаном, говорится только о «диком человеке», не о хорамниях.

Сообщения Ктесия о хорамниях, если бы они сохранились лучше, могли бы многое добавить и к сведениям, касающимся истории хорасмиев. Кроме упоминания хорамниев в неисторическом рассказе о завоевании Нином «всей Азии» (Diod., II, 2, 3) сочинение Ктесия «Персика» содержало и рассказ о покорении хорамниев Киром, судя по тому, что цитированное выше сообщение о хорамниях и «диких людях» заимствовано Стефаном из десятой книги этого сочинения, в которой говорилось о походах Кира; видимо, в связи с рассказом о покорении Киром хорамниев Ктесий и давал их описание. У других античных авторов, как уже отмечалось, нет никаких сведений об обстоятельствах включения хорасмиев в Ахеменидскую державу. В изложении последующих событий хорамнии выступают у Ктесия уже как народ, подчиненный Киру. Умирая от раны, полученной в войне в дербиками, этот царь сделал своего младшего сына Таниоксарка владетелем бактриев, хорамниев, парфиев и карманиев с тем, чтобы он держал

эти области свободными от (царских) налогов (Phot., Bibl., cod. LXXII, 8)[1]. В основе своей это сообщение исторически достоверно, но конкретную ситуацию Ктесий представляет по образцу современной ему. В частности, каждый из упомянутых здесь восточных народов являлся отдельной сатрапией царства Артаксеркса II, при дворе которого жил Ктесий.[2] Это относится и к хорамниям. Если хорамнии – хорасмии действительно составили ко времени Артаксеркса II отдельную сатрапию, то это обстоятельство тоже служит существенным дополнением к рассмотренным выше данным о хорасмиях. Оно позволяет полнее проследить изменения, касающиеся положения хорасмиев в административной системе Персидской державы: в Парфянской сатрапии Гистаспа, достигшей максимальных размеров в начале правления Дария I, хорасмии были лишь одним из многих народов, входивших в ее состав; в той же сатрапии Артабаза во время Ксеркса I кроме самих парфов оставались только хорасмии; наконец, при Артаксерксе II хорасмии составили уже отдельную сатрапию.

Таковы данные античных авторов о хорасмиях. Наш краткий обзор и анализ этих данных, разумеется, не мог исчерпать всего их содержания. Сделанные здесь выводы во многом зависят от дальнейшего развития знаний о древнем Хорезме, в частности от успехов археологии.

[1] *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 98–103.
[2] *Пьянков И. В.* История Персии... С. 38.

4. ХОРАСМИИ ГЕКАТЕЯ МИЛЕТСКОГО*

Сообщение Гекатея Милетского о хорасмиях (конец VI в. до н. э.) — одно из древнейших письменных свидетельств о Хорезме, а в античной литературе — древнейшее. Письменные источники по древнему Хорезму вообще далеко не обильны, и сообщение Гекатея занимает среди них видное место. Но значение указанного сообщения не только в этом: оно задает историку довольно трудную загадку и даже заставляет поставить вопрос: что такое Хорезм в древнейшие времена, где располагалась эта страна? Между тем в русском переводе это сообщение, кажется, не появлялось[1] и многие наши общие работы по истории СССР и истории союзных среднеазиатских республик и даже некоторые специальные работы по древней истории Средней Азии его игнорируют. Поэтому, наверное, было бы не лишним подвергнуть указанное сообщение специальному разбору.

1. ФРАГМЕНТЫ СООБЩЕНИЯ ГЕКАТЕЯ О ХОРАСМИЯХ

Интересующее нас сообщение Гекатея сохранилось лишь во фрагментах — в передаче двух более поздних авторов: Афинея (II–III вв. н. э.) в его сочинении «Пир мудрецов» (Δειπνοσοφισταί) и Стефана Византийского (VI в. н. э.) в его сочинении «Описание племен» (Ἐθνικά). Нумерация этих фрагментов в трех последних изданиях Гекатея[2] различна: отрывок из Афинея — фрагмент 305 Nenci, 292a Jacoby, 173 Müller; отрывок из Стефана — фрагмент 306 Nenci, 292b, 293 Jacoby, 173 Müller.

Эти фрагменты — часть одного из сочинений Гекатея, «Землеописания» (Περιήγησις), а именно часть второй книги этого сочинения, известной под названием «Азия» (Ἀσίη).

Приводим текст и перевод интересующих нас фрагментов.

---

* Впервые опубликовано: Хорасмии Гекатея Милетского // Вестник древней истории. М.: Наука, 1972. № 2. С. 3–21.

[1] Пересказ его см. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 24; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 17.

[2] *Nenci G.* Hecataei Milesii fragmenta, Firenze, 1954. С. 87; *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 1. B., 1923 (далее — FGrH). S. 38; *Mülleri C. et Th.* Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1846 (далее — FHG). Vol. 1. P. 12. Далее номера фрагментов из Гекатея — там, где они не сопровождаются специальным указанием на издателя фрагментов, — будут приводиться по Якоби.

Текст	
Athen., II, 70 A—B:	Steph. Byz.:
Ἑκαταῖος δ'ὁ Μιλήσιος ἐν Ἀσίας Περιηγήσει...λέγει οὕτως... «Πάρθων πρὸς ἥλιον ἀνίσχοντα Χοράσμιοι οἰκοῦσι γῆν, ἔχοντες καὶ πεδία καὶ οὔρεα· ἐν δὲ τοῖσιν οὔρεσι δένδρεα ἔνι ἄγρια, ἄκανθα κυνάρα, ἰτέα, μυρίκη».	Χορασμίη[1]· πόλις πρὸς ἕω Πάρθων. Ἑκαταῖος Ἀσίης[2] Περιηγήσει· «ἐν δ'αὐτοῖσι[3] πόλις Χορασμίη[4]». αὐτοὶ δὲ Χοράσμιοι, ὡς αὐτός φησι· «Πάρθων πρὸς ἥλιον ἀνίσχοντα Χοράσμιοι οἰκέουσι[5]»[6]

Текст с критическим аппаратом приводим по FGrH. P. 38.

Примечания к тексту:
[1] χορασμίη Xylander — ίνη Steph.
[2] ἀσίας P.
[3] αὐτοῖς VP.
[4] χορασμίνη V.
[5] οἰκέουσι V, οἰκοῦσι P.
[6] Πάρθων — οἰκέουσι om R.
Перевод:

Перевод	
Athen., II, 70 A—B:	Steph. Byz.:
Гекатей же Милетский в описании Азии... говорит так: «...к востоку[2] от парфов живут хорасмии, занимающие и равнины[3] и горы. На тех горах растут дикие деревья[4], колючая кинара[5], ива[6], тамариск».	*Хорасмия: город к востоку от парфов. Гекатей в описании Азии говорит: «у них город[1] Хорасмия». О самих хорасмиях Гекатей говорит: «К востоку[2] от парфов живут хорасмии».*

Примечания к переводу:

[1] πόλις] «город», а также «страна, местность», «государство» и т. д. Здесь обычно переводится как «город», но ср. В. Томашек: «hier kann πόλις sowohl 'Staat, Gebiet' als auch 'Stadt' bedeuten»[1].

[2] πρὸς ἥλιον] буквально: «по направлению к восходу солнца».

[3] πεδία] «равнины», а также «поля, нивы». Здесь обычно переводится просто как «равнины», но ср. В. Томашек и А. Герман: «Sie... hätten Ackerland, Steppenebenen und auch Anhöhen inne»[2].

[1] *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien, I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 113; ср. *Он же*, Chorasmia // RE. III. 1899, col. 2406.

[2] *Tomaschek.* Chorasmia, col. 2406; перевод В. Томашека повторяет *A. Herrmann*, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets (AGW, Philol.-hist. Kl., N. F., Bd XV. № 4), B., 1914. S. 50.

[4] δένδρεα] здесь обычно переводится как «деревья», но у В. Томашека и А. Германа — «wilde Sträucher»[1].

[5] ἄκανθα κυνάρα] эти слова были предметом обсуждения уже в древности. У Гекатея они встречаются еще во фрагментах 291 (ἄκανθα κυνάρα) и 296 (κυνάρα). Афиней рядом с цитатами из Гекатея приводит и цитату из Софокла, который упоминает «колючку кинары» (κυνάρος ἄκανθα): «колючки кинары заполнили всю ниву»[2]. Грамматик Дидим считал, что Софокл здесь имел в виду шиповник (κυνόσβατος)[3]. Обычно эти слова переводят как «вид артишок» (cynara scolymus)[4], хотя иногда находят возможным переводить их и как «шиповник»[5]. В. Томашек и А. Герман переводят их просто как «Stachelgewachse»[6]. Э. Херцфельд сближает слово κυνάρα со ср.-перс. kunār «терн», но считает, что на самом деле здесь имелся в виду чинар (platanus orientalis)[7](?).

[6] ἰτέα] здесь обычно переводится как «ива», хотя Пирсон переводит «тополь (poplar)»[8].

Вопрос о подлинности и точности фрагментов

В александрийскую эпоху возникло сомнение по поводу авторства второй книги «Землеописания» Гекатея[9]. Об этом говорит и Афиней[10], цитируя ряд фрагментов из Гекатея (в том числе интересующие нас фрагменты). Дело, видимо, в том, что в Александрийской библиотеке имелся лишь один свиток с «Описанием Азии», причем на нем не было имени Гекатея Милетского[11].

Каллимах, хранитель Александрийской библиотеки (III в. до н. э.), в своих «Таблицах» (Πίνακες) (своего рода каталог библиотеки) приписал этот свиток некоему Несиоту[12]. Но Эратосфен, преемник Каллимаха (около 234–196 гг. до н. э.), основываясь на каких-то данных, определил его принадлежность Гекатею Милетскому[13]. Относительно имени Несиот (Νησιώτης, нарицательное значение — «островитянин») высказано много различных предположений. Одно время было распространено мнение, к которому присоединился и К. Мюллер[14], что Каллимах

[1] *Tomaschek.* Chorasmia, col. 2406; *Herrmann.* Op. cit. S. 50.

[2] *Sophocl.* Fr. 646, Nauck (*Athen.*, II, 70 A).

[3] *Athen.*, II, 70 C.

[4] Cynara silvestris у Кисслинга: *Kiessling*, Hyrkania, RE. 1914. HlBd XVII. Col. 458.

[5] Например, *L. Pearson.* Early Ionian Historians, Oxf., 1939. P. 80.

[6] *Tomaschek.* Chorasmia, col. 2406; *Herrmann.* Op. cit. P. 50.

[7] *Herzfeld E. E.* Zoroaster and his World, Princeton, 1947. P. 662 сл.

[8] *Pearson.* Op. cit. P. 80.

[9] *Wells J.* The Gemineness of the Γῆς Περίοδος of Hecataeus // JHS. XXIX. 1909. P. 45–46.

[10] *Athen.*, II, 70 B.

[11] *Jacoby F.* Hekataios (3) // RE. 1912. Bd VII. col. 2073; FGrH. S. 318.

[12] *Callimach.*, fr. 100d, 10, Schneider (*Athen.*, II, 70 B); ср. *Arr.*, Anab.V, 6, 5.

[13] *Eratosthen.* Fr. 1 B, 5, Berger (*Strabo*, I, 1, 11). Ср. *Knaack.* Eratosthenes (4) // RE. 1909. Bd VI. col. 367; *Jacoby*, Hekataios (3), col. 2673; FGrH. P. 318.

[14] FHG. P. XII–XIII; *Müller C.* Scriptorum de rebus Alexandri Magni fragmenta. P. 49, приложение к кн.: Arriani Anabasis et Indica / Ed. F. Dübner. P., 1877.

здесь имел в виду Гекатея Эретрийского (IV–III вв. до н. э.?) Но Ф. Якоби называет это предположение «törichte»[1] и считает, что «Несиот» — имя, которое стояло на свитке; Несиот мог быть владельцем его, мог быть и автором или обрабатывателем «Описания Азии»[2]. В последнее время высказано предположение, что слово «Несиот» появилось здесь всего лишь благодаря ошибке переписчика[3]. Однако как бы то ни было, большинство исследователей не сомневаются в том, что «Описание Азии» действительно отражает время Гекатея Милетского и не несет на себе сколько-нибудь серьезных следов поздней обработки.

Другая сторона вопроса — насколько точно передают нам текст этого «Описания Азии» Афиней и Стефан. Полное совпадение сходных цитат у Афинея и Стефана, которые не зависели один от другого, показывает, что цитация их была очень точной. Поэтому вряд ли можно согласиться с предположением Э. Херцфельда — неизвестно, на чем основанным, — будто описание страны хорасмиев (у Афинея) в первоначальном тексте относилось к Парфии[4].

2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СООБЩЕНИЯ ГЕКАТЕЯ О ХОРАСМИЯХ

Чтобы полнее уяснить смысл сообщения Гекатея, попытаемся прежде всего восстановить контекст его. В последних изданиях сочинения Гекатея интересующие нас фрагменты помещены между фрагментами сообщений о Гирканском море (fr. 304, Nenci; fr. 291, Jacoby) и гандариях (fr. 307–309, Nenci; fr. 294–295, Jacoby). Действительно, описание у Гекатея идет, как видно и из фрагмента о хорасмиях, с запада на восток.

Во фрагменте о Гирканском море говорится следующее: «Гекатей Милетский в описании Азии… говорит так: Вокруг так называемого Гирканского моря горы высокие и густо поросшие лесами, а на тех горах [растет] колючая кинара». Здесь же должны были упоминаться гиркании и парфы, жившие близ Гирканского моря; ср. слова Страбона о Парфии: «Она покрыта густыми лесами и гориста»[5]. Фрагмент о хорасмиях, обитавших к востоку от парфов, бесспорно, является непосредственным продолжением данного фрагмента[6]. Краткое резюме этой части сочинения Гекатея можно найти в выдержке из речи, вложенной Аррианом в уста Александра (при сочинении таких речей историки Александра вполне могли пользоваться сведениями из различных географических описаний, в данном случае восходящими к Гекатею), где говорится о «парфиеях, хорасмиях и гирканиях до Каспийского моря»[7]; здесь нужно лишь переставить вторую часть

[1] *Jacoby F.* Hekataios (2) // RE. 1912. Bd VII. col. 2667.

[2] Idem. Hekataios (3), стб. 2673.

[3] *Nenci G.* Callimaco e la periegesi di Ecateo, in Ateneo II, 70 A // La Parola del Passato (Napoli). 1951. Vol. VI. N 19. P. 356–360.

[4] *Herzfeld.* Op. cit. P. 662.

[5] *Strabo* XI, 9, 1.

[6] *Jacoby.* Hekataios (3), стб. 2725; *Kiessling.* Op. cit., col. 470; *Herzfeld.* Op. cit. P. 662.

[7] *Arr.* Anab. VII, 10, 6.

выдержки, начиная с «гирканиев», на первое место. Путь в страну этих народов шел (из Мидии) через Каспийские ворота, также упомянутые у Гекатея[1].

Во фрагментах о гандариях говорится: (307, 294a) «Гандары. Индийский народ: Гекатей в [описании] Азии. Они названы у него и гандариями, а область их Гандарикой» (308, 294b) «Гандры… Гекатей же называет их гандарами» (309, 295), «Каспапир. Гандарский город, напротив[2] скифов. Гекатей в [описании] Азии». Эти фрагменты дополняет Геродот, заимствовавший у Гекатея: «Другие инды обитают близ города Каспатира и Пактийской области, на север от остальных индов, и ведут образ жизни, близкий к бактрийскому», и далее: «[Дарий] послал на судах Скилака-кариандца вместе с теми, в чью правдивость он верил, разведать [куда впадает Инд]. Отправившись от города Каспатира и Пактийской земли, они поплыли вниз по реке на восток, к морю…»[3]. О самой реке Инд говорится: «[Гекатей пишет] также, что по реке Инд растет кинара»[4]. Между фрагментами о хорасмиях и индийском народе гандариях — налицо лакуна. Из сохранившихся отрывков описания гандариев видно, что по крайней мере перед этим описанием говорилось о бактрийцах, иначе ссылка на образ жизни бактрийцев не имела бы смысла (у самого Геродота ничего о нем не говорится)[5].

Итак, из сопоставления фрагментов, составляющих ближайший контекст к сообщению о хорасмиях, вытекает, что в этой части сочинения Гекатея говорилось о ряде народов, обитающих на пространстве от Гирканского моря до Инда, с запада на восток: о гирканиях у Гирканского (Каспийского) моря, парфах и хорасмиях, причем через земли всех этих народов проходили горы, густо поросшие лесом; затем о бактриях и гандариях; при этом пока не ясно, упоминались ли бактрии сразу вслед за хорасмиями.

Дальнейшие дополнения к указанным фрагментам дают некоторые выдержки из Эратосфена, а именно его сообщения о дороге, идущей от Гиркании к Бактрии, с запада на восток, и о горном хребте в тех же краях.

О дороге Арриан, заимствуя у Эратосфена, говорит так: «Страна Гиркания лежит влево от дороги, ведущей в Бактры. Ее закрывают высокие лесистые горы…»[6]. Соответствующий фрагмент сочинения Эратосфена, известный в разных вариантах в различных цитациях, гласит следующее; первый вариант: «От Амиса, направляясь к равноденственному востоку, сначала прибудем в Колхиду, затем к горному проходу у Гирканского моря, а вслед за этим — дорога к Бактрам и скифам по ту сторону их, причем горы остаются вправо»; второй вариант: «Кто

[1] *Hec.* Fr. 286 (*Steph. Byz.*, s. v. Μηδία).

[2] В тексте: ἀκτή, «берег (морской или речной)», а также «выступ суши, мыс, полуостров». Это слово вызывает трудности в толковании фрагмента и породило множество различных объяснений в научной литературе. Для него было предложено исправление, принятое и в последних изданиях фрагментов сочинений Гекатея (Nenci, Jacoby): ἀντίη «напротив».

[3] *Herod.* III, 102; IV, 44. Об отношении данных сообщений Геродота к фрагментам из Гекатея см. нашу рецензию (ВДИ. 1969. № 4. С. 171 сл.) на кн. *Daffinà P.* L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967.

[4] *Hec.* Fr. 296 (*Athen.* II, 70 B).

[5] *Jacoby*. Hekataios (3), col. 2682, 2725.

[6] *Arr.* Anab. III, 23, 1.

утверждал относительно расстояния от Амиса через колхов и Гирканию вплоть до бактриев и [людей] по ту сторону их, населяющих [страну] до восточного моря, что оно идет по прямой линии к равноденственному востоку и вдоль гор, остающихся вправо от него?»; третий вариант: «Плавание из Амиса в Колхиду идет в направлении к равноденственному востоку… Такое же [направление имеют] проход у Каспийского моря и затем дорога вплоть до Бактр»[1].

Относительно источников этого сообщения Эратосфена можно извлечь следующее. Прежде всего явствует, что оно не было почерпнуто у Патрокла (автор времени Александра)[2]. И действительно, ни Александр, ни его отряды не проходили по прямой дороге от Гиркании в Бактрию; между тем Эратосфен здесь ссылается на людей, побывавших на месте (ὑπὸ τῶν ἐν τοῖς τόποις γενομένων)[3]. Эти сведения Эратосфен получил из сочинений, имевшихся в Александрийской библиотеке[4], а среди них было и «Описание Азии» Гекатея, как мы видели выше. Некоторые детали его сообщения показывают, что оно действительно восходит к Гекатею[5]. Данные об этой дороге Эратосфен использовал для своей карты: основываясь на них, он проводит одну из своих параллелей (от Лисимахии до Бактр)[6].

О горном хребте Эратосфен говорит следующее: «Гора Тавр делит Азию; она идет от мыса Микале, находящегося против острова Самос, перерезает Памфилийскую и Киликийскую землю, доходит оттуда до Армении; от армениев же идет к Мидии, вдоль [земли] парфиеев и хорасмиев[7]; в [земле] бактриев она смыкается с горой Паропамис, которую македоняне, воины Александра, назвали Кавказом… Этот Кавказ простирается до индов и великого моря, лежащего к востоку»[8]. Представление о хребте, делящем всю Азию, Эратосфен

[1] *Eratosthen.* Fr. III A, 2, 11, Berger (*Strabo*, II, 1, 3, 5, 11).

[2] *Strabo* II, 1, 5.

[3] *Eratosthen.* Fr. III A, 8, Berger (Strabo, II, 1, 5, p. 69).

[4] *Strabo* II, 1, 5.

[5] Интересно в сообщении Эратосфена указание на скифов «по ту сторону» (ἐπέκεινα) бактриев. Прямым пояснением к этому указанию могут служить слова Каллисфена о том, что река Аракс отделяет бактрианов от скифов (FGrH. *Callisthen.* Fr. 38) (*Strabo* XI, 14, 13, p. 531). В данном фрагменте из Каллисфена имеется ссылка на Геродота, но у Геродота такой детали нет. Ясно, что Каллисфен здесь соединил сведения Геродота с сообщением какого-то другого автора (возможно, что у Каллисфена имелась ссылка и на этого второго автора, но в цитате Страбона она не сохранилась). Судя по упоминанию скифов и особенно Аракса как границы между бактрийцами и скифами, это сообщение может принадлежать лишь Гекатею; ср. *Junge J.*, Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike («Klio», Beiheft 41). Lpz., 1939. S. 24–25, 27.

[6] *Eratosthen.* Fr. III A, 22, Berger (Strabo II, 5, 40).

[7] В тексте παρὰ Παρθυαίους τε καὶ Χωρασμίους. Кисслинг переводит: «между парфиеями [на юге] и хорасмиями на [севере]» (Op. it., col. 486–487). Однако вряд ли можно согласиться с таким переводом. Παρὰ в данном случае (cum. acc.) при обозначении пространственных отношений, имеет смысл: «вдоль, по направлению к, близ». Сличение с фрагментом из Гекатея показывает, что здесь имеется в виду последовательное расположение народов.

[8] *Eratosthen.* Fr. III A, 5, Berger (*Arr.* Anab. V, 5, 2–4; *Eustath.* Ad Dion. Per. 638). Ср. *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambr., 1951. P. 478. Данная выдержка из Арриана безусловно должна принадлежать Эратосфену; ср. еще слова Эратосфена о Кавказе (*Arr.* Anab. V, 3, 1–3). Сообщения Эратосфена о Тавре см. также: *Eratosthen.* Fr. III A, 2, Berger (*Strabo* II, 1, 1); 3, Berger (*Strabo* II, 1, 33, p. 86); 4, Berger (*Arr.* Ind. 2, 2–3); 6, Berger (*Arr.* Anab. V, 6, 1); 7, Berger (*Dion. Per.* 638 c).

заимствует у своего предшественника Дикеарха (конец IV в. до н. э.)[1]. Но Эратосфен ссылается и еще на какого-то автора, изобразившего хребет в восточной его части, от Киликии до Индии, сильно отклоняющимся к северу[2]. Прямо этот автор не назван, он скрывается под неопределенной ссылкой «древние» (οἱ ἀρχαῖοι)[3]; ссылается Эратосфен и на его «древнюю географическую карту» (ὁ ἀρχαῖος γεωγραφικὸς πίναξ)[4]. Дикеархом этот автор не может быть; это, скорее всего, Эфор (середина IV в. до н. э.)[5]. В сообщении Эратосфена — Дикеарха явственны следы географических воззрений македонской эпохи; об этом свидетельствует само представление о хребте Тавр-Кавказ, делящем всю Азию. Но конкретные сведения о восточной части хребта, от парфиев до индов, не могли быть заимствованы у авторов времени Александра и не соответствуют условиям, существовавшим ко времени македонских походов. Тем более это относится к сведениям Эфора, жившего до походов Александра. По-видимому, сведения всех этих авторов в конечном счете восходят к Гекатею; Эфор, чисто компилятивный автор, приспособил их к своей концепции; Дикеарх и Эратосфен использовали те же данные для противопоставления их карте Эфора. Эти данные Дикеарх и вслед за ним Эратосфен использовали для своих карт: они вошли составной частью в их концепцию о хребте, тянущемся в прямом направлении через всю Азию, а представление об этом хребте, в свою очередь, навело на мысль провести через него основную параллель (диафрагму), делящую всю карту (от Геракловых столбов до Индии) на две части, северную и южную[6].

Итак, теперь мы можем приблизительно представить, как первоначально выглядело у Гекатея описание хорасмиев в окружающем его контексте. Здесь описывалась дорога, шедшая в направлении «к равноденственному востоку» (ἐπὰ ἰσημερινὰς ἀνατολάς), т. е. прямо на восток. Она вела из Мидии через Каспийские ворота (Κασπίαι πύλαι Гекатея); тут высокие горы находились влево от дороги, за ними простиралась земля гирканиев (Ὑρκάνιοι) и Гирканское, или Каспийское, море (Гекатей, видимо, употреблял и то и другое название, Ὑρκανίη θάλασσα и Κασπίη θάλασσα). Сначала дорога шла по земле парфов (Πάρθοι Гекатея), также гористой, затем по земле хорасмиев (Χοράσμιοι Гекатея), где были и горы, и равнины; здесь же находился город Хорасмия (Χορασμίη Гекатея). Далее дорога шла по земле бактриев (Βάκτριοι), причем тут горы оказывались справа, а затем вступала в землю гандариев (Γανδάριοι Гекатея), где начиналось от города Каспапира (Κασπάπυρος Гекатея) плавание по реке Инд (Ἰνδός Гекатея), с обеих сторон которой тянулись горы. Горы, видимо, на всем протяжении густо поросли лесом, где была и колючая кинара; для гор хорасмиев, кроме того, указываются ива и тамариск. Взаимное расположение всех этих народов было,

[1] Ср. Дикеарх у *Agathem.*, I, 5.

[2] *Eratosthen.* Fr. III A, 2, Berger (*Strabo* II, 1, 2).

[3] *Strabo* II, 1, 11.

[4] *Eratosthen.* Fr. III A, 2, Berger (*Strabo* II, 1, 2); ср. Гиппарх у *Strabo* II, 1, 11.

[5] *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz., 1880. S. 174 сл.; *Кпааск.* Ук. соч., стб. 369.

[6] Дикеарх у *Agathem.* 1,5; *Eratosthen.* Fr. III A, 2, Berger (*Strabo* II, 1, 1); 21, Berger (*Strabo* II, 5, 39).

возможно, показано на карте Гекатея[1], как это было сделано на «медной карте» (χάλκεος πίναξ), которую показывал Аристагор Милетский, современник Гекатея[2].

3. ИСТОЧНИК

Из какого источника почерпнул Гекатей свои знания об этих отдаленных областях? Сведений о пребывании там самого Гекатея не имеется. Но у него, как мы видели, содержится ссылка на Скилака, который и совершил плавание по Инду; возможно, что ссылка Эратосфена на людей, побывавших на месте, сделанная в связи с описанием дороги от Гиркании в Бактрию, содержалась уже у Гекатея и также относилась к Скилаку.

Кариец Скилак из Карианды по поручению Дария I совершил путешествие по Инду и вдоль южных берегов Ирана. Время этого путешествия определяется поразному, но обычно в пределах между 519 и 512 гг. до н. э.[3]. Скилак написал отчет о нем, предназначавшийся для царя; греческий вариант этого отчета, оформленный в виде перипла или периегесы, был, видимо, малодоступен, во всяком случае, Геродот знает его лишь через посредство Гекатея. Естественно ожидать, что в сочинении Скилака описывалось не только плавание по Инду и морю, но и дорога к Инду. Описание этой дороги и послужило источником для восстановленного выше отрывка из сочинения Гекатея, в том числе для сообщения о хорасмиях[4].

Среди фрагментов сочинения Скилака сохранился лишь один, который можно сопоставить по содержанию с приведенными выше фрагментами из Гекатея. В нем говорится следующее: «Скилак… пишет: земля орошена источниками и каналами, а на горах растет кинара и другая трава. И далее: отсюда высокие горы простираются с той и другой стороны реки Инд[5], густо поросшие диким лесом и колючей кинарой»[6].

Фрагмент из Гекатея об Инде выглядит как краткая ссылка на соответствующее сообщение Скилака, а в целом описание Гекатеем горного хребта вдоль дороги к Инду явно обнаруживает тот же стиль, который свойствен и описанию гор у Скилака:

---

[1] О наличии карты у Гекатея см. *Agathem.* I, 1; *Jacoby.* Hekataios (3), col. 2690.

[2] *Herod.* V, 49.

[3] *Gisinger F.* Skylax (2) // RE. 1927. Hlbd V (R. 2), col. 621.

[4] Большинство исследователей согласно с тем, что к Скилаку восходят у Гекатея не только сведения об Индии, но и о Гирканском море и хорасмиях; см. *Gisinger.* Op. cit. стб. 629; *Jacoby*, Hekataios (3), стб. 2698; *Herzfeld.* Op. cit. P. 662–664; *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. 2 ed. Chicago, 1960. P. 145, прим. 41; *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 69. Выдвигалось предположение, что Гекатей заимствовал у Скилака через посредство какого-то автора, сокращенно изложившего перипл Скилака, — см. *Reese W.* Die griechischen Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen; eine Sammlung der Berichte und ihre Untersuchung. Lpz., 1914. S. 56–57. Предположение о том, что Скилак писал после Гекатея (*Kiessling.* Op. cit., col. 472), справедливо отвергается — см. FGrH. P. 365.

[5] Слова τοῦ Ἰνδοῦ в рукописи отсутствуют, но стоят на полях.

[6] *Scyl.* Fr. 92, Preller (*Athen.* II, 70 B).

Hec., fr. 291	Scyl., fr. 92
οὔρεα ὑψηλὰ καὶ δασέα ὕλησιν, ἐπὶ δὲ τοῖσιν οὔρεσιν ἄκανθα κυνάρα	ὄρος…ὑφηλόν τε καὶ δασὺ ἀγρίῃ ὕλῃ καὶ ἀκάνθῃ κυνάρᾳ
Hec., fr. 292a	Scyl., fr. 9
ἐν δὲ τοῖσιν οὔρεσι δένδρεα ἔνι ὕγρια, ἄκανθα κυνάρα, ἰτέα, μυρίχη	ἐν δὲ τοῖς οὔρεσι πέφυκε κυνάρα καὶ βοτάνη ἄλλη

4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Сообщение Гекатея показывает, что в конце VI в. до н. э. дорога, проходившая от прикаспийских областей к Инду с запада на восток, между парфами и бактриями, пролегала по земле хорасмиев. Если перевести это показание Гекатея на современную карту, то получится, что в те времена хорасмии занимали восточную часть Туркмено-Хорасанских гор и долину Теджена-Герируда, может быть включая и район Герата (если дорога шла через Герат, как в настоящее время и как это было еще в эллинистическую эпоху)[1]. Правда, Кисслинг считает, что горы хорасмиев, судя по их описанию, могут быть лишь горами Паропамиза, в северных предгорьях которого, за Мургабом, растет много тамариска, а не Туркмено-Хорасанскими горами, совершенно голыми и сухими[2]. Но такая характеристика последних, не вполне справедливая даже для нашего времени, тем более неприменима для древности, когда, судя по многим данным, растительность в этих районах была более обильной; что касается тамариска, то еще Ибн-Русте специально отмечал его обилие в местности между Серахсом и Абивердом[3].

Есть и ряд других сообщений, независимых от Гекатея, в которых хорасмии локализуются подобным же образом. Мы имеем в виду следующее: аналогичное сообщение о восточных народах, основанное на данных о той же дороге, которую описывал и Гекатей; легенду о реке Акес; сообщения о восточных народах в ахеменидских административных списках.

Первое сообщение принадлежит Ктесию (конец V в. до н. э.). В одном из фрагментов его сочинения «Персика» говорится, что в качестве приложения к этому сочинению было дано «число стоянок, дней и парасангов от Эфеса до Бактр и Индии»[4]. Образцом для Ктесия здесь, видимо, послужил Геродот, кото-

[1] *Strabo*. IX, 8, 9; XV, 2, 8; *Ptol*. Geogr. I, 12, 7.

[2] *Kiessling*. Op. cit., col. 455, 470–471.

[3] *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938. P. 7.

[4] *Ctes.* Fr. 33, Jacoby (*Phot.* Pers. § 76).

рый именно так описывал путь от Эфеса до Суз[1]; Ктесий продолжил его описание рассказом о дороге от Суз до Бактр и Индии. Сведения о восточных областях Ктесий, видимо, получал от ближайшего окружения Парисатиды (не исключено, что и от самой Парисатиды[2]), матери правившего тогда царя, жившей в свое время в Гиркании вместе с мужем, еще до воцарения последнего (424 г. до н. э.)[3].

Этот итинерарий не сохранился, но, видимо, был использован Ктесием в сочиненной им истории о походах царя Нина; в ней можно даже проследить отдельные куски из итинерария: так, Нин на пути из Сузианы в Бактриану прошел «так называемую Каспиану, в которую ведет весьма узкий проход, поэтому и называемый Каспийскими воротами»[4]; дорога на равнину самой Бактрии идет через узкие проходы в горах[5]. К сожалению, перечень народов от Каспийских ворот до Бактрии, покоренных Нином, дан не в географической последовательности, а просто повторяет (в обратном порядке) последовательность покорения их Киром (по рассказу того же Ктесия). Перечень тех же народов в завещании Кира дан в другой, географической, последовательности; здесь говорится, что Кир сделал Таниоксарка «владетелем бактриев, хорасмиев или хорамниев[6], парфиев и карманиев»[7]. Здесь хорасмии оказываются между бактриями и парфами. Таким образом, и у Ктесия, независимо от Гекатея, хорасмии локализуются в тех же местах (может быть, включая и район Герата, так как ареи не упоминаются у Ктесия), как и у этого последнего.

Знаменитая легенда о реке Акес изложена у Геродота[8]. О своем источнике Геродот говорит сам: «как я знаю по услышанному» (ὡς δ' ἐγὼ οἶδα ἀκούσας). Предполагают, правда, и здесь заимствование у Гекатея (по крайней мере описания страны)[9], но, видимо, правильнее будет считать, что Геродот имел в данном случае самостоятельный устный источник и использовал его как бы для дополнения к описанию хорасмиев у Гекатея[10].

Реку Акес чаще всего отождествляют с Тедженом-Герирудом[11], реже — с Амударьей[12]. Иногда с первой точкой зрения сочетается предположение, что в леген-

---

[1] *Herod.* V, 52–54.

[2] Ср. *Ctes.* Fr. 15, Jacoby (*Phot.* Pers. § 51).

[3] *Ctes.* Fr. 15, Jacoby (*Phot.* Pers. § 47).

[4] *Ctes.* Fr. lb, Jacoby (*Diod.* II, 2, 3).

[5] *Ctes.* Fr. lb, Jacoby (*Diod.* II, 6, 1, 3).

[6] В тексте Βακτρίων καὶ τῆς χώρας καὶ Χωραμνίων; место испорчено и толкуется по-разному: одни вообще исключают слова καὶ τῆς χώρας; другие читают Βακτρίων τῆς χώρας; третьи предполагают пропуск между τῆς и χώρας. Возможно, что здесь мы имеем искажение первоначального текста, где фигурировали хорасмии: Βακτρίων καὶ Χωρασμίων ἢ Χωραμνίων? О хорамниях и их отношении к хорасмиям см. в нашей диссертационной работе «Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия», с. 127–158 рукописи.

[7] *Ctes.* Fr. 9, Jacoby (*Phot.* Pers. § 8).

[8] *Herod.* III, 117.

[9] См., например: *Kiessling.* Op. cit., col. 470–471; *Markwart.* Wehrot und Arang. P. 11.

[10] См., например: FGrH. P. 365; *Pearson.* Op. cit. P. 80.

[11] Одно из последних обоснований такой точки зрения см. в работе: *Массон В. М.* Еще раз о Геродотовой реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 172–175.

[12] См., например, *Толстов.* Ук. соч. С. 43–45; *Olmstead.* Op. cit. P. 47.

де об Акесе отражены также предания об озерной и речной системе Сеистана[1]. Однако, вернее всего, Акесу вообще нет реального соответствия на карте[2]. Видимо, в легенде отразились какие-то смутные географические представления, дошедшие в мифическом преломлении, а с ними соединены и приспособлены к ним вполне реальные сведения об ирригационных сооружениях, за пользование которыми царь взимает налог.

Первая часть рассказа об Акесе гласит: «Есть в Азии равнина, окруженная со всех сторон горами, и в тех горах имеется пять ущелий. Эта равнина некогда принадлежала хорасмиям, находясь на границах самих хорасмиев, а также гирканиев, парфов, сарангеев и фаманеев, но с того времени как персы возымели власть, она принадлежит [персидскому] царю. Итак, от этих окружающих равнину гор течет большая река, называемая Акес. Прежде эта [река], разделяясь на пять [рукавов] и проходя через каждое ущелье к каждому [из народов], орошала земли названных [народов]». Видимо, в основе этого сообщения находится представление о каком-то огромном хребте на востоке Азии, с которого текут крупные реки. Действительно, вскоре в греческой географии это представление появляется в более четко оформленном виде — сообщения о горе Парнасс[3]. Слова о равнине, окруженной горами и находящейся в центре между перечисленными народами, намекают на Арею. Именно как равнину, окруженную горами, характеризует эту область Страбон[4].

Вторая часть рассказа: «С тех пор как [народы эти] перешли под власть персов, они претерпели следующее. Горные ущелья царь запер, поставив к каждому ущелью ворота. Выход воде был закрыт, и равнина между горами превратилась в море[5], так как река, вытекая [на нее], нигде не имела стока. Те, которые ранее имели обыкновение пользоваться водой, не могут более пользоваться ею и испытывают великие лишения. Потому что зимой божество ниспосылает им дождь, как и другим людям, летом же, сея просо и сезам, они нуждаются в воде. Поэтому, когда вода больше не поступает к ним, они отправляются в Персию — сами и [их] жены, — встают у дверей царского дворца и взывают [к царю], громко вопя. Тогда царь приказывает, чтобы наиболее нуждающимся из них открыли ворота — те, которые ведут к ним. Когда земля их вдоволь насыщается влагой, эти ворота закрывают, а [царь] приказывает открыть другие — для тех, которые нуждаются более остальных. Как я знаю по услышанному, [царь] взимает большие средства за открытие [ворот] — помимо дани».

---

[1] *Markwart*. Wehrot und Arang. P. 7–17; так считал еще *Tomaschek*. Akes // RE. 1894. Bd 1, col. 1162. О связи легенды об Акесе с преданиями об озерной и речной системе Сеистана см. также *Christensen A.* Les Kayanides («Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab». Hist.-filol. Meddelelser. Bd XIX. № 2), København, 1931. P. 86–87.

[2] Ср. *Bunbury E. H.* A History of Ancient Geography. 2 ed. N. Y., 1959. P. 249. Часто сближают название «Акес» с названиями «Ох» или «Окс». Но «Акес» (Ἄκης прототип должен восстанавливаться как Aka-, Āka-; *Tomaschek*, Akes, col. 1162) не может иметь ничего общего ни с «Охом» (Ὦχος, др.-иран. Vahu-), ни с «Оксом» (Ὦξος, др.-иран. Vaxšu-).

[3] *Arist.* Meteor. I, 13, 15–16; ср. Dion. Per., 736.

[4] *Strabo* XI, 10, 1.

[5] В тексте *πέλαγος* — «море, открытое море, морской простор, бездна».

Здесь в основе — отражение вполне реального явления: перехода от естественного орошения к искусственному, сопровождающегося сооружением сложных ирригационных устройств, в том числе водохранилищ. Такой переход, по данным археологических исследований на Мургабе, действительно имел место при Ахеменидах, примерно в середине V в. до н. э.[1], и не случайно именно у Геродота появляются сведения о нем. Ирригационное сооружение могло быть, например, такого типа: водохранилище окружено естественной возвышенностью или насыпью, которая поочередно прокапывается для отведения воды на те или иные поля[2]. Но такое сооружение могло быть на любой реке в землях перечисленных народов. В легенде же, видимо, обобщенное его описание было соединено с общим описанием страны и в результате получилось: водохранилищем стала равнина, окруженная горным хребтом (Арея?), а протоками, через которые вода подается на поля, — сами реки, текущие с горного хребта в земли перечисленных народов.

Как мы видели, в легенде также имеется перечень реальных народов. Возможно, он связан с данными о налоговом обложении в Ахеменидском государстве, что как будто подчеркивается в конце рассказа Геродота. Видимо, Геродот имел сведения, что именно хорасмии, гиркании, парфы, сарангеи, фаманеи [и ареи?] вносили особую плату за пользование ирригационными сооружениями помимо обычной дани. По данным Геродота (восходящим, по-видимому, к Гекатею), хорасмии, парфы [с гирканиями?] и ареи входили в один податной округ[3]. По данным Страбона (восходящим к более позднему автору, чем Гекатей), Парфия и Гиркания, с одной стороны, Арея и Дрангиана (=сарангеи и фаманеи Геродота), — с другой, вместе платили дань[4]. Итак, и в легенде об Акесе хорасмии локализуются рядом с парфами и гирканиями, а также, видимо, с Ареей, причем указывается, что эта последняя (?) ранее принадлежала хорасмиям.

Списки народов в документах ахеменидского времени приводятся у античных авторов и в древнеперсидских надписях.

Геродот упоминает хорасмиев в списке податных округов (сатрапий) и в списке военных отрядов Ксеркса (также, видимо, отражающих состав сатрапий). Первый список был заимствован у Гекатея, может быть, через посредство Дионисия Милетского, и восходит к официальному персидскому документу, который, нужно полагать, хранился в Милете, центре ионийской сатрапии[5]. Второй список, видимо, заимствован у Дионисия Милетского, современника похода Ксеркса в Грецию, и восходит также к официальному документу[6] (опись войска Ксеркса была составлена писцами в Дориске во Фракии)[7].

---

[1] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73. С. 92, 156, прим. 139, ср. с. 48.

[2] Подобные сооружения позже также известны, они имеются и поныне, например на Мургабе и Теджене; см. *Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 156; *Он же.* Еще раз о Геродотовой реке Акес. С. 174–175.

[3] *Herod.* III, 93.

[4] *Strabo.* XI, 9, 1; 10, 1.

[5] *Lehmann-Haupt.* Satrap // RE. 1921. Hlbd III (R. 2), col. 94–95; *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956. С. 340–343.

[6] *Lehmann-Haupt.* Op. cit., стб. 128.

[7] *Herod.* VII, 59, 100.

В первом списке говорится: «Парфы, хорасмии, согды и ареи платили триста талантов. Это шестнадцатая область»[1]. Второй список сообщает: «Парфы, хорасмии, согды, гандарии и дадики шли в поход, имея то же вооружение, что и бактрии. Предводительствовали ими следующие: парфами и хорасмиями Артабаз, [сын] Фарнака...». Об ареях здесь же сообщается: «Ареи были вооружены индийскими луками, но во всем остальном [были] как бактрийцы. Ареями предводительствовал Сисамн, [сын] Гидарна»[2]. Здесь в обоих случаях хорасмии упоминаются вслед за парфами, причем во втором случае эти народы составляют одно объединение.

Древнеперсидские надписи упоминают Хорасмию в числе «стран» (dahyāva), соответствующих «народам» (ἔθνεα) списков Геродота. Хорасмия названа в группе шести стран, занимающих неодинаковое положение в разных надписях. В двух надписях Дария — Бехистунской и из Суз — эта группа занимает места соответственно с 13-го по 18-е и с 12-го по 17-е, между Каппадокией (Katpatuka) и Гандарикой (Ga[n]dāra)[3]. В надписи Дария из Персеполя она занимает места с 12-го по 17-е, между Сагартией (Asagarta) и Саттагидией (Θataguš)[4]. В другой надписи Дария из Суз и в надписях Дария из Накши-Рустама она занимает места с 3-го по 8-е, между Сузианой (Uvja) и Арахозией (Harauvatiš)[5]. Наконец, в надписи Ксеркса из Персеполя эта группа занимает места с 5-го по 10-е между Арменией (Armina) и Вавилонией (Bābiruš)[6]. Порядок перечисления стран в самой группе меняется. В первых двух надписях он таков: Парфия (Parθava), Дрангиана (Zra[n]ka), Арея (Haraiva), Хорасмия (Uvārazmiš), Бактрия (Bāxtriš), Согдиана (Suguda). В третьей надписи Хорасмия переставлена на последнее место. В следующих надписях Дария сделано еще одно изменение: на последнее место, за Хорасмией, была перенесена Дрангиана[7]. Наконец, в надписи Ксеркса этот порядок перечисления опять изменен: Дрангиана перенесена на 1-е место. Таким образом, Хорасмия в перечнях стран в древнеперсидских надписях занимает место не в строгом соответствии со своим географическим положением. Но в надписях есть одно указание, которое может быть использовано для локализации упомянутой в них Хорасмии. В надписи Дария о постройке дворца в Сузах говорится, что для строительных работ использован «драгоценный камень axšaina, он был принесен из Хорасмии»[8]. Слово axšaina обычно переводится как «бирюза»[9], а классические, известные с древности месторождения бирюзы на-

[1] *Herod.* III, 93.

[2] *Herod.* VII, 66.

[3] DB. 1, 16; DSm, 8–9.

[4] DPe. 15–17.

[5] DSe. 21–23; DNa, 22–24; DN, 4–[9] = A? P, 4–9.

[6] XPh. 20–22.

[7] Несколько иной порядок перечисления в Суэцкой надписи Дария (DZ); она была составлена на четырех языках, но список стран сохранился лишь в египетской версии. Здесь места с 4-го по 7-е, между Сузианой и Арахозией, занимают Арея, Парфия, Бактрия, Согдиана; Дрангиана занимает 9 место, Хорасмия — 11-е (между Саттагидией и саками).

[8] DSf. 39–40.

[9] *Kent R. G.* Old Persian Grammar. Texts. Lexicon, 2 ed. (American Oriental Series. Vol. XXXIII), New Haven, 1953. P. 165; *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 101.

ходятся около Нишапура; конечно, бирюзу могли добывать и где-нибудь севернее[1], но было бы странно, если бы ее доставляли оттуда, минуя ближе расположенные к Сузам знаменитые нишапурские месторождения. Это сообщение как будто намекает, что и Хорасмия древнеперсидских надписей располагалась в восточной части Туркмено-Хорасанских гор.

Хорасмия упоминается еще в Авесте, в одном из Яштов, а именно в Митра-Яште. Это вообще один из древнейших Яштов[2], а строки, в которых упоминается Хорасмия, относятся к числу самых ранних даже в пределах этого Яшта; считается, что они возникли где-то в восточноиранских землях еще в дозороастрийское время[3]; впрочем, возможно, что Яшт был составлен в том виде, как он дошел до нас, несколько позже — во второй половине V в. до н. э.[4]. Если это действительно так, то упоминаемая в нем Хорасмия должна быть той же самой, о которой шла речь и в приведенных выше сообщениях. В интересующих нас строках говорится[5], что Митра впереди «бессмертного быстроконного солнца», с горных вершин на востоке, обозревает всю населенную ариями землю, «где храбрые правители устраивают многочисленные набеги, где высокие, обильные водой[6] горы с обширными пастбищами снабжают кормом[7] скот, где находятся глубокие озера с волнующимися водами, где судоходные[8] реки мчатся далеко бурным потоком к Ишкате и Паруте[9], Маргиане, Арее и Согдийской Гаве, и Хорасмии[10]». Ишката здесь — Западный Гиндукуш[11], Парута — Восточный Паропамиз (в верховьях Герируда)[12], идентификация остальных названий ясна.

---

[1] См., например, *Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д.* Кызылкумская бирюза. (Из истории добычи и обработки) // СЭ. 1965. № 2. С. 114–134.

[2] См., например, *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // ArOr. 1956. XXIV. № 1. С. 24, прим. 2; *Christensen.* Op. cit. P. 11, 14; *Он же.* Quelques notices sur les plus anciennes périodes du zoroastrisme // AcOr. 1925. Vol. IV. II. P. 106.

[3] *Christensen.* Les Kayanides. P. 15; *Idem.* Quelques notices… P. 109; *Он же.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-filol. Meddelelser. Bd XXIX. N 4). København, 1943. P. 67; ср. *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra (Univ. of Cambr. Oriental publ. N 4). Cambr., 1959. P. 22–23; *Kuiper F. B. J.* Remarks on «The Avestan Hymn to Mithra» // Indo-Iran. Journal (The Hague). 1961. Vol. V. N 1. P. 44.

[4] *Gershevitch.* Op. cit. P. 3, 22–25. Правда, фонетический облик названий стран (в том числе и Хорасмии) в отрывке из этого Яшта, который приводится ниже, выглядит более поздним, но это можно отнести за счет последующих редакций Авесты.

[5] Yt. X, 13–14. Приведенный здесь перевод, разумеется, не претендует на полную точность. В тексте очень много спорных мест, важнейшие из них мы приводим ниже. В основу данного перевода положен перевод И. Гершевича (Op. cit. P. 79, 81).

[6] В тексте āfəntō, по И. Гершевичу — «sheltering», по Х. Бартоломе — «rich in waters» (*Gershevitch.* Op. cit. P. 172–174).

[7] В тексте θātairō, по И. Гершевичу — «solicitous», по Х. Бейли — «grass, fodder» (*Gershevitch.* Op. cit. P. 174).

[8] В тексте nāvayā, перевод «судоходные» — не общепринятый.

[9] В тексте ā išкatəm pourutəmča, по Х. Бартоломе, эти слова имеют нарицательное значение, «hin zu Fels und Berg». Ср. *Gershevitch.* Op. cit. P. 175.

[10] В тексте ā išкatəm pourutəmča mourum hārōyum gaomča suxδəm xvāirizəmča, по И. Гершевичу «towards Parutian Iskata, Haraivian Margu, Sogdian Gava and Chorasmia» (Op. cit. P. 81, 174, 176).

[11] *Christensen.* Le premier chapître du Vendidad… P. 66; ср. *Gershevitch.* Op. cit. P. 174 сл.

[12] Видимо, Ἀπαρύται, Παροῦται античных авторов. *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Ht 2. Lpz., 1905. S. 175; *Christensen.* Le premier chapitre du Vendidad… P. 66.

Перечисленные шесть областей как бы кольцом окружают Бактрию (которая, однако, почему-то не названа)[1]; это впечатление усиливается еще тем, что сразу же вслед за цитированным отрывком идет перечень материков (каршваров) — шести окраинных и центрального[2], — видимо, как аналогия предшествующему перечню стран[3]. Между прочим, порядок перечисления стран в сходных (совпадающих) частях данного Яшта и древнеперсидских надписей[4] одинаков (Арея—Согдиана—Хорасмия), с той лишь разницей, что в надписях после Ареи названа еще Бактрия. Если Хорасмия этого Яшта локализуется так же, как и в предшествующих сообщениях, то она вполне найдет себе место среди других соседей Бактрии; рекой, которая устремляется к Хорасмии, мог бы быть Теджен-Герируд.

Итак, сообщение о хорасмиях, принадлежащее Гекатею, подтверждаемое рядом других источников, датирующихся, однако, не позднее чем концом V в. до н. э., помещает этот народ в области Туркмено-Хорасанских гор и Теджена-Герируда. При этом в итинерариях к области хорасмиев, видимо, относится и Арея, в административных списках хорасмии и ареи всегда упоминаются отдельно, а из легенды об Акесе можно заключить, что Арея (?) некогда принадлежала хорасмиям, но была отнята у них персами.

Совсем иную картину рисуют источники, сведения которых восходят к участникам походов Александра Македонского, т. е. ко второй половине IV в. до н. э.: хорасмии (теперь пишут только Χωράσμιοι) уже явно обитают по нижнему течению Амударьи и образуют самостоятельное царство[5]. К этому нужно добавить следующее. В те времена, когда хорасмии локализуются на юге, всю область к северу от хорасанских оазисов, от Амударьи до Каспийского моря, а на севере, видимо, до Сырдарьи, в том числе и земли по нижнему течению самой Амударьи, занимают племена степного типа. В официальных ахеменидских документах они именуются «острошапочными скифами» (др.-перс. Sakā-Tigraxaudā, др.-греч. [Σκύθαι] 'Ορθοκορυβάντιοι), а у античных авторов, кроме того, — массагетами, дербиками, абиями[6]. В административных списках они представляют отдельный «народ» или «страну» и упоминаются наряду с хорасмиями. Но тогда, когда хорасмии отмечаются на севере, занимаемые ими ранее земли на юге оказываются арейскими. Александр, следуя от парфиеев на восток, попадает уже не к хорасмиям, а к ареям (ἐπὶ τὰ τῆς 'Αρείας ὅρια), прежде всего в город Сусию (Σουσία, πόλις τῆς 'Αρείος)[7] (видимо Тус[8]). Теджен-Герируд теперь на всем своем протяжении, до исчезновения в песках, имену-

[1] Кристенсен считает, что Бактрию здесь заменяют Ишката и Парута, но ясных мотивов такой замены он не приводит (...à cause du mètre ou pour d'autres raisons; *Christensen*. Le premier chapître du Vendidad... P. 69). Частью Бактрии являлась Маргиана, но Парута (апариты), кажется, таковой не была.

[2] Yt. X, 15.

[3] *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 99.

[4] Кроме первых двух из перечисленных выше древнеперсидских надписей; DPe. 16–17; DSe. 21–22; DNa. 23–24; DN. [5–8] = A? P. 5–8; XPh. 21–22.

[5] См., например, *Arr.* Anab. IV, 15, 4; Curt., VIII, 1, 8; *Strabo*, XI, 8, 8; *Ptol.* Geogr. VI, 12, 4 и т. д.

[6] См. *Пьянков*. Восточные сатрапии... С. 162–174 рукописи.

[7] *Arr.* Anab. III, 25, 1.

[8] *Tomaschek*. Areia // RE. 1896. Bd 2. S. 619.

ется Ареем (Ἄρειος)[1]. Видимо, то же положение отражают данные Птолемея, по которым области нисеев (к северу от Копетдага) и аставенов (к югу от Копетдага) относятся к Арее[2].

Каковы же исторические выводы, вытекающие из всех этих сообщений? Прежде всего следует сказать, что в большинстве общих и даже специальных работ прямые указания источников о хорасмиях, которые живут к востоку от парфов, вообще игнорируются[3]. Но и в тех случаях, когда эти указания учитываются, исследователи не всегда идут до конца в своих выводах.

Первоначально сообщение Гекатея о хорасмиях и дополняющие его сообщения других источников не привлекали особого внимания. Так, В. Томашек считал, что описанная Гекатеем страна хорасмиев вполне соответствует современному Хорезмскому оазису; правда, его удивляло, что Гекатеем не упомянута Амударья, но рассказ Геродота об Акесе, по его мнению, заполняет этот пробел[4]. Город Хорасмию, он, по-видимому, был склонен отождествлять с Хваризмом-Кятом средневековых источников[5]. Тесную связь хорасмиев с гирканиями, парфами и другими южными народами объясняли тем, что рукав Амударьи (Узбой) тогда еще впадал в Каспийское море и обеспечивал эту связь[6]. Такой точки зрения придерживались и позже. С. П. Толстов также считает, что страна хорасмиев с ее равнинами и горами — это Хорезмский оазис с гористым ландшафтом его окраин, а река Акес — Амударья[7]. Однако, как видно из сообщения Гекатея, данные этого автора очень трудно согласовать с таким предположением.

Вскоре исследователи стали по-иному оценивать сообщение Гекатея. Так, А. Герман, локализуя город Хорасмию по-прежнему в Кяте, считал, что данные Гекатея свидетельствуют о распространении хорасмиев не только в пределах Хорезмского оазиса, но и в степных территориях к югу от него[8]. Кисслинг, основываясь на данных Гекатея и легенде об Акесе, определяет территорию хорасмиев следующим образом: не только область по нижнему течению Амударьи и прилегающие с юга степи, но и оазисы по нижнему течению Теджена и Мургаба, а также горы к востоку от Теджена и Мургаба. Используя легенду об Акесе и сведения о XVI сатрапии, он постулирует существование древнего доахеменидского Хорезмского царства, включавшего помимо указанной территории Арею («равнина между горами» легенды об Акесе) и, может быть, Согдиану[9].

---

[1] Аристобул у Арриана (*Arr.* Anab. IV, 6, 6; *Strabo*. XI, 11, 5).

[2] *Ptol*. Geogr. VI, 17, 3.

[3] См., например: Всемирная история. М., 1956. Т. II. С. 28–29 (карта); Очерки истории СССР, Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, карта к с. 272; История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. С. 67; История таджикского народа. М., 1963. Т. I. С. 207 (карта), ср. с. 152.

[4] *Tomaschek*. Chorasmia, col. 2407.

[5] *Tomaschek*. Centralasiatische Studien. I. S. 113.

[6] *Geiger W.* Geographie von Iran // GIPh. Strassburg, 1896–1904. Bd II. P. 393.

[7] *Толстов*. Ук. соч. С. 17, 44.

[8] *Herrmann*. Op. cit. P. 50–51.

[9] *Kiessling*. Op. cit., стб. 470–472.

Выводы Кисслинга были одобрены[1], и гипотеза о древнем Хорезмском царстве продолжала развиваться. Маркварт, анализируя легенду об Акесе, приходит к заключению, что в доахеменидский период существовало мощное Хорезмское царство, включавшее Маргиану и Арею[2]. Этот вывод принял С. П. Толстов, который рисует Хорезмское царство как объединение массагетских племен во главе с хорасмиями, постепенно перераставшее в государство; перечни народов в легенде об Акесе и сообщении о XVI сатрапии определяют, по С. П. Толстову, сферу влияния этого царства (причем сарангеев и фаманеев легенды об Акесе он помещает близ Хорезма; лишь позже в связи с усыханием Узбоя они переселились якобы на юг[3]). После этого гипотеза о древнем Хорезмском царстве с центром в Хорезмском оазисе была принята почти всеми советскими учеными[4].

Впервые, кажется, В. Тарн обратил внимание на то, что хорасмии именно *жили* к востоку от Парфии, между Парфией и Бактрией. При этом он исходил из сообщения Гекатея о хорасмиях, подкрепляя его данными Геродота (легенда об Акесе, списки сатрапий Дария и отрядов Ксеркса) и Арриана (описание Тавра — Кавказа). В. Тарн и развивающий его гипотезу Ф. Альтхайм приходят к такому выводу: хорасмии, обитавшие первоначально у окраинных Хорасанских гор, после того как персы подчинили их и отняли лучшие, равнинные части их страны, стали искать новые плодородные земли и в течение IV в. до н. э. переселились на Нижнюю Амударью, в современный Хорезмский оазис[5].

Эту идею восприняли, соединив ее с предшествующей гипотезой, В. Хеннинг и развивающий его положения И. Гершевич. Опираясь на данные Гекатея и Ге-

---

[1] См., например, FGrH. P. 365; *Gisinger*. Op. cit., стб. 629.

[2] *Markwart*. Wehrot und Arang. S. 10.

[3] *Толстов*. Ук. соч. С. 341, 54; *Он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 103 сл.

[4] См., например: Всемирная история. М., 1955. Т. I. С. 591 (территория Хорезмского царства здесь определяется так: центр находился по нижнему течению реки Амударьи, влияние распространялось на предгорья Копетдага и долину Теджена, может быть, на Согдиану); «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства...». С. 245; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 64; *Массон*. Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 127; *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969. С. 113–116. Такой же точки зрения придерживался и автор настоящей статьи, см.: К вопросу о сфере влияния доахеменидского Хорезма // ВДИ. 1963. № 1. С. 175.

[5] *Tarn*. Op. cit. P. 478–480; *Altheim F., Stiehl R.*, Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970. S. 186–190. Однако попытка объявить хорасмиев ветвью персов, предпринятая этими исследователями (Tarn. Op. cit. P. 293–294, 480; *Altheim, Stiehl*. Op. cit. P. 174–186; так же *Brandenstein, Mayrhofer*. Op. cit. S. 3 (карта), 4), кажется неубедительной. Отправной точкой для такого предположения явилось чтение В. Тарном Πάρσιοι у Страбона вместо Πασιανοί (*Strabo* XI, 8, 2: написание этого слова и в последней форме сомнительно, возможно, например, чтение ἢ Ἀσιανοί). Но если даже принять такое чтение и считать, что пасианы действительно имели какое-то отношение к Хорезму, то построение этногенетических теорий только на основании внешнего звукового сходства этнонимов — занятие весьма сомнительное. Странствия персов-хорасмиев, как их рисует В. Тарн, — чистая фантазия. См. *Толстов С.* Подъем и крушение эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1949. № 3. С. 206–207; *Daffinà*. Op. cit. P. 53–54. Что касается языка ранних хорасмиев, то он, вполне возможно, имел черты, сближающие его с западноиранскими диалектами, но вряд ли специально с юго-западными, персидскими. Ссылка на Бируни также едва ли помогает здесь.

родота, они считают, что первоначально центром хорасмиев были Мерв и Герат, хотя их территория не ограничивалась этими областями. В доахеменидское время существовало сильное Хорезмское царство, влияние которого распространялось на народы, перечисленные в легенде об Акесе. Но это царство было уничтожено Киром, и хорасмии под давлением персов, отнимавших у них южные области, постепенно отступали в свои северные владения вдоль по Амударье[1]. Эта теория «Большого Хорезма» была принята и советскими учеными[2].

Мы предлагаем следующее истолкование указаний источников о хорасмиях VI–IV вв. до н. э. При этом мы будем учитывать не только данные указания, но и известия с территории самого Хорезма, как письменные, так и археологические.

Письменных известий с территории Хорезма, датирующихся VI–IV вв. до н. э., которые могли бы пролить свет на события этого времени, нет, но есть более поздние свидетельства, намекающие на указанные события. Это сообщение Бируни о хорезмийских эрах. Бируни, хорезмиец по происхождению, живший в X–XI вв. н. э., говорит: «...[жители Хорезма] считали годы от начала заселения [своей страны], которое произошло за 980 лет до Александра, а потом стали считать годы от прихода в Хорезм Сиявуша, сына Кайкауса, и воцарения там Кейхусрау и его потомков, который переселился в Хорезм и распространил свою власть на царство тюрков. Это было спустя 92года [от начала] заселения Хорезма»[3]. О переселении Сиявуша хорошо знает иранский эпос, согласно которому Сиявуш переселился из Ирана в Туран. Вполне возможно, что воспоминания о начале заселения (земледелия) Хорезма и приходе Сиявуша — лишь два различных истолкования одного и того же события в двух местных хорезмийских традициях; абсолютные даты двух эр вряд ли можно принимать буквально — скорее всего, это «астрономические» цифры, какие-то выкладки, основанные на данных мифологической истории иранцев[4].

---

[1] *Henning W. B.* Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L.; Oxf., 1951. P. 42–43; *Gershevitch.* Op. cit. P. 14. Однако отождествление этого Хорезмского царства со страной Арьяна-Вайджа (Airyānəm vaējō), где действовали Виштаспа и Заратуштра (*Henning.* Op. cit. P. 43; *Gershevitch.* Op. cit. P. 14, 16, 298–299) вызывает сомнение. Дело в том, что такой тезис является соединением двух взаимоисключающих гипотез: И. Маркварта и В. Тарна. Арьяна-вайджа (ср. Vd. I, 1–3), по И. Марквату, тождественна Хорезму потому, что последний описывается арабскими географами как самая холодная из иранских стран (*Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xarenac'i (AGW. Philol.-hist. Kl. N. F. B., 1901. Bd III. N 2. P. 155), но древние хорасмии у В. Хеннинга и И. Гершевича (тут они согласны с В. Тарном) помещены на юге, в районе Мерва и Герата. См. *Пьянков И. В.* Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. Вып. 1. С. 64.

[2] История таджикского народа. Т. I. С. 152–153.

[3] *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. I. С. 47. Начало эр в переводе на нашу систему летосчисления: 1292 г. до н. э. и 1200 г. до н. э.

[4] *Sachau E.* Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm // SBAWW. Philosoph.-hist. Kl. 1873. Bd LXXIII. Ht 3. P. 480–490; ср., однако, *Gutschmid A. von.* Kleine Schriften. Lpz., 1892. Bd III. S. 271 сл. На большой хронологической точности хорезмийских эр настаивает С. П. Толстов (Бируни и его «Памятники минувших поколений» // *Бируни Абурейхан.* Ук. соч. С. XVIII–XX). Но, как показывают последние данные, Бируни и его источники не располагали достоверным списком хорезмийских царей (даже для времени после Африга), на основании которого можно было бы получить точные хронологические расчеты, да и сами эры Бируни, видимо, никогда не были официально принятыми в Хорезме, см. *Лившиц В. А.* Хорезмийский календарь и эры Древнего Хорезма // ПС. 1970. Вып. 21 (84). С. 165–167.

Археологические материалы с территории Хорезма рисуют такую картину. В доахеменидское время здесь обитали племена, занимавшиеся скотоводством и примитивным земледелием. К V (VI–V(?)) в. до н. э. относится появление памятников новой, «архаической» культуры; отмечаются новый тип поселений, резкий прогресс в развитии орошаемого земледелия и т. д. Местных, хорезмийских истоков данной культуры обнаружить не удается, но очень близкая ей культура одновременно бытовала в оазисах Южной Туркмении, причем здесь она — результат длительного местного развития; сходные археологические комплексы известны и в других местах на юге Средней Азии, все они датируются временем ахеменидского владычества[1]. Одним из «архаических» поселений является городище Калалы-гыр I, самое крупное на территории Хорезма. Здесь на рубеже V и IV вв. до н. э. было начато строительство громадной крепости и дворца, подражавшего персепольскому; по всем данным, строительство это велось ахеменидскими властями. Однако оно внезапно прекратилось, и крепость некоторое время пустовала. Около 380 г. до н. э., уже в «кангюйское» время, городище вновь частично осваивается; предполагают, что здесь обосновался пограничный хорезмийский гарнизон. Однако вскоре постройки окончательно гибнут в результате пожара и используются как загоны для скота[2].

Комбинируя эти данные с сообщениями о хорасмиях VI–IV вв. до н. э., мы приходим к следующим выводам.

Вполне возможно, что в доахеменидское время действительно существовало Хорезмское царство, соприкасавшееся на западе и востоке с двумя другими крупными объединениями, Мидийским и Бактрийским царствами; оно включало северные предгорья Копетдага, Кучано-Мешхедскую долину, область Нишапура и долину Теджена (ср. сообщение о хорасмиях Гекатея и дополняющих его источников; правда, в них речь идет об ахеменидском времени, но известно, что Ахемениды включали в состав своих владений прежние политические образования, не меняя в деталях их границ), а также область Герата (ср. сообщение Геродота о том, что до персов «долина между горами» принадлежала хорасмиям); область Мерва вряд ли входила в это объединение, так как в ахеменидское время она считалась частью Бактрии. Это царство должно было войти в состав Ахеменидской державы уже во времена Кира. При этом от него была отделена область Герата (ср. сообщение Геродота о том, что «долину между горами» отняли у хорасмиев персы); та и другая части бывшего Хорезмского царства на положении отдельных «стран», Хорасмии и Ареи, были присоединены к другой «стране», Парфии, входившей еще в состав Мидийского царства; так была создана XVI сатрапия с центром в Парфии[3]; Согдиану, видимо, присоединили к ней позже, уже при Дарии[4]. Во времена Ксеркса от XVI сатрапии оставались только

[1] *Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 52–54; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 98, прим. 6; 106–108.

[2] *Толстов.* По древним дельтам… С. 109–117; *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 141–151, 156.

[3] Ср. историю III и V сатрапий; *Дьяконов И. М.* Ук. соч. С. 348.

[4] Ср. *Дьяконов И. М.* Ук. соч. С. 348, прим. 1; 358, прим. 3; 436, прим. 2.

Парфия и Хорасмия, а Арея представляла отдельную сатрапию; позже последняя, кажется, была объединена с Дрангианой. При Артаксеркce II Хорасмия, видимо, — уже отдельная сатрапия[1].

К северу от оазисов, занятых хорасмиями, обитали степные племена, известные под названием «острошапочных скифов» (они же массагеты, дербики и др.). Персы пытались проникнуть в их страну также еще при Кире (530 г. до н. э.), но первая их попытка кончилась, как известно, гибелью этого царя. Поход Дария I (519 г. до н. э.) был более удачен, царь навязывает скифам своего ставленника[2] и причисляет их к X (Мидийской) сатрапии[3]. Позже, во всяком случае ко времени Артаксеркса II, в конце V в. до н. э., здесь уже учреждена сатрапия (ср. возведение в это же время крепости и дворца в Калалы-гыр I — резиденции сатрапа (?), которая продолжает сохранять связи с Мидией[4]. Видимо, пытаясь укрепиться в этой стране, персы насаждают здесь земледельческие колонии, населенные выходцами главным образом из среды хорасмиев (ср. сообщение Бируни о заселении хорезмийцами своей страны, о переселении Сиявуша к «тюркам»; ср. появление памятников «архаической» культуры в Хорезме); в связи с этим можно вспомнить об ахеменидской политике переселений и обязанности сатрапа заботиться о развитии земледелия в подчиненной ему стране. В результате каких-то событий, о характере которых мы ничего не знаем, после рубежа V и IV вв. н. э. новые колонии хорасмиев на севере и острошапочные скифы перестают быть подданными Ахеменидов (ср. внезапное прекращение строительства в Калалы-гыр I в это же время). Хорасмии укрепляются в Хорезмском оазисе, сюда перемещается их политический центр (ср. сообщение Бируни о правлении рода Сиявушидов в Хорезме) и образуется самостоятельное царство — теперь уже на территории современного Хорезмского оазиса; однако им приходится вести упорную борьбу с соседними племенами, в частности скотоводческими[5] (ср. пожар в Калалы-гыр I). Оставшиеся в подчинении у Ахеменидов южные области хорасмиев перестают конституироваться как

[1] *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 42–43.

[2] Дарий говорит, что после победы над острошапочными скифами он поставил им «вождя» (ma9išta) по своему желанию (DB, V, 28–29). См. *Дандамаев М. А.* Поход Дария против скифского племени Тиграхауда // КСИНА. 61. 1963. С. 175–187.

[3] Геродот называет острошапочных скифов в числе народов Мидийской сатрапии (*Herod.* III, 92).

[4] Ктесий упоминает «сатрапа» (σατράπης) дербиков — (*Ctes.* Fr. 9, Jacoby (*Phot.* Pers. § 8). По Ктесию, некий Спитам, получивший еще от Астиага Мидию, имел двух сыновей, Мегаберна и Спитака, которых Кир сделал сатрапами барканиев и дербиков — Ктесий у *Nic. Dam.* Fr. 66, 8, Jacoby; *Ctes.* Fr. 9, Jacoby (*Phot.* Pers. § 8). Как известно, Ктесий, описывая прошлые времена, конкретные условия их представляет только по образцу современных ему. В описании построения персидских войск у Ктесия и его современника Ксенофонта вместе с мидийцами названы барканы (= гиркании) и дербики (= саки, соседи гирканиев) (Ктесий у *Curt.* III, 2, 4–8; *Xen.* Cyrop. V, 3, 38; ср. 2, 25).

[5] Об этом может свидетельствовать предложение о совместном походе против соседних с хорасмиями племен, сделанное царем хорасмиев Фарасманом Александру (*Arr.* Anab. IV, 15, 4). То, что эти племена были определены как живущие около Эвксинского моря, как колхи и амазонки, нужно отнести, скорее всего, за счет толкования, сделанного в окружении Александра и вполне соответствовавшего географическим воззрениям спутников Александра.

отдельная политико-административная единица, «страна», и включаются в состав Ареи.

Таково возможное объяснение любопытного факта, засвидетельствованного источниками и с наибольшей определенностью — Гекатеем: хорасмии вплоть до V в. до н. э. обитали к югу от современного Хорезмского оазиса. При таком объяснении продвижение хорасмиев на север можно было бы считать одним из проявлений тенденции, наметившейся много раньше, а именно постоянного воздействия (в каких бы формах оно ни осуществлялось) древних земледельцев северных окраин Иранского плато на обитателей низовий Амударьи[1].

[1] *Толстов.* По древним дельтам... С. 61; *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.; Л., 1964, С. 184.

5. ДРЕВНИЙ САМАРКАНД (МАРАКАНДЫ) В ИЗВЕСТИЯХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ (Собрание отрывков и комментарии)*

Работа является полной сводкой всех античных текстов, в которых упоминается Мараканда, с переводом и подробным филологическим анализом текстов. Работа на эту тему проделана впервые. Ряд текстов переведен и использован в связи с древней историей Самарканда также впервые. Указанные тексты ранее не подвергались в отечественной науке и столь детальному анализу.

Сводка письменных сообщений о Мараканде явится ценным подспорьем и дополнением к работе археологов по восстановлению древнейшего прошлого Самарканда.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряде сочинений античных авторов, т. е. древних авторов, писавших на древнегреческом и латинском языках, упоминается город Мараканды. Все известия об этом городе прямо или косвенно связаны с рассказами о походах Александра Македонского, следовательно, относятся ко 2-й половине IV в. до н. э. Город Мараканды, судя по этим известиям, расположен близ рек Политимет и Даргоман и является столицей Согдианы. Большинство современных ученых вполне обоснованно отождествляет Мараканды с Самаркандом. Итак, у отдельных писателей мы находим сведения о Самарканде IV в. до н. э. Это самые древние письменные известия о Самарканде, которыми располагает наука, — ими начинается письменная история Самарканда.

Хотя отдельно сообщения античных авторов о Маракандах давно уже привлекали внимание ученых, до сих пор, насколько нам известно, не было работы, которая свела бы воедино все эти сообщения и исследовала бы их; ряд античных текстов, содержащих эти сообщения, не был даже переведен на русский язык. Задачей настоящей работы и является собрать и исследовать все отрывки из сочинений античных авторов, содержащие упоминание о Маракандах. Работа делится на две части: «Собрание отрывков» и «Комментарии». Первая часть содержит перевод отрывков, а также вводный очерк, дающий необходимые общие сведения об использованных сочинениях и их авторах и примечания к переводу. Вторая часть является преимущественно источниковедческим исследованием,

*Впервые опубликовано: Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душанбе: Дониш, 1972.

имеющим целью установить, к каким источникам восходят сведения, сообщаемые в каждом отдельном отрывке.

Название самого города в приведенных отрывках звучит не всегда одинаково: чаще всего как «Мараканды» (τὰ Μαράκανδα), иногда в единственном числе — «Мараканда» (ἡ Μαρακάνδα); реже — «Маракунда» (Maracunda), «Мараганды» (τὰ Μαράγανδα) и «Марганда» (Marganda), «Маракадры» (τὰ Μαράκαδρα) и «Маракодра» (ἡ Μαρακόδρα).

Таким образом, задача настоящего исследования — источниковедческая. Собственно историческое исследование о Маракандах проделано автором в других работах, см.: *Пьянков И. В.* Мараканды // Вестник древней истории. 1970. № 1. С. 32–48; *Он же.* Басисты (к истории Самаркандского Согда) // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. 1970. 3 (61). С. 40–46[1].

СОБРАНИЕ ОТРЫВКОВ

В собрание вошли отрывки, содержащие прямое упоминание Мараканд. Это отрывки из следующих античных авторов:

1. *Флавий Арриан.* «Поход Александра».
1а. «Дорожник Александра».
2. *Квинт Курций* Руф. «История Александра Македонского».
2а. «Сокращенное изложение деяний Александра Великого».
3. *Плутарх Херонейский.* «О судьбе или мужестве Александра».
4. *Страбон Амасийский.* «География».
5. *Гай Плиний* Секунд (*старший*). «Естественная история».
6. Клавдий *Птолемей*, «Географическое руководство».

Названные сочинения Арриана и Курция посвящены специально описанию походов Александра Македонского. *Арриан*, уроженец города Никомедия в области Вифиния (в Малой Азии), жил в конце I–II вв. н. э. Являлся довольно крупным государственным и военным деятелем Римской империи. Многие свои сочинения, в том числе и «Поход Александра», Арриан написал (на древнегреческом языке) уже после устранения от большинства служебных дел, находясь в Афинах или Никомедии, во 2-й половине II в. н. э. О римском историке *Курции* мы знаем очень мало, он известен только как автор «Истории Александра Македонского». Считают, что он был ритором и жил в I в. н. э., указанное сочинение написано им (на латинском языке) примерно в середине I в. н. э. Почти целиком на основе этих двух сочинений были составлены (на латинском языке) «Дорожник Александра» и «Сокращенное изложение деяний Александра Великого» (первое — на основе сочинения Арриана, второе — на основе сочинения Курция). Та и другая работа, однако, представляют определенный интерес для критики

[1] [В указанных работах дана реконструкция древнейшего прошлого Самарканда на основании не только античных, но и других письменных источников, а также данных археологии. См. также: *Пьянков И. В.* К вопросу о топографии древнего Самарканда // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986. С. 86–87.]

текста Арриана и Курция, особенно последняя из них. Текст сочинения Курция дошел до нас в весьма плохом состоянии, в нем нередки лакуны. «Сокращенное изложение...», основанное на такой рукописи, которая отличалась от архетипа сохранившихся рукописей, в некоторых случаях дает возможность дополнить дошедший до нас текст Курция. К сочинениям Арриана и Курция об Александре примыкает небольшая работа *Плутарха* «О судьбе или мужестве Александра» (на древнегреческом языке), входящая в группу его «Нравственных сочинений». Некоторые сведения, имеющие отношение к нашей теме, содержатся и в другой работе этого автора — «Александр» (также на древнегреческом языке), относящейся к числу «Сравнительных жизнеописаний». Обе работы также посвящены специально Александру. Плутарх, уроженец города Херонея в области Беотия (в Греции), жил во второй половине I — первой половине II в. н. э. Большую часть жизни Плутарх провел в своей родной Херонее, хотя посетил много мест в Греции и Италии; там же, видимо, он занимался и литературным трудом. Считается, что сочинение «О судьбе или мужестве Александра» написано Плутархом в молодости (I в. н. э.), а «Сравнительные жизнеописания» — в пожилом возрасте (начало II в. н. э.).

Остальные три сочинения — Страбона, Плиния, Птолемея — дают географический обзор известного тогда мира (ойкумены). *Страбон*, уроженец города Амасия в области Понт (в Малой Азии), жил примерно с 63 г. до н. э. по 23 г. н. э. В первой половине жизни много путешествовал в пределах Римского государства, затем оставался, видимо, в Риме. «География» написана им (на древнегреческом языке) уже в преклонном возрасте (начало I в. н. э.), причем Страбон подвергал ее доработкам вплоть до последних лет жизни. *Плиний* был уроженцем Италии, время его жизни 23–79 гг. н. э. Воспитывался в Риме, занимал видные должности в западных провинциях Римской империи. Сочинение «Естественная история» (на латинском языке) было закончено им в 77 г. н. э., но и еще позже он вносил в свое сочинение отдельные добавления. Эта работа является своего рода энциклопедией естественных наук, географическое описание ойкумены составляет лишь часть ее. Знаменитый ученый *Птолемей* жил и работал в Александрии (в Египте) во II в. н. э. «Географическое руководство» — одно из многочисленных его сочинений — было написано (на древнегреческом языке) в середине II в. н. э.

Мараканды должны были упоминаться и в античных «всемирных историях» Диодора Сицилийского и Помпея Трога. *Диодор*, уроженец Сицилии, жил в I в. до. н. э. Много путешествовал по Европе и Азии, но вряд ли был за пределами территории, находившейся под римским владычеством или влиянием; долго жил в Риме. Сочинение «Историческая библиотека» написано им (на древнегреческом языке) во 2-й половине I в. до н. э., причем работал над ним Диодор в течение 30 лет. От этого сочинения дошла до нас лишь сравнительно небольшая часть, но и в сохранившихся частях имеется много пропусков. Так, в XVII книге отсутствуют как раз те главы, где следует ожидать упоминания Мараканд. О содержании их можно узнать лишь по оглавлению XVII книги, помещенному в начале ее. Римский историк *Трог* жил в I в. до н. э. В своем подлинном виде это сочинение до нас не дошло; имеется лишь изложение его содержания, сделанное много позже Юстином, и довольно подробные оглавления к каждой книге.

Все сведения о Маракандах исторического и географического характера, которые дают нам упомянутые авторы, не были получены ими путем непосредственного наблюдения. Они заимствовали эти сведения из литературных источников, у писателей, предшествовавших им. Ни одно из сочинений, послуживших такими источниками сведений о Маракандах, до нас не дошло. От них остались лишь фрагменты — отдельные отрывки в пересказе более поздних авторов.

Тексты, включенные в «Собрание отрывков», переведены по указанным ниже изданиям. Наиболее значительные расхождения в различных изданиях текста оговорены в примечаниях. Переводы выполнены автором настоящей работы. В тех случаях, когда античное сочинение уже имело хороший перевод на русский язык, за основу брался этот перевод, заново сверенный с текстом и получивший некоторые изменения. Наиболее значительные из них оговорены в примечаниях. Издания текстов и переводы были использованы следующие:

1. Арриан: *Arriani Flavii.* Quae exstant Omnia / Ed. A. G. Roos. Lipsiae, 1907. Vol. I. (Bibliotheca Teubneriana) (текст); *Arrian* (Works). With an Engl. transl. / By E. Iliff Robson. Vol. I. Cambr., Mass.—L., 1954 (The Loeb Classical Library) (текст и перевод); *Арриан.* Поход Александра / Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1962 (перевод).

1а. «Дорожник Александра»: Itinerarium Alexandri... / Ed. C. Müller (в книге: Dübner F. Arriani Anabasis et Indica... P., 1846) (текст).

2. Курций: *Curti Rufi Q.* Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt, iter. rec. E. Hedicke, editio major. Lipsiae, 1908 (Bibliotheca Teubneriana) (текст); Quinte-Curce Histoires. Texte établi et trad. par H. Bardon. 1948. T. 2 (Coll. des Univ. de France. Publ. sens le patr. de l'Ass. Gu Budé) (текст и перевод); *Курций Руф Квинт.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Под ред. В. С. Соколова (использованные нами переводы выполнены Д. А. Дрбоглазом и А. Ч. Козаржевским). М., 1963 (текст и перевод).

2а. «Краткое изложение деяний Александра Великого»: Incerti auctoris epitoma rerum gestarum Alexandri Magni... / Ed. P. H. Thomas. Lipsiae, 1960 (Bibliotheca Teubneriana) (текст).

3. Плутарх: Plutarchi Chaeronensis Scripta moralia, Graece et Latine, emend. F. Dübner. 1868. T. I (текст и латинский перевод).

4. Страбон: Strabo. The Georgaphy. With an Engl. transl./ By H. L. Jones. Cambr. Mass.—L., 1954. Vol. V (The Loeb Classical Library) (текст и перевод); Страбон. География: В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964 (перевод).

5. Плиний: Pliny. Natural History. With an Engl. transl. / By H. Rackham. Cambr. Mass.—L., 1947. Vol. II (текст и перевод).

6. Птолемей: Claudii Ptolemaei. Geographia, ed. C. F. A. Nobbe. Lipsiae, 1845. T. III (текст); текст VI книги Птолемея сверен с изданием: I. Ronca. Ostiran und Zentralasien bei Ptolemaios (Geographie 6, 9–21). Mainz, 1968.

Из других сочинений, не использованных при составлении «Собрания отрывков», более всего привлекались сочинения Диодора и Трога-Юстина. Первое — по изданию: Diodori Bibliotheca Historica, rec. C. Th. Fischer. Lipsiae, 1906. Vol. IV (Bibl. Teubneriana). Второе — по изданию: Pompei Trogi Fragmenta, coll. O. Seel, Lipsiae, 1956 (Bibliotheca Teubneriana); M. Iuniani Iustini Epitoma historiarum

Philippicarum Pompei Trogi, ex. rec. F. Ruehl. Acced. Prologi in Pompeium Trogum ab A. de Gutschmid rec., Lipsiae, 1886 (Bibliotheca Teubneriana), при учете перевода: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога Historiae Philippicae / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 3. С. 191–251.

Сочинения, сохранившиеся во фрагментах, использованы (в тех случаях, когда при номере фрагмента не указан издатель) по изданию: *Jacoby F.* Die Fragmente der Griechischen Historiker. Teil II B. Lfg. 1. B., 1927.

I. ОБЩАЯ РОЛЬ МАРАКАНД В БОРЬБЕ СОГДИЙЦЕВ И БАКТРИЙЦЕВ С АЛЕКСАНДРОМ МАКЕДОНСКИМ

§ 1. Плутарх. «О судьбе или мужестве Александра», II, 10: ...И если бы не огромная воля Александра, если бы он, побуждаемый великим мужеством, не выстоял и не боролся с судьбой, то разве не изнемог бы он и не сдался, [столько раз] готовясь в походы, снаряжая войско, осаждая, преследуя бесчисленные восстания, отпадения, мятежи народов, сопротивление царей в Бактрах, в МАРАКАНДАХ, у согдианов, среди народов непокорных и коварных, обезгавливая гидру, всё снова отраставшую в [новых] войнах?

II. ПЕРВЫЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА В МАРАКАНДЫ

1. Александр в Маракандах

§ 2. Арриан. «Поход Александра», III, 30, 6–7:

(6) Александр, пополнив конницу местными лошадьми (у него пало много лошадей при перевале через Кавказ и во время похода к Оксу и за Оксом), пошел в МАРАКАНДЫ — это столица Согдийской страны. (7) Оттуда он двинулся к реке Танаис...

«Дорожник Александра», 79:

...Затем [Александр], пополнив число своих лошадей, из которых очень многие пали по причине различных случившихся [в дороге] трудностей, поспешил к МАРАКУНДЕ, которая является столицей согдианов, и затем к Танаису...

§ 3. Курций. «История Александра Македонского», VII, 6, 10:

Оттуда [от горного племени, где был ранен Александр] на четвертый день дошли до города МАРАКАНДЫ. Стены его имеют в длину семьдесят стадиев; кремль окружен другой стеной. Оставив для охраны города тысячу [воинов]*[1], Александр опустошает и сжигает ближайшие селения.

«Сокращенное изложение деяний Александра Великого», 7:

[1] Звездочками отмечены места, к которым относятся примечания к тексту (не к переводу).

Затем [Александр] начал путь к реке Танаис и спустя четыре дня прибыл к МАРАКАНДАМ, которые отстоят от реки Танаис на <...> дней пути*. Это город красивейший, а также весьма защищенный благодаря обилию той реки, которая обтекает город; непрерывная стена охватывала его в окружности на 70 стадиев.

2. Ранение Александра возле Мараканд

§ 4. Плутарх. «О судьбе или мужестве Александра», 1, 2; II. 9:

1, 2: ...Возле МАРАКАДР [у Александра] стрелами была пробита кость голени...

II, 9: ...В МАРАКАНДАХ [Александр ранен] стрелой в голень, так что берцовая кость сломалась и выставилась из раны...

III. МАРАКАНДЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ВОССТАНИЯ СОГДИЙЦЕВ

1. Спитамен в Мараканда

§ 5. Арриан. «Поход Александра», IV, 3, 6–7; 5, 2–3.

IV, 3, 6: ...[Когда Александр был у Танаиса, к нему] пришло известие о том, что Спитамен со своими [людьми] осадил [гарнизон], оставленный в кремле в МАРАКАНДАХ. (7) Александр отправил на Спитамена Андромаха, Менедема и Карана, дав им всадников — около шестидесяти из «друзей» и восемьсот наемных, которыми командовал Каран; наемников же пехотинцев дал он около полутора тысяч. К ним прикомандировал он переводчика Фарнуха, родом ликийца; он хорошо знал язык местных варваров и вообще умел, по-видимому, с ними обращаться.

IV, 5, 2: Македонцы, охранявшие кремль в МАРАКАНДАХ, когда на кремль напал Спитамен со своими воинами, сделали вылазку, убили какое-то количество врагов, отогнали всех и без всякого ущерба для себя отступили в кремль. (3) Когда же Спитамену донесли, что уже приближается [отряд], посланный Александром в МАРАКАНДЫ, он оставил осаду кремля и ушел в Басисты, [область] Согдианы...* [Далее описывается гибель македонского отряда в битве со Спитаменом в лесу, в парадисе (охотничьем парке), на берегу реки Политимет.]

«Дорожник Александра», 84, 86:

84: Однако [Александр] беспокоился также за МАРАКУНДУ, где, как ему донесли, его [люди] были осаждены... Поэтому он послал своим спешную помощь...

86: Затем македонцы, которые были осаждены в кремле МАРАКУНДЫ, перед приходом помощи сделали вылазку, рассеяли врагов и обратили их в бегство... [Далее говорится о гибели этого македонского отряда в битве с врагом на берегу Политимета.]

§ 6. Курций. «История Александра Македонского», VII, 6, 24; 7, 30–31:

VII, 6, 24: Отсюда [от Танаиса] [царь] послал Менедема с тремя тысячами пехотинцев и 800 всадниками к городу МАРАКАНДАМ. Перебежчик Спитамен, изгнав оттуда македонский гарнизон, заперся в стенах этого города — настолько* горожане не одобряли замысел восстания. Однако, казалось, они [и сами] примкнули [к измене], так как не могли [ей] помешать.

VII, 7, 30: Однако новости, после этого [после подготовки к походу на скифов за Танаис] доставленные царю, омрачили блеск его непрерывных успехов. (31) Менедема, как выше было сказано, он послал осаждать Спитамена, виновника отпадения бактрийцев. Тот узнал о приближении врагов и, чтобы не оказаться запертым в стенах города, спрятался в засаде, рассчитывая перехватить неприятеля на дороге, по которой тот, как он знал, должен был пройти. [Далее описывается гибель македонского отряда на лесной дороге в битве со Спитаменом.]

2. Второй поход Александра в Мараканды

§ 7. Арриан. «Поход Александра», IV, 6, 3–5; 7, 1:

IV, 6, 3: Когда Александру донесли об этом поражении, горькая судьба воинов очень его опечалила и он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров. Взяв с собой половину конницы «друзей», всех щитоносцев, лучников, агриан и самых легковооруженных [пехотинцев] из фаланги, он пошел к МАРАКАНДАМ, куда, по его сведениям, Спитамен вернулся и вновь осаждает [гарнизон] в кремле. (4). [Александр] прошел за три дня тысячу пятьсот стадиев и на рассвете четвертого подошел к городу. Спитамен со своим войском при известии о приближении Александра не стал его ждать, а оставил город и бежал. (5) Александр преследовал его по пятам. Придя на то место, где происходила битва, он похоронил павших солдат так, как позволяли это обстоятельства, и гнался за убегающими вплоть до самой пустыни… [Далее рассказывается, что Александр опустошил всю страну, которую орошает река Политимет.]

IV, 7, 1: Покончив [в Согдиане] со здешними делами, [Александр] прибыл в Зариаспы…

«Дорожник Александра», 87:

Александр, когда [ему] сообщили об этих [событиях] [т. е. о гибели македонского отряда], поспешил в МАРАКАНДУ и, преследуя виновника этого злодеяния, Спитамена, который бежал, погубил его со всеми сообщниками. Он похоронил своих [людей]… [Далее сообщается, что Александр опустошил всю страну, которую орошает река Политимет.]

§ 8. Курций. «История Александра Македонского», VII, 9, 20–22; 10, 10:

VII, 9, 20: [Александр] велев Кратеру с большей частью войска следовать за ним короткими переходами, прибыл в город МАРАКАНДЫ*. Спитамен, узнав о его приближении, бежал оттуда в Бактры. (21) Итак, пройдя за четыре дня большую часть пути [от Танаиса до Мараканд], царь достиг того места, где потерял две тысячи пехотинцев и 300 всадников под начальством Менедема. Их кости он велел предать погребению и по отеческому обычаю принес умершим

жертву. (22) Кратер, получивший приказание следовать [за Александром] с фалангой, уже соединился с царем… [Далее сообщается, что Александр опустошил Согдиану, по которой протекает река Политимет.]

VII, 10, 10: Оставив в Согдиане Певколая с 3 тысячами пехотинцев — большего гарнизона не требовалось, — [Александр] прибыл в Бактры…

«Сокращенное изложение деяний Александра Великого», 13:

Затем, спустя три дня, [Александр] решил спешно идти по направлению к МАРАКАНДАМ, чтобы внезапно напасть на ничего не подозревающего Спитамена. Спитамен, когда услышал о возвращении [Александра], прекратил осаждать греков. [Александр] же, двигаясь к МАРАКАНДАМ, прибыл [туда] на четвертый день. Там [ранее] были убиты многие из греков. Он велел похоронить мертвых и сделать надгробный памятник военачальнику Менедему. [Далее сообщается, что Александр провел свое войско по земле Согдианы].

IV. МАРАКАНДЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ВОССТАНИЯ СОГДИЙЦЕВ. ТРЕТИЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА В МАРАКАНДЫ

§ 9. Арриан. «Поход Александра», IV, 15, 7; 16, 1–3; 8, 9; 15, 1, 4; 17, 3:

IV, 15, 7: [Александр из Зариасп] опять отправился к реке Окс и решил идти обратно в Согдиану, получив донесение о том, что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр…

IV, 16, 1: [Александр] перешел с частью войска в Согдиану, а Полиперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра оставил в Бактрах, приказав им следить за страной, чтобы и тут варвары не возмутились; начавшиеся уже восстания велено было подавить. (2) Бывшее при нем войско Александр разделил на пять частей: во главе одной он поставил Гефестиона, во главе другой — Птолемея, [сына] Лага, телохранителя; командование третьей поручил Пердикке; четвертым отрядом предводительствовали Кен и Артабаз; с пятым отрядом он сам пошел через эту страну к МАРАКАНДАМ. (3) … Когда все войско, пройдя значительную часть согдийской страны, прибыло к МАРАКАНДАМ, он отправил Гефестиона [с приказом] колонизовать согдийские города; Кена же и Артабаза послал к скифам, так как ему донесли, что к скифам бежал Спитамен. Сам он с остальным войском прошел по той части Согдианы, которая оставалась в руках восставших…

IV, 8, 9: [Автор рассказывает об убийстве Александром Клита, одного из своих друзей, во время попойки на празднике Диониса]. Аристобул не говорит, с чего начались пьяные речи, но всю вину складывает на Клита. Когда Александр в гневе вскочил, намереваясь убить [Клита], то Птолемей, [сын] Лага, телохранитель, вытащил Клита через ворота за стены и ров кремля, где все происходило. Клит, однако, не смог усидеть там, вернулся и попался прямо на глаза Александру, который его звал…

IV, 15, 1: К Александру пришло опять посольство от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам… (4) В это же время пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек…

IV, 17, 3: В это время Александр уволил Артабаза от должности сатрапа бактриев, который сам просил об этом по старости, и на место его поставил сатрапом Аминту, [сына] Николая. Кена он оставил на прежнем месте с его отрядом, [отрядом] Мелеагра, сотнями четырьмя всадников-«друзей», со всеми конными дротометателями и теми бактриями и согдианами, которыми командовал Аминта. Им всем было велено подчиняться Кену и остаться на зимовку в Согдиане, чтобы следить за страной и охранять ее…

«Дорожник Александра», 96, 98, 95:

96: …[Александр] же вновь обратился волновать Окс и согдианов.

98: Итак, разослав [в разные стороны тех], которые должны были навести порядок [в стране], сам [Александр] поспешил в МАРАКУНДУ…

95: Скифское посольство от абиев вновь принесло [выражение] почтения [Александру]…

96: Также и Фарасмен, царь хорасмиев, привел к Александру всадников для участия в походе…

§ 10. Курций. «История Александра Македонского», VII, 10, 13; VIII, 1, 1, 7, 8, 10, 19; 2, 13, 14:

VII, 10, 13: Получив подкрепление, [Александр] выступил [из Бактр], чтобы устроить [дела в стране], которые были приведены в беспорядок восстанием. Казнив зачинщиков мятежа, на четвертый день он достиг реки Окс…

VIII, 1, 1: Александр… разделил войско на три части, чтобы разослать отряды для отпора бродившим врагам. Начальником одной части он сделал Гефестиона, начальником другой — Кена; сам встал во главе остальных. (7) Александр же, вновь покорив согдианов, опять пришел в МАРАКАНДЫ. Туда явился [к нему] Дерда*, которого он посылал к скифам, обитавшим выше Боспора, с послами этого народа. (8) Фратаферн, который управлял хорасмиями, граничивший пределами [своих] владений с массагетами и дахами, также послал [людей] уверить [Александра в своей] покорности. (10) [Александр] благосклонно выслушал оба посольства и сделал стоянку, поджидая Гефестиона и Артабаза. Как только они присоединились, он направился в страну, которая называлась Базиста*. (19) … Оттуда он возвратился в МАРАКАНДЫ. Отпустив Артабаза из-за его преклонного возраста, он передал его провинцию Клиту. [Далее рассказывается об убийстве Клита Александром.]

VIII, 2, 13: Итак, пробыв около МАРАКАНД 10 дней главным образом для того, чтобы отправиться с угрызениями совести [после убийства Клита], он послал Гефестиона с частью войск в страну Бактриану для заготовки продовольствия на зиму. (14) Провинцию, которая раньше предназначалась Клиту, он отдал Аминте, сам [же] прибыл в Ксениппы…

§ 11. Курций. «История Александра Македонского», VII, 10, 15–16:

(15) Перейдя затем реки Ох и Окс, он прибыл к городу МАРГАНДА*. В окрестностях его были выбраны места для основания 6 городов, для двух [из них] — к югу, для 4 к востоку от [Марганды], отделенные друг от друга небольшими расстояниями*, чтобы не искать далеко взаимной помощи. Все [эти города] были расположены на высоких холмах. (16) Прежде как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат [тем], над кем когда-то господствовали.

«Сокращенное изложение деяний Александра Великого», 14:

...Затем, спустя одиннадцать дней, [Александр] прибыл к реке Ох и перешел ее. Оттуда он пришел к реке Окс.

V. ОТДЕЛЬНЫЕ УПОМИНАНИЯ О МАРАКАНДАХ

§ 12. Страбон. «География», XI, 11, 4 (p. 517):

Александр, как говорят, основал восемь городов в Бактриане и Согдиане и несколько разрушил; среди последних [были] Кариаты в Бактриане... МАРАКАНДЫ в Согдиане и Киры...

§ 13. Плиний. «Естественная история», VI, 49:

За [бактрами находятся] согдианы, город [МАРА]КАНДЫ и Александрия, построенная Александром Великим на крайних пределах их [земли]...

§ 14. Птолемей. «Географическое руководство», VI, 11, 2–5, 7–9; VIII, 23, 7, 10:

VI, 11, 2: В Бактриане текут реки, впадающие в реку Окс: Ох, истоки которой находятся под 110° [долготы] — 39° [широты]; Даргоман, истоки которой находятся под 116° 30′[долготы] — 36° 40′ [широты]; Зариасп, истоки которой находятся под 113° [долготы] — 39° [широты]; Даргамис*, истоки которой находятся под 114° [долготы] — 39° [широты]; Даргойд, истоки которой находятся под 116° [долготы] — 39° [широты]; [последняя река] впадает в Окс под 116° 30′ [долготы] — 44° [широты]. (3) Из остальных [рек] Даргамис* и Зариасп, сами сливаясь прежде вместе под 113° [долготы] — 40° [широты], впадают в Окс под 112° 30′ [долготы] — 44° [широты]. (4) Даргоман и Ох, сами прежде сливаясь вместе под 109° [долготы] — 40° 10′ [широты], вливаются в Окс под 109° [долготы] и 44° [широты]. (5) Положение горы Паропанис [таково]: западный предел — 111° 30′ [долготы] — 39° [широты]; восточный [предел] — 119° 30′ [долготы] — 39° [широты]. (7) Города в Бактриане близ реки Окс: ... (8) близ других рек: ...(9) Бактра–столица — 116° [долготы] — 41° [широты], Остобара — 109° 30′ [долготы] — 39° 40′ [широты], МАРАКАНДА — 112° [долготы] — 39° 15′ [широты], МАРАКОДРА — 115° 40′ [долготы] — 39° 40′ [широты].

VIII, 23, 7: Из [городов, находящихся] в Бактриане... (10) МАРАКАНДА имеет самый длинный день [в] 14 часов 33 [минуты] и отстоит [от] Александрии к востоку почти [на] три часа 30 [минут].

Приведенные в отрывке из «Географического руководства» объекты на карте Птолемея (течения рек показаны только по координатам их истоков и устьев).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ И ПЕРЕВОДУ

§ 2

...это столица Согдийской страны]. Ср. quae Sogdianis est regia (Itin. Alex., 79). E. Iliff Robson (I, c. 329) переводит: the royal city of that part of Sogdiana. Но это скорее толкование (ср. Arr., Anab., IV, 5, 3), чем перевод.

§ 3

…Mille praesidio urbis relictis]. В тексте, в рукописях: ac praesidio urbis relicto; у издателей оставлено так (Bardon, II: 254; Соколов: 272) или исправлено: Mille praesidio urbis relictis (Hedicke: 228). Д. А. Дрбоглав (Соколов: 273) переводит: Оставив в городе гарнизон; H. Bardon (II: 254) переводит: Après avoir laissé une garnison dans la ville,

…dierum <…> via. Чтения различны: цифра или совсем опущена, или читается как 4 или 6.

§ 4

…πρὸς δὲ Μαράκαδρα τοῖς τοξεύμασι]. В тексте: πρὸς δὲ Μαρακαδάρτοις τοξεύμασι. Ср. Μαράκαδρα, Μαρακόδρα (Ptol., VI, 11, 9). По-видимому, нет необходимости устанавливать особую форму Μαρακάδαρτα.

§ 5

…ἐς τὰ Βάσιστα τῆς Σογδιανῆς]. В тексте, в рукописях: ἐς τὰ βασίλεια τῆς Σογδιανῆς; у издателей оставлено так (Iliff Robson, I: 350) или подвергнуто различным исправлениям, например: ἐς τὰ βόρεια τῆς Σογδιανῆς (Roos, I: 181). М. Е. Сергеенко (с. 137) переводит: на север Согдианы; E. Iliff Robson (I: 351) переводит: to the chief city of Sogdiana (с примечанием: some error, possibly). Рукописный вариант неприемлем потому, что он порождает противоречие в тексте Арриана (ср. Arr., Anab., III, 30, 6); даже если предполагать существование «второй столицы Согдианы», что делают многие исследователи, то в данном месте следовало бы ожидать: ἐς τὰ ἄλλα βασίλεια τῆς Σογδιανῆς. Из исправлений наиболее удачным нам кажется предложенное Е. А. Мончадской: ἐς τὰ Βάσιστα τῆς Σογδιανῆς[1] ; при этом определение τῆς Σογδιανῆς не следует понимать как указание на отличие данной местности Басисты от якобы существующих других (не согдийских); это обычное указание на местоположение, вполне уместное, когда название у автора приводится впервые; ср. подобное определение у того же Арриана при первом упоминании другой согдийской области, Навтаки: ἐς Ναύτακα τῆς Σογδιανῆς χώρας (где τῆς Σογδιανῆς χώρας = τῆς Σογδιανῆς) (Arr., Anab., III, 28, 9); у Страбона: Μαράκανδα τῆς Σογδιανῆς (Strab., XI, 11, 4, p. 517) и т. д.

§ 6

…non adeo]. В тексте, в рукописях: haud или aut; у издателей оставлено так (haud) (Bardon, II: 257; Соколов: 274) или исправлено: non adeo (Hedicke: 230). Д. А. Дрбоглав (Соколов: 275) переводит: хотя его жители не одобрили восстания: H. Bardon (II: 257) переводит: bien que les habitants fussent hostiles au plan de defection.

Судя по контексту, речь идет о кремле Мараканд: Спитамен изгнал оттуда македонцев и сам заперся в его стенах.

[1] *Мончадская Е. А.* О царском городе» или «второй столице» Согдианы // ВДИ. 1959. № 2. С. 116–121.

§ 8

…adiit Maracanda urbem; inde…]. В тексте, в рукописях: ad maracanta(m) urbem in qua…; у издателей: adiit Maracanda urbem. Inde… (Hedicke: 243); ad Maracanda urbem; inde… (Bardon, II: 271); ad Maracanda urbem pervenit, ex qua… (Соколов: 288). Д. А. Дрбоглав (Соколов: 289) переводит: дошел до города Мараканды, откуда Спитамен…; H. Bardon (II: 271) переводит: et lui, il va vers Maracande; mais Spitamemes…

§ 9

…колонизовать согдийские города]. М. Е. Сергеенко (с. 147) переводит: вновь заселить города Согдианы; E. Iliff Robson (I: 391) переводит: to plant settlements in the cities of Sogdiana. Первый вариант перевода (так, например, и в хрестоматии Л. В. Баженова: заселить снова города Согдианы[1]) обычно наталкивает исследователей на мысль, что здесь имеется в виду *восстановление* городов, разрушенных во время прежних опустошительных походов Александра. На самом деле речь идет, по-видимому, о выведении военных колоний. Так, Диодор и Курций, рассказывая об этом же мероприятии Александра, прямо говорят об *основании* городов в Согдиане. (Diod., XVII, prol. (2), 24: πόλεις ἔκτισεν εὐκαίρως; Curt., VII, 10, 15: VI oppidis condendis electa sedes est), причем городов с явными функциями военных крепостей. Ср. также: Strab., XI, 11, 4 (p. 517) и Trog., fr. 92 c (Seel).

§ 10

Derdas]. В тексте, в рукописях: Berdes; у издателей: Derdas (Hedicke: 252; Bardon, II: 283), Berdes (Соколов: 298).

… граничивший пределами [своих] владений с массагетами и дахами]. А. Ч. Козаржевский (Соколов: 301) переводит: объединившись с соседними по области массагетами и дахами; H. Bardon (II: 283) переводит: dont l'emplacement le faisait voisin des Massagetis et des Dahes.

Bazista]. В тексте: Bazaira; возможно, следует читать Bazista[2], ср. Βάσιστα (Diod., XVII, prol. (2), 26)*, Βάσιστα (Arr., Anab., IV, 5, 3). Переход Bazista > Bazaira, вероятно, произошел под влиянием названия Βάζιρα (Arr., Anab., IV, 27, 5, сл.; у Curt., VIII, 10, 22: Beira).

§ 11

Marganda]. В тексте, в рукописях: marganiam или marginiam; у издателей: Margianam (Hedicke: 245; Bardon, II: 274; Соколов: 290). Однако исправление Margiana, как нам кажется, плохо соответствует контексту самого Курция и данным параллельных версий других авторов. Поэтому мы принимаем исправление, предложенное И. Марквартом: Marganda[3], и получаем форму, наиболее близкую

[1] Древние авторы о Средней Азии: Хрестоматия // Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940. С. 54.

[2] *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 178; *Он же*. Bazista. RE. 1899. Bd 3. S. 178.

[3] *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. Roma. 1946. XV. Fasc. 3. P. 289, прим. 2; *Он же*. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. P. 3.

к Μαράγανδα Плутарха. Возможно, что непосредственной исходной формой для написания margania послужило marganta, где T легко могло перейти в I (ср. cohortandus < chorianus, Curt., VIII, 4, 21).

… городов]. А. Ч. Козаржевский (Соколов: 291) переводит: крепостей; H. Bardon (II: 274) переводит: [de six] forts. Слово oppidum может означать и «крепость», и «город». Мы предпочитаем второе значение, потому что в параллельных версиях других авторов употреблены слова: πόλις, urbs (Diod., XVII, prol. (2), 24; Arr., Anab., IV, 16, 3; Strab., XI, 11, 4 (p. 517); Trog., fr. 92 c, Seel), хотя «города» эти фактически имели значение военных крепостей.

…spatiis]. В тексте, в рукописях: stadiis; у издателей: spatiis (Hedicke: 245; Bardon, II: 274; Соколов: 290).

§ 13

[Mara]canda]. В тексте: Panda. Из других источников город в Согдиане под таким названием неизвестен. Учитывая плохую сохранность текста Плиния, частое искажение в нем названий, мы принимаем исправление В. Томашека: [Mara]canda[1].

Δάργαμις]. В тексте: Ἄρταμις. И. Маркварт исправляет в Δάργαμις (ΔαρΓαμις > ΑρΤαμις).[2]

КОММЕНТАРИИ
(Источники известий античных авторов о Маракандах)

Все сведения о Маракандах античный мир получил за время похода Александра Македонского, когда греки сами, непосредственно, могли побывать в этом городе (329–328 гг. до н. э.). Поэтому можно сказать, что общим источником античных известий о Маракандах является традиция о походах Александра.

Тот материал, из которого в конечном счете исходит всё знание об этих походах у последующих поколений, можно разделить на две части. Одна из них — документы, другая — легенды. Документы, относящиеся к эпохе Александра, в древности были довольно многочисленны, хотя до нашего времени они не дошли совсем; на некоторые из них мы будем ссылаться в дальнейшем — это *письма Александра*, опубликованные после его смерти (323 г. до н. э.), и *итинерарии бематистов* («шагомеров») Александра, сопровождавших его в походах и описывавших путь, пройденный македонским войском (таковы итинерарии *Бетона* и других). Легенды также начали складываться уже при жизни Александра, во время его походов; в конце IV–III вв. до н. э. в Александрии Египетской они оформляются в *«Роман об Александре»*. По признаку отношения к этим двум видам первоисточников всех историков Александра, начиная с самых ранних,

[1] *Tomaschek*. Centralasiatische Studien. S. 67.
[2] *Markwart*. Wehrot… P. 26.

можно разделить на две группы: одни отдают предпочтение документам (это представители «официальной» традиции), другие же — легендам (это представители «романтической» традиции, «вульгаты»).

Размежевание историков Александра по этому признаку вполне отчетливо прослеживается уже с самого первого поколения их, у современников Александра, непосредственно участвовавших в его походах. Наиболее типичным представителем первой группы историков этого поколения является *Птолемей* Лагид. Один из виднейших полководцев Александра, он впоследствии стал царем Египта, основателем династии Птолемеев. Написал он свое сочинение уже будучи царем, видимо, в конце правления (умер в 283 г. до н. э.); рассказывал Птолемей почти исключительно о военных делах и писал сжато, в деловом стиле. Сочинение Птолемея использовал впоследствии Арриан; отражена птолемеева традиция и у Курция, но в сильно искаженном виде. Версию рассказа о походах Александра, которую дает традиция, восходящая к Птолемею, мы в дальнейшем будем называть «версией А». Из числа других упоминаемых нами историков к этой же группе принадлежит *Харет*, секретарь Александра. Типичным и основным представителем второй группы является *Клитарх*. Возможно, что и он был участником походов Александра, а впоследствии жил в Александрии (в Египте). Клитарх писал в конце IV в. до н. э.; будучи, возможно, ритором, он и свое сочинение писал в духе «риторического» направления в историографии: блестяще стилистически и занимательно, но не очень заботясь о правдивости. Видимо, он был первым, кто литературно оформил «Роман об Александре». При этом он использовал не только устные легенды, но и сочинения предшественников, писавших примерно в том же духе. Среди последних были, возможно, *Онесикрит* и *Поликлит*. Оба они известны как флотоводцы: первый — Александра, второй — Птолемея Лагида, около 315–314 гг. до н. э. Традиция, восходящая к Клитарху, отражена у Диодора, Трога и Курция; в наиболее чистом виде она представлена у Диодора, в несколько измененном — у Трога и в ряде случаев в самом удаленном от оригинала виде — у Курция. Версию рассказа о походах Александра, которую дает эта традиция, мы в дальнейшем будем называть «версией В». Наконец, третьим видным представителем этого поколения историков является *Аристобул*. Он также был спутником Александра и, по-видимому, исполнял обязанности военного инженера в македонском войске; впоследствии он жил в Кассандрии (в Македонии). Сочинение свое он написал в глубокой старости, 84 лет, видимо, не ранее 80-х гг. III в. до н. э. В лице Аристобула мы имеем историка, который пытался сочетать обе традиции, представленные, как мы видели, Птолемеем и Клитархом. Вообще он ближе к версии Клитарха, но часто относится к ней скептически и пытается рационализировать ее с помощью сочинения Птолемея. В своем сочинении Аристобул уделяет меньше внимания собственно военной истории и больше — описанию природы, построек, переправ через реки и т. п.; тут он использует и собственные наблюдения, и дополнительные источники — сочинения Патрокла, Поликлита. Труд Аристобула много использовали Арриан и Страбон. Таковы три главных представителя первого поколения историков Александра. Однако следует отметить, что данная здесь характеристика этих историков и их взаимоотношений, уже давно выдвинутая

и обоснованная Э. Швартцем и Ф. Якоби[1] и получившая признание у других ученых, не всегда принимается. Так, В. В. Тари предлагает прямо противоположную хронологическую последовательность для названных трех историков, т. е. Аристобул—Птолемей—Клитарх. Аристобул выступает у него оригинальным историком, а заимствующим — Клитарх; соответственно меняется у него и вся генеалогическая схема источников о походах Александра[2]. Однако гипотеза Тарна мало убедительна и, по-видимому, не нашла себе многих последователей[3].

К более позднему поколению можно отнести других упоминаемых нами писателей: Патрокла, Демодама, Эратосфена. Впрочем такое разделение писателей македонской эпохи на поколения не определяет хронологической последовательности написания ими своих сочинений: например, Аристобул писал позже Патрокла и заимствовал у него. *Патрокл* и *Демодам* занимали важные посты в восточных (среднеазиатских) областях державы Селевка I и Антиоха I — преемников Александра в Азии. В 80-х гг. III в. до н. э. Патрокл возглавил морскую экспедицию, посланную исследовать Каспийское море, а Демодам совершил сухопутный поход за Яксарт. Видимо, вскоре после этого они и написали свои сочинения, используя как собственные наблюдения, так и данные предшественников, историков Александра. *Эратосфен*, напротив, основывался только на книжных источниках. Он являлся главой библиотеки в Александрии Египетской, самого большого в древности собрания книжных богатств античного мира, и все эти богатства были к его услугам. Сведения о среднеазиатских областях, которые даны в географическом сочинении Эратосфена (2-я половина III в. до н. э.), заимствованы в основном у историков Александра.

Сочинения всех этих писателей не сохранились, но легли в основу тех античных сочинений, которые дошли до нашего времени. Так, *Арриан* использовал главным образом сочинения Птолемея и Аристобула. Выбор именно этих историков среди всех других писавших об Александре, характерен для Арриана: сам видный военный деятель, он и литературных предшественников выбирал себе под стать. Основную нить повествования Арриан ведет по Птолемею, но время от времени делает вставки из Аристобула[4], для того чтобы отметить случаи, когда последний дает особенно отличающийся вариант, или чтобы оживить сухой рассказ Птолемея описанием страны, в которой происходят описываемые события. Это относится и к той части сочинения Арриана, в которой он повествует о действиях Александра в Согдиане[5]. Ритор *Курций* следует в основном традиции, у истоков которой стоял ритор Клитарх; но версия Клитарха дошла до Курция в сильно переработанном виде[6]. С ней соединена у Курция другая версия[7],

[1] *Schwartz E. Griechische Geschichtschreiber.* Lpz., 1957, S. 35 сл., 119 сл., 156 сл. (переиздание более ранних работ Швартца).

[2] *Tarn W. W. Alexander the Great.* Cambr., 1948. Vol. II. P. 1–43.

[3] Ср. *Hamilton J. R.* Cleitarchus and Aristobulus // Historia. 1961. Vol. X. P. 448–458; ср. также: История римской литературы. М., 1962. Т. II. С. 47–48.

[4] *Schwartz.* Op. cit. S. 120; *Tarn.* Op. cit. P. 1.

[5] *Ibid.* P. 145–146.

[6] *Ibid.* P. 158–165.

[7] Ср. *ibid.* P. 165–166, 120–121.

восходящая, по крайней мере в рассматриваемых нами частях его сочинения, к Птолемею. Соединение двух разнородных версий осуществлено у Курция гораздо менее искусно, чем у Арриана, стыки их более заметны; иногда он описывает один и тот же эпизод как два разных — сначала по одной версии, затем по другой. В какой мере эта контаминация принадлежит Курцию, а в какой — его литературным предшественникам — решить трудно. Во всяком случае она прошла несколько этапов, которые наслаивались друг на друга[1]; возможно, что один из таких этапов представлен Аристобулом, следы его использования имеются в сочинении Курция[2]. Плутарх, видимо, не был непосредственно знаком ни с сочинением Птолемея, ни с сочинениями Клитарха[3]. Если до него могли дойти соответствующие версии, то лишь через посредство Аристобула. Вообще же он предпочитает наиболее ранних историков Александра, например Харета, Онесикрита[4], много у него ссылок и на письма самого Александра. Об источниках *других авторов* — Страбона, Плиния, Птолемея, дающих по одному сообщению о Маракандах, будет говориться в примечаниях к соответствующим сообщениям. Относительно источников Диодора и Трога мы уже упоминали вкратце выше.

I. Общая роль Мараканд в борьбе согдийцев и бактрийцев с Александром Македонским

Данное рассуждение Плутарха является одним из примеров, которые должны подтверждать выдвинутый им тезис: величие Александра обязано не «судьбе», слепой удаче, а «мужеству» его, с которым он преодолевал все трудности и опасности.

Обосновывая этот тезис, Плутарх полемизирует с определенным течением в историографии Александра, которое, напротив, приписывало все великие деяния македонского царя просто его счастливой «судьбе». Это положение обычно сочеталось и с общим отрицательным отношением к Александру, «снижением» его образа. Такое течение господствовало в римской литературе периода Ранней империи[5] и представлено у Курция и Трога, хотя зародилось оно, видимо, задолго до этого[6]. В своей полемике Плутарх опирается на ранних историков Александра. У кого-то из них он заимствовал и сведения о многократных восстаниях в Маракандах. Мы знаем, что из историков, труды которых использованы Плутархом, по крайней мере у Аристобула говорилось о трех походах Александра в Мараканды (см. ниже). В связи с этим интересно отметить, что близкую характеристику согдийцев дает Курций в своем рассказе о гибели Клита (Curt., VIII, 1, 35), носящем следы аристобуловой версии[7].

[1] Ср. *ibid.* P. 166.
[2] *Ibid.* P. 119.
[3] *Ibid.* P. 120, 163; Ziegler K. Plutarchos (2) // RE. HlBd. 42. 1952, стб. 924.
[4] *Schwartz*. Op. cit. S. 119, 149; *Ziegler*. Op. cit., стб. 924.
[5] *Schwartz*. Op. cit. S. 170 сл.
[6] История римской литературы... С. 49–52.
[7] *Schwartz*. Op. cit, S. 119.

II. Первый поход Александра в Мараканды

Сообщение о первом походе Александра в Мараканды является у историков Александра частью рассказа о первом завоевательном походе македонцев по Согдиане. У Арриана это сообщение помещено между эпизодами захвата Бесса (III, 29,6 – 30,5) и стычки македонцев с горными «варварами» (III, 30, 10–11); у Курция — между эпизодами той же стычки (VII, 6, 1–9) и сообщением о посольстве от скифов-абиев и об основании города на Танаисе (VII, 6, 11–13).

Попытаемся восстановить основной ход изложения в версиях А и В от захвата Бесса до событий из Танаиса:

Версия А	Арриан	Курций	Птолемей Лагид
Захват Бесса	III, 29, 6–30, 5	VII, 5, 28	
Поход в Мараканды	III, 30, 6		
Поход к Танаису и стычка с горными «варварами»	III, 30, 7	VII, 5, 36	
Основание города на Танаисе	III, 30, 10–11	VII, 6, 1–9	fr. 31

Версия В	Курций	Арриан	Диодор	Трог-Юстин
Захват и казнь Бесса	VII, 4, 1–19; 5, 19–27, 36–43		XVII, 83, 7–9; prol. (2), 18	XII, 5, 10, 11
Поход по «согдийской пустыне»	VII, 5, 1–12		XVII, prol. (2), 19	
Разрушение города Бранхидов	VII, 5, 28–35		XVII, prol. (2), 20	
Поход в Мараканды	VII, 6, 10		XVII, prol. (2), 21	
Посольства от скифов и основание города на Танаисе	VII, 6, 11–13	IV, 1, 1–4		XII, 5, 12

Арриан начинает свой рассказ о первом походе македонцев по Согдиане с описания Окса и переправы Александра через Окс (III, 29, 2–4). Это описание заимствовано у Аристобула[1] (ср. Aristobul., fr. 20), который основывался здесь частично на собственных наблюдениях, частично на сочинениях Патрокла. Затем Арриан говорит о распоряжениях Александра перед переправой через Окс и вновь кратко упоминает о переправе (III, 29, 5–6) — здесь те же события изложены по Птолемею. Далее Арриан подробно рассказывает по Птолемею о захвате Бесса

[1] *Ibid.* S. 122.

(III, 29,6–30,5 = Ptolem., fr. 14). Тут же Арриан приводит и параллельное сообщение Аристобула (III, 30,5 = Aristobul., fr. 24), представляющее собой контаминацию версий А и В[1]. Затем изложение ведется, видимо, вновь по Птолемею: о пополнении лошадьми македонской конницы, о прибытии Александра в Мараканды и последующем его движении к Танаису (III, 30, 6–7). В связи с упоминанием Танаиса дается его описание (III, 30, 7–9), в котором автор вновь обращается к Аристобулу (III, 30,7 = Aristobul., fr. 25), использовавшему здесь, видимо, сочинения Патрокла и Поликлита (ср. Strab., XI, 11, 5, p. 518: 7, 4, p. 510). Вернувшись к описанию действий Александра — стычки с горными «варварами» (III, 30, 10–11), — Арриан соответственно возвращается к Птолемею. Наконец, сообщение о скифских посольствах и решении Александра основать на Танаисе город (IV, 1, 1–4) дано по Аристобулу, который воспроизводит здесь версию В[2].

Курций о тех же событиях пишет следующим образом. Рассказ о захвате Бесса у него дан по версии В, но в сильно переработанном виде; возможно даже, что он заимствован Курцием от разных авторов[3]. В том месте сочинения Курция, где, согласно версии В, должен быть этот рассказ, а именно между описанием единоборства в стране ариев (VII, 4, 32–40) и похода по «согдийской пустыне» (VII, 5, 1–12), о Бессе нет ни слова. Весь рассказ разбит у Курция на три части и разделен значительными кусками повествования о других событиях (VII, 4, 1–19; 5, 19–26, 36–43). Последняя фраза этого рассказа (VII, 5, 43) — явная попытка устранить противоречие между двумя сообщениями о казни Бесса в версии В и в версии А, также приведенной у Курция (VII, 10, 10). Рассказ о походе по «согдийской пустыне» (VII, 5, 1–12) дан по версии В (ср. Diod., XVII, prol. (2), 19). Описание переправы через Окс (VII, 5, 13–18) — может быть, вставка в версию В, контаминация разных источников, в том числе и общего с Аррианом (Аристобул?). Распоряжения Александра (VII, 5, 27) — из версии А, в которой они предшествовали переправе (ср. Arr., Anab., III, 29, 5–6). В версии А за описанием переправы следовал рассказ о захвате Бесса, у Курция от него остались лишь слова: «тут привели Бесса» (tum Bessus perducitur) (VII, 5, 28); слова эти противоречат дальнейшему рассказу о Бессе (по версии В), и поэтому издатели стремились изменить их (у E. Hedicke, p. 224: dum Bessum persequitur…). Разрушение города Бранхидов — из версии В (ср. Diod., XVII, prol. (2), 20). Затем у Курция опять всплывают следы версии А, разделенные описанием казни Бесса (версия В): сообщение, что царь Александр «направился к реке Танаис» (processit ad Tanaim amnem) (VII, 5, 36), и описание стычки с горными «варварами» (VII, 6, 1–9). Поход к Маракандам и действия там, скифское посольство, решение Александра основать на Танаисе город (VII, 6, 10–13) — из версии В (ср. Arr., Anab., IV, 1, 1–4).

[1] *Ibid.* S. 173.
[2] *Ibid.* S. 123, 126.
[3] *Ibid.* S. 173.

1. Александр в Маракандах

Итак, сообщения о первом пребывании Александра в Маракандах относятся, по-видимому, к двум разным версиям (А и В). В версии А (отраженной и у Арриана, и у Курция) Александр идет в Мараканды после захвата Бесса, а оттуда — к Танаису, и где-то в пути происходит стычка с горными «варварами». В версии В (отраженной только у Курция) Александр должен оказаться в Маракандах после разрушения города Бранхидов, производит и там какие-то разрушения, а затем принимает посольства от скифов и решает построить город на Танаисе. Последовательность событий, которую мы находим в изложении Курция (в Мараканды — после стычки с горным племенем), является лишь результатом неудачного сочетания двух версий А и В, в котором синхронные отрезки из истории Александра изложены как последовательные: сначала — поход от Мараканд к Танаису и столкновение с горным племенем (VII, 5, 36; 6, 1–9 — версия А), затем — пребывание в Маракандах и на Танаисе (VII, 6, 10–13 — версия В).

В рассказе Курция в этой связи вызывает некоторое затруднение указание о четырех днях пути до Мараканд (VII, 6, 10). От какого пункта велся отсчет дней пути? Эпизод с городом Бранхидов нигде не сопровождается точным указанием местоположения этого города, да и вообще весь этот эпизод является, возможно, вставкой уже самого Клитарха в первоначальную ткань повествования. Эпизод пленения и казни Бесса в версии В также лишен конкретных географических указаний. Не исключено, что это определение пути относится к предшествующему отрывку версии А и первоначально не было связано с Маракандами, а просто указывало на то, сколько дней пришлось провести Александру в пути после ранения (ср. Curt., VII, 6, 8–9; Arr., Anab., IV, 1, 1).

Других известий о первом пребывании Александра в Маракандах не имеется. У Диодора весь этот период в оглавлении к XVII книге отражен очень обобщенно: «как царь пошел походом на согдианов и скифов» (Diod., XII, prol. (2), 21). Возможно, однако, что к этому событию относится сообщение Страбона (по Аристобулу?) о разрушении Александром Мараканд (Strab., XI, 11, 4, p. 517): ср. сообщение Курция о разрушении Александром «ближайших [к Маракандам] селений». Если известие Страбона восходит к Аристобулу, то здесь мы наблюдаем обычную для последнего связь с версией В.

2. Ранение Александра возле Мараканд

Упоминание о ранении Александра возле Мараканд входит у Плутарха в перечень опасных ситуаций, в которых оказывался Александр во время своих походов. Таких перечней два. Соответственно и ранение возле Мараканд упоминается дважды. В другом сочинении Плутарх опять упоминает это событие, но место его не указывает (Plut., Alex., 45). Более подробно оно описывается в версии А: ранение Александр получил в стычке с горными «варварами», случившейся где-то на пути от Мараканд к Танаису (Arr., Anab., III, 30, 10–11 и Itin. Alex., 80; Curt., VII, 6, 1–9; см. выше, пункт 1).

Весь перечень в двух вариантах и упоминания соответствующих эпизодов в другом сочинении Плутарха выглядит при сопоставлении следующим образом:

Место опасных ситуаций	Порядок перечисления в отрывках		Упоминания соответствующих эпизодов у Plut., Alex., главы
	1, 2	II, 9	
Иллирийцы	1	–	–
Граник	2	1	16
Исс	3	6	20
Газа	4	2	25
Мараканды	5	3	45
Гиркания	–	4	45
Инды	6	-	
Ассаканы	7	5	58
Гандриды	8	–	
Маллы	9	7	63
Скифы за Танаисом	–	8	45

Из этого сопоставления видно, что, во-первых, Плутарх заимствовал не готовый уже перечень, а сам извлек все из прочитанных им сочинений (перечни не совпадают полностью ни по содержанию, ни по порядку перечисления; соответствующие эпизоды в сочинении «Александр» большей частью органически входят в повествование Плутарха); во-вторых, даже сведения об одном и том же эпизоде в разных перечнях могли быть заимствованы Плутархом из разных сочинений. Последнее, вероятно, относится к эпизоду, связанному с Маракандами. В пользу такого предположения говорит, во-первых, то, что название Мараканд в перечнях употреблено в двух разных вариантах («Маракадры» и «Мараганды»), во-вторых, то, что в одном перечне маракандский эпизод был упомянут один, а в другом — в связи с гирканским (при этом была нарушена хронологическая последовательность перечисления). Сочетание этих двух эпизодов Плутарх, видимо, нашел уже в своем источнике. В его сочинении «Александр» они вновь упоминаются вместе и в той же последовательности; правда, здесь они точно не локализованы, но поскольку Плутарх имеет в виду, что они произошли незадолго до перехода Александра в Парфию из Гиркании, ясно, что он подразумевал гирканский эпизод (при этом Плутарх даже не учел, что оба эпизода разделены большим промежутком времени и маракандский имел место много позже тех событий, о которых он здесь рассказывает).

Из каких источников заимствовал Плутарх оба приведенные сообщения о Маракандах? Ответить на этот вопрос нелегко, так как Плутарх использовал очень много сочинений, относящихся к эпохе Александра. В своем сочинении «О судьбе или мужестве Александра» он ссылается на письма Александра, а из

историков Александра — на Аристобула, Харета, Онесикрита[1]. В самих перечнях (во втором из них) он делает ссылки на письма Александра и на Харета по поводу эпизода из битвы при Иссе и на Аристобула по поводу эпизода у маллов. К каким-то из этих источников восходят и сообщения о Маракандах. Не исключено, например, что второе из них (в истории о Маракандах говорится вместе с Гирканией) восходит к письмам Александра. Упоминание в каком-нибудь из них о двух последних ранениях Александра было бы вполне уместным, но труднее ожидать такого упоминания в одной из «Историй Александра», последовательно и подробно описывавших его походы. Если же одним из источников указанных сообщений был Аристобул, то они не были заимствованы этим автором ни у Клитарха, ни у Птолемея; первый, видимо, вообще не говорил о соответствующих событиях, второй помещал их в другие места (маракандское ранение — на пути от Мараканд к Танаису, Arr., Anab., III, 30, 11, гирканское — видимо, при осаде Кирополя, Arr., Anab., IV, 3, 3).

III. Мараканды во время первого восстания согдийцев

В рассказе о первом восстании согдийцев у историков Александра с Маракандами связаны следующие эпизоды: действия Спитамена в Маракандах, поход македонского отряда против Спитамена к Маракандам и, наконец, поход против Спитамена к Маракандам самого Александра (у Арриана: IV, 3, 6; 4,1–5,1; у Курция: VII, 6,25–7,29; 8,1–9,19). Эти эпизоды в изложении историков частично разделены описанием других событий — строительства Александрии на Танаисе и похода Александра против скифов за Танаис.

Все эти эпизоды представлены в двух основных версиях: одна из них (изложенная у Арриана) — определенно версия А, другая (изложенная у Курция) — не вполне ясного происхождения. Романтический характер этой второй версии как будто позволяет относить ее к версии В, но у Клитарха обнаружить ее следов не удается: история Спитамена не отражена вообще ни у Диодора (не упоминается в оглавлении к его XVII книге, в котором перечисляются и намного менее значительные события, описанные у Курция более скупо), ни у Трога (не упоминается как у Юстина, так и во фрагментах)[2]. В первой версии все эти события излагались, видимо, после рассказа о скифском походе Александра. Из македонских стратегов, очевидно, упоминались только два — Андромах и Каран (лишь они названы у Arr., Anab., IV, 5, 2–8, излагавшего версию А[3]); битва здесь происходит после преследования Спитамена македонцами, на берегу Политимета, а поражение македонцев явилось следствием несогласованности действий их стратегов. Во второй версии начало рассказа об этих событиях излагалось, ви-

[1] Ср. *Ziegler*. Op cit., стб. 924.

[2] Тем не менее Ф. Якоби считает, что эту версию Курций передает по Клитарху: *Jacoby*. Op. cit. S. 516.

[3] *Jacoby*. Op. cit. S. 515–516; ср. *Григорьев В. В.* Поход Александра Великого в Западный Туркестан // ЖМНП. 1881. № 9. С. 64.

димо, перед описанием постройки города на Танаисе, а заканчивался рассказ описанием Политимета; здесь упоминался только один македонский стратег — Менедем (поэтому и не могло быть ссылки на несогласованность действий стратегов); битва происходит на пути македонского отряда к Маракандам, а гибнет этот отряд потому, что попадает в засаду. Третью версию, комбинируя первую и вторую, дает Аристобул (fr. 27)[1]; у него упомянуты все три стратега — Андромах, Каран и Менедем, а в описании битвы фигурируют и засада, и раздоры стратегов.

Арриан начинает соответствующую часть своего повествования с сообщения о прибытии на берега Танаиса скифов (IV, 3, 6) — это событие послужило причиной похода Александра на скифов. Здесь Арриан следует Птолемею, у которого выступление скифов связано с восстанием семи городов на Танаисе и поэтому упомянуто сразу после описания этого восстания. Но далее у Арриана, видимо, следует вставка из Аристобула: известия о Спитамене и отправка македонского отряда (упомянуты все три стратега), строительство города на Танаисе (VI, 3, 6–4, 1). Последовательность рассказа Аристобула здесь, видимо, была такая же, как в версии B: в этой версии поводом к выступлению скифов было строительство города на Танаисе (ср. Curt., VII, 7, 1), а поэтому, естественно, первое событие должно было следовать в повествовании сразу за вторым. У Арриана же, объяснявшего причину выступления скифов по Птолемею, такая последовательность изложения получилась не вполне оправданной. Но далее Арриан ведет свой рассказ вновь по Птолемею: о действиях Спитамена и македонского отряда у Мараканд (IV, 4, 2–5, 8). Затем опять возвращается к Аристобулу и рассказывает о гибели македонского отряда (IV, 6, 1–2 = Aristobul., fr. 27), видимо, о походе Александра к Маракандам и опустошении им долины Политимета (IV, 6, 3–5), о самой реке Политимет (IV, 6, 6–7 = Aristobul., fr. 28 b). Описание этой реки у Аристобула и Курция (VII, 10, 2–3) неодинаково. Это можно объяснить тем, что Аристобул заменил первоначальное описание, найденное им в использованной версии, более точными данными какого-то другого автора или своими собственными наблюдениями, либо, наоборот, тем, что описание Курция является результатом позднейшей переработки, исказившей первоначальный вариант, отраженный у Аристобула.

Курций о тех же событиях рассказывает (VII, 6, 24–10, 3), используя попеременно версию B и тот же источник, из которого заимствован рассказ о Спитамене. Лишь в рассказе о чудесном спасении 30 согдийцев (VII, 10, 4–9) Курций определенно переходит к версии B (ср. Diod., XVII, prol. (2), 22). При этом характерно, что эпизод, в версии B (ср. Diod., XVII, prol. (2), 23) следующий за упомянутым выше, у Курция (VII, 9, 22) совсем отделен от него, видимо, потому, что восходит к другому источнику, из которого взята история Спитамена. Затем Курций (VII, 10, 10) передает версию A (ср. известие о казни Бесса в Экбатанах, исключающее версию B).

Других известий о событиях первого восстания согдийцев, связанных с Маракандами, в источниках не имеется.

[1] *Jacoby*. Op. cit. S. 516.

III. Мараканды во время второго восстания согдийцев. Третий поход Александра в Мараканды

Следующая группа сообщений о Маракандах относится к рассказу о втором восстании согдийцев и новом пребывании Александра в Маракандах. У Арриана эти события описываются, начиная с рассказа о гибели Клита и кончая сообщением о последних распоряжениях Александра перед его отправкой на зимовку в Навтаки (IV, 8,1–16,3; 17,3), у Курция — начиная с сообщения о выступлении Александра к Оксу и кончая описанием последних его действий перед отправкой в Навтаки (VII, 10, 13 — VIII, 1, 2; 1, 7–2, 18).

Здесь основной ход изложения в версиях А и В был предположительно следующим:

Версия А	Арриан	Курций
Выступление Александра к Оксу; чудесные источники возле Окса	IV, 15, 7–8	VII, 10, 13–14
Распоряжения Александра относительно Бактрии; поход македонцев по Согдиане несколькими отрядами и соединение их в Маракандах	IV, 16, 1–3	VII, 10, 13; VIII, 1, 1–2, 7, 10
Миссии Гефестиона и Кена с Артабазом	IV, 16, 3	VIII, 2, 13
Замена Артабаза Амintой в должности сатрапа; Кен «оставлен на прежнем месте» на зимовку	IV, 17, 3	VIII, 2, 14
Поход Александра по той части Согдианы (Ксениппам?), которая оставалась в руках восставших	IV, 16. 3	VIII, 2, 14-18

Версия В	Курций	Арриан	Диодор	Трог-Юстин
Восстание бактрийцев и второе восстание согдийцев, поход Александра через Ох и Окс к Маракандам	VII, 10, 16		XVII, prol. (2), 24	
Основание городов	VII, 10, 15–16		XVII, prol. (2), 24	XII, 5, 13
Третье восстание согдийцев и захват Скалы Ариамаза	VII, 11		XVII, prol. (2), 25	
Охота в Басистах	VIII, 1, 10–19		XVII, prol. (2), 26	
Гибель Клита и Каллисфена	VIII, 1, 19–2, 13	IV, 8, 1–14, 4	XVII, prol. (2), 27–28	XII, 6, 1–16
Посольства от скифов и хорасмиев	VIII, 1, 7–10	IV, 15, 1–6		XII, 6, 17

Арриан начинает указанную часть своего повествования с рассказа о гибели Клита и Каллисфена (IV, 8, 1–14, 4), но при этом оговаривается, что он нарушает здесь хронологическую последовательность изложения и что эти события произошли «несколько позже» зимовки Александра в Зариаспах и последующих событий (IV, 8, 1; 14, 4). Источником для этого рассказа Арриана послужили преимущественно сочинения Аристобула и каких-то «других» авторов; есть основание предполагать, что о гибели Клита Арриан в сочинении Птолемея вообще ничего не нашел[1].

Поскольку Арриан в хронологическом изложении событий следовал в основном Птолемею, а построение рассказа Аристобула, следовавшего здесь версии B, было совсем другим, то Арриан, заимствуя у Аристобула эпизоды с Клитом (IV, 8, 9 = Aristobul., fr. 29) и Каллисфеном, видимо, и не пытался найти их хронологически точное место в своем повествовании, а просто присоединил их к своим рассуждениям по поводу измены Александра родным обычаям (IV, 7, 4–5). Соединение этих двух эпизодов (гибель Клита и гибель Каллисфена) вместе, очевидно, было осуществлено уже в версии B (ср. Diod., XVII, prol. (2), 27–28), так же излагал их и Аристобул. Далее Арриан говорит о посольствах скифов и хорасмиев (IV, 15, 1–6), опять-таки не указывая ни места, ни времени. Как и предшествующее сообщение о подобных посольствах (IV, 1, 1–2), оно было заимствовано у Аристобула, а через него — из версии B[2]. Поэтому можно думать, что и это сообщение Арриана является продолжением все той же выдержки из Аристобула; видимо, такова же была последовательность изложения и в версии B (ср. Iust., XII, 6, 17). Затем изложение ведется уже по Птолемею — о событиях, следующих за зимовкой в Зариаспах (IV, 15, 7 и далее)[3]; впрочем, возможно, что и здесь у Арриана имеется некоторое нарушение хронологической последовательности: так, весь отрывок IV, 16, 4–17, 3 должен был бы излагаться после слов «к скифам бежал Спитамен» (IV, 16, 3), а оставшаяся часть § 3 — после этого отрывка (ср. Curt., VIII, 2, 14–18).

Курций в начале указанной части своего сочинения продолжает изложение версии A, не делая вставок, поэтому о выступлении Александра к Оксу (VII, 10, 13–14) он говорит сразу же после описания его зимовки в Бактрах (Зариаспах); однако, возможно, что здесь уже сказывается влияние и версии B (ср. сообщение Курция, VII, 10, 13 о жизни зачинщиков мятежа в Бактрии и Diod., XVII, prol. (2), 24). Далее Курций излагает версию B: поход через реки Ох и Окс к городу Марганда, основание городов, взятие скалы Аримаза (VII, 10, 15–11, 29) (ср. Diod., XVII, prol. (2), 24); переход к другой версии указан здесь упоминанием переправы Александра сначала через Ох, а затем через Окс, хотя уже перед этим говорилось (по версии A), что Александр подошел к реке Окс. Следующий отрывок у Курция (VIII, 1, 1–10) является сочетанием версий A и B. Тесное переплетение элементов обеих версий заставляет предполагать, что контаминацию двух версий Курций нашел в этом месте уже в своем оригинале. В целом отры-

[1] *Schwartz*. Op. cit. S. 146; *Jacoby*. Op. cit. S. 517.

[2] *Schwartz*. Op. cit. S. 123, 126; *Jacoby*. Op. cit. S. 516.

[3] *Jacoby*. Op. cit. S. 516.

вок изложен по версии А, но сообщение о посольстве скифов и хорасмиев (VIII, 1, 7–10) принадлежит версии В. Первоначально в самой версии В и у Аристобула, как мы уже говорили, это сообщение было помещено после рассказа о гибели Клита и Каллисфена, затем (под влиянием версии А) рассказ о гибели Каллисфена был отделен от рассказа о гибели Клита и перемещен к началу повествования об индийском походе Александра, а указанное сообщение, таким образом, стало непосредственно следовать за рассказом о Клите (так у Трога-Юстина, ср. Trog., fr. 95, Seel); наконец, оно было перенесено и отсюда и стало предшествовать рассказу о Клите (так у Курция). Вслед за разобранным отрывком Курций рассказывает об охоте Александра в Басистах и гибели Клита (VIII, 1, 10–2, 13) — по версии В; заметны здесь (в рассказе о Клите) и следы обработки ее Аристобулом[1]. Затем вновь переходит к версии А, по которой, видимо, излагаются последние распоряжения Александра в Маракандах и действия его в Ксениппах (VIII, 2, 13–18).

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных эпизодов, непосредственно связанных с Маракандами.

Поход Александра к Маракандам нашел отражение как в версии А, так и в версии В. В первой версии (изложенной у Арриана и у Курция) Александр сначала идет к реке Окс, где обнаруживаются чудесные источники, затем, перейдя в Согдиану, разделяет свое войско на пять отрядов, которые проходят по всей стране и соединяются в Маракандах. У Курция (VIII, 1, 1, 10), правда, из пяти отрядов упомянуты только три (самого Александра, Гефестиона, Кена с Артабазом), но это, видимо, результат переработки версии А, в которой сообщение об отрядах, шедших в Мараканду, совместилось с сообщением о двух отрядах (Гефестиона и Кена с Артабазом), вышедших из Мараканд уже после соединения там всего войска (Arr., Anab., IV, 16, 3). К этой версии примыкает Плутарх (Alex., 57), сообщающий о чудесном источнике близ Окса, обнаруженном во время похода Александра (со ссылкой на письмо самого Александра). Во второй версии (изложенной только у Курция) Александр идет к реке Ох, оттуда к реке Окс, и затем — в Согдиану к Маракандам. Диодор (XVII, prol. (2), 24) сообщает очень мало: «как [Александр] … покорил согдианов второй раз». Имеются следы еще одной версии — Аристобула, в которой упоминается о бактрийской реке Ох, впадающей в Окс, и о чудесном источнике близ Оха (Strab., XI, 7, 3, p. 509; 11, 5, p. 518)[2]. По-видимому, мы наблюдаем здесь обычное для Аристобула компромиссное сочетание версии А и В: с одной стороны, Александр у него, очевидно, переходит через Ох и Окс (версия В), с другой — не упущен и эпизод с чудесным источником (версия А), причем помещен этот источник близ Оха.

Об основании городов после похода к Маракандам также говорится и в версии А, и в версии В. Первая версия изложена у Арриана и слабо отражена у Курция. У Арриана (IV, 16, 3) Александр непосредственно после соединения всего войска в Маракандах отправляет Гефестиона с приказом основать колонии в Согдиане. У Курция Гефестион отправлен также после соединения войска в Мара-

[1] *Schwartz*. Op. cit. S. 119; *Jacoby*. Op. cit. S. 517.

[2] Об источниках Страбона здесь см.: *Schwartz*. Op. cit. S. 122; *Markwart*. Wehrot… P. 3.

кандах (ср. VIII, 1, 10 и 2, 13 — разделены оба сообщения вставкой из версии В), но с целью заготовки продовольствия на зиму в Бактрии. Вероятно, такое определение цели экспедиции Гефестиона появилось у Курция в результате какого-то искажения при переработке версии А. Вторая версия изложена у Курция (VII, 10, 15–16). Города здесь основаны Александром также непосредственно после похода к Маракандам, близ этих последних. Курций здесь, видимо, довольно точно передавал версию В — это можно заключить из сопоставления данного отрывка сочинения Курция с повествованием Диодора (XVII, prol. (2), 24)[1]: «Как Александр… покорил согдианов второй раз и основал города в удобных местах для наказания восстающих». Первоначально в версии В об основании городов, возможно, говорилось примерно так, как это изложено у Курция. При последующих переработках этой версии по поводу данного эпизода стали говорить также вообще о всех основанных Александром в Бактрии и Согдиане городах, соответственно изменилось и число этих городов — таково, очевидно, происхождение сообщения об основании Александром городов в Бактрии и Согдиане у Трога-Юстина (XII, 5, 13 = Trog., fr. 92c, Seel) и Страбона (Аристобула?) (XI, 11, 4, p. 517).

О последних распоряжениях Александра во время его летнего пребывания в Маракандах говорится только в версии А (в изложении и Арриана, и Курция). Это были административные распоряжения, касавшиеся бактрийской сатрапии и Согдианы. Бактрийским сатрапом был назначен вместо Артабаза Аминта (так у Арриана, IV, 17, 3; у Курция VIII, 2, 14 — вместо Клита; такое изменение было необходимо Курцию для согласования с версией В, по которой сатрапия Артабаза была передана не Аминте, а Клиту, Curt., VIII, 1, 19). В Согдиане был «оставлен на прежнем месте», т. е., очевидно, в Маракандах, гарнизон под начальством Кена (об этом сообщает только Арриан, IV, 17, 3). Сам же Александр двинулся в другие области Согдианы, сначала в ту область (Ксениппы?), которая оставалась еще в руках восставших (об этом говорят и Арриан, IV, 16, 3, и Курций, VIII, 2, 14, сообщающий также некоторые дополнительные подробности), а затем в Навтаки.

Еще три эпизода, связанных с Маракандами, сохранились только в версии В. Это охота в Басистах, гибель Клита и посольство от скифов и хорасмиев. Об охоте в Басистах, куда Александр выезжал из Мараканд, кроме Курция, говорит только Диодор (XVII, prol. (2), 26): «Об охоте в Басистах и о множестве зверей, [обитавших] в них»[2]. Вслед за описанием этого эпизода рассказывалось о гибели Клита и Каллисфена, причем гибель первого была приурочена к Маракандам. Рассказа о гибели Клита, как мы уже говорили, возможно, не было в версии А,

[1] Ср. *Schwartz*. Op. cit. S. 160.

[2] [О Басистах см. указанную выше работу. Басисты определены там как большая область выше Самарканда по течению Зеравшана (S. 40–46). Именно в этих местах таджикским археологом У. Эшонкуловым недавно обнаружены остатки охотничьего парка ахеменидского времени, точно соответствующие его описанию у историков Александра (*Эшонкулов* У. История парадиза древнего Согда. Душанбе, 2007. С. 13–76). Заметим, что такое местонахождение парка хорошо соответствует последовательности событий, представленной в версии В; как видно, охота в Басистах была всего лишь кратковременным выездом из Мараканд.]

но в версии В он дошел в нескольких вариантах (представленных у Арриана и Курция). Один из таких вариантов принадлежит Аристобулу (fr. 29). Другие варианты использованы Плутархом (Plut., Alex., 50–52)[1]. Наконец, после рассказа о гибели Клита и Каллисфена следовал рассказ о вторичном посольстве от скифов и о посольстве от хорасмиев к Александру в Мараканды. Как уже отмечалось выше, в последующих переработках версии В об этих посольствах говорилось или непосредственно после рассказа о гибели Клита, или до этого рассказа, хотя даже и в последнем случае событие было приурочено к Маракандам (Curt., VIII, 1, 7–10).

Рассказ о третьем восстании согдийцев и захвате Скалы Ариамаза в версии В соответствует истории захвата Согдийской скалы, последнего убежища восставших согдийцев, в версии А (Arr., Anab., IV, 18, 4–20, 5; ср. Strab., XI, 11, 4, p, 517). Это событие в версии А отнесено ко времени, намного более позднему, чем пребывание Александра в Маракандах, — к периоду после зимовки в Навтаках. Перестановка указанных событий, засвидетельствованная в версии В, видимо, была осуществлена уже в первоначальных ее вариантах у Клитарха.

V. Отдельные упоминания о Маракандах

В сочинениях античных авторов разбросаны также отдельные упоминания о Маракандах, не связанные с описаниями походов Александра.

Страбон, как мы уже говорили, заимствует свое сообщение о Маракандах, возможно, у Аристобула, из рассказа последнего о первом походе Александра к Маракандам.

Плиний также заимствует свое сообщение в конечном счете у историков Александра. Контекст сообщения Плиния о Маракандах выглядит как очень сжатое изложение рассказа о походах Александра в Бактрию и Согдиану. Указанное сообщение входит в состав его описания «Персидского царства» (VI, 41–49). Это описание, если исключить из него вставки, основанные на современных Плинию данных, явно восходит к одному из рассказов о походах Александра — не случайно непосредственно перед указанным описанием дается ссылка на «спутников Александра Великого» (VI, 40). Но рассказ этот дошел до Плиния, видимо, в обработке несколько более позднего автора, о чем свидетельствует упоминание в нем Селевка и Антиоха; возможно, что этим автором был Демодам (ср. Plin., N. H., VI, 49)[2].

Птолемей упоминает Мараканды в своем описании Бактрии (в VI книге) и в списке знаменитых городов Бактрии (в VIII книге). Возможно, что в описании карты Бактрии Мараканды упомянуты дважды под дублирующими друг друга названиями: «Мараканда» и «Маракодра»[3]. Теми «другими реками», близ кото-

[1] *Jacoby*. Op. cit. S. 517.

[2] *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B., 1909. S. 123–124.

[3] *Weissbach*. Μαρακόδρα // RE. 1930, HlBd 28, стб. 1422; Ср. Μαράκαδρα Плутарха.

рых находятся эти города, может быть, являются Даргоман — для Мараканды и Артамис (Даргамис) — для Маракодры; есть основания полагать, что и эти названия дублируют друг друга, обозначая одну и ту же реку[1]. Оба города помещены у горы Паропанис, тянущейся в широтном направлении, с которой стекают соответствующие им реки. В списке знаменитых городов Бактрии упомянута только Мараканда. Указанные здесь координаты ее (в переводе на градусы: 36–37° широты, 113° долготы) несколько отличаются от тех, которые даны в описании карты.

Очень близкое описание Бактрии, видимо, по Птолемею, дает Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 55–58). Среди бактрийских рек он упоминает Даргоман и Артамис, но в перечне бактрийских городов Мараканда и Маракодра, как, впрочем, и еще несколько городов, пропущены.

Непосредственным источником рассматриваемых сообщений Птолемея было сочинение Марина Тирского (конец I или начало II вв. н. э.). Используя материалы своего предшественника, Птолемей, однако, вносил в них некоторые изменения. Марин, по словам Птолемея, так и не успел сам составить карту, поэтому его указания относительно координат отдельных пунктов бессистемны и мало согласованы друг с другом, разбросаны в разных частях его сочинения; Птолемей, сводя воедино все эти указания для составления карты, вынужден был пойти на ряд изменений, чтобы устранить неясности и противоречия (Ptol., Geogr., I, 15, 17–19). В целом конфигурация ближайших частей ойкумены — Бактрии, Согдианы, Страны саков — у Птолемея осталась прежней, но координаты некоторых пунктов здесь были изменены. Большинство изменений связано с поправками, внесенными Птолемеем в определение участков пролегавшего здесь «шелкового пути». Марин вел этот путь от Евфрата до Бактр по прямой и помещал его на родосской параллели (36°). Птолемей, опираясь, видимо, на сведения Эратосфена, оперировавшего примерно такими же маршрутными данными (ср. Eratosthen., fr. III A, 2, 8, 11, Berger), отмечает, что только часть этого пути может быть оставлена на родосской параллели, другая же часть (например, путь от Антиохии Маргианы, 106° долготы, до Бактры, 116°) должна быть перенесена на геллеспонтскую параллель (41°) или на широты близ нее (Ptol., Geogr., I, 12). Поэтому пункты, через которые проходила эта часть пути, он переносит на широту 40–41°. Но такое изменение повлекло и ряд других. Северные склоны Паропаниса вместе с истоками рек, берущих там начало, также были перенесены — с широты 36° на широту 39° (кроме истоков Даргомана). Очевидно, Птолемей имел в виду, что главный хребет Паропаниса должен проходить между широтами 39° и 38°, т. е. посередине между геллеспонтской и родосской параллелями, поскольку у Эратосфена эти параллели служили, кроме того, северной и южной границами хребта Тавр, проходящего через всю Азию и включавшего, в частности, Паропанис. Поэтому пункты, связанные с упомянутыми реками (но не с «шелковым путем»), нужно было также перенести на широты не ниже 39–40°. Так были перенесены, по-видимому, Мараканда и Маракодра. В этой связи интересно сопоставить описание карты и список городов. Известно, что

[1] *Markwart.* Wehrot... S. 26.

список был составлен Птолемееем раньше, чем описание, причем указания их, часто противоречащие друг другу, не были унифицированы автором[1]. Следует ожидать, что в списке мы найдем материалы Марина, подвергнувшиеся меньшим изменениям, меньшей обработке, чем на карте Птолемея. Действительно, в списке указана широта для Мараканды 36–37°, на карте — 39–40°. Так была получена широта, указанная на карте Птолемея для Мараканды, довольно точно совпадающая с широтой Самарканда; совпадение, как видим, случайное[2].

Марин пользовался самыми разнообразными источниками; он тщательно изучил почти все сочинения своих предшественников, сопоставлял их и старался исправить старые представления с помощью новейших данных (Ptol., Geogr., I, 5–6). Действительно, в материалах Марина по Бактрии, Согдиане, Стране саков чувствуется сочетание разнородных данных. Так, с одной стороны, он повторяет старое мнение о том, что Согдиана и Страна саков граничат с юга с Индией (а с запада, следовательно, с Бактрией); с другой — он помещает Согдиану и Страну саков только на параллель середины Понта (примерно 45°, следовательно, к северу от Бактрии) (Ptol., Geogr., I, 16). Первый вариант отражает традиционный взгляд, восходящий к карте Эратосфена. У Эратосфена Бактрия, Согдиана и Страна саков были расположены на одной линии, с запада на восток, вдоль северных склонов Тавра, причем напротив Согдианы и Страны саков, по другую сторону Тавра, располагалась Индия (Эратосфен у Strab., XI, 8, 8, p. 513–514; 11, 1, p. 517; 11, 6, p. 518). Не случайно такие согдийские города, как Александрия Крайняя (122° долготы, 41° широты) и Киресхата (124° долготы, 43° широты), которые должны были фигурировать уже на карте Эратосфена, на карте Марина—Птолемея (Ptol., Geogr., VI, 12, 5–6) были отнесены именно к «эратосфеновой» Согдиане — на восток от Бактрии, на широты южнее широтного течения Окса (44°). К числу тех же городов, очевидно, нужно отнести и Мараканду—Маракодру. Это объяснило бы по крайней мере, почему Мараканды были перемещены на юг. Вряд ли сведения о Маракандах были взяты Марином из новейшего источника, каковым для рассматриваемых частей ойкумены был у него итинерарий Мая Тициана, купца, торговые агенты которого отправлялись по «шелковому пути» в Серу (Ptol., Geogr., I, 11, 6). Уже само положение Мараканд на карте показывает, что Марин не имел каких-либо точных данных об этом городе[3]. Действительно, Мараканда и Маракодра, по-видимому, не упоминались Марином в описании пути торговцев Мая Тициана, поскольку

[1] *Schnabel P.* Text und Karten des Ptolemäus. Lpz., 1939. S. 74–75.

[2] См. по этому поводу: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. М., 1963ю Т. II. Ч. 1. С. 186; *Markwart.* Wehrot… S. 30.

[3] Предположение о том, что Птолемей упомянул какую-то другую Мараканду, действительно находившуюся там, куда он поместил ее, но умолчал о Мараканде Согдианы (*Berthelot A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'apres Ptolemée. P., 1930. P. 145, 189), кажется нам совершенно неубедительным. Полагаться на точность координат и взаимного расположения отдельных пунктов (которые к тому же еще часто дублируют друг друга) на карте Птолемея никак не приходится. Размещать же на карте наиболее знаменитые города (как таковой фигурирует Мараканда в VIII книге сочинения Птолемея) и народы, упоминавшиеся у предшественников, Птолемей и Марин, видимо, считали своей обязанностью, причем делали они это весьма произвольно.

эти пункты, как уже отмечалось, выпадают из параллели, по которой Птолемей ведет ближайший участок «шелкового пути». Путь торговцев проходил в стороне от тех мест, где находились Мараканды: от Бактр они направлялись к сакам, и лишь здесь, в «горах комедов», к ним присоединялись караваны из Согдианы (Ptol., Geogr., I, 12, 7; VI, 13, 1–2)[1]. Но и в те сведения, которыми располагал Марин о Маракандах, он внес изменения. Мараканды у него переместились из Согдианы в Бактрию на значительно более западную долготу. Для объяснения этого перемещения предлагалось несколько гипотез[2]. Пожалуй, наиболее убедительная из них следующая. В сочинении, которое послужило для Марина источником сведений о Маракандах, эти последние были упомянуты рядом с рекой, еще и ныне носящей древнее имя Даргом. Из каких-то других, видимо, более новых источников ему была известна река в Бактрии под очень близким названием (представленном в двух вариантах, — может быть, в двух разных источниках: Даргоман и Даргамис или Артамис). Марин отождествил обе реки и, отдавая предпочтение новым источникам, перенес Мараканды в Бактрию. К этому можно добавить еще такое наблюдение. В качестве столицы Согдианы на карте Марина—Птолемея вместо Мараканды название Дрепса (Ptol., Geogr., VI, 12, 6); координаты ее (120° долготы, 45° широты) вполне могли бы подходить и для Мараканды в «эратосфеновой» Согдиане. Но Дрепса (варианты: Дарапса, Адрапса, Драпсака, Arr., III, 29, 1; Strab., XI, 11, 2, p. 516; XV, 2, 10, p. 725) в описаниях походов Александра (поэтому, возможно, и у Эратосфена) помещена на юге Бактрии, у выхода с Паропаниса, т. е. примерно там, где на карте показаны Мараканда и Маракодра. Видимо, все эти перемещения — один из результатов тех исправлений, которым Марин, по словам Птолемея, постоянно подвергал сведения предшественников и даже свои собственные положения, переиздавая неоднократно свое сочинение (Ptol., Geogr., I, 6).

Эратосфен для составления карты этих мест пользовался главным образом описаниями походов Александра, а именно итинерариями бематистов Александра (видимо, уже через какого-то посредника). В сохранившихся фрагментах этих итинерариев (Baeton, fr. 2a, b; по крайней мере fr. 2b, дошел до нас в обработке Эратосфена) мы находим только указание о расстоянии между Бактрами и тем местом на Яксарте, до которого дошел Александр (Александрией Крайней?) (5000 стадиев). В первоначальном тексте итинерариев путь между Бактрами и Александрией Крайней, видимо, описывался более подробно: указывалось расстояние между отдельными пунктами и их расположение относительно друг друга; одним из таких пунктов были Мараканды. Этими данными и воспользовался Эратосфен для составления своей карты. Но восстановить их сейчас очень трудно: они подверглись изменениям, очевидно, уже у Эратосфена, а затем у Марина и Птолемея.

[1] *Бартольд*. Op. cit. C. 185; *Markwart*. Wehrot… S. 59, прим. 3; *Herrmann A*. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz., 1938. S. 101–107.

[2] См. *Markwart*. Wehrot… S. 29; *Tomaschek*. Centralasiatische Studien… S. 83; *Он же*. Dargamanes // RE. 1901. Bd 4. стб. 2215.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ДРЕВНИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абии	— см. скифы
Александрия Крайняя (Александрия на Танаисе)	— город, ныне Ходжент
Бактриана (Бактрия)	— страна между Гиндукушем и Амударьей
Бактры	— город, ныне Балх
Басисты	— местность в Согдиане, в долине Зеравшана
Гиркания	— страна у Каспийского моря, ныне Гурган
Дахи	— народ, обитавший на востоке от Каспийского и Аральского морей
Даргоман	— река, предположительно: 1) Сурхаб (Кундуз) и 2) Даргом около Самарканда
Даргамис (Артамис)	— возможно, то же, что Даргоман
Зариасп	— возможно, то же, что Ох
Зариаспы	— то же, что Бактры
Кавказ	— здесь Гиндукуш
Киры (Кирополь, Киресхата)	— город, возможно, ныне Ура-Тюбе
Ксениппы	— местность в Согдиане, предположительно, район Карши в долине Кашкадарьи
Маргиана	— страна в низовьях Мургаба, позднейший Мерв
Массагеты	— народ, обитавший на восток от Каспийского и Аральского морей
Навтаки	— местность в Согдиане, предположительно, район Шахрисябза в долине Кашкадарьи
Окс	— река, Амударья
Ох	— река, здесь, видимо, Балхаб
Паропанис	— Гиндукуш
Парфия	— страна, ныне Хорасан
Политимет	— река, ныне Зеравшан
Саки	— народ, обитавший на Памире и в Припамирье, а также к северу от Памира
Скифы	— здесь общее название для кочевых народов Средней Азии. Поскольку спутники Александра отождествляли Сырдарью с Доном (Танаисом), считавшимся границей Европы и Азии, то кочевники, обитавшие по правую сторону Сырдарьи, были названы ими «европейскими», а обитавшие по левую сторону — «азиатскими» (они же «абии», «скифы выше Боспора»)
Согдиана	— страна между средним течением Амударьи и Сырдарьи
Танаис	— река, здесь Сырдарья
Хорасмии	— народ, жители Хорезма
Яксарт	— то же, что Танаис

6. ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ (Опыт исторической реконструкции)*

Обычно, когда идет речь о древнейших государствах Средней Азии, исследователи опираются лишь на скудные и легендарные сведения античных источников о Бактрийском царстве или даже на намеки (толкуемые не всегда однозначно), указывающие будто бы на существование Хорезмийского объединения. В зависимости от того, каким сведениям отдавали предпочтение, говорили о Бактрийском или Хорезмийском государственном (или предгосударственном) образовании, часто допуская, впрочем, одновременное существование того и другого[1]. В последнее время как будто с большей уверенностью говорят о Бактрийском царстве, нежели о Хорезмийском [Gnoli 1980: 92, 93; Вайнберг, Ставиский 1994: 30, 31; Frye 1996: 79, 85), что кажется нам вполне оправданным.

Однако, как ни странно, пытаясь реконструировать древнейшее прошлое Средней Азии, обычно совсем или почти не принимают во внимание местную, древнеиранскую историческую традицию — предания о древних кави. Впервые использовал эту традицию для воссоздания доахеменидской истории Средней Азии в сочетании с античными данными и при учете последних достижений археологии и других наук крупнейший востоковед И. М. Дьяконов [Дьяконов 1971: 122–154; История древнего мира 1989: 396–398; CHI 1985: 131]. В настоящей работе предпринята попытка пойти в реконструкции прошлого именно таким путем. Но в ряде существенных моментов мы предлагаем иную трактовку событий. Рамки работы заставляют нас ограничиться внешней, событийной стороной истории, хотя мы и понимаем, что объяснена она может быть лишь при анализе внутренней жизни общества «авестийских арьев», «народа Авесты», в среде которого и возникали царства древних кави. В частности, много дал бы анализ самого института «кави» (например, намечается такая его эволюция: правитель < сакральный поэт, мудрый провидец и наставник < кузнец-колдун).

Если попытаться выделить в исторической традиции о царствах древних кави рациональное ядро, то история этих царств предстанет примерно в следующем виде[2]. Вся она делится на два периода: ранний и поздний, к которым и относятся соответственно первая (ранняя) и вторая (поздняя) династии древних кави.

---

*Впервые опубликовано: Древнейшие государственные образования Средней Азии. (Опыт исторической реконструкции) // Древнейшие цивилизации Евразии. История и культура. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 334–348.

[1] Обзор истории вопроса о древнейших государствах Средней Азии (который тесно связан с вопросом о родине зороастризма) дан мной в работах [Пьянков 1972: 16–18; 1996: 3–6).

[2] Свою трактовку истории царств древних кави я уже излагал вкратце в работах [Пьянков 1995а: 51–53; 1995б: 30]. Обший очерк истории царей-кави см. [Christensen 1931: 31–34].

Основателем ранней династии был кави Кавата, ему наследовал кави Апивоху, все четыре сына которого носили титул «кави» — возможно, царство было разделено на четыре удела, — но главным среди них был кави Усан, или Усадан, при котором царство достигло большого могущества. После какого-то периода смут и вторжений на престол вступает внук Усана кави Хаусрава, держава которого вновь достигает расцвета. Базовой областью первых кави была Драгиана — область озера Хамун.

Держава Хаусравы, видимо, распалась на множество мелких царств, во главе которых стояли правители, продолжавшие носить титул «кави». Именно такова была обстановка ко времени странствий пророка Заратуштры. Одним из этих правителей являлся кави Виштаспа, сидевший в Бактрии, при дворе которого и обосновался Заратуштра. Этого кави можно считать представителем второй, поздней династии великих кави. При нем начались «религиозные» войны, которые велись под лозунгом утверждения учения Заратуштры. Так была создана держава кави Виштаспы, и с тех пор Бактрия играла ведущую роль на востоке иранского мира вплоть до завоеваний Ахеменидов.

Если исходить из датировки Заратуштры, а вместе с ним и царства кави Виштаспы второй половиной VII в. до н. э. как наиболее вероятной, то царство ранних кави можно датировать, как это делает А. Кристенсен, примерно 900–775 гг. до н. э. [Christensen 1931: 34].

Почти единственным источником для истории древних кави являются эпические сказания[1], где, как всегда в такого рода известиях, воспоминания о подлинных событиях обильно сдобрены народной фантазией. Вполне вероятно, что сказания о ранних кави первоначально сохранялись в виде устной традиции дома кави Виштаспы. Позднее они вошли в свод исторических преданий, составивший один из насков Большой Авесты (видимо, Чихрдад-наск). Судя по дошедшим до нас ссылкам на эти предания в сохранившемся тексте Авесты, они явились основой для цикла сказаний о Кеянидах (кави) в позднем эпосе «Книги царей», одна из позднейших переработок которой ныне известна нам как Шахнаме великого Фирдоуси. Освященная авторитетом зороастрийской религии, эта традиция еще в глубокой древности распространилась среди многих иранских народов, принявших зороастризм, вытеснив местные эпические традиции. Цикл о Кеянидах делится на три части: от Кей-Кобада до Кей-Хосрова (ранние кави); Лухрасп и Гуштасп (поздние кави); от Бахмана до Дары II [Yarshater 1983: 436–438]. Если первые две части повествуют в основном об исторических кави, то в третью часть включены также остатки преданий об Ахеменидах, дошедшие до позднего эпоса.

В том, что в основе сказаний о кави лежат подлинные исторические факты, теперь почти никто не сомневается[2]. Но, разумеется, нельзя и полностью принять

[1] Концепция истории каянидского цикла (преданий о древних кави), из которой я исхожу в данной статье, изложена мной в работе [Пьянков 1994а: 8–22] (там же ссылки на литературу). [См. также: *Pyankov I. V.* On the Problem of the Origin of the Ancient Epic Cycles in the Shahname // Firdowsi's Shahname: 1000 Years After. Dushanbe, 1994. P. 163–168.]

[2] Об историчности этой традиции см. [Christensen 1931: 27 и сл; Yarshater 1983: 461]. К области индоиранской мифологии целиком относит ранних кави И. Келленс [Kellens 1979: 51); по этому поводу см. [Gnoli 1980: 233, 234].

цикл о Кеянидах, изложенный в Шахнаме, как подлинную историю. Во всяком случае, теперь у нас есть возможность установить степень реальности преданий о кави на археологическом материале.

Кроме иранского эпоса кое-какие глухие известия об интересующих нас событиях сохранили индийские источники. Вообще «народ Авесты» — та этническая среда, где возникли и существовали царства древних кави, — был известен индийцам, видимо, под именем «камбоджей». Но до индийцев доходили слухи и об отдельных кави — может быть, не случайно именно о тех двух кави, которые наиболее активно вели завоевательную политику: Усане (инд. Ушанас) и Хаусраве (инд. Сушравас)[1].

Относительно происхождения ранних кави прямое свидетельство содержится в Авесте: эти кави возвысились, явившись из мест, «где лежит озеро Кансавья, образуемое рекой Хайтумант, где стоит гора Ушидау, окруженная водами, текущими с гор...» (Яшт XIX, 66). Указание на Дрангиану (совр. Систан) здесь совершенно бесспорное: оз. Кансавья и р. Хайтумант ныне практически единодушно идентифицируются с оз. Хамун и р. Хильменд, а гора Ушидау является, очевидно, скалой Кухи-Хваджа, поднимающейся из оз. Хамун [Gnoli 1980: 131–134]. Связь древних кави с Систаном еще долго хранилась в памяти местного населения[2]. Здесь же, близ селения Нади-Али, под холмом Сурх-даг, археологи обнаружили развалины древнего города столичного облика, с высокой платформой, где некогда возносились над окружающей равниной дворцы правителей; Р. Гиршман датирует этот город VIII в. до н. э. [Ghirshman 1939: 20]. Вполне возможно, что здесь и находилась столица ранних кави [Дьяконов 1971: 138].

И появление этих кави на исторической арене, и их уход сопровождаются чудесными легендами. Но они ни в коей мере не заставляют усомниться в историчности самих кави. Легенда о первом кави, Кавате, согласно которой он младенцем был брошен в корзине (Бундахишн, XXXV, 28)[3], — лишь одна из подобных легенд, которые рассказывали о многих прародителях и основателях империй, в том числе и о вполне исторических[4], как, например, о Саргоне Древнем [Флиттнер 1958: 133]. Легенда о последнем из ранних кави, Хаусраве, чудесным образом исчезнувшем в снежной пустыне [Шахнаме III, 1965: 499–539], — тоже распространенный сюжет о герое, живым взятом в страну предков [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 56–61].

---

[1] Об этих персонажах индийской традиции см. [Yarshater 1983: 443–445, 451, 452]. Конечно, образы Усана и Ушанаса явно взаимосвязаны [Kellens 1979: 42–44; Mayrhofer 1977: 85], но связь эта обусловлена именно контактами «авестийцев» с индийцами [Christensen 1931: 28. Примеч. 2]. На формирование образов индийских двойников иранских кави повлияли, видимо, некоторые циклы мифов, сохранившие в индийской традиции такие архаические представления об институте кави, которые были уже забыты в иранской традиции.

[2] О Кеянидах, правивших в Систане вплоть до прошлого века и считавшихся прямыми потомками древних кави, см. [Ханыков 1973: 143]. О селении в Систане, считавшемся, по преданию, столицей древних кави, см. [Бартольд 1971: 90; Altheim, Stiehl 1970: 611].

[3] У Фирдоуси появление Кей-Кобада (кави Каваты) описано несколько иначе [Шахнаме I, 1957: 327–334].

[4] По поводу этого сюжета с учетом иранского материала см. [Schubert 1890: 38, 44].

Наиболее могущественные кави, Усан и Хаусрава, претендовали и на «власть над всеми странами» (Яшт V, 45, 46, 49, 50); а кави Хаусрава носит постоянное прозвище «Герой, объединивший арийские страны в одно царство»[1]. Конечно, под «арийскими странами» здесь имеются в виду лишь страны «авестийских» арьев. Это подтверждает и перечень владений кави Усана (Кей-Кавуса), сохранившийся в «Шахнаме» и, по-видимому, очень древний по происхождению: «Мерв дальний и Балх, Нишапур и Герат — повсюду Кавуса дружины стоят» [Шахнаме I, 1957: 434][2]. Для Кеянидов, как они представлены в Шахнаме, такой перечень выглядит странным, но для исторических кави, центр которых находился в Систане, он понятен: это и есть основные «авестийские» земли, за вычетом Систана.

Самыми упорными и опасными врагами древних кави были кочевники северных степей, именовавшиеся тогда «турами»; позднее, видимо, те же кочевники стали известны античным авторам под именем массагетов[3]. Предводителем их был Франграсьян (Афрасиаб). Центром туров, где находилась и столица Франграсьяна, служила область Кангха (Канг), лежавшая, скорее всего, в районе низовьев Сырдарьи[4], которыми являлись в те времена сухие ныне русла Инкардарьи и Жанидарьи [Толстов 1962: 78, 79]. Если верить древним преданиям, то Франграсьян являлся современником всех ранних кави и даже их предшественников. В действительности, видимо, наиболее выдающийся вождь туров, носивший это имя, в поздних преданиях вобрал в себя образы всех остальных верховных владык туров той эпохи. В поздних преданиях Афрасиаб стал приобретать и некоторые мифологические черты демона засухи [Yarshater 1983: 442; 1984: 571, 572] или, наоборот, гения разных водных катаклизмов [Markwart 1938: 16, 17].

Франграсьяну удалось даже на какое-то время овладеть всеми землями арьев и носить царский фарн арийских кави (Яшт XIX, 93)[5], т. е. быть признанным властителем арьев. И действительно, пехлевийская традиция сохранила воспоминания о строительной деятельности Афрасиаба на территории Систана: об основании им города Зранг (Шахрастанихайи-Эраншахр, 35–37), о каких-то грандиозных гидросооружениях в районе оз. Хамун (Бундахишн, XX, 34; Дадастани-дениг, LXX, 3) и т. д.

Однако в целом, если верить эпической традиции, соотношение сил складывалось не в пользу Франграсьяна. Трагический исход его борьбы сарьями связан с Сьяваршаном (Сиавушем). Царевич Сьяваршан, сын кави Усана, бежал к Фран-

[1] Относительно перевода этой формулы см. [Zend-Avesta, II, 1960: 379. Примеч. 58; Herzfeld 1947: 445].

[2] Названия стран здесь приведены, конечно, в поздней форме.

[3] Таково, в общем, мнение большинства современных ученых. Точка зрения Г. Ньоли на этот вопрос [Gnoli 1980: 110, 111, 117–120] мне кажется неприемлемой.

[4] Историю вопроса см. [Кляшторный 1964: 165–179; Андрианов 1969: 185–187; Буряков 1982: 107, 108]. Преобладающее в последнее время мнение относительно местонахождения Канга — низовья Сырдарьи.

[5] Но имелось сказание и о тщетных попытках Франграсьяна овладеть фарном (Яшты V, 41–43 и XIX, 56–64).

грасьяну, в страну туров, и здесь на «высокой священной Кангхе» основал замок[1] Хшатросаука (Яшт V 54, 57), который в позднем эпосе именуется и Кангдизом, и Сиавушгердом[2]. Но Сьяваршан впал в немилость у владыки туров и был убит, а его сын Хаусрава тайно возвратился к арьям[3]. Образ Сиавуша стал очень популярен в поздней традиции, вокруг него сплелось множество мифологических сюжетов. Поэтому теперь нередко принимают Сиавуша вообще за мифическую фигуру. Но для этого нет оснований. Дело в том, что Сиавуш, как и многие вполне реальные личности после него, стал объектом «траурного» культа, с которым к тому же слились некоторые элементы культа божества умирающей и воскресающей природы [Yarshater 1983: 449–451 (см. там же историю вопроса)][4].

Кави Хаусрава, признанный арьями, решил мстить Франграсьяну. Сначала он послал своего «храброго колесничего» Тусу, который победил «сыновей Вайсаки», турских витязей, засевших в замке Хшатросаука (Яшт V, 52–59; ср. [Шахнаме II, 1960: 381–558]), а затем двинулся сам со всеми силами, разграбил и сжег столицу Франграсьяна в Канге [Шахнаме III, 1965: 402, 425, 426]; ср. [Шахнаме II, 1960: 296 — дублируюший вариант], а Франграсьяна — закованного в цепи, согласно преданию, с помошью божества опьяняющего напитка Хаумы (Яшты IX, 17–19 и XVII, 37–39; Ясна XI, 7; ср. [Шахнаме III, 1965: 479–489])[5], — убил у озера Чайчаста (Яшты IX, 21–23, XVII, 41–43 и XIX, 77;

[1] Слово dvar- не всегда переводится как «замок, дворец», но иногда и как «проход, теснины». На возвышенности Тагискен, круто поднимающейся над руслом Инкардарьи, где, как уже говорилось, можно локализовать область Кангху и, возможно, находилась столица Франграсьяна, обнаружены современные этому легендарному туранскому владыке строения из сырцового кирпича, характерного для южных земледельческих областей [Толстов 1962: 81, 86], что само по себе «для северных регионов Средней Азии того времени беспрецедентно» [Степная полоса… 1992: 36).

[2] В Шахнаме это разные пункты; о соотношении их между собой и с Кангом по данным эпоса см. [Шахнаме III, 1965: 571]. В основе этих данных лежат вполне реальные указания: город находился на горе, за рекой, среди пустыни и недалеко от моря [Шахнаме II, 1960: 199, 201, 202, 588]; но истолкованы они в эпосе произвольно, и в результате получена совершенно сказочная локализация. Интересно проследить, как была получена локализация, например, Сиавушгерда; в Шахнаме имеются точные указания на его местонахождение: Сиавушгерд расположен недалеко от Хотана, к востоку от него [Шахнаме II, 1960: 211, 288–290; III, 1965: 471–173]. Откуда эти данные? А дело в том, что, судя по ряду моментов, родовые предания владетельных домов Средней Азии, и в частности Согда, ведших свое происхождение от владетелей Канга, к исходу древности совместились с родословиями народа юечжи (тохаров), пришедшего из Центральной Азии, откуда-то из мест близ Хотана [Пьянков 1987: 267]. Это совмещение засвидетельствовали уже китайские хроники Суй-шу и Тан-шу: они говорят о городе Шаову (Сиавуша), находящемся там, откуда пришли юечжи [Tomaschek 1877: 72, 73; Смирнова 1970: 24–38; Вайнберг 1977: 73–77, 95]; ср. сообщение Сюань-Цзана о прародине народа тухоло (тохаров) к востоку от Хотана [Marquart 1901: 207].

[3] История Сьяваршана не изложена в Авесте полностью, но, судя по намекам на нее, разбросанным в тексте Авесты, составители последней знали о ней [Boyce 1975: 106]; ср. [Шахнаме II, 1960: 97–340].

[4] О траурных культах в Средней Азии помимо культа Сиавуша см. также [Снесарев 1969: 206 207, 258, 287–289].

[5] В Шахнаме бог Хаума превращен в святого отшельника Хума. Не является ли весь этот пассаж жреческой обработкой сюжета, очень распространенного применительно к кочевникам Средней Азии и в древности, и в Средние века: воины-кочевники, обманным образом одурманенные опьяняющими напитками, попадают в плен к врагу? Ближайшая параллель: пленение массагетского царевича Спаргаписа персидским царем Киром (Геродот, I, 211–213); характерное совпадение в деталях — и Спаргапис был закован в цепи.

ср. [Шахнаме III, 1965: 487–489]), «глубокого озера с солеными водами» (Аральское море [Дьяконов 1971: 144; Gershevitch 1974: 55, 72]). Возможно, что следы этого разгрома донесли до наших дней развалины мавзолеев в местности Тагискен у Аральского моря (IX–VIII вв. до н. э.), подвергшихся когда-то, как установили археологи, грабежу и страшному пожару[1].

Ранние кави отправлялись в походы и на запад. В Авесте сохранились намеки на сказание о борьбе кави Хаусравы «у входа в Белую пустыню[2], в самой пустыне и у конца пустыни» с неким «владыкой страны» Арвасарой (Яшт XV, 31–33)[3]. Как самая большая из пустынь, Белая пустыня именуется также Всеарийской. Речь, очевидно, идет о Большой Соляной пустыне в Центральном Иране (ср. [Geiger 1882: 135, 136])[4]. Арвасара, который вроде бы не имеет соответствия в позднем эпосе, — фигура неясная[5], но возможно, что он является представителем уже западноиранского мира, который и был отделен от стран «авестийских» иранцев Большой Соляной пустыней.

Но особенно интересно то, что в эпоху ранних кави имели место контакты «авестийских» иранцев и с индийцами, причем контакты эти засвидетельствованы в эпической традиции как тех, так и других. В авестийской эпической традиции фигурируют «мазанские дайвы», которые в поздней иранской традиции именуются мазандаранцами, дивами Мазандарана. Теперь установлено, что значение этих племенных названий в глубокой древности было очень широким, отнюдь не ограниченным рамками современного Мазандарана[6]: так «авестийские» иранцы называли древнейшие индоиранские племена Иранского нагорья [Burrow 1973: 134–136], распространяя эти названия и на индоарьев Индии [Monchi-zadeh 1975: 48–79].

Поэтому предания о походе Кей-Кавуса (кави Усана) на мазандаранских дивов и о борьбе иранцев с Арженгом, Белым дивом и самим царем Мазандарана [Шахнаме I, 1957: 351–407] можно истолковать и как поход в Индию, тем более

---

[1] Археологические следы пожара в Тагискене толкуются по-разному: или как следы ритуального сожжения, или как свидетельство пожара, последовавшего за разграблением; см. соображения в пользу последнего толкования [Грязнов 1966: 234–236].

[2] Слово razura обычно переводится как «лес». Но еше В. Гейгер указывал на другое значение этого слова: «пустыня, глушь, безлюдные места» [Geiger 1882: 134, примеч. 7].

[3] Пространное толкование этого эпизода см. [Gershevitch 1974: 60–66]; ср. [Zend-Avesta II, 1960: 586, 587]. Толкование это довольно гипотетично.

[4] Ф. Юсти локализует «Белый лес» в Кухистане к востоку от Большой Соляной пустыни (Justi 1895: 42]. И. Гершевич считает, что здесь имеются в виду березовые леса(!) [Gershevitch 1974: 52, 61, 73]. Но есть ли где-нибудь на территории Средней Азии или Ирана большие массивы березовых лесов? В незначительных количествах береза в Средней Азии произрастает лишь в горах. И почему колесничные ристалища устраивались именно в лесах (да еше березовых)?

[5] Э. Херцфельд, исходя из своей обшей концепции, считает Арвасару одним из мидийских великих царей [Herzfeld 1968: 17]. А. Кристенсен отождествляет его с Франграсьяном [Christensen 1931: 21]. И. Гершевич видит в нем Агрерату, одного из братьев Франграсьяна [Gershevitch 1974: 61, 65]. Мне кажется перспективным рассматривать это имя как сложное слово «глава Арвы», где Арва может означать народ [Gershevitch 1974: 61], а еше вернее, ту «страну», «владыкой» которой и был Арвасара: ср. горную страну Руа на краю Соляной пустыни, до которой доходили ассирийцы в VIII в. до н. э. [Дьяконов 1956: 201, 202].

[6] Историю вопроса см. [Gnoli 1980: 45–47].

что даже поздний эпос сохранил в описании Мазандарана некоторые детали, характерные для Индии. — например, обилие слонов [Шахнаме I, 1957: 382]. И действительно, в известной индийской поэме Махабхарата, посвященной описанию внутренних распрей в крупном племенном объединении куру-панчала, которое занимало земли Центральной Индии, в области Дели, упоминается о победоносном походе Арджуны, одного из членов рода Пандавов, брата царя всего объединения, на далекий запад. Поход был направлен из Индрапрастхи (Дели) и привел к покорению камбоджей, а вместе с ними и дарадов (горные племена Гиндукуша), бахликов (бактрийцев) и других народов [Махабхарата 1962: 54–59]. Упоминается и о царях камбоджей и их взаимоотношениях с правителями объединения куру-панчала, равно как и о царе соседних с камбоджами гандхаров. Упомянут в этой связи и сам кавья Ушанас, наставник и вождь асуров (т. е. в данном случае иранцев) (см., например, [Махабхарата 1962: 111, 112]). Датируются все эти события X–IX вв. до н. э., если исходить из датировки знаменитой битвы на Курукшетре X в. до н. э. [Бонгард-Левин, Ильин 1985: 159; Гринцер 1974: 161] или, по Б. Б. Лалу, IX в. до н. э. (приблизительно 836 г. до н. э.) [Лал 1984: 124].

Несомненно, что иранский и индийский эпосы описывают одни и те же события [Monchi-zadeh 1975: 62 и сл., 142 и сл.], хотя, разумеется, полного совпадения в описании ждать и не приходится; так, например, ясно, что каждая из сторон стремится приписать успех себе, впрочем, и в Шахнаме говорится о пленении Кей-Кавуса (кави Усана) Белым дивом и Арженгом [Шахнаме I, 1957: 362–364].

Второй период в истории царств древних кави освещен, в обшем, теми же источниками. Сказания о деяниях Виштаспы и близких к нему и Заратуштре людей также составили отдельный наск Большой Авесты (Виштасп-саст-наск) и затем вошли в поздний эпос. Ссылки на Виштаспу содержатся и в Гатах — изречениях самого Заратуштры. Кроме того, поскольку Виштаспа был связан с Заратуштрой, события его царствования нашли отражение во многих пехлевийских и еше более поздних зороастрийских сочинениях (например, в Денкарде, Ядгари-Зареран, Зардуштнаме). Совокупность всех данных не позволяет сомневаться в реальности кави Виштаспы, так же как и в реальности предшествующих ему кави [Yarshater 1983: 438][1]. Особый вопрос — это вопрос о соотношении кави Виштаспы и Ахеменида Виштаспы, отца Дария I. Мнение о тождестве их, неоднократно выдвигавшееся (например, см. [Струве 1968: 33 и сл., 135; ср.: Дьяконов 1956: 48. Примеч. 4, 431, примеч. 4]), теперь уже никто всерьез обосновывать не берется.

Кое-что можно извлечь и из индийских источников. В одном из буддийских сочинений дан перечень 16 махаджанапад — крупнейших государственных образований, известных индийцам, относящийся к первой половине VI в. до н. э., и среди них наряду с Куру, Панчалой и после Гандхары названа Камбоджа [Бонгард-Левин, Ильин 1985: 194]. Не исключено, что под махаджанападой Камбоджа имеется в виду держава, созданная кави Виштаспой.

[1] В прошлом обосновывались и такие теории, согласно которым образ кави Виштаспы — создание поздних легенд [Бартольд 1971: 385–391]. И. Келленс считает, что реальный Виштаспа — только жрец, а не царь [Kellens 1979: 46, 47].

Кроме иранского эпоса и индийских источников некоторые данные для этого, более позднего, времени теперь уже предоставляют и античные источники[1]. Большое значение имеют сведения Ктесия [Пьянков 1975: 42–81, 116–122, 142–185]. Не пускаясь здесь в подробный разбор их[2], отметим главное: сказочный характер деталей и самого известия о походе ассирийцев в Бактрию не умаляет значения того, что в основе рассказа Ктесия лежит представление о могущественном Бактрийском царстве, существовавшем в доахеменидские времена, и о связи с ним Зороастра. Не менее важно и независимое известие Геродота (I, 153).

Поздних кави отделяет от ранних заметный пробел — с этим согласны все исследователи. Но отношение династии кави Виштаспы к династии ранних кави не вполне ясно. В Авесте Виштаспа принадлежит к роду Наутара, никаких указаний на царское достоинство его предков не имеется [Yarshater 1983: 435, 460, 461, 465, 466; Mayrhofer 1977: 63]. В позднем эпосе основатель этого рода Нодар (Новзер) отодвинут в глубокую древность (в Шахнаме даже сделан царем), а род Виштаспы возводится к брату кави Усана [Yarshater 1983: 466; Justi 1895: 226, 227, 372]. Скорее всего, мы имеем здесь дело с довольно неуклюжей контаминацией двух родословий: династии Каватидов (ранних кави) и династии Наутаридов (поздних кави) и искусственным возведением рода Виштаспы к роду ранних кави [Yarshater 1983: 438; Justi 1904: 410]. В действительности же предки Виштаспы, видимо, происходили из рода Наутара, являлись мелкими местными владетелями и никогда на власть над всеми арьями не претендовали. Когда великие кави из рода Каватидов достигали верховной власти над арьями, представители рода Наутаридов служили им, как, например, упомянутый выше Туса.

Место царства кави Виштаспы ни в Авесте, ни в пехлевийской литературе не указано, но подразумевается, что оно находилось в пределах страны Арьянам-Вайджа. Зато в более поздней эпической традиции этим местом фактически единодушно признается Балх, т. е. Бактрия[3]. И есть основания считать, что это мнение имеет очень древние корни; сообщение Ктесия о Бактрийском царстве Зороастра важно, между прочим, и потому, что свидетельствует о существовании такого мнения еше в V в. до н. э.[4]

Большое значение для проблемы локализации царства Виштаспы имеет определение страны Арьянам-Вайджа. Многие исследователи отождествляют ее с Хорезмом, а вместе с ней помещают в Хорезм и царство Виштаспы[5]. Однако

---

[1] Обзор их в связи с данным вопросом можно найти во многих работах [История таджикского народа 1963: 154–157, 510, 511; Массон, Ромодин 1964: 48–50; Ставиский 1977: 5–7).

[2] Свое отношение к сведениям Ктесия на данную тему я изложил в работах [Пьянков 1968: 64; 1994б: 197, 198].

[3] Обзор источников см. [Jackson 1919: 57–60, 208, 209, 218).

[4] Более подробно о местонахождении царства Виштаспы я говорю в статье [Пьянков, 1968: 11].

[5] Такая позиция в вопросе о локализации Арьянам-Вайджи [Gnoli 1987: 47] связана с упомянутой уже гипотезой о древнем (доахеменидском) Хорезмийском царстве. И. М. Дьяконов, не считая, что кави Виштаспа правил в Хорезме, тем не менее признает загадкой — почему же, согласно традиции, Хорезм играл ведущую роль в Арьяшайане (= Арьянам-Вайджа по И. М. Дьяконову), в которой находилось царство кави Виштаспы [Дьяконов 1971: 138, 142]? Здесь уже в самой формулировке вопроса сказалось влияние «хорезмийской» гипотезы; в действительности в источниках нет никаких указаний на господство Хорезма ни в Арьяшайане, ни в Арьянам-Вайдже.

такое решение кажется искусственным и в последнее время часто подвергается критике [Gnoli 1980: 84, 88, 89, 94, 95; Yarshater 1983: 438–440; и др.]. Все встает на свои места, если в Арьянам-Вайджа признать большую область, примерно соответствующую поздней Бактрии, занимавшую бассейн Верхней Амударьи по обе ее стороны [Пьянков 1979: 203; Он же, 1983: 66, 67]: это хорошо отвечало бы и данным источников о местоположении Арьянам-Вайджи[1], и древней традиции, представлявшей Бактрию как страну кави Виштаспы. Следует только учитывать, что царство Виштаспы, по крайней мере сначала, занимало лишь часть территории Арьянам-Вайджи[2].

Судя по всему, этой частью был Балхский оазис с центром в Балхе, Бактре, т. е. Бактрия в узком смысле. По преданию, основателем Балха был Лухрасп (Арватаспа), отец Виштаспы [Yarshater 1983: 466]. В эпосе Балх является резиденцией и самого Виштаспы [Justi 1904: 403]. Кроме того, в Шахнаме содержатся любопытные указания на связь с родом Новзера (т. е. Наутаридами) и с Лухраспом некоего Зараспа, а этот последний — не кто иной, как эпоним зариаспов, т. е. бактрийцев в узком смысле[3]. Город Бактра хорошо известен и античным авторам как крупнейший центр на востоке державы Ахеменидов, а в глубокой

[1] Страна эта располагалась по верхнему течению реки Вахви-Датья (Амударьи): ниже ее простиралась до моря страна тура Гопатшаха [Пьянков 1979: 203]. Видеть в этой последней Согдиану нет никаких оснований [Gnoli 1980: 121–127; Humbach 1985: 327–334].

[2] Родина Заратуштры тоже находилась в стране Арьянам-Вайджа, но для того, чтобы попасть в царство кави Виштаспы, Заратуштре потребовалось переправиться через реку Вахви-Датья [Jackson 1919: 56–59].

[3] О соответствии новоперсидского имени Зарасп древнему Зариасп см. [Justi 1895: 381]. Зариаспов как бактрийский народ упоминает Клавдий Птолемей (География. VI, 11, 6). Название этого народа перешло и на реку Бактр (Балхаб), и на город Бактру (Балх), образовав их второе имя Зариаспа [Geiger 1882: 67, 68). Очевидно, зариаспы являлись собственно бактрийцами, населявшими Балхский оазис, а эпический Зарасп/Зариасп — их легендарным эпонимом. У Фирдоуси в Шахнаме неоднократно упоминается и «племя» или «потомки» Зараспа, так что этнический характер этого имени проступает и в позднем эпосе еше довольно прозрачно. Во II–I вв. до н. э. зариаспов в качестве господствующего народа в Бактрии сменяют скифские тохары. Поэтому не случайно, что Зарасп на страницах поэмы Фирдоуси встречается с Тохаром, подобно тому как на карте Бактрии в «Географии» Птолемея (VI, 11,6) зариаспы встречаются с тохарами. Символически выглядит сцена в Шахнаме (II, 1960: 399, 400), где Зарасп гибнет от руки туранца, направленной Тохаром.

Связь Новзера с Зараспом выражена в эпосе в том, что Новзер является то ли братом Зараспа, то ли дедом его (через Туса), а Зарасп предводительствует над людьми Новзера [Шахнаме I, 1957: 166; II, 1960: 366, 399).

Связь Лухраспа с Зараспом засвидетельствована в эпосе в следующем эпизоде. Лухрасп, будучи безвестным воином, начал свое возвышение с того, что пришел к Зараспу всего лишь с одним конем [Шахнаме III, 1965: 529). Надо заметить, что сам этот мотив — воин и конь — являет собой след очень популярного в I тыс. до н. э. сюжета: основатель новой династии овладевает властью с помощью коня. Имя Арватаспа — авестийский прототип имени Лухрасп — значит «Имеющий быстрого коня». Среди кушанских монет давно уже известны такие, которые имеют легенду, читаемую как АРООАСПО или ДРООАСПО, и изображение бородатого мужчины рядом с конем, идущим рысью. В последнее время чаще предпочитают второе чтение и видят в нем упоминание богини Друваспы [Займаль 1983: 190, 192, 207; Воусе 1975: 82]. Но такому толкованию явно противоречит изображение. Первое чтение позволяет понять легенду как имя Арваспа (Арватаспа). В таком случае наиболее убедительным остается давно предложенное объяснение: на кушанских монетах изображен Арватаспа, отец кави Виштаспы, герой-основатель Балха [Tomaschek 1896: 2812; Jackson 1919: 209) — города, игравшего значительную роль и в кушанскую эпоху.

древности и столица Бактрийского царства. Археологические работы на городище древнего Балха подтверждают, что город действительно существовал там в описываемое время, причем древнейшие слои его, по-видимому, не старше VII в. до н. э.[1]

Царствование кави Виштаспы — это время деятельности пророка Заратуштры. При всех колебаниях хронологического определения последней в современной науке, представляется, что стойкая зороастрийская традиция, выраженная в формуле «за 300 лет до Александра», продолжает оставаться надежной опорой для датировки. Правда, сами отправные пункты в этой формуле значительно варьируют. Все же есть основания считать, что конечный пункт 300-летнего промежутка времени приходится на 330 г. до н. э., а в качестве начального пункта традиция принимала дату божественного Откровения, явленного пророку[2]. В таком случае время правления Виштаспы будет определяться следующими датами (такие же даты были предложены еще в старой хронологической схеме Э. В. Веста—А. В. Джексона [Jackson 1919: 180, 181]): самая ранняя — 620 г. до н. э. (приход Заратуштры ко двору Виштаспы), самая поздняя — 583 г. до н. э. (гибель Заратуштры). Конечно, эти даты следует принимать лишь как более или менее приблизительные. Время правления династии Виштаспы — приблизительно 660–540 гг. до н. э. [Jackson 1919: 179][3].

С приходом пророка Заратуштры для маленького царства Виштаспы началась новая эпоха. Кави Виштаспа стал опорой и защитником новой религии, с оружием в руках расчищая ей путь (Яшт XIII, 99, 100). Это была эпоха «священных войн»[4], успешный исход которых засвидетельствован самим фактом дальнейших успехов зороастризма. Так была создана новая держава на востоке иранского мира — Бактрийское царство. Представление об этом новом объединении, видимо, и лежит в основе поэтического описания страны арьев, Арьяшайаны[5], которое мы находим в Авесте: бог Митра с золотых вершин хребта Хары обозревает земли арьев, где «реки мчатся далеко бурным потоком к Ишкате и Поруте, Мору (Мерву), Харойу (Герату) и Сугдийской Гаве, Хваризму» (Яшт X, 13, 14). Перечисленные здесь шесть стран[6] соответствуют шести авестийским частям

[1] Судя по керамике типа Яз II–III [Массон 1959: 127, 134].

[2] Более подробно о времени жизни Заратуштры, современника Виштаспы, см. в статье [Пьянков 1996: 16–19].

[3] Согласно традиции, это даты правления самого Виштаспы. Но здесь явно имеет место совмещение Виштаспы с его династией [Jackson 1904: 692).

[4] Изложение событий см. [Jackson 1919: 102–123).

[5] Высказывались предположения и о том, что это описание относится к предшествующим кави-завоевателям: кави Усану или кави Хаусраве. Но такие предположения не согласуются с тем, как представляет себе автор указанного описания состав и центр «страны арьев», которая у него вообще не включает земли к югу от Гиндукуша. Для датировки этого текста важно также то, что в одном с ним Яште (X, 127) содержится древнейшее упоминание Огня Атур-Хварра (Атур-Фарнбаг), история которого связана с деятельностью Виштаспы.

[6] Правда, если следовать переводу И. Гершевича, то стран получается четыре [Gershevitch 1959: 81; так после Гершевича обычно переводят и другие исследователи, например И. Стеблин-Каменский: Авеста. Избранные гимны... 1993: 79, 80]. Но такой перевод не согласуется с контекстом перечня, где явно в качестве аналогии последнему приведен перечень шести окраинных каршваров (Яшт X, 15; ср.

света (материкам — каршварам); седьмая страна, соответствующая центральной части, не названа, но если взглянуть на карту, то будет ясно, что в центре круга, образованного перечисленными странами, окажется Бактрия [Пьянков 1972: 14, 15] (относительно Ишкаты и Поруты см. [Пьянков 1984: 110, 111; ср. Litvinskij 1993: 147]). Таким образом, здесь перед нами новое представление о мире «авестийских» арьев, в центре которого находится Бактрия; области к югу от Гиндукуша вообще не упомянуты. Не может быть речи и о центральном положении Хорезма в этом мире: он, как видим, упомянут среди окраинных областей. Эта новая общность находит отражение и в материальной культуре: археологическая «культура баночной керамики», формирующаяся примерно в середине VII в. до н. э., довольно точно соответствует очерченному кругу земель.

Особенно упорными были войны с туром Арджатаспой (Арджаспом)[1], местопребывание которого в древнейшей версии предания мыслится где-то около моря Ворукаша (Каспийское море) (Ясht V, 116). Во время первой войны Виштаспа и его брат Заривари действуют у реки Вахви-Датья, или Джейхун (Амударья) (Яшты V, 112; IX, 29; XVII, 49; ср. [Шахнаме IV, 1969: 69–113]), а Заривари, видимо, и близ Мерва (так согласно Ядгари-Зареран). Вторая война, надо думать, застала Виштаспу в области озера Хамун, «у вод Фраздану» (Гауди-Зира) (Ясht V, 108; ср. [Шахнаме IV, 1969: 122–132][2]. Во время этой войны Арджатаспа добился значительных успехов: он захватил столичный город Балх, одержал победу в битве с Виштаспой, и лишь благодаря подвигам великого воина Спентодаты (Исфандияра), сына Виштаспы, пришельцы из Турана были разгромлены [Шахнаме IV, 1969: 127–208]. Если придерживаться принятой нами хронологии, то первая война датируется 601 г. до н. э., вторая — 583 г. до н. э. Интересно, что одним из итогов борьбы с турами предание считает возведение Спентодатой пограничной крепости Навазак в области Балха (Шахрастанихайи-Эраншахр, 7–9) — в средние века это селение Навида [Jackson 1928: 272, 273] на берегу Амударьи между Керкухом (Керки) и Амулем (Чарджоу) [Бартольд 1963: 132]. Археологи обнаружили в указанных местах несколько поселений, относящихся

[Пьянков 1961: 99]), не согласуется он и с другим списком стран в Авесте (Видевдад I), где все совпадающие с рассматриваемым перечнем названия (Мору, Харойу, Сугдийская Гава) являются названиями отдельных стран.

[1] Арджатаспа уже в Авесте был определен как «хьяуна», т. е. хионит. О возникающей в связи с этим проблеме см. [Дьяконов 1971: 144; Gnoli 1980: 119, 120]. Я думаю, что это почти несомненно интерполяция, видимо, попавшая в текст Авесты как часть позднего комментария. Замечу в связи с этим, что в Авесте и фонетическая форма многих географических названий является очень поздней. [Теперь, после работ А. А. Амбарцумяна, должен отказаться от этого мнения. Видимо, враги царства кави Виштаспы действительно назывались «хьяуна» («хионить») и являлись следующей за турами волной кочевников, противостоявших авестийским арьям. Впоследствии их имя («хионить») у оседлого населения Средней Азии стало традиционным собирательным названием для разных кочевых племен (видимо, в основном хуннского происхождения), подобно имени «тура» — для тюркских племен. См.: *Амбарцумян А. А.* Этноним «хьаона» в Авесте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Н. с. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 35–72. Связь между хьяуна времен кави Виштаспы и хуннами — не только в сходстве имен. Предки хуннов как северные соседи китайцев были известны под сходным именем «хяньюнь» еще в IX–VIII вв. до н. э. Отсюда можно делать интересные исторические выводы. Но это предмет отдельного исследования.]

[2] Упоминание о Виштаспе в «Чудесах Систана» относится к этому же эпизоду.

к описываемому времени, которые являлись пограничными пунктами бактрийской культурной области [Воробьева 1979: 40, 41; Пилипко 1985: 102; Древнейшие государства... 1985: 245].

Это нашествие туров нашло отражение и в античных источниках, где туры именуются саками — так персы (через посредство которых греки и узнали о данных событиях) называли всех северных кочевников[1]. Согласно Ктесию, легендарная сакская царица Зарина, которой он приписывает все славные деяния саков в отдаленной древности, покорила многие из соседних с саками народов [Пьянков 1975: 72, 73]. При ней и произошла война саков с мидянами из-за парфян [Пьянков 1975: 70, 71, 74–77, 121, 183, 184]. Мидянами правил тогда царь Астибар, соответствующий Киаксару (625–585 гг. до н. э.) других источников. Вполне возможно, что здесь имеется в виду то же самое вторжение среднеазиатских кочевников, о котором знает авестийская эпическая традиция и которое, надо думать, затронуло не только «авестийских» арьев, но и мидян; именно благодаря этому последнему обстоятельству до Ктесия и дошли слухи о нем, так как античные авторы, естественно, лучше были знакомы с западноиранской исторической традицией[2]. Впрочем, античные историки знали и о том, что некогда в древности саки завоевывали Бактриану (Страбон XI, 8, 4)[3]. В этом случае, вероятно, имеется в виду то же событие, о котором иранский эпос говорит как о захвате Балха, т. е. Бактры, Арджаспом.

Но есть и еше некоторые данные, позволяющие предполагать, что античная литературная традиция была знакома с народом Арджаспа. У ряда античных авторов в связи с походами Кира и Александра упоминается народ ариаспы, обитающий в Дрангиане. Он прямо назван скифским (Стефан Византийский, s. v. «Эвергеты»). О нем говорится как об одном из тех скифских народов, которые далеко распространили свое господство и наряду с саками и массагетами

[1] Об истории и расселении сакских племен более подробно см. [Литвинский 1972: 158–174].

[2] Парфия в доаршакидские времена — это полоса между Эльбурзом и Большой Соляной пустыней с центром в области Кумиш. Известно древнее предание, зафиксированное уже в пехлевийской литературе, о битве иранцев с Арджаспом в Белой пустыне у горы Кумиш (Бундахишн XII, 17, 18, 32–34; Денкард IX, 35, 36; Бахман-Яшт III, 9; ср. [Шахнаме IV, 1969: 132–134]). Возможно, что оно связано с сюжетом, знакомым нам по Ктесию. То, что оно было включено в цикл сказаний о кави Виштаспе, — понятно, ведь поздний иранский эпос о мидийских царях вообще забыл [Пьянков 1994б: 198].

С саками Зарины, как и вообше с турами-завоевателями, часто ставят в связь хорасмиев, иногда даже прямо отождествляя их. А такое представление, в свою очередь, связано с гипотезой о существовании древнего Хорезмийского царства. Примерно в таком виде все это когда-то представлялось и мне [Пьянков 1972: 175]. Такую же версию, в разных вариантах, нередко обосновывают и сейчас [Вайнберг, Ставиский 1994: 26, 43, 44; Вишневская, Рапопорт 1997: 166–171]. Но вся совокупность данных, в том числе историческая традиция самих хорезмийцев, никак не позволяет считать хорасмиев кочевниками-скотоводами. К тому же здесь мы имеем не столь уж частый случай, когда историческая традиция безупречно подтверждается археологией. Однако отмеченные археологами связи хорезмийских скифов с областями Северо-Восточного Ирана в VII–VI вв. до н. э., видимо, действительно отражают те события, о которых у нас идет речь, т. е. экспансию туров-саков. Возможно также, что юго-западное направление этой экспансии нашло позднее, уже в ахеменидское время, продолжение в какой-то особой связи Мидии с гирканцами и закаспийскими скифами.

[3] О времени, к которому относится это известие, см. [Tarn 1951: 283).

получили имя по знаменитому царю (Диодор II, 43, 5)[1]. Если ариаспы — это действительно народ Арджаспа[2], то вторжение последнего было не просто набегом, а переселением каких-то групп северных кочевников в область Хамуна, предтечей последующего переселения саков, которые и дали этой области свое имя (Сакастан = Систан)[3].

Виштаспа заканчивает собой ряд царей достоверной авестийской эпической традиции. Этому факту обычно придают большое значение и делают из него выводы, касающиеся политической истории. Считается, что вместе с Виштаспой прекратило существование и его царство; события эти связываются с внешними завоеваниями, например с походами Кира [Henning 1951: 43] или с нашествием Арджатаспы ([Дьяконов 1971: 144], согласно автору, созданное Арджатаспой объединение и было Бактрийским царством). Но такой вывод, по-видимому, вовсе не обязателен. Выше уже отмечалось, что авестийская эпическая традиция восходит к своду, изложенному в насках Большой Авесты. Но вся Авеста, как известно, считалась Откровением, данным Заратуштре богом Ахурамаздой. Заратуштра погиб еше при жизни Виштаспы и поэтому, естественно, о времени после Виштаспы в ней не могло рассказываться — по крайней мере в виде последовательного изложения исторических событий.

Факты, напротив, свидетельствуют, что преемственность после Виштаспы не прерывалась и давала о себе знать даже в ахеменидские времена. Имен преемников Виштаспы мы не знаем, но, судя по данным зороастрийской традиции, счет времени по поколениям продолжался, и хронологическое определение конца династии Виштаспы (см. выше) удивительно точно совпадает с датой завоевания Бактрии Киром (незадолго до завоевания Вавилонии в 539 г. до н. э. [Дандамаев 1985: 28]). Целый ряд ахеменидских сатрапов Бактрии носил имя Виштаспа (Гистасп); более того, вообще все лица, носившие это имя, известные в древности (кроме Виштаспы, отца Дария I), были прямо связаны с Бактрией [Justi 1895: 372]. А один из Гистаспов, бактрийских сатрапов, имел сына по имени Писсуфн — в подражание кави Виштаспе, у которого был сын по имени Пишьяутна[4].

---

[1] О вариантах «ариаспы»–«аримаспы» см. [Gnoli 1980: 144].

[2] *Уже указывалось на возможность чтения* Agriaspi (<Argiaspi?) *вместо* Ariaspi [Thomas 1906, с. 196).

[3] Совсем иначе трактует ариаспов Г. Ньоли [Gnoli 1980: 137 и сл., 150]. Но он не учитывает приведенных здесь данных. Кроме того, нужно учесть еше одно свидетельство. Плутарх говорит, что Александр «научил жителей Арахосии возделывать землю» («Об удаче и доблести Александра Великого», I, 5). Эти слова, видимо, как-то связаны с сообщением Арриана о том, что Александр дал ариаспам немного соседней земли, которой сами они не просили (Арриан. «Поход Александра», III, 27, 5). Похоже, что речь здесь идет о чем-то вроде политики седентаризации, причем касается она, конечно, не собственно арахотов, а их ближайших соседей ариаспов, входивших, по всей вероятности, в Арахосийскую сатрапию. То обстоятельство, что ариаспы снабдили Кира хлебом (Диодор, XVII, 81, 1), еше не свидетельствует с необходимостью о них самих как земледельцах. А то, что ариаспы отличались по образу жизни от других варваров, были «справедливы» и отвечали идеалам лучших людей Эллады (Арриан. «Поход Александра», III, 27, 5), характеризует их, скорее всего, именно как номадов — ведь спутники Александра впервые столкнулись с кочевниками в их лице и идеализация кочевников-скифов в Греции процветала как раз во времена Александра.

[4] Об имени Писсуфн-Пишьяутна см. [Justi 1895: 253, 254; Mayrhofer 1977: 71].

В обший ряд со всеми этими фактами встает и еше одно обстоятельство: до Ктесия доходили слухи о том, что один из повстанцев в Персии в смутные времена после смерти Камбиза (видимо, имелся в виду зороастриец Вахьяздата) слыл в Бактрии за Спентодату (Сфендадат у Ктесия)[1]. Если учесть, что повстанцы тогда часто принимали какое-нибудь популярное имя одного из членов царского рода, правившего до Кира в той стране, где они искали поддержку, то отсюда будет неизбежен вывод, что традиции дома кави Виштаспы в Бактрии того времени были еше живы и действительно очень влиятельны. И выбор имени Спентодаты не случаен: это самый выдающийся из сыновей Виштаспы, безупречный борец за веру, великий воин, спасший царство Виштаспы от врагов. Вполне возможно, что вспыхнувшие тогда же восстания в Маргиане и Арахосии, отличавшиеся особенно большим числом участников, были лишь двумя не успевшими соединиться очагами общего движения, которое вдохновлялось идеей возрождения могущества бактрийских кави и местной зороастрийской общины. Во всяком случае, повстанцы Арахосии, которые представляли собой отряд, действовавший по приказу Вахьяздаты, были перехвачены персами лишь у крепости Каписы [Бехистунская надпись, III: 54–64], т. е., очевидно, на пути из Арахосии в Бактрию.

Таковы обшие контуры истории государств древних кави Средней Азии.

Библиография

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / Пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I; М., 1971. Т. VII.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М., 1983.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985.

Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Таш., 1982.

Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1994.

Вайнберг Б. И., Ставиский Б. Я. История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1997.

Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2.

Воробьева М. Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.

Грязнов М. П. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.

Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956.

Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. М., 1971.

[1] Эти известия Ктесий, как обычно, использовал для сочиненного им сюжета; см. подробнее [Пьянков 1978: 92, 93]. [См. также: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Государство Ахеменидов и современные ему государственные и племенные объединения в Средней Азии // История древнего Востока. М., 2004. С. 740.]

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
История таджикского народа. М., 1963. Т. I.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964.
Лал Б. Б. Культура серой расписной керамики // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964. Т. I.
Махабхарата. Книга вторая / Пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова. М.; Л., 1962.
Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
Пьянков И. В. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 98–103.
Пьянков И. В. Ктесий о Зороастре // МКТ. 1968. Вып. 1. С. 55–68.
Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 3–21.
Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
Пьянков И. В. Таниоксарк и Бактрия // МКТ. 1978. Вып. 3. С. 84–97.
Пьянков И. В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 193–207.
Пьянков И. В. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 66–67.
Пьянков И. В. Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Вып. 1. Душанбе, 1984. С. 107–120.
Пьянков И. В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261–267.
Пьянков И. В. Древнейшие эпические циклы «Шахнаме» // Известия АН Республики Таджикистан. Сер.: востоковедение, история, филология. 1994. № 2. С. 8–22.
Пьянков И. В Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 191–207.
Пьянков И. В Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток: Афро-азиатские сообщества: история и современность. 1995. № 1. С. 39–55.
Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток: Афро-азиатские сообщества: история и современность. 1995. № 6. С. 27–46.
Пьянков И. В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. 1996. № 3. С. 3–23.
Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1992.
Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.; М., 1958.
Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М., 1973.
Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Коммент. А. А. Старикова. М., 1957–1969. Т. I–IV.
Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1979.
Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975. Vol. I.
Burrow T. The Proto-Indoaryans // JRAS. 1973. N 2.
Christensen A. Les Kayanides. København, 1931.
Frye R.N. The Heritage of Central Asia. Princeton, 1996.
Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1982.
Gershevitch I. The Avestan hymn to Mithra. Cambridge, 1959.

Gershevitch I. An iranist's view of the Soma controversy // Mémorial Jean de Menasce. Louvain, 1974.
Ghirshman R. Fouilles de Nad-i Ali dans le Seistan Afghan // Revue des arts asiatiques. 1939. Vol. XIII. N 1.
Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. Naples, 1980.
Gnoli G. Avestan geography // EIr. 1987. Vol. III, fasc. 1.
Henning W. B. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L.; Oxf., 1951.
Herzfeld E. E. Zoroaster and his world. Princeton, 1947.
Herzfeld E. E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
Humbach H. About Gōpatšāh, his country and the Khwarezmian hypothesis // Papers in honour of prof. M. Boyce. Leiden, 1985. T. I.
Jackson A. V. W. Die iranische Religion // GIPh. 1904. Bd II. Strassburg.
Jackson A. V. W. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. N. Y., 1919.
Jackson A. V. W. Zoroastrian Studies. N. Y., 1928.
Justi F. Iranisches Namensbuch. Marburg, 1895.
Justi F. Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden // GIPh. 1904. Bd II.
Kellens J. L'Avesta comme source historique: la liste des Kayanides // Studies in the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Litvinskij B. A. Pamir und Gilgit. Kulturhistorische Verbindungen // Antiquities of Northern Pakistan. Mainz, 1993.
Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.
Mayrhofer M. Die altiranischen Namen. Fasc. 1. Wien, 1977.
Monchi-zadeh D. Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos. Wiesbaden, 1975.
Schubert R. Herodots Darstellung der Kyros-sage. Breslau, 1890.
Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambridge, 1951.
Thomas F. W. Sakastana // JRAS. 1906. Pt. 1.
Tomaschek W. Centralasiatische Studien. Bd 1. Sogdiana. Wien, 1877.
Tomaschek W. Baktriane // RE. 1896. Bd II.
Yarshater E. Iranian National History // CHI. 1983. Bd III. N 1.
Yarshater E. Afrāsiāb // EIr. 1984. Vol. I, fasc. 6.
Le Zend-Avesta / trad. nouv. avec comment. hist. et phil. par J. Darmesteter. P., 1960. Vol. II.

7. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (Опыт исторической реконструкции)*

Изучение социального строя древних народов Средней Азии в отечественной науке до сих пор велось почти исключительно под флагом формационного подхода. В силу своей крайней идеологизации и политизации этот подход давал мало шансов на достижение объективного результата. Однако описывать историю разработки данной темы в отечественной науке у нас нет необходимости, так как достаточно полный ее обзор был дан в одной из сравнительно недавних работ [Литвинский 1998: 544–550].

Мы попробуем подойти к освещению заявленной темы не с обычных позиций, когда под Средней Азией имеется в виду только географическое понятие, а под характеристикой социального строя подразумевается подведение его под определение какой-нибудь всемирно-исторической стадии развития, а с позиций, которые принято называть «цивилизационными»[1]. Соответственно мы будем говорить о народах Арианы — исторической общности, охватывавшей в основном оазисы юга Средней Азии и востока Иранского нагорья и существовавшей на протяжении почти всего I тысячелетия до н. э. Эта общность, как автор статьи пытался показать в некоторых своих работах [Пьянков 1990: 50–62; 1996: 27–46; 1999: 42, 43], обладала вполне выраженным этническим и языковым единством, близостью духовной и материальной культуры (последняя отражена в археологических комплексах круга Яз). Поскольку по многим признакам эта общность занимает промежуточное положение между западно- и восточноиранскими народами, в этих работах было предложено назвать ее центральноиранской.

Территория центральноиранской общности на протяжении веков не оставалась неизменной. Однако ядром ее всегда был бассейн Верхней Амударьи — древняя Арьянам-Вайджа[2], позднее Бактрия с примыкающими к ней на севере землями. Отсюда центральные иранцы проникали на юг, в бассейны Герируда, Гильменда и Аргендаба, а отдельные их группы — еще дальше на юг, вплоть до побережья Аравийского моря, и на север, в оазисы Ферганы и Хорезма. Территория этой общности на позднем этапе ее истории (IV–II вв. до н. э.), зафиксированная

---

*Впервые опубликовано: Социальный строй древнеземледельческих народов Средней Азии. (Опыт исторической реконструкции) // Центральная Азия: источники, история, культура. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 600–620.

[1] О нашем понимании «цивилизационного подхода» см. [Пьянков 2002: 7–20].

[2] Точку зрения автора на проблему Арьянам-Вайджи см. [Пьянков 1979а: 203; Pyankov 2002: 43].

античными авторами как страна Ариана, охватывала земли ареев (долина Герируда и оазисы Туркмено-Хорасанских гор), дрангов, или зарангов (низовья Гильменда и Озерный край), арахотов (бассейн Аргендаба до Боланского перевала), паропамисадов (бассейн Верхнего Кабула выше Джелалабада), оритов (небольшой участок иранского побережья Аравийского моря); земли севернее Гиндукуша, заселенные бактрийцами и согдийцами, считались также частью Арианы, но занимали в ней несколько обособленное положение, что, видимо, было обусловлено событиями предшествующей истории [Пьянков 1995б: 39–55].

В течение веков менялась не только территория, но и само содержание культурной специфики центральноиранской общности. Характерные, отличающие эту общность черты закладывались еще в древнейший период ее истории, по праву именуемый авестийским, поскольку основные сведения о нем предоставляет нам Авеста. Это время, когда процветало царство древних кави Усадана и Хусравы с центром в низовьях Гильменда и в районе озера Хамун (IX–VIII вв. до н. э.), а затем царство кави Виштаспы и его преемников с центром в оазисе Балха (VII–VI вв. до н. э.) [Пьянков 2001: 334–348]. Последующие эпохи, ахеменидская и эллинистическая, внесли в характер этой общности определенные изменения. Минимум изменений дала ахеменидская эпоха: персы довольствовались внешними проявлениями лояльности со стороны покоренных народов, не вмешиваясь в их внутреннюю жизнь, а их пребывание (и представителей иных народов) в завоеванных странах исчерпывалось службой в сатрапских резиденциях и пограничных крепостях. Больше изменений внесла эллинистическая эпоха, поскольку наплыв греческих колонистов был массовым[1]. Но и в эту эпоху местное население, хотя и оттесненное на второй план, продолжало жить своей жизнью. В условиях Греко-Бактрийского царства местная знать сотрудничала с греческой элитой и в сфере культуры в какой-то мере слилась с ней, но простой народ, видимо, продолжал сохранять свою самобытность и враждебное отношение к грекам.

Если центральноиранская общность обладала определенными чертами духовной и материальной культуры, выделявшими ее среди других иранских народов, то что можно сказать в данной связи о ее социальной культуре, социальном строе? Думается, что для ответа на этот вопрос будет полезным обращение к теории трехчленного деления древнего индоиранского (и еще более древнего индоевропейского) общества, обычно связываемой с именем Ж. Дюмезиля (см. [Dumézil 1958; Дюмезиль 1986] и многие другие его работы). Вокруг этой теории развернулись многочисленные споры и дискуссии (см., например, [Фрай 1972: 40, 41; Абаев 1976: 269, 270]), но в применении к нашему предмету, в рамках исследуемого места и времени, она прекрасно «работает» — объясняет отдельные факты и помогает восстановить общую картину.

Новейшие исследования убедительно показали реальность существования трехчленной структуры в скифском обществе (см. [Грантовский 1960; Раевский 1977: 45–161], ср. [Хазанов 1975: 131–202]). Но источники свидетельствуют, что

[1] Дискуссию о различии в последствиях ахеменидского и македонского завоеваний для местного населения Средней Азии см. [Vogelsang 1992: 2–6].

та же социальная структура вполне явственно проступает и у оседлых иранских народов I тысячелетия [Пьянков 1989а]. Структура эта предполагает существование трех слоев: 1) цари-воины; 2) жрецы; 3) земледельцы и скотоводы. Различие между оседлыми иранскими народами и скифами заключается лишь в том, что «царский» слой или племя у первых является оседлым, а у вторых — кочевым.

Важным средством для познания общественного устройства древних иранцев являются генеалогические легенды, существовавшие у каждого из них. Эти легенды дают возможность судить о том, как сам народ представлял себе свою социальную структуру. Конечно, эти представления рисуют идеальную картину, общие принципы социального устройства, однако действительность могла быть несколько иной, хотя она так или иначе регулировалась этими принципами (см. по этому поводу [Раевский 1977: 145, 146]).

Древнеиранская генеалогическая легенда в своем исконном и полном виде, не урезанная и не деформированная, в своем гипотетическом архетипе, состоит из двух взаимосвязанных частей, что не всегда учитывается исследователями. Первая ее часть — «социальная», рассказывающая о социальной трипартиции, повествует о первом человеке и трех его сыновьях, которым придаются три главные социальные функции. Вторая часть — «этническая», повествующая об этнической трипартиции, говорит о первом царе— им обычно оказывается младший («третий») сын первого человека — и его трех сыновьях, являющихся прародителями трех основных, с точки зрения творцов легенды, народов (своего собственного и двух соседних). Впрочем, трем прародителям нередко опять-таки придаются те же три социальные функции. Здесь нас будут интересовать главным образом «социальные» генеалогические легенды.

Генеалогические легенды разных древних иранских народов заметно отличаются одна от другой, отражая своеобразие социального устройства каждого из них.

Свои «социальные» генеалогические легенды создавали и центральноиранские народы, и по ним можно судить об отличительных чертах социального устройства этой общности по сравнению с социальным устройством западноиранских и скифских народов. Но создавались эти легенды в глубокой древности, а в своем развернутом виде дошли до нас в средневековых памятниках. На протяжении веков они претерпевали немалые изменения, фиксируя изменения в исторических условиях, поэтому трудно определить, насколько они отражают условия рассматриваемого времени. Однако те фрагментарные сведения об общественном строе древних центральноиранских народов, которыми мы располагаем, легко и убедительно находят свое место в социальных схемах, лежащих в основе интересующих нас генеалогических легенд.

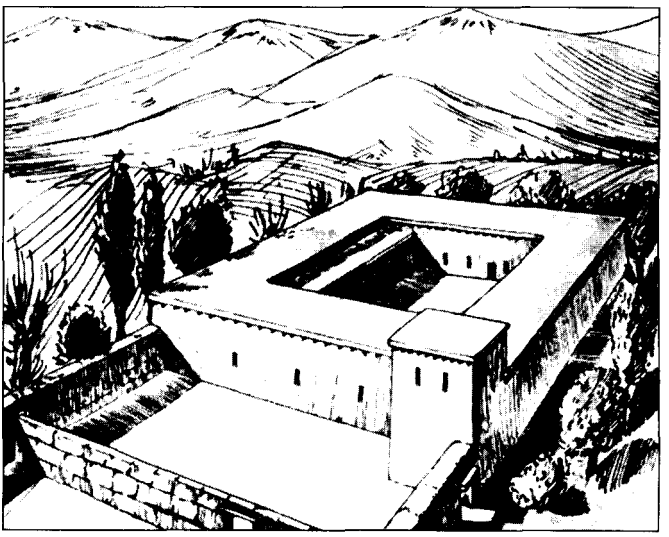
Таковой, видимо изначально, еще в авестийские времена, принятой иранским эпосом в качестве основной версии «социального» генеалогического предания является легенда о первом смертном человеке Гайомартане (Кеюмарсе) и его потомстве (см. о ней [Christensen 1917; Boyce 1975: 96, 97, 139, 140; Дрезден 1977: 345–347; Рак 1998: 163–165]). Учитывая исторические обстоятельства формирования эпоса «Книги царей», центральноиранского по своему проис-

хождению и лишь в результате превращения зороастризма в государственную религию, при Сасанидах, приобретшего общеиранское значение [Пьянков 1994; Pyankov 1994], можно с уверенностью предполагать, что легенда эта принадлежит одному из древних центральноиранских народов, может быть даже именно бактрийцам. Во всяком случае, местом обитания первого человека и первого быка в ней мыслятся берега реки Вангхви-Датья (Амударьи) — великой реки Арьянам-Вайджи. А места почитания святого Джумарта (Гаймартана) и до сих пор известны на берегах Амударьи [Толстов 1948: 87; Снесарев 1969: 294–301]. Включение ее в эпос сопровождалось существенной переработкой, совмещением с другими версиями и т.д., так что в дошедшем до нас виде предание это уже значительно деформировалось, в большей степени — в Шахнаме Фирдоуси [Шахнаме 1957: 23–27], в меньшей — в среднеперсидском варианте (Бундахишн, XV, XXXI, 1; Дадестани-меноги-храд XXVII, 14–18; Денкард VII, 1, 6–15). Из этих вариантов реконструируется первоначальная легенда, в которой, видимо, фигурировали Гайомарт и три его сына: Сиямак, Фравак и Хушенг. В таком виде она является аналогом рассказанной Геродотом (IV, 5–7) скифской легенды о Таргитае и трех его сыновьях. И Гайомарт, и Таргитай являются прародителями человечества вообще, а их сыновья — символами социальных функций. Возможно, что Фравак и по имени соответствует одному из сыновей Таргитая — Арпоксаю, или Апру (об этом последнем см. [Раевский 1977, с. 69, 117]). Что касается легенды о Трайтауне (Феридуне) и его сыновьях, представляющей другую версию генеалогического предания в иранском эпосе, то она вряд ли может служить аналогом для упомянутой скифской легенды (ср. [Раевский 1977: 81–86]), поскольку является «этнической» разновидностью, хотя и с примесью наложенной на нее «социальной» схемы [Molé 1952: 460–463].

О самих сословиях древних центральноиранских народов достаточно полные сведения содержатся в Авесте [Benveniste 1932: 117–134]. Наиболее четкий их перечень дан в Младшей Авесте. Они названы здесь «пиштра», т. е. «занятие, профессия» [Bartholomae 1961: 908]. Их три: атраван — жрец, ратайштар — воин, вастрьо-фшуйант— крестьянин; однажды к ним добавляется и четвертый: хути — ремесленник. Видимо, эта сословная схема официально существовала лишь в предахеменидской Бактрии, поскольку упоминается только в младоавестийских текстах, канонизованных впервые при кави Виштаспе [Пьянков 1996: 9], хотя по некоторым признакам не была забыта и в ахеменидское время. Но и ранее она являлась лишь схемой, условной и архаичной, поскольку, восходя к глубокой индоиранской древности, уже не отражала исторической реальности в полной мере. В то же время сама эта сословная терминология — специфически авестийская: ни у западно-, ни у восточноиранских (скифских) народов она не прослеживается; возрождение ее в искусственной, «ученой» передаче в государстве Сасанидов [Периханян 1983: 13, 14, 18] — результат превращения зороастризма в государственную религию при Сасанидах, сопровождавшегося перенесением в Западный Иран многих центральноиранских традиций (т. е. то же, что мы наблюдали и в эпосе).

Такая же сословная структура проступает и в Гатах, хотя и в менее отчетливом виде: заотар — жрец, нар — воин, вастар (вастрья) — крестьянин[1]. Культурная среда, отражаемая в Гатах, видимо, отличается от младоавестийской не столько хронологически, сколько территориально; если исходить из предложенного нами места формирования Гат, то указанная сословная структура должна характеризовать общество Согда предахеменидского времени [Пьянков 1996: 21–23].

Итак, общество древних центральноиранских народов состояло из трех основных сословий. В этом отношении оно не отличалось от общества других древних ираноязычных народов. Но далее начинаются существенные отличия. Объясняются они, как мы думаем, следующим. В формировании всех древних ираноязычных народов решающую роль сыграли передвижения скотоводческих, пастушеских, а позднее и кочевых племен евразийских степей [Пьянков 1979а: 193–207; 1987: 71–84; 1992б: 67–71]. Эти племена занимали на новых местах господствующее положение, подчиняя и постепенно ассимилируя старое местное население. Складывающиеся новые социальные структуры оформлялись в виде давно уже укоренившихся у индоиранцев трехчленных сообществ; так возникала характерная социально-этническая стратификация (см. по этому поводу [Раевский 1977: 153–155]). От того, где и когда протекали эти процессы, какие отношения складывались между формирующимися сословиями, и зависела индивидуальная специфика социального устройства того или иного сообщества.

Сельская «усадьба» в Бактрии ахеменидского времени. Реконструкция (по: История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 749, рис. 159)

[1] Трактовка М. Бойс общества Гат как двухсословного: пастухи-воины и жрецы [Boyce 1982: 1–4; 1987: 62, 63] — выглядит неубедительно и основана на чрезмерном удревнении дат Зороастра и чрезмерной архаизации общества Гат и как следствие — общества протоиндоиранцев. Прежняя ее позиция [Boyce 1975: 5, 6, 206, 207] кажется более убедительной.

Что касается общества древних центральноиранских народов, то главное, что обусловило своеобразие этого общества, — особенности в положении господствующего слоя, сословия царей и воинов, в соотношении его с основным слоем населения, сословием земледельцев и скотоводов.

Рассмотрим сначала, как отражено это положение в генеалогических легендах. В первоначальном варианте легенды о Гайомартане «третьим» сыном первого смертного был, очевидно, Хаушьянгха (Хушенг), который считался также и прародителем арьев (а учитывая происхождение этой легенды, о чем говорилось выше, — арьев центральноиранских). Именно он наделен титулом парадата (пешдад), первоначальный смысл которого — «поставленный во главе» [Bartholomae 1961: 854; Boyce 1975: 104]. В скифской легенде о Таргитае так (паралаты) названы царские скифы — тоже потомки «третьего» сына, Колаксая [Грантовский 1960: 4, 5, 17; 1970: 208; Раевский 1977: 65, 148, 149], который в то же время был эпонимом всех скифов (сколотов)[1]. Видимо, это слово было древним общеиранским термином для обозначения «царского» слоя общества. В целом же господствующее положение младшего брата в легенде удивительно точно отражает историческую реальность: новое («младшее») племя подчиняет коренное («старшее») население и распространяет на вновь образовавшуюся общность свое имя.

Но вот легенда о Хушенге и Вегерде, которая прибавилась к древним сказаниям о Хаушьянгхе (она известна лишь в среднеперсидском варианте: Денкард VIII, 13, 5, 6; VII, 1, 16–18; V, 4, 2 и у еще более поздних авторов — Бируни и других), отражает уже специфику центральноиранского общества. Здесь пешдад Хушенг (парадата Хаушьянгха), в согласии с древним преданием, представлен как учредитель царской власти, изобретатель искусства управления людьми и их защиты, родоначальник института дахьюпати, «владык области», а его брат, тоже пешдад, Вегерд — как изобретатель земледелия и института дехканства, надзора за селом. В толковании этой легенды несомненно правы те ученые, которые, несмотря на соблазн представить ее как версию предания о происхождении сословий царей-воинов и крестьян (так Грантовский и Раевский [Грантовский 1960: 5; Раевский 1977: 77]) считают, что Вегерд здесь воплощает поземельную аристократию, каковой и являлось средневековое дехканство [Yarshater 1983: 420].

Именно дехканство как «поземельное дворянство» и придавало своеобразие общественному строю Средней Азии раннего Средневековья — Хорасана и Согда. Об этом много и убедительно писал акад. В. В. Бартольд [Бартольд 1964: 323–325, 360–364, 371–373, 440–449, 462–468; 1971: 360–364, 369–373, 440–449, 462–468]. Но в мусульманское время этот социальный слой, испытывая один удар за другим, уже умирал. Расцвет его приходится на домусульманский период. Что же представляли собой дехканы Средней Азии той эпохи? Следует сказать, что мусульманские авторы называли дехканами всех представителей господствующего слоя Средней Азии. Среди них могли быть и правители крупных областей — это «великие дехканы» и собственно дехканы. Последние за-

[1] О толковании соответствующего высказывания Геродота (IV, 6) и историю вопроса о связи имен «[С]колаксай», «сколоты» и «скифы» см. [Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 209, 210].

висели от крупных правителей, обитали в поместьях — укрепленных усадьбах, своего рода «замках», вблизи резиденций своих господ, должны были — они сами или их сыновья — являться ко двору господ и служить в их войске в качестве тяжеловооруженных всадников, «рыцарей». А вокруг усадеб обитали в своих селениях зависимые земледельцы (издольщики), имевшие свой земельный надел; работали в поместьях и приходящие безземельные батраки [Гафуров 1972: 296–299; Смирнова 1970: 38–49, 69–95, 101–108, 111–122]. Но насколько древним для Средней Азии является такое «дехканство» (речь идет не о термине — он поздний и, по-видимому, западноиранского происхождения, см. [Frye 1983: 117, прим. 115]), можем ли мы предполагать его существование у древних центрально-иранских народов? Сведения источников по этому поводу, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют с уверенностью ответить на данный вопрос утвердительно.

Что касается древнего названия этого сословия, то самым общим его обозначением было «азаты» — «знатные, благородные», — бытовавшее уже в авестийские времена, а затем получившее очень широкое распространение; позже оно приобрело также значение «свободные» [Лившиц 1963: 145; 1998: 222; Гафуров 1972: 56, 296; Смирнова 1970: 44, 69–86], и в этом последнем значении оно, видимо, воспринималось античными авторами [Периханян 1983: 15, 300]. Специальным военным обозначением всего сословия «царей-воинов» являлся авестийский термин «ратайштар» — «колесничий», но к ахеменидскому времени он устарел по своему буквальному смыслу: центральноиранские конные воины были тогда уже по большей части всадниками, а не колесничими. Поэтому и в Авесте появляется термин «всадник» — «башар (бартар)», равнозначный в социальном смысле устаревшему термину [Gnoli 1980: 155]. Как «всадники» фигурируют представители этого сословия и в античных источниках.

Много сведений о «всадниках» центральноиранского происхождения дают эти источники, повествуя о временах крушения Ахеменидской державы, о походах Александра Македонского. Известно, что такие «всадники» служили в войсках сначала Дария III, затем Александра и его преемников, а впоследствии и греко-бактрийских царей. В перечнях военных отрядов они обычно составляют более или менее обособленную группу. Так, в битве при Гавгамелах бактрийские, согдийские и арахосийские всадники стояли вместе на левом фланге войска Дария III в сопровождении лишь скифских всадников — даев и массагетов (Арриан III, 11, 3, 6; Курций IV, 12, 6). Всадники, которые пополнили македонское войско, были бактрийцами, согдийцами, арахотами, зарангами, ареями, парфянами и избранными персами (Арриан VII, 6, 3). Из них лишь последние две группы принадлежали к западным иранцам. Но более близко мы знакомимся с этими всадниками тогда, когда в источниках речь идет о событиях в самой Средней Азии, связанных с македонским вторжением. Именно бактрийские, согдийские[1] и арейские всадники оказывают самое упорное сопротивление македонянам, делая завоевание Средней Азии таким трудным для Александра. Он

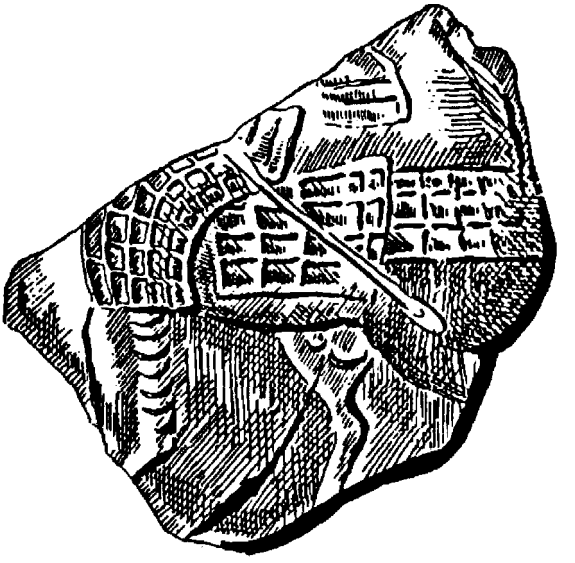
[1] У Курция здесь, явно по недоразумению, названы сузийцы: он поменял их местами с согдийцами (ср. IV, 12, 7).

столкнулся с этим сопротивлением уже при вторжении в Арею, первую из стран Арианы на его пути, где неожиданно получил серьезный отпор со стороны местного населения как раз в лице «всадников» во главе с сатрапом Сатибарзаном (Арриан III, 25, 7; 28, 2, 3; 29, 5; Курций VI, 6, 20–34; VII, 3, 1; 4, 32–40). В дальнейшем упорное сопротивление Александру оказывали «всадники» Бактрии и Согда, поддерживая Бесса и Спитамена (Арриан III, 28, 8–10; IV, 1, 5; Курций VII, 4, 20, 21; 6, 13–15; VIII, 2, 15–18). О всадниках Дрангианы и Арахосии в данной связи прямо не говорится, но, судя по тому, что Барсаент, сатрап этих двух стран, возглавлявший их конное войско в битве при Гавгамелах, был злейшим врагом Александра (Арриан III, 8, 4; 21, 1; 25, 8; Курций VI, 6, 36; VIII, 13, 3–5; Диодор XVII, 74, 1), и здесь опорой сопротивления македонянам являлся тот же слой населения.

Всадники сопровождают персидских сатрапов Бесса и Сатибарзана или своих вождей Спитамена, Оксиарта и других, сражаются с македонянами, но жилища их — в селах, по которым они и расходятся в случае неудач своих предводителей; обычно, когда в источниках говорится о действиях всадников, упоминаются и «села» — в Арее, Бактрии, Согде и Ксениппе (низовья Кашкадарьи) (Арриан III, 25, 7; 28, 10; Курций VII, 9, 22; VIII, 2, 14). Иногда те же села характеризуются как «укрепления, крепостцы»: таких сел-крепостей много на пути от Окса (Амударьи) к Мараканде (Самарканду) и в долине Политимета (Зеравшана) (Арриан IV, 6, 5; 15, 7; 16, 3). Описано одно из таких сел-крепостей, расположенное в Навтаке (верховья Кашкадарьи): это небольшое селение, обведенное стеной с воротами (Арриан III, 30, 1, 2) [Пьянков 1973: 128, 129]. Нельзя не вспомнить в этой связи, что еще Ктесий говорил о множестве «храбрых мужей» и «неприступных укрепленных мест» Бактрии [Пьянков 1975: 55], а молва о «бактрийских крепостях» («селениях, окруженных стенами») дошла и до знаменитого греческого трагика Эврипида [Пьянков 1973: 126, 127].

Бактрийские всадники служили и персидским сатрапам Малой Азии. Большой их отряд в количестве двух тысяч конных воинов сражался против Александра в битве у Граника вместе с сатрапами Ионии и Лидии, Фригии, Каппадокии (Диодор XVII, 19, 4). Это были военные колонисты, обосновавшиеся в Малой Азии по крайней мере со времен Ксеркса [Nikonorov 1997: 18]. Малая Азия в ахеменидское время вообще была в значительной степени колонизована бактрийцами [Raditsa 1983: 100; Bernard 1987: 109]. Поэтому мы вправе считать бактрийцами по крайней мере часть владельцев тех поместий, поставлявших всадников, которые описаны Ксенофонтом (Киропедия VIII, 8, 20–22): это богатые усадьбы, наполненные разной челядью, обязанные по мере надобности выставлять от себя конного воина, которого было принято будто бы со времен Кира одевать в панцирь и снабжать копьем. В идеале это должен быть специально обученный воин — видимо, или сам хозяин, или один из его сыновей. Жизнь таких усадеб Ксенофонт мог наблюдать лично, судя по описанному им эпизоду с поместьем перса (так мог быть назван любой иранец) Асидата (Анабасис VII, 8) в Мисии: местообитание самого Асидата было обнесено крепкими стенами, а в окрестностях жили и работали сотни зависимых от хозяина поместья людей.

Иногда среднеазиатские «всадники» именуются у историков Александра «гипархами». Вообще слово «гипарх» (ὕπαρχος, не путать с «гиппархом», ἵππαρχος!) означает «помощник, младший начальник, наместник», но в эллинистическую эпоху оно имело специальный смысл: «тот, кто владеет хорой», т. е. культивируемой землей, жилищем, орудиями, урожаем [Блаватская, Голубцова, Павловская 1969: 169, 170]. А еще однажды они названы в источнике «клиентами» (ср.: Арриан III, 28, 10 и Курций VII, 4, 21)[1]. Это слово в его контексте следует уже прямо понимать как «ленник, вассал». Оно имеет точный эквивалент в древнеперсидском языке ахеменидской эпохи: «бандака» — «вассал» (не «раб», как часто переводят) [Schmitt 1982: 419].

Среднеазиатский «рыцарь».
Рельеф на глиняном сосуде из Койкрылган-калы, IV–III вв. до н. э.
(по:. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 453, табл. CLXV, 17)

Учитывая все эти факты, можно представить следующую картину: «всадники» бактрийцев, согдийцев и ареев, а также, видимо, дрангов-зарангов и арахотов — это особый слой населения, они владеют укрепленными поместьями и землями, которые обрабатывают зависимые крестьяне, но держат эти поместья на условии военной службы своим господам. Таким образом, и в ахеменидскую эпоху мы застаем в Средней Азии то же самое «поземельное дворянство», что и в средневековье. Открытые археологами изображения бактрийских всадников, одетых в броню и вооруженных копьями, действительно напоминают средневековых рыцарей (о бактрийском вооружении см. [Nikonorov 1997]).

[1] Указанное соответствие не позволяет толковать «клиентов» данного сообщения Курция как зависимых от «гипарха» крестьян [Briant, 1978/1979: 71]. «Клиенты» в данном случае сами являются «всадниками» («гипархами»), выступающими в качестве вассалов по отношению к сатрапу Бессу.

Сообщается, что бактрийцы могут выставить до тридцати тысяч всадников (Курций VII, 4, 30). Это известие относится ко времени Александра, но, по-видимому, о тридцатитысячном конном войске во главе с бактрийцем в связи с битвой при Саламине говорил еще и Эсхил, другой великий греческий трагик [Nikonorov 1997: 19, 20]. В данном случае, надо думать, в число «тридцать тысяч» были включены не только собственно бактрийцы, но и воины других центральноиранских народов, выступавших в битвах, как мы видели, сплоченной группой. Именно это мы наблюдаем позже: прибывшие к Александру в Сузы конные воины «эпигоны» численностью в тридцать тысяч были набраны в большинстве своем из знатной молодежи бактрийцев, согдийцев, арахотов, зарангов и ареев (Арриан VII, 6, 3; ср.: Курций VIII, 5, 1; Диодор XVII, 108, 1; Плутарх, Жизнь Александра 47, 71), а главой оказывается опять же бактриец (Арриан VII, 6, 4). Может быть, столько «гипархов»-«всадников» собиралось на смотр в Бактре (ср.: Арриан IV, 1, 5 = Курций VII, 6, 15; см. об этих сборах [Altheim, Stiehl 1970: 167, 216]).

Чаще же говорится о десяти тысячах или около того. В войске Дария III у Гавгамелы было девять тысяч бактрийских всадников, в том числе у Бесса — восемь тысяч (Курций IV, 12, 6; ср.: Арриан III, 11, 3). После битвы при Гавгамеле у Бесса в Экбатане осталось только три тысячи или три тысячи триста (Арриан III, 19, 5; Курций V, 8, 4). Но в Бактрии у Бесса вновь появляется семь или восемь тысяч бактрийских всадников (Арриан III, 28, 8; Курций VII, 4, 20), к которым нужно прибавить еще две тысячи, посланные им на помощь Сатибарзану (Арриан III, 28, 2); затем эти всадники поднимают восстания в разных местах Согда и Бактрии: семь тысяч — в одном случае (Курций VII, 6, 13, 14; ср.: Арриан IV, 1, 5), две с половиной тысячи — в другом (Курций VIII, 2, 15–18). А позднее в войске греко-бактрийского царя Эвтидема сражается десять тысяч бактрийских всадников (Полибий X, 49).

Похоже, что по каждому из поместий «всадников» составлялись списки боеспособных мужчин — самих хозяев, их сыновей и слуг, чтобы проводить мобилизацию, а в случае нужды пополнять ряды выбывших; именно такие «списки домов» и были обнаружены археологами на Топрак-кале в Хорезме (III в. н. э.) [Лившиц 1984: 265–277]. Можно даже попытаться подсчитать, сколько боеспособных мужчин приходилось на каждое поместье в Согде, в долине Политимета (Зеравшана). После того как согдийские «всадники», участвовавшие в восстании Спитамена, рассеялись по своим селам-крепостям, Александр прошел по всей долине Политимета, сжигая села и убивая всех взрослых мужчин; тогда погибло будто бы 120 тысяч согдийцев (Арриан IV, 6, 5; Курций VII, 9, 22; Диодор XVII, prol. (2), 23). Вероятно, эта цифра была получена в результате каких-то расчетов, основанных на количестве разоренных поместий и среднего числа боеспособных мужчин для каждого из поместий. Но сколько было таких поместий и их хозяев-«всадников» в долине Политимета? Возможно, где-то от полутора до двух с половиной тысяч (ср.: Курций IV, 12, 6; VIII, 2, 15).

Господами «всадников», их сюзеренами, являются «владыки областей», дахьюпати. Они же, выступая в роли полководцев, именуются састарами [Дьяконов 1956: 186, 188; Frye 1983: 56]. Так названы в гимне Авесты, воспевающем Ари-

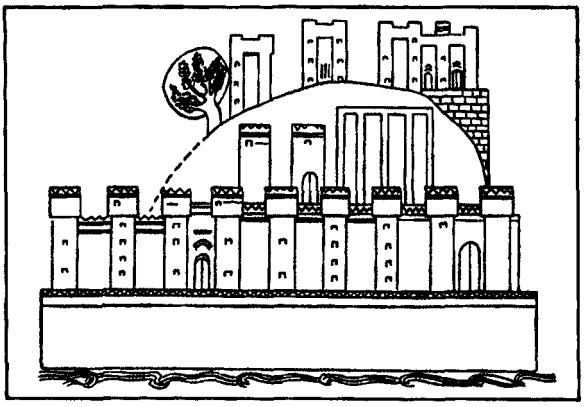
ану (Яшт X, 14), «храбрые владыки», что «сбираются на битвы» (пер. И. М. Стеблин-Каменского [Авеста 1990: 57]). В ахеменидскую эпоху их заменили персидские сатрапы. Так, мы уже видели, что согдийские всадники названы вассалами сатрапа Бесса. Но остались и местные властители. Их резиденциями на случай военной опасности были неприступные горные крепости, «скалы». Таковы Ариамаз, владыка Согдийской скалы, и Сисимитр-Хориен (это второе имя, видимо, было дано ему по названию области, которой он владел; ср. средневековый Ахарун в верховьях Сурхандарьи), хозяин другой скалы у прохода из Согдианы в бактрийскую область Паретакену (т. е. у Железных ворот в юго-западных отрогах Гиссарского хребта, см. [Пьянков 1982: 42–47]). О могуществе и богатстве этих князьков свидетельствует такой факт: Хориен снабдил все войско Александра едой — хлебом, вином и солониной — на два месяца, не истратив и десятой части заготовленных им запасов (Арриан IV, 22, 10). Возможно, представителями такой же знати были бактриец Оксиарт, отец красавицы Роксаны, жены Александра, и согдиец Спитамен, возглавивший сопротивление согдийцев македонским завоевателям. От этих владык и зависели гипархи. Так, множество гипархов собралось в горную твердыню Хориена под его защиту (Арриан IV, 21, 1); видимо, Хориен в данном случае выступал в роли их господина и покровителя.

Сословию «царей-воинов» со всеми его прослойками противостояло крестьянское сословие земледельцев и скотоводов. Авестийское название его, «вастрьо-фшуйант» — «пастух», тоже устарело к ахеменидскому времени, так как производящий слой оседлого населения центральноиранской общности тогда уже окончательно разделился на две части: большая часть перешла к земледелию с прочной оседлостью, включив в свой состав массу автохтонного земледельческого населения, и лишь сравнительно незначительная часть продолжала оставаться скотоводами-пастухами.

Оседлые земледельцы, в свою очередь, оказывались в разном положении. Часть из них попала в зависимость от представителей знати, сословия «царей-воинов», работая в их поместьях пахарями, виноградарями и пастухами и создавая то сказочное изобилие продовольственных запасов, которым хвалился Хориен. И в авестийские времена они делились, видимо, на те же две основные категории, что и позже: работники, постоянно живущие в селении и имеющие там свое хозяйство, — «вайса» и приходящие поденщики — «париайтар»; и те и другие могли именоваться по случаю и слугами, и даже рабами своего хозяина [Bartholomae 1961: 870, 1328]; ср. [Лившиц 1963: 140–143; 1998: 218, 219]. Где-то близ резиденций господ жили и ремесленники — «хути», возможно, судя по ближайшим аналогиям, порабощенные. Но другая часть оседлых земледельцев оставалась какое-то время свободной и составляла независимые крестьянские общины. Именно эти земледельцы и могли поставлять пеших воинов в отряды центральноиранских народов ахеменидской армии, например армии Ксеркса во время похода его в Грецию, которая включала пеших воинов бактрийцев, ареев, хорасмиев, согдийцев, сарангов и пактиев (арахотов) (Геродот VII, 64, 66, 67).

Весьма наглядно рисует устройство общества система его поселений. Это относится и к археологическим свидетельствам такой системы. В данном случае

речь пойдет о памятниках культур круга Яз (о соотношении их с центральноиранской этнической общностью см. [Пьянков 1989б: 62, 63; 1990: 58, 59]), которыми представлены поселения самых разных типов. Следует сказать, что и археологические материалы, характеризующие типы поселений, строительную технику и архитектуру памятников круга Яз, свидетельствуют о своеобразии культуры населения, оставившего эти памятники, и об отличии ее, в частности, от западноиранской [Francfort 1979: 19–22; 1988: 189].

Поселение среднеазиатского типа с платформой. Ассирийский рельеф VIII в. до н. э. (по: История Древнего Востока. С. 721, рис. 156)

Столь характерное для культур круга Яз сочетание цитаделей на высоких платформах и группирующихся вокруг них укрепленных усадеб дает наглядную картину общества владык-дахьюпати и састаров — хозяев вознесенных на платформы дворцов — и зависимых от них «всадников» — обитателей сельских крепостей, маленьких «замков»-усадеб. Цитадели на платформах — это фортификационные сооружения, типичные во времена Яз I-III для Бактрии (как Южной, так и Северной) и Маргианы, Ареи (включая подгорную полосу Копетдага), Дрангианы (Нади-Али), Арахосии (Мундигак) [Древнейшие государства 1985: 181–189, 202, 203, 228 и др.; Сарианиди 1977: 107–115, 153–158, 408]. Вокруг цитаделей возникали поселения, где жили земледельцы, ремесленники, торговцы. Еще более характерным для эпохи Яз и массовым поселенческим памятником являются так называемые «усадьбы», о социальной природе которых много спорили советские археологи [Древнейшие государства 1985: 188, 277, 321, 342, 343 и др.]. А усадьбы эти являются составными элементами рассредоточенных поселений, где и обитали зависимые от «всадников» крестьяне.

Попытки отечественных археологов сопоставить авестийскую поселенческо-социальную терминологию с данными археологии выглядят иногда слишком схематично и невыразительно: усадьба — большесемейная домашняя община, группа усадеб — родовая община, несколько групп усадеб — соседская община и т. д. (так, например, [Сагдуллаев 1987: 75]). Общество древних земледельцев Средней Азии рассматриваемого времени давно уже ушло от перво-

бытного родового строя. Родовое, а вернее, клановое устройство сохраняла тогда, как и в других подобных случаях, главным образом аристократия. Такой клан и обозначался в Авесте словом «вис», а равным образом и место обитания клана, все его движимое и недвижимое имущество вместе с зависимыми крестьянами («вайса»), «домам» которых он противопоставлялся; иначе говоря, «вис» в данном случае — это «дворянская усадьба, поместье» («adeliger Hof» [Bartholomae 1961: 1455–1457]). Такой термин мог применяться и к поместью «всадника», и к резиденции владыки-дахьюпати и быть эквивалентом названий, используемых античными авторами для обозначения селений, где обитали «всадники»[1].

Сословная схема древнего персидского общества хотя и имеет в своей основе ту же трехчленную структуру, значительно отличается от обрисованной выше центральноиранской. Вопреки довольно распространенному мнению, будто о сословиях ахеменидского Ирана ничего не известно и роль их в связи с созданием персидской империи сильно упала [Периханян 1983: 13], основные контуры сословной схемы общества древних персов можно проследить по описаниям Геродота и Страбона. По Геродоту (I, 125), состав персидских племен таков: три главных племени, от которых зависят остальные персы, причем к одному из них принадлежит царский род Ахеменидов; три племени земледельцев; четыре племени кочевников, одним из которых являются марды. По Страбону (XV, 3, 1), сведения которого в данном случае восходят, видимо, к Поликлиту, историку Александра, персидский народ состоит из следующих «племен»: ахеменидов, магов — «благочестивых» людей, патисхоров–земледельцев[2], киртиев и мардов — «разбойников». Здесь трехчленная структура более четко выражена у Страбона, и «племена» его являются, в сущности, сословиями. Ахемениды Страбона соответствуют трем главным племенам Геродота; это сословие «царей». Маги — сословие жрецов. Патисхоры Страбона — это земледельческие племена Геродота, сословие земледельцев. Киртии и марды (названия-синонимы) Страбона — это племена номадов Геродота, сословие скотоводов. Заметим, что, с точки зрения древних иранцев, земледельцы и скотоводы — одно трудовое крестьянское сословие.

---

[1] Между прочим, соответствующее латинское слово — vicus родственно иранскому vis.

[2] По поводу персидских патисхоров современными учеными были выдвинуты разные чисто спекулятивные соображения (обзор их см. [Frye 1983: 90]; ср., например [Herzfeld 1968: 317]). Удивительно, что ни один из них не заметил, что Страбон в данном случае описывает сословно-племенную структуру персидского общества по примеру Геродота, где патисхоры явно занимают место племен земледельцев. Греческое слово Πατεισχορεῖς передает иранский термин, имеющий в своей основе корень xvar- «есть, питаться», производные от которого — слова со значением «пища (растительная), хлеб» (об этом корне см. [Абаев 1979: 310]; ср. иные этимологии [Kent 1953: 195; Brandenstein, Mayrhofer 1964: 139]). От того же корня образованы топонимы «Патишхвар» и «Хвар» (и только этим лингвистическим фактом и ограничивается связь с ними «патисхоров»). Интересно, что последний топоним, «Хвар, Хувар», имеет ныне точный тюркский эквивалент, «Кышлак» [Бартольд 1971: 130]. «Кышлак» в исконном нарицательном смысле— «зимовье кочевников», где степняки обычно и сеяли хлеб. Таким образом, слово «патисхоры» может означать примерно: «обитатели хвара — оазиса, пригодного для земледелия, в окружении скотоводов, пастухов или кочевников». Ту же основу имеют названия других оазисов Средней Азии и Ирана, в том числе «Хорезм, Хваризм».

При одинаково трехчленном принципе строения общества положение сословия царей-воинов и крестьянского сословия у древних персов было совсем иным, нежели у центральноиранских народов. «Царские» персы жили компактной массой в центре Персиды, вокруг своих столиц Персеполя и Пасаргады, либо при дворе царя Ахеменида и сатрапов, сохраняя еще, во всяком случае ко времени Дария I, племенное деление (Геродот IV, 167). Они целиком составляли верхний, привилегированный слой государства, занятый только на административной или военной службе. У них могли быть богатые имения, разбросанные по всей державе Ахеменидов [Дьяконов 1959: 70–92; Дандамаев, Луконин 1980: 152–157], но в этих имениях они не жили. Возможно, что такое положение объясняется более поздней оседлостью персов, нежели арианов — центральных иранцев. Археология как будто подтверждает это заключение: последние исследования показывают, что оседлость в Центральном Фарсе в первой половине I тысячелетия до н. э. почти полностью исчезла и жившие там персидские племена (как, впрочем, и часть автохтонного населения) вели тогда полукочевой пастушеский образ жизни вплоть до основания Пасаргады около 550 г. до н. э. [Cuyler Young 1988: 29, 30; Miroschedji de 1986: 60, 61]. Можно предполагать, что примерно такой же была структура мидийского общества.

Дарий I в надписях постоянно различает «персидский и мидийский народ, который находится при мне» и «персидский и мидийский народ, который находится по селениям» (относительно чтения и толкования соответствующих мест в надписях см. [Дьяконов 1956: 332–334, 432–436; Дандамаев 1963: 186–204])[1]. Первые всегда верны Дарию, являясь его главной военной опорой, вторые — восстают против царя, переходят на сторону самозванцев. Первые явно идентифицируются с «царскими» персами, вторые — с персами-«земледельцами». Последние действовали на окраинах Персиды, в контакте с автохтонами, которых персы к тому времени еще не успели ассимилировать. Так, эти персы поддержали Вахьяздату, жившего в городе Тарава области Яутия, затем к ним присоединились «персы, живущие по селениям», пришедшие из Аншана (Бехистунская надпись III, 21–28; подтверждение чтения с упоминанием Яды (Аншана) см. [Schmitt 1980: 116]). Персы, поддержавшие Вахьяздату, были, очевидно, германиями (карманийцами), одним из тех персидских племен, которых Геродот (I, 125) называет земледельцами, поскольку город Тарава, помещаемый надписью в область неперсидского народа утиев, хотя и в пределах Персиды, причислялся впоследствии к Кармании (город Таруана: Птолемей. География VI, 8, 13). А население области Аншан (оно состояло из земледельцев и скотоводов-пастухов), видимо, сами персы называли тем же именем, что и эламитов, — «уксии» («уджа») [Пьянков 1971: 27, 28, 33, 34] (о местонахождении города Аншан и времени проникновения туда персов см. [Stronach 1974: 247, 248]).

Очень любопытна позиция царя Дария I по отношению к персидским и мидийским племенам земледельцев, ясно показывающая, что царь понимал необ-

[1] Предложенный указанными исследователями перевод, смысл которого сводится к тому, что речь идет о народе, живущем «по [своим] селениям», будь то «общины» или «хозяйства» (а не «при [царском] дворце»), несомненно, убедителен в данном контексте, ср., например, [Kent 1953: 127, 208].

ходимость доброго согласия с ними и важность поддержки с их стороны. В Бехистунской надписи (I, 64–66) он выступает защитником «персов и мидян, живущих по селениям», от произвола мага Гауматы. Но особенно показательно в данной связи отношение Дария I к своему ближайшему сподвижнику Гобрию. Гобрий, выдвинувшийся еще при Кире II, вошел при Дарии I в число высшей персидской знати — «семи персов». В надписях Дария I он выделяется тем, что его имя — единственное среди имен других упоминаемых там персов — сопровождается не только этническим определением «перс», но и сословно-племенным — «патисхорей» (так в Бехистунской надписи (IV, 84) — вавилонская версия; в Накширустамской надписи, сопровождающей рельеф, где Гобрий изображен рядом с Дарием). Такое демонстративное и настойчивое подчеркивание царем того, что ближайший его помощник происходит из сословия земледельцев, нам кажется неслучайным и находит прямой отклик в весьма любопытных тенденциях внутренней политики Дария I, выраженных как в надписях Дария, так и в сочинении Геродота и давно уже привлекавших внимание ученых [Струве 1948: 12–35; 1968: 67–85]. Мы имеем в виду декларируемое Дарием стремление к социальной справедливости и «народолюбие» (разумеется, по отношению к персам).

Сословная схема скифского общества тоже явно относится к трехчленному типу. Правда, в деталях эта схема реконструируется не всеми исследователями одинаково. Наиболее убедительная реконструкция сословной схемы собственно скифов (скифов причерноморских) предложена Э. А. Грантовским [Грантовский 1960] и Д. С. Раевским [Раевский 1977]. И эта схема, несмотря на ее тройственность, существенно отличается от авестийской. В генеалогической «социальной» легенде скифов, согласно указанной реконструкции, скифские сословия, возводимые к одному из трех сыновей Таргитая, таковы: кочевые «царские» скифы, паралаты — потомки «третьего», младшего сына, Колаксая; жрецы, авхаты — потомки старшего сына, Липоксая; земледельцы и скотоводы, катиары и трапии — потомки среднего сына, Арпоксая. Как можно судить по фрагментам генеалогических «социальных» легенд восточных скифских народов, в принципе такой же вид имела сословная схема и этих народов [Пьянков 1985: 103–105; 1992а: 136–145].

Трехчленная структура скифского общества тоже значительно отличалась от центральноиранской и в некоторых моментах, пожалуй, была даже ближе к древнеперсидской. «Царские» скифы на всем протяжении существования Скифской державы продолжали оставаться кочевой ордой, мужская часть которой постоянно сохраняла военную организацию и представляла собой «дружину» — «бала», отчего «царские» скифы назывались еще палеями. Таковы же персы и мидяне, находившиеся «при царе». Скифы-«земледельцы» жили оседло и расселялись общинами сородичей — «нафа», по имени которых получили название напеев. Они соответствуют персам и мидянам, «живущим по селениям». В связи с таким делением скифского общества сложился особый вариант генеалогической «социальной» легенды скифов, где палеи и напеи представлены потомками двух братьев, Пала и Напа — наследников Скифа (об этой легенде, палах и напах см. [Раевский 1977: 24, 25, 76, 77]).

До сих пор у нас речь шла об оседлой, земледельческой части крестьянского сословия. Но, как уже говорилось, какая-то часть его продолжала сохранять прежний образ жизни скотоводов-пастухов. Сказанное относится, разумеется, только к центрально- и западноиранским народам, так как у скифов все пришлое население оставалось кочевым.

В этой связи встает вопрос о мардах. Марды — племена какого-то особого статуса, которые мы встречаем как у центральных, так и у западных иранцев. Нарицательный смысл у этого племенного названия — «разбойники» (собственно «убийцы», см. [Geiger 1882: 203]). Так оседлое население называло соседние пастушеские племена, не подчинявшиеся центральной власти и действительно нередко промышлявшие грабежом, о чем постоянно говорится в источниках. В некоторых случаях у них с властями существовали, видимо, какие-то договорные отношения. Так, персидские цари должны были платить дань персидским мардам — уксиям [Пьянков 1971: 27], проходя через их страну (Арриан III, 17, 1; Страбон XV, 3, 4). Было высказано предположение, что марды — это остатки доиранского индоарийского населения Иранского нагорья [Burrow 1973: 136]. Но более вероятно, что указанные племена этнически составляли одно целое с ближайшими оседлыми земледельцами и имели в какой-то мере общее с ними происхождение, хотя могли включать остатки и древнейших индоиранцев первой волны, и даже доиндоевропейского населения — в виде горных пастушеских племен.

В пределах расселения центральных иранцев это были «обитатели палаток», жившие в горах близ Ареи и Маргианы (Страбон XI, 10, 1), — «дикие и независимые племена мардов», рассеянные «по Кавказскому хребту до самой Бактры» (Плиний VI, 47). Подобные им полукочевые племена, занимающиеся и земледелием, доныне живут в горах вокруг Гератского оазиса, к югу от Мервского оазиса и далее на восток по хребтам Паропамиза вплоть до истоков бактрийских рек [Народы 1957: 124–133].

Другая группа мардов обитала, видимо, по среднему и нижнему течению Амударьи (мардиены: Птолемей. География VI, 12, 4 и Плиний VI, 47), где она оставила след в названии средневекового Амуля (Чарджоу) ([Фрай 1972: 74]; ср. [Marquart 1901: 136, прим. 3]), вплоть до ее дельты. Поздний античный географ Помпоний Мела, следуя одной из более древних географических схем (возможно, принадлежащей Демодаму, полководцу Селевка Никатора, см. о ней [Пьянков 1997: 55, 148–150, 152, 155, 256, 277]), помещал между амардами и пес(т)иками, т. е. апасиаками, северное устье Окса (Амударьи) (III, 42), хотя по недоразумению совместил его с другим устьем этой реки, которым она впадала в Скифский залив Каспийского моря (III, 39). В таком случае амарды должны быть обитателями Сарыкамышской дельты Амударьи, т. е. тем племенем, которое именовалось оксианами и оксидранками — «обитателями Оксийского озера, или болота» [Marquart 1905: 27, прим. 2; Markwart 1938: 78]. Археологически это носители куюсайской культуры, оседлые скотоводы (об этой культуре см. [Вайнберг 1999: 153–156]). К северу от них, по другую сторону дельты, в низовьях Сырдарьи (которые тогда близко подходили к дельте Амударьи) действительно обитали апасиаки [Толстов 1962: 136, 137].

Марды известны и у западных иранцев. Персидские марды — это или вообще скотоводческо-пастушеская часть персидских племен, или конкретные племена такого рода: персидско-эламское племя уксиев и персидское племя сагартиев [Пьянков 1971: 26–28]. Мидийские марды — это мидийские сагартии и саспиры [Пьянков 1979б: 75, 76]. Их также знали во многих других местах иранского мира, в труднодоступных горах или приморских местностях, например на южном берегу Каспийского моря.

В персидской армии марды выступали отдельными отрядами в виде легковооруженных всадников, главным образом конных лучников. Особое место среди мардов занимали сираки, или сарапары, известные и в Средней Азии. Имеются основания предполагать, что так назывались племена, которые брали на себя обязательство поставлять воинов-рабов, преимущественно конных лучников, в воинские контингенты соседних народов. Институт воинов-рабов был широко известен на Востоке: это парфянские пелаты, согдийские чакиры, средневековые гулямы и т. д. Но это отдельная сложная тема, подробнее остановиться на которой здесь нет возможности.

Такова сословная структура общества древних центральноиранских народов. Но это общество не было неподвижной, застывшей системой. Напротив, источники свидетельствуют о большой его нестабильности. Правда, источники эти связаны в основном с деятельностью Зороастра, т. е. с предахеменидским временем, VII–VI вв. до н. э. (такова традиционная дата, с которой мы согласны, см. [Пьянков 1996: 16–19]), но социальные противоречия, достигшие тогда своей кульминационной точки, продолжали действовать и в ахеменидское время. Страдающей стороной в этих противоречиях являлось крестьянство, мирные оседлые «пастухи», жившие по своим общинным селениям. Относительно враждебной им стороны среди исследователей существуют две точки зрения: это или внешняя сила, воинственные кочевники, или внутренние антагонисты, местная родовая знать [Gnoli 1980: 157]. Думается, что вся совокупность фактов говорит в пользу второй точки зрения. Перед нами антагонизм двух социальных слоев, двух сословий: земледельцев и царей-воинов, или, в авестийских терминах, «пастухов» и «колесничих» (из современных работ наиболее четко такая позиция выражена в книге Ньоли [Gnoli 1980: 186, 187].

Зороастрийская традиция сообщает мало конкретного о злых силах, противостоящих «праведному» крестьянству: это «не-пастухи» (в сословном смысле) и «дурные властители», но иногда и прямо называются састары, предводители дружин, и помогающие им жрецы, карапаны и усиги [Дьяконов 1961: 62, 63; Дьяконов 1956: 387; Boyce 1987: 63, 64]. Эти свирепые разбойники разоряют селения, похищают скот (Ясна 58, 3; ср. 29, 1; 48, 10 и др.). То же самое говорят об отрядах бактрийских «всадников» историки Александра: они «привыкли разбойничать даже в мирное время» (Курций IV, 6, 3).

Идеалом первых зороастрийцев были «добрые правители», сильная власть, способная обеспечить мир, прекращение набегов и покровительство «маздаяснийским селениям» [Соколов 1963: 172; 1998: 228; Абаев 1974: 316, 317; Gnoli 1980: 190]. Этот идеал восприняли могущественный правитель Бактрии Виштаспа, его соратники и потомки. Видимо, для них и предназначался знаменитый

зороастрийский «символ веры», содержащий клятвенное отречение от обычного для местной знати отношения к «пастухам» — от похищения скота, опустошения и разрушения «маздаяснийских селений» и обещание «даровать свободные пути и свободное обитание [на месте]» праведным «пастухам» с их стадами где бы то ни было на земле (Ясна 12, 2, 3). Надо думать, знать не только разоряла селения, но и уводила жителей, насильно удерживая их у себя. Но дело, конечно, не только в проповеди Заратуштры и деяниях Виштаспы. Указанному идеалу, очевидно, соответствовали и объективные тенденции развития общества, продолжавшие действовать и позже, в ахеменидский период.

Соответствующие процессы можно наблюдать и по археологическим материалам культурных комплексов круга Яз I–III. Они особенно наглядно проявляются в эволюции поселений. Изменения в направлении перехода от концентрации населения вокруг одного центра в пределах оазиса и плотной застройки к нескольким центрам и многим отдельным усадьбам [Сарианиди 1977: 153, 154; Пилипко 1989: 22], очевидно, отражают переход от расселения по племенному принципу к формированию «дехканской» структуры. Переход от двухчастных поселений к трех- и четырехчастным [Древнейшие государства 1985: 187–189; Ртвеладзе 1988: 13] отражает процесс формирования городов.

Социальные структуры рассматриваемого типа возникают, как уже говорилось, в результате завоевания. В данном случае имело место завоевание в конце II тысячелетия до н. э. центральноиранскими племенами, видимо уже сложившимися тогда как этническая общность, но ведшими еще полностью пастушеский, полукочевой образ жизни, оседлого населения оазисов Средней Азии и Восточного Ирана (подробнее об этом см. [Пьянков 1990: 53, 54; 1995а: 35]). Оседание в оазисах племенной верхушки — вождей и их дружинников, видимо, и привело к созданию культур круга Яз I. Резиденции этих вождей — высокие платформы с цитаделью наверху, которые возникают при самом основании поселения [Массон 1959: 80; Сарианиди 1977: 108], служат в эпоху Яз I организующим центром в пределах всего оазиса [Сарианиди 1975: 32; 1977: 153, 154]. Вокруг них теснятся укрепленные усадьбы — жилища дружинников. Таково гнездо састара, совершавшего с дружиной грабительские набеги на окрестные селения «пастухов», а окружавшие это гнездо стены ограждали его не столько от внешней опасности, сколько от жителей примыкавшего к ним поселения, ничем не защищенного [Массон 1959: 130; Сарианиди 1977: 152, 153],— земледельцев и ремесленников, зависимых и в какой-то части, может быть, насильственно пригнанных. Эти люди, как и вообще представители крестьянского сословия, «пастухи», в значительной мере потомки более раннего индоиранского и автохтонного населения, продолжали хранить традиции предшествующих культур — культур круга Намазга VI (о позднем переживании этих традиций см. [Древнейшие государства 1985: 179, 181, 185, 186; Сарианиди 1975: 37; 1977: 113, 115, 116, 149]).

Однако спустя несколько веков, к VII–VI вв. до н. э., этнические различия в Ариане в целом нивелируются, основная масса ее населения говорит уже на близких друг к другу центральноиранских («авестийских») диалектах, следует нормам «авестийской» духовной культуры и воспринимается как единый народ

«[авестийских] арьев». В археологии этот процесс проявляется в том, что начиная с периода Яз II происходит рассредоточение населения в пределах оазиса, появляются отдельные усадьбы, связанные с рассредоточенными поселениями, т. е. оформляется «дехканская» структура; с другой стороны, вокруг некоторых крупных поселений появляются стены и за ними вскоре — выселки, что знаменует коренное изменение ситуации — возникновение города, жители которого полноценные граждане, лично свободные и достойные защиты от внешней опасности. Именно тогда формируются как города Бактра (Бала-хисар) и столица Маргианы (Эрк-кала), несколько позже — Мараканда (Афрасиаб). Города всегда выступали антагонистами «дехканов» [Бартольд 1964: 361–364, 371–373, 440–449, 462–468]. Так, кажется, было уже в древности: сообщается (Курций VII, 6, 24), что, когда Спитамен, вождь согдийских «всадников», заперся в стенах Мараканды, жители этого города не одобряли его действий, хотя и не смогли ему помешать.

Во всем этом и проявляются тенденции, в русле которых действовали Заратуштра и Виштаспа — образец «доброго правителя». Немного позже созвучные устремления мы наблюдаем и у западных иранцев в дискуссиях по поводу наилучших форм правления и отмеченных выше декларациях Дария I о принципах своей социальной политики (по этому поводу см. кроме указанных работ В. В. Струве также [Доватур 1957: 138–141, 195, 196; Маргулес 1960: 21–34]).

Такова в общих чертах специфика социального строя народов Арианы — «авестийских» арьев. В настоящей статье представлен, разумеется, лишь первый опыт нового подхода к проблеме, которая требует углубленной разработки. Если же попытаться подвести данную характеристику социального строя конкретной исторической общности под общее (типологическое) определение, то каково оно будет? Феодализм? Но этот термин слишком многозначен. Тем более неуместным было бы понимать здесь под ним «феодальную общественно-экономическую формацию». Прибегая к методу сравнения, можно найти в предложенной реконструкции много общего, например, с социальным устройством средневековой Европы, но не меньше мы обнаружим и различий. Так что типологическое определение реконструированной картины — тоже дело будущего.

Библиография

Абаев В. И. Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974.

Абаев В. И. Ж. Дюмезиль — исследователь осетинского эпоса и мифологии // Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Авеста. Избранные гимны / Пер. с авестийского и комментарии проф. И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

Бартольд В. В. Сочинения. М. , 1963. Т. I.

Бартольд В. В. Сочинения. М. , 1964. Т. II.

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971 Т. VII.
Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969.
Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1999.
Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. М., 1960.
Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., 1985.
Дрезден М. Мифология Древнего Ирана // Мифология древнего мира. М., 1977.
Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож // ВДИ. 1959. № 4.
Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
Лившиц В. А. Документы // Топрак-кала. Дворец. М., 1963.
Лившиц В. А. Общество Авесты // История таджикского народа. М., 1984. Т. I.
Лившиц В. А. Общество Авесты // История таджикского народа. 2-е изд. Душанбе, 1998. Т. I.
Литвинский Б. А. Социально-экономические отношения и структура // История таджикского народа. 2-е изд. Душанбе, 1998. Т. I.
Маргулес Б. Б. Геродот III, 80–82 и софистическая литература // ВДИ. 1960. № 1.
Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
Народы Передней Азии. М., 1957. (Народы мира. Этнографические очерки.)
Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. докт. дис. М., 1989.
Пьянков И. В. Борьба Кира II с Астиагом, по данным античных авторов // ВДИ. 1971. № 3.
Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени, по данным античных авторов. Древний Восток: города и торговля. Ереван, 1973.
Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
Пьянков И. В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. М., 1979а. Вып. III.
Пьянков И. В. Матианы и саспиры // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. М., 1979б.
Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
Пьянков И. В. Скифская генеалогическая легенда в «Ростемиаде» // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
Пьянков И. В. Движение степного населения в евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 4.
Пьянков И. В. «Скифская» социальная структура у оседлых иранских народов I тыс. до н. э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Социальная структура и общественные отношения. Кемерово, 1989а. Т. I.
Пьянков И. В. Типы поселений в древнеземледельческих областях Средней Азии и их социальная природа (I тыс. до н. э.) // Зоны и этапы урбанизации. Ташкент, 1989б.
Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2.

Пьянков И. В. Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? // Памир. 1992а. № 7–8.
Пьянков И. В. Смена археологических культур на территории Средней Азии как отражение фактов этнической истории // Проблемы истории культуры таджикского народа. Душанбе, 1992б.
Пьянков И. В. Древнейшие эпические циклы «Шахнаме» // Известия АН Республики Таджикистан. Серия ВИФ. Душанбе, 1994.
Пьянков И. В. Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. 1995а. № 1.
Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995б. № 6.
Пьянков И. В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени (Опыт исторической реконструкции) // ВДИ. 1996. № 3.
Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции: источниковедческий анализ. М., 1997.
Пьянков И. В. К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения Кушанской державы // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999.
Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
Пьянков И. В. К вопросу о формационном и цивилизационном подходах // Метаморфозы истории. Вена; Псков, 2002. Вып. 2.
Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.; М., 1998.
Ртвеладзе Э. В. Древняя Бактрия — средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития: Автореф. докт. дис. М., 1988.
Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
Сарианиди В. И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. докт. дис. М., 1975.
Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
Соколов С. Н. Духовная культура и религия // История таджикского народа. М., 1963. Т. I.
Соколов С. Н. Духовная культура и религия // История таджикского народа. 2-е изд. Душанбе, 1998. Т. I.
Струве В. В. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I // ВДИ. 1948. № 3.
Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. М., 1957. Т. I.
Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970.
Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1961 (repr. 1904).
Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique // JA. 1932. Vol. CCI, fasc. 1.
Bernard P. Le Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 1987. T. XVI, fasc. 1.
Boyce M. A History oF Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975. Vol. I.
Boyce M. A History oF Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1982. Vol. II.
Boyce M. Avestan people // EIr. 1989. Vol. III.
Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
Briant P. Contrainte militaire, dépendance rurale et exploitation des territoires en Asie achéménide // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law. 1978. N 8.

Burrow T. The Proto-Indoaryans // JRAS. 1973. N 2.

Christensen A. Les types premier homme et premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. Stockholm, 1917.

Cuyler Young T. The early history of the Medes and the Persians and the Achaemenid empire to the death of Cambyses // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Cambridge etc., 1988. Vol. IV.

Dumézil G. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles, 1958.

Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane P., 1979.

Francfort H. P. Central Asia and Eastern Iran // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Cambridge etc., 1988. Vol. IV.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. Munich, 1983.

Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. Naples, 1980.

Herzfeld E. E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.

Kent R. G. Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953.

Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.

Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.

Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Heft 2. Lpz., 1905.

Miroschedji P. de. Du royaume élamite d'Anshan et de Suse au royaume Perse d'Anshan // Paléorient. 1985. Vol. XI/2. P.

Molé M. Le partage du monde dans la tradition iranienne // JA. 1952. Vol. CCXL, fasc. 4.

Nikonorov V. P. The armies of Bactria. 700 BC — 450 AD. Stockport, 1997.

Pyankov I. V. On the problem of the origin of the ancient epic Cycles in the Shahname // Firdousi's Shahname: 1000 years after / Ed. by I. Bashiri. Dushanbe, 1994.

Pyankov I. V. Arkaim and the Indo-Iranian Var // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Wash, 2002.

Raditsa L. Iranians in Asia Minor // The Cambridge History of Iran. Cambridge etc., 1983. Vol. III, 1.

Schmitt R. Zur babylonischen Version der Bisutun-Inschrift // Archiv für Orientforschung. 1980. Bd XXVII.

Schmitt R. Achaemenid dynasty // EIr. 1982. Vol. I.

Stronach D. Achaemenid village I at Susa and the Persian migration to Fars // Iraq. L., 1974. Vol. XXXVI.

Vogelsang W. J. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden; N. Y.; Köln, 1992.

Yarshater E. Iranian National History // Cambridge History of Iran. Cambridge etc., 1983. Vol. III, 1.

8. О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАКТРИЙЦЕВ*

Когда говорят о погребальном обряде бактрийцев, то всегда цитируют известное сообщение Страбона (XI, 11, 3): «В древности согдийцы и бактрийцы не очень отличались от кочевников по образу жизни и обычаям, хотя у бактрийцев они были немного мягче. Однако и о последних Онесикрит и ему подобные не говорят ничего похвального; [сообщают,] что тех, кто стали беспомощными из-за старости и болезни, они бросают живыми на съедение собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке называют «погребателями» (ἐνταφιασταί); что за стенами главного города бактрийцев земля выглядит чистой, а внутри бóльшая часть [пространства] полна человеческих костей; что Александр уничтожил этот обычай... [Обычай] бактрийцев много более [чем обычай каспиев] подобен скифскому, и если было такое, достойное отвращения, тогда, когда Александр застал эти [обычаи]...».

Но детальному источниковедческому анализу это сообщение, насколько мне известно, не подвергалось. Что же можно сказать о нем именно в источниковедческом плане? Прежде всего несомненно, что цитированное сообщение действительно восходит к Онесикриту (fr. 5 изд. Ф. Якоби; fr. 6 изд. К. Мюллера). Онесикрит, философ-киник, сопровождал Александра Македонского в его восточном походе и выполнял разные поручения царя, в том числе и философского характера: например, беседовал с индийскими гимнософистами (с помощью нескольких переводчиков) [Нахов 1981: 138–141]. Нельзя точно определить, когда Онесикрит присоединился к войскам Александра [Brown 1949: 7], но нет никаких оснований предполагать [Tarn 1948: 13], что это произошло уже после того, как Александр покинул Бактрию. Сочинение Онесикрита посвящено «пайдейе» Александра — подобно тому, как одно из сочинений Ксенофонта, которому Онесикрит подражал, имело дело с «пайдейей» Кира. Это был апологетический «энкомий» Александру, где последний выведен как цивилизатор варваров — в таком контексте и нужно понимать цитированный отрывок [Brown 1949: 69, 70]. Действительно, в нем отмечены наряду с жестокостью варваров именно те стороны их погребального обряда, которые кардинально противоречили греческим нормам. Но Онесикрит выступает в своем сочинении и как просто любознательный наблюдатель, с интересом описывающий природу и обычаи стран, в которых он побывал. Писать свое сочинение он начал, возможно, еще при жизни Александра, а закончил при царе Лисимахе, может быть, около 305 г. до н. э. [Brown 1949: 5–7].

Заимствовал ли Страбон это сообщение у Онесикрита прямо, или же он сделал это через посредника? Имеется ряд признаков, свидетельствующих в поль-

*Впервые опубликовано: О погребальном обряде бактрийцев // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов... Материалы международной научной конференции... СПб., 2004. С. 358–362.

зу второго предположения. Посредником в данном случае должен быть Посидоний — один из главных авторитетов и источников Страбона. В цитированном пассаже обращает на себя внимание то, что начинается оно с общей характеристики согдийцев и бактрийцев, образ жизни которых сближается с кочевническим, причем нравы бактрийцев без объяснений называются более мягкими, а далее погребальный обычай бактрийцев прямо именуется «более скифским» (Σκυθικώτερον), чем у каспиев, хотя подобный обычай у скифов не известен. Все это будет понятно, если учесть, что Страбон здесь оперирует материалами Посидония, долженствующими проиллюстрировать теорию последнего о зависимости образа жизни и обычаев народа от его широтного положения, а также о возможном влиянии того или иного народа на своих соседей по долготе. Поэтому согдийцы, обитатели северного, «скифского» пояса — наиболее дики; бактрийцы, непосредственные южные соседи согдийцев, обитатели среднего пояса — немного мягче, хотя их обряд все же «более скифский», нежели похожий обряд каспиев, восточных соседей бактрийцев [Пьянков 1997: 137]. Все это наводит на мысль, что подобный погребальный обычай был известен и у согдийцев, у которых, по представлению Посидония, бактрийцы и должны были его заимствовать. Действительно, Плутарх (*De Alex. Fort.* I, 5), сведения которого в данном случае восходят если не прямо к Онесикриту, то к какому-нибудь автору кинического круга [Jacoby 1927: 472], сообщает: «Александр научил согдийцев заботиться об отцах и не убивать их». Здесь опять совершенно явственно проступает онесикритова концепция «пайдейи» Александра.

Сообщение Порфирия (*De abstin.* IV, 21 = Euseb. *PE* I, 4, 7], относящееся к рассматриваемой группе источников [Bernard 1985: 32, n. 1], я думаю, тоже восходит к Онесикриту через Посидония, поскольку бактрийцы в нем стоят в ряду диких и жестоких племен скифского и соседнего с ним пояса [Пьянков 1997: 137]: «И бактрийцы выбрасывали своих стариков живыми на съедение собакам. Стасанор, наместник Александра, желая воспротивиться этому, чуть не был низвергнут».

К иному первоисточнику должны восходить некоторые сообщения Плутарха. Одно из них (*De proverb. Alex.* I, 10 = Zenob. *Cent.* 5, 25) таково: «В каждой стране свой закон… Бактрийцы (в тексте Βακχείριοι — вероятно, искаженное Βάκτριοι), если не избавятся от болезни, отдают себя на съедение собакам». Другое (*Vitios.* 3, 499) гласит: «У гирканцев собаки, у бактрийцев птицы поедают мертвецов по закону — так они достигают счастливого конца». Здесь, правда, нет уверенности, что упоминание бактрийцев появилось не по недоразумению. Дело в том, что в аналогичном сообщении Секста Эмпирика (III, 24, 227) говорится: «Гирканцы же дают [мертвецов] в пищу собакам, а некоторые из индийцев — коршунам». Правомерность упоминания «некоторых из индийцев» в данном контексте подтверждается сообщением Страбона (XV, 1, 62), восходящим к Аристобулу: «Мертвецы выбрасываются у них [индийцев страны Таксила] на съедение коршунам». Возможно все же, что и упоминание бактрийцев в контексте данного сообщения не случайно. Первоисточником этих сообщений, где «некоторые из индийцев» (и бактрийцы?) упоминаются в паре с гирканцами, является Аристобул, другой спутник Александра, побывавший и в Бактрии, и в Индии. Отличием последней

группы сообщений является то, что бактрийцы в них отдают себя или своих мертвецов на съедение собакам и птицам добровольно, следуя «закону», и даже чтобы достигнуть «счастливого конца».

Является ли погребальный обряд бактрийцев и их соседей каким-то исключительным, изолированным феноменом или представляет собой частный случай более широко распространенной, этнически обусловленной посмертной обрядности? Я уже пытался дать ответ на этот вопрос в своих предшествующих работах [Пьянков 1995б: 30–33; 1995а: 48, 49], поэтому ограничусь здесь лишь кратким пересказом полученных мной результатов. Обряд «выставления», когда труп выставляли на открытом месте, чтобы собаки или птицы оставили от него лишь голые кости, являлся важнейшим определяющим признаком обширной этнической общности, известной в античных источниках ахеменидского и эллинистического времени как Ариана. Предложено называть ее центральноиранской общностью в отличие от западно- и восточно- (т. е. скифской) иранской, для которых, кстати, указанный обряд совершенно чужд. При этом следует четко отличать обряд «выставления» от «массагетского» обряда и обряда «кафиров»-нуристанцев, имеющих тоже очень древние, но совсем иные корни. Археологическим соответствием этой общности являются культуры круга Яз I–III.

Основными народами Арианы являлись бактрийцы и согдийцы на севере, арахоты, заранги и ареи (северная часть их области ко времени написания Аристобулом своего сочинения административно вошла в состав Гиркании) на юге. На протяжении первой половины и середины I тыс. до н. э. центральные иранцы активно расселялись во всех направлениях, сохраняя свои обычаи и обрядность. На западе такими выселенцами были маги, укоренившиеся в Мидии в качестве одного из ее племен; на севере — хорасмии, носители кюзелигырской культуры и не оставившие по себе памяти в письменных источниках носители чустской культуры; на юге, у берегов Индийского океана, — ориты; на востоке, в Северо-Западной Индии, от границ Кашмира до южных склонов Гиндукуша, — камбоджи (так индийцы называли всех центральных иранцев), носители культуры «гандхарских погребений» III–IV. Очевидно, в сферу влияния камбоджей должна была входить и страна Таксила. У всех этих народов письменно, археологически или тем и другим способом сразу засвидетельствован обряд «выставления». Отмеченное и античными источниками, и «Авестой» отступление от этого правила в Арахозии относится не к самим арахотам, а к племени дерсеев — по-видимому, индийского происхождения.

Археологически обряд «выставления» фиксируется полным отсутствием могильников и частыми находками в пределах поселений — в мусорных ямах или в развалинах старых строений — отдельных человеческих костей, обглоданных животными. Иногда встречаются скорченные погребения в ямах под полами домов или во дворах. Этими чертами культуры круга Яз I–III резко отличаются от предшествующих культур на той же территории и от соседних культур. Потомки носителей культур этого круга продолжают придерживаться своего погребального обряда и позже, вплоть до распространения ислама, хотя теперь у некоторых из них наблюдается стремление как-то сохранить очищенные кости своих покойников: так появляются оссуарии и мавзолеи. Обзоры археоло-

гического материала, содержащего следы обряда «выставления», публиковались неоднократно [см., например: Пьянкова 1998: 214, 215; Древнейшие государства... 1985: 178–457; Grenet 1984: 45–279; Литвинский, Седов 1984: 85–176; 1983: 7–116].

Весьма интересна история этого обряда. Страбон говорит, что бактрийский обычай был уничтожен Александром, а Порфирий — что обычаю пытался воспрепятствовать Стасанор, наместник Александра. Очевидно, Стасанор, получив приказ от Александра, попробовал исполнить его, хотя и неудачно. Но Стасанор, грек-киприот, при жизни Александра был сатрапом зарангов (дрангов) и ареев, и лишь Антипатр сделал его наместником бактрийцев и согдийцев. Возможно, это назначение и было обусловлено неудачными мерами Стасанора, предпринятыми в Дрангиане и Арее и возмутившими местное население. Однако в Бактрии Стасанор уже вряд ли решился на эти меры, так как в связи с событиями 316 г. до н. э. он назван в числе тех сатрапов, которых невозможно было сместить, поскольку «они вели себя по отношению к местному населению хорошо и имели много сторонников» (Diod. XIX, 48, 1).

Тем не менее несомненно, что греки не могли примириться с обрядом «выставления» — слишком уж радикально он противоречил их воззрениям и нормам. Об этом свидетельствует его дальнейшая история. В греко-бактрийскую эпоху бактрийская знать, сотрудничавшая с греками, хоронила своих покойников по обряду трупоположения в мавзолеях, по-видимому, изобретенных селевкидскими греками [Bernard 1973: 621, 622], поскольку подобных сооружений предшествующих эпох в Средней Азии не обнаружено. Таков дальверзинский мавзолей, где самые ранние погребения совершены по обряду трупоположения, а более поздние, относящиеся к постгреческому времени, представляют собой кучи очищенных костей — свидетельство возвращения к обряду «выставления» [Ртveладзе 1978: 97–114]. Таковы и другие бактрийские мавзолеи того же типа [Литвинский, Седов 1983: 106], хранившие очищенные кости. Бактрийские же низы продолжали хоронить по-прежнему, оставляя кучи очищенных костей под открытым небом. Свидетельством торжества старого обряда являются кучи костей, обнаруженные французскими археологами в греко-бактрийском городе на месте Ай Ханум, причем на площади уже опустевшего после падения греческой власти театра — символа эллинской культуры [Пьянков 1995б: 33]. Поразительно, что таджики, потомки бактрийцев, до сих пор помнят, что существовавший до ислама обычай их предков убивать стариков запретил Искандар, т. е. Александр Македонский [Бабаева 1993: 127].

Почти все без исключения исследователи видят в обряде «выставления» и разных его проявлениях в Средней Азии признаки зороастризма или, по крайней мере, «маздеизма». Многочисленные нестыковки и различия относят за счет «неортодоксальности», периферийного положения среднеазиатского зороастризма. Сходство зороастрийского похоронного обряда с описанным здесь бактрийским в основных моментах действительно велико. Однако при сравнении этих обрядов следует учитывать обстоятельство, о котором я уже говорил: пророки, стоящие у истоков религий откровения, «выступают обычно как основатели той или иной философско-этической доктрины, они... не вводят новых способов

погребения и новых норм семейной жизни. Все это в полной мере относится и к Зороастру, основателю зороастризма». То, чем учение Зороастра было дополнено и превращено в полнокровную религиозную систему, обязано почве, на которой это учение выросло, т. е. культуре иранских народов Арианы [Пьянков 2000: 95, 96]. Это относится и к похоронным обычаям.

Поэтому не древнейший среднеазиатский обряд «выставления» нужно объяснять, исходя из зороастрийской обрядности, а наоборот, истоки этой последней искать в древних среднеазиатских обычаях. Действительно, бактрийский обряд выглядит гораздо более архаичным по сравнению с обрядом, описанным в «Видевдате», «первичным» по отношению к нему[1]. Обряд Видевдата является модификацией и идеологическим переосмыслением дозороастрийского обряда «выставления» с позиций учения Зороастра, где все делится на светлое и темное начала, на чистое и нечистое; смерть, безусловно, относится к области скверны.

Некоторые существенные детали обряда «выставления» в бактрийском варианте предстают в их первобытной непосредственности, в варианте «Видевдата» — в рудиментарном и переосмысленном виде. Ритуальное умерщвление одряхлевшего или больного человека, совершаемое у бактрийцев родичами «по закону» ради общего блага, — реальное явление (вопреки сомнениям многих современных ученых), объясняемое первобытными представлениями о том, что дух такого человека, умершего своей смертью, будет опасен для его родственников [Бабаева 1993: 127, 128]. Следы возрастных классов и представлений о предельном возрасте широко распространены в Средней Азии, с ними связан очень древний, дозороастрийский, а затем воспринятый зороастрийцами обычай «прижизненных поминок» [Бабаева 1993: 120–130; Хисматулин, Крюкова 1997: 195–198; Мейтарчиян 2001: 165–167]. В «Видевдате» указания на возрастной предел и ритуальное умерщвление относятся в виде пережитка только к грешнику, осквернившему себя перенесением трупа в одиночку [Хисматулин, Крюкова 1997: 198–206].

У бактрийцев собака пожирает испускающего дух человека — несомненный признак первобытного представления о возвращении к тотему [Рапопорт 1971: 26, 27], опять-таки для обеспечения «счастливого конца». В «Видевдате» и у поздних зороастрийцев это действо только имитируется обрядом *сагдид*, толкуемым однако как необходимость нейтрализовать с помощью собаки оскверняющее влияние смерти [Литвинский, Седов 1984: 166; Мейтарчиян 2001: 116, 168]. Пожирают же собаки и птицы лишь выставленный на дахме труп, опять-таки для того, чтобы освободить землю от трупной скверны.

У бактрийцев и других центральных иранцев, судя по археологии, для каких-то категорий покойников существовал особый способ захоронения — скорченные трупоположения в ямах под полом дома и во дворах. В «Видевдате» и у поздних зороастрийцев этот способ превратился во временное захоронение [Хисматулин, Крюкова 1997: 223], допустимое, но чреватое осквернением почвы и дома.

[1] Впрочем, и реальный зороастрийский похоронный обряд сасанидских персов, описанный Агафием (II, 22—23), ближе к древнему бактрийскому обряду, нежели к обряду «Видевдата».

Известен эпизод, который ясно свидетельствует о «первичном», дозороастрийском характере представлений бактрийцев о смерти и мертвом теле, где нет и намека на страх осквернить священные стихии. Согласно версии Курция Руфа (VII, 5, 40–42) и Диодора (XVII, 83, 9), тело Бесса, которого по приказу Александра должны были казнить в Бактрах (Arr. *Anab.* III, 30, 5), разрубали на куски и разбрасывали с помощью пращи, не давая садиться на него птицам: их отгонял, стреляя из лука, бактриец Катан (заметим: человек из рода Каты, сына первого последователя Зороастра). С известным нам зороастризмом такие действия совершенно несовместимы, поскольку ими осквернялась священная стихия земли. А стремление Катана отогнать птиц от тела преступного Бесса явно указывает на очень древнее местное представление, независимое от зороастризма, засвидетельствованное еще для каспиев (Strabo XI, 11, 8), а также — в рудиментарном виде — для современных таджиков [Бабаева 1993: 129], о том, что поглощение птицами тела умершего (или того, что с ним связано) — особо благоприятное для последнего знамение.

О том, что обряд «выставления» у народов Арианы был как-то связан с зороастризмом хотя бы ко времени Александра, можно предполагать только для арахотов, у которых в ахеменидское время существовала своя зороастрийская община [Пьянков 1995: 51, 52].

Конечно, в страны бактрийцев и других центральноиранских народов проникал и собственно зороастрийский погребальный обряд, т. е. обряд, свойственный каноническому зороастризму, выработанному в среде магов (другого зороастрийского канона мы не знаем). Хорошо известно, что маги выполняли жреческие функции у этих народов в эпоху Ахеменидов, а затем при Аршакидах и Сасанидах — в той мере, в какой эти народы входили в пределы соответствующих держав. Да и за их пределами, например, у согдийцев поздней древности маги с их храмами огня играли большую роль [Беленицкий 1954: 52–62]. Но погребения, совершенные в Средней Азии по обряду магов, нелегко отличить по археологическим материалам (по которым только и можно о них судить) от погребений, совершенных в соответствии с дозороастрийскими народными обычаями (как уже было отмечено, даже реальный погребальный обряд сасанидских персов, у которых зороастризм магов был государственной религией, практически не отличался от погребального обряда древних бактрийцев).

Возможно, что об усилении влияния зороастризма магов в центральноиранском этническом ареале свидетельствует появление там (в наименьшей мере — в Бактрии) оссуариев (хумов и простых ящичных, не статуарных). Приход Спасителя и будущее воскресение предусмотрены учением самого Зороастра, а гарантией индивидуального воскресения являются кости умершего [Хисматулин, Крюкова 1997: 194, 195], которые поэтому нуждаются в более бережном отношении. Другим важным признаком служит появление *дахм* классического типа в сасанидское, а на востоке — в кушано-сасанидское время [1]. Скорее всего, обряд «выставления» с дахмой имеет в виду и рассказ Вэй-цзе (VII в. н. э.)

[1] Возможно, к этому времени относится и дахма Еркургана [см.: Grenet 1984: 125], но ее датировка III–II вв. до н. э. плохо вяжется с общей эволюцией такого типа сооружений.

о погребальном обряде жителей Самарканда, который обычно сопоставляется с рассказом Страбона о бактрийском обряде.

Итак, бактрийский обряд «выставления» является специфической чертой, важным этноопределяющим признаком центральноиранских народов — этнической общности, которую можно называть и «народами Арианы», «авестийским народом» и т. п. На основе этого обряда сформировался зороастрийский обряд. Но откуда взялся сам бактрийский обряд, столь резко отличающийся от погребальной обрядности других иранских народов? К востоку от Бактрии, в горных областях от Гиндукуша и Памира до Кашмира обитали автохтонные племена, которых индоиранцы, а вслед за ними и греки называли «каспиями». Их предки — создатели культур горного неолита в этих местах — стали одним из важнейших субстратов при формировании бактрийцев и родственных им народов, носителей более поздних культур Средней Азии [Пьянков 1990: 53, 54; Пьянкова 1998: 180,187,188]. Погребальный обряд каспиев, описанный Страбоном (XI, 11, 3; 8), по его же словам, почти не отличался от бактрийского, и только исконный, первобытный смысл этого обряда, связанный с тотемистическими воззрениями, здесь предстает совершенно открыто: блаженным считался тот, чей труп растащен птицами (это особенно благоприятный знак) или собаками. Особо отмечается (Val. Flacc. VI, 105), что собак каспии хоронят с теми же почестями, что и людей, в «могилах мужей». Захоронения собак по общепринятым правилам известны бактрийской археологии и предусматриваются «Видевдатом» [Литвинский, Седов 1984: 161, 162, 165]. В археологии неолитической гиссарской культуры [Ранов 1985: 27, 28], переросшей в культуру южнотаджикистанских горных поселений поздней бронзы [Пьянкова 1998: 166,167], равно как и в археологии близкой к ним бурзахомской культуры Кашмира [Sharif, Thapar 1992: 145, 146], мы находим все то, о чем говорилось выше по поводу погребального обряда бактрийцев и родственных им народов: отсутствие могильников (или могильники с кенотафами на позднем этапе, открытые в Таджикистане) наряду с находками предварительно очищенных костей людей и собак и редких скорченных погребений в пределах поселений.

Библиография

Бабаева Н. С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности. Душанбе, 1993.

Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.

Мейтарчиян М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М., 2001.

Нахов И. М. Киническая литература. М., 1981.

Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2.

Пьянков И. В. Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. 1995а. № 1.

Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995б. № 6.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции: источниковедческий анализ. М., 1997.

Пьянков И. В. Верования древнеземледельческого населения Средней Азии и зороастризм // Культурное наследие Туркменистана. Ашгабат; СПб., 2000.

Пьянкова Л. Т. Энеолит и бронзовый век. Ранний железный век: памятники материальной культуры // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.

Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Хисматулин А. А., Крюкова В. Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.

Bernard P. Campagne de fouilles à Aï-Khanoum (Afghanistan) // CRAIBL. 1973.

Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. IV: Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985.

Brown T. S. Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley; Los Angeles, 1949.

Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation. Paris, 1984.

Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Bd II/2. Berlin, 1927.

Sharif M., Thapar B. K. Food-producing communities in Pakistan and Northern India // History of civilizations of Central Asia. Paris, 1992. Vol. I.

Tarn W. W. Alexander the Great. Cambridge, 1948. Vol. I.

9. ЗОРОАСТР В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМА МЕСТА И ВРЕМЕНИ. ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*[1]

Овеянный легендами образ Зороастра, древнего пророка, основателя древнейшей религии Откровения, всегда привлекал к себе пристальное внимание со стороны и научных кругов, и широкой публики.

В настоящей работе мы задаемся вопросом: что стоит за «легендой» о Зороастре, что представляла собой загадочная фигура пророка в реальной исторической действительности, или, говоря точнее, где и когда жил Зороастр, в какой исторической среде действовал? Трактовка темы Зороастра именно в таком плане имеет двоякое значение. Во-первых, она помогает наполнить конкретным историческим содержанием многие проблемы, связанные с изучением раннего зороастризма и до сих пор еще решаемые на весьма и весьма абстрактном уровне. Во-вторых, само приурочение деятельности Зороастра к определенному месту и времени, к конкретно локализуемому и датируемому «социуму», к определенной историко-культурной общности в свою очередь помогает необычайно обогатить наше понимание реальной картины этой древней общности, так как позволяет использовать все информативные возможности зороастрийской традиции как исторического источника. Если учесть, что в современной науке «восточный вариант» решения проблемы происхождения зороастризма практически общепринят, то значение поднимаемых в настоящей работе вопросов для истории древней Средней Азии будет тем более понятным.

Проблемы места, времени и социального содержания деятельности Зороастра имеют долгую и сложную историю в науке. Ученые прошлого века и начала нашего обычно бесхитростно следовали в этих вопросах указаниям источников. Правда, поскольку и сами указания, и истолкование этих указаний не отличаются единообразием и единодушием, то и позиции ученых были далеко не одинаковы. Но все многообразие мнений можно сгруппировать по двум основным

---

* Впервые опубликовано: Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени (Опыт исторической реконструкции) // Вестник древней истории. М.: Наука, 1996. № 3. С. 3–23.

[1] Исследование поддержано Международным фондом «Культурная инициатива».

В настоящей статье в ссылках на пехлевийскую литературу указания на разделы текста даны там, где нет помет, по переводу Э. Веста (E. W. West в серии «Sacred Books of the East»), там, где дана помета Molé, по переводу М. Моле (*Molé M.* Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P., 1963). Кроме того, разделы Большого Бундахишна по: *Anklesaria B. T.* Zand-Ākāsīh, Iranian or Greater Bundahišn. Bombay, 1956; Книги Арда-Вираза — по: *Gignoux Ph.* Le Livre d'Ardā Vīrāz. P., 1984; новоперсидской Зардуштнаме — по: *Rosenberg F.* Le Livre de Zoroastre de Zartushti Bahram ben Pajdû. St.-Petersbourg, 1904. Сокращения: Bd — Бундахишн; Dd. — Дадестани-Диниг; Dk. — Динкарт; Vd. — Видевдад (Вендидад); Ys. — Ясна; Yt. — Яшт; Zsp. — «Избранное» Задспрама; ZtN — Зардушт-наме.

точкам зрения: одна уверена в происхождении зороастризма на востоке Иранского мира, другая предпочитает видеть его родину на западе. Первые, опираясь на наиболее древнюю и устойчивую традицию, освещенную, в частности, и авторитетом иранского эпоса, считали местом проповеди пророка Зороастра двор *кави* Виштаспы в Балхе, а родину самого пророка видели где-то к северу от него, в долинах Верхнего Зеравшана и Сырдарьи. Такого мнения придерживались, например, В. Томашек и В. Гейгер[1]. Вторые, предпочитая более позднюю традицию, считали ареной деятельности Зороастра Мидию, а родину пророка искали даже в Арране (т. е. в Кавказской Албании). Примером такой трактовки можно считать работу Ф. Юсти[2]. А вот А. В. Джексон, собравший почти исчерпывающий свод сведений источников о Зороастре, попытался создать компромиссную теорию, в которой бы нашлось место всем противоречивым указаниям источников о пророке[3]. Понятно, что впоследствии его справедливо упрекали в слишком некритическом следовании за традицией.

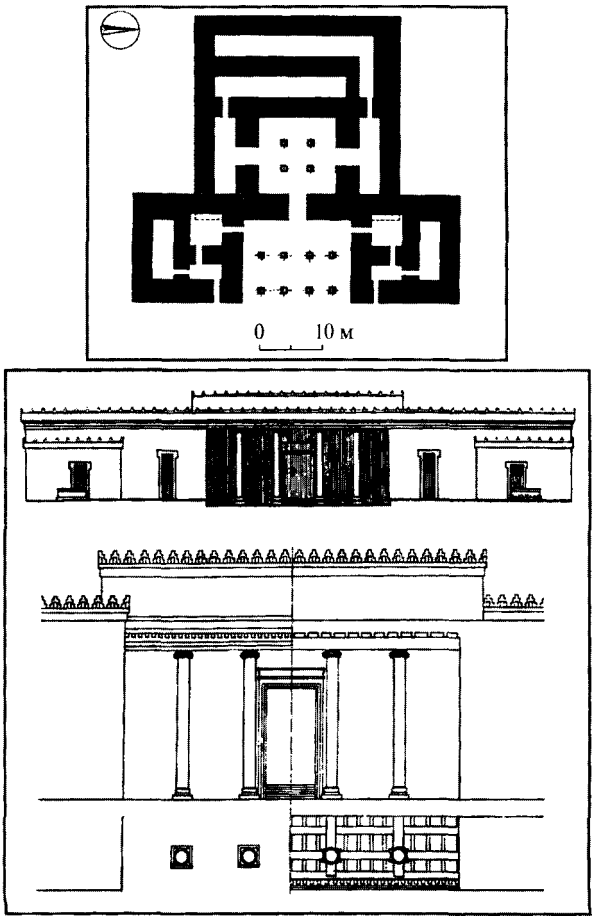

Жрецы. Изображения на предметах из Амударьинского клада
(по: История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 715, рис. 152, 153)

[1] *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana // SKAW. 1877. 87. S. 70; *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882. S. 126.

[2] *Justi F.* Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden // GIPh. H. S. 402–104.

[3] *Jackson A. V. W.* Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. L.–N. Y., 1899. P. 17, 141, 171, 177, 205, 224 f.

Ранний зороастрийский храм в Бактрии — Тахти-Сангин. Реконструкция
(по: История Древнего Востока. С. 763, рис. 164, 165)

Дальнейшая работа над проблемой, привлечение новых материалов показали — в полном соответствии с общей исторической перспективой, что место деятельности Зороастра можно искать только на востоке иранских земель; «западная» альтернатива ныне фактически отпала совсем, и серьезных попыток искать родину зороастризма на западе теперь уже никто не предпринимает; но зато и «восточный» вариант значительно осложнился и представлен ныне целым набором довольно сильно отличающихся друг от друга гипотез.

Большое значение и широкое признание на новом этапе исследования интересующего нас круга вопросов приобрела гипотеза, которую можно назвать «хорезмийской». В отличие от прежней, «бактрийской», позиции, которую занимали приверженцы «восточного» варианта, новая гипотеза, в сущности, вся базируется лишь на косвенных умозаключениях, а не на прямых указаниях источников. Последние фактически вообще игнорируются, поэтому здесь мы

сталкиваемся уже с другой крайностью — гиперкритическим отношением к традиции. Эта гипотеза исходит из того, что и родина Зороастра, и двор *кави* Виштаспы находились в Хорезме, где в предахеменидское время будто бы существовало мощное царство, далеко выходившее за пределы Хорезмского оазиса. Некоторые элементы «хорезмийской» гипотезы представлены уже в трудах И. Маркварта[1], а дальнейшее развитие она получила у Ф. Андреаса, Э. Бенвениста, А. Кристенсена, С. П. Толстова и многих других ученых[2].

Вариантом «хорезмийской» гипотезы можно считать «скифскую». В ней Зороастр предстает как первобытный жрец «доисторического» народа, жившего в Хорезме на Нижней Амударье в неопределенной доахеменидской древности, который бежал к соседним турским (скифским) племенам, обитавшим в районе Сырдарьи и Аральского моря, нашел там поддержку со стороны кави Виштаспы и основал первую зороастрийскую общину. Такая реконструкция событий требует, однако, немало домыслов. Сформулировал эту гипотезу Х. Нюберг[3]. За ним последовали его ученики. Среди отечественных ученых близкую позицию занимает В. И. Абаев, считающий, что Зороастр, возможно, и сам был скифом[4].

Одновременно развивалась другая гипотеза, которую условно можно назвать «ахеменидской». Отправным ее пунктом является тезис о тождестве *кави* Виштаспы и Виштаспы (Гистаспа), отца Дария I. В наиболее развернутом виде подобная гипотеза изложена в труде Э. Херцфельда, специально посвященном Зороастру. Комбинируя данные разных источников, он получает довольно замысловатый сюжет, согласно которому Зороастр, сводный брат Камбиза, пророк и политический деятель, бежит от преследований брата с запада в город Тус, резиденцию Гистаспа, отца Дария и сатрапа Парфии и в то же время авестийского *кави* Вищтаспы[5]. Среди отечественных ученых близкую гипотезу выдвинул академик В. В. Струве. Он поставил в связь с проповедью Зороастра известное восстание в Маргиане при Дарий I, поддержанное будто бы сатрапом Виштаспой, — он же *кави* Виштаспа, покровитель Зороастра[6]. Подобные построения требуют слишком уж много натяжек и слишком противоречат авестийским данным, чтобы получить более или менее широкую поддержку. В настоящее время сторонников их в науке вроде бы нет.

---

[1] *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901. S. 155; *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 9, 10.

[2] Обзор истории вопроса см.: *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 16–18; *MacKenzie D. N.* Khwarezmian and Avestan // EW. 1988. 38. N 1–4. P. 85–86.

[3] *Nyberg H. S.* Die Relilgionen des alten Irans. Lpz., 1938. S. 291, 327.

[4] *Абаев В. И.* Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 320 сл.; *Он же.* Зороастр и скифы // Acta Iranica. Deuxième série. III. Leiden. 1975. С. 1–12; *Он же.* Два зороастризма в Иране // ВДИ. 1990. № 4. С. 200–205.

[5] *Herzfeld E. E.* Zoroaster and his World. Princeton. 1947. P. 187–237. Критический обзор концепции: *Бертельс Е. Э.* Новые работы по изучению Авесты // УЗИВ. 1951. 3. С. 260 сл.

[6] *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 29–37, 145 (переиздание работ 1948 и 1949 гг.). Критический обзор концепции см.: *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956. С. 48. прим. 4; с. 431, прим. 4.

Тем временем продолжала развиваться и «хорезмийская» гипотеза. Дополнительный импульс ей придал В. Хеннинг, сформулировав новый ее вариант. Изложению своей концепции он предпослал суровую критику двух предшествующих капитальных работ о Зороастре — это уже упомянутые работы Х. Нюберга и Э. Херцфельда, в которых выведены два столь удивительно непохожих друг на друга образа Зороастра: первобытный колдун — в одной из них, ахеменидский политикан — в другой. Собственная концепция В. Хеннинга основана на «хорезмийской» гипотезе с некоторой поправкой: центр Хорезмийского царства *кави* Виштаспы находился не в самом Хорезме, а в Мерве и Герате[1]. Но, вводя эту модификацию, исследователь не заметил, что такая поправка разрушила аргументацию, построенную создателями «хорезмийской» гипотезы в пользу отождествления страны Зороастра авестийской традиции с Хорезмом. Тем не менее, за трактовкой В. Хеннинга последовал ряд авторитетных иранистов и историков. И. Гершевич, ученик В. Хеннинга, полностью принял концепцию своего учителя[2]. То же можно сказать о Р. Фрае, который делает еще более сильный акцент на внехорезмийских землях, так что здесь мы встречаемся со своеобразной разновидностью «хорезмийской» гипотезы, где собственно Хорезм оказывается вообще исключенным[3]. Из отечественных ученых с близкой теорией «Большого Хорезма» выступил В. А. Лившиц[4]. В целом же «хорезмийская» гипотеза в том ее варианте, какой был сформулирован В. Хеннингом, сейчас может считаться наиболее распространенной и признанной.

Но и старая «бактрийская» гипотеза продолжала жить все это время, правда, на втором плане, в качестве альтернативы к «хорезмийской» гипотезе или просто не совсем исключенной возможности. «Бактрийской» гипотезы, особо отметим, придерживался М. М. Дьяконов, между прочим в результате собственных археологических работ на территории Бактрии, впервые давших материал, хронологически более или менее близкий к авестийской эпохе[5]. Далее, академик Б. Г. Гафуров писал, что Бактрия была «если не первой, то одной из стран» раннего распространения зороастризма[6]. Оригинальный вариант «бактрийской» гипотезы предложили Ф. Альтхайм и Р. Штиль, а именно: Зороастр жил в Бактрии непосредственно перед захватом ее Ахеменидами и погиб при подавлении восстания в Маргиане при Дарий I[7]. Примером своеобразного синтеза «бактрийской» и «хорезмийской» гипотез может служить построение, предложенное В. Хинцем. Стремясь, видимо, не порывать совсем с иранской традицией, он пытается най-

[1] *Henning W. B.* Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L.—Oxf.. 1951. P. 4 f., 7 f., 41–43.

[2] *Gershevitch I.* The Avestan hymn to Mithra. Cambr. 1959. P. 14–16. Критический обзор см.: *Kuiper F. B. J.* Remarks on «The Avestan hymn to Mithra» // Indo-Iranian Journal. 1961. V. 5. N I. P. 43.

[3] *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 52 слл., 65 сл.: ср.: *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 57, 80.

[4] История таджикского народа. М., 1963. Т. I. С. 151–154, 509 сл.

[5] *Дьяконов М. М.* Древняя Бактрия // По следам древних культур. М., 1954. С. 138–140; *Он же.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 59–63, 75, 77, 361, 366.

[6] *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 52–53; см. также: История таджикского народа. Т. I. С. 170 сл.

[7] *Altheim F., Stiechl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970. S. 40–60.

ти место в своей концепции Балху (Бактрии), но и от гипотетического Хорезмийского царства не может отказаться. В итоге получается нечто, прямо противоречащее традиции[1].

В последние годы получила развитие еще одна гипотеза, «систанская». В этом, «систанском» направлении высказывались некоторые ученые и ранее, но в наиболее полном виде гипотеза выражена в ряде работ Г. Ньоли. Автор убедительно выступает против ряда предшествующих теорий, и особенно энергично против «хорезмийской» гипотезы, но позитивное изложение им собственной гипотезы, согласно которой основной ареной событий, связанных с зарождением зороастризма, были Систан, долина реки Хильменд и бассейн озера Хамун, выглядит значительно менее убедительно[2]. Надо сказать, что Г. Ньоли создавал свою концепцию с учетом выводов, сделанных в свое время И. М. Дьяконовым, который специально в связи с данной проблемой обратил внимание на то, какую роль играет область озера Хамун в авестийской традиции, полагая, что там и могло находиться царство кави Виштаспы; однако попытка исследователя совместить и с этим наблюдением «хорезмийскую» гипотезу сделала его построение несколько искусственным[3].

Завершить обзор истории проблемы можно рассмотрением взглядов М. Бойс — автора фундаментального труда по истории зороастризма, очередные тома которого продолжают выходить. Взгляды М. Бойс не были постоянны, они изменялись от тома к тому, но в итоге как будто исследовательница пришла к следующим выводам: Зороастр жил где-то в азиатских степях к востоку от Волги, в глубокой древности, среди иранских племен, которые еще не двинулись на юг, причем родное его племя пребывало в условиях каменного века, отставая от своих соседей, уже шагнувших в бронзовый век[4]. Правда, остается непонятным, как пророк захудалого первобытного племени мог оказать такое могущественное влияние на своих воинственных цивилизованных соседей, что его изречения тщательно сохранялись в их среде в течение более чем тысячелетия, пока не преобразили, наконец, весь иранский мир.

Какими же источниками по интересующим нас вопросам располагает современная наука? Надо сказать, что круг памятников, содержащих сведения о жизни и деяниях Зороастра, довольно широк, хотя образ пророка, окутанный туманом легенд, почти во всех из них очень далек от своего исторического прототипа. Но все же черты исторической реальности можно обнаружить в них.

Важнейший для нас источник, конечно, «Авеста», священная книга зороастрийцев. А в «Авесте» наиболее значимой для решения нашей проблемы частью

---

[1] *Hinz W.* Zarathustra. Stuttgart, 1961. S. 25–28, 79; *Zölzer F.* Leben und Lehre Zarathustras nach den Gathas. Würzburg, 1979. S. 8. 9.

[2] *Gnoli G.* Ricerche storiche sul Sistan antico. Roma, 1967. P. 87 sq.; idem. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 84 f., 91 f., 131–179.

[3] *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 136–138, 142–144; *Diakonoff I. M.* Media // CHI. II. Cambr., 1985. P. 130 f.

[4] *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. II. Leiden-Köln, 1982. P. 1–3; *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 3, 26, 27; критический обзор гипотезы см.: *Грантовский Э. А.* Послесловие // Там же. С. 289–292.

являются «Гаты» — религиозное ядро «Авесты», самые священные ее тексты. Считается, что «Гаты» представляют собой свод изречений самого Зороастра[1]. В этих текстах, вообще трудных для понимания, содержатся лишь разрозненные указания или намеки на события из жизни пророка, но нет данных, которые позволили бы конкретно определить место или время этих событий. Сведения о Зороастре содержатся и в других частях «Авесты», особенно в «Яштах» и «Видевдаде». Но все это разрозненные отрывочные сообщения, по большей части извлеченные из каких-то недошедших до нас первичных текстов.

Важны и данные пехлевийской литературы. Они восходят к авестийским текстам, но поскольку от последних до нашего времени дошла в виде современной «Авесты» лишь малая часть, ценность этих данных очень велика. Они содержат сведения, которые нельзя найти ни в каких других источниках и которые обильно дополняют скудные сведения, сохранившиеся в современной «Авесте». Собственно, эти данные и составляют основную массу источников для нашей темы. Более всего сведений о Зороастре содержится в двух пехлевийских произведениях: «Динкарде» и «Визидагиха». Динкард составлялся несколькими поколениями видного рода зороастрийцев в IX в. н. э. Предание о Зороастре наиболее полно изложено в VII книге, но немало сведений о пророке имеется в V книге. «Визидагиха» (Избранное) — сочинение, составленное тоже известным зороастрийцем Задспрамом в конце IX в. н. э., содержит данные о Зороастре, особенно близкие к авестийскому оригиналу. Иногда даже полагают, что в них включены прямые переводы авестийского текста, отчасти, может быть, стихотворного[2]. Отдельные сообщения о Зороастре, прямые и косвенные, встречаются и во многих других пехлевийских текстах. Таково сочинение «Бундахишн», своего рода зороастрийская энциклопедия. Таковы же и другие зороастрийские сочинения — «Динаи-Меноги-Храд», «Дадестани-Диниг», «Книга об Арда-Виразе». То же можно сказать и об иных пехлевийских произведениях — «Памятная книга о Зарере», «Города Ирана», «Чудеса Сакастана».

К числу наших источников следует отнести и некоторые памятники новоперсидской литературы. Это прежде всего «Зардуштнаме» — сочинение, написанное во второй половине XIII в. н. э. зороастрийцем по имени Зардушт Бахрам из города Рей. Труд этот специально посвящен жизнеописанию Зороастра. Основывается он на «Динкарде» и «Визидагиха», но содержит следы и какой-то иной, независимой традиции[3]. В качестве источника можно считать и «Шахнаме», но поскольку это произведение отражает светскую эпическую традицию, то непосредственно о Зороастре в нем говорится немного.

Кроме иранских источников имеется и немало других: греческие и латинские, сирийские и армянские, наконец, арабские мусульманского времени. Но самостоятельными свидетельствами все эти источники не обладали, все они зависят

---

[1] Об авторстве Гат см.: *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. I. Leiden-Köln, 1975. P. 181. Not. 1; *Humbach H.* The Gāthās of Zarathushtra and the other Old Avestan Texts. In coll. with J. Elferbein, P. O. Skjærvø. I–II. Heidelberg, 1992.

[2] *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965. S. 100; ср. *Menasce J. P. de.* Zoroastrian Pahlavi Writings // CHI. III, 2. P. 191.

[3] *Boyce.* Op cit. I. P. 182. Not. 3; *Menasce.* Op cit. P. 1174.

от иранской зороастрийской традиции, и значение их в том, что они помогают проследить эволюцию этой традиции.

Особое значение приобретают сейчас лингвистические и археологические источники. Но реализовать их познавательную ценность можно лишь при условии тщательного согласования с зороастрийской традицией. Противопоставлять, например, данные лингвистики нарративным сообщениям, мне кажется, было бы неправильно.

Какова степень достоверности всех этих источников? В отношении к ним в современной науке можно выделить две противоположные тенденции, о которых уже говорилось выше. Одна из них готова принять и примирить любые утверждения традиции, другая вообще игнорирует данные зороастрийского предания. Свое крайнее выражение вторая тенденция нашла в работах крупнейшего знатока и переводчика «Авесты» Дж. Дармстетера и исследователя зороастрийской литературной традиции М. Моле. Для обоих ученых существует лишь «легенда о Зороастре»[1]. Независимо от того, был ли Зороастр исторической личностью, дошедшая до нас преимущественно по пехлевийским источникам легенда о нем является будто бы чистой утопией, не содержащей собственно исторических свидетельств. Позиция Дж. Дармстетера связана с его вообще весьма оригинальной концепцией истории зороастризма, не получившей впоследствии поддержки. Концепция М. Моле — типичный образец очень популярной в свое время «обрядовой» теории мифа, с помощью которой можно истолковать как миф повествование о любых событиях, в том числе и о заведомо реальных исторических[2]. Скептическое отношение к такой концепции вполне понятно, тем не менее она оказала заметное влияние на исследователей, проявившееся в преимущественной опоре на «Гаты» при реконструкции событий жизни Зороастра и в явной недооценке прочих интереснейших материалов зороастрийской традиции[3].

Все зависит в конечном счете от того, признавать Зороастра реальной исторической личностью или не признавать. Факты, как нам кажется, решительно свидетельствуют в пользу историчности его. И действительно, зороастризм, как и всякая другая пророческая религия, — индивидуальное творение, она несет на себе отпечаток личности своего основателя, своего пророка. Конечно, в преданиях о жизни Зороастра, если взять их в целом, мифологический элемент очень значителен. Но это понятно и совершенно неизбежно в преданиях такого рода. Сопоставление разных традиций об основателях мировых религий позволяет правильно оценить присутствующий в них мифологический элемент. Эволюция традиции идет здесь в направлении мифологизации реальности, а не рационализации мифа. Совершенно неубедительной выглядит трактовка Зороастра и событий его жизни как своего рода «материализовавшийся» миф. Конечно, не

[1] *Darmesteter J.* Le Zend-Avesta. III. P., 1960 (reimpr. de l'éd. 1892–1893). P. LXXV–LXXXIV; *Molé M.* Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P., 1963. P. 271–386; *idem.* La légende de Zoroastre. P., 1967.

[2] Об этой теории см., например: *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 31 сл., 97 сл.; *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976. С. 14 сл.

[3] См., например: *Абаев.* Зороастр и скифы; *Menasce.* Op. cit. P. 1172–1175.

составит большого труда истолковать факты из жизнеописания Зороастра как набор символов (тем более что к этому подталкивает и поздняя зороастрийская обработка древнего предания), но это бесплодный путь. Прочно укоренившееся понимание этого жизнеописания как чистой «легенды» лишает исследователя возможности воспользоваться ценнейшим источником. Поразительно, что множество трудов, посвященных изучению жизни Зороастра, вышедших в свет в нашем веке, игнорируют этот источник. Зато гиперкритическое отношение к источникам, как это всегда бывает, открыло широкий простор для умозрительных домыслов.

Мы хотели бы возвратиться к источникам, вновь положив в основу исследования сведения жизнеописания Зороастра, «легенды о Зороастре» в широком смысле. Ее информация, по нашему убеждению, в любом случае предпочтительнее умозрительных соображений. Древнее фактологическое ядро «легенды» не содержит в себе ничего заведомо неприемлемого, напротив, он о внутренне целостно, непротиворечиво и даже подтверждается независимыми источниками. Недоверие исследователей к зороастрийской традиции об основателе зороастризма в значительной степени объясняется тем, что им трудно было представить конкретную историческую среду, в которой жили ее герои, и она выглядела для них слишком абстрактно. Теперь положение меняется. Если пересмотреть источники, уже собранные А. В. Джексоном, с учетом новейших их толкований и соединить их с последними данными лингвистики и археологии, то в результате такого синтеза можно получить достаточно объемную и полнокровную реконструкцию.

Путь, который прошло жизнеописание Зороастра в составе зороастрийской традиции, можно представить в общих чертах следующим образом[1]. Традиция, содержавшая сведения о Зороастре, с самого начала развивалась, видимо, по двум направлениям.

Одно из них можно назвать теологическим. Оно всегда находилось в руках зороастрийских священнослужителей. По-видимому, к преданиям этого, теологического, цикла относятся сообщения зороастрийской традиции о первой записи Авесты Джамаспой, зятем и преемником пророка. Надо сказать, что настойчивые указания источников разного происхождения на очень раннюю запись авестийского текста вряд ли могут быть отведены как совершенно беспочвенные. Относящиеся к этому циклу предания позднее составили ряд насков (книг) Большой (Сасанидской) Авесты. Одним из них был «Стот-яшт-наск» — это «Гаты» современной «Авесты», другим — Спанд-наск, целиком посвященный описанию жизни Зороастра.

---

[1] Далее я вкратце излагаю выводы относительно истории жизнеописания пророка в зороастрийской традиции, к которым я пришел в готовящейся мной к печати специальной монографии о Зороастре как исторической личности. Разумеется, здесь нет возможности вопроизвести всю аргументацию. Обзор соответствующих источников и литературы см. (кроме уже упомянутых выше работ): *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. Изд. 2-е, доп. М., 1988; Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979; Compendium linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989; Elr. III, 1. 1987; CHI. III; GIPh. II.

Второе направление — героическое. Создатели героических сказаний придерживались в своем творчестве древних, еще дозороастрийских норм, и есть основания предполагать, что они не сразу были включены в авестийский канон. Предания древнейшего героического цикла, возможно, имеет в виду сообщение зороастрийской традиции о собирании по приказу кави Виштаспы священных сказаний после похода его против Арджатаспы, своего злейшего врага. Позднее эти сказания составили Чихрдат-наск и Виштасп-саст-наск, содержание которых можно считать древнейшей версией иранского исторического эпоса, своего рода прото-Шахнаме.

Следующая ступень в развитии традиции, содержавшей сведения о Зороастре, связана с формированием «Видевдада» и «Баган-Яшта». «Видевдад» — единственный полностью сохранившийся наск «Большой Авесты», излагает в основном религиозные обрядовые нормы. Он сложился в окончательном виде в среде мидийских магов, может быть, в Атропатене в довольно позднее время, по-видимому, при Аршакидах[1]. «Баган-Яшт» — другой наск, большая часть которого сохранилась в виде «Яштов» (V–XIX) современной «Авесты»[2]. Он содержал гимны древним богам, но включил и некоторые элементы теологической и героической частей первоначальной «Авесты». Его формирование связано с другой зороастрийской школой, обосновавшейся в Арахозии (позднее Сакастан, Систан)[3] и функционировавшей, видимо, и при Ахеменидах (школа Сена), и при Аршакидах (школа Арезвака). Обе упомянутые части древней «Авесты» были объединены наряду с другими частями в свод в процессе той кодификаторской деятельности, которую зороастрийская традиция приписывает царю Валахшу, вероятно, Аршакиду Вологесу I (I в. н. э.).

Окончательная канонизация «Авесты», разделение ее на двадцать один наск и перевод каждого наска на среднеперсидский язык состоялись при Сасаниде Хосрове Ануширване (VI в. н. э.) под руководством мобедов. Именно из пехлевийского перевода и толкования «Авесты», из Зенда, и черпали свои сведения авторы поздних зороастрийских сочинений, таких как Динкард, Визидагиха, Бундахишн и др. Следует специально отметить, что на содержании этой сасанидской «Авесты» должна была сильно сказаться тенденциозная редакторская обработка, которой она подверглась со стороны зороастрийского духовенства Атропатены, куда окончательно переместились зороастрийские религиозные центры. Но в то же самое время, при Хосрове Ануширване, создавался сасанидский исторический свод «Худайнаме» — прямой прообраз будущей «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси, в основу которого была положена, как уже говорилось, героическая часть первоначальной «Авесты». В создании этого свода активное участие принимала светская знать, дихканы, и тенденциозность сасанидских мобедов не отразилась на нем в такой степени, как на «Авесте».

---

[1] См. по этому поводу, например: *Herzfeld.* Op. cit. P. 738, 745. О роли Атропатены в формировании зороастрийской традиции см., например: *Алиев И.* Очерк истории Атропатены. Баку, 1989. С. 130.

[2] Об этом наске см.: *Bo Utas.* The Pahlavi Treatise… «Wonders and Magnificence of Sistan» // From Hacataeus to Al-Huwārizmi. Budapest, 1984. P. 266.

[3] Об арахозийской школе см.: *Hoffman K.* Das Avesta in der Persis // Prolegomena to the sourses of the history of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 90–93.

Что же известно нам о самом Зороастре по данным наиболее близких к его эпохе источников? В древнейшей религиозной традиции Заратуштра (авестийская форма имени Зороастра) предстает как жрец (āϑravan), а точнее, по его собственным словам, zaotar (Yt. 33.6), т. е. профессиональный жрец, имеющий право приносить жертвы богам и совершать соответствующие обряды, он же — сакральный поэт и всеведущий провидец. Такие жрецы специально приглашались по мере надобности для совершения необходимых ритуальных действий за вознаграждение, поэтому они могли вести странствующий образ жизни. Есть также основания видеть в них прообраз позднейших странствующих дервишей[1].

Поэтому вопрос о месте жизни Зороастра не может иметь простого и однозначного решения: приходится говорить о местах странствий пророка, а для их определения опорными являются два пункта: место рождения пророка и место признания его, которые, согласно традиции, достаточно удалены одно от другого.

Родину пророка зороастрийская традиция и в авестийской, и в пехлевийской литературе определяет устойчиво: дом Порушаспы, отца Зороастра, стоял на берегу реки Дарджа (Vd. XIX.4; Bd XX.32; XXIV. 15), в стране Эран-Веж (Bd XX.32), здесь Зороастр и родился (Bd XXIV.15). Правда, в пехлевийской литературе имеются и указания на Рагу, древний Рей, как на родину пророка, а в поздней традиции родиной его уже прямо объявляется Атурпатакан, причем иногда туда переносится даже и Рага как место происхождения пророка[2]. Эти представления показывают как бы два этапа в мидийской адаптации данных о родине Зороастра; сначала она была помещена в Рагиану, один из древнейших центров расселения магов, а затем вместе с последней перенесена в Атропатену, более поздний религиозный центр. О глубокой древности этого процесса свидетельствует античная традиция: уже первые известия о Зороастре, проникавшие в античный мир, связывали его с магами: так у Ксанфа Лидийского[3], затем у Платона, Аристотеля и многих других[4].

Действительный и первоначальный смысл указания на родину Зороастра нужно искать совсем в другом направлении. Река Дарджа из авестийских текстов упомянута только в «Видевдаде» (XIX.4, 11) в падежной форме Drəǰya, откуда выводится основа Drəǰa-. В пехлевийских текстах она упомянута в форме Daraǰa. Учитывая, что и «Видевдад» — текст довольно поздний, с уже испорченным авестийским языком, нельзя уверенно сказать, что название реки приведено в этом сочинении совершенно точно. По моему мнению, для установления нарицательного значения данного названия его можно сопоставить с авестийским словом drāǰah-, «длина, протяженность, перегон» и т. д., и другим словом того

[1] *Бойс* Ук. соч. С. 46; ср.: *Widengren.* Op. cit. S. 65.

[2] *Jackson.* Op. cit. P. 24, 192–204.

[3] Подлинность цитаты из Ксанфа много раз подвергалась сомнению (см., например: *Грантовский.* Послесловие. С. 296. Прим. 23), но в действительности оснований для сомнений здесь нет, все зависит от толкования цитаты и определения ее границ (обзор таких толкований см., например: *Altheim, Stiehl.* Op. cit. S. 31–33; см. по этому поводу также: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 157. Прим. 1).

[4] *Jackson.* Op. cit. P. 189 ff., 231.

же корня — darəga-, «длинный»[1]. Здесь можно найти ожидаемую лингвистическую связь между названиями Дарджа и Даргам, о тождестве которых и по содержанию говорил еще В. Томашек[2]. Канал Даргам — грандиозное гидросооружение, действительно самый длинный и значительный канал в области Самарканда на протяжении веков снабжавший водой как город, так и его округу. Канал этот упоминается Клавдием Птолемеем под именем реки Даргаман (Geogr. VI.11.2, 4), на которой стоит Мараканда[3], т. е. древний Самарканд. Сведения Птолемея восходят, по-видимому, к современникам Александра Македонского[4]. Заметим, что Х. Бартоломе в качестве эквивалента авестийскому drājah- приводит древнеиндийское слово drāghimán[5], которое, надо думать, имело соответствие и в языке древне-иранского населения Средней Азии. Новейшие археологические данные подтверждают большую древность Даргама, который был сооружен, во всяком случае, не позднее VI в. до н. э.[6]

Признание пророк получил при дворе кави Виштаспы. В сохранившейся авестийской и пехлевийской литературе местонахождение царя — покровителя Зороастра географически вообще не определено, хотя один манихейский текст, видимо, зависимый от зороастрийской традиции, и помещает царство Виштаспы в страну Арьяна-Вайджа[7]. В пехлевийской литературе резиденция Виштаспы иногда именуется по его родовому имени «селением Нодара» (Dk. VII. 6.11; ср. uīsō naotaraṇąm, Yt. XV.35), причем Нодар в качестве селения и Раг упоминаются рядом как место признания и место рождения Зороастра и оба помещаются в Атурпатакане[8]. Так что и зороастрийская традиция о месте признания пророка, подобно традиции о его родине прошла через обработку со стороны мидийских магов и имела те же два этапа мидийской адаптации: сначала «селение Нодара» было поставлено в один ряд с мидийской Рагой, а потом оба они помещены в Атропатену.

Но если в религиозной зороастрийской литературе отсутствуют определенные указания на местонахождение царства Виштаспы, восходящие к древней традиции, то такие указания имеются в литературе, представляющей светскую эпическую традицию. У Фирдоуси, — а точнее у Дакики, так как в данном месте Фирдоуси просто включил в состав своей поэмы стихи Дакики, — Гуштасп, покровитель Зардушта пребывает в Балхе. Г. Виденгрен не без основания считает, что Дакики здесь засвидетельствовал след «национально-феодальной ветви древней эпической традиции», хранимой дихканами[9]. То же самое говорят

[1] *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. 2 Aufl. B., 1961. S. 693, 773.

[2] *Tomaschek.* Op. cit. P. 83.

[3] *Ronca I.* Ptolemaios. Geographie. 6, 9–21. Ostiran und Centralasien. I. Rom, 1971. Tabl. I.

[4] Об источниках и причинах искажения этой информации у Птолемея см.: *Пьянков И. В.* Мараканды // ВДИ. 1970. № 1. С. 37, 38 и указанную там литературу; см. также *Гумбах Г.* Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху // ЦАКЭ. II. М., 1975. С. 72 сл.

[5] *Bartolomae.* Op. cit. S. 774.

[6] *Шишкина Г. В.* Древний Самарканд и его округа // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 165 сл.; ср.: *Пьянков.* Мараканды. С. 44.

[7] *Gnoli G.* Avestan Geography // Elr. 1987. III, 1. P. 47.

[8] *Jackson.* Op. cit. P. 135, 192 f., 204, 222.

[9] *Widengren.* Op. cit. S. 349.

о Гуштаспе (или имеют в виду) и авторы, писавшие раньше и независимо от Фирдоуси и Дакики — ат-Табари, ал-Масуди; или одновременно с Фирдоуси, но тоже независимо от него — Бируни; или позднее Фирдоуси, но независимо от него, — автор «Зардуштнаме»[1]. Общий источник этой информации ясен — сасанидский свод «Худайнаме», светская историческая традиция, избежавшая жреческой редакции и сохранившая в неприкосновенности древние представления о местонахождении царства кави Виштаспы. А древность этих представлений подтверждается сообщениями Ктесия, Динона и зависимых от них авторов[2] и затем Аммиана Марцеллина о «бактрийце Зороастре» (XXIII. 6. 32) и ранних христианских авторов о Зороастре как основателе Бактр, откуда «новый закон» распространился по всей земле[3].

Странствия Зороастра как бы соединяют два этих крайних пункта — родину пророка и место его признания, т. е., согласно данному выше определению, область Самарканда и область Балха. И, надо сказать, география странствий вполне согласуется с таким определением. Весь период странствий Зороастра делится на ряд этапов. В возрасте 30 лет Зороастр отправился на многолюдный праздник в область четырех потоков реки Дати, где получает первое божественное откровение в беседе с Ормаздом и Амшаспандами. Затем в течение следующих 10 лет он продолжает в разных местностях получать божественное откровение в шести беседах с каждым из Амшаспандов, причем первые два года пытается обратить в новую веру разных могущественных лиц, во владения которых приходит. Наконец, минуя ту же реку Дати (Вангхви-Датью), является к царю Гуштаспу (*кави* Виштаспе) и через два года, в возрасте сорока двух лет, обращает царя в свою религию. Описание странствий Зороастра содержалось в Спанд-наске и в какой-то степени могло быть дополнено Виштасп-саст-наском. До нас оно дошло, главным образом, в составе следующих произведений: Динкард, «Избранное» (Визидагиха) Задспрама и Зардушт-наме. Все они прямо рассказывают о странствиях и хорошо дополняют друг друга. Отдельные сообщения на ту же тему можно извлечь, например, из Яштов и Видевдада, Бундахишна и Динкарда, и еще многих текстов, в том числе и неиранских.

Первое путешествие Зороастра занимает важное место в зороастрийской традиции, так как связано с первым божественным Откровением. Встреча пророка с божественными силами состоялась у двух, видимо, близко текущих рек, считавшихся двумя из четырех потоков (притоков?) реки Дати (два другие не названы), — Айватак и Аушан-руд, на равнине, в стране Иран, т. е. опять-таки в Эран-Веже (Арьяна-Вайдже), и в то же время «в направлении областей на берегу вод Дати» (т. е. в направлении к основному руслу Дати?), на 50-й или 45-й день пути (Zsp. XX. 1–XXII. 14, Molé; ZtN. 16–28; Dk. VII. 3.51–55; ср. Ys. 43. 7 sq.; Yt. V. 17, 18)[4]. К этому же путешествию иногда относят эпизод чудесного

[1] *Jackson.* Op. cit. P. 60. 198 f., 208 f.

[2] Ibid. P. 154–157, 186–189; *Пьянков.* Средняя Азия… С. 43, 57, 144, 151–158, 162–173; *Он же.* Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. I. Душанбе, 1968.

[3] *Jackson.* Op. cit. P. 188, 244, 248.

[4] Ibid. P. 41; *Markwart.* Op. cit. S. 123 f. Цитированное указание о «направлении» дано по переводу Э. В. Веста, принятому А. В. Джексоном и И. Марквартом; ср.: *Molé.* Culte… P. 324.

преодоления Зороастром и его спутниками большого водного пространства (ZtN. 16–17, ср. Zsp. XX. 4, 5)[1]. Айватак — вариант названия реки Навтак, тоже тесно связанной с речной системой Дати (Вангхви-Датьи)[2]. Пехлевийское Nāvtāk еще Дж. Дармстетер сопоставил с областью Навтака времен Александра Македонского, известной по античным свидетельствам[3]. Область эта — долина верхней Кашкадарьи с притоками[4]. Но название ее связано с рекой, и как название реки относилось, по-видимому, к Кашкадарье на всем ее протяжении. Стоявший в верховьях Кашкадарьи древний город Кеш (ныне Шахрисабз) обтекали, сливаясь, две реки — Кешк-руд (Кашкадарья) и Ас-руд (видимо, Танхаздарья)[5]. Если признать в этих реках Айватак (Навтак) и Аушан-руд зороастрийской традиции, то будет понятно и сообщение последней о «водном пространстве» (*дарья̄*) в тех же местах, трудном для переправы: путешествие Зороастра к берегам рек Айватак и Аушан-руд совершалось в промежуток времени между днем *анеран* месяца *спандармат* (14 марта) и днем *дадвпат-михр* месяца *ардвахишт* (5 мая)[6], а весенний паводок в верховьях Кашкадарьи, и без того заболоченных, приходится на февраль-апрель.

Направившись к «областям на берегу вод Дати», Зороастр, очевидно, намеревался выйти к переправе через основное русло Вангхви-Датьи, т. е. Амударью. Так начался следующий этап в странствиях пророка. Вооруженный истиной новой веры, пророк готов нести ее людям, и делает это, стараясь обратить в новую религию прежде всего влиятельных владык, по землям которых он проходил. Одним из таких владык был *тур* Арвайтаданг. Но пророк не встретил у него радушного приема (Dk. VII. 4.7–20; ср. Ys. 44.18; 51.12). Есть основания считать, что традиция помещала владения этого *тура* в Фергану[7]. По-видимому, уже сасанидские комментаторы понимали ее как современную Фергану на Сырдарье, но в действительности, мне кажется, здесь имелась в виду другая Фергана — упоминаемая у ранних арабских авторов мусульманского времени область Парган в долине реки Кундуз, которая иногда именовалась рекой Фаргана[8]. Следующим владыкой был Паршат, правитель области, именуемой в пехлевийских источниках «Головой Сагистана». Он лишь частично согласился с требованиями пророка (Dk. VII. 4.29–35). Область его вероятнее искать где-либо в верховьях Аргендаба и его притоков, например в районе Газни[9], а не в дельте Хильманда[10].

Дальнейшие события связаны с последовательными видениями пророка — встречами и беседами его с каждым из шести Амшаспандов в отдельности.

---

[1] Molé. Culte… P. 309, 310.

[2] *Markwart.* Op. cit. S. 124; *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 131 f.

[3] *Darmesteter.* Op. cit. II. P. 543. Not. 240.

[4] *Пьянков И. В* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 41–45, 64; *Rtveladze E. V.* On the Historical Geography of Bactria-Tokharistan // Silk Road Art and Archaeology. 1990. I. P. 7.

[5] *Бартольд В. В.* Сочинения. I. М., 1963. С. 187 сл. Ср.: Markwart. Op. cit. S. 91.

[6] *Rosenberg F.* Le Livre de Zoroastre de Zartushti Bahram ben Pajdu. St. -Petersburg, 1904. P. 23, 25.

[7] *Jackson.* Op. cit. P. 39, 200, 207.

[8] *Marquart.* Op. cit. S. 219.

[9] *Jackson.* Op. cit. P. 44.

[10] *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 139. Not. 86.

Встречи эти происходили в зимнее время года, когда Зороастр и его спутники пребывали на зимних стоянках, отдыхая от странствий. Эти стоянки образуют своего рода вехи на пути пророка, по которым можно проследить и сам путь. Первая встреча состоялась на «Хугаре и Аусинде» (Zsp. XXIII. 2, Molé; ZtN. 29). Так условно названы исток и устье реки Ардви-Сура-Анахита, которая, согласно пехлевийской зороастрийской традиции, берет начало на горе Хугар и впадает в море Фрахвкард напротив горы Аусинд. Под этой рекой, несомненно, подразумевается Амударья[1], которая, как я надеюсь показать в специальной работе, во времена формирования зороастрийской традиции впадала через Узбой в Каспийское море напротив Челекена, бывшего тогда островом[2]. Конечно, прямо понимать цитированное указание источника здесь нельзя: оно могло означать лишь, что беседа состоялась в период путешествия пророка вниз по реке Ардви. Вторая встреча имела место на реке Тоджан (Zsp. XXIII. 3, Molé; ZtN. 30) — река Теджен, как еще будет показано ниже, знакома поздней зороастрийской традиции. Третья встреча произошла в неизвестной «области Сарай выше Мивана» (Zsp. XXIII. 4, Mole; ZtN. 31), но если вместо непонятных названий[3] читать *Harai и *Miāyn, то все встанет на свое место: событие произошло в области Герата выше Нисайи, которая «между» Балхом и Мервом, т. е. сасанидская Нисайи-мийанак, современная Меймене[4]. Наконец, четвертая и пятая встречи произошли между рекой Дати и горой Аснаванд и на самой горе Аснаванд (Zsp. XXIII. 5, 6, Mole; ZtN. 33). На этой горе и близ озера Чечаст находился самый почитаемый храм Огня Адур-Гушнасп, основанный еще Кай-Хосровом (Bd XVIII. 12). Поскольку река Дати — это Амударья, а озером Чечаста, как сейчас признано, в глубокой древности именовалось Аральское море[5], то в данном случае речь идет, видимо, об Акчадарьинской дельте Амударьи и хребте Султануиздаг. Позднее, когда Адур-Гушнаспом стал называться главный зороастрийский храм Сасанидов в Атурпатакане, туда же были перенесены и все другие связанные с ним названия.

О поздней встрече говорится неопределенно: состоялась она «на берегу Дарджи, на берегу реки Дати и в других местах» (Zsp. XXIII. 7, Mole; ZtN. 34). По-видимому, в этих словах обобщены сведения о том, что происходило в жизни пророка после его возвращения на родину. К этому периоду относятся разные важные события, происходившие в «славной Арьяна-Вайдже» (Ys. 9. 14) и у вод Вангхви-Датьи (Vd. XIX. 2), а также на берегу Дарджи в отчем доме пророка (Vd. XIX. 2). Там же, в Эран-Веже, у Зороастра появляется и первый ученик,

---

[1] Гипотеза о Сарасвати — Ардви-Суре (Х. Ломмель, Ж. Дюмезиль. М. Бойс, Г. Ньоли) кажется мне совершенно неубедительной: см. также: *Malandra. W.* An Introduction to Ancient Iranian Religion. Minneapolis 1983. P. 119.

[2] [*Пьянков И. В.* Амударья и Каспийское море в древности // История и культура Арало-Каспия. Алматы, 2001. Вып. 1. С. 41.]

[3] Э. В. Вест сам говорит о неопределенности предложенных им чтений, хотя А. В. Джексон Ф. Розенберг приняли их: Sarāi и Mivān (*Jackson.* Op. cit. P. 47 f.; *Rosenberg.* Op. cit. P. 36. Not. 3). У Моле: Srāy и Mēvan (Culte… P. 338).

[4] О Нисайе-Меймене еще: *Geiger.* Op. cit. C. 31, 72 и вслед за ним многие другие, например: *Christensen* A. Le premier chapitre du Vendidad. København, 1943. P. 18. *Gnoli.* Avestan Geography. P. 45.

[5] *Дьяконов И. М.* Восточный Иран… С. 144, 154; *Gershevitch I.* An iranist's view of the Soma controversy // Mémorial J. de Menasce. Louvain, 1974. P. 55, 72.

принявший новую религию, — его двоюродный брат Медьомах (Bd XXIV. 1), но в то же время пророк испытывает и горечь неудач (Bd XXIV. 2, 3), особенно в связи с тем, что не находит понимания в своих религиозных исканиях со стороны близких ему людей (знаменитая «Гата бегства»: Ys. 46.1). Видимо, в такой обстановке Зороастр и решает идти во владения кави Виштаспы и на пути туда вновь оказывается на берегах Вангхви-Датьи, великой реки Арьяна-Вайджи (Yt. V. 104, 105; IX. 25, 26; XVII. 45, 46; ср. Ys. 49.7), — на берегах Амударьи.

Такова общая картина странствий Зороастра, согласно сведениям источников, прямо повествующих об этом. Но помимо них имеется еще несколько косвенных источников, которые явно использовали тот же рассказ о странствиях.

Во-первых, список *фравашей* святых в Фравардин-Яште (Yt. XIII. 85–158), точнее те части списка, в которых перечислены фраваши первых учеников и сподвижников пророка (§ 95–110)[1] и их родственников и потомков (§ 118–128). Похоже, что костяк перечня здесь составлен путем выборки имен лиц, обращенных пророком в новую религию, из рассказа о его странствиях и деяниях, по ходу повествования. А рассказ этот, очевидно, был тем же самым, который вошел в «Спанд-наск» и был использован авторами поздних пехлевийских сочинений, прямо сообщавших о странствиях пророка. Подобным же образом составлена, например, еще одна часть списка, в которой перечислены фраваши древних героев (§ 130–138): основа ее состоит из последовательного перечня имен, упоминаемых в древнем, дозороастрийском, героическом эпосе.

В перечне первых приверженцев пророка мы встречаем, например, уже знакомого нам Паршата в кругу связанных с ним лиц (§ 96, 97, 120, 126, 127). Важно, что здесь приведено древнее, авестийское название его страны — Апахшира (Arахšīra), соответствующее названию «Голова Сагистана» (Sagistān sar), заимствованному, видимо, из Зенда. Это древнее имя является одним из пяти названий стран, от Мужа до Апахшира (§ 125–127), которые давно уже интригуют ученых, считающих, что «их тайна, вероятно, всегда будет ускользать от нас»[2]. Судя по контексту, перечень этих стран органической частью входил в описание путешествия пророка от Амударьи к «Голове Сагистана», видимо, в связи с тем, что выходцы из них оказались тогда в числе сторонников пророка. Страна Мужа (Mužā), чье имя соответствует, возможно, ведийскому Муджавант (Mujavant) и современному Мунджан, располагалась, скорее всего, на территории современного Бадахшана в области верхней и средней Кокчи[3]. Но если имя Паршат отмечает пребывание пророка в стране Апахшира — «Голова Сагистана», т. е. в верховьях Аргендаба, то имена Сайны (Сена) и его родственников (§ 96, 126), местом деятельности которых считался древний город Буст у впадения Аргендаба в Хильманд, свидетельствуют о путешествии пророка в еще более южные области.

---

[1] Об этой части см.: *Boyce.* Op. cit. I. P. 273 и указанную там литературу.

[2] Ibid. I. P. 250.

[3] О территории древнего Мунджана см.: *Грантовский Э. А* Из истории восточноиранских племен на границах Индии // КСИНА. 1963. 61. С. 26–29; *Он же.* О восточноиранских племенах кушанского ареала //ЦАКЭ. II. М., 1975. С. 88–90.

Имеется в перечне первых приверженцев пророка также имя, связанное с областью реки Навтак, — это Ашем-яхмай-уштa из турского рода Фрьянов (§ 120), владыка реки Навтак (Bd XXIX. 5; Dd. 89. 3), может быть, потомок древнего героя Фрадахшта, тоже правителя долины реки Навтак (Dk. IX. 16. 16)[1].

Во-вторых и в-третьих, такими же косвенными источниками можно считать список стран, созданных Ахурамаздой, в Видевдаде, и список рек в Бундахишне. Первый список (Vd. I. 1—20) — одно из самых известных мест Авесты, которому посвящено множество специальных исследований и которое имеет несколько совершенно разных толкований[2]. Второй список (Bd XX. 1–32) хотя и дошел до нас в позднем зороастрийском сочинении, но, несомненно, восходит к авестийскому тексту, хотя непосредственно заимствован, конечно, не далее чем из пехлевийского Зенда[3]. Не трудно показать, что в основе того и другого списков (в первом случае это приблизительно § 2–8, 12, 13, во втором — § 13–22, 28, 32) лежит один и тот же текст, а из сопоставления с рассказом о странствиях пророка видно, что их общей основой и является этот рассказ. Такое заключение согласуется и с общим духом зороастрийской традиции: благочестивые составители разных перечней, безусловно, должны были положить в основу своего повествования священное предание о жизни пророка. Некоторые компоненты первого списка восходят, впрочем, и к преданиям героического цикла.

Первая страна в списке — Арьяна-Вайджа, омываемая рекой Вангхви-Датья (Vd. I. 2). Это ее место вполне оправданно: ведь пророк здесь родился, здесь получил признание, здесь пролегала и значительная часть маршрутов его странствий. Обширная страна Арьяна-Вайджа (Airyanam Vaējah), пехлевийская Эран-Веж (Ērān Vež), судя по данным жизнеописания Зороастра, включала бассейны всех рек бассейна Верхней Амударьи[4]. Главная река этой страны, Вангхви-Датья (Vaŋhvī Dāityā), получила в списке рек двойное соответствие: в качестве великого потока у восточных пределов земли ей соответствует река Вех-рот (Vehrōt) (Bd XX. 1–6) — сасанидское обозначение Амударьи, и по форме и по содержанию, безусловно, соответствующее авестийской Вангхви-Датье[5]; в качестве же реки Эран-Вежа ей соответствует река Дати(к) (Dāitī(k)) (Bd XX, 13) — поскольку сасанидские редакторы Авесты перенесли Эран-Веж в Атурпатакан (Bd XXIX. 12), то и его река обязана была протекать там же. Так произошло раздвоение Вангхви-Датьи в пехлевийской зороастрийской традиции.

Собственно из описания странствий пророка заимствованы в списках имена, начиная с Согда. В списке стран это «Гава, где обитают сугдийцы» (§ 4), назван-

---

[1] По-видимому, смешение этого героя с Ашаваздом, сыном Порудахшта, правителем плато Пешьянсай (ср.: Dk. IX. 16. 16, 17 и Bd XXIX. 5. 11), и привело к совмещению долины Навтака с равниной Пешьянсай в традиции и к колебаниям в локализации реки Навтак в современной науке (ср., например, *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 32–37).

[2] Обзор их см.: *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 59–63; *Idem.* Avestan Geography. P. 45.

[3] Об этом тексте см.: *Markwart.* Op. cit. S. 119.

[4] *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 203 сл.

[5] *Стеблин-Каменский И. М.* Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 73.

ная после Арьяна-Вайджи. В списке рек — река Даргам, которая «в Сугде» (§ 14), названная после Датика. Многих исследователей занимал вопрос, почему именно Согд оказался в списке на первом месте после Арьяна-Вайджи. Тот факт, что берега реки Дарджи-Даргама считались, как говорилось выше, родиной пророка, откуда начинались его странствия, дает ответ на него. Упоминание в том же списке реки Дараджа (§ 32) не свидетельствует против тождества ее с Даргамом, так как эти названия попали в позднее пехлевийское сочинение, видимо, из разных источников.

Далее в списке стран перечисляются Мору, Бахди, Нисайя, Харойу (§ 5–8). В списке рек им соответствуют Занд, Хару, Морв, Балх-рот (§ 15, 16, 21, 22). Перечни эти явно основаны на дорожных данных: Нисайя, как сказано в списке стран, находится «между Мору и Бахди» (§ 7); река *[Та]занд впадает в реку *Хар[е]в[1] (§ 15), а Балх-рот — в Вех-рот (§ 22). И, конечно, они сразу же ассоциируются с географией третьей и четвертой встреч пророка с божественными силами; как мы знаем, третья встреча состоялась на берегу реки Тоджан, а четвертая — в области *Харо[й] выше *Мийян(ак)а, причем последнее название («Срединная») — пехлевийское соответствие авестийской Нисайе, обязанное именно «срединному» положению этой области между Мору и Бахди. В итоге получается небольшой итинерарий, который, видимо, и отражает какой-то участок пути пророка: от берегов реки Теджен (Тоджан, Тазанд) к реке Герируд (Харев) в области Герата (Харойу, Харой), затем «спуск» к области Меймене (Нисайя, Мийянак), откуда открывается путь к Балху (Бахди), в долину реки Балхаб (Балх-рот). Места для Мерва (Мору, Марв) в этом итинерарии не находится, но роль его в предании о пророке тоже несомненна, недаром он именуется «заратуштровым» в «Памятной книге о Зарере».

Наконец, ряд других названий, содержащихся в списке стран и списке рек, тоже увязывается с отдельными эпозодами странствий Зороастра. Так, страны Харахвати и Хайтумант (§ 12, 13) — река Хетуманд (§ 17) связаны, видимо, с путешествием в Систан. Хваджанд, который именуется еще рекой Ахшарт и течет через Паргану, и его приток Зишманд (§ 19, 20) — с путешествием в Фергану, которую пехлевийские комментаторы, как уже говорилось, считали сырдарьинской (яксартской) Ферганой. Термет, который впадает в Вех-рот (§ 28), мог упоминаться в каком-нибудь рассказе о переправе пророка через Амударью в районе Термеза. Даже и для реки Навтак (§ 7) здесь нашлось место.

Проблема времени Зороастра столь же сложна, как и проблема места. Мы уже видели по общему обзору современных представлений о Зороастре как исторической личности, что разброс мнений здесь очень велик. Сейчас преобладает точка зрения, согласно которой время жизни Зороастра — рубеж II и I тыс. до н. э., немного позже или раньше[2]. М. Бойс, сторонница наиболее ранней даты (вторая половина II тыс. до н. э.), аргументирует ее фактом поразительной бли-

[1] О реконструкции названий см., например: *Herzfeld E. E.* The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 330. Not. 3.

[2] Обзор проблемы см.: *Дандамаев М. Л., Луконин В. Т.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 305–308; *Грантовский.* Послесловие. С. 288–292; *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 10, 11, 159–163.

зости Гат и Ригведы по языку и содержанию[1]. Но такую близость вовсе не обязательно считать синхронной непосредственным контактам предков иранских и индийских арьев на их прародине. К тому же контакты между «авестийскими» и индийскими арьями могли продолжаться и много позднее на территории Восточного Ирана[2]. Г. Ньоли обосновывает свою датировку (конец II — начало I тыс. до н. э.) тем, что различие между исторической средой Зороастра и ранней Персидской империей слишком уж велико: их должен разделять значительный промежуток времени[3]. Но сравниваемые им «социумы» — не два этапа развития одного и того же общества, а моменты двух независимых линий развития двух разных этносов.

Зороастрийская традиция содержит вполне определенные указания на время жизни пророка. Наиболее развернутые сведения на этот счет сохранились в «Книге Арда-Вираза» (I. 1–4; ср. XXШ. 12): религия, которую распространял Зороастр, сохранялась в чистоте в течение трехсот лет, пока не пришел Александр, убивший правителя Ирана и разрушивший его столицу и царство. Наряду с цифрой 300 в зороастрийской традиции фигурирует в том же значении и другая — 258 лет. Производный ее характер от первой очевиден: 300 — 42 (возраст пророка, когда был обращен в его религию *кави* Виштаспа) = 258. По-видимому, эта последняя цифра вошла в широкий обиход в позднесасанидское время, когда была создана хронологическая схема, согласно которой обращение кави Виштаспы начинало собой новый тысячелетний период иранской истории (Bd XXXIV. 1–9)[4]. Именно эта цифра фигурирует позднее у ученых мусульманского времени — Бируни, Масуди и др. [5].

Цифра 300, хотя и вызывает некоторые сомнения в своей точности из-за округленности, не может быть объяснена никакими мифологическими спекуляциями, и искусственность ее так до сих пор и не доказана. Последняя попытка в этом направлении, предпринятая А. Ш. Шахбази, который считает, что зороастрийцы по недоразумению приняли дату падения Вавилона (539 г. до н. э.) за дату «прихода религии» (откуда: 539–311 + 30 = 258)[6], страдает множеством очевидных натяжек. Между тем смысл цифры ясен: 300 лет — это 10 поколений по 30 лет каждое; именно такой счет времени был принят в зороастрийской традиции. Счет по поколениям — вообще широко принятый обычай; в Средней Азии он сохранялся вплоть до нового времени (по 25 лет) и как раз в преданиях о событиях двух-, трехсотлетней давности является довольно точным[7].

Конец 300-летнего периода приходится, как ясно указывает традиция, на гибель последнего царя-Ахеменида и его столицы Персеполя, т. е. на 330 г. до н. э. По-видимому, сначала от этой даты и производились расчеты. Так, сирийский

---

[1] *Бойс.* Ук. соч. С. 26, 27; *Boyce.* Op. cit. I. P. 3, 17, 190; II. P. 3; ср.: *Frye.* Op. cit. P. 58.

[2] *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // JRAS. 1973. N 2. P. 125–134.

[3] *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. XII. 11. 21. 175–177.

[4] *Yarshater E.* Iranian National History // CHI. III. 1. P. 385.

[5] *Jackson.* Op. cit. P. 15 сл., 161.

[6] *Shahbazi A. Sh.* The «Traditional date of Zoroaster» explained // BSOAS. 1977. XL. 1. P. 31–34; ср.: *Boyce.* Op. cit. II P. 68 f.

[7] *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 23.

автор Феодор бар Конаи, заимствовавший у Феодора Мопсуестийского (IV–V вв. н. э.), хорошо знавшего предания «персидских магов», дает следующую дату для Зороастра: 628 лет и 7 месяцев перед рождением Христа[1]. Позднее цифру 300/258 отсчитывали от начала селевкидской эры (312 г. до н. э.), широко распространившейся по эллинистическому Востоку. К тому времени, когда с ней была соединена зороастрийская хронология, ее истинное происхождение уже было забыто, и она связывалась только с Александром. Как показывают данные авторов мусульманского времени, их определения времени Зороастра тоже основаны на отсчете от начала селевкидской эры. Но для установления реальных абсолютных дат жизни пророка эти расчеты, конечно, значения не имеют. Более того, при создании упомянутой хронологической схемы сасанидского времени ее составители допустили сознательное искажение: чтобы как можно больше сократить временной промежуток между своей эпохой и временем деятельности пророка, они отождествили начало селевкидской эры с датой обращения *кави* Виштаспы, и об этом искажении знали их современники и последующие поколения[2]. Это, конечно, еще значительнее отдалило их хронологию от реальных абсолютных дат, хотя конец 258-летнего периода у них по-прежнему означал переход власти от царя Дараи-Дарайяна к Александру.

Итак, 300-летний период нужно отсчитывать в глубь времен от разрушения Персеполя и гибели последнего Дария, т. е. от 330 г. до н. э. Какое же событие послужило началом этого периода? Как видно из упомянутой схемы, где фигурирует цифра 258 (300–42), ее составители считали таким событием рождение пророка. Однако и в данном случае, видимо, сказалось стремление уменьшить временной интервал. Как показывает приведенная выше цитата из «Книги Арда-Вираза», древняя традиция начинала этот период от первого божественного Откровения, полученного Зороастром, и действительно, судя по ряду данных, именно от него и велся счет времени в первоначальной зороастрийской общине[3].

Если перевести все эти указания на современную систему летосчисления, то можно получить следующую таблицу дат (годы до н. э.): 660 — рождение Зороастра, 630 —Откровение, 618 — обращение кави Виштаспы, 583 — гибель Зороастра. Именно так и датировал жизнь Зороастра Э. В. Вест, а вслед за ним А. В. Джексон и некоторые другие ученые, хотя они и основывались на иных расчетах[4]. Такая датировка, как будет показано ниже, лучше всего соответствует реальной исторической ситуации и очень удачно вводит жизнь пророка в систему мировой хронологии, выявляя весьма интересные синхронизмы.

---

[1] *Hinz.* Op. cit. P. 22–25; *Frye R. N.* Methodology in Iranian History // Neue Methodologie in der Iranistik. Wiesbaden, 1974. P. 61.

[2] *Jackson.* Op. cit. P. 162; *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 166–175.

[3] *Jackson.* Op. cit. P. 136. f., 181.

[4] Ibid. P. 180 f. [Недавно к тем же датам (со сдвигом вглубь на два года) пришел А. А. Амбарцумян, основываясь на совершенно независимых данных (астрономические указания древних текстов), см. *Амбарцумян А. А.* К проблеме датировки первой битвы иранцев с хьаона (конец VII в. до н. э.) // XIX науч. конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки: Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 3–9.]

Кроме рассмотренного зороастрийского предания о 300-летнем промежутке времени между Зороастром и Александром в Иране жила еще, по-видимому, и независимая традиция о времени Зороастра. Судить о ней можно по сообщениям средневековых мусульманских авторов о кипарисах в разных местах Хорасана, посаженных будто бы Гуштаспом в ознаменование принятия им новой религии. Речь идет о возрасте этих кипарисов к моменту их гибели. Указываются разные цифры, не вполне ясны исходные даты, расчеты возможны и по солнечному календарю, и по лунному, в итоге получаются разные даты обращения Гуштаспа, но все они укладываются в рамки между 604 и 548 годами до н. э.[1]

К самостоятельному источнику восходят данные пифагорейской традиции о времени Зороастра. Согласно Аристоксену, ученику Аристотеля, Пифагор слушал халдея Зарата, видимо, тогда, когда этот греческий мудрец попал в Вавилон после захвата Египта Камбизом (525 г. до н. э.)[2] Считается, что имя «Зарат» (Ζαράτας) — арамейская форма имени «Зороастр». П. Кингсли, основываясь на данных Аристоксена, рассчитал, что акме Зороастра в пифагорейской традиции приходится примерно на 570 г. до н. э.[3] Этот исследователь, несомненно, прав, признавая «халдейского» Зороастра — учителя Пифагора фикцией, но вряд ли правильно было бы считать, что указанная фигура не имеет под собой вообще никакой реальной основы. Скорее всего в ней воплотились наиболее ранние сведения об иранском пророке, дошедшие до греков через арамейское посредство. И показательно, что «Зарат» пифагорейцев, как и кипарисы Гуштаспа поздней иранской традиции, о которых шла речь выше, приурочены к одному и тому же времени — концу VII–VI в. до н. э.

Совсем иное впечатление о времени Зороастра складывается при ознакомлении с платоновской традицией, которая помещала пророка за 6000 лет до своего времени. На эту цифру обычно и ссылаются сторонники ранней датировки Зороастра, толкуя ее в том смысле, что будто бы уже для современников Платона Зороастр был персонажем неопределенной, фантастически глубокой древности. Но такое впечатление обманчиво. Для того чтобы понять это, необходимо разобраться в сведениях платоновской школы о Зороастре.

Утверждения о 6000-летней древности Зороастра содержались уже у непосредственных учеников Платона — в сочинениях Эвдокса и Аристотеля. Вариантом такой же цифры, лишь приспособленной к традиционной греческой хронологии, являлась дата 5000 лет до Троянской войны, такую дату давали Гермипп, Гермодор, а вслед за ними и многие другие авторы[4]. Точкой отсчета для даты 6000 лет последователи Платона признавали время жизни самого Платона. Справедливо полагают, что такое представление возникло в ближайшем окружении философа, среди его учеников, знакомых с зороастрийской традицией

[1] Ibid. P. 163 f.; *Hinz.* Op. cit. S. 22–25; *Бартольд В. В.* Сочинения. VII. М., 1971. Т. VII. С. 396 сл.

[2] Фрагменты ранних греческих философов I / Подгот. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 144 (§ 11), ср. С. 142 (§ 8).

[3] *Kingsley P.* The Greek Origin of the Sixth-Century dating of Zoroaster // BSOAS. 1990. LIII. 2. P. 246, 260–264.

[4] *Jackson.* Op. cit. P. 152 ff.; *Пьянков.* Средняя Азия… С. 166.

и видевших в Платоне новое воплощение Зороастра[1]. Надо сказать, что платоники ставили в связь с Зороастром или прямо отождествляли с ним и других лиц, живших одновременно с основателем их школы или несколько ранее: одним из них был некий памфилиец, популярный в платоновской традиции, то ли Эр, то ли Кроний; Эр считался внуком знаменитого мага Остана (ок. 480 г. до н. э.)[2]. Таким образом, Зороастр, живший 6000 лет назад, оказывается, имел двойника в близкое к Платону время.

Некоторый свет на происхождение такого своеобразного представления о времени Зороастра проливает древнейшее в античной литературе упоминание о Зороастре как основателе магии, принадлежащее Ксанфу. В краткой цитате из Ксанфа у Диогена Лаэртского (prooem. 2) говорится о Зороастре, который жил за 6000 лет до похода Ксеркса в Грецию, и сразу же после этого — о маге Остане как его ближайшем преемнике. Ясно, что в цитате имеется какая-то лакуна, исказившая первоначальный смысл высказывания Ксанфа. В рассказе Плиния о магах (NH. XXX. 3–8), восходящем, по-видимому, к тому же пассажу из Ксанфа, но через обработку целого ряда посредников (в том числе Гермиппа?), говорится о Зороастре, жившем за 6000 лет до Платона или за 5000 лет до Троянской войны, и о «другом Зороастре», Проконнесском, которого помещают незадолго до Остана, сопровождавшего Ксеркса во время его похода в Грецию. Ясно, что у Ксанфа шла речь о двух Зороастрах — древнем и другом, который жил на 6000 лет позднее первого и считался, видимо, учителем Остана, широко известного в Элладе в качестве первого человека, принесшего сюда учение магов, и в качестве воспитателя Демокрита и Протагора[3]. Впоследствии кто-то из посредников (может быть, Гераклид Понтийский) отождествил второго Зороастра, как это было принято в античной литературной традиции, с одним из греческих мудрецов, на этот раз, видимо, с Аристеем Проконнесским. Та датировка последнего, которая приурочила его акме ко времени «Креза и Кира», т. е. к падению, Сард (ок. 545 г. до н. э.)[4], вполне отвечала бы такому отождествлению.

Связь тезиса о 6000-летней древности Зороастра с древнеиранскими представлениями о 3000-летних циклах установлена уже давно[5]. Сам этот тезис явился отражением плохо понятого зороастрийского учения о том, что *фраваши* Зороастра, его духовная сущность, была создана в начале второго 3000-летнего цикла, а физически пророк был рожден в конце третьего цикла и ровно через 6000 лет после своего духовного сотворения получил Откровение[6]. Учение это — очень древнее и, возможно, было создано уже самим пророком[7]. Как мы видели,

---

[1] *Nyberg.* Op. cit. S. 29 f., 433.

[2] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 164–167.

[3] О достоверности этих известий об Остане см.: *Лурье С. Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. 1970. С. 387 сл.

[4] Об этой дате см.: *Иванчик А. И. О* датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2. С. 41 сл.

[5] *Benveniste E.* The Persian Religion According to the Chief Greek Texts. P., 1929. P. 20; *Nyberg* Op. cit. S. 31.

[6] *Jackson.* Op. cit. P. 180; *Molé.* Culte… P. 313, 314.

[7] *Boyce.* Op. cit. I. P. 287. Not. 46.

античные сообщения о Зороастре 6000-летней древности сохранили представление и о «другом Зороастре» — реальном земном пророке, помещая его в исторически близкое к авторам этих сообщений время. Особой хронологической точности от этих сообщений ждать, конечно, не приходится, но древнейшее из них, как кажется, помещало «другого Зороастра» в предахеменидское время (ср. также представление Ктесия о Зороастре как о древнем царе Бактрии)[1].

Определив место и время Зороастра, попробуем проверить полученные результаты. Проверку проведем по двум направлениям: насколько данные Авесты, которые характеризуют окружавший Зороастра мир, соответствуют независимым данным, относящимся, во-первых, к материальной культуре и, во-вторых, к области языка тех стран и той эпохи, которые определены нами как место и время жизни пророка.

Странствия Зороастра ограничены определенным ареалом, который, очевидно, объединяла какая-то общность культурных традиций: это долина Зеравшана и область нижнего течения Амударьи — на севере, долина Теджена с прилегающими областями — на западе, Систан — на юге, бассейн Верхней (бактрийской) Амударьи — на востоке, Фергана (хотя, как уже говорилось, вряд ли это сырдарьинская Фергана). Примерно тот же ареал очерчен упомянутым выше списком стран в Видевдаде, «созданных Ахурамаздой». Подтверждает ли археология существование культурной общности на указанной территории в интересующее нас время? Безусловно. Это хорошо известный ныне круг «язовских» археологических культур, распространенных как раз в пределах описанного ареала[2]

Общий облик этих археологических культур вполне соответствует той картине хозяйственной жизни, которая вырисовывается по авестийским данным[3]: преимущественно сельский образ жизни, отсутствие настоящих городов с высокоразвитым ремеслом и торговлей, незнакомство с деньгами и т. д. По эталонному памятнику, Яз-депе, история указанных культур подразделяется на три этапа с непрерывной линией развития. Тем не менее в своем развитии они проходят две заметно различающиеся между собой стадии: первая — это культуры поздней расписной керамики («эпоха варварской оккупации», этап Яз I), к которым, возможно, следует отнести и чустскую культуру Ферганы; вторая — культура баночной (или цилиндроконической) керамики (этапы Яз II и III). Деятельность Зороастра, видимо, приходится на переходное время от первой ко второй стадии, и социальную направленность его деятельности можно хорошо объяснить некоторыми особенностями этого переходного времени.

---

[1] *Пьянков.* Ктесий... С. 63.

[2] Общий обзор этих культур см.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 182–207; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 178–203; The Archaeology of Afghanistan / Ed. F. R. Allchin, N. Hammond. L., 1978. P. 214–218; *Frencfort H.-P.* Fouilles de Shortughaï. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. P., 430–442 и указанную там литературу.

[3] Детальные описания культуры «авестийского народа» предпринимались уже давно (см. выше работы В. Гейгера, Х. С. Нюберга, Э. Херцфельда и др.); см. некоторые из последних таких работ: *Schwartz M.* Old Eastern Iranian World View According to the Avesta // CHI. II. P. 640–663; *Boyce M.* Avestan people // EIr. III. 1. 1987. P. 62–66.

Первым признаком, характеризующим уровень развития материальной культуры в целом, является употребление металла. Известно, что для меди (бронзы) и железа в Авесте используется одно слово ayah-[1]. Оно восходит к протоиндоиранской эпохе и первоначально означало, несомненно, «медь (бронза)», в основном сохраняя это свое значение, очевидно, и в авестийскую эпоху. Но в некоторых авестийских текстах, ранних по содержанию, в том числе и в Гатах (Ys. 32, 7), оно сопровождается определением xvaēna- — «светлое, яркое». Такое словосочетание могло означать также «алмаз» и «небо» (Yt. VIII. 2; ср. Большой Bd la. 6)[2]. Исходя из этих ассоциаций можно предполагать, что собственным его значением было скорее «железо», чем «медь», и в этом случае, очевидно, правилен пехлевийский перевод слова ayah- как «железо». Такое словоупотребление могло быть характерным для эпохи, когда железо как новый металл только еще входило в обиход. Собственный термин для «железа, стали», hao-safna-, появился лишь в поздних по оформлению текстах Авесты (Yt. X. 130; Vd. VII. 74). Все это хорошо согласуется с археологическими материалами: в период Яз I железо — еще очень редкая находка, на этапе Яз II оно встречается чаще (известно и в Согде) и широко распространяется на этапе Яз III.

Столь же хорошо согласуются данные «Авесты» с археологическими материалами «язовского» времени и по отдельным областям хозяйства и материальной культуры. Пахотное земледелие с ирригационными каналами, возделывание зерновых культур — пшеницы, ячменя и (или) проса, культивация фруктовых деревьев, представление о плуге, лопате и винном прессе как основных орудиях простого селянина; разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, ослов и верблюдов, кур, в небольшом количестве — свиней; занятие ремеслами, хотя и не в очень развитом виде, в том числе гончарством и использованием керамических печей; возведение построек из сырцового кирпича — все эти детали жизни «авестийского» народа находят точное соответствие в археологических материалах из Бактрии, Согда и соседних стран начала и середины I тыс. до н. э. То же можно сказать и о военном деле и вооружении[3]. Совпадение наблюдается и по такому специфическому признаку как «погребальный» обряд, известный позднее как зороастрийский (хотя, конечно, он не был придуман самим Зороастром): выставление тела умершего и последующая его экскарнация с помощью птиц или собак. В пределах распространения «язовских» культур практически отсутствуют погребения: факт, который будет необъяснимым, если не допустить, что «язовцы» практиковали «зороастрийский» обряд; в тех случаях, когда следы погребений все же обнаружены, ясно видно, что это были погребения предварительно очищенных костей[4].

Очень показательно еще одно обстоятельство. Все исследователи, занимавшиеся «Авестой», отмечают резкое различие между хозяйственным фоном

---

[1] *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954. Т. 19. С. 140.

[2] *Boyce.* A History... I. P. 132 f.

[3] *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 36–52.

[4] Специально этой теме был посвящен мой доклад на годичной сессии в Институте археологии АН Узбекистана в Самарканде в 1988 г.

текстов «Гат», с одной стороны, «Младшей Авесты» — с другой. В то время как «Гаты» знают только пастушеское скотоводство и прямых указаний на земледелие вообще не содержат, «Младшая Авеста» наполнена земледельческой терминологией. Относительно «Гат» у ученых выявились даже две взаимоисключающие позиции: все упоминания о скоте имеют там лишь символический смысл (Г. Г. Камерон); текст их действительно говорит только о скотоводстве (В. И. Абаев)[1]. Обычно исследователи приходят к компромиссному заключению: общество «Гат» знало земледелие, но пастушеское скотоводство и связанные с ним традиции, унаследованные от степных предков, все еще играли в его жизни ведущую роль[2]. При этом для автора «Гат» особое, исключительное значение имел крупный рогатый скот, бык. По «Младшей Авесте» бык сохранял свою культовую роль, но в составе стада все же преобладал мелкий рогатый скот, судя по формулам жертвоприношений: сто жеребцов, тысяча быков, десять тысяч баранов (например Yt. V. 21). Как и в других случаях, это различие между «Гатами» и «Младшей Авестой» объясняется, видимо, не столько разным временем, сколько разным местом формирования их основного содержания. И действительно, в пределах распространения оседлой культуры Средней Азии I тыс. до н. э. намечаются две хозяйственные зоны: северная, где скотоводство играет большую роль, причем в составе стада здесь важнейшее место продолжает занимать крупный рогатый скот в соответствии с традициями скотоводов эпохи бронзы, и южная, где ведущая роль развитого земледелия несомненна, а в составе стада преобладает мелкий рогатый скот[3]. Ко второй зоне, безусловно, принадлежит Бактрия, к первой же, видимо, Согд, где влияние степных традиций всегда было более значительным, а в составе стада еще в IV в. до н. э. преобладал крупный рогатый скот[4].

Тот же ареал, очерченный зороастрийской традицией и объединенный общностью материальной культуры, к тому же имеющий все признаки этнической общности[5], был, очевидно, и ареалом распространения одного языка, языка Авесты, или, точнее, нескольких близкородственных между собой диалектов. Вопрос о территории авестийского языка имеет долгую историю. Во времена, когда преобладала «бактрийская» теория, для многих исследователей вопрос о родине этого языка казался ясным, и его даже называли «древнебактрийским». К этим же временам восходит перечень основных ориентиров при определении территории авестийского языка: Балх — на востоке, Мерв — на западе, оз. Хамун — на юге[6]. Но с утверждением последнего варианта «хорезмийской» теории и выдвижением «систанской» гипотезы для авестийского языка оставили толь-

---

[1] По этому поводу см.: *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 150 f. Not. 163.

[2] См., например: *Schlerath B.* Das Avesta als Quelle für die Geschichte Zentralasiens // Prolegomena to the Sources… 1979. S 86; *Gnoli.* Zoroaster's Time… P. 154, 186, 228; *Boyce.* A History… I. P. 14, 17.

[3] Древнейшие государства… С. 341.

[4] Там же. С. 283.

[5] *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. II. М., 1990. С. 50–62.

[6] См, например: *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 48.

ко Мерв с Гератом и оз. Хамун с Арахозией[1]. Балх-Бактрия были исключены из авестийской территории, когда вслед за В. Хеннингом[2] практически все специалисты согласились с мнением, что бактрийским является восточноиранский язык кушанских надписей (в том числе знаменитой сурхкотальской). Но В. Хенинг в своем заключении основывался на ситуации среднеиранской языковой эпохи Средней Азии, не учитывая, что до великих передвижений кочевников II–I вв. до н. э. положение могло быть совсем иным. И действительно, до сих пор нет никаких свидетельств распространения языка, зафиксированного кушанскими надписями, в Бактрии до вторжения туда тохаров-юечжи, которые, скорее всего и были носителями этого языка. Попытки доказать обратное[3] не выглядят убедительно[4]. Возможно, что и восточноиранский согдийский язык — результат скифского влияния, хотя здесь источником этого влияния были другие скифские племена, и проявилось оно раньше.

Тот небольшой языковый материал, который относится к Бактрии и Согду докушанской эпохи, еще не был проанализирован в целом на предмет языковой классификации. Но вряд ли он может дать основание для заключения о том, что язык бактрийцев и согдийцев того времени принадлежал к числу восточноиранских. Напротив, авестийские его черты неоднократно отмечались[5]. Имя бактрийца, Атросок (Ἀτροσωκης), в одной недавно открытой на территории Бактрии надписи[6] находит прямое соответствие в авестийском словарном фонде (atrə. saoka-)[7]. Имеются достаточные основания считать, что страны «авестийских» арьев, фигурирующие как таковые в зороастрийской традиции, объединенные культурной общностью, подтверждаемой археологическими фактами, были объединены и общностью языка[8].

«Авестийские» арьи являлись, очевидно, носителями группы родственных диалектов, два из которых, диалект «Гат» и диалект, легший в основу «Младшей Авесты», представлены в современном тексте священной книги зороастрийцев. В древнеиранскую языковую эпоху данная группа занимала промежуточное место между западно- и восточноиранскими языками, и ее можно было бы называть центральноиранской. Это — языковая общность Арианы, специально отмечаемая античными авторами (Strabo XV. 2. 8), а к Ариане, как известно, относились и Бактрия, занимавшая в ней центральное место, и Согд. Лишь позднее, к концу I тыс. до н. э., когда Ариану захлестнули волны скифских втор-

---

[1] См, например: *Дьяконов И. М.* Восточный Иран… С. 127, 139, 142; *Hoffman.* Op. sit. S. 89.

[2] *Henning W. B.* The Bactrian inscription // BSOAS. 1960. XXIII. I. P. 47.

[3] *Грантовский.* О восточноиранских племенах… С. 89 сл.

[4] Например, относительно слова lipi в эдиктах Ашоки см.: *Fussman G.* Aśoka. II // EIr. II. 7. 1987. P. 780.

[5] См., например: *Grenet F.* L'Onomastique iranienne à Aï Khanoum // BCH. 1983. CVII, I. P. 373–381.

[6] *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 102 сл.

[7] *Bartholomae.* Op. cit. S. 1548.

[8] [Недавно этот языковой материал пополнился десятками имен бактрийцев, упоминаемых в уникальных документах конца ахеменидского времени, открытых на территории Афганистана (*Shaked S.* Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Paris, 2004). Насколько мне известно, следов языка кушанских надписей нет и там.]

жений, отдельные ее страны перешли на восточноиранскую речь. Часто отмечаемые исследователями схождения согдийского и хорезмийского языков с авестийским[1] могут быть объяснены центральноиранским, «авестийским», субстратом согдийского и хорезмийского.

На территории, где некогда жили «авестийские» арьи, доныне сохранились реликтовые языки ормури и парачи, занимающие такую же неопределенную позицию между западно- и восточноиранскими языками, как и авестийский. О происхождении их существуют разные мнения[2], но некоторые авторитетные лингвисты считают, что эти два языка являются остатками обширной языковой области, в значительной мере совпадающей с «авестийским» ареалом в южной его части и существовавшей еще в докушанскую эпоху[3].

И вновь обратимся к различиям между «Гатами» и «Младшей Авестой». Эти две части «Авесты» различаются между собой и в языковом отношении, причем различия их опять-таки не столько хронологического характера, сколько диалектного. В гатском диалекте имеется существенная особенность (наличие звукосочетаний -γd-, -υd-), объединяющая его с языками согдийским и ягнобским, хорезмийским, осетинским, т. е. с восточноиранскими[4]. Следовательно, и по языковым признакам наблюдается тяготение Гат к северу, к Согду и степному скифскому миру. Выше было показано, что древнейшая зороастрийская традиция считала родиной пророка Согд. И то, что «Гаты» — собрание изречений самого Зороастра — по своему отражению материальной культуры и по языку тоже указывают на Согд и сопредельные области, является очень важным подтверждением данных традиций.

Проблема места и времени, конечно, не исчерпывает всех вопросов, связанных с характеристикой Зороастра как исторической фигуры. Но решение ее помогает создать базу для более глубокого понимания социального смысла и фона деятельности пророка путем привлечения новых источников, прежде всего археологических. Они позволят по-новому взглянуть на многие указания зороастрийской традиции. Те пространственные и временные координаты деятельности Зороастра, которые предложены в настоящей работе, разрешают по-новому истолковать и ряд известных исторических фактов, которые убедительно, органично, без всяких натяжек, образуют единый исторический контекст с событиями из жизни пророка. Но все это будет задачей уже другой работы[5].

---

[1] См. некоторые из последних работ на эту тему: *MacKenzie.* Op. cit. P. 87–92; *idem.* Khwarazmian Language and Literature // CHI. III. 2. P. 1248 f.; *Dresden M.* Sogdian Language and Literature // CHI. III. 2. P. 220 f.

[2] См., например: *Ефимов В. А.* Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986. С. 5–8, 13 сл.

[3] Обзор этой теории см.: *Schmidt R.* Iranische Sprachen im vorislamischen Afghanistan // AAASH. XXXI. 1–2. 1985–1988. P. 86–90; *Kieffer Ch. M.* Afghanistan. V // Elr. I. 5. 1983. P. 512.

[4] См., например: Основы иранского языкознания… С. 160.

[5] [В этой работе должна быть показана прямая связь ближайших потомков Зороастра и людей его окружения с событиями ахеменидской и македонской эпох. О связи этих лиц с событиями времени воцарения Дария I см.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Государство Ахеменидов и современные ему государственные и племенные объединения в Средней Азии // История древнего Востока. М., 2004. С. 738–740.

10. АРКАИМ И ИНДОИРАНСКАЯ ВАРА

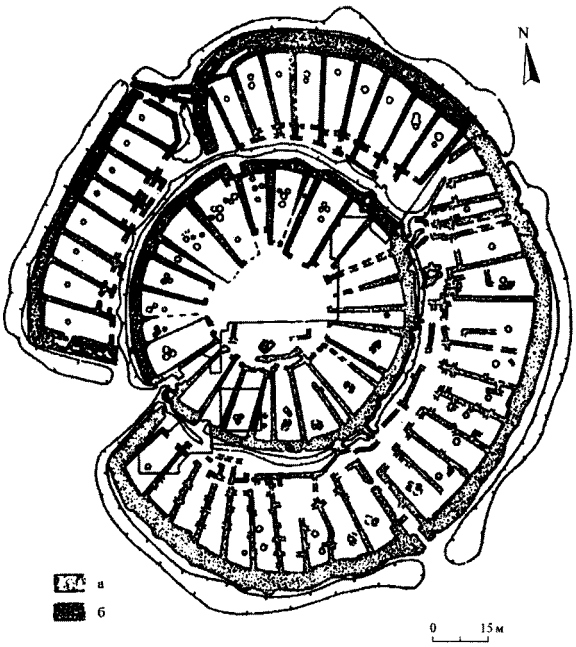
Руины степного «города», обнаруженные в местности Аркаим, представляют собой одну из интереснейших загадок истории. Каково было его назначение, какую роль он играл в жизни степных племен своего времени?

В поисках ответа на этот вопрос следует обратиться к ближайшим аналогиям. Такими аналогиями являются, прежде всего, своеобразные культовые строения, круглые в плане, существовавшие в Средней Азии на протяжении очень длительного времени — от II тыс. до н. э. до эпохи эллинизма. Удивительную близость Аркаимскому комплексу обнаруживает, например, «круглый храм» Дашлы-3 (область Балха, конец II тыс. до н. э.). Можно назвать в этой связи и другие среднеазиатские памятники, такие, например, как Кутлуг-тепе, Жига-тепе. В качестве культовых центров они были тесно связаны и с погребальными обрядами. В Жига-тепе, одном из наиболее поздних памятников такого типа, была даже найдена греческая эпитафия с упоминанием Аида [Литвинский, Виноградов, Пичикян 1985: 99]. Другими аналогиями можно считать известные памятники более поздних степных племен, такие как Аржан или Кой-Крылган-кала, тоже сочетавшие и культовые, и погребальные функции.

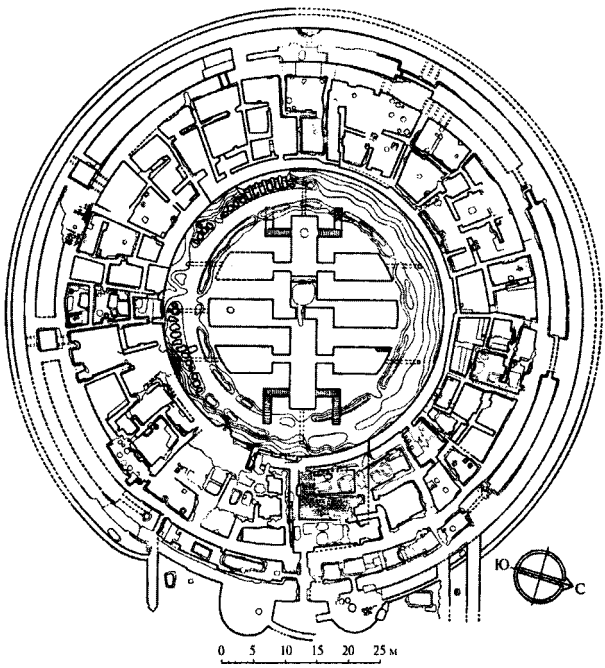

Аркаим. Вид сверху и реконструкция плана

*Впервые опубликовано: Аркаим и индоиранская вара // Рус. оригинал. Опубл. на англ.: Arkaim and the Indo-Iranian Var // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium B. C. Vol. I. Washington, 2002. P. 42–52. Иллюстрации приведены по этому изданию.

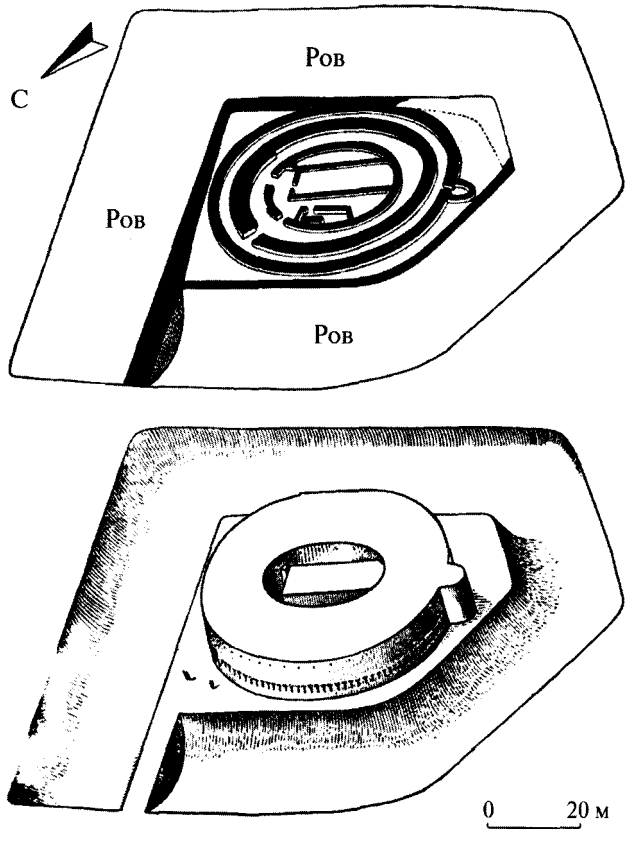

Аркаим

Койкрылган-кала

Памятники типа «круглого храма» Дашлы-3 (кроме самого Дашлы-3 также Кутлуг-тепе, Кой-Крылган-кала, Аржан) были убедительно отождествлены К. Йеттмаром [Jettmar 1981: 220–227; Йеттмар 1986: 192, 193; ср. Jettmar 1979: 576, 577; 1981: 149, 150] с авестийской варой, а сама вара истолкована этим ученым как место ритуальных собраний. Автор данной статьи добавил к указанному списку Тоголок-21 и Жига-тепе [Пьянков 1989: 179–181], а затем целый ряд исследователей, большей частью независимо друг от друга, ввели в этот круг Аркаим и другие подобные памятники синташтинской культуры [Гуревич 1989: 48, 49; Зданович 1992: 79, 84; Steblin-Kamensky 1995: 309; Пьянков 1999: 280, 281; Медведев 1999: 283–285].

Кутлуг-тепе

Вара в иранской мифологии является творением Йимы, а Йима/Яма у индоиранцев — первопредок и царь загробного мира. Резиденция Ямы, аналогичная варе, фигурирует и в индийской мифологической традиции [Bréal 1862: 491], но иранская вара описана более выразительно, с большим количеством конкретных деталей, близких к реальности. К тому же в иранской традиции представлено

как бы несколько этапов мифологизации вары: в Авесте, в пехлевийской литературе, в позднем иранском эпосе[1].

Конечно, уже и в Авесте вара Йимы — в целом мифологический образ: он введен в рамки эсхатологического мифа. Местонахождение вары перенесено в страну Арьяна-Вайджа (Видевдад, II, 20, 21), так как в авестийской традиции именно эта страна считалась прародиной арьев, и место Йимы, прародителя арьев, естественно, могло быть только там. На самом деле предание о Йиме гораздо древнее представления об Арьяна-Вайдже как прародине. Арьяна-Вайджа в авестийские времена (VII–VI вв. до н. э.) являлась вполне реальной страной Средней Азии (бассейн Верхней Амударьи) (Пьянков 1995, 30, 35), и лишь в позднеавестийской традиции она приобрела мифологические черты в результате того, что воспоминания о ней слились с мифом о Йиме. Результатом той же эволюции явилась характеристика прекрасной и «счастливой» Арьяна-Вайджи как крайне холодной страны, как своего рода «ледяного рая» [Видевдад I: 2, 3], удивлявшая многих исследователей. Видимо, к более древнему пласту мифа о Йиме восходит сообщение о том, что этот герой строил свои «селения и города» в «славной и счастливой» долине у горы Бакир [Бундахишн XII: 43; Чунакова 1997: 278; Рак 1998: 73, 176)[2].

Итак, если собрать воедино все указания первоначального мифа на место, где Йима соорудил свою вару, в том числе и те, которые позднее были использованы для характеристики Арьяна-Вайджи, и исключить из них заведомо сказочные моменты, то получится удивительно реалистичная картина суровой северной страны. Еще более удивительно, что она в течение веков хранилась в памяти народа, жившего уже в совсем ином природном окружении.

Картина эта вполне соответствует природным условиям северных степей и лесостепей, включая и территорию распространения синташтинской культуры. Правда, указания на то, что в этой стране, в «сердце зимы», десять месяцев длится зима, а лето — лишь два месяца[3], да и те холодны для воды, земли и растений [Видевдад, I: 3], равно как и намеки на «полярные» явления в стране Йимы [Видевдад, II: 40, 41], видимо, обязаны влиянию сведений о еще более далеких северных землях [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 65, 66; Грантовский 1970: 343].

В остальном же перед нами типичная «пастушеская идиллия» северных степей и лесостепей. Летом многочисленные стада крупного и мелкого скота, охраняемые собаками, пасутся на всегда зеленеющих лугах с обильной травой, возможно, обустроенных и какими-то мелиоративными сооружениями; стада

---

[1] Новейшие общие работы, касающиеся мифа о Йиме, в состав которого входит и описание вары, а также указания на предшествующую литературу, содержащиеся в этих работах, см.: [Дрезден 1977: 347, 348, 365; Рак 1998: 156–163, 174–178; Boyce 1975: 83, 84, 92–96, 133; 1982: 18, 19, 143, 167; Yarshater 1983: 422–426].

[2] Возможно, гора Арьяна-Вайджи именовалась также горою Койрас [Бундахишн, XII: 25; Чунакова 1997: 278: Кондрасп ?] — авестийская Кауриса (Яшт XIX, 1, 6). Весьма существенная деталь того же сообщения: в более поздние времена в крепости на этой горе поселился царь туров (т. е. скифов).

[3] По поводу интерполяции в текст некоторых рукописей Видевдада замечания: «там семь месяцев лета, пять месяцев зимы, очевидно» см.: [Darmesteter II 1960: 7, n. 8; Christensen 1943: 23].

пасутся и в долинах рек, и на вершинах гор, и в совсем пустынных местах, но в случае надобности могут укрыться в огороженных убежищах. Но вот наступает зима с жестокими морозами, плывут тучи, хлопья снега покрывают глубоким слоем и вершины гор, и равнины. А когда зима кончается, снег тает и бурно текут воды, случаются наводнения. Глубокие снега особенно гибельны для мелкого скота, поэтому после такой зимы чудом будет увидеть след овцы [Видевдад, II: 22–24, 26, 34; I: 3][1].

Но уже в «Авесте» наступление зимы в стране Йимы представлено как одноактная мировая катастрофа. В пехлевийской версии о зиме совсем нет речи, ее заменил «ливень Маркусан» [Меноги-Храд, XXVII: 28; Чунакова 1997: 101] в качестве грядущей катастрофы в конце света, и весь сюжет приобрел явные черты мифа о всемирном потопе [Darmesteter I960: 19, 20]. Зима осталась лишь в описании Эранвежа, т. е. Арьяна-Вайджи [Меноги-Храд, XLIV: 17–23; Рак 1998а: 71. Прим. 2].

Однако реальная основа описания страны Йимы полностью соответствует той картине сельскохозяйственной округи синташтинской «поселенческой системы», которая вырисовывается по данным археологии. Это и обширные пастбища, и стада скота того же состава, собаки, сезонные стоянки скотоводов с загонами для скота, каналы и плотины и т. д. [Зданович 1997: 15, 17; Зданович 1999: 42, 43; Зданович, Батанина 1999: 210, 211].

Спасаясь от суровой зимы, жители страны Йимы и укрываются в варе (собств. «стена», «укрепление»). Вара описана в Авесте тщательно, со множеством вполне реальных деталей, что похоже на настоящую инструкцию по строительству подобных сооружений, вложенную, естественно, в уста Ахура-Мазды. Возможно, что текст этот и представлял собой инструкцию, передаваемую из поколения в поколение на протяжении веков, сначала устным путем.

Удивительно, насколько точно совпадает описание вары с руинами Аркаима. О совпадении строительной схемы, лежащей в основе как мифической вары, так и Аркаима, говорилось уже не раз. Мы имеем в виду три концентрических кольца стен (тоже «вары») и три главные радиальные улицы. Судя по мифу о Йиме, основное предназначение вары — спасение от зимы, т. е. она служила людям как сезонное убежище. И археологические данные наводят на мысль о том же относительно Аркаимского городища — «фортифицированного центра» [Зданович 1997: 11]. Интересно, что даже численность населения вары (1900 человек), определяемая Видевдадом (II: 30, 38), примерно совпадает с предполагаемой населенностью Аркаима (две-три тысячи человек) [Зданович 1997: 10].

Внешняя окружность предназначалась для размещения коров и овец, которым были приготовлены «корма неисчерпаемые» [Видевдад, II: 25, 26, 33, 34]. Это указывает на заготовку сена; и действительно, синташтинцы знали такое орудие

[1] Переводы текста Видевдада с изложением мифа о Йиме см.: [Рак 1998а: 77–86 (переводы И. М. Стеблин-Каменского, К. Г. Залемана, А. А. Фреймана, И. С. Брагинского); Darmesteter II 1960: 20–31]. Конец описания Арьяна-Вайджи в Видевдаде (I: 3) переводится по-разному. О многих наводнениях в конце зимы говорится в переводе Х. Бартоломе–Ф. Вольфа [Wolff 1960: 317] и в русских переводах, собранных в указанной книге И. В. Рака [Рак 1998а: 71, 73, 75]. По этому поводу см.: [Christensen 1943: 23, n. 2].

труда, как серп для сенокошения, причем это было единственное их орудие труда, изготовленное из металла [Зданович 1997: 19]. Средняя окружность предназначалась для людей, а центральный круг — для «семян мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных огней пылающих» [Видевдад, II: 25, 33]. Действительно, только соответствующие части городища Аркаим были застроены домами с выходами, обращенными к центру круга.

Жилища вары, описанные в Видевдаде [II, 26, 30, 34, 38], во всех деталях соответствуют домам Аркаима [Зданович 1989: 181–183; Зданович, Батанина 1999: 210, 211]. Жилища вары имеют переднюю (fravarem) и внутреннюю, огороженную (parivarem) части и еще какую-то деталь (fraskembem), толкуемую то как балкон, то как навес. Внутренняя часть — это хозяйственный отсек домов Аркаима, а последняя деталь, скорее всего, — надстройка на кровле. Что же касается «двери-окна, освещающей сама собой», то это, конечно, входные отверстия на крыше аркаимских домов.

Строил же Йима вару из увлажненной земли (zemo), которую он «топтал пятками и мял руками» [Видевдад, II: 31, 32] — обычный способ приготовления глинобитных блоков или сырцовых кирпичей [Herzfeld 1947: 333, 334][1]. Этому факту традиция придавала большое значение, и еще поздний иранский эпос помнил, что Джемшид, т. е. Йима, первым приказал лепить кирпичи из увлажненной глины и применять известь в строительстве стен [Шахнаме, 881–886; Бану и др. 1957: 37]. И в Аркаиме стены возводились из глины с известью, использовались глинобитные блоки или сырцовый кирпич [Зданович 1989: 180–183].

Однако вара служила не только зимним убежищем. Выше мы уже говорили о многочисленных археологических соответствиях варе, имевших прежде всего культовое назначение. Археологи, исследующие Аркаимское поселение, отмечают сакральный характер также и этого памятника в целом [Зданович 1997: 15, 16]. Местом культовых действий была площадь в самом центре поселения [Зданович 1989: 182, 184; Зданович, Батанина 1999: 210]. Видимо, здесь и совершались празднества в честь Йимы и других богов, длившиеся не один день и носившие оргиастический характер, с применением хаомы. Вара как место культовых действий была убедительно сопоставлена с «церемониальными центрами» нуристанских «кафиров», современных поклонников Йимы, известного у них как Имра [Jettmar 1981: 225]. Такой центр мог быть просто открытой площадкой на территории селения, где совершались экстатические танцы со специальными обрядовыми жезлами и топорами в руках [Йеттмар 1986: 73, 123, 132], напоминающими культовые «лопаточки», булавы и топоры синташтинцев [Зданович 1997: 50–59]. Главным праздником поклонников Йимы был день весеннего равноденствия, Навруз по-новоперсидски. То, что этот праздник учрежден Джемшидом, знал позднеиранский эпос [Шахнаме: 907–924; Бану и др. 1957: 38], а сам праздник на протяжении веков сохранял много очень древних черт [Негмати 1989: 59–77].

[1] Интересно, что Э. Херцфельд находит в авестийском описании этой техники лингвистические признаки того, что она восходит к доиранским (но индоиранским) временам.

Вообще, соотношение реалий Аркаима и других памятников синташтинской культуры с материалами мифа о Йиме/Яме/Имре и культовыми традициями поклонников этого божества вплоть до обрядности нуристанских «кафиров» нового времени нуждается в дальнейшем изучении, которое может дать очень много интересных наблюдений для реконструкции религиозной жизни как синташтинцев, так и вообще древних индоиранцев. Это касается, например, связи Йимы и его вары с культом предков, смерти и возрождения, с культом огня и солнца, истории погребальных обрядов и обрядов жертвоприношений и др.[1]

То же самое, т. е. изучение синташтинских памятников в сопоставлении с материалами мифа о Йиме и более широким кругом информации о древних индоиранцах, может много дать для реконструкции общественной жизни. Что касается мифа о Йиме, то он может быть использован при определении общего характера и уровня развития синташтинского общества: в варе Йимы живут счастливые люди «золотого века» (ср. синташтинские материалы: [Зданович 1997: 8, 9, 68–80]; при определении характера и уровня стратификации синташтинского общества: Йима учредил четыре сословия (ср. синташтинские материалы: [Зданович 1997: 61]). По-видимому, мы можем говорить по крайней мере о двух выделившихся социальных слоях синташтинцев: жрецах и воинах.

Вполне определенно выступает воинское сословие. Оно выразительно характеризуется таким вещевым комплексом, как боевая колесница, запряженная лошадьми, боевые топоры, копья, стрелы с металлическими и каменными наконечниками [Зданович 1997: 57–59]. Это, несомненно, те «колесничие» (*rathaištar-), которые выделились в качестве особого слоя еще в протоиндоиранское время.

Но особенно интересно то, что синташтинские погребения «колесничих» сопровождаются орудиями кузнечного дела и кусками руды [Зданович 1989: 185]. В Аркаиме и его округе обнаружены многочисленные следы металлургического производства: печи, рудники [Зданович 1989: 184, 185; Зданович, Батанина 1999: 210]. Известно, что металлургия у индоиранцев часто носила характер культового действа, и ее тоже возводили к Йиме, а кузнецы занимали высокое общественное положение, будучи связаны и с воинской кастой, и с царской властью. Еще поздний иранский эпос помнил, что Джемшид научил людей добывать камни-«самоцветы» и металлы из руды, а «размягчая металл над жарким огнем», выковывать оружие и броню «для бойцов и коней» [Шахнаме: 831–834, 890–893; Бану и др. 1957: 35, 37]. И нуристанские «кафиры» связывают с Имрой месторождения металла [Йеттмар 1986: 67]. А индоиранское представление о «власти» (*kšatra-), неразрывно связанное с воинским сословием, ассоциировалось с металлом, и специально с оружием из металла [Дюмезиль 1986: 34, 35, 211], а первоначально, видимо, из камня [Boyce 1985: 935][2]. Но все это лишь вводит нас в интереснейшую и пока еще мало разработанную тему: воины и цари-кузнецы древнеиранского мира.

[1] Попытку связать миф о Йиме/Яме и варе с культом огня, солнца и погребальным обрядом древних индоиранцев (на наш взгляд, не во всем удачную) см.: [Лелеков 1976: 11–15].

[2] Более детально об этом см.: [Narten 1982: 114–116, 127–133].

Наконец, определение памятников типа Аркаима как культового объекта, посвященного Йиме/Яме, позволяет сделать некоторые выводы и в области этнической истории. Хотя образ Йимы/Ямы играет большую роль в мифологии и иранцев, и индийцев, центральное место он занимает, под именем Имра, лишь в мифологии нуристанских «кафиров»; у них же до сих пор сохранились воспоминания о культовых сооружениях типа вары [Jettmar 1981: 226, 227]. Все это позволяет вновь вернуться к давно уже поставленному вопросу [Burrow 1973: 126–133, 139, 140; Frye 1983: 47–49; 1998: 57–62 и др.] о доиранском слое индоиранского населения как Средней Азии, так и евразийских степей, и его исторических судьбах.

В трактовке автора настоящей работы — это проблема первой волны расселения древнейших индоиранцев [Пьянков 1995: 37, 38]. Гипотетическая реконструкция соответствующих событий в археологическом плане вкратце выглядит так. В каспийских и черноморских степях в конце III — начале II тыс. до н. э. обитали племена катакомбной культуры, которые по ряду признаков могли быть индоиранскими. К началу II тыс. до н. э. памятники, близкие катакомбным, стали распространяться далеко на юг, вплоть до Афганистана. Ко второй четверти II тыс. до н. э. катакомбная культура в степях исчезает, но зато в то же время происходят большие изменения в культуре земледельческих оазисов Средней Азии: прежняя высокоразвитая протогородская цивилизация исчезает, а на смену ей приходят иные, более архаичные на первых порах, культуры т. н. «бактрийско-маргианского комплекса» (Намазга VI, Сапалли, Дашлы). Они сочетают традиции более древних земледельческих культур с инновациями, привнесенными, видимо, из степей. Другие племена — потомки катакомбников продолжали вести в Средней Азии прежний, степной, пастушеский образ жизни. Они, очевидно, оставили памятники бишкентской и вахшской культур.

Было обращено внимание на связь «бактрийско-маргианского комплекса» с культурой нуристанских «кафиров» [Йеттмар 1986: 193]. Этот народ, ныне обитающий только по южным склонам Гиндукуша, еще в средние века занимал значительно большие территории; по-видимому, он является последним остатком древнейших индоиранцев, не разделившихся на индийскую и иранскую ветви. Если так, то намеченная выше археологическая история первой волны расселения индоиранцев и будет представлять основные вехи истории далеких предков нуристанских «кафиров». И в мифе о Йиме — как мы знаем, главном боге этого народа — рассказывается, что он трижды расширял землю в южном направлении, в полуденную сторону, когда не хватало пастбищ для пастухов [Видевдад, II: 8–19]. В культурном же отношении нуристанских «кафиров» объединяет с их археологическими предками не только такой феномен, как вара, но и очень своеобразный обряд «оставления» покойника на древней поверхности с оградой в виде какого-либо надземного сооружения (не путать с обрядом «выставления» трупа хищным животным). Этот обряд был повсеместно распространен среди нуристанских «кафиров» нового времени и соблюдался их предками во времена Александра Македонского; вместе с тем он все более определенно фиксируется археологически как раз для очерченного выше круга культур индоиранцев «первой волны».

Всё это подводит к мысли, что синташтинская культура (XVIII–XVI вв. до н. э.) с ее варами и аналогичным погребальным обрядом входит в тот же круг и является культурой одного из поздних степных анклавов «индоиранцев первой волны». Очевидно, эти индоиранцы расселялись из какого-то, пока еще не определимого степного центра[1] не только в южном направлении, но и в северном — в лесостепи Южного Урала и Юго-Восточной Европы[2]. В этой связи требует своего истолкования и появление индоиранцев — современников синташтинцев — в Передней Азии.

Видимо, эти древнейшие индоиранцы в конце концов были поглощены более поздними иранскими племенами — в степях последние представлены петровско-алакульской культурой, а в оазисах Средней Азии — культурой поздней расписной керамики (Яз I), очень метко названной ее первыми исследователями культурой "эпохи варварской оккупации". Свою культуру сохранили — как это нередко бывает — лишь те слои древнейших индоиранцев, которые были связаны с культом. Это и были поклонники Йимы и дэвов: усиги, кави и карапаны (ср. [Burrow 1973: 128–133]) — бактрийские кавиры и корибанты. Заметим, что Йима выступает в качестве повелителя дэвов, кави и карапанов также в иранской эпической традиции. Возможно, что это древнее жреческое сословие [Gnoli 1980: 157; Boyce 1987: 62, 63] и группировалось вокруг поздних вар. Последние в условиях Средней Азии, конечно, перестали выполнять функции зимних убежищ, но сохранили культовое значение, связанное прежде всего с погребальными обрядами.

С этим древним жречеством боролся Заратуштра, а позднее, при Сасанидах, когда зороастризм стал канонизированной государственной религией, последние приверженцы «дэвовского» культа с их варами были, видимо, окончательно уничтожены. Однако мифология иранцев восприняла образ Йимы, хотя так до конца и не адаптировала его, что заметно по традиции о «грехе» Йимы, а точнее его приверженцев. Грех этот, видимо, заключался в злоупотреблении опьяняющими напитками и массовых кровавых жертвоприношениях скотом. Интересно, что и археологи характеризуют синташтинский обряд жертвоприношения скотом как избыточный до иррациональности, отличающийся от всех предшествующих и последующих эпох [Косинцев 1999: 256; Зданович 1989: 186]. Прослеживается в иранской традиции и отрицательное отношение к варе [Jackson 1974: 651].

---

[1] Конечно, в поисках этого центра следует учитывать и данные более ранних лесостепных культур, таких как ташковская с её круговыми поселениями [Ковалева 1997: 11–38, 68–77].

[2] В последнее время некоторые археологи [Григорьев 1996: 78–96; Сарианиди 1999: 273–277] реконструируют расселение древних индоиранцев по маршрутам, которые прямо противоположны реально возможным и многократно исторически засвидетельствованным, игнорируя при этом элементарнейшие исторические факты. У первого исследователя индоиранские амореи (!) покидают пустыни Северной Месопотамии и стремительным маршем переселяются на Южный Урал, где и представлены синташтинцами. У второго почему-то совсем исчезают эламиты, создатели одной из древнейших и мощных цивилизаций Западной Азии, а их место фактически занимают сконструированные им «индоиранцы». Все это производит прямо-таки анекдотическое впечатление. Надо сказать, что обе концепции «вдохновлены» теорией известных лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, столь же фантастичной в своей исторической части.

Такова вара Йимы и ее история в свете археологических реалий и в контексте истории древнейших индоиранцев. На этом можно было бы и кончить, но у наших оппонентов возник неожиданно вопрос: а можно ли вообще искать вару Йимы — ведь это все равно, что искать, например, ковчег Ноя. Если бы не этот вопрос, то нам и в голову бы не пришло, что нашу задачу можно понять так наивно: «искать» «ту самую» вару «того самого» Йимы. Нам казалось, что не нужно специально пояснять, что мифическая вара в данном случае — собирательный образ, а наша задача — сопоставить и синтезировать скрытые в мифе реалии с одной стороны, археологические реалии — с другой, которые, так сказать, сами «находят» друг друга. Не хотелось бы также повторять прописные истины о ценности мифа как исторического источника. Наша задача — реконструировать и понять конкретный по месту и времени момент исторической реальности.

Библиография

1. *Бану Ц. Б.* и др. Фирдоуси. Шахнаме / Подг. Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М., 1957. Т. I.
2. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983
3. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
4. *Григорьев С. А.* Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 78–96.
5. *Гуревич Л. Л.* О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации. Тезисы докладов региональной конференции. Ташкент, 1989. С. 48–49.
6. *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира / Ред. В. А. Якобсон. М., 1977. С. 337–365.
7. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
8. *Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Ред. В. М. Массон. Алма-Ата, 1989. С. 179–189.
9. *Зданович Г. Б.* Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990: Сб. материалов конференции. I. М., 1992.
10. *Зданович Г. Б.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Материалы к международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 42, 43.
11. *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Материалы к Международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 210, 211.
12. *Зданович Д. Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
13. *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.
14. *Ковалёва В. Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997.
15. *Косинцев П. А.* Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н. э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Материалы к Международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 255–257.
16. *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии / Ред. Б. Г. Гафуров и Б. А. Литвинский. М., 1976. С. 7–18.

17. *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории, 1985. № 4. С. 84–110.
18. *Медведев А. П.* Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Материалы к Международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 283–285.
19. *Негмати А. Э.* Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе, 1989.
20. *Пьянков И. В.* Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации // Вестник древней истории, 1989. № 1. С. 179–181.
21. *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток, 1995. № 6. С. 27–46.
22. *Пьянков И. В.* Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Материалы к Международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 280, 281.
23. *Рак И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.; М., 1998.
24. *Рак И. В.* Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. раздел И. В. Рака. СПб., 1998а.
25. *Сариниди В. И.* Первые индоиранцы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Материалы к Международной конференции. Челябинск—Аркаим, 1999. С. 273–277.
26. *Чунакова О. М.* Зороастрийские тексты / Подг. О. М. Чунаковой. М., 1997.
27. *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975. Vol. I.
28. *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1982. Vol. II.
29. *Boyce M.* Amәša Spәnta // Encyclopaedia Iranica. 1985. Vol. I. Fasc. 9, P. 933–936.
30. *Boyce M.* Avestan people. // Encyclopaedia Iranica. 1987. Vol. III. Fasc. 1, P. 62–66.
31. *Bréal M.* De la géographie de l'Avesta // Journal Asiatique, 5 ser. 1862. T. XIX. P. 482–497.
32. *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973. № 2. P. 123–140.
33. *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København, 1943.
34. *Darmesteter J.* Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire hist. et philol. par J. Darmesteter. Vol. II. Paris, 1960 (Repr.: Paris, 1892–1893).
35. *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. Munich, 1983.
36. *Frye R. N.* The Heritage of Central Asia. Princeton, 1998.
37. *Gnoli G.* Zoroaster's time and homeland. Naples, 1980.
38. *Herzfeld E. E.* Zoroaster and his world. Princeton, 1947.
39. *Jackson A. V. W.* Die iranische Religion // Grundriss der iranischen Philologie. Bd II. Hrsg. von W. Geiger, E. Kuhn. Strassburg, 1974. P. 612–708 (Repr.: Strassburg, 1896–1904).
40. *Jettmar K.* Sibirien und die Steppen Asiens. // Die illustrierte Weltgeschichte der Archäologie. Hrsg. von L. Fasani. München, 1979. P. 572–585.
41. *Jettmar K.* Cultures and Ethnic Groups West of China in the II and I Mill. B. C. Asian perspectives XXIV (2). 1981. P. 145–162.
42. *Jettmar K.* Fortified «ceremonial centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 220–229.
43. *Narten J.* Die Amәša Spәntas im Avesta. Wiesbaden, 1982.
44. *Steblin-Kamensky I. M.* Avestan kәmčit paiti čaθrušanam // East and West. 1995. Vol. XLV. N 1–4, P. 307–310.
45. *Wolff F.* Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Übers. auf der Grundlage von Ch. Bartholomae's Altiranischem Wörterbuch von F. Wolff. Berlin: De Gruyter, 1960 (Repr.: Strassburg: Trübner, 1910).
46. *Yarshater E.* Iranian National History // The Cambridge history of Iran. Vol. III(1) / Ed. E. Yarshater. Cambridge etc., 1983. P. 359–480.

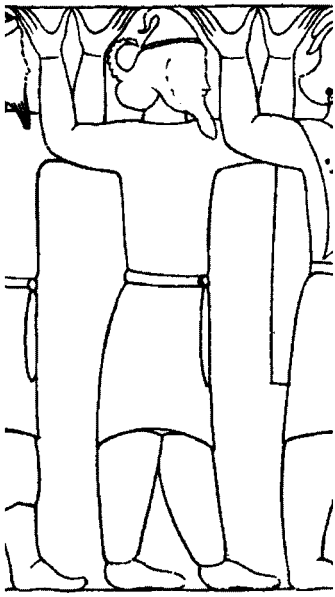

ЧАСТЬ 3. ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЛЕМЕН В СТЕПНОМ ПОЯСЕ

В данном разделе мы рассматриваем историю древних кочевых скотоводческих народов древней Средней Азии. При этом нередко приходится выходить за пределы среднеазиатской части степного пояса Евразии (как в восточном, так и в западном направлении), поскольку весь он представляет собой, в сущности, единый мир. Здесь отдельные главы посвящены основным кочевым народам древней Средней Азии: сакам и массагетам[1]. Большинство кочевых народов Средней Азии догуннской эпохи относилось к восточноиранской, «скифской» в широком смысле, этнической общности. Согласно концепции, выдвинутой автором и отраженной в первых главах этого раздела, восточноиранская этническая общность не была прямой наследницей древнейшего иранского мира степей эпохи бронзы, она сформировалась в результате наложения на протоиранскую основу нескольких последовательных этнических волн иного происхождения, шедших с востока, из Центральной Азии.

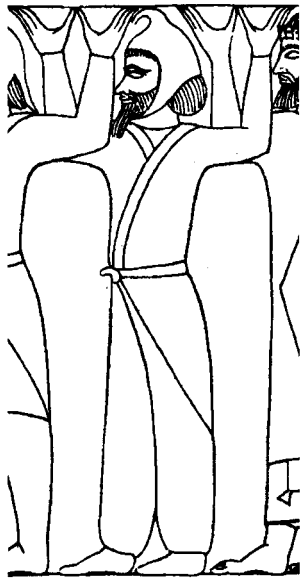
[1] Новейший общий обзор истории этих и других кочевых народов древней Средней Азии см. в соответствующих разделах «Истории древнего Востока» (М., 2004), написанных И. В. Пьянковым (С. 698–762, 772–788).

11

а)

22

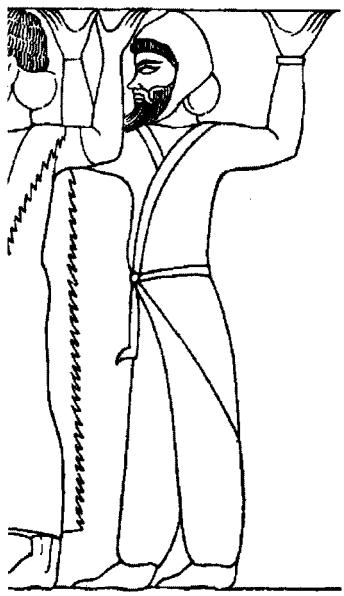
б)

23

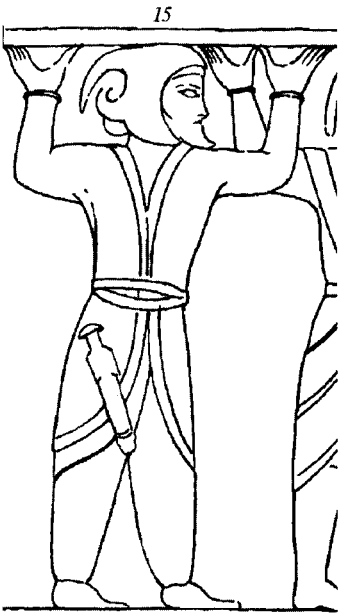
в)

28

г)

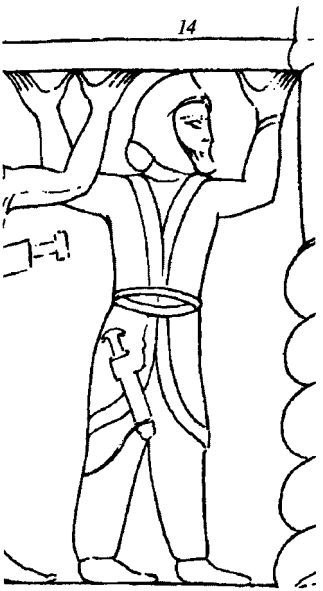
Носители трона ахеменидского царя. Рельеф из Персеполя:
а) — сак тиграхауда; *б)* — сак парадрайя; *в)* — дах; *г)* — сак хаумаварга
(по: *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Berlin, 1966. S. 62–63, Abb. 5–6)

а)

б)

в)

Носители трона ахеменидского царя. Рельеф из Накши-Рустама:
а) — сак тиграхауда; *б)* — сак парадрайя; *в)* — сак хаумаварга (по: *Walser G.* Op. cit. Falttafel 1)

1. ЖУНЫ И ДИ, АРИМАСПЫ И АМАЗОНКИ*[1]

Конец II — первая половина I тысячелетия до н. э. — особый, во многом переломный период в истории евразийского степного пояса. Но письменные источники, относящиеся к указанному времени, еще очень слабо освещают эту далекую периферию древней ойкумены, в их неясном свете вырисовываются странные образы, которые, однако, при надлежащей расшифровке оказываются знаками весьма важных, иногда эпохальных для степной истории, событий.

В настоящей работе рассматриваются удивительные факты культурных связей, простирающихся на огромные расстояния, и предлагаются возможные объяснения этих фактов. Великий степной пояс, протянувшийся по евразийскому материку от Маньчжурии до Дуная, был ареной не только торговых путешествий, совершавшихся по трассе степных ветвей Шелкового пути, но и передвижений больших масс людей, иногда целых народов. Культурные взаимовлияния могли быть результатом и торговых сношений, и передвижений народов. И не всегда бывает просто установить причину поразительных совпадений тех или иных явлений культуры, засвидетельствованных на противоположных концах великого степного пояса.

К числу таких совпадений относятся некоторые **мифико-географические представления**, засвидетельствованные в древнегреческой и древнекитайской литературе. На эти совпадения до сих пор обращали мало внимания и, во всяком случае, не пытались, насколько мне известно, сопоставить их с аналогичными и синхронными явлениями в материальной культуре. Начну с сопоставления литературных данных.

Вот данные греческих источников.

Аристей из Проконнеса в VII в. до н. э. совершил путешествие на северо-восток к исседонам до реки Кампас. Исседоны поведали ему о землях, которые лежат далее. Рассказ их вкратце таков. За исседонами живут могучие одноглазые люди, которые борются с грифами за золото, а грифы — «звери, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом». Далее — местность, наполненная перьями, страна, «окутанная густым мраком», вечная зима. Здесь у «Земного запора», т. е. у края земли, из пещеры в Рипейских горах, с которых «никогда не сходит снег», дует Борей, северный ветер. Здесь же в вечной тьме обитают смертоносные Горгоны со змеями в косах и три Форкиды, похожие на лебедей. За

---

*Впервые опубликовано: Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. Т. II (XXVII). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 215–236.

[1] Настоящая статья является переработкой моей предшествующей статьи на ту же тему [Пьянков 2006]. Но основные положения этой статьи в краткой тезисной форме излагались мною и ранее, см.: [Международная конференция… 1996: 136, 137, 180–182; Международная конференция… 1993: 37–41]; см. также: [Пьянков 1995: 35, 36; он же 1994: 196].

Рипейскими горами живет мирный народ гипербореев «вплоть до другого моря», а где-то рядом с ними находятся рощи гигантских тростников и племя гемикинов («полупсов») — людей с собачьими головами. Общее направление — север и восток[1]. О самом Аристее рассказывали, что душа его могла покидать тело и парить в воздухе, обозревая все страны и народы[2].

А вот данные китайских источников.

Чжоуский Му-ван в X в. до н. э. предпринял знаменитый поход на запад против цюань-жунов. Рассказывали, что он достиг крайних на западе и севере стран, хотя в действительности он вряд ли ходил далее земель цюань-жунов, а о лежащих за ними странах и народах сообщали, скорее всего, то, что удавалось узнать от тех же цюань-жунов. Рассказ о землях, расположенных в направлении походов Му-вана, вкратце таков. Ближайшее к китайцам на западе племя — это цюань-жуны («собачьи жуны»). Это вполне реальный народ, но в китайских мифах он выступает как сказочное племя песьеголовых людей. В их стране, в Великой пустыне, находится и роща огромных бамбуков. За собачьими жунами обитают свирепые одноглазые люди, рядом с ними — крылатый тигр, нападающий на людей. Далее — Гусиные ворота, т. е. северный предел обитаемого мира, страна Великой Тьмы и Дракон-Светильник в горах, выдыхающий ветер и зиму. Здесь же — пучина перьев и Нефритовая гора, куда заходит солнце и где в пещере живет насылающая болезни Хозяйка Запада с всклокоченными волосами, у которой в услужении три птицы. Общее направление — запад и север[3]. О Му-ване рассказывали также, что из далекой западной страны к нему прибыл колдун, с помощью которого душа его временно покинула тело, взмыла в небо и там обозревала земные и небесные дворцы[4].

В основе той и другой системы представлений лежит специфический вариант т. н. «Северного цикла» сказаний, связанный с шаманским ритуалом. Этот цикл чужд грекам и китайцам, те и другие, указывая его «адрес», имеют в виду евразийский степной пояс, но облекают его в греческие и китайские одеяния. «Северный цикл» в целом проанализирован Г. М. Бонгардом-Левиным и Э. А. Грантовским. Ими сделан вывод: цикл отражает скифские, шире — общеиндоиранские представления [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 151–153]. Однако некоторые моменты заставляют внести коррективы: выделить «аристеевский» вариант цикла, который отражает представления исседонов и находит параллели в соответствующих сюжетах китайских мифов, возможно, воспроизводящих в какой-то мере представления цюань-жунов[5]. Эти последние, восточные, версии «аристеевского» варианта «Северного цикла» восходят к более раннему времени, в некоторых чертах архаичнее и, видимо, оригинальнее западных, так как ближе к фольклорным прототипам. В то же время они носят явные следы влияния западной, собственно «аристеевской», версии. Все это вместе представляет собой

[1] Реконструкцию и анализ рассказа Аристея см.: [Bolton 1962: 39–118].

[2] О традиции «странствия души» Аристея см.: [Bolton 1962: 133–175].

[3] Изложение китайских рассказов о западных и северных окраинных землях см.: [Юань Кэ 1987: 22–24,31,35,120,154–157,192–208].

[4] Сказание о «путешествии души» Му-вана см.: [Юань Кэ 1987: 242–244].

[5] Попытка выделить этот вариант «Северного цикла» была предпринята мною [Пьянков 1978: 44–48].

крайне запутанную, весьма сложную для анализа картину, которая требует отдельного, специального исследования.

Подлинно фольклорное происхождение рассматриваемого цикла, равно как и адрес творцов его фольклорной основы — евразийские степи, подтверждается исследованием обстоятельств, при которых сказания этого цикла попали к грекам, с одной стороны, к китайцам — с другой.

Реальность путешествия Аристея признается большинством исследователей[1]. Большинство исследователей в настоящее время согласно и с тем, что исседоны во времена Аристея обитали в степях и лесостепях Южного Урала и Зауралья, где протекала их река Кампас (Тобол или Ишим)[2]. Правда, направление, которое подразумевалось в рассказе исседонов, переданном Аристеем, о землях, лежащих за исседонами, определялось учеными по-разному. Одни считали его северным, и тогда в «другом море» видели Северный Ледовитый океан, другие — восточным, и тогда под «другим морем» имели в виду Тихий океан. Для «аристеевского» варианта следует предпочесть второе определение, и в таком случае снежные Рипейские горы будут Алтаем, «Земной запор» — Джунгарскими воротами, а гипербореи — китайцами, смутные сведения о которых Аристей истолковал в духе традиционных греческих представлений о «счастливом» народе гипербореев, обитающем на краю земли [Bolton 1962: 93–101,114–118].

Нет никаких оснований сомневаться и в подлинности похода Му-вана против цюань-жунов, хотя часть повествования о путешествии этого царя и могла быть составлена по образцу описания похода Улинь-вана (конец IV в. до н. э.) [Кравцова 1992: 354–363; Кляшторный, Султанов 2000: 55]. Китайцы находились в сношениях со своими соседями цюань-жунами, по крайней мере, с XII в. до н. э. [Думан 1970: 15, 16, 19, 20, 29, 30]. Этот народ занимал тогда обширные территории от Кукунора, верховьев Хуанхэ и Янцзыцзяна (провинция Цинхай) до излучины Хуанхэ (провинция Шэньси) [Фань Вэнь-лань 1958: 137]. По их землям (в провинции Ганьсу) и проходила дорога, ведшая от столицы Чжоуского государства в Центральную Азию; не случайно китайские мифы помещали к западу от них «Дядю больших путешествий» [Каталог… 1977: 106]. В Шэньси находились также Бамбуковые гора и река [Каталог… 1977: 144].

Очень похожая картина — в **материальной культуре** евразийского степного пояса того же времени, хотя археологи, уже давно и очень тщательно исследующие аналогичные процессы в этой сфере, кажется, и не подозревают, что предмет их исследований имеет столь близкие соответствия в области фольклорных традиций и мировоззрения. Многие явления в сфере материальной культуры, согласно наиболее убедительным толкованиям, имели истоки в юго-восточной части Центральной Азии, оказывали влияние на Китай и одновременно распространялись на запад.

[1] Итог исследованию проблемы подвел Дж. Болтон; он же убедительно показал достоверность традиции о путешествии Аристея к исседонам [Bolton 1962: 104–141]. Из числа старых работ, посвященных Аристею и его путешествию, необходимо отметить также труды В. Томашека [Tomaschek 1888] и Э. Д. Филлипса [Phillips 1955–1957]. Гиперкритический настрой по отношению к традиции об Аристее [Иванчик 1989: 29–49] мне кажется совершенно необоснованным. О времени Аристея см.: [Щеглов 2001: 5–12].

[2] О пути Аристея к исседонам и о самих исседонах см.: [Пьянков 1978а: 184–190; 2005: 15–35].

Яркие примеры в этом отношении дают памятники карасукской культуры (XII–VIII вв. до н. э.). Сформировавшись в области Ордоса и примыкающих к нему местностях, в непосредственном соседстве с коренными китайскими землями [Киселев 1951: 177–183; Новгородова 1970: 10–32,176; она же 1989: 120–130], карасукская культурная общность[1] оказала влияние на культуру Китая в периоды Шан-Инь и Чжоу, с одной стороны, с другой — продвинулась на огромные расстояния в северном и западном направлениях. В результате там формируется ряд «карасукоидных» культур, таких, как дандыбай-бегазинская (XI–VIII вв. до н. э.) в Центральном Казахстане [Маргулан 1979] и ее тагискенский вариант (памятники Северного Тагискена) (X–VIII вв. до н. э.) в древних низовьях Сырдарьи [Толстов 1962: 80–86][2]. На пути продвижения карасукских культурных элементов из Центральной Азии на запад могут указывать и петроглифы этого времени: долина Иртыша к югу от Алтая, Восточный и Центральный Казахстан, Семиречье [Древние культуры... 1994: 135,136].

Карасукская керамика обнаружена на Нижней Волге, что свидетельствует о непосредственном проникновении носителей карасукской культуры далеко на запад [Мелентьев 1975: 39–43]. Подобная же керамика своеобразных форм, лощеная, часто с белой инкрустацией, известна на Северном Кавказе вплоть до дельты Дона [Степи... 1989: 150,151] и в Восточном Закавказье [Погребова 1977: 108–111], где появляется одновременно с китайскими керамическими формами периода Шан-Инь [Погребова 1977: 90–93].

Знаменитые карасукские бронзы, происхождение которых послужило темой для длительной и упорной дискуссии, тоже, если следовать наиболее аргументированной и логически обоснованной точке зрения, древнейшие свои прототипы имели в области Ордоса и соседних местностях, откуда они, с одной стороны, поступали в Китай периода Шан-Инь [Новгородова 1970: 65–124,176; она же 1989: 122–139; Васильев 1976: 273, 274], с другой — распространялись по степному поясу с востока на запад (хотя существуют и иные точки зрения относительно направления их распространения), проникая в очень отдаленные места: Северный Кавказ и Волго-Камье, Северное Причерноморье [Степи... 1989: 14; Членова 1976].

Нефрит, столь популярный в Китае с эпохи Шан-Инь, доставлялся в Китай из области Хотана [Xinru Liu 2001: 117], а на запад, вплоть до Волго-Камья, нефрит в виде белонефритовых колец проложил себе путь еще в предшествующую эпоху, сопровождаемый изделиями из бронзы, тоже соединяющими эти отдаленные западные регионы с Китаем [Киселев 1951: 145, 146; Матющенко 1999: 132].

Карасукские традиции продолжали археологические культуры восточной части «скифо-сибирского мира» (с VIII в. до н. э.) [Мошкова 1994: 92,93] с их

[1] Об открытых недавно комплексах культуры ордосских бронз, послужившей исходным центральноазиатским ядром карасукской культуры, см.: [Международная конференция... 1996: 3–6]. Карасукскую культуру давно уже связывали с ордосскими бронзами, а после открытия в Ордосе соответствующих им культур ордосское происхождение карасукской культуры становится бесспорным.

[2] О карасукском компоненте в составе этих культур см.: [Грязнов 1970: 42; Степная полоса...1992: 34–36].

«скифской триадой»[1], начиная с такого памятника, как Аржан в Туве [Грязнов 1970а]. Культура исторических саков, явилась, видимо, прямым продолжением дандыбай-бегазинской культуры, а памятники приаральских кочевников, исторических массагетов — еще и преемниками культуры Северного Тагискена[2]. Культуры «скифо-сибирского мира», сохраняя старые центральноазиатские традиции, продолжали и в свое время испытывать мощное культурное воздействие, шедшее с востока [Международный «круглый стол»... 1994: 67, 69].

Еще в большей степени карасукское наследие сохранили две, возможно родственные, культуры: плиточных могил (VIII в. до н. э. — II в. н. э.), распространенной на огромной территории Центральной и Восточной Монголии (включая Гоби), Забайкалья и Прибайкалья, и тасмолинской (VII–III вв. до н. э., а возможно — и до рубежа н. э., если включать в нее коргантасские памятники) в Центральном Казахстане[3].

Карасукские традиции продолжали и знаменитые «оленные камни»[4]. Появившись в карасукскую эпоху, возможно, на юго-востоке Центральной Азии [Международная конференция... 1996: 3, 4], они уже в XII (XIII?) в. до н. э. сооружаются в Западной Монголии, в Туве и на Алтае, а также, видимо, и в Восточной Монголии и Забайкалье (отметим однако, что в датировке этих памятников, особенно ранней, среди специалистов нет полного согласия). С началом «скифо-сибирской» эпохи, в VIII в. до н. э., эти памятники приобретают новые черты, начинают распространяться в западном направлении и, еще раз сменив свой тип, примерно к середине VII в. до н. э. охватывают огромную территорию евразийских степей и прилегающей к ним полосы — от Волго-Камья до Северного Кавказа и вплоть до Западного Причерноморья, древней Фракии, на западе [Новгородова 1989: 174, 185, 191, 198, 199, 201, 320, 345; Степная полоса... 1992: 165, 166, 194, 195].

Особенно полную аналогию «Северному циклу» представляет искусство «звериного стиля», породившее столько споров в науке[5]. Зародилось оно на юго-востоке Центральной Азии в карасукское время [Савинов 1998: 132–136]. Оказывало влияние на иньское и раннечжоуское искусство. С началом «скифо-сибирской» эпохи, в VIII в. до н. э., оно приняло свои классические формы, в пределах которых один, ранний тип (Аржан) сменился другим, более поздним (Майэмир-Келермес), который и стал распространяться на запад, в середине VII в. до н. э. был воспринят скифами и киммерийцами и уже благодаря им обогащен греческими и переднеазиатскими элементами. Происхождение искусства «звериного стиля» — сложнейшая проблема, которой посвящена обширная научная литература. Я в данном случае придерживаюсь той трактовки этой проблемы, которая кажется мне наиболее убедительной и обоснованной фактами, и излагаю ее в той мере, какая необходима в контексте рассматриваемой здесь темы.

---

[1] О «скифо-сибирском мире» в целом см., например: [Скифо-Сибирский мир... 1987].

[2] О формировании скифских культур востока Евразии см.: [Кызласов 1977: 71–77].

[3] О карасукском наследии в этих культурах см.: [Степная полоса... 1992: 249; Мошкова 1994: 93, 94].

[4] Об «оленных камнях» см.: [Членова 1984; Савинов 1994]. О семантике «оленных камней» см.: [Аджигалиев 1994: 135–140].

[5] О «зверином стиле» см.: [Скифо-Сибирский звериный стиль... 1976; Переводчикова 1994].

Приведенными примерами не исчерпываются свидетельства о поразительно широком и интенсивном взаимодействии культур в евразийской полосе степей рассматриваемого времени, когда те или иные феномены духовной и материальной культуры, зародившись в одном месте великого степного пояса — в данном случае чаще у его юго-восточной оконечности — затем относительно быстро распространяются на всем его протяжении, иногда захватывая и цивилизации, находящиеся у противоположных концов этого пояса. **Что стоит за этим удивительным явлением?** Ясно, что в большинстве случаев его не объяснить одними культурными влияниями или торговым обменом. Поэтому на первых порах его стали прямо соотносить с передвижениями степных народов. Так, появление в Северном Причерноморье центральноазиатских элементов материальной культуры объясняли приходом сюда скифов — будто бы «из глубин Азии» [Тереножкин 1976: 210, 211; ср.: он же 1970: 300].

Однако вскоре выяснилось, что полного соответствия комплекса этих элементов реальным историческим скифам никак не получается: комплекс этот явно был свойствен не одним только скифам, и наоборот, скифы отнюдь не всегда были носителями данного комплекса. Поэтому большинство отечественных археологов придерживается ныне того мнения, что все указанные новообразования в культуре евразийского степного пояса, «скифская триада» вообще, «звериный стиль» в частности и т. д., обязаны определенному этапу в развитии кочевого общества, когда, в частности, такому обществу потребовалась особая социальная маркировка для представителей кочевой элиты; при этом считают, что новые элементы или вообще независимо вызревали в разных культурах «скифо-сибирского мира» [Грязнов 1970а: 57–60], или формировались все же под влиянием какой-то общей культурной и этнической основы (под последней обычно имеются в виду древнейшие индоиранские племена) [Степная полоса… 1992: 44; Мошкова 1994: 90–94] и даже внешних культурных заимствований — то ли из Центральной (так большинство), то ли из Передней Азии (обоснование последней точки зрения см.: [Погребова, Раевский 1992: 159–163]).

Разумеется, судьбу культурных явлений, фольклорных сюжетов и стилей искусства, типов оружия и конского снаряжения нельзя прямо проектировать на этническую историю. Нельзя по признаку присутствия или отсутствия элементов «скифской триады» определить, например, принадлежит ли данный памятник скифам или киммерийцам. Между прочим, археологи отсюда часто делают вывод, что скифы и киммерийцы археологически неразличимы, и что вообще археология дает мало выразительного материала для этнической истории степей раннего железного века. Мне кажется, что археологи в пылу полемики по поводу происхождения отдельных элементов «скифской триады», «звериного стиля» и т. п. просто забыли, что основной археологический признак этноса (особенно когда речь идет о кочевниках) — погребальный обряд. И если бы археологи для выводов в области этнической истории данной эпохи положили в основу именно этот признак, то представшая перед нами картина смены одних племен другими в степной зоне Евразии для эпохи раннего железа оказалась бы не менее яркой и отчетливой, чем для предшествующих и последующих эпох[1].

[1] О скифах и киммерийцах в археологическом плане см.: [Пьянков 2010: 76–85].

Но и объяснения со ссылкой на новый общий для степных племен этап развития не убеждают. В таких объяснениях заметна типичная для отечественной науки советского времени тенденция истолковывать любые существенные изменения, происходящие в обществе и в сфере культуры, как результат закономерностей «стадиального» развития.

При этом типологические, действительно стадиальные, изменения постоянно смешивались с конкретно-историческими. Так и в данном случае. Непонятно, зачем кочевникам на новом этапе истории надо было менять типы оружия и конского снаряжения, отказываться от явно традиционной для древнейших индоиранцев аниконичности в искусстве и т. д. Та же принципиальная аниконичность свойственна отдельным народам и конфессиям совершенно независимо от стадий развития и является несомненно индивидуальным, конкретно-историческим феноменом. Трудно представить, чтобы кочевая знать, отличавшаяся ревностной приверженностью к обычаям предков и враждебностью к чуждым культурным влияниям (пример из истории скифов: Her., IV, 76–80), почему-то пошла бы на тотальную и внезапную смену традиций.

Очевидно, такая смена и объясняться должна какими-то конкретно-историческими событиями большой значимости. И в данном случае ее трудно было бы объяснить чем-либо иным, кроме как крупным передвижением племен в зоне евразийских степей. Все отмеченные факты наводят на мысль о каких-то мощных импульсах, обусловивших довольно быстрое распространение племен из глубин Центральной Азии, из сопредельных с китайцами степей, практически по всему степному поясу, может быть, несколькими волнами, на протяжении XII–VII вв. до н. э. (причем подобные нашествия могли иметь место также и в более ранние времена).

Таким образом, похоже, что в данном случае стимулом послужили все-таки события этнической истории, **передвижения племен**. Не следует лишь жестко соотносить новые элементы культуры с тем или иным степным этносом в целом. Инициаторами передвижений были, видимо, большей частью не народы, а сравнительно небольшие группы, быстро растворявшиеся среди местного населения, хотя сфера их воздействия была намного шире территории и времени их физического присутствия. Всего таких волн в пределах указанного времени прослеживается три: одна из них увязывается еще с карасукской эпохой (XII–X вв. до н. э.), две другие — со «скифо-сибирской» (VIII и VII вв. до н. э., первая из этих двух волн датируется иногда и X–VIII вв. до н. э.) [Мошкова 1994: 91; Мурзин 1990: 25–27][1]. Что касается этнической природы упомянутых племенных волн, то обычно их считают, соответственно, некими древними индоиранскими, «протоскифскими» и, наконец, собственно скифскими.

Эпицентр распространения кочевнических волн по степному поясу, как уже отмечалось, должен был находиться где-то у юго-восточного края этого пояса,

[1] Подобные мысли о том, что представляли собой племенные группы переносчиков восточных, центральноазиатских элементов культуры на огромные расстояния евразийских степей, высказывали и другие исследователи, например: Л. С. Васильев [Васильев 1976: 320] — о карасукской эпохе; В. Г. Петренко [Международный «круглый стол»… 1994: 68] — о скифском времени.

по соседству с коренными китайскими землями. Что же говорят нам об этом регионе письменные источники?[1]

Из китайских источников выясняется, что указанные кочевнические волны, фиксируемые археологическими источниками, удивительно точно совпадают с периодами активизации и широкого расселения племен жун и ди.

Мы узнаём, что как раз к началу XII в. до н. э. имеет место активизация степных племен этого региона, именуемых в поздних китайских источниках собирательным названием «жун-ди» (хотя начало сношений с ними китайская традиция относит к незапамятным временам мифических первых владык Китая): чжоусцы отступают под их натиском, иньцы совершают походы на эти же племена, называя их в своих надписях, современных событиям, племенами «цян». Выступают в это время и отдельные конкретные племена, и прежде всего уже упомянутое могущественное племя цюань-жунов, бывшее союзником иньцев и врагом первых чжоуских ванов. Самый значительный поход против них совершил Му-ван (первая половина X в. до н. э.). Однако после этого «степные повинности», т. е. контакты китайцев со степняками, прекратились.

Новый подъем активности степных соседей Китая начинается с конца IX в. до н. э. Вновь на Китай с запада, в основном из Ганьсу, наступают жуны, и в том числе опять-таки цюань-жуны; напор их был так силен, что чжоуские ваны вынуждены были перенести свою столицу на восток (771 г. до н. э.), и жуны расселились во многих центральных областях Китая. Основная тяжесть борьбы с жунами выпала на долю самого западного из китайских княжеств, княжества Цинь, и его гуны с конца VII в. до н. э. постепенно вытесняют жунов из занятых ими земель.

Несколько позже жунов, с середины VII в. до н. э., с севера, из Ордоса, на Китай наступают степные племена ди. Они вмешиваются в распри чжоуских ванов, становясь фактическими хозяевами их восточной столицы, и тоже расселяются на Китайской равнине, разделившись на две части: красных ди и белых ди. Здесь с ними боролись гуны самого северного из китайских княжеств, княжества Цзинь, и в результате племена ди, потерпев ряд поражений, были замирены в VI в. до н. э. и постепенно стали оседать, ассимилируясь с китайцами.

Скорее всего, именно тогда, в VII–VI вв. до н. э. или несколько ранее, происходит распространение красных ди (они же дили) по степному поясу, где они стали известны как динлины[2]. Позднее, со II в. до н. э., китайские источники знают их в основном в центральной, вплоть до Хангая на западе, и восточной частях Внешней Монголии, включая Забайкалье, а кроме того, и в Западной Монголии и верховьях Енисея, где они жили смешанно с древними кыргызами; отдельная группа их обитала на западе, в Центральном и Северо-Восточном Казахстане, к северу и северо-востоку от древнего Канга[3].

---

[1] О взаимоотношениях китайцев с кочевыми соседями в интересующее нас время см.: [Průšek 1971; Крюков, Софронов, Чебоксаров 1978: 176–183]. Соответствующие указания источников см.: [Сыма Цянь т. I, 1972; т. II, 1975].

[2] Следует заметить, что это событие — уход красных ди из Ордоса на север, за пустыню Гоби, датируется исследователями очень по-разному: от карасукского времени до IV в. н. э.

[3] Сводку свидетельств источников о местообитании динлинов см.: [Лев Николаевич Гумилев… 2002:

Эти факты позволяют думать, что экспансия жунов и ди распространялась не только на их восточных соседей, китайцев, но и в западном направлении. К сожалению, место и время связанных с этим направлением событий, удаленных от западных центров цивилизации, а отчасти и быстротечность их, были причиной того, что в западных письменных источниках сохранились лишь намеки на них или неясные воспоминания в виде легенд. Это легенды о двух полумифических народах: аримаспах и амазонках.

«Аримаспы» — скифское название аристеевых «одноглазых» (Her., IV, 27)[1]. Дж. Болтон, который собрал и проанализировал сведения аристеевой традиции об этом народе [Bolton 1962: 74–102, 114–118], показал, что в основе этих сведений лежат известия о вполне реальном народе. Так, впрочем, считало и большинство исследователей до него. Демонические черты, присвоенные этому народу фольклором соседей, страдавших от его набегов, вполне понятны и находят множество фольклорных аналогий. Связь аримаспов с грифами и «золотом грифов» в аристеевском цикле сказаний позволяет локализовать аримаспов в долине Верхнего Иртыша, у озера Зайсан и далее на юг, до озера Алакуль [Bolton 1962: 118], а указания на соседство этого народа с Рипейскими горами и «Земным запором» снабжают нас и дополнительными ориентирами: Алтай и вся цепь хребтов с Джунгарскими воротами, отделяющих казахстанские степи от Центральной Азии [Bolton 1962: 94–96, 115]. Примерно так же, от Алтая, Тяньшаня, Прибалхашья и до Монголии, локализовали аримаспов В. Томашек [Tomaschek 1888: 759, 777] и Э. Д. Филлипс [Phillips Vol. XX, 1957: 161, 162, 173, 174]. В Центральном и Северо-Восточном Казахстане вплоть до Алтая обычно помещают аримаспов с грифами и археологи [Черников 1960: 117; Руденко 1960: 175–176] (см. также: [Членова 1983: 21–36]). С другой же стороны аримаспы граничат с гипербореями, под которыми, как уже говорилось, имелись в виду в данном случае китайцы. Все это позволяет предполагать, что в предании об аримаспах отразились известия о передовых группах жунов, вышедших на западе в поле зрения западных источников[2]. Западные же пределы известного китайцам мира в рассматриваемое время не достигали этих земель, на крайнем западе китайским источникам тогда было известно лишь жунское государство Куньу (в области Хами), современное первым правителям Чжоу (рубеж II–I тыс.

201, 202]. Соответствующие указания источников см.: [Бичурин т. I, 1950; Кюнер 1961; Материалы по истории сюнну… вып. 1, 1968 — вып. 2, 1973]. *О локализации динлинов в отечественной науке см.:* [Лев Николаевич Гумилев… 2002: 201]. Локализация, предложенная О. Менчен-Хелфеном в его специальной работе о динлинах [Maenchen-Helfen 1939: 77–86], кажется мне совершенно неудовлетворительной: из всех указаний источников на местообитание динлинов он почему-то выбрал самый туманный, а остальные фактически проигнорировал.

[1] Существует много этимологий этого названия, но уже давно предложено толкование, подтверждающее объяснение Геродотом слова «аримаспы» как скифского эквивалента для слова «одноглазые», см.: [Marquart 1905: 90–93].

[2] В. Томашек отождествлял аримаспов с хуннами [Tomaschek 1888: 757–759]. Но правильнее считать аримаспов предшественниками хуннов [Kothe 1963: 13]. А этими предшественниками и были жуны. Но В. Томашек оказался прав в том смысле, что уже тогда активную роль играли прямые предки хуннов, племена хьянъюн. Об археологии ранних хуннов см.: [Международная конференция… 1996: 60, 62].

до н. э.) [Малявкин 1981: 161]. Но от оазиса Хами ведут дороги и к Джунгарским воротам, и к верховьям Иртыша.

По этим дорогам и продвигались «конные рати» аримаспов (Aesch., Prom. vinct., 804, 805) — жунов, наводя ужас на западных соседей, у которых прослыли «многочисленными и весьма храбрыми воинами», «самыми могучими из всех мужей» (Aristeas, fr. 3, fr. 4, Kinkel). Своими «постоянными набегами» именно они и вызвали цепную реакцию переселений степных народов, начиная с исседонов (Aristeas, fr. 5, Kinkel). Та же молва наделила их чертами демонов: «одноглазием» и «косматостью». Однако эти сказочные черты содержат и зерна реальности. Об «одноглазии» аримаспов я еще буду говорить, что же касается их описания как существ с «косматыми волосами (шерстью)» (Aristeas, fr. 4, Kinkel), то оно перекликается со стандартной характеристикой западных жунов в китайских источниках: «ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры» [Народы… 1965: 136; Крюков 1970: 39]. В остальном аримаспы выглядят как вполне реальный скотоводческий народ, «богатый конями, множеством овец и быков» (Aristeas, fr. 3, Kinkel). Соответственно и жуны характеризуются в китайских источниках как степные скотоводы («по грудь в траве»), искусные наездники и стрелки, обладающие разномастными скакунами и стадами овец, пренебрегающие земледелием и оседлой жизнью [Юань Кэ 1987: 337, 206; Сыма Цянь т. I, 1972: 181,182; т. II, 1975: 147, 405; Материалы по истории кочевых народов… 1992: 287; Кюнер 1961: 206, 308 и др.].

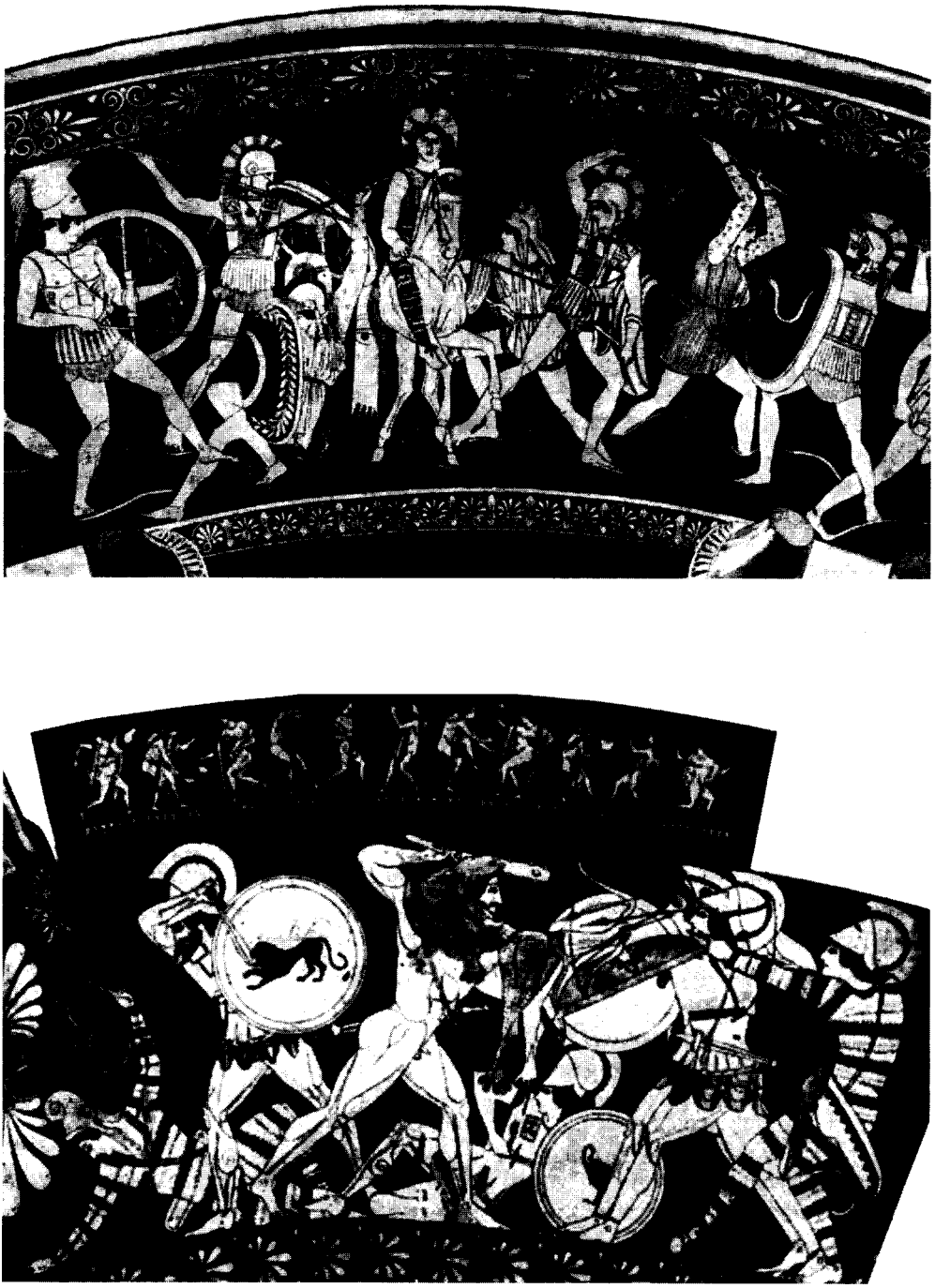
Вместе с тем, китайцам был известен и мифологический образ «одноглазых» людей, очень похожих на античных волосатых аримаспов, борющихся с грифами. Разница лишь в том, что свирепые животные — аналоги античных грифов, жившие рядом с китайскими «одноглазыми», были крылатыми тиграми, а не крылатыми львами (как грифы), но они так же бросались на людей, прикрывавшихся от них длинными волосами [Юань Кэ 1987: 68, 202, 279, 280, 335].

Скифские амазонки — другой полумифический народ, сведения о котором связаны с продвижением на запад центральноазиатских племенных групп. Сведения эти собрал и проанализировал Б. Н. Граков, показав, что в основе их могут лежать воспоминания о действительных событиях: движении кочевников в причерноморских степях с востока на запад, к Дунаю и далее, в период с рубежа II–I тыс. до н. э. и до VII в. до н. э. [Граков 1977: 103–109, 152, 153]. Эти кочевники ассоциировались в представлении греков с весьма популярным среди них сказочным образом амазонок, несомненно, по причине особого положения женщин у кочевников, о которых идет речь. И хотя на последних были перенесены многие сказочные черты амазонок, а рассказы о их походах иногда дублируют рассказы о походах скифов и киммерийцев, все же не заметить реальное историческое ядро в сообщениях о скифских «амазонках» невозможно. Вполне реалистично описывает Геродот внезапное появление амазонок среди скифов у Кремн на побережье Меотиды (Азовского моря) — племени, чуждого скифам по всему своему облику и обычаям, и последующее формирование народа савроматов из смешения скифов и амазонок где-то к северо-востоку от Меотиды и Танаиса (Дона) (Her., IV, 110–117). Судя по тому, что скифы здесь обитают уже

в Северном Причерноморье, события эти имели место после набегов аримаспов, приведших в конечном счете к переселению скифов в причерноморские степи. Аристей же, по-видимому, сам застал этих скифских «амазонок» в Колхиде, на реке Фасис (Рион), когда возвращался от исседонов на родину через один из кавказских перевалов у истоков реки Буйной (Кубань) (Aesch., Prom.vinct., 717–728, 416, 417; fr. 155, Radt) [Пьянков 1978а: 186] — по этому проходу «амазонки», скорее всего, и проникли из предкавказских степей на юг; в то же время, Аристей знал об амазонках и на Истре (Дунай) (Aesch., fr. 155, Radt), и за этой рекой, у Салмидесской бухты на черноморском побережье Фракии (Aesch., Prom. vinct., 725–727).

Сражение амазонок с греками. Изображения на греческих вазах
(по: [Ельницкий 1961: 107, 121, 127, 137])

Время Аристея и наступления «амазонок» — VII в. до н. э. На другом конце степного пояса, по соседству с китайцами, — это, как мы знаем, время активизации племен ди. Можно ли обнаружить «амазонские» черты у этих племен? В китайских мифах фигурируют «храбрые охотницы-прорицательницы», упоминаются горы и реки дев — «охотниц-прорицательниц» — все они локализуются в провинции Шаньси по течению реки Фэнь [Каталог... 1977: 58, 61, 63, 64, 108, 161, 165]. Но именно в этих местах и оседали больше всего красные ди [Фань Вэнь-лань 1958: 137, 138].

Теперь можно **сопоставить оба ряда свидетельств — археологических и письменных**. И те и другие говорят о трех волнах кочевнической экспансии из одного эпицентра — крайней юго-восточной части Центральной Азии, включающей Ордос, Ганьсу, верховья Хуанхэ и Янцзыцзяна, в пределах рассматриваемого времени, XII–VII вв. до н. э. Первая волна: первая активизация племен жун и карасукская экспансия, с XII (XIII?) в. до н. э. Вторая волна: вторая активизация племен жун, выступление племен хьянъюн и первая «скифо-сибирская» инвазия, VIII (и IX?) вв. до н. э. Третья волна: расселение племен ди и вторая «скифо-сибирская» инвазия, VII (и VIII?) вв. до н. э. Эти соответствия позволяют следующим образом реконструировать гипотетический ход событий в евразийских степях за указанный промежуток времени.

Племена жун, активно взаимодействовавшие с последними иньскими и первыми чжоускими ванами в конце II — начале I тыс. до н. э., на западе были инициаторами *первой кочевнической волны*. Очевидно, их и следует считать носителями карасукской культуры и карасукских элементов в дандыбай-бегазинской культуре и тагискенском ее варианте.

Следы первой волны в письменных источниках можно найти лишь в китайских летописях. Как мы видели, по их сведениям у китайцев в XII–X вв. до н. э. были сложные отношения с жунами — кочевыми соседями с запада и севера. С государством Шан у них преобладали союзнические отношения, и они даже помогали своему соседу в его борьбе с чжоусцами, а с пришедшим ему на смену государством Чжоу — враждебные.

Эта ситуация отразилась и в археологии: в XIII–XII вв. до н. э. культуры ордосских бронз процветают, а в течение XI в. до н. э. постепенно исчезают в Ордосе. В результате исхода из Ордоса носителей этих культур, очевидно, и складывается карасукская культура, начало которой относят к XII–XI вв. до н. э.

В качестве примеров интенсивной экспансии карасукской культуры выше были приведены факты чрезвычайно широкого распространения и в восточном, и в западном направлениях карасукских бронз (главным образом оружия) и изделий из нефрита (белонефритовых колец). Есть ли возможность связать эти изделия с жунами? Известно, что когда Му-ван воевал с цюань-жунами, жуны Куньу (Хами) поднесли ему «красный меч» [Бичурин т. III, 1953: 57]. Надо думать, что когда жуны были союзниками иньских ванов в борьбе их с чжоусцами, таких даров в Китай периода Шан-Инь поступало много. Отсюда — бронзовое оружие карасукских форм в Китае этого времени. Сообщается также, что западные жуны делали приношения из белых колец в Китай с древнейших времен до эпохи Чжоу [Кюнер 1961: 227]. Следует отметить, что «дань», которую приносили жуны

в эпоху Шан-Инь, относилась к числу произведений их собственной страны [Думан 1970: 18, 26, 29, 30, 32]. На связь карасукских памятников с жунами указывает еще и такой любопытный факт: на петроглифах Тувы этого времени встречаются изображения шаманов в масках с рогатыми уборами[Грач 1980: 91], — а в китайских мифах жуны имеют головы с тремя рогами [Каталог… 1977: 107].

Археологическая идентификация племен жун дает возможность реконструировать дальнейший ход событий в евразийских степях, а именно, событий *второй кочевнической волны*. В конце IX — начале VIII вв. до н. э. среди жунов, оставшихся в степях к западу и северу от коренного Китая, вновь начинается брожение, возможно, под влиянием каких-то климатических изменений (ср.: [Таиров 2003: 170–172]). Разные племена жунов все больше напирают на Китай, расселяются на Китайской равнине, так что чжоуские ваны в конце концов вынуждены перенести свою столицу на восток, в город Лои (771 г. до н. э.). Видимо, ведущую роль среди жунов в это время играли хьянъюны (Xianyun) — предки хуннов[1]. Еще в эпоху ордосских бронз предки хуннов, именовавшиеся тогда племенем гуйфан, обитали в Ордосе вместе с жунами, а после ухода жунов заняли их место, расселяясь в Шаньси (Тайюань), а может быть и далее, вплоть до Южной Маньчжурии.

Расселяясь также и на запад и увлекая за собой племена жунов, хьянъюны, видимо, оказались создателями нового мощного союза племен. В Центральном Казахстане эти новые племена создали на основе карасукской культуры новую культуру — дандыбай-бегазинскую. Предшествовавшую ей саргаринскую культуру дандыбай-бегазинская частично поглотила, но западнее, на Южном Урале, саргаринская (замараевская) культура, видимо, продолжала существовать самостоятельно, сменив здесь андроновскую позднеалакульскую. Возможно, что с этим движением связана первая «скифо-сибирская» инвазия на запад — распространение памятников черногоровского круга в степях Поволжья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

О соответствующих этим процессам исторических событиях как о недавних и рассказал Аристей Проконнесский в своей поэме. Этот греческий поклонник Аполлона, как уже говорилось, совершил далекое путешествие в степи исседонов (Исеть, Тобол) во второй половине VII в. до н. э. По его рассказам, только гипербореи (так он называл китайцев), жившие на краю земли, у «другого моря», были мирным оседлым народом. Но их соседи аримаспы, «самые могучие из всех мужей», явились инициаторами передвижения народов. В них нетрудно узнать жунов во главе с хьянъюнами, создателей дандыбай-бегазинской культуры. В таком случае исседонами данной эпохи будут саргаринцы, а древнейшими скифами — носители местного варианта андроновской алакульской культуры. В это время, по-видимому, скифы и были сначала сдвинуты на запад с исконных мест своего обитания, — а таковыми были, судя по рассказу Аристея, степи Южного Урала и Зауралья, — их восточными соседями исседонами, а затем окончательно вытеснены за реку Аракс (Волгу) массагетами.

[1] О соотношении хьянъюнов и жунов в китайских источниках, повествующих о событиях интересующего нас времени, см.: [Alemany 1999: 45–55].

Характерной чертой дандыбаевско-саргаринской культуры были мавзолеи [Таиров 2003: 164, 165], образцом которых может служить мавзолей Тагискена в древних низовьях Сырдарьи. По-видимому, и эта черта нашла отражение в письменных источниках. В древнейшем цикле сказаний иранской «Книги царей» повествуется о войне арийского кави Хаусравы с предводителем туров Франграсьяном (Афрасиабом). Событие это датируется первой половиной VIII в. до н. э. [История таджикского народа... 1998: 243, 244; Пьянков 2001: 337, 338]. Особенно воспевается взятие арьями замка Хшатросаука в турской стране Кангха (т. е. в низовьях Сырдарьи). Возможно, что этим замком и является Тагискенский мавзолей. Это позволяет считать название «туры» иранским обозначением тех же дандыбаевцев-жунов[1].

Первым признаком вызревания новой, *третьей волны кочевнической экспансии*, надо считать, видимо, появление предметов искусства «звериного стиля» как престижных вещей кочевой элиты. Сейчас еще трудно сказать, с какими событиями связано их появление. Но ясно, что события эти имели место в глубине евразийских степей, опять на крайнем их юго-востоке. А связанное с ними искусство «звериного стиля» явилось продолжением искусства ордосских бронз. Видимо, самые ранние из известных пока памятников «скифо-сибирского» искусства «звериного стиля» (VIII в. до н. э.) обнаружены в погребениях горных жунов к северо-востоку от излучины Хуанхэ (Ковалев 1998: 122–131). Но в основном изготовление памятников этого искусства теперь связано с племенами ди. Племена белых ди там же, к востоку от излучины Хуанхэ (провинция Хэбэй) имели собственное развитое производство предметов искусства [История Востока... 1997: 211]. Произведения искусства, выполненные в «зверином стиле», зафиксированы в областях от излучины Хуанхэ до верховьев Янцзыцзяна [Деопик 1979: 62–67; Крюков, Софронов, Чебоксаров 1978: 183, 184], т. е. как раз в местах расселения племен ди. Отсюда вместе с дисцами это искусство и распространялось по Евразийской степи на запад, хотя, по-видимому, всегда оставалось элитным искусством знати. Это движение явилось второй «скифо-сибирской» инвазией, которая привела, наконец, к сложению «скифской» культуры в Причерноморье с полным набором «скифской триады» (хотя скифы здесь присутствовали, несомненно, и ранее).

Но до коренного Китая дисцы доходят позже. В середине VII в. до н. э. Китай на севере сталкивается с новым степным народом — племенами ди. Эти племена активно вмешиваются в китайские дела, фактически овладевают новой столицей Китая, городом Лои, и, как и жуны, расселяются по Китайской равнине. С середины VII и до начала VI вв. до н. э. они активно взаимодействуют с гунами китайских княжеств. Их памятники, поздние ордосские бронзы и могильники, широко представлены в Ордосе, в Шаньси и Хэбее. Предки хуннов оттеснены и временно сходят со сцены.

Движение племен ди (красных ди) на север началось раньше, в VIII в. до н. э. Ярким свидетельством появления здесь новых племен является курган Аржан в Туве со сложившейся культурой «скифской триады» (VIII в. до н. э.).

---

[1] Сводку сведений о племенах тура см.: [Ажигали 2001: 11, 12].

На новых местах дисцы стали известны под именем динлинов. Китайские источники помещают динлинов в двух местах: 1) в Центральной и Восточной Монголии (Пьянков 2002: 199–203), 2) в Центральном Казахстане (Пьянков 2006а: 13–18). Археологически первым динлинам будет соответствовать культура плиточных могил, вторым — тасмолинская культура. Правда, последний тезис может встретить некоторые хронологические затруднения, но если считать недавно открытые коргантасские памятники прямым продолжением тасмолинских в условиях хуннского господства, то эти затруднения исчезнут[1]. Замечу, что такая реконструкция предполагает близкое родство между культурой плиточных могил и тасмолинской культурой, которое как будто не подтверждается археологически.

Но будущие исследования могут внести ясность в этот вопрос.

Переселение племен ди на север и сложение народа динлин во Внешней Монголии в VII или VIII вв. до н. э. точно совпадают и по территории и по времени с формированием культуры плиточных могил [Лев Николаевич Гумилев… 2002: 202].

Продвижение племен ди на запад и сложение западной их группы в Центральном Казахстане в VII в. до н.э. привело, видимо, к формированию тасмолинской культуры[2]. Это событие и явилось причиной вытеснения дандыбай-бегазинцев из Центрального Казахстана; во всяком случае, здесь их сменяют тасмолинцы. Вытесненные племена устремляются на юг, в степи Приаралья, Семиречья и Тяньшаня, где складываются культуры исторических массагетов и саков.

Если ведущей силой жунского союза племен, археологическим отражением которого являлась дандыбай-бегазинская культура, были, как говорилось выше, хьянъюны, то, очевидно, их имя в те или иные моменты могло прилагаться и к массагетам и сакам как их наследникам. Действительно, в конце VII в. до н. э. враги авестийского кави Виштаспы (Гоштаспа) в Приаралье именовались как «хьяона» (Hyaona, Hyaonina), и к ним же прилагалось прозвище «остроша-почные»[3] — так в более поздних источниках назывались именно массагеты. В конце III в. до н. э. загадочный народ, обитавший, видимо, где-то к западу от Алтая, именовался древним названием хуннов «хуньюй» и входил в состав хуннской державы. Возможно, что поздние хунны так называли саков.

---

[1] Археологическая сторона этой реконструкции в отношении тасмолинской культуры полностью соответствует выводам А. Д. Таирова, со статьей которого я познакомился благодаря любезности А. З. Бейсенова, уже после написания данной работы. Соответствует указанным выводам и хронологически, и географически: волна кочевников, как считает этот исследователь, направлялась в конце VIII — начале VII вв. до н. э. из Северного Китая (Ордоса?) и Монголии через Джунгарию в Восточный и Центральный Казахстан, и ее результатом явилось формирование не только тасмолинской культуры в Центральном Казахстане, но и близкой ей культурной общности в Джунгарии и Восточном Казахстане (Таиров, 2003, с. 161–168). Заметим кстати, что эта последняя общность могла бы служить соединительным звеном между двумя указанными анклавами динлинов.

[2] Богатейшие курганы этой культуры VII в. до н. э. (с погребением очередного «золотого человека») были недавно раскопаны и изучены казахским археологом А. З. Бейсеновым; см.: интервью А. З. Бейсенова в журнале «Элемент», декабрь 2010.

[3] Амбарцумян 2006: 35–72. Как показал этот исследователь, имя «Хьяона» в Авесте — подлинное, а не интерполированное в древний текст, как считали ранее.

Расселение племен ди на запад в середине VII в. до н. э. в эпоху третьей кочевнической волны должно быть связано, как мы видели, с экспансией легендарных амазонок — «храбрых охотниц-прорицательниц» китайских источников. Действительно, «амазонки» появляются в Причерноморье, что приводит к сложению, видимо, в VI в. до н. э., нового народа — «гинекократических» («женоуправляемых») савроматов. Заметим, что предания о вытеснении скифов исседонами и массагетами как их непосредственными соседями в эпоху второй кочевнической волны подразумевают, что савроматов, позднее отделявших скифов и от исседонов, и от массагетов, тогда еще не существовало. Аристей, излагавший предания исседонов, был современником третьей волны и лишь самого начала событий, приведших к сложению народа савроматов.

Засвидетельствованы ли «амазонки» в степях археологически? По словам самих археологов связанные с амазонками «сведения письменных источников об особой роли женщин в савроматском обществе блестяще подтверждаются археологическими данными» [Степи... 1989: 169]. Погребения «амазонок» — вооруженных всадниц, сопровождаемых каменными жертвенниками и зеркалами, появляются сначала на востоке «скифо-сибирского» мира, в пределах тасмолинской культуры (VII–VI вв. до н. э.) [Степная полоса... 1992: 135] и на Алтае [Степная полоса... 1992: 165], затем на Южном Урале, в Зауралье и в Поволжье (VI–IV вв. до н. э.) и еще позже — в Северном Причерноморье [Степи... 1989: 169]. Такое погребение известно и на Северном Кавказе (Каменномостский могильник, VII в. до н. э.) [Виноградов 1966: 52] — вполне возможно, что оно принадлежало одной из тех кавказских амазонок, о которых говорил Аристей и которых, по-видимому, он сам встретил на одном из кавказских перевалов.

Каменные жертвенники-блюда и зеркала являются теми вещами «скифо-сибирского» круга периода второй инвазии, восточное, центральноазиатское, происхождение которых считается бесспорным [Погребова, Раевский 1992: 71; Мурзин 1990: 27]. Каменные жертвенники разных форм, иногда в виде плит, украшенных изображением бараньей головы, распространенные в основном в восточных областях «скифо-сибирского» мира, имели несомненно культовое предназначение и использовались для совершения разных обрядов [Степная полоса... 1992: 41, 80, 132, 133, 137, 290, 299, 300, 305, 309; Степи... 1989: 168], в том числе, возможно, и для гадания, например, для очень распространенного у многих народов гадания по печени овцы. Так что понятно, почему амазонки могли быть названы и «прорицательницами». Не случайно в китайских мифах помещены куда-то недалеко от Страны женщин две шаманки, одна из которых держит в руках доску для рубки жертвенного мяса [Юань Кэ 1987: 208, 337].

В качестве примеров дальнейшей экспансии отдельных элементов центральноазиатской степной культуры, уходящих корнями тоже в карасукскую эпоху, но проявивших себя на западе в более позднее время, выше были приведены факты широкого распространения «оленных камней» и «звериного стиля» в изобразительном искусстве. Есть ли возможность связать истоки и этих явлений с пле-

менами жун, ди и другими племенами того же круга? Утвердительно ответить на данный вопрос позволяет то обстоятельство, что наиболее вероятным местом возникновения и формирования указанных культурных феноменов является юго-восток Центральной Азии — исконная область обитания названных племен, а все три волны кочевнических передвижений в западном направлении, каждая из которых дает новые формы этих феноменов и продвигает их дальше на запад, инициированы теми же племенами.

Весьма красноречивым в этом отношении фактом является полное совпадение территории расселения племен ди, представших на западе в качестве «амазонок» (третья волна кочевников, VII в. до н. э.) с территорией распространения «оленных камней» (третий тип, VII–VI вв. до н. э.): от Восточной Монголии через Центральный Казахстан, Северный Кавказ и Северное Причерноморье до стран за Дунаем — Добруджи и Болгарии [Членова 1984: 30–55; Новгородова 1989: 174, 185, 199, 201; Степная полоса... 1992: 194, 195].

То же самое можно сказать и о «зверином стиле». Корни искусства "звериного стиля" уходят далеко на восток. У людей, среди которых зародилось и процветало это искусство, должна была существовать определенная мировоззренческая, идеологическая, база для него. В этом отношении многое, может быть, значит тот факт, что одними из самых древних и популярных образов искусства «звериного стиля» (в том числе и «оленных камней») являются олень, волк (или собака) и какое-то фантастическое существо — свернувшийся в кольцо хищник. Все эти животные имели большое значение в мифологии жунов. Предком их считался Паньху (Паньгу) — творец мира, представлявшийся в образе то собаки, то дракона со змеевидным туловищем; согласно другому сказанию, предками жунов были две белые собаки [Каталог... 1977: 125; Юань Кэ 1987: 31–35, 206, 337]. Предком дисцев тоже признавали дракона [Каталог... 1977: 128, 211]. Муван, совершив поход против цюань-жунов, получил от них в дар четырех белых волков и четырех белых оленей [Сыма Цянь т. I, 1972: 195]. И жуны, и дисцы славились своими собаками и поставляли крупных псов двору Чжоу [Думан 1970: 27; Кюнер 1961: 103].

Кем же были эти племена жун и ди, привнесшие юго-восточный центральноазиатский компонент в культуры карасукского круга и «скифо-сибирского» мира, **какова их этническая природа**? Отметим прежде всего, что этнонимы «жун» и «ди» в рассматриваемое время имели конкретное этническое содержание, хотя и достаточно широкое [Крюков 1970: 41–43], и лишь много позже стали иногда употребляться в источниках в условном собирательном смысле. В современной науке жунов и дисцев принято относить к большой сино-тибетской семье народов [Prušek 1971: 222; Народы... 1965: 71, 72, 503], часто тех и других прямо называют тибетцами [Малявкин 1981: 137, 139]. Жунов всегда считали тибетцами, поскольку в источниках их имя фактически выступает как синоним имени «цян» [Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 75] — названия прототибетских племен. Дисцы же, по-видимому, были группой близкородственных им племен: тех и других (дисцев и цянов) считали происходящими от одного предка [Каталог 1977: 128, 211]. В то же время, динлины, т. е. народ, происходящий от красных ди, почти всеми исследователями признается «ени-

сейским» (в этническом смысле) [Очерки... 1958: 450, 453; История Сибири...1968: 296, 297; Этногенез... 1980: 69; Малявкин 1981: 84][1]. «Енисейской» по своему этническому содержанию считается и карасукская культура [Этногенез... 1980: 126–129, 133; Членова 1967: 222]; вместе с тем предложено считать ее носителями племена цян, т. е. прототибетцев [Prušek 1971: 81–87]. Все это хорошо согласуется между собой, так как родство «енисейцев» с тибетцами было установлено еще в XIX в. М. Кастреном и затем подтверждалось многими авторитетными учеными, вплоть до А. П. Дульзона [Этногенез... 1980: 119, 120]. Добавим еще, что особая сакральная роль белых оленей и белых собак объединяет «енисейцев» (кетов) [Этногенез... 1980: 136, 137] с одной стороны, жунов и дисцев (в частности, и как народ, в среде которого зародилось искусство «звериного стиля») — с другой. В эпоху второй кочевнической волны этнический состав степного населения осложняется еще тем, что в него вносят свой вклад древнейшие хунны — племя хьянъюн. А хунны — это уже тюрки. Но в чем заключался этот вклад — определить пока еще трудно.

Итак, большие группы кочевых прототибетских племен (сначала племен жун, затем племен ди[2]), окружавших с севера и запада китайскую равнину, а несколько позже — древнейшее тюркское племя хьянъюн — послужили эпицентром кочевнических волн, которые, захлестнув север Центральной Азии, докатились на западе до крайних западных пределов евразийского степного пояса. В рамках рассматриваемого времени, с XII по VII вв. до н. э., таких волн было, по крайней мере, три, но они не были ни первыми, ни последними (последняя волна кочевников этого круга связана с передвижениями поздних хуннов, в которых прототибетско-«енисейские» племена выступали уже в качестве сопутствующего компонента). Передвижения кочевников были, видимо, стремительными и в большинстве случаев не оставляли после себя заметных следов. Но иногда кочевники оседали и образовывали этнические островки среди местного населения, порой очень удаленные от исходной их территории. Зоной наиболее многочисленных и устойчивых анклавов этих племен оказалась Южная Сибирь, где еще в XVII–XVIII вв. значительную часть населения составляли «енисееязычные» народцы, из числа которых кеты, или «енисейские остяки», и доныне сохранили свой древний язык и древний антропологический тип, сближающие их с тибетцами и другими народами Восточной Азии [Кетский сборник... 1982: 14, 42, 48, 49, 51, 68, 69]. В других случаях от подобных анклавов остаются лингвистические следы в виде реликтовой топонимики и соматические — в виде палеоантропологического материала. Знаменательно, что следы эти обнаруживаются именно там, где мы встречаемся и с карасукской керамикой, с карасукскими бронзами и нефритовыми кольцами, с «оленными камнями» и произведениями искусства «звериного стиля».

---

[1] Само название «динлин» (Ting-ling) содержит в качестве своего первого элемента, видимо, прототип современного кетского слова «денг» — «народ, люди».

[2] Возможно, что само название «ди» (Ti, т. е. Ting, где -ng — суффикс множественного числа) — поздний фонетический вариант более древней формы — «жун» (Žung); ср. переход: že?ŋ > de?ŋ в «енисейских» языках [Кетский сборник... 1982: 158].

Топонимические следы былого присутствия «енисееязычного» населения выявляются в обширном регионе Южной и Средней Сибири от Верхнего Иртыша до Иркутска [Этногенез... 1980: 71, 87, 126; Происхождение... 1969: 20], в Средней Азии [Яйленко... 1990: 37–49][1], в Волго-Камье [Происхождение... 1973: 131, 132], на Северном Кавказе [Ономастика... 1973: 417, 418]. И помимо топонимики особые связи северокавказских языков с «енисейскими», свидетельствующие, по крайней мере, об очень древних контактах, давно уже отмечены лингвистами [Кетский сборник... 1982: 198].

Палеоантропологические следы дают не менее выразительные свидетельства. Это, прежде всего, монголоидный дальневосточный расовый компонент у людей карасукской культуры Южной Сибири, пришедший с юго-востока, т. е. из Центральной Азии, сопредельной с коренной китайской территорией [Киселев 1951: 114–116]. И хотя происхождение этого компонента истолковывалось по-разному, указанное заключение остается наиболее обоснованным и убедительным.

Новый приток монголоидов из Центральной Азии в Южную Сибирь и Среднюю Азию, от Тувы до Нижней Волги с концентрацией его в низовьях Сырдарьи, начинается вместе со «скифо-сибирской» эпохой, в период между позднебронзовым веком и «скифским» временем, а затем здесь происходит постепенное затухание признаков монголоидности [Гинзбург, Трофимова 1972: 109–132; Алексеев, Аскаров, Ходжайов 1990: 202–204]. Характерно, что монголоидная примесь в данную эпоху «выражена только на отдельных черепах», что должно свидетельствовать о «недавнем здесь смешении европеоидного и монголоидного типов» [Гинзбург, Трофимова 1972: 132]. При этом, по мнению специалистов, вероятнее, что монголоидность была принесена «племенами, которые более или менее целиком продвинулись из Монголии за короткий промежуток времени», нежели постепенным просачиванием в результате брачных связей [Дебец 1971: 9]. Намечаются и пути продвижения монголоидных групп посредством перекочевок «из Центральной Азии через Джунгарские ворота и по долинам рек (Иртыш, Или)», с юго-востока на северо-запад [Гинзбург, Трофимова 1972: 119]. Проникновение монголоидов с востока в ту же самую эпоху зафиксировано и в Волго-Камье [Акимова 1968: 35].

Приток монголоидов с востока Центральной Азии через Джунгарию имел место и в тасмолинскую эпоху. Монголоидный компонент людей тасмолинской культуры имеет близкое сходство с соответствующим компонентом не только «скифов» Алтая и Тувы, но и савроматов [Таиров 2003: 169, 170; ср.: Яблонский 2005: 787]. И специфическая «матриархальность» этих племен с их «амазонками» блестяще подтверждается археологией. Я имею в виду одно из погребений Алтая тасмолинского типа, где похоронена молодая всадница. Антропологический тип ее близок восточноазиатскому монголоидному Северного Китая (Таиров 2003: 161), то есть тому типу, который, надо думать, был свойствен людям ди в Ордосе.

[1] Не всегда поиски «енисейских» следов, предпринятые в указанной работе, кажутся убедительными. Но, например, названия «Канг» и «Чач» могут быть такими следами; оба топонима восходят ко временам туров, о которых уже говорилось выше. Первый из них является распространенным элементом речной топонимики кетского происхождения и в наше время [Этногенез... 1980: 123–125].

Но быстрое расселение прототибетских племен, немногочисленных по сравнению с местным населением, по огромным степным пространствам могло приводить и к другому результату: лишь частичному вытеснению местного населения, а в остальном — к перегруппировке его, к разрушению старых племенных союзов и созданию новых, во главе которых становились пришельцы, образовывавшие тонкий суперстратный слой племенной аристократии, при том, что этническая основа этих союзов оставалась прежней. Новые племенные объединения могли принимать новые имена из племенной номенклатуры пришельцев, внедрять в свою среду какие-то обычаи победителей, но языком их оказывался в конечном счете язык местных племен — основной массы населения. Это типичное для степей явление, и классическим примером его может служить соотношение монгольского и тюркского этнического элемента в государствах, созданных наследниками Чингис-хана. Таким же, видимо, было положение и в рассматриваемую эпоху. Я имею в виду объединения племен динлин и тура.

Начало народу динлин положили, как уже говорилось, прототибетские племена ди, переселившиеся из Ордоса на север, а прямыми потомками динлинов являются тюркские племена теле, продолжавшие обитать на той же территории [Лев Николаевич Гумилев... 2002: 201–203] и явившиеся, в свою очередь, языковыми предками многочисленных тюркских народов огузской и староуйгурской ветвей. Прямая связь этнонимов «динлин (дили)» и «теле» засвидетельствована источниками и подтверждена многими исследователями [Лев Николаевич Гумилев... 2002: 202; Потапов... 1969: 148, 149, 160, 164]. В то же время племена культуры плиточных могил — археологический эквивалент динлинов — придерживались таких погребальных обрядов [Викторова 1980: 114, 115, 190] и обладали таким антропологическим типом [Новгородова 1989: 254; Степная полоса... 1992: 254; Международная конференция... 1996: 12, 13][1], которые в Восточной и Центральной Монголии претерпели мало изменений со времен неолита и ранней бронзы вплоть до раннего (домонгольского) средневековья, что свидетельствует о постоянном в основном составе населения этого региона за указанный период времени. О тюркоязычности населения культуры плиточных могил по ряду признаков говорят многие исследователи [Тиваненко 1995: 110] (заметим, что такой вывод не исключает тюркоязычности хуннов, которые были несомненными родоначальниками другой, гунно-булгарской ветви тюркских народов). Все это свидетельствует о том, что прототибетский суперстрат у динлинов быстро растворился в пратюркской среде и, видимо, ко времени выхода на историческую арену динлины были уже в основном тюркоязычны. То же, очевидно, можно сказать и о западной их группе, носителях тасмолинской культуры, которых в таком случае следует считать первым тюркоязычным этносом на территории Казахстана.

Очень наглядно и близко к действительности описан подобный процесс слияния пришельцев с местным населением у Геродота (IV, 111–117): неизвестно откуда появившееся племя («амазонки») с чуждой местному населению (скифам)

[1] Относительно мифа о «белокурых динлинах», созданного Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумилевым [Гумилев 1993: 21] см.: [Лев Николаевич Гумилев... 2002: 199–203].

внешностью и обычаями, с непонятным языком, совершает грабительские набеги, затем постепенно сливается с местным населением путем брачных связей, передает ему свои обычаи, но перенимает местный язык, хотя и усваивает его «неправильно». Так формируется народ савроматов — примерно в то же время, что и динлины и, видимо, под воздействием того же суперстрата, но с иным (ираноязычным) субстратным слоем.

В таких же условиях, видимо, проходило формирование народа тура — носителя дандыбай-бегазинской и тагискенской культур, где суперстратный карасукский компонент, принесенный жунами из Центральной Азии, наслоился на местный андроновский субстрат ираноязычного населения. То, что туры, как и их наследники саки и массагеты, ираноязычны — факт, прочно установленный наукой. Имеются основания полагать, что восточноиранская языковая и этническая общность сложилась именно в ареале туров. В то же время — налицо и следы иноязычного суперстрата. Ни название самого народа, «тура» [Фрай 1972: 66,67], ни имя его царя, «Франграсьян (Афрасиаб)» [Yarshater 1984: 572], не имеют бесспорной иранской этимологии. Во фрагментах древнейшего иранского эпоса, сохраненных Авестой (Yt. XIX, 57, 60, 63), Франграсьян трижды произносит длинные проклятия на каком-то неизвестном языке, — деталь, которой, конечно, подчеркивается неираноязычность этого турского вождя.

Особенно явно наследие суперстрата, и именно прототибетского, обнаруживается в некоторых специфических обычаях древних восточноиранских народов — саков, массагетов, савроматов и одного древнего угорского народа — исседонов. Я имею в виду своеобразную «гинекократию» и «амазонские» черты, полиандрию, ритуальный эндоканнибализм и почитание черепов предков. Что касается тех из перечисленных особенностей, которые относятся к положению женщин в обществе, то они совершенно несвойственны иранским и угорским народам, искони патриархальным, и напротив, находят многочисленные параллели в виде действующих институтов или пережитков у тибето-бирманских народов. Все это достаточно широко отражено в этнографической литературе, и мне нет необходимости останавливаться здесь на этом специально. Что же касается упомянутых здесь «погребальных» обычаев, то нужно учитывать, что древнейшие из такого рода обычаев были основательно вытеснены у тибетцев позднее принятыми религиями — религией бон и буддизмом. Тем не менее, и в письменных источниках, и в этнографии еще можно найти немало косвенных указаний на эти обычаи или сообщений об их пережитках. Особенно удивительны в этом отношении свидетельства средневековых путешественников Плано Карпини и Гильома Рубрука [Путешествия... 1957: 42, 131], которые приписывают тибетцам точно такие же «погребальные» обычаи, какие Геродот (I, 216; IV, 26; см. комментарий к этому сообщению: [Рапопорт 1971: 36, 89]) придавал массагетам и исседонам[1]. И есть основание считать пережитком древнего обычая еще ныне сохраняющееся у тибетцев почитание черепов в семейном культе [Элиаде... 1998: 340,прим.30; Bolton 1962: 77]. Сохраняется у тибетцев и такая

[1] В. Томашек даже отождествлял на этом основании исседонов с тибетцами-жунами [Tomaschek 1888: 747–750, 777].

деталь, как золочение мумифицированных останков умершего и превращение их в статую [Лобсанг 1991: 180–182]. Именно в этом контексте и следует рассматривать появление у дотоле аниконичных степных иранцев искусства «звериного стиля», древнейшие образцы которого зафиксированы у прототибетцев-жунов.

С прототибетским суперстратом связана и такая любопытная черта фольклорных аримаспов, как «одноглазие»: у них, согласно античным источникам, «один глаз посредине лба». В формировании этого фольклорного образа, в основе которого, как уже говорилось, лежат сведения о вполне реальном степном народе, сыграли свою роль и очень древние представления о демонических одноглазых существах, распространенные у многих народов, в том числе и у тюркских, в среде которых они имеют глубокие мировоззренческие корни [Турсунов 2001]. Включенные в «аристеевский» вариант «Северного цикла» они, как и другие элементы этого варианта, стали сочетать в себе древнюю восточную мифологическую основу с мотивами, привнесенными с запада: мотивами «грипомахии» и, как я пытался показать [Пьянков 1978а], «ослепления циклопа».

То, что соседи наделили враждебный народ демоническими чертами, вполне понятно, но почему этот народ ассоциировался именно с одноглазыми демонами? Не было ли это вызвано какими-то обстоятельствами, связанными с самим реальным народом? Многие исследователи связывают одноглазых аримаспов с «трехглазыми» каменными изваяниями Минусинской котловины, один глаз которых действительно находится «посредине лба» [Christinger 1961: 14; Мачинский, Чугунов 1998: 186; Мачинский 2001: 104; Турсунов 2001: 143]. Датируются изваяния окуневским или карасукским временем, но главное, что изображенные на них личины относятся к числу тех элементов южносибирских культур этого времени, которые указывают на юго-восточные их истоки, имея прототипами китайские скульптуры времени Шан-Инь и раннего Чжоу, переосмысленные в степной среде [Киселев 1951: 165–172]. Почитались же местным населением эти изваяния вплоть до VIII в. до н. э., когда, по Д. А. Мачинскому, сакральный центр, связанный с этим культом, переместился в Алтайско-Саянский регион, т. е. в страну аримаспов [Мачинский, Чугунов 1998: 186, 187; Мачинский 2001: 104, 105]. Это обстоятельство очень важно для этнического определения почитателей трехглазых идолов, поскольку, как кажется, существа с глазом «посредине лба» имели сакральное значение именно у тибетцев, но не у других степных народов. Только тибетцы считают, что «третьим глазом» во лбу обладали их древние предки, хотя и среди современников избранные люди могут быть им наделены путем особой операции [Лобсанг 1991: 72–77]. Заметим, что некоторые из трехглазых личин на каменных изваяниях изображены еще и с тремя рогами, — как мы видели, признаком жунов (т. е. прототибетцев) в китайских мифах.

Итак, удивительный исторический феномен — сквозной обмен идеями и вещами (или, во всяком случае, формами вещей) на всем огромном протяжении великого степного пояса в полной мере проявил себя уже в рассматриваемую эпоху, в конце II — первой половине I тыс. до н. э. Исследователи обычно концентрируют свое внимание на материальном («вещном») аспекте данного феномена, преимущественно — на проблеме искусства «звериного стиля», хотя понят

он может быть лишь в комплексе всех его составляющих. Основным механизмом, обеспечивавшим обмен культурными достижениями в эту эпоху, когда трансконтинентальные торговые пути еще не сформировались, были передвижения более или менее значительных племенных групп в виде периодически распространявшихся по степному поясу кочевнических волн. Прослеживаются три таких волны. Но нужно учитывать, что прямой и жесткой зависимости культурных инноваций от переселений степняков не существовало. Эпицентр кочевнических волн в рассматриваемое время находился в Ордосе, Ганьсу и соседних областях, непосредственно примыкавших к китайской равнине — исконному очагу древнейшей дальневосточной цивилизации — и населенных тогда прототибетскими (и протоенисейскими) племенами жун и ди, а также далекими предками хуннов. В их среде и возникали импульсы, возбуждавшие цепную реакцию степных переселений. Но активное участие в этих переселениях уже тогда принимали предки тюркских племен теле и предки восточноиранских племен. В последующие эпохи инициаторами таких переселений были, последовательно, хуннские, собственно тюркские и, наконец, монгольские племена.

Библиография

Аджигалиев С. И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994.

Ажигали С. Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия // История и культура Арало-Каспия. Алматы, 2001. Вып. 1.

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Алексеев В. П., Аскаров А. А., Ходжайов Т. К. Историческая антропология Средней Азии. Ташкент, 1990.

Амбарцумян А. А. Этноним «хьяона» в Авесте // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. Т. I (XXVI).

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950–1953. Т. I–III.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М., 1983.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Граков Б. Н. Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1970а.

Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993. Т. I.

Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Деопик Д. В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994.
Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
Ельницкий Е. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
Иванчик А. И. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2.
История Востока. М., 1997. Т. I.
История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. I.
История таджикского народа. 2-е изд. Душанбе, 1998. Т. I.
Каталог гор и морей / Предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. М., 1977.
Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
Кравцова М. Е. Жизнеописание Сына Неба Му: вопросы и проблемы // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 2.
Крюков М. В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II–I тысячелетия до н. э. // Этнонимы. М., 1970.
Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.
Кызласов Л. С. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1978. № 2.
Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Материалы конференции. СПб., 2002. Т. I.
Лобсанг, Рампа Т. Третий глаз. Л., 1991.
Малявкин И. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Пер., предисл. и комм. В. С. Таскина. М., 1992. Вып. 3.
Материалы по истории сюнну / Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968. Вып. 1; М., 1973. Вып. 2.
Матющенко В. И. Древняя история Сибири. Омск, 1999.
Мачинский Д. А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце II — середине I тыс. до н. э. // Stratum. СПб.; Кишинев, 1997. Вып. 1.
Мачинский Д. А. «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX–VII вв. до н. э. // Боспорский феномен. СПб., 2001. Часть 2.
Мачинский Д. А., Чугунов К. В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
Международная конференция «Проблемы истории и происхождения туркменского народа»: Тезисы докладов. Ашгабат,1993.
Международная конференция «100 лет гуннской археологии»: Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1996. Часть 1.
Международный «круглый стол»: «Ранние скифы и скифская культура» // ВДИ. 1994. № 1.
Мелентьев А. Н. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // КСИА. 1975. Вып. 142.
Мошкова М. Г. К вопросу о природе сходства и различия в культурах кочевников евразийских степей I тыс. до н. э. // ВДИ. 1994. № 1.

Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965.
Новгородова В. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
Новгородова В. А. Древняя Монголия. М., 1989.
Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3.
Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958.
Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: очерки искусства Евразийских степей античной эпохи. М., 1994.
Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.
Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. Н. П. Шастиной. М., 1957.
Пьянков И. В. Рифеи — миф и реальность // Уральский следопыт. 1978. № 8.
Пьянков И. В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978а.
Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4.
Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6.
Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
Пьянков И. В. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилев: теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. I.
Пьянков И. В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. III.
Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. Т. II (XXVII).
Пьянков И. В. Западные динлины — первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006а. Ч. II.
Пьянков И. В. По поводу киммерийской проблемы // Восток, Европа, Америка в древности. Сб. научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010.
Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
Савинов Д. Г. Карасукские традиции и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. и комм. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 1972. Т. I; М., 1975. Т. II.
Таиров А. Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени в восточной части степной Евразии // Степная цивилизация восточной Евразии. Астана, 2003. Т. I.
Тереножкин А. И. Киммерийцы // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. V.
Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тиваненко А. В. Оленные камни Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Турсунов Е. Д. Грифы, стерегущие золото // История и культура Арало-Каспия. Алматы, 2001. Вып. 1.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

Членова Н. Л. Где жили аримаспы? // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.

Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.

Щеглов Д. А. Путешествие Аристея Проконнесского: проблема датировки // Боспорский феномен. СПб., 2001. Часть 1.

Элиаде М. Шаманизм: архаическая техника экстаза. Киев, 1998.

Этногенез народов Севера. М., 1980.

Юань Кэ. Мифы народов Китая. 2-е изд. М., 1987.

Яблонский Л. Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // Центральная Азия: источники, история, культура. М., 2005.

Яйленко В. П. Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2.

Alemany A. Els "Cants arimaspeus" d'Aristeas de Proconnès i la caiguda dels Zhou occidentals // Faventia. 1999. 21/2.

Bolton J. D. P. Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962.

Christinger R. Les Arimaspes // Asiatische Studien. 1961. Bd. 14.

Kothe H. Die Herkunft der kimmerischen Reiter. // Klio. 1963. Bd. 41.

Maenchen-Helfen O. The Ting-ling // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. IV. 1939. № 1.

Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1905.

Phillips E. D. The Legend of Aristeas // Artibus Asiae. Vol.XVIII, 2. A Further Note on Aristeas // Artibus Asiae. 1955–1957. Vol. XX, 2/3.

Prušek J. Chinese statelets and the northern barbarians 1400–300 B. C. Praha, 1971.

Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. // Sitzungsber. der phil.-hist. Kl. der K. Akad. der Wiss. Wien, 1888. Bd. 116.

Xinru Liu. Trade and Pilgrimage Routes from Afghanistan to Taxila, Mathura and the Ganges Plains // The Journal of Indo-Turcica. 2001. Vol. I.

Yarshater E. Afrāsīāb // Encyclopaedia Iranica. 1984. Vol. I. Fasc. 6.

2. ГАЛИЗОНЫ – ХАЛИБЫ – МОСХИ (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II–I тыс. до н. э.)*

Кобанская культура Кавказа до сих пор остается во многом загадочной для исследователей. Загадкой является прежде всего совершенно явная связь этой культуры с культурами Балкано-Дунайского региона, выражающаяся, по-видимому, и в генетической общности, и в контактах, осуществлявшихся по крайней мере с конца II по середину I тыс. до н. э. Близость проявляется во многих элементах культуры, но прежде всего в области металлургии и металлообработки, в том числе и в оружии [Козенкова 1989: 255, 262–267; Мелюкова 1979: 65, 69, 70, 187; Погребова 1984: 124–127]. О более ранних этапах истории циркумпонтийской культурной зоны и металлургической провинции см.: [Мерперт 1988; Черных 1988; Массон 1997]. Интересно, что посредствующим звеном между этими двумя центрами в ряде случаев оказывается Северо-Западное Причерноморье, особенно его лесостепная зона [Козенкова 1989: 265; Мелюкова 1979: 65; Монгайт 1974: 207, 223]. С другой стороны, кобанский очаг металлургии, видимо, имеет общие генетические корни с двумя другими близкими ему очагами, расположенными к северу и к югу от него, по крайней мере до Орду, — прикубанским и колхидским [Крупнов 1960: 79–82; 1957: 95–99], причем последний, может быть, даже древнее (с XIV в. до н. э.?) кобанского (с XII в. до н. э.) [Иессен 1951: 80; Микеладзе 1973: 144–146].

Я считаю, что имеющиеся факты лучше всего объясняются следующим образом: существовала некая каста металлургов — исходным пунктом ее был, скорее всего, карпатский очаг цветной металлургии, — продвигавшаяся на протяжении второй половины II тыс. до н. э., с одной стороны, в Северо-Западное Причерноморье, с другой — в Малую Азию, где, следуя вдоль северного ее побережья, достигла Кавказа. Расселяясь на столь обширном пространстве, члены касты продолжали поддерживать между собой тесные контакты. Эта мысль не нова, но в советской науке преобладала иная точка зрения, настаивавшая на непременно местном происхождении кобанской и родственных ей культур (историю вопроса см.: [Козенкова 1989: 265; ср.: Крупнов 1960: 86–105; Пиотровский 1949: 52–54]. Такая позиция оставляла открытыми многие вопросы.

Касты металлургов — это хорошо известное и широко распространенное явление, засвидетельствованное и исторически, и этнографически. Видимо, такие касты являются самой ранней формой специализации металлургического производства у большинства народов мира.

---

*Впервые опубликовано: Гализоны – халибы – мосхи // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. Т. I (XXVI). СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 324–342.

Напомним основные черты таких каст. Это замкнутые, эндогамные организации с наследственной передачей секретов ремесла. Специализация внутри общины может быть очень высокой, но в целом она обычно выступает как металлург-универсал. Металлургия является традиционным занятием таких общин, но не единственным и в некоторых случаях даже не основным. Образ жизни их часто подвижен, расселение их обычно определяется рудными месторождениями, хотя не всегда тесно связано с таковыми. Сами они входят в состав той или иной этнокультурной общности, но не ограничены их рамками и могут иногда оказаться в составе «чужой» общности. Отношения с соседями, которых они обслуживают, строятся на основе договоров, обычно ставящих их в подчиненное, «подданное» положение. Вообще отношение к металлургам и кузнецам в архаическом обществе всегда настороженное и опасливое, а социальный статус и престиж в зависимости от обстоятельств колеблется от самого низкого до весьма высокого. В этом плане каста металлургов очень близка аналогичным кастам колдунов и служителей культа архаических обществ, так что функции тех и других нередко сливаются. Отношение к металлургам переносится и на продукты их ремесла, особенно на оружие: оно персонифицируется и наделяется особой магической силой ([Черных 1972: 183–196; Граков 1977: 14; Новик 1984: 195, 196]. О реликтах подобных каст на современном Кавказе см.: [Ардзинба 1988]. Об отражении тех же отношений в археологии см.: [Черных 1976: 168]).

Можно ли обнаружить в Балканско-Дунайском регионе, в Северо-Западном Причерноморье, в Малой Азии и на Кавказе, в пределах второй половины II–I тыс. до н. э. — в зоне, сравнительно хорошо освещенной письменными источниками, — какое-либо племя, подходящее на роль искомого народа-металлурга? Мне кажется, такое племя есть — это хорошо известные гализоны (Ἀλιζῶνες с вариантами; приведенная форма является, видимо, исходной, вариант же «алазоны», Ἀλαζόνες, — результат «народной этимологизации»: [Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 226]). В нашей литературе под ализонами обычно имеется в виду народ, обитавший в Северо-Западном Причерноморье. Но в действительности указанный этноним (или его следы) распространен гораздо шире — по всей очерченной выше зоне. Обобщая разные сведения об ализонах, мы обнаружим их присутствие действительно вокруг всего Эвксинского Понта (Черного моря): к северу и востоку от него, вдоль его южного берега и далее на запад — по обе стороны от Пропонтиды (Мраморного моря) и Боспора (пролива Босфор). То, что мы знаем о самом народе ализонов, вполне соответствует описанной выше касте металлургов.

Самое раннее в античной литературе упоминание о гализонах принадлежит Гомеру (IX–VIII вв. до н. э.): гализоны пришли на помощь троянцам «издалека, из Алибы, откуда исходит серебро» [Илиада II, 856]. По поводу этого изречения среди античных авторов развернулась широкая дискуссия, благодаря которой мы и получили основную массу сведений об интересующем нас народе. Эта дискуссия наиболее полно отражена в сочинении Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.).

Сам Страбон, воспринимая название «Алиба» (Ἀλύβη) как «Халиба» (Χαλύβη) видел в гомеровских гализонах халибов, которые в его время назывались халде-

ями и жили у юго-восточного побережья Эвксинского Понта (в районе Гиресуна), в горах, где разрабатывали железные, а ранее и серебряные рудники (Страбон XII, 3, 19, 20; XIV, 5, 23, 24). Но Страбон привлекает сведения и многих других авторов, своих предшественников, которые искали гомеровских гализонов и их горные разработки в иных местах, и цитирует с этой целью сочинения Аполлодора Афинского (II в. до н. э.) и Деметрия Скепсийского (первая половина II в. до н. э.), видимо, используя попутно и данные Эфора (IV в. до н. э.). А эти авторы, в свою очередь, воспользовались сведениями еще более ранних писателей. В итоге мы имеем в сочинении Страбона два блока сообщений о [г]ализонах. В одном из них речь идет об отдельных группах этого народа (Там же: XII, 3, 21–27). Мы узнаём, что Гелланик, Геродот и Эвдокс говорили об алазонах, живущих «над Борисфеном» (Днепром) (Там же: XII, 3, 21). Какие-то другие авторы помещали ализонов около Паллены (западный полуостров Халкидики). Гекатей Милетский (конец VI в. до н. э.) сообщал об алазонах, обитавших в селениях вдоль реки Одрисса, которая протекает по равнине Мигдонии из озера Даскилитида (Маньяс) и впадает в реку Риндак (Симав), хотя город их Алазия уже тогда был безлюден (Там же: XII, 3, 22). Менекрат (конец IV — начало III в. до н. э.) помещал племя гализонов в горы, возвышающиеся над областью селения Мирлея (Там же: XII, 3, 22), — видимо, в Аргантонские горы над Мирлеей и Киосом (Там же: XII, 4, 3) (к северу от Гемликского залива). А его современник Палефат искал алазонов (я принимаю чтение Ф. Якоби: [Jacoby 1923: 32]) в области города Зелия (Там же: XII, 3, 22), в низовьях реки Эсеп (Гёнен). Наконец, сам Деметрий предпочитал искать это племя в области своего родного города Скепсиса, в верховьях Эсепа, где тоже находилось селение Алазоний (Там же: XII, 3, 23), — видимо, вблизи от какого-то месторождения серебра (Аргирий) и некоего опять-таки пустынного места (Там же: XII, 4, 23; XIII, 1, 45).

В другом блоке сведений о гализонах, об их «месторождениях серебра» и других заброшенных рудниках говорится в общем, но затем в связи с ними перечисляются отдельные древние рудники: Тантала и Пелопидов во Фригии и Сипиле, Кадма во Фракии и на Пангее, золотые копи троянца Приама в Астирах вблизи Абидоса (на азиатском берегу пролива Дарданеллы), от которых остались большие отвалы и шахты, рудники древнего фригийского царя Мидаса у горы Бермий, рудники древних лидийских царей Гигеса, Алиатта и Креза в Лидии и в области между Атарнеем и Пергамом, где мы вновь встречаемся с покинутым селением и истощенными копями (Страбон XIV, 5, 28).

К сведениям Страбона надо добавить данные некоторых других авторов. Так, Арриан сообщает о гализонах, обитавших по всему морскому побережью Вифинии — от северного изгиба понтийской береговой линии до Астакенского (Измитского) залива у Никомедии (Евстафий. Гом. Ил. B 824, p. 354). Надо учесть также сведения об олизонах (Ὀλιζῶνες) как фракийском народе (Суда s. v.) и о городе Олизон в Магнесии — ближайшей к Македонии области Греции (у ряда античных авторов, например у Страбона — IX, 5, 15, 16).

Обобщив все эти материалы, приходим к следующим выводам. Во-первых, гализоны — это люди, явно связанные с разработкой рудников и металлургией.

Во-вторых, гализоны разбросанно, отдельными группами — видимо, в большей или меньшей близости от рудных месторождений — обитали на огромной территории, охватывавшей юго-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии: во Фракии и Македонии, во Фригии, Мисии и Вифинии, занимая малоазийское побережье примерно от Гераклеи Понтийской до Атарнея. На крайнем западе и крайнем востоке они заходят и на территорию соседних стран: Греции (Магнесия) и Лидии. На крайнем востоке несколько обособленными оказываются гализоны юго-восточного побережья Понта. Большинство групп этого племени фиксируется в прибрежных областях, но, видимо, лишь потому, что последние были лучше известны греческим авторам. В-третьих, гализоны ближе всего ассоциируются с фригийско-фракийскими народами. Традиция, как видим, считала их рудокопами Фригии, Фракии и Мисии со времен мифологической древности. Затем они выступают горняками фригийских царей и, видимо, наследуются в качестве таковых лидийскими царями. Но к концу VI в. до н. э. деятельность гализонов во многих центрах затухает, и авторы IV–III вв. до н. э. знают о них, скорее всего, лишь по преданиям о заброшенных селениях и шахтах. Скептическое отношение Страбона к известиям о гализонах на западе Малой Азии и в Европе, видимо, тем и объясняется, что в его время в указанных местах реально такого народа уже не существовало.

Остановимся на отдельных группах этого народа. Начнем с гализонов Паллены. Они явно связаны с фригийскими рудниками горы Бермий. Страбон, описывая Македонию, говорит о реке Аксий (Вардар), о находящейся в этих местах горе Бермий и землях Халкидики, в частности о полуострове Паллена, упоминая и гализонов, живущих около Паллены (Страбон VII, фр. 23–28). Но здесь же, на севере Халкидики, между Аксием и Стримоном (Струмой) вокруг озера Больба обитают мигдоны (Страбон VII, фр. 11 и 36). Таким образом, ализоны как в Македонии, так и в Малой Азии оказываются живущими вместе с мигдонами. Видимо, ситуацию объясняет замечание Страбона о том, что гора Бермий некогда принадлежала бригам — европейским предкам фригийцев (Страбон VII, фр. 25). Отсюда напрашивается вывод, что фригийское племя мигдонов, переселившееся в Азию с другими фригийцами (ср.: Страбон XII, 4, 4), очевидно, осваивало новые земли вместе со своими спутниками — ализонами.

Когда произошло это переселение? Ксанф Лидийский (V в. до н. э.), один из лучших древних знатоков истории малоазийских народов, сообщает, что фригийцы уже после Троянской войны пришли из Европы, из Фракии, с левой стороны Понта, и заняли область Аскании (оз. Изник) и Троаду, умертвив владыку Трои (Страбон XII, 8, 3; XV, 5, 29). Это утверждение хорошо согласуется с данными археологии, согласно которым разоренная после войны наследница Приамовой Трои (Троя VIIb, 1) сменилась новым поселением (Троя VIIb, 2), основанным людьми, пришедшими из Фракии, носителями одной из ранних культур фракийского гальштата, где-то около середины XII в. до н. э. [Гиндин, Цымбурский 1996: 181, 217; Мелюкова 1979: 21, 23]. Возможно, что могущественные фригийские цари Гордий и Мидас — «золотой человек» античной мифологической традиции — еще владели рудниками Бермия на своей европейской прародине в VIII в. до н. э. Может быть, на это обстоятельство намека-

ет громкий титул Гордия, сына Аскания: «прославленный царь Запада и Востока» [Дьяконов 1981: 57].

Рассмотрим теперь сведения об алазонах Борисфена (Днепра). Страбон (Страбон XII, 3, 21), сообщая об алазонах, живущих «над (или за: ὑπέρ) Борисфеном», ссылается, как мы видели, на некоторых ранних античных авторов, хотя цитирован здесь, скорее всего, не далее чем Эфор (IV в. до н. э.). Отражена же здесь, по всей вероятности, скифская география Гелланика (см. о ней: [Пьянков 1994: 191, 192, 201, 202]). Геродот (Геродот IV, 17, 52, 81) рассказывает об этих алазонах несколько иначе и более подробно. Суммировав все указания Геродота на местообитание этого племени, приходим к следующему: алазоны живут по течению Гипаниса (Южного Буга), выше каллипидов и ниже скифов-пахарей, к западу от Борисфена; по их земле, как и по земле скифов-пахарей, течет Эксампей, левый приток Гипаниса (Синюха с ее истоками Горный и Гнилой Тикич); именно около их земли более всего сближаются излучины Гипаниса и Тираса (Днестра).

В рассказе Геродота об алазонах, казалось бы, нет ничего, что указывало бы на них как на горняков и металлургов, зато у него есть интересное сообщение о колоссальном медном котле, отлитом и поставленном скифским царем в местности, откуда вытекает горький источник Эксампея (Геродот IV, 81), т. е., очевидно, в земле алазонов [Рыбаков 1979: 214]. Но сам по себе этот факт, а также то, что местность и источник Эксампея носили еще название «Священные пути» (Геродот IV, 52), свидетельствует и об определенной культовой роли алазонов. И действительно, на Гипанисе — там, где Геродот нашел алазонов, Плиний, придерживающийся иной географической схемы, поместил авхетов (Плиний IV, 88). Авхеты же — этносоциальная группа (каста) скифского общества, выполнявшая жреческие функции, а опекаемые ими культовые места на Гипанисе, возможно, действительно восходили к глубокой субстратной, «киммерийской», древности [Раевский 1977: 67, 114, 157]. Если все это так, то выходит, что древние металлурги Северо-Западного Причерноморья, которых скифы получили «по наследству» от киммерийцев, приобрели у них жреческий статус. Интересно, что у Валерия Флакка мифический эпоним авхетов Авх хвалится «киммерийскими богатствами» (Флакк VI, 130–134). Не рудного ли происхождения эти «богатства» (opes)?

Если соседи алазонов находят на археологической карте Северного Причерноморья более или менее определенное место, то попытки найти археологическое соответствие для алазонов как обычного народа явно неудовлетворительны [Мелюкова 1989: 45]. Может быть, это не случайно. Не являются ли памятниками алазонов следы металлургического производства (черной и цветной металлургии), в том числе бронзовых котлов, в поселениях лесостепной полосы от Днестра до левобережья Днепра VI–V вв. до н. э.? Любопытно, что уровень сложности и специализации этого производства выше, чем в Каменском городище IV в. до н. э. [Мелюкова 1989: 111, 115, 116], которое вообще отражает уже иную картину, нежели Скифия Геродота. Что же касается преемственности между скифской и доскифской металлургией Северо-Западного Причерноморья, то хотя ее и трудно установить [Черных 1976: 197, 198], она все же имела место [Кривцова-Гракова 1955: 132–135].

Наконец, особое значение имеют сведения о гализонах Северо-Восточной Малой Азии. Именно здесь, как мы видели, Страбон помещает гомеровых гализонов. Версия Страбона блестяще подтверждается урартскими данными. Сообщение одной из урартских надписей Русы II (VII в. до н. э.) [Меликишвили 1960: 341] давно уже убедительно истолковано как урартская версия событий, связанных с гибелью Фригийского царства Мидаса в 675 г. до н. э. [Дьяконов 1955: 524; 1989: 65; 1997: 328]. В этой версии Фригия, Мелитена и Халиту выступают как некое единство. Мелитена (Мелид) при этом идентифицируется с тогармой — доахеменидским Армянским царством [Дьяконов 1981: 49–63]. Халиту, хотя и отождествляется со страной халдеев-халибов, но фонетически это урартское слово (Ḫaliṭu) еще ближе к названию [г]гализонов — [H]alidzōnes. По поводу передачи урартского ṭ (см. о нем: [Дьяконов 1958: 34]) греческой ζ ср.: урарт. Uiṭeruḫi = греч. Βύζηρες. Таким образом, и здесь, в современном событиям источнике, гализоны тесно связаны с фригийцами и протоармянами.

Но особенно важно то, что именно восточная, древнейшая по времени упоминания в источниках, группа гализонов прямо отождествлена Страбоном с халдеями и халибами. Название «халдеи» (Χαλδαῖοι) Страбон, по-видимому, считает поздней формой (Страбон XII, 3, 19). Но в действительности эта форма скорее диалектная разновидность названия «гализоны». Современник Страбона Менипп Пергамский, пользуясь, однако, более ранними источниками, называет на месте страбоновых халдеев страну Халдия (Стефан Византийский s. v.; [Jacoby 1923: 358]). Еще раньше и Софокл (V в. до н. э.) знал о халдеях примерно в тех же местах (Стефан Византийский s. v.). В восточных источниках халды упоминаются с древнейших времен и до средневековья. Еще урартский царь Менуа (начало VIII в. до н. э.) говорил о стране Халдириулхи [Меликишвили 1960: 158], расположенной в районе Эрзерума и верховьев реки Чорохи [Микеладзе 1973: 143, 144], а Ущелье халдов и Крепость халдов, тоже в долине Чорохи, упоминаются в армянских источниках XI в. н. э. [Там же: 141, 142].

В греческих же источниках названия «халдеи» и «халибы» употребляются вперемежку, без видимого различия. Так, Ксенофонт, описывая в «Анабасисе» современные ему события (рубеж V и IV вв. до н. э.), говорит о халибах (Ксенофонт. Анаб. IV, 7, 15; V, 5, 1), хотя иногда называет этот же народ и халдеями (Там же: V, 5, 16), а Диодор, передавая сведения о тех же событиях по независимому источнику, говорит уже только о халдеях (Диодор XIV, 29, 2).

Почему же восточные гализоны-халдеи получили еще второе название — «халибы»? Судя по словам Гомера, истолкованным Деметрием Скепсийским и Страбоном (Страбон XII, 3, 20; XIV, 5, 23, 24), так они были названы по своей стране [Х]алиба (в местной ономастике чередование — начальное ḫ/нуль — известно, см.: Дьяконов 1958: 42; ḫ в греческом может передаваться как κ, χ или ʻ), известной рудными богатствами, в данном случае серебром. Страбон дает понять, что эта страна и есть те лесистые горы, возвышающиеся над Фарнакией, в стране халдеев, где имеется множество рудников, ныне железных, а некогда и серебряных (Страбон XII, 3, 19); иначе — это хребты Париадр (Восточные Понтийские горы) и Скидис (Северный Тавр), над Фарнакией и Трапезунтом, вплоть до Малой Армении (Там же XI, 2, 15; 14, 1; XII, 3, 18, 28). И соображения

Страбона вполне резонны: действительно, восток Малой Азии на стыке Анатолийского и Армянского нагорий изобилует крупнейшими рудными месторождениями, разрабатывавшимися с глубокой древности.

Для того чтобы более точно определить место обитания страбоновых халибов, обратимся к свидетельствам очевидцев, которые сами прошли через их страну. Страбон отмечал, что страна халибов, обитающих выше Фарнакии, между тибаренами и саннами — бывшими макронами (Там же: XII, 3, 18, 28), находится на одном меридиане с Малой Арменией Верхнего Евфрата (Там же: XIV, 5, 22, 24), т. е. прямо к северу от нее. Из Армении, от верховьев Евфрата, в страну халибов шли и отступающие «десять тысяч» греческих наемников на рубеже V и IV вв. до н. э. Рассказ об этом походе дошел до нас от двух его участников: Ксенофонта в «Анабасисе» и еще одного — может быть, Софенета, — известия которого сохранились у Диодора. Ксенофонт знал, что халибы живут по соседству с армянской областью, расположенной у истоков Евфрата, — видимо, за горным хребтом (Ксенофонт. Анаб. IV, 5, 2, 34; ср.: Киропед. III, 1, 34; 2, 1), тем не менее греки пошли на восток, в обход хребта, в область Верхнего Аракса и правых притоков Чорохи, где обитали фасианы и таохи, и лишь отсюда спустились в страну халибов-халдеев, где, видимо, и переправились через реку [Г]арпас (Верхний Чорохи где-то в районе Байбурта), а затем пошли по равнине скифинов через большой и богатый город Гимниаду-Гимнасию (скорее в районе Гюмюшане, нежели Байбурта, ср.: [Максимова 1956: 77, 130]) до горы Фех-Хений (перевал Зигана), откуда уже начиналась земля макронов и прямой путь к Трапезунту (Ксенофонт. Анаб. IV, 5, 2–8, 1; Диодор XIV, 28, 1–29, 4). Отметим сразу, что скифины, упоминаемые лишь в описании похода «десяти тысяч», являются, видимо, частью тех же халибов-халдеев; так, во всяком случае, можно заключить, сопоставляя сведения о них с данными Страбона.

Есть основания считать, что в тех же самых местах обитали горные халибы и более ранних источников. Таковы, например, халибои Гекатея Милетского, с которыми на юге граничат армении (Стефан Византийский s. v.). Там же находились, как мы уже знаем, гализоны и халдеи ранних античных и восточных источников. В этих краях, очевидно, и нужно искать древнюю страну [Х]алиба. Давно уже признано, что впервые в источниках она появляется как страна Халива (Haliua) [Forbes 1950: 174], упоминаемая в документах хеттского царя Суппилулиумы (первая половина XIV в. до н. э.) рядом со страной Карна, т. е. Каренитидой (Эрзерум) [Микеладзе 1973: 142], еще во времена Страбона считавшейся то халибской, то армянской (Страбон XI, 14, 5). Может быть, это упоминание относится ко времени, когда балканских гализонов еще не было в стране, по которой впоследствии им было дано прозвище халибов. В качестве предварительной гипотезы можно высказать предположение, что название Халиба вообще принадлежит к глубоко субстратному местному слою топонимов, как-то связанному с рудными месторождениями.

Политически горные халибы всегда были тесно связаны с соседней Арменией и прежде всего с Малой Арменией. О тесной связи и переплетении исторических судеб халибов-халдеев и Армении в последние века до н. э. говорит, например, Страбон (Там же: XI, 14, 5; XII, 3, 28, 29). Видимо, тогда происходило слияние

этого народа с армянами. А немного позже Плиний Старший (I в. н. э.) говорит уже об арменохалибах, обитающих за «огромными горами» Париадра, которые окружают «свободный город» Трапезунт (Там же: VI, 12, 29 — сообщение относится ко времени после 63 г. н. э., ср.: [Максимова 1956: 314]. Но связь эта была особого рода: она базировалась на горнодобывающей деятельности халибов.

Карта рудных месторождений востока Малой Азии показывает наиболее плотное сосредоточение древних горных разработок как раз в тех местах, которые мы и определили как страну халибов, включая и линию Байбурт — Гюмюшане; здесь имеются месторождения железа, меди, серебро-свинцовых руд [Максимова 1956: 23]. Участники похода «десяти тысяч» ничего не говорят о разработке рудных месторождений в стране горных халибов. Может быть, к тому времени она действительно потеряла свое прежнее значение, но, безусловно, не была прекращена совсем: об этом свидетельствует намного более позднее сообщение Страбона о добыче железа халдеями в его время (Страбон XII, 3, 19). Но расцвет горного дела, видимо, и здесь падает на времена фригийских Мидасов и Гордиев, на IX–VII вв. до н. э. Рудники халибов в Понтийских горах и на Северном Тавре были тогда главным источником железа и серебра для всей Передней Азии [Дьяконов 1989: 51, 63, 65; 1997: 316, 326, 328].

Но любопытно, что исходным местом, откуда шли металлы, была Мелитена (Мелид) — древнее Армянское царство Тогарма. Отсюда металлы — железо и серебро — шли далее на юг, в Ассирию, в течение IX–VII вв. до н. э., причем впервые ассирийский царь получил свинцовую руду прямо из этой области еще в конце XII в. до н. э. [Дьяконов и др. 1988: 108]. Когда урартские цари заходили в страну Мелитеа в VIII в. до н. э., то и они уносили отсюда серебро в качестве дани [Меликишвили 1960: 299, 307]; впрочем, когда веком раньше урартский царь совершил поход в страну таохов (Диауехи), то и от них он получил серебро [Там же: 158], — возможно, добытое подчиненными им халдеями (Халдириулхи). Видимо, через Мелитену и в Ионию шло серебро гомеровых гализонов из Алибы, так как малоазийские участки будущей «царской дороги» функционировали уже при Мидасе [Дьяконов 1989: 51, 63; 1997: 316, 326]. За контроль над царством Мелид-Тогарма и «железным путем» вели упорную борьбу Фригия и Ассирия в VIII–VII вв. до н. э. [Дьяконов 1981: 50–60]; союз Фригии, Мелида и гализонов (Халиту) около 680 г. до н. э. и явился завершением этой борьбы.

По-видимому, мы имеем здесь дело с типичными для касты древних горняков и металлургов отношениями, когда последние по договору предоставляют в распоряжение своих господ произведенную ими продукцию. В данном случае такими господами могли бы быть цари Армянского царства Мелид-Тогарма. И действительно, Ксенофонт рассказывает (Киропед. III, 2, 24), что некогда халдеи заключили соглашение с «владыкой Армении» (т. е. царем доахеменидского Армянского царства: [Дьяконов 1956: 350–356]), которое «и поныне сохраняет свою силу». Хотя Ксенофонт и на этот раз ничего не говорит о горно-металлургической деятельности халдеев, но все же отмечает, что условия договора касались хозяйственных занятий, предусматривали оборонительный союз и регулировали брачные отношения обоих народов (Киропед. III, 2, 23) — последнее было особенно важно для эндогамной, по сути, касты.

Но все это касается горных халибов. А кроме них существовали еще прибрежные халибы. К последним прежде всего и относятся обычные для античного мира представления о халибах как изобретателях и неустанных производителях железа, которые «днем и ночью трудятся в подземных штольнях и в кузницах, а пламя их горнов и звон наковален видны и слышны с кораблей, плывущих вдоль морского берега» [Максимова 1956: 26, 27]. Само слово χάλυψ, обозначавшее у греков высококачественное железо и сталь, произведено, как известно, от названия халибов [Там же: 143].

По поводу определения места обитания этих приморских халибов в науке даже развернулась дискуссия, в известной мере связанная и с общим представлением о халибах. Согласно одной точке зрения, халибы — настоящий народ, с глубокой древности обитающий на одном месте, согласно другой, халибы — собирательное название для разных племен, занимавшихся добычей и обработкой железа. Сторонники первой точки зрения обосновывают свое мнение тем, что большинство античных авторов помещают халибов на участке побережья между Термодонтом и Керасунтом, противоречащие же им указания Геродота и Помпония Мелы они объясняют либо поздними интерполяциями, либо ошибками [Максимова 1956: 27, 28].

Но более внимательное изучение «большинства» античных сведений о приморских халибах показывает, что дело обстоит несколько сложнее. Во-первых, только Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает о халибах (Ксенофонт. Анаб. V, 5, 1) между моссинойками, живущими на запад от Керасунта (Там же V, 4, 2), и тибаренами, обитающими вплоть до Котиоры (Орду) на западе (Там же: V, 5, 3). Поскольку греки в Котиоре же и сели на корабли, то побережье Понта дальше к западу Ксенофонт не описывал. Халибы эти, как замечает Ксенофонт, немногочисленны, и, может быть, поэтому в параллельном повествовании Диодора вообще остались неупомянутыми. Во-вторых, все другие авторы, сведения которых восходят к Гекатею Милетскому [Jacoby 1923: 31, 357], помещают халибов между тибаренами и левкосирами, на запад от Котиоры и тибаренов, и до реки Термодонт (Терме-Чай), где они обитают «вдоль Понта», причем в их земле оказываются гавань Генет, греческие город Стамена и крепость Ясония (мыс Ясун); к востоку от тибаренов помещены моссинойки, макроны, город Керасунт. Таким образом, уже на пространстве между Керасунтом и Термодонтом мы находим две разные группы халибов.

Помпоний Мела, у которого в основе описания южного побережья Понта тоже лежат данные Гекатея ср.: [Jacoby 1923: 356, 357], как бы продолжает карту расселения халибов далее на запад: у него халибы живут и по Термодонту, и по Галису (Кизыл-Ирмак), и у больших греческих городов Амис (Самсун) и Синопа к востоку от Пафлагонии (Мела I, 105). Наконец, Аполлоний в «Аргонавтике» приписывает одному из аргонавтов основание города Киоса на побережье Пропонтиды, в стране халибов (Аполлоний I, 1289–1323). А Киос, как мы уже знаем, согласно другой традиции входил в зону расселения гализонов. Таким образом, здесь ареал халибов прямо смыкается и даже накладывается на ареал гализонов, показывая, что и в крайних западных точках территории своего расселения халибы тождественны гализонам. При таком раскладе и упоминание

в сочинении Геродота (Геродот I, 28) халибов среди племен, живущих к западу от Галиса, между пафлагонцами и мариандинами, уже не кажется добавлением малосведущего интерполятора. Кстати, Эфор, видимо, тоже помещал халибов к западу от Синопы, отводя им места внутри малоазийского полуострова, поскольку принадлежал к числу тех, кто проводил восточную границу этого полуострова через Синопу (Страбон XIV, 5, 23, 24).

Итак, складывается впечатление, что приморскими халибами считались небольшие группы гализонов, селившиеся в устьях рек и близ греческих городов практически по всему южному побережью Понта и Пропонтиды. Именно они и производили высококачественное «халибское» железо, которое считалось также синопским и амисским — и не только потому, что соответствующие города служили пунктами вывоза этого металла [Максимова 1956: 28, 143, 211]. Сведения письменных источников в данном случае хорошо объясняются и дополняются археологическими материалами. Ныне в Восточном Причерноморье, между устьями Чорохи и Риони, обнаружено несколько древних очагов производства железа. Располагались они в устьях горных рек и их притоков, существовали с XI по VI в. до н. э. (расцвет — в IX–VII вв. до н. э.), хотя есть и более поздние памятники [Хахутайшвили 1977: 119–141; 1987]; по поводу датировки см.: [Медведская 1990: 269–273]. Производство это базировалось в основном на речных магнетитовых песках и точно соответствует тому, которое описано Аристотелем как халибское (О чудесных слухах: 48). Очевидно, такие же очаги располагались и к югу и западу от устья Чорохи, в низовьях рек южного берега Понта, отмеченных в письменных источниках как места обитания халибов. С другой стороны, если бы до нас дошли более детальные древние описания берега от Чорохи до Риони, то, наверное, и там были бы указаны халибы.

Что же касается социального статуса береговых халибов, то Ксенофонт на этот счет дает прямые свидетельства современника и очевидца: халибы подвластны своим соседям моссинойкам, а живут большей частью разработкой железной руды (Ксенофонт. Анаб. V, 5, 1). Это сообщение давно уже было убедительно истолковано как указание на эксплуатацию халибов — уплату ими дани железом своим господам, моссинойкам [Максимова 1956: 30, 144]. В таких же отношениях к соседним племенам или греческим городам, видимо, находились халибы и в других местах.

Поскольку мы нашли, что халибы — это те же гализоны, то было бы интересно проследить и по другим источникам, нет ли данных, подтверждающих общность культуры всех гализонских анклавов в такой специфической для халибов области, как производство высококачественного железа. Имеются работы, в которых обобщаются археологические материалы по железообработке скифского времени Лесостепного и Степного Причерноморья, с одной стороны, Кавказа с Предкавказьем (включая кобанские памятники) — с другой. В них отмечаются существенные для наших выводов моменты: близость металлургических центров указанных регионов в целом и следы мощного производственного импульса со стороны Кавказа, признаки работы металлургов-профессионалов и переход к производству стали [Терехова и др. 1997:71–77; Погребова, Раевский 1992: 178, 188].

В этой связи интересным представляется следующее наблюдение. В античной литературе именно халибы, единственные среди племен южного берега Понта, часто и упорно именуются скифами, а их железо — скифским. Это мы видим уже у Эсхила и его комментаторов, причем у него заметна и мистическая персонификация халибско-скифского меча (Семеро против Фив: 727 сл.; 941 сл.). В том же ряду стоит знакомое нам наименование «скифины» для части халибов, подкрепляемое названием гор, вокруг которых они жили, — «Скидис» (Scydises от основы škuda- 'скиф'), прямо названных Плинием (Плиний V, 99) Скифским хребтом. «Скифские» связи халибов давно уже обратили на себя внимание [Погребова 1984: 18–20], но убедительного объяснения не получили. Не проявились ли в них реальные связи халибов-халдеев со скифскими ализонами Поднепровья, память о которых сохранялась в местной традиции, а может быть, и подкреплялась продолжавшимися контактами?

Халибы вместе с халдеями и Халиту в отечественной литературе почему-то безоговорочно считаются картвельским (точнее, западно-грузинским) племенем, хотя достаточно веских оснований для такого мнения как будто нет. А если признать, что халибы — это те же гализоны (они же халдеи и Халиту), которые из рудных областей Балкано-Дунайского региона расселялись вместе с фригийско-фракийскими племенами, обосновавшись в конце концов в землях почти по всему периметру Черного моря, то указанное мнение окажется крайне маловероятным. Бóльшую определенность в вопрос об этнической принадлежности гализонов и халибов вносит связь последних с мосхами, тоже давно признанная. То, что «мосхи» (Μόσχοι) — греческая передача того слова, которое известно в восточных источниках как «мушки», очевидно и никем не оспаривается. Но если халибы — картвелы, то приходится считать таковыми и мосхов, искусственно отрывая их от мушков и признавая «мушкизированными халибами» [Дьяконов 1968: 222; 1981: 58; 1989: 49].

Кто же такие мосхи и мушки? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшой экскурс в область этнической истории фригийско-фракийских народов, наметив хотя бы в самых общих чертах собственную позицию во взгляде на ряд проблем. Прежде всего нам кажется, что представление о фракийцах как исконном земледельческом населении, обитавшем на Балканах по крайней мере с ранне-бронзового века [Гиндин, Цымбурский 1996: 186, 218–225], трудно согласовать с фактами. Мы ищем истоки фракийской общности в области срубной культуры, а движение ее носителей в Малую Азию считаем следующим за хеттско-анатолийским этапом переселения степных индоевропейских племен из Причерноморья [Пьянков 1989: 111, 112; 1995: 36].

Первой фракийской (в широком смысле) волной явились мусы. Их название позже было зафиксировано многими источниками в разных формах: у греков это мёсы (Μοισοί) Дунайского региона и мисы (Μυσοί) Северо-Западной Малой Азии, у восточных народов (лувийцев, урартов, ассирийцев и др.) — мус[ш]ы и мус[ш]ки(Mus[š]a- и Mus[š]ki-) Малой Азии и Армянского нагорья, причем вторые формы, с -к- (это показатель множественного числа в армянском), сначала относились, видимо, к прямым предкам будущих армян, но впоследствии могли прилагаться к любому фригийско-фракийскому народу [Дьяконов 1981:

56, 57; 1989: 46–48; Дьяконов и др. 1988: 105–107]. Эта первая волна датируется в основном еще XIII в. до н. э., и движение ее в Малую Азию предшествовало падению Приамовой Трои и Хаттусы.

Но античная традиция сохранила память и о ней, отличая ее от последующих волн — фригийской, трерской и вифинской (Страбон I, 3, 21; VII, 3, 2; XII, 3, 3; 8, 3; XIV, 5, 23). Еще Артемидор (на рубеже II–I вв. до н. э.) знал, что малоазийские мисы — переселенцы из области мёсов, живших в его время за Истром (Дунаем) (Страбон XII, 8, 1; ср.: VII, 3, 2; XII, 8, 3), а Аполлодор (II в. до н. э.), опираясь на сообщения более ранних авторов, указывал, что мисы некогда жили около Боспора Фракийского и в Вифинии, вокруг озера и реки Аскания, у Кизика и т. д. (Страбон XII, 4, 8; XIV, 5, 29). Имеются основания полагать, что воспоминания о той же волне сохранились и в поздней мифологической традиции в виде предания о походе Фрикса через Геллеспонт вплоть до Колхиды (Страбон I, 2, 39). Видимо, с теми же событиями связаны и многочисленные следы фригийско-фракийского и вообще балканского присутствия, обнаруживаемые в ономастике Малой Азии той же эпохи, вплоть до появления царского имени Митас (т. е. Мидас) где-то на территории будущей Малой Армении в XIII в. до н. э. Археология свидетельствует о продвижении в это время срубной культуры на запад и формировании на ее основе сабатиновской культуры в Поднепровье (XIV–XIII вв. до н. э.), о дальнейшем продвижении сабатиновцев на запад и юг и формировании культур Ноа и Косложени в Прикарпатье и Нижнем Подунавье (XIII–XII вв. до н. э.) [Дергачев 1997: 44–51] и, наконец, о появлении памятников этих культур срубного происхождения на юге Балканского полуострова (Микены III b-c 1: XIII в. до н. э.) и в Малой Азии (Троя VIIb 1–2: XIII–XII вв. до н. э.) [Черняков 1984: 34–39].

Собственно мушки (= мосхи), расселившиеся на пограничье Анатолийского и Армянского нагорий, и прежде всего в Малой Армении — в долине Верхнего Евфрата (Карасу), и были принесены этой первой фракийской волной еще в XIII в. до н. э.; именно их, по-видимому, можно считать прямыми предками армянского народа (протоармянами} — этнической группой хотя и родственной фригийцам, но отдельной от них [Дьяконов 1961: 357–359; 1968: 114–118]. Вполне возможно, что уже в составе этих переселенцев находились балканские рудознатцы и металлурги гализоны — те самые, которые позже вошли в поле зрения Гомера и урартов и которые, видимо, здесь впервые получили название халибов. Такое предположение делает понятным, почему мушки упорно прорывались в область Верхнего Тигра и Муратсу (где находились богатейшие медные рудники Эргани-Мадени) и оседали там на протяжении XII–IX вв. до н. э., несмотря на сопротивление ассирийцев.

Из античных авторов только Геродот говорит о мосхах примерно в том же смысле, что и восточные источники о мушки. Его мосхи, входящие в XIX ахеменидскую сатрапию наряду с тибаренами, макронами, моссинойками и марами (Геродот III, 94), а непосредственно граничащие по крайней мере с тибаренами (Там же: VII, 78), соответствуют населению Малой Армении вместе с горными халибами.

Сведения других античных источников о мосхах относятся к отдельным анклавам этого народа, расселявшимся к северу от своего основного ядра и, по-

видимому, прямо связанным с горными разработками и металлургией. Таковы мосхи Гекатея Милетского (VI в. до н. э.): «Племя колхов, соседнее с матиенами» (Стефан Византийский s. v.) — под матиенами здесь надо понимать полукочевые мидийские племена, расселившиеся тогда по Армянскому нагорью, включая и верховья Аракса с притоками [Пьянков 1979: 73]. Позднее, при Страбоне (рубеж н. э.), эти же мосхи оказываются разделенными между колхами, иберами и армянами (Страбон XI, 2, 18). А еще позднее, во времена Прокопия Кесарийского (VI в. н. э.), месхи, живущие между Лазикой (прежней Колхидой) и Иберией, считаются уже «издревле подданными иберов» (Войны VIII, 2, 24–26). Здесь характерна постоянно подчеркиваемая «подчиненность» мосхов по отношению к соседям на протяжении веков — положение, свойственное кастам металлургов.

Внимательное изучение сведений о мосхах (подробнее о них см., например: [Лордкипанидзе 1972: 111–113; Хазарадзе 1973: 115–118] позволяет сделать вывод о постепенном перемещении этого народа от северо-восточных пределов Малой Азии к Закавказью, к Грузии [Хазарадзе 1977: 153]. Свидетельством такого перемещения может быть сам географический ареал, в пределах которого разные источники помещают «Мосхийские горы»: от водораздельных хребтов Евфрата, Чорохи и Куры, т. е. от исходной территории мосхов (ср. хребет Мешкитдаг у истоков Чорохи) до гор Аджарии и Гурии [Хазарадзе 1977: 146–152]. Но, что особенно важно, имеются и свидетельства о проникновении мосхов еще далее на север, по ту сторону Большого Кавказского хребта. Гелланик (V в. до н. э.) и Палефат (IV в. до н. э.) говорят о мосхах, живущих вместе с хариматами рядом с керкетами, «выше них» (Стефан Византийский s. v. Хариматы), а Страбон — о мосхах, живущих между керкетами и колхами (Страбон XI, 2, 14).

Очевидно, и на севере шел тот же процесс и в то же время, что и на юге, хотя в последнем случае он и был засвидетельствован намного раньше ассирийцами: мосхи-мушки осваивали новые места в поисках рудных богатств, вступая в конфликты или договорные отношения с правителями местных племен и народов. Но почему в данном случае металлурги мосхов-мушков фигурируют лишь под своим этническим названием? Ответ прост: здесь они проникали в иноэтническую среду и, естественно, были известны прежде всего как иноплеменники (хотя на картвельской территории они, видимо, постепенно ассимилировались). Единственный след, который оставило после себя на Кавказе кастовое имя этих древних металлургов, — название реки Алазоний (Алазань) в Иберии, у верховий которой имеются богатые месторождения меди.

Введение гализонов-халибов в круг фракийских народов позволяет более полно представить и историю этой касты металлургов. Еще в те времена, когда носители срубной культуры продвинулись с востока в Поднепровье и здесь стала формироваться сабатиновская культура, создатели последней проникают в Карпатско-Дунайскую область и овладевают местными металлургическими центрами (XIV–XIII вв. до н. э.) [Дергачев 1997: 45; ср.: Черных 1976: 149, 197–201]. Тогда-то, видимо, и появилась каста гализонов в составе фракийского этноса. Впоследствии гализоны расселялись вместе с фракийскими племенами, не теряя внутренних контактов. Археологически проследить этот процесс во

всех деталях трудно, но ясно, что металлурги Днепра и Днестра, т. е. киммерийско-скифские гализоны, по крайней мере до V в. до н. э., сохраняли связь с Карпатско-Дунайской областью и Кавказом, что металлурги Юго-Восточного Причерноморья, т. е. гализоны-халибы, известные также как мосхи (племенное название), продвигались от северо-востока Малой Азии к Кавказу, а затем и перевалили через Большой Кавказский хребет, последовательно создавая на протяжении XIII (XIV?) — XI вв. до н. э. колхидский, кобанский и прикубанский металлургические очаги, и что, наконец, создатели этих последних и носители культуры фракийского гальштата сохраняли следы генетического родства и поддерживали постоянные контакты между собой (ссылки на соответствующую археологическую литературу см. в начале статьи).

В стране мосхов, между Колхидой и Иберией, находилось святилище Левкотеи (Вани), основанное Фриксом, и городок Фрикса (в районе Абастумани) (Страбон XI, 2, 17, 18). Левкотея — богиня-покровительница кузнецов, и городище Вани действительно изобилует следами металлургического производства, литья бронзы на месте, ювелирного дела [Лордкипанидзе 1972: 1984]. Вани в аспекте нашей темы особенно ценно как свидетельство «культурной радиации», шедшей из Малой Азии на северо-восток, в Закавказье. Многочисленные связи и аналогии указывают на Верхний Евфрат, т. е. исходную территорию мосховмушков, и ведут далее на запад, в Каппадокию, Фригию и даже Фракию, а также свидетельствуют о контактах с греками от архаической до эллинистической эпох, т. е. охватывают всю ту зону, где расселялись гализоны-халибы (об этих связях и аналогиях см., например: [Лордкипанидзе 1992: 188–190, 201–203, 207, 210–212]. По поводу источника такой «радиации» возникла даже дискуссия: были ли им мосхи (понимаемые как иберы) или непосредственно жители Малой Азии [Цецхладзе 1994: 206, 207]? Но если принять наше понимание мосхов, то предмет спора вообще исчезнет.

Памятники святилища Вани теоретически должны представлять культуру мосхов в чистом виде. Поэтому очень интересно было бы сопоставить их с памятниками кобанской культуры, чтобы выявить в последней собственно мосхский элемент, характеризующий пришлую касту металлургов, отделив его, скажем, от культуры автохтонов. Ведь в археологии «чаще всего мы сталкиваемся с остатками и следами потребителей продукции», а не самих мастеров, часто являвшихся «чужеродным телом» в социальном организме, находящемся с последним «в той или иной форме связи — экономической, социальной или политической» [Черных 1976: 168].

Гализоны-халибы были не первой и не единственной кастой металлургов. Их предшественниками и отчасти современниками в Передней Азии были библейские Каин и его потомки кениты — бродячие кузнецы и медники. Ближайшая к халибам область Тубал (горы Антитавра), известная своими медными изделиями, именовалась также Тубал-Каин (как и ее эпоним). Это имя иногда прилагалось, кажется, и к халибам; во всяком случае, у Плиния Старшего (Плиний VI, 11) в перечне племен рядом с халибами однажды появляются «племена кенов (Caenarum)». В Малой Азии еще до расселения гализонов, во времена Хеттского царства и ассирийских колоний, производились и обрабатывались медь и брон-

за, железо и сталь, серебро и т. д., причем в некоторых случаях, возможно, этим занимались кузнецы в специализированных поселениях, выплачивая дань металлами [Гиоргадзе 1988: 249–251; Янковская 1968: 28–34]. Видимо, одно из древнейших названий железа действительно имеет западнокавказское (хаттское) происхождение, автохтонное для Малой Азии, хотя доказать, что именно от него происходит слово «халибы» [Иванов 1983: 107], мне кажется, было бы трудно.

Но в области металлургии бронзы с расселением фракийско-фригийских племен связаны значительные изменения. Именно в это время, во второй половине II — начале I тыс. до н. э., по всей циркумпонтийской зоне распространяются оловянистые бронзы [Черных: 1976: 197]; с самого начала характерны они и для кобанской культуры [Козенкова 1989: 266]. Не случайно изобретателем олова считался фригиец Мидас [Ельницкий 1961: 48, примеч. 1]. Господствовавшие до этого мышьяковистые бронзы вытесняются, сохраняясь лишь в немногих очагах. В этой связи очень показательно сообщение Аристотеля об особом способе выплавки меди моссинойками, которые, пользуясь древними секретами, примешивают к меди не олово, а «особый сорт местной земли» (О чудесных слухах: 62). Моссинойки же, судя по ряду признаков, — восточнокавказский народ, автохтонный по отношению к гализонам.

Таково возможное объяснение циркумпонтийского металлургического феномена конца II–I тыс. до н. э. Проблема требует дальнейшей разработки.

Библиография

Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 263–306.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

Гиоргадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 238–262.

Граков Б. Н. Ранний железный век. М., 1977.

Дергачев В. А. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. Кишинэу, 1997.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Дьяконов И. М. Урарту // Всемирная история. М., 1955 Т. I. С. 513–526.

Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956.

Дьяконов И. М. Материалы к фонетике урартского языка // Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.; Л., 1958. С. 27–53.

Дьяконов И. М. Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. М., 1961. С. 333–368.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2. С. 34–64.

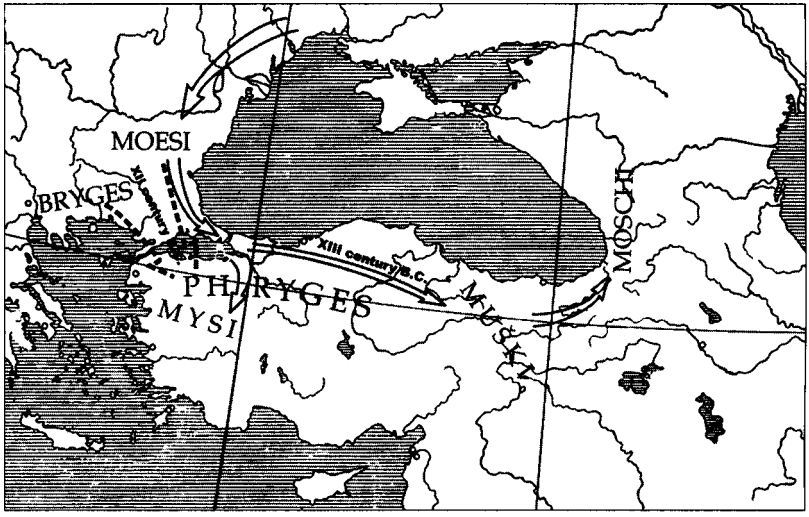
Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 46–69.

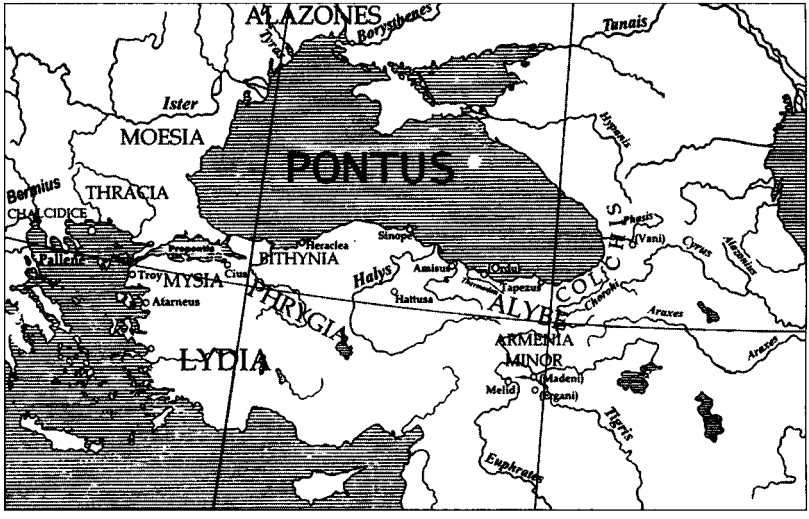
Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия // История Востока. М., 1997. Т. I. С. 312–331.

Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г. Северная периферия нижнемесопотамской цивилизации IV–II тыс. до н. э. // История Древнего Востока. М., 1988. Ч. 2. С. 21–117.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23. С. 75–124.
Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 252–267.
Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955.
Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Лордкипанидзе О. Д. К локализации святилища Левкотеи // ВДИ. 1972. № 2. С. 106–125.
Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. 2-е изд. М., 1984.
Лордкипанидзе О. Д. Городище Вани в общеколхидском контексте. Дискуссия об античном Вани // ВДИ. 1992. № 1. С. 184–212.
Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.; Л., 1956.
Массон В. М. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 124–133.
Медведская И. Н. [Рецензия] Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987 // СА. № 2. С. 269–273.
Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
Мелюкова А. И. География и этногеография Скифии в трудах советских ученых. Скифская материальная культура: деревянная и металлическая посуда; хозяйство, быт, торговля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 40–48, 110–120.
Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 7–36.
Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды // ВопДИ. 1973. С. 126–155.
Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
Погребова М. Н.. Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
Пьянков И. В. Матианы и саспиры // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку: Тезисы докладов. М., 1979. С. 72–76.
Пьянков И. В. Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 111–112.
Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 191–207.
Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. М. С. 27–46.
Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
Хазарадзе Н. В. Гекатеевы матиены // ВопДИ. 1973. С. 111–119.
Хазарадзе Н. В. К вопросу о локализации Мосхийских гор // ВопДИ. 1977. С. 146–153.
Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии // ВопДИ. 1977. С. 119–141.
Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.
Цецхладзе Г. Р. Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья // ВДИ. 1994. № 3. С. 188–209.

Черных Е. Н. Металл — человек — время. М., 1972.
Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. 1988. С. 37–57.
Черняков И. Т. Связи сабатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем // Северное Причерноморье (Материалы по археологии). Киев, 1984. С. 34–42.
Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1968.
Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923. Bd I.

3. К ВОПРОСУ О МАРШРУТЕ ПОХОДА КИРА II НА МАССАГЕТОВ*

Кир II, основатель громадной державы Ахеменидов, погиб где-то на далеких северо-восточных окраинах известной тогда ойкумены в битве со среднеазиатскими кочевниками. Это событие уже в древности считалось весьма значительным и, конечно, имело важные последствия как для персидской державы, так и для независимых среднеазиатских племен[1]. В любой работе, посвященной Ирану и Средней Азии соответствующего периода, это событие не может быть обойдено. Следует учесть еще и то обстоятельство, что сведения о походе Кира II на массагетов — одни из немногих сведений в письменных источниках, проливающих свет на столь ранний период в истории нашей страны.

Но истолкование самого события и его последствий, использование тех данных, которые сообщаются в связи с походом Кира, требуют предварительно локализации событий и во многом зависят от нее. Между тем маршрут похода еще недостаточно твердо установлен. Источники не дают в этом отношении точных указаний. В числе того сравнительно немногого, что мы знаем о походе, имеется, в частности, указание на какую-то большую реку, через которую пришлось переправляться по мостам персидскому царю со своим войском. От того, как определяют эту реку, часто и зависит определение маршрута похода. Одни исследователи считают, что здесь имеется в виду Амударья, другие — Сырдарья[2].

Не пытаясь перечислить все существующие предположения о маршруте похода, мы остановимся на некоторых работах, где специально рассматривается маршрут похода. Мы будем иметь в виду главным образом две работы: работу Геррмана, посвященную древней географии области нижнего течения Амударьи, в которой автор уделяет внимание и рассматриваемому вопросу[3], и весьма обстоятельную статью акад. В. В. Струве о походе Дария I на саков, который автор считает повторением неудачного похода Кира[4]. Оба автора признают местом переправы Кира Амударью, но Герман говорит о древнем каспийском рукаве этой реки, а В. В. Струве — о современном нижнем течении Амударьи[5]. По-

---

* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // Вестник древней истории. М.: Изд-во АН СССР, 1964. № 3. С. 115–130.

[1] В последнее время была сделана попытка поставить в связь с этим походом даже распространение зороастризма в Иране: *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Cambr., 1959. P. 15.

[2] В числе последних можно указать, например: *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961. С. 77; *Herzfeld E. E.* Zoroaster and His World. Princeton, 1947. P. 449; *Rogers R. W.* History of Ancient Persia from the Earliest Beginnings to the Death of Alexander the Great. N. Y., 1929. P. 67 и др.

[3] *Herrmann A.* Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. B., 1914. S. 19.

[4] *Струве В. В.* Поход Дария I на саков-массагетов // И АН. СИФ. 1946. № 3. С. 231–250.

[5] Там же. С. 245 сл.

следнее решение как будто более удовлетворяет новейшим данным археологических и геологических изысканий, согласно которым Узбой перестал функционировать как живая река еще в начале I тыс. до н. э.[1]

Но прежде, чем перейти к существу вопроса, следует несколько слов сказать об источниках. Трагический конец основателя «мировой», в представлениях того времени, державы и поражение персидского войска в битве с безвестными «скифскими» кочевниками, несомненно, произвели сильное впечатление на народы персидского государства. Сказания о гибели Кира, очевидно, стали складываться вскоре после его смерти. Геродоту известно уже много версий этих сказаний (λόγοι — *Her.*, I, 214). Видимо, лишь некоторые из них дошли до нас через посредство античных писателей; фольклорные черты во всех этих версиях вполне определенны. Все они повествуют о гибели Кира в борьбе со среднеазиатскими кочевниками, хотя отдельные обстоятельства его гибели рисуются ими очень различно. Ниже мы попытаемся наметить несколько таких версий[2].

1. Одна из версий — по мнению Геродота (I, 214), самая достоверная — повествовала о переправе Кира через Аракс и вторжении его в землю массагетов, над которыми царствовала Томирис (Τόμυρις).

Эта версия подробно излагается Геродотом (I, 201, 204–214; III, 36), у которого она впервые засвидетельствована. Как полагает Якоби, Геродот мог использовать здесь малоазийские и персидские рассказы[3].

Страбону данная версия известна уже от «многих» (*Strabo*, XI, 8, 6). В числе этих «многих» были Геродот (см. ниже) и, видимо, Мегасфен (II, fr. 20, FHG, II, стр. 416). Она знакома и более поздним авторам, например Теофилу (III, 27) и Элию Аристиду (De rhet., II, 64).

Намек на эту версию можно видеть и у Дионисия Периегета[4]. С некоторым искажением ее передают Филострат Младший (Heroic., V, 3) и Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 7). Частью своих сведений о последнем походе Кира обязан этой версии Орозий[5].

2. Другая версия, очень близкая первой, описывает поход в общем в тех же чертах, добавляя, однако, некоторые новые детали к рассказу о последней битве.

---

[1] Из последней литературы по этому вопросу см.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», «Материалы Хорезмской экспедиции». М., 1960. Вып. 3. С. 23 сл.; 316, 343 и др.; *Лопатин Г. В., Деньгина Р. С., Егоров В. В.* Дельта Амударьи. М.; Л., 1958. С. 16, 22–25 и табл. 1. Ср. в связи с этим локализацию похода Кира в кн.: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, М.; Л., 1948. С. 106 и карта № 1, с. 102. Следует отметить, что эти же данные делают совершенно невозможным часть маршрута, реконструируемого В. В. Струве (Ук. соч. С. 245), а именно — путь громоздкого флота Кира из Каспия на Амударью через Узбой. Подтверждений существованию водного пути по Узбою в древности, на котором настаивал Герман (Ук. соч. С. 25 сл.), по-видимому, даже и в письменных источниках нет (объяснение указаний на этот путь у Страбона и Плиния см. в книге: *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1938. P. 488–490.

[2] Мы не принимаем во внимание совершенно недостоверные рассказы о смерти Кира в мирной обстановке. Таков, например, рассказ Ксенофонта в его романе о Кире (*Cyrop.* VIII, 7, 3–28), видимо, сочиненный им самим в дидактических целях.

[3] *Herrmann*, ук. соч., стр. 12.

[4] *Dion. Per.*, 739–745; *Avien*, 916–922; *Prisc.*, 718–721.

[5] Упоминание Аракса: *Oros.*, Hist. adv. paganos, II, 7, 1.

Враги Кира здесь — скифы во главе с царицей Тамирис (Tamyris). Но река, через которую переправился Кир, названа Оакс.

Эта версия представлена у Юстина — Трога Помпея (I, 8; II, 3,3; XXXVII, 3,1). С ней знакомы Фронтин (Strat., II, 5, 5), Полиен (Strat., VIII, 28), Аполлинарий Сидоний (Carm., IX, 30–37), Эмилий Драконтий (De laud. Dei, III, 488–493) и с указанными выше добавлениями — Орозий (II, 7, 1–5). Полагают, что эта версия восходит к Динону[1].

3. Наконец, еще одна версия имеется у Ктесия[2]. И здесь, как всегда, Ктесий стремится ни в чем не повторять Геродота. Трудно сказать, что в рассказе Ктесия о войне Кира с дербиками следует отнести за счет действительно слышанного им предания, а что — за счет его собственной фантазии.

Во всяком случае, рассказ Ктесия во многом перекликается с тем, что известно из сочинений других авторов. С предшествующими двумя версиями его сближают разделение войны на два этапа и указание на гибель одной трети врагов Кира в конце первого этапа (если приведенную затем цифру 30 000 понимать как итоговую), с сообщением Арриана (Anab., III, 7, 4) — указание на участие в войне какого-то еще одного скифского (сакского)[3], племени, а на связь этой войны с индийскими событиями, может быть, намекает Мегасфен (II, fr. 20).

Кроме этих версий, несомненно, существовали и другие. Оригинальны, например, сообщения Берosса (*Euseb.*, Chron., FHG, II, стр. 505) и Диодора (II, 44, 2). К сожалению, они весьма кратки. Об источниках их трудно что-либо сказать[4]. Страбон (XI, 8, 5) наряду с первой версией знал, видимо, и другую, очень близкую к ней, но противниками Кира здесь выступают саки, а не массагеты. Курций, возможно, намекает на историю гибели Кира, где фигурируют абии[5], — версия, которая могла иметь хождение у историков Александра. Вообще отдельные фрагменты рассказов о гибели Кира и намеки на эти рассказы можно часто найти в античной литературе; но не всегда удается отнести их к какой-либо определенной версии, как, например, сообщения Арриана (Anab., III, 27, 4; IV, 11, 9; V, 4, 5).

При реконструкции похода Кира мы будем опираться главным образом на тот материал, который имеется в перечисленных выше версиях. Привлекать сюда данные о походе Дария на саков кажется нам рискованным, так как локализация этого последнего похода очень неопределенна.

В характеристике похода Дария на саков как повторении похода Кира В. В. Струве опирается на предложенное им восстановление второй половины пятого столб-

---

[1] См.: *Herrmann*. Op. cit. P. 19.

[2] *Ctes.*, Pers., fr. 29, 6–7 (Phot. cod. LXXII, p. 106).

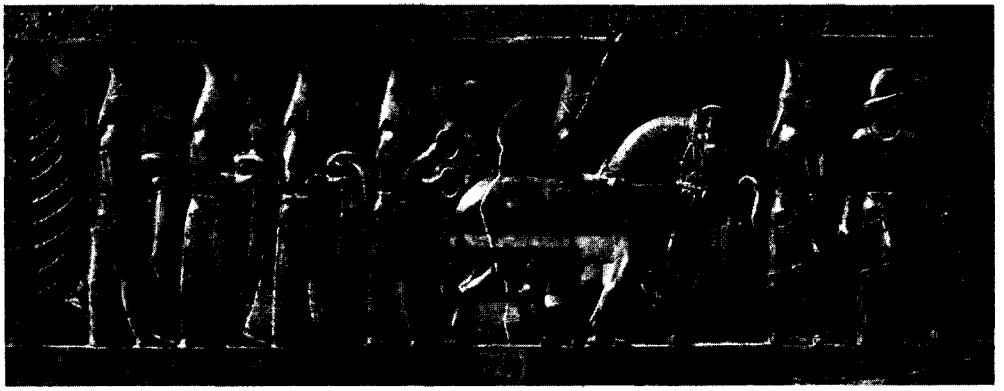
[3] Об ариаспах-эвергетах как скифском племени см.: *F. W. Thomas*, Sakastana, JRAS, 1906, pt. 1, стр. 197. Впрочем, возможно, что ариаспов следует связывать с другим походом Кира, *Diod.*, XVII, 81, 1; ср. *Arr.*, Anab., VI, 24, 2–3.

[4] Ср. о Диодоре: «Woher der Abschnitt über die Skythen (II, 43, 44)... stammen, laßt sich nicht sagen» (*Schwartz E.* Griechische Geschichtsschreiber. Lpz. S. 50).

[5] «Liberi (речь идет об абиях) ex quo decesserat Cyrus» (VII, 6, 11).

ца Бехистунской надписи (Ук. соч. С. 232 сл.). В тексте, восстановленном В. В. Струве, имеется, в частности, упоминание о том, что Дарий восстановил (avāstāyam) корабельный мост (pisam) близко к морю. В. В. Струве считает, что здесь идет речь о восстановлении моста, построенного еще Киром во время его похода на массагетов. Но в результате нового обследования Бехистунской надписи Камероном выяснено, что старое чтение pisa (pisa = «понтонный мост, плот») в строке 24 пятого столбца Бехистунской надписи оказалось ошибочным[1]. Очевидно, нет оснований и для восстановления pisam в строке 23. В связи с этим отпадает и вся версия о восстановлении моста на старом месте[2].

Что же касается саков, против которых совершил поход Дарий (очевидно, sakā tyaiy paradraya), то локализация их остается спорной[3]. Впрочем, некоторые исследователи до сих пор считают, что противники Дария здесь — sakā tigraxaudā[4].

Саки тиграхауда. Фрагмент рельефа из Персеполя
(по: *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Berlin, 1966. Tafeln)

Для характеристики похода Дария на саков В. В. Струве (Ук. соч. С. 233 сл.) привлекает также данные Полиена. Но описанный у Полиена поход Дария на саков никак не может быть локализован в низовьях Амударьи, «близко к морю». Единственное указание на географию похода в рассказе Полиена (VII, 12) ориентирует на значительно более восточные районы: Дарий из похода на саков возвращается к реке Бактр — очевидно, пограничной реке[5], подобно Араксу в рассказе о походе Кира. Пограничной рекой между Бактрией и скифами (resp. саками) в эпоху до Александра считался Аракс (Амударья)[6]. Так как из источ-

[1] *Kent R. G.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, 2 ed. New Haven, 1953. P. 197.

[2] [Новые чтения пятого столбца Бехистунской надписи см.: *Дандамаев М. А.* Поход Дария против скифского племени Тиграхауда // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 61. М., 1963. С. 175–187; *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Saka tigrahauda // Studies on the sources on the history of preislamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 19–28. Я. Харматта уже учитывал выводы моей статьи о массагетах (P. 27) (*Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2)].

[3] *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960. С. 64.

[4] Там же. С. 64, прим. 25; с. 113.

[5] Ср. *Lucan.* De bello civili, III, 26 сл., где говорится о Бактре как границе Скифии.

[6] Каллисфен у *Strabo*, XI, 14, 13.

Сак тиграхауда. Реконструкция костюма (по: *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972. Вкл., рис. 1)

ников известно, что названия «Аракс» и «Бактр» могли прилагаться к одной и той же реке[1], то отсюда следует, что под Бактром в указанных здесь сообщениях, очевидно, имелась в виду часть Аракса (Амударьи)[2], служившая границей Бактрии, т. е. верхнее, но ни в коем случае не нижнее течение Амударьи. Итак, сведения о походе (может быть, походах) Дария на саков не могут быть привлечены для уточнения маршрута Кира. Единственный материал, которым мы располагаем здесь, — это сообщения о самом походе Кира. Этот материал снабжает нас двумя главными вехами для определения маршрута: река, через которую переправился Кир, и народ, против которого был направлен поход.

Местом переправы, как уже отмечалось выше, в первой версии назван Аракс[3], во второй — Оакс (*Iust.*, I, 8, 2). Филострат (V, 3) говорит об Истре, а Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 7) — о Боспоре.

Большое значение для локализации всего похода имеет определение местоположения Аракса. Именно эта река в большинстве случаев принимается во внимание, когда определяют маршрут похода. Из двух предложенных отождествлений Аракса[4] — с Амударьей и Сырдарьей — только первое, как мы попытаемся показать ниже, удовлетворяет всем данным источников при возможно более полном учете их.

Своего рода «классическое», наиболее известное, описание низовьев Аракса у Геродота и Страбона[5], восходящее в основе к Гекатею, вполне приложимо к Амударье: река, разделяющаяся на множество рукавов, которые теряются в болотах или впадают в какое-то море на севере; лишь один рукав этой реки достигает Каспийского моря, протекая по открытой местности.

Весьма существенно дополняют это описание те сведения об Араксе, которыми располагает Аристотель (Meteor., I, 13, 15–16). Признано, что они восходят к Ктесию[6]. Здесь сообщается о том, что крупнейшие реки Азии текут с горы Парнасс (Гиндукуш)[7], и среди этих рек перечислены: Бактр, Хоасп, Аракс с Танаисом,

[1] *Ктесифонт (Ктесий?) Ps.-Plut.*, De fluv., 23, 1.

[2] Названия рек по местности характерны для Средней Азии и позже; ср.: «река Шаша», «река Ходжента» для Сырдарьи.

[3] *Her.*, I, 205–211; *Ael. Arist.*, II, 74; *Oros.*, II, 7, 1.

[4] Здесь и в дальнейшем мы будем иметь в виду только среднеазиатский Аракс. В древности под этим именем кроме среднеазиатской реки было известно еще несколько рек: Кавказский Аракс, Волга, река в Персиде.

[5] *Her.* I, 202; *Strabo*, XI, 8, 6; Каллисфен у *Strabo*, XI, 14, 13.

[6] *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953. С. 131.

[7] Uparisaina Авесты.

впадающим в Меотиду[1], Инд. Помимо указания на район истоков Аракса[2] в этом фрагменте важно отметить еще и то, что рядом с Араксом упомянут Танаис[3].

Какая река названа здесь Танаисом — в этом, на наш взгляд, не может быть сомнений. В эпоху Александра Македонского, когда смешение Азовско-Черноморского и Аральско-Каспийского бассейнов прочно засвидетельствовано, Танаис у спутников Александра означал Сырдарью. Но Аристотель, безусловно, оказывал влияние на формирование географических воззрений спутников и историков Александра, и на самого Александра, его воспитанника. В числе прочего должно быть привнесено в географию Средней Азии во времена Александра, под влиянием Аристотеля, и представление о Танаисе[4] (Аристобул знал, что Танаис местными жителями назывался Орксантом, не Танаисом — *Arr.*, Anab., III, 30, 7; ср. *Plut.*, Alex., 45). Отсюда следует, что Танаис Аристотеля — то же самое, что и Танаис спутников Александра, т. е. Сырдарья.

В то же время, Танаис — это действительно иранское, видимо, древнейшее название Сырдарьи. Так она названа в Авесте (Danu — иранский прототип для греческого Τάναις)[5]. Тождество названия Танаиса — Дона и Танаиса — Сырдарьи и могло послужить основанием для странного представления о тождестве Азовско-Черноморского и Аральско-Каспийского бассейнов. Может быть, такое представление было распространено уже среди самих персов, а Ктесий лишь передал то, что слышал от окружающих во время своего пребывания при дворе персидского царя.

Все это важно для нас в том отношении, что позволяет заключить о достаточном знакомстве персов той эпохи и со второй великой среднеазиатской рекой — Сырдарьей. При этом хотя ее и путали с Доном, но достаточно четко отличали от Амударьи (Аракса). Это дает больше уверенности в том, что в описании Аракса мы имеем не смутный образ слившихся воедино рек Амударьи и Сырдарьи, как иногда полагают, но только Амударьи, что когда осведомители Геродота сообщали ему о переходе Киром Аракса, то они имели в виду только Амударью, но не Танаис — Сырдарью[6].

---

[1] То же повторяют Василий Кесарийский (Hex., III, 6) и Псевдо-Скимн (Perieg., 865 сл.).

[2] Здесь Ктесий действительно исправляет Геродота, который, сообщая о районах истока Аракса (I, 202), путает среднеазиатский Аракс с закавказским.

[3] Танаис здесь назван рукавом Аракса. Подобным образом в мусульманской средневековой географии Джейхун (Амударья) и Инд считались двумя рукавами одной и той же реки (*Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, «Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Kl., N. F., Bd III. N 2. B., 1901. S. 149). Ктесий выбрал такой вариант, несомненно, для того, чтобы внести очередную поправку в рассказ Геродота. Если Геродот пишет о рукаве Аракса: τὸ δὲ ἓν τῶν στομάτων τοῦ Ἀράξεω ῥέει… ἐς τὴν Κασπίην θάλασσαν (I, 202), то Ктесий «исправляет»: τούτου [τοῦ Ἀράξου] δ' ὁ Τάναις ἀποσχίζεται μέρος ὧν εἰς τὴν Μαιῶτιν λίμνην (*Aristot.*, Meteor., I, 13, 16). Но речь идет просто о разных вещах.

[4] Сообщение Аристотеля об Араксе и Танаисе пересказано у одного из историков Александра, Гекатея Эретрийского (*Ps.-Scymn.*, Perieg., 865 сл.), а в Itinerar. Alex., 79, автор, опять пересказывая то же сообщение, выводит Танаис уже не в Меотиду, а в Гирканское море, — своего рода комментарий к Аристотелю, из которого следует, что Танаис Аристотеля — то же, что и Танаис спутников Александра. Ср. *Arr.*, Anab., III, 30, 7; *Strabo*, XI, 7, 4.

[5] Это установлено В. И. Абаевым: *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // ArOr. 1956. XXIV. 1. С. 42–45. Ср. *Gershevitch.* Op. cit. P. 189. Прим. 1.

[6] Предположение Геррмана (*Herrmann.* Op. cit. S. 20) о Танаисе Аристотеля как современном, аральском русле Амударьи, при учете всего сказанного выше, кажется нам неубедительным.

Дополнением к указанному сообщению Аристотеля об Араксе могут служить упоминания об этой реке, встречающиеся кое-где в сочинениях историков Александра, Они обнаруживают явную близость к сведениям Аристотеля и должны восходить к общему им всем первоисточнику, т. е. Ктесию, — возможно, через посредство Аристотеля. Дело в том, что в географических представлениях спутников и историков Александра об отдаленных странах явно совмещаются два слоя: один — книжная традиция, знания, усвоенные еще до походов, другой — знания, полученные во время походов. Сказанное относится и к представлениям об Амударье: в первом случае она фигурирует под названием Аракс, во втором — Окс.

Эти дополнительные сведения также говорят в пользу отождествления Аракса только с Амударьей. Особенно интересны в этом отношении сообщения Курция, у которого книжная традиция вообще значительно более заметна, чем, например, у Арриана. Описывая «Кавказский хребет»[1], Курций говорит, что одной своей стороной (северной) он обращен (spectat) к Каспийскому «заливу», реке (amnis «река, впадающая в море») Араксу и пустыням Скифии (VII, 3, 19). С этого хребта текут многие реки Азии, впадая в Каспийское и Гирканское моря (VII, 3, 21)[2]. Очевидно, под Араксом и здесь имеется в виду Амударья, так как ближайшей к «Кавказу» с севера крупной рекой была именно эта река, и было бы странно, если бы вместо нее здесь была названа Сырдарья.

Под именем «Аракс» Амударья, должно быть, была известна с глубокой древности. Признано, что Аракс знаком авторам гимнов Ригведы[3]. В одном из списков рек, встречающихся в Ригведе, перечисление в котором идет с северо-запада на юго-восток, Аракс (Rasā) назван первым. За ним следует река Кабул (Kubhā)[4]. И здесь, если считать, что Аракс — это Сырдарья, будет непонятным пропуск Амударьи в перечне рек.

Итак, все то, что говорится в источниках об Араксе, удовлетворяет сопоставлению его с Амударьей; нет ни одного свидетельства, которое бы решительно противоречило этому и указывало на Сырдарью. И в полном соответствия с этим во второй версии о походе Кира в качестве названия реки, через которую переправился Кир, как эквивалент Араксу появляется Оакс. Это обстоятельство, которое часто не учитывается при определении маршрута похода Кира, окончательно убеждает в правильности отождествления Аракса с Амударьей и заставляет считать местом переправы Кира только Амударью. Несомненно, Oaxes (греческий

[1] Здесь у Курция сказалось влияние более поздних географических теорий, а именно представление о горном хребте, который делит Азию пополам в широтном направлении. Одной из частей этого хребта считался и Гиндукуш — Паропанис.

[2] Сведения Курция об Араксе через посредство более ранних источников Александра должны восходить, с некоторыми изменениями, к Аристотелю. Особенно заметно это в «письме Дария Александру», где в качестве крупнейших рек Азии названы рядом Аракс и Хоасп (IV, 5, 4). Посредниками здесь могли быть историки Александра, у которых засвидетельствованы упоминания Аракса: Каллисфен (*Strabo*, XI, 14, 13), ученик и племянник Аристотеля, или Гекатей Эретрийский (*Ps.-Scymn.*, Perieg., 865 сл.).

[3] В форме Rasā, соответствующей авест. Raŋhā (т. е. Аракс).

[4] *Geiger W.* Ostiranische Kultur in Alterthum. Erlangen, 1882. S. 204.

прототип Ὄαξης) Юстина (I, 8, 2) — одна из попыток, видимо, самая ранняя (Динон писал около 340 г. до н. э.), передать иранское Vaxšu. В дальнейшем, со времени походов Александра, утвердилось написание Ὦξος,Ὦξος (лат. Oxus).

Другие указания на место переправы Кира — у Филострата и Аммиана Марцеллина — основаны, очевидно, просто на недоразумении.

Геродот (I, 202) в начале своего описания войны Кира с массагетами сравнивает Аракс с Истром. Филострат, вообще очень неточно передавший здесь Геродота, запомнил только упоминание Истра, так что он в его сознании совсем заменил Аракс.

Когда Аммиан Марцеллин сообщает, что Кир в походе на скифов царицы Томирис переправился через Боспор, то он, очевидно, путает поход Кира на массагетов с известным походом Дария на скифов, рассказ о котором имеется у того же Геродота (IV, 83–143).

Но если с полным основанием можно считать, что река, через которую переправился Кир — это определенно Амударья, то каких-либо более точных сведений о месте переправы Кира использованные выше материалы не дают. Возможность дальнейшего уточнения маршрута Кира дают упоминания народа, против которого был направлен поход.

Противниками Кира, как уже отмечалось выше, в первой версии названы массагеты[1], во второй — скифы[2], в третьей — дербики[3]. Страбон (XI, 8, 5) говорит о саках, Курций (VII, 6, 11) — об абиях. Наконец, Беросс (*Euseb.*, Chron., FHG, II, стр. 505) сообщает, что Кир погиб в «равнинах даев».

Названия «скифы» и «саки» сами по себе мало что дают, так как оба термина наряду со специальным, более узким употреблением, применялись также для обозначения северных кочевников вообще, первый — у греков[4], второй — у персов.

Более конкретно название массагетов. Определение местоположения массагетов в связи с походом Кира дают Геродот (I, 201 и 204) и Страбон (XI, 6, 2; 8, 6–7).

Из указаний Геродота в качестве непосредственно связанных с рассказом о походе можно рассматривать следующие два: массагеты обитают по ту сторону Аракса и к востоку от Каспийского моря.

Первое указание: массагеты обитают πέρην τοῦ Ἀράξεω ποταμοῦ (I, 201), — несомненно, пересказывает только то, что Геродоту было известно из сказаний о походе Кира; ведь Кир, чтобы попасть к массагетам, ἐπεραιώθη по ту сторону Аракса (I, 209).

Второе указание: массагеты обитают на «обширной равнине» (πεδίον μέγα), примыкающей с востока к Каспийскому морю (1, 204), — непосредственно сопровождается словами: ἐπ' οὓς ὁ Κῦρος ἔσχε προθυμίην στρατεύσασθαι (Там же).

---

[1] *Her.*, I, 201 сл.: *Ael. Arist.*, II, 74; *Theoph.*, III, 27; *Megasth.*, II. fr. 20; *Strabo*, XI, 6, 2, 8, 6.

[2] *Iust.*, I, 8, 1; *Oros.*, II, 7, 1; *Front.*, II, 5, 5; *Apoll. Sid.*, IX, 37; *Aem. Drac.*, III, 488; так же *Diod.*, II, 44, 8; *Arr.*, Anab., IV, 11, 9; *Amm. Marc.*, XXIII, 6, 7; *Phil.*, V, 3; *Luc. Amp.*, Lib. memor., XIII, 1; *Sulp. Sev.*, Chron., 1, 9, 4.

[3] *Ctes.*, Pers., fr. 29, 6 (*Phot.* cod. LXXII, p. 106).

[4] В том числе для обозначения массагетов; ср. Геродот (I, 201) о массагетах: «...по мнению некоторых, это скифский народ».

Поскольку Геродоту было известно, что с Каспийским морем связан только один рукав Аракса, причем протекал он διὰ καθαρου (1, 202: καθαρόν — «открытое, гладкое, свободное место» — ср. πεδίον μέγα), то, очевидно, именно эта часть Аракса и имеется в виду при определении местоположения массагетов. Так определяется у Геродота территория массагетов, на которую вторгся Кир.

В. В. Струве, опираясь на данные Страбона, которые он считает более точными, чем сведения Геродота, заключает, что массагеты, воевавшие с Киром, «населяли область за теми рукавами Аракса (Амударьи), которые впадали в Аральское море» (Ук. соч. С. 240).

Что же нового по сравнению с Геродотом сообщает в данном случае Страбон?

Прежде всего, следует заметить, что не все сведения Страбона о местоположении массагетов могут быть использованы для локализации современных Киру массагетов. Например, то, что массагеты обитают не непосредственно к востоку от Каспийского моря, но восточнее даев, было известно лишь современникам Страбона (XI, 8, 2; ср. XI, 7, 1). В более древние времена массагеты известны на восточном берегу Каспия (Strabo, XI, 6, 2). Это последнее сообщение, судя по контексту, связано с рассказом о войне Кира с массагетами, но оно лишь подтверждает сообщения Геродота, ничего нового по сравнению с ними не давая.

Другое дело — описание массагетов у Страбона (XI, 8, 6–7), которое хотя и не дает прямых указаний о маршруте похода Кира, но также связано с рассказом об этом походе, о войне Кира с массагетами. Здесь данные о расселении массагетов как будто действительно отличаются от данных Геродота. Это отличие, а равно и причина его хорошо выявляются, если сравнить, как построено описание массагетов у Геродота, с одной стороны, и у Страбона, — с другой.

Геродот своеобразно строит свое описание. Начинает он с сообщения о том, что массагеты живут по ту сторону Аракса (I, 201). С связи с этим дается описание Аракса, а попутно — описание жителей островов Аракса и жителей болот при устьях Аракса; массагетами эти люди не названы[1]. Далее говорится, что один из рукавов Аракса впадает в Каспийское море (I, 202). Это дает повод Геродоту перейти к описанию Каспийского моря, западного его берега, Кавказа и его жителей (I, 203) и, наконец, восточного берега, занятого массагетами (I, 204). Здесь описание прерывается рассказом о походе Кира на массагетов. Лишь после этого дается описание образа жизни и обычаев массагетов (I, 215–216)[2].

Страбон, очевидно, имевший в виду и Геродота среди тех «многих», которые повествуют о войне Кира с массагетами и к которым он «обратился за сведениями» (о массагетах)[3] (XI, 8, 6), заимствовал геродотово описание, — действи-

[1] Возможно даже, что жители болот связаны не со среднеазиатским Араксом, а с каким-то другим. Геродот (I, 202) говорит, что они одеваются в «тюленьи шкуры» (φωκέων δέρματα). Тюлени, как известно, имеются в Каспийском море, но в Аральском их нет.

[2] О роли отступлений в повествовании Геродота см.: История греческой литературы. М., 1955. Т. II. С. 41 сл. 64–66.

[3] Это указание Страбона на источник своих ведений о массагетах (писатели, повествовавшие о войне Кира с массагетами) свидетельствует, что описание массагетов не могло быть заимствовано Стра-

тельно тесно связанное с рассказом об этой знаменитой войне, — но изложил его так, будто оно все целиком, со всеми его вставками и отступлениями относится только к массагетам. Так появились в описании Страбона «массагеты островов», «массагеты болот», «массагеты гор» (сюда включено то, что у Геродота сказано о жителях Кавказа), «массагеты равнин» (сюда частично включено то, что Геродот говорит о своих массагетах) в той же последовательности, как и соответствующие племена у Геродота. Таким образом, только «массагеты равнин» у Страбона являются действительно массагетами.

Анализ данных сообщений Страбона имел целью выяснить, не содержат ли они указаний, которые противоречили бы Геродоту в отношении маршрута похода Кира. Говоря же о расселении массагетов вообще, разумеется, нельзя отрицать того факта, что часть их (и даже, как мы попытаемся показать ниже, часть того массагетского племени, которое, собственно, и воевало с Киром) занимала области среднеазиатского междуречья, у Аральского моря. Но все указания на заселение массагетами этих областей не связаны с походом Кира, а потому и не могут непосредственно свидетельствовать о маршруте этого похода.

Локализуя массагетов, к которым вторгся Кир, по правую сторону Амударьи, в восточном Приаралье, В. В. Струве (Ук. соч. С. 239–244) помещает там же даев, каспиев, «саков, которые за Согдом» и «саков, которые за морем». Все это, согласно В. В. Струве, лишь разные названия одного и того же народа. Относительно последнего названия мы уже говорили выше. Относительно первых четырех (включая массагетов), нам кажется, ставить знак равенства между ними — невозможно.

При локализации каспиев пятнадцатой сатрапии (*Her.*, III, 93) на восточном побережье Аральского моря В. В. Струве (Ук. соч. С. 237, 239, 243) исходит из того, что так могла быть названа часть саков, кочевавших в этих местах, — по имени моря[1]. Но с этим очень трудно согласиться. Как правило, не моря дают название прибрежным народам, а, наоборот, названия прибрежных местностей и народов переносятся на море, — и Каспийское море не составляло в этом отношении исключения. То, что название «Каспийское» море получило от имени народа Κάσπιοι, обитавшего на юго-западном его берегу, — вряд ли подлежит сомнению. Но каких-либо упоминаний о «каспиях», живших в пустынях к востоку от Каспийского или Аральского морей, которые были бы названы так по имени моря, я не смог найти в античной литературе. Напротив, народы, жившие на южном или восточном берегу Каспия, в свою очередь, давали названия морю — всему или отдельным частям его. Известны так называемые три «залива» этого моря: Каспийский — на западе, Гирканский — на юге, Скифский — на востоке[2]. Причем второе название, как и первое, иногда распространялось на все море.

боном непосредственно у Гекатея. Сопоставление текста Геродота и Страбона показывает, что Страбон заимствовал данное описание у Геродота и добавил в него кое-что из других источников, очевидно, более поздних.

[1] На восточном побережье Каспийского моря помещены каспии и во «Всемирной истории» (М., 1956. Т. II. С. 172 и карта на с. 28 сл.).

[2] *Mela*, III, 5, 38; *Plin.*, VI, 36, 38, 46; *Dion. Per.*, 718 сл.; *Strabo*, XI, 6, 1.

Локализация восточных каспиев еще не может считаться твердо установленной, но вполне вероятно предположение Юнге о каспиях как жителях Кашмира, где впоследствии Птолемей знает народ «каспейры»[1].

Там же, где и каспии, локализованы В. В. Струве «саки, которые за Согдом». По мнению В. В. Струве (*Струве*. Поход... С. 241), «подобным образом могли быть названы лишь те саки, которые пребывали к востоку от Аральского моря, в области между Амударьей и Сырдарьей». Но вряд ли для персов эта область могла считаться расположенной «по ту сторону»[2] Согда, особенно если учесть, что согласно реконструкции похода Кира и Дария, предложенной В. В. Струве, персы впервые проникли в эту область с запада — по Узбою и через низовья Амударьи (очевидно, для персов в такой ситуации скорее Согд должен был бы находиться «по ту сторону» саков). Еще более маловероятной окажется такая локализация засогдийских саков при учете контекста, в котором они упоминаются в надписи. Этот народ упоминается в древнеперсидских текстах только один раз — в связи с определением крайних пределов персидской державы: ... hačā Sakaibiš tyaiy para Sugdam amata yātā ā Kūšā hačā Hi[n]dauv amata yātā ā Spardā...[3] Как видим, выбор названий здесь не случаен; указываются две пары: Sakā tyaiy para Sugdam (саки, которые за Согдом) — Kūša (Нубия), крайний юго-запад и Hi[n]duš (Синд, не Индия вообще), крайний юго-восток — Sparda (Лидия), крайний северо-запад. Если буквально следовать смыслу персидской надписи, то засогдийских саков придется поместить на крайнем северо-востоке, к северо-востоку от Согда. Но ведь именно там локализуются собственно саки[4], там они чаще всего упоминаются, там же они известны и из китайских источников[5]. Поэтому вероятнее и проще искать засогдийских саков именно в этом направлении[6].

---

[1] См., впрочем, другую локализацию восточных каспиев — каспейров, но также в пределах Индии: *Foucher A.* Les satrapies orientales de l'empire Achéménide. CRAI, 1938. Sept.-oct. С. 347 сл.

Рядом с каспиями В. В. Струве помещает саков, которые входили с ними в одну сатрапию. Отождествляя этих саков с амиргийскими саками (что возможно), соседями Бактрии, В. В. Струве (Ук. соч. С. 237; *Он же*. Восстание в Маргиане при Дарии I // ВДИ. 1949. № 2. С. 11–14) локализует их вслед за В. В. Григорьевым в районе реки Мургаб, в Маргиане. Основанием служит звуковое сходство названий «амиргийцы» и «Мургаб», причем первое возводится ко второму (*Струве*. Поход... С. 237; *Он же*. Восстание... С. 11 и 13).

Однако следует отметить, что против этой гипотезы В. В. Григорьева возражал еще В. А. Жуковский (Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва // Материалы по археологии России. СПб., 1894. № 16. С. 68, прим. 1), указавший, что «Мургаб» — лишь результат позднейшей переогласовки прежнего названия реки «Маргаб» («Маргская река»; ср.: река Μάργος). Что же касается Ἀμύργιον (название долины в сакских землях) Гелланика (fr. 171), то при несомненной связи этого названия с этнонимом Ἀμύργιοι возможность локализации его в Маргиане снимается тем же указанием В. А. Жуковского. Вообще все известные нам варианты этнонима «амиргии» (др.-перс. Haumavarga = элам. U-mu-mar-qa, акк. U-mu-ur-ga-') вряд ли имеют что-либо общее с древним названием реки и страны Маргианы (др.-перс. Margu-, др.-греч. Μαργιανή).

[2] Др. перс. para «за, по ту сторону».

[3] DPh, 5–8 = DH, 4–6.

[4] См., например, *Григорьев В. В.* О скифском народе саках, СПб., 1871. С. 51 сл.

[5] Возможно, что в этих местах знает саков (sakatī) и Авеста: *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes, «Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab», Hist.-filol. Meddelelser. Bd XXIX. København, 1943. N 4. P. 12, 65.

[6] Такой локализации и придерживается большинство исследователей: см. *Литвинский Б. А.* Саки, которые за Согдом // Памяти М. С. Андреева: Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии // Труды Ин-та истории археологии и этнографии АН ТаджССР. 1960. Т. 120. С. 92 сл.

Таким образом, ни каспии, ни засогдийские саки не могут иметь ничего общего с массагетами, и, следовательно, данные о локализации этих племен не могут быть привлечены при определении маршрута Кира.

Сложнее вопрос о даях. Отождествление их с массагетами также довольно маловероятно[1], но они упомянуты в версии Бероса. Античные авторы всегда отличают даев от массагетов и часто упоминают их одновременно с массагетами. Как два отдельных народа особенно отчетливо выступают те и другие в сообщениях Страбона (XI, 8, 2), заимствованных у Аполлодора Артемитского, знатока восточных, парфянских и соседних с ними земель. Видимо, различает их и Авеста, когда в перечне стран (Yt., XIII, 143–144) наряду с людьми dāhīnām dahyūnām упоминает и людей tūryānām [dahyūnām]. Если считать, что Tura = массагеты[2], то, очевидно, и здесь имеется в виду, что дахи и массагеты — разные народы.

Упоминание о гибели Кира в «равнинах даев» можно было бы объяснить только тем, что равнины к востоку от Каспийского моря, которые во времена Геродота были заняты массагетами, ко времени появления этой приписываемой Беросу версии стали «равнинами даев». Действительно, Страбон говорит, что древнейшие эллинские писатели называли кочевников к востоку от Каспийского моря массагетами (XI, 6, 2), а в его время кочевники,там обитающие, называются даями (Δάας οἱ νῦν προσαγορεύουσι — XI, 7. 1).

Но такое объяснение становится невозможным, если признать, что даи действительно упоминались в подлинном тексте Бероса (писал около 290 г. до н. э.). И дело не только в том, что даи в его время были еще мало известны[3], но и в том, что известны они были не у Каспийского моря, а значительно восточнее.

Хотя точно время появления даев в Прикаспье невозможно установить, но сам факт переселения их в прикаспийские степи был хорошо известен античным авторам. Первоначальное местообитание даев определяется так: «выше Меотиды» (ὑπὲρ τῆς Μαιώτιδος — *Strabo*, XI, 9, 2), «Европа» (regio Europae — *Curt.*, VI, 2, 12–14)[4], т. е. область за Танаисом, что следует расшифровать следующим образом: по правую сторону Сырдарьи, в северном Приаралье. Здесь, за Танаисом, застали их современники Александра (*Arr.*, Anab., III, 28, 8, 10)[5]. По-видимому, здесь же локализуются Dahā, упомянутые в надписи Ксеркса (XPh, 26), так как позднее даи, входившие в состав персидского войска (при Дарии III и Артаксерксе IV), определяются как затанаисские (*Arr.*, Anab., III, 28, 8, 10; 11, 3). И напротив, в прикаспийских областях даи не известны еще в первой половине III в. до н. э.: о них ничего не знает Патрокл[6], который проплыл вдоль юго-восточных берегов

[1] Учитывая это, Роджерс даже считает, что поход Кира был направлен сразу против двух народов: дахов и массагетов (*Rogers*. Op. cit. P. 67).

[2] *Marquart*. Op. cit. S. 157.

[3] Ср. *Струве*. Поход... С. 244. Следует отметить, что упоминание имени в Авесте не гарантирует его древности. В «Авесте», например, упомянуты даже хиониты (Hyauna — Yt., IX, 30–31; XVII, 50–51).

[4] См. по этому поводу: *Tarn W.* Alexander the Great. II. Cambr., 1950. P. 107. Прим. 4.

[5] По-видимому, даям тождественны «европейские», т. е. затанаисские скифы, пославшие к Александру послов откуда-то из области нижнего течения Танаиса (Сырдарьи) (*Arr.*, IV, 1, 1).

[6] Согласно Тарну (*Tarn*. Alexander... II. P. 13. Прим. 1, P. 17. Прим. 1), который одним из последних изучал вопрос об экспедиции Патрокла, даи не знакомы Патроклу, и сведения о них, как прикаспийских жителях, появляются лишь у Аполлодора Артемитского.

Каспия в период между 285 и 282 гг. до н. э.[1] Единственное название племени на пустынном восточном берегу Каспия, кроме неопределенного «скифы», которое можно было бы приписать самому Патроклу, — это «абзои»[2], возможно, один из вариантов имени массагетского племени абиев-апасиаков[3], известных спутникам Александра. Очевидно, во времена Патрокла здесь обитали еще массагеты. Что же касается прикаспийских даев, то все данные о них у Страбона, видимо, восходят к Аполлодору Артемитскому (писал около 100 г. до н. э.).

Можно думать, что появление даев в Парфии в середине III в. до н. э. (как известно, основание парфянского государства принадлежит одному из племен даев) было лишь частью общего движения даев из Северного Приаралья к юго-восточным берегам Каспия. В таком случае где-то около этого времени и следует датировать появление даев в восточном Прикаспье, следовательно, и место массагетов в традиции о гибели Кира даи вряд ли могли занять ранее.

Итак, если признать подлинность упоминания даев у Бероса, останется только предположить, что Кир свой последний поход направил против племен северного Приаралья, но это противоречило бы всем другим версиям. Наоборот, замечание о «равнинах даев» было бы весьма уместным и понятным, если признать его позднее происхождение. Поэтому нам кажется, что второе решение более удовлетворительно, особенно если учесть прецеденты подобных интерполяций у Бероса[4] и сложный путь дошедших до нас выдержек из его сочинений. Ссылка на даев в таком случае должна принадлежать какому-либо позднему эксцерптатору, который хотел пояснить, что дело происходило там, где в его время обитали даи, а впоследствии это замечание было понято как принадлежащее самому Беросу.

Другие два народа, упомянутые в источниках как противники Кира во время его последнего похода, обнаруживают связь с массагетами.

Дербики в отношении и локализации их, и обычаев, насколько они нам известны, дублируют массагетов[5]. Какова связь между этими народами, — сказать трудно, но, во всяком случае, частичное их тождество весьма вероятно[6].

Точным указанием Ктесия на местоположение дербиков, воевавших с Киром, мы не располагаем. Но, судя по тому, что в войне участвовали индийцы и саки, Ктесий локализовал противников Кира в значительно более восточных районах, чем те, на которые указывают все другие версии. Причем здесь Ктесий противоречит не только всем версиям о гибели Кира, но и общепринятой в античной

---

[1] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века // Известия Туркестан. Отдела Имп. Русс. геогр. о-ва. IV. Ташкент, 1902. Вып. 2. С. 12.

[2] Упоминается у Плиния (VI, 38) при описании Каспийского «залива» и его пролива, которое восходит к Патроклу (*Tarn.* Alexander... II. P. 17. Прим. 1).

[3] Abzoae — форма, возможно, наиболее близкая к Psacae, Πάσκαι (см. об этих формах как разновидностях этнонима «апасиаки»: *Tarn.* The Greeks... P. 91. Прим. 2), а также в одном случае к Ἀβασγοί, которые удивительным образом названы массагетами у Иоанна Цеца (Ad. Cass., 174).)

[4] *Дьяконов.* Ук. соч. С. 36–39.

[5] *Strabo*, XI, 11, 8; *Porphir.*, IV, 21; *Euseb. Caes.*, Pr. ev., I, 4,7; *Euseb. Hier.*, Adv. Iovin., II, 7.

[6] Герман (*Herrmann.* Op. cit. S. 47; RE. XXVIII. 1930. стб. 2127) и Тарн (*Tarn.* The Greeks... P. 81) считают их одним из массагетских племен.

литературе локализации дербиков. Исследователи дают различные объяснения такого расхождения. Мы предлагаем следующее объяснение.

Нам уже приходилось указывать на вероятность того, что сообщение Дионисия Периегета о Парнесе, бактрийцах и деркебиях[1] восходит к Ктесию[2]. Если это так, то возможно, что Ктесий раздвоил этот народ: дербиков (также дербии, дербиссы) он поместил на востоке, — может быть, потому, что этого требовал контекст его рассказа о гибели Кира[3], а деркебиев, их двойников[4], на обычном месте. Подобное раздвоение у Ктесия точно засвидетельствовано для гирканцев: они упоминаются у Ктесия под этим своим обычным именем и, уже как другой народ, под именем барканиев.

Указания в античной литературе на местоположение дербиков можно возвести к двум основным источникам. Одни из этих указаний восходят к Эратосфену и какому-то более древнему писателю[5] и, видимо, в конечном счете к этому последнему: дербиков они помещают у Каспийского моря, к северу от Гиркании[6]. Другие указания, по-видимому, следует возвести к Аполлодору Артемитскому[7]. О местоположении дербиков у него можно судить по следующим данным: тапиры обитают между гирканцами и дербиками[8], дербики обитают в Маргиане и их землю пересекает Окс[9]. Описания дербиков у Эратосфена и Аполлодора являлись, видимо, чисто литературными заимствованиями; во всяком случае, спутники Александра уже не знают никаких дербиков.

Все эти указания вполне соответствуют описанию, сохраненному у Дионисия Периегета[10]. Дербики занимают у него в перечне народов место за гирканцами и тапирами, землю их пересекает Марг и впадает в Гирканское море. Замена Марга Оксом у Аполлодора вполне понятна: в соответствии с более поздними географическими воззрениями Марг уже не выводился непосредственно в Каспийское море, но считался лишь притоком Окса, впадавшего, как думали, в Каспий (*Ptol.*, VI, 10, 1).

Итак, указание на дербиков как врагов Кира также свидетельствует в пользу локализации похода в пустынных равнинах на восточном побережье Каспия, к северу от полосы оазисов — от Гиркании до Маргианы (но не за Амударьей). Несмотря на ошибочную локализацию Ктесия, по-видимому, уже античные авторы именно здесь представляли себе дербиков — врагов Кира. Так, Курций

---

[1] *Dion. Per.*, 734–738 = *Avien.*, 909–915; *Prisc.*, 712–717.

[2] ВДИ. 1961. № 4. С. 99. Прим. 17.

[3] Например, потому, что непосредственно перед этим Ктесий мог описывать завоевания на востоке (ср. *Müller C.* Ctesiae Cnidii… fragmenta [в изд. Геродота]. Parisii, 1877. P. 61). Где-то здесь Ктесий должен был описывать завоевание Киром дирбеев, народа, «простирающегося до Бактрии и Индии».

[4] Дербекии отождествлялись с дербиками уже античными авторами (Ptol., VI, 10, 2).

[5] [Это был Патрокл, знаменитый флотоводец Селевка Никатора, лично плававший по Каспийскому морю, см.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 59.]

[6] *Strabo*, XI, 8, 8; *Curt.*, III, 2, 7; те же данные лежат в основе сообщения у *Mela*, III, 39.

[7] Δερβίκκαι (так у *Ptol.*, VI, 10, 2) — форма, согласно *Steph. Byz.*, s. v., употребляемая Аполлодором (так следует читать вместо Ἀπολλώνιος — *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias // Philologus. VI Suppl. Bd 1893. S. 616. Прим. 386).

[8] *Strabo*, XI, 9, 1; 11, 8.

[9] *Ptol.*, VI, 10, 2; *Plin.*, VI, 48.

[10] Птолемей, как указано выше, даже прямо отождествляет своих Δερβίκκαι с деркебиями.

(III, 2, 7), заимствуя свое описание дербиков, несомненно, из рассказа Ктесия (прямо или через посредство другого писателя) о войне с ними Кира[1], помещает их среди прикаспийских народов.

Также из самостоятельного по отношению к предыдущим версиям источника было заимствовано указание на абиев в связи с гибелью Кира. Это указание, по-видимому, принадлежит спутникам Александра, так как абии в качестве азиатского (точнее среднеазиатского) племени были известны только им[2].

Сомнений в реальности этих азиатских абиев, конечно, не может быть: подлинность эпизодов, связанных с абиями, не оспаривалась ни одним историком Александра, абии упоминались в таких доброкачественных источниках, какими пользовался Арриан. Видимо, основанием для открытия эпических абиев в Средней Азии послужили спутникам Алексадра их географические воззрения, о которых уже говорилось выше —отождествление Черноморско-Азовского бассейна с Каспийско-Аральским[3], а непосредственным поводом — случайное созвучие названий, пусть даже весьма отдаленное. Вполне возможно поэтому, что Ἄβιοι спутников Александра — то же племя, которое немного позднее стало известно грекам под более точным именем Ἀπασιάκαι[4] тем более что локализация тех и других полностью совпадает, как мы покажем ниже.

О местообитании абиев мы можем судить по следующим данным. Прежде всего явствует, что это племя находится в Азии[5], т. е. по левую сторону Танаиса (Сырдарьи). Так как впервые Александр встретил абиев во время своего пре-

---

[1] Следы использования сочинений Ктесия при описании персидских войск у Курция ясно обнаруживаются уже в таком характерном сочетании, как Barcani, Hyrcani и Derbices. Об источниках описания персидского войска у Курция (III, 2) см. *Schwartz*. Op. cit. S. 162. Число же павших воинов, выставленных дербиками, согласно Курцию, — 40 тысяч =10 + 30 тысяч дербиков, павших в битве с Киром, еще более точно указывает на источник Курция в данном месте.

[2] *Arr.*, Anab., IV, 1, 1; *Curt.*, VII, 6, 11; Itiner. Alex., 81, 95. Ср. *Eust.*, Ad I1., XIII, 1–7. Свидетельство Птолемея (VI, 15, 3), учитывая его метод составления карты (*Томсон*. Ук. соч. С. 430), принимать во внимание не приходится.

Может быть, некоторыми более точными сведениями об абиях, в том числе и о войне их с Киром, спутники Александра были обязаны некоему Берде, которого Александр посылал к приаральским народам. Отправившись сначала к «европейским скифам» вместе с их посольством, которое возвращалось от Александра (*Arr.*, Anab., IV, 1, 1; *Curt.*, VII, 6, 12; ср. Itiner. Alex., 81), должно быть, в район нижней Сырдарьи, к северу от нее, он возвратился некоторое время спустя уже с посольством «азиатских скифов», которые жили «за (super) Боспором», и хорасмиев (*Curt.*, VIII, 1, 7–8; ср. *Arr.*, Anab., IV, 15, 1–4; мы предпочитаем сообщения Курция, более подробные и, видимо, более точные в данном месте), т. е. из района нижней Амударьи. Отсюда следует, что Берда прошел вдоль восточного побережья Аральского моря. Цель экспедиции была познакомиться с населением и природой страны, обозреть «расположение местности» (locorum situm). Между прочим в связи с этим можно предположить, что довольно точное определение расстояния между устьями Сырдарьи и Амударьи у Патрокла (Strabo, XI, 11, 5), удивлявшее многих исследователей, заимствовано из отчета Берды.

[3] По той же причине греки видели в кочевниках по правую сторону Сырдарьи (Танаиса) — «европейских скифов» (τῆς Εὐρώπης Σκυθῶν — *Arr.*, Anab., IV, 1, 1; [Scythae], qui Europam incolunt — *Curt.*, VII, 6, 12).

[4] Abii Scythae — *Apa-Saca (Ἀπασιάκαι) —см. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Persien. I. SBAWW. Phil.-hist. Kl. CCII. 1883. S. 218; *Tarn*. The Greeks... P. 91. Прим. 2.

[5] *Arr.*, Anab., IV, 1, 1; то же следует из противопоставления абиев «европейским скифам» у Курция (VII, 6, 11).

бывания у Танаиса, где он принял их посольство[1], отправленное, очевидно, вверх по этой реке, то можно заключить, что территория абиев простиралась до нижнего течения Сырдарьи. Поскольку с абиями, видимо, отождествляются скифы qui super Bosphoron incolunt[2], которые отправили еще одно посольство к Александру одновременно с хорасмиями, то абиев следует локализовать также где-то у юго-восточного побережья «Меотиды» (Аральского моря), близ Хорезма. Наконец, было известно, что абии живут к северу от Гиркании и Окса (*Amm. Marc.*, XXIII, 6, 52–53).

В тех же местах античные авторы помещают апасиаков. Это племя обитает между Танаисом и Оксом (*Polyb.*, I, 48, 1), близ устья последнего (*Mela*, III, 5, 42)[3]. Апасиаки переходят в Гирканию через сухое русло Окса, который направляется в Каспийское море (*Polyb.*, X, 48, 2–8)[4].

В той версии, которая называет абиев в качестве противников Кира, до нас не дошло указаний на место событий, связанных с походом Кира. Поэтому мы вынуждены были учитывать всю территорию, занятую абиями-апасиаками. Но на этой территории мы находим все те ориентиры, которые сообщили нам предшествующие версии: к северу от Гиркании, к востоку от Каспийского моря, по ту сторону каспийского рукава Амударьи. При этом сама племенная принадлежность абиев-апасиаков находится в соответствии с тем, что нам известно о победителях Кира: апасиаки согласно античным авторам — массагетское племя[5]. Очевидно, апасиаки и были тем конкретным массагетским племенем, которое в первой версии названо общим для целой группы прикаспийско-аральских племен именем «массагеты».

Кроме названий реки и народа, источники дают еще одно указание, помогающее локализовать поход Кира. Во второй версии кратко описано место решительной битвы и гибели Кира. Это горы (montes) с ущельями и теснинами (angustiae), где Кир попал в засаду[6]. Координаты этих гор, насколько они определяются по другим данным о походе Кира, и сам ландшафт их вполне соответствуют Большому Балхану.

Итак, из малых крупиц, рассеянных по различным версиям, взаимно дополняющих и подтверждающих друг друга, довольно убедительно составляется

---

[1] *Arr.*, Anab., IV, 1, 1; *Curt.*, VII, 6, 11; Itiner. Alex., 81.

[2] *Curt.*, VII, 6, 11–12; — ср. Itiner. Alex., 81, 95; *Arr.*, Anab., IV, 1, 1; ср. *Curt.*, VI, 2, 13–14.

[3] Paesici. В соответствии с этим они (Pestici — *Mela*, III, 5, 39) помещены у «Скифского залива», — в этот залив, согласно Меле, впадает Окс. Обычно считают (например, *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезм. археолог.-этнограф. экспедиции», II, М., 1958, с. 59), что в данном случае имеется в виду Аральское устье Амударьи.

[4] О локализации апасиаков по археологическим данным см. *С. П. Толстов,* Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 146; *Он же*, Приаральские скифы и Хорезм. К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи // СЭ. 1961. № 4. С. 120–138 и указанную там литературу.

[5] *Steph.* Byz., s. v. Ἀπασιάκαι.

[6] *Iust.*, I, 8, 10–11; *Oros.*, II, 7, 5; *Front.*, II, 5, 5; *Apoll. Sid.*, Carm., IX, 35–37; *Sulp. Sev.*, Chron., II, 9, 4; ср. *Arr.*, Anab., V, 4, 5.

следующая картина историко-географического milieu знаменитого похода Кира на массагетов: обширная пустынная равнина к северу от культурных земель Гиркании, к востоку от Каспийского моря, с редким кочевым населением; равнину пересекает каспийский рукав большой среднеазиатской реки Аракса — Окса (Амударьи), известный позднее как высохший; к северу от этого рукава находятся горы с ущельями (Большой Балхан).

Но насколько реальна для похода Кира реконструируемая нами обстановка с общеисторической точки зрения? Можно ли найти исторические параллели, аналогии, которые бы подтверждали прикаспийскую локализацию войны Кира против массагетов?

Нам кажется, что источники в достаточной степени снабжают такими аналогиями. С древнейших времен, по представлениям иранцев, владыки Ирана ведут войны с беспокойными кочевниками восточного Прикаспия. Согласно легенде, фрагменты которой представлены уже в Авесте, именно в Прикаспии обитали злейшие враги древнего царя Виштаспы. Арджатаспа (Арджасп) — персонификация врагов Виштаспы, помещен «у Каспийского моря» (upa zraya Varukartam — Yt., V, 116)[1] или, согласно Шахнаме, по ту сторону Джейхуна (Амударьи). Во время войны с Арджатаспой[2] царь Виштаспа и его брат оказываются «на той стороне реки Датья» (pasnai āpa Dātyaya — Yt., IX, 29 = Yt., XVII, 49; V, 112)[3].

Поздние редакторы Авесты совершенно недвусмысленно локализуют события этой войны, называя Арджатаспу хионитом. С хионитами в Восточном Прикаспии, севернее Гургана, в V в. н. э. ведут упорную борьбу сасанидские цари, совершая походы к берегам Каспийского моря и к Балханам[4], т. е. приблизительно повторяя поход Кира.

Примеры аналогичных войн и походов можно было бы умножить, но мы ограничимся указанными фактами, не выходя за пределы древности.

Локализация последнего похода Кира в Восточном Прикаспье заставляет считать именно Узбой местом переправы Кира. Но это, как мы отмечали выше, как будто противоречит последним данным археологии и геологии об этом древнем русле.

Чем объяснить это противоречие, сейчас сказать еще трудно. Поскольку дело касается просто сообщений античных авторов об Узбое, как настоящей реке, то для объяснения их, как нам кажется, нет необходимости прибегать к «местным

[1] Следует заметить, что, пожалуй, именно так, upā draya (предлог upā известен в древнеперсидских надписях) было бы определено персами местоположение саков, обитавших в Восточном Приаралье, к северу от нижнего течения Амударьи, но не para draya («по ту сторону, через море»), как предполагает В. В. Струве (*Струве*. Поход... С. 241 и 245; *Он же*. Дарий I и скифы Причерноморья // ВДИ. 1949. № 4. С. 23).

[2] О последовательности событий этой войны см. *Jackson A.* Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. N. Y., 1919. P. 210–215.

[3] Dātyā или Vahvī Dātyā; Кристенсен (Ук. соч. С. 25, 71–72) предлагает считать Vahvi исконным, дозороастрийским именем реки — позднее Vēh (обычно означает Амударью). Ср. также *Herzfeld*. Op. cit. P. 697–700.

[4] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 44.

народным преданиям». Трудно допустить, чтобы все немногие сведения об Узбое, доходившие до греков в древнейший период, почему-то отражали бы не действительные наблюдения, но только воспоминания многовековой давности, сохранившиеся в местных преданиях. Если даже для современного наблюдателя Узбой — «по внешнему своему виду это действительно настоящая река»[1], то тем более Геродот мог сказать о каспийском рукаве Аракса, что он ῥέει (I, 202). Даже у Полибия Узбой «течет» и «впадает в Гирканское море», хотя до него определенно доходили слухи о сухом русле Узбоя (X, 48, 2–8).

Видимо, впечатление живой реки, которое производил Узбой, было настолько сильным, что для согласования этого впечатления с противоречащими ему фактами появилось мнение о подземном течении на отдельных участках Узбоя[2]. Такое представление об Узбое засвидетельствовано у Полибия (X, 48, 7–8) и, может быть, в Авесте, где однажды упоминается «рукав Аракса»[3], названный Guδa. Это слово Гейгер (Ук. соч. С. 37) толкует как указание на подземное течение.

Сложнее объяснить то, что переправа Кира через Узбой описана как переправа через настоящую реку: Геродот обстоятельно рассказывает о мостах (γεφύραι) и суднах (πλοῖα)[4]. Местными преданиями об Узбое этого не объяснить.

Не претендуя на окончательное решение данного вопроса, мы позволим себе высказать следующие предположения.

Представление об Узбое, как живой реке, возможно, было в древности столь живуче и еще по одной причине. В условиях повышенной влажности климата, наступившей, как известно, после ксеротермического периода, вполне возможны были значительные прорывы в Узбой паводковых вод Амударьи. На вероятность таких временных прорывов в середине I тыс. до н. э. указывает С. П. Толстов[5].

Паводков на Амударье бывает два: весенний (апрель-май) и летний (июнь-июль). Вода начинает подниматься в марте, а спадает в сентябре. В этой связи интересно установить время похода и гибели Кира. Одну из последних попыток определить время гибели Кира дал Олмстед, относивший это событие примерно к лету 530 г. до н. э. Олмстед основывается на изменениях в титулатуре Камбиса на вавилонских документах[6]. Если судить по этим данным, Кир отправился в поход в марте. С 26 марта 530 г. до н. э. Камбис именуется на документах царем Вавилона[7], так как перед отправлением в поход Кир назначил Камбиса соправителем в Вавилоне (ср. *Her.*, I, 208), а в августе уже было известно о его гибели

[1] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 308.

[2] Ср.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой… С. 6.

[3] apa-γžāra Raŋhayā (Yt., XV, 27). Ср. στόμα τοῦ Ἀράξεω (*Her.*, I, 202). Относительно перевода слова apa-γžāra: «Abfluss» (буквальный перевод) см. *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, s. v.; в данном контексте переводят также: «Kanal oder Nebenarme» (*Geiger*. Op. cit. S. 37); «channel» (*Darmesteter J.* The Zend-Avesta, II («The Sacred Books of the East», ed. F. Max Müller, XXIII). Oxf., 1883. P. 255) и т. д.

[4] *Her.*, I, 205; ср. *Iust.*, I, 8, 2–3.

[5] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 53.

[6] *Olmstead*. Op. cit. P. 87.

[7] Следует учитывать, что весть о гибели Кира не могла дойти сразу: у персов не осталось даже вестника, чтобы сообщить о поражении (Iust., I, 8, 12; Oros., II, 7, 5).

(в сентябре 530 г. Камбис принял полный титул отца)[1]. Очевидно, приготовления Кира к переправе и сама переправа приходились как раз на период максимального поднятия воды в Амударье. Только этим, как нам кажется, можно более или менее согласовать данные письменных источников о локализации похода Кира с противоречащими им данными археологии и геологии[2].

[1] То, что Камбис принял полный титул отца уже в сентябре, свидетельствует один из вавилонских документов: *Strassmaier J. H.* Inschriften des Cambyses, König von Babylon. Lpz., 1890. № 1. (Ссылкой на этот документ я обязан любезности М. А. Дандамаева.)

[2] [Теперь можно уверенно сказать, что никаких противоречащих письменным источникам данных археологии и геологии нет. Время подтвердило правоту письменных источников, и нет нужды как-то корректировать их. Ныне археологические данные неоспоримо свидетельствуют, что Узбой с V в. до н. э. по IV в. н. э. был настоящей рекой (*Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999. С. 36–46) и периодически обводнялся уже и в VI в. до н. э. (Там же. С. 212), так что в период паводков, наверное, и тогда уже представлял собой полноводную реку. Тем самым подтверждается и предложенный здесь маршрут похода Кира и объяснение переправы его через Аракс как переправы через Узбой в его нижнем течении. Уточненный маршрут Кира и Дария в этих местах намечен в указанной книге Б. И. Вайнберг (С. 223–224).]

4. МАССАГЕТЫ ГЕРОДОТА*

Сообщения Геродота о массагетах хорошо известны и широко используются исследователями. Однако интерпретация этих сообщений довольно сложна и весьма существенно влияет на выводы, которые можно сделать из указанных сообщений. Между тем исследователи, использующие данные сообщения Геродота и зависящих от него авторов, не всегда учитывают даже сам факт спорности того толкования, которое они придают этим сообщениям.

Массагеты у Геродота фигурируют в двух рассказах: в рассказе о походе Кира на массагетов (I, 201–216; III, 36; VII, 18)[1] и в одном из рассказов (третьем) о происхождении скифов (IV, 11–12). Подробное рассмотрение этих рассказов в целом не будет входить в нашу задачу. Мы остановимся специально лишь на периегесе Каспийского моря (I, 201–204; IV, 40) и описании массагетов (I, 215–216; IV, 172) — то и другое является частью рассказа о походе Кира на массагетов.

Рассмотрим, прежде всего, состав данных сообщений Геродота. При этом известия самого Геродота мы будем рассматривать вместе с однородными известиями других авторов.

Указанные сообщения Геродота являются одними из многочисленных в его сочинении парентес — вставок в основное повествование. По своему характеру это парентесы описательные, также обычные для Геродота — они описывают земли и народы. Часть основного повествования, которому подчинены парентесы, в данном случае — рассказ о походе Кира на массагетов. Первая вставка — периегеса Каспийского моря — начинается после первых же слов названного рассказа и предваряет его основное изложение. Вторая вставка — описание массагетов — заключает изложение. Из числа других сообщений на ту же тему, родственных указанным, известия Геродота находят достаточно полное соответствие лишь в рассказе о массагетах у Страбона (Strabo., XI, 8, 6–7); при этом материал, распределенный у Геродота между двумя упомянутыми вставками, у Страбона совмещен в одном описании. Можно отметить также сообщение о массагетах Дионисия Периегета и его латинских переводчиков[2]. Остальные сообщения, принадлежащие как Геродоту, так и другим авторам, соответствуют лишь отдельным частям рассматриваемых сообщений «отца истории».

Внутри обеих вставок — и периегесы Каспийского моря, и описания массагетов — можно выделить несколько частей, объединенных общностью содержания.

---

* Впервые опубликовано: Массагеты Геродота // Вестник древней истории. М.: Наука, 1975. № 2. С. 46–70.

[1] Ссылки на Геродота здесь даются без указания автора.

[2] *Dion. Per.*, 739–745; *Prisc.*, 718–721; *Avien.*, 916–922.

1. *Общее описание массагетов.* «...Народ этот [массагеты], говорят, большой и храбрый, а обитает он на востоке [по направлению] к восходу солнца, по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов. Некоторые, однако, говорят, что это скифский народ (Herod., I, 201). Это описание имеет соответствие в сочинении самого Геродота. Замечено, что у Геродота описательные вставки обычно оторваны от основного изложения, которому они подчинены, и связаны с «историческим» изложением, находящимся совсем в других местах сочинения; при этом часто вставки содержат больше географического и этнографического материала, чем соответствующие им «исторические» сообщения[1]. Следует ожидать, что такое соответствие имеет и приведенное описание. Действительно, в упомянутом уже рассказе о происхождении скифов также фигурируют массагеты за Араксом (Herod., IV, 11), но в данном описании об этих массагетах говорится более развернуто. Из числа других авторов соответствующее описание можно найти у Дионисия и Филострата. Первый автор и его латинские переводчики сообщают: «...На востоке, по ту сторону шумящего Аракса, живут массагеты»[2]. Второй автор говорит: «[Кир отправился] за реку Истр против массагетов и исседонов, а народы эти скифские...»[3].

2. *Описание Аракса и его островов, людей, живущих на островах.* Начинается эта часть словами: «[Одни] говорят, что Аракс больше Истра, [другие] — меньше»; кончается словами: «Такой, говорят, их образ жизни» (Herod., I, 202). Соответствующее описание людей, живущих на островах, имеется у Страбона: «Живущие на островах, не имея земли для посева, поедают корни и используют дикие плоды, одеваются в древесное лыко (ибо не имеют скота), пьют же сок, выжимаемый из древесных плодов» (XI, 8, 7).

3. *Описание Аракса, его рукавов и болот, жителей болот, отдельного рукава.* Начинается эта часть словами: «Река же Аракс течет от матиенов...», кончается словами: «Один же из рукавов Аракса течет по открытой местности в Каспийское море» (Herod., I, 202). Близкое сообщение об Араксе, впадающем в Каспийское море, содержится в другом месте сочинения Геродота. Описывая границы восточной части Азии, Геродот здесь говорит, что Азию омывает Эрифрейское море (имеется в виду на юге), «а к северу — Каспийское море и река Аракс, текущая к восходящему солнцу» (IV, 40). Соответствующее описание Аракса, его рукавов, жителей болот и отдельного рукава имеется в двух сообщениях у Страбона. Одно из них гласит: «Более всего, говорят, Аракс наводняет страну [массагетов], разделенный на множество [рукавов], изливаясь всеми другими устьями в другое, на севере [расположенное] море, и лишь одним единственным — в Гирканский залив. Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх по рекам из моря» (XI, 8, 6. 7). Другое сообщение таково: «...[Аракс], вытекая от матиенов, разделяется на

[1] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 167. А. И. Доватур указывает как на пример такой вставки («ученого примечания») на рассматриваемую периегесу Геродота (там же, С. 168).

[2] *Dion. Per.*, 739–740; *Prisc.*, 718; *Avien.*, 917.

[3] *Philostr.*, Heroic. V, 3.

сорок рукавов...» (XI, 14, 13). Этот же Аракс изображен на карте Пейтингера: вытекает он с гор, расположенных на юго-запад от Гирканского залива, протекает на восток, к югу от этого залива (но не впадает в него), и вливается в северо-восточную часть внешнего моря (Tab. Peut. XI, 5 — XII, 5).

4. *Описание Каспийского моря.* Начинается эта часть словами: «Каспийское же море — отдельное, не сливающееся ни с каким другим морем»; кончается — определением длины и ширины моря (Herod., I, 202–203). Содержащееся здесь утверждение о соединении моря эллинов, Атлантического моря и Эрифрейского моря подробно разъясняется и обосновывается в другом месте сочинения Геродота (IV, 42–44). Соответствующее сообщение о морях имеется у Аристотеля: «Существует довольно много морей, не сливающихся друг с другом ни в одном месте; так, хотя Эрифрейское море, кажется, в какой-то степени соединяется с морем, которое за [Геракловыми] столбами, Гирканское и Каспийское, отделены от него и кругом заселены, так что [их] истоки не остались бы незамеченными, если бы [истоки] в каком-нибудь месте у них были»[1].

5. *Описание Кавказа и его жителей.* Начинается эта часть словами: «К западу от этого моря простирается Кавказ...», кончается словами: «Совокупление у этих людей, [говорят], совершается открыто, как у скота» (Herod., I, 203). Соответствующее описание жителей гор имеется у Страбона: «Жители гор также питаются дикими плодами, но имеют и овец, хотя немного, так что не режут [их], сохраняя ради шерсти и молока. Одежду они расписывают намазывающимися красками, яркость которых долго не блекнет» (XI, 8, 7). Об одном из обычаев тех же жителей говорят паремиографы: «Горные массагеты вступают в [половую] связь на дорогах»[2].

6. *Описание равнины массагетов:* «...А на востоке [со стороны] восходящего солнца [к Каспийскому морю] примыкает равнина на необозримом пространстве. Немалую часть этой огромной равнины занимают массагеты...» (Herod., I, 204). Соответствующее указание на местоположение массагетов имеется у Страбона: «... Обитавших по ту сторону Каспийского моря называли одних саками, других массагетами...» (XI, 6, 2).

7. *Описание одежды и образа жизни массагетов.* «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и имеют [такой же] образ жизни (Herod., I, 215).

8. *Описание способа сражения и вооружения массагетов.* Начинается эта часть словами: «Это конные и пешие воины (ибо знают оба способа войны)»; кончается словами: «...а уздечки, удила и фалары [украшают] золотом» (Herod., I, 215). Соответствующее описание способа сражения и вооружения массагетов имеется у Страбона: «[Массагеты] — прекрасные конные и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и медными секирами; в битвах носят золотые пояса и головные повязки; кони у них — златоуздые и в золотых перевязях» (XI, 8, 6).

9. *Сообщение о металлах массагетов.* «Железом и серебром [массагеты] не пользуются совсем, так как [этих металлов] нет в их земле; золото же и медь,

[1] *Aristot.*, Meteor. II, 1, 10, Ср. *Basil. Caes.*, Hex. IV, 4.

[2] *Plut.*, De prov. Alex., I, 10 = *Zenob.*, cent. V, 25.

[напротив, имеются] в изобилии (Herod., I, 215). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Серебра их [земля] не производит, железа — мало, но меди и золота — в изобилии» (XI, 8, 6).

10. *Описание брачных обычаев массагетов.* Начинается эта часть словами: «Хотя каждый женится на одной женщине…»; кончается словами: «…сообщается безбоязненно» (Herod., I, 216). Соответствующее известие имеется у Страбона: «Каждый женится на одной [женщине], но пользуется и [женами] других, [притом] не тайно; сообщающийся с чужой [женой] вешает [свой] колчан на повозке и сообщается явно» (XI, 8, 6). Такое же известие есть у Элиана: «Массагеты… вешают перед собой колчан, и затем мужчина открыто сходится с женщиной и, хотя бы все их видели, не обращает на это внимания» (N. A., VI, 60). Близкое сообщение дает Диоген Лаерций: «Массагеты… имеют общих жен…» (IX, 83).

11. *Описание погребальных обычаев массагетов.* Начинается эта часть словами: «Предела жизни у них никакого другого не полагается, [кроме следующего]…»; кончается словами: «…считая несчастьем, что ему не пришлось быть убитым» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Наилучшей смертью у них признается такая, когда престарелые бывают изрублены вместе с бараньим мясом и вперемешку [с ним] съедены. Умерших же от болезни выбрасывают как нечистых и достойных съедения зверями» (XI, 8, 6). Близкое сообщение дает Порфирий, которого дословно повторяют Евсевий, Памфил и Иероним: «Рассказывают, что массагеты и дербики считают несчастнейшими родственников, умерших естественной смертью. Поэтому, предупреждая [ее], они закалывают в жертву и поедают состарившихся близких»[1].

12. *Сообщение о занятиях и пище массагетов.* «Они ничего не сеют, питаясь домашними животными и рыбой (которая в изобилии добывается ими из реки Аракс); пьют они молоко» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Жители равнин, хотя и владеют землей, не занимаются земледелием, но питаются бараниной и рыбой, подобно кочевникам и скифам» (XI, 8, 7). Близкое сообщение дают Дионисий Периегет и его латинские переводчики: «Они не знают ни дара Вакха, ни даяний Деметры[2], а пьют молоко, смешанное с конской кровью»[3].

13. *Сообщение о верованиях массагетов.* Начинается эта часть словами: «Из богов чтут только солнце…»; кончается словами: «…быстрейшему из всех богов посвящают быстрейшее из смертных существ» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Божеством они почитают одно только солнце и приносят ему в жертву коней» (XI, 8, 6).

Наконец, у Страбона есть общий перечень разных групп массагетов: «О массагетах говорят так, что одни из них населяют горы, некоторые — равнины, другие — болота, которые образованы реками, другие — острова на болотах» (XI, 8, 6). С этого перечня Страбон начинает описание массагетов и затем о каж-

[1] *Porphyr.*, De abstin. IV, 21; *Euseb. Pamph.*, Praep. Evang. I, 4, 7; *Euseb. Hier.*, Adv. Iovin. II, 7.

[2] То есть не знают плодов ни виноградарства, ни хлебопашества.

[3] *Dion. Per.*, 742–745; *Prisc.*, 720–721; *Avien*, 919–922.

дой из четырех групп говорит более подробно. Так что данный перечень является у него просто обобщением дальнейшего повествования.

Рассмотрим теперь вопрос об *источниках* приведенных сообщений Геродота и родственных им сообщений других авторов. На этот счет высказывались различные мнения. Ф. Якоби выдвинул и обосновал положение о том, что источником Геродота здесь была «Периегеса» Гекатея Милетского (конец VI в. до н. э.), дополненная кое-где, для незначительных вариантов, другими сочинениями того же рода[1]. Это положение было воспринято и развито далее последующими учеными, например А. Геррманом и Ю. Юнге; они считали, что к Гекатею восходят не только сообщения Геродота, но и аналогичные сообщения Страбона, который, как они полагали, заимствовал у Гекатея независимо от Геродота и в некоторых случаях передал текст Гекатея более точно, чем Геродот[2]. В дальнейшем многие исследователи, не касаясь специально этого вопроса, уже более или менее уверенно возводили указанные сообщения Геродота и Страбона к Гекатею[3].

В каком же отношении находится весь круг рассматриваемых сообщений к сочинению Гекатея? Судить с достаточной полнотой об отношении Геродота к Гекатею мешает то обстоятельство, что сочинения последнего сохранились лишь во фрагментах. Геродот, безусловно, знал и использовал сочинения Гекатея, но степень зависимости первого от второго, как нам кажется, нередко переоценивают[4]. Геродот, видимо, избегал просто переписывания у своего известного предшественника и приводил его свидетельства преимущественно тогда, когда имел возможность в чем-то дополнить или поправить его. В данном случае дело обстоит так. Упоминаний о массагетах в сохранившихся фрагментах сочинений Гекатея не имеется[5], хотя вообще вполне возможно, что Гекатей говорил о массагетах. Можно было бы думать, что Гекатей давал и периегесу Каспийского моря, так как в одном из фрагментов встречаются слова: «Вокруг (περὶ) так называемого Гирканского [т. е. Каспийского] моря...», но, судя по дальнейшему содержанию фрагмента, Гекатей говорил преимущественно о южном побережье моря (Hec., fr. 291, Jacoby); характерно, что именно об этом побережье у Геродота нет ни слова. Гекатей говорил и об Араксе, о Каспийском море, о Кавказе и, по-видимому, о равнине массагетов, но все это, как мы покажем ниже, совсем нельзя отнести к Геродотовой периегесе.

---

[1] *Jacoby*. Herodotos (7) // RE. 1913. Suppl. Ht. 2, стб. 426; ср. *Jacoby*. Hekataios (3) // RE. 1912. Bd VII, стб. 2682.

[2] *Herrmann A.* Alte Geograhie des unteren Oxusgebiets. B., 1914. S. 13–17; *Junge J.* Saka-Studien. Lpz., 1939. S. 21–32. Впоследствии Герман считал таким общим источником Геродота и Страбона известия другого ионийского писателя, Дионисия Милетского: *Herrmann*. Massagetai // RE. 1930. Bd XIV, стб. 2124.

[3] См., например: *Henning W. B.* Zoroaster, Politician or With-doctor? L.; Oxf., 1951. P. 23; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 219; *Он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 97; ср., однако: *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 297–298.

[4] См. также *Prašek J. V.* Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens // Klio. 1904. IV. S. 208.

[5] Предположение о том, что Гекатей упоминал массагетов под названием «матикеты» (Ματυκέται — Hec., fr, 189, Jacoby; см. *Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxf., 1939. P. 63), неубедительно (ср. FGH. I. P. 350).

Вряд ли можно сомневаться в том, что большинство сведений для вставок в рассказ о походе Кира на массагетов Геродот черпал не из того же источника, из которого он узнал о самом походе Кира. Но из какого именно источника взял он свой материал, нельзя сказать с такой же определенностью. Геродот в рассматриваемом тексте дает восемь ссылок. Но все эти ссылки неопределенны: «говорят» (λέγουσι, φασί, I, 201–203, 216); лишь в двух случаях (ссылки с полемической окраской) указывается, что «говорят некоторые» (οἵτινες) или «эллины» (I, 201, 216). Известно, что слово «говорят» у Геродота отнюдь не обязательно означает ссылку на устный источник[1]. И все же в данном случае многие ссылки производят впечатление указаний именно на устное сообщение, особенно тогда, когда явно имеются в виду несколько лиц, сообщающих противоречивые сведения. Об этом мы еще будем говорить ниже. Страбон, оценивая источники сведений о массагетах, восходящих в конечном счете к Геродоту, говорит, что эти сведения не дают о массагетах ничего точного и истинного, так как авторы их, заботясь лишь о занимательности, под видом «истории» (т. е. сведений, добытых путем расспросов) излагали «то, чего никогда не видели и о чем не слышали или во всяком случае слышали не от людей осведомленных» (XI, 6, 2–3). Эта оценка, принадлежащая Страбону, конечно, несправедлива и зависит она от общей установки Страбона по отношению к Геродоту и подобным ему историкам. Но здесь важно отметить, что слова Страбона об источниках Геродота имеют в виду, очевидно, устные сообщения.

Страбон в рассматриваемом тексте дает такие ссылки. В одном сообщении он заявляет, что заимствует у тех «многих» (πολλοί), которые «постоянно повторяют» (θρυλοῦσι) о массагетах, показавших свое мужество в борьбе с Киром (XI, 8, 6). В другом сообщении он ссылается на наиболее ранних из «древних эллинских писателей» (οἱ παλαιοὶ τῶν Ἑλλήνων συνγραφεῖς), которые рассказывали о войне Кира с массагетами; из дальнейших слов явствует, что Страбон имел в виду Геродота и Гелланика (XI, 6, 2–3). Наконец, в третьем сообщении он прямо ссылается на Геродота и отмечает, что у Геродота заимствовал Каллисфен (XI, 14, 13). Таким образом, сам Страбон как на первоисточник рассматриваемых сообщений указывает на Геродота. Во всяком случае Гекатей здесь исключается: его «Периегеса», — в сущности, пояснительный текст к географической карте, вряд ли содержала рассказ о войне Кира с массагетами. Указания Страбона подтверждаются тем общим впечатлением, которое дает сопоставление рассматриваемых сообщений Геродота и Страбона (особенно первого из сообщений Страбона, наиболее пространного): сообщение Геродота — оригинал, повествующий о разных народах и странах, хотя и связанный с рассказом о походе Кира на массагетов; сообщение Страбона — обработка этого оригинала, как бы конспект его, несколько сокративший и «систематизировавший» оригинал, причем в процессе обработки получилось так, что сведения, у Геродота отнесенные к разным народам (например, к жителям Кавказа), у Страбона оказались отне-

[1] Иногда полагают, что ссылки Геродота в данном случае всюду имеют в виду Гекатея: см. *Jacoby*, Herodotos, стб. 426.

сенными к одним только массагетам[1]. Обо всем этом мы еще будем говорить ниже. Путь, которым сообщения Геродота дошли до Страбона, был сложен. Первые два сообщения Страбон непосредственно заимствовал, видимо, у Эратосфена[2]. Во всяком случае, в первом из них заметны явные следы приспособления данных Геродота к Эратосфеновой географии. До Эратосфена они в свою очередь дошли через посредников. Первое сообщение Эратосфен заимствовал, возможно, у Эвдокса Родосского, своего современника: последний располагал независимыми сведениями о массагетах и за счет этих сведений, видимо, несколько «подновил» данные Геродота[3]. Правда, то новое, что принадлежит Эвдоксу (?), подано им в сильно «олитературенном» виде, будучи приспособлено к повествованию Геродота, а частью и просто сочинено по геродотовым образцам. Второе сообщение Эратосфен взял скорее всего у Гелланика Митиленского, младшего современника Геродота, много заимствовавшего у последнего[4]. Наконец, третье сообщение, идентичность которого с первыми двумя сам Страбон не замечал, дошло до Страбона, видимо, через посредство Каллисфена; именно на это могут указывать слова: «Каллисфен последовал за [Геродотом]»[5].

Дионисий свое повествование о массагетах явно заимствовал у Геродота. Оно является как бы очень сжатым резюме всего рассказа Геродота о походе Кира на массагетов: указание Дионисия на место обитания массагетов соответствует

[1] Иногда можно наблюдать и обратное: то, что Геродот сообщает о массагетах, отнесено к жителям Кавказа, см. *Strabo*, XV, 1, 56.

[2] См., например, *Junge*. Op. cit. S. 26; FGH. I. P. 473–474; III C. P. 534.

[3] Это сообщение Страбона — Эратосфена, содержащее описание массагетов, непосредственно продолжено замечанием об отдельных массагетских племенах, в том числе апасиаках. Очевидно, все это (*Strabo*, XI, 8, 6–8) восходит к одному автору. Определяя этого автора, нужно учесть следующее. Об апасиаках, как это считалось уже в поздней древности, говорили лишь два известных автора — Полибий и Страбон (*Polyb.*, X, 48; *Strabo*, XI, 8, 8; *Steph. Byz.*, s. v. Ἀπασιακαί). Полибий, видимо, в связи с сообщением о бегстве «Арсака» к апасиакам от Антиоха Великого (см. об этом: *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1960. С. 203, прим. 160) давал экскурс, содержавший описание страны апасиаков и способов, какими апасиаки с лошадьми переправляются посуху через Окс в Гирканию (*Polyb.*, X, 48). Страбон сообщает о бегстве «Арсака» к апасиакам от Селевка Каллиника (XI, 8, 8), а также о некоей реке Гиркании (речь идет скорее всего о том же Оксе; Окс течет по Гиркании и впадает в море — XI, 7, 3), через которую способом, описанным у Полибия (о связи соответствующих описаний Страбона и Полибия см., например, *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios, Or., XV. 1946. S. 135–136), могут переправляться посуху отряды воинов (Эвдокс у *Strabo*, XI, 7, 5). Очевидно, в основе сообщений Полибия и Страбона — Эратосфена лежат данные Эвдокса. Эвдокс, описывая Гирканию, видимо, упоминал и о соседних апасиаках и связанных с ними новейших событиях: бегстве «Арсака» от Селевка Каллиника. В той же связи он говорил и о способах переправы апасиаков через Окс, отделявший их от Гиркании (о наличии у Эвдокса подобного рассказа, как видим, прямо свидетельствует Страбон — XI, 7, 5), и о стране самих апасиаков — это заимствовал Полибий для своего экскурса. Говоря об апасиаках-массагетах, Эвдокс приводил и сведения древних писателей о массагетах (о наличии в сочинении Эвдокса описания массагетов, составленного в духе Геродота, имеются прямые указания в источниках: *Diog. Laert.*, IX, 83) — это заимствовал Эратосфен для интересующего нас описания массагетов (*Strabo*, XI, 8, 6–7).

[4] Это сообщение не сводится к данным одного Геродота. Есть основание считать, что сообщения Страбона — Эратосфена о скифских народах, сопровождаемые ссылкой на Геродота и Гелланика, вообще прошли через руки Гелланика (или также и Эвдокса), ср. *Strabo*, XII, 3, 21.

[5] Здесь Страбон, цитируя Геродота, приписывает последнему не принадлежащие ему слова. Очевидно, эта цитата взята из сочинения посредника, видимо, Каллисфена, который и соединил данные Геродота с данными другого автора.

периегесе Каспийского моря у Геродота; замечание Дионисия о воинственности массагетов и их жестокости к пришельцам соответствует изложению событий самого похода на массагетов у Геродота; наконец, краткое описание массагетов Дионисия соответствует описанию массагетов, которое мы находим у Геродота. К этой основе Дионисий добавил лишь очень незначительные дополнения.

Остальные авторы или дают неопределенные ссылки «рассказывают» (ἱστοροῦνται)[1], или ссылаются на Геродота[2] и на Эвдокса[3], но последний, как мы уже отмечали, сам заимствовал у Геродота.

Итак, авторы рассматриваемых сообщений свидетельствуют, прямо или косвенно, о том, что сведения их восходят в конечном счете к Геродоту. Сам же Геродот, видимо, в основном заимствовал из устных источников.

Остановимся на определении источников отдельных сообщений рассматриваемых текстов. При этом мы будем учитывать и другие свидетельства на ту же тему; в ряде случаев возможна литературная связь этих сообщений с указаниями Геродота и зависимых от него авторов, хотя определить характер такой связи обычно трудно.

1. Общее описание массагетов. 2. Описание Аракса и его островов, людей, живущих на островах. 7–13. Описание массагетов. Сюда же нужно присоединить указания об Араксе и массагетах отмеченного выше рассказа Геродота о происхождении скифов.

Основной источник этих сообщений Геродота указывается ссылками: «говорят» (λέγεται) о многочисленности и храбрости массагетов и месте их обитания за Араксом; «говорят» (λέγεται) об Араксе, сравнивая его с Истром; «говорят» (φασι, λέγεται) об островах на Араксе и о людях, живущих на островах; «эллины» и «варвары» вместе «сообщают рассказ» (λόγος) о происхождении скифов; возможно, подобная же ссылка подразумевается в описании массагетов. Кем были все эти «рассказывающие» «эллины» и «варвары»? Очевидно, жителями Северного Причерноморья, прежде всего греческими и скифскими купцами Ольвии[4], которую Геродот посетил в период между 454 и 444 гг. до н. э., прибыв туда, по-видимому, из Самоса[5]. Именно от этих купцов Геродот и получил большинство

[1] *Porphyr.*, De abstin. IV, 21; *Euseb. Pamph.*, Praep. Evang. I, 4, 7.

[2] *Aelian*, N. A., VI, 60.

[3] *Diog. Laert.*, IX, 83.

[4] Показательна также ссылка Геродота в рассказе о происхождении скифов на курган близ Тираса, который «можно видеть и ныне» (IV, 11). Об устных первоисточниках данных сообщений Геродота см. *Herrmann*. Alte Geographie... S. 12–13. Якоби, считающий источником рассматриваемых сообщений Геродота сочинение Гекатея, рассказ о происхождении скифов (третий) признает независимым от Гекатея и основанным на устных сообщениях, см. *Jacoby*. Herodotos, стб. 431. Об источниках рассказа о происхождении скифов (третьего) см. также *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, М.; Л., 1953. С. 335. Высказывалось предположение о заимствовании Геродотом сведений о массагетах и исседонах из поэмы Аристея Проконнесского, см. *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxf., 1962. P. 104 (но ср. с. 178). Однако Аристей вообще вряд ли знал о массагетах. Предполагалось и искусственное происхождение указания на соседство массагетов с исседонами, которое возникло якобы в результате ошибочных картографических комбинаций, см. *Herrmann*. Massagetai, стб., 2125. Однако нет никаких оснований выделять это указание из общего описания массагетов и предполагать для него особый источник.

[5] *Жебелев*. Ук. соч. С. 315–317.

своих сведений о скифских народах. Судя по тому, что в повествовании Геродота Аракс сравнивается с Истром (причем, видимо, несколькими людьми: одни считали Аракс больше Истра, другие — меньше), а «острова» его — с Лесбосом, информаторами Геродота были люди, скорее всего, сами видевшие как Аракс и его «острова», так и Истр и Лесбос. Действительно, на время путешествия Геродота в Ольвию (и до 439 г. до н. э.) падает расцвет торговли Ольвии с Самосом и Лесбосом[1]; купцы при этом плыли вдоль западных берегов Понта, мимо устьев Истра.

Другой источник мог иметься в виду под словами: «некоторые говорят» (λέγουσι), что массагеты — скифский народ. Замечание это выглядит как ссылка на чье-то чужое мнение, с которым Геродот не согласен; действительно, судя по геродотову определению территории скифов (IV, 21, 57), массагеты не должны считаться скифским народом. Здесь вполне мог подразумеваться Гекатей[2] (хотя и не обязательно он). Гекатей действительно, называл скифскими все племена северо-востока экумены, в том числе исседонов[3]. Но вообще это замечание выглядит изолированным в тексте Геродота и скорее противопоставлено остальному его содержанию.

Наконец, еще какие-то сведения подразумевают слова: «эллины говорят» (φασί), приписывая скифам то, что относится к массагетам. Здесь, очевидно, Геродот имеет в виду какие-то действительно ходячие среди греков представления о «скифах» вообще, которые он, опираясь на свои основные источники, имел возможность уточнить. Это, надо думать, были рассказы об общности жен и детей у скифов; такие рассказы были составной частью традиции, идеализирующей скифов и действительно широко распространенной среди современников Геродота[4]. Впоследствии эти рассказы были поставлены в связь с платоновскими социальными идеалами (Strabo, VII, 3, 7).

Сообщение Геродота о том, что массагеты обитают за Араксом, повторяют Дионисий[5] и Филострат. Дионисий добавляет к данным Геродота лишь эпитет для Аракса — «шумящий» (κελάδοντος). Повод для этого добавления дало распространенное в античном мире толкование слова Ἀράξης как производного от ἀράσσειν «разбивать» (имеется в виду: «с разбивающимися волнами»). Филострат в отличие от Геродота помещает массагетов и исседонов за Истром. Повод для такого изменения мог дать сам Геродот, который здесь же сравнивает Аракс с Истром. Но авторы римского времени уже с I в. до н. э. действительно считают массагетов обитающими за Истром[6]; это, очевидно, связано с широкими переходами значения названия «массагеты» в то время (например, «массагеты» — «геты»).

---

[1] *Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 24–25. Ср. также *Thuc.*, III, 2, 2.

[2] См., например, *Jacoby*, Herodotus, стб. 426; *Он же*, Hekataios, стб. 2682; FGH. I. P. 352; *Pearson*. Op. cit. P. 63.

[3] *Hec.*, fr. 193, Jacoby.

[4] *Куклина И. В.* Ἄβιοι в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3. С. 120–130.

[5] *Herrmann*. Alte Geographie… S. 21, прим. 5.

[6] См., например, *Lucan*, De bello civ., II, 50.

Рассказ Геродота о происхождении скифов, в котором фигурируют Аракс и массагеты, соответствует аналогичному рассказу Диодора, где также упомянут Аракс, хотя о массагетах ничего не говорится (II, 43,2). В своем рассказе Диодор использовал ту же версию предания о происхождении скифов, восходящую, видимо, к тому же источнику, как и у Геродота, но независимую от последнего[1].

Сообщение Геродота об островах Аракса и их обитателях повторяет Страбон. Этот автор говорит об «островах в болотах» и о людях, живущих на островах. Содержание и порядок изложения у Страбона в основном соответствует тексту Геродота, хотя Страбон повествует более сжато, чем Геродот. Но имеются и некоторые отличия. Упоминание о болотах в данной связи появилось у Страбона явно в результате совмещения Аракса, имеющего острова, и Аракса, вливающегося в болота, — о том и другом говорится у Геродота. Сообщение Страбона об одежде жителей островов Аракса, возможно, появилось под влиянием аналогии — сообщения Геродота об одежде жителей болот Аракса. Видимо, сказалось здесь и влияние сообщения Геродота об одежде жителей болотистой дельты другой реки на окраине экумены, которые также питались сырой рыбой (III, 98). Но краткое замечание Страбона о питье жителей островов, соответствующее рассказу Геродота о возжигании опьяняющих плодов, явно противопоставлено последнему: наркотическое средство, по Страбону, надо думать, пьют, а по Геродоту — вдыхают. Здесь источником Страбона (Эвдоксом?) использовано какое-то новое известие.

Зато Максим Тирский, повествуя о каком-то племени, которое он не вполне уверенно называет скифским (действительно, Геродот говорит лишь о людях, живущих на островах), передает рассказ, во всем основном соответствующий рассказу Геродота о возжигании опьяняющих плодов[2].

Сообщение Геродота о способе сражения и вооружении массагетов также повторяет Страбон. Повествование последнего по содержанию и порядку изложения почти во всем соответствует рассказу Геродота, но имеет и небольшие отличия. Страбон опускает упоминание о копьях, но вводит сообщение о мечах (μάχαιρα) и панцирях (θώραξ); правда, и Геродот говорит о кинжалах (ἐγχειρίδιον), применявшихся в битве массагетов с персами (I, 214), а также о панцирях (θώρηξ), надеваемых массагетами на лошадей. Страбон сообщает о головных повязках (διάδημα), а Геродот говорит просто о головных уборах (τὰ περὶ κεφαλὴν). Очевидно, близок Страбону в данном случае Лукан, упоминающий об «аримаспе» (вместо «массагет»?; последний упоминается рядом), который идет в бой, подвязав волосы золотой повязкой[3].

Дионисий, ничего не сообщая о прочем вооружении массагетов, говорит о них лишь как о «натягивающих [луки] с быстрыми стрелами»[4]; Геродот же характеризует массагетов как «лучников и копьеносцев». Очевидно, ближе к Дионисию сообщение Симмия Родосского: «Массагеты, ездящие на быстрых конях, вооруженные скорострельными луками»[5].

---

[1] См., например, *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. № 2. С. 41.

[2] *Maxim.* Tyr., XXVII, 4, 6.

[3] *Lucan.*, De bello civ. III, 281.

[4] *Dion. Per.*, 740; *Avien.*, 916.

[5] *Simmias Rhod.*, fr. 1, Düntzer.

Сообщение Геродота о металлах массагетов повторяет Страбон. И на этот раз в тексте Страбона мы находим интересную деталь, отсутствующую у Геродота: железо имеется в земле массагетов, хотя его и мало; по Геродоту, железа у массагетов нет совсем. Очевидно, и здесь источником Страбона (Эвдоксом?) использовано новое известие.

Сообщение Геродота о брачных обычаях массагетов повторяют Страбон, Диоген и Элиан. При этом Диоген ссылается на Эвдокса и, следовательно, имеет общий со Страбоном источник. Элиан же ссылается прямо на Геродота. Следует отметить, что сообщение Геродота об открытом сношении массагетов с женщинами в передаче Страбона и особенно Элиана приобретает несколько иной оттенок: они сносятся не только безбоязненно, но и на глазах у всех. В этом, по-видимому, нет необходимости видеть след какого-то самостоятельного источника; скорее всего, это результат ассоциации данного сообщения Геродота с его же сообщением об обычае жителей Кавказа[1].

Сообщение Геродота о погребальных обычаях массагетов повторяют Страбон и Порфирий. Текст Страбона опять дает новую деталь: умерших от болезни массагеты выбрасывают зверям; Геродот же говорит о том, что их предают земле. И здесь, видимо, перед нами новое известие, использованное источником Страбона (Эвдоксом?). Порфирий, упоминая рядом с массагетами дербиков, имеет в виду описание, действительно, очень близкое описанию погребальных обычаев массагетов. Указанное сообщение о дербиках приводят несколько авторов, а восходит оно, по-видимому, к Ктесию. Последний, безусловно, был знаком с геродотовым описанием массагетов, но в его сообщении не все сводится к известиям Геродота. Рассказ о дербиках соответствует рассказу Геродота, но в него введены некоторые новые детали: сообщается точный возраст убиваемых стариков — 70 лет, а также говорится о смерти старух того же возраста — их душат, а затем предают земле (тогда как стариков закалывают и поедают)[2].

В то же время среди греков ходили рассказы о каких-то скифах, которые поступали точно так же, как и геродотовы массагеты: стариков закалывали. А умерших в молодости закапывали в землю, но возраст убиваемых стариков у них был определен в 60 лет[3]. Эта версия была достаточно древней, так как уже Гелланик, видимо, использовал ее для описания своих гипербореев[4].

Сообщение Геродота о занятиях и пище массагетов повторяют Страбон и Дионисий. Страбон дополняет описание Геродота утверждением о том, что хотя массагеты сами земледелием не занимаются, «землей» (χώρα, может быть, имеется в виду «земледельческая область», «деревня»), все же владеют. Дионисий, пересказывая данное сообщение Геродота, имел в виду, несомненно, не только его описание массагетов, но и рассказ того же автора о походе Кира на массаге-

[1] Высказывалось предположение о том, что Элиан дал самостоятельную версию о массагетах, восходящую к Демокриту, а не к Геродоту, см. *Лурье С. Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. С. 548. Но ссылка в этой связи на сообщение паремиографов о массагетах не убеждает; последнее само восходит в конечном счете к Геродоту (об этом мы будем говорить ниже).

[2] *Strabo*, XI, 11, 8; *Aelian.*, V. H., IV, 1.

[3] *Sext. Emp.*, Pyrr. III, 210, 228; *Philostr.*, V. A., VI, 20.

[4] *Hellanic.*, fr. 187b, Jacoby.

тов; именно там массагеты представлены как люди, совсем не знакомые с вином[1]. Кроме того, Дионисий дополняет описание Геродота, сообщая о том, что массагеты пьют молоко, смешанное с конской кровью; Геродот говорит лишь, что массагеты пьют молоко. О таком специфическом напитке массагетов, действительно, говорят авторы римского времени с I в. н. э.[2]. Но тот же напиток приписывают гелонам[3] и просто скифам[4]. Очевидно, и слово «массагеты» имеет в данном контексте такое же широкое и условное значение, как «гелоны» и «скифы». Возможно, что первоначально это сообщение относилось к сарматам, которые якобы употребляли в пищу кашу или муку, смешанную с кобыльим молоком или кровью из голенных жил лошадей[5].

Наконец, сообщение Геродота о верованиях массагетов повторяет Страбон. Последний говорит то же самое, что и Геродот, лишь опуская слова о смысле жертвы Солнцу.

Упоминание Максима Тирского о том, что массагеты считают божеством реку Танаис (VIII, 8), намекает, возможно, на какое-то сообщение о верованиях массагетов, сознательно противопоставленное сообщению Геродота (в котором утверждается, что массагеты признают божеством только Солнце). Известие, использованное Максимом, появилось не ранее того времени, когда античные авторы могли связать массагетов с Танаисом, т. е. не ранее восточных походов Александра Македонского.

3. *Описание Аракса, его рукавов и болот, жителей болот, отдельного рукава*. Сюда же нужно присоединить сообщение Геродота об Араксе и Каспийском море как границе Азии.

Здесь Геродот дает лишь одну ссылку: «говорят» о людях, обитающих в болотах Аракса. Возможно, что и в данном описании Геродот пользовался устными рассказами. К ним могли бы восходить сообщения о жителях болот Аракса. Но несомненно, что здесь Геродот использовал сочинения Гекатея в гораздо большей степени, чем в сообщениях, рассмотренных перед этим. К Гекатею должно восходить указание на Аракс и Каспийское море как на границу Азии, а также, по-видимому, сообщения о том, что Аракс вытекает из страны матиенов[6], течет на восток и впадает в Каспийское море.

О том, что Гекатей действительно трактовал Аракс как границу Азии, свидетельствует следующий фрагмент: «Мики. Народ, о котором Гекатей в [описании] Азии [говорит]: «от миков до реки Аракса» (fr. 289, Jacoby). Чтобы полнее представить себе рассуждения Гекатея на эту тему, следует привлечь также некоторые данные Геродота, заимствованные им у Гекатея[7]. В целом картина получается

[1] *Herod.*, I, 207, 211, 212.

[2] См., например, *Lucan.*, De bello civ., III, 282–283, *Statius*, Achill. I, 307–308.

[3] *Verg.*, Georg. 459–461.

[4] *Clem. Alex.*, Paedagog. III, 3, 24.

[5] *Plin.*, NH., XVIII, 100; ср. *Lucan.*, De bello civ., 282–283.

[6] В этом сообщении страна матиенов, очевидно, понимается так, как представлял ее Гекатей: это страна, простирающаяся от гордиев до колхов (точнее, мосхов) (*Hec.*, fr. 287, fr. 288, Jacoby), т. е., видимо, XVIII сатрапия, включавшая земли собственно матиенов, саспиров и алародиев (*Herod.*, III, 94).

[7] *Herod.*, IV, 36–41; FGH. I. P. 354–355, 364.

такова. Азия делится на две половины — восточную и западную, а последняя, в свою очередь, — на два «мыса», или «полуострова» (ἀκτή) — северный и южный. Самая западная часть восточной половины Азии ограничивается: на севере — рекой Аракс, текущей на восток, и Каспийским морем, на юге — Эрифрейским морем в том месте, где близ него живут мики[1]. Самая восточная часть западной половины Азии ограничивается: на севере — рекой Фасис, у которой живут колхи, и Понтийским морем, на юге — Эрифрейским морем в том месте, где близ него живут персы. Указанные северные пределы обеих половин Азии являются в то же время границей Азии и Европы. Соответствующие положения Гекатея дошли до нас в передаче Эратосфена. Последний замечает, что те ученые, которые считали материки полуостровами, разграничивали их перешейками, в частности перешейками между Каспийским и Понтийским морями[2]. Агафемер, повторяя Эратосфена, говорит, что существовало мнение, согласно которому границей Азии и Европы служит река Фасис и перешеек до Каспийского моря[3]. Возможно, что с этим же воззрением связано несколько необычное представление, засвидетельствованное у Эратосфена и Аполлония Родосского, двух современников и земляков (оба были связаны с Александрией Египетской), о соединении Фасиса и Аракса через реку Лик, которая, якобы отклоняясь от Аракса, сливалась с Фасисом[4]. Эратосфен специально описывал границу Европы и Азии, видимо, в рассказе о пути от Амиса до Бактр, также восходящем к Гекатею[5]. Первый участок этого пути, от Амиса до Каспийского моря, как раз и соответствует указанному выше отрезку северной границы Азии (на стыке двух ее половин): сначала плавание по Понту, от Амиса до Колхиды, затем путь (который назван в одном случае ὑπέρθεσις — «восхождение», в другом случае ὑπέρβασις — «перевоз») к Гирканскому (или Каспийскому) морю; направление пути — все время на восток[6].

Как согласовать это представление об Араксе с другими указаниями Гекатея относительно границ Азии и Европы? Сохранилось одно сообщение Гекатея, которое следует понимать так, что границей материков этот автор считал реку Фасис, соединяющуюся с Океаном[7]. Другие сообщения Гекатея заставляют пред-

---

[1] О миках в связи с Эрифрейским морем см. также *Herod.*, III, 93.

[2] *Eratosthen.*, fr. II C, 22, Berger.

[3] *Agathem.*, Geogr. Hypot. 3.

[4] *Erathosthen.*, fr. III B, 76, Berger; *Apoll. Rhod.*, IV, 131–135; *Ps.-Orph.*, 744–756. Ср. *Eratosthen*, fr. III B, 84, Berger; *Strabo*, XI, 14, 7.

[5] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 7.

[6] *Eratosthen.*, fr. III A, 2, 11, Berger.

[7] *Hec.*, fr. 18a, Jacoby. Предлагалось такое согласование данного сообщения с утверждением о границе по Араксу: Гекатей якобы имел в виду путь от Понта по Фасису в Каспийское море, затем по каспийскому рукаву Аракса и самому Араксу в Океан, см. *Junge*. Op. cit. P. 27–28. Но слова, сохранившиеся в указанном фрагменте, не дают никакого основания предполагать столь сложный путь. Кроме того, такая реконструкция пути во многих моментах или вообще не находит подтверждения в источниках, или подтверждается лишь при очень вольном толковании их (например, сообщения: *Anon.*, Peripl. Pont. Eux., 49; последнее вообще принадлежит иному кругу известий, ср. *Aristot.*, Meteor. I, 13, 15–16; *Dion. Per.*, 733–738 и другие схожие сообщения).

полагать, что границей Азии и Европы он считал, скорее всего, реку Танаис[1]. Мы предлагаем согласовать все эти разноречивые данные следующим образом. В одном своем сочинении, в «Генеалогиях», в рассказе об аргонавтах Гекатей еще придерживался традиционного ионийского представления, зафиксированного на карте Анаксимандра: границей Азии и Европы является Фасис, непосредственно соединяющийся на востоке с Океаном. В другом сочинении, в «Периегесе», где Гекатей давал новую картину мира, дополнив карту Анаксимандра современными сведениями, значительно расширившими кругозор греков[2], границей Азии и Европы был признан Танаис; прежнее представление о границе материков оказалось несовместимым с новыми данными, и Гекатей, возможно, прямо критиковал его[3]. Среди новых данных, которыми располагал Гекатей, были сведения, почерпнутые им из сочинения Скилака Кариандского[4]. Последний, видимо, пытался примирить традиционные ионийские представления о Фасисе как границе Азии и Европы с добытыми им самим сведениями об Араксе и Каспийском море. В сообщениях Эратосфена и Агафемера (на них мы уже ссылались выше), касающихся установления границ между материками, противопоставлены два мнения, причем первое признается более ранним: одни ученые считали границей Азии и Европы Фасис и перешеек до Каспия, называя материки полуостровами, другие считали границей Танаис и Меотиду. Возможно, что все это рассуждение Эратосфена основано на тексте Гекатея, где Гекатей цитировал Скилака, не соглашаясь, однако, с ним, и обосновывал свой тезис о границах материков. Таким образом, приведенные выше сообщения Геродота об Араксе, признанные заимствованными из литературного источника, а также связанные с ними известия о границах материков и о пути от Амиса до Бактр, восходят через Гекатея к Скилаку[5].

Скилак, совершивший объезд отдаленных пределов Персидского царства по заданию Дария, естественно, должен был во многом отразить местные, особен-

---

[1] *Hec.*, fr. 193 (для исправления здесь Ἀσίᾳ на Εὐρώπῃ — нет оснований), fr. 211–216, Jacoby. Предлагалось следующее согласование данных сообщений с утверждением о границе по Фасису: Гекатей якобы называл Фасисом Гипанис (Кубань), а Танаисом — пролив между Меотидой и Понтом, см. FGH. I. P. 352–354. Ср., однако, *Pearson*. Op. cit. P. 64. Следует сказать, что такое объяснение, хотя как будто и устраняет ряд противоречий, все же выглядит весьма искусственным. Предположение о том, что еще в VI–V вв. до н. э. названия «Фасис» и «Танаис» не имели точной географической фиксации, а второе не относилось к Дону, равно как и все подобные предположения о блуждании этих названий между Рионом и Доном, неубедительны. Греки уже в VII в. до н. э. достаточно хорошо знали устья не только Риона, но и Дона (*Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V веках до н. э. // ИГАИМК. 1935. 104. С. 90 сл.); названия для этих рек греки не придумывали сами, а заимствовали у местного населения, с самого начала называя Танаисом именно Дон, а Фасисом именно Рион (*Меликишвили Г. А.* Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды // ВДИ. 1966. № 1. С. 82 и сл.).

[2] *Jacoby*. Hekataios, стб. 2690.

[3] *Hec.*, fr. 18b, Jacoby К. и Т. Мюллеры относят этот фрагмент к «Периегесе», см. FHG. I. С. 13. Возможно, что текст этого фрагмента и не нуждается в исправлении.

[4] *Gisinger F.* Skylax (2) // RE. 1927. HlBd V (R. 2), стб. 629.

[5] *Пьянков*. Ук. соч. С. 9. О «персидской» карте Скилака, данные которой прослеживаются в сообщениях Геродота, см. также *Myres J. L.* An attempt to reconstruct the Maps used by Herodotus // CJ. 1896. Vol. VIII. N 6. P. 623–624.

но персидские, географические воззрения. Действительно, в Авесте сохранилось перечисление частей мира, в том числе земного мира, где названы семь материков (каршваров), море Ворукаша, [восточная река и западная река], ауда Рангхи и санака Рангхи, край «этой земли» и середина «этой земли» (иногда переводят: углы «этой земли» и край «этой земли»), всякое место «этой земли»[1]. Море Ворукаша обычно отождествляют с Каспийским морем. Река Рангха, которая в данном контексте фигурирует как один из пределов земли, видимо, соответствует реке Араксу. Значение слов aoδa- и sanaka- неизвестно. Их переводят, например, как «исток» и «устье»[2], как «воды» и «степь»[3], как «воды» и «[область] по ту сторону»[4], как «воды» и «исток»[5], и т. д. Не связаны ли эти слова с «болотами» (ἑλεά), «топями» (τενάγεα) и «устьями» (στόματα) Аракса, о которых говорит Геродот? Заметим здесь, что в Авесте упоминается и отдельный рукав (araγžara-) Рангхи (Yt. XV, 27). Наконец, выражение «на краю (upa karanəm или upa vīmaiδīm) этой земли» понимается как указание на край суши, берег южного моря[6]. Таким образом, в Авесте, возможно, отразилось представление о Каспийском море, Араксе и Эрифрейском море как пределах Азии. Следует сказать, что засвидетельствованные в рассмотренном отрывке географические представления о пределах земли мало соответствуют обычным для Авесты воззрениям. Возможно, что это место было составлено или во всяком случае отредактировано в ахеменидское время.

Сообщение Геродота об Араксе, его рукавах и болотах, жителях болот, отдельном рукаве повторяет Страбон в двух сообщениях. В одном он говорит о «болотах, которые образованы реками», об Араксе и его рукавах, о людях, живущих в болотах, в другом — об истоках и рукавах Аракса. Страбон во всем следует Геродоту, однако первое его сообщение свидетельствует о том, что данные Геродота у него были введены в рамки Эратосфеновой географии; так, устья Аракса у него впадают не в болота, а в «другое, на севере [расположенное] море» (ἡ ἄλλη ἡ πρὸς ἄρκτοις θάλαττα), — здесь имеется в виду, очевидно, северная часть внешнего моря, окружающего землю; Каспийское море названо «Гирканским заливом» (ὁ κόλπος ὁ Ὑρκάνιος), т. е. заливом того же внешнего моря. Все эти детали, введенные в повествование Геродота, характерны для географических представлений Эратосфена; последнее, видимо, и следует считать их источником[7].

---

[1] Yt. XII, 9–22; X, 104–105.

[2] *Chr. Bartholomae*, Altiranisches Wörterbuch, B., 1961, стб. 1558.

[3] *W. Geiger*, Ostiranische Kultur im Alterthum, Erlangen, 1882, C. 34–35.

[4] *E. E. Herzfeld*, Zoroaster and his world, Princeton, 1947, C. 448–449, 768–769.

[5] *I. Gershevitch*, The Avestan hymn to Mithra, Cambr., 1959, C. 125, 251–254, 330. Там же см. об остальных переводах.

[6] *J. Darmesteter.* The Zend-Avesta, Vol. II, Oxf., 1883, C. 146, прим. 4

[7] Предлагалось считать данные сообщения Геродота и Страбона независимыми одно от другого и восходящими к одному общему источнику. Геррман сначала считал этим общим источником сочинения Гекатея и признавал, что сообщение Страбона подверглось обработке посредника; сообщение Гекатея он восстанавливал так: рукава Аракса вливаются в северное море, а один рукав — в Каспийское море, см. *Herrmann.* Alte Geograhie… S. 36–38. Впоследствии он стал считать общим источником сочинение Дионисия Милетского (под вопросом) и возводить сообщение Страбона прямо к нему. См. *Herrmann*, Massagetai, стб. 2124–2125. Но у нас нет оснований полагать, что Гекатей говорил о каком-то

Что же касается Аракса Пейтингеровой карты, то он является результатом попытки картографировать данные Геродота, дошедшие до автора карты в интерпретации Эратосфена.

Известия об Араксе, подобные рассмотренному сообщению Геродота, содержатся в сочинениях более поздних авторов. Одни из этих известий восходят, видимо, к Феофану Митиленскому, который сопровождал Помпея в его восточных походах и посетил, в частности, Албанию. Сообщение этого автора выглядело примерно так: Аракс одним рукавом вливается в Каспийское море, другое же устье имеет общее с Киром; состоит оно из 12 рукавов, отчасти глухих, сюда идут речные наносы, рукава занесены илом, изобилуют мелями. А берега их подвержены разливам от прибоя[1]. Другие известия восходят к Кирсилу Фарсальскому и Мидию Ларисскому, участникам походов Александра Македонского. У них описание Аракса соединено со сказанием об аргонавтах: Аракс будто бы сначала затоплял равнину в своих низовьях, не имея выхода в море, но затем Ясон сделал проход, через который воды реки стали низвергаться в Каспийское море (Strabo, XI, 14, 13); видимо, так эти авторы объясняли происхождение болот в низовьях Аракса и отдельного рукава реки, соединяющегося с морем. Все эти известия близки сообщению Геродота; сам Страбон сопоставляет второй рассказ с сообщением Геродота об Араксе и его 40 рукавах. В то же время они определенно независимы от Геродота.

4. *Описание Каспийского моря*. С ним тесно связаны рассуждения Геродота о море эллинов, Атлантическом море и Эрифрейском море.

Здесь Геродот дает следующие указания, по которым можно судить о его источниках. В одном случае Геродот подчеркивает, что о путешествии финикийцев вокруг Ливии узнал он сам (ἡμεῖς ἴδμεν); в другом случае он говорит, что опять-таки он сам знает одного самосца, к которому в конце концов попали сокровища Сатаспа. Оба указания могут свидетельствовать об устных источниках.

Не случайно такими указаниями сопровождаются именно рассказы о плаваниях вокруг Ливии. Дело в том, что посредством этих рассказов Геродот доказывает соединение трех морей: моря эллинов, Атлантического и Эрифрейского, полемизируя с тем мнением, согласно которому Эрифрейское море — замкнутое. Есть основания считать, что такого мнения придерживался Гекатей[2]. Такое пред-

---

особом северном море, а взгляды Дионисия на данный предмет вообще неизвестны. Юнге также считал общим источником сообщений Геродота и Страбона сочинение Гекатея и признавал, что сообщение Страбона могло быть заимствовано через посредство Эратосфена; сообщение Гекатея он восстанавливал так: рукава Аракса вливаются в Океан, а один рукав — в Гирканское море, см. *Junge*. Op. cit. S. 26–27. Но у нас нет никаких оснований связывать геродотов Аракс с далеким мифическим Океаном. Аналогичные сообщения Страбона об Араксе, действительно независимые от Геродота, показывают, что об Океане в такого рода сообщениях и не могло быть речи.

[1] *Strabo*, XI, 4, 2; *Plut.*, Pomp., 34, *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 42–43. Отметим здесь, что описание несудоходного устья Кира вряд ли можно возводить к Патроклу, который говорил о легко осуществимой возможности плавания из устья Окса в устье Кира (*Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1951. P. 488–490).

[2] *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 55, 64. Заметим здесь, что необходимо допустить неточность в цитате из Дамаста, прошедшей через руки Эратосфена и Страбона

ставление об Эрифрейском море связано с поисками истоков Нила в Индии, и намек на эти поиски также можно найти в сочинении Геродота в том месте, где он пересказывает Гекатея[1].

Напротив, рассказ о путешествии Скилака не сопровождается подобной ссылкой. Геродот излагает его скорее всего по Гекатею (видимо, Геродот вообще был знаком с сочинением Скилака только через посредство Гекатея). Пересказ Геродота очень краток и, очевидно, пропускает ряд важных деталей описания. Так, сам же Геродот говорит, что благодаря этому путешествию стала известной большая часть Азии и было установлено, что она, подобно Ливии, окружена со всех сторон, кроме восточной, морем (т. е., видимо, омывается с севера Каспийским морем, а с юга — Эрифрейским[2]), но упоминает лишь о плавании по Инду и Эрифрейскому морю. По-видимому, Геродотово описание Каспийского (или Гирканского) моря также следует считать частью данного рассказа Гекатея. Непосредственно оно входило, надо полагать, в описание пути от Амиса до Бактр. Этот путь, как уже говорилось, предполагает плавание по Каспийскому (или Гирканскому) морю. Определение ширины моря (восемь дней плавания на веслах) могло бы относиться к плаванию от устья Аракса к Гиркании[3]. Гекатей же эти сведения заимствовал определенно у Скилака. Те сведения Гекатея о Гирканском море, которые сохранились во фрагментах его сочинения, также восходят к Скилаку[4]. В то же время Гекатей вряд ли смог бы добыть подобные известия об этом море у кого-нибудь другого, кроме Скилака. Еще Страбон говорил о несудоходности Каспийского моря, имея в виду времена господства персов (XI, 7, 2); слова Страбона свидетельствуют о том, что о плаваниях по Каспию в древнейшее время почти ничего не было известно, во всяком случае, грекам.

Скилак и в данном случае отразил географические представления персов. Каспийское море персы в те времена действительно считали озером. Своеобразные представления об Эрифрейском море как озере, несомненно, также бытовали среди персов, но засвидетельствованы и для значительно более раннего и более позднего времени[5].

Подчеркивая изолированность Каспийского моря, Геродот, очевидно, полемизирует с каким-то иным мнением. Возможно, что это отвергаемое Геродотом

(*Strabo*, I, 3, 1), если возводить ее к Гекатею. Гекатей не мог говорить о замкнутости Аравийского залива, ср. Гекатей у *Herod.*, IV, 44. Дамаст, основываясь на Гекатее, очевидно, говорил о том, что озером является Эрифрейское море, а не Аравийский залив, его часть.

[1] *Herod.*, IV, 44. Ср. *Aeschyl.*, Prom. Vinet. 809.

[2] Таковы известия Гекатея, восходящие к Скилаку, о пределах Азии: *Herod.*, IV, 40.

[3] В Средние века ширину Каспийского моря определяли длительностью плавания от Табаристана до Дербента (одна неделя плавания при благоприятном ветре), см. *Бартольд.* Ук. соч. С. 24. Прим. 11.

[4] *Hec.*, fr. 291, Jacoby; *Gisinger*. Op. cit., стб. 629.

[5] Относительно представлений древних персов о морях ср. *Herzfeld*. Op. cit. P. 630–651 и *Junge*. Op. cit. S. 28–29. См. также Ктесий у *Aelian.*, N. A., XVII, 32; *Arist.*, Meteor. I, 13, 18, 29. Относительно вопроса об Эрифрейском море (о связи Индии и Эфиопии) в древности см., например, *Gutschmid A. von*. Kleine Schriften. Lpz., 1892. Bd III. C. 164–165. Ср. также переход названия «Мелухха» от Индии к Эфиопии.

воззрение имеет в виду Плутарх, когда говорит о каких-то естествоиспытателях, которые задолго до походов Александра считали Каспийское море одним из четырех заливов (самым северным) внешнего моря[1].

Сообщения Геродота о Каспийском и Эрифрейском морях повторяет Аристотель. При этом Аристотель, видимо, соединил с данными Геродота аналогичное сообщение о Гирканском море, восходящее к Гекатею, думая о Каспийском и Гирканском морях как о двух разных бассейнах[2].

5. *Описание Кавказа и его жителей.* Геродот здесь дает такую ссылку: «говорят» (λέγεται) об обычаях жителей Кавказа. Скорее всего Геродот в данном описании основывался на устных сообщениях. Описание это повторяет Страбон. Повествование Страбона в общем соответствует тому, о чем говорит Геродот, за исключением сообщения о скотоводстве. Возможно, что последнее появилось под влиянием рассказа Геродота о других обитателях окраин экумены, также горных жителях, питавшихся древесными плодами, у которых, однако, было «немного овец (πρόβατα)» и которые употребляли в пищу молоко (Herod., IV, 23). Сообщение Геродота об одном из обычаев жителей Кавказа повторяют паремиографы. Это сообщение они заимствовали, скорее всего, через посредство какого-то описания, подобного тому, которое использовал Страбон: все то, о чем Геродот говорил в периегесе Каспийского моря, в нем было отнесено к массагетам. Заметно здесь и влияние сообщения Геродота о брачных обычаях массагетов: слова «на дорогах» (ἐν ταῖς ὁδοῖς) появились, видимо, в результате переосмысления упоминания о кибитках (προ τῆς ἁμάξης). Подобные сообщения о моссинниках, одном из прикавказских народов, дает Ксенофонт, сам прошедший с отрядом греческих воинов через их область. Заканчивая свое описание похода через страну моссиников, Ксенофонт отмечает две особенности быта этого племени: тело свое они разрисовывают и татуируют цветами, а с женщинами сходятся открыто[3]. Возможно, что и Геродот, сообщая о каких-то особых долговечных красках жителей Кавказа, говорил, в сущности, о татуировке, но при этом информация, которой он располагал, или оказалась неточной, или была неправильно им понята.

8. *Описание равнины массагетов.* Это описание уже тесно связано с рассказом о походе Кира на массагетов: именно на тех (ἐπ' οὓς) массагетов, которые обитают на упомянутой равнине, Кир и решил пойти войной (Herod., I, 204). Поэтому здесь же нужно учесть географические указания данного рассказа о массагетах и Араксе.

---

[1] *Plut.*, Alex. 44; *Ельницкий.* Ук. соч. С. 65. Высказывалось предположение о том, что Геродот в данном случае полемизирует с Гекатеем, см., например, *Herrmann.* Kaspisches Meer // RE. 1919. Bd X, стб. 2276. Но Геродот говорит, что Каспийское море не сливается ни с каким «другим морем» (τῇ ἑτέρῃ θαλάσσῃ), и вряд ли можно понимать под этим морем гекатееву «реку Океан» (ποταμός Ὠκεανός), обтекающую кругом Землю (см., например, *Pearson.* Op. cit. P. 29). Геродот, действительно, знал об этом Океане и высмеивал веру в него (II, 21, 23; IV, 36).

[2] *Bolchert P.* Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien. B., 1908. S. 10. Предположение о том, что Аристотель сообщает действительно о двух разных морях (*Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambr., 1948. Vol. 2. P. 5–7), маловероятно.

[3] *Xen.*, Anab. V, 32–34; *Diod.*, XIV, 30, 7.

В самом описании Геродот не дает никаких ссылок на источники. Возможно, что Геродот здесь основывался на устном источнике — на том же самом, который он использовал в рассказе о походе Кира. Это был один из «многих рассказов» (πολλοὶ λόγοι) персидского или персо-лидийского происхождения о гибели Кира[1]. Но не исключено. что Геродот и в данном случае заимствовал у Гекатея.

О равнине к востоку от Гирканского моря Гекатей, по-видимому, говорил, хотя следы его сообщения выявляются с трудом. В этой связи остановимся на некоторых известиях Арриана и Курция, восходящих к Эратосфену (?). Арриан говорит: «Гирканская страна лежит влево от дороги, ведущей в Бактры, и отделена от нее лесистыми и высокими горами; равнина же простирается до самого великого моря, находящегося там»; и далее: «...Или великое море, обойдя кругом от восточного Индийского [моря] вливается в Гирканский залив»[2]. Курций сообщает: «Здесь находится непрерывная равнина, простирающаяся до самого Каспийского моря»; и далее: «...некоторые считали, что [это] не Каспийское море, а другое, то, что от Индии доходит до Гиркании, горные склоны которой понижаются в непрерывную равнину». (VI, 4, 16, 19). Эратосфену (или каким-то его предшественникам) здесь принадлежит представление о великом (т. е. внешнем) море, заливом которого является Каспийское море. Но в основе, видимо, лежит текст Гекатея, хотя и сильно затемненный в результате многократных пересказов. Содержание его можно восстановить приблизительно так. Гирканское море с юга окружено лесистыми и высокими горами (ὄρεα δασέα καὶ ὑψηλά — Арриан)[3], на востоке же от моря горы сменяются обширной равниной (πεδίον Арриана, perpetua vallis Курция), простирающейся до Океана (который был истолкован как внешнее море). Вместе с этой равниной Гекатей, видимо, упоминал и Аракс. Курций, основываясь на сообщении, восходящем к Эратосфену (?), говорит о горе Кавказ, обращенной «одной стороной... а другой к Каспийскому морю, реке Аракс и знаменитым пустыням Скифской страны», и с этой горы текут почти все реки Азии, впадая «одни в Красное, другие в Каспийское море, иные в Гирканское и Понтийское»[4]. Позднему автору здесь принадлежит название «Кавказ» — так современники Александра именовали горный хребет, пересекающий всю Азию. Но в основе и этого сообщения лежат гекатеевы представления об упомянутом горном хребте и противостоящих одно другому морях: Эрифрейском (Rubrum mare Курция) и Гирканском (или Каспийском) с рекой Аракс[5]. То, что Аракс не случайно упомянут здесь рядом со скифской пустыней, свидетельствует сообщение Каллисфена, также восходящее к Гекатею, о том, что Аракс отделяет скифов от бактрийцев[6]. Приводилось ли в тексте Гекатея сколько-нибудь четкое различие между Араксом данных сообщений и Араксом, который вытекает из страны матиенов и разделяется на сорок рукавов? Вряд ли (так же и у Геродота). Потому-то, видимо, Каллисфен и счел возможным

[1] *Herod.*, I, 214; *Jacoby*. Herodotos, стб. 426.

[2] *Arr.*, Anab., III, 23, 1; VII, 16, 2.

[3] Ср. *Hec.*, fr. 291, Jacoby; FGH, I, C. 365.

[4] *Curt.*, VII, 3, 19, 21 (принимаем чтение E. Hedicke: nobiliaque). Ср. Агт., III, 28, 5; V, 5, 3–5.

[5] Ср. *Herrmann*. Alte Geographie... S. 21.

[6] *Callisthen*, fr. 38, Jacoby; *Junge*. Op. cit. S. 25.

объединить те и другие сообщения об Араксе. Все это вместе — сведения о лесистых горах Гиркании, о Скифии и Бактрии, разделенных Араксом, — нашло отражение в следующем отрывке из Лукана: «...кочующие народы Скифии, которых ограничивает ледяной бездной Бактр, [очевидно, имеется в виду «холодный Аракс» как предел Бактрии] и обширными лесами Гиркания»[1]. Видимо, слова Лукана восходят к какому-то общему описанию далеких восточных земель, принадлежащему Гекатею, приведенные же выше сообщения о скифской равнине и Араксе — к отдельным частям этого описания. Само же описание должно быть частью рассказа о пути от Амиса до Бактр, который был использован Эратосфеном, но восходил, как сказано выше, к сочинению Гекатея. С рассказом об этом пути явно связан первый из приведенных отрывков, относящихся к описанию восточных земель. В непосредственной связи с этим описанием рассказывалось, видимо, о последнем участке пути, от Гирканского моря до Бактр: путь вел от моря в Гирканию, затем дорога шла в Бактрию, оставляя горы (и обширную пустынную равнину скифов?) слева (ἐν ἀριστερᾷ), наконец, приводила в Бактры и к скифам, обитавшим по ту сторону (ἐπέκεινα, за Араксом?), вплоть до восточного моря (т. е. до внешнего моря, гекатеева Океана?), причем горы здесь оказывались уже справа (ἐν δεξιᾷ); и в данном случае направление пути — прямо на восток[2]. Как уже отмечалось выше, описание дороги от Амиса до Бактр восходит, в конечном счете, к сочинению Скилака.

Заимствовал ли Геродот свое представление об Араксе на востоке от Каспийского моря как рубеже владений персов и массагетов из рассказов персов или из сообщений Гекатея — Скилака, оно в том и другом случае должно отражать персидские географические воззрения. Действительно, очень близкое представление мы обнаруживаем в рассказе Себеоса о Вахраме Мехревандаке. Рассказ этот излагает одну из версий сасанидского сказания о Бахраме Чубине, в которой тесно переплелись история и сага. Следы последней особенно заметны в сообщении о том, что Вахрам овладел областью Балха «до другой стороны великой реки под названием Вехрот, до места под названием Казбион», прошел дальше копья храброго Спандиата и разбил «великого царя мазкитов, жившего по ту сторону великой реки[3]. Некоторые пояснения к этим сообщениям дает «География», приписанная Мовсему Хоренаци. Там упоминается, в качестве одной из областей Хорасана, «Гозбон вплоть до реки, называемой Аранг», а сама река Аранг характеризуется как непроходимая, причем далее эта река отождествляется с той, которую персы называют «Вехрот», и поясняется, что непроходима она для персов в силу договора[4]. Хотя под мазкитами, т. е. массагетами, здесь имеются в виду вполне реальные тюрки[5], вся география этих сообщений принадлежит саге. Из каких именно легенд могла быть заимствована эта география, показывает само содержание сообщений. В них Бахрам Чубин уподобляется своим

[1] *Lucan.*, De bello civ., III, 266–268; VIII, 431. Ср. *Ps.–Plut.*, De fluv., XXIII, 1.

[2] *Eratosthen.*, fr. III A, 2, 8, 11, Berger.

[3] История епископа Себеоса / Пер. с арм. Ереван, 1939. С. 33–34.

[4] *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901. S. 12, 138–139; *Он же.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 14–15, 137.

[5] О тюрках как массагетах, см. *Theophan. Byz.*, 2 (*Phot.*, Bibl. cod. 64), Müller.

предшественникам, эпическим героям Аришу и Исфандиару (Спандиату), также широко раздвинувшим пределы Ирана. В сказании об Арише говорится, что владыки Ирана и Турана договорились о границе, разделившей их земли, и что границу эту определил полет стрелы, которую выпустил Ариш, или Рхша (авест. Ərəxša)[1]; стрела летела из Табаристана на восток и вонзилась в ореховое дерево (gōzbun); место приземления стрелы искали в районе Хульма в области Балха (иногда и прямо у Амударьи)[2]. В одном из сказаний об Исфандиаре говорится о том, как этот герой войной дошел до некоего места, где воткнул в землю свое копье, указав тем самым границу Ирана; местом этим считали город Навазак в области Балха (видимо, также недалеко от Хульма и Кундуза; может быть, прямо на Амударье)[3]. Итак, персидская традиция еще в сасанидские времена помнила о древней границе Ирана с туранскими массагетами по реке Аранг (соответствующей Араксу), она же Вехрот (Амударья), а также об области Балха (Бактрии), примыкающей к этому Арангу, и, видимо, о Табаристане (горах Гиркании) как крайних землях Ирана[4].

Сообщение Геродота о равнине массагетов повторяет Страбон. В одном сообщении, в общем описании массагетов, он просто говорит о «равнинах» (πεδία) массагетов, в другом, не упоминая о равнине, говорит о саках и массагетах, которые обитали за Каспийским морем. Это второе сообщение, как уже отмечалось выше, через посредство Эратосфена восходит к Гелланику[5]. Последний, видимо, заимствуя у Геродота известие о равнине массагетов, прибавил к нему иное известие, о «равнине саков» (πεδίον Σακῶν), именуемой «Амиргийской» (Ἀμύργιον)[6].

Известия о равнине массагетов, подобные сообщению Геродота, можно найти в сочинениях более поздних авторов. Все они восходят, по-видимому, к Эвдоксу Родосскому. Эратосфен говорит, что массагеты «живут рядом с бактрийцами, к западу [от них], вдоль Окса»[7]. Полибий, имея в виду страну тех же массагетов, говорит, что Окс, покинув Бактрию, течет по «равнинной местности» (πεδιὰς χώρα), в «пустыне» (ἔρημος — X, 48). Выше мы уже касались

[1] О стрелке Араксе, именем которого названа бактрийская река, см. *Ps.–Plut.*, De fluv. XXIII, 1.

[2] *Markwart*, Wehrot… S. 14, 137–138; ср. *Он же*. Ērānšahr… S. 93, 147. Об этой легенде см. также *Herzfeld*. Op. cit. S. 442–444. Названия Kazbion и Gozbon объясняются как разные варианты слова gōzbun, см. *Markwart*. Wehrot… S. 14–15. Иное объяснение см. *Тревер К. В.* Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. // СА. 1954. XXI. С. 140 (здесь не учтено последнее толкование Маркварта).

[3] *Marquart*. Ērānšahr. S. 83–84, 89; *Он же*. Wehrot… S. 34, 143–144; *Jackson A. V. W.* Zoroaster, the Prophet of ancient Iran. N.–Y., 1919. P. 272–273.

[4] Попытка извлечь из этой традиции указания на реальный маршрут похода Бахрама Чубина (*Markwart*. Wehrot… С. 151–154), как нам кажется, не может быть удачной. Эта древняя эпическая традиция чисто внешним образом приспособлена к рассказу о походе Бахрама Чубина, и искать реальные соответствия для ее географических указаний можно, лишь исходя из нее самой.

[5] *Hellanic.*, fr. 185, Jacoby; FGH. I. P. 473–474.

[6] *Hellanic.*, fr. 65, Jacoby. Предполагалось, что это добавление Гелланика восходит к Гекатею, см. *Junge*. Op. cit. S. 29–30. Можно допустить, что Гекатей упоминал о саках и массагетах как двух частях скифов, обитавших за Каспийским морем (ср. *Strabo*, XI, 8, 2), но у нас нет оснований считать, что Гекатей говорил и об амиргиях.

[7] *Strabo*, XI, 8, 8; ср. *Ptol.*, Geogr. VI, 10, 2.

представления Эвдокса о том, что Окс в нижнем своем течении, достигнув моря, отделяет массагетов от Гиркании. Известия эти явно независимы от Геродота.

Итак, рассмотренное повествование Геродота, а именно периегеса Каспийского моря и описание массагетов в том виде, в каком мы находим его в сочинении «отца истории», принадлежит самому Геродоту. Здесь этот автор в обычной своей манере нанизывает одно отступление на другое. Собственно к массагетам в их стране относятся, во-первых, сообщения 1–2 и 7–13 (хотя и здесь жители островов не названы массагетами) и, во-вторых, сообщение 6. Первая группа сообщений основана главным образом на рассказах ольвийских купцов; следы других источников, в частности известий Гекатея, здесь прослеживаются слабо. Последнее сообщение автор услышал из уст какого-нибудь перса или лидийца, но при этом, возможно, учел и данные Гекатея. Упоминания об Араксе в сообщениях 1–2 дали автору повод привести и сообщение 3, а упоминание в последнем о Каспийском море позволило привести сообщения 4 и далее 5. В этих сообщениях в значительной степени использованы известия Гекатея, но к ним прибавлены и данные устных источников. Последующие авторы, рассказывая о массагетах, перелагали почти все рассмотренное повествование Геродота и по небрежности относили его содержание к одним только массагетам. Такое переложение мы находим у Страбона. В результате появились народы, имеющие чисто литературное происхождение: «массагеты гор», «массагеты болот», а может быть, и «массагеты островов».

Остановимся, наконец, на *исторической интерпретации* рассмотренных сообщений Геродота и зависимых от него авторов.

Вопрос о локализации геродотовых массагетов (Μασσαγέται) тесно связан с идентификацией геродотова Аракса (Ἀράξης у Геродота, Ἄραξος у Страбона). У Геродота фигурируют, в сущности, не один, а три Аракса. Первый: большая река, сравнимая с Истром; имеет острова (очевидно, «острова» дельты), сравнимые с Лесбосом; изобилует рыбой, которую добывают массагеты. Массагеты живут на восток от этого Аракса, в стране, из которой они якобы вытеснили скифов. Об этом Араксе Геродот узнал от ольвийских купцов. Второй: специально о нем ничего не говорится, но подразумевается, что этот Аракс отделяет массагетов от владений персов, и персы, решив вторгнуться в землю массагетов, перешли его (в нижнем течении) по мосту, устроенному из судов. О втором Араксе Геродот узнал из рассказов персов, но, может быть, он был известен ему и по сочинению Гекатея. Третий: берет начало в земле матиенов и разделяется на много рукавов, из которых один впадает в Каспийское море, а остальные — в болота; течет на восток и служит границей Азии. К геродотовым массагетам этот Аракс не имеет отношения. О третьем Араксе Геродот узнал в основном из сочинений Гекатея. В сознании самого Геродота эти три реки никак не разделялись. Черты одной из них он свободно переносит на другую. Так, когда Геродот говорит, что за Араксом обитают массагеты, он, конечно, имеет в виду тот Аракс, через который переправлялись персы. Когда Геродот говорит, что за Араксом, в Азии, первоначально обитали скифы, он имеет в виду тот Аракс, который служит границей Азии. Но на самом деле это три разные реки. Об этом свиде-

тельствуют и некоторые указания самого Геродота и параллельные независимые сообщения других авторов. Первый Аракс — это Волга. В тексте Геродота сохранился намек на долготное направление его течения: массагеты обитают «на востоке... по ту сторону реки Аракс». В параллельном сообщении Диодора Аракс, судя по контексту, также соответствует, скорее всего, Волге[1]. В античной литературе эта река известна и под другими названиями, в частности в более поздние времена ее называют «Ра» (Ῥᾶ). Птолемей упоминает область «Островную» (Νησιῶτις) и два народа, фтирофагов и матеров, помещая их к востоку от этой реки (от основного ее русла в низовьях?) (Geogr., V, 9, 17). В авестийской и пехлевийской литературе (часто в мифологизированной традиции) под именами «Рангха» (ərəŋhā) и «Аранг» (Arang)[2] в большинстве случаев имеется в виду эта же река. В частности, упоминается «окруженный бурлящими волнами остров» (paitipə dvaēpə) Рангхи, на котором оказался «самый младший из [турского рода] Фрьянов (Yt. V, 81–83). Упоминается также о рыбе kara (видимо, осетр), обитающей в Рангхе[3]. Второй Аракс — это Амударья; впрочем, возможно, что за нижнее его течение принималась какая-то другая река (Атрек?). В параллельном сообщении Эвдокса (?) Араксу соответствует Окс (Амударья). В армянской «Географии» та же река отождествлена с Вехротом (Амударьей). В античном мире начиная со времени походов Александра эта река известна только под названием «Окс» (Ὦξος); прежнее название живет лишь в литературной традиции. В персидской традиции и эта река именуется «Арангом». Третий Аракс — это современный Аракс. Действительно, течет этот Аракс на восток, а берет начало в земле матиенов (в Гекатеевой ее трактовке). Наличие тюленей в его низовьях (в болотах) свидетельствует о том, что речь идет действительно о прикаспийской дельте (в Аральском море, как известно, тюленей нет)[4]. Параллельные сообщения Феофана, Кирсила и Мидия явно имеют в виду кавказский Аракс. В античном мире эта река и после походов Александра продолжает именоваться «Араксом». В персидской традиции эта река, видимо, также была известна под названием «Аранг».

Геродотовы массагеты, таким образом, обитали, во-первых, на востоке от Аракса (Волги), а частично, может быть, и непосредственно у этой реки; во-вторых, на востоке от Каспийского моря, занимая «огромную равнину», где они были отделены от владений персов (видимо, от Гиркании) другим Араксом (Атреком?). Первое указание восходит к ольвийским купцам, а второе — в основном к персам.

---

[1] *Herrmann*. Alte Geographie... S. 21. Прим. 5.

[2] Названия *Rahā > Raŋhā > Arang полностью соответствуют греческому Ῥᾶ, т. е. Rha.

[3] Yt. XIV, 29. Наименование рыбы толкуется так со времени Анкетиля дю Перрона.

[4] [Теперь ясно, что аргумент об отсутствии тюленей в Аральском море не имеет силы, так как тюлени водились в нем еще в XIX веке, водятся они и близ устья Узбоя (*Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 120; *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана. М., 1999. С. 212). Поэтому я склонен считать теперь, как и ранее (*Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте Кира II на массагетов // ВДИ, 1964, № 3. С. 118 сл.), что Геродотово описание Аракса, его рукавов и болот, отдельного его рукава (кроме указания, что Аракс течет от матиенов на восток), как и параллельные описания (кроме сообщения Феофана), относятся к Амударье.]

В этой связи было бы интересно проследить путь, по которому сведения о массагетах достигли Ольвии. Знаменитый торговый путь из Ольвии к аргиппеям, который интенсивно использовали ольвийские купцы во времена Геродота, проходил значительно севернее; он вел на Среднюю Волгу и далее, в Приуралье. Нижняя Волга и Нижний Дон входили в основном в сферу торговой деятельности боспорских купцов. Здесь путь шел, видимо, по Азовскому морю к устью Дона, а затем вверх по этой реке до переволока в Волгу в месте наибольшего сближения обеих рек. Но по этому пути проникали в глубь степей и ольвийские изделия; некоторые характерные вещи, свидетельствующие об ольвийской торговле, найдены и в Нижнем Поволжье, и на Южном Урале[1]. Очевидно, во времена Геродота уже существовало положение, которое отмечается для несколько более позднего времени, IV–III вв. до н. э.: некоторые ольвийские купцы приезжали в боспорские города и принимали участие в торговых путешествиях боспорских купцов[2]. Из рассказов этих людей Геродот и узнал об Араксе (Волге) и массагетах, обитающих на востоке от него. Соответствующие сообщения Геродота можно считать фрагментами описания торгового пути из Боспора к Араксу (Волге) и массагетам. То, что сведения Геродота об этом пути гораздо более скудны, чем известия о пути из Ольвии к аргиппеям, вполне понятно: торговые связи Ольвии с Боспором не были особенно интенсивными, и о первом пути в Ольвии знали мало.

Какой момент истории туркестанских степей отражен в рассматриваемых сообщениях Геродота? Основные события этой истории, передвижения степных племен отличаются устойчивой повторяемостью и довольно точно укладываются в стандартную схему: кочевники, двигаясь с востока или северо-востока, занимают степи по Уралу и его притокам и одновременно по Нижней Сырдарье, а вскоре проникают и на юг, в область между Каспийским морем и Амударьей; прежнее население всех этих областей частью вытесняется за Волгу, на запад или юго-запад, частью, в виде отдельных групп, остается на старых местах; особенно стойко прежнее население держится, видимо, в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где кочевники вступают в тесный контакт с оседлым населением, а частично и сами переходят к оседлости. То, что сменяющие друг друга объединения кочевников последовательно занимают примерно одну и ту же территорию, было обусловлено, очевидно, потребностями кочевого хозяйства, необходимостью далеких меридиональных перекочевок. Так, удобные для кочевников места зимовок находились в низовьях Урала и Сырдарьи, в районе слияния Иргиза и Тургая, а места летовок — по притокам Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу; зимовки на Мангышлаке и Устюрте были связаны с летовками в долинах Эмбы, Сагиза, Уила. Последним по времени племенным союзом кочевников, занимавших эти места, был казахский Младший жуз. Очевидно, одним из далеких предшественников его и являлось племенное объединение массагетов.

---

[1] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 257–260.

[2] *Шелов Д. Б.* Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 298 сл.; *Он же.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970. С. 179–180.

Чрезвычайная близость восточного варианта «савроматской» культуры и культуры скифов Приаралья в период VI–IV вв. до н. э., свидетельствующих об общности быта, военного дела, верований и искусства носителей этих культур, уже неоднократно отмечалась исследователями; справедливо указывалось, что такая близость не может объясняться только соседством или торговыми связями[1]. Эта близость, очевидно, и отражает единство племенного союза массагетов. Конечно, состав этого союза, как и всех предшествующих и последующих объединений кочевников в тех же местах, был пестрым. Надо думать, что основными, собственно массагетскими племенами этого союза были те, которые оставили после себя, с одной стороны, «шлаковые» курганы и скифские курганы Тагискена и Уйгарака с трупосожжениями, а с другой — курганы типа, представленного «савроматскими» погребальными сооружениями Аландского могильника[2].

Возникновение массагетского объединения надо связывать, по-видимому, с тем передвижением степных племен, которое имело место, судя по ряду признаков, в конце VII в. до н. э. Возможно, что массагеты были ближайшими наследниками объединения, созданного турами (Tura) и археологически представленного, может быть, тагискенскими мавзолеями и другими памятниками «карасукоидного» круга. Во второй половине VI в. до н. э. массагеты уже должны были занять область между Каспием и Амударьей. Массагетов периода их наибольшего территориального распространения VI–V вв. до н. э., можно, пожалуй, сравнить с огузами IX–XI вв. н. э.[3]. Начало распада массагетского объединения следует связывать с новым передвижением степняков в конце V в. до н. э. непосредственным преемником массагетов явились дахи (Daha, Δάαι), археологически представленные памятниками прохоровской культуры. В IV в. до н. э. дахи вытеснили массагетов из основных занимаемых ими областей, а к концу того же столетия дахи должны были проникнуть в область между Каспием и Амударьей[4].

В своем движении на юг массагеты в 530 г. до н. э. столкнулись с персами. Сокрушить массагетов персам тогда не удалось, хотя дальнейшее продвижение массагетов было, видимо, приостановлено. В конце VI в. до н. э. персы смогли поставить массагетское объединение в зависимость от себя, а в конце V в. до н. э. они даже попытались организовать здесь сатрапию и возвести дворец сатрапа в долине Нижней Амударьи[5]. Однако начавшееся тогда же передвижение

---

[1] См., например: *Смирнов*. Ук. соч. С. 277–280; *Толстов С. П., Итина М. И.* Саки низовьев Сырдарьи // СА. 1966. № 2. С. 173; *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 207–208.

[2] Об этих памятниках и их соотношении см., например, *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 181–186; *Мошкова М. Г.* Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 49–78.

[3] О территории огузов этого времени см. *Якубовский А. Ю.* Вопросы этногенеза туркмен в VIII–X вв. // СЭ. 1947. № 3. С. 48, 50.

[4] Отождествляя носителей прохоровской культуры с дахами, ссылаюсь на устное сообщение А. А. Марущенко. Разумеется, речь идет не о том, что все без исключения памятники этой культуры следует приписать дахам.

[5] *Пьянков*. Ук. соч. С. 19–20; *Он же*. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 43–44.

степных племен уничтожило все эти начинания персов. Памятники, свидетельствующие о вхождении массагетов в политическую систему Ахеменидов, известны не только в Приаралье, но и на Южном Урале: степи по реке Уралу и его притокам четко выделяются как район находок вещей ближневосточного происхождения, связанных с памятниками «савроматского» времени; относительно во всяком случае части этих вещей нельзя сказать, что они были предметом торговли[1].

Основные вехи поздней истории массагетов можно проследить по данным как письменных, так и археологических источников. Под напором дахов массагетское объединение, видимо, распалось. На его развалинах создались новые объединения, сохранявшие преемственную связь со старым, но занимавшие меньшую территорию. В Приаралье наиболее значительным из таких объединений было апасиакское. Это объединение существовало уже во второй половине IV в. до н. э. и было известно под названием «апасии» (Ἀπάσιοι)[2], массагеты в те времена еще продолжали господствовать в степях к югу от Танаиса (Сырдарьи). Апасиаки (Ἀπασιάκαι) сохраняли свое значение и во второй половине III в. до н. э.; они занимали в это время по крайней мере район низовьев Окса (Амударьи) и Танаиса (Сырдарьи), среднего течения Окса, а может быть, господствовали и в ближайших к Гиркании степях[3]. Наконец, еще позже, когда степи уже полностью принадлежали дахам, апасиаки (Paesicae, Pestici; ср. Πασίκαι) оказались оттесненными в низовья Окса[4]. Археологические данные свидетельствуют о следующем. «Шлаковые» курганы и близкие им памятники датируются VI–V вв. до н. э. Памятники кокча-тенгизской культуры в низовьях Амударьи и отчасти Сырдарьи, оставленные, видимо, более древним населением, относятся к тому же времени, а также к IV–II вв. до н. э. Но с IV в. до н. э. погребальные сооружения этого населения начинают приобретать черты, характерные для первой группы памятников[5]. Нельзя ли видеть в этом результат внедрения каких-

[1] См., например, *Смирнов*. Ук. соч. С. 284; *Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3. С. 106–123. К сожалению, не вполне ясно, из «савроматского» (массагетского) или прохоровского (дахского) погребения происходит сосуд с надписью Артаксеркса I. О том, что и дахи были тесно связаны с Ахеменидами, свидетельствуют надпись Ксеркса (XPh, 26), античные авторы (*Arr.*, Anab., III, 11, 3; 28, 8, 10); *Curt.*, IV, 12, 6; VII, 4, 6; 7, 32; VIII, 1, 6, 8; 3, 1, 16) и, может быть, археологические данные (например, блюдо с арамейской надписью из кургана близ Прохоровки?).

[2] *Strabo*, XI, 8, 8 (принимаем чтение Ἀπάσιοι вместо Ἀττάσιοι).

[3] *Strabo*, XI, 8, 8; Polyb., X, 48.

[4] *Mela*, III, 39, 42; ср. *Ptol.*, Geogr. VI, 12, 4.

[5] *Толстов*. По древним дельтам... С. 203. [Такова картина, реконструированная по данным С. П. Толстова. Но за истекшие после него десятилетия интенсивных археологических работ картина существенно изменилась. Если говорить о массагетах Приаралья, то с древнейшими массагетами здесь следует ассоциировать «раннесакские» памятники (Южный Тагискен и Уйгарак, Сакар-чага, с конца VIII в. до н. э.), а с массагетскими апасиаками — преемственно связанную с этими памятниками чирикрабатскую культуру (IV–II вв. до н. э.). Конец массагетов и их культуры в этом регионе явно ассоциируется с очередным большим нашествием кочевников II в. до н. э. и сменой их здесь сакарауками. Попытка Б. И. Вайнберг, которой принадлежит немалая заслуга в археологическом изучении данного региона, интерпретировать его археологию с помощью письменных источников (*Вайнберг Б. И.* Этногеография

то массагетских родов под давлением извне в среду древних обитателей речных дельт (возможно, подвластных массагетам и ранее)? Этот процесс и мог бы привести к созданию апасиакского объединения. Часть массагетов была вытеснена за Волгу, на юго-запад; эти массагеты обосновались на Восточном Кавказе. В источниках они впервые упоминаются в связи с событиями I в. до н. э.[1].

Интерпретация отдельных сообщений Геродота о массагетах и их стране — задача сложная; ей должно быть посвящено отдельное исследование. В данной работе мы не можем браться за эту тему в целом, но отметим одно обстоятельство: при интерпретации сообщений Геродота о массагетах в сопоставлении с описаниями того же народа, принадлежащими другим авторам, необходимо учитывать, к какому месту и времени приурочено каждое такое описание.

Так, сообщения Геродота, относятся к южноуральским массагетам 50–40-х гг. V в. до н. э., а сообщения Эвдокса (?). которыми дополнены данные Геродота у Страбона, — к приаральским массагетам (апасиакам), видимо, 30-х гг. III в. до н. Значение этого обстоятельства можно показать на примере сообщения о металлах массагетов. Геродот говорит о чрезвычайном обилии меди в земле массагетов. Слова Геродота будут вполне понятны, если учесть последние данные о крупном Еленовском месторождении меди, которое расположено на территории геродотовых массагетов и разрабатывалось в «савроматское» и предшествующее, андроновское, время. Изделия из меди этого месторождения распространялись по степи далеко на запад, до Подонья включительно[2] (очевидно, и в этом определенную роль сыграл в свое время боспорский торговый путь к массагетам). Эвдокс (?) же, говоря о металлах массагетов, не мог не упомянуть о железе, так как апасиаки его времени (и много ранее) активно занимались железоделательным производством[3].

Некоторые отличия в сообщениях Геродота и Эвдокса (?), касающихся обычаев массагетов, определенно объясняются большей близостью апасиаков к оседлому земледельческому населению. Если в описании Геродота массагеты представлены как «чистые» кочевники, то у Эвдокса (?) кочевые массагеты владеют «хорой». Может быть, в связь с этим последним сообщением нужно поставить другое сообщение того же автора, в котором рядом с кочевыми апасиаками стоят хорасмии. Причем и те и другие названы массагетами[4]. Были ли проводниками южных влияний в среде апасиаков маги — трудно сказать, но это вполне возможно, так как известно, что маги выполняли жреческие обязанности у хорасмиев и саков, по-видимому, со времен Ахеменидов[5]. О появлении новых погребальных обычаев у массагетов, обусловленных южными влияниями, свидетельствует сообщение Эвдокса (?) о выбрасывании трупов зверям. Обряд

Турана в древности. М., 1999) совершенно неудовлетворительна. Что же касается закаспийских и южноуральских массагетов, то их история требует отдельного исследования.]

[1] *Тревер.* Очерки… С. 105 сл.

[2] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 33–34, 38–40, 11–112; *Он же.* Металл — человек — время. М., 1972. С. 79–80.

[3] *Толстов.* По древним дельтам… С. 137.

[4] *Strabo*, XI, 8, 8 (об апасиаках см. выше).

[5] *Lucian.* Macrob. 4.

выставления трупов (в разных вариантах), по-видимому, с древнейших времен бытовал у земледельческого населения юга Средней Азии (он же был присущ и магам). Возможно, что этот обряд был принесен и в Приаралье хорасмиями, носителями «архаической» культуры (ср. погребальные (?) сооружения Кюзелигыра). В то же время исконно массагетским обрядом, как уже отмечалось выше, следует считать особый вид трупосожжения (возможно, что с ним и связан массагетский обычай эндоканнибализма, описанный Геродотом, и что здесь же нужно искать истоки оссуарного обряда[1]). В Приаралье IV–II вв. до н. э., т. е. в период существования апасиакского объединения, можно наблюдать взаимопроникновение того и другого обрядов. С одной стороны, в Хорезме возводится грандиозное погребальное сооружение, соответствующее массагетским обычаям (Кой-крылган-кала); с другой — на территории апасиаков появляются погребальные здания, свидетельствующие об обычае выставления трупов (Бабиш-мулла 2, Баланды 2 и др.). О появлении новых черт в ритуале массагетов может свидетельствовать сообщение Эвдокса (?) о питье массагетов, если понимать его как сознательное противопоставление сообщению Геродота о возжигании опьяняющих плодов. Действительно, ритуальное употребление опьяняющего напитка хаума (авест. haoma) было широко известно оседлым ираноязычным народам (и являлось важнейшей частью обрядности магов), в то время как курение конопли (авест. baŋha) было свойственно скифам (хотя и не только им одним)[2].

[1] О случаях, в которых выступает связь всех этих обрядов, см. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 35–39, 46–57, 112–114.

[2] О ритуальном употреблении конопли и белены у древнеиранских народов см. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 286–290.

5. «САКИ»

(Содержание понятия)*

«Саки» — одно из названий, наиболее часто встречающихся в работах, посвященных древней истории нашей страны. Но содержание, которое вкладывают в него исследователи, бывает самым разным, и не всегда можно сказать, что оно отличается большой четкостью. Это соответствует известной неопределенности данного понятия уже в самих источниках. А между тем от точного определения того, что имеется в виду под словом «саки» в источнике в каждом отдельном случае, зависит интерпретация этого источника, иногда существенно меняющая его смысл. Поэтому, как нам кажется, было бы не лишним еще раз проследить: что же понимали древние под словом «саки»?

ГЕРОДОТ И ДЕМОДАМ О ТЕРМИНЕ «САКИ»

Специально о содержании понятия «саки» из числа древних авторов говорили Геродот и Демодам.

Геродот в своей «Истории» (примерно середина V в. до н. э.) сообщает нам следующее: «...саки, они же скифы... это были амиргийские скифы, но назывались они саками, потому что персы всех скифов зовут саками» (Sakai de hoi Skythai... toutous de eontas Skythas Amyrgious Sakas ekaleon; hoi gar Persai pantas tous Skythas kaleousi Sakas)[1].

Из каких источников почерпнул Геродот эти сведения и вставил их в перечень персидского войска Ксеркса — трудно сказать. Возможно, что он взял их из сочинений своих предшественников — Гекатея Милетского или, может быть, Дионисия Милетского[2], которые употребляли термин «скифы» в широком значении, тогда как Геродот ограничивал страну скифов лишь Европой, направо от Танаиса (Дона)[3].

---

*Впервые опубликовано: Саки (Содержание понятия) // Известия АН Тадж. ССР. Отд-ние обществ. наук. Душанбе: Дониш, 1968. № 3. С. 13–19

[1] Перевод Ф. Г. Мищенко (*Геродот.* История в девяти книгах. М., 1886. С. 163 и 2-е изд., 1888. С. 167) здесь несколько отступает от оригинала «саки, скифское племя... саками называли собственно амиргийских скифов» Тот же перевод воспроизведен в хрестоматии: Древние авторы о Средней Азии / Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940. С. 37. Возможен и такой перевод: «...это были скифы, но назывались они амиргийскими саками...». Так, переводит, например, Ю. Юнге: *Junge J.* Saka-Studien. Lpz., 1939. («Klio», Beiheft 41, N. F., Hft. 28). S. 30.

[2] См. *Junge.* Op cit. S. 30; *Herrmann.* Sakai // 1920. RE. Bd 1, (R. 2), стб. 1772.

[3] *Her.*, IV, 21, 99–101, ср. I, 201.

Интересующее нас сообщение Демодама Милетского (начало III в. до н. э.) не дошло в подлинном виде — оно известно лишь в пересказе Плиния Старшего. Если Демодам и Тимо(Демо)накт, автор сочинения «Скифика», — одно и то же лицо[1], то данное сообщение Плиний взял, надо думать, именно из этого сочинения. Итак, Плиний пишет: «позади [Танаиса — Яксарта] живут народы скифов. Персы их назвали обобщающе саками от ближайшего племени...» (Ultra sunt Scytharum populi. Persae illos Sacas in universum appellavere a proxima gente...). Далее следует перечень наиболее известных скифских племен[2].

Демодам, будучи полководцем Селевка и Антиоха, сам ходил с войсками за Яксарт (Сырдарью) и, надо думать, его информация основана на надежных источниках. Однако в перечне скифских племен Демодам не очень оригинален. Это в большинстве случаев не какие-то неведомые, открытые лишь Демодамом, заяксартские племена, а действительно «известнейшие» (celeberrimi), — но лишь из сочинений его соотечественников, греков, — скифские (в самом широком значении этого слова) народы[3]. Очевидно, Демодам хотел здесь подчеркнуть, что речь идет именно о *всех* скифах, и для этого перечислил все известные ему названия народов, которые в греческой литературной традиции фигурировали как «скифские»[4].

Итак, из сопоставления сообщений Геродота и Демодама вытекает, что название «саки» имело два значения: обобщающее и собственное.

С одной стороны, Геродот и Демодам приравнивают термин «саки» (Sakai) в персидском словоупотреблении к обобщающему греческому термину «скифы» (Skythai): «персы всех скифов зовут саками» (Persai pantas tous Skythas kaleousi Sakas) (Геродот); «персы [скифов] назвали обобщающе саками» (Persae [Scythas] Sacas in universum appellavere) (Демодам). При этом из числа конкретных скифских племен, которых персы называли «саками», Геродот упоминает амиргийских скифов (Skythai Amyrgioi), а Демодам приводит длинный перечень народов, из которых мы отметим собственно саков (Sacae), массагетов (Massagetae) и европейских скифов (Euchatae, Cotieri, Palaei)[5].

С другой стороны, мы узнаем, — на этот раз уже только от Демодама, — что существовало и какое-то конкретное «племя» (gens), для которого «саки» было, очевидно, самоназванием. От этого-то племени персы и перенесли название «саки» на всех скифов.

Что же это за племя «собственно саков»? Сам Демодам определяет его как «ближайшее» (proxima) к персам, владения которых простирались до Танаиса; действительно, при перечислении скифских племен за Танаисом первыми он

---

[1] См. *Müllerus C.* Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1848. Vol. 2. P. 444.

[2] *Plin.*, N. H., VI, 50. То же со слов Плиния повторяет Солин (*Solin.*, Collect., XLIX, 6).

[3] См. *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 1946. Vol. 15. Fasc. 3. S. 301–302, 313; *Herrmann.* Issedoi // RE. 1916. Bd 9, стб. 2239: *Phillips E. D.* A Further Note on Aristeas // Artibus Asiae. 1967. Vol. 20. N 2/3. P. 162. Прим. 12.

[4] Поэтому мы не можем согласиться с довольно произвольным толкованием этого сообщения Демодама, предложенным Германом и подчиненным его концепции расселения сакских племен. См. *Herrmann.* Sakai, стб. 1789.

[5] Ср. перечень племен Европейской Скифии у Геродота (*Her.*, IV, 6): Auchatai, Katiaroi, Paralatai.

называет саков[1]. В персидском предании, пересказанном Харесом Митиленским[2], царство легендарного Гистаспа, представленное по образцу Ахеменидской державы[3], простирается до Танаиса, а за Танаисом — владения скифского царя Омарга (Homargēs или Omargēs)[4]. Скифы царя Омарга — это, несомненно, то же племя, которое мы встречали уже у Геродота, — амиргии (Amyrgioi)[5]. Такая локализация амиргиев — в степях за Сырдарьей — вполне отвечает характеристике их страны, данной Геллаником: «Амиргион — равнина саков... название жителей — амиргий»[6]. Таким образом, получается, что собственно саки Демодама — это те же амиргийские скифы, населявшие равнину за Танаисом[7].

Однако есть основания полагать, что собственно саки занимали значительно большую территорию, чем та, о которой говорит Демодам. Они, по-видимому, населяли земли от Семиречья на севере до Гиндукуша на юге[8]. То, что «саки» было самоназванием для племен указанной территории[9], свидетельствует наи-

---

[1] *Plin.*, N. H., VI, 50; *Solin.*, Collect., XLIX, 6.

[2] *Char. Mityl.*, fr. 5 (Jacoby).

[3] *Бартольд В. В.* К истории персидского эпоса // ЗВОРАО. 1913/1914. Т. 22. Вып. 3/4. С. 260–261; *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 101.

[4] В рукописи (H)omartēs. Однако уже давно предложена конъектура (H)omargēs (см. *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias // Philologus. SupplBd 6. 1893, с. 613, прим. 377), где вместо T предполагается Г. Имя Omargēs засвидетельствовано еще однажды в источниках (*Polyaen.*, VII, 12) как имя сакского царя.

[5] См., например, *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. 1. Sogdiana, Wien, 1877. S. 115.

[6] *Hell.*, fr. 65 (Jacoby).

[7] Вопрос о локализации амиргиев — очень сложный, и мы, разумеется, ни в коей мере не претендуем на его окончательное решение. Не можем мы также, в силу ограниченности объема настоящей работы, входить здесь в подробный анализ всех источников, касающихся этого вопроса, однако заметим, что прямое указание на место обитания амиргиев содержится только у Хареса. Большинство исследователей, специально занимавшихся саками, помещают амиргиев на восток Средней Азии. (Аргументацию этой восточной локализации амиргиев см. в работе: *Литвинский Б. А.* Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1967. № 4. С. 128–132.) Но в одних случаях им отводится примерно вся эта территория (Ю. Юнге, А. Н. Бернштам), в других — лишь сырдарьинские равнины (Э. Герцфельд), в третьих — лишь горные области Западного Памира и даже только Бадахшана (В. Томашек, И. Маркварт. А. Герман). Впрочем, А. Герман, сначала отводивший им область Бадахшана (*Herrmann.* Sakai, стб. 1794), впоследствии предпочел переместить их значительно севернее — в долину Алая (*Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike, Lpz., 1938 («Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde», Bd 1). S. 9, 90, 146). Некоторые исследователи ищут амиргиев в районе Мерва (В. В. Григорьев, В. В. Струве; в последнее время эта точка зрения была поддержана М. А. Дандамаевым: *Дандамаев М. А.* Поход Дария против скифского племени Тиграхауда // КСИНА. 1963. 61. С. 180). Однако эта локализация, по-видимому, основана на недоразумении. См. *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 122, прим. 47.

[8] Локализация той группы скифских племен, которую можно назвать собственно сакской, в общем одинакова у разных исследователей. Ср.: *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб., 1871. С. 51–52; *Junge.* Op. cit. S. 87; *Herrmann.* Sakai... стб. 1793–1794. Но Герман отрезает от этого массива заяксартскую часть, полагая, что собственно саки жили лишь к югу от Яксарта: *Herrmann.* Sakai... стб. 1788–1789; ср., однако: *Herrmann.* Das Land der Seide... S. 146.

[9] Видеть в этом термине самоназвание других групп «скифских» племен нет основания. Предполагаемая расшифровка названия Massagetai как mas-saka-t'ä, «великие саки», — лишь одно из многих объяснений этого названия (см. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 243; *Henning W. B.* Zoroaster. Politician or Witch-doctor? L.-Oxford, 1951. P. 23) и, как большинство этимологий этнонимов,слишком гипотетично, чтобы строить на его основе какие-либо выводы. Также и в названии Skythai нельзя видеть

менование их этим термином в китайских и индийских источниках. Трудно предполагать, что китайцы и индийцы во II–I вв. до н. э. прибегли в данном случае именно к терминологии персов ахеменидской поры[1].

Точно определить соотношение «амиргийских скифов» и «саков» (собственно) довольно затруднительно. Возможно, что первые — одно из племен саков, может быть, главенствующая их орда, т. е. нечто вроде «царских скифов» в Северном Причерноморье (ср. название Sak-wang для заяксартских саков в китайских источниках[2]).

Судя по смыслу сообщения Демодама, саки были первым из скифских племен, с которым столкнулись персы; по этой-то причине, очевидно, их название и было перенесено на всех скифов. Сопоставляя рассказы Геродота и Ктесия о завоеваниях Кира, можно заметить, что первый скифский народ, с которым имел дело Кир, они действительно называют саками, причем у Ктесия они — саки царя Аморга (Amorges)[3]. Это последнее имя все исследователи единодушно сближают с этническим названием «амиргии». О месте обитания этих саков ничего определенного не говорится, однако и Геродот, и Ктесий упоминают их вместе с бактрийцами, а Ктесий, кроме того, — еще и вместе с дербиками, соседями индийцев[4]. Отсюда можно заключить, что этот народ, во всяком случае, относился к числу собственно саков[5]. Более определенно о том, с какими саками воевал Кир, сообщает Демодам. Упоминая о походе Александра Македонского на саков за Танаисом[6], он в числе его предшественников называет Кира[7]. Итак, первый скифский народ, с которым столкнулись персы, — это саки (собственно),

---

элемент saka (см. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 243–244).

[1] Поэтому нам кажется неприемлемым распространенное объяснение названия «саки» из собственно персидского (юго-западного иранского) *saka-, «собака». См. *Kent R. G.* Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953. P. 209; *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 142.

[2] Обычно это название переводится как «царь саков», но такой перевод вызывает некоторые затруднения, и поэтому для него предлагаются различные другие толкования; например, оно толкуется как искаженная передача собственного названия заяксартских саков — Sakaraukai (= амиргии, по мнению многих ученых) греков. См., например, *Herrmann.* Sacaraucae // RE. 1920. Bd I (R. 2); стб. 1612–1614; *Junge.* Ук. соч. P. 95. Историю вопроса см.: *Daffina P.* L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967. P. 46, прим. 1, стр. 57–62. Но, может быть, это название можно истолковать и как «царские саки»?

[3] *Her.*, I, 153; *Ctes.*, fr. 9, § 3 (Jacoby) (ср. Iust., I, 7, 2). Сообщения о саках в связи с Киром у ряда других античных авторов (*Theon.*, Progymn., IX; *Nic. Dam.*, fr. 66 (Jacoby); Xen., Cyrop., V, 2, 25–26, 3; 22–24) заимствованы, с большими или меньшими отклонениями, у Ктесия.

[4] *Ctes.*, fr. 9, § 7 (Jacoby).

[5] См. признаки, определяющие, что в источниках речь идет о собственно саках: *Herrmann.* Sakai,. стб. 1777, 1783.

[6] *Plin.*, N. H., VI, 49. Здесь, несомненно, имеется в виду то же событие, о котором говорят *Arr.*, Anab., IV, 3,6–5,1 и *Curt.*, VII, 7–9. Что в данном эпизоде скифы за Танаисом — саки, подмечено уже давно, см. *Григорьев.* Ук. соч. С. 123. Характерно, что эти скифы, которые, по их положению («за Танаисом»), как будто должны быть названы «европейскими», у Арриана все-таки названы «азиатскими» (ek tēs Asias Skythai), — представление о саках как об азиатском племени, действительно, утвердилось у греков еще до походов Александра, ср. *Choeril. Sam.*, fr. 3 (Kinkel).

[7] Это сообщение должно восходить к традиционным рассказам спутников Александра, в которых его подвиги сопоставлялись с деяниями Диониса, Геракла, Семирамиды и Кира. Мифы в этих рассказах переплелись с местными преданиями, сохранившими воспоминания о реальных походах Кира.

а именно амиргии, обитавшие за Танаисом. Как видим, определение этого народа полностью соответствует тому, что говорит Демодам о племени, благодаря которому название «саки» распространилось на всех скифов.

Обобщив все то, что мы извлекли из античных источников относительно термина «саки», можно прийти к следующему выводу. «Саки» — самоназвание большой группы племен «скифского» типа, обитавших на востоке Средней Азии. Одно из этих племен, амиргии, жившие за Танаисом (Сырдарьей), были первыми «скифами», с которыми столкнулись персы при Кире. Впоследствии персы перенесли название «саки» на всех «скифов», в том числе на большую группу «скифских» племен запада Средней Азии и на европейских скифов. История этого термина, в общем, обычна, — полную аналогию ему представляют термины Skythai у греков и Gimiri у вавилонян, кстати, прилагавшиеся к тому же самому кругу племен, что и «саки» у персов. Тем не менее указания античных источников относительно термина «саки» встречают среди современных исследователей самую различную оценку[1]. Чтобы проверить эти указания, проследим, как употреблялся термин «саки» в письменных источниках самих персов.

ТЕРМИН «САКИ» У ПЕРСОВ

В древнеперсидских надписях Дария и Ксеркса саки упоминаются много раз. В списках подвластных персам народов они отмечаются следующим образом. В двух самых ранних списках (отражающих в данном случае положение, существовавшее еще при Кире) мы встречаем просто Sakā[2], в более поздних — тот же термин, но с тремя разными определениями: Sakā haumavargā[3], Sakā tigraxaudā[4], Sakā paradraya[5]. При этом установлено, что Sakā ранних списков соответствует Sakā haumavargā поздних[6].

Haumavargā — это Amyrgioi греческих авторов. Судя по месту их в перечне народов в списках, они действительно обитали на востоке Средней Азии. А определение «которые за Согдом» (tyaiy para Sugdam)[7] еще более точно определяет их географическое положение[8].

---

[1] Ср. например, *Lohuizen de Leeuw J. E. van.* The «Scythian» Period. Leiden, 1949. P. 41–42 и *Herzfeld E.* Sakastān // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. B., 1931. Bd IV. Hft. 1. S. 12.

[2] DB, 1, § 6; DP, e, § 2.

[3] DS, e, § 3; DN, a, § 3; [DN, XIV]=A?P, 14; XP, h, § 3. Часть малых надписей DN не сохранилась, но восстанавливается с помощью точно копирующих их надписей A?P.

[4] DS, e, § 3; DN, a, § 3; DN, XV=A?P, 15; XP, h, § 3.

[5] DN, a, § 3; [DN, XXIV]=A?P, 24.

[6] Это соответствие отмечают почти все исследователи, затрагивавшие данный вопрос по самым различным поводам. См., например, *Junge.* Op. cit. S. 60–61; *Herrmann.* Sakai... стб. 1783; *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Hft. 2. Lpz., 1905. S. 139–140; *Дандамаев М. А.* Ук. соч. С. 180–181; *Грантовский Э. А.* Из истории восточноиранских племен на границах Индии // КСИНА. 1963. 61. С. 24–25; История таджикского народа. М., 1963. Т. I. С. 517.

[7] DP, h, § 2=DH, § 2.

[8] Из всех трех групп саков, известных по древнеперсидским надписям, это определение может относиться лишь к амиргиям. См. по поводу этих саков: *Литвинский Б. А.* Саки, которые за Согдом // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1960. Т. 120. С. 91–96.

Tigraxaudā — «острошапочные» (что греки переводили как Orthokorybantioi) были как-то связаны с «морем» (draya)[1], поэтому они не могли обитать на востоке Средней Азии. Скорее всего, это массагеты греческих авторов[2]. Действительно, изображение всадника в «острой шапке» засвидетельствовано для массагетской территории (Хорезм, Кой-Крылган-кала)[3].

Наконец, саки «за морем» (paradraya) обычно отождествляются с европейскими скифами[4]. Действительно, в упомянутых списках они входят в группу из трех «заморских владений» персов [с севера на юг: саки за морем, Фракия (Skudra), греки европейские (Yaunā takabarā)] и совершенно отделены от среднеазиатских саков.

Итак, персидские источники рисуют следующую картину. Со времени Кира персы вошли в соприкосновение с конкретным народом саков, обитавшим на востоке Средней Азии; впоследствии его стали называть амиргиями — по племени, которое находилось «за Согдом», т. е., очевидно, за Танаисом (Сырдарьей). При Дарии I персы имели дело уже с несколькими группами племен, похожих на саков, и на всех них было распространено название «саки», т. е. оно стало собирательным. Так были названы и массагеты, и европейские скифы. Все это, как мы видим, полностью согласуется с тем выводом, который мы сделали выше из показаний античных источников относительно термина «саки».

Кстати, указанные три группы саков в сознании персов, видимо, являли собой действительно всех «скифов». Представление о Танаисе, воплотившем в себе и Дон, и Сырдарью, засвидетельствованное у Аристотеля и историков Александра Македонского, возможно, было введено в греческую географию Ктесием, который вполне мог заимствовать его у персов[5]. В соответствии с этим представлением, в районе нижнего течения Танаиса (Danu-, Danav- у древних иранцев) массагеты (Sakā tigraxaudā) должны быть непосредственными соседями европейских скифов (Sakā paradrayā)[6].

---

[1] DB, V, § 74.

[2] С массагетами их отождествляет большинство исследователей, занимавшихся специально саками. См. *Junge.* Op. cit. S. 70; *Он же.* Orthokorybantioi // RE. 1942. Bd 18, стб. 1487; *Herrmann.* Sakai... стб. 1784–1785; *Он же.* Massagetai // RE. 1930. Bd 14, стб. 2125; *Дандамаев М. А.* Ук. соч. С. 180–183; История таджикского народа. Т. I. С. 198.

[3] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 123,125. Рис. 65, е.

[4] Попытка В. В. Струве поместить этих саков в Средней Азии и отождествить с массагетами могла бы быть оправдана лишь его восстановлением V столбца Бехистунской надписи (*Струве В. В.* Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. 3. № 3. С. 240–243; *Он же.* Дарий I и скифы Причерноморья // ВДИ. 1949. № 4. С. 15–28; см. также: История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. С. 67). Однако новые восстановления этого текста, основанные на последних обследованиях надписи (см. *Дандамаев М. А.* Ук. соч. С. 175–177), не дают поддержки гипотезе В. В. Струве.

[5] См.: *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте... С. 118–119. Относительно источников указанного сообщения Аристотеля (*Aristot.*, Meteor., 1, 13, 16) см.: *Bolchert P.* Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien. B., 1908 («Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie». Hft. 15). S. 40; *Jacoby F.* Ktesias 1 // RE. 1922. Bd 11, стб. 2072–2073.

[6] Ср. одну из легенд о происхождении скифов, рассказанную Геродотом и распространенную, по его словам, «как у эллинов, так и у варваров» (*Her.*, IV, 11–12).

ТЕРМИН «САКИ» У ГРЕКОВ

Отразилась ли эта персидская терминология в античных источниках? Ответ на этот вопрос уже a priori можно дать утвердительный: ведь персы были одним из основных информаторов о восточных делах для греческих историков классической, да и более поздних эпох. Действительно, термин «саки» в античных источниках засвидетельствован помимо собственно саков и для массагетов, и для европейских скифов[1].

В связи с этим хотелось бы остановиться на толковании сообщения Страбона о том, что саки вторгались в Армению и Каппадокию[2]. На основании этого сообщения ряд исследователей (например, В. В. Струве, Б. Б. Пиотровский) делали вывод о существовании какой-то особой, «сакской» волны вторжений кочевников в Переднюю Азию в VI в. до н. э., двигавшейся прямо из Средней Азии[3]. Однако указанное сообщение Страбона совсем не дает поводов для такого вывода. И дело вовсе не в хронологических трудностях и не в предполагаемой ошибке Страбона (напротив, Страбон, надо думать, точно передавал свой источник, называя здесь саков), а в неоправданной предпосылке (на которой, собственно, и построен этот вывод): саки — среднеазиатские кочевники. В контексте указанного сообщения Страбона слово «саки» употреблено явно в широком, собирательном смысле, и в данном случае источник Страбона рассказывал о том же самом знаменитом вторжении европейских скифов в Переднюю Азию, которое описал, например, Геродот[4].

Итак, используя сообщения источников о саках, следует иметь в виду, что слово «саки» в них может быть употреблено в очень разных значениях: в узком (собственно саки) и в широком («скифы» вообще).

Впрочем, нарисованная здесь картина истории этого термина, возможно, существенно изменится, если ассириологи подтвердят чтение и перевод одного места в той надписи Ашшурбанипала, в которой о киммерийце Лигдамисе якобы говорится следующее: «der Umman-Manda Tugdamme [Лигдамис] König von Saka-Ugutum»[5].

---

[1] Обзор употребления термина «саки» в различных значениях см. в работе: *Herrmann.* Sakai... стб. 1777, 1783, 1788. Однако в этот обзор, на наш взгляд, необходимо внести некоторые поправки из-за неприемлемой концепции расселения собственно сакских племен, выдвинутой здесь Герраном.

[2] *Strab.*, XI, 8, 4.

[3] Этот вывод впоследствии был повторен и рядом других ученых, см. например: *Дандамаев М. А.* Ук. соч. С. 182; *Черников С. С.* Загадка золотого кургана. М., 1965. С. 102–104 (здесь дата сакского вторжения передвинута на VIII–VII вв. до н. э.). Там же см. ссылки на более раннюю литературу.

[4] Her., I, 103–106. О тождественности событий, описанных Геродотом и Страбоном, см.: *Дьяконов И. М.* Ук. соч. С. 250; *Herrmann.* Sakai... стб. 1788; и др. Уже В. В. Григорьев сопоставлял оба рассказа, хотя он и был против отождествления указанных саков Страбона с европейскими скифами: *Григорьев В. В.* Ук. соч. С. 53.

[5] *Junge.* Saka-Studien... С. 7. [Это чтение не подтвердилось. Известные ассириологи Х. Тадмор и М. Коган, вновь исследуя текст указанной надписи в статье 1977 г., предпочли другое чтение, которое исключило упоминание саков. Новое чтение нашло признание среди специалистов. Тем самым отпадает единственное свидетельство источника, вроде бы противоречащее выдвинутой здесь концепции, а вместе с ним — и основанные на нем возражения некоторых исследователей (Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский) против этой концепции. См. *Пьянков И. В.* К вопросу о саках на Памире // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2. С. 122–125.]

6. САКИ*

О народе под названием «саки» говорится в источниках на разных языках: древнегреческом (Σάκαι), латинском (Sacae), древнеперсидском (Sakā), древнеиндийском (Śakas) и древнекитайском (Se, древнее произношение Sak). Происхождение и смысл этого названия точно не установлены[1].

Народ этот обитал на протяжении VI–II вв. до н. э. в обширном горном регионе Тяньшаня и Памиро-Алая, включая предгорья. Но во II в. до н. э. сюда вторглись новые народы, территория саков в этом регионе сильно сократилась и значительная часть их выселилась на запад Средней Азии, восток Иранского нагорья и в Северную Индию.

Но название «саки» употреблялось еще и в расширительном смысле. Персы, впервые столкнувшись со степным народом в VI в. до н. э. в лице саков, впоследствии стали называть их именем другие подобные народы: массагетов на западе Средней Азии, скифов Причерноморья. Греки, получая информацию от персов, иногда тоже называли саками людей, не имевших к собственно сакам никакого отношения; так, например, появились саки в Армении, в области Понта[2].

Народ саков (в собственном смысле) представлял собой сложную этническую общность, включавшую несколько племен и племенных объединений.

Наиболее известной была группа **сырдарьинских саков**, обычно называвшихся амиргийскими. Название их имело в своей основе элемент *murg-*, как видно из воспроизведения этого названия греками: Amyrgioi, и вавилонянами: Umurga. Но персы, основываясь, видимо, на своих наблюдениях над обычаями этих саков, истолковали название по-своему, именуя их «саками Haumavargā», т. е. «саками, пьющими (или почитающими) хауму»[3].

---

*Впервые опубликовано: Саки // Рус. оригинал. Опубл. на тур.: Sakalar // Turkler. Vol. I. Ankara: Yeni Türkiye yayinlari, 2002. P. 611–619.

[1] Обзор различных мнений по этому поводу см.: *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 157, 158.

[2] *Пьянков И. В.* «Саки». Содержание понятия // Известия АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук. 3(53). Душанбе, 1968. С. 12–19. Различение двух значения понятия «саки» — собственного и собирательного, — из которых первое относилось преимущественно к амиргийским сакам, было общим местом всех исследовательских работ об этом народе, начиная с самых ранних, хотя конкретные определения того и другого значения были разными, см.: *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб., 1871. С. 15, 50; Hermann A. Sakai // RE. Bd IA. 1920. Col. 1771–1773, 1790; *Junge J.* Saka-Studien. Leipzig, 1939. P. 8, 30, 85.

[3] *Kent R. G.* Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953. P. 211; *Mayhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 125. О названии Haumavarga как персидской этимологизации настоящего названия сакского племени писал еще акад. В. В. Струве: *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 25.

Персы конца ахеменидской эпохи, судя по легенде, переданной Харесом Митиленским (fr. 5, Jacoby), считали, что народ царя Омарга (Omargēs — это имя соответствует племенному имени Haumavargā) еще во времена Гистаспа и Зариадра (это Гуштасп и Зарер иранского эпоса) обитал за рекой Танаис (Сырдарьей), причем ставка царя находилась в 800 стадиях (150 км) от переправы[1]. Очевидно, здесь имелась в виду переправа в районе современного Ходжента, которой чаще всего пользовались для того, чтобы попасть в центр страны амиргийских саков. Здесь переправлялись через Сырдарью завоеватели, воевавшие с саками: Кир, Александр, Демодам (Plin., N. H., VI, 49)[2].

Территория, занятая амиргийскими саками или контролируемая ими, включала Ферганскую долину с окружающими горными склонами, Алайскую долину и, может быть, часть Западного Памира вплоть до долины Мургаба[3]. Алайская долина, упоминавшаяся Гелланником (fr. 65, Jacoby) в V в. до н. э. как «Амиргийская равнина в землях саков»[4], получила известность, видимо, потому, что по ней уже тогда проходила трасса Шелкового пути[5]. Конечно, саки проникали и еще дальше на юг, вплоть до долины Верхнего Инда, по крайней мере, с VI в. до н. э., и распространяли в этом же направлении свою культуру, но основным населением этих горных мест оставались еще автохтоны, известные под именем «каспиев» или «каспиров»[6]. Кочевую часть их, близкую по культуре сакам, греки иногда называли, как и этих последних, скифами.

Довольно распространенные в науке мнения о локализации амиргийских саков ахеменидского времени на Гиндукуше или в области Мерва[7] неосновательны уже потому, что исходят из ошибочного представления о происхождении от племенного имени амиргиев названий гиндукушской области Мунджан и туркменской реки Мургаб[8].

О самых ранних событиях из истории саков, происходивших в конце VII — начале VI вв. до н. э., рассказано в легенде о Зарине, переданной Ктесием (fr. 5–8, Jacoby). Считается несомненным, что Ктесий в данном случае передает

---

[1] *Piankov I. V.* The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. N. S. Vol. VIII (1994). Bloomfield Hills, 1996. S. 37.

[2] *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Душанбе, 1984. Вып. 1. С. 113.

[3] *Piankov I. V.* The Ethnic History... P. 37, 38. Так же определяет территорию саков-хаумаварга Р. Фрай: *Frye R. N.* The Heritage of Central Asia. Princeton, 1998. P. 82.

[4] *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet in Lichte der Antike. Leipzig, 1938. S. 9, 90, 146, 157.

[5] О находках шелка VI–IV вв. до н. э. на Западе, поступавшего через земли саков: *Франкфор А. П.* Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 213–216.

[6] *Piankov I.* Discoveries of German and Pakistani Scholars in Chilas and Gilght // International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. 15. M., 1989. P. 51, 52.

[7] Обзор различных мнений о локализации амиргиев см.: *Gardiner-Garden J. R.* Herodot's contemporaries on Skythian geography and ethnography. Bloomington, 1987. P. 7, 8.

[8] Об ошибочности первого сопоставления имен см.: *Грантовский Э. А.* Из истории восточноиранских племен на границах Индии // КСИНА, 61. М., 1963. С. 28. Об ошибочности второго сопоставления см.: *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 122, 123, прим. 47.

настоящее народное предание, слышанное им при ахеменидском дворе[1]. В нем рассказывается о сакской царице Зарине, которая покорила воинственных «пограничных варваров» и вела войну с мидийским царем из-за Парфии; с последним событием связана романтическая любовная история о Зарине и мидийце Стриангее. По-видимому, на эти же события намекает другой, более поздний рассказ, переданный Страбоном (XI, 8, 4), где говорится о походах саков, во время которых они захватили Бактрию. Возможно, что за всеми этими сообщениями стоят те события, о которых повествует иранский эпос как о борьбе Гуштаспа, правившего в Балхе, и его брата Зарера с кочевниками Арджаспа. Здесь мы встречаем и эпизод захвата кочевниками Балха (Бактрии), и битву их с иранцами в Белой пустыне у горы Кумиш (т. е. в Парфии)[2]. Огромный ареал, в пределах которого активно действовали эти саки, свидетельствует о могуществе их племенного объединения.

О том, что саки действительно являлись мощной силой на северо-востоке иранского мира в предахеменидское время, свидетельствуют слова Геродота (I, 153, ср. VII, 9): главной помехой персидскому царю Киру в тех краях были «бактрийский народ и саки», против них Кир собирался идти походом сам. О войне Кира с саками, с которыми он столкнулся после подчинения бактрийцев, повествует Ктесий (fr. 9, Jacoby). Рассказ его, описывающий подвиг сакской царицы Спаретры, носит фольклорный характер. Показательно упомянутое здесь имя сакского царя, Аморг, свидетельствующее, что речь идет именно об амиргийских саках. Война эта состоялась, вероятнее всего, между завоеванием персами Лидии и взятием ими Вавилона (т. е. между 546 и 538 гг. до н. э.)[3].

Именно эту группу кочевников, для которой слово «саки» было самоназванием[4], персы и называли сначала просто «саками». Затем, когда персы познакомились с другими подобными племенами кочевников, они распространили это название и на последних. Чтобы отличить собственно саков от других, персы уточняли, что речь идет о саках, которые обитают «позади Согдианы», так как путь к ним действительно шел через Согдиану, простиравшуюся до Сырдарьи. Наконец, за этими саками закрепилось название «хаумаварга», явившееся, как уже говорилось, персидским переосмыслением самоназвания сырдарьинских саков «амиргии». При реконструкции истории сырдарьинских саков необходимо учитывать то обстоятельство, что название «саки» стало у персов общим для всех северных кочевников. Так, все сообщения греческих и персидских источников о столкновениях Кира и Дария с саками, кроме рассмотренных выше (сообщение Геродота и рассказ Ктесия о войне Кира с саками царя Аморга), не имеют отношения к собственно сакам.

---

[1] *Gardiner-Garden J. R.* Ktesias on early Central Asian history and ethnography. Bloomington, 1987. P. 14.

[2] *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 248, 634.

[3] О войне Кира с саками см.: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия в ахеменидскую эпоху // История таджикского народа ... С. 251, 252, 635, 636 и указанную там литературу.

[4] *Пьянков.* «Саки»... С. 14, 15.

Со времен Кира саки входили в состав Ахеменидской державы на положении подданных. При Дарии I (522–486 гг. до н. э.), судя по Геродоту (III, 93), саки вместе с каспиями составили пятнадцатую сатрапию, платившую в казну персидских царей 250 талантов. Это сумма немалая, и она заставляет предполагать, что пятнадцатая сатрапия включала достаточно обширную и богатую территорию. Возможно, что под каспиями этой сатрапии имеется в виду население Бадахшана, Памира, Читрала, Гилгита и Кашмира, т. е. всего того региона, который в более поздних источниках именуется Каспирией. На юге, по другую сторону Гиндукуша, с этим регионом граничили дардские племена, которые под именем дадиков вместе с Гандарой (долина Кабула и Северо-Западный Пенджаб) входили в другую сатрапию. Этим и объясняется, что в персидских надписях Дария I того же времени саки и Гандара упоминаются рядом, составляя одну пару. Реальными соседями здесь были каспии и дадики, не упоминаемые в надписях[1]. Кажется, традиция во времена Ктесия еще помнила и о каких-то связях амиргийских саков с дардами при Кире[2].

Кроме дани, саки подносили персидским царям и дары. Среди рельефов Персеполя, персидской столицы Ахеменидов, есть, по-видимому, изображения амиргийских саков (группа XVII восточного фасада Ападаны): они ведут коня и несут царю оружие и украшения. Как подданные, саки должны были участвовать и в войнах Ахеменидов под командованием персов: так они побывали в Греции во время походов Дария I и Ксеркса, так же, несомненно, они посещали и другие страны; служили они и в гарнизонах по всей державе Ахеменидов[3].

Саки хаумаварга или согдийцы. Фрагмент рельефа из Персеполя
(по: *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Berlin, 1966. Tafeln)

При Ксерксе (486–465 гг. до н. э.) произошли дальнейшие изменения в положении амиргийских саков. К началу правления этого царя они, видимо, были

[1] *Пьянков.* Аскатаки-скифы… С. 112–114.

[2] *Francfort H.-P.* Note sur la mort de Cyrus et les Dardes // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata. Roma, 1985. P. 395–400.

[3] Ссылки на источники по данному поводу см.: *Herrmann.* Op. cit. Col. 1773; *Ставиский.* Ук. соч. С. 263, 264, 641.

переданы в распоряжение бактрийского правителя Гистаспа, брата царя, а каспии отделены от них (Herod., VII, 64, 67). К концу же его правления эти саки, похоже, совсем вышли из подчинения персам[1]. Во времена Ктесия, когда правил Артаксеркс II (404–359 гг. до н. э.), саки уже были только военными союзниками персов. В представлении Ктесия положение военных союзников по отношению к владыкам Азии саки занимали с глубокой древности, а хранить дружбу с сакским царем Аморгом будто бы сам Кир завещал своим наследникам: персидскому царю и бактрийскому наместнику[2]. Таким же оставалось положение саков и к концу существования Ахеменидской державы, при Дарии III (336–330 вв. до н. э.). Саками тогда предводительствовал их собственный царь, Мавак, который был союзником персидского царя, но действовал совместно с бактрийским сатрапом (Arrian., Anab., III, 8, 3).

Саки, несомненно, играли весьма значительную роль в истории Ахеменидской державы, они поставляли самые боеспособные войска в армию Ахеменидов, в некоторых случаях их даже ставили в один ряд с персами и мидийцами (Herod., VII, 184) — ведущими народами державы. Но все же не следует преувеличивать их значение[3]; к тому же влияние их становится заметным не в начале, а в конце истории Ахеменидов.

Греки, впервые увидев саков во время нашествия персидских войск Дария и Ксеркса, сразу заметили их сходство с хорошо знакомыми им скифами Причерноморья и назвали саков «скифами азиатскими», поскольку они явились из Азии. О месте их обитания греки знали лишь, что они живут где-то рядом с Бактрией, к северу от нее[4]. Такое представление, в общем, было правильным, поскольку Бактрийская сатрапия тогда включала Согдиану, простираясь до Сырдарьи[5].

Греки продолжали считать саков азиатскими скифами и во время восточного похода Александра (Arrian., Anab., III, 8, 3), но когда они подошли к Сырдарье, которую приняли за Танаис (т. е. Дон), признанный ими границей между Азией и Европой, и обнаружили, что владения саков простираются за этой рекой, то стали испытывать затруднения в географическом определении племени саков. Это отразилось и на терминологии древних историков, описывающих столкновение Александра с саками. Так, Арриан (Anab., IV, 3, 6; ср. VII, 10, 5) называет саков все же «азиатскими скифами», несмотря на то что встреча с ними произошла по ту сторону Танаиса, т. е. в «Европе»[6], а Курций (VII, 7, 2) считает этот народ «европейскими скифами», лишь последующее посольство приписывая сакам (VII, 9, 17) и таким образом искусственно расчленяя события[7].

---

[1] *Herrmann.* Op. cit. Col. 1800.

[2] *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 46.

[3] Ср.: *Vogelsang W. J.* The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden etc., 1992. P. 304–315 и рецензию В. П. Никонорова на эту книгу: ВДИ. 2000. № 1. С. 217–222.

[4] *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 119–121.

[5] *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 29–34.

[6] *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 203.

[7] *Григорьев.* Ук. соч. С. 123.

События похода Александра, связанные с саками, описывают в основном два автора: Арриан (Anab., IV, 3, 6; 4, 1–9; 5, 1) и Курций (VII, 7, 1 – 9, 19). Судя по их сообщениям, скифы появились на правом берегу Танаиса, чтобы помешать Александру строить город на противоположном берегу и поддержать восставших там местных жителей; Александр, видя враждебные настроения скифов, переправился через реку и, несмотря на то что впервые здесь столкнулся со знаменитой «скифской» тактикой, одержал блестящую победу, но развивать наступление не стал и вернулся обратно; скифский же царь отправил послов к Александру с извинениями, и тем самым союзнические отношения саков с владыками Азии, видимо, были восстановлены; Александр в ответ послал к сакам своего друга Эвксениппа. События эти произошли в 329 г. до н. э.[1]. Добавим такую деталь: спутники Александра обратили внимание на то, что древки стрел, которые скифы пускали через реку, были еловыми (Strado, XI, 7, 4; ср. Arrian., Anab., IV, 4, 2). В ближайших к Средней Сырдарье местах ель произрастает не западнее Чаткальского хребта Тяньшаня[2].

Активная восточная политика первых Селевкидов, преемников Александра, поход их полководца Демодама за Сырдарью в начале III в. до н. э. и основание нового города, Антиохии в Скифии, в пределах Ташкентского оазиса[3] — все это расширило познания греков о сырдарьинских областях. Наблюдения всех своих предшественников, особенно современников Александра и первых Селевкидов, обобщил великий греческий географ Эратосфен (III в. до н. э.). Он разработал новую географическую схему, согласно которой текущие с гор реки Окс (Амударья) и Яксарт (Сырдарья, теперь уже признанная отдельной от Дона рекой) разделяют народы: первая — бактрийцев и согдийцев, вторая — согдийцев и саков; правда, горы, дающие начало этим рекам, он отождествил с горами, ограничивающими Индию с севера, а весь ряд перечисленных народов расположил с запада на восток, чем немало исказил истинную картину[4]. Город Александрия, основанный на месте современного Ходжента или около него, уже современниками Александра помещавшийся то в Согдиане, то в Скифии, позднее был признан находящимся в Сакасене (т. е. в Стране саков), под которой, видимо, подразумевалась тогда Фергана[5]. Расширились сведения и о самих саках, независимые от схемы Эратосфена: стало известно, что саки обитают «по течению Яксарта» к востоку от Согдианы, в горах, где берут начало и три истока этой реки[6].

---

[1] О войне Александра с саками см.: *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания // История таджикского народа… С. 308, 309, 655; *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 253, 254, 409; см. также указанную в этих работах литературу. О топографии данных событий см.: *Негматов Н. Н.* Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. XV (1975). Душанбе, 1980. С. 275, 276.

[2] *Пьянков.* Бактрия… С. 31, 32.

[3] *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Тшкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 106; *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 77.

[4] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 64, 242–246.

[5] *Пьянков.* Александрия Крайняя… С. 75–78.

[6] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 55, 151, 257, 258.

Во II в. до н. э. начались новые большие передвижения степных племен. О них сообщают античные и китайские источники. Античные источники — это в основном сведения Страбона (XI, 8, 2)[1] и Трога (Prol. XLI, XLII). Из них следует, что со стороны Заречья Яксарта, где ранее обитали саки, на Согдиану и Бактриану обрушились новые кочевники: асии, или асианы, тохары (асианы, как указывается, были «царями» тохаров) и сакарауки. Куда ушли саки, при этом не сообщается. Более подробно освещают события китайские источники. Из них мы узнаем, что движение кочевников началось с вытеснения хуннами племени юечжи (= асианы и тохары), те ушли на запад, прошли через Давань (Фергану) и подчинили страну Дахя (Бактрию); при этом движение юечжи совершилось в два этапа: на первом они вытеснили саков из их страны — это событие, видимо, и связано с Ферганой, и лишь на втором, подвергшись ударам другого кочевого племени, усунь, они ушли в Бактрию; саки же ушли на юг, за «Висячий переход» и заняли страну Гибинь (Каспирию)[2]. События первого этапа приходятся примерно на 170–160 гг. до н. э., события второго — на 140–130 гг. до н. э.[3]. О том, по какому пути ушли на юг саки, высказывались в науке разные мнения. Часто выражалось сомнение в возможности прохода кочевого племени через горные перевалы Памира и Гиндукуша. Однако в настоящее время доказано, что такой проход вполне возможен,[4] а открытия последних лет засвидетельствовали, что в I в. до н. э. саки уже прочно освоили долину Верхнего Инда[5]. Возможно даже, что среди обнаруженных там, в районе Чиласа, надписей имеются и надписи Моги, первого могущественного царя саков, уже переселившихся на юг[6]. Мога, или Мауес, царь сакской Каспирии (Кашмир и область Верхнего Инда), правивший в начале I в. до н. э , распространил свою власть на Гандхару и еще более южные индийские области, а его преемники овладели Арахозией на востоке Иранского нагорья. Эти саки назывались у соседей каспирами по имени их базовой области[7]. К концу I в. до н. э. индийские скифы на короткое время попали под власть индо-парфянского царя Гондофара, а затем вошли в состав державы Кушанов. Но возникшие тогда же в Гуджарате на западе Индии государства сакских кшатрапов (сатрапов) представляли собой во II–IV вв. мощную политическую силу. Возможно, что потомки саков влились в состав индийских народов гуджаров, джатов и раджпутов.

Примерно одновременно с саками Индии выходят на арену истории саки востока Иранского нагорья. О путях проникновения сюда саков тоже существу-

[1] К сообщению Страбона см.: *Пьянков.* Средняя Азия… С. 246.

[2] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II. М.; Л., 1950. С. 151,179, 183, 190. *Hulsewé A. F. P., Loewe M. A. N.* China in Central Asia. Leiden, 1979. P. 104, 105, 119–123, 137, 144, 145, 216, 217.

[3] О переселении саков см.: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия в кушанский период // История таджикского народа… С. 407–410, 686, 687; *Gardiner-Garden J. R.* Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. Bloomington, 1987. P. 35–60; *Olbrycht M. J.* Pathia et ulteriores gentes. München, 1996. S. 77–96. См. также указанную в этих работах литературу.

[4] *Литвинский.* Древние кочевники… С. 187–193.

[5] *Pyankov.* Discoveries… P. 52–54. См также указанную там литературу.

[6] *Dani A. H.* Chilas. The city of Nanga Parvat. Islamabad, 1983. P. 62–64.

[7] *Piankov.* The Ethnic History… P. 38, 39.

ют разные мнения: одни ученые считают, что саки двигались прямо с севера, через Бактрию и соседние с ней области, другие ведут их через Индию[1]. В свете последних открытий вероятнее второе; скорее всего, эти саки являются ветвью тех же сакских племен, которые проникли в Индию через Гиндукуш, но продвинувшейся еще дальше на юго-запад. Первоначально они осели в небольшой области между Дрангианой (Озерный край) и Арахозией (долина Аргендаба), которая и получила от них название Сакастана, позднее распространившееся на весь бассейн Гильменда-Аргендаба (в позднем произношении: Сеистан, Систан). Здесь сакские вожди, видимо, породнились с парфянским родом Суренов, стоявшим во главе вассального парфянского царства Дрангианы, на некоторое время приобрели независимость, затем подчинились индо-сакским царям — наследникам Мауеса. Все это происходило в I в. до н. э. В I в. н. э. страна иранских саков вошла в состав владений индо-парфянского царя Гондофара и его наследников, а затем — в состав державы Кушанов. Известно, что позже Сакастан был одним из вассальных царств державы Сасанидов. Вполне возможно, что прямыми потомками саков, поселившихся в этих местах, является часть современных пуштунов.

Заметим, что саки, ушедшие на юг — и в Индию, и на восток Иранского нагорья, — являются именно сырдарьинскими, амиргийскими, саками. Прямая преемственная связь между ними засвидетельствована и именами их царей[2], и особенностями их диалекта[3]. Но на юг ушел, видимо, лишь «царь саков» со своим племенем, как следует из китайских источников, прочие племена саков остались на прежних местах.

Оставшихся саков можно условно назвать **амударьинскими** саками. Они расселялись по долинам Пянджа и Вахша и дальше на восток, в пределах юго-западной части нынешнего Восточного Туркестана. Видимо, с этими саками столкнулся Александр (Curt., VIII, 4, 20), когда он совершил поход в страну паретаков; в данном случае саки должны были обитать где-то по верхнему течению Кафирнигана и Вахша[4]. Несколько позднее Мегасфен, сам посещавший Индию (в конце IV в. до н. э.), сообщил о хребте Эмод, который на севере отделяет Индию от Скифии, населенной «скифами, известными как саки», а эти саки обитают рядом с бактрийцами, видимо, соприкасаясь с ними в долине Окса (здесь — Вахша) ниже по течению этой реки. Но Мегасфен еще путает индийский Эмод (Гималаи) со «скифским». Более поздние авторы различают эти два хребта и помещают близ второго, в верховьях Окса, скифский народ гомодотов. Очевидно, речь здесь идет об одном из сакских народов, обитавших в верховьях Вахша-Кызылсу у Алайского хребта[5]. До Мегасфена доходили слухи и о еще более восточных саках благодаря пути, ведущему из Гандхары и Свата к пере-

[1] Об этих саках см.: *Herrmann A.* Sakastane // RE. 1920. Bd IA. Col. 1807–1812; *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. М., 1964. Т. I. С. 135–140; *Daffinà P.* L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967 и мою рецензию на эту книгу: ВДИ. 1969. № 4. С. 169–174.

[2] *Литвинский.* Древние кочевники… С. 192, 193.

[3] *Piankov.* The Ethnic History… P. 38, 39.

[4] *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden. 1938. S. 75. Ср.: *Пьянков.* Бактрия… С. 44, 45.

[5] *Piankov.* The Ethnic History… P. 39–41; *Пьянков.* Средняя Азия… С. 52, 55, 254–257.

валам Гиндукуша и Куньлуня: это были саки Кашгарии, соприкасавшиеся в области Яркенда и Хотана с тохарами, тогда еще пребывавшими в местах своего первоначального обитания[1].

Большое передвижение кочевников II в. до н. э., о котором говорилось выше, не отразилось на этих саках. Судя по китайским источникам[2], сакские племена продолжали обитать в Западной Кашгарии и Алайской долине и после нашествия юечжи-тохаров; среди них упоминается и племя гюаньду — очевидно, те же гомодоты античных авторов, обитавшие на своих прежних местах.[3] В первых веках нашей эры становится известным сакский народ комеды, по-видимому родственный гомодотам. Известным он становится потому, что по его землям проходил окончательно сформировавшийся к тому времени Великий Шелковый путь[4]. Судя по данным Птолемея (Geogr., I, 12, 7–8; VI, 12, 3; 13, 2–3; VII, 1, 42), комеды занимали тогда всю обширную горную страну саков от южных истоков Яксарта (Сырдарьи) до Гиндукуша у истоков Коаса (Кунара), включая Алай, Каратегин и Дарваз. Комеды известны в отдельных местах этой территории и позже, в VII–X вв. н. э., по китайским и арабо-персидским источникам. Видимо, тогда же часть комедов оседала в горных долинах и дала начало некоторым современным памирским народностям[5]. Аналогичные процессы происходили и на востоке сакской территории, и в результате население Хотана и некоторых других городов Восточного Туркестана стало говорить на диалектах сакского языка, памятники которого, относящиеся к VII–X вв. н. э., дошли до нас[6].

Те комеды, которые сохранили прежний образ жизни и древнее имя, как и прочие среднеазиатские саки, постепенно тюркизируются. У комедов этот процесс шел уже в VI–VII вв. н. э., во времена Тюркских каганатов; известно, что царь комедов тогда имел тюркское происхождение[7]. Так что у византийского историка Менандра (fr. 19, Müller) были основания сказать в VI в. н. э., что турки — это народ, который «древние называли саками».

Наконец, известно еще одно значительное собственно сакское племя — сакарауки. Это племя, как уже говорилось, упоминается античными авторами в числе кочевников, вышедших во II в. до н. э. из Заречья Яксарта и обрушившихся на Согдиану и Бактриану. В китайских источниках сакарауки вообще не упомянуты: они, как самый западный участник событий, остались вне поля зрения китайцев; однако, поскольку племя усунь, согласно этим источникам занявшее земли саков, обитало затем в горах Тяньшаня, в области озера Ис-

[1] *Пьянков И. В.* Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261–267.

[2] *Бичурин.* Ук. соч. С. 188, 189; *Hulsewé, Loewe.* Op. cit. P. 139.

[3] *Piankov.* The Ethnic History… P. 40, 41.

[4] О трассах Великого Шелкового пути на территории комедов см.: *Пьянков И. В.* Шелковый путь от Гиераполя в Серику // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2. С. 130–138; *Он же.* Восточный туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 19–21; *Он же.* Средняя Азия… С. 74–77, 269, 270.

[5] *Piankov.* The Ethnic History… P. 41, 42.

[6] *Генценберг Л. Г.* Хотаносакский язык. М., 1965; *Bailey H. W.* Saka documents L., 1968.

[7] *Herrmann.* Das Land der Seide… S. 147.

сыккуль и реки Или, то вытесненные им саки и должны были обитать в этих землях. Это, очевидно, и были сакарауки: китайцы просто не различали саков-амиргиев и сакарауков. В таком случае сакарауков можно назвать **тяньшанскими саками**.

Сведений о сакарауках в источниках сохранилось мало, поэтому мнения в науке, касающиеся истории этого народа, высказывались самые разные, часто взаимоисключающие. Кажется вероятным давно уже высказанное предположение, что сакарауки после большого передвижения кочевников во II в. до н. э. составили кочевое ядро обширного объединения, которое в китайских источниках конца II в. до н. э. — I в. н. э. известно как Кангюй. В состав этого объединения, наряду с прочими землями, входили Ташкентский, Бухарский и Хорезмский оазисы. Из всей совокупности литературных, нумизматических и археологических источников этого же времени можно сделать заключение, что по крайней мере Бухарский и Шиберганский оазисы, область Средней Амударьи и степные окраины Хорезма можно связать и с сакарауками. Сначала, видимо, сакарауки (Кангюй) терпели неудачи в борьбе с асианами-тохарами (Юечжи), но в I в. до н. э. они выступают уже как мощная политическая сила, которая может играть решающую роль в борьбе претендентов на парфянской престол. Однако к концу того же века и в I в. н. э. южные владения сакарауков частью подпадают под влияние парфян, частью подчиняются Кушанам[1].

Саки как народ. Саки являются одним из древних иранских народов.

О *языке* саков можно судить по древним и современным ономастическим материалам (по древним именам мест, племен и лиц и по современным именам мест), по языку хотаносакских текстов и современным языкам шугнано-язгулямской группы и ваханскому — по-видимому, прямым потомкам древних сакских диалектов. Все это иранские языки юго-восточной группы[2]. Однако саки не были однородны в языковом отношении. Есть основания полагать, что диалекты разных сакских племен принадлежали разным диалектным группам юго-восточной языковой общности; так, например, язык амиргиев отличался от других сакских диалектов[3].

Физический облик саков, судя по палеоантропологическим материалам, был европеоидным («кавказоидным») брахикранным, северного «степного» типа, с небольшой примесью монголоидности[4]. О монголоидной примеси свидетельствуют и изобразительные материалы[5]. Смешанный физический тип саков говорит о сложности их истории.

О культуре саков наиболее полное представление дают нам археологические материалы. Археологические памятники саков (в собственном смысле) VII–III вв.

---

[1] О сакарауках см.: *Herrmann A.* Sacaraucae // RE. 1920. Bd IA. Col. 1611–1620; *Литвинский.* Древние кочевники… С. 170–172, 175, 189; *Gardiner-Garden.* Apollodoros of Artemita… P. 50–60; *Olbrycht.* Parthia… P. 95, 105, 110–115; 122, 127. См. также указанную там литературу.

[2] Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 115, 116.

[3] *Piankov.* The Ethnic History… P. 39.

[4] *Киятkина Т. П.* Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа… С. 537. См. также указанную там литературу.

[5] *Junge.* Op. cit. S. 9, 10.

до н. э. делятся на две группы: памятники Ферганы, верховьев Сырдарьи и Алая и памятники Тяньшаня и Семиречья. Это деление соответствует известиям письменных источников: первая группа должна принадлежать амиргиям, вторая — сакараукам. Главным показателем при этнической атрибуции археологической культуры является способ погребения. Для саков были характерны погребения под курганами в грунтовых ямах (каменных ящиках, деревянных срубах) с ориентацией покойника, уложенного в вытянутой позе на спине, головой на запад[1]. После массового распространения на сакской территории со II в. до н. э. новых способов погребения продолжал существовать и старый. Это тоже соответствует письменным известиям, согласно которым часть саков осталась на своих прежних территориях и после прихода народов усунь и юечжи[2]. В последних веках до н. э. и в первых веках н. э. типично сакские погребения появляются и в области Средней Сырдарьи — в горах Каратау и Ташкентском оазисе, т. е. в стране Кангюй[3], куда, по всей вероятности, передвинулись сакарауки. Такие же погребения (правда, ориентированные теперь уже преимущественно на север), относящиеся к тому же времени, известны и на Средней Амударье[4], и в Шиберганском оазисе[5], т. е. там, где сакарауки прямо засвидетельствованы письменными источниками.

Обычно сакской называют также культуру кочевников Памира VII–III вв. до н. э., продолжавшую существовать здесь в отдельных местах, видимо, вплоть до III в. н. э. Культура этих кочевников действительно очень близка сакской, но способ погребения и физической тип резко отличаются от сакского и обнаруживают глубокие местные корни, заставляя признать в древних памирцах ветвь местных аборигенов — каспиев, территория обитания которых, как уже говорилось, была значительно шире, чем Памир. Это аборигенное население с самого начала испытывало сильное культурное влияние со стороны саков, но было окончательно ассимилировано или вытеснено ими и другими восточноиранскими народами в областях к северу от Гиндукуша, видимо, лишь к IV в. н. э.[6]

Саки во всех источниках предстают перед нами прежде всего как кочевники. Само название «саки» стало у персов почти синонимом слова «кочевники». Греки называли саков «скифами», что тоже было почти равнозначно определе-

[1] *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Семиречья и Тяньшаня, Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 76–80, 87–89; *Бернштам А. Н.* историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. См. также указанную в этих работах литературу.

[2] *Заднепровский.* Ук. соч. С. 81–87, 89–95.

[3] *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса … С. 103–107.

[4] *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. С. 104–109.

[5] *Сариниди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 47–134.

[6] *Piankov.* The Ethnic History… P. 42–45; *Pyankov.* Discoveries… P. 51, 52. [См. также: *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Душанбе, 1984. Вып. 1. С. 107–120; *Он же.* Средняя Азия в ахеменидское время. Население. Восточные каспии // История древнего Востока. М., 2004. С. 726–728.]

нию «кочевник». Греки и прямо именовали их «номадами, пастухами мелкого скота (овец-коз)» уже при первом знакомстве с ними (Choeril., fr. 3, Kinkel) в V в. до н. э. В конце IV в. до н. э., во времена Александра, отдельные племена саков могли обладать стадами в тридцать тысяч голов такого скота (Curt., VIII, 4, 20). Как номадов, не имеющих городов, но живущих в лесах и пещерах, характеризуют саков торговцы Великого шелкового пути, проходившие по их землям (Prol., Geogr., VI, 13, 3). Подобным образом описывают этих же саков Алая китайцы: саки кочуют со своим скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде (Цяньханьшу, гл. 95А, 23, 24). Особую роль в жизни саков играла лошадь. Кони саков отличались специальной выучкой (Aelian., V. H., XII, 38), а сакские всадники выходили победителями в ристалищах, устраивавшихся персидскими царями (Xen., Cyrop., VIII, 3, 25–26). Конь амиргийских саков изображен на персепольских рельефах[1]. Видимо, от этих сакских коней происходили те «славные лошади» Ферганы, якобы порожденные сказочными «небесными лошадьми», которые позже так ценились китайцами. Такая картина хозяйственной жизни саков полностью подтверждается археологическими материалами[2].

Однако саки были не только кочевниками. В состав сакских объединений, как и других объединений кочевников, входили области оседлой земледельческой культуры с постоянными поселениями. Появление их у саков легенда возводила к деяниям упомянутой выше Зарины, которая «привела большую часть страны [саков] в возделанный вид и основала немалые города» (Ctes., fr. 5, 4, Jacoby). Археология подтверждает, что в Фергане в сакское время, в VII–III вв. до н. э., действительно имелось и земледельческое население, родственное сакам, судя по его погребальному обряду, и обширные поселения скифского типа[3].

Кочевому быту саков соответствовала их одежда. Судя по письменным источникам (Herod., VII, 64), изобразительным[4] и археологическим[5] материалам, это была типично скифская одежда: войлочный башлык, кожаный кафтан, стянутый поясом, и кожаные штаны, сапоги. Геродот, видимо, ошибался, приписывая амиргийским сакам островерхую шапку; судя по изобразительным материалам, эти саки носили башлыки с невысоким округлым верхом. Впрочем, форма шапки определялась не только этнической принадлежностью. По-видимому, островерхие башлыки носила высшая знать скифских племен; таков сакский вождь — «золотой человек» из Иссыкского кургана, вся одежда которого, в том числе очень высокий островерхий головной убор, была усыпана золотыми бляшками[6].

---

[1] *Vogelsang*. Op. cit. P. 158.

[2] *Заднепровский*. Ранние кочевники Семиречья… С. 80.

[3] *Заднепровский Ю. А.* Фергана. Эйлатанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 195–198. См. также указанную там литературу.

[4] *Vogelsang*. Op. cit. P. 144, 150, 158.

[5] *Заднепровский*. Ранние кочевники Семиречья … С. 77.

[6] *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 99, 100. [Об одежде скифских народов см. теперь: *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии. М., 2006.]

Типичным для кочевников было и общественное устройство саков[1]. Как и прочих кочевников, их тоже коснулась идеализация в описаниях, составленных античными авторами: саки считались ветвью «справедливых» скифов (Choeril., fr. 3 Kinkel).

Сакские племена составляли обширные объединения. Одним из таких объединений и были амиргийские саки. Во главе объединения стоит царь. Царь — глава своего народа; он предводительствует воинами этого народа в случае военных действий (Ctes., fr. 9, Jacoby; Arrian., Anab., III, 8, 3), посылает посольства к другим царям с предложениями мира и союза (Arrian., Anab., IV, 5, 1). Власть царя, видимо, наследственная; так, амиргийскими саками правит один и тот же род как в Средней Азии, так и в Индии после переселения туда саков, судя по сходству имен их царей. Умершему царю саки сооружали грандиозную гробницу, курган, описание которого дано в упомянутой легенде о Зарине (Ctes., fr. 5, 5, Jacoby): он имеет форму треугольной пирамиды с острой вершиной (ширина каждой стороны 3 стадии и высота 1 стадий), увенчанной большой золотой статуей. Устраивалась, видимо, и тризна, которую легенда характеризует как «героические и всякие иные почести». Сакские курганы хорошо известны по археологическим материалам. Имеются некоторые указания в источниках и на роль народного собрания. Так, царь «азиатских скифов» объяснял Александру, после стычки последнего со скифами за рекой Танаис, что против него действовала не вся «община» скифов (Arrian., Anab., IV, 5, 1). Очевидно, лишь общее собрание решало вопросы войны и мира, касающиеся всего народа.

Имеются основания полагать, что у саков существовало характерное для скифских народов деление на три социально-этнические страты: цари-воины, жрецы, простой народ. Следы этих страт обнаруживаются в сакастанском цикле сказаний о сакском («сагзи») герое Рустаме, вошедших в иранский эпос. В них еще можно распознать образы «обладающего красным блеском» сверкающей молнии прародителя первой страты и седого от рождения прародителя второй страты. Происхождение этих страт обычно объяснял генеалогический миф о герое-прародителе народа и трех его сыновьях. Следы такого мифа тоже обнаруживаются в сказаниях о Рустаме[2]. У амиргийских саков «царским» племенем были, видимо, те кочевники («царь саков» китайских источников), которые ушли из прежних мест обитания в Индию. Этот слой состоял из упоминаемых источниками «благородных мужей» (Arrian., Anab., IV, 4, 4), «друзей и родственников царя» (Chares, fr. 5, Jacoby), самые знатные среди которых, как, например, брат царя, могли даже собирать собственную большую дружину и на свой страх и риск отправляться в набеги (Arrian., Anab., IV, 4, 8; 5, 1; Curt., VII, 7, 1; 9, 16, 17).

Особенностью общественного строя саков являлось свободное положение женщины. В этом отношении они сближались с массагетами и савроматами, но отличались от европейских скифов. Общая оценка сакских женщин у античных

[1] *Пьянков И. В.* Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 84–91.

[2] *Пьянков И. В.* Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? // Памир. Душанбе. 1992. № 7/8. С. 136–145.

авторов такова: саки «имеют женщин отважных и совместно с мужьями участвующих в военных опасностях» (Ctes., fr. 5, 3, Jacoby). Женщины саков непосредственно участвуют в битвах (Ctes., fr. 8a, Jacoby) и применяют те же способы ведения боя, что и мужчины (Clem., Strom., IV, 8). В битве принимает участие Зарина (Ctes., fr. 7, fr. 8a, Jacoby), в битву ведет войско саков, мужчин и женщин, Спаретра (Ctes., fr. 9, 3, Jacoby). Женщины у саков выступают и в роли правительниц, каковы Зарина и Спаретра. Самостоятельная роль женщины в семейной жизни подчеркивается брачными обычаями саков, например тем, что женщине самой принадлежал выбор мужа. Так, во время свадебного празднества, устроенного царем Омаргом, его дочь должна была преподнести одному из гостей золотую чашу с вином, указав этим на своего избранника (Chares, fr. 5, Jacoby). Своеобразным вариантом такого обычая был и следующий брачный обряд саков: жених и невеста устраивали символическую борьбу, из которой жених должен был выйти победителем (Aelian., V. H., VII, 38).

Саки были прекрасными воинами[1]. В войске Ахеменидов они являлись главной ударной силой. В качестве таковой они выступали, например, в Марафонской битве (Herod., VI, 113), в сражениях у Фермопил (Diod., XI, 7, 2) и при Платеях (Herod., IX, 31, 71), в битве при Гавгамелах (Arrian., Anab., III, 13, 1–4; ср. Curt., IV, 15, 12–19). На вооружении у саков находились изогнутые сложно-составные луки, кинжалы и мечи, длинные копья, секиры и клевцы, легкие плетеные и большие щиты, панцири для воинов и их лошадей. Сражались саки и конными, и пешими (Strabo., XI, 8, 6). Особую славу заслужили сакские конные лучники, «никакими другими лучниками не превзойденные» (Dion. Per., 750, 751). Они метко стреляли с коней даже во время притворного отступления, обернувшись назад, причем это умели делать и мужчины, и женщины (Clem., Strom., IV, 8, 62; Aelian., N. A., IV, 21). Такой прием предусматривался знаменитой «кружащей» тактикой, характерной для военного искусства всех скифских племен. Александр впервые столкнулся с ней в сражении с «азиатскими скифами» за Танаисом (Arrian., Anab., IV, 4). Высшая знать «азиатских скифов» составляла тяжеловооруженную конницу, где всадники и лошади были защищены панцирями «из железных пластинок, скрепленных между собой рядами», а всадники имели и щиты (Arrian., Anab., III, 13, 4; IV, 4, 4; Curt., IV, 9, 3). Видимо, такие всадники с длинным тяжелым копьем изображены и на монетах царей индийских и сакастанских саков.

О религии саков известно мало[2]. С большей или меньшей уверенностью можно лишь считать, что у них, как и у соседних массагетов, главным божеством являлось Солнце, с которым были связаны почитание коня и культ огня. Известны святилища под открытым небом, отмеченные оградами из больших камней, со следами костров, жертвенными столами, котлами и светильниками. Сложен вопрос о влиянии зороастризма на религию саков. Давно уже отмеченный факт

[1] *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 36–52. *Литвинский.* Древние кочевники… С. 83–131.

[2] *Литвинский.* Древние кочевники… С. 132–155. *Заднепровский.* Ранние кочевники Семиречья… С. 78–80.

проникновения в языки хотано-сакский и некоторые памирские явно зороастрийских терминов и прежде всего применение к Солнцу имени верховного божества зороастрийцев Ахура-Мазды, свидетельствует все же, скорее всего, в пользу того, что влияние зороастризма на саков действительно имело место. Такой вывод находился бы в согласии с древним известием, восходящим к ахеменидской поре, о том, что культ у саков отправляли маги (Lucian., Macrob., 4 — возможно, по Ксанфу Лидийскому).

О высоком развитии металлургии у саков свидетельствуют местные изделия из металла, об уровне изобразительного искусства — произведения сакского «звериного стиля» и другой изобразительный материал, в котором воплощены образы сакской мифологии[1].

Однако предположение о существовании у саков своей письменности, основанное на факте обнаружения в кургане Иссык (VI–IV вв. до н. э.) серебряной чаши с надписью «неизвестным письмом», вряд ли может быть принято. Чаша эта — явный импорт из соседних земледельческих областей, на территории которых и найдены все остальные надписи, выполненные «неизвестным письмом»[2].

Библиография

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

Акишев К. А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II. М.; Л., 1950.

Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент. 1982.

Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. М., 1965.

Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии // Краткие сообщения Института народов Азии, 61. М., 1963.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Семиречья и Тяньшаня, Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Заднепровский Ю. А. Фергана. Эйлатанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Кияткина Т. П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.

Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

[1] *Акишев.* Искусство и мифология...; *Акишев К. А.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.

[2] *Пьянков И. В.* К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения Кушанской державы // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999. С. 42, 43.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. М., 1966. № 3.
Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. М., 1964.
Негматов Н. Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. XV (1975). Душанбе. 1980.
Никоноров В. П. Рецензия // ВДИ. М., 2000. № 1. Рец. на кн.: Vogelsang W. J. См. ниже.
Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
Пьянков И. В. Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.
Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4.
Пьянков И. В. Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Вып. 1. Душанбе, 1984.
Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
Пьянков И. В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.
Пьянков И. В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2.
Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. М., 1964. № 3.
Пьянков И. В. К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения Кушанской державы // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999.
Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.
Пьянков И. В. Рецензия // ВДИ. 1969. № 4. Рец. на кн.: Daffinà P. См. ниже.
Пьянков И. В. Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? // Памир. Душанбе, 1992. № 7/8.
Пьянков И. В. «Саки». Содержание понятия // Известия АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук. 3(53). Душанбе, 1968.
Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
Пьянков И. В. Шелковый путь от Гиераполя в Серику (Среднеазиатский участок) // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2.
Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
Ставиский Б. Я. Средняя Азия в ахеменидскую эпоху // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.
Ставиский Б. Я. Средняя Азия в кушанский период // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I.
Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Франкфор А. П. Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
Bailey H. W. Saka documents. L., 1968.
Daffinà P. L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967.
Dani A. H. Chilas. The city of Nanga Parvat. Islamabad, 1983.
Francfort H.-P. Note sur la mort Cyrus et les Dardes // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata. Roma, 1985.
Frye R. N. The Heritage of Central Asia. Princeton, 1998.

7. К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САКОВ ПРИПАМИРЬЯ*

В настоящей работе предпринята попытка проследить историю саков как этнической общности и связь отдельных сакских и близких им племен с современными народами, которые можно считать их прямыми потомками. Сразу же оговоримся, что мы имеем в виду не лингвистических или археологических саков, а собственно исторических, т. е. племена, прямо названные в источниках саками.

Саки издавна привлекали внимание исследователей. Специально посвященная сакам монография появилась на русском языке еще в 1871 г. [7]. Однако новые и постоянно пополняемые материалы, археологические, лингвистические и прочие, позволяют по-новому взглянуть и на письменные известия о саках, глубже понять их и заново интерпретировать, а также использовать сообщения, которые раньше оставались незамеченными.

Памирский сак. Реконструкция костюма и вооружения
(по: Гафуров 1972. Вкл., об.)

*Впервые опубликовано на англ.: The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. N. S. Vol. 8 (1994). Bloomfield Hills. 1996. P. 37–46.

Настоящая работа во многом основана на выводах, сделанных нами в статье, опубликованной в 1968 году [14: 12–18]. Там мы пытались обрисовать историю древних представлений об этом народе. Там же была сделана оговорка по поводу одного неясного места в источниках, которое обусловило предварительность нашего основного вывода [14: 18] (см. также [6: 84; 15: 180, 193]). Однако в свете новых данных эта оговорка теперь может быть снята (см. по этому поводу нашу заметку во 2-м выпуске «Памироведения», с. 122–125; см. также [12: 176]).

Ниже мы рассмотрим, по необходимости кратко, сведения о некоторых собственно сакских племенах, первоначально обитавших в Фергане и северных припамирских областях, а именно, об амиргиях, гомодотах и комедах, а также о живших к югу от этих племен каспиях (каспирах) — народе, тесно связанном с саками и частично послужившем этническим субстратом для саков.

1. АМИРГИИ

В упомянутой статье мы уже рассматривали античные известия о сакском народе амиргиев. В основе названия этого народа лежит элемент *murg-*, *mrg-*, греческая форма названия — *Amyrgioi*, а персидская, видимо, уже переосмысленная , — *Haumavargā*. Этим формам соответствуют личные имена: первой — *Amorges*, второй — *(H)omarges*. Наши выводы можно свести к следующему: амиргии — это ближайшая к Согду и Бактрии группа «собственно саков», которые жили, по мнению персов и греков, «за Согдом», по ту сторону реки Танаис, или Яксарт; с этими саками сталкивались Кир и затем Александр, эти саки по отношению к Ахеменидскому государству встали в положение сначала подданных, затем союзников, а впоследствии вступили в союз и с Александром [14: 12–16].

Остановимся несколько подробнее на вопросе о местообитании амиргиев. Персы и греки помещали их по ту сторону Согда, за Танаисом, или Яксартом, потому, что сталкивались с ними, пройдя через Согд и переправившись через Сырдарью примерно в районе современного Ходжента. Где-то в том же направлении, за Сырдарьей, находился, видимо, центр амиргиев. По представлениям, — географически вполне надежным, — Хареса, сопровождавшего Александра в походах, ставка «царя Омарга» располагалась в 800 стадиях (150 км) от переправы через Танаис (fr. 5, Jacoby). Но владения амиргиев, конечно, не ограничивались территорией по правую сторону от Сырдарьи. Это осознавали и сами античные авторы, настойчиво называя амиргийских саков «азиатскими скифами». Отсюда можно заключить, учитывая географические воззрения античности, что основной территорией этих скифов они считали земли, лежавшие по левую сторону Сырдарьи. Кроме того, Гелланик (V в. до н. э.) говорил об амиргиях как жителях «Амиргийской равнины (Amyrgion pedion) саков» (fr. 65, Jacoby). Мы вполне согласны с Б. А. Литвинским, что под этой равниной имелась в виду вся Фергана, а наряду с ней и Алайская долина [11: 169, 174]. Последнее положение основано на том, что в «Цяньханьшу» (I в. н. э.) упомянута речная долина «Пти-

чьих перелетов» в пределах одного из сакских владений, обычно локализуемая в Алайской долине; А. Херрман удачно увидел здесь намек на то же местное название, которое отражено в греческом Amurgion [20: 132, 157]. Наконец, тот же элемент *murg-* содержится в современном названии реки Мургаб — реки, которая в нижнем течении именуется Бартангом. Хотя название «Мургаб» — довольно распространенный гидроним, в данном случае, в сочетании с остальными близкими ему названиями, и он, видимо, приобретает некоторую значимость. Итак, свидетельства, содержащие прямые указания на амиргиев, позволяют помещать этот народ в Фергане, Алайской долине и — уже более предположительно — в Каратегине, Дарвазе, а также, может быть, выше по течению Пянджа примерно до Бартанга.

Относительно локализации амиргиев в научной литературе высказывались разные мнения; большинство исследователей помещало их на восток Средней Азии, в частности, и в Фергану, и на Памир (обзор различных соображений на эту тему см.: [14: 14; 10: 120–125; 11: 163–169]). Но существует и еще одно мнение, причем мнение это высказывалось не случайно, мимоходом, а обосновывалось в фундаментальных работах, специально посвященных истории и исторической географии интересующих нас мест: амиргии занимали весь бассейн верхней Кокчи, т. е. основную часть Бадахшана, и жили только там. Впервые выдвинул это положение И. Маркварт в ряде своих работ (например: [25: 142, 242]), а затем оно было принято А. Херрманом [19: стб. 1792–1794]. К нему же, видимо, склоняется Э. А. Грантовский [5: 24–28]. Идея И. Марквардта основана, собственно, на том, что в долинах верхних притоков Кокчи до сих пор сохраняется реликтовый восточноиранский язык — мунджанский, носители которого и должны быть потомками амиргиев. К этому соображению И. Маркварт присоединил и некоторые другие косвенные данные. Все это само по себе еще не являлось абсолютно доказательным. Но впоследствии было показано, что этнонимы, относящиеся к мунджанцам, связаны с названием древних амиргиев, и хотя относительно толкования отдельных этнонимов затем высказывались сомнения, в целом вывод о связи их с амиргиями остается непоколебленным (подробный обзор этих толкований см.: [11: 165–167]).

Возникает вопрос: признать локализацию амиргиев в Бадахшане и игнорировать прямые свидетельства античных авторов, или в действительности противоречия между теми и другими указаниями нет? Нам кажется, что ключ к решению вопроса лежит в известиях о крупных передвижениях сакских племен II в. до н. э. Известия эти множество раз подвергались анализу. Но в данном случае они интересуют нас в одном специальном аспекте: можно ли увязать их с приведенными выше сведениями об амиргиях? Согласно Страбону, кочевники, отнявшие у греков Бактрию, а именно асии (асианы), тохары и сакарауки «переселились из заречья Яксарта, которое было занято саками» (XI, 8, 2). О судьбе самих саков здесь ничего не говорится, и это вполне понятно, потому что территория, на которой совершались их передвижения, выпала из географического кругозора греков. Ясно лишь, что поскольку речь здесь шла о переселении номадов в Согд и Бактрию (Trog., prol. XLI), саки заречья Яксарта — те же амиргии античной традиции, о которых мы говорили выше.

Недостающие сведения можно извлечь из китайских источников. В них представлены две версии (подбор сообщений, их текст и перевод см.: [23: 1–3, 68–71]; см. также: [3, II: 151, 179, 183, 190, 191; 9: 69–75, 101–106; 21: 104, 105, 120, 121, 137, 144, 145, 216, 217]). Согласно Чжан Цяню (ок. 128 г. до н. э.), у которого заимствовал историк Сыма Цянь, Большой Юечжи (асии и тохары) прошел на запад через Давань и подчинил Дахя (Бактрию). Здесь сообщение о переходе Большого Юечжи через Давань на запад точно соответствует сообщению о переходе асиями и тохарами сакского заречья Яксарта и самой реки. Чжан Цянь, который вообще не упоминает саков, назвал область Даванью, так, как она именовалась в его время; несколько более ранний греческий автор назвал бы ее Сакасеной у Яксарта (ср. Steph. Byz., s. v. Alexandreia). Согласно другой версии, которую можно восстановить из разрозненных сообщений «Цяньханьшу» (I в. н. э.), события развертывались так: Большой Юечжи на западе сначала разбил царя саков и занял его земли, а потом переселился еще дальше на запад и подчинил Дахя; царь саков ушел на юг за висячий переход и стал правителем страны Гибинь. Здесь, мы считаем, совмещено два события. 1. Вытеснение Большим Юечжи саков Семиречья и Тянь-шаня. Эти саки ушли на запад по обычному для кочевников тех мест пути переселения. Последнее событие вообще выпало из поля зрения китайских авторов, а у греческих авторов представлено как переселение сакарауков. 2. Последующее вытеснение Большим Юечжи саков Ферганы, т. е. амиргиев. Это событие непосредственно связано с переходом Большого Юечжи через Давань, т. е. Фергану (ср. одно из последних толкований указанных двух версий: [27: 159, 160].

Второе событие имеет решающее значение для объяснения данных, касающихся амиргиев. «Царь саков» (ср. «царь Омарг/Аморг» греческих авторов), вытесненный из Ферганы, перенес свою ставку далеко на юг, за «висячий переход» (горные проходы Гиндукуша) в Гибинь (Кашмир). Уход из Ферганы относится к середине II в. до н. э., а примерно к середине I в. до н. э. сакские цари уже проявляют себя в Индии. Показательно, что первый известный сакский царь в Индии (Maues на монетах, Moga в эпиграфическом памятнике) носит то же имя, что и царь амиргийских саков времен Александра Македонского (Mavakes). Видимо, упомянутый сакский царь, правивший в Индии, фигурирует и под именем Иньмофу, царя Гибини [19: стб. 1793, 1803–1805]. Не случайно у Птолемея каспиры (= Гибинь) занимают огромную территорию от реки Бидасп (Джелам) до горы Уиндий (Виндхья), включая город Модура (Матхура) (VII, 1, 47); это, видимо, отражает условия ранней поры владычества саков в Индии, когда центром их царства все еще считался Кашмир. Можно думать, что царская орда, увлекая за собой остальных амиргиев, двигалась из Ферганы и Алайской долины сначала по уже освоенным амиргиями местам через Каратегин, Дарваз и Западный Памир, а затем по горным проходам Гиндукуша устремилась в Кашмир. Но отдельные группы амиргиев могли избрать и более западные пути (однако в пределах восточной, горной, части Средней Азии). Так предки мунджанцев проникли в долину Кокчи и Бадахшан. Так, возможно, упоминаемые в античных источниках парсии попали в область Бамиана, а парсиеты, предполагаемые предки афганцев, — в область верховьев Куррама (ср. [5: 11–25]).

Таким образом, мы приходим к выводу, что саки, появившиеся во II–I вв. до н. э. в Индии и на востоке Иранского нагорья, — это амиргии, вышедшие из Ферганы, и что продвигались они через Западный Памир и примыкающие к нему с запада горные области, а не через Восточный Памир, как обычно полагают.

Современные близкородственные языки, афганский и мунджанский, выделяются среди других живых восточноиранских языков характерной чертой — переходом древнеиранского *d* в *l*. Той же особенностью отмечен диалект, следы которого сохранились в личных и географических именах Индоскифии (область нижнего Инда и Катхиавар), Сакастаны и Арахосии, принесенных или адаптированных саками, продвинувшимися в эти области из Северной Индии Если считать, что распространение всех этих языков явилось прямым результатом передвижения амиргиев, то такая же черта должна быть присуща и языку этих последних. К сожалению, данные, на основании которых можно судить о языке ферганских амиргиев, очень скудны. Тем не менее даже и эти данные обнаруживают указанную специфическую особенность. Демодам, вскоре после Александра повторивший поход на затанаисских скифов, т. е. тех же амиргиев, установил, что реку Яксарт, которую Александр и его воины приняли за Танаис, скифы называют Silis (Plin., VI, 49; Silin, XLIX, 5; ср. Eustath., ad Dion. Per. 14). Это скифское слово давно уже предложено объяснять как свидетельство характерного перехода d > l: считают, что оно произведено о названия Сырдарьи (*Sida-?), древнейшая форма которого представлена в санскритском *Sita* [29: 202, 463]. Таково наиболее убедительное толкование указанного слова. В индийских текстах Сита фигурирует рядом с Гангом, Индом и Вакшу (т. е. Оксом, Амударьей) как одна из четырех или семи мировых рек, текущих с горы Меру.

2. ГОМОДОТЫ

Рассмотрим сведения еще об одном «собственно сакском» народе. Древнейшие и довольно смутные известия о нем содержат античные источники, — там, где они сообщают об Эмоде и истоках Окса. Эмод стал известен античному миру со времен походов Александра Македонского и почти всегда фигурировал в античной традиции как хребет, расположенный на севере Индии. Но в отдельных случаях в сведениях об Эмоде заметна некоторая двойственность.

Это относится к данным Мегасфена. Названный автор, определяя границы Индии, говорит, что на севере Эмод отделяет Индию от «Скифии, которую населяют скифы, известные как саки» (fr. 4, c. 35, 1, Jacoby). В другом месте тот же автор, перечисляя страны, окружающие Индию, называет рядом скифов и бактрийцев (fr. 4, c. 37, 5, Jacoby). Есть основания подозревать, что Мегасфен объединил в один два разных Эмода; настоящий индийский и другой, скифский, близ которого и обитали саки. Ставя рядом саков и бактрийцев, Мегасфен мог исходить, например, из того факта, что по землям тех и других протекает Окс: у первых — в верховьях, у вторых — ниже по течению. Действительно, считалось, что Окс и его притоки текут через Бактрию (Polyb., X, 48, 4).

То же самое, но с большей определенностью, можно сказать о данных Дионисия Периегета. Согласно этому автору, Окс «ниспадает с горы Эмод» (748). Название *Ēmōdon* встречается в тексте Дионисия дважды. Второй раз оно применено уже явно к индийскому хребту (1146). Важно, что для первого случая имеется чтение *Oimōdon*, которое не отмечено для второго; может быть, это название и следует читать по-разному (ср. замечание византийского комментатора о вариантах в написании указанного названия: Eustath. ad Dion. Per., 747). Если так, то скифский и индийский Эмоды различаются у Дионисия и по названию. По-видимому, и сведения о них восходят к разным первоисточникам. Отметим еще одну деталь. В тексте латинского перевода Дионисия, сделанного Авиеном, для Hemodi отмечено разночтение Hemodoontis (1351). Содержание перевода показывает, что Авиен пользовался и какими-то дополнительными источниками (может быть, картой, некогда сопровождавшей сочинение Дионисия). Не заменил ли здесь Авиен название хребта связанным с ним названием племени, которое в его источнике выглядело примерно как *Hemodontes? Названия же и хребта, и племени, обитающего возле него, могли находиться в первоисточнике Дионисия. Есть основания полагать, что таким первоисточником для сведений Дионисия о восточных частях ойкумены было сочинение Аполлодора Артемитского, который, видимо, сам совершал дальние путешествия в восточном направлении.

Плиний в перечне скифских народов, основанном на материале Демодама, называет племя Homodoti (VI, 50). В перечне оно примыкает к группе племен Astacae, Rumnici, Pestici, явно объединенных по тому признаку, что все они обитали вдоль рек, впадающих в Каспийское море с севера и востока (ср. [24: 302]). Пестики известны как племя, жившее вдоль устья Окса (Mela, III, 39, 42). Если пестики были жителями устья Окса, то логично допустить, что гомодоты названы сразу же после них в качестве обитателей области истока Окса. Валерий Флакк в «Аргонавтике» заимствовал из общего с Плинием источника описание скифских племен, оформленное им ради литературных целей в виде рассказа о прибытии к Персу союзных войск из Скифии; по его словам, к скифским полчищам и «Emoda (другие чтения: Eumeda, Oemeda) присоединяет свои силы» (VI, 143). По всей видимости, Демодам, сам побывавший в Скифии за Яксартом, и был первоисточником сведений о скифском Эмоде, которые мы нашли у Плиния и Флакка, хотя, конечно, ни тот ни другой не использовал сочинение Демодама непосредственно.

Итак, сведения о скифском Эмоде содержались у Мегасфена, Демодама и Аполлодора (конец IV — начало I в. до н. э.). Первый автор не отличал его от индийского и называл обычным именем Ēmōdon. Второй и третий, возможно, говорили о нем отдельно и прилагали к нему имя, греческий прототип которого можно реконструировать примерно как *(H)oimoda. На скифском Эмоде брал начало Окс — так считалось по крайней мере в традиции Демодама и Аполлодора. Наконец, в области этого Эмода обитал скифский народ, который Мегасфен называл просто саками, а Демодам и Аполлодор определили более конкретно, назвав именем, греческий прототип которого можно восстановить примерно как

*Ho(i)modotoi. Восстановленные топоним и этноним свидетельствуют о диалекте, в котором сохранилось *-d-* и который, следовательно, отличался в этом отношении от диалекта амиргиев. Если считать, как это сейчас признано, что памирские языки шугнано-язгулямской группы происходят от языка саков, то на роль сакского протоязыка этой группы подходит по указанному признаку диалект гомодотов, но не амиргиев. Думают, что в первой части приведенного Плинием названия Homodoti скрывается иранское слово *Hauma-*, обозначавшее священное растение древних иранцев [22: стб. 2252]. Но если сопоставить это название с *(H)oimoda*, то напрашивается иной вывод: в основе его лежит название скифского «Эмода» (тоже, возможно, являющееся по происхождению племенным именем), оформленное показателем множественности *-t(a)*, чрезвычайно распространенным в скифской этнонимике. Из современных языков шугнано-язгулямской группы этот показатель сохранился только в язгулямском в виде *-aϑ*; но существующие в современных шугнанских диалектах суффиксы множественного числа, заменившие древний показатель, по мнению лингвистов — явление очень позднее [17: 105–106].

Ориентиры для определения местообитания гомодотов дают скифский Эмод и истоки Окса. Поскольку исследователи всегда считали, что античные авторы говорят лишь об одном Эмоде, индийском, то сообщение Дионисия об истоке Окса на Эмоде они относили к области верховьев Пянджа (например: [23: 77; 18: 152]; ср. [13: 33]). Но если признать, что здесь речь идет о совсем другом, скифском, хребте, то такое толкование становится отнюдь не обязательным. Мы думаем, что во времена, когда Вахшем (Оксом) именовалась вся Амударья, ее главным истоком считался тот, который и ныне носит древнее имя. Действительно, сведения об Оксе, восходящие к Феофрасту, современнику Мегасфена и Демодама, определенно относятся к Вахшу в том смысле, какой мы придаем этому слову сейчас (Ps.-Aristotel., De mirab. Ausc., 46; Plin., XXXI, 75, 86; ср. [23: 76–77]). Все это заставляет искать скифский Эмод и живущих близ него гомодотов в области верховьев Вахша-Кызылсу. Дополнительные сведения, позволяющие уточнить локализацию Эмода и гомодотов, содержатся в китайских источниках. Здесь, нам кажется, со скифским Эмодом (Oimoda) и его населением можно сопоставить Гюаньду (древнее чтение Iwan-d'ock) — кочевническое объединение, принадлежащее к «древним племенам саков». Сведения о нем дает в основном «Цянь-ханьшу» (I в. до н. э. — I в. н. э.), но упоминается оно под другим названием и в «Вэйлио» (по данным III в. н. э.) [3, II: 168, 189; 21: 139; 13: 56, 59]. Относительно локализации этого объединения исследователи, в общем, согласны: оно размещалось к западу и юго-западу от Кашгара [13: 56–60] — очевидно, в бассейне кашгарской Кызылсу и ее притоков. На западе его земли простирались до хребта Цунлин, а точнее, видимо, до горного прохода Таунмурун [20: 10], расположенного немного западнее Иркештама, у самых истоков Кызылсу-Вахша. Таким образом, гомодоты могут соответствовать Гюаньду, а гора Эмод как место истока Окса — Цунлину, под которым понимаются в данном конкретном случае восточные части Алайского и Заалайского хребтов.

3. КОМЕДЫ

Как видим, гомодоты упоминаются в источниках IV–III вв. до н. э. — I–III вв. н. э. на одном и том же месте, в Северо-восточном Припамирье. Это обстоятельство тоже свидетельствует против того, что в движении саков на юг во II в. до н. э. участвовали саки Тянь-Шаня и Семиречья и что двигались они вдоль Восточного Памира. Но вообще участие гомодотов или каких-то родственных им племен в передвижениях саков II в. до н. э. вполне возможно. Некоторые намеки на это в источниках есть. Мы имеем в виду данные о сакском народе комедов. О комедах говорилось в итинерарии Мая Тициана (I в. н. э.), использованном Птолемеем в его «Географии». Птолемей дает сравнительно полные сведения об этом народе. Комеды живут «по всей горной стране» саков (VI, 13, 3). В горной стране комедов берут начало Яксарт (за его исток здесь принята, скорее всего, Гульча) и два его левых притока (VI, 12, 3). Упоминается «ущелье комедов» (Каратегин) (VI, 12, 7–8; VI, 13, 2). Кроме того, говорится, что горная область ламбатов у истоков Коаса (Кунара) «поднимается вплоть до комедов» (VII, 1, 42). Отсюда можно заключить, что комеды во времена Мая обитали на Алае и в Алайской долине, в Каратегине, а на юге их земли простирались, очевидно, от Дарваза далеко вверх по Пянджу вдоль пути, ведущего к горным проходам в область верховьев Кунара, т. е. в Читрал.

Комеды упоминаются еще в очень испорченном тексте «Космографии» Гонория: Traumeda (*Caumedae) (A, 13, 38). Упоминается и соответствующая им гора: Caumestes (*Caumedes) (A, 4). На этой горе берет начало Окс (A, 7). Если попытаться восстановить карту, описанием которой и является текст Гонория, можно показать, что на этой карте упомянутая гора занимала все пространство между Оксом и Яксартом (ср. A, 8; B, 5). Карта Гонория принадлежала к числу карт традиции Агриппы (I в. до н. э.). Но на других картах этого круга комедов нет, и они, очевидно, являются поздним добавлением. Однако форма названия комедов у Гонория, Caumedae, сохраняющая дифтонг *au*, архаичнее формы того же названия у Птолемея, Kōmēdai.

Итак, сведения о комедах в античных источниках относятся к I в. н. э., самое раннее — к I в. до н. э. В это время комеды занимали территорию, на которой ранее, до передвижений II в. до н. э., обитали амиргии. Сакский диалект этого племени, судя по признаку отражения древнеиранского *-d-*, сохраняющегося в их этническом имени, подобен диалекту гомодотов, но отличен от диалекта амиргиев. Поэтому, нам кажется, не исключено, что комеды вышли из среды гомодотов или каких-то родственных им племен и заселили указанную территорию, спустившись вниз по долине Кызылсу-Вахша, а затем просочившись и в более южные области, после того как амиргии покинули все эти земли.

Дальнейшую судьбу комедов помогают проследить китайские и средневековые мусульманские источники. В тех местах, где по античным данным обитали комеды, китайские источники того же времени, отражающие условия I в. до н. э. — III в. н. э., помещают Хюсюнь — такое же кочевническое объединение, как Гюаньду, и тоже принадлежащее к «древним племенам саков» [33, II: 188;

21: 138, 139; 13: 55, 56, 59] (о локализации Хюсюнь см.: [13: 55–60]). Они жили к западу от Цунлина, т. е., как говорилось выше, прохода Таунмурун, а центр их находился в долине «Птичьих перелетов», т. е. Алайской долине, древнее название которой уже тогда являло собой лишь топонимический след некогда обитавших там амиргиев. Имеются указания и на то, что земли Хюсюнь простирались на юг примерно так же далеко, как земля комедов. Очевидно, одно и то же сакское племя называли Хюсюнь, а греки — комедами. Последнее название (Цзюймито, Цзюйми и др.) появляется в китайских источниках много позднее. Хотя китайцы знали, видимо, лишь южную часть территории комедов (Дарваз и земли выше по Пянджу), но и сведения об этой части показывают тенденцию как бы к уменьшению ее: если Сюань Цзан (VII в. н. э.) называет соседом комедов Шугнан, то У Гун (VIII в. н. э.) между комедами и Шугнаном упоминает еще одно владение (о сведениях этих авторов см.: [13: 108–109, 124–125]). О комедах (Кумед, Кумиджи) говорят и средневековые мусульманские источники (IX–X вв. н. э.). Они отражают еще более позднюю стадию в расселении этого народа. Комедов они знают лишь в области среднего течения Вахшаба (Вахша), ниже Рашта (Каратегина). Судя по более полным данным «Худуд ал-Алам», комеды делились на две группы, находящихся справа и слева от Вахшаба: одна — в области верховьев Кафирнигана и в районе современного Душанбе, другая — в области верховьев Кулябдарьи и ее притоков (26: 362).

Мы интерпретируем все эти сведения следующим образом. Комеды занимали максимальную территорию в начальный период своего расселения. В это время они, очевидно, представляли собой этнически однородную среду. Именно их диалект, скорее всего, явился той основой, из которой выросли позднейшие языки шугнано-язгулямской группы; заметим, что первоначальная территория комедов почти полностью включает в себя современный регион этих языков. В промежутках времени между III–VII вв. н. э. начинается распад комедской общности, возможно, в результате постепенного оседания кочевников. Сначала отделяется Шугнан, а потом и другие области. Соответственно нарушается и этническое единство. Название «комеды», видимо, сохраняет лишь та часть населения, которая сохранила и кочевой образ жизни. Но территорию кочевых комедов сокращали и новые волны кочевников, спускавшихся тоже вниз по долине Кызылсу-Вахша. В итоге комеды остались на своей прежней территории лишь в виде небольших островков.

4. КАСПИИ

В нашей работе, опубликованной в I выпуске «Памироведения» (с. 107–120) специально рассматриваются сведения о каспиях, или каспирах, VI–II вв. до н. э. Наши выводы вкратце таковы. Каспии (восточные), или каспиры — это автохтонные племена Гиндукушско-Гималайского горного региона, прямые потомки которых сохранились доныне под именем буришков в долинах Ясина и Хунзы, в самом центре указанного региона. В VI–II вв. до н. э. они занимали обширную

территорию, включавшую Кашмир, Гилгит, Читрал, Бадахшан и Вахан. Где-то на севере они непосредственно контактировали с амиргийскими саками. Каспии вели примерно тот же образ жизни, что и соседние саки, и потому античные авторы иногда называли их, как и саков, скифами. Правда, каспии, наряду с горным пастушеским скотоводством, видимо, в большей мере, чем саки, занимались и земледелием в пригодных для него местах.

Попытаемся теперь проследить, какая обстановка сложилась в этом регионе в I в. до н. э. — I в. н. э. Довольно подробные, хотя и трудно интерпретируемые, сведения на этот счет дает Птолемей, используя источники того же времени, — может быть, итинерарий Мая Тициана. О представлениях Птолемея можно судить и по тексту его «Географии», и по карте (реконструкцию карты см.: [28: таб. I–III]). Каспирию Птолемей помещает у истоков Бидаспа, Сандабала и Адрия (VII, 1, 12), т. е. в области верховьев Джелама, Ченаба и Рави. Это, в общем, соответствует позднейшему Кашмиру. К северу от Каспирии простирается широтная ветвь Имайского хребта, продолженная на западе тоже широтными Кавказскими горами. Севернее Имайского хребта Птолемей помещает страну саков, а севернее Кавказских гор — страну согдианов. Заметим, что Согдиана на карте Птолемея — условное образование, означающее страну между реками Окс и Яксарт, а сами Окс и Яксарт в их верхнем течении имеют долготное направление. Река Окс у Птолемея вытекает с западной оконечности Кавказских гор. В Согдиане, «между Кавказскими горами и Имаем», лежит область Вандабанда (VI, 12, 4). К северу от нее находится горная страна комедов, которые должны обитать и к западу от нее, поскольку, как уже говорилось выше, комеды смыкаются с областью верховьев Коаса. К востоку от Вандабанды, в стране саков, обитают билты «у горы Имая» (VI, 13, 3), — видимо, между широтной и долготной ветвями Имая.

Вандабанду локализовали и в Бадахшане, и даже в Фергане, основываясь, главным образом, на созвучиях названий. Однако данные Птолемея указывают на иные места. Бесспорно, что Вандабанда находилась где-то в районе верховьев одного из истоков Окса и что под этим истоком в данном случае имеется в виду Пяндж. К Согдиане Вандабанда, конечно, в действительности не имела никакого отношения, но сам факт отнесения Птолемеем Вандабанды к Согдиане свидетельствует о том, что в источнике Птолемея Вандабанда была помещена на восток от долготного течения Пянджа, примерно в Вахане. Указание на местоположение Вандабанды «между Кавказскими горами и Имаем» не совсем понятно, если иметь в виду карту Птолемея. Но если учесть, что Имай — это Гималаи, а Кавказские горы здесь — Восточный Гиндукуш, то можно думать, что в первоисточнике Птолемея в данном случае шла речь о пространстве между этими двумя хребтами, т. е. об области по Гилгиту и о его боковых долинах. Итак, Вандабанда Птолемея простиралась на Вахан и Гилгит. Что касается названия этой области, то нам кажется удачным предположение И. Маркварта, объясняющего написание Ovandabanda как диттографию, возникшую из слияния двух слов, которые первоначально представляли в тексте два варианта одного названия: *Ovanda* и *Banda*. Нарицательное значение этого названия: «укрепленная граница, пограничная крепость» [24: 295]. Знаменитые горные крепости в Ва-

хане (а может быть, и южнее, в Гилгите или Читрале?), явно выполнявшие функцию пограничной охраны, в это время уже стояли (относительно назначения их и датировки см.: [2: 281–285; 1: 98, 127–130; 16: 357–360]). Возможно, что первоначально указанное название и применялось к местности, непосредственно прилегавшей к этим крепостям, а потом уже распространилось на всю область.

Уточнить и дополнить данные античных авторов можно и в этом случае с помощью китайских источников, а именно, «Цяньханьшу» (I в. до н. э. — I в. н. э.). Гибинь (= Каспирия) за «висячим переходом», несомненно, соответствует Кашмиру. Но данные о ее местоположении несколько неопределенны; возможно, что под ней иногда понималась более обширная территория, нежели позднейший Кашмир. К северо-востоку от Гибини находится подчиненное ей владение Наньду. На востоке оно граничило с Уча и через него, видимо, проходила дорога от Уча в Гибинь. Кроме того, Наньду граничило на севере с Хюсюнь, на западе с Улэй и Большим Юечжи, на юге с Жо-Цян [3, II: 177–179; 21: 103]. Некоторые исследователи, основываясь на приведенных данных, помещали Наньду в Гилгит и считали, что в пределах этой области находился и сам «висячий переход», под которым имелись в виду горные проходы Гиндукуша, связанные с долинами Хунзы и Ясина [23: 69; 13, с. 53]. Такой локализации соответствуют тесная связь Наньду с Гибинью и соседство Наньду на юге с Жо-Цян, т. е. с тибетцами Балтистана.

Но другие указания источника согласуются с ней плохо. Прежде, чем перейти к рассмотрению этих других указаний, необходимо сделать одно предварительное замечание. Мы считаем, что встречающиеся в китайских источниках определения местоположения соседей той или иной страны нельзя принимать буквально и прямо переносить их на современную карту. Все эти определения основаны, по-видимому, только на путевых данных, и если, например, в источнике сказано, что к западу от такой-то страны находится такая-то область, то это значит, что от какого-либо пункта в пределах названной страны дорога к центру соседней области идет на запад. Учитывая это обстоятельство, мы и попытаемся истолковать остальные указания на соседей Наньду. Владение Наньду находилось к западу от Уча, т. е. Сарыкола. Это значит, что дорога из Сарыкола, повернув на запад, проходила по территории Наньду. В данном случае под Наньду могли понимать только Вахан.

Западнее Наньду простирались земли Большого Юечжи. Здесь с Наньду непосредственно граничили, скорее всего, Шуанми и Хюми — два владения, подвластных Большому Юечжи еще в докушанский период. Шуанми, как теперь признано, соответствует Читралу [13: 63–64], который действительно расположен западнее Гилгита. Хюми отождествлено, тоже убедительно, с Ваханом. На первый взгляд, это положение противоречит возможности включения Вахана в состав Наньду. Но в более поздних китайских источниках, когда Хуми действительно полностью соответствовало Вахану, столицей Хуми назван Сайгашень (Ишкашим) [13: 125–126]. Сикашим (Ишкашим) является столицей Вахана и по данным «Худуд ал-Алам». Следовательно, Хюми, или Хуми — это владение, состоявшее из Вахана и Ишкашима, причем центр его находился в последнем. В древнее же время, о котором у нас идет речь, Хюми, возможно, вообще огра-

ничивалось областью Ишкашима. Между Ишкашимом и Ваханом стоит древняя крепость Ямчун, существовавшая уже в кушанский период [1: 130]. Может быть, она и отмечала границу между Хюми как частью Большого Юечжи и Наньду.

Труднее объяснить указание на Хюсюнь как на северного соседа Наньду. Тем не менее, мы уверены, что и это указание не является ошибкой (ср. [13: 53]). Выше мы уже говорили, что Хюсюнь — комеды расселились вверх по Пянджу. Возможно, что они достигали на юге Шугнана и Ишкашима и проникли здесь во владения Большого Юечжи. В этих местах они соприкасались с Наньду. А дорога к центру Хюсюнь, в Алайскую долину, действительно шла отсюда прямо на север.

Наконец, западным соседом Наньду названо владение Улэй, хотя, если ориентироваться по современной карте, оно окажется северным соседом. Это владение вполне убедительно локализовано в Аличурской долине и в долине Аксу-Мургаба [13: 54–55]. На западе оно тоже граничило с Большим Юечжи, и возможно, что границу эту отмечала группа крепостей, руины которых доныне стоят в долинах Гунта и Шахдары. Примерно в тех местах, где находилось Улэй, Птолемей помещает билтов. Судя по данным Птолемея, о которых говорилось выше, билты обитали к западу от долготной ветви Имая. Поскольку итинерарий Мая Тициана проводил долготную ветвь Имая через «Стоянку торговцев с Серой» (Ptol., 1, 12, 8; VI, 13, 1), находившуюся в районе современного Иркештама, следует думать, что Имай, упоминаемый в связи с билтами, тождествен Сарыкольскому хребту. «Владение» Улэй (Wu-lei, Bu-lui) являлось тибетским кочевым племенем, хотя Птолемей помещает своих билтов (Byltai) в стране саков и даже название их приводит в такой форме, которая свидетельствует, что оно прошло через сакскую среду, получив типично скифское оформление с частицей *-ta*.

Итак, картина, рисуемая источниками I в. до н. э. — I в. н. э., такова. Страна Каспирия-Гибинь соответствует, в основном, Кашмиру. Тесно связанная с ней область Ванда (Банда)-Наньду охватывает Гилгит с Хунзой и Ясином, а также, очевидно, Вахан с прилегающими частями Памирского плато. Удивительно совпадение данных разных источников о соседях этой области. Даже несмотря на то, что Птолемей, заимствуя эти данные из новых итинериариев, довольно грубо приспособил их к старой картографической схеме Эратосфена, все же соответствие его указаний аналогичным данным китайских источников ясно видно: Каспирия-Гибинь — к югу от области Ванда(Банда)-Наньду, комеды-Хюсюнь — к северу и западу, наконец, билты-Улэй — фактически к северу.

Для выяснения исторических судеб населения рассматриваемого региона очень важными оказываются материалы, полученные в результате археологических работ, проведенных на Восточном Памире под руководством А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского. Мы имеем в виду курганы и другие памятники VII–I вв. до н. э., зафиксированные и изученные в долинах рек Мургаб-Аксу, Аличур, Памир, в районе озера Рангкуль. Основная масса их датируется V–III вв. до н. э. Наиболее поздние относятся ко II–I вв. до н. э. и, видимо, сосредоточены в восточной и южной частях ареала их прежнего распространения (11: 29). Материальная культура населения, оставившего эти памятники, имеет сакский

облик. Но антропологические данные свидетельствуют о резком отличии этого населения от саков. Саки, как и современное население Западного Памира, является в основном представителями антропологического типа Среднеазиатского междуречья. Люди Восточного Памира указанного времени принадлежали к совсем иному типу — древнему восточносредиземноморскому. Поэтому антропологи единодушно утверждают, что эти люди генетически не связаны с более северными сакскими племенами, а связи их направлены на юго-запад и, может быть, к Гиндукушу и Северной Индии и что они, по всей вероятности, являются потомками более древнего местного населения [4: 138, 299; 8: 82]. Действительно, хотя современное население Вахана принадлежит к иному типу, есть основания считать, что по крайней мере в последние века до н. э. в Вахане жили люди того же физического типа и той же культуры, что и современные им восточные памирцы [4: 136–138]. Палеоантропологические материалы рассматриваемого времени из более южных областей неизвестны, но современное их население, в частности кашмирцы и буришки Хунзы и Ясина — последних мы считаем прямыми потомками древних каспиев, — являются представителями индо-афганского антропологического типа — современной разновидности типа, присущего древним восточным памирцам. Очевидно, данные антропологии совпадают с теми заключениями относительно каспиев, или каспиров, которые мы изложили выше.

Попробуем теперь обобщить то, что здесь было сказано о каспиях. В VI–III вв. до н. э. каспии, или каспиры, занимали еще весь Гиндукушско-Гималайский горный регион, очерченный выше. Население Восточного Памира в это время представляло собой лишь крайнюю северо-восточную часть обширного массива каспирских племен. Возможно, что где-то в долине Мургаба эти племена непосредственно соприкасались с амиргийскими саками. Передвижение амиргиев во II в. до н. э. задело только западные и южные части указанного региона, заселенного каспирами. Восточный Памир, как уже говорилось, остался в стороне от него. Здесь сокращение территории каспиров произошло по другой причине — под давлением тибетцев. Билты, одно из тибетских племен, заселивших во II–I вв. до н. э. северо-западные предгорья Куньлуня, проникло на Памирское плато, может быть, с северо-востока и оттеснило памирских каспиров на крайний восток и юг их прежней территории. Видимо, еще и в I в. до н. э. это тибетское племя занимало часть долины Гездарьи, к югу от области расселения Гюаньду. К I в. до н. э. Каспирией именовался в основном уже только Кашмир. Более северные земли каспиров вошли в состав области Ванда (Банда); память о том, что некогда она составляла единое целое с Каспирией, сохранилось в представлении о зависимости ее от Каспирии. Вместе с Ваханом она включила, видимо, и те части Памирского нагорья, которые еще оставались в руках местных каспиров. След их, наверное, еще длительного пребывания в этих местах сохранился в названии реки Каспир — одного из притоков реки Памир. Дальнейшее вытеснение памирских кочевников, мы думаем, связано с расширением владений Большого Юечжи. Как отметил А. Н. Бернштам, наличие крепостей на Западном Памире свидетельствует о существовании там земледельческих оазисов и об активной обороне их от восточнопамирских кочевников [2: 285].

Если эти крепости охраняли границы владений Большого Юечжи в докушанский период, то перенос границ дальше на восток, вплоть до Цунлина, т. е. Сарыкола (когда Вима Кадфиз около середины I в. н. э. завоевал вместе с Каспирией (= Гибинь), видимо, и связанную с ней область Ванда (Банда)), означал и дальнейшее наступление на восточнопамирских кочевников. В конце концов, в IV–VI вв. Вахан вместе с соседними областями, возможно, был заселен оседлыми земледельцами, вышедшими из Хотанского оазиса (ср. [13: 130–131]).

Предложенная здесь реконструкция исторических судеб отдельных сакских племен является, конечно, гипотетическим построением, которое, полностью или частично, будет подтверждено или отвергнуто в ходе дальнейших исследований. Многое в этом отношении зависит от привлечения новых материалов. Важное значение, например, имеет исследование топонимики тех мест, где некогда обитали саки и каспии. Ряд ключевых моментов в истории саков и каспиев станут более ясными после детального археологического изучения Кашмира и Гилгита, Бадахшана, областей Кашгара и Хотана.

Библиография

1. *Бабаев А. Д.* Крепости древнего Вахана. Душанбе, 1973.
2. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА, № 26).
3. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II., М.; Л., 1950.
4. *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972.
5. *Гинзбург В. В., Трофимова В. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
6. *Грантовский Э. А.* Из истории восточноиранских племен на границах Индии // КСИНА. 61. 1963.
7. *Грантовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. II.
8. *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб., 1871.
9. *Кияткина Т. П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана, Душанбе, 1976.
10. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
11. *Литвинский Б. А.* Saka Haumavarga в свете советских археологических исследований // Festschrift für Franz Altheim zum 6.10.1968. B., 1969.
12. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
13. *Мазетти К.* Вопросы лидийской хронологии // ВДИ. 1978. № 2.
14. *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.
15. *Пьянков И. В.* «Саки» (Содержание понятия) // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР, 3(53), 1968.
16. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
17. *Ранов В. А.* Археологическое изучение Памира // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1981.
18. *Соколова В. С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.

19. *Haussig H.W.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios // ZDMG. 1959. Bd 109. Hft. 1.
20. *Herrmann.* Sakai. — RE 2 R., Bd I, 1920.
21. *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz., 1938.
22. *Hulsewe A. F. P., Loewe M. A. N.* China in Central Asia. The early stage: 125 B. C — A. D. 23. Leiden, 1979.
23. *Kiessling.* Homodoti // RE. Bd VIII. 1913.
24. *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
25. *Markwart J.* Die Sogdiana des Polemaios // Orientalia. 1946. Vol. XV.
26. *Markwart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran, Hft, 2. Lpz., 1905.
27. *Minorsky V.* Ḥudud al-'Ālam, The regions of the world. A persian geography 372 A.H. — 982 A. D. L., 1937.
28. *Pulleyblank E. G.* The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chich migration // BSOAS. 1970. Vol. XXXIII, pt. 1.
29. *Ronca I.* Ptolemaios. Geographie 6, 9–21. Ostiran und Zentralasian. Rom, 1979. T. I.
30. *Thomas F. W.* Sakastana // JRAS. 1906. Vol. XXXVIII.

8. РУСТАМ – ГЕРОЙ «КНИГИ ЦАРЕЙ»: СКАЗКА ИЛИ БЫЛЬ?*

Известно, что Рустам — самый популярный герой знаменитой поэмы «Шахнаме», а вместе с тем, и любимейший персонаж самого автора поэмы, Абуальказема Фирдоуси. Ему поэт посвящает в общей сложности около трети объема своего произведения. Да популярность этого образа и не ограничивается персидско-таджикским эпосом — вспомним хотя бы грузинского «Витязя в тигровой шкуре» или русского «Еруслана Лазаревича». Рустам у Фирдоуси — идеал древнеиранского рыцаря: могучий, непобедимый и безрассудно отважный, он постоянно воюет, защищая Иран от всяческих врагов и напастей, от дивов и туранцев. И все эти подвиги он совершает на протяжении неправдоподобно длительного времени, охватывающего период легендарной истории Ирана от царя Манучихра до царя Бахмана. Все сказания о Рустаме можно объединить вместе под условным названием «Рустамиада». А если присоединить к ним сказания о Саме и Зале — деде и отце Рустама, о Сухрабе — сыне Рустама, то можно говорить о «Систанском цикле сказаний». Ведь Рустам и его род предстают в эпосе как наследственные князья Систана, Забула и Кабула, т. е. областей к югу от Гиндукуша до озера Хамун, являясь в то же время вассалами царей Ирана.

Как оценить увлекательные и поражающие воображение рассказы о деяниях Рустама с точки зрения историка? Что это — только лишь плод поэтического воображения или, пусть хоть в какой-то мере, также и отражение исторических реалий? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить историю сложения «Рустамиады» и всего «Систанского цикла сказаний».

В науке к настоящему времени существует два мнения относительно происхождения данных сказаний. Согласно одному из них, все они принадлежат древнейшему местному населению Дрангианы и Арахосии — так в древности называли Систан. Согласно другому, древнейшему местному населению принадлежали лишь сказания о Саме, а сказания о Рустаме, его отце и сыне были принесены саками. Второе мнение кажется более убедительным и соответствующим фактам, особенно в свете последних изысканий. Не случайно сам Рустам носил прозвище «сагзи», т. е. «сак». Саки во II в. до н. э. из степей и гор восточной части Средней Азии широким потоком хлынули в Индию и Восточный Иран. В последнем они создали на территории древней Дрангианы отдельное владение, которое получило название Сакастан (отсюда и позднейшее — Систан).

*Рустам — герой «Книги царей» // Памир, 1992, № 7–8. С. 136–145. [Версия этой работы на английском языке: *Pyankov I. V.* Scythian Genealogical Legend in «Rustamiada» // Ērān ud Anērān. Venezia, 2006. P. 505–511.]

К I в. н. э. в Сакастане утвердился у власти местный род Суренов, который встал в вассальную зависимость от парфянских царей из династии Аршакидов. В среде Суренов, как полагают, и формировался «Систанский (Сакастанский) цикл сказаний». Этот цикл очень скоро получил в Иране общее признание: считается, что еще парфянские госаны, сказители-певцы, воспевали на пирах знати подвиги сакастанского витязя. Распространение собственного имени «Рустам» в последние века перед исламом свидетельствует, что сказания эти становились все популярнее. К VII–VIII вв. н. э. предание о Рустаме уже было известно согдийцам: об этом свидетельствуют и согдийские тексты, и настенные росписи. Популярность сказаний не уменьшилась и после арабского завоевания.

Сложнее вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах сказания «Систанского цикла» были соединены с основной канвой иранского эпоса — преданиями о Пешдадидах и Каянидах. Предположение о том, что это могло произойти еще во времена Аршакидов, кажется маловероятным. «Каянидский эпический цикл» тесно связан с Авестой и зороастризмом исторически. На Рустама же, Заля и Сухраба в Авесте нет ни малейшего намека, только Сам (точнее, его род, но состоящий совсем из других лиц) упомянут в ней. Более того, сказания, воспевающие воинские подвиги сака Рустама, были явно чужды мобедам, зороастрийскому духовенству, являющемуся главным хранителем «Каянидского цикла». Отзвуки этой отчужденности и даже враждебности зороастризма к Рустаму можно найти еще и в поэме Фирдоуси. Поэтому более вероятно, что прошло немало времени, прежде чем «Систанский цикл» вошел в общий эпический свод. Скорее всего, это случилось тогда, когда при Сасанидах, сначала при Хусраве I (VI в. н. э.), а затем при Яздегирде III (VII в. н. э.), с помощью дехкана Данишвара была оформлена светская «история» Ирана в виде первой «Книги царей» («Худайнаме»). Дехканам, военному сословию, своего рода «дворянству» того времени, сказания о Рустаме были гораздо ближе по духу. Не случайно и позднее инициаторами работы над «Книгой царей» выступали дехканы. Таковым был известный Абу Мансур, который организовал в X в. н. э. воссоздание текста древней, доисламской, «истории» Ирана на фарси в виде прозаической «Шахнаме». Из дехканского рода происходил и сам Фирдоуси, великая поэма которого, завершенная уже в начале XII в. н. э., являлась стихотворной версией той же «Шахнаме».

Хотя предшественники поэмы Фирдоуси и не дошли до нас в своем первоначальном виде, по ряду косвенных данных можно наблюдать, как развивались и расширялись в них темы, связанные с Рустамом. Сначала, видимо, сказания «Сакастанского цикла» были соединены с местным циклом сказаний о героях из рода Сама, при этом кое-где Рустам, похоже, потеснил последних. Внешне такое соединение выразилось в том, что Сам стал дедом Рустама. Затем с именем Рустама были связаны сюжеты, разбросанные по всем царствованиям легендарной части «Книги царей», составлявшим хронологическую основу эпической истории Ирана. Так Рустам стал современником чуть ли не всех легендарных иранских царей. Но и сами сюжеты «Рустамиады» постоянно пополнялись, развивались и расширялись. Рассказы о деяниях Рустама в «Худайнаме» определенно не были такими красочными и пространными, какими мы находим их

в «Шахнаме» Фирдоуси. Большую роль в пополнении «Рустамиады», несомненно, сыграл зороастриец Яздандад из Систана, входивший в число тех, кто по инициативе упомянутого Абу Мансура воссоздавал прозаическую «Шахнаме». Да и сам Фирдоуси, перелагавший ее в стихи, внес немалый вклад в «Рустамиаду». Считается, например, что знаменитое «Сказание о Рустаме и Сухрабе» введено в сюжет поэмы самим Фирдоуси, да и «Сказание о семи стоянках Рустама», возможно, не было оформлено сюжетно в таком виде до Фирдоуси. Все это нужно учитывать, чтобы понять, что эпический образ Рустама на протяжении веков претерпел сильные изменения, и тот Рустам, которого мы знаем по поэме Фирдоуси, мог весьма значительно отличаться от своего прототипа.

И все же древние истоки «Рустамиады» прослеживаются в «Шахнаме» вполне отчетливо. Некоторые ученые пытались даже установить исторический прообраз самого Рустама. Согласно одному предположению — и довольно убедительному — таким прообразом является Сурена, победитель Красса в знаменитой битве при Каррах (53 г. до н. э.). Красс, один из самых влиятельных и богатых граждан Рима, подавивший в свое время восстание Спартака, поставил своей целью завоевать весь Восток вплоть до Бактрии и Индии. Но в месопотамских песках близ города Карры он потерпел сокрушительное поражение от парфян и погиб сам. Это была первая серьезная военная неудача римлян на Востоке, и она-то, собственно, и поставила навсегда заслон для дальнейшего продвижения римлян в глубины Азии. Древнегреческий писатель Плутарх характеризует Сурену, победителя, как выдающегося во всех отношениях человека: «...по богатству, знатности рода и славе он занимал второе место после царя, мужеством же и талантом превосходил среди парфян всех своих современников; к тому же никто не мог сравняться с ним ни ростом, ни красотою». Надо сказать, что Плутарх нигде не приводит личного имени Сурены, видимо, принимая за таковое его родовое имя; на самом же деле, как уже говорилось, «Сурена» — это родовое имя сакастанских владетелей. А имя «Рустам», в древнейших текстах звучащее как «Родастахм», в буквальном смысле значит: «Силу в росте имеющий». Физическая мощь, небывало громадный рост и красота телосложения Рустама не раз подчеркиваются в «Шахнаме». Сурены как вторые лица в Парфянской державе обладали правом возлагать на царя корону при вступлении его на престол. И Рустам в поэме назван «дарителем венцов» — подразумевается «венчающий на царство». Сурена как-то вернул царю Ороду престол, да и впоследствии парфянские цари в борьбе за власть опирались на саков. И Рустам подводит к престолу или возвращает к нему законных иранских владык. Сурена отважно первым взошел на стену великого города Селевкии и собственноручно обратил в бегство противников. И Рустам обладает безоглядной и всесокрушающей отвагой, которая внушает ужас врагам. Сурена был умерщвлен парфянским царем из зависти к его славе. И Рустам в конце концов погиб из-за коварства царя.

Согласно другой гипотезе, прообразом Рустама был Гундофар, тоже могущественный сакастанский владетель, но живший несколько позднее. Он правил также и частью Северо-Западной Индии. Но о нем известно меньше, чем о Сурене, победителе Красса. Правда, помимо надписей и монет Гундофар фигурирует также в христианской традиции: его посетил апостол Фома в 29 г. н. э. И в изве-

стиях об этом властителе находят моменты, сближающие его с Рустамом.

Как видим, нельзя отрицать, что в образе эпического Рустама воплотились некоторые черты исторических лиц — представителей правящего сакастанского рода I в. до н. э. — I века н. э. Но содержание образа этими чертами не исчерпывается. Анализ текста поэмы показывает, что глубоко в основе образа Рустама проступают контуры каких-то совсем иных фигур и иных исторических условий, далеко отстоящих от сакастанской истории рубежа нашей эры, — фигур значительно более древних и условий гораздо более архаичных. Не случайно такой знаток иранского эпоса, как Э. Яршатер, считает, что «происхождение легенд о Рустаме нужно искать не в исторических событиях времени Гундофара, но в более отдаленном прошлом сакского народа». К сожалению, древнейшая история саков и их эпос известны очень мало.

Однако недостаток знаний о древних сакских преданиях можно восполнить из других источников, которые, на первый взгляд, вроде бы не имеют к сакам никакого отношения. В этом плане привлекают внимание древнегреческие сказания о герое Геракле. Действительно, сходство между Рустамом и Гераклом — тоже могучим и непобедимым витязем, прославившимся, как и Рустам, целой серией подвигов, — бросается в глаза. Известный иранист Р. Фрай считает, например, что греческие сказания о Геракле повлияли еще на парфянских госанов, певших о Рустаме. И это совсем не исключено. Но можно ведь поставить вопрос и иначе: а не повлияли ли на формирование образа самого Геракла сказания о каком-то иранском герое, родственном Рустаму? А такой вопрос сразу же заставляет обратить внимание на греческие рассказы о так называемом «скифском Геракле». У древних греков существовал целый цикл мифов, содержание которых было заимствовано в основном у скифов, где героем выступал некий прародитель скифов, называемый скифами, конечно, как-то по-своему, но грекам казавшийся настолько похожим на их собственного Геракла, что они обычно так и называли его. Скифы Причерноморья и саки — два близродственных народа или даже части одного народа; во всяком случае, соседи иногда называли их всех, без различия, то скифами, то саками. И сейчас еще язык осетин — потомков скифов и языки памирцев — потомков саков близки друг к другу, несмотря на географическую удаленность, и входят в одну группу иранских языков. Поэтому есть все основания обратиться к рассказам о «скифском Геракле» для расшифровки древней основы образа Рустама.

Рассказы о «скифском Геракле», отдельные сообщения о нем и намеки можно найти у многих античных авторов, но наиболее полную версию легенды о «скифском Геракле» дал Геродот (V в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий историк, заслуженно получивший прозвище «отца истории». А рассказ Геродота дополняется сведениями других авторов. Итак, Геродот повествует: однажды Геракл, гоня перед собой добытых им быков, прибыл в пустынную страну у берегов Понта (т. е. Черного моря), которую впоследствии заселили скифы; разыгралась вьюга, стало холодно, и Геракл, завернувшись в львиную шкуру, лег спать, а коней своих оставил на пастбище; но кони каким-то чудесным образом исчезли, и, проснувшись, Геракл отправился на поиски их; в лесистой местности, в пещере он нашел удивительное существо — деву, нижняя часть тела которой

была змеиной; дева-эхидна, заявившая о себе как о хозяйке пустынной страны, пообещала вернуть коней, но с условием, что Геракл вступит с ней в любовную связь; Геракл согласился на такую сделку, а дева старалась как можно дольше удержать его у себя, и лишь когда узнала, что у нее будет трое сыновей от Геракла, отпустила его, возвратила лошадей и получила от будущего отца дары, предназначенные для самого достойного из сыновей; им оказался Скиф, потомки которого и заселили пустынную прежде страну.

Геродот называет эту легенду эллинской, но на самом деле она является лишь эллинской обработкой местного скифского предания. Предание это давно уже привлекает внимание ученых, и они убедительно определили его как один из вариантов скифской генеалогической легенды, т. е. легенды объясняющей происхождение скифов. Геракл в ней, а точнее, тот скифский герой, который скрывался под этим именем, выступает как прародитель скифов, а прародительницей является мифическое существо, порождение Земли и Воды, характеризующееся обычно как дочь главной реки того народа, о происхождении которого рассказывает легенда.

Можно ли найти в древнейших слоях «Рустамиады» подобные сюжеты? Да, можно! И мы попытаемся сейчас показать это. Правда, нужно учитывать, что первоначальный генеалогический смысл мифа был давно уже забыт не только ко времени Фирдоуси, но даже и ко времени его источников. Рустам, конечно, не мог выступать в эпосе как прародитель саков, да и о самих саках забыли, а кроме того, миф к тому времени стал восприниматься просто как сказка, он был переработан в соответствий с новым мировоззрением и приспособлен к общей сюжетной линии поэмы. И все же приходится только удивляться, с какой бережностью в поэме Фирдоуси сохранены отдельные детали древнего мифа, позволяющие безошибочно угадать его присутствие в составе «Рустамиады». В ней прослеживаются два сюжета, сохранивших отголоски скифской (или сакской) генеалогической легенды.

В одном из них еще явственно проступает первобытная непосредственность, архаичность мифа. Это — рассказ о битве Рустама с драконом. В поэме Фирдоуси он включен в сказание о «семи стоянках» Рустама, или семи подвигах его, совершенных на пути в Мазандаран. Вот мчится Рустам на своем верном коне Рахше, — повествует поэт, — и видит впереди стадо онагров. Он преследует стадо, ловит одного из онагров, устраивает себе пир и ложится спать в чаще. Здесь, правда, вместо быков мы видим онагров, но начало вполне подходящее, чтобы продолжать повествование об основном приключении героя в духе Геродота. Однако Фирдоуси прерывает его, вводя два дополнительных эпизода. Во-первых, это победа над лютым львом, — теперь понятно, откуда у скифского героя львиная шкура. Во-вторых, обнаружение источника: к Рустаму, изнемогающему в знойной пустыне, является чудесная косуля и выводит его к живительной влаге ручья. Здесь использован вариантный миф о прародителе: чудесная златорогая лань приводит прародителя к реке, к месту будущего обитания его народа. То, что и этот сюжет был известен скифам, показывает включение его в цикл сказаний о Скифском Геракле: согласно одной из версий, рассказанной уже не Геродотом, а другими авторами, Геракл в погоне за знаменитой Кериней-

ской ланью посетил и Скифию. Вообще, судя по данным античных авторов, предание о златорогой лани было широко распространено в генеалогических легендах разных скифских народов. Учитывая позднюю трансформацию мифа, можно понять также, почему страна, в которую попал Рустам, — не просто безлюдное место, а настоящая песчаная пустыня, где герой страдает не от холода, а от зноя и безводья.

Описав эти два эпизода, Фирдоуси как бы возвращается к прежнему сюжету. Рустам, насытившись мясом онагра и укрывшись своей боевой одеждой из шкур, засыпает у ручья. Ночью перед Рахшем трижды появляется страшный дракон, издавна обитавший здесь в зарослях. Дважды он исчезал, тревожа коня, но на третий раз ему пришлось принять бой с Рустамом. И дракон во время боя тоже заявляет о себе как о хозяине всей пустыни. Основные моменты похищения коней Геракла девой-змеей в этом рассказе сохранены: дракон в нем явно покушается именно на Рахша и так же потом исчезает. Сохранена даже такая деталь, как львиная шкура, в которую укутывается Геракл, засыпая. Правда, в поэме говорится просто о «панцире из шкур (крупного кошачьего хищника)» (бабр-е бейан), но предшествующий эпизод со львом делает вероятным, что это боевое одеяние представляло собой именно шкуру льва. Связь дракона с зарослями и ручьем выдает его первоначальную сущность, однако прямых указаний на полуженскую природу дракона-змеи здесь нет, полностью отсутствует также и любовный мотив. Зато сразу же вслед за описанием битвы Рустама с драконом Фирдоуси рассказывает о попытке какой-то колдуньи соблазнить Рустама. Место приключения: полный яств дастархан — и опять-таки близ ручья под сенью деревьев. И дева-змея, как мы помним, тоже ведь пыталась удержать у себя Геракла подольше своим гостеприимством.

К счастью, есть возможность сопоставить рассказ Фирдоуси о встрече Рустама с драконом и более раннюю версию того же рассказа, запечатленную в настенной росписи древнего Пенджикента. Роспись изображает битву Рустама с драконом. В ней можно обнаружить много деталей, имеющих прямое соответствие в тексте «Шахнаме»: дракон своим змеевидным телом опутывает ноги коня, всадник вынимает меч и разит им дракона, крылатый дракон падает и заливает потоками своей крови все вокруг.

Короче говоря, и здесь изображен просто поединок героя с чудовищем, а генеалогический смысл мифа, как и у Фирдоуси, совсем забыт. Однако в росписи отмечена важная деталь: верхняя половина тела дракона, как и у геродотовой девы-змеи, — женская, и напав на коня, дракон явно пытается заключить всадника в объятия. Так что в той версии рассказа, которую имеет в виду роспись, любовный мотив не отделен еще, в противоположность версии Фирдоуси от сражения с драконом.

В другом из двух упомянутых выше сюжетов первоначальный миф полностью рационализирован и представлен в виде изящной любовной повести, вполне отвечающей самым изысканным литературным вкусам эпохи Фирдоуси. Но основная сюжетная линия этой повести остается, в сущности, той же, что и в первом случае. Это — рассказ о Рустаме и Тахмине, входящий составной частью в знаменитое сказание о Сухрабе. И здесь мы вновь находим Рустама на равнине охо-

тящимся на онагров, — но на этот раз на пути в Туран. Опять Рустам добывает онагра, пирует и засыпает у воды в зарослях, а Рахш пасется на лугу. И тут вновь упоминается рустамов «панцирь из шкур». Но коня похищают на этот раз, в соответствии с общей рационализацией сюжета, туранцы. Рустам, отправляется на поиски коня. Следы Рахша приводят Рустама к Семенгану. Это вполне реальный город, хорошо известный в Средние века, расположенный в долине реки Хульма к югу от Амударьи. Рустама встречает царь Семенгана со свитой, витязь требует вернуть пропавшего коня, грозит, но царь говорит с ним почтительно, называет его владыкой и устраивает в его честь пышное пиршество. Ночью к Рустаму приходит Тахмина, дочь царя; она пылает страстью к витязю, обещает вернуть Рахша и признается Рустаму, что хотела бы иметь от него сына. Рустам вступает в брак с Тахминой, передает ей амулет для потомка и, получив Рахша, покидает ее.

Как видим, сюжет здесь во всех основных пунктах — тот же, что и в скифской легенде. Но ничего сказочного, сверхъестественного рассказ не содержит. В прекрасной Тахмине не осталось и следа от первобытного чудовища, да и вообще все детали и обстановка в рассказе — вполне реальны. Правда, в нем появляется вроде бы новый персонаж — отец супруги Рустама, царь Семенгана. Но и для него находится соответствие в цикле сказаний о Скифском Геракле: согласно одной из версий скифской легенды, не использованной Геродотом, Геракл, явившись в Скифию, победил Аракса перед тем, как вступил в связь с его дочерью Эхидной. Аракс здесь — божество, персонификация одноименной реки, в некоторых версиях скифской легенды выступающей как река прародины скифов. Надо сказать, что рассказ о Рустаме и Тахмине, в отличие от рассказа о борьбе Рустама с драконом, сохранил еще в какой-то мере первоначальный генеалогический смысл мифа: у Тахмины ведь рождается Сухраб, сын Рустама. И любопытно, что в рассказе Фирдоуси еще сохраняются некоторые детали, обусловленные этим смыслом, хотя содержание мифа было уже изменено. В скифской генеалогической легенде у прародительницы рождается три сына, и каждому из них прародителем предназначен один из трех даров; сами дары в разных версиях легенды описываются по-разному, но они обязательно должны быть золотыми. В рассказе Фирдоуси у Тахмины рождается один сын, Сухраб, но Рустам тем не менее посылает ему в дар три кошелька с золотом.

Скифская генеалогическая легенда находит и ряд других соответствий в сказаниях Систанского эпического цикла. Так, согласно легенде, прародитель скифов производит трех сыновей, которые в одних вариантах легенды считаются родоначальниками трех народов, в других — предками трех сословий, или, как их еще называют, трех «каст». Каждой касте был присущ свой цвет: жреческой — белый, военной — красный. Известен вариант легенды, тоже не отраженный в рассказе Геродота, но дополняющий его, в котором основоположник жреческой касты характеризуется как пожилой человек с белыми от рождении волосами, а основоположнику военной касты приписана эмблема в виде трех огней, похожих на лучи сверкающей молнии. Все эти моменты скифской легенды убедительно проанализированы Э. А. Грантовским. Как мы видели, рассказ о Рустаме и Тахмине содержит намек на то, что первоначально в нем шла речь о трех сыновьях Рустама. Хотя этот мотив — три сына и наследника прародителя — в си-

станском цикле почти совсем изжит, он все же оставил очень показательные следы. Один из таких следов — странное, на первый взгляд, имя отца Рустама, Заль-Зар («Седой Старик»), и предание о рождении его седым. Другой след — имя сына Рустама, Сухраб (или Сурхаб, «Обладающий Красным Блеском»).

Итак, образ Рустама в «Шахнаме» Фирдоуси хотя и вобрал в себя черты некоторых исторических лиц — представителей сакастанского правящего рода Суренов, основой своей уходит в глубины скифской (сакской) истории и мифологии. Там он предстает как прародитель скифов (саков), сочетающийся с речным божеством, которое производит ему потомство и позволяет его коням пастись на своих лугах. И надо сказать, далекие предки скифов, скотоводы и коневоды, осваивавшие необъятные просторы евразийской полосы степей, создавая подобный миф, были не так уж далеки от реальности: ведь воды степных рек и богатые травой луга действительно давали жизнь и их потомству, и их табунам.

Заметим еще, что скифский генеалогический миф — лишь вариант такого же общеиранского и даже общеиндоиранского мифа. Разные образцы его можно найти и в «Шахнаме» (сказание о Фаридуне и его сыновьях), и в «Авесте», и в «Риг-веде».

ЧАСТЬ 4. РЕЦЕНЗИИ

В данный раздел вошел рад больших рецензий, опубликованных автором в последние годы. Они в значительной степени являются самостоятельными исследовательскими работами, в которых автор обосновывает выдвинутые им концепции в полемике с коллегами. В таком качестве они являются существенным дополнением к предшествующим главам настоящей работы.

1. АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О СРЕДНЕЙ АЗИИ И СКИФИИ (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена)*

Предмет настоящего обзора — четыре работы Дж. Р. Гардинер-Гардена (J. R Gardiner-Garden) (Университет Калифорнии, Беркли): I. Herodotos' contemporaries on Skythian geography and ethnography; II. Ktesias on early Central Asian history and ethnography; III. Greek conceptions on Inner Asian geography and ethnography from Ephoros to Eratosthenes; IV. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians[1]. Все

* Впервые опубликовано: Античные авторы о Средней Азии и Скифии. (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинера-Гардена) // Вестник древней истории. М.: Наука. 1994. № 4. С. 191–207.

они изданы в Блумингтоне (Bloomington), штат Индиана, в 1987 г. Все названные работы представляют собой небольшие монографии (37, 39, 57 и 60 с. соответственно), входящие в серию «Papers on Inner Asia» (субсерия Ancient Inner Asia), издаваемую Исследовательским институтом по изучению Внутренней Азии Университета Индианы (издатель — Y. Bregel).

Все четыре работы анализируют сведения античных авторов, прямо относящиеся к территории среднеазиатских государств, до недавнего времени входивших в Советский Союз, и касающиеся весьма важных исторических событий, всегда привлекавших внимание ученых. Дж. Р. Гардинер-Гарден обобщает то, что уже сделано в науке по затрагиваемым им вопросам, обнаруживая неплохое знание также и литературы на русском языке, и делает собственные заключения, основанные на обширном фактическом материале и в большинстве случаев достаточно убедительные.

Изложение Дж. Р. Гардинер-Гарден ведет, переходя от одного древнего автора к другому, в хронологической последовательности (в тех случаях, когда монография посвящена не одному автору). Начиная каждый раздел с биографических сведений об авторе и данных о его сочинениях и их источниках, подробно останавливается на отдельных сообщениях, имеющих прямое отношение к Средней Азии и Скифии, учитывая и здесь как собственно источниковедческий аспект, так и реальное, историческое их содержание.

Рассмотрим отдельные положения обозреваемых работ, уделяя особое внимание тем вопросам, которые, как нам кажется, содержат спорные моменты.

I. Первая из названных выше работ посвящена современникам Геродота, писавшим на скифские темы. Это Гелланик, Дамаст и Гиппократ. Свой выбор Дж. Р. Гардинер-Гарден справедливо обосновывает тем, что сведения указанных древних авторов, которым не всегда уделялось должное внимание, помогают нам рассмотреть данные Геродота в перспективе и вместе с тем лучше понять некоторые связаныные с ними источниковедческие проблемы (I, с. 1).

В этой работе затронут интересный и сложный вопрос о соотношении сведений Гелланика и Геродота. Дж. Р. Гардинер-Гарден, рассматривая разные указания древних текстов и мнения современных ученых, одни из которых считают Геродота более ранним автором и источником Гелланика, другие, наоборот, приоритет отдают Гелланику, справедливо в общем полагает, что Гелланик не обязательно должен был писать все свои многочисленные работы после появления «Истории» Геродота, и склоняется к тому, чтобы признать сведения Гелланика независимыми от Геродота, обещая показать это на примере сообщений Гелланика об отдельных скифских народах (I, с. 3). Вопрос этот действительно спорен и трудно разрешим, но нужно заметить, что в целом ряде случаев сообщения Гелланика, касающиеся как скифских дел, так и других (например, персидских), являют собой как бы дальнейшее развитие и расширение тем, затронутых также и Геродотом. Конечно, Гелланик мог положить в основу своих модификаций и сведения других авторов, писавших на те же темы, что и Геродот. И все

[1] Далее см. ссылки под соответствующими номерами — I–IV.

же, по крайней мере в некоторых случаях, заимствование Геллаником у Геродота, мне кажется, не исключено.

Все это можно проиллюстрировать на примере первого же «скифского» сообщения, приведенного Дж. Р. Гардинером-Гарденом в разделе о Гелланике (I, с. 3–4). Имеются в виду слова Страбона (XI. 6.2) о том, что «еще более древние авторы» называли племена, жившие «над Эвксином, Истром и Адрием, гипербореями, савроматами и аримаспами». Далее Страбон (XI. 6.3) перечисляет этих «еще более древних авторов», среди которых в данном контексте могут быть приняты во внимание лишь Геродот и Гелланик. Дж. Р. Гардинер-Гарден вслед за Ф. Якоби правильно возводит данное сообщение Страбона к Гелланику (фр. 185). Оно дополняется другим фрагментом сочинения Гелланика (фр. 187 b, c), согласно которому гипербореи живут за Рипейскими горами. Ясно, что здесь мы имеем дело с выдержками из какого-то общего описания северных племён, содержавшегося в одном из сочинений Гелланика. Но это же описание определенно лежит в основе целого блока античных сообщений, в которых, правда, отсутствуют прямые ссылки на Гелланика. Такие сообщения обнаруживаются в значительно более поздних, преимущественно латинских, сочинениях, и наиболее содержательные из них можно найти в сочинениях Плиния Старшего (IV. 88–89; VII. 10) и Помпония Мелы (II. 1–2).

Обобщив все эти разрозненные сведения, можно реконструировать описание северных племен приблизительно следующим образом: на крайнем севере земли тянутся Рипейскис горы; между ними и Океаном живут гипербореи; с Рипейских гор ниспадает Танаис, текущий в Меотиду, он разделяет Европу и Азию; к Рипейским горам примыкает снежная страна, где дует Борей (Аквилон — у латинских авторов); где-то здесь же расположена необитаемая страна, в которой грифы стерегут золото; рядом со страной грифов живут аримаспы, которые похищают у грифов золото; ниже аримаспов — исседоны, а ниже последних савроматы, обитающие между Танаисом и Биком — реками, впадающими в Меотиду; все эти народы живут в Европе, т. е. по правую сторону от Танаиса.

В рассказе Плиния на эту тему (VII. 10) содержится прямая ссылка на Аристея Проконнесского и Геродота. Возможно, что она имелась уже и в сочинении Гелланика — так же как ссылка на Геродота в цитированном сообщении Страбона (XI. 6.2), стоящая рядом со ссылкой на Гелланика, тоже могла быть дана Страбоном через посредство последнего. То, что основа реконструированного описания северных племён восходит к Аристею, несомненно. Аристей говорил о народах, обитавших «выше» один другого: о скифах, исседонах, аримаспах у Рипейских гор, о гипербореях за горами до «другого моря». Но эта основа была приспособлена к географическим представлениям, современным Гелланику, и туг уже немалую роль сыграли данные Геродота. Весь указанный ряд северных народов всегда представляли себе находящимся в Европе; так считал и Геродот (III. 116). Но в то время как для Аристея границей материков, в соответствии с древнейшими географическими представлениями, был Фасис, для Гелланика таковым был Танаис. Поэтому весь ряд народов он поместил к западу от Танаиса и к северу от Эвксинского Понта. «Другое море» превратилось в Океан (но

это уже не от Геродота). Гиперборei были соотнесены с истоками Истра под влиянием данных Пиндара (01. III. 13–16), с Адриатическим морем — под влиянием данных Геродота (IV. 33). Да и на описание гипербореев у Гелланика повлияли сведения Геродота об аргиппеях (ср. IV. 23). Так что о влиянии Геродота на Гелланика даже на примере одного рассмотренного здесь фрагмента, мне кажется, вполне можно говорить.

Другое дело — савроматы, первый из указанного ряда народов. Я думаю, что Гелланик, представляя Аристеевых скифов по образцу Геродотовых царских скифов, обитавших между Борисфеном и Танаисом, сознательно заменил скифов на савроматов (след прямого противопоставления царских скифов, живущих у вод Герра, и савроматов, «живущих вокруг озера Бика», сохранился, как кажется, у Валерия Флакка — VI. 65–69). Здесь Гелланик, возражая Геродоту, опирался, видимо, на новейшие данные, полученные им из первых рук от своих современников. Это очень интересное сообщение, впервые в античной литературе фиксирующее смену скифов савроматами «в Европе», к западу от Танаиса и к северу от Меотиды, в конце V в. до н. э., до сих пор оставалось незамеченным в научной литературе, том числе и Дж. Р. Гардинером-Гарденом, который далее вообще-то уделяет большое внимание указанному событию.

В том же плане рассматривается Дж. Р. Гардинером-Гарденом другое «скифское» сообщение: описание массагетов Страбона (XI. 8.6). Ссылаясь лишь на работу В. Али, Дж. Р. Гардинер-Гарден возражает ему, не считая возможным поддержать предположение о заимствовании описания у Гекатея или Гелланика, и полагает, что в этом описании Страбон следовал Геродоту, дополнив его некоторыми деталями, взятыми у историков Александра (I, с. 4). Античные сведения о массагетах давно уже привлекали внимание ученых (Ф. Якоби, А. Херрман, Ю. Юнге, С. П. Толстов и др.), которые обычно считали, что все они, и у Геродота, и у Страбона, восходят к Гекатею Милетскому, причем Страбон передает данные Гекатея будто бы даже точнее, чем Геродот. Рассматривал сведения о массагетах и их истолкование названными выше учеными также и я в одной из своих работ[1] и пришел к следующим выводам относительно упомянутого описания массагетов у Страбона: Страбон здесь действительно независим от Гекатея и следует почти целиком Геродоту, кое в чем даже искажая его рассказ и в то же время дополняя некоторыми новыми деталями, восходящими, может быть, к Эвдоксу Родосскому и относящимися к эллинистической эпохе; но Страбон, видимо, знал о «массагетском» рассказе Геродота также через посредство опять-таки Гелланика (ср. XI. 6, 2–3)[2].

Следующее «скифское» сообщение, на которое обращает внимание Дж. Р. Гардинер-Гарден, — это слова Страбона (XII. 3. 21) о скифских народах — алазонах, живущих «выше Борисфена», каллипидах «и других». И здесь снова Сграбон ссылается на Гелланика (фр. 186), ставя его имя рядом с именем Геродота. Дж. Р. Гардинер-Гарден отмечает, что хотя об алазонах и каллипидах действительно говорил Геродот, но об алазонах вел речь и Гекатей, так что нельзя ут-

[1] *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 46–70.

[2] Там же. С. 51, 52, 55.

верждать, что данные сведения Гелланик заимствовал именно у Геродота (I, с. 4–5). Однако здесь перед нами вновь та же ситуация, которую мы наблюдали при рассмотрении первого сообщения: Страбон, ссылаясь на Гелланика и Геродота, приводит сведения, действительно содержащиеся в сочинении Геродота, но переданные в явно измененном виде. Геродот действительно говорит о каллипидах и алазонах, но в связи с Гипанисом (IV. 17). А Страбон ориентирует их относительно Борисфена. И это не случайно, так как и у других античных авторов наблюдается тенденция к переносу объектов, связанных у Геродота с Гипанисом, на Борисфен (например, в сообщениях о неврах). Эта тенденция сказалась даже на сведениях об Ольвии[1], причем она более заметна у Плиния (IV. 82. 88), менее — у Мелы (II. 6). Но важно то, что соответственные сообщения Плиния и Мелы даны в том же контексте, что и рассмотренные выше сведения тех же авторов о народах к северу от Меотиды. Эти последние, как я пытался показать выше, восходят к Гелланику. Если так, то и изложенный здесь вариант представлений о берегах Борисфена должен восходить к Гелланику, и, следовательно, Страбон также и в данном случае цитирует Геродота через посредство Гелланика, а Гелланик строит свою версию, видоизменяя показания Геродота.

Что же касается алазонов Гекатея Милетского, то это совсем иной народ, явно не имеющий никакого отношения к Скифии. Я уже высказывал предположение, что контекстом этого фрагмента сочинения Гекатея (фр. 217, Jacoby) является описание путешествия Аристея Проконнесского[2]. Хорошо известно, что Гекатей знал и цитировал сочинения Аристея, горячего почитателя Аполлона, совершившего путешествие в направлении, обратном движению кочевников, волны которых в VII в. до н. э. докатились и до греческих городов малоазийского побережья. Аристей, согласно древнему преданию, пересказанному Геродотом (IV. 14), покинув свой родной Проконнес, направился к городу Кизику. Упомянутый фрагмент, видимо, содержит сведения, относящиеся к дальнейшему пути Аристея: на это может намекать и указание на соседство алазонов с кизикенцами и на почитание ими Аполлона, а сообщение о городе алазонов на р. Одруссе, пустовавшем еще и во времена Гекатея, явно перекликается со стихами Валерия Флакка (V. 584 сл.), в которых хотя и в весьма вольной и иносказательной поэтической манере, но все же вполне узнаваемо говорится о набегах всадников на земли, расположенные от реки Кампас до реки Одрусса; в стихах распознаются и образы аримаспов и исседонов. Сопоставляя разные свидетельства, можно предположить, что берега реки Кампас в стране исседонов были конечным пунктом на пути Аристея[3]. Итак, алазоны Гекатея не могут быть поставлены в связь с алазонами Гелланика и Геродота, так как принадлежат совсем другому сюжету. Кстати, указанное сообщение Гекатея и примыкающие к нему сведения Флакка не учтены, кажется, в работе Дж. Д. Болтона об Аристее Проконнесском.

---

[1] Об отношении Ольвии к Борисфену см., например: *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 167 сл.

[2] *Пьянков И. В.* Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 185 сл.

[3] Там же. С. 186.

Много внимания уделяет Дж. Р. Гардинер-Гарден уникальному сообщению Гелланика о саках-амургиях (фр. 65). Он вслед за Ю. Юнге считает, что это сообщение восходит к Гекатею и что Геродот свои сведения об амургиях заимствовал у него же, но через Гелланика (I, с. 6–7; II, с. 27). Но возводить сообщение Гелланика к Гекатею, в сущности, нет никаких оснований: если не считать упоминания саков в перечне народов персидских сатрапий у Геродота (III. 93), предположительно заимствованном у Гекатея, то в тех сообщениях о самых восточных номадах, которые можно возвести к Гекатею, эти последние именуются даже и не саками, а просто скифами. В единственном же сообщении Геродота о саках-амургиях (VII. 64) они перепутаны, как обычно считается, с саками «острошапочными», поэтому вряд ли Геродот знал о них больше того, что нашел в описании воинства Ксеркса. Скорее всего, Гелланик и в данном случае использовал свой обычный метод: взяв за основу упоминание Геродотом амургиев, он расширил его новыми оригинальными известиями о «равнине Амургион». А известие это чрезвычайно интересно: очень похоже, что оно относится к Алайской долине[1] и отражает первое знакомство античного мира с «Шелковым путем».

Вообще, не исключено, что оригинальные сведения о саках в связи с древними персидскими царями, Киром и Дарием, которые мы находим у Страбона и Полиена, восходят к Гелланику. Гелланик, как уже отмечалось, должен был знать рассказ Геродота о войне Кира с массагетами и в пику ему мог дать свою версию этого рассказа, которая и содержится у Страбона (XI. 8. 5), где фигурируют уже саки.

Останавливаясь на вопросе о локализации саков-амургиев, Дж. Р. Гардинер-Гарден отмечает как равно вероятные две возможности: народ этот обитал на равнине Мерва, в Маргиане, или в степях на Сырдарье и в Фергане; в качестве сторонников второй точки зрения он ссылается на Э. Херцфельда (1932 г.), И. В. Пьянкова (1968 г.) и В. Нагеля (1982 и 1983 гг.); первым аргументом в пользу первой точки зрения он считает то, что гидроним Мургаб имеется не только на Памире, но также и в области Мерва (I, с. 8; II, с. 26). Но я давно уже обращал внимание на беспочвенность этого аргумента: название «Мургаб» в применении к реке Мерва — лишь результат позднейшей переогласовки прежнего названия реки «Маргаб» (древнее Μάργος), реки в Маргиане, которая никакого отношения к амургиям, конечно, не имела[2]. Бесспорным местом обитания саков (хотя и не амургиев) Дж. Р. Гардинер-Гарден считает также Памир, опираясь на археологические данные (I, с. 8; II, с. 26). Действительно, археологически Памир несомненно принадлежит к области распространения сакской культуры[3]. Но антропологически (физически) носители этой культуры на Памире резко отличаются от остальных саков и тяготеют скорее к населению Гиндукуша и Северо-Запад-

[1] *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz., 1938. S. 9, 132, 157.

[2] *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 122–123. Прим. 47.

[3] О памятниках этой культуры на Памире см.: *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

ной Индии[1]. Я уже высказывал предположение, что памирские «саки» в действительности являлись частью каспиев (каспиров)[2].

Заметим также, что предположение о связи между этнонимом Haumavarga и топонимом Munjan, одно время довольно популярное среди исследователей и повторенное также в обозреваемой работе (I, с. 7), всё же по многим причинам сомнительно. Во всяком случае топоним Мунджан существовал задолго до постулируемого перехода первого названия во второе[3].

Рассматриваются Дж. Р. Гардинером-Гарденом и другие сведения Гелланика: о восточном побережье Понта, предположительно принадлежащие ему сообщения об аримфеях, об амадоках и др., останавливаться на которых здесь нет возможности.

Сложен и весьма существен вопрос об источниках гиппократовских сведений о скифах. Дж. Р. Гардинер-Гарден отмечает, что советские ученые (кроме И. В. Куклиной) обращали внимание преимущественно на новизну и оригинальность этих сообщений, считая их результатом непосредственных наблюдений автора, недостаточно учитывая возможность литературных влияний и заимствований (I, с. 14–16). В этом плане особенно показательны случаи близкого совпадения текста гиппократовского сочинения (трактат «О воздухе, водах и местностях») с данными Геродота о скифах — и все же их несводимости друг к другу, допускающие возможность и взаимозависимости их, и существования у них общего источника (I, с. 26, 29, 36, 37).

Мне кажется, что нельзя не согласиться с такой постановкой вопроса. Действительно, источниковедческий анализ трактата уже при первом приближении обнаруживает в нем весьма сложную мозаику литературных заимствований. Так, в разделе о скифах отчетливо выделяются следующие элементы: реальные наблюдения над скифами, мифико-географические сведения о «Рипейских» странах, сведения о торговом пути из Скифии к аргиппеям. Данные всех этих источников перемешаны, сам автор трактата относится к ним безразлично как к одинаково «скифским», причем отбирает из них те, которые должны, по его мнению, иллюстрировать положения его медицинской теории. Но исследователи, которые декларируют необходимость выявления литературных источников трактата, все это, к сожалению, не учитывают.

Так, в трактате дано определение цвета кожи скифов как πυρρος. Одни ученые считают, что это свидетельствует о монголоидности скифов, другие отрицают такое толкование. Вступает в дискуссию и Дж. Р. Гардинер-Гарден (I, с. 33, 34). Но никто не задавался вопросом: что это за «скифы»? В одной из своих работ я, как мне кажется, смог показать, что автор гиппократовского трактата материал для своих рассуждений по поводу физической природы скифов черпал из опи-

---

[1] *Гинзбург В. В., Трофимова В. А,* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 138, 299; *Киятки-на Т. П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976, С. 82.

[2] *Пьянков И. В.* Аскатаки–скифы и восточные каспии // Памироведение. Душанбе, 1976. Вып. 1. С. 82.

[3] *Грантовский Э. А.* Из истории восточноиранских племен па границах Индии // КСИНА. 61. М., 1963. С. 26–29, См. также *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975. Vol. I. P. 250. Not. 8.

сания аргиппеев[1]. Как и в прочих случаях, данные гиппократовского трактата и сочинения Геродота близко сходятся, но в то же время и дополняют друг друга. Если рассматривать эти данные в совокупности, то вряд ли можно сомневаться в том, что аргиппеи действительно обладали каким-то своеобразным антропологическим типом, отличавшим их от соседей (монголоидным? лапоноидным?). Но к настоящим скифам этот тип, разумеется, никакого отношения не имел. Именно отличие его от скифского и заставляло скифов (ходивших к аргиппеям по торговым делам) обращать на него внимание[2].

С таких же позиций, очевидно, нужно подходить и к оценке «Рипейской» географии гиппократовского трактата. В этом трактате, как часто и вообще в античной литературной традиции, переплелись элементы двух систем представлений о Крайнем Севере: одну из них, наиболее древнюю, можно назвать «скифской» (она же и «киммерийская»), другую — «исседонской», которая восходит преимущественно к Аристею Проконнесскому[3]. Именно первая находит близкие соответствия в древнеиранских мифико-географических представлениях, отраженных в Авесте и пехлевийской зороастрийской литературе, тогда как вторая ближе к фольклорным представлениям сибирских народов и китайской мифологической географии. В работах Дж. Д. Болтона, как и Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского, эти две традиции не различаются. Гиппократовская концепция Рипейских гор, о которой пишет Дж. Р. Гардинер-Гарден (I, с. 32), относится к «скифской» традиции[4].

Целый комплекс проблем затронут Дж. Р. Гардинером-Гарденом в разделе, посвященном сведениям гиппократового трактата о савроматах. Прежде всего это вопрос о месте обитания гиппократовых савроматов и связанные с ним вопросы ранней истории савроматов. Дж. Р. Гардинер-Гарден, процитировав сообщение трактата о том, что скифский народ савроматы обитает «в Европе», «вокруг озера Меотиды», рассматривает одно за другим возможные толкования этого высказывания и приходит к выводу, что наиболее правильным было бы понимать его в том смысле, что савроматы обитали, по крайней мере отчасти, к западу от Дона[5] уже во второй половине V в. до н. э., и замечает, что сам по

---

[1] *Пьянков И. В.* Аргриппеи (Источники) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 105–106.

[2] [Последняя моя работа об аргиппеях и Ольвийском торговом пути: *Пьянков И. В.* Урал на Ольвийском торговом пути (V в. до н. э.) // Веси. Екатеринбург, 2009, № 7–8. С. 28–33; № 9. С. 16–20].

[3] Попытку разграничить эти две античные традиции о Крайнем Севере и дать их краткую характеристику я предпринял в статье: Рифеи — миф и реальность // Уральский следопыт. 1978. № 8. С. 44–48.

[4] [Последняя моя работа об исседонах и путешествии Аристея: *Пьянков И. В.* Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. 3. С. 15–35.]

[5] В этой связи Дж. Р. Гардинер-Гарден посвящает специальный экскурс рассмотрению вопроса о границе между Европой и Азией в ранней античной традиции, и в частности у Гекатея (I, с. 18–19. Прим. 96). Обозревая разные трактовки этого вопроса в современной научной литературе, он отдает предпочтение предложенному мной толкованию (*Пьянков*. Массагеты Геродота. С. 58). Недавно появившаяся еще одна трактовка вопроса о границе Европы и Азии, исходящая из того, что Меотида и Танаис изначально, уже у древних ионийских географов (!), представляли Аральское море и Сырдарью (*Куклина И. В.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 143–161), в целом кажется мне исторически совершенно неправдоподобной, хотя и содержит ряд интересных наблюдений.

себе такой вывод, при сопоставлении его с известием Геродота (IV. 21) о савроматах, обитающих только к востоку от Дона, является важным историческим свидетельством о движении евразийских племен в западном направлении (I, с. 17–22). Все это вполне убедительно и совпадает с тем выводом, который мы сделали выше, анализируя традицию Гелланика.

Но далее Дж. Р. Гардинер-Гарден пытается объяснить такое продвижение савроматов тесными связями их со скифами — связями, уходящими в ту эпоху, когда скифы совершали набеги в Переднюю Азию, а савроматы — здесь автор обозреваемой работы следует гипотезе В. Б. Виноградова и других отечественных ученых, придерживающихся такого же мнения, — принимали будто бы в них участие; в ряде отрывочных указаний на савроматов в источниках, особенно в связи с легендами об амазонках, он видит следы свидетельств о пребывании их в Передней Азии, а само появление савроматов к западу от Дона объясняет тем, что часть последних сопровождала скифов при их возвращении на родину (I, с. 22–25).

Вся эта конструкция основана, как мы видим, на гипотезе, предполагающей участие савроматов в переднеазиатских походах скифов и базирующейся в свою очередь на представлении о неизменности тех границ Скифии, которые были названы Геродотом: ведь скифы, обитавшие к западу от Дона, направляясь через Кавказ в Переднюю Азию, не могли миновать савроматскую территорию и, как предполагается, увлекли с собой часть савроматов. Я давно знаком с этой гипотезой и считаю её образцом чисто умозрительного и совершенно напрасного «домысливания» источника. Предполагаемая ею ситуация исторически вообще нереальна. В источниках нет ни слова об участии савроматов в переднеазиатских походах, и само по себе это обстоятельство показательно. Этногеография степей менялась быстро, и состояние, засвидетельствованное Геродотом, фиксирует лишь сравнительно короткий момент в ее развитии.

Как показывают исторические аналогии, набеги в страны к югу от Кавказа совершали те кочевые племена, которые господствовали в северокавказских степях и контролировали кавказские проходы. Следовательно, в VII в. до н. э., в эпоху скифских набегов, степи к северу от Кавказа занимали скифы, а не савроматы. Аристей, путешествовавший тогда же[1] по этим местам, тоже, по-видимому, застал здесь скифов, обитавших в его времена на степных просторах, может быть, вплоть до Волги[2]. Восточными соседями скифов в эпоху утверждения их в причерноморских степях предание называет массагетов (по ту сторону Аракса-Волги)[3] или исседонов. Савроматы и в данном случае как бы выпадают из диафесы племен в качестве восточных соседей скифов. К той же ранней эпохе относятся, очевидно, сообщения Эсхила (Prom. Vinct. 418 сл.) и Дионисия

[1] Время жизни Аристея Проконнесского чаще всего относят к VII в. до н. э. Предпринятая недавно основательная попытка пересмотра даты и представлений о самой личности Аристея (*Иванчик А. И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2. С. 29–49) все же уязвима в ряде моментов и к тому же ограничивается чисто филологической стороной проблемы.

[2] *Пьянков.* Кочевники Казахстана... С. 186.

[3] Новую интерпретацию античных сведений об Араксе и связанной с ними легенды о приходе скифов в Причерноморье см.: *Куклина.* Этногеография... С. 114–136 — предложенное здесь толкование легенды кажется мне исторически совершенно невозможным.

Периегета (163 сл.) о скифах, которые обитают «вокруг Меотийского озера». О пребывании основного ядра скифских племен VII–VI вв. до н. э. в степях Северного Кавказа свидетельствует и археология[1].

Происхождение савроматов античная традиция скрывает в тумане «амазонских» легенд, которые предками савроматов делают амазонок. Дж. Р. Гардинер-Гарден склонен, по-видимому, связывать савроматов с «термодонтскими» амазонками: такая связь намечена у Геродота, но более выразительно представлена у Эфора (I, с. 24). Я тоже считаю, что под «скифскими» амазонками, предками савроматов, скрывается реальный народ, но превратившийся в амазонок и поставленный в связь с классическими амазонками Термодонта лишь в греческой традиции, всегда, как известно, склонной представлять себе мир в привычных для неё образах мифологии. Но почему традиция увидела в этом народе именно амазонок? Причина ясна: резко выраженные черты «матриархата», свойственные савроматам и в еще большей мере, надо думать, их предкам. Амазонские черты приписывает савроматам Гиппократ, и Дж. Р. Гардинер-Гарден считает, что в этом проявились фантазии на амазонские темы, хотя савроматское общество действительно имело матриархальные тенденции (I, с. 25, 37). Все это, конечно, так, но ведь и само отождествление савроматов или их предков с амазонками обусловлено этими тенденциями.

«Матриархальность» савроматов, при бесспорной преемственности ряда «савроматы–сирматы–сарматы» (I, с. 20–21), загадочна. Ее, конечно, не объяснить ни якобы влиянием «гинекократических меотов» вслед за Ростовцевым (I, с. 22), ни матриархальной «стадией» социального развития (I, с. 21, прим. 101). В то время как эта черта совершенно не характерна для собственно скифов, она постоянно отмечается для восточных скифских народов: савроматов, саков, массагетов и исседонов. Все это иранские или, во всяком случае, ираноязычные народы (кроме, может быть, исседонов), для которых обычно «матриархат» не свойствен. Не свойственны иранцам и некоторые другие черты, присущие этим народам, например, специфические брачные и погребальные обычаи массагетов. К этим чертам можно добавить признаки, считающиеся характерными для «скифской» культуры, и прежде всего «звериный стиль» (изобразительность не свойственна искусству древнейшего иранского мира степей, о чем свидетельствует археология и с чем согласуется зороастрийская традиция), истоки которого уходят в Сибирь или глубины Центральной Азии. К этому же ряду фактов следует отнести и многие элементы картины Крайнего Севера «исседонской» традиции. В археологии к числу свидетельств проникновения в это время на запад элементов культуры из глубин Центральной Азии можно отнести карасукскую или карасукоидную керамику, карасукские кинжалы и особенно оленные камни. Наконец, в антропологии перечисленным фактам соответствует концентрация центральноазиатского монголоидного типа в Приаралье в первой половине I тыс. до н. э.[2].

[1] *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 47, 53.

[2] Археологическая литература по затронутым здесь темам огромна. Сошлюсь лишь на некоторые

Не вдаваясь глубоко в историческую интерпретацию всех этих фактов, замечу, что они вполне убедительно, как мне кажется, могут быть объяснены распространением какого-то этнического суперстрата: первоначальный импульс оно получило, скорее всего, в сердце Центральной Азии, в Ордосе и примыкающих к нему местах, и совершалось на протяжении первых веков I тыс. до н. э., может быть, несколькими волнами, одна из которых достигла в VII в. до н. э. Приазовья и Предкавказья. Пришлый слой населения был, видимо, в большинстве случаев немногочислен и быстро растворился в местной этнической среде, но оставил после себя ряд специфических черт культуры, перечисленных выше. Рассказ Геродота о происхождении савроматов от «амазонок» и скифов где-то в Приазовье (IV. 110–117) удивительно точно передает этот процесс, правда облекая его в покровы мифологии[1].

Дж. Р. Гардинер-Гарден останавливается и на других интересных деталях скифского рассказа Гиппократа: на описании страны скифов (скифской «пустыни») и образа жизни скифов, на замечаниях о животном мире и климате Скифии, о классах скифского общества и энареях (I, с. 27–31, 34–37).

Несколько слов хотелось бы сказать относительно того, как Дж. Р. Гардинер-Гарден трактует роль Гекатея Милетского в греческой традиции. Он считает, что у Гекатея заимствовали и Гелланик, и Дамаст, а возможно, и Гиппократ (I, с. 6, 7, 9, 14, 27, 37 и др.). Вообще такое представление о месте Гекатея вполне соответствует преобладающей в классической филологии тенденции видеть в Гекатее источник сведений, достаточно древних и в то же время независимых от Геродота. Действительно, Гекатей может быть и вправду источником некоторых таких сведений, например у Дамаста, существует и проблема происхождения сведений, близких Геродоту и в то же время независимых от него, но все же, мне кажется, фрагменты, оставшиеся от Гекатеева описания Скифии, не дают оснований считать его таким уж универсальным источником для скифской темы.

II. Вторая из названных в начале статьи работ посвящена сведениям Ктесия о древней Средней Азии исторического и этнографического характера. И эту работу Дж. Р. Гардинер-Гарден начинает с рассмотрения вопроса о составе сочинений и об источниках Ктесия (II, с. 1–4). Здесь автор, соглашаясь в целом с общепринятыми представлениями, отмечает, что Ктесий широко пользовался рассказами разноплеменных информаторов, но не имел доступа к упоминаемым им «царским архивам».

сборники, где в соответствующих статьях можно найти и ссылки на прочую литературу: Проблемы скифской археологии // МИА. 1971. № 177; Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976; Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. Антропологические данные дополнительно см: *Гинзбург, Трофимова*. Ук. соч. С. 112; *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980. С. 9.

[1] Такое объяснение я впервые изложил в тезисах доклада к конференции «Культура и искусство Центральной Азии», которая была намечена в Ленинграде (Гос. Эрмитаж) в 1986 г., но не состоялась. [См. теперь: *Пьянков И. В.* Жуны и ди. Аримаспы и амазонки // Записки Вост. Отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. Т. II. С. 215–236; *Он же*. Средняя Азия в ахеменидское время. Население // История древнего Востока. М., 2004. С. 714–718.]

Очень важные для истории Средней Азии проблемы затронуты в разделе «Семирамида». Здесь Дж. Р. Гардинер-Гарден, допуская возможность существования доахеменидских государств в Средней Азии, например Бактрийского, считает невероятным рассказ Ктесия о военных походах ассирийцев в Бактрию и соседние страны и ссылается на такое же мнение других ученых (среди них назван и автор данного обзора) (II, с. 6–7). Я не могу не согласиться с этим тезисом, но в то же время должен отметить, что зачисление меня без всяких оговорок в число сторонников гипотезы о Хорезмийском царстве, контролировавшем области Мерва и Герата, со ссылкой на мою работу 1972 г. (II, с. 6, прим. 27; и так зачастую не только в книге Дж. Р. Гардинера-Гардена) неправомерно. Моя позиция в этом вопросе отличается одним весьма существенным нюансом: я говорю не о Хорезмийской империи, включавшей в свой состав области Мерва и Герата, а о *переселении* хорасмиев из области Герата и Туркмено-Хорасанских гор в Хорезмский оазис в течение ахеменидской эпохи, которое подтверждается распространением древнеземледельческой культуры типа Яз (видимо, Яз III) в том же направлении и в то же время[1].

Именно с этими проблемами и связан в источниковедческом плане рассказ Ктесия о походе Нина в Бактрию и деяниях Семирамиды там же. В нем наиболее выразительно говорится о древнем Бактрийском царстве и о связи с этим царством Зороастра. Но рассказ, как и почти все прочие тексты Ктесия, не дошел до нас в своем подлинном виде; наиболее пространный вариант его сохранился в пересказе Диодора. И вопрос о том, насколько точно он передан Диодором, давно уже дебатируется в науке. Дж. Р. Гардинер-Гарден, рассмотрев разные мнения, высказанные исследователями по данному поводу, приходит к заключению, что хотя пересказ у Диодора явно испытал влияние известий об Александре, выразившееся, например, в имени побежденного Семирамидой бактрийского царя — «Оксиарт», все же нет нужды предполагать посредника между Ктесием и Диодором: Диодор, вероятно, использовал Ктесия и переработку Ктесия, принадлежащую Клитарху — одному из историков Александра; к такому же выводу, замечает Дж. Р. Гардинер-Гарден, пришел и И. В. Пьянков (II, с. 8–9).

Я действительно придерживаюсь такой же точки зрения, но лишь тогда, когда идет речь о соотношении в целом между повествованиями Ктесия и Диодора в рамках ассирийской истории[2]. И в рассказе о бактрийской войне Нина и Семирамиды Диодор должен, казалось бы, свое повествование, основанное на Ктесии, дополнять вставками из Клитарха. Это тем более вероятно, что у историков Александра, придерживавшихся версии Клитарха, Оксиарт — отец Рок-

[1] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 18–20; *он же.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 42–45, 48–49. Проблемы доахеменидской государственности Средней Азии я рассматриваю в готовящемся к печати втором издании коллективного труда «История таджикского народа» (т. I), там же я даю и подробный обзор истории вопроса. [История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 238–249, 625–635; см. также: *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 334–348.]

[2] *Пьянков И. В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 138.

саны, кажется, был возведен к роду ктесиева Зороастра — царя Бактрии и даже сам именовался «царем бактрийцев»[1]. Такие ассоциации будут вполне понятны, если учесть, что вопиющее неравенство брака Александра и Роксаны, конечно, шокировало македонскую знать (Curt. VIII. 4. 25–30). Возведение Оксиарта к древнему царскому роду хоть как-то спасало положение. И те же ассоциации могли способствовать замене Диодором имени древнего царя бактрийцев, современника Нина и Семирамиды, — «Зороастр» на имя современника Александра — «Оксиарт». Но, как ни странно, рассказ Диодора о бактрийской войне Нина и Семирамиды обнаруживает самые близкие, иногда дословные, совпадения с другой, не Клитарховой версией повествования о бактрийском походе Александра и осаде им Согдийской скалы. В этой же версии с последним событием связано имя Оксиарта. Других следов знакомства Диодора с этой версией истории Александра вроде бы нет. Поэтому я выдвинул в качестве альтернативного предположение о независимом в данном случае заимствовании у Ктесия и Диодором, и историками Александра неклитарховой традиции и о присутствии уже в тексте Ктесия имени, похожего на «Оксиарт» (ср. авест. zaotar), и имени «Зороастр» для бактрийского царя[2].

Интересны наблюдения и выводы Дж. Р. Гардинера-Гардена в разделах, посвященных мидийской истории Ктесия. Такова намечаемая им связь у Ктесия первых двух мидийских царей Арбака и Маудака с фигурами из скифской истории: Арпоксаем, Мадием и др. (II, с. 9–11). Но его вывод, основанный на сообщении Диодора (II. 26. 1–3) о помощи бактрийцев Арбаку в борьбе его с ассирийцами, нуждается в существенной корректировке. Дж. Р. Гардинер-Гарден, как, впрочем, и все его предшественники, касавшиеся этого восходящего к Ктесию сообщения Диодора, считает, что оно свидетельствует о существовании Бактрийского государства в VII в. до н. э., подкрепляя свой вывод ссылкой на Г. Ньоли, который тоже признает упомянутое сообщение свидетельством полной независимости бактрийцев того времени (II, с. 11). Но так ли безусловно понимание этого сообщения именно в указанном смысле?

Я уже не раз отмечал в своих работах, что Ктесий представлял себе «царство Азии» с самого начала его существования неизменно по образцу Персидского царства времени Артаксеркса II, при дворе которого Ктесий и находился. Царство создано, по Ктесию, завоеваниями Нина и Семирамиды, а все его учреждения установлены их сыном Нинием. Бактрия завоевана Нином и с тех пор непрерывно подчинялась «царям Азии» вплоть до Артаксеркса II. А согласно одному из установлений Ниния, каждый подчиненный народ поставлял военный отряд во главе с предводителем, располагавшийся лагерем вне столицы и сменявшийся каждый год (Diod. II. 21. 3–6). Возможно, что это сообщение тоже основано на наблюдениях Ктесия над современными ему порядками. И заговор во главе с Арбаком был составлен предводителями именно таких отрядов (Diod. II. 24.

[1] *Пьянков.* Средняя Азия... С. 154, 158.

[2] Там же. С. 152–161. Дж. Р. Гардинер-Гарден не входит в обсуждение вопроса, какое имя стояло в данном случае в тексте Ктесия. См. еще по этому поводу: *Грантовский Э. А.* Послесловие к кн.: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 296.

1–3). Такой же отряд, судя по контексту, представляли собой и бактрийцы, вызванные ассирийским царем на помощь. Бактрийский царь, который фигурирует в аналогичном эпизоде у Ксенофонта (Cyr. V. 1. 3), появился лишь в результате вольной переработки текста Ктесия. По-видимому, в роли предводителей таких же отрядов позднее выступают гирканец Артасир, а также «парфянин, сак и бактриец», перешедшие на сторону Кира сразу же после победы его над Астиагом (Ктесий у Nic. Dam. Fr. 66. § 46). Такое понимание данного сообщения снимает его кажущееся противоречие с дальнейшим повествованием Ктесия[1]. Наконец, в том же ряду стоит сообщение о бактрийцах, подчинившихся Киру после того, как им стало известно об усыновлении Кира Астиагом и Амитидой (Ктесий у Phot. Pers. § 2), т. е., надо понимать, их законными владыками. Таким образом, как бы ни соблазнительно было увидеть в известиях Ктесия указание на существование могущественного Бактрийского царства в предахеменидское время, приходится признать, что прямых свидетельств такого рода у него нет. Ктесий, несомненно, располагал сведениями об этом царстве, но, сообразуясь со своей исторической схемой, вынужден был перенести его в глубокую доассирийскую древность.

Много внимания в обозреваемой работе уделено легенде о Зарине. Историческое ядро этой легенды — борьба мидян с саками, хотевшими отторгнуть у них «область и город» парфян, и Дж. Р. Гардинер-Гарден пытается найти этому событию место в истории, определить его хронологический и географический контекст. Он относит указанное событие (вслед за В. Нагелем) к правлению мидийского царя Киаксара и датирует временем около 595 г. до н. э., перед войной с Лидией (II. С. 15–16), а саков царицы Зарины ищет в пределах Гиркании или близ нее, помещая там же и связанный, по его мнению, с именем Зарины город Зарис (II, с. 17).

Оставляя в стороне проблему города Зарис, могу сказать, что в целом, в первом приближении, такое истолкование можно принять, но я попытался бы предложить более конкретную интерпретацию. Ахеменидская Парфия, которую имел в виду Ктесий, — это полоса между Эльбурзом и Большой Соляной пустыней с центром в области Кумиш. А в позднем иранском эпосе известно предание, зафиксированное уже в пехлевийской литературе, о битве иранцев с Арджаспом в Белой пустыне у горы Кумиш. Правда, оно включено в цикл сказаний о кави Виштаспе, но это понятно — ведь поздний иранский эпос о мидийских царях вообще забыл. Может быть, с отголоском первоначальной, мидийской, версии того же предания в виде легенды о Зарине мы и встречаемся у Ктесия. Великое нашествие туранца Арджаспа, представленного в позднем эпосе хионитом и связываемого то с Каспийским морем и с землями за Амударьей, то с Мервом, обрушилось не только на Бактрийское царство кави Виштаспы, но, надо полагать, задело и владения Киаксара. Знаменательно, что нашествие это датируется, в соответствии с хронологией Э. В. Веста — А. В. Джексона, 583 г. до н. э.,

[1] Это противоречие давно уже было замечено исследователями, которые объясняли его каждый по-своему, например: *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias // Philologus. Supplbd VI. Göttingen, 1893. S. 604. Anm. 323; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 420. Прим. 2.

а смерть Киаксара, если исходить из расчетов Геродота, — 585 г. до н. э. Учитывая, что на абсолютную точность ни та ни другая дата претендовать не могут, их можно считать совпадающими[1].

В разделах, посвященных персидской истории Ктесия, рассматриваются все сообщения, касающиеся взаимоотношений персидских царей со скифами, а вместе с тем и представления Ктесия о самих восточных скифах. Особое внимание уделено возможности возведения к Ктесию известных рассказов Полиена (VII. 11. 6 и VII. 12) о походах Дария против саков. Здесь позиция автора двойственна: с одной стороны, он понимает, что в рассказах Полиена мало общего с данными Ктесия (II, с. 20, прим. 7–8), отмечая, что и Пьянков не включает эти рассказы в свое собрание фрагментов сочинений Ктесия (II, с. 20), с другой — все же считает возможным, что они сохранили какой-то материал Ктесия (II, с. 7, 18, 20, 25). Основанием для такого предположения является то, что упомянутые рассказы Полиена сближаются с официальной Бехистунской версией описания похода Дария на саков (V. 20–30), а эту версию мог передать, скорее всего, будто бы именно Ктесий (II, с. 20). Не говоря о том, что сам критерий для определения принадлежности Ктесию той или иной информации кажется мне очень сомнительным, — данные Ктесия весьма далеки от документальности, нужно заметить, что в сочинении Ктесия действительно содержится отголосок упомянутой официальной версии похода Дария на «острошапочных» саков, но он не имеет ничего общего с рассказами Полиена.

Это сообщение Ктесия о морской экспедиции в Скифию и захвате персами части скифов, в том числе Ма(р)сагета, брата скифского царя, уже до того заключенного в оковы (Phot. Pers. § 16), предваряющее его же рассказ о походе Дария в Скифию через Боспор и Истр. Здесь действительно каждая деталь находит соответствие в Бехистунской версии, включая имя плененного скифа (массагеты — «острошапочные» скифы). Но поданы эти сведения в обычном для Ктесия стиле: они все переиначены и приспособлены к одному из рассказов предшественников (в данном случае — к рассказу Геродота о походе Дария в Скифию), с тем чтобы дать новую, «исправленную и дополненную» версию известного сюжета.

Сам поход Дария на «острошапочных» скифов трактован Дж. Р. Гардинером-Гарденом с опорой на последнюю реконструкцию соответствующего текста пятого столбца Бехистунской надписи, предложенную Я. Харматтой. В этой реконструкции появляется новая важная деталь: упоминание реки Арахша, так что маршрут Дария теперь включает прибытие к морю и переход через названную реку (II, с. 23). Я. Харматта отождествлял реку Арахша, т. е. Аракс, с Амударьей, ссылаясь на мою работу 1975 г., и имел в виду современное русло реки, впадающей в Аральское море[2]. Дж. Р. Гардинер-Гарден предпочитает видеть в реке Арахша древний рукав Амударьи, впадавший в Каспийское море (II, с. 23; также III, с. 13). И здесь он более прав, так как теперь уже определенно можно говорить

[1] Подробнее обо всем этом — в одном из моих разделов уже упомянутого второго издания «Истории таджикского народа».

[2] *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Sakā tigraxaudā // Studies on the sources on the history of preislamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 27.

о постоянном стоке воды по Узбою во времена Дария I (и Кира)[1], а также о значительно более высоком, чем современный, уровне Каспийского моря[2], вследствие чего воды его на востоке достигали, видимо, урочища Игды в низовьях Узбоя, где находился знаменитый водопад[3] Аракса-Окса, описанный многими античными авторами. И сведения их об отдельном рукаве Аракса, текущем по открытой местности в Каспийское море, нужно, конечно, относить к Узбою[4], а не к кавказскому Араксу, как я полагал одно время[5]. Здесь, у впадения Узбоя («река Арахша») в залив Каспия («море»), видимо, и развертывались события сакского похода Дария.

Другая информация Полиена, которую Дж. Р. Гардинер-Гарден возводит к Ктесию, — это сведения о сираках. Упоминание о Сираке и сираках объединяет один из рассказов Полиена о сакском походе Дария (VII. 12) с рассказом того же автора о Семирамиде (VIII. 26), что позволяет оба их возвести к Ктесию и считать сираков одним из племен, против которых Дарий и Кир совершали походы (II, с. 25). Но и в этом случае, как мне кажется, в рассказе Полиена о Семирамиде нет ничего, что позволило бы сблизить его с данными Ктесия (ср. II, с. 7–8), а сама тема Семирамиды была достаточно популярна и широко распространена в античной литературе. Что же касается реконструируемых Дж. Р. Гардинером-Гарденом миграций сираков (II, с. 24–25), то я отношусь к ним с некоторой осторожностью, так как понятие «сираки», мне кажется, может иметь не только чисто этническое содержание, но и какой-то социальный смысл. Впрочем, это сложная проблема, рассматривать которую здесь нет возможности[6].

Далее Дж. Р. Гардинер-Гарден рассматривает Ктесиеву этнографию Средней Азии (II, с. 25–32). Он приходит к выводу, что две основные группы скифов Средней Азии, выступающие у Ктесия, саки Аморга и дербики, соответствуют таким же группам, фигурирующим в ахеменидских надписях: Sakā Haumavargā и Sakā Tigraxaudā. Саки Аморга, они же амургии, саки-хаумаварга, тяготеют к восточной части Средней Азии, а дербики, они же массагеты, саки-тиграхауда (т. е. «острошапочные») — к западной, хотя в отдельных случаях саков Ктесия как будто лучше связывать с западом, а дербиков — с востоком, что свидетельствует вообще об отсутствии у Ктесия четкого представления о тех и других. Все это полностью совпадает с моими заключениями, и это отмечает сам Дж. Р. Гардинер-Гарден, ссылаясь на мои работы и завершая раздел цитатой из одной такой работы относительно представлений Ктесия о саках и дербиках (II,

[1] *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986. С. 196 сл.

[2] *Муравьев С. Н.* Уровень Каспия глазами древних греков // Природа. 1987. № 4. С. 74–84; *Он же.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 235–247; см. также и другие работы того же автора.

[3] *Юсупов.* Ук. соч. С. 155.

[4] *Пьянков.* К вопросу… С. 118 сл.; *Куклина.* Ук. соч. С. 114–126.

[5] *Пьянков.* Массагеты…С. 66.

[6] [См. теперь: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Общество Средней Азии ахеменидского времени // История древнего Востока. М., 2004. С. 780.]

с. 31)[1]. Конечно, автор прав в том, что и недооценка Ктесием расстояний от Каспийского моря до Индии сказалась на расплывчатости его географических представлений (II, с. 31–32). Однако в дирбеях Δυρβαῖοι я теперь не склонен видеть лишь вариант названия дербиков. У Ктесия это, скорее всего, общее наименование населения горных регионов к северо-востоку от Бактрии и северо-западу от Индии[2].

Должен еще заметить, что я никак не могу быть ответствен за приписанную мне (со ссылкой на мою работу 1964 г. и работу И. Н. Хлопина 1974 г.) странную реконструкцию похода Кира на восток против «саков позади Согдианы» (II, с. 26–27). Я в своей работе имел в виду совсем иной поход и совсем другой маршрут[3].

Очень интересен и важен, особенно для скифологов, раздел, посвященный выявлению Ктесиева наследства в сведениях более поздних авторов, Трога Помпея и Диодора, о скифах и амазонках (II, с. 32–37). Эту проблему затрагивал еще А. фон Гутшмид (1894 г.), предлагавший видеть источник указанных сведений в Диноне. Дж. Р. Гардинер-Гарден, развивая этот тезис, приходит к выводу, что материал о ранних скифах и амазонках у Трога восходит к Динону и далее к Ктесию, а у Диодора — к Динону, использовавшему Ктесия, и к Ктесию (II, с. 36–37). Попутно затрагивается и вопрос об источниках ассирийской и мидийско-персидской истории Трога (II, с. 35), которая также содержит важные сведения о Средней Азии.

В разделе о Ктесиевой географии (II, с. 37–39) поднят тоже важный вопрос о трактовке Танаиса в понимании Ктесия. Дело в том, что в тексте фрагментов сочинения Ктесия Танаис совмещает признаки, по которым можно узнать в нем одновременно и Дон, и Сырдарью. Такая концепция Танаиса сыграла важную роль в формировании более поздней античной географической схемы, в которой весьма своеобразно совмещались Черноморско-Азовский и Каспийско-Аральский бассейны. Вопрос в том, действительно ли сведения о Танаисе в указанных фрагментах принадлежат Ктесию? Этот вопрос обсуждался с давних времен — еще с прошлого века[4]. Дж. Р. Гардинер-Гарден и здесь солидаризируется со мной, считая вполне возможным существенный вклад Ктесия в развитие указанной концепции (II, с. 38–39).

III. Третья работа рассматривает греческие концепции географии и этнографии Внутренней Азии в эпоху от Эфора до Эратосфена.

---

[1] *Пьянков*. Средняя Азия… С. 5–6. Иногда меня считают сторонником восточной локализации массагетов, на границах Индии. Так, например, А. П. Франкфор в своей интересной работе, с выводом которой, однако, я согласиться не могу: *Francfort H.-P.* Note sur la mort de Cyrus et les Dardes // Orientalia. Iosephi Tucci Memoriae dicata. Roma, 1985. P. 397. См. по этому поводу также: *Karttunen K.* India in early Greek Literature. Helsinki, 1989. P. 34; *Пьянков И. В.* Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 53–57 — в этой работе я пытался выделить античные сведения о массагетах, якобы обитавших у границ Индии, и показать, что все они восходят к домыслам Мегасфена, по-своему истолковавшего рассказы своих предшественников о походе Кира на массагетов.

[2] [См. теперь: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время. Население // История древнего Востока. М., 2004. С. 727–728.]

[3] *Пьянков*. К вопросу… С. 128.

[4] *Пьянков*. Средняя Азия…С. 144–146.

Начинается работа с рассмотрения данных Эфора. Принадлежащую Эфору знаменитую схему ойкумены с четырьмя окраинными народами, соответствующими четырем основным ветрам, автор считает схемой четырехугольной ойкумены (III, с. 2). Но это не так. Схема Эфора — лишь одна из разновидностей широко распространенных и очень древних схем «земного круга», оформленных как «роза ветров». Окраинных народов и соответствующих ветров в них может быть и больше[1]. Подробнее о такого рода схемах я говорю в моей монографии «Средняя Азия в античной географической традиции», подготовленной к печати[2].

Эфор принадлежит к числу тех античных авторов, которые сознательно и настойчиво идеализировали скифов. И Дж. Р. Гардинер-Гарден внимательно рассматривает эту характерную для Эфора тенденцию, ее содержание и истоки, считая ее дальнейшим развитием догеродотовской традиции (III, с. 2–7). Далее Дж. Р. Гардинер-Гарден определяет вклад Эфора в описание Скифии, содержащееся в Периегесе, которую приписывают Скимну (III, с. 7–9). Останавливаясь на вопросе об источнике того материала, который принадлежит здесь Эфору, исследователь отмечает близость его данным Геродота и в то же время отличие в некоторых моментах (III, с. 9–10). Близость указанного материала Геродоту, причем в ряде специфических деталей, действительно очень велика, отличия же таковы, что не делают обязательным, как мне кажется, предположение об использовании здесь Эфором не Геродота, а какого-то иного источника, например, Гекатея Милетского, как иногда полагают.

Затрагивает Дж. Г. Гардинер-Гарден и вопрос об источнике перечня «савроматы — Океан», о котором я уже говорил в обзоре первой его работы, когда речь шла о наследии Гелланика. Здесь исследователь возражает против гипотезы Я. Харматты, который, рассматривая данный перечень в варианте, представленном у Мелы, тоже считает его искусственно перенесенным из области к востоку от Танаиса на западную сторону реки под влиянием известия о переходе савроматов через Танаис на запад, но приписывает этот перенос Эфору, заимствовавшему сам перечень будто бы у Гекатея. Дж. Р. Гардинер-Гарден справедливо отмечает, что каталог объектов «савроматы — Океан» упоминался также и Геллаником и Дамастом (замечу, однако, что у последнего, как и у Гекатея, фигурировали еще скифы, а не савроматы), а самих савроматов Эфор помещал попрежнему к востоку от Танаиса (III, с. 10–11), ориентируясь на более ранних своих предшественников, видимо, на Геродота.

Второй автор, географические и этнографические сообщения которого рассмотрены в настоящей работе, — это Аристотель. Первые представлены, конечно, очень любопытным описанием картографической схемы в сочинении «Метеорологика» (I, 13), где говорится о величайших горных хребтах ойкумены и текущих с них крупнейших реках. Здесь исследователь касается весьма сложных и спорных вопросов, связанных с Аристотелевой географией, таких как

[1] О схеме Эфора см.: *Heidel W.* The Frame of the ancient Greek Maps. N. Y., 1937. P. 17–50. В указанной работе есть, однако, ряд моментов, с которыми я не могу согласиться.

[2] [*Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 116–127.]

вопрос об источниках географических представлений Аристотеля, интерпретация его сведений о названных им крупнейших хребтах — Аркинейском и Рипейском, Кавказе и Парнассе, о реках Аракс и Танаис, о Каспийском и Гирканском морях, о границах Азии и Европы и т. д. (III, с. 11–17). Почти все эти темы подробно трактованы в уже упомянутой моей монографии[1], поэтому я не буду останавливаться здесь на них специально. Скажу лишь несколько слов о Парнассе Аристотеля — так был назван античным ученым Гиндукуш. Действительно, интереснейшие сведения Аристотеля о горной и речной системе Гиндукуша[2] задают загадку, прежде всего при определении источника их. Они явно восходят ко времени до походов Александра и тем не менее свидетельствуют о каком-то свежем и достаточно осведомленном в азиатской географии источнике, фиксируя бесспорный прогресс в познании отдаленных восточных стран по сравнению, например, со временем Геродота. Само название хребта, приводимое Аристотелем, довольно близко пехлевийской форме названия Гиндукуша, Aparsēn (из др.-иран. *Uparisaina), тогда как название Паропан(м)ис, появляющееся несколько позднее у историков Александра, воспроизводит другую иранскую форму, *Para-Uparisaina, означающую, собственно, «Загиндукушье». Дж. Р. Гардинер-Гарден, видимо, отдает предпочтение ставшей уже традиционной точке зрения П. Больхерта (1908 г.) о Ктесии как источнике Аристотеля, в данном случае перед мнением Ф. Якоби об Эвдоксе и в конечном счете Гекатее как возможном источнике (III, с. 16–17). Хотя в схеме, нарисованной Аристотелем, действительно имеются некоторые моменты, сближающие ее с данными Ктесия, все же видеть в последнем источник оригинальных сведений Аристотеля заставляет исследователей главным образом то, что найти другое объяснение их появлению вроде бы нельзя. Я в указанной работе, рассматривая все эти мнения и учитывая сведения о Парнассе других античных авторов, прихожу к несколько иному выводу: считаю возможным предполагать, что известия о великом хребте на далеком востоке Азии впервые принес Демокрит, действительно совершавший дальние путешествия — может быть, вплоть до Индии — и общавшийся с восточными мудрецами и магами, а ту довольно искусственную картографическую схему, которой, видимо, непосредственно пользовался Аристотель (ср. III, с. 12), составил Эвдокс Книдский, использовавший для этого, наряду с данными других авторов, также и сведения Демокрита о Парнассе.

Аристотель приводит сведения этнографического характера о скифах и савроматах (III, с. 17–19). Особое внимание мне хотелось бы обратить на очень интересное сообщение Элиана (N.A. XVI, 33), заимствованное у Аристотеля, в котором говорится сначала о неврах, а затем о будинах — о тех, что «живут вокруг Кариска» и не имеют белых овец, но только черных. Дж. Р. Гардинер-Гарден, приводя это сообщение, склоняется к тому, что под Кариском здесь имеется в виду город, а город этот — знаменитый Гелон, подробно описанный Геродотом (IV. 108). Он считает, что эта полученная из первых рук информация

[1] [Там же. С. 197–206.]

[2] Относительно традиционных представлений о Гиндукуше как источнике вод см.: *Пьянков.* Хорезм… С. 46.

восходит, скорее всего, к какому-нибудь понтийскому торговцу, современнику Аристотеля, чем к тому или иному литературному предшественнику или современнику последнего — Гекатею, Гелланику, Эфору (III, с. 19–21).

Рассмотренное сообщение Элиана—Аристотеля, я думаю, может служить ключом к разрешению сразу нескольких загадок и противоречий скифской этногеографии Причерноморья, особенно если признать, что Кариск — это действительно Гелон. У античных авторов имеются два варианта перечня северных соседей скифов. В одном из них невры обитают в верховьях Гипаниса (Южный Буг) и к западу от Борисфена (Днепра), меланхлены — к востоку от Борисфена и к северу от царских скифов, будины же и гелоны — за Танаисом (Доном) и к северу от савроматов, около Оара (Волги). Это вариант Геродота (IV. 17, 20, 100, 102, 105–109, 125). В другом варианте с Гипанисом связаны авхеты, невры помещены на Борисфен выше скифов, а их непосредственными соседями на востоке сделаны будины и гелоны. Следы этого перечня можно уловить у многих античных авторов, но наиболее отчетливо (хотя, видимо, и далеко не в первоначальном виде) он выступает у Плиния (HN. IV. 88) и Аммиана Марцеллина (XXXI. 2. 14; XXII. 8. 31. 40). С географическими представлениями, лежащими в основе данного перечня, справедливо связывают сообщение Геродота о переселении невров в страну будинов (IV. 105). Античные тексты, относящиеся к этому второму перечню, собрал и изучил П. Плезья[1]. Он возвел их, конечно же, к Гекатею Милетскому. Но я уже отмечал выше, что к географии данного перечня близки представления Гелланика.

Как объяснить значительные расхождения в списке народов того и другого перечня? Предположение о дальнем переселении будинов и гелонов на восток ко времени Геродота[2] не подтверждается никакими другими материалами. Попытка истолковать Геродотову этногеографию Скифии так, чтобы непременно «приблизить» будинов Геродота к неврам[3], приводит к серьезному искажению реальной исторической географии земель к востоку от Днепра того времени. И опорой для такого истолкования не могут служить ни данные Птолемея о реке Оар (эти данные — неудачная попытка картографировать те же сведения Геродота), ни рассказ Геродота о скифоперсидской войне (этот рассказ в том виде, в каком он представлен у Геродота, вообще не может отражать реальных событий войны[4] — он явно построен на описании скифских дорог, прежде всего известной дороги к аргиппеям).

Ответ на поставленный вопрос, я считаю, и дает указанное сообщение Аристотеля о будинах, имеющих «только черных овец». Из какого бы источника ни заимствовал Аристотель данное сообщение, ясно, что в нем шла речь о меланхленах-«черноризцах» (Μελάγχλαινοι) и объяснялось, почему хлены (χλαῖναι) — верхние одеяния из шерсти, которые носили эти люди, были черными. Отсюда

[1] *Plezia M.* Hecataios über die Volker am Nordrand des skythischen Schwarzmeergebietes // Eos. 1959–1960. Vol. 50. N 1. S. 27–42.

[2] *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 50.

[3] *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 152–168.

[4] *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 88–89.

следует, что меланхлены были частью будинов и именно эти будины соседствовали с неврами и именно в земле этих будинов находился Гелон, если последний тождествен с Кариском. Теперь понятно, что Геродот и другие авторы, говоря о будинах, сообщали, собственно, о двух разных народах, не сознавая того и не различая их. Один народ — это «черноризные» будины, или меланхлены, оставившие топонимический след в названии города Чернигов, носители юхновской культуры. Именно они были соседями невров, убедительно отождествляемых с носителями милоградской культуры, в их земли вселились с юга скифские гелоны, носители скифских культур левобережья Днепра, и основали там город Гелон, тоже убедительно отождествляемый с Бельским городищем[1]. Другой народ — это будины у Оара, упоминаемые наряду с меланхленами. Они, скорее всего, были носителями городецкой культуры[2].

Далее в работе рассматриваются сведения двух младших современников Аристотеля — Гераклида Понтийского и Теофраста. Здесь приведен интересный пример того, как клише в описании передвижения степных народов, построенное еще на рассказах Аристея, через посредство Гераклида дошло до византийских времен и было использовано для описания переселения аваров и стоявших за ними племен (III, с. 22–23).

Рассмотрены здесь и сведения двух названных авторов о савроматах-сарматах (III, с. 23–25). Если старший из них, Гераклид, еще мог употреблять название «савроматы», то второй, Теофраст, говорил, скорее всего, уже о «сарматах». Употребление Теофрастом в конце IV в. до н. э. имени «сарматы», причем в качестве варианта к имени «скифы», могло бы свидетельствовать, по мнению Дж. Р. Гардинера-Гардена, о недавней победе нового народа над древними царскими скифами — народа, занявшего земли последних к западу от Меотиды (III, с. 24). Однако мне кажется, что это предположение противоречит выводам самого же Дж. Р. Гардинера-Гардена, сделанным в рассмотренной выше его работе (I, с. 17–21), согласно которым савроматы упоминаются в области к западу от Танаиса уже в V в. до н. э., а попали они туда будто бы вместе со скифами, возвращавшимися из переднеазиатских походов. Там же я отметил, что данные, восходящие к Гелланику, свидетельствуют о появлении савроматов к западу от Танаиса на месте царских скифов в конце V в. до н. э. Те же савроматы упоминаются в тех же местах и позднее, иногда под именем сирматов, а еще позднее под именем сарматов. В степях к востоку от Днепра они господствовали, наверное, до начала II в. до н. э., но уже в конце III в. до н. э. их теснят новые племена из-за Дона.

Надо сказать, что аналогичное противоречие очень часто можно заметить у наших археологов. С одной стороны, они говорят о проникновении савроматов

[1] Вопрос об археологической идентификации всех этих объектов см.: *Рыбаков*. Ук. соч. С. 146–148, 153–155, 160–166; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 118–136.

[2] Мой вариант наложения данных о скифском пути к аргиппеям на археологическую карту см.: *Пьянков И. В.* Путь к аргиппеям // Уральский следопыт. 1968. № 7. С. 40 сл. [См. также: *Пьянков И. В.* Путь к аргиппеям (Древние пути на Урал) // Вестник Новгородского гос. ун-та. Серия: гуманитар. науки. Новгород, 1998. № 9. С. 48–55.]

на запад от Дона в конце V в. до н. э. или даже вместе с возвращавшимися из Передней Азии скифами, с другой — о передвижении савроматов-сарматов из-за Дона на запад в конце IV и особенно в конце III в. до н. э., имея в виду распространение памятников прохоровской культуры[1]. Дело здесь в неправильной археологической атрибуции савроматов-сарматов. Прохоровскую культуру называют «раннесарматской». В действительности же она представляет волну племен, следующую за собственно савроматами-сарматами и сменившую их. На западе её носители выступают под именем аорсов и сопутствующих им племен, на востоке — под именем дахов. По той же причине археологи, например, упорно говорят о «сарматах» Средней Азии, хотя никаких сведений о таковых в источниках не имеется[2]. Напротив, много сообщается о дахах и их перемещениях, историю которых как раз и отражают «сарматские» (прохоровские) памятники Средней Азии. Четкая же археологическая атрибуция собственно сарматов, видимо, дело будущего.

Следующие разделы обозреваемой работы трактуют о географии и этнографии историков Александра. Здесь говорится об очень своеобразных географических представлениях современников и спутников Александра Македонского, у которых Гиндукуш был совмещен с Кавказом, Каспийское море — с Меотидой и Понтом, а Сырдарья под именем Танаиса — с Доном (III, с. 26–33). В результате вся карта Черноморско-Азовского бассейна у них оказалась как бы наложенной на карту Каспийско-Аральского бассейна. Об этой странной географической картине, ее происхождении и формировании я подробно говорю в уже не раз упомянутой работе «Средняя Азия в античной географической традиции», готовящейся к печати[3].

Географические представления историков Александра повлияли и на этнографическую картину, которая вырисовывается в их сообщениях. Дж. Р. Гардинер-Гарден считает, что в сочинениях историков Александра фигурируют пять групп номадов: дахи, массагеты, саки, скифы за Танаисом (=европейские скифы) и скифы выше Боспора (=азиатские скифы) (III, с. 33–39). Я позволю себе не согласиться с таким выводом. Тщательный анализ источников, относящихся к этой теме, показывает, что в сообщениях поздних историков Александра — Арриана и Курция — о среднеазиатских номадах контаминированы две традиции, одна из которых говорит о номадах под их собственными именами, а другая — под «географическими», обусловленными теми своеобразными географическими воззрениями, о которых уже шла речь выше. Разделить эти две традиции у Арриана и Курция довольно трудно, но все же можно предполагать, что первая восходит в основном к Птолемею (сыну Лага), а вторая — к Клитарху и Аристобулу. В результате получается, что «европейские» скифы историков Александ-

[1] Так, например, в книге: *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 5–7, 18 сл., 37 сл., 66 сл., 72 сл., 115 сл.

[2] О сирматах Плиния см. в уже упомянутой моей работе «Средняя Азия в античной географической традиции» (готовится к печати). [М., 1997. С. 148–150, 152, 155, 256. Как я показал здесь, единственное упоминание в источниках сарматов (сирматов), как будто имеющее отношение к Средней Азии, в действительности не связано с ней.]

[3] [Там же. С. 48–64.]

дра — это те же дахи, обитавшие во времена Александра по нижнему течению «Танаиса» (Сырдарьи), причем центр их находился тогда еще, видимо, к северу от Сырдарьи и Арала, а «азиатские» скифы, смотря по контексту, — или массагеты, или саки.

Такое отнесение одних групп среднеазиатских номадов к «европейским» скифам, других — к «азиатским» было достаточно строгим и последовательным. Отсюда — удивляющее Дж. Р. Гардинера-Гардена наименование скифов, с которыми Александр столкнулся за Танаисом, «азиатскими»; действительно, если исходить из географических представлений историков Александра, эти скифы вроде бы должны быть названы «европейскими» (III, с. 38). Но дело в том, что саки — а именно с ними воевал Александр за Танаисом — давно уже, и вполне обоснованно, считались у греков «азиатскими скифами»[1], что нашло отражение и в сочинениях Херила Самосского и Эфора (ср. III, с. 3, 8). На этом примере также видно, что «географическое» название скифского народа у историков Александра лишь сопровождало подразумевавшееся тут же собственное его имя.

Далее в работе речь идет о данных Патрокла и Демодама, в сочинениях которых нашли дальнейшее развитие представления античного мира о Средней Азии. Здесь Дж. Р. Гардинер-Гарден говорит о деятельности самих Патрокла и Демодама в Средней Азии, о сообщениях Патрокла, касающихся пути из Индии в Эвксинский Понт и послуживших предметом многих споров в науке, о странных утверждениях Патрокла относительно устья Яксарта в Каспийском море и соединения Каспия с Океаном, приведших к созданию новой концепции географии Средней Азии в античной науке, о сведениях Демодама, касающихся Яксарта, о содержании его информации и вкладе его в античные познания о Средней Азии, наконец, о вкладе бематистов (III, с. 39–48). Все эти вопросы подробнейшим образом рассмотрены и в упомянутой моей монографии, готовящейся к печати[2].

Ограничусь здесь лишь некоторыми короткими замечаниями. Автор склоняется к тому, что торговый путь по Амударье в Каспийское море, возможно, все же существовал (III, с. 41). В настоящее время работы туркменских археологов снимают всякие сомнения в существовании такого пути; теперь установлено, что в парфянское время сооружается даже мощная крепость в низовьях Узбоя в урочище Игды, близ знаменитого водопада на Оксе (т. е. на Узбое в данном случае), специально для контроля над этим путем[3]. Далее автор принимает часто повторяемое в научной литературе (вслед за В. Тарном) утверждение, что Александрия Эсхата была при Демодаме вновь основана под именем Антиохии в Скифии (III, с. 44). Однако внимательный анализ источников показывает, что нет никаких оснований для предположения о смене Александрией Эсхатой своего имени в это время[4], что же касается Антиохии в Скифии, то теперь данные

[1] Такое объяснение кажущемуся противоречию в известиях историков Александра я предложил еще в работе: Аскатаки-скифы… С. 113, 118.

[2] [*Пьянков И. В.* Средняя Азия… С. 43, 53–64.]

[3] *Юсупов.* Древности Узбоя… С. 119–209.

[4] *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76–78.

археологии позволяют поместить ее, как и следовало ожидать, по правую сторону Сырдарьи, в Ташкентском оазисе[1].

Наконец, в работе рассматриваются сведения ученых птолемеевской Александрии. Это сообщения Гекатея Абдерского об индийских аттакорах (III, с. 49–51)[2] и Каллимаха об их греческом аналоге гиперборeях и сопутствующих им племенах (III, с. 51–52), сведения Аполлония Родосского о колхах и их соседях и о загадочной реке Лик[3] (III, с. 52–53). Больше внимания уделено воззрениям Эратосфена о северо-востоке ойкумены (III, с. 53—56), хотя вклад этого выдающегося ученого в формирование представлений античного мира о Внутренней Азии был настолько значителен, что охарактеризовать его сколько-нибудь полно на отведенных ему здесь страницах, конечно, невозможно. О соответствующих географических концепциях Эратосфена я тоже говорю в своей монографии[4].

IV. Четвертая работа посвящена Аполлодору Артемитскому и его сведениям о среднеазиатских скифах. Аполлодор Артемитский занимает совершенно особое место в античной историографии Внутренней Азии. Если бы не его сочинения, то мы, возможно, вообще не имели бы связной истории эллинистического «Дальнего Востока». Хотя эти сочинения не сохранились, но именно к ним восходит большинство античных известий о восточной периферии эллинистического мира. Специальных работ об Аполлодоре Артемитском не так уж много, и тем более досадно, что Дж. Р. Гардинер-Гарден совсем игнорирует труд своего хоть и давнего, но все же прямого предшественника — А. Бэра[5]. Этот труд, мне кажется, не устарел и до сего времени, во всяком случае многие вопросы трактованы в нем более убедительно, чем в работах последующих авторов.

Как и в других обозреваемых работах, исследование, посвященное отдельному античному автору, в данном случае Аполлодору, Дж. Р. Гардинер-Гарден начинает с представления известий о сочинении данного автора и биографических сведений о нем, в частности, говорит о вполне возможных его путешествиях, а дату, до которой доведено описание событий в сочинении, определяет как 70/69 гг. до н. э. (IV, с. 1–3, 59)[6]. Вполне убедительно, на мой взгляд, отвергает Дж. Р. Гардинер-Гарден идущее от В. Тарна мнение о каком-то «источнике Трога», отдельном и независимом от Аполлодора (IV, с. 8–10).

Что в составе сочинения Аполлодора была периегеса (IV, с. 3–4), мне тоже кажется вполне вероятным. Но я никак не могу согласиться с автором в том, будто Ох, отождествляемый им с Тедженом, протекал по Маргиане и будто бы

---

[1] *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 106.

[2] Анализ соответствующего текста см.: *Пьянков И. В.* Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия… М., 1986. С. 8, 12 сл., 16 сл.; *Он же.* Аскатакискифы… С. 114 сл. См. также: *Karttunen.* India… P. 138 f., 200 f.

[3] О связанных с ней представлениях см. также: *Пьянков.* Массагеты… С. 57.

[4] [*Пьянков И. В.* Средняя Азия… С. 92–96.]

[5] *Behr A.* De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888.

[6] [О дате Аполлодора Артемитского см. теперь: *Nikonorov V. P.* Apollodorus of Artemita and the date of his Parthica revisited // Electrum. Vol. 2. Krakow, 1998. P. 107–122.]

Аполлодор мог представить себе эту реку текущей в Каспийское море (IV, с. 5). Если уже Аристобул, судя по Арриану (Anab., IV. 6. 6) и Страбону (XI. П. 5), знал, что Арий (Геримруд-Теджен) теряется в песках, то почему Аполлодор, сам путешествовавший по описываемым им местам и тоже упоминавший об Арии (у Страбона, XI. 10. 1), должен был называть эту реку Охом и считать ее впадающей в Каспийское море? Здесь, несомненно, правы те исследователи (ср. IV, с. 5), которые видят в античном Охе две реки, упоминаемые двумя разными авторами: Ох, протекающий по Несее и впадающий в Каспий, — это Атрек, известный Аполлодору; Ох в Бактрии, приток Окса, описанный Аристобулом, — другая река, но не Балхаб, как тоже часто полагают (воды Балхаба в историческое время уже не достигали Амударьи регулярно), а судя по ряду признаков, Сурхаб — река Кундуза[1]. Такая идентификация не требует никаких натяжек.

Далее Дж. Р. Гардинер-Гарден останавливается на сообщении Страбона о приходе дахов из области «выше Меотиды» (XI. 9. 3). Принадлежит ли и это сообщение Аполлодору? Автор, видимо, склонен дать отрицательный ответ (IV, с. 6). Я же думаю, что принадлежность сообщения Аполлодору несомненна уже потому, что сама тема его неразрывно связана с темой основания Парфянской державы Арсаком, где в версии Аполлодора активно участвуют дахи. По этой-то причине, очевидно, данное сообщение и было интересно античному читателю. Правда, контекст его (Strabo. XI. 9. 1–3) особенно выразительно свидетельствует, что сведения Аполлодора Страбон заимствовал через посредство Посидония[2], к которому, видимо, и восходит замечание Страбона, выражающее сомнение относительно пребывания дахов у Меотиды (XI. 9. 3). Вполне понятно и то, что общие географические представления Аполлодора о Средней Азии были близки представлениям спутников Александра, говоривших о связи Каспия с Меотидой[3]. Эти представления имеют глубокие местные корни, и прообраз их можно найти даже в пехлевийской литературе, передававшей авестийскую традицию, концепция же Патрокла — чисто греческое ученое построение. Реальная же подоснова сообщения Аполлодора о переселении дахов из области над «Меотидой» (Аральским морем, в данном случае) нашла отражение в распространении памятников прохоровской культуры на юге Средней Азии[4].

Рассматривая античные свидетельства о возникновении Парфянского царства, Дж. Р. Гардинер-Гарден выделяет в них три версии. Одна из версий, историческая, где действуют Арсак и его дахи, восходит к Аполлодору; другая, романтическая и тенденциозная, составленная по традиционным образцам, принадлежит Арриану. В оценке этих версий автор следует за И. Вольским и Ф. Нейснером (IV,

[1] *Пьянков И. В.* Реки Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 66, 67.

[2] *Behr.* Op. cit. P. 25. 26.

[3] [*Пьянков И. В.* Средняя Азия… С. 232–234]

[4] Давно уже предложенное мною отождествление «прохоровцев» Средней Азии с дахами нашло поддержку у такого крупнейшего исследователя «сарматских» культур, как К. Ф. Смирнов (*Смирнов К. Ф.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 76, 77; *Он же.* Сарматы… С. 16).

с. 12,13). Что же касается свидетельства Страбона об Арсаке как бактрийце, бежавшем от Диодота в Парфию (XI. 9, 3), которое Дж. Р. Гардинер-Гарден выделяет в третью версию, то оно, скорее всего, является лишь одним из ранних проявлений второй версии, тоже ведь предусматривающей бактрийское происхождение Арсака и его брата, судя по фрагменту «Парфика» Арриана у Синкелла (фр. 1,2, Roos = фр. 31, Jacoby).

Последовательность событий, связанных с возникновением Парфянского царства, Дж. Р. Гардинер-Гарден восстанавливает следующим образом: Арсак во главе племени дахов двинулся из Бактрии в Парфянскую сатрапию ок. 247 г. до н. э.; Селевк II после войны с Птолемеем III, Антиохом Гераксом и галатами, обратил, наконец, внимание на Парфию ок. 238/237 гг. до н. э.; действия его там сначала были успешными, предводитель парфян бежал к апасиакам в 231 г. до н. э., но известия о новых волнениях на западе заставили Селевка повернуть, парфяне одержали над ним победу в городе Асаак, где и венчали на царство своего предводителя Тиридата, считая новую эру, однако, с начала его предводительства в орде, с 247/246 г. до н. э. (IV, с. 17–23).

О самих же этих событиях мы должны судить главным образом по данным Аполлодора, сохранившимся у Трога-Юстина (XLI. 4.3–5.1) и Страбона (XI. 9. 2): о первом отпадении парфян во время распрей Селевка II и Антиоха Гиеракса; о том, как Арсак во главе дахов, живших по р. Ох, захватил Парфию и убил ее правителя Андрагора, узнав о поражении Селевка II в битве с галлами; о походе Селевка II в Парфию, бегстве Арсака к апасиакам, конечной победе Арсака и возвращении Селевка на запад из-за вновь вспыхнувших мятежей; о дне победы как празднике парфян[1]. Сюда следует добавить такие факты, как местонахождение династийного центра Аршакидов в Нисе, роль Асаака в Аставене как места коронации Аршака и начало Аршакидской эры в 247 г. до н. э. Тот или иной способ согласования всех этих фактов и определяет получаемую в итоге реконструкцию событий.

Сейчас все исследователи более или менее согласны в том, что «первое отпадение парфян» — это отпадение сатрапа Андрагора, датируемое, скорее всего, 247 г. до н. э. — годом смерти Антиоха II. Тогда же отпали Диодот, сатрап Бактрии, и правители других восточных провинций Селевкидов[2]. Неудивительно, что и начало династийной аршакидской эры падает на тот же год. Однако исследователей, как правило, смущает кажущаяся несовместимость двух фактов: получается, что в один и тот же год и Андрагор, и Арсак были провозглашены правителями Парфии. В действительности это разные события. Андрагор, конечно, имел резиденцию в старом центре ахеменидско-селевкидской Парфянской сатрапии, в городе Гекатомпиле области Комисена (Кумис), а Арсак, вождь дахов, незадолго до того осевших в долине Оха (Атрека), стал царем Аставены (Устува) и Несеи (Ниса). В Парфию же Андрагора Арсак вторгся лишь после того, как

[1] Анализ указанных текстов можно найти кроме работ И. Вольского и других исследователей, на которых ссылается автор, также в работах: *Schmitt H. H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 62 f., 68 f.; *Кошеленко Г. А.* Полис в восточноэллинистических государствах. М., 1979. С. 266 сл., особенно прим. 5, где автор пишет о происхождении двух версий о коронации: Аршака или Тиридата.

[2] *Дьяконов И. М., Зеймаль Е. Н.* Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С. 14.

узнал о поражении Селевка в битве при Анкире (между 239–234 гг. до н. э.). При этом возможно, что Андрагор удерживал власть еще и в 230 г. до н. э.[1], так как окончательный исход борьбы Селевка II с Арсаком определился, видимо, только к 228 г. до н. э.

Много внимания Дж. Р. Гардинер-Гарден уделяет апасиакам — племени, тесно связанному с парфянской историей (IV, с. 18–20, 40–43). Античные сведения об этом далеком скифском народе фрагментарны и довольно смутны, поэтому и в толковании их современными исследователями нет согласия. В ряде моментов и я не могу согласиться с автором, и прежде всего в том, что апасиаки — это те же дахи (IV, с. 20).

Апасиаки — несомненно более древнее массагетское племя, видимо, имевшее основной своей базой ко времени рассматриваемых событий Хорезмский оазис[2].

Рассмотрены в работе и свидетельства о возникновении Греко-Бактрийского царства и ранней его истории (IV, с. 11–12, 21–23). Специальный раздел посвящен бактрийской экспансии в Центральной Азии (IV, с. 23–30). Здесь рассматриваются восходящие к Аполлодору античные сообщения о распространении власти греко-бактрийских царей «вплоть до серов и фринов»[3], подкрепляемые другими свидетельствами, и предложена идентификация самих серов и фринов. Я не думаю, что сообщение Плиния (NH. VI. 88) со ссылкой на Рахию препятствует отождествлению серов с китайцами (IV, с. 23–25), так как очень сомнительно, что название «серы» употреблял в своем рассказе сам Рахия, а не вставил его в рассказ лишь Плиний[4]. Что же касается отождествления фрунов с хуннами (IV, с. 26–28), то мне оно тоже кажется исторически вполне вероятным. Отдельный раздел посвящен также парфянской экспансии на Востоке и борьбе парфян со скифскими вторжениями (IV, с. 30–34).

Наконец, подробно рассматриваются в работе сведения о вторжении кочевников, положившем конец Греко-Бактрийскому царству. Надо сказать, что тема эта постоянно привлекает внимание историков, несмотря даже на то, что состав относящихся к ней письменных источников фактически не пополняется за последние десятилетия. И Дж. Р. Гардинер-Гарден проделал большую работу, обобщая то, что было написано на эту тему, в том числе и многие работы советских исследователей, и пытаясь выделить наиболее рациональные решения. Добавлю, что здесь мог бы немало помочь автору и богатый археологический материал, накопленный в результате работ советских, французских и афганских археологов. Но автор ограничивается лишь анализом разнообразных письменных источников. Отмечу прежде всего, что нельзя не согласиться с автором, когда он списки вторгшихся в Бактрию племен, извлеченные из разных античных сочинений (Страбона, Трога, Птолемея), возводит к одному источнику и считает этим источником Аполлодора (IV, с. 9–10, 36, 41–42, 51–52). Анализирует автор и све-

[1] Там же. С. 18.

[2] *Пьянков.* Хорезм... С. 50, 51.

[3] Об этих сообщениях см. также: *Пьянков.* Восточный Туркестан... С. 16–18.

[4] Там же. С. 18–19.

дения, относящиеся к отдельным племенам: асиям, пасианам, тохарам, сакараулам.

Убедительными, в общем, кажутся мне заключения Дж. Р. Гардинера-Гардена относительно разных вариантов идентификации асиев (IV, с. 37–40). Только от сближения асиев (ятиев) с юечжами китайских источников я бы отказываться не стал. А вот трактовка Дж. Р. Гардинером-Гарденом вопроса о пасианах (IV, с. 40–43) вряд ли удачна. И прежде всего, по методическим соображениям: рискованно строить гипотезы на основе лишь однажды упомянутого в источнике названия, в правильности чтения которого у нас нет уверенности. Вполне правдоподобным кажется мнение тех ученых, которые видят в «пасианах» лишь результат графической ошибки, исказившей первоначальную форму «асианы» — вариант названия «асии» действительно засвидетельствованный в источниках (ср. IV, с. 35, 41). Не вижу и возможности отождествления «пасианов» с апасиаками (IV, с. 41–43), об участии которых в упомянутом передвижении номадов нет никаких сведений.

Идентификация тохаров Аполлодора (IV, с. 43–50) тоже в общем кажется мне убедительной. В целом как народ они, конечно, тождественны китайским юечжи (IV. с. 47). Несомненно, тождественны им и индийские тукхара, даже тогда, когда они помещаются к северу от Гималаев (IV, с. 46); в этом случае видимо, фиксируется их место обитания до прихода в Бактрию. Греки, впервые узнавшие о тохарах во времена Мегасфена, тоже застали их в тех же местах[1]. С тохарами, как известно, связано много проблем широкого исторического значения. Дж. Р. Гардинер-Гарден не обходит и их. В вопросе о «тохарском» языке он, я думаю, прав, считая, что исторически более обоснованным было бы применять это название к иранскому языку Кушанской Бактрии, чем к древнему языку Кучи (IV, с. 48), хотя и последний все же имеет некоторые права на это название[2]. Останавливаясь на вопросе о том, какими путями этот древний индоевропейский язык проник в Восточный Туркестан (IV, с. 49), автор не учитывает новые археологические данные, позволяющие связать с предками таримских «тохаров» носителей афанасьевской культуры[3].

Много интересных соображений, отчасти спорных, высказывает автор и относительно сакараулов (я бы предпочел форму «сакарауки») (IV, с. 50–60). К сожалению, остановиться на них детальнее здесь нет возможности. Замечу только, что сагартии, о которых автор тоже много пишет (IV, с. 52, 53), кроме некоторого, чисто внешнего созвучия в названии[4], ничего общего с сакарауками не имеют.

---

[1] *Пьянков И. В.* Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261 сл.

[2] *Narain A. K.* Indo-Europeans in Inner Asia // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambr., 1990. P. 152.

[3] *Пьянков И. В.* Движение степного населения в евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 4. С. 77–78 (дата на с. 77 искажена!); *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 11 (со ссылкой на С. Кайру).

[4] Этимологию названия «сагартии» см.: *Kent R. G.* Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953. P. 173. О миках Гекатея и Геродота: *Пьянков,* Массагеты… С. 56–57.

Проблематично также отношение к ним народа сай-вань китайских источников (IV, с. 54–57). Что касается тезиса о невозможности перехода кочевой орды через Гималаи (IV, с. 56), то теперь, после работ К. Йеттмара и А. Дани, он, я думаю, полностью потерял свою силу[1].

Из многих затронутых во всех четырех работах проблем здесь рассмотрена, разумеется, лишь часть. И сама широта проблематики этих работ делает их интересными для обширного круга специалистов. А содержательность источниковедческого анализа и достаточная полнота в историографическом плане, сведение воедино разных точек зрения по тем или иным вопросам обеспечивают, я думаю, их ценность и полезность для исследователя. Все это, разумеется, не исключает спорности отдельных заключений автора — уже в силу самой природы предмета исследования.

[1] *Пьянков И.* Открытии немецких и пакистанских ученых в области Чиласа и в Гилгите // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1988. Вып. 15. С. 40–44.

2. ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О СВЯЗЯХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ С ПАРФЯНСКИМ ИРАНОМ*

Рец. на кн.: *Olbrycht M. J.* Parthia et ulteriores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München: tuduv-Verl.-Ges., 1998. VII, 337 S. Anhang: Karten. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. Bd 30).

Книга польского ученого Марека Ольбрыхта посвящена теме, казалось бы, далеко не новой: политической истории Аршакидского государства. Но, как это часто бывает, первое впечатление обманчиво: история Аршакидов рассмотрена в книге под таким углом зрения, какой позволяет увидеть в этой теме новые грани, новые проблемы, на которые предшественники исследователя обращали мало внимания.

Автор справедливо отмечает (S. 1), что парфянская история до сих пор изучалась очень неравномерно. Когда говорили о внешних связях Аршакидского государства, то имели в виду главным образом отношения его с Селевкидами и Римом. В степных племенах видели лишь постоянную угрозу для Парфии. Пионером нового, комплексного подхода к изучению взаимоотношений Аршакидов и кочевников автор признает М. И. Ростовцева (S. 3).

Целью своей работы Ольбрыхт считает «реконструкцию политических контактов Аршакидского Ирана с его центральноазиатскими и юговосточноевропейскими соседями, среди которых кочевые племена занимали центральное положение» (S. 1). Надо сказать, что непременным условием выполнения этой задачи является неограниченное владение информацией, содержащейся в научной, в частности, археологической литературе на русском языке. Западные ученые удовлетворяют этому условию не так уж часто. Ольбрыхта упрекнуть в этом отношении не в чем: научную литературу на русском языке он знает блестяще.

Работа состоит из четырех частей. Первая — введение (S. 1–26), посвященное определению предмета и цели работы, обзору источников и научной литературы, изложению общих соображений по поводу взаимоотношений номадов евразийских степей с внешним миром и географических предпосылок иранско-центральноазиатской истории. Вторая часть содержит основные материалы работы (S. 27–234). Третья часть посвящена обзору Аршакидского Северо-Восточного Ирана и закаспийских степных народов в свете археологических источников (S. 235–

*Впервые опубликовано: Интересное исследование о связях среднеазиатских кочевников... Рец. на кн.: M. J. Olbrycht. Parthia et ulteriores gentes. München, 1998 // Вестник древней истории. М.: Наука, 2002, № 3. С. 219–228.

252). Четвертая, заключительная часть (S. 253–268) — это общий взгляд на Аршакидов и кочевой мир в ретроспективе и перспективе.

Остановимся подробнее на второй части работы. Она состоит из следующих разделов: «Номады Центральной Азии в ахеменидское и эллинистическое время» (S. 27–50), «Основание и устройство Аршакидского царства» (S. 51–76), «Большие вторжения номадов в Туркестан и Иран (II в. до н. э.)» (S. 77–105), «Парфия и степные народы в I в. до н. э.» (S. 106–137), «Парфянско-кочевнические взаимоотношения от Артабана II до Готарза II (S. 138–175), «Парфянская держава и степные племена во времена поздних Аршакидов» (S. 176–234).

Согласно автору, к концу существования Ахеменидской державы на ее северо-восточных границах сложилось некое равновесие, некая система, объединявшая оседлое и кочевое население и уходившая глубоко в экономические условия существования тех и других. С приходом Александра Македонского и созданием эллинистических государств система эта распалась, экономические связи оказались разрушенными вследствие изоляции оседлого населения от кочевников. Последние вынуждены были совершать грабительские походы, чтобы както компенсировать утраченные связи. Так возникали условия, подводившие к созданию государств, возглавленных кочевниками, подобных Аршакидскому царству (S. 30, 31, 46–50).

Соответственно целью следующего раздела своей работы автор считает выяснение роли номадов в создании Аршакидского царства (S. 51). Главной причиной успеха, быстрого «взлёта» этого царства было удачное сочетание традиций оседлого населения Парфии и степных традиций апарнов: первые Аршакиды сумели в короткое время освоить существенные элементы восточной и эллинистической культур, не прерывая связей с кочевым миром (S. 67, 76). Время от походов Александра до середины III в. до н. э. было временем разительных перемен на политической карте Средней Азии. Главным фактором этих перемен явились передвижения кочевых племен дахов, которые и основали Аршакидское государство (S. 51–60). Реконструкция автором основных событий, связанных с основанием этого государства, и их последовательности (в основном по И. Вольскому) кажется убедительной, удачно сочетающей показания разнородных источников: провозглашение Аршака царем апарнами в Аставене (247 г. до н. э.), восстание селевкидского сатрапа Андрагора в Парфии (245 г. до н. э.), вторжение Аршака в Парфию (238 г. до н. э.) (S. 61–63). Временем создания и упрочения Аршакидского царства автор считает период от Аршака I до Фраата I (ок. 247–170 гг. до н. э.) (с. 76).

Историю Парфии в период больших вторжений номадов в Туркестан и Иран II в. до н. э. автор вполне обоснованно считает необходимым рассматривать в контексте общих передвижений степных племен на всем пространстве от границ Китая до Северного Причерноморья. Исходным импульсом для миграционных процессов послужила консолидация Китая в мощную империю в конце III в. до н. э., породившая соответствующие объединительные тенденции у кочевых племен хунну (S. 77). Автор и начинает данный раздел с рассмотрения событий, происходивших в это время у хунну, и взаимоотношений последних с Китаем, миграций кочевых племен юечжи, усунь и саков (S. 78–82). Но основное внимание он уделяет политике парфянских царей Митрадата I, Фраата II, Артабана I

и Митрадата II по отношению к кочевникам на восточных границах их царства, попутно рассматривая свидетельства о вторжении номадов в Бактрию (S. 91–96) и о связях Парфии с Китаем (S. 101–103). Несмотря на ряд неудач, Аршакиды в конце концов вышли победителями в борьбе с кочевниками и при Митрадате II, по мнению автора, достигли наивысшего могущества, превратив свое царство в мировую державу; на востоке она включала тогда территории Систана, Западной Бактрии, Маргианы, среднего течения Амударьи и закаспийских степей вплоть до Узбоя (S. 105).

Аршакидское государство продолжало занимать на востоке доминирующие позиции и в I в. до н. э., хотя временами кочевые племена могли играть решающую роль во внутрипарфянских распрях. Саки, осевшие в Дрангиане, оставались под парфянской властью. Сильное парфянское влияние сохранялось в Западной Бактрии, и зона этого влияния распространялась до Кангюя. Область по среднему течению Амударьи прямо контролировалась Аршакидами (S. 106, 136). Уникальную серию монет, указывающую на военные действия парфянского царя в Рагах, Маргиане, Траксиане, Нисее и Арее, автор относит ко времени после Митрадата II; возможно, она была выпущена Готарзом I (S. 108). Загадочные слова Помпея Трога «Reges Tocharorum Asiani interitusque Saraucarum» автор понимает как указание на два взаимосвязанных события, относящихся к середине I в. до н. э. (S. 113).

События парфянской истории в период от Артабана II до Готарза II (1-я половина I в. н. э.) показывают, насколько важную роль в ней играли отношения с кочевыми племенами. К этому времени, как отмечает автор, внутри парфянского правящего слоя сформировались три большие группировки («партии»): «легитимистская» — приверженцы главной линии Аршакидов, проримски настроенные, атропатенская и гирканско-дахская (S. 139, 167, 174). Положение осложнялось еще и тем, что на востоке в это время возникло отдельное, хотя и парфянское по происхождению государство, основанное Гондофаром (S. 145, 174). Показательно, что вывел Аршакидское государство из кризиса Артабан II, принадлежавший к парфянской знати, связанной с Гирканией и Карманией, и воспитанный дахами. В соответствующем разделе автор и сосредоточил свое внимание на интереснейших сообщениях источников касательно связей Артабана с Гирканией и дахами (S. 139–142, 151–155), его соперника Вонона со «скифами» (S. 142, 143), на анализе событий из истории борьбы Вардана с Готарзом, происходившей на далеких восточных окраинах Парфянского государства (S. 160–167), в частности на любопытных сообщениях источников о «бактрийских полях» (S. 160, 161) и реках Эринд и Синд (S. 163–166) как местах этой борьбы. Очень интересен затронутый автором вопрос о соотношении Готарза II и эпического Годарза (S. 157, 167–173). В этом разделе содержится немало и других замечаний, так или иначе затрагивающих важные проблемы, например о первом упоминании аланов (S. 147, 148), о возникновении отдельного «гирканско-дахского» государства (S. 161).

Со вступлением на престол Вологаса I (середина I в. н. э.), представителя атропатенской «партии», начинается новая эпоха в истории Парфянского государства. Тесные связи Аршакидов с дахами, саками и гирканцами приходят к концу (S. 176–179, 231, 232). Гирканцы даже вообще отпали от Аршакидов

и завязали сношения с враждебными им римлянами (S. 181–183); рассматривая эти события, автор останавливается также на интересном и спорном вопросе о пути, по которому возвращались от римлян гирканские послы (S. 181, 182). Главным противником парфян в степной зоне в это время становятся аланы; анализируя взаимоотношения парфян с аланами, автор затрагивает ряд проблем, несомненно интересных и важных для истории алан и вообще степных народов данного времени (S. 190–208).

Нельзя не учитывать в дальнейшем и результаты комплексного рассмотрения автором исторической ситуации, сложившейся на восточных рубежах Парфянского государства в эпоху поздних Аршакидов (S. 212–220), в том числе положения в Маргиане (S. 215–218), истории Индо-Парфянских владений (S. 218–220). То же самое нужно сказать и о наблюдениях автора относительно взаимоотношений Аршакидов с Кушанским государством и места индо-парфян в этих взаимоотношениях (S. 221–231). В рассматриваемое время устанавливаются трансконтинентальные торговые пути, связывающие Китай со Средиземноморьем (Великий шелковый путь). С Парфянским государством тесно связана история не только южных ветвей этих дорог, но и северных (степных): и этих тем касается автор рецензируемой книги (S. 186–190, 210–212, 214–216, 233, 234).

В целом книга М. Ольбрыхта безусловно является ценным вкладом в познание истории Аршакидского государства — одной из мировых держав древности. Рассмотрение этой истории в необычном ракурсе — можно сказать, «с тыла» — позволяет увидеть многие события и процессы в новом свете. Широкий охват проблем при рассмотрении истории Аршакидского государства в контексте мировой истории, комплексная реконструкция прошлого с помощью привлечения самых разнообразных источников: литературных (как античных, так и восточных), эпиграфических и нумизматических, равно как и археологических, максимально полное использование научной литературы, особенно новейшей, — всё это делает рецензируемую работу настольной книгой для историка Древнего мира.

Хотелось бы подробнее остановиться на отдельных проблемах, затронутых в рассматриваемой книге. Начнем с самых существенных, касающихся территориального «ядра» Аршакидского государства — собственно Парфии, и этнической первоосновы этого государства — народа дахов.

Камнем преткновения для исследователей всегда являлось точное определение территории Парфии в узком смысле[1]. Автор, описывая территориальное «ядро» Аршакидского государства, следующим образом определяет его границы: на севере и юге — пустыни и степи (на юге это Большая Соляная пустыня к югу от Эльбурза), на западе — Гиркания, на юго-западе — Каспийские ворота и Мидия, на востоке — Арея и Маргиана (S. 72, 73). При этом «равнины Парфиеи» им локализуются в оазисах Ахал и Атек к северу от Копетдага, а Несея — почему-то отдельно, на «периферии Гиркании» в Мешед-Мисрианской равнине (S. 47, 74)[2]. Здесь же автор цитирует Страбона (XI, 9, 1), который

[1] Ср.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 209.

[2] Это утверждение, очевидно, навеяно словами Страбона (XI, 7, 2) о том, что какие-то его предшественники относили Несею к Гиркании. Но такое положение характеризует лишь временную ситуацию,

говорит, что при персах (т. е. в ахеменидские времена) и македонянах Парфия была невелика, ныне же (речь идет о времени Аполлодора Артемитского, т. е. конце II — начале I в. до н. э.) она увеличилась и в состав ее входят Комисена и Хорена, как и области до Каспийских ворот, Раг и тапиров, ранее принадлежавшие Мидии. Так в научных трудах обычно и определяются границы и состав Парфии[1].

Получается, что первоначальная Парфия (Παρθυαία, Παρθυηνή) являлась небольшой областью в подгорной полосе Копетдага (Ахал и Атек) и лишь в аршакидские времена Парфия необычайно расширилась, достигнув на западе Каспийских ворот. Однако такое представление вступает в явное противоречие с источниками. Давно замечено, что Каспийские ворота являлись западной границей Парфии уже во времена походов Александра[2] (это отмечает и сам автор, S. 73 прим. 133). Анализ путевых данных показывает, что таким же было положение и при первых Ахеменидах[3]. Более того, Парфия в ахеменидские времена ограничивалась действительно небольшой областью вдоль южных склонов Эльбурза, к югу от Гиркании: это следует из сообщений историков Александра и обобщившего их данные Эратосфена[4]. Здесь и находились Хоарена, примыкавшая на западе к Каспийским воротам, и Комисена с древней столицей Парфии, названной греками Гекатомпилом, ныне Шахри-Кумис у Дамгана. Все это заставляет согласиться с небольшой корректировкой текста приведенного выше сообщения Страбона, предложенной И. Марквартом, из которой вытекает, что слова о прежней принадлежности к Мидии относятся лишь к землям, простирающимся *с запада на восток* вплоть до Каспийских ворот, Раг и тапиров, и отражают процесс постепенного расширения владений Аршакидов на западе в течение II в. до н. э.[5]

Область Туркмено-Хорасанских гор к востоку от Эльбурза в доаршакидские времена принадлежала совсем иному культурному и этническому миру. К концу ахеменидской эпохи эта область считалась частью Ареи: первым крупным поселением на пути воинов Александра к востоку от Парфии был арейский город Сусия (Тус по почти всеобщему признанию[6]).

когда Гиркания, видимо, вообще охватывала большую часть Хорасана. К тому же источнику восходят сведения Птолемея (VI, 9, 5) о принадлежности к Гиркании и таких удаленных от нее областей, как Аставена (долина Верхнего Атрека) и Сиракена (Серахс).

[1] См., например: Древнейшие государства… С. 209; *Bivar A. D. H.* The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. III (1). P. 24, 26.

[2] *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1905. Hft. II. S. 33, 34, 38–40.

[3] *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 195. Таким было положение и еще раньше, при ассирийцах (Асархаддон, ок. 680–670 гг. до н. э.): *Пьянков И. В.* Источники и литература // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 24.

[4] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 166. Такой же оставалась Парфия ко времени образования Аршакидского государства; учет этого обстоятельства помогает правильно понять связанные с воцарением Аршака события: *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 205.

[5] *Marquart.* Op. cit. S. 40 Anm. 2.

[6] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 15, 16; *Он же.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 43, 44.

Эратосфен, опиравшийся в своих представлениях о востоке ойкумены в основном на данные историков Александра, знал, что хотя ареи и находятся главным образом к югу от горного хребта, делящего Азию на южную и северную половины (т. е. в данном случае к юго-востоку от Туркмено-Хорасанских гор), но часть их обитает в самих горах и даже к северу от гор[1]. Это утверждение позволяет установить источник Птолемея в том месте (VI, 17, 3), где он говорит о нисеях и аставенах как обитателях самой северной части Ареи. Границей Ареи с Парфией и Карманийской пустыней (Большой Соляной пустыней) Птолемей (VI, 5, 1; 17, 1, 3) считает Масдоранские горы (Биналуд-кух).

Это положение хорошо иллюстрируется археологическими материалами. Арея в ахеменидские времена являлась крайней западной частью Арианы — большой этнической общности, единство которой отражено и в культурной общности: это археологические комплексы типа Яздепе—Кучуктепе—Тиллятепе—Нади-Али[2]. Как известно, памятники этого круга имеются и в подгорной полосе Копетдага (т. е. в Ни(е)сее), засвидетельствованы они и в Кучано-Ширванской долине (т. е. в Аставене)[3], иными словами, распространены в западном направлении как раз до хребта Биналуд. Гиркания и Парфия принадлежали тогда другому миру — западноиранскому. Соответственно и гирканские археологические культуры того времени — «архаического Дахистана» (в ахеменидскую эпоху прекратившая свое существование, по-видимому, из-за трансгрессии Каспийского моря) и Туренгтепе — свидетельствуют о совсем иных, западных связях своих носителей[4].

Положение изменилось лишь в аршакидскую эпоху. Хотя даже у Страбона, который уже использовал источники аршакидского времени, нигде не видно, чтобы он представлял себе Несею как часть Парфии в узком смысле (см. XI, 7, 2, 3; 8, 3). Лишь Исидор Харакссский (Stathm., 12) и Плиний (N. H., VI, 113) определенно или прямо отождествляют Нисею с Парфиеной, или считают ее частью последней[5].

Трудно сказать, почему две разные области носили одно и то же название. Может быть, дело в том, что обе они расположены вдоль края — одна вдоль южного, другая вдоль северного — Туркмено-Хорасанского горного массива. А нарицательное значение слова parϑ(s)ava, согласно наиболее убедительному толкованию, «бок», «край», применительно к территории «[страна] у края (подножия) горы». Впоследствии и туркмены называли эти области — северную

---

[1] *Пьянков.* Средняя Азия... С. 166.

[2] *Пьянков И. В.* Ариана по сведениям античных авторов // Восток. 1995. № 1. С. 48, 51; *Он же.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 29–31.

[3] *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 113.

[4] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 181, 182; *Cleuziou S.* L'Age du Fer à Tureng Tepe et ses relations avec l'Asie Centrale // Symposium franco-soviétique de Dushanbe, avril 1982. P. 11–15. (Текст докладов — в Библиотеке АН Таджикистана.)

[5] Однако города «Парфавниса», фигурирующего в трудах многих наших историков, по-видимому, всё же не существует. Правильное чтение соответствующего места в сочинении Исидора Харакссского (Stathm., 12): «Затем Парфиена... в ней ущелье Парфау. Город Ниса...». *Marquart.* Op. cit. S. 66, Anm. 2; *Пьянков.* Средняя Азия... С. 260, 261.

подгорную полосу Копетдага и южную полосу от Дамгана до Туршиза — одинаково «Этек», т. е. «край», «кайма» в смысле «подошва горы»[1].

Не меньше трудных вопросов задает история дахов — кочевого народа, основавшего Аршакидское царство.

Автор отмечает, что о первоначальном месте обитания дахов письменные источники ничего не сообщают, но ко времени походов Александра (а может быть, уже и при Ксерксе), судя по тем же источникам (Страбон, XI, 9, 3; Арриан, III, 28, 8, 10; Курций, VIII, 1, 8), дахи обитали в степной области у Сырдарьи от Северо-Западной Согдианы, непосредственно к западу от Мараканды, до Аральского моря (S. 39). Отсюда дахи в конце IV или начале III в. до н. э., может быть, перед 293 г. до н. э., двинулись на юг, в степи Южного Туркменистана, и это их передвижение, возможно, было отмечено разрушениями селевкидских городов в Маргиане и Арее (S. 42, 43). Пути передвижения дахов точно не известны, но поскольку территория к северу от Узбоя была занята мощным объединением апасиаков, с которым позднее и у Аршака были хорошие отношения, данное направление, как справедливо отмечает автор, для дахов было исключено (S. 57, 61). Чтобы полнее представить этот процесс, автор с полным основанием, как мы думаем, ссылается в качестве параллелей на переселения огузов и узбеков Шейбани-хана из-за Сырдарьи на юг (S. 47 прим. 163, S. 61 прим. 65)[2]. В целом все эти положения автора достаточно убедительны, но я все же попытаюсь внести в них некоторые коррективы.

Прежде всего это относится к определению местообитания дахов во времена Александра. Кажется, что дахи тогда обитали еще по правую сторону Сырдарьи — скорее всего, вдоль среднего ее течения. Указание Страбона (XI, 9, 3), восходящее к Аполлодору Артемитскому[3], «выше, над» (ὕπερ) Меотидой — не обязательно подразумевает непосредственное соседство с Меотидой, т. е. Аральским морем в данном случае. Это обычное в античной географии указание на местонахождение в глубине материка, вдали от моря. Зато указание Арриана (III, 28, 8) на местообитание дахов «по эту сторону» (ἐπὶ τὰδε τοῦ...) Танаиса[4], т. е.

---

[1] *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана // Соч. М., 1971. Т. VII. С. 103; *Rawlinson G.* Parthia. 3 impr. L.[б. г.]. P. 4, 5.

[2] Примерно тот же ход событий, с введением некоторых новых деталей, реконструирован для расселения дахов на юге и образования Аршакидского государства в книге: *Lerner J. D.* The impact of Seleucid decline on the Eastern Iranian plateau. Stuttgart, 1999. P. 29–31. Относительно исторических аналогий отмечу ,что я уже давно обращал внимание на устойчивую повторяемость в передвижениях степного населения Евразии и возможность создания общей модели таких передвижений, с помощью которой, при учете и отдельных аналогий, можно было бы реконструировать те или иные моменты в конкретной истории степных миграций (*Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 194–199; *Он же.* Движение степного населения в евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 4. С. 72–76). Обращал внимание и на поразительное совпадение путей передвижения и вообще исторических судеб дахов и огузов-сельджуков (*Пьянков.* К вопросу о путях... С. 195 и прим. 4).

[3] *Пьянков.* Средняя Азия... С. 68, 233, 234.

[4] В переводе М. Е. Сергеенко (*Арриан.* Поход Александра. М.; Л., 1962. С. 129): «даи, народ, живущий за Танаисом». По смыслу, в контексте описываемых событий, такой перевод правилен.

в Европе, определенно имеет в виду правый берег Сырдарьи. Здесь мы опять-таки сталкиваемся с обычным для античности определением местонахождения с позиции автора, в данном случае жителя Европы. Что же касается указания Курция (VIII, 1, 8) на соседство дахов и массагетов с хорасмиями, то здесь нужно учитывать следующее. Во-первых, дахи у Курция вообще часто дублируют, а то и подменяют массагетов[1]. В этом сказалось влияние одного из источников Курция (видимо, Помпея Трога), который хорошо знал современных ему парфян, интересовался их (а следовательно, и дахов) прошлым и излагал историю Александра с позиций своего времени. Во-вторых, мощное Хорезмийско-Апасиакское объединение действительно достигало на севере Сырдарьи (Танаиса, по Полибию, X, 48), где оно и могло граничить с дахами.

В таком случае дахи должны быть тождественны «европейским» скифам историков Александра. Дело в том, что историки Александра, следуя одной версии, называют кочевников Средней Азии их собственными именами, а следуя другой — условными «географическими» обозначениями. Действительно, давно уже замечено, что дахи первой версии соответствуют «европейским» скифам второй[2]. Собственно, Курций (VI, 2, 14) прямо называет «скифов», которые основали Парфянское царство (т. е. дахов, ср. S. 39 рецензируемой работы), «европейскими». Такому определению местообитания дахов во времена Александра ближе соответствуют и упомянутые выше аналогии из более поздней истории: движение и огузов, и узбеков Шейбани-хана на юг, через Сырдарью, началось, как известно, из областей правобережья Средней Сырдарьи. О переходе дахами Сырдарьи в ее среднем течении свидетельствует и то, что среди разрушенных «варварами» городов были не только греческие колонии Маргианы и Ареи, но и Александрия Крайняя на Сырдарье (в районе Ходжента)[3], и то, что ответный поход Демодама в Скифию был совершен тоже через Сырдарью в тех же местах[4]. В контексте этих событий надо понимать и сообщение Курция (VII, 6, 12) о том, что Александр будто бы запретил «европейским» скифам переходить Танаис.

Автор тщательно прослеживает судьбы дахов и после их переселения на новые места, на территорию современной Южной Туркмении (S. 51–76, 138–175 и др.), анализируя, в частности, свидетельства античных авторов о дахах на северной границе Селевкидского Ирана (с. 51–58). Здесь хотелось бы остановиться на двух вопросах: об Охе как месте первоначального кочевания дахов-апарнов Аршака и о Синде как границе между ариями и дахами.

Об области реки Ох как месте исхода дахско-апарнской экспансии говорит Страбон (XI, 9, 2; см. S. 63 рецензируемой работы), заимствуя в конечном счете у Аполлодора Артемитского. В сведениях об Охе существует большая путаница, отмечавшаяся еще античными авторами; разобраться в ней можно при учете того

[1] Хотя иногда бывает и наоборот, ср.: *Vogelsang W. J.* The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. Leiden; N.Y.; Köln, 1992. P. 223.

[2] *Пьянков.* Хорезм… С. 50; *Он же.* Средняя Азия… С. 228; *Он же.* Античные авторы… С. 203.

[3] *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76, 77.

[4] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 53, 54.

обстоятельства, что под названием Ох имелись в виду две разные реки, сведения о которых сообщали два разных автора[1]. Ох Аполлодора, явно связанный общим контекстом с упомянутым выше сообщением о дахах-апарнах Аршака, — это река, которая протекает через Несею и впадает в Каспийское море в пределах Гиркании южнее Окса и отдельно от него (так у Страбона, XI, 7, 3; 11, 5).

Если учесть, что под Оксом в данном случае явно имеются в виду низовья Узбоя, то Ох здесь вряд ли может быть какой-либо иной рекой, кроме Атрека[2]. И сам автор считает, что долина Атрека и Сумбара была идеальным местом для апарнов Аршака, где к тому же и археологически засвидетельствовано присутствие кочевников (S. 62). Поэтому остается непонятным, почему же автор тем не менее считает Охом Узбой (S. 74, ср. S. 58, где Узбой назван — несомненно правильно — Оксом)?

О реке Синд говорится в связи с борьбой двух претендентов на парфянский престол: Вардана и Готарза, опиравшегося на гирканцев и дахов. Тацит (Ann., XI, 10; см. S. 163 рецензируемой работы) рассказывает, что Вардан, наступая, вышел к реке Эринд, переправился через нее и покорил народы, обитавшие между этой рекой и рекой Синд, которая разделяет дахов и ариев. География этого рассказа трудна для интерпретации и всегда вызывала споры. Автор считает, что первая из упомянутых рек — это Гурган или Атрек, а вторая, может быть, соответствует низовьям Сырдарьи, как полагал еще А. фон Гутшмид (S. 163–165). Первая река, действительно, скорее всего, река Гурган, хотя название ее, видимо, искажено у Тацита из первоначального «Хринд» (Erindes < Χρινδης)[3]. О реке Кирринд в этих же местах упоминается еще во времена шаха Аббаса[4]. Возможно, эта же река фигурирует и в «Авесте» (Vid., I, 11) как «Хнинта гирканская», хотя фонетически такое соответствие объяснить было бы трудно[5]. Вторая река, как ни заманчиво предположение автора о ее идентификации, является все же, видимо, Атреком или его притоком. И в новые времена один из притоков Атрека именуется у персов «Сунд»[6]. А в одном — правда, не вполне ясном — месте Бундахишна (XX, 30) указывается, что река Вех (т. е. Ох) называется также и Синдом[7]. Что же касается ариев и дахов, то это сочетание является, скорее всего, отзвуком авестийского (Yt. XIII, 143, 144) перечня народов

[1] *Пьянков.* Античные авторы… С. 204; *Он же.* Средняя Азия… С. 68, 246, 247.

[2] Атрек, конечно, не течет по Несее непосредственно (хотя Сумбар, главный приток Атрека, начинается совсем недалеко от северной подгорной полосы Копетдага). Здесь у Страбона следовало бы ожидать еще и упоминания Аставены (области по верхнему течению Атрека). Обе области, Несея и Аставена, обычно упоминаются в источниках вместе. Как Несея, так и Аставена играли большую роль в ранней истории Аршакидов (ср. S. 61 рецензируемой книги). Поэтому отсутствие последней в данном случае можно объяснить или тем, что она считалась частью Несеи, или просто неточностью цитации Страбоном своего источника.

[3] *Herzfeld E.* The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 321; *Kiessling E.* Hyrkania // RE. 1914. Bd VIII. Col. 507.

[4] *Minorsky V.* Hudūd al-'Alam. «The Regions of the World». London, 1937. P. 386.

[5] *Herzfeld.* Op. cit. P. 321; Kiessling. Op. cit. Col. 468, 516.

[6] *Spiegel F.* Eran. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. Berlin, 1863. S. 124.

[7] *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 5–7, 174. Ср.: *Чунакова О. М.* Зороастрийские тексты. М., 1997. С. 296.

«арьи, туры, саримы, санийцы, дахи». Как раз в это время Авеста подвергалась парфянскому редактированию, в процессе которого к первоначальной триаде, видимо, и были добавлены «санийцы» (усуни?) и «дахи».

В вопросе об археологической атрибуции дахов автор занимает, как мне кажется, совершенно неуязвимую позицию. Действительно, показания письменных и археологических источников не всегда так удачно совпадают и дополняют друг друга, как в данном случае. Автор, ссылаясь на А. А. Марущенко (1959), А. М. Мандельштама (1984) и В. П. Никонорова (1987), связывает дахов с погребениями в катакомбах и подбоях, ориентированными на юг, в эллинистическую и аршакидскую эпохи распространенными в подгорной полосе Копетдага, в долине Сумбара, на Нижнем Узбое и у Балхана, а также в области Сарыкамыша (S. 251). Указывая, что такие же погребения появляются на Южном Урале еще в V в. до н. э., а потом становятся характерными для ранне- и среднесарматской (прохоровской и сусловской) культур, автор вместе с В. П. Никоноровым (1987) считает вероятным, что дахи и пришли в Среднюю Азию из пределов этого «сарматского» культурного круга (S. 252).

Эта же мысль давно и не раз высказывалась и мною[1]. Последние археологические исследования не только подтверждают, но и конкретизируют реконструируемую в таком виде картину. Оказывается, что памятников «раннесарматской» (прохоровской) культуры на ее коренной территории на Южном Урале в III в. до н. э. уже нет[2], а памятники генетически связанной со своей предшественницей «среднесарматской» (сусловской) культуры в Зауралье тяготеют к культурам правобережья Средней Сырдарьи и даже имеют связи с Серахским оазисом[3] (это уже Арея). Так по этим памятникам можно проследить путь дахских «изгнанников из Скифии» (ср. S. 63–65 рецензируемой книги) от Южного Урала до Южной Туркмении[4]. Как след дахов на этом пути можно рассматривать и «сарматские» погребения с южной ориентировкой в районе Бухары и Самарканда, хотя автор почему-то считает их, вместе с некрополями бишкентской группы, принадлежащими асиям (S. 124)[5]. Более вероятно, что указанные «сарматские» памятники Согдианы принадлежали тем дахам, которые, согласно Меле (I, 13; III, 42), обитают вместе с согдийцами внутри материка, «выше» приморских «Скифских пустынь», у поворота Окса (Амударьи) на север[6].

---

[1] *Пьянков.* Античные авторы… С. 202–205; *Он же.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 68.

[2] *Зуев В. Ю.* Раннесарматская культура IV–III вв. до н. э. СПб., 1998. С. 1–5.

[3] *Баталов С. Г., Усманова Э. Р.* Памятники II в. до н. э. — I в. н. э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 151–155.

[4] Впрочем, наверное, дахи уже во времена Александра (а может быть, и Ксеркса) обладали землями от правобережья Средней Сырдарьи до Южного Зауралья, так как эти области всегда были связаны между собой в качестве места зимовий и летовок кочевников. Так что «европейские» скифы (= дахи), современники Александра, действительно могли иметь тылы далеко на Урале (S. 40 рецензируемой работы).

[5] Исследователь «сарматских» погребений Согда О. В. Обельченко указывает на полное сходство, до идентичности, и генетическую связь этих погребений с «сарматскими» погребениями Южного Урала и Поволжья – с одной стороны, и резкое отличие их от могильников Бишкента — с другой (*Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М., 1992. С. 140, 221).

[6] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 124, 172, 256, 268.

Автору известна и другая точка зрения в вопросе об археологической атрибуции дахов. Ссылаясь на работу Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной (1992), он отмечает, что недавно с дахами были идентифицированы носители чирикрабатской культуры, но приведенную в этой работе аргументацию приходится признать неосновательной (nicht stichhaltig) (с. 252 прим. 21).

Надо сказать, что Б. И. Вайнберг высказывала свой взгляд на обсуждаемые здесь вопросы — археологическую атрибуцию дахов и этническую атрибуцию подбойно-катакомбных погребений – во многих работах. И в своей недавно вышедшей фундаментальной и несомненно ценной монографии она вновь возвращается к этим же вопросам, но, к сожалению, отстаиваемая ею точка зрения (дахи — носители чирикрабатской культуры, подбойно-катакомбные погребения «сарматского» облика — памятники юечжей!) действительно выглядит неубедительной, а кое в чем и просто «висящей в воздухе»[1]. Б. И. Вайнберг пишет: «И. В. Пьянков в течение многих лет настойчиво связывает сообщение Аполлодора о переселении дахов из области „над Меотидой“ (Аральским морем в данном случае) с предполагаемым им распространением прохоровской культуры на юге Средней Азии, хотя на самом деле можно говорить будто бы только о „сходстве типов оружия из склепов на Дордуле“ с прохоровскими»[2]. Но ведь речь идет об общности именно по погребальному обряду (подбойно-катакомбные погребения с южной ориентировкой), который, безусловно, является главным признаком при определении и культурной, и этнической принадлежности!

Б. И. Вайнберг видит противоречие и в том, что исследователи связывают одну и ту же прохоровскую культуру одновременно и с дахами, и с аорсами[3]. На самом деле никакого противоречия в этом, конечно, нет: можно приводить бесчисленное количество примеров, когда один и тот же народ (особенно в степной полосе Евразии) носил разные названия в разных по происхождению источниках. Рецензируемая работа и в этом отношении дает нам интересные поводы для раздумий. Автор ее вполне резонно ставит в связь с переселением дахов на юг начало движения «сарматов» на запад в конце IV–III вв. до н. э. (S. 45, 46, 132, 133), а принадлежащие этим «сарматам» подбойно-катакомбные погребения прохоровской и сусловской культур характеризуются той же южной ориентировкой погребенных, которая свойственна, как мы видели, и погребениям дахов (S. 252). А то, что реальными носителями прохоровской и сусловской культур в Европе являются аорсы, вряд ли подлежит сомнению[4]. Так мы приходим к выводу, что дахи и аорсы — одно и то же племя под двумя разными названиями[5].

Автор полагает, что движение аорсов на запад явилось эхом событий, развертывавшихся на далеком востоке Центральной Азии в конце III–II в. до н. э. — экспансии хуннов и миграции юечжей (S. 77, 136). Предложенная выше археологическая идентификация аорсов позволяет считать, что это движение началось

---

[1] *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999. С. 241–249, 260–264.

[2] *Там же.* С. 229.

[3] *Там же.* С. 230, 231.

[4] *Смирнов К. Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 174, 175.

[5] *Пьянков.* Античные авторы... С. 202, 203.

намного раньше, еще в IV в. до н. э. Именно в это время «прохоровцы» продвигаются на запад, в сторону Поволжья, а отсюда, с севера, проникают и на юг, на Устюрт, Узбой и в Хорезм (ср. S. 248, 249 рецензируемой книги)[1]. Присутствие аорсов в Заволжье, Северном и Восточном Прикаспии зафиксировано Птолемеем (VI, 14, 10) и Страбоном (X, 5, 8) (см. S. 133–136), данные которых, видимо, восходят тоже к IV–III вв. до н. э.[2]. Продвижение тех же «прохоровцев», но уже под названием дахов, на юго-восток, очевидно, началось несколько позже.

В свете предполагаемых связей дахов с аорсами особый интерес приобретают следующие наблюдения автора. В начале I в. н. э. Вонон—Аршакид, претендент на парфянский престол, собирался бежать из пределов римских владений к «единокровному ему», как говорит Тацит (Ann. II, 68), «царю скифов»; можно вполне согласиться с автором (S. 143), что под последними имелись в виду, скорее всего, аорсы. А в рассказе о несколько более поздних событиях у того же Тацита (Ann., XII, 15) выступает царь аорсов Эвнон (= Вонон). Автор думает, что все это указывает на династические связи и что, возможно, Аршакид Вонон был сыном «скифской» принцессы (S. 143, 144). Но нет ли здесь указаний на более глубокое родство, на то, что и парфяне, и аорсы знали об общем происхождении («единокровности») своих правящих родов? Ведь, по Страбону (ср. XI, 5, 8 и XI, 9, 3), и дахи, и аорсы были одинаково переселенцами, изгнанниками из мест, расположенных «выше», — может быть, из страны той «царствующей» орды (ксандиев, см. S. 57), которая обитала «над Меотидой».

С историей дахов и Аршакидов тесно переплелись исторические судьбы другого среднеазиатского народа — апасиаков. И ему в рецензируемой книге уделено немало внимания. Концепция автора — апасии-апасиаки являлись доминирующей массагетской группой, после того как массагеты были оттеснены дахами на север, к северу от Узбоя. Эта группа в III в. до н. э. контролировала обширные территории от Узбоя у границ с Гирканией до Нижней Сырдарьи, включая Хорезм, и играла значительную роль в истории ранних Аршакидов (S. 36, 43, 52, 57–60, 65, 193, 256)[3]. Такая концепция вполне соответствует моей трактовке сведений об апасиаках (судя по ссылкам на мои работы на указанных страницах, автор хорошо знаком с ней)[4]. В свете последних археологических публикаций именно чирикрабатская культура ближе всего соответствует первоначальному ядру апасиакского объединения; аргументацию к этому тезису я надеюсь дать в будущем.

С массагетами связаны, в свою очередь, дербики. Автор считает, что дербики, которых следует причислять к массагетам, в ахеменидские времена занимали закаспийскую область к северу от Гиркании, но миграцией дахов были раздроблены: часть осталась на Оксе-Узбое, а другая часть ушла на южный берег Каспия — здесь, видимо, автор следует мнению А. Херрмана (1914); в III в. до н. э.

[1] Все эти области были связаны путями перекочевок именно с Северо-Восточным Прикаспием.

[2] *Смирнов*. Ук. соч. С. 175. Об источнике указанного сообщения Птолемея см.: *Пьянков*. Средняя Азия… С. 55.

[3] См. также: *Olbrycht M. J.* Central Asia and the Arsakid kingdom // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 181.

[4] Основные ее положения изложены в работе: *Пьянков*. Хорезм… С. 50.

они обитали на западной окраине дахской территории: на Нижнем Узбое и у Каспийского моря (S. 28, 43, 44, 52). Я думаю, что названия «дербики» и «массагеты» — синонимы, хотя источники, сообщавшие о дербиках, наверное, действительно имели в виду преимущественно юго-западную часть обширного племенного объединения массагетов. Что же касается дрибактов (Δρυβάκται) Птолемея (VI, 12, 4), живших рядом с оксидранками (т. е. обитателями Оксийского озера или области вокруг него), и дребиков (Drebices) Плиния (XI, 48), землю которых «пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс» тоже где-то рядом с окситтагами (= оксидранками), то их нельзя путать с дербиками[1]. Их названия, как и название города Трибакта (Τρυβάκτα) (Птолемей, VI, 12, 6), находящегося в районе Оксианского озера, явно восходят к какому-то общему прототипу вроде *Drybak- со значением «лесные жители» (ср. славянское «древляне»)[2]. Хотя в данном случае это название относилось к какому-то конкретному массагетскому племени (ср. «массагетов» Геродота, I, 202 и Страбона, XI, 8, 7, питающихся древесными плодами и одевающихся в древесное лыко), оно имело нарицательное значение и как таковое могло применяться к любому «лесному» племени, не имевшему к массагетам никакого отношения; видимо, с таким случаем мы и сталкиваемся, когда слышим о «дрибиках» на мидийском побережье Каспия (Птолемей, VI, 2, 5).

Рецензируемая работа касается и многих других интересных, сложных и спорных проблем. К сожалению, нет возможности рассмотреть в кратком обзоре каждую из них в отдельности. Отметим только, что Ганг, упоминаемый Аммианом Марцеллином (XXXI, 2, 16) в связи с аланами, к индийскому Гангу, конечно, никакого отношения не имеет (ср. S. 191): это Канг (Сырдарья), река страны Кангюй, которая и в китайских источниках упоминается рядом с аланами (см. S. 192 прим. 95, 221).

Многообразие и сложность проблем, затронутых в работе, сами по себе свидетельствуют о ее ценности. Спорность же предлагаемых решений вытекает из самой сути этих проблем. Выдвинутые нами альтернативные решения, в свою очередь, не претендуют на то, чтобы быть окончательными.

---

[1] *Пьянков.* Средняя Азия…С. 55, 148–150, 256, 277.

[2] *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 25.

3. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (По поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапена)*

В настоящей рецензии речь идет о двух статьях французских ученых Ф. Грене (Fr. Grenet) и К. Рапена (Cl. Rapin). Одна — совместная: «Alexander, Ai Khanum, Termez: remarks on the spring campaign of 328», вторая принадлежит только К. Рапену — «L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée: propositions pour un décodage». Эти статьи были опубликованы в журнале «Bulletin of the Asia Institute», N. S. 1998. V. 12. Bloomfield Hills, 2001. P. 79–89, 201–225[1].

Удивительной чертой данных статей является полное умолчание авторов об исследованиях в области исторической географии Средней Азии, принадлежащих российским ученым. Редколлегия «Вестника древней истории» в лице акад. Г. М. Бонгард-Левина обратилась ко мне с просьбой дать отзыв на эти статьи, выражая свою обеспокоенность «...той тенденцией, которая явственно проступает в данной статье [в редакцию ВДИ указанные работы поступили как одна статья. — *И. П.*], — полностью забывать все, что сделано российскими учеными... Благодаря этим умолчаниям создается впечатление, что историческая география Средней Азии античной и раннесредневековой эпохи до появления здесь французских ученых совершенно не исследовалась».

Но поскольку я уже не один десяток лет занимаюсь проблемами, которым посвящены статьи упомянутых французских ученых, и опубликовал немало работ на эту тему, достаточно известных и у нас, и за рубежом (хотя в обсуждаемых статьях нет ни одной ссылки на них), попытаюсь все же развеять это впечатление. Предлагаемый ниже обзор будет содержать не детальный критический анализ статей, а главным образом рассмотрение основных проблем, затрагиваемых в статьях, с изложением моих вариантов их решения, содержащихся в уже опубликованных работах. Судить о том, чей вариант убедительнее, предоставляю читателю.

Совместная статья Ф. Грене и К. Рапена начинается с реконструкции событий *весенней кампании Александра 328 г. до н. э.* (**GR.** P. 79–85). Основой для реконструкции служат сообщения двух античных авторов: Арриана (IV. 15.7–16.3) и Курция (VII. 10. 13–15). Напомним, что Арриан в данном случае говорит о походе Александра (из Бактр) к Оксу и решении его идти в Согдиану, о чудесном источнике, появившемся в македонском лагере близ Окса, переходе Александра

---

* Впервые опубликовано: Античные источники о Средней Азии и их интерпретация. (По поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапена) // Вестник древней истории. М.: Наука, 2004. № 1. С. 96–110.

[1] Далее в ссылках эти две статьи будут обозначаться соответственно как **GR** и **R**.

в Согдиану и о части его войска, оставшейся в Бактрии, походе войска Александра по Согдиане пятью колоннами, наконец, о соединении всего войска в Маракандах, а Курций — о выступлении Александра (из Бактр) и подавлении им восстания, походе к Оксу и обнаружении близ него чудесного источника, переходе Оха и Окса, прибытии к городу Маргания и основании близ него шести крепостей. В статье отмечено, что информация того и другого античного автора в общем согласуется, хотя и отличается в деталях; так, по Курцию (VIII. 1.1), соединение отрядов Гефестиона и Кена с Александром состоялось до взятия скалы Аримаза, а по Арриану — все эти события произошли только после прибытия Александра в Мараканды (**GR.** P. 79).

Ход событий французские авторы восстанавливают так: Александр идет из Бактр к Оксу в районе Термеза, затем вдоль этой реки к другой — к Оху, в котором они видят Пяндж; переход через «Ох и Окс» — это переправа через Пяндж (в районе Архана) и Вахш, т. е. вход в Согдиану; прибытие к городу Маргания — это прибытие к Термезу (**GR.** P. 81–84). Иную точку зрения на эти события авторы нашли лишь в работах А. Б. Босуорта (A. B. Bosworth, 1981 г.) и П. Бернара (P. Bernard, 1982 г.)[1], с которыми и полемизируют; первый считал, что Александр переправился через Кундузаб (Ох) и Пяндж (Окс), откуда и пошел к Самарканду, встретив на пути Маргианию, где-то в долине Вахша или Кафирнигана; второй «направлял» Александра через Келиф прямо к Самарканду, а пять колонн македонского войска «распределял» по пяти правым притокам Амударьи, ссылку же на Маргианию (= Маргиану) считал недоразумением (**GR.** P. 79, 80).

Здесь авторы рассматриваемой статьи совершают очень частую, типичную для историков ошибку: они воспринимают используемые тексты так, будто эти тексты являются оригинальными повествованиями, первоисточниками. Между тем сочинения Арриана и Курция — сложные компиляции, сведения которых можно использовать только после специального источниковедческого анализа. Такому анализу посвящено немало исследований, в том числе работы Э. Шварца (E. Schwartz) и Ф. Якоби (F. Jacoby), без учета которых невозможно обойтись при использовании сведений античных историков (но которых авторы рассматриваемой статьи, видимо, не знают, во всяком случае, ссылок на них в статье нет). Я специально анализировал те же самые тексты Арриана и Курция, опираясь на указанные исследования, в двух своих работах[2].

Выводы мои таковы. Сведения Арриана и Курция в данном случае, как и во многих других, восходят (не всегда непосредственно) к двум основным источникам, которые можно условно обозначить как источник «А» (видимо, Птолемей Лаг) и источник «В» («вульгата», «романтическая» версия; видимо, Клитарх). Арриан пользуется своими источниками свободно, умело комбинируя их, иногда объединяя по смыслу разновременные события. Курций соединяет разные версии менее искусно, оставляя стыки между ними более заметными, нередко излагает

[1] Библиографические ссылки, содержащиеся в рассматриваемых статьях и в моих работах, о которых здесь и далее идет речь, не будут воспроизводиться.

[2] *Пьянков И. В.* Мараканды // ВДИ. 1970. № 1. С. 46–48; *Он же.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972. С. 44–50.

одно и то же событие сначала по одной, затем по другой версии, считая их двумя разными событиями[1]. Все эти характерные черты отражены и в рассматриваемых отрывках.

Арриан здесь следует одной версии «А». Курций сначала следует той же версии, рассказывая о походе к Оксу и чудесном источнике, но затем переходит к версии «В», вновь рассказывая о походе к Оксу, когда Александр «перешел реки Ох и Окс», о прибытии к Маргании и основании крепостей; той же версии «В» он следует далее в рассказе о взятии скалы Аримаза (VII. 11); но затем возвращается к версии «А», повествуя о походе македонского войска по Согдиане несколькими отрядами и соединении их в Маракандах (VIII. 1. 1. 2. 7).

Таким образом, мы имеем не два отдельных рассказа двух античных авторов, а две версии, одна из которых («А») отражена и у Арриана (IV. 15.7–16. 3), и у Курция (VII. 10. 13. 14; VIII. 1. 1. 2. 7), другая («В») — только у Курция (VII. 10.15–11. 29). В первой версии говорится о походе из Бактр к Маракандам, во второй — о походе из Бактр к некоей Маргании. Обе версии очень близки одна другой. Расхождения между ними вполне объяснимы.

В той и другой версиях говорится о походе к Оксу, хотя в каждой из версий имеются свои дополнительные детали: в версии «А» — обнаружение чудесного источника, в версии «В» — переход через Ох на пути к Оксу[2].

В той и другой версии говорится о походе, одинаково охарактеризованном как «второе покорение согдийцев», к конечному пункту, в версии «А» названном Маракандами, а в версии «В» — Марганией; правда, и здесь мы наблюдаем различие: в версии «А», повествующей о походе македонян несколькими колоннами[3], о событиях рассказано более подробно.

В той и другой версиях после прибытия к конечному пункту македоняне основывают города-крепости. В версии «В» этим событиям посвящен рассказ Курция (VII. 10. 15. 16) об основании шести крепостей вокруг Маргании в качестве «узды для покоренных племен», которому соответствует сообщение Диодора (XVII, prol. 2. 24) об «основании городов в удобных местах для наказания восстающих» после второго покорения согдийцев; но и в версии «А» имеются соответствующие сообщения, как у Арриана (IV. 16. 3), так и у Курция (VIII. 2. 13), о заданиях Гефестиону после прибытия к Маракандам[4].

Наконец, в той и другой версиях говорится о взятии Александром скалы Ариамаза (Аримаза) — Согдийской скалы. К сожалению, ни по Курцию, ни по Арриану нельзя установить точное место этого события в последовательности других событий похода Александра 328 г. до н. э. Курций, описав поход к Маргании, основание шести городов-крепостей и захват скалы Аримаза (VII. 10. 13–11. 29), переходит к рассказу о тех же событиях по другому источнику (VIII. 1. 1. 2. 7. 10; 2. 13). Арриан, взяв за основу этот второй источник, рассказывает

[1] *Он же.* Мараканды… С. 34.

[2] Об этом см. *Пьянков.* Древний Самарканд… С. 48.

[3] О причинах неполного соответствия в списке колонн у Арриана (IV. 16. 2) и Курция (VIII. 1.1. 10), придерживающихся здесь одной и той же версии «А», см. *Пьянков.* Древний Самарканд… С. 47, 48.

[4] Обо всем этом более подробно см.: *Он же.* Мараканды… С. 46–48; *Он же.* Древний Самарканд… С. 44, 45, 48, 49.

соответственно о походе к Маракандам и об основании городов Гефестионом (IV. 16. 1–3), а рассказ о захвате Согдийской скалы (IV. 18. 4–19. 6) переносит в описание значительно более поздних событий, относящихся к весне следующего, 327 г. до н. э., придерживаясь своего метода — группировать вместе сходные события (в данном случае это осады Согдийской скалы и скалы Хориена)[1]. Следовательно, опираясь только на текст Курция и Арриана, вообще нельзя судить о том, какое событие произошло раньше: то ли прибытие Александра в Мараканды, то ли соединение с ним других отрядов, то ли взятие скалы Аримаза (ср. **GR.** P. 79).

На помощь здесь приходит Диодор, который излагает события, придерживаясь только версии «В». Порядок его изложения таков. После «покорения согдийцев второй раз» и основания городов в «удобных местах» (XVII, prol. 2. 24) — чему, как уже говорилось, в версии «В», изложенной Курцием, соответствует поход через Ох и Окс к Маргании и затем основание шести городов-крепостей, а в версии «А» — поход через Окс в Согдиану несколькими колоннами, соединение их в Маракандах и затем основание городов Гефестионом — у Диодора следуют «третье восстание согдийцев» и захват «Скалы» (XVII, prol. 2. 25), т. е. скалы Аримаза, охота в Басистах (XVII, prol. 2. 26), убийство Клита (XVII, prol. 2. 27). Видимо, такой и была последовательность событий, притом, судя по Курцию (VIII. 1. 7. 10. 19), лагерь Александра находился все это время в Маракандах, которые Александр покинул лишь после гибели Клита (VIII. 2.13).

Какие выводы следуют из проделанного сравнительного анализа источников, повествующих о походе Александра 328 г. до н. э.?

Во-первых, ясно, что «Маргания» версии «В» в изложении Курция соответствует «Маракандам» других источников и подразумевает тот же город, что и это последнее название, т. е. древний Самарканд[2], а не является неведомым названием «равнины» Термеза (**GR.** P. 82–84). Впечатление, что в данном случае речь идет о двух отдельных городах с разными названиями, — обманчиво. Историки обычно имеют дело с текстом древних авторов, уже отредактированным издателем; в рукописях же, там, где мы читаем в отредактированном тексте слово «Мараканды», могут быть формы, еще более далекие от последнего, чем «Маргания»[3]. Форма Marga/inia осталась на виду потому, что издатели уже давно исправляют ее на Margiana, хотя и о Маргиане здесь речи быть не может. Возможно, что греческим прототипом ее была форма, подобная Μαράγανδα Плутарха[4].

Следовательно, во-вторых, основание городов-крепостей в окрестностях «Маргании» состоялось в округе Самарканда[5], а не Термеза (да еще якобы с ошибкой источника в определении направления — восточного вместо западного, **GR.** P. 82), и к тому же было, видимо, частью более широкой акции. Сопоставляя

[1] См. по этому поводу: *Он же.* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 43.

[2] *Пьянков.* Мараканды… С. 34, 39, 47; *Он же.* Древний Самарканд… С. 26, 45, 49.

[3] О всех разночтениях названия «Мараканды» см. *он же.* Мараканды… С. 34.

[4] *Он же.* Древний Самарканд… С. 26.

[5] *Он же.* Мараканды… С. 46–48; *Он же.* Древний Самарканд… С. 48, 49.

сообщения двух основных версий, «А» и «В», представленных у Арриана (IV. 16. 3), Курция (VII. 10.15.16 — версия «В»; VIII. 2.13 — версия «А», ср. Incert. Auct. Epit. R.G.A.M. 19) и Диодора (XVII, prol. 2. 24), а также сообщения версии Аристобула у Страбона (XI. 11. 4) и версии Трога у Юстина (XII. 5. 13), получим такую картину. Сразу же после соединения всех отрядов македонского войска в Маракандах весной 328 г. до н. э. Александр послал Гефестиона основывать города-крепости — военные поселения. В новый отряд Гефестиона вошли ненадежные воины, «склонные к мятежу». Поселения были основаны не только в окрестностях Мараканд, два к югу и четыре к востоку, но и дальше на юг и восток, в Наутаке и Бактрии. Всего их было основано по одной версии — восемь, по другой — двенадцать. Назначение их состояло не только в том, чтобы служить «уздой для покоренных племен», но и в том, чтобы обеспечить подготовку зимних лагерей перед кампанией следующего, 327 г. до н. э.

Наконец, в-третьих, Согдийская скала Ариамаза находилась тоже где-то недалеко от Самарканда, а не на пути из Термеза в Самарканд в районе Железных ворот (**R.** P. 220), при этом не имела никакого отношения ни к Оксу, ни к Оксийским горам (ср. **R.** P. 204)[1]. Видимо, отправив Гефестиона основывать военные поселения, Александр сразу же пошел из Самарканда к Согдийской скале, чтобы подавить последний очаг сопротивления согдийцев, их «третье восстание». Поход носил характер кратковременной карательной экспедиции, завершившейся той же весной 328 г. до н. э. и возвращением Александра в Мараканды. Так что искать эту скалу, расположенную, по словам Полиена (IV. 3.29), «в середине» (κατὰ μέσην) Согдианы, в лесистых горах, изобилующих водами, следует где-то к востоку или юго-востоку от Самарканда, на небольшом от него расстоянии, выше по Зеравшану или в горах Зеравшанского хребта. Вскоре после возвращения Александр вновь направился в те же места — на этот раз для охоты в царском парке в области Басиста (Bazaira у Курция — VIII. 1. 10) — и снова возвратился в Мараканды. Басиста охватывала районы Ургута, Пенджикента и, может быть, места еще выше по Зеравшану[2].

С реконструкцией событий указанной кампании Александра Ф. Грене и К. Рапен связывают вопрос *о границе между Бактрией и Согдианой*. Эти события, считают они, не оставляют никакого сомнения в том, что граница проходила по Оксу (Амударье) и Оху (Пянджу), но делают оговорку, что граница, о которой нам известно по классическим источникам, — преимущественно административная, не всегда совпадающая с границами по признакам языка, культуры и т. п. (**GR.** P. 85, 86; **R.** P. 201). Оппонентов своей точке зрения наши авторы видят

[1] Для текста Страбона (XI. 11.4), где говорится о «скале Окса» в Согдиане как другом названии «скалы Ариамаза», правильное чтение предложил еще А. Бэр: Ὀξύαρτου вместо Ὄξου, т. е. «скала Оксиарта» (ср. Arr. Anab. IV. 18. 4) (*Behr A.* De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888. P. 32).

[2] Об этой области см. *Пьянков И. В.* «Басисты» // Известия АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. 1970. 3. С. 40–46. Мой коллега и друг, археолог У. Эшонкулов, уроженец Пенджикента обнаружил в указанных местах, к востоку и юго-востоку от Самарканда, и скалу, и материальные остатки парка, в точности соответствующие древним описаниям, и готовит книгу об этих открытиях. [Ныне эта книга опубликована: *Эшонкулов У.* История парадиза древнего Согда. Душанбе, 2007.]

лишь двух: Б. Лионне (B. Lyonnet) и П. Бернара. Первая предложила считать границей Кундузаб, позиция второго сложнее: сначала он считал границей Кокчу (1978 г.), но затем круто изменил свое мнение и стал «проводить» границу по средней Амударье, Гиссарскому и Байсунскому хребтам (1990 г.) (**GR.** P. 85, 86). С этим последним мнением, — принадлежащим П. Бернару и основанным на двух сообщениях источников: 1) страна паретаков не принадлежит Согдиане и 2) расположенная там скала Сисимитра (Хориена) находится в Бактриане, авторы и полемизируют (**GR.** P. 86; **R.** P. 201).

Вопросу о границе между Бактрией и Согдианой посвящена большая часть одной из моих работ[1]. Работа эта была издана к Советско-французскому симпозиуму «Археология древнейшей Бактрии», состоявшемуся в Душанбе (27.10–3.11.1982 г.), и вручена мной лично французским участникам. На симпозиуме я сделал доклад, посвященный этой проблеме[2], и в нем рассмотрел все известные мне тогда взгляды русско- и иноязычных исследователей на проблему границ Бактрии, в том числе и гипотезу П. Бернара о «Большой Согдиане», согласно которой Согдиана включала не только правобережье Средней Амударьи, но и Бадахшан и все земли к востоку от Кокчи, изложенную им в работе 1978 г., на которую и ссылаются авторы обозреваемой статьи; в своей работе я привел, как мне кажется, достаточно убедительные аргументы, не позволяющие принять эту гипотезу[3]. Вывод мой был таков: граница между «странами» Бактрией и Согдианой проходила по Амударье лишь в районе Келифа и несколько выше и ниже этого пункта, «но восточнее граница, отмеченная горным проходом Бузгалахона, шла по юго-западным отрогам Гиссарского хребта — Кугитангтау и Байсунтау»[4]. Там же я отмечал разницу между административными границами, которые фиксируют античные источники (будь то границы между «странами» или между «сатрапиями»), и этническими, но допускал, что границы Бактрии как «страны» (но не «сатрапии») действительно близко соответствуют этническим границам[5].

Каковы основания для того, чтобы считать реки Окс и Ох границами между Бактрией и Согдианой? Разумеется, никаких указаний на то, что переправа через Ох и Окс означала «вход в Согдиану» (**GR.** P. 81; **R.** P. 201), ни у Курция, ни у Арриана нет. Окс действительно признавался античными авторами границей, но так получилось лишь потому, что Эратосфен в своей картографической схеме обобщил положение, известное ему по нескольким эпизодам походов Александра; в действительности Окс-Амударья был границей между двумя странами только на небольшом протяжении его среднего течения, западнее Кугитангтау[6]. Об Охе же вообще ничего не говорится как о границе: сообщение Страбона (XI. 11.5) о том, что Ох протекает «мимо» Бактрианы (παρ'αὐτήν) вряд ли можно

[1] *Он же.* Бактрия… С. 34–54.

[2] *Он же.* К вопросу о границах Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи: Тез. симпозиума. Душанбе, 1982. С. 80–82.

[3] *Он же.* Бактрия… С. 50–52.

[4] Там же. С. 47.

[5] Там же. С. 47–48.

[6] *Пьянков И. В.* Бактрия… С. 47.

понять как указание на границу (ср. **GR.** P. 81; **R.** P. 204), а пассаж из Плиния (VI. 48) вообще не имеет никакого отношения к Оху (ср. **R.** P. 216, 221), так как в нем говорится об Оксе в контексте обычной схемы Эратосфена[1].

Вообще, проблема Оха значительно сложнее, чем это представляется нашим авторам. Ей уделяли внимание очень многие исследователи, в том числе и русскоязычные. И представление о том, что в античных источниках под одним названием «Ох» скрывались известия о двух разных реках, одна из которых — Атрек, а другая — какой-то левый приток Амударьи, но не Герируд-Теджен (**GR.** P. 80, 81; **R.** P. 203, 204), — далеко не ново; я давно уже обосновывал идентичность этой второй реки с Кундузабом[2]. То обстоятельство, что эта река в древности и средневековье была известна также под названием «Даргам», нисколько не противоречит такому предположению: два разных названия могли прилагаться и к одной реке, могли относиться и к двум разным истокам этой реки. И в Средние века Даргам считался лишь одной из двух сливающихся рек[3]; в сущности то же мы видим и у Птолемея (VI. 11.2. 4): Даргоман является правым притоком Оха, на котором стоит город Мараканда, — читай: Дрепса (поменявшаяся местами с Маракандой), т. е. современный Андараб (но вряд ли Кундуз), и есть основания считать, что река Андараб действительно носила в древности название «Даргам»[4].

Видимо, вопреки мнению наших авторов, вообще нельзя однозначно решить, какая река — и только она — называлась в древности Охом, а какая — Оксом. Несомненно, что и Пяндж именовался Охом (работы И. М. Стеблин-Каменского), а в некоторые эпохи это название (Вахви, Вех) распространялось и на всю Амударью. Точно так же Оксом назывался не только современный Вахш; в средние века это название (Вахш) носила и река Хульбука, ныне кулябская Кызылсу[5], а судя по Птолемею (VI. 12. 5), так же обстояло дело и в древности, поскольку Холбисину (Хульбук) и Маруку (Мунк?) он помещал на Оксе (ср. **GR.** P. 85; **R.** P. 204, 205, 208, 217). В эпоху Александра это название распространилось тоже на всю Амударью.

Как уже было отмечено выше, одним из двух пунктов полемики наших авторов с позицией П. Бернара, изложенной им в работе 1990 г., является вопрос о стране паретаков. Они считают, что нет свидетельств о большей принадлежности этой страны Бактрии, нежели Согдиане, и что слова Арриана (IV. 21. 1), вроде бы противопоставляющие Согдиану паретакам, на самом деле противопоставляют уже замиренную Согдиану неподчинившейся горной ее части (**GR.**

---

[1] Там же. С. 36, 37; см. *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М, 1997. С. 244, 245.

[2] См. *Он же.* Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 66, 67; *Он же.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 204; *Он же.* Средняя Азия... С. 246, 247.

[3] Hudud al-'Alam. «The regions of the world» / Transl. and explain. by V. Minorsky. L., 1937. P. 71, 72, 209.

[4] *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 178.

[5] *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901. S. 234; *Markwart.* Op. cit. S. 33.

P. 86; **R.** P. 220). Но слова Арриана: Александр, «закончив дела у согдианов» (ὡς τὰ ἐν Σογδιανοῖς αὐτῳ διεπέπρακτο), пошел на паретаков — вряд ли можно понять как-либо иначе, чем противопоставление Согдианы стране паретаков. При этом последняя охватывала не только Байсунские горы с предгорьями (**GR.** P. 86), но, по-видимому, всю равнинную часть области истоков Амударьи выше Термеза[1]. И хотя страна паретаков прямо бактрийской в источниках не названа, сопоставление разных версий о походе туда Александра показывает, что эта страна, занимая несколько обособленное положение между Согдианой и Бактрией, все же считалась частью последней[2].

О том же свидетельствуют данные, относящиеся ко второму пункту полемики. Это вопрос о местоположении скалы Хориена-Сисимитра. Скала Хориена, по Арриану (IV. 21. 1), находится в стране паретаков, а Страбон (XI. 11. 4) помещает соответствующую ей скалу в Бактрии. Авторы обозреваемой статьи, отвечая на этот довод, считают, что скала Сисимитра может и не соответствовать скале Хориена, к тому же и находилась она будто бы в Наутаке, т. е. в Согдиане, а бактрийской она названа лишь потому, что на ней скрывался бактриец Оксиарт (**GR.** P. 86; **R.** P. 220). Но источниковедческий анализ подтверждает обычное мнение об идентичности скалы Хориена и скалы Сисимитра: там, где в версии «А» говорится о скале Хориена (у Арриана — IV. 21. 1–10 и Курция — VIII. 4. 21–30), в версии «В» фигурирует скала Сисимитра (у Курция — VIII. 2. 19-33; 4. 1–20); что же касается местонахождения скалы Сисимитра якобы в области наутаков (у Курция — VIII. 2. 19), то, как установил еще И. Маркварт, это сообщение обязано путанице, в результате которой место отправления Александра (область наутаков) было совмещено с местом прибытия (область паретаков), при этом название первого вытеснило название второго; трудно также поверить, что скала была названа бактрийской только потому, что там жила дочь Оксиарта, — по Арриану (IV. 18. 4; 19. 4), например, семья Оксиарта скрывалась на скале, которую этот автор тем не менее называет согдийской; сама скала Сисимитра и ее ущелье еще В. Томашеком была очень удачно отождествлена с Железными воротами (Бузгалахона), где находился тогда укрепленный пост, отмечавший границу между «странами» — в данном случае между Согдианой и Бактрией[3].

Такова полемика наших авторов с той точкой зрения о границе между Согдианой и Бактрией, которая изложена в работе П. Бернара 1990 г. Как видим, та же точка зрения изложена и в моей работе 1982 г. «Бактрия…», где можно найти готовые контраргументы на доводы авторов рассматриваемой статьи. Это мое исследование содержит, в свою очередь, полемику с более ранней работой П. Бернара 1978 г., где его позиция в вопросе о согдийско-бактрийской границе, как уже отмечалось, радикально отличается от более поздней, 1990 г. Но свидетельства в пользу того, что территория Бактрии распространялась и на правобережье Верхней Амударьи и Пянджа, до Байсунских гор и Гиссарского хребта, не огра-

[1] Об этом см. *Пьянков И. В.* Об авестийском «Семиречье» // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 198–202.

[2] *Он же.* Бактрия… С. 43, 44, 47, 53.

[3] Там же. С. 42–46.

ничиваются теми данными, которые фигурируют в полемических рассуждениях авторов рассматриваемой статьи. В монографии «Бактрия...» я привел и другие аргументы: сообщения источников о том, что известные им притоки Амударьи вливаются в нее на территории Бактрии, о месторождениях золота и соли на Вахше-Сурхобе как бактрийских и даже о ночных пылающих вихрях — подземных пожарах Фан-Ягнобского угольного месторождения — тоже как бактрийских; я дал объяснение и тем сообщениям, которые на первый взгляд противоречат представлению о Бактрии как о стране по обоим берегам Верхней Амударьи: об Оксе и Яксарте, будто бы протекающих по земле согдийцев, о лазурите как продукте Согдианы[1].

Еще одна большая проблема, затронутая в рецензируемой работе, — на этот раз только в той ее части, которая принадлежит одному К. Рапену, — это проблема интерпретации *среднеазиатского участка* (Маргиана, Бактриана, Согдиана, саки) *карты Птолемея*. По представлению автора, история сложения данной части карты Птолемея, обусловившая характер основных ее компонентов, сводится к следующему. Карта прошла два этапа в своем формировании, каждый из которых нашел отражение в ее содержании. Первый этап — это формирование некоей карты селевкидского времени (III в. до н. э.), источником для которой послужили какие-то графические документы, составленные с административными и фискальными целями: путем монтажа этих региональных карт, сопровождавшегося многочисленными искажениями — перемещениями и ротациями (до 180°), и была составлена селевкидская карта; направление течения рек, в том числе Окса, очертания Согдианы («подножие виселицы»), карта которой была составлена из трех первичных карт-документов, конфигурация соседних с Согдианой стран — все это имелось уже на селевкидской карте, обнаруживающей известное сходство с картой Эратосфена. Второй этап — это пополнение селевкидской карты новыми элементами, произведенное Марином Тирским и самим Птолемеем, которые использовали новые источники, особенно итинерарий Мая Тициана (**R.** P. 209–219).

Такая интерпретация принадлежит к числу тех гипотез, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Различные «ротации» — чистое предположение, с помощью которого можно объяснить все, что угодно[2]. Но вообще метод, подразумеваемый этой гипотезой, — создание глобальной карты путем кропотливого комбинирования многих региональных карт-документов — не очень типичен для античной науки. Широкие обобщения и в античной географии, и в античной историографии всегда создавались на основе и в рамках литературной традиции, новые сведения могли менять лишь отдельные детали в традиционных схемах, старые схемы обычно не отвергали, а стремились совместить с новыми. Документальный материал если и использовался, все же оставался

[1] *Пьянков.* Бактрия... С. 48–52.

[2] Хотя, пожалуй, такое отношение к данным Птолемея все же является шагом вперед по сравнению с «консервативным» подходом, когда данные Птолемея принимали такими, каковы они есть, и пытались прямо перенести их на современную карту, как это делал, например, А. Бертело: *Berthelot A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.

в известной мере внешним довеском; в античной картографии таким документальным материалом служили итинерарии, которые просто накладывались на традиционные картографические схемы.

Если рассматривать данные Птолемея на широком фоне античной географической традиции (что К. Рапен и не пытался делать), то все это мы обнаружим и в них. Конечно, и в этом случае выводы будут гипотетичными, но все же проверяемыми, опирающимися на конкретный фактический материал, на сравнение с данными других античных авторов. Именно с таких позиций я и анализировал в упомянутой своей книге[1] — разумеется, тоже игнорируемой французскими авторами, — те самые сведения Птолемея, которыми занимается автор обозреваемых статей.

И в данном случае я воздержусь от критического разбора всех деталей интерпретации Птолемея, предложенной К. Рапеном, и дам свою трактовку тех узловых моментов в сведениях источника, на которых сосредоточил внимание и французский исследователь: это направление течения Окса и Яксарта на карте, конфигурация и содержание карт Согдианы и ее соседей. Читатель сам может сравнить оба подхода. Свою интерпретацию я изложу здесь по необходимости кратко, в тезисной форме. Обоснование читатель найдет в моей книге «Средняя Азия...».

При составлении карты всего интересующего нас региона Птолемей использовал две основные картографические схемы, выработанные его предшественниками и дополненные данными итинерария. В первой схеме Согдиана со своими соседями — Бактрианой, с одной стороны, и Страной саков — с другой, — располагались по широте, с запада на восток, во второй — по долготе, с юга на север. У Птолемея показано и то и другое. Судя по словам самого Птолемея (I. 16) еще в его непосредственном источнике, в работе Марина, оба способа взаиморасположения Согдианы и ее соседей были показаны раздельно: в одном месте Марин говорил о соседстве согдианов и саков на юге с Индией, в другом — проводил через земли этих народов только одну параллель — параллель середины Понта. Первое из этих указаний подразумевает широтное расположение Согдианы и упомянутых ее соседей и имеет в виду схему Эратосфена, а второе приводит к заключению о расположении Согдианы и, частично, Страны саков к северу от Бактрианы и соответствует схеме Гиппарха[2]. На основе этих двух схем Птолемей создал две свои, разместив их на одной карте.

Первая схема Птолемея включает группу гор — Паропанис, «собственно Кавказские горы», Имай — и реки Окс и Яксарт. В основе ее лежит схема Эратосфена[3]. Но на эту основу наслоилось много более поздних данных, заимствованных у Гиппарха, Посидония и из новейших итинериев.

В соответствии с первой схемой Паропанис отделяет Бактриану от паропанисадов, Кавказские горы — Согдиану от Индии, а Имай — саков от той же Индии. Все эти три хребта, тянущиеся непрерывной цепью вдоль южной границы трех

[1] *Пьянков.* Средняя Азия... С. 266–278.

[2] *Пьянков.* Средняя Азия... С. 154, 271.

[3] Там же. С. 95. 96, 242–247, 267.

стран, — не что иное, как след Эратосфеновой концепции Тавра, разделяющего всю Азию на две половины, южную и северную[1]. Эта концепция и обусловила широтное расположение указанных трех стран на карте и сопредельность их с Индией. Правда, Согдиана у Птолемея занимает пространство и к северу от Бактрианы. В этом заключается наиболее существенное отличие рассматриваемой схемы от схемы Эратосфена и сближение ее со схемой Гиппарха.

Окс и Яксарт у Птолемея, как и у Эратосфена, текут с гор сначала на север, затем поворачивают на запад и впадают в Гирканское море. Окс отделяет Бактриану от Согдианы, Яксарт вместе с линией, продолжающей его от истока до Кавказских гор, — Согдиану от саков; далее Окс и Яксарт протекают по Скифии. Окс изображен у Птолемея, в общем и целом, по Эратосфену. Исток Окса помещен на рубеже между Кавказскими горами и Паропанисом. Еще современники Александра считали, что эта река начинается на Кавказе. Далее Окс, как и у Эратосфена, делает поворот с юга на запад. Яксарт изображен у Птолемея тоже в основном по Эратосфену. И он течет сначала на север, потом на запад. Птолемей (VI. 12. 1; 13. 1) даже прямо говорит о «повороте» Яксарта. Об этом повороте Птолемей располагал реальными сведениями из новых источников, но новым сведениям было дано такое толкование, какое подсказывала традиционная линия Яксарта в схеме Эратосфена[2]. Однако исток Яксарта Птолемей, следуя новейшим данным итинерария Мая Тициана, переместил в горную страну комедов, на более северную широту. Это — наиболее заметное изменение в первоначальной схеме, заимствованной у Эратосфена. Но и в данном случае линия, проведенная от нового истока Яксарта к рубежу между Кавказскими горами и Имаем, находящемуся почти на одной широте с истоком Окса, и служащая рубежом между Согдианой и Страной саков, повторяет, в сущности, курс Яксарта первоначальной схемы[3].

Диафеса племен на карте Птолемея имеет как бы два плана: первый — крупный и второй — мелкий. Диафеса первого плана — это народы и страны ранга «эпархии» или «сатрапии». Таковы Бактриана, Согдиана, саки, скифы (VI. 11. 1; 12. 1; 13.1; 14. 2). Здесь карта Птолемея следует в основном Эратосфену. Диафеса второго плана касается племен, являющихся, по мнению Птолемея, частями упомянутых выше крупных народов. Но списки «племен» отдельных стран, которые приводит Птолемей, в большинстве случаев не имеют никакого отношения к действительному племенному составу этих стран. Таковы и «племена» Бактрианы и Согдианы. Для заполнения карт указанных стран были использованы куски географических описаний, отнесенные к Бактриане или Согдиане только потому, что в них говорилось о географических объектах левобережья Окса или междуречья Окса и Яксарта: в соответствии со схемой Эратосфена первые были отнесены к Бактриане, вторые — к Согдиане. В данном случае использованы сведения, заимствованные у авторов более поздних, чем Эратосфен.

[1] Там же. С. 234–242.

[2] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 267–270.

[3] Там же. С. 269.

Такая трактовка племенной номенклатуры Птолемея позволяет предполагать, что по крайней мере некоторые из племен диафесы первого плана могут иметь двойников среди племен диафесы второго плана. И действительно, среди последних обращают на себя внимание «дрепсианы», не известные из других источников. Видимо, название их образовано от названия города «Дрепса», который у Птолемея является метрополией согдианов (VI. 12. 6). Похоже, что народ, одноименный со столичным городом Согдианы, обитавший к востоку от хорасмиев и «соединяющий» Окс и Яксарт в их среднем течении, т. е. живущий между ними, который фигурирует у Птолемея под искусственным названием «дрепсианов», — не кто иные, как собственно согдийцы, согдийцы упомянутой диафесы второго плана. Сама Дрепса попала на карту Согдианы по недоразумению, из-за путаницы, допущенной Птолемеем или Марином. В результате этой путаницы бактрийский город Дрепса поменялся местами с действительной столицей согдийцев, Маракандой; Мараканда с ее рекой Даргоманом, ее двойник Маракодра, возможно, тоже с соответствующей рекой, и ближайшие к ним племена были перенесены в Бактриану. Так большой участок карты Согдианы оказался в Бактриане. Восходят все эти сведения Птолемея, видимо, к Эратосфену и через него к историкам Александра[1].

Какие еще объекты в этой части карты Птолемея могут восходить к Эратосфену? Их можно искать, например, в южной части Согдианы, изображенной по Эратосфену: к северу от Кавказа и Индии, между Оксом и Яксартом, Бактрианой и саками — по широте. Действительно, здесь Птолемей поместил Александрию Крайнюю, сведения о которой восходят к историкам Александра, т. е. к обычному источнику Эратосфена. На первый взгляд этот город, возведенный на берегу Яксарта, занимает на карте очень странное положение: на крайнем юге Согдианы, много южнее истока Яксарта. Но его положение вполне соответствует представлениям Эратосфена: он находится прямо к востоку от Бактры. Отрыв его от Яксарта объясняется тем, что старые его координаты оказались несогласованными с новой трактовкой начала Яксарта, отнесенного на север в соответствии с новыми путевыми данными[2].

Однако гораздо большая часть племенной и иной номенклатуры интересующего нас участка карты Птолемея восходит, как уже говорилось, к более поздним авторам. Это имена из этнического окружения Окса и Яксарта от их нижнего течения до верхнего, такие как оксианы и хорасмии, кирродеи, дербикки — по Оксу, яксарты, ятии и тахоры, аугалы, аристеи и гринеи — по Яксарту и еще многие другие. Сопоставление этих перечней с данными других авторов позволяет предполагать принадлежность их традиции Посидония, во многом близкой к Гиппарху (не случайно имена из этих перечней приурочены в основном к северной части Согдианы). Сам же Посидоний здесь в значительной степени зависел от Аполлодора Артемитского, а в описании Маргианы, где упоминаются «дербикки, они же деркебии» и массагеты «под ними», — и от еще более раннего автора, возможно, от Эвдокса Книдского[3].

[1] Там же. С. 76.

[2] Пьянков. Средняя Азия... С. 154, 271.

[3] Там же. С. 100, 128, 213, 272, 273.

Вторая схема Птолемея совмещена с первой, основной, построенной по Эратосфену. Эта вторая схема по всем признакам близка той, которую я возвожу к Гиппарху. Элементы данной схемы представлены на карте Согдианы, расположенной к северу от Бактрианы. Это Согдийские горы, которые простираются посредине между Оксом и Яксартом, с гор текут безымянные реки, сливающиеся с Оксом и Яксартом, одна из этих рек образует Оксианское озеро (VI. 12. 2. 3); если принять одно из альтернативных чтений текста для координат середины этого озера, то река должна протекать через Оксианское озеро на пути к Оксу, если же предпочесть другое чтение, засвидетельствованное в рукописях, представляющих самостоятельную рецензию текста, то получится, что река направляется к Оксианскому озеру на север и через это же озер протекает Яксарт, так как широта его основного течения совпадает с широтой озера[1]. С юго-запада на северо-восток простираются Оксийские горы, примыкая на северо-востоке к Оксианскому озеру, если принять второе из указанных чтений (VI. 12. 1; ср. VI. 10. 1). Вторая схема имеет и свою диафесу племен, являющуюся частью диафесы «второго плана». Это племена Согдийских и Оксийских гор: оксидранки, дрибакты и кандары вдоль Согдийских гор и мардиены под горами, пасики у Оксийских гор (VI. 12. 4); между пасиками и мардиенами, судя по карте, должна протекать одна из рек, берущих начало в Согдийских горах и сливающихся с Оксом.

Соответствующая картографическая схема традиции Гиппарха восстанавливается следующим образом: Окс и Яксарт текут в основном в широтном направлении, с востока на запад; Окс начинается в «Кавказских горах» и принимает пять притоков, текущих оттуда же, Яксарт имеет три истока в Скифии, в землях саков; обе реки, кроме того, имеют истоки и в Согдийских горах, находящихся между ними; Окс в нижнем течении поворачивает на север и впадает, как и Яксарт, в Оксианское озеро, имея здесь устье между пасиками и амардами, а затем течет на юг и впадает в Каспийское море между гирканцами и дербиками[2].

В целом виде эта схема на карте Птолемея не представлена, но почти все ее элементы так или иначе отражены. Здесь и истоки Окса и Яксарта в Согдийских горах, и течение Окса (= безымянной реки, сливающейся с Оксом) между пасиками и мардиенами, и впадение Окса на севере, как и Яксарта, в Оксианское озеро (если помещать последнее у северо-восточного конца Оксийских гор), возле которого обитают оксидранки, а рядом — дрибакты и кандары, и не показанное на карте, но подразумеваемое течение Окса из Оксианского озера на юго-запад, вдоль Оксийских гор и обитающих там пасиков к Гирканскому (Каспийскому) морю[3]. Здесь и исток Окса в «Кавказских горах» и пять его притоков, текущих с хребта Паропанис (обычно отождествляемого с тем же восточным «Кавказом»), и три истока Яксарта в горах саков (VI. 11. 2; 12. 3). Из этой схемы Птолемей, видимо, заимствовал лишь общее число притоков и истоков, имена же им он дал, вместе с сопутствующей номенклатурой, совершенно произвольно, исходя из каких-то своих соображений.

[1] Там же. С. 273, 274.

[2] Там же. С. 247–266, 275–278.

[3] *Пьянков*. Средняя Азия… С. 275–278.

Разный подход к истолкованию данных Птолемея, естественно, дает и разный результат. Это можно показать на примере интерпретации сведений Птолемея о Согдийских и Оксийских горах и связанных с ними объектах. Путем совершенно произвольных манипуляций Ф. Грене и К. Рапен получают карту, на которой Согдийские и Оксийские горы — один и тот же хребет, а именно Гиссарский с его юго-западными отрогами, а все связанные с этими горами объекты Согдианы располагаются между Гиссарским хребтом и Амударьей-Пянджем — в идеальном соответствии с ими же объявленной границей между Согдианой и Бактрией по Амударье-Пянджу (**GR.** P. 84; **R.** P. 204, 206, 207, 214, 216, 223, 224). Источниковедческий анализ данных Птолемея с выделением в них компонентов разного происхождения дает совсем иной результат.

Согдийские горы междуречья Окса и Яксарта, которые начинаются близ Оксианского озера и простираются вплоть до истоков Яксарта, с которых текут реки, впадающие и в Окс, и в Яксарт, — это, конечно, вся цепь гор среднеазиатского междуречья, как обычно и считают современные исследователи, — цепь гор от Султан-Уиз-Дага до Памиро-Алая и Тянь-Шаня, которую еще и в Средние века считали единым хребтом[1].

Оксидранки (Ὀξυδράγκαι) — окситтаги (Oxyttagae) Плиния (VI. 48), т. е. «обитатели Оксианского озера»[2], и дрибакты (Δρυβάκται) — дрибики (Dribyces) Плиния (VI. 48), живущие по Оксу близ Оксианского озера, т. е. «лесные обитатели»[3] (не путать с дербиками), — помещены Птолемеем у западного конца Согдийских гор, т. е. у хребта Султан-Уиз-Даг. Это обитатели дельтовых областей Амударьи, заросших тугайной растительностью, в частности и Сарыкамышской дельты, как известно, функционировавшей в те времена. И в Средние века знали о Хорезмском или некоем безымянном озере, поросшем камышами, у западной оконечности упомянутого хребта среднеазиатского междуречья.

Кандаров Птолемей помещает дальше к востоку вдоль Согдийских гор. Название этого народа, по-видимому, связано с итинерарием, который восстанавливается по данным Плиния (VI. 48) и Мелы (I. 13); итинерарий содержал следующий перечень: хорасмы, кандары, париканы (паритаканы?), заранги. Ему соответствует средневековый путь из Несефа в Термез через Кандак, Железные ворота, Даранк (<Заранг)[4]. Мардиены (Μαρδυηνοί) — мандруаны (Mandruani) Плиния (VI. 47) помещены к югу от народов Согдийских гор, ближе к Оксу. Видимо, след этих мардиенов сохранился в названии селения Амуль[5] (затем Чарджоу, теперь Туркменабад), где находилась переправа через Амударью, ведшая ко многим крупным городам среднеазиатского междуречья, в том числе и к Несефу.

---

[1] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 50–53.

[2] *Markwart.* Op. cit. S. 78.

[3] *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 25.

[4] О средневековом итинерарии: *Tomaschek W.* Centralasiatische… S. 27, 28; ср. *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 123, 191–193.

[5] *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Lpz., 1905. Ht 2. S. 57. 137.

Оксийские горы в том виде, в каком они представлены на карте Птолемея, всегда были загадкой для исследователей, пытавшихся расшифровать эту карту[1]. Привлечение картографической схемы, принадлежащей традиции Гиппарха, к расшифровке данных Птолемея помогает выявить реальный прообраз Оксийских гор. Эти горы, тянущиеся на юго-запад от Согдийских гор и Оксианского озера к Гирканскому (Каспийскому) морю, — не что иное, как возвышенности и обрывы плато Устюрт, спускающиеся к Узбою. Пасики, обитающие вдоль этих гор, — хорошо известные апасиаки, жившие от междуречья Окса и Яксарта вдоль Узбойского рукава Окса вплоть до рубежей Гиркании.

Очень важным компонентом интересующей нас части карты Птолемея является итинерарий Мая Тициана. Выше уже было показано, что данные этого итинерария влияли на формирование картографических схем Птолемея. Но выделение на карте Птолемея конкретных элементов, которые можно возвести к упомянутому итинерарию, — задача непростая. Во всяком случае, метод К. Рапена, позволяющий ему возводить к итинерарию целиком тот или иной параграф текста Птолемея (**R.** P. 207–209, 217–219), кажется не очень убедительным. Мой вариант реконструкции среднеазиатского участка итинерария Мая Тициана по данным Птолемея тоже давно изложен в опубликованных исследованиях[2].

Хотелось бы остановиться также на некоторых *других проблемах*, затронутых в рецензируемых работах. Авторы их не единожды возвращаются к вопросу о том, как город Мараканда (Самарканд) на карте Птолемея оказался в Бактриане. Они принимают объяснение, предложенное еще В. Томашеком: Птолемея ввело в заблуждение название «Даргом», прилагавшееся и к каналу, на котором стоит Самарканд, и к одной из бактрийских рек (**GR.** P. 86, 87; **R.** P. 202, 212, 217, 222). Этот вопрос давно и в нескольких работах рассматривался также мной с учетом всех деталей источников и всей предшествующей литературы. В результате выяснилось, что Птолемей (или его предшественник Марин) не только перенес Мараканду с сопутствующими объектами в Бактриану из Согдианы, но и поменял ее местами с Дрепсой, которую перенес из Бактрианы в Согдиану[3].

Ф. Грене и К. Рапен пытаются также объяснить странное положение Александрии Эсхаты (Ходжента) на карте Птолемея, принимая к тому же отождествление Александрия Эсхата = Антиохия в Скифии (**GR.** P. 84; **R.** P. 202, 203, 212, 221). Выше я уже изложил свое объяснение этого факта, обоснованное в моих более ранних работах: Александрия Эсхата на карте Птолемея является остатком Эратосфеновой картографической схемы[4]. Что касается соотношения двух упомянутых городов, то старое предположение, восходящее к У. Тарну, о том, что

---

[1] См., например: *Савицкий Г. И.* Древняя Согдиана по данным античных писателей // Труды Самаркандского гос. пед. ин-та. Самарканд, 1940. Т. I. Вып. 1. С. 10.

[2] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 72–77, 152–155, 269, 270; см. также *Он же.* «Шелковый» путь из Гиераполя в Серику // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 122–140.

[3] *Он же.* Мараканды… С. 37, 38; *Он же.* Самарканд… С. 51–57; *Он же.* Средняя Азия… С. 76, 272.

[4] *Он же.* Бактрия… С. 35, 36; *Он же.* Средняя Азия… С. 154, 271.

Александрия Эсхата была восстановлена под именем Антиохии, — не подтверждается: Александрия Эсхата и Антиохия в Скифии — разные города[1].

Допуская, видимо, существование только одной Нисеи, К. Рапен подвергает «ротации» данные Птолемея (VI. 10. 4) о маргианском городе Нисее, стараясь приурочить его к Копет-Дагу (**R.** P. 206, 207, 214, 216), т. е. поместить туда, где находился известный парфянский город Ниса. Между тем в маргианской Нисее Птолемея давно, во всяком случае, со времен В. Гейгера (W. Geiger), распознан древний Меймане[2]. И Птолемей, опираясь, видимо, на итинерарий, довольно верно определяет его местоположение: к востоку от правого истока реки Марг (т. е. Верхнего Мургаба), у северных склонов горного хребта.

К. Рапен предлагает свою трактовку данных Птолемея о стране комедов и соответствующем участке Великого шелкового пути (**R.** P. 211, 218, 219, 224, 225) (обильнейшая научная литература, посвященная этой теме, в том числе и на русском языке, тоже большей частью осталась вне поля зрения французского исследователя; непосредственно на эту тему немало писал и я[3]). С этим же путем, возможно, связаны и сведения Птолемея (VI. 12. 4) о стране Вандабанда. К. Рапен помещает Вандабанду в Фергану (**R.** P. 212, 222), но есть основания искать эту горную «страну пограничных крепостей» южнее, в Вахане с его горными крепостями и в соседних горных областях[4].

К. Рапен замечает сходство материалов Птолемея с перечнем племен у Плиния (VI. 47. 48), но не знает, что делать дальше с этим своим наблюдением (**R.** P. 216), — какие выводы из него следуют? Между тем здесь затронута очень интересная и важная проблема: широтное членение и районирование ойкумены в античной географии, — не говоря уже о том, что сам указанный отрывок из сочинения Плиния давно и многократно подвергался истолкованиям разного рода; я предложил считать отдельные места из определенной части сочинения Плиния (VI. 36-55), имеющие отношение к упомянутой проблеме и совпадающие с данными Мелы, свидетельством традиции Агриппы, а это последнее вместе с соответствующими данными Птолемея — наследием традиции Гиппарха[5]. В рамках традиции Агриппы хорошо расшифровываются и данные об Оксе и соседних реках, «приписанные карте мира [времен] Августа» и представляющие «источник информации, трудный для анализа» (**R.** P. 224, имеется в виду карта, описанная в «Космографии» Юлия Гонория[6]). Однако нельзя не согласиться с тем, что в конечном счете все эти данные восходят к каким-то итинерариям.

---

[1] См. *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76–78; *Он же.* Античные авторы… С. 203, 204.

[2] См. *Он же.* Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. 1996. № 3. С. 13.

[3] См. *Он же.* Средняя Азия… С. 75–77, 269, 270; *Он же.* Шелковый путь… С. 130–137; *Piankov I. V.* The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. N. S. 1994. V. VIII. Bloomfield Hills, 1996. P. 41, 42.

[4] *Piankov.* The Ethnic History… P. 42–45.

[5] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 147–152, 171–175.

[6] Расшифровку ее см. *Он же.* Средняя Азия… С. 263–266, 300.

Впадение Окса (Амударьи) в Каспийское море, показанное на карте Птолемея, — это, по мнению К. Рапена, ошибка, обусловленная только случайными манипуляциями с древними картами (**R.** P. 203, 221). Таким образом, все открытия российских и туркменских археологов в зоне Узбоя за последние годы[1], весь комплекс решенных и нерешенных проблем, связанных с этими открытиями, — все это осталось за пределами осведомленности французского исследователя.

В рецензируемых статьях имеются и удачные места, отдельные находки, но отсутствие настоящего источниковедческого подхода к используемому их авторами материалу и игнорирование научной литературы, которая помогла бы в осуществлении такого подхода, в значительной мере обесценивают эти работы.

[1] См. о них: *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1999. С. 36–52, 94–96, 137–152.

4. НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ «ЭТНОГЕОГРАФИИ ТУРАНА»: ПОЛЕМИКА АРХЕОЛОГА С ФИЛОЛОГАМИ? (По поводу книги Б. И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э.».М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999)*

Названная книга известной исследовательницы Средней Азии Б. И. Вайнберг обобщает результаты археологических и этнографических работ автора, проводившихся в течение многих десятилетий[1]. Ценность книги несомненна. Изложенный в ней материал обеспечивает надежную археологическую базу для дальнейших исследований в области древней истории Средней Азии. Без археологических открытий автора многие страницы в наших познаниях о далеком прошлом Средней Азии до сих пор оставались бы пустыми.

Я не ставлю здесь цель дать полную, всеобъемлющую характеристику и оценку книги Б. И. Вайнберг. Моя задача ограничивается лишь одним аспектом в рассмотрении проблем, поднимаемых автором, хотя сам по себе этот аспект имеет принципиальное, выходящее за рамки обсуждаемой книги значение. Стимул для обсуждения дает сам автор, когда одну из наиболее полемичных глав своей книги завершает такими, очень показательными в данном отношении словами: «В связи со всем изложенным выше хотелось бы заметить, что, как правило, мы, археологи, доверяем источниковедческим исследованиям специалистов филологов и историков и опираемся на них в исторической интерпретации археологического материала. Хотелось бы подобного отношения и с их стороны к нашим изысканиям, так как опыт показывает (и это ярко демонстрируют приведенные выше примеры), что только детальное знание всего комплекса археологических материалов как на данной конкретной территории, так и в более широком ареале и хронологическом диапазоне может оградить исследователя от ложных, а не просто спорных сопоставлений и исторических интерпретаций...» (с. 231).

Думаю, не ошибусь, если замечу, что между строк здесь явно читается обо-

---

*Впервые опубликовано: Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана» // Вестник древней истории. М.: Наука, 2004. № 4. С. 213–224.

[1] См. также предшествующий опыт автора в обобщении результатов своих работ: *Вайнберг Б. И., Ставиский Б. .Я.* История и культура Средней Азии в древности.VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1994.

стренное чувство собственности археолога на добытый им материал; мысль, заключающуюся в приведенной цитате, можно было бы более коротко выразить так: «Материал — мой, и верно прежде всего то, что я говорю о нем». Эта мысль, в той или иной форме выраженная, нередко встречается в археологической литературе, и в эмоциональном плане ее вполне можно понять. Но попробуем разобраться в вопросе с позиций логики.

Историк в своей исследовательской работе проходит два этапа, которые следует осознанно и очень четко отличать один от другого[1]. Первый этап — источниковедческий; здесь исследователь работает над словесными или вещественными источниками. Если говорить об интересующей нас исторической эпохе, то в ее изучении исследователь будет выступать на первом этапе или как филолог (в узком, первоначальном смысле этого слова), или как археолог. На первом этапе претензии археолога на исключительное понимание открытых им памятников понятны. Но этот этап длится лишь до тех пор, пока объектом исследования является сам по себе памятник. На втором этапе, когда исследователь — археолог ли, филолог ли — выступает уже как собственно историк, положение меняется. На этом втором этапе, начинающемся с реконструкции исторического факта[2], который и становится в дальнейшем объектом исследования, историк относится к результатам археологического и филологического исследования в известном смысле отстраненно, используя их как одинаково ценный для реконструкции материал (и здесь действительно необходимо взаимное доверие археолога и филолога к результатам источниковедческой работы друг друга). Историк берет на себя ответственность за полноту использования всего источникового материала, так что «детальное знание» одного только археологического материала никак не гарантирует истинности предлагаемой им реконструкции.

Итак, что же вызывает активное неприятие у автора обсуждаемой книги, что она считает «ложными, а не просто спорными сопоставлениями и историческими интерпретациями»? Судя по тому, что непосредственно перед приведенной выше цитатой речь в книге идет о дахах и соотношении их с прохоровской культурой (с. 228–231), именно эта тема прежде всего и породила, с точки зрения автора, прискорбные заблуждения историков.

Напомним вкратце историю дахов, реконструированную по крупицам из свидетельств письменных источников трудами нескольких поколений историков, в том числе и моими. Родиной дахов была страна «выше Меотиды» (Аральского

[1] Так, строго ограничить себя первым, источниковедческим этапом работы я старался в книге: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997.

[2] Под историческим фактом я имею в виду любой реальный и объективный феномен истории, «все то, что было в прошлом человечества», а под его реконструкцией — наше знание о нем, получаемое с помощью разного рода свидетельств (источников) и используемое затем в логических операциях исторического синтеза (*Кареев Н.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 79–90, 129–140). Впрочем, под научным историческим фактом часто подразумевают и само знание (см., например: Логика научного исследования. М., 1965. С. 47. 50; *Уваров А. И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин. 1973. С. 21, 22; *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 192, 216).

моря в данном случае), т. е. где-то в глубине неведомого древним авторам материка. Ко времени походов Александра Македонского (вторая половина IV в. до н. э.) дахи обитали на «европейской» стороне Танаиса (Сырдарьи в данном случае), т. е. на правобережье Сырдарьи — скорее всего, в среднем ее течении, поскольку лишь оно находилось в те времена в поле зрения античных авторов. Но уже тогда дахи принимали активное участие в событиях, происходивших по другую сторону Танаиса, в связи с чем Александр, видимо, и пытался запретить им переход через реку. Но уже при ближайших преемниках Александра, в начале III в. до н. э., орды дахов переходят Сырдарью в ее среднем течении и разрушают греческие колонии Согдианы, Маргианы и Ареи, в том числе Александрию Крайнюю (Ходжент). Ответной мерой был поход греческого полководца Демодама, переправившегося через Сырдарью в районе той же Александрии. Тем не менее в известиях источников, относящихся к III–II вв. до н. э., дахи фигурируют уже как племена, обитающие вместе с согдийцами внутри материка «выше» приморских «Скифских пустынь», у поворота Окса (Амударьи) на север, а южнее — на обширной территории к востоку от Каспийского моря, «на левой стороне при входе» (через Узбой?) в него и недалеко от Гиркании (в Дахистане), а также в долине реки Ох (в данном случае это может быть только Атрек) и вплоть до Ареи и Маргианы. Дахи, обитавшие по Оху, и явились основателями парфянского государства Аршакидов (середина III в. до н. э.)[1].

Примерно тогда же из земель, тоже расположенных где-то «выше», продвигались по степному поясу на запад племена аорсов[2]. По крайней мере к середине II в. до н. э. они уже владели территорией от Нижнего Танаиса (Дона) до Каспийского моря. Все это хорошо и давно известно по данным источников. Но следует учитывать, что источниками засвидетельствована и более ранняя стадия в расселении аорсов. Птолемей (VI. 14. 10), опираясь на источники, восходящие к III–II вв. до н. э., сообщает, что к западу от яксартов, т. е. народа, обитающего по реке Яксарт (Сырдарья). но к востоку от реки Ра (Волги), не доходя до нее, обитают аорсы. Эти аорсы должны быть локализованы на пространстве от Западного Приаралья примерно до реки Урал. Благодаря миссии Чжан Цяня об этих аорсах стало известно во II в. до н. э. и в Китае. Чжан Цянь, видимо, воспользовался в данном случае сведениями того же итинерария, что и Птолемей, поместив Яньцай (аорсы) к северо-западу от Кангюй (яксарты), у северного моря (Каспийское или Аральское моря), к северу от Аньси (царство Аршакидов) (см. обсуждаемую книгу, с. 266–268, 274–278). Возможно, что уже тогда аорсы кон-

[1] Эта реконструкция и в целом, и в отдельных деталях воспроизводилась мной неоднократно в уже опубликованных работах. Поэтому тех, кого интересует ее аргументация, а также ссылки на источники и литературу, отсылаю к моим работам: *Пьянков.* Средняя Азия… С. 54, 68. 71, 172, 228, 233, 234, 256, 268; *он же.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 202–205; *Он же.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 68; *Он же.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 123–125. См. также мою рецензию (ВДИ. 2002. № 3. С. 223–227) на цитируемую ниже, в прим. 1713, монографию М. Олбрыхта; отмечу, что на с. 224, в строке 9-й сверху следует читать: «по эту сторону» (вместо: «по ту сторону», как и было в моей рукописи, представленной в редакцию).

[2] Одна из последних работ, посвященных специально аорсам: *Olbrycht M. J.* Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon // Klio. 83. 2001. № 2. S. 425–450.

тролировали торговый путь по Узбою, как и позже, когда они, по словам Страбона (XI. 5. 8), владели большей частью побережья Каспийского моря в его северной половине: ведь индийские товары они могли получать только по этому пути[1]. Похоже, что аорсы и дахи — одни и те же племена, распространявшиеся из одного центра, но в разных направлениях: первые — на запад и юг, вторые — на юго-восток и затем на запад. Такое предположение подтвердится, если сопоставить дахов и аорсов с теми племенами, которые оставили подбойные и катакомбные погребения с южной ориентировкой, обычно объединяемые понятиями «прохоровская» (IV–II вв. до н. э.) и «сусловская» (II в. до н. э. — I в. н. э.) археологические культуры. Поразительно совпадение общей картины расселения аорсов и дахов, с одной стороны, прохоровско-сусловских племен — с другой.

Первые памятники с чертами прохоровской культуры зафиксированы на Южном Урале и датируются V–IV вв. до н. э., отсюда они распространяются на запад и уже в III в. до н. э. во множестве появляются на Нижней Волге, а затем и на Нижнем Дону, причем одновременно количество подобных памятников в Приуралье уменьшается[2]. В то же самое время подбойные и катакомбные погребения с южной ориентировкой появляются и на юге: в Восточном Прикаспии и на Узбое, на Устюрте и в Хорезме (см. обсуждаемую книгу, с. 30, 31, 96, 99, 108, 109, 150, 151, 161–166, 229–233, 248–250, 301). Распространение этих памятников отражает направление потоков тех кочевников, которые в письменных источниках именуются аорсами.

Другое направление передвижения кочевников отражено в распространении подбойных и иных погребений с южной ориентировкой, датируемых в целом III в. до н. э. — 1 в. н. э., в правобережье Сырдарьи (Каратау), в Ташкентском оазисе, на западе Ферганы, в Согде (окраины Бухарского и Самаркандского оазисов), в подгорной полосе Копетдага, в долине Сумбара (приток Атрека)[3]. А пря-

---

[1] О торговле сарматов и аорсов см. *Olbrycht.* Die Aorser... S. 438–442; *Idem.* Der Fernhandel in Ostsarmatien und in den benachbarten Gebieten (zweite Hälfte des 2. Jhs.-l. Jh. v. Chr.) // Laverna. 2001. XII. S. 86–122.

[2] *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 43, 47. Эти же процессы движения «прохоровских» племен с Южного Урала на запад подтверждаются и уточняются материалами новейших археологических работ: *Гуцалов С. Ю., Баталов С. Г.* Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска. Уфа, 2001. С. 154, 155; [*Гуцалов С. Ю.* Одиночные курганы и погребения прохоровской культуры восточных районов Южного Приуралья // История и культура Арало-Каспия: Сб. статей. Алматы, 2001. Вып. 1. С. 67–77.]

[3] Новейшую сводку материалов см. *Olbrycht M. J.* Parthia et ulteriores gentes. München, 1998. S. 247–252. См. также *Мандельштам А. М.* Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до н. э. и первые века н. э. // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 107–110. В дополнение к указанным перечням см. *Маловицкая Л. Я.* Тамдинский курганный могильник III–I вв. до н. э. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Алма-Ата, 1949 (1950). Вып. 2. № 67. С. 120; *Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г.* Исфаринские курганы. К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы // КСИИМК. 1959. 76. С. 18. [В последнее время и археологи говорят о продвижении южноуральских кочевников в конце IV–III–II вв. до н. э. к Сырдарье, в Ташкентский оазис, Фергану и долину Зеравшана и далее — вплоть до Амударьи и Хорезма как о переселении дахов (= археологических «сарматов»), см.: *Филанович М. И.* К вопросу о путях движения ранних номадов (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999. С. 124, 125; *Таиров А.* Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV–II вв. до н. э. // Вестник Челябинского ун-та.

мые аналогии керамического комплекса подбойно-катакомбных погребений с южной ориентировкой в Южном Зауралье и Северном Казахстане II в. до н. э. — I в. н. э. с посудой оседлого населения более южных областей — в памятниках Арыси, Ширинсая, Серахса[1] — точно соответствуют этапам движения кочевников на юго-восток и юг, намеченным в письменных источниках: правобережье Сырдарьи, Согд, Арея. Это уже направление движения дахов. Если учесть, что памятники тех же самых кочевников во множестве концентрируются и в районе древнего центра парфянского царства Аршакидов (Ниса, подгорная полоса Копетдага), основанного, как известно, дахами, даже вклиниваясь в места расселения оседлого населения[2], а гробницы парфянской знати в Новой Нисе II–I вв. до н. э. имеют своей исходной формой погребения опять тех же кочевников[3], то атрибуция подбойно-катакомбных погребений с южной ориентировкой как памятников дахов кажется в высшей степени вероятной.

Должен отметить еще, что реконструированные направления передвижений аорсов и дахов вполне объясняются маршрутами кочевок скотоводов в этих местах и затем удивительно точно повторяются последующими миграциями кочевых племен, на что я тоже не раз обращал внимание в своих работах.

Все это и дало мне основание предполагать, что аорсы и дахи — один и тот же народ под двумя разными названиями — изначально тождественны носителям прохоровской культуры[4]. Совпадения здесь настолько очевидны, что вполне понятно, что я был не первым и не единственным, кто пришел к такому выводу[5]. Тем не менее, приговор автора обсуждаемой книги неумолим: все эти сопоставления «не просто спорны, а ложны».

Чем же Б. И. Вайнберг обосновывает столь суровую оценку? Здесь опять не обойтись без пространной цитаты из рассматриваемой книги: «И. В. Пьянков в течение многих лет настойчиво связывает сообщение Аполлодора о переселении дахов из области ‘над Меотидой’ (Аральским морем в данном случае) с предполагаемым им распространением прохоровской культуры на юге Средней Азии… Первоначально он ссылался на устное сообщение А. А. Марущенко, а затем и на авторитет К. Ф. Смирнова… Нисколько не подвергая сомнению авторитет этих

Серия 10. 2002/1. Челябинск, 2002. С. 143–153. Следует лишь учитывать, что юго-восточный путь движения южноуральских кочевников — это и есть путь переселения дахов (путь движения тех же кочевников на юг и запад — это путь переселения аорсов), что археологические «сарматы» (носители прохоровской и сусловской культур) — это и есть дахи и аорсы (а не исторические савроматы = сарматы) и, наконец, четко отличать это движение кочевников от другого, имевшего истоки в Центральной Азии и достигшего Средней Азии в середине II в. до н. э. Это последнее движение имело совсем иные причины, иных участников (тохары = юечжи и другие) и иные направления.]

[1] *Баталов С. Г., Усманова Э. Р.* Памятники II в. до н. э. — I в. н. э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 151–155.

[2] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966. С. 46, 47.

[3] *Крашенинникова Н. И.* Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 126.

[4] *Пьянков.* Массагеты… С. 68; *Он же.* Античные авторы… С. 202–205.

[5] Помимо мнения А. А. Марущенко и К. Ф. Смирнова, на которых я уже ссылался в своих работах, см. также *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1974. С. 9, 10; *Olbrycht.* Parthia… S. 252 (со ссылкой на В. П. Никонорова).

археологов, должна заметить, что их заключения сделаны в период начальной стадии изучения памятников Восточного Прикаспия, когда внимание обращалось *на сходство материалов из них* с любыми соседними культурными комплексами, прежде всего для определения хронологии. Поэтому и было отмечено сходство типов оружия из склепов на Дордуле, раскопанных в 70-х гг., с прохоровскими, что не может быть признаком культурной принадлежности народа, так как типы оружия имеют более широкие ареалы, чем этнос…» (с. 229).

Начнем с сообщения Страбона (XI. 9. 3) об исходе дахов из области «над Меотидой». Б. И. Вайнберг подробно разъясняет, что «район распространения прохоровской культуры в Южном Приуралье», далекий от Арала, «не является областью „над Меотидой“» (с. 230). Заметим, что античные определения «над», «выше» по отношению к морю означают просто «дальше от моря», «где-то в глубине материка», причем направление определялось с позиций говорящего. Если учесть географический кругозор Страбона и его предшественников, считавших, что где-то совсем недалеко к северу от Меотиды находится Океан (XI. 1. 5), т. е. граница обитаемой земли[1], то будет ясно, что иного определения для района первоначального распространения прохоровской культуры они и не могли дать.

Все остальное в приведенной цитате вызывает только недоумение. При чем здесь Дордуль и разъяснение такой азбучной истины, как то, что этническую атрибуцию культуры нельзя основывать на типах оружия? Заключение о соответствии прохоровской культуры дахам основано не на сходстве типов оружия из погребений Дордуля, раскопанных в 1970-х гг., с прохоровскими, а на том наблюдении, что катакомбные погребения с южной ориентировкой, раскапывавшиеся по крайней мерес 1950-х гг., расположены непосредственно в историческом центре государства Аршакидов и должны принадлежать кочевникам, основавшим это государство, т. е. дахам[2]. Почему автор говорит только о каменных склепах Дордуля, уверяя, что «каких-либо специфически прохоровских элементов культуры» в них нет (с. 230)? Ведь автор понимает, что речь идет не о каменных склепах, действительно, как он и считает, принадлежавших массагетам, а не дахам, но о земляных курганах с подбойно-катакомбными погребениями и южной ориентировкой погребенных (имеющихся, кстати, и на Дордуле). Можно ли относить среднеазиатские памятники этого последнего типа к прохоровским — это, конечно, вопрос, входящий в сферу компетенции археологов. Б. И. Вайнберг считает, что данные памятники относят к прохоровской культуре «по обряду погребения и типу погребального сооружения», а не по керамике (собственного производства которой у племен, оставивших эти памятники, вообще не было) лишь «неспециалисты» (с. 230). Следовательно, В. Н. Ягодин, считающий, что памятники рассматриваемого типа на Устюрте относятся к прохоровским, к «при-

[1] Относительно общих представлений Страбона и его географических авторитетов об этой части света см. *Пьянков.* Средняя Азия… С. 162–167, 297. Рис. 8А.

[2] См., например: *Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Ашхабад, 1959. Т. V. С. 110–122; *Мандельштам А. М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. 128. С. 66–72.

уральской территориальной группе прохоровской культуры»[1], О. В. Обельченко, утверждающий, что такие же памятники в Согде идентичны прохоровским Южного Урала и Нижнего Поволжья и что близость эта может быть объяснена только переселением кочевников Южного Урала в Среднюю Азию[2], К. Ф. Смирнов, который, опираясь на материалы О. В. Обельченко, говорит о продвижении прохоровской и сусловской культур на юг, в Бухарский оазис[3], и еще многие другие — все это «неспециалисты»?

Наконец, автор считает, что попытки связать прохоровскую культуру одновременно и с аорсами, и с дахами «явно противоречат» друг другу (с. 230, 231). Примеров, когда один и тот же кочевой народ в разных источниках и у разных народов носит разные названия, можно приводить бесчисленное множество. Ограничимся одним: кипчаки, пришедшие с востока в восточноевропейские степи и попавшие в поле зрения русских летописцев, носят у них, как известно, название половцев.

Что же предлагает взамен автор обсуждаемой книги? Где обитали дахи и какой археологический след после себя оставили? Автор предлагает считать в качестве такового чирикрабатскую культуру, существовавшую в западной части древней дельты Сырдарьи в IV–II вв. до н. э. На чем основано такое предложение, не известно, так как автор не дает никакой аргументации. Единственная, пожалуй, ссылка на свидетельство источника, которое хоть как-то могло бы объяснить эту гипотезу, — указание на сообщение историков Александра Македонского о связи дахов с Танаисом (Сырдарьей), что, по мнению автора, «отвечает их локализации на Пра-Жаныдарье, бывшей в V–II вв. до н. э. самым юго-западным дельтовым руслом Сырдарьи» (с. 263). Но представления современников Александра о низовьях Сырдарьи были настолько туманными, что они определенно ничего не знали о племени, обитавшем на «самом юго-западном дельтовом русле» этой реки. В поле их зрения находилось только среднее течение реки, с которым и надо связывать дахов той поры. К тому же, по более точным данным, они обитали не «по» реке, а «за» рекой, на «европейском» материке. Далее, нужно учитывать, что указанное сообщение относится только к одному определенному моменту истории дахов, в целом же источники связывают их с неизмеримо более широкой территорией, а чирикрабатская культура известна только в низовьях Сырдарьи. Хронологически чирикрабатская культура, датируемая IV–II вв. до н. э., так же плохо увязывается с дахами, сведения источников о которых относятся ко времени с V в. до н. э. по первые века н. э.

---

[1] *Ягодин В. Н.* Сарматский курган на Устюрте // КСИА. 1978. 154. С. 88, 89.

[2] *Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М., 1992. С. 141, 142, 220–228. Правда, этих кочевников он ошибочно отождествил с племенами, сокрушившими Греко-Бактрийское царство, кажется, вообще не ведая о проблеме дахов. Ю. А. Заднепровский, пытаясь оспорить эту близость (на мой взгляд, не очень убедительно), указывает на еще большую близость соответствующих памятников Согда погребениям Шаушукумского могильника на Средней Сырдарье (речь идет о катакомбах «лявандакского типа»), свидетельствующую, по его мнению, о переселении кочевников в Согд из-за Средней Сырдарьи (*Заднепровский Ю. А.* Древние номады Центральной Азии. СПб., [1997]. С. 106–110). Но это наблюдение лишь иллюстрирует два этапа в движении дахов на юго-восток: сначала к Средней Сырдарье, затем в Согд.

[3] *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 117.

Тем не менее Б. И. Вайнберг считает, что «можно с достаточным основанием предположить, что комплекс чирикрабатской культуры низовьев Сырдарьи принадлежал даям (дахам)» (с. 261). Но изложенные перед этим утверждением «основания» являются не аргументацией в собственном смысле, а попыткой согласовать уже принятую в качестве бездоказательного постулата гипотезу с известными фактами (с. 260, 261).

Первое «основание». Поскольку, как мы видели, чирикрабатская культура хронологически не согласуется с дахами. предлагается следующее объяснение этой нестыковки: чирикрабатский комплекс генетически связан с культурой саков низовьев Сырдарьи, что предполагает этническую преемственность населения на данной территории с VII по II в. до н. э. (с. 260, 261). Далее эти археологические «саки низовьев Сырдарьи» совершенно произвольно отождествляются с «саками за Согдом» древнеперсидской надписи, а эти последние — с дахами (с. 261–264). Мне уже приходилось говорить о невозможности отождествления «саков за Согдом» с дахами и локализации этих народов в Восточном Приаралье[1]. Добавим к этому: тот факт, что дахи в древнеперсидской надписи не названы саками, хотя персы считали саками даже европейских скифов, напротив, говорит о том, что дахи в глазах персов отличались чем-то существенным от более ранних кочевников, а то обстоятельство, что дахи появляются впервые в надписи Ксеркса, но не в более ранних древнеперсидских надписях, естественнее всего объяснить в соответствии со всеми прочими данными, тем, что именно в это время дахи и появляются впервые на географическом и политическом горизонте персов.

Что же касается «саков за Согдом», то заметим, что до появления современных географических карт единственным ориентиром для определения положения «за», «по ту сторону» и т. п. были путевые данные, а путь завоевателей в Средней Азии, начиная с Кира Великого, всегда проходил по одному маршруту: Бактрия—Согд—саки, причем переходом из Согда в страну саков являлась переправа через Сырдарью в ее среднем течении (в районе Ходжента). Об этом пути четко помнила традиция[2], которая и легла в основу наиболее известной античной географической схемы Средней Азии: Бактрия—Окс (Амударья)—Согд—Яксарт (Сырдарья)—страна саков[3]. Так что «саками за Согдом» могли быть только ферганские и тяньшанские саки (т. е. собственно саки). Объяснение же, предлагаемое автором, выглядит очень странно: саки были названы засогдийскими потому, что их сатрапская резиденция находилась по эту сторону (с точки зрения персов) непроходимой Скифской пустыни, отделявшей ее от Согда (с. 262). Помимо того что само определение «засогдийские» выглядит в таком случае нелепо, также и соотнесение саков с Согдом становится излишним: наверное, у персов были более удобные, нежели через Согд и пустыню, пути доступа к этой «сатрапской резиденции».

---

[1] *Пьянков.* К вопросу… С. 122–125.

[2] *Он же.* «Саки». (Содержание понятия) // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. 1968. № 3 (53). С. 15.

[3] *Он же.* Средняя Азия… С. 234–247.

Второе «основание». Материалы чирикрабатской культуры, в частности, следы сатрапской резиденции в Бабиш-мулла 1 свидетельствуют о «включении носителей чирикрабатской культуры в административно-хозяйственную систему Ахеменидской империи» (с. 261). Упоминаемые в древнеперсидских надписях дахи, они же «саки за Согдом», и образовывали будто бы сатрапию, центром которой было поселение Бабиш-муллы 1 (с. 131, 132, 179, 261, 262, 301, 302). Необходимо сказать прежде всего, что упоминание того или иного народа или страны в древнеперсидских надписях не означает с необходимостью, что этот народ или страна каждый раз представляет особую сатрапию. Это относится не только к чисто географическим указаниям (в контексте которых упоминаются «саки за Согдом»), но и к спискам подвластных персам стран (в одном из которых упоминаются дахи). Поскольку «саки за Согдом», как мы видели, не имеют ничего общего ни с дахами, ни с низовьями Сырдарьи, мы вообще исключаем их из дальнейшего рассмотрения. Дахи же, несомненно, входили в сферу политического влияния Ахеменидов[1], но нет ни единого намека на то, что они образовывали сатрапию; скорее всего, они имели статус союзников.

Как же в таком случае объяснить существование сатрапской резиденции в Бабиш-мулла 1? Я думаю, что некоторый свет на это обстоятельство могут пролить данные Ктесия. Мне уже приходилось воспользоваться этими данными для заключения о том, что ко времени Ктесия (конец V — начало IV в. до н. э.) Хорезм представлял собой отдельную сатрапию[2], и этот вывод, как кажется, был хорошо воспринят археологами. Но те же данные (fr. 9. §8. Jacoby) свидетельствуют и о существовании сатрапии дербиков (= массагетов): согласно Ктесию, сатрапами дербиков и барканиев (= гирканцев) были сыновья некоего знатного мидийца; хотя Ктесий переносит этот факт во времена Кира Великого, на самом деле, как и в других случаях, он отражает современные Ктесию условия. Поскольку и по другим, независимым данным Гиркания в это время являлась отдельной сатрапией, можно, видимо, доверять и сообщению о сатрапии дербиков. До этого массагеты (= ортокорибантии), судя по Геродоту (III. 92), причислялись к мидийской сатрапии. Но тесная связь между Мидией, Гирканией и массагетами продолжала сохраняться[3] — всех их, видимо, объединяла ориентация на Каспийское море, с которым через Узбой были связаны и массагеты.

Третье «основание». Памятники чирикрабатской культуры исчезают в древней дельте Сырдарьи в III в. до н. э., а к началу II в. до н. э. эта культура полностью прекращает свое существование (с. 261, 263). Такая датировка конца чирикрабатской культуры будто бы соответствует переселению дахов в Прикаспий и на северные границы Парфии в III в. до н. э. (с. 263). Хронологическое совпадение здесь есть, но кроме него — никаких других. Дахи именно после переселения на юг, к пределам Парфии, выходят на арену истории, упоминаниями о них пестрят тексты исторических сочинений того времени, что свидетельствует и о

[1] *Пьянков.* Массагеты… С. 68. Прим. 106.

[2] *Он же.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 42.

[3] Обо всем этом более подробно см. там же с. 36–38, 43–45, 48, 49.

немалом значении их, и о немалой численности, а вот чирикрабатская культура как раз к этому времени «полностью исчезает» (с. 261), и предполагаемые памятники ее в Туркмении, у пределов Парфии, «еще ждут своего открытия» (с. 224), что довольно странно, если учитывать хорошую археологическую изученность этих мест. Зато «ложно сопоставленные» с дахами памятники в виде подбойно-катакомбных погребений с южной ориентировкой, как назло, появляются, и в немалом числе, именно там, где и следует ожидать присутствия дахов.

Словом, попытка отождествить дахов с носителями чирикрабатской культуры выглядит настолько натянутой, что нельзя не присоединиться к оценке ее, данной М. Олбрыхтом: гипотезу Б. И. Вайнберг со всей ее аргументацией приходится признать неосновательной[1].

В связи с переселением дахов коротко коснемся здесь и вопроса о судьбе массагетов после этого переселения. Б. И. Вайнберг «представляется неверным» мое «предположение о том, что дахи (даи) вытеснили массагетов с их территории между Каспием и Амударьей» (с. 224). Но речь не идет и не шла о полном вытеснении массагетов. Автор прав, предполагая стабильное и непрерывное обитание массагетов на Узбое и Устюрте с IV в. до н. э. по IV в. н. э., судя по памятникам их культуры (каменные склепы) (с. 224, 228). Обитавшие здесь массагеты-апасиаки оставили по себе долгую память, о чем свидетельствуют и представления поздних греческих авторов об абасгах как массагетском народе[2], и название средневекового прикаспийского города Абескун. Но на основной территории «между Каспием и Амударьей», как и вообще в пустынном регионе Туранской низменности, массагетов действительно сменили дахи. Если в географических описаниях, восходящих к ахеменидской эпохе, в рассказах о последнем походе Кира или о событиях, связанных с походами Александра, здесь безраздельно господствуют массагеты, свободно перемещаясь, например, от границ Согда к столице Бактрии, то начиная с эллинистической эпохи здесь всюду мы видим дахов; такую замену массагетов дахами заметил еще в древности Страбон (XI. 6. 2; 7. 1). Обо всем этом я писал во многих своих работах, повторять которые в деталях нет необходимости.

Если уж говорить об этнической атрибуции чирикрабатской культуры, то гораздо более удачным представляется мнение о связи ее с апасиаками, которого придерживался еще С. П. Толстов[3]. Но необходимо сделать оговорку: с апасиаками следует связывать не только чирикрабатскую культуру, но и узбойскую культуру каменных склепов, а в известной мере — и «кангюйскую» культуру Хорезма. Моя концепция, изложенная в ряде работ, сводится к следующему. Апасиаки выступили на арену истории как новое мощное объединение массагетских племен, сформировавшееся в конце V или начале IV в. до н. э. Соответственно и созданная ими культура являет генетическую преемственность

[1] *Olbrycht.* Parthia... S. 252. Anm. 21.

[2] *Пьянков.* К вопросу... С. 125. Прим. 61.

[3] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, С. 136–181. Сам термин «чирикрабатская культура», появившийся позднее, С. П. Толстовым не использовался; см. *Вайнберг Б. В., Левина Л. М.* Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 47. Прим. 4.

с более ранними массагетскими культурами. С возникновением этого объединения связана ликвидация власти Ахеменидов в низовьях Амударьи и в Хорезмском оазисе. Видимо, тогда же апасиаки завладели Хорезмским оазисом — судя по тому, что хорасмии стали причисляться к массагетам, а последние, как отмечается в источниках, стали владеть «хорой». т. е. земледельческой областью. Так вожди апасиаков оказались царями хорасмиев, и один из них воздвиг по апасиакскому обряду грандиозную усыпальницу Кой-крылганкалы на территории Хорезмского оазиса в начале IV в. до н. э. Во времена походов Александра, в конце IV в. до н. э., этот народ выступает в источниках под именем апасиев или абиев, которые, по-видимому, и являлись теми массагетами, с которыми имели дело македонские завоеватели. Эти массагеты, апасии или абии, постоянно ассоциируются в источниках с хорасмиями, что мы наблюдаем и в сообщении о хорасмийском царе Фарасмане, прибывшем к Александру. Возможно, что власть Фарасмана простиралась на весьма обширные степные территории. К III в. до н. э. апасиаки занимали земли от низовьев Амударьи и Сырдарьи вдоль по Узбою вплоть до Гиркании, явно включавшие также Хорезмский оазис. Во второй половине того же века апасиаки принимали у себя парфянских царей, бежавших от Селевка II и Антиоха III; вполне вероятно, что и тогда апасиаки имели своей базой Хорезмский оазис. Однако к I в. до н. э. ситуация меняется: апасиаки теряют основные свои земли в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где их сменяют, видимо, сакарауки, еще во II в. до н. э. вторгшиеся из-за Сырдарьи[1]. Так что и конец апасиаков соответствует концу чирикрабатской культуры.

И эта концепция является естественным логическим выводом, к которому подводит изучение всей совокупности источников. Подобные идеи относительно апасиаков и Хорезма высказывал еще С. П. Толстов[2]. Очень близких изложенной концепции взглядов на место апасиаков в истории Средней Азии придерживается М. Олбрыхт (ссылаясь и на мои работы)[3]. Но ответ автора обсуждаемой книги и здесь краток и решителен: мои «попытки размещения» апасиаков в Хорезме «не согласуются ни с данными письменных источников, ни с археологическими материалами, которые хорошо увязываются между собой» (с. 231).

«Хорошо увязывая» оба вида этих источников, Б. И. Вайнберг размещает апасиаков на Большом Балхане и Нижнем Узбое, отдавая им западную группу памятников узбойской культуры, а восточную группу памятников той же культуры на Верхнем и Среднем Узбое приписывает дербикам (с. 225–227, 262, 301, 307). Здесь хотелось бы прежде всего остановиться на той методике наделения археологических культур этническими именами, которая присуща, к сожалению, многим археологам. Похоже, что вся совокупность этнонимов, встречающихся в письменных источниках, представляется им неким скопищем этикеток, из

[1] Более подробно эта концепция, со ссылками на источники и литературу, изложена в работах: *Пьянков И. В.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 50, 51: *Он же.* Массагеты… С. 68–70; *Он же.* К вопросу… С. 126–128.

[2] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 17.

[3] *Olbrycht.* Parthia… S. 36, 43, 52, 57–60, 65, 193, 256; *idem.* Central Asia and the Arsakid kingdom // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 181.

которого этнические имена можно вытаскивать по одному и наклеивать по своему вкусу на ту или иную археологическую культуру, не обращая при этом внимание ни на среду, место и время их бытования, ни на весь диапазон их значений и смысловых оттенков, ни на их соотношение между собой и т. д. Так обстоит дело и в настоящем случае — с апасиаками и дербиками.

Мне уже много раз приходилось говорить в своих работах о дербиках. Вывод таков: почти все сообщения источников о дербиках (деркебиях) дублируют аналогичные сообщения о массагетах, в том числе и сообщения о местах расселения (это, между прочим, относится и к области низовьев Узбоя), а сам этноним является синонимом названия «массагеты», употреблявшимся, видимо, персами и другими западными иранцами (подобно названию-эпитету «острошапочные») и имеет смысл «бедные, нищие», — возможно, с некоторыми ассоциациями сакрального характера[1]. Выбор же автором обсуждаемой работы сообщения Плиния (VI. 48) в качестве основания для размещения дербиков по Верхнему и Среднему Узбою (с. 225, 226) неудачен еще и потому, что упоминаемые там «дребики» не имеют никакого отношения к дербикам. Дребики, обитающие у реки Окс в районе Оксийского озера (озера Оакс), т. е. в районе Сарыкамыша, соответствуют дрибактам Птолемея (VI. 12. 4), а название их означает, по В. Томашеку, «лесные жители», ср.: «древляне»[2].

Что же касается предлагаемой автором локализации массагетского племени апасиаков (с. 226, 227), то источники действительно связывают его с низовьями Узбоя: я имею в виду знаменитый рассказ Полибия (X. 48) о переходе через Окс в Гирканию. Но Полибий говорит здесь и о том, что живут апасиаки «между Оксом и Танаисом» (Танаис здесь — Сырдарья). Это указание вполне можно относить, исходя из контекста, к низовьям Амударьи и Сырдарьи, к области почти сливавшихся в древности дельт обеих рек. Так что дербиков — если следовать автору — придется втискивать на Узбое куда-то между апасиаками. Предположение же автора, будто бы древние принимали за устье Сырдарьи Комсомольский залив либо Мертвый Култук Каспийского моря или реку Эмбу (с. 226, ср. с. 213–217), в данном случае противоречит Полибию (X. 48), который знал: в Гирканское (т. е. Каспийское) море впадает лишь Окс (здесь — Узбой), а Танаис (здесь — Сырдарья) «изливается в озеро Меотиду»[3]. О песиках, или пасиках (т. е. апасиаках), знает и другая античная традиция, примерно одновременная с Полибием, но не зависимая от него. Она нашла отражение в со-

[1] [Дело в том, что древнее иранское слово, передаваемое античными авторами как «дербики», «дербиссы», означало не только «нищие», но еще и «представители определенного культового сообщества», «дервиши». Институт дервишества имеет в Средней Азии глубокую доисламскую древность: сам Зороастр называл себя «дервишем». А непременным признаком дервиша был островерхий войлочный кулох, генетически связанный, как давно уже определили этнографы, с островерхими скифскими башлыками. Так что не случайно массагеты — «острошапочные» скифы были прозваны «дервишами». Те же античные авторы отмечали, что участники дервишских радений были одеты в «скифскую одежду». См.: *Пьянков И. В.* Античные известия о музыке и танцах бактрийцев // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Душанбе, 1990. С. 176–178.]

[2] *Пьянков.* Средняя Азия… С. 148–150, 277.

[3] Там же. С. 229.

общении Помпония Мелы (III. 42) о северном устье Окса между песиками и амардами[1] (имя последних сохранилось в названии средневекового города Амуль, ныне Чарджоу, на левом берегу Нижней Амударьи), где песики должны быть помещены в области Акчадарьинской дельты Амударьи и южных протоков древней дельты Сырдарьи, а амарды — в области Сарыкамышской дельты Амударьи (это, возможно, носители куюсайской культуры), и в сообщении Птолемея (VI. 12. 4) о пасиках, обитающих вдоль Оксийских гор, которые на схеме, использованной Птолемеем, были, видимо, представлены как горная цепь, тянущаяся от Оксианского озера и Яксарта на юго-запад вдоль каспийского рукава Окса[2], и, следовательно, должны соответствовать возвышенностям на правом берегу Узбоя.

Мы уже видели, что автор обсуждаемой книги отвергает сопоставление памятников прохоровского типа (подбойно-катакомбные погребения с южной ориентировкой) Средней Азии с поразительно точно соответствующими им указаниями источников о дахах как ложное. Какое же соответствие для этих памятников автор предлагает взамен? Ответ удивителен: это юечжи. Откуда взялись никому не известные в этих местах юечжи? Б. И. Вайнберг исходит из того, что поскольку «появление подбойно-катакомбных погребений в Средней Азии в последних веках до н. э. объясняется вторжением "Больших юечжи" (Даюечжи) китайских источников, то можно предположить, что и более ранние погребения этого неизвестного до того в Средней Азии типа тоже оставлены племенами "юечжийского" объединения». При этом автор заявляет об «отсутствии каких-либо письменных источников, отмечающих появление новых групп кочевников в Хорезме или где-либо в Средней Азии в IV–III вв. до н. э.» (с. 242). Сообщения о переселениях дахов здесь вообще забыты!

Что касается ссылки автора на подбойно-катакомбные погребения, связываемые с племенами юечжей, то исследователи, работавшие с памятниками указанного выше прохоровского типа в Средней Азии, отмечая идентичность их с однотипными памятниками Южного Урала и Поволжья, как раз подчеркивали резкое отличие их от подбойно-катакомбных погребений юго-востока Средней Азии[3], видимо, действительно принадлежавших племенам юечжей. Сконструированная же автором картина расселения юечжей на запад в IV—II вв. до н. э.: через Иртыш в Приуралье, на Устюрт, в Хорезм, Согд и к Большому Балхану (с. 247–251) — полностью фантазия автора, ни единого намека в письменных источниках на этих фантомных юечжей нет.

Превратности, которые испытали по воле автора дахи, апасиаки, юечжи и прочие народы, постигли на страницах рассматриваемой книги и хорасмиев. Я еще в своей работе 1972 г. высказал гипотезу (развивая положения, выдвинутые некоторыми учеными задолго до меня), согласно которой хорасмии в течение

[1] Там же. С. 255. Мела, поздний компилятор, путает это северное устье Окса с другим, каспийским, где Окс должен был впадать в Скифский залив между дербиками и гирканцами, пытаясь совместить оба эти русла (ср. III. 39).

[2] Там же. С. 277, 278.

[3] *Обельченко.* Ук. соч. С. 140, 221.

ахеменидского времени с конца VI по IV в. до н. э. постепенно переселялись из Восточного Хорасана, из области к востоку от Парфии, в низовья Амударьи, в Хорезмский оазис, что нашло отражение в появлении там памятников «архаической» культуры Хорезма, генетически связанной с более древними земледельческими культурами Хорасана типа Яздепе[1].

Исходя из этой гипотезы Б. И. Вайнберг предложила считать хорасмиями носителей только что открытой тогда куюсайской культуры, а переселение их вести из Хоарены на крайнем западе Хорасана и относить к VII в. до н. э., т. е. к доахеменидскому времени[2]. В статье 1983 г. я возражал против такой трактовки гипотезы о переселении хорасмиев, отмечая, что принятие ее ведет к весьма существенным несуразностям. Поскольку ныне эта работа труднодоступна, позволю себе процитировать суть моих возражений. «Прежде всего, датировка таким ранним временем лишает логической опоры само предположение о переселении. Ведь о переселении хорасмиев из Хорасана в Хорезм прямо не говорит ни один древний источник. Мысль о переселении — это лишь умозаключение, основанное на том факте, что источники конца VI–V вв. до н. э. помещают хорасмиев к востоку от Парфии, а источники IV в. до н. э. и последующего времени — только в Хорезмском оазисе. На чем же основан тезис о переселении хорасмиев в VII в. до н. э., да еще из Хоарены, крайней западной области ранней Парфии? Памятников куюсайской культуры, насколько мы понимаем, в Хорасане нет. Предположение о переселении куюсайцев само порождено идеей о переселении хорасмиев, которая, как видим, остается без опоры. Кроме того, гипотеза Б. И. Вайнберг не учитывает, что хорасмии уже на своей "прародине" характеризуются как культурный народ, имеющий свой „город" и занимающийся ирригационным земледелием. Как же получилось, что хорасмии в Хорезмском оазисе стали скифским народом скотоводов? Заметим, что сами хорезмийцы, насколько можно судить об их исторической традиции по данным упомянутых средневековых авторов, считали своих предков земледельцами, поселившимися в „тюркской" среде»[3]. Однако в обсуждаемой работе Б. И. Вайнберг просто повторила тезис и аргументацию своей прежней работы, ограничившись краткой ссылкой на мою цитированную выше статью (с. 152–158, 234–241). Все вопросы так и остались без ответа. Относительно археологической стороны предложенной мной гипотезы я писал следующее: «Подтвердится ли высказанная гипотеза археологически — покажет будущее. В частности, многое будет зависеть от того, удастся ли проследить истоки „архаической" культуры в памятниках, происходящих с территории Туркмено-Хорасанских гор (включая предгорья Копетдага) и долины Герируда-Теджена», а также от того (как считали некоторые археологи), можно ли датировать появление «архаической» культуры в Хорезме временем не ранее ахеменидского[4]. Имеющиеся ныне в распоряжении науки

[1] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 18–20.

[2] *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 49–52.

[3] *Пьянков.* Хорезм... С. 44.

[4] *Пьянков.* Хорезм... С. 44.

археологические материалы свидетельствуют о том, что появление «архаической» культуры в Хорезме «бесспорно» связано с «изменениями этнической картины, в частности, приходом новых значительных групп населения», которые и принесли в Хорезм «элементы культуры, свойственные традиционно земледельческому югу Средней Азии»[1]. Даже исследователи, ранее не склонные к такому выводу, ныне допускают возможность прихода в Хорезм в это время каких-либо групп населения с юга[2]. Этот процесс являлся лишь одним из этапов общего процесса колонизации древними земледельцами Арианы соседних областей пригодных для земледелия, причем, видимо, одним из наиболее поздних этапов[3]. И направлялся этот поток колонизации, как показывают последние исследования, действительно из долины Теджена и прилегающего участка подгорной полосы Копетдага[4]. Что касается датировки, то ныне, кажется, никто не относит «архаическую» культуру Хорезма ко времени ранее VI в. до н. э., и сам автор обсуждаемой книги связывает ее с ахеменидским завоеванием (с. 153, 235).

Тем не менее Б. И. Вайнберг не видит оснований связывать появление в Хорезме комплексов «архаической» культуры с переселением в низовья Амударьи населения с юга: «скорее всего это была культурная интеграция» (с. 153, 235), хотя трудно представить такую степень культурной интеграции без появления в Хорезме людей — носителей новой культуры. Зато увлеченная своей идеей о куюсайцах как хорасмиях, автор уверенно рисует картину переселения носителей куюсайской культуры из Северного Ирана в Хорезм, опираяясь лишь на некоторые черты керамического комплекса этой культуры и «развитую обработку бирюзы» (с. 154–156, 235–241). Предполагаемая автором связь своеобразной керамики куюсайцев с керамикой Ирана (мидийская культура ЖВИ III) и гончарный импорт из области Туркмено-Хорасанских гор (Яз II и культура «архаического Дахистана») (с. 154) вполне могут быть объяснены существованием водного пути по Узбою, который обеспечивал прямую связь куюсайцев не только с ближайшими областями юго-запада Средней Азии, но и с западом Ирана и еще более западными областями (с. 45, 147). Впоследствии, как мы видели, этот путь обусловил даже административную связь скотоводческих племен Приаралья с Западным Ираном (Мидией). Развитая обработка бирюзы сама по себе отнюдь не обязательно указывает на тесную связь с районом Нишапура (с. 155); разрабатывались ли в это время нишапурские месторождения бирюзы — не известно, зато точно известно, что в непосредственной близости от куюсайцев,

[1] *Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А.* Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.. 1985. С. 318.

[2] См. по этому поводу: *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. I. С. 241, 628. Относительно возможности таких переселений см. также *Рапопорт Ю. А.* Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 30; *Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А.* Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2. С. 171.

[3] *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 31, 43.

[4] *Пилипко В. Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1989. С. 24.

в Хорезме, в горах Султануиздага и в прилегающих районах пустыни Кызылкум такие разработки велись[1].

Попытки Б. И. Вайнберг найти обоснование предполагаемому переселению куюсайцев в письменных источниках выглядят столь же шатко. Сообщение Диодора (III. 43. 6) о переселении скифскими царями савроматов из Мидии к Танаису не имеет никакого отношения к Средней Азии (ср. с. 237). Оно представляет собой одну из версий античных рассказов о происхождении савроматов (подобную изложенной Диодором тут же версии о происхождении малоазиатских ассирийцев). На трактовку автором этого сообщения как информации о переселении «нижнесырдарьинскими саками» куюсайцев из Мидии в низовья Амударьи (с. 155, 156, 235–237) повлиял, видимо, пересказ того же сообщения в «Хрестоматии» под редакцией Л. В. Баженова: «Сакские цари переселили мидийских пленных к Танаиду (Сырдарья)»[2]. На самом деле здесь не говорится ни о «сакских царях», ни о «мидийских пленных», Танаис здесь — Дон, а не Сырдарья. Что же касается «саков», упомянутых будто бы в ассирийской надписи (с. 237, 238), то ассириологи давно уже приняли новое чтение надписи, в котором никаких саков нет[3].

Имеются в книге, к сожалению, и элементы недобросовестной полемики, рассчитанной на доверчивого и поверхностного читателя. Так, автор говорит о «совершенно фантастическом» заключении И. В. Пьянкова о том, что будто бы урочище Игды располагалось в древности в низовьях Узбоя (с. 231), — ведь такое заключение предполагает подъем уровня Каспийского моря на 70 с лишним метров! (с. 232). Я действительно писал в одной из своих работ, ссылаясь, в свою очередь, на работы С. Н. Муравьева, что в древности воды Каспийского моря «на востоке достигали, видимо, урочища Игды в низовьях Узбоя»[4]. Но означает ли это, что уровень Каспийского моря должен был подняться «на 70 с лишним метров»? Цифра 70 была получена автором книги так: 22–24 м (уровень Каспийского моря в древности, по мнению автора) и + 50 м (уровень «урочища Игды и парфянской крепости в нем») (с. 231, 232). Получается, будто я утверждал, что в древности волны Каспийского моря плескались над высокой крепостью Игды! Сам же автор сообщает, что крепость эта стояла на высоком берегу каньона Узбоя, куда частично она и обрушилась уже в древности (с. 43). Высота берега здесь достигает 25–30 м[5].

Если бы автор хотел вести действительно серьезную полемику, то он должен был бы указать уровень дна узбойского каньона в этих местах. К тому же оказывается, что как раз ниже этих мест по руслу Узбоя начинается еще и «резкое падение высот» (с. 231). И действительно, на любой карте можно видеть, что уровень русла Узбоя еще до того, как он меняет основное направление своего течения с западного на юго-западное (немного южнее 40-й широты), становится

[1] *Рапопорт.* Ук. соч. С. 32.

[2] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Хрестоматия / Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940. С. 30.

[3] *Пьянков И. В.* К вопросу о саках на Памире // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2. С. 122–125.

[4] *Он же.* Античные авторы … С. 199.

[5] *Толстов.* По древним дельтам … С. 235.

ниже 0 м, а это не так уж далеко от урочища Игды. Из того положения, что уровень Узбоя в районе урочища Игды находится на отметке +15, и исходит С. Н. Муравьев в своей реконструкции очертания восточных берегов Каспия к началу III в. до н. э.[1] (а от его выводов нельзя так легко отмахнуться, как это делает автор — с. 232).

Содержатся в книге и такие моменты полемики, которые свидетельствуют, что автор не понял оспариваемых высказываний своего оппонента и даже о самом предмете полемики не имеет ясного представления. Это замечание можно очень ярко проиллюстрировать следующей цитатой из обсуждаемой книги. «И. В. Пьянков походя делает весьма ответственное и далекое от действительности заключение о том, что „изобразительность" и прежде всего „звериный стиль" не свойственны искусству древнейшего иранского мира степей"... Этому явно противоречат археологические материалы могильников Уйгарак и Тагискен (как и ранние материалы из Сакарчага в низовьях Амударьи), при том, что сам он ссылается для доказательства своего тезиса на археологию. Представляется, что И. В. Пьянковым объединяются различные по своим традициям и культурным истокам кочевые иранские народы — массагеты и саки... Он высказал мнение о распространении какого-то „этнического суперстрата" из Центральной Азии (предположительно) в начале I тыс. до н. э. на запад, когда одна из волн этого движения — савроматы — в VII в. до н. э. достигла Приазовья и Предкавказья...» (с. 177). Поводом для этой критической цитаты послужило мое высказывание о том, что для скифских (в широком смысле) народов характерны некоторые черты, не являющиеся исконно иранскими и принесенные, скорее всего, неким этническим суперстратом с далекого востока; «...к этим чертам можно добавить признаки, считающиеся характерными для "скифской" культуры, и прежде всего "звериный стиль" (изобразительность не свойственна искусству древнейшего иранского мира степей, о чем свидетельствует археология и с чем согласуется зороастрийская традиция), истоки которого уходят в Сибирь или глубины Центральной Азии»[2].

Как автор смогла усмотреть противоречие высказывания о том, что древнейшему иранскому миру степей не свойственна изобразительность, факту наличия такой изобразительности в материалах Уйгарака, Тагискена и Сакар-чага, т. е. в материалах скифского времени, остается загадкой. Неужели автор, профессиональный археолог и этнограф, не знакома с тезисом, ставшим теперь уже общим местом, об иранской этнической принадлежности степных культур Юго-Восточной Европы эпохи бронзы (в противопоставлении этих культур «древнейшего иранского мира» скифским и заключается смысл моей цитаты)? С принципиальной аниконичностью древнейших иранцев и доскифских степных культур, с дискуссиями, пытавшимися объяснить эту своеобразную черту?

Древнейшие иранцы, пришедшие на плато, «не имели собственной изобразительности»; лишь под сильнейшим культурным влиянием Передней Азии,

[1] *Муравьев С. Н.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 244–247.

[2] *Пьянков.* Античные авторы... С. 196.

в условиях культурного синкретизма, свое изобразительное искусство появляется в ахеменидскую эпоху у западных, а затем и среднеазиатских иранцев[1]. «Полный аниконизм» культуры степей Юго-Восточной Европы доскифской эпохи, т. е. на прародине древнейших иранцев, «можно считать доказанным»[2]. Как же получилось, что скифы, известные своей ярой приверженностью отеческим обычаям, претерпели столь радикальное изменение в своей культуре, резко порвав с традиционным аниконизмом? Мое объяснение сводится к тому, что у скифских народов в определенный момент их истории появилась новая кочевая элита, пришедшая с востока, — суперстрат, быстро растворившийся в местной ираноязычной среде, но существенно изменивший местные культурные традиции (подобные явления обычны в истории кочевых народов евразийских степей). Одной из культурных инноваций и явился «звериный стиль», бесспорно имеющий восточные корни. Археологи по-разному определяют причины и направления заимствования его скифами, но не учитывают, что не только «звериный стиль» и некоторые «вещевые» материалы свидетельствуют о существенных изменениях, но и целый ряд других важных фактов говорит о появлении у скифов новаций, чуждых исконно иранским традициям, причем корни их каждый раз указывают на восток[3]. В этом и заключается общность массагетов и саков как двух скифских восточноиранских народов, хотя тот, кто знаком с моими работами о массагетах и саках, знает, что я отнюдь не смешивал сведения об этих народах и даже, наоборот, говорил о необходимости строго различать употребление термина «саки» в собственном, узком, смысле и в общем, расширительном[4].

Изложенными замечаниями я и ограничусь в данном обзоре. Все они так или иначе связаны с критикой моих наблюдений и выводов, опубликованных в печати, — критикой, на которую я считал себя обязанным ответить. К сожалению, разного рода недоразумения и ошибки в обозреваемой книге не ограничивают-

---

[1] *Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 76, 77; *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 100. См. также *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 76–79; *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Leiden-Köln, 1975. V. I. P. 166, 167; 1982. V. II. P. 21, 22, 184–186, 228. Очень показательна в этом отношении история терракотовой скульптуры в древнеземледельческих областях Средней Азии. Достигнув расцвета в эпоху развитой бронзы (Намазга V) она вырождается в эпоху поздней бронзы (Намазга VI) и затем исчезает вплоть до поздней поры ахеменидской эпохи, когда вновь появляется уже под явным переднеазиатским влиянием (*Массон В. М., Сариниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973; *Мешкерис В. А.* Художественные образы в мелкой пластике и проблемы исследования идеологических систем древней Средней Азии // Культурное наследие Туркменистана. Ашгабат; СПб., 2000. С. 101–103). Этим периодам точно соответствуют в этнической истории Средней Азии доарийская эпоха, продолжавшаяся вплоть до времени развитой бронзы, проникновение первых индоиранцев во времена поздней бронзы и полное господство иранского этнического элемента в последующие времена древности (*Пьянков.* Некоторые вопросы… С. 37–40).

[2] *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 74; *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 225.

[3] Более полное изложение моих взглядов на эту тему см. *Пьянков И. В.* Предшественники гуннов. К проблеме центральноазиатского эпицентра евразийских кочевых волн // 100 лет гуннской археологии. Международная конф. Тез. докл. Улан-Удэ, 1996. Ч. I. С. 136, 137; *Он же.* Некоторые вопросы… С. 35, 36.

[4] См., например: *Пьянков.* «Саки»… С. 13–19.

ся отмеченными случаями. Ими полны и другие заключения Б. И. Вайнберг, когда она апеллирует к древним письменным источникам, пытается этимологизировать древние этно- и топонимы и т. п. Но по этому поводу надо писать отдельную рецензию. Вместе с тем еще раз отмечу, что представленные в книге конкретные материалы, являющиеся непосредственным результатом многолетних работ автора как археолога и этнографа и составляющие основное содержание книги, несомненно представляют большую ценность. Несомненно интересны и конкретные выводы Б. И. Вайнберг, основанные на ее личных наблюдениях, например по уточнению маршрута походов Дария и Кира на массагетов (с. 223, 224), по определению местоположения знаменитого водопада на Оксе (с. 226, 227) и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВопДИ — Вопросы древней истории. Тбилиси
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН — Известия Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКТ — Материальная культура Таджикистана
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ПВ — Петербургское востоковедение
ПС — Палестинский сборник
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
УЗИВ — Ученые записки Института востоковедения
ЦАКЭ — Центральная Азия в Кушанскую эпоху
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAASH — Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AAs — Artibus Asiae. Ascona
AGW — Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
ArOr — Archiv Orientálny. Praha
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
CHI — The Cambridge History of Iran
CRAIBL — Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
EIr — Encyclopaedia Iranica
EW — East and West. Roma
FGH — Die Fragmente der Griechischen Historiker

[1] Список сокращений относится ко всем главам кроме первой главы первого раздела, к которой приложен отдельный список сокращений. Кроме того, в списке не учтены сокращения, которые расшифрованы уже в самом тексте глав.

FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
GIPh — Grundriss der iranischen Philologie
GJ — Geographical Journal. London
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies
JA — Journal Asiatique. Paris
JAOS — Journal of the American Oriental Society. New Haven
JHS — Journal of Hellenic Studies. London
JIT — Journal of Indo-Turcica. Malatya
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
Or — Orientalia. Roma
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SBAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Wien
SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ИТИНЕРАРИЙ МАЯ ТИЦИАНА

Великий Шелковый путь — один из значительнейших феноменов мировой истории древности и средневековья. Этот путь соединял самые отдаленные цивилизации человечества и обеспечивал взаимный обмен ценностями и культурными достижениями, — достижениями в области как материальной, так и духовной культуры. Одной из главных ценностей, которые стимулировали движение по этому пути, был изобретенный китайцами шелк. Поэтому путь и назвали Шелковым.

В древности главными оппонентами на Шелковом пути являлись: на востоке — Китай, на западе — Античный (греко-римский) мир. Шелковый путь нельзя представлять себе как единую дорогу, ведшую из Китая прямо в Рим или наоборот. Это была целая система дорог, как наземных, так и водных. Кроме основных, прямых путей, использовались и обходные.

Итинерарий (путеводитель) римского купца Мая Тициана (Maes Titianus) — единственное дошедшее до нас из древности полное описание прямой наземной трассы Великого Шелкового пути от римской Сирии до столицы Китая.

О времени создания итинерария Мая Тициана в науке существуют разные мнения. Большинство ученых датирует итинерарий началом II в. н. э. Но есть и такие исследователи, которые относят итинерарий к рубежу или началу I в. н. э. Автор придерживается второго мнения и доказывает правильность более ранней датировки, привлекая данные письменных и археологических источников, ранее не использовавшихся для решения указанной проблемы.

Итинерарий не сохранился в своем первоначальном виде. Он дошел до нас лишь в переложении великого античного ученого Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Автор в настоящей работе дает древнегреческий текст и перевод сохранившихся отрывков итинерария и детальный комментарий к ним. В комментарии учтена обширная современная научная литература, отечественная и зарубежная.

ТЕКСТ[1]

T

1. Ptol., Geogr. 1, 11, 5–6:

(5) … καὶ γὰρ δι' ἐμπορίας ἀφορμὴν ἐγνώσθη·(6) Μάην γάρ φησί τινα τὸν καὶ Τιτιανὸν, ἄνδρα Μακεδόνα καὶ ἐκ πατρὸς ἔμπορον, συγγράψασθαι τὴν ἀναμέτρησιν οὐδ' αὐτὸν ἐπελθόντα, διαπεμψάμενον δέ τινας πρὸς τοὺς Σῆρας.

2. Ptol., Geogr., 1, 11, 6–7:

(6) Μάην γάρ φησί τινα … συγγράψασθαι τὴν ἀναμέτρησιν … (7) Ἔοικε δὲ καὶ αὐτὸς ἀπιστεῖν ταῖς τῶν ἐμπορευομένων ἱστορίαις·

F

Ἡ ἀναμέτρησις

[пути от Евфрата до Серы]

[1. Путь от Евфрата до Серы. Каменная Башня делит его на два отрезка].

1a. Ptol., Geogr. 1, 11, 3:

Τὴν δὲ ἀπὸ τῆς ἐκτεθειμένης τοῦ Εὐφράτου διαβάσεως μέχρι τοῦ Λιθίνου Πύργου διάστασιν συναγομένην κατ' αὐτὸν σχοίνων ὀκτακοσίων ἑβδομήκοντα ἓξ, σταδίων δὲ δισμυρίων ἑξακισχιλίων διακοσίων ὀγδοήκοντα, καὶ τὴν ἀπὸ τοῦ Λιθίνου Πύργου μέχρι Σήρας τῆς τῶν Σηρῶν μητροπολεως, ὁδοῦ μὲν μηνῶν ἑπτὰ, σταδίων δὲ τρισμυρίων ἑξακισχιλίων διακοσίων, ὡς ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ παραλλήλου, συναιροῦμεν ἑκατέραν κατὰ τὴν ἐπιβάλλουσαν διόρθωσιν, ἐπειδήπερ ἐπ' ἀμφοτέρων μὲν τῶν ὁδῶν φαίνεται μὴ μειώσας τὸ παρὰ τὰς ἐκτροπὰς πλεονάζον, ἐπὶ δὲ τῆς δευτέρας ἔτι καὶ ταῖς αὐταῖς

[1] Текст воспроизведен: Ptol., Geogr. 1, 11–12 — по изданию Müllerus C. (1883); Ptol., Geogr. 8, 24 et 30 — по изданию Nobbe C. F. A. (1843–1845); остальной текст — по изданиям Ronca I. (1971) и Ziegler S. (1998). При воспроизведении собственных имен использованы рукописные разночтения, из которых выбраны варианты, наиболее близкие, как думает автор, первоначальным формам имени. Обоснования даны в комментариях.

ἀλογίαις περιπεπτωκὼς, αἷς καὶ κατὰ τὴν ὁδὸν τὴν ἀπὸ τῶν Γαραμάντων ἐπὶ τὴν Ἀγίσυμβα χώραν.

1b. Ptol., Geogr. 1, 12, 9:

Συντιθεμένων οὖν τῶν ἐπιβαλλουσῶν τοῖς δισμυρίοις τετρακισχιλίοις σταδίοις μοιρῶν ξ′ ταῖς ἀπὸ τοῦ Λιθίνου Πύργου μέχρι τῆς Σήρας μοίραις **με′ δ″**, εἴη ἂν τὸ ἀπὸ τοῦ Εὐφράτου μέχρι τῆς Σήρας διάστημα κατὰ τὸν διὰ τῆς Ῥοδίας παράλληλον μοιρῶν **ρε′ δ″.**

[2. Путь от Евфрата до Каменной Башни]

2a. Ptol., Geogr. 1, 12, 3–4:

(3) Καὶ τῆς προτέρας δὲ διαστάσεως, λέγω τῆς ἀπὸ τοῦ Εὐφράτου ἐπὶ τὸν Λίθινον Πύργον, τὰς ὀκτακοσίας ἑβδομήκοντα ἓξ σχοίνους καθαιρετέον διὰ τὰς τῶν ὁδῶν ἐκτροπὰς εἰς μόνας τὰς ὀκτακοσίας σχοίνους, σταδίους δὲ δισμυρίους τετρακισχιλίους. (4) Πεπιστεύσθω γὰρ αὐτῷ τὸ συνεχὲς, ὅτι καὶ κατὰ σύμμετρα μέρη καὶ τετριμμένα ἤδη τῆς ἀναμετρήσεως ἔτυχεν· ὅτι μέντοι πλείους ἐκτροπὰς ἔχει, δῆλόν ἐστιν ἐξ ὧν καὶ ὁ Μαρῖνος ὑποτίθεται.

2b. Ptol., 1, 12, 5–8:

(5) Τὴν μὲν γὰρ ἀπὸ τῆς κατὰ Ἱεράπολιν τοῦ Εὐφράτου διαβάσεως διὰ τῆς Μεσοποταμίας ἐπὶ τὸν Τίγριν ὁδὸν καὶ τὴν ἐντεῦθεν διὰ Γαραμαίων τῆς Ἀσσυρίας καὶ Μηδίας εἰς Ἐκβάτανα καὶ Κασπίας Πύλας καὶ τῆς Παρθίας εἰς Ἑκατόμπυλον ἐνδέχεται περὶ τὸν διὰ τῆς Ῥοδίας πίπτειν παράλληλον· οὗτος γὰρ καὶ κατ᾽ αὐτὸν γράφεται διὰ τῶν εἰρημένων χωρῶν. (6) τὴν δὲ εἰς Ὑρκανίαν πόλιν ἀπὸ τῆς Ἑκατομπύλου πρὸς ἄρκτους ἀποκλίνειν ἀναγκαῖον, τῆς Ὑρκανίας πόλεως μεταξύ πως κειμένης τοῦ τε διὰ Σμύρνης παραλλήλου καὶ τοῦ δι᾽ Ἑλλησπόντου διὰ τὸ τὸν μὲν διὰ Σμύρνης γράφεσθαι ὑπ᾽ αὐτὴν τὴν Ὑρκανίαν χώραν, τὸν δὲ δι᾽ Ἑλλησπόντου διὰ τῶν νοτίων μερῶν τῆς Ὑρκανίας θαλάσσης, ἃ τῆς ὁμωνύμου πόλεως ἐστιν ὀλίγῳ βορειότερα. (7) Πάλιν δὲ ἡ ἀπὸ ταύτης ὁδὸς εἰς τὴν Μαργιανὴν Ἀντιόχειαν διὰ τῆς Ἀρείας τὰ μὲν πρῶτα πρὸς μεσημβρίαν ἀποκλίνει, τῆς Ἀρείας ὑπὸ τὸν αὐτὸν ταῖς Κασπίαις Πύλαις κειμένης παράλληλον, ἔπειτα πρὸς ἄρκτους, τῆς Ἀντιοχείας περὶ τὸν δι᾽ Ἑλλησπόντου παράλληλον ἱδρυμένης. Ἀφ᾽ ἧς ἡ μὲν ἐπὶ τὰ Βάκτρα ὁδὸς ἐκτείνεται πρὸς ἀνατολὰς, ἡ δ᾽ ἐντεῦθεν ἐπὶ τὴν ἀνάβασιν τῆς τῶν Κωμηδῶν ὀρεινῆς πρὸς ἄρκτους, ἡ δὲ τῆς ὀρεινῆς αὐτῆς μέχρι τῆς ἐκδεχομένης τὰ πεδία φάραγγος πρὸς μεσημβρίαν· τὰ μὲν γὰρ βόρεια καὶ δυσμικώτατα τῆς ὀρεινῆς, ἔνθα ἔστιν ἡ ἀνάβασις, τίθησιν ὑπὸ τὸν διὰ Βυζαντίου παράλληλον, τὰ δὲ νότια καὶ πρὸς ἀνατολὰς ὑπὸ τὸν δι᾽ Ἑλλησπόντου· διότι φησὶν αὐτὴν ἀντικρὺς προϊοῦσαν ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἐνδιδόναι πρὸς νότον. (8) Καὶ τὴν ἐντεῦθεν δὲ πεντηκοντάσχοινον ἕως τοῦ Λιθίνου Πύργου πρὸς ἄρκτους εἰκός ἐστιν ἀποκλίνειν· ἀναβάντων γάρ, φησι, τὴν φάραγγα διαδέχεται ὁ Λίθινος Πύργος, ἀφ᾽ οὗ εἰς τὰς ἀνατολὰς τὰ ὄρη χωροῦντα συνάπτει τῷ Ἰμάῳ, ἀνιόντι ἀπὸ Παλιμβόθρων πρὸς ἄρκτους.

[Дополнение к F 2b из описания карт Согдианы и Страны саков в «Географии» Клавдия Птолемея]:

Ptol., Geogr. 6, 12, 1, 3–5 [из описания карты Согдианы]:

(1) …αἴτινες ἐπέχουσι μοίρας … **ρκε μγ**

(3) …ἀφ᾽ ὧν ποταμοὶ διαρρέουσι αυμβάλλοντες ἐκείνοις πλείους ἀνώνυμοι, ὧν εἷς ποιεῖ τὴν Ὠξειανὴν λίμνην, ἧς τὸ μέσον ἐπέχει μοίρας **ρια με**

καὶ ἄλλοι δὲ δύο ἀπὸ τῆς αὐτῆς ὀρεινῆς ἀφ' ἧς καὶ ὁ Ἰαξάρτης φερόμενοι (καλεῖται δὲ καὶ ἡ ὀρεινὴ Κωμηδῶν) συμβάλλουσιν αὐτῷ· ὀνομάζεται δὲ ὁ μὲν ἕτερος αὐτῶν Δύμος, οὗ αἱ μὲν πηγαὶ ἐπέχουσι μοίρας **ρκδ μγ,**
ἡ δὲ πρὸς τὸν Ἰαξάρτην ποταμὸν συναφὴ **ρκγ μζ,**
ὁ δὲ ἕτερος Βασκατὶς, οὗ αἱ μὲν πηγαὶ ἐπέχουσι μοίρας **ρκγ μγ,**
ἡ δὲ πρὸς τὸν Ἰαξάρτην ποταμὸν συναφή **ρκα μζ L′.**
(4) ...ἔτι δὲ τούτων ἀνατολικώτεροι Ἀριστεῖς μὲν παρὰ τὸν Ἰαξάρτην...
(5) Ὀρειναὶ δέ εἰσι πόλεις τῶν Σογδιανῶν παρὰ τὸν Ἰαξάρτην Κυρεσχάτα **ρκε ς γο′**

Ptol., Geogr. 6, 13, 1–3 [из описания карты Страны саков]:

(1) ἀπὸ δὲ ἀνατολῶν ὁμοίως Σκυθίᾳ ... διά τε τοῦ ἐφεξῆς ὄρους, ὃ καλεῖται Ἀσκατάκας, μέχρι τοῦ κατὰ τὸ Ἴμαον ὄρος ὁρμητηρίου τῶν εἰς τὴν Σήραν ἐμπορευομένων, ὃ ἐπέχει μοίρας **ρμ μγ**
καὶ διὰ τοῦ πρὸς ἄρκτους ἀνιόντος Ἰμάου ὄρους μέχρι πέρατος,
ὃ ἐπέχει μοίρας **ρμε λε·**
(2) Ἔστι δὲ ἐν τοῖς Σάκαις ἥ τε εἰρημένη τῶν Κωμηδῶν ὀρεινὴ,
ἧς ἡ μὲν ἀνάβασις ἀπὸ τῶν Σογδιανῶν ἐπέχει μοίρας **ρκε μγ,**
τὰ δὲ πρὸς τῇ φάραγγι τῶν Κωμηδῶν μοίρας **ρλ λθ,**
καὶ ὁ καλούμενος Λίθινος Πύργος ἐπέχων μοίρας **ρλε μγ.**
(3) Καλοῦνται δὲ αὐτῶν οἱ μὲν παρὰ τὸν Ἰαξάρτην Καράται καὶ Κόμαροι, οἱ δὲ ὑπὲρ τὴν ὀρεινὴν πᾶσαν Κωμῆδαι, οἱ δὲ παρὰ τὸν Ἀσκατάκαν Μασσαγέται, οἱ δὲ μεταξὺ Γριναῖοι Σκύθαι καὶ Τοόρναι, ὑφ' οὓς παρὰ τὸ Ἴμαον ὄρος Βῦλται.

Amm. Marc. 23, 6, 60:

Cui Ascanimia mons imminent et Comedus. Praeter quorum radices et vicum, quem Lithinon pyrgon appellant, iter longissimum patet, mercatoribus pervium, ad Seras subinde commeantibus.

[3. Путь от Каменной Башни до Серы]

3. Ptol., Geogr. 1, 11, 4 — 12, 2:

(11, 4) ... ὅτι μὴ συνεχῆ τὴν ὁδοιπορίαν ἐνδεχόμενον ἦν ἐπὶ τοσοῦτον γεγονέναι χρόνον, ὅπερ καὶ κατὰ τὴν ἑπτάμηνον εὔλογόν ἐστι συμβεβηκέναι, καὶ πολὺ μᾶλλον ἢ κατὰ τὴν ἀπὸ Γαραμάντων ὁδόν. (5) ... ἡ δ' ἀπὸ τοῦ Λιθίνου Πύργου μέχρι τῆς Σήρας ἐπιδέχεται χειμῶνας σφοδροὺς (ὑποπέπτωκε γὰρ ἐξ ὧν αὐτὸς ὑποτίθεται τοῖς δι' Ἑλλησπόντου καὶ Βυζαντίου παραλλήλοις), ὥστε καὶ διὰ τοῦτο πολλὰς ἀνοχὰς δεῖν γίνεσθαι τῆς πορείας· ... (7) ... τούτους γάρ φησι μὴ φροντίζειν τὴν ἀλήθειαν ἐξετάζειν ἀσχολουμένους περὶ τὴν ἐμπορίαν, πολλάκις δὲ καὶ αὔξειν μᾶλλον τὰ διαστήματα δι' ἀλαζονείαν. Ἐνταῦθα δὲ καὶ τὸ μηδὲν ἄλλο κατὰ τὴν τῆς ἑπταμήνου διάνυσιν ὑπὸ τῶν ὁδευσάντων ἱστορίας τινὸς ἢ μνήμης ἠξιῶσθαι τερατείαν ἐμφαίνει περὶ τὸ τοῦ χρόνου μῆκος.

(12, 1) Διά τε δὴ ταῦτα καὶ διὰ τὸ μὴ εἶναι τὴν ὁδὸν ὑφ' ἕνα παράλληλον, ἀλλὰ τὸν μὲν Λίθινον Πύργον περὶ τὸν διὰ Βυζαντίου, τὴν δὲ Σήραν τοῦ δι' Ἑλλησπόντου νοτιωτέραν, εὔλογον μὲν ἂν δόξειε κἀνταῦθα τὸ πλῆθος τῶν ἐκ τῆς ἑπταμήνου συναγομένων σταδίων τρισμυρίων ἑξακισχιλίων διακοσίων εἰς ἔλαττον μειοῦν τοῦ ἡμίσεως. Ἀλλ' εἰς τὸ ἥμισυ συνῃρήσθω μόνον ὡς ἐν ὁλοσχερεῖ διαλήψει, ὥστε λογίζεσθαι τὴν ἐκκειμένην διάστασιν σταδίων μὲν μυρίων ὀκτακισχιλίων ἑκατὸν,

μοιρῶν δὲ τεσσαράκοντα πέντε τετάρτου. (2) Καὶ γὰρ ἄτοπον ἄν εἴη καὶ ἄγνωμον, τοῦ λόγου καθ' ἑκατέραν τῶν ὁδῶν τὴν τοσαύτην μείωσιν ὑποβάλλοντος, ἐπὶ μὲν τῆς ἀπὸ τῶν Γαραμάντων ἀκολουθεῖν αὐτῷ διὰ τὸ παρὰ πόδας εἶναι τὸν ἔλεγχον… ἐπὶ δὲ τῆς ἀπὸ τοῦ Λιθίνου Πύργου μὴ παραλαμβάνειν τοῦ λόγου τὸ ἀκόλουθον, ὅτι μὴ κἀκεῖ τοιοῦτον ἔλεγχον ἐπακολουθεῖν συμβέβηκεν, ἀλλὰ καθ' ὅλην τὴν διάστασιν ὅμοιον εἶναι τὸ περιέχον …

[Дополнение к F 3: описания карт Скифии по ту сторону Имая и Серики в «Географии» Клавдия Птолемея]:

Ptol., Geogr. 6, 15, 1-4 [описание карты Скифии по ту сторону Имая]:

(1) Ἡ ἐκτὸς Ἰμάου ὄρους Σκυθία περιορίζεται ἀπὸ μὲν δύσεως τῇ ἐντὸς Σκυθίᾳ καὶ Σάκαις παρ' ὅλην τὴν πρὸς ἄρκτους ἐκτροπὴν τῶν ὀρῶν·ζ ἀπὸ δὲ ἄρκτων τῇ ἀγνώστῳ γῇ· ἀπὸ δὲ ἀνατολῶν Σηρικῇ κατ' εὐθείαν γραμμὴν,
ἧς τὰ πέρατα ἐπέχει μοίρας **ρν ξγ** καὶ **ρξ λε.**

ἀπὸ δὲ μεσημβρίας μέρει τῆς ἐκτὸς Γάγγου ποταμοῦ Ἰνδικῆς κατὰ τὴν ἐπιζευγνύουσαν τὰ ἐκτεθειμένα πέρατα κατὰ παράλληλον γραμμήν.

(2) Κεῖται δὲ ἐν τούτῳ τῷ τμήματι τό τε τῶν Αὐξακίων ὀρῶν δυτικὸν μέρος, οὗ τὸ πέρας ἐπέχει μοίρας **ρμθ μθ**

καὶ τὸ τῶν καλουμένων Κασίων δυτικὸν, οὗ τὸ πέρας ἐπέχει μοίρας **ρνβ μα**

καὶ τὸ τῶν Ἠμωδῶν ὁμοίως δυτικὸν, οὗ τὸ πέρας ἐπέχει μοίρας **ρνγ λς**

καὶ πρὸς τοῖς Αὐζακίοις ἡ πηγὴ τοῦ Οἰχάρδου ποταμοῦ ἣ ἐπέχει
μοίρας **ρνγ να.**

(3) Κατέχουσι δὲ ταύτης τῆς Σκυθίας τὰ μὲν ἀρκτικὰ Ἄβιοι Σκύθαι, τὰ δὲ ὑπὸ τούτους Ἱπποφάγοι Σκύθαι, μεθ' οὓς ἡ Αὐζακῖτις ἐκτέταται χώρα, καὶ ὑπὸ ταύτην ἔτι παρὰ τὸ εἰρημένον ὁρμητήριον ἡ Κασία χώρα, ὑφ' ἣν Χαίται Σκύθαι, εἶτα ἡ Ἀχάσα χώρα, καὶ ὑπ' αὐτὴν παρὰ τὰ Ἠμωδὰ ὄρη Χαυραναῖοι Σκύθαι.

(4) Πόλεις δέ εἰσιν ἐν τούτῳ τῷ τμήματι Αὐζακία **ρμδ μθ γο′**

Ἰσσηδὼν Σκυθικὴ	**ρν**	**μη**	**L′**
Χαύρανα	**ρν**	**λζ**	**δ′**
Σοΐγα	**ρμε**	**λε**	**γ′.**

Ptol., Geogr. 6, 16, 1–8 [Описание карты Серики]:

(1) Ἡ Σηρικὴ περιορίζεται ἀπὸ μὲν δύσεως τῇ ἐκτὸς Ἰμάου ὄρους Σκυθίᾳ κατὰ τὴν ἐκτεθειμένην γραμμὴν· ἀπὸ δὲ ἄρκτων ἀγνώστῳ γῇ κατὰ τὸν αὐτὸν τῷ διὰ Θούλης παράλληλον· ὁμοίως δὲ καὶ ἀπὸ ἀνατολῶν ἀγνώστῳ γῇ κατὰ μεσημβρινὴν γραμμὴν, ἧς τὰ πέρατα ἐπέχει μοίρας **ρπ ξγ** καὶ **ρπ λε·**

ἀπὸ δὲ μεσημβρίας τῷ τε λοιπῷ μέρει τῆς ἐκτὸς Γάγγου Ἰνδικῆς διὰ τῆς αὐτῆς παραλλήλου γραμμῆς μέχρι πέρατος, οὗ ἡ θέσις ἐπέχει μοίρας **ρογ λε**

καὶ ἔτι Σίναις διὰ τῆς προσεκβαλλομένης γραμμῆς μέχρι τοῦ ἐκτεθειμένου πρὸς τῇ ἀγνώστῳ γῇ πέρατος.

(2) Ὄρη δὲ διέζωκε τὴν Σηρικὴν τά τε καλούμενα Ἄννιβα, ὧν τὰ πέρατα ἐπέχει μοίρας **ρνγ ξ** καὶ **ροα -νς**

καὶ τῶν Αὐζακίων τὸ ἀνατολικὸν μέρος, οὗ τὸ πέρας ἐπέχει μοίρας **ρξε νδ**

καὶ τὰ καλούμενα Ἀσμιραῖα ὄρη, ὧν τὰ ἄκρα ἐπέχει μοίρας **ρξζ μζ L′** καὶ **ροδ μζ L′**

καὶ τῶν Κασίων τὸ ἀνατολικὸν μέρος, οὗ τὸ πέρατα ἐπέχει μοίρας **ρ ξ β μδ** καὶ **ροα μ**

καὶ τὸ Θάγουρον ὄρος, οὗ τὸ μέσον ἐπέχει μοίρας **ρο μγ,**
ἔτι δὲ καὶ τῶν Ἠμωδῶν καὶ Σηρικῶν καλουμένων τὸ ἀνατολικὸν μέρος, οὗ τὸ πέρας ἐπέχει μοίρας **ρξε λς**
καὶ τὸ καλούμενον Ὀττοροκόρας, οὗ τὰ πέρατα ἐπέχει μοίρας **ρξθ λς** καὶ **ρος λθ.**
(3) Διαρρέουσι δὲ δύο μάλιστα ποταμοὶ τὸ πολὺ τῆς Σηρικῆς ὅ τε Οἰχάρδης, οὗ ἡ μὲν πρὸς τοῖς Αὐζακίοις πηγὴ ἐκτέθειται, ἡ δὲ πρὸς τοῖς Ἀσμιραίοις ὄρεσιν ἐπέχει μοίρας **ροδ μζ L′,**
ἡ δὲ ὡς ἐπὶ τὰ Κάσια ὄρη ἐκτροπὴ ἐπέχει μοίρας **ρξ μθ L′,**
ἡ δὲ ἐν τούτοις πηγή **ρξα μδ δ′,**
καὶ ὁ καλούμενος Βαύτισος, οὗ καὶ αὐτοῦ ἡ μὲν πρὸς τοῖς Κασίοις ὄρεσι πηγὴ ἐπέχει μοίρας **ρξ μγ,**
ἡ δὲ πρὸς τῷ Ὀττοροκόρᾳ **ρος λθ,**
ἡ δὲ πρὸς τὰ Ἠμωδὰ ἐκτροπή **ρξη λθ,**
ἡ δὲ ἐν τούτοις πηγή **ρξ λζ.**
(4) Τὰ μὲν οὖν ἀρκτικώτατα τῆς Σηρικῆς κατανέμονται ἔθνη ἀνθρωποφάγων, ὑφ᾽ οὓς Ἄννιβοι ἔθνος ὑπέρκειται τῶν ὁμωνύμων ὀρῶν, μεταξὺ δὲ τούτων καὶ τῶν Αὐζακίων Σίζυγες ἔθνος, υφ᾽ οὓς Δᾶμναι, εἶτα Πιάλαι μέχρι τοῦ Οἰχάρδου ποταμοῦ, καὶ ὑπ᾽ αὐτὸν ὁμώνυμοι Οἰχάρδαι.
(5) Πάλιν δὲ ἀνατολικώτεροι μὲν τῶν Ἀννίβων Γαριναῖοι καὶ Ῥαββαναῖοι, ὑπὸ δὲ τούτους ἡ Ἀσμιραία χώρα ὑπὲρ τὰ ὁμώνυμα ὄρη, ὑπὸ δὲ ταῦτα μέχρι τῶν Κασίων Ἰσσηδόνες μέγα ἔθνος καὶ ἀνατολικώτεροι αὐτῶν Θρόανοι, εἶτα ὑπὸ μὲν τούτους οἱ Ἰθάγουροι ἀπ᾽ ἀνατολῶν τοῦ ὁμωνύμου ὄρους, ὑπὸ τοὺς Ἰσσηδόνας Ἀσπακαραι, καὶ ἔτι ὑπὸ τούτους Βαῖται, καὶ μεσημβρινώτατοι παρὰ τὰ Ἠμωδὰ καὶ Σηρικὰ ὄρη Ὀττοροκόραι.
(6) Πόλεις δὲ ὀνομάζονται τῆς Σηρικῆς αἵδε

Δάμνα	**ρνς**	**να**	**γο′**	
Πίαλα	**ρξ**	**μθ**	**γο′**	
Ἀσμιραία	**ρο**	**μη**	**γ′**	
Θροάνα	**ροδ**	**γο′**	**μζ**	**γο′**
(7) Ἰσσηδὼν Σηρική		**ρξβ**	**με**	
Ἀσπακάρα	**ρξβ**	**L′**	**μβ**	**γο′**
Δρωσαχὴ	**ρξζ**	**γο′**	**μβ**	**L′**
Παλιάνα	**ρξβ**	**L′**	**μα**	
(8) Θογάρα	**ροα**	**γ′**	**λθ**	**γο′**
Ἀβραγανα	**ρξγ**	**L′**	**λθ**	**L′**
Δαξάτα	**ροδ**	**λθ**	**γο′**	
Ὀροσάνα	**ρξβ**	**λζ**	**L′**	
Ὀττοροκόρα	**ρξε**	**λζ**	**δ′**	
Σολάνα	**ρξθ**	**λζ**	**L′**	
Σήρα μητρόπολις	**ροζ**	**λη**	**L′ιβ′.**	

Ptol., Geogr. 8, 24, 1–8 et 30, 22 [Восьмая карта Азии]:
(24, 1) Ὁ ὄγδοος πίναξ τῆς Ἀσίας περιέχει τὴν ἐκτὸς Ἰμάου ὄρους Σκυθίαν καὶ τὴν Σηρικήν. Ὁ δὲ διὰ μέσου αὐτοῦ παράλληλος λόγον ἔχει πρὸς τὸν μεσημβρινόν, ὃν τὰ **β** πρὸς τὰ **γ.**

(2) Περιορίζεται δὲ ὁ πίναξ ἀπὸ μὲν ἄρκτων καὶ ἀνατολῶν ἀγνώστῳ γῇ, ἀπὸ δὲ μεσημβρίας Σίναις τε καὶ μέρει τῆς Ἰνδικῆς, ἀπὸ δὲ δύσεως τοῖς τε Σάκαις καὶ τῇ ἐντὸς Ἰμάου ὄρους Σκυθίᾳ.

(3) Τῶν οὖν ἐν τῇ Σκυθίᾳ διασήμων πόλεων ἡ μὲν Ἰσσηδὼν ἡ Σκυθικὴ τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ις**, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις ἓξ.

(4) ἡ δὲ Αὐζακία τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ις δ** ἔγγιστα, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις **ε L′** καὶ **ί.**

(5) Τῶν δὲ ἐν τῇ Σηρικῇ διασήμων πόλεων ἡ μὲν Ἰσσηδὼν ἡ Σηρικὴ τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ιε L′**, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις **ς L′** καὶ **γ** ἔγγιστα.

(6) ἡ δὲ Δρωσαχὴ τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ιε ς**, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις **ζ** καὶ **ς** ἔγγιστα.

(7) ἡ δὲ Ὀττοροκόῤῥα τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ιδ γο** ἔγγιστα, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις ἑπτά.

(8) ἡ δὲ μητρόπολις Σήρα τὴν μεγίστην ἡμέραν ἔχει ὡρῶν **ιδ L′δ**, καὶ διέστηκεν Ἀλεξανδρείας πρὸς ἕω ὥραις ἑπτὰ L′γ ἢ ὅλαις ὀκτώ.

(30, 22) Ὁ ὄγδοος ἀπὸ μοιρῶν **ρμδ** ἕως μοιρῶν **ρπ**· γίνεται μῆκος μοιρῶν μ· πλάτος ἀπὸ μοιρῶν **λε** ἕως μοιρῶν **ξγ** γίνεται πλάτος μοιρῶν **κη.**

ПЕРЕВОД[1]

T

1. Ptol., Geogr. 1, 11, 5–6:

(5) …Кроме того, путь этот стал известен благодаря торговой поездке. (6) [Марин] сообщает, что **записал эти измерения [пути до Серы] некто Май, он же Тициан, македонянин и потомственный купец, не ездивший, однако, сам, а пославший к серам некоторых [людей].**

2. Ptol., Geogr., 1, 11, 6–7:

(6) [Марин] сообщает, что **записал эти измерения некто Май … (7) По-видимому, и сам [Марин] не доверял рассказам купцов.**

F

Измерение [пути от Евфрата до Серы]

[1. Путь от Евфрата до Серы. Каменная Башня делит его на два отрезка]

1а. Ptol., Geogr. 1, 11, 3:

Рассмотрим теперь, беря их по одной параллели, **расстояние от места, названного выше переправой через Евфрат** [Ptol., Geogr. 1, 11, 1], **до Каменной Башни** (это расстояние, [по Марину], содержит **876 схойнов**, или 26 280 стадий) и **расстояние от Каменной Башни до Серы, главного города серов (его можно преодолеть в семь месяцев,** оно равно 36 200 стадиям). Оба эти расстояния

[1] В основу перевода текста Ptol., Geogr. 1, 11–12 положен перевод: Апт: 298–301. Перевод К. С. Апта был сверен автором с текстом Птолемея: Пьянков 1985: 126–127.

мы сократим, внеся надлежащую поправку, так как ясно, что [Марин] при вычислении обоих путей не принял во внимание **отклонений от прямой**, а при вычислении второго из них впал вдобавок в те же заблуждения, что и по поводу пути от Страны гарамантов в землю Агисимба.

1b. Ptol., Geogr. 1, 12, 9:

Таким образом, если прибавить 60 градусов, равные 24 000 стадий, к 45 с четвертью градусам, составляющим **расстояние от Каменной Башни до Серы**, то **расстояние от Евфрата до Серы** по параллели Родоса будет равняться 105 с четвертью градусам.

[2. Путь от Евфрата до Каменной Башни]

2a. Ptol., Geogr. 1, 12, 3–4:

(3) И первое расстояние — я говорю о **расстоянии от Евфрата до Каменной Башни** — следует уменьшить, из-за **отклонений дорог в сторону**, с **876 схойнов** до только 800 схойнов, или 24 000 стадиев. (4) Поверим ему [Марину], что этот [путь] был **непрерывным и равномерным и измерен по уже исхоженным местам**; однако то, что **он имел много отклонений**, ясно из того, что излагает Марин.

2b. Ptol., 1, 12, 5-8:

(5) Действительно, можно допустить, что **дорога от переправы через Евфрат у Гиераполя через Месопотамию к Тигру и оттуда через область гарамеев Ассирии и через Мидию в Экбатаны, к Каспийским воротам и через Парфию в Гекатомпил** примерно совпадает с Родосской параллелью; ведь ее и согласно ему [Марину] следует проводить через названные области. (6) **Путь же в город Гирканию от Гекатомпила должен отклоняться на север**, поскольку город Гиркания лежит где-то посередине между параллелями Смирны и Геллеспонта, так как параллель Смирны проходит под самой Гирканской областью, параллель же Геллеспонта — через **южные части Гирканского моря, которые находятся немного севернее одноименного города**. (7) **И опять, дорога отсюда в Маргианскую Антиохию через Арию сначала отклоняется к югу,** поскольку Ария лежит на одной параллели с Каспийскими воротами, **затем к северу,** поскольку Антиохия расположена около параллели Геллеспонта. **От нее дорога на Бактры тянется к востоку, дорога оттуда до подъема в Горную страну комедов — к северу, дорога же по самой Горной стране вплоть до Ущелья, переходящего в равнину — к югу; северо-западные части Горной страны, где находится подъем**, он помещает на параллели Византия, **а юго-восточные** — на параллели Геллеспонта. Поэтому он говорит, что **эта дорога, хотя и проходит почти прямо на восток, отклоняется на юг**. (8) Похоже, что **дорога оттуда в пятьдесят схойнов вплоть до Каменной Башни отклоняется к северу, ведь после подъема**, говорит он, **Ущелье сменяется Каменной Башней, к востоку от которой горы, расступаясь, примыкают к Имаю,** поднимающемуся от Палимботр на север.

[Дополнение к F 2b из описания карт Согдианы и Страны саков в «Географии» Клавдия Птолемея[1]]:

Ptol., Geogr. 6, 12, 1, 3–5 [из описания карты Согдианы]:

[1] Перевод автора с учетом переводов: Ziegler 1998: 165–177 и Ronca 1971: 31–39, 106–108.

(1) … до его [Яксарта] истока под 129°/43°… (3) Две другие [реки] текут из той же Горной страны, что и Яксарт, — она называется Горной страной комедов — и впадают в эту реку. Название одной из них — Дим, ее истоки — под 124°/43°, а ее слияние с Яксартом — под 123°/47°. [Название] другой — Баскатис, ее истоки — под 123°/43°, а ее слияние с Яксартом — под 121°/47°30′ … (4) … Далее к востоку от них [дрепсианов] вдоль Яксарта [живут] аристеи … (5) Горные города Согдианы таковы: на Яксарте [лежит] Киресхата под 122°/43°40′ (Ziegler, 171) 125°/46°20′(Ronca, 35)…

Ptol., Geogr. 6, 13, 1–3 [из описания карты Страны саков]:

(1) [Граница Страны саков на востоке] идет вдоль примыкающего хребта Аскатака вплоть до расположенной у Имайского хребта Стоянки торговцев, ведущих торговлю с Серой, и находящейся под 140°/43°… (2) У саков находится Горная страна комедов, упомянутая выше [Ptol., Geogr. 6, 12, 3]. Подъем на нее от Согдианы начинается под 125°/43°, [места] у Ущелья комедов — под 130°/39° и так называемая Каменная Башня — под 135°/43°. (3) [Племена] их [саков, обитающие] вдоль Яксарта, именуются каратами и комарами, [обитающие] по всей Горной стране — комедами, вдоль хребта Аскатака — массагетами, между ними — гринеями-скифами и тоорнами, а [обитающие] ниже этих, вдоль Имайского хребта, — билтами.

Amm. Marc. 23, 6, 60:

Над ней [Страной саков] высятся горы Асканимия и Комед. Вдоль их подошвы и через селение, которое именуют Каменной Башней, проходит очень дальний путь, используемый торговцами, то и дело ходящими к серам.

[3. Путь от Каменной Башни до Серы]

3. Ptol., Geogr. 1, 11, 4–12, 2:

(11, 4) … Не следовало допускать, что в течение столь продолжительного времени путь [от Страны гарамантов] совершался непрерывно. **То же самое, конечно, должно иметь место и в случае семимесячного пути,** и еще скорее, чем если бы речь шла о пути от Страны гарамантов. (5) … **На пути же от Каменной башни до Серы бывают сильные бури** (путь этот, как устанавливает сам Марин, проходит по параллелям Геллеспонта и Византия), и потому здесь часто должны встречаться задержки. … (7) … В данном же случае еще одно обстоятельство убеждает нас в том, что сообщение о столь продолжительном пути — вздор: это то, что **люди, совершившие семимесячный путь, кроме самого времени пути, не усмотрели в этом путешествии ничего такого, что заслуживало бы описания или упоминания.**

(12, 1) Таким образом, наш путь не проходит по одной параллели. Поэтому было бы разумно и в данном случае уменьшить больше чем наполовину число стадий — 36 200, полученное из расчета **семи месяцев пути.** Но мы сократим это число только наполовину, так как нам важен самый ход рассуждения. Тогда оно будет равняться 18 100 стадиям, или 45 с четвертью градуса. (2) Было бы неправильно и даже нелепо вместо значительного уменьшения числа стадий для обоих путей уменьшить только путь от Страны гарамантов, так как здесь налицо явные доказательства … **путь же от Каменной Башни** не менять, так как **здесь нет столь очевидных доказательств (климат на всем этом пути, независимо от величины расстояния, одинаков)** …

[Дополнение к F 3: описания карт Скифии по ту сторону Имая и Серики в «Географии» Клавдия Птолемея[1]]:

Ptol., Geogr. 6, 15 [описание карты Скифии по ту сторону Имая]:

(1) Скифия, лежащая по ту сторону горы Имая, ограничена: на западе Скифией по эту сторону [Имая] и [Страной] вдоль всей северной ветви гор; на севере Неизвестной землей; на востоке Серикой вдоль прямой линии, концы которой лежат под 150°/63° и 160°/35°; на юге частью Индии, лежащей по ту сторону реки Ганга, вдоль широтной линии, соединяющей названные концы [160°/35° и 145°/35°, см.: 6, 13, 1]. (2) В этой области находится западная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 149°/49°, западная часть так называемых Касийских гор, конец которой лежит под 152°/41°, а также западная часть Эмодских гор, конец которой лежит под 153°/36°, и у Авзакийских гор — исток реки Ойхарда, который лежит под 153°/51°. (3) Северные области этой Скифии населяют абии-скифы, области под ними — гиппофаги-скифы, за ними простирается область Авзакитида и под ней, еще у названной Стоянки торговцев, — область Касия, под ней — хаты-скифы, затем область Ахаса и под ней у Эмодских гор — хауранеи-скифы. (4) В этой области имеются города: Авзакия — 144°/49°40′, Исседон Скифский — 150°/48°30′, Хаурана — 150°/37°15′, Соига — 145°/35°20′.

Ptol., Geogr. 6, 16 [Описание карты Серики]:

(1) Серика ограничена: на западе Скифией, лежащей по ту сторону горы Имая, вдоль названной линии; на севере Неизвестной землей вдоль той самой параллели, которая проходит через Туле; на востоке Неизвестной землей вдоль долготной линии, концы которой лежат под 180°/53° и 180°/35°; на юге остальной частью Индии, лежащей по ту сторону Ганга, вдоль той же широтной линии вплоть до конца, место которого лежит под 173°/35°, и затем [областью] синов вдоль [той же] продолжающейся линии вплоть до названного конечного пункта у Неизвестной земли. (2) Через Серику проходят [такие] горы: так называемые Аннибские горы, концы которых лежат под 153°/60° и 171°/56°; восточная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 165°/54°; так называемые Асмирейские горы, пределы которых лежат под 167°/47°30′ и 174°/47°30′; восточная часть Касийских гор, концы которой лежат под 162°/44° и 171°/40°; Тагурская гора, середина которой лежит под 170°/43°; затем восточная часть Эмодских гор, называемых также Серскими, конец которой лежит под 165°/36°; так называемая гора Отторокора, концы которой лежат под 169°/36° и 176°/39°. (3) По большей части Серики протекают преимущественно две реки: Ойхард, исток которого у Авзакийских гор уже указан, а исток у Асмирейских гор лежит под 174°/47°30′, ветвь же по направлению к Касийским горам [начинается] под 160°/49°30′, а исток ее в этих горах лежит под 161°/44°15′, и так называемый Баутис, исток которого, также у Касийских гор, лежит под 160°/43°, исток у Отторокоры — под 176°/39°, ветвь по направлению к Эмодским горам [начинается] под 168°/39°, а исток в тех же горах — под 160°/37°. (4) Северные области Серики населяют народы антропофагов, под ними и выше одноименных гор обитает народ анни-

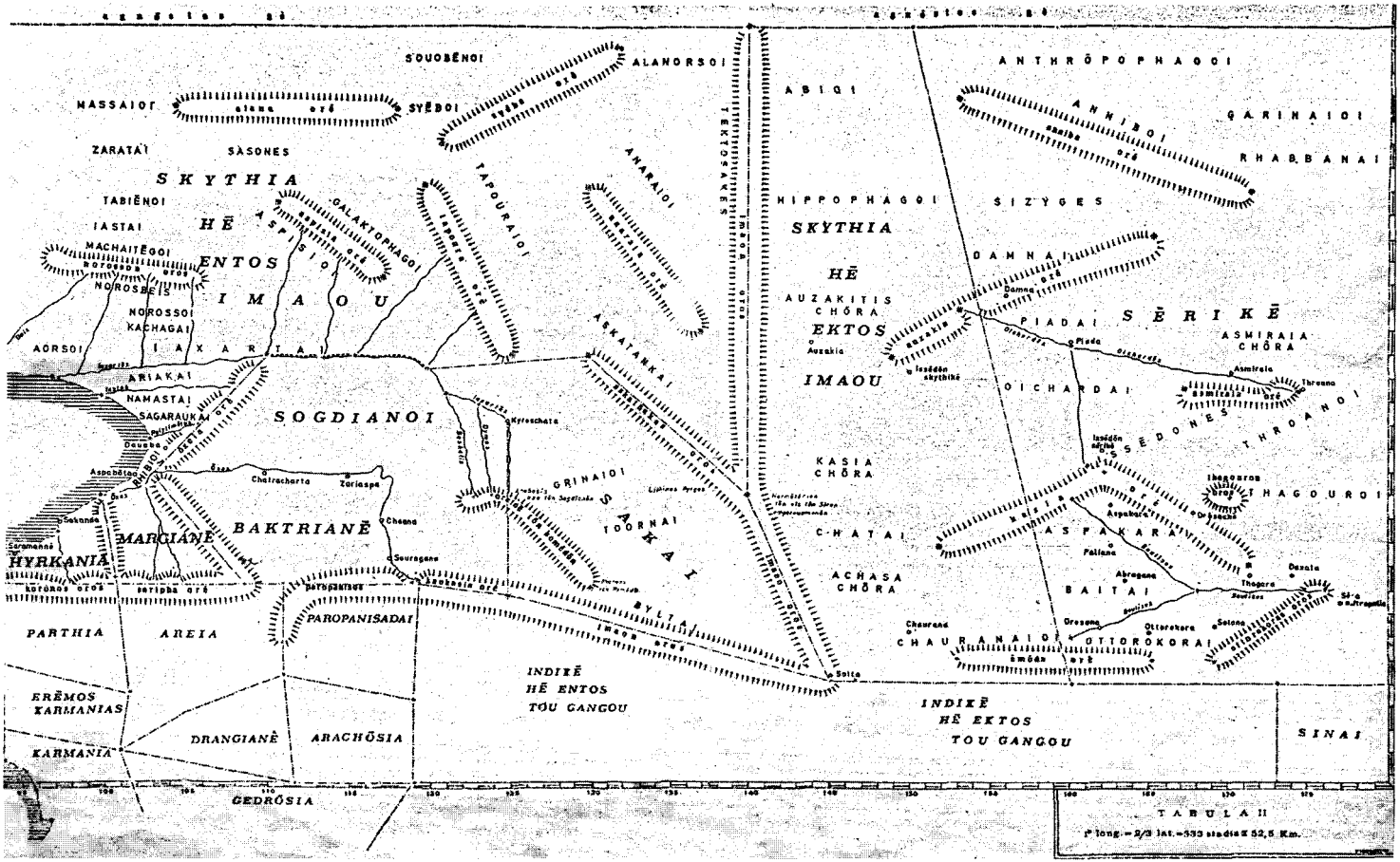
[1] Перевод автора, Пьянков 1986: 9–10, с учетом переводов Ziegler 1998: 195–211 и Ronca 1971: 49–58, 107–112.

бов, между ним и Авзакийскими горами — народ сизигов, под ним дамны, затем пиалы вплоть до реки Ойхард и под ней одноименные ойхарды. (5) И далее, к востоку от аннибов, — гаринеи и раббаны, под ними — область Асмирея выше одноименных гор, под ними вплоть до Касийских гор — исседоны, большой народ, к востоку от них — троаны, затем под ними — тагуры на восток от одноименной горы, под исседонами — аспакары, снова под этими — баиты, и самые южные, вдоль Эмодских и Серских гор, — отторокоры. (6) Города Серики, известные по имени, таковы: Дамна — 156°/51°40′, Пиала — 160°/49°20′, Асмирея — 170°/48°20′, Троана — 174°40′/47′, (7) Исседон Серский — 162°/45°, Аспакара — 162°30′/42°40′, Дросаха — 167°40′/42°30′, Палиана — 162°30′/41°, (8) Тогара — 171°20′/39°40′, Абрагана — 163°30′/39°30′, Даксата — 174°/39°40′, Оросана — 162°/37°30′, Отторокора — 165°/37°15′, Солана — 169°/37°30′, Сераметрополия — 177°15/38°35′.

Ptol., Geogr. 8, 24 et 30 [Восьмая карта Азии]:

(24, 1) Восьмая карта Азии заключает Скифию, лежащую по ту сторону горы Имая, и Серику. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану как 2 к 3. (2) Ограничивается эта карта с севера и востока Неизвестной землей, с юга [Страной] синов и частью Индии, с запада [Страной] саков и Скифией, лежащей по эту сторону Имая. (3) Из известных городов Скифии Исседон Скифский имеет самый длинный день в 16 часов и отстоит от Александрии к востоку на 6 часов. (4) Авзакия имеет самый длинный день приблизительно в 16 часов 15′ и отстоит от Александрии к востоку на 5,5 часа и 6′. (5) Из известных городов Серики Исседон Серский имеет самый длинный день в 15,5 часа и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 6,5 часа и 20′. (6) Дросаха имеет самый длинный день в 15 часов 10′ и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 7 часов и 10′. (7) Отторокора имеет самый длинный день приблизительно в 14 часов 40′ и отстоит от Александрии к востоку на 7 часов. (8) Метрополия Сера имеет самый длинный день в 14 часов 45′ и отстоит от Александрии к востоку на 7 часов 50′ или полных 8 часов.

(30, 22) Восьмая [карта Азии] : [длина —] от 140° вплоть до 180°; получается длина в 40°; ширина — от 35° вплоть до 63°; получается ширина в 28°.

Карта стран Азии перед Имаем и за Имаем

КОММЕНТАРИЙ

Май Тициан — автор итинерария, единственного в своем роде в древней греко-римской литературе. Только в нем дано полное описание всего наземного маршрута Великого Шелкового пути от сирийского города Гиераполя и римской границы на Евфрате до столицы Серики (Китая).

О Мае Тициане и его итинерарии мы знаем только по сообщениям Клавдия Птолемея в его «Географии» (около 150–160 гг. н. э.). А сам Птолемей знал об этом авторе только через посредство своего основного источника — сочинения Марина Тирского (около 107–114 гг. н. э.)[1]. О характере контактов между Марином и Маем высказывались разные мнения. Некоторые ученые предполагали даже их личное знакомство[2]. Но более убедительно мнение только о литературном контакте, подтверждаемое анализом текста Птолемея[3]. Судя по высказываниям Марина, данные итинерария Мая не пользовались у него большим доверием (Ptol., Geogr. 1, 11, 6–7).

Итак, ***автором*** нашего итинерария был Май (Μάης), носивший прозвище «Тициан» (Τιτιανός), скорее всего сириец македонского происхождения, «македонец» по социальному статусу, потомственный оптовый купец, который вел дальние торговые операции с помощью своих торговых агентов.

Относительно ***места***, где Май Тициан жил и создал свой итинерарий, можно лишь строить предположения[4]. Вероятнее всего, это была Сирия[5], а точнее, древний финикийский город Тир[6] — главный центр выделки пурпуровых шелковых тканей. Необходимость доставки в Тир китайского шелка-сырца, очевидно, и вызвала к жизни торговую деятельность семьи Мая Тициана. Не случайно также, что итинерарий Мая дошел до нас только благодаря посредничеству Марина Тирского — предполагаемого земляка Мая: видимо, итинерарий этот и был известен лишь в узком кругу купеческих домов Тира. Менее вероятно происхождение Мая Тициана из Александрии Египетской или какого-либо другого города эллинистического Египта[7]. И совсем уже маловероятно, что он был иранцем, уроженцем Средней Азии[8].

Еще более неопределенно ***время*** жизни Мая Тициана. Определить время его жизни — это значит определить время путешествия его торговых агентов и со-

---

[1] Kubitschek 1935: 235. О дате Марина Тирского см.: Honigmann 1930: 1767–1768 (между 107 и 114 гг. н. э.); Berggren, Jones 2000: 23–24 (не позднее 110 г. н. э.).

[2] Хеннинг 1961: 402.

[3] Kubitschek 1935: 235.

[4] Относительно происхождения имени Μάης и самого Мая Тициана см. обзор различных мнений: Alemany 2002: 106–113.

[5] Cary 1956: 130.

[6] Хеннинг 1961: 402.

[7] Kubitschek 1935: 235.

[8] Altheim; Stiehl 1970: 707.

здания итинерария[1]. К сожалению, ни одного прямого указания на время этих путешествий в источниках не содержится. Время приходится определять только по косвенным данным с учетом исторической обстановки. Поэтому не удивительно, что разброс мнений здесь очень велик: примерно от рубежа нашей эры до начала II в. н.э. Большинство исследователей склоняется к поздним датам: конец I — начало II вв. н. э. Так, А. Геррман, один из крупнейших историков Великого Шелкового пути, датирует итинерарий Мая 97 г. н.э., или, во всяком случае, перед 100 г. н. э.[2] Тяготение исследователей к указанным поздним датам вполне понятно: ведь в это время борьба между римлянами и парфянами за монопольное владение Великим Шелковым путем достигает своего апогея, и парфянский поход Траяна (113–117 гг. н. э.), казалось бы, склоняет чашу весов в пользу Рима.

Рассмотрим возможности датировки по ***исторической обстановке*** на наземной трассе Великого Шелкового пути во временных пределах, где terminus post quem — 64 год до н. э., год, когда Сирия стала римской провинцией, а terminus ante quem — 114 год н. э., год, когда Марин завершил сбор материала для своего труда[3]. Исходить будем, вопреки обычному приему исследователей, из ситуаций, складывавшихся на западном конце Великого Шелкового пути, на римско-парфянской границе, а не на восточном его конце, в Китае[4].

На западе в начале указанного периода конкурируют два пути: наземный, через Селевкию на Тигре, и морской.

Римляне, владея морским путем, проявляли интерес и к наземному. Шелк серов начинает часто упоминаться в римской литературе примерно с 30 г. до н. э. Гораций (до 8 г. до н.э.) называет серов и вместе с индийцами (Carm. 1, 12, 53–57), что указывает на морской путь, и в связи с Бактрами, Танаисом и персами (Carm. 3, 29, 25–28; 4, 15, 21–24), что свидетельствует о знакомстве с наземным путем. Именно в августовскую эпоху римские агенты впервые проникали по суше в глубинные территории Парфянского царства[5].

Парфяне, сначала покровительствовавшие наземному пути, после серьезного столкновения с Римом (битва при Каррах, 53 г. до н. э.) осознали опасность его для царства Арсакидов и стремились его закрыть. Наземный путь по Иранскому нагорью на всем его протяжении контролировался расположенными вдоль него греческими колониями, основанными еще в эллинистические времена. Эти греческие города были вечными оппонентами Арсакидов и сторонниками римлян. По этому пути римляне могли легко проникнуть к жизненно важным центрам Парфянского царства: не случайно Красс, заняв греческие города на Евфрате у крайнего западного конца Великого Шелкового пути, грозил парфянам,

---

[1] Обзор различных точек зрения по этому вопросу см.: Пьянков 1997: 73; Lerner 1998: 23 n. 40; Alemany 2002: 113–118.

[2] Herrmann 1938: 91, 93. В последних работах на эту тему предлагаются даты: с 73 по 128 гг. н. э. (Lerner 1998: 24); с 91 по 113 гг. н. э. (Alemany 2002: 113–118).

[3] Honigmann 1930: 1768; Lasserre 1969: 1027.

[4] Одна из последних работ о Великом Шелковом пути в широком историческом контексте: Frye 1998: 151–57.

[5] Debevoise 1938: 139; Дибвойз 2008: 176–182.

что объяснит им мотивы своих действий в Селевкии (Plut., Crass 18; Cassio Dio 40, 16).

Но главное, парфяне ревниво охраняли свою монополию на торговлю шелком с Римской державой и не могли допустить прямых контактов римлян с китайцами. А сохранять монополию, пока путь находился в руках греческих колоний, было очень трудно. Об этой монополии прямо говорит китайский источник: парфяне, желая одни снабжать римлян шелком, не пропускали римлян через свои пределы в Китай (I–II вв. н. э.)[1]. Не пропускали парфяне и китайцев в Рим: об этом выразительно свидетельствует история Гань Ина, дошедшего по суше, по-видимому, до Евфрата, но в пределы Римской империи из-за происков парфян так и не попавшего (97 г. н. э.)[2]. Только в III в. н. э. китайцы узнали о пути в Рим по суше через Иран[3].

Есть основания считать, что постоянные возмущения греческих городов во главе с Селевкией против власти Арсакидов и поддержка ими римских ставленников на парфянском престоле были обусловлены именно борьбой греков за выгоды своего положения на Великом Шелковом пути. Последним событием этой борьбы был восторженный прием Селевкией и другими греческими городами очередного римского ставленника, Тиридата III (36 г. н. э.) (Tacit., Ann. 6, 41–42). Характерен перечень городов, поддержавших Тиридата III вслед за Селевкией: Никефорий и Антемузия (Батны), Хала и Артемита. Первые два — города у Евфрата, на западном конце Великого Шелкового пути, последние два — в долине Диалы, на подходе к Селевкии с востока. Надо думать, это был акт отчаяния, вслед за которым началось Великое восстание (36–42 гг. н. э.), когда Селевкия вообще не признавала власти парфянского царя. После подавления восстания Селевкия, как показывает археология, лишилась значительной части своего греческого населения. Можно считать, что наземный путь в качестве международного римско-парфянского пути с этого времени перестал функционировать.

Теперь соперничество свелось к борьбе за обладание морским путем: в данном случае за обладание восточной ветвью пальмирского пути, ведшей к Персидскому заливу. Римляне утвердили свою власть в Пальмире, парфяне построили город Вологезию (77 г. н. э.), контролировавший нижнеевфратский участок пути. Селевкия вскоре (с 24 г. н.э.) была исключена из пальмирской торговли. События парфянского похода римского императора Траяна (113–117 гг. н. э.) показывают, что римляне к тому времени полностью потеряли интерес к Селевкии и все свое внимание перенесли на портовые города Персидского залива в низовьях Тигра и Евфрата. В Селевкии, теперь уже не греческом городе, даже поднялось восстание иудейского населения против римлян, и Траян сжег город. В устьях Тигра и Евфрата император установил таможни, что лишний раз свидетельствует о стремлении римлян овладеть морским путем, вышел в приморский город Спасину-Харакс и совершил плавание по Персидскому заливу[4].

---

[1] Бичурин 1950: 226–227.

[2] Ibid. 225.

[3] Шеркова 1991: 27.

[4] О парфянском походе Траяна см.: Бокщанин 1966: 236–252; Debevoise 1938: 213–239; Дибвойз 2008: 183–202.

В этих условиях датировать итинерарий Мая Тициана концом I — началом II вв. н. э. кажется анахронизмом. Намного вероятнее выглядит более ранняя дата: конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. В это время наземный путь еще не потерял своей актуальности, а отношения Рима с Парфией были наиболее дружественными за весь рассматриваемый период. Поэтому особое значение приобретает гипотеза М. Кэри, согласно которой патроном Мая Тициана был римский наместник Сирии (в 20–17 и 13/12 гг. до н. э.) Тиций. Этот Тиций находился в особо доверительных отношениях с парфянским царем Фраатом IV, судя по его участию в событии, беспрецедентном в истории римско-парфянских отношений: царь отправил к Августу в Рим своих сыновей и внуков в качестве заложников, и именно Тиций был посредником в переговорах с царем (12–10 гг. до н. э.) (Strab. 16, 1, 28). Тогда Май и мог получить разрешение от парфянского царя на пропуск своих торговцев в глубину парфянской территории. М. Кэри предполагает, что путешествие далеко на восток было задумано еще Агриппой, ближайшим соратником Августа, но претворено в жизнь Тицием с помощью Мая Тициана в интервале времени между 20–1 гг. до н. э.[1] Это был исключительный случай (хотя и не обязательно одноактный). Проникновение римских торговцев через Евфрат в Месопотамию не было большой редкостью[2], но далее на восток путь им был закрыт. Римских монет на территории царства Арсакидов к востоку от Месопотамии нет.

Удивительный поступок Фраата IV был продиктован, скорее всего, стремлением расчистить путь к трону для своего младшего сына Фраатака — сына от греческой гетеры Музы, подаренной царю Августом, под влияние которой престарелый царь полностью подпал. Но после убийства Фраата IV (2 г. до н. э.) и кратковременного правления Фраатака (Фраата V) и Музы (до 4 г. н. э.) период тесного сближения Парфии с Римом закончился и более уже не повторялся. На престол Парфии вступил Артабан III (12–38 гг. н. э.), выразитель интересов «национальной партии», ограничивший автономию Селевкии.

Таковы исторические условия, сложившиеся в рассматриваемый период на западном конце Великого Шелкового пути. Об условиях, существовавших на других участках пути в тот же период, и степени их соответствия той или иной датировке итинерария, мы будем говорить далее в комментариях к фрагментам итинерария.

Итинерарий. Что же представлял собой итинерарий Мая Тициана, созданный, вероятнее всего, как мы видели, в городе Тир в последних годах до или первых годах после начала нашей эры?

Название итинерария не известно. Птолемей со слов Марина говорит, что Май Тициан записал «Измерение (ἡ ἀναμέτρησις) пути до Серы» (Geogr. 1, 11, 6). Но вряд ли весь итинерарий носил такое название.

Материал для ***реконструкции*** итинерария Мая Тициана предоставляет краткое изложение его в первой книге «Географии» Птолемея и описание карт тех стран,

[1] Cary 1956: 132–133.
[2] Raschke 1978: 642.

через которые проходил путь агентов Мая, в последующих книгах «Географии», главным образом в шестой книге. Некоторым ориентиром для выделения данных итинерария в описаниях карт могут служить указания Марина и Птолемея, содержащиеся в изложении итинерария, на широты, по которым проходил путь. В описаниях встречаются иногда и указания, прямо восходящие к рассказу о путешествии: «подъем в горную страну комедов со стороны согдианов» и лежащая далее к востоку «стоянка торговцев, ведущих торговлю с Серой» (Geogr. 6, 13, 1–2; ср. Amm. Marc. 23, 6, 60). Независимо от вопроса о том, сопровождалось ли картами уже древнее издание «Географии», ясно, что сам Птолемей составлял свои описания, списывая с предварительно составленных им карт. Поэтому не всегда можно определить, например, идет речь о притоке или истоке реки.

Кроме того, в восьмой книге «Географии» Птолемей дает выборочный список городов, упомянутых в предшествующих книгах, но с указанием их широты и долготы не в градусах, а соответственно, в длине дня и в часах расстояния от Александрии. Материал, использованный Птолемеем в этой книге, несколько отличается от материала предшествующих книг, и были предложены разные гипотезы для объяснения отличий[1]. В еще более далеком от оригинала виде тот же материал частично представлен в небольшом сочинении Птолемея «Канон знаменитых городов»[2]. В нем упомянуты и некоторые города, названия которых восходят к нашему итинерарию.

Позднеримский автор Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) в одном из географических экскурсов своего сочинения заимствовал у Птолемея описания карт как раз тех стран, по которым проходил путь торговцев Мая Тициана. Но там материал Птолемея представлен, очевидно, через посредника, в весьма искаженном виде[3].

Весь этот материал дает возможность восстановить главным образом маршрут пути торговцев с перечнем основных пунктов, через которые они проходили. Впрочем, следует думать, что и подлинный итинерарий мало что содержал кроме перечня пунктов и расстояний между ними (ср. Geogr. 1, 11, 7).

И все же материал для реконструкции у посредников очень скуден. Прямой цитации не сохранилось совсем. Итинерарий Мая интересовал Марина и Птолемея лишь постольку, поскольку его можно было использовать для определения длины ойкумены по широте и для составления карты ойкумены. Значительную часть изложения содержания итинерария занимают рассуждения Марина и Птолемея о расстояниях, причем в мерах, применяемых ими самими, а также об определении широт упоминаемых в итинерариях мест. Очевидно, в конечном счете эти рассуждения опираются на конкретный материал итинерария. Но мы даже не знаем, как определялись расстояния в самом итинерарии: возможно, схойнами, а возможно, и днями пути, судя по определению длины пути от Каменной Башни до Серы «в семь месяцев». Кроме того, нужно учитывать, что

[1] Berggren; Jones 2000: 4–5.

[2] Honigmann 1929: 72–75, 204–207, 223–224.

[3] Об этом экскурсе Аммиана Марцеллина и его отношении к тексту Птолемея см.: Дмитриев 2010.

Марин и Птолемей, перенося данные итинерария на карту, произвольно перетолковывали и искажали их. Поэтому даже то, что осталось от итинерария в изложении Марина и Птолемея, не всегда согласуется с их же картографическими указаниями.

Тем не менее, несмотря на все трудности реконструкции, доступный нам материал позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся структуры содержания итинерария. Итинерарий явственно делится на *две части,* заметно отличающиеся одна от другой: от переправы через Евфрат до Каменной Башни и от Каменной Башни до города Сера. Но при всех их отличиях нет оснований сомневаться в единстве итинерария и в принадлежности его одному автору — Маю Тициану, нет необходимости приписывать последнему лишь его вторую часть, начиная с Бактр[1]. Первая часть, несомненно, является вариантом описания «Царской дороги», известной по источникам времени и Ахеменидов, и Александра Македонского и его наследников, и Арсакидов, но вариантом авторским, носящим характерные признаки эпохи Мая Тициана, как будет показано далее. Видимо, две части итинерария отличаются одна от другой и по своим источникам.

Источники итинерария. Птолемей со слов Марина говорит, что Май Тициан, записавший «измерения» пути до Серы, не ездил сам, но посылал к серам своих людей (Geogr. 1, 11, 6). Следовательно, основным источником итинерария были сообщения агентов Мая. Обычно считают, что указание на людей Мая относится ко всему пути от переправы через Евфрат до Серы[2]. Но текст Птолемея позволяет понимать его указание так, что оно относится только к пути от Каменной Башни до Серы. Толкуя Птолемея таким образом, считают, что через Евфрат переправился сам Май и шел до Бактр или Каменной Башни, где он или его агенты расспрашивали торговцев, ведших дела с Серой[3], реконструируют возможные пути, по которым его агенты сами направлялись в Серу[4].

Кто же были эти *агенты,* люди Мая Тициана? Обычно этот вопрос оставляют в стороне. Но А. Геррман выдвинул интересное предположение на этот счет. Агенты Мая, согласно этому ученому, были иранцами, которые легче могли проникнуть в парфянские владения. Составляя свой отчет на иранском языке, они основывались как на собственных наблюдениях, так и на некоем путеводителе по Центральной Азии. Этот путеводитель китайского происхождения I в. до н. э., с одной стороны, составил географическую часть описания Западного края в китайской династийной истории «Цяньханьшу», с другой, переведенный в извлечениях на один из иранских или «тохарских» языков, послужил итинерарием для купцов, ведших торговлю с серами. Данные этого путеводителя были использованы агентами Мая для описания пути от Бактрии до Серы[5].

В связи с вопросом об источниках итинерария Мая Тициана необходимо рассмотреть некоторые античные ***путеводители, близкие*** по содержанию и време-

[1] Herrmann 1938: 93. Ср.: Lerner 1998: 9; Berggre; Jones 2000: 151–152.

[2] Так считает и А. Геррман: Herrmann 1938: 91, 93.

[3] Хеннинг 1961: 401, 403; Томсон 1953: 428–429.

[4] Lerner 1998: 9, 13–15, 22–24.

[5] Herrmann 1938: 91, 112–113, 126–127.

ни создания ***нашему итинерарию.*** Необходимо определить, какое место он занимает среди этих путеводителей.

1. Начнем с тех из них, которые соответствуют первой части итинерария Мая Тициана. Сам Марин говорит, что здесь путь измерен по «уже исхоженным» (τετριμμένα ’ήδη) местам (Ptol., Geogr. 1, 12, 4). Действительно, описаний пути («Царской дороги»), ведущего из Средиземноморья на Иранское плато, в античной литературе известно много, но, что характерно, в пределах рассматриваемого периода все они или примерно одновременны с нашим итинерарием, или старше его.

Наиболее близок к нему *некий итинерарий,* следы которого обнаруживаются у *Страбона* (16, 1, 27) (ранее 7 г. до н. э.). Путь здесь тоже начинался в Гиерополе, названном Бамбикой, и измерен путь тоже в схойнах. Местом переправы через Евфрат названа Антемузия, но не Зевгма. Отсюда начинался караванный путь на верблюдах до селения Скены на Тигре, а от него шла дорога до Селевкии на Тигре; путь вниз по Евфрату тогда еще не был освоен и считался опасным. Но самое интересное, что в источнике Страбона именно с этим итинерарием связан был рассказ о Фраате, передавшем Тицию своих сыновей и внуков (16, 1, 28).

Однако наиболее известной аналогией для первой части итинерария Мая Тициана является *итинерарий Исидора Харакского «Парфянские стоянки»* (Σταθμοί Παρθικοί). Вопрос об авторстве и времени создания этого произведения довольно запутан. Дело в том, что создание его справедливо связывают с именем некоего Дионисия из Харакса, которого Август послал на Восток и дал поручение составить его описание, когда приемный сын Августа Гай отправился в Армению для ведения военных действий против парфян и затем арабов (Plin., Nat. 6, 141); выполняя свою миссию, Гай встретился с Фраатаком на Евфрате и заключил с ним мир (1 г. н. э.). Но в дошедшем до нас виде «Парфянские стоянки» приписаны Исидору Харакскому, который жил много позже (в конце I в. н. э.)[1]. Думаю, проще всего это противоречие можно объяснить тем, что Дионисий и Исидор были родственниками, может быть, второй был потомком первого, унаследовавшим литературное наследие предка и включившего его в состав своих сочинений[2].

Итак, в сочинении Дионисия Харакского — так лучше было бы назвать итинерарий Исидора Харакского — снова описывается тот же путь, опять же измеренный в схойнах, причем в описании пути по Евфрату содержится ссылка на эпизод из борьбы Фраата IV с претендентом на его престол (27–24 гг. до н. э.) как на недавнее событие (Mans. Parth. 1 Mullerus). Местом переправы через Евфрат здесь указана Зевгма, но далее упомянута и Антемузия как город; путь шел через Селевкию на Тигре и далее — через греческие города Артемиту, которая «ныне называется Халасар», и Халу. Анализ содержания этого итинерария показывает, что в основе его лежит значительно более ранний источник, чем названные выше признанные его авторы. Этим источником многие исследова-

[1] Weissbach 1916: 2065, 2067.

[2] Ср.: Tarn 1951: 53–54.

тели считают сочинение Аполлодора Артемитского (конец II — начало I в. до н. э.)[1]. А ссылки на более поздние события, содержащиеся в этом итинерарии — не что иное как следы обработки, произведенной Дионисием или Исидором Характерскими.

В это же время имели хождение и *другие* подобные *итинерарии,* где для описания пути были использованы данные Аполлодора Артемитского с более поздними добавлениями[2]; в одном из них при упоминании Маргианы была сделана пометка: «В это место были приведены [парфянским царем] Ородом римляне, взятые в плен после поражения Красса» (Plin., Nat. 6, 47) (событие 53 г. до н. э.). Пометка эта была сделана, скорее всего, в связи с возвращением парфянами римских трофеев Августу (в 20 г. до н. э.).

Все это свидетельствует о том, что при составлении рассмотренных итинериариев свободный доступ в глубинные территории Парфянского царства для римлян был закрыт, и составители итинериариев были вынуждены пользоваться для описания этих территорий устаревшими источниками. Тем не менее наземный путь через греческие города долины Диалы, через Селевкию и далее до Евфрата, видимо, функционировал до конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., и итинерарий Мая Тициана, может быть, являлся современником последних итинериариев, описывавших этот путь. Таков исторический вывод, вытекающий из рассмотрения нашего итинерария на фоне аналогичных дорожников.

Но учет хорошо известных Марину путеводителей по давно «измеренным» (τῆς ἀναμετρήσεως) (Ptol., Geogr. 1, 12, 4) путям, ведущим из Средиземноморья на Иранское нагорье, важен и в источниковедческом плане. Ведь карты соответствующих областей у Птолемея заполнены данными множества итинериариев, среди которых материалы Мая Тициана составляют лишь небольшую часть, дополняющую свежими фактами материалы более старых итинериариев. Среди последних были дорожники Александра Македонского и Селевка Никатора вплоть до, может быть, описания «Царской дороги» Ахеменидов, дошедшие до Марина через посредство Артемидора, Эратосфена и других посредников[3]. Все это необходимо знать, чтобы точнее выделить на соответствующих картах Птолемея данные, относящиеся именно к итинерарию Мая Тициана.

2. Античные путеводители, которые соответствуют второй части итинерария Мая Тициана, по всем показателям отличаются от первых. Это самые последние по времени, *новейшие источники Птолемея,* не известные даже Марину, и, следовательно, намного более поздние, чем итинерарий Мая. Внося поправки в некоторые утверждения Марина, Птолемей ссылается на «рассказы [своих] современников» (τὰ νῦν ἱστορούμενα). Это показания людей, много плававших вдоль берегов Аравии и Индии и хорошо знавших земли вплоть до Золотого Херсонеса и портового города синов Каттигары (Geogr. 1, 17, 1–4): «Они говорят, что выше синов находятся страна и метрополия серов, а к востоку (sic!) от них есть неизвестная земля, где имеются болотистые озера, в которых растет высокий

[1] Обзор проблемы см.: Gardiner-Garden 1987: 3, 10; Nikonorov 1998: 113, 116.

[2] Пьянков: 1997: 69–70.

[3] Polaschek 1965: 754; Lasserre 1972: 1232. Более подробно см.: Пьянков 1997: 72–77, 266–278.

тростник, настолько густой, что по нему переправляются через озера; и что оттуда дорога ведет не только на Бактриану через Каменную Башню, но и на Индию через Палимботры» (Geogr. 1, 17, 4). Фрагмент из описания этой последней ветви — по Индии через Палимботры — содержится и в другой части сочинения Птолемея, где он говорит о горной стране ламбатов под истоками Коаса, простирающейся до горной страны комедов (Geogr. 7, 1, 42). Само это сообщение, в свою очередь, является частью описания Западной Индии (Geogr. 7, 1, 42–63), очень близкого по времени Птолемею, судя по тому, что в нем упоминается Тиастан (Чаштана) с его столицей Озеной (Geogr. 7, 1, 63), живший в конце I — начале II в. н. э. Вся эта информация моложе «Перипла Эритрейского моря», который знает предшественников Тиастана (Манбана — Нахапану), но не знает самого Тиастана[1].

Упомянутая здесь дорога на Бактриану через Каменную Башню, очевидно, та же самая, о которой говорилось во второй части итинерария Мая. Но здесь о ней рассказывается совсем в другом контексте: в сообщениях моряков, «много плававших вдоль берегов Аравии и Индии», — следовательно, в контексте описания морского пути к синам-серам. Датируется это описание не ранее чем концом I — началом II в. н. э.

Ближайшей аналогией для этого описания является *«Перипл Эритрейского моря»* (Περίπλους τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης) Псевдо-Арриана (около 70–90 гг. н. э.). Это как раз путеводитель одного из тех купцов, которые «плавали вдоль берегов Аравии и Индии» вплоть до Золотого острова[2]. Имеется здесь и упоминание о «громадном городе Тины» (соответствует Сере как метрополии серов), из которого купцы идут по суше через Бактры в Баригазу, портовый город в устье Нарбады, или по Гангу в Лимирику на юго-западе Индии (Periplus Maris Erythraei 64)[3]. Так что и здесь дорога от Тины на Бактры, соответствующая дороге, описанной во второй части итинерария Мая, упомянута в контексте морского пути.

На этот раз данные путеводителей свидетельствуют, что к середине I в. н. э. и позднее наземный путь через территорию Парфянского царства уже не существовал. Дорога по суше от серов шла только до Бактр, а далее, обходя парфян с востока, направлялась на юг и в устье Инда соединялась с морским путем, демонстрируя переход Великого Шелкового пути от наземных к морским трассам. Следовательно, итинерарий Мая Тициана, имея соответствие путеводителям I–II вв. н. э. лишь в своей восточной части, в целом современником этих путеводителей не мог быть, определенно предшествуя им.

Но учет этих поздних путеводителей для источниковедческого анализа восточной части итинерария Мая Тициана тоже важен. Карты самых восточных областей у Птолемея хотя и заполнены данными главным образом Мая Тициана, но и там имеются вкрапления из других источников.

---

[1] О времени жизни Тиастана (Чаштаны), основателя сакской эры 78 года н.э. см.: Бухарин 2007: 141, 168–161, 210. Заметим, что в данном случае информаторами Птолемея были еще более свежие источники, чем Марин.

[2] Новейшее исследование, посвященное этому источнику, см.: Бухарин 2007.

[3] О дорогах из Серики в Бактрию и Индию см.: Пьянков 1986: 21–22.

Т1

Май (Μάης). Имя, распространенное среди коренных сирийцев семитского происхождения[1]. Оно свидетельствует о том, что Май Тициан был потомственным сирийцем, жившим в условиях характерного для эллинистической эпохи этнического и культурного смешения.

Тициан (Τιτιανός). Второе имя, прозвище (Signum) Мая. Такие прозвища были характерны для Сирии, Египта и Малой Азии эллинистического и римского времени[2]. Но в данном случае это прозвище приобретает большое историческое значение, поскольку указывает на связь Мая с известным римским родом Тициев (Titii)[3]. Оно дает повод для важных исторических выводов.

Май, он же и Тициан (Μάης ὁ καὶ Τιτιανός). Это полное имя Мая впоследствии носят представители знатного рода римских граждан в Италии и Сицилии во II — начале III в. н. э. (Maesii Titiani). Возможно, это потомки сирийского купца[4].

Муж македонский (ἔνδρα Μακεδόνα). Потомок македонских завоевателей, пришедших в Сирию вместе с Александром Македонским. В эллинистических государствах они составляли особую группу подданных, служившую военной опорой эллинистических монархов[5].

Купец [по преемству] от отца (ἐκ πατρὸς ἔμπορον). Потомственный купец (ἔμπορος — крупный оптовик, ведущий торговлю с дальними землями), унаследовавший дело от отца.

Т2

Измерение (τὴν ἀναμέτρησιν). То, что Май Тициан «записывал измерения», свидетельствует, что главным содержанием его сочинения (или главной ценностью его содержания для Марина) было определение расстояний между отдельными пунктами на пути его торговых агентов, то есть его сочинение было типичным купеческим путеводителем, вряд ли содержавшим подробные описания стран.

Не доверял (ἀπιστεῖν). Судя по контексту, недоверие относится именно к определению расстояний.

---

[1] О происхождении и территории распространения имени Μάης см.: Kubitschek 1935: 235; Cary 1956: 130; Alemany 2002: 106–111.

[2] Kubitschek; Cary 1956: 130.

[3] Ibid.: 132.

[4] Ibid.

[5] Кошеленко 1979: 234–240; Бикерман 1985: 72–79.

1. ИЗМЕРЕНИЕ РАССТОЯНИЙ

F 1a, 1b, 2a, 3

Марин и вслед за ним Птолемей, отражая, видимо, содержание итинерария Мая Тициана, делят весь путь на **две части: от переправы через Евфрат у Гиераполя до Каменной Башни и от Каменной Башни до Серы**. И Марин, и Птолемей используют данные итинерария о расстояниях на этом пути для определения длины ойкумены по Родосской параллели. По Марину, расстояние от переправы через Евфрат до Каменной Башни составляет 876 схойнов, или 26 280 стадиев, а расстояние от Каменной Башни до Серы, которое можно преодолеть за семь месяцев, равно 36 200 стадиям; Птолемей поправляет Марина, указывая, что тот не принял во внимание отклонения пути от прямой линии, а для второго отрезка — и неравномерность движения, и соответственно сокращает расстояния, определяя первый отрезок как равный 800 схойнам, или 24 000 стадиев, а второй — 18 100 стадиям.

Относительно величины стадия Марина и Птолемея существуют разные мнения (ее определяют, например, в границах от 156 м до 210 м[1]). Но Марин и Птолемей выражали в стадиях иные меры, фигурировавшие в итинерарии Мая. Для участка пути от Гиераполя до Каменной Башни такой мерой был **схойн**, соотношение которого со стадием, принятое Марином и Птолемеем, определяется точно: 1 схойн = 30 стадий (Ptol., Geogr. 1, 11, 3). В другом итинерарии, близком по времени Маю, в «Парфянских стоянках» Исидора, также применен схойн, который определенно равняется трем римским милям[2], то есть примерно 4,5 км (точнее: 4,440 км = 1,480 × 3). Проверить, таков ли был и схойн Мая, можно по сообщению о длине ущелья комедов — последнего отрезка пути от Гиераполя до Каменной Башни, равной 50 схойнам (Ptol., Geogr. 1, 12, 8). Этот отрезок отождествляется, с большой долей вероятности, с Каратегином (об этом мы будем говорить ниже). Если принять его длину (от Обигарма до Дараут-Кургана) в 220 км[3], то схойн итинерария Мая будет равняться 4,4 км (220 : 50). Как и следовало ожидать, величина схойна — основной путевой меры группы итинерариев, одновременных с итинерарием Мая, — оказывается у них примерно одинаковой. Это схойн, производный от «десятидольного (по отношению к римской миле) стадия», основанного на сирийском футе[4], иначе называемого «стадием итинерариев». А. Геррман предполагает, что агенты Мая измеряли путь в парасангах, которые при обработке их сведений были заменены на схойны[5]. Но это мало что меняет, так как персидский парасанг близок к египетскому

[1] Томсон 1953: 463.
[2] Tomaschek 1883: 149.
[3] Markwart 1938: 64.
[4] Lehmann-Haupt 1929: 1961–1962.
[5] Herrmann 1938: 91.

схойну не только по своему абсолютному значению, но и по одинаковому соотношению со стадием: 1 к 30 (Hdt. 5, 53; 6, 42; Strab. 11, 11, 5).

Чтобы перенести все эти расстояния на карту, надо было выразить их в градусах. Марин и Птолемей исходили из такого расчета: 1° по широте (за образец взят 1° на параллели Родоса) = 400 стадиев (Ptol., Geogr., 1, 11, 2). Тогда, согласно этому расчету, расстояния в градусах по параллели Родоса должны быть следующими. По Марину: расстояние от Евфрата до Серы — 156° при 62 480 стадиях, от Евфрата до Каменной Башни — 65°30′ при 26 280 стадиях, от Каменной Башни до Серы — 90°30′ при 36 200 стадиях. По Птолемею: расстояние от Евфрата до Серы — 105°15′ при 42 100 стадиях, от Евфрата до Каменной Башни — 60° при 24 000 стадиев, от Каменной Башни до Серы — 45°15′ при 18 100 стадиев. Но практически при составлении карты эти величины пришлось несколько изменить. Марин определил длину ойкумены на карте в 15 часов (Ptol., Geogr. 1, 11, 1), то есть в 225° и 90 000 стадиев. Поскольку расстояние от Счастливых островов (западная граница ойкумены) до Гиераполя определено им на карте в 71°55′ и 28 767 стадиев, постольку на расстояние от Гиераполя до Серы (восточная граница ойкумены) осталось 153°5′ и 61 233 стадия, из них на участок Гиераполь —Каменная Башня отведено 63°5′ и 25 233 стадия, а на участок Каменная Башня — Сера — 90° и 36 000 стадиев. Птолемей на своей карте повторяет все это с той лишь разницей, что последний участок сокращает ровно в два раза[1].

2. ПУТЬ ОТ ЕВФРАТА ДО КАМЕННОЙ БАШНИ

F 2a, 2b

Этот отрезок пути известен и по изложению Марина, и по карте Птолемея. Основу для реконструкции итинерария дает изложение Марина, карта дополняет эту основу отдельными деталями.

Фрагмент **2a** (= Ptol., Geogr. 1, 12, 3–4) содержит общую характеристику данного отрезка. Судя по изложению Марина, итинерарий Мая содержал следующие сведения: 1) определял **расстояние от Евфрата до Каменной Башни в 876 схойнов.** Птолемей счел нужным уменьшить это расстояние до 800 схойнов, или 24 000 стадий; 2) говорил (Май или уже только Марин?), что **путь этот был непрерывным и равномерным и измерен по уже исхоженным местам.** Птолемей с этим соглашался; 3) из содержания итинерария было ясно, что **на этом пути было много отклонений дорог в сторону.** Действительно, фиксируя эти отклонения на своих картах, Марин и Птолемей определили, что от переправы через Евфрат до города Гекатомпил путь шел на восток около параллели Родоса (36°) (Ptol., Geogr. 1, 12, 5), а далее до Каменной Башни — отклоняясь то к северу, то к югу, между параллелями Родоса (36°) и Византия (43°) (Ptol., Geogr. 1, 12, 6–8).

[1] Herrmann 1938: 94. Ср. другую систему расчетов: Lerner 1998: 17.

Фрагмент **2b** (= Ptol., Geogr. 1, 12, 5–8) содержит очень ценное конкретное изложение материала итинерария Мая на рассматриваемом здесь первом отрезке пути. Для комментирования сведений об этом отрезке пути удобно разделить его на три части: от Гиераполя до Экбатан, от Экбатан до Бактр и от Бактр до Каменной Башни.

1. Путь от Гиераполя до Экбатан (Ptol., Geogr. 1, 12, 5). Это **путь от переправы через Евфрат у Гиераполя через Месопотамию к Тигру и оттуда через область гарамеев Ассирии и через Мидию в Экбатаны.** И Марин, и Птолемей были согласны, что этот путь проходит около параллели Родоса (36°). Этот участок описан у Птолемея довольно скупо. Дополнить его описание можно очень близким, как уже говорилось, рассказом Страбона о том же участке пути (16, 1, 27).

Отправным пунктом был город **Гиераполь** (Ἱεράπολις), немного западнее излучины Евфрата. Страбон называл его также Бамбикой. У местного сирийского населения он был известен как Мабог. Ныне это Мембидж в Сирии. В рассматриваемое время Гиераполь являлся значительнейшим городом области Кирростика, занимавшей всю восточную половину Северной Сирии, до Коммагены на севере и Антиохийской области на западе. Город был знаменит великолепным храмом богини Атаргатис (Деркето), которую местное население называло Ма, как и многих других подобных богинь (это имя лежит и в основе имени Maes). По этой причине он и именовался со времен Селевка I «Священным городом» (Hierapolis)[1].

Но фактически путь начинался, при измерении его, от **переправы через Евфрат** (τοῦ Εὐφράτου διαβάσεως) у Гиераполя. Место переправы точно не названо. Скорее всего, это место находилось прямо напротив Гиераполя, у современного селения Телль-Ахмар. Но вообще обычным местом переправы и до времен Мая, и после являлась Зевгма («Мост») — единственный в окрестностях Гиераполя мост через Евфрат. Этот «Мост» был возведен Селевком I у современного селения Балкиз (не у Биреджика, как иногда считают)[2] взамен «древней переправы» у Тапсака, находившейся несколько южнее. Страбон говорит только, что переправа совершалась у месопотамской местности Антемузия. Об этой местности как об одной из областей Месопотамии знает и Птолемей (Geogr. 5, 17). Поскольку эта область, во времена Мая и Страбона еще сохранявшая свое македонское название, охватывала западную часть Северной Месопотамии от южных границ Армении до впадения Хабура в Евфрат, то переправившиеся в Зевгме через Евфрат действительно должны были попасть прежде всего в Антемузию.

Далее шел долгий путь через **Месопотамию** (τῆς Μεσοποταμίας) к **Тигру** (τὸν Τίγριν), то есть через страну между Евфратом и Тигром. Здесь, по Страбону, торговцы шли через пустыню в течение двадцати пяти дней караванного пути на верблюдах. К реке Тигр они подходили у города Скены («Палатки») — возможно, близ устья Адема, левого притока Тигра. Но торговцы Мая, достигнув Тигра, почему-то шли не на юг, вдоль реки, в Селевкию, а переправившись через Тигр, следовали дальше на восток, в страну гарамеев, и затем в Мидию и Экбатаны.

[1] Benzinger 1896: 2843–2844.

[2] Кошеленко 1979: 89–92.

Гарамеи, [племя] **Ассирии** (Γαραμαῖοι τῆς Ἀσσυρίας) названо так у Птолемея потому, что географически отнесено на его карте к Ассирии (Geogr. 6, 1, 2). Ассирия — древняя страна оседлого населения по верхнему течению Тигра, в основном к востоку от этой реки. Что же касается гарамеев, то они — кочевое арамейское племя, упоминаемое в надписях новоассирийских царей с VIII в. до н. э.[1] Кочевниками гарамеи оставались, видимо, и во времена Мая, так как Птолемей, описывая страну к востоку от Тигра, между Забом и Диалой, применяет к ним племенное имя, помещая их «внутри» страны по соседству с городскими округами, такими как Аррапахитида, Арбелитида, Аполлониатида, Ситтакена (Geogr. 6, 1, 2). Но к VI в. н. э. арамейская область Бет-Гармай — уже страна оседлого городского населения, охватывавшая территорию между Тигром, Нижним Забом и Диалой; на востоке она граничила с областью Хамадана (то есть древних Экбатан)[2]. Столицей области была Крепость Селевка (Karkhā de Bēth Slōkh) — древняя Аррапха, современный Керкук.

Путь через Ассирию в контексте исторических событий. Встает вопрос: что заставило торговцев Мая изменить обычный маршрут торговых караванов, пролегавший через Селевкию и греческие города долины Диалы к Экбатанам, и идти к Экбатанам прямо через земли кочевников гарамеев, огибая с севера большую караванную дорогу? Может быть, в этом сказалась воля парфянского царя? Ведь известно, что парфяне очень ревниво относились к связям постоянно оппозиционной Селевкии с римлянами и знали о надеждах городов, расположенных на трассе Великого Шелкового пути к востоку от Селевкии, в долине Диалы, возродить наземный путь с помощью римских ставленников. И как раз во время поездок торговых агентов Мая опасения парфянского царя воплотились в реальность: около 12–10 гг. до н. э. Фраат IV вынужден был временно оставить свою столицу, расположенную рядом с Селевкией, из-за появления нового претендента на парфянский престол, Митридата[3], который, без сомнения, был сразу же поддержан греческими городами.

2. Путь от Экбатан до Бактр (Ptol., Geogr. 1, 12, 5–7). Именно к этому участку более всего относятся слова Марина, что путь проходил **по уже исхоженным местам** (τετριμμένα ἤδη) (Ptol., Geogr. 1, 12, 4). Здесь действительно проходили дороги, хорошо известные грекам еще в ахеменидское время, а затем по походам Александра Македонского и его преемников эллинистического времени, по торговым связям. Но самые поздние из описаний этих дорог, как уже говорилось, относятся лишь к раннепарфянскому времени, восходя, в конечном счете, к сочинению Аполлодора Артемитского (конец II — начало I вв. до н. э.), так что от итинерария Мая они достаточно отдалены.

Ветвь пути, избранная торговцами Мая, соединялась с основным караванным путем только в Мидии, видимо, недалеко от Экбатан. Это путь **через Мидию в Экбатаны, к Каспийским воротам и через Парфию в Гекатомпил.** Птолемей, ссылаясь на Марина, говорит, что весь этот путь проходит около параллели

[1] Streck 1912: 2790.

[2] Пигулевская 1956: 37–49, 138–141.

[3] Бокщанин 1966: 163–164; Debevoise 1938: 144.

Родоса (36°) (Ptol., Geogr. 1, 12, 5). На карте координаты несколько отличны: Экбатаны — 88°/37°45′, Каспийские ворота — 94°/37°, Гекатомпил — 96°/37°50′.

Путь от Гекатомпила в город Гирканию, к северу от которого лежат южные части Гирканского моря, отклоняется на север. По определению Марина и Птолемея город Гиркания находится где-то посредине между параллелями Смирны (38°30′ — эта параллель проходит южнее страны Гиркания) и Геллеспонта (41° — эта параллель проходит через южные части Гирканского моря). На карте координаты города Гиркания таковы: 98°30′/40°.

Далее, **дорога отсюда в Маргианскую Антиохию через Арию сначала отклоняется к югу, затем к северу.** Марин и Птолемей помещают Арию на одной параллели с Каспийскими воротами (Родосская параллель, 36°), а Антиохию Маргианскую — на параллели Геллеспонта (41°). (Ptol., Geogr. 1, 12, 7). На карте координаты города Ария — 105°/35°, Антиохии Маргианской — 106°/40°40′. **Отсюда дорога на Бактры тянется к востоку** (Ptol., Geogr. 1, 12, 7), чему соответствуют и координаты этого города: 116°/41°.

Остановимся подробнее на отдельных пунктах и этапах рассматриваемого пути.

Экбатаны (Ἐκβάτανα), куда идут через **Мидию** (Μηδίας), названы у Птолемея и на карте (Geogr. 6, 2, 14; 8, 21, 9). Это крупнейший город Великой Мидии, ее древняя столица, современный Хамадан. Великая Мидия — это коренная часть Мидии в широком смысле, охватывавшей весь северо-запад Иранского нагорья. Великолепный дворец ее древних царей был разграблен эллинистическим царем Армении Тиграном II около 88/87 г. до н. э. (Mans. Parth. 6 Mullerus — видимо, одно из добавлений в итинерарий-основу Аполлодора Артемитского, принадлежащее, скорее всего, Дионисию Харакскому, для которого это событие было сравнительно недавним).

Каспийские ворота (Κάσπιαι Πύλαι) — важная веха на пути по Иранскому нагорью. Этот горный проход отмечал географическую границу между Мидией и Парфией, а фактически служил точкой раздела вообще между Западным и Восточным Ираном в ахеменидское, эллинистическое и раннепарфянское время. Ныне это ущелье Сардарра: Плиний красочно описывает Каспийские ворота: это узкий проход длиной восемь миль, по которому едва могут пройти повозки в один ряд; над ним нависают скалы с поверхностью, будто опаленной огнем; узкую дорогу преграждает поток соленой воды, стекающей со скал, а обилие змей делает проход недоступным кроме зимнего времени (Nat. 6, 43).

Гекатомпил (Ἑκατόμπυλος), город **Парфии** (τῆς Παρθίας), назван у Птолемея и на карте (Geogr. 6, 5, 2; 8, 22, 16). Несмотря на его греческое название, это древний город, существовавший в доэллинистическое время, являвшийся, по-видимому, центром Парфии как географической области, то есть полосы оазисов к югу от хребта Эльбурз и Туркмено-Хорасанских гор, а внутри этой области — центром оазиса, известного в древности как Комисена. Современные археологические исследования обнаружили остатки этого города в местности Шахри-Кумис недалеко от Дамгана[1]. Птолемей называет Гекатомпил **«царской столицей»**

[1] Кошеленко 1979: 127–128.

(βασίλειον — царская резиденция) (Geogr. 6, 5, 2), имея в виду столицу всего Парфянского царства. Гекатомпил действительно был столицей первых Арсакидов, и как столичный город он фигурирует в итинерариях, восходящих к Аполлодору Артемитскому (кроме «Парфянских стоянок», где он вообще не упомянут)[1], но уже при Ороде II (57–36 гг. до н. э.) столицей определенно был Ктесифон в Месопотамии. Однако возможно, что Гекатомпил сохранял свое греческое название и статус второго столичного города вплоть до рубежа нашей эры (но не позже), в каковом качестве его и засвидетельствовал Май Тициан.

Для того, чтобы перейти из Гекатомпила в Гирканию, надо было действительно направиться **на север** и пересечь хребет Эльбурз. На карте Птолемея Гекатомпил, как и вся Парфия, отделен от Гиркании хребтом **Корон** (Κορωνός) (Geogr. 6, 5, 1; 6, 9, 3–5). Поэтому возможно, что в итинерарии Мая упоминался и хребет Корон. Эльбурз был хорошо известен античным авторам и ранее, но под другими названиями.

Гиркания (Ὑρκανία) как город фигурирует у Птолемея и на карте (Geogr. 6, 9, 7; 8, 23, 3). Птолемей различает город Гирканию и **Гирканскую страну** (τὴν Ὑρκανίαν χώραν), то есть Прикаспийскую низменность к юго-востоку от **Гирканского** (Каспийского) **моря** и к северу от хребта Эльбурз. По-видимому, город Гиркания соответствует средневековому Гургану, современному Гомбеде-Кабусу. Ныне название Горган носит древний Астрабад[2] — Задракарта, бывшая столицей Гиркании во времена походов Александра Македонского. Отличает столицу Гиркании от Задракарты (Карты) и Страбон (11, 7, 2). Птолемей называет город Гирканию **«метрополией»** (μητρόπολις) (Geogr. 6, 9, 7).

Далее в итинерарии упомянуты Ария и Антиохия в Маргиане. Древние дороги вели из прикаспийских областей и к Герату, и к Мерву[3]. Дорога в Арию (Герат) действительно отклонялась далеко **на юг,** следуя вдоль хребтов Хорасанских гор и Паропамиза, а из Арии через горные перевалы прямо **на север,** в Маргиану (Мерв). На карте Птолемея Ария отделена от Маргианы хребтом **Сарифа** (Σαρίφα) (Geogr. 6, 10, 1, 4).

Ария (Ἀρεία) как город тоже упомянут Птолемеем и на карте (Geogr. 6, 17, 7; 8, 25, 3). Под Арией итинерарий имеет в виду, очевидно, и город, и Гератский оазис. Как город это, несомненно, современный Герат. Обычно древним Гератом считают Александрию у ариев, которая упомянута и Птолемеем (Geogr. 6, 17, 6). Но это один и тот же город, сведения о котором заимствованы из разных источников. Александрией город назван в более ранних источниках, и исчезновение имени Александра в названии города у Мая Тициана свидетельствует о постепенном отказе от наследия эллинизма.

Антиохия Маргианская (Ἀντιόχεια Μαργιανή) упомянута Птолемеем и на карте (Geogr. 6, 10, 4; 8, 23, 5). Город был основан Александром Македонским

[1] Kiessling 1912: 2790.

[2] Заходер 1957: 642.

[3] Поэтому нет нужды менять здесь последовательность в перечислении городов: Антиохия Маргиана — Ария вместо Ария — Антиохия Маргиана, как иногда полагают (Berggren; Jones 2000: 151). Хотя у Исидора Характского (Mans. Parth. 14–15) действительно обратная, по отношению к нашему итинерарию, последовательность.

и носил имя Александрии, но затем его разрушили некие «варвары» (полагают, что это были дахи, из среды которых вышел род Арсакидов)[1], и он был вновь основан Антиохом I под своим именем в начале III в. до н. э. (Plin., Nat. 6, 47; Strab. 11, 10, 2). Но при царе Вологазе I (52–80 гг. н. э.), по-видимому, и этот город теряет свое эллинистическое название, возвращая себе древнее имя Мерв. Находился город на территории Мервского оазиса — древней Маргианы. Считается, что Александрия Маргианская — это памятники нынешней Эрккалы, а Антиохия Маргианская — территория Гяуркалы, включившая в себя Эрккалу[2]. Плиний почему-то назвал город «Сирийским» (Syrianam) (Nat. 6, 47), и это вызвало разные толкования[3]. Между прочим, в Мерве найдена статуэтка богини, датируемая временем не позднее I в. до н. э., очень близкая изображениям Атаргатис[4], — дошедшее до нас послание от торговцев Мая Тициана из Гиераполя, города богини Атаргатис?

Дорога на восток от Антиохии Маргианской вела к Бактрам. Древняя дорога должна была пролегать сначала на юг вдоль реки Мургаб, и лишь дойдя до гор, она действительно поворачивала **на восток** в районе Бала-Мургаба (Мерверруда)[5] и через горные проходы шла далее на равнину Балха (Бактр). На карте Птолемея это река **Марг** (Μάργος) (Geogr. 6, 10, 1, 4) и **безымянный хребет,** отделяющий Маргиану на востоке от Бактрианы (Geogr. 6, 10, 1).

Путь от Экбатан до Бактр в контексте истории. В целом эта часть итинерария Мая Тициана мало чем отличается от итинерария Аполлодора Артемитского и производных от него дорожников I в. до н. э., рассмотренных выше. Караван торговцев Мая идет по тем же дорогам без особых препятствий, видимо, по единому еще царству Арсакидов. Он идет **непрерывно** (συνεχὲς) и **равномерными переходами** (κατὰ σύμμετρα μέρη) (Ptol., Geogr. 1, 12, 4). Достигнув крайних (в прямо восточном направлении) областей царства, Маргианы и Арии, караван пересекает границу царства тоже без особых препятствий и следует дальше на восток. Такое возможно было лишь до рубежа нашей эры. Парфянские цари, несмотря на постоянную борьбу с оппозицией эллинистических городов, тогда еще сохраняли единство государства. Великая Мидия и Гиркания тогда являлись царским доменом: Экбатаны и Гиркания были летним местопребыванием парфянских царей (Strab. 11, 13, 1, 5; 16, 1, 16); то же, несомненно, относится и к Парфии (собственно), где находился Гекатомпил — старая резиденция парфянских царей. История с пребыванием римских пленных в Маргиане (53–20 гг. до н. э.) показывает, что и крайние на востоке области царства тогда находились под полным контролем парфянских царей. О том же говорят монеты парфянских царей — важнейшие свидетели караванной торговли. Главный монетный двор царства в Экбатанах, а также монетный двор в Маргиане снабжали монетой царской чеканки всех торговцев государства. Монеты Фраата III (70–58 гг.

[1] Историю вопроса см.: Пьянков 1997:54.

[2] Усманова 1969: 33; Усманова, Филанович, Кошеленко 1985: 228–229.

[3] Tarn 1951: 10, 15.

[4] Кошеленко 1966: 91.

[5] Более подробное описание этих мест см.: Бартольд 1971: 60–63.

до н. э.), Орода II (57–37 гг. до н. э.), Фраата IV (38–2 гг. до н. э.) и V (2 г. до н. э. — 4 г. н. э.) — частые находки на территории всех парфянских областей, в том числе Мидии, Гиркании, Маргианы и Арии, а также и за их пределами — в Бактрии, Фергане и далее по маршрутам торговых путей[1].

Но после свержения Фраата V (Фраатака) (4 г. н. э.) и с приходом к власти Артабана III (12–38 гг. н. э.) ситуация резко меняется. Парфянское царство фактически раскалывается на две части: западную со старым центром в Ктесифоне и восточную. Борьба между «партиями», представляющими интересы той и другой части, сначала ведется еще будто бы в рамках единого государства, та и другая претендуют на власть во всей державе и на трон в Ктесифоне. Артабан III, Арсакид лишь по матери, вырос среди скифского племени дахов (Tacit., Ann. 2, 3; 6, 41), выходцы из которого когда-то положили начало царству Арсакидов, и «был связан родством с гирканцами и карманиями» (Tacit., Ann. 6, 36). За Ктесифон ему пришлось вести ожесточенную борьбу с наследниками Фраата IV, которых этот царь, как уже говорилось, отправил в Рим. Проведшие значительную часть жизни в Риме, они фактически были римскими ставленниками на парфянском престоле. Артабан III, напротив, имел опору в глубинных областях Парфянского царства. Однажды изгнанный, он скрывался в Гиркании в отдаленных, сопредельных со Скифией, местах (Tacit., Ann. 6, 36, 43).

Борьба между двумя «партиями» продолжалась и после смерти Артабана III, но теперь их возглавили его приемные сыновья Вардан (38–48 гг. н. э.) и Готарз (38–51 гг. н. э.). Вардан, видимо, с самого начала получил царский трон, а за Готарзом были закреплены Гиркания и другие крайние восточные области Парфянского царства, а вместе с ними — и союзнические отношения с дахами[2]. Но и борьба между братьями, с переменным успехом, разгорелась сразу же. Она велась не только в центре, в окрестностях Ктесифона, Селевкии и Вавилона, но и «на полях Бактрии» Ύ(Tacit., Ann. 11, 8), и в Гиркании у границ с дахами (Tacit., Ann. 11, 10).

Конечно, в такой обстановке регулярные торговые связи в указанных областях вряд ли были возможны. Находки монет Готарза в Бактрии, чеканка монет Вардана и Готарза в Мерве[3] объясняются не торговыми связями, а военными нуждами, когда распространителями монет были не купцы, а воины-наемники.

В материалах итинерария Мая Тициана нет никаких данных, отражающих эту бурную эпоху. Но есть некоторые указания, представляющие как бы пролог к ней. Они подтверждают предложенную выше датировку итинерария. На карте Птолемея в пределах иранских владений Арсакидов два города отмечены определением **«метрополия»** (μετρόπολις), причем по крайней мере один из них точно фигурировал в нашем итинерарии: **Гиркания** (Ύρκανία) (Geogr. 6, 9, 7) и **Кармана** (Κάρμανα) (Geogr. 6, 8, 13). «Метрополия» в данном случае — это не «столица» (βασίλειον) отдельного царства, но указатель на определенный административный статус. Такого указателя нет даже у столь значительных городов, как

[1] Olbrycht 1998: 116–119, 125–126, 129, 229.
[2] Ibid.: 157–158.
[3] Ibid.: 115, 116, 153, 160, 172, 187, 229.

Экбатаны или Ария. Он отмечает, очевидно, и какое-то особое положение Гиркании и Кармании. Видимо, с этим последним обстоятельством связано сообщение Птолемея о том, что к Гиркании (стране) относятся **Аставена** и **Сиракена** (Geogr., 6, 9, 5). Сюда нужно добавить сообщение Страбона о принадлежности Несеи к Гиркании (11, 7, 2). Это свидетельствует о необычайном расширении территории Гиркании: фактически на всю область Туркмено-Хорасанских гор вплоть до Серахса. Заметим, что Аставена продублирована у Птолемея по другим, более ранним источникам в описании Арии, где упомянуты аставены вместе с нисеями (Geogr. 6, 17, 3). Эти источники восходят ко времени походов Александра Македонского и отражают условия позднеахеменидской эпохи (IV в. до н. э.)[1].

Какие события отражают эти сообщения? Мы знаем, что Артабан III детство провел среди дахов и, став царем (с 12 г. н. э.), уже был связан родством с гирканцами и карманиями. Отсюда следует, что основы влияния и власти в восточных областях Парфянского царства были заложены еще отцом Артабана III. А отец Артабана III, зять Фраата IV, как полагают, был при нем наместником Великой Мидии, правителем Гиркании, Арии и Кармании[2], возможно, даже вассальным царем последней (о царях Кармании говорит Страбон: 15, 2, 14). Артабан III унаследовал положение своего отца еще до воцарения. Очевидно, эти первые шаги в возрастании могущества рода Артабана на пути его к царской власти и отражены на карте Птолемея там, где она восходит к итинерарию Мая Тициана. Все это опять указывает примерно на рубеж нашей эры как на время создания его итинерария.

Впоследствии сепаратистские устремления гирканцев привели их к восстанию (58–61 гг. н. э.) против парфянского царя Вологаза I (51–80 гг. н. э.), закончившемуся, видимо, миром (Tacit., Ann. 13, 37; 14, 25; 15, 2). В Гиркании утвердился род Готарза. По одному — правда, не вполне ясному — свидетельству гирканский царь заключает соглашение с аланами (73 г. н. э.), вторгающимися в парфянские владения (Ios., Bell. 7, 246). А много позже к римскому императору Антонину Пию (138–161 гг. н. э.) гирканцы направляют независимое посольство вместе с бактрийцами (Anon., Epit. 15, 4), которыми тогда уже были не кто иные как могущественные Кушаны.

Для определения территории этого нового Гирканского царства важно следующее известие: гирканцы во время восстания против Вологаза I направили послов к римлянам (58 г. н. э.), а возвращались эти послы вниз по Евфрату под римской охраной, «проводившей их до берегов Красного моря, откуда, избежав пределов парфян, они возвратились на родину» (Tacit., Ann. 14, 25). На первый взгляд, очень странно, что гирканцы, «возвращаясь на родину», то есть в Гирканию у берегов Каспийского моря, шли к Красному морю (так называли тогда Индийский океан вместе с заливами, в том числе Персидским). Поэтому исследователи всегда стремятся как-то «исправить» здесь слова «maris Rubri». Но в этом нет нужды: мы знаем, что еще восточные владения Артабана III, предка Готарзидов, включали Гирканию и Карманию; от берегов Кермана на север, очевидно, и пролегал путь гирканских послов на родину.

[1] Пьянков 1972: 15–16.

[2] Olbrycht 1989: 140–142.

Но это значит, что гирканские владения, протянувшиеся от Каспийского моря до Индийского океана, были теперь преградой на континентальном пути в восточном направлении и для самих парфян. Не случайно они как раз с этого времени начинают тоже проявлять интерес к морскому пути: основывают, как уже говорилось, город Вологезию (77 г. н. э.) на Нижнем Евфрате, обустраивают крупный порт Аполог с таможнями в устье Евфрата. Все эти обстоятельства, нам кажется, делают дату середина — конец I в. н. э. для наземного пути торговцев Мая Тициана по Иранскому нагорью совершенно невозможной.

То, что происходит в это же время в Мерве, полностью согласуется с этим выводом. Там изменения происходят даже раньше и резче, чем в Гиркании. Первый их признак — изменения в чеканке монет. До рубежа нашей эры маргианский монетный двор активно работал на общепарфянских царей вплоть до Фраата IV и Фраатака. После этого начинается автономная чеканка, что большинством исследователей объясняется растущей самостоятельностью Маргианы. Если там и чеканят имитации монет Артабана III, Готарза и Вардана, то это объясняется политическими событиями, о которых говорилось выше[1].

Уже о полной независимости Маргианы и создании Мервского царства свидетельствуют маргианские монеты с индо-парфянским царским именем Санабар (конец I в. н. э. — начало II в. н. э.)[2]. Это царство китайский источник и называет Малым Аньси (то есть Малым царством Арсакидов, — видимо, там, как и в Гиркании, правила тогда одна из побочных ветвей династии Арсакидов) с городом Мулу (Мерв) (конец I в. н. э.)[3].

Появление индо-парфянского царя в Маргиане знаменательно. Оно стоит в одном ряду с такими событиями как появление там же пальмирских погребальных стел, свидетельствующих о существовании колонии пальмирских купцов, буддийских скульптур из Гандхары и т. п. Все это говорит о том, что в течение I в. н. э. Маргиана входит в ареал морских торговых путей с наземным ответвлением на Инд. Следовательно, о наземных торговых путях через иранское нагорье, одним из звеньев которых была в I в. до н. э. Маргиана, теперь говорить уже не приходится.

3. Путь от Бактр до Каменной Башни (Ptol., Geogr. 1, 12, 7–8). Здесь через итинерарий Мая Тициана использовано совершенно новое описание мест, о которых в более ранних источниках ничего не говорилось. Это потребовало даже внесения изменений в традиционные картографические схемы, которые использовал Птолемей[4].

Птолемей, излагая Марина, делит путь от Бактр до Каменной Башни на три части.

Первый участок пути — Бактры и дорога от Бактр. **Дорога на Бактры тянется к востоку** (от Антиохии Маргианской). По Птолемею эта дорога, как и сами Бактры, находятся на параллели Геллеспонта (41°) (Geogr. 1, 12, 7). На

[1] Olbrycht 1998: 116, 119, 153, 172, 215–216; Усманова, Филанович, Кошеленко 1985: 226–227, 242.
[2] Olbrycht 1998: 189, 217–220.
[3] Бичурин 1950: 225.
[4] Пьянков 1997: 77, 270–272; Пьянков 2010: 318–324.

карте для Бактр даны такие координаты: 116°/41°. **Дорога оттуда** (от Бактр) **до подъема в Горную страну комедов [от согдианов** — добавлено на карте] **идет на север** (Geogr. 1, 12, 7).

Второй участок пути — дорога по Горной стране комедов. **Дорога же по самой Горной стране вплоть до Ущелья** [**комедов** — добавлено на карте], **переходящего в равнину, идет на юг; она направляется от северо-западных частей Горной страны, где находится подъем, к юго-восточным частям.** Марин помещает северо-западные части на параллели Византия (43°), а юго-западные части на параллели Геллеспонта (41°) (Ptol., Geogr. 1, 12, 7). На карте Птолемея подъем на северо-западе Горной страны комедов указан под 125°/43°, Ущелье на юго-западе Горной страны — под 130°/39°. Видимо, такое заметное отклонение горной дороги на юг было отмечено уже Марином, который считал (на основании данных итинерария Мая Тициана?), что **эта дорога, хотя и проходит почти прямо на восток, отклоняется на юг** (Ptol., Geogr. 1, 12, 7).

Третий участок пути — дорога по Ущелью комедов. **Дорога оттуда** (от выхода из Горной страны комедов на ее юго-западном конце по Ущелью комедов?) **в пятьдесят схойнов вплоть до Каменной Башни отклоняется к северу, ведь после подъема Ущелье сменяется Каменной Башней, к востоку от которой горы, расступаясь, примыкают к Имаю,** поднимающемуся от Палимботр на север (Ptol., Geogr. 1, 12, 8). Координаты Каменной Башни на карте Птолемея: 135°/43. Что касается слов Птолемея об Имае, «поднимающемся от Палимботр на север», то они навеяны, очевидно, новейшими источниками (конца I — начала II в. н. э.), которыми Птолемей дополнял сведения Марина. В них, как уже говорилось выше, шла речь о пути через Бактры и Каменную Башню в контексте морского пути с наземными ответвлениями по Индии, в частности через Палимботры (Geogr. 1, 17, 4).

Описание, как видим, не отличается ясностью. Исследователями предложено множество его интерпретаций, которые можно свести к трем основным: одни ведут дорогу от Балха по Каратегину и Алайской долине, другие — от Балха через Самарканд и Фергану, третьи — от Балха через Памир[1]. Однако ни один из этих вариантов не объясняет полностью всех данных Птолемея[2]. По нашему мнению, эти данные и невозможно объяснить, пытаясь прямо наложить их на современную карту. Необходим предварительный сложный анализ текста Птолемея.

В указаниях Птолемея, описательных и картографических, бросаются в глаза, прежде всего, различия в характеристике, которую Птолемей дает **подъему** (ἀνάβασις — «перевал» в данном случае) в Горную страну комедов. С одной стороны, дорога туда идет прямо на север от Бактр, с другой — туда попадают от согдианов, и расположен он, скорее, к востоку, нежели к северу от Бактр (координаты Бактр — 116°/41°, подъема — 125°/43°); с одной стороны, после подъема сразу попадают в Ущелье, которое тянется до Каменной Башни и затем переходит в равнину, с другой — подъем ведет в Горную страну. Очевидно, Птолемей, сам того не

[1] Историю вопроса см.: Мандельштам 1957: 39–43; Зелинский 1964: 104–108.

[2] К такому же выводу приходит автор и одного из последних исследований на данную тему: Lerner 1998: 19.

замечая, говорит о двух разных подъемах. Это наблюдение дает ключ к расшифровке всех данных Птолемея об участке дороги от Бактр до Каменной Башни. Само по себе это наблюдение не ново[1], но дальнейшие выводы из него не делались, и для анализа текста Птолемея, насколько нам известно, оно не использовалось.

Историю сведений об участке пути от Бактр до Каменной Башни можно представить примерно так. В итинерарии Мая Тициана описывалась на этом участке не одна дорога, а две ветви: одна вела от Бактр прямо в страну сакского народа комедов и, после подъема в эту страну, шла по Ущелью, мимо Каменной Башни, и затем по более широкой горной долине; другая вела к комедам через Согдиану и после подъема шла по Горной стране. Марин придерживался распространенной в его время географической схемы, согласно которой Бактриана, Согдиана и Страна саков расположены на одних широтах с запада на восток, будучи отделены первая от второй Оксом, а вторая от третьей Яксартом. Эта схема, заимствованная у Марина Птолемеем, запечатлена на картах последнего[2]. Понятно, что такая схема совершенно исключала возможность непосредственного соседства Бактрианы с саками. Марин, наверное, счел ошибкой указание на такое соседство в описании одной из ветвей дороги, но целиком отбрасывать это описание не стал, а попытался, следуя довольно обычному приему, совместить обе ветви в одном маршруте.

Чтобы восстановить и истолковать первоначальное описание двух ветвей дороги в итинерарии Мая Тициана, остановимся на основных вехах этого участка пути, к числу которых мы относим Бактры и Каменную Башню — начальный и конечный пункты рассматриваемого участка, подъем в Страну комедов, Ущелье комедов и, наконец, на самом народе комедов.

3а. Бактры и дорога от Бактр, две ее ветви. Начальным и важнейшим пунктом на этом участке пути были **Бактры** (Βάκτρα). У Птолемея этот город назван в описании итинерария и упомянут также на карте (Geogr. 6, 11, 9; 8, 23, 9). Судя по карте, город расположен на реке **Даргойд** (Geogr. 6, 11, 2). Эти сведения Птолемея основаны на данных итинерария Мая Тициана, но о том же городе и реке Птолемей знал и по другим источникам, которые дублируют их под именами, соответственно, Зариаспа и Зариасп (Geogr. 6, 11, 7; 6, 11, 2). Эти город и река, известные Птолемею под двумя названиями и раздвоенные им, — город Балх и река Балхаб. Нам кажется, что нет оснований искать для них других соответствий, как иногда полагают[3].

Бактры Мая Тициана в историческом контексте. Город Бактры назван у Птолемея «царской столицей» (βασίλειον), что в сочетании с тохарами, выделенными среди других народов Бактрианы как «большой (могущественный) народ» (μέγα ἔθνος) (Geogr. 6, 16, 6), который вскоре даст название всей Бактриане — «Тохаристан», определенно указывает на существование в Бактриане сильного самостоятельного государства. Здесь торговцы оказались уже за пределами парфянского царства Арсакидов.

---

[1] На то, что Птолемей описывает два разных подъема, указывал еще В. В. Григорьев: Риттер 1873: 63.

[2] Подробнее об этой схеме см.: Пьянков 1997: 243–246, 270–271; Пьянков 2010: 318–320.

[3] Гумбах 1975: 73–75.

Что же это было за государство? Известно, что во второй половине II в. до н. э. на Среднюю Азию обрушились «скифские» кочевые племена. Одно из них, названное в античных источниках асиями и тохарами[1], а в китайских — юечжи (Yüeh-chih), завоевало Бактрию, которую завоеватели, а вслед за ними и китайцы назвали страной тохаров (кит. Ta-hsia, позже Tu-ho-lo). Царь этого племени, а вместе с ним и его кочевые соплеменники заняли на первых порах степные участки Северной Бактрии, к северу от Амударьи, но некоторое время спустя перешли через Амударью в Южную Бактрию и сделали своей столицей город Бактры. А Восточная Бактрия, к востоку от Бактр, на пространстве от бассейна реки Кундуза до Вахана, видимо, с самого начала вторжения кочевников, была поделена на пять уделов, во главе которых встали знатнейшие роды завоевателей. Один из них, род Кушанов, рано проявил экспансионистские наклонности. Уже при Кушане Герае, «правящем» (τυραννουντος) князе (но еще не царе) в Восточной Бактрии создалось крупное объединение, включавшее, видимо, и области нижнего течения Вахша и Кафирнигана (середина или вторая половина I в. до н. э.). Его потомок Куджула Кадфиз (около 30–80 гг. н. э.) тоже начал править как зависимый князь (ябгу) Кушанов, но вскоре подчинил четыре другие удела и принял полный царский титул, что, видимо, означало занятие им Бактр. Он и явился основателем Кушанской империи, сохранив за собой и своими наследниками родовое имя Кушанов[2].

Какой же момент в этой череде событий зафиксировали торговцы Мая Тициана в своем итинерарии? Упоминание о «большом народе» тохаров с «царской столицей» в Бактрах свидетельствует о том, что царь «скифских» завоевателей уже перенес свою ставку из степей к северу от Амударьи в Бактры, и сами «скифы» в глазах соседей уже слились с тохарами в один «большой народ». Но о Кушанах еще ничего не слышно. Герай если и действовал тогда, то еще как удельный князь тех же тохаров, к тому же в отдаленной, восточной части Бактрии. Как определить время данного исторического момента? В «Исторических записках» Сыма Цяня (конец II — начало I в. до н. э.) вождь кочевников да-юечжи имеет ставку к северу от Амударьи. Но в династийных историях Цяньханьшу и Хоуханьшу (в сообщениях о событиях I в. до н. э. — I в. н. э.) эта ставка указана уже в Бактрах. Уточнить время перенесения ставки на юг помогает археология: памятники кочевников юечжи в Бишкентской степи на правобережье Амударьи в Северной Бактрии датируются временем от последней трети II в. до н. э. до I в. до н. э., но не позднее времени Герая[3]. Так что интересующий нас момент ограничен временем не ранее середины I в. до н. э., а скорее, временем ближе к концу этого века. Что же касается верхней границы, то это, безусловно, время активного вступления на арену истории Кушана Куджулы Кадфиза, то есть 30-е годы I в. н. э.

---

[1] Об асиях-тохарах см.: Piankov 2010: 97–106.

[2] Ранняя история Кушанов изложена здесь, в основном, по Б. Я. Ставискому: Ставиский 1977: 110–122.

[3] О датировке этих памятников см.: Мандельштам 1966: 137–159.

Переправа через Окс. Бактры являлись исходным пунктом для обеих ветвей пути. Чтобы продолжать путь далее в северном направлении, торговцам предстояло совершить переправу через **Окс** (Ὦξος) (Амударью). Об этой переправе в описании итинерария ничего не говорится, но из карты следует, что переправа была необходима в любом случае, по какой бы из двух ветвей пути ни следовать. И много позже прямой путь из Балха на север вел к переправе через Амударью в районе Термеза, а здесь одна ветвь шла далее на север, вверх по долине Сурхандарьи к Гиссарской долине и Каратегину, а другая — через невысокий хребет Байсунтау к Самарканду.

Когда Сыма Цянь в «Исторических записках» и династийная история Цяньханьшу говорят (подразумевая события I в. до н. э.), что парфянские торговцы у Амударьи развозят свои товары «и сухим путем и водою даже за несколько тысяч ли», то несомненно имеют в виду данный участок Великого Шелкового пути, по которому здесь шли и торговые агенты Мая Тициана — парфяне по происхождению, как мы уже говорили выше. В династийной истории Хоуханьшу (I в. н. э.) этого сообщения уже нет. Путь парфянских торговцев, умерших вдали от родины, отмечают одиночные погребения в характерных месопотамских глиняных гробах, которые археологи время от времени обнаруживают в долине Сурхандарьи[1]. Немного к востоку от основной дороги, в Дангаре, найден даже медальон с парфянской надписью[2].

Историческая обстановка во времена переправы торговцев Мая Тициана через Окс. Говоря об условиях, при которых парфянские торговцы могли принимать участие в международной торговле на данном участке пути, нужно иметь в виду следующее. Парфяне в Средней Азии в рассматриваемое время вступили в сношения с двумя силами. Одна из них — асии-юечжи. С ними у парфян с самого начала, со столкновений парфянских царей Фраата I, Артабана I и Митридата II со «скифами» и тохарами (128–124 гг. до н. э.) (Iust. 42, 1, 1; 2, 2, 5), установились резко враждебные отношения. Другая — сакарауки, тоже, как и асии-юечжи, одно из «скифских» кочевых племен, обрушившихся на Среднюю Азию во II в. до н. э., но, по-видимому, несколько раньше, чем асии-юечжи. Название «сакарауки» является этническим эквивалентом топонима «Канг», кит. «Кангюй» (Kang-chü). С этими кочевниками, напротив, со времени бегства к ним парфянского царя Синатрука и помощи их в возвращении Синатруку престола (77 г. до н. э.) (Lucian., Macrob. 15) укрепились дружественные отношения.

Сакарауки контролировали переправы через Амударью в I в. до н. э. — начале I в. н. э., и не случайно, что самые ранние парфянские монеты, обнаруженные здесь в районе Термеза и Керки, принадлежат Синатруку и его сыну Фраату III. Парфянское присутствие продолжалось здесь и в долине Сурхандарьи, судя по монетам, также и при Ороде II, но особенно при Фраатах IV и V, то есть до самого рубежа нашей эры[3].

---

[1] Литвинский, Седов 1984: 138–149.

[2] Литвинский, Ранов 1998: 516.

[3] Olbrycht 1998: 115, 118–119, 136, 229; Пилипко 1985: 249.

В это время в Западной Бактрии, в районе Шибергана — возможно, это Остобара Птолемея (Geogr. 6, 11, 9)[1], сформировалось довольно сильное племенное объединение, созданное, скорее всего, одним из сакараукских племен во главе с династией Сападбиза. Судя по ее монетам, она контролировала район Термеза, а какое-то время ее влияние, видимо, распространялось даже на Бактры. При жизни Фраата IV Сападбиз и его род считали себя его вассалами (монеты Фраата IV с надчеканом Сападбиза и Танлисмандата[2]), а после его смерти, с первых лет нашей эры, уже выступали как независимые правители[3]. Для купеческого каравана, идущего под покровительством Фраата IV в Серу, Страну шелка, время около рубежа нашей эры в этих местах было самым благоприятным.

Парфянское влияние держалось здесь и позже, но это было уже время ожесточенной междоусобной борьбы между Варданом и Готарзом, которая велась и «на полях Бактрианы» (Tacit., Ann. 11, 8, 4), видимо, с участием наследников Сападбиза на стороне Готарза[4]. Для мирных торговых караванов эти условия не очень подходили. А для Вологаза, наследника Вардана, настали совсем трудные времена — борьба со все усиливающимися Кушанами, которые, видимо, и изгнали Вологаза из Бактрианы (середина I в. н. э.)[5]. Согласно династийной истории Хоуханьшу первыми, с кем начал войну Кушан Куджула Кадфиз по вступлении на престол, были Арсакиды. А при его наследниках Сотере Мегасе (Вима Такто) и Вима Кадфизе (конец I в. н. э. — начало II в. н. э.) Кушаны, видимо, стали полными господами Северной Бактрии[6]. Тогда уже путешествие торговцев Мая Тициана по территории Бактрии было совершенно невозможно.

Существовала, правда, и еще одна переправа через Амударью, самая северная, в районе Амуля (Чарджоу). Она была неподконтрольна Кушанам вплоть до середины II в. н. э.[7] По ней в I и II вв. н. э. шли изредка посольства от Арсакидов в Китай через Мерв, Согд и Фергану, минуя Бактрию. Но это другой путь, не путь торговцев Мая Тициана.

После переправы через Амударью путь торговцев раздваивался, и каждая из двух его ветвей вела к своему «подъему» в горы.

3b. Дорога через Ущелье комедов и Каменная Башня. Один **подъем** расположен прямо на север от Бактр, и от него начинается **Ущелье** (φάραγς) **комедов.** Если считать началом этого Ущелья Обигарм[8], то подъем к Ущелью должен находиться где-то на подступах к последнему, у восточной оконечности Гиссарской долины. Интересно, что там же имеется местность, именуемая ныне Харангон. Греческая основа pharang- с небольшими фонетическими изменениями при переосмыслении ее в персидском вполне могла бы дать форму harang-on (где

[1] Tomaschek 1883: 202–206.
[2] О последнем см.: Сарианиди 1989: 130.
[3] Olbrycht 1998: 125–127; Bernard 1987: 762–768.
[4] Olbrycht 1998: 115, 157–161.
[5] Ibid.: 229–231.
[6] Ibid.: 228–230; Ставиский 1977:120–122.
[7] Olbrycht 1998: 230; Пилипко 1985: 249.
[8] Markwart 1938: 63–64.

on — окончание множественного числа). Сохранение греческих названий в поздней топонимике Средней Азии — не исключительный случай[1].

По Ущелью идет дорога длиной в 50 схойнов, имеющая северо-восточное направление и координаты начала и конца, соответственно, 130°/ 39° (41° по Марину) и 135°/43°. Сведения об этом Ущелье также толковались по-разному, в зависимости от того, как накладывалось изображение рассматриваемого участка пути Птолемеевой карты на современную карту. Но если рассматривать сведения об Ущелье комедов независимо от той или иной концепции, то наиболее естественным и убедительным будет, безусловно, отождествление его с Каратегином[2]. Как мы уже отмечали выше, сама величина «стадия итинериариев» проверяется и подтверждается расчетами длины Ущелья от Обигарма до Дараут-Кургана.

Каменная Башня (Λίθινος πύργος) была расположена у выхода из Ущелья. Указания Птолемея на ее местоположение противоречивы: в одном случае она помещена под 135°/43° (Geogr. 6, 13, 2), в другом — на расстоянии 26 280 или 24 000 от переправы через Евфрат (Geogr. 1, 11, 3; 12, 3, 9), то есть, соответственно, на меридиане 137°30′ или 132°. Дж. О. Томсон считает, что объяснения такому расхождению никто не дал[3]. Оно, очевидно, послужило поводом считать, что название «Каменная Башня» вообще не являлось индивидуальным именем пункта[4]. Но это расхождение объяснено А. Геррманом: второе указание основано на данных итинерария Мая, сопровождаемых поправкой Птолемея, а первое — на картографических расчетах Марина, в которых длина ойкумены была округлена до 90 000 стадиев (ср.: Geogr. 1, 11, 1)[5]. Каменная Башня упоминалась и в новейших источниках Птолемея, которыми он дополнял сведения Марина, а именно, в упомянутых выше описаниях морского пути к серам через Индию и Бактрию (Geogr. 1, 17, 4). Поскольку комедам Алая в китайских источниках соответствует сакское племя Хюсюнь (Hsiu-hsün)[6], то упоминание Каменной Башни на его территории и в китайских источниках вполне ожидаемо[7].

Каменная Башня, представлявшая собой, видимо, селение, возникшее вокруг какого-то высокого каменного строения, должна быть помещена в районе Дараут-Кургана в Алайской долине, что и признается в большинстве случаев. Само персидско-тюркское название «Дараут-Курган» подсказывает такой вывод: в основе первого слова лежит, несомненно, общеиранское «дара» — «ущелье», а в целом название, видимо, означало примерно «башня при ущелье». Археологические данные подтверждают такую локализацию: около Дараут-Кургана обнаружены остатки селения с каменными фундаментами больших построек, существовавшего в кушанское и более раннее время (со второй половины I тыс.

[1] Ртвеладзе 1977: 182–187.

[2] По этому поводу см., например: Markwart 1938: 63; Томсон 1953: 428; Мандельштам 1957: 43.

[3] Томсон 1953: 428.

[4] Kubitschek 1935: 233.

[5] Herrmann 1938: 94.

[6] Piankov 1996: 41.

[7] Lerner 1998: 18, n. 31. Конечно, это одна и та же Каменная Башня.

до н. э.)[1]. Другая распространенная локализация Каменной Башни, в районе Таш-Кургана в Сарыколе, поддерживалась только смысловой близостью этих двух названий (тюркское «каменная башня»). Однако топоним Таш-Курган не столь уж редок и, кроме того, довольно позднего происхождения[2].

Дальнейший путь от Каменной Башни на восток, уже по **равнине** (τὰ πεδία), где **горы расступаются** (χωροῦντα) и **примыкают к** меридиональной ветви **Имая** (Ἴμαον) (Geogr. 1, 12, 7–8), от 135°/43° до 140°/43°, до Стоянки торговцев близ того же Имайского хребта, — это путь по Алайской долине от Дараут-Кургана до Иркештама.

Наша интерпретация сведений Птолемея о «подъеме» как о двух разных подъемах избавляет от необходимости искать на рассматриваемом участке пути отклонений сначала к юго-востоку, а затем к северо-востоку, полученных Птолемеем в результате искусственного комбинирования им сведений о двух разных дорогах. В действительности путь здесь шел только на северо-восток. Так, предложенный А. Геррманом маршрут, совершенно невероятный для торговых караванов, — от Гарма через хребет Петра Первого в долину Обихингоу, затем в ущелье Муксу и через проход Терсагар к Дараут-Кургану[3], — был придуман только для того, чтобы объяснить эти отклонения.

Мне довелось проехать по всему маршруту рассматриваемого здесь участка на экспедиционной машине в 1979 году. Местом назначения было Памирское плато, а оттуда путь пролегал по Памирскому тракту вдоль восточной кромки плато снова на север вплоть до города Ош. Так что я сам видел и Ущелье комедов — узкую (не шире двух км) долину Каратегина с крутыми стенами скал, и Каменную Башню — Дараут-Курган с внушительным башнеобразным строением у дороги (пограничная крепость Кокандского хана XIX века; видимо, строить крепостные башни в этом месте было многовековой традицией), и «равнину» к востоку от него, где горы «расступаются» — широкую (до сорока км в ширину) Алайскую долину с плоским дном, упирающуюся в «Имай» — громады Сарыкольского хребта, окаймляющего Памир с востока, и других гор, продолжающих этот хребет на севере[4].

3с. Дорога через Согдиану. Другой подъем, **со стороны согдианов** (ἀπὸ τῶν Σογδιανῶν), расположен под 125°/43° (Ptol., Geogr. 6, 13, 2); те же самые координаты даны для истока **Яксарта** (Ἰαξάρτης) (Ptol., Geogr. 6, 12, 1). Это совпадение не случайно и основано не на каких-то общих соображениях, как иногда полагают[5]. Оно свидетельствует о том, что место, где древние торговцы поднимались

[1] Бернштам 1952: 205–207; Заднепровский 1962: 186.

[2] Обзор различных мнений о том, что представляла собой Каменная Башня и где она находилась см.: Lerner 1998: 18–19.

[3] Herrmann 1938: 104.

[4] Именно так определен маршрут торгового пути, описанного Птолемеем, на данном его участке (такая его реконструкция была предложена мною еще в работе: Пьянков 1985: 130–136) в одной из последних работ о Птолемее Berggren, Jones 2000: 151, со ссылкой на известного путешественника М. А. Стейна, который сам прошел по этим местам): переправа через Амударью в районе Термеза — долина Сурхандарьи — район Душанбе — ущелье реки Сурхаба-Кызылсу (Каратегин) — Дараут-Курган — Иркештам — Кашгар.

[5] Горбунова 1976: 27.

в Горную страну комедов, действительно находилось неподалеку от истоков реки, считавшейся началом Яксарта. На карте Птолемея верхнее течение Яксарта показано текущим от подъема в Горную страну комедов на север прямо по меридиану 125°[1]. Эта новая информация даже заставила Птолемея внести некоторые коррективы в принятые им картографические схемы, где истоки Яксарта были показаны несколько иначе, чтобы привести их в большее соответствие с данными итинерария Мая Тициана[2].

Упоминание подъема «от согдианов» предполагает и существование другой ветви пути от Бактр: пути через Согдиану. К сожалению, Страна **согдианов** (Σογδιανοί) на карте Птолемея представлена в весьма далеком от реальности и фрагментарном виде[3]. Выделение здесь данных, восходящих к итинерарию Мая Тициана, затруднительно и спорно[4]. Тем не менее, возможно, что координаты «метрополии» Согдианы, то есть Мараканды, названной у Птолемея по недоразумению **Дрепсой** (Δρέψα)[5], 120°/45° (Geogr. 6, 12, 6), даны по указаниям итинерария Мая.

Эта ветвь пути должна была проходить через Самарканд и Фергану. Древняя дорога из Согдианы, выйдя к реке Куршаб, одному из истоков Сырдарьи (Яксарта), шла вверх по течению этой реки в таком же долготном направлении, как это показано на карте Птолемея для верхнего течения Яксарта, а затем сворачивала к перевалу Терек-Даван и выходила в долину реки Коксу и к Иркештаму. Очевидно, названный перевал и был вторым подъемом в страну комедов, а Куршаб считался верховьем Яксарта[6].

Если эта дорога и в древности выходила к Куршабу в районе Гульчи, то именно здесь следует искать **Киресхату** (Κυρέσχατα), помещенную Птолемеем (Geogr., 6, 12, 5) на меридиане истока Яксарта, то есть Куршаба. Киресхата Птолемея, конечно, не имеет ничего общего с Киресхатой времен Александра Македонского. Возможно, название Kyreschata подставил Марин вместо какого-то иного, фонетически близкого наименования, приведенного в итинерарии Мая и сохранившегося доныне в названии реки Курш-аб.

Вообще, эта северная, согдийская ветвь пути, видимо, была представлена в итинерарии лучше там, где она примыкала ко второму «подъему». В основном это путь по Фергане, по области верховий Сырдарьи — Карадарьи. Вдоль верхнего, меридионального течения Яксарта, изображенного по данным итинерария, Птолемей (Geogr. 6, 12, 4) помещает народ **аристеев** (Ἀριστεῖς), название которого сохранилось в названии города Урест (Ош) и селения Риштан на пути к Ошу с запада. Здесь же, к западу от верхнего (меридионального) Яксарта, Птолемей (Geogr. 6, 12, 3) знает два притока этой реки, **Дим** (Δύμος) и **Баскатис** (Βασκάτις). Это два притока Сырдарьи западнее Куршаба, известные позже как реки городов Уреста (Акбура) и Кубы[7].

---

[1] Ronca 1971: Tab. 2.

[2] Пьянков 1997: 269, 271; Пьянков 2010: 321.

[3] Пьянков 2010: 318–324.

[4] Пьянков 1985: 133–134.

[5] О причинах этого недоразумения и историю вопроса см.: Пьянков 1972: 54–56.

[6] Мандельштам 1957: 37, 38, 65; ср.: Гумбах 1975: 73.

[7] Бартольд 1965: 212.

Конечный участок пути, связанного с подъемом «от согдианов», это путь по **Горной стране** (ὀρεινή) **комедов** от самого подъема (125°/43°) до Ущелья комедов (130°/39° или 41° по Марину). Реально это небольшой участок дороги, идущей в юго-восточном направлении от Куршаба и перевала Терек-Даван до слияния с южной ветвью у Иркештама, которая шла сюда от Ущелья комедов, то есть Каратегина. Видимо, Марин, не имея никаких точных сведений о протяженности этой дороги, но зная, что комеды занимают всю Горную страну саков (Ptol., Geogr. 6, 13, 3), соответственно и провел ее на юго-восток почти через всю Страну саков. А затем механически соединил ее с южной ветвью, направленной на северо-восток, начиная с другого подъема — подъема в Ущелье комедов. Ведь оба подъема он отождествил.

Но само понятие «Горная страна» саков или комедов — гораздо более широкое. Торговцы Мая заимствовали его, несомненно, из местных географических представлений. Эквивалентным термином «Кухистан» здесь позже стали называть и доныне называют горную страну между верхними течениями Амударьи-Пянджа и Сырдарьи, включая и долину Сурхоба-Кызылсу.

3d. Совмещение обеих дорог в итинерарии. Комеды. В результате совмещения двух подъемов в Страну комедов получилась линия, хорошо видная на реконструкции карты Птолемея[1]. Именно ее имеет в виду Птолемей, когда вслед за описанием дороги по Горной стране комедов продолжает: «Поэтому он [Марин] говорит, что **эта дорога, хотя и проходит почти прямо на восток, отклоняется на юг»** (Geogr. 1, 12, 7). Этой фразе давались самые различные объяснения[2], но ясно, что в основе ее лежат представления Марина о дороге от подъема в Горную страну комедов до Каменной Башни: хотя оба эти пункта помещены у него на одной широте (43°), дорога, соединяющая их, сначала направляется на юго-восток, действительно значительно отклоняясь здесь на юг, до широты 41° или даже 39° (от подъема «со стороны согдианов» до Ущелья), а затем на северо-восток (от Ущелья до Каменной Башни).

О том, что Марин не обладал реальными данными о расстояниях между основными пунктами сконструированного им единого пути из двух отдельных его ветвей, свидетельствуют координаты этих пунктов: Согдийская метрополия, 120°/45° — Киресхата на Яксарте, 125°/46°20′ — подъем в Страну комедов у истока Яксарта, 125°/43° — Ущелье комедов, 130°/39° (41° по Марину) — Каменная Башня, 135°/43° — Стоянка торговцев, 140°/43°. Ясно, что указывая на расстояния между пунктами, Марин просто добавлял к каждому из них по 5° по долготе, а по широте постарался уложить в им же определенные пределы — параллели Геллеспонта (41°) и Византия (43°).

О том же свидетельствуют расстояния в стадиях. Все сторонники каратегино-алайской трактовки данных Птолемея отмечают, что расстояние, определенное Марином и Птолемеем, в огромной степени превышает действительную протяженность пути по Каратегину и Алайской долине. Так, А. Герман определяет

[1] Ronca 1971: Tab. 2.

[2] См., например: Herrmann 1938: 103.

расстояние Бактры — Каменная Башня в 8 600 стадиев = 1800 км при действительном расстоянии Балх — Дараут-Курган в 650 км[1]. И это при стремлении Птолемея сократить расстояния! Такое несоответствие требует объяснения. Предположение А. Геррмана, что здесь сказалась ошибка, допущенная при перерасчете китайских ли в стадии[2], — крайне гипотетично. Скорее всего, Марин знал приблизительно о длительности пути по каждой из двух ветвей в общем, но совместив их в одном маршруте, сложил и их расстояния. Протяженность пути от Балха до Дараут-Кургана через Каратегин плюс протяженность пути от Балха до Иркештама через Самарканд и Фергану — действительно будет примерно равняться расстоянию от Бактр до Каменной Башни, высчитанному А. Геррманом.

Таково предлагаемое нами объяснение сведений итинерария о «подъемах» в Страну комедов и связанных с ними ветвях пути. Иные толкования этих сведений, например толкование И. Маркварта, согласно которому единый подъем в Страну комедов находился в Каратаге, где горная тропа из долины Зеравшана, то есть «от согдианов», соединялась с основной дорогой[3], не согласуются ни с данными Птолемея, ни с реальностью: вряд ли эта тропа могла служить когда-либо караванной дорогой; даже и сейчас дорога — уже не тропа — через Анзоб считается одной из труднейших горных дорог Средней Азии.

Важнейшее место на этом участке пути, по ту сторону обоих «подъемов», в итинерарии Мая Тициана занимает сакский народ **комеды** (Κωμῆδαι). Имя комедов появляется в это время еще и в другой античной письменной традиции, независимой от Мая, но в более архаичной форме: *Caumedae. Позднее о комедах говорят и китайские источники: Кюмито, Кюми — и средневековые мусульманские: Кумид, Кумиджи. Но в современных Маю китайских источниках они известны как сакское племя Хюсюнь. В это время комеды занимали наибольшую территорию: всю Горную страну саков, Ущелье комедов, район «подъема от согдианов» и область истоков Яксарта и двух его верхних левых притоков (Ptol., Geogr. 6, 12, 3). Отсюда следует, что комеды тогда населяли Алайскую долину и горы Алайского хребта, Каратегин, а на юге, видимо, Дарваз и области далее вверх по Пянджу, может быть, вплоть до Гиндукуша[4]. Но такое положение существовало только до рубежа нашей эры: с указанного времени в эти места с северо-востока, из Тяньшаня, продвигаются хунны, и уже в I–II вв. н. э. они занимают Алай, судя по их могильникам в районе Дараут-Кургана[5]. Итинерарий Мая хуннов в этих местах не знает. Это еще один аргумент в пользу датировки итинерария временем не позднее рубежа нашей эры.

Итак, анализ данных итинерария Мая Тициана о пути от Бактр до Каменной Башни приводит нас к следующему выводу. Из трех указанных выше интерпретаций этих данных полностью принять нельзя ни один. Но все же ближе всех

[1] Herrmann 1938: 106, 133.
[2] Ibid.: 107, 111.
[3] Markwart 1938: 61–62.
[4] Сводку сведений о комедах см.: Piankov 1996: 41–42.
[5] Бернштам 1952: 193, 204, 207.

к источнику, видимо, первый вариант. Скорее всего, сами торговцы Мая шли по дороге через Каратегин и Алай, но они знали и о пути через Самарканд и Фергану, о пути же через Памир они не знали, хотя это не значит, что такого пути не существовало в их время[1]. Что же касается времени функционирования этих путей, то все данные, как мы видели, согласно указывают на конец I в. до н. э. — рубеж н. э., но не позже.

Следует заметить, что для I–II вв. н. э. имеется немало свидетельств интенсивных контактов Средней Азии с Римом и римскими торговцами. Это и находки римских монет I–II вв. н. э. Это и известия о посещении бактрийцами (обычно вместе с индийцами) — тогда уже несомненно подданными Кушанов — римских владений, судя по указаниям источников, через Египет и египетскую Александрию. Но это свидетельства уже о совсем другом пути — о морском пути в обход парфянских владений.

3. ПУТЬ ОТ КАМЕННОЙ БАШНИ ДО СЕРЫ

F 3

Этот отрезок пути известен главным образом по карте Птолемея. В изложении Марина о нем почти ничего не говорится. Марину достоверно известно лишь, что **по утверждениям торговцев Мая Тициана путь их длился на этом участке семь месяцев** (Ptol., Geogr. 1, 11, 3, 4, 7; 12, 1). Видимо, уже в первоисточнике, то есть в итинерарии Мая Тициана, описание этого отрезка содержало немногим больше простого перечня пунктов на пути, судя по словам Птолемея о том, что **люди, совершившие этот семимесячный путь, не усмотрели в своем путешествии ничего такого, что заслуживало бы описания или упоминания** (Geogr. 1, 11, 7).

---

[1] Этот вывод был сделан мною еще в работе: Пьянков 1985: 130–136. Там же опубликована изложенная здесь реконструкция двух ветвей пути. Из работ, авторы которых специально занимались данной проблемой, остановлюсь на двух, в которых дается оценка изложенного здесь вывода: Шеркова 1991: 23 и Лубо-Лесниченко 1994: 235–236. Т. А. Шеркова, сопоставляя концепцию мою и Е. И. Лубо-Лесниченко, признает, что «реконструкция, предложенная И. В. Пьянковым, представляется достаточно убедительной». Реконструкцию эту она подкрепляет далее археологическим материалом. Е. И. Лубо-Лесниченко соглашается с моей концепцией лишь частично, хотя он и признает, что «предложенная схема позволяет понять чрезвычайно запутанный текст „Географического руководства“ и разрешить несоответствия в расстояниях и координатах, приводимых Марином и Птолемеем. Это объяснение можно считать самой удачной попыткой разрешить научный спор, длившийся почти два столетия». Он соглашается с реконструкцией Северного пути через Самарканд и Фергану, но Каратегинскому варианту предпочитает Памирский через Вахан и Ташкурган, ссылаясь на японского исследователя Сиратори Куракити. Но Е. И. Лубо-Лесниченко не учел одну рецензию на работу Сиратори, где очень основательно и убедительно опровергаются один за другим все аргументы этого ученого, высказанные им в пользу Памирского (Ваханского) варианта: Мандельштам 1959: 234. Ср. одну из последних реконструкций этого же участка Шелкового пути: Lerner 1998: 22.

Единственно, что было отмечено, это то, что **природные условия** (τὸ περιέχον) **на всем протяжении пути одинаковы** (Ptol., Geogr. 1, 12, 2), и что **здесь бывают сильные бури** (χειμῶνας σφοδρούς), **из-за которых часто случаются задержки** (Ptol., Geogr. 1, 11, 5). Последнее замечание прямо повторяется в современных описаниях Кашгарии: весна и осень здесь сопровождаются бурными ветрами, «между Турфанским и Хамийским оазисами ветры весной достигают такой силы, что затрудняют или на некоторое время совсем прерывают движение вьючных животных по караванным тропам»[1].

Данное замечание является частью длинного рассуждения Птолемея о том, что нельзя определять протяженность пути длительностью путешествия по нему (Geogr. 1, 11, 4–7). К тому же, как считает Птолемей, торговцы преднамеренно преувеличивали длительность своих путешествий и трудности на пути, которые они преодолевали (Geogr. 1, 11, 7). Поэтому он и к сообщению о семимесячном пути относится скептически (Geogr. 1, 11, 7). Но приведенный выше пример подтверждения сообщения торговцев о препятствиях на их пути заставляет отнестись к сведениям торговцев Мая с бóльшим доверием.

Основной материал для реконструкции итинерария на данном отрезке пути дает карта. Фактически почти вся Птолемеева карта северо-восточной части ойкумены заполнена данными путеводителей разных ветвей Шелкового пути; разве что антропофаги на крайнем севере и отторокоры на крайнем юге попали на нее из источников другого рода. Правда, нельзя сказать с уверенностью, что все эти данные восходят к итинерарию именно Мая Тициана[2]. Марин, размещая на своей карте материал итинерария, проводил рассматриваемый отрезок пути по параллелям Геллеспонта (41°) и Византия (43°) (Ptol., Geogr. 1, 11, 5). Но на карте Птолемея пункты, относящиеся к итинерарию Мая, выходят далеко за рамки этой узкой полосы. Это прямо согласуется с мнением Птолемея, что Марин не принял во внимание **отклонений от прямой на пути торговцев** (Geogr. 1, 11, 3).

Карта северо-восточной части ойкумены (которую Птолемей называет 8-й картой: Geogr. 8, 24; 30, 22) — это карта ойкумены «по ту сторону [то есть к востоку] от Имая». Имай здесь имеет меридиональное направление, отделяя эту часть ойкумены от всех западнее расположенных земель. При взгляде на названную карту ясно видно, что основу ее составляет схема, которая изображает два горных хребта и протекающую между ними реку. Хребты тянутся, в общем, в широтном направлении: северный — Авзакийский (юго-западная ветвь) и его продолжение — Аннибский, и южный — Касийский; последний простирается на востоке до городов Тогара и Даксата, отделяющих его от горы Отторокора, к востоку от которой находится сам город Сера. Протекающая между хребтами река Ойхард имеет два истока, один из которых вытекает из Касийского хребта у города Исседон Серский, другой — из Авзакийского хребта; река течет на востоке до городов Асмирея и Троана, расположенных к северу от Асмирейского хребта[3].

[1] Калмыкова, Овдиенко 1957: 29.

[2] Пьянков 1986: 15.

[3] См.: Ronca 1971: Tab. 2.

Восстанавливая по этой карте итинерарий, необходимо учитывать, что Птолемей сократил расстояния этой части ойкумены по широте ровно наполовину, поэтому его оригинал — карта Марина предстала здесь в сильно искаженном виде: у Марина она была более вытянутой, многие объекты на ней, видимо, были сжаты Птолемеем по широте и сдвинуты на запад.

Источники. Сведения об этих самых отдаленных на востоке землях агенты Мая Тициана заимствовали, как я уже говорил, в конечном счете из китайского источника. Этот же источник был использован в китайской династийной истории Цяньханьшу, составленной в конце I в. н. э. известным китайским историком Бань Гу, который отредактировал его с позиций своего времени. Источником этим был, как следует из текста самого указанного сочинения, путеводитель по Западному краю, созданный в течение 74–39 гг. до н. э.[1] И действительно, при сопоставлении Птолемеевой карты Заимайской ойкумены с текстом Цяньханьшу, основанным на этом китайском путеводителе, обнаруживается поразительное сходство между ними. И в китайском путеводителе Западный край ограничен на западе меридиональными хребтами Луковых гор, а на севере и на юге другими горами, между которыми протекает река. Южный хребет уходит на восток в область Гиньчен, где соединяется с Южными горами Китая. Река имеет два истока, один из которых вытекает из Южного хребта у Хотана, другой — из Луковых гор на западе. Река течет на восток до Соляного озера, восточнее которого находятся две пограничные крепости на подступах к уже собственно китайскому городу Дуньхуан. От этих крепостей две дороги ведут через Западный край: Южная через город Шаньшань вдоль северной стороны Южных гор до города Согюй и далее на запад, и Северная вдоль реки через место, где пребывает владетель Западного Чешы[2], до города Сулэ и далее на запад.

Подобная картографическая схема, видимо, и была положена агентами Мая Тициана в основу описания своего пути на рассматриваемом участке. Маршрут своего пути они сверяли с этой схемой. Можно заметить, что города в пределах данной схемы указаны лишь в западной части Авзакийских гор, по течению реки Ойхард от Авзакийских гор до Асмирейских, в восточной части Касийских гор и в промежутке между Касийскими горами и Серой. Очевидно, по этим местам и проходил путь торговцев Мая. Часть этих мест, а также мест, о которых торговцы знали лишь понаслышке, они не смогли соотнести с указанной схемой, поэтому и на карте Птолемея эти места остались вне схемы[3].

Близкие античные путеводители. Для изучения данного отрезка пути, описанного Маем Тицианом, многое могли бы дать аналогичные путеводители,

---

[1] Бичурин 1950: 169–172.

[2] Владетель Ближнего Чешы с его подданными в это время был переведен китайцами в область Кюйши на Тариме к юго-западу от Карашара (ок. 68–62 гг. до н. э.): Крюков 1988: 292. Так что северная дорога здесь действительно шла прямо вдоль реки, минуя Карашар и ответвление на север в Чешы.

[3] Другие реконструкции пути торговцев Мая Тициана по данным Птолемеевой карты Заимайской ойкумены см.: Herrmann 1938: 109–110; Lerner 1998: 15, 17, 19–20, 22 (довольно произвольная реконструкция без достаточного согласования данных Птолемея с географическими реалиями). См. также обзор литературы по данной теме: Пьянков 1986: 22–23.

о которых говорилось выше: рассказы современников Птолемея и «Перипл Эритрейского моря». К сожалению, наземная часть пути, от метрополии серов до Бактр, сопоставимая с рассматриваемым здесь отрезком пути итинерария Мая, представлена в них очень скупо. Тем не менее и они могут кое-что дать для реконструкции итинерария Мая.

Но до путешествия агентов Мая Заимайская ойкумена фактически была для Античного мира Terra incognita. Лишь в эллинистическую эпоху, когда границы Античного мира вплотную приблизились к этой части ойкумены, немногие скудные сведения о ней просочились на Запад. Эти сведения связаны с именами Мегасфена и Демодама, а позже — Аполлодора.

Мегасфен, посол Селевка Никатора к индийскому царю Сандрокотту (Чандрагупте) в его столицу Палимботры (Паталипутру) (конец IV в. до н. э.), хорошо знал Индию. Знал он и о пути вверх по Инду, который выводил через «Кавказские горы» в страну «по ту сторону Индии», к северу от нее, в земли дардов и сетов, тухаров и саков[1]. Это самый южный путь в Заимайскую ойкумену, о котором агенты Мая не знали. Но Мегасфену, по-видимому, был известен и тот путь, по которому впоследствии шли агенты Мая, то есть путь от Бактр вверх по Оксу. Это можно заключить из его представлений о том, что бактрийцы и затем скифское племя саков граничат с Индией, от которой скифов отделяет гора Эмод; здесь скифский Эмод еще не отличается от индийского[2].

Но эту ошибку исправил Демодам, полководец Селевка Никатора и Антиоха (начало III в. до н. э.), который установил, что Окс течет с горы Оймод, отличной от индийского хребта Эмод, и около этой горы обитает скифское племя гомодотов. Эти последние были известны и китайцам как сакское племя гюаньду, обитавшее у Луковых гор, в районе Кашгара, к востоку от племени хюсюнь (комедов)[3].

Еще дальше в пределы Заимайской ойкумены углубился в своих известиях Аполлодор, описывая походы греческих царей Бактрии на восток «вплоть до серов и фаунов» (II в. до н. э.). Аполлодор происходил из Артемиты — города, расположенного на основной наземной трассе будущего Великого Шелкового пути. И у Аполлодора путь из Бактрии, видимо, пролегал по тем же двум направлениям: южному, через Каспирию (горные области Северо-Западной Индии) еще в пределах Индии, и затем через Гемодские горы в сторону скифов, и более северному, от саков. В том и другом случае путь к серам и фаунам пролегал через земли тохаров[4]. Следует отметить, что Аполлодор является первым автором, упомянувшим серов в контексте итинерария. Тохары здесь, как и у Мегасфена, помещены еще не в Бактрии, как в итинерарии Мая, а много восточнее.

О дальнейшем расширении географического кругозора Античности в восточном направлении, в направлении Заимайской ойкумены, и свидетельствует итинерарий Мая Тициана. Путь торговых агентов Мая в этой самой отдаленной части ойкумены делится на два этапа в пункте, который в итинерарии был обо-

[1] Пьянков 1987: 261–267.

[2] Пьянков 1997: 52, 254–255; Piankov 1996: 39–40.

[3] Пьянков 1997: 55–57, 254; Piankov 1996: 39–41.

[4] Пьянков 1997: 70–71; Пьянков 1986: 16–18.

значен как город Троана. Такая разделительная роль Троаны хорошо заметна на карте Птолемея[1].

1. Путь от Стоянки торговцев до Троаны. Этот путь прямо от Стоянки торговцев делился на две ветви: Северная дорога и Южная дорога. Эти две ветви, как будет показано далее, тоже хорошо прослеживаются по карте Птолемея.

1а. Каменная Башня и Стоянка торговцев. Две ветви дальнейшего пути. Здесь прежде всего нужно отметить некоторую неопределенность в указаниях итинерария на западный рубеж Заимайской ойкумены. С одной стороны, в пересказе итинерария у Птолемея много раз повторяется упоминание Каменной Башни как основного рубежа между западной и восточной частями пути; к востоку от Каменной Башни путь продолжается до самой Серы. С другой, на карте Птолемея, тоже основанной на итинерарии, видно, что действительным рубежом Заимайской ойкумены была Стоянка торговцев, расположенная прямо на меридиональной ветви Имая[2]. Такая двойственность объясняется раздвоением пути на описанном выше участке от Бактр до Стоянки торговцев с его двумя ветвями и горными «подъемами»: дорогой от Страны согдианов и дорогой по Ущелью комедов. Торговцы Мая Тициана шли последней, южной, ветвью пути и проходили мимо Каменной Башни, которая по каким-то причинам была для них важнейшей вехой. От нее они и измеряли расстояние до Серы. Но соединялись обе ветви восточнее, у Стоянки торговцев. Дорога от Каменной Башни до Стоянки торговцев — это дорога от Дарaут-Кургана до Иркештама, пролегающая по широкой Алайской долине, где **горы расступаются и примыкают к Имаю** (Ptol., Geogr. 1, 12, 8) — в данном случае к хребтам Кашгарии.

Фактически началом пути по Заимайской ойкумене была **Стоянка торговцев** (Ὁρμητήριον), **ведущих торговлю с Серой** (Ptol., Geogr. 6, 13, 1). Уже само определение этого места свидетельствует о принадлежности сведений о нем итинерарию Мая Тициана. Очевидно, здесь находился сборный пункт для всех торговцев, шедших через Среднюю Азию специально для торговли с Китаем. Расположен он был прямо к востоку от Каменной Башни (координаты его: 140°/43°), непосредственно на линии меридиональной ветви Имая, то есть на водоразделе. И то, и другое соответствует Иркештаму, на запад от которого течет среднеазиатская Кызылсу, а на восток — кашгарская[3].

Непосредственно к востоку от Стоянки торговцев лежит область **Касия** (Κασία) (Ptol., Geogr. 6, 15, 3) и высятся **Касийские** (Κασία) **горы** (Ptol., Geogr. 6, 15, 2; 16, 2). Уже давно установлено, что то и другое названия происходят от местного наименования нефрита, qāš, — камня, особо почитавшегося китайцами. Месторождения нефрита отмечены на северных склонах Куньлуня, у Яркенда, Хотана, у озера Лобнор. Очевидно, под Касийскими, то есть Нефритовыми, горами и имелись в виду хребты Куньлуня, а примыкающая к ним с севера страна была известна как Касия, Нефритовая[4].

---

[1] Ronca 1971: Tab. 2.

[2] Ibid.

[3] Обзор различных мнений о местонахождении Стоянки торговцев см.: Lerner 1998: 19.

[4] Herrmann 1919: 2261–2263. О невозможности локализации страны Касия в Сарыколе см.: Мандельштам 1959: 234.

Здесь возникает проблема Кашгара. Собственно, название этого современного города и означает по-ирански «Гора Каш», то есть Касийская гора. Перенос названия страны на ее городской центр — обычное явление в древнеиранской топонимике. Поскольку у Птолемея прямо говорится, что область Касия лежит **близ Стоянки торговцев** (Geogr. 6, 15, 3), примыкая к ней с востока, то этим и объясняется, что исследователи обычно отождествляют Стоянку торговцев с Кашгаром. Но, как мы видели, этого не позволяют делать указания итинерария. На месте же Кашгара мы видим только «область» (χώρα) Касию и никакого города. И это не случайно. Синологи отмечают, что в китайских источниках конца II–I вв. до н. э. Кашгар (Сулэ) тоже не упоминается, хотя китайцы тогда проходили по местам, где находится Кашгар[1]. Первые упоминания о Сулэ относятся к началу I в. н. э., а активную роль этот город начинает играть лишь с конца I в. н. э., и с этого же времени появляются частые упоминания о нем в китайских источниках. Кашгар тогда еще не носит названия страны, в которой находится: китайское «Сулэ» передает иранское «*Šarak» , что значит примерно «Шелковый лагерь»[2]. Следовательно, Кашгар тогда рассматривался еще не как главный город Кашгарии, Страны нефрита, но как важный пункт на Шелковом пути. Эта роль Кашгара, как и само его возникновение в качестве значительного торгового центра, надо думать, обязано совершившемуся к тому времени, к началу I в. н. э., перемещению основной трассы Шелкового пути на этом участке из Алайской долины в Фергану, откуда в Кашгар шли, как и позже, через перевал Торугарт. А вместе с ней переместилась и «Стоянка торговцев» из Иркештама в Кашгар. И здесь мы опять приходим к выводу, что итинерарий Мая Тициана отражает обстановку не позже рубежа нашей эры.

Достигнув области Касия в районе будущего Кашгара, агенты Мая Тициана оказались перед выбором: по какой из двух дорог им следовать далее, Северной или Южной? Судя по уже указанному выше признаку, демонстрируемому картой Птолемея, они выбрали Северную.

1b. Северная дорога на карте Птолемея хорошо прослеживается по последовательному ряду пунктов от области Касия до города Троана. В основе этого участка карты явно лежит итинерарий, в котором описание пути ориентируется сначала на западную часть Авзакийских гор, а затем на течение реки Ойхард. Соответственно на карте **Авзакийские** (Αὐζάκια) **горы** (Geogr. 6, 15, 2; 16, 2), как вначале и дорога, направлены на северо-восток, а **река Ойхард** (Οἰχάρδης) (Geogr. 6, 15, 2; 16, 3), как и дорога вдоль нее, имеет в основном широтное направление. А в самом итинерарии проглядывает упомянутый выше китайский путеводитель, описывавший дорогу от Дуньхуана вдоль безымянной реки и Северного хребта до Сулэ. Похоже, что торговцы сверяли свой путь с китайским путеводителем. В горах, вдоль южных склонов которых они шли, названных ими Авзакийскими, они безошибочно признали Северный хребет китайской карты, а в реке Ойхард, текущей на восток, безымянную реку той же карты. Авзакийские горы — это хребты Тяньшаня, и прежде всего хребет Кокшаалтау, вдоль под-

[1] Крюков 1988: 279.
[2] Markwart 1938: 68.

ножий которого идет дорога в северо-восточном направлении от Кашгара до Аксу. А река Ойхард, соответствующая безымянной реке, текущей в Соляное озеро, — несомненно, река Тарим. Название народа **ойхарды** (Οἰχάρδαι), помещенного Птолемеем к югу от одноименной реки (Geogr. 6, 16, 4), является, скорее всего, собирательным названием для населения бассейна Тарима. Основные пункты, через которые прошли торговцы, следуя по Северной дороге: Исседон Скифский, Дамна, Пиала, Асмирея, Троана.

Прежде всего торговцы прибыли в город, который Марин и Птолемей назвали **Исседоном Скифским** (Ἰσσηδὼν Σκυθική) (Geogr. 6, 15, 4; 8, 24, 3). На карте он помещен у юго-западного края Авзакийских гор. Видимо, он соответствует небольшому городку Маралбаши у южных предгорий хребта Кокшаалтау — первому на этом пути селению, где ныне обнаружены древние памятники. Но раньше его отождествляли чаще всего с Кучей[1], исходя, очевидно, из некоторого звукового сходства названий (Skythikē — Куча). Однако это никак не согласуется с картой Птолемея.

Далее торговцы шли в том же направлении, переправлялись через **северо-западный исток Ойхарда,** текущий с Авзакийских гор (Geogr. 6, 15, 2), и попадали в город **Дамна** (Δάμνα) у подножия тех же гор (Geogr. 6, 16, 6). Этим городом может быть только современный Аксу, расположенный по ту сторону реки Аксу — северо-западного притока Тарима и на современной дороге из Кашгара. В китайских династийных историях он именуется Гумо (не Вэньсу)[2]. Помещенный рядом, в районе Авзакийских гор, этникон **«дамны»** (Δάμναι) (Geogr. 6, 16, 4) свидетельствует, что город Дамна был центром отдельного княжества.

В стороне от Дамны, далеко к западу, показан на карте город **Авзакия** (Αὐζακία) в области **Авзакитида** (Αὐζακίτις) (Geogr. 6, 15, 3–4; 8, 24, 4). На современной карте этот город соответствует городу Уш (Уч-Турфан), расположенному в долине реки Кокшаал, притока реки Аксу[3]. Долина эта глубоко врезается на западе в горную страну Кокшаалтау. Часто встречающееся отождествление Авзакии с Аксу, основанное на внешнем звуковом сходстве, несомненно, ошибочно. В китайских династийных историях городу Уш (Уч-Турфан) соответствует город Вэньсу. А показанные на карте **скифы-гиппофаги** (Ἱπποφάγοι Σκύθαι — скифы-конееды) к северу от Авзакитиды (Geogr. 6, 15, 3) соответствуют кочевому народу усунь с его городом Чигу (в районе Иссыккуля), обитавшему к северу от Вэньсу. Важно отметить, что княжество Вэньсу прекратило свое самостоятельное существование в период 7–15 гг. н. э., будучи захвачено правителем Гумо[4]. Следовательно, торговцы узнали об Авзакитиде как отдельном образовании до этого времени. Но сами торговцы вряд ли бывали в ее столице Авзакии, расположенной в стороне от дороги. Скорее всего, они узнали об этом городе по слухам.

[1] Tomaschek 1889: 738; Herrmann 1938: 118, 126, 133.
[2] Крюков 1988: 242.
[3] Altheim 1948: 91.
[4] Бичурин 1950: 198–199.

Интересно, что город Авзакия на карте Птолемея оторван от Авзакийских гор и помещен между этими последними и Имаем, даже ближе к Имаю. Чем это объяснить? Авзакийские горы торговцы видели сами, это объект их личных наблюдений. На китайской же карте Вэньсу (Авзакия) вместе с Гумо должно было находиться у Луковых гор, где-то у их северного конца[1], то есть на стыке их с Северными хребтами. А меридиональные Луковые горы, естественно, должны были соответствовать меридиональному Имаю Птолемеевой карты. Поэтому Марин, автор оригинала этой карты, пошел на компромисс, поместив Авзакию между Авзакийскими (преимущественно северными, широтными) горами и меридиональным Имаем.

Следующим после Дамны крупным селением на пути торговцев был город **Пиала** (Πιάλα, другое чтение: Πιάδα) у реки Ойхард (Geogr. 6, 16, 6). Я считаю, что под этим именем скрывается знаменитый город, позже известный как Куча, расположенный в системе притоков Тарима, текущих с хребтов Тяньшаня. В древности этот большой город состоял из нескольких селений, главное из которых около рубежа нашей эры находилось на месте городища Пилан близ современной Кучи[2]. Там же, у реки Ойхард, обитало и племя **пиалы** (Πιάλαι) (Geogr. 6, 16, 4). В китайских источниках ему соответствует город и княжество Гуйцы со столицей Янь (городище Пилан), игравший значительную роль в истории края этого времени. Судя по письменным памятникам, дошедшим из этих мест (но созданных, правда, позже, в V–VIII вв. н. э.), пиалы были народом, говорившим на индоевропейском языке, получившем условное название «тохарский».

Около Пиалы, согласно карте Птолемея, в Ойхард вливается его **южный исток**, берущий начало в Касийских горах несколько западнее города Исседон Серский (Geogr. 6, 16, 3). Соответственно на китайской карте, как уже говорилось, южный исток безымянной реки берет начало в Южном хребте у Хотана, но где он вливается в реку — не сообщается. В средние века два пути вели через пустыню Такла-Макан вдоль пересыхающих притоков Тарима: один — от Хотана в Аксу, другой — от Керии в Кучу. Возможно, что торговцы Мая Тициана перепутали эти два пути через пустыню, проходившие близко друг к другу. Прибыв в Пиалу (Кучу) они приняли кончавшийся здесь путь из Керии за путь из Хотана вдоль Хотандарьи китайской карты. Видимо, сами торговцы о Хотане ничего не знали, хотя правильно указали местонахождение своего Исседона Серского (Керии?) немного северо-восточнее истока южного притока (Хотандарьи) Ойхарда (162°/45° и 160°/49°30′ соответственно).

Впрочем, не вполне ясно и то, что представлял собой сам город **Исседон Серский** (Ἰσσηδὼν Σηρική) (Geogr. 6, 16, 7; 8, 24, 5). Возможно, что торговцы Мая Тициана в Куче, сопоставляя свои сведения с китайской картой, признали в нем Хотан, но в действительности это был другой город. У начала того пути через пустыню, который кончался в Куче, находилась Керия. Во времена китайских династийных историй этот город назывался Жунлу[3]. Обычно он входил

[1] Бичурин 1953: 22, 45.
[2] Крюков 1988: 281–284.
[3] Крюков 1988: 242.

в сферу влияния соседнего Хотана и тем легче мог быть принят за сам Хотан. Лишь в середине I в. н. э. он вошел в состав государства Шаньшань. Отождествление же А. Германом Исседона Серского со столичным городом этого государства, расположенного у озера Лобнор, на том основании, что тибетское название столицы Шаньшани, Rtse-thon, будто бы и навело Марина на мысль связать его с исседонами[1], — выглядит очень натянуто и не принимает во внимание указаний карты Птолемея.

Еще один пункт, который был отмечен в итинерарии далее в том же направлении — это город **Асмирея** (Ἀσμιραία) у реки Ойхард (Geogr. 6, 16, 6). Он лежит в одноименной области, к югу от которой простираются Асмирейские горы, а к северу обитают племена гаринеев и раббанов (Ptol. 6, 16, 5). Я думаю, что наиболее вероятным китайским соответствием для Асмиреи является царство Шаньшань, или Лоулань (Крорайна), не менее знаменитое, чем Куча. Только городом Асмирея был не столичный город Шаньшани, а современный оазис Миран. Столица Шаньшани находилась у северных берегов озера Лобнор, далеко от маршрута торговцев Мая Тициана, а Миран — к югу от Лобнора, прямо на кратчайшем пути из Кучи в Китай. В Миране во второй половине I в. до н. э. процветала китайская военная колония Исюнь, сохранявшая связи с метрополией вплоть до последних лет этого века[2]. Понятно, что для торговцев, стремившихся установить прочные торговые отношения с Китаем, этот пункт был особенно важен. По нему они и назвали всю область Шаньшани. Хотя самого озера Лобнор на карте Птолемея нет, устье Ойхарда (Тарима) правильно указано на ней в Асмирейской области (Geogr. 6, 16, 3), то есть в Шаньшани.

То же самое можно сказать и по поводу неупоминания в итинерарии Мая озера Лобнор, находившегося в стороне от пути торговцев. Для А. Геррмана было загадкой, почему Соляное озеро китайского путеводителя, в которое должен впадать хорошо известный греческому итинерарию Ойхард, тем не менее в итинерарии не упомянуто. Он прибегает к довольно натянутому объяснению, предлагая читать вместо этнонима «ойхарды» нигде не встречающееся более название «Ойхардское озеро» (Ὀιχάρδαι λίμναι).[3] Однако описание Лобнора у Птолемея имеется. Это приведенное выше описание странного озера на пути идущих из метрополии серов в Бактриану через Каменную Башню: через это болотистое озеро переправляются прямо по густому и высокому тростнику (Geogr. 1, 17, 4). Ясно, что здесь мы имеем дело с феноменом периодически мелеющего и исчезающего, «странствующего» озера-болота Лобнор. Но относится это описание к итинерариям значительно более поздним, более близким ко времени Птолемея.

Асмирейские (Ἀσμιραῖα) **горы** (Geogr. 6, 16, 2) на юге Асмирейской области — это хребты Куньлуня к югу от Лобнора и пустыни Такла-Макан. Здесь зона влияния Шаньшани на оазисы вдоль северных склонов Куньлуня прости-

[1] Herrmann 1938: 121, 126, 131, 141.
[2] Крюков 1988: 269.
[3] Herrmann 1937: 2101.

ралась на запад вплоть до Нии — ближайшего соседа Керии с востока[1]. Торговые агенты Мая узнали об этом, прибыв в Асмирею (оазис Мирана). Но в ближайших к Асмирее хребтах Куньлуня они не признали те Касийские горы, которые видели в начале пути в Касии — в области Кашгара. Так появились на карте Птолемея отдельные от Касийских гор горы Асмирейские.

Гаринеи (Γαριναῖοι) и **раббанеи** (Ῥαββαναῖοι) к северу от Асмирейской области на карте Птолемея (Geogr. 6, 16, 5) — тоже элемент итинерария, взятый из информации торговцев Мая. Поэтому он, как и другие части итинерария, должен указывать на какие-то конкретные направления путей, но не быть фрагментом общего географического описания, скажем степей Монголии к северу от Гоби[2]. Какие же пути здесь имеются в виду? Прямо на север от Мирана путь вел через невысокий горный хребет Куруктаг в оазис Турфана. Название племени «гаринеи» по-ирански означает «горцы». В «Истории Старшей династии Хань» (Цяньханьшу) упоминается небольшое владение Шаньго, то есть «Горное владение», расположенное между Шаньшанью и Карашаром, — а это точно хребет Куруктаг — население которого живет в горах и добывает там железо[3]. Месторождения железа действительно имеются в этих местах. А в раббанеях есть основание видеть население Турфана[4], который китайцы называли Ближним Чешы и имели с ним в I в. до н. э. тесные сношения. Через него, как мы знаем, вел свой путь и китайский путеводитель (тоже по Цяньханьшу). Разумеется, никакой «монгольской расы», как иногда полагают, в этих местах в те времена не могло быть. Наукой давно установлено, что Турфан в древности был населен европеоидным народом, говорившим, как и в Куче, на индоевропейском языке, условно называемом «тохарским».

К востоку от Асмиреи итинерарий помещает город **Троану** (Θροάνα) (Geogr. 6, 16, 6) и народ **троанов** (Θρόανοι) (Geogr. 6, 16, 5). Местонахождение Троаны давно и точно установлено благодаря согдийским документам (IV–X вв. н. э.), которые называют этим именем (Droan) китайский город Дуньхуан. На карте Птолемемея Троана показана тоже у реки Ойхард, у западного ее конца. Видимо, здесь за восточное продолжение Ойхарда принята река Дуньхуана Сулэхэ, в древности, возможно, впадавшая в Лобнор с востока и как бы продолжавшая широтную линию Тарима на востоке.

Троаной кончался итинерарий северной дороги Заимайской ойкумены. Судя по карте Птолемея, этот итинерарий структурно представлял собой некую самостоятельную часть итинерария Мая Тициана. Не случайна и пограничная роль Троаны. Троана-Дуньхуан с двумя пограничными крепостями на подступах к ней с запада — первый собственно китайский город на пути торговцев Мая Тициана. Этот город был основан в 111 г. до н. э., когда область Хэси (западная часть провинции Ганьсу, к западу от Хуанхэ) в конце II в. до н. э. отошла от хуннов к китайцам. Хотя сама дорога, описанная в данном итинерарии, кончалась в Троане, в итинерарии упоминались, видимо, и другие географические объекты, распо-

[1] Крюков 1988: 265–270.

[2] Как полагает, например: Kiessling 1910: 755; Kiessling 1914: 11.

[3] Бичурин 1950: 206.

[4] Таронян 2007: 548.

ложенные далее уже за пределами этой дороги, но входившие в ее описание в первичной информации агентов. Это Аннибские и Тагурские горы и связанные с ними объекты. На карте Птолемея они, естественно, фигурируют отдельно от географических объектов, упоминаемых в других частях итинерария Мая Тициана, — объектов, реально тех же самых, но выступающих под другими именами. К тому же, как говорилось, на карте Птолемея они сильно сдвинуты на запад вследствие существенного укорочения Птолемеем пути торговцев Мая Тициана в Заимайской ойкумене в широтном направлении.

Аннибские (Ἄννιβα) **горы** (Geogr. 6, 16, 2) — это восточные части китайского Тяньшаня. Торговцы Мая услышали о них лишь где-то на последних этапах своего пути к Дуньхуану и не могли связать их с Авзакийскими горами, от которых они начали путь по Заимайскому краю. Но они знали, как мы видели, о связи Аннибских гор с гаринеями и раббанами (Geogr. 6, 16, 5), знали также, что к северу от Аннибских гор живут **аннибы** (Ἄννιβοι) (Geogr. 6, 16, 4). Если гаринеи и раббаны — это Шаньго и Ближнее Чешы китайской карты, то есть Турфан к югу от тяньшаньского хребта Богдошань, то аннибы к северу от хребта, очевидно, должны быть Дальним Чешы в районе Гучэна к северу от Богдошаня.

К югу от Аннибских гор и вплоть до Авзакийских помещены также **сизиги** (Σίζυγες) (Geogr. 6, 16, 4). Это племя А. Герман почему-то отождествляет с племенем хюсюнь (Hiu-sün) китайских источников, обитавшим в Алайской долине[1]. Но название «сизиги» (Sizyges) довольно точно передает кит. «Си-жун» (Sižung), то есть «западные жуны». Основным центром западных жунов был тогда оазис Хами. От него шла дорога на запад через Турфан и далее, соединяясь с дорогой на Кучу и Аксу: отсюда, видимо, и представление о соединении сизигов с Авзакийскими горами. Китайцы освоили эту дорогу в самом начале I в. н. э.[2], и в итинерарии Мая Тициана, видимо, уже содержался первый намек на нее, хотя еще и не как на главную дорогу.

Тагурский (Θάγουρον) **хребет** (Geogr. 6, 16, 2) — это хребет Наньшань, юго-восточное продолжение Куньлуня. Торговцы Мая слышали о нем, скорее всего, в Троане, как о направленном на юго-восток хребте, вдоль которого шел дальнейший путь к столице серов. Но на карте Птолемея он оказался скорее к юго-западу, чем к юго-востоку от Троаны. **Тагуры** (Θάγουροι), обитающие к востоку от Тагурского хребта (Geogr. 6, 16, 5), — это, как давно уже признано, тохары (кит. Юечжи), упомянутые здесь под их тибетизированным именем. Это тохары, оставшиеся на прежних местах после того, как основная их часть (кит. Большой Юечжи) под давлением хуннов ушла на запад (начало II в. н. э.). Оставшиеся тохары (кит. Малый Юечжи) еще долго обитали вдоль северо-восточных склонов Наньшаня, смешавшись там с местными тибетцами. Они и упомянуты на карте Птолемея как тагуры.

1с. Южная дорога на карте Птолемея, в противоположность Северной, практически вообще не прослеживается. Торговые агенты Мая Тициана, оказавшись в области Касия, наверное, видели уходящие на юг цепи Касийских гор, но ни-

[1] Herrmann 1938: 132, 144, 147.

[2] Бичурин 1950: 209–210; Крюков 1988: 292.

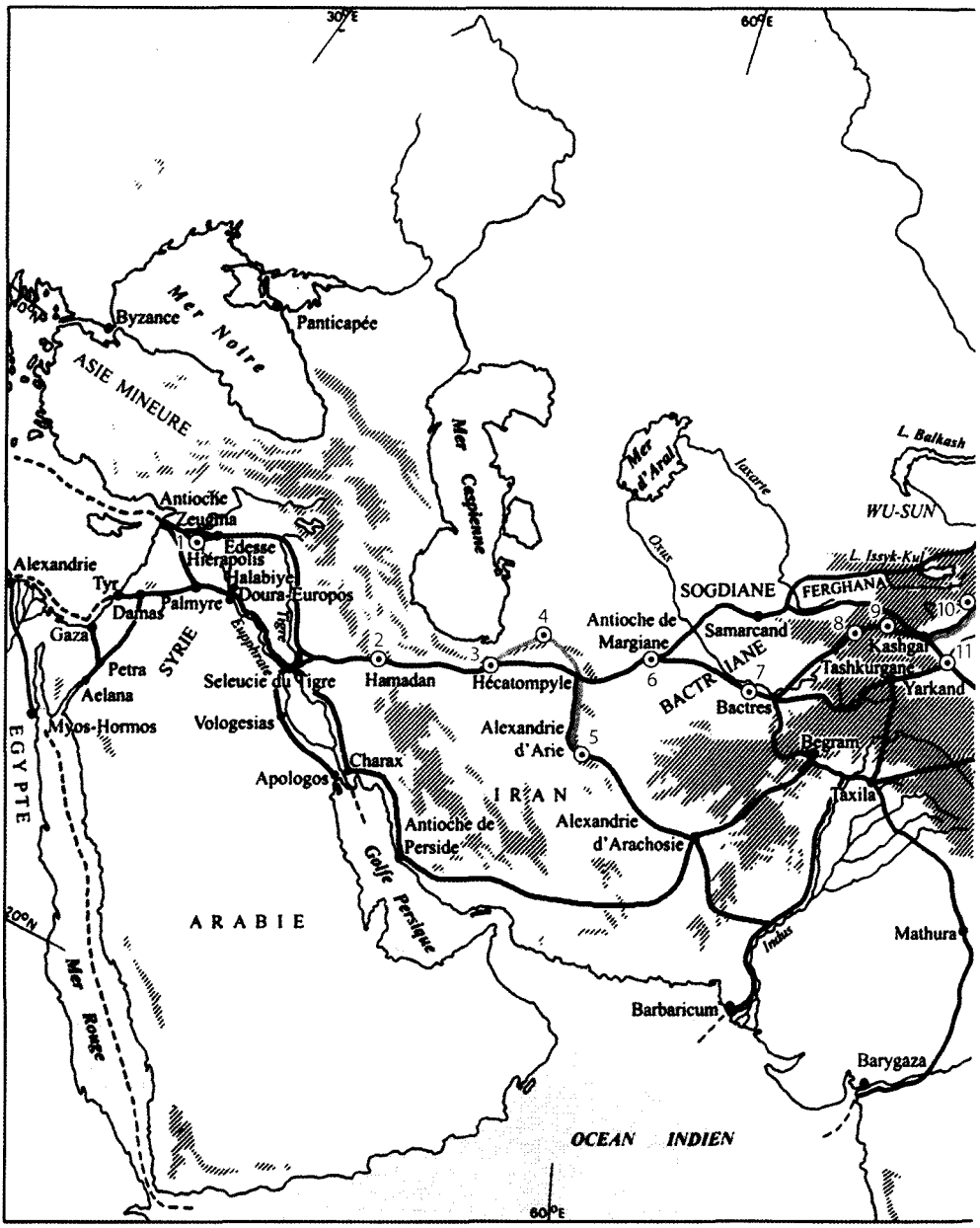
какого ясного представления ни о них, ни об идущей вдоль их северных склонов дороге, не имели. В китайском путеводителе конечный на западе пункт этой дороги в пределах Заимайского края был указан в городе Согюй, далеко к югу от области Касия.

На всем протяжении Южной дороги, проходившей вдоль северных склонов Касийских гор (Куньлуня) до соединения с Северной в районе города Асмирея (Миран, где действительно соединяются оба пути), торговцы Мая достоверно узнали лишь об одном пункте — о городе Исседон Серский. Узнали о нем потому, что от него протекал через пустыню один из двух главных истоков Ойхарда (Тарима), впадая в эту реку у города Пиала (Куча), через который торговцы проходили. Область Шаньшань (Асмирейская область) является местом расхождения двух ветвей пути от Дуньхуана и в китайском путеводителе: с этой области он начинает описание Южной дороги, но поскольку первым пунктом при описании Северной дороги он называет местопребывание западночешыского владетеля (то есть город Кюйли на Тариме), то, видимо, он подразумевал, что эта Северная ветвь дороги от Дуньхуана должна была отходить в том же месте.

Город Исседон Серский, как и город Исседон Скифский, связан с народом **исседонов** (Ἰσσηδόνες). Исседоны охарактеризованы Птолемеем как «большой (многочисленный) народ» (μέγα ἔθνος) (Geogr. 6, 16, 5). И действительно, судя по карте Птолемея, он занимает огромную территорию: к югу от Асмирейских гор вплоть до Касийских, на запад от троанов, на север от аспакаров и баутов (Geogr. 6, 16, 5), а их города указывают на пространство от Касийских гор до Авзакийских, откуда следует, что исседоны причастны не только к Южному пути, но и к началу Северного. Переведя эти данные на современную карту, получим, что исседоны обитали в следующих местах. Во-первых, в горах Куньлуня, точнее, Алтынтага, к югу от подгорной полосы, которая входила в Асмирейскую область (то есть находилась под властью Шаньшани), а может быть, простиралась и еще шире — от Дуньхуана, то есть троанов, на востоке до Керии и Хотана, то есть области Исседона Серского, на западе. Во-вторых, в горах Западного Куньлуня, то есть в Касийских горах уже в поле зрения торговцев Мая, начинавших свой путь в Касийской области, в области Кашгара. Отдельный островок исседонов, судя по Исседону Скифскому, находился и за Кашгаром, у южных склонов тяньшанского хребта Кокшаалтау.

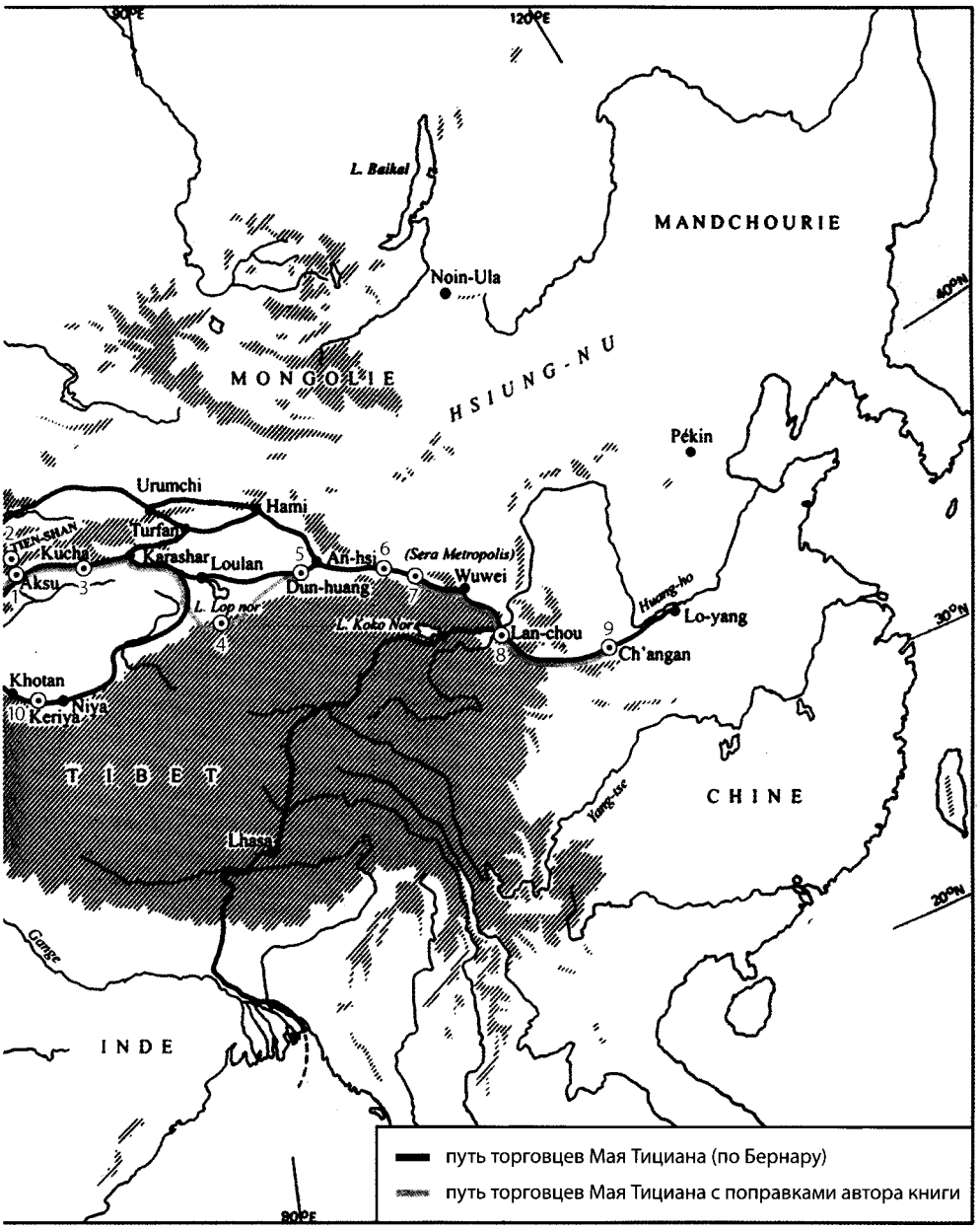
Какой народ скрывается под названием «исседоны»? При сопоставлении с соответствующими китайскими материалами искомый народ установить несложно. Это кяны (цяны) и жуны — горные и равнинные прототибетцы. Первое владение, которое упомянуто в династийной истории Цяньханьшу как расположенное в горах сразу же к западу от пограничной крепости Дуньхуана, — Жокян, и далее это племя отмечено как южный сосед почти всех оазисов вдоль северных склонов Куньлуня и Алтынтага, включая Хотан на западе, а к западу от Хотана отдельно отмечено четыре горных владения кянов в Западном Куньлуне и Восточном Памире вплоть до Кашгара[1]. О жунах свидетельствует название оазиса Керия, то есть Исседона Серского, в том же источнике как Жунлу, но тибетцы,

[1] Piankov 1996: 43.

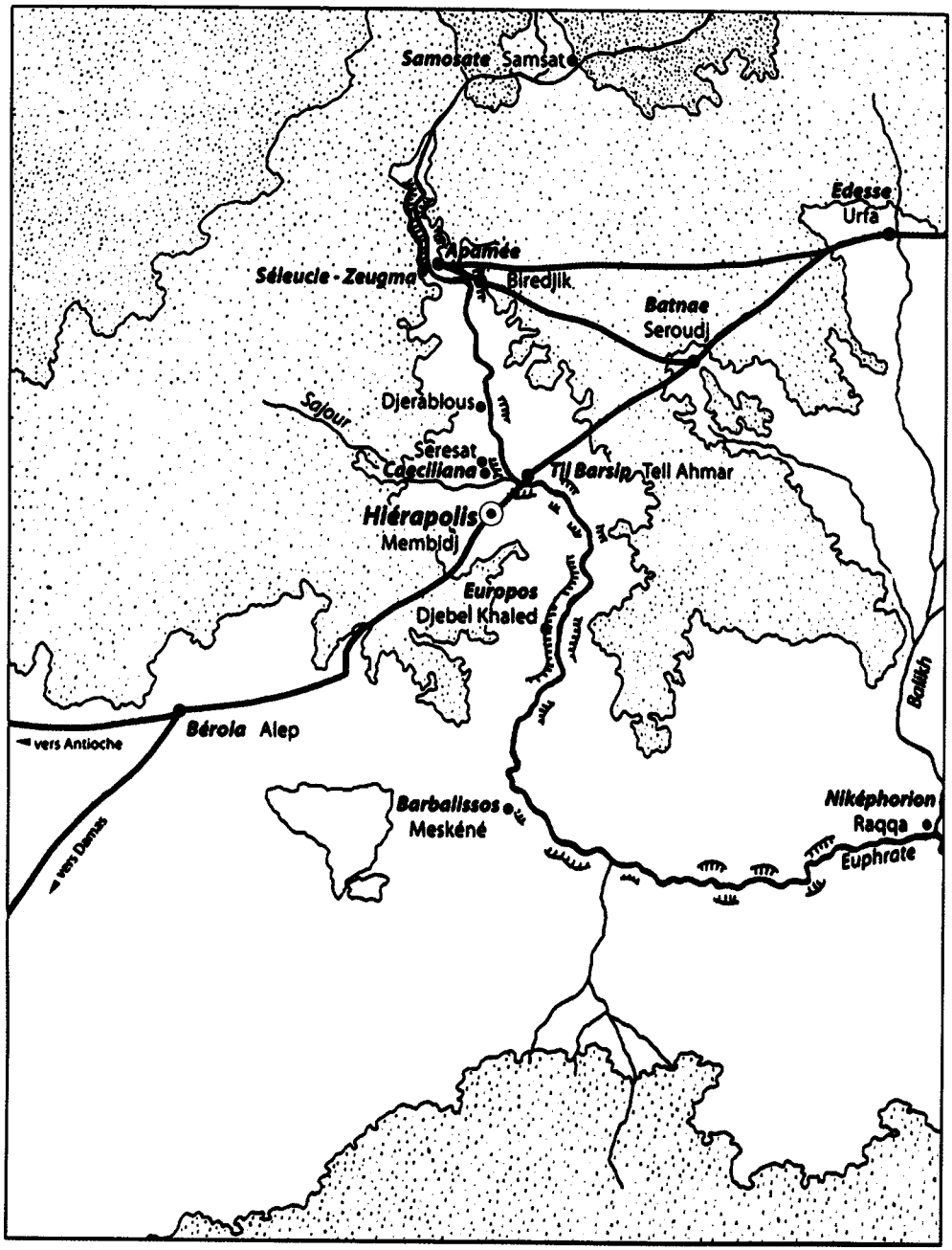

Карта1. Великий Шелковый путь

1. Гиераполь
2. Экбатаны
3. Гекатомпил
4. Гиркания
5. Ария
6. Антиохия в Маргиане
7. Бактры
8. Каменная Башня
9. Стоянка торговцев
10. Исседон Скифский
11. Соига

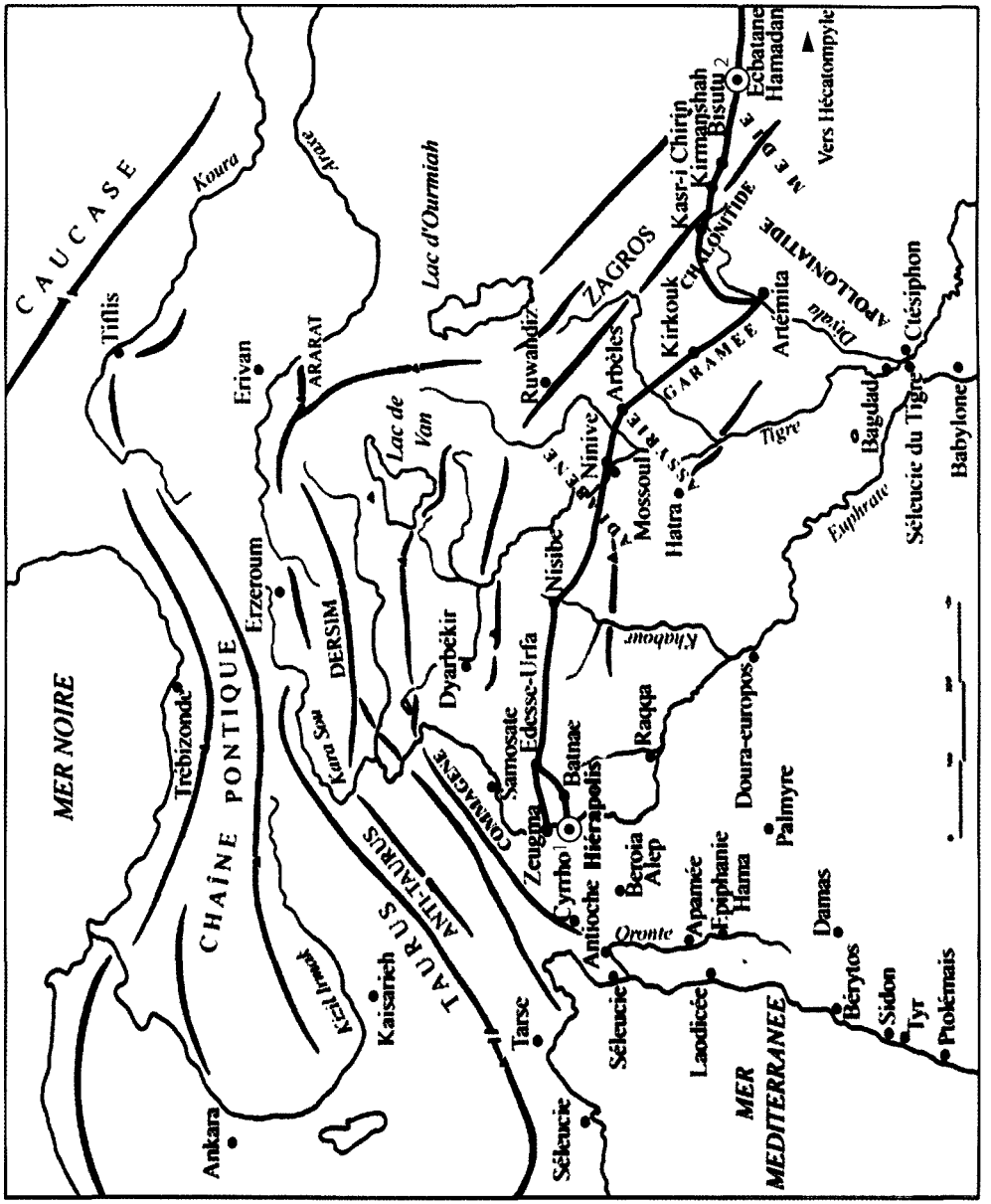

1. Дамна
2. Авказия
3. Пиала
4. Асмирея
5. Троана
6. Дросаха
7. тогара
8. Даксата
9. Сера
10. Исседон Серский

Карта2. Начало Великого Шелкового пути

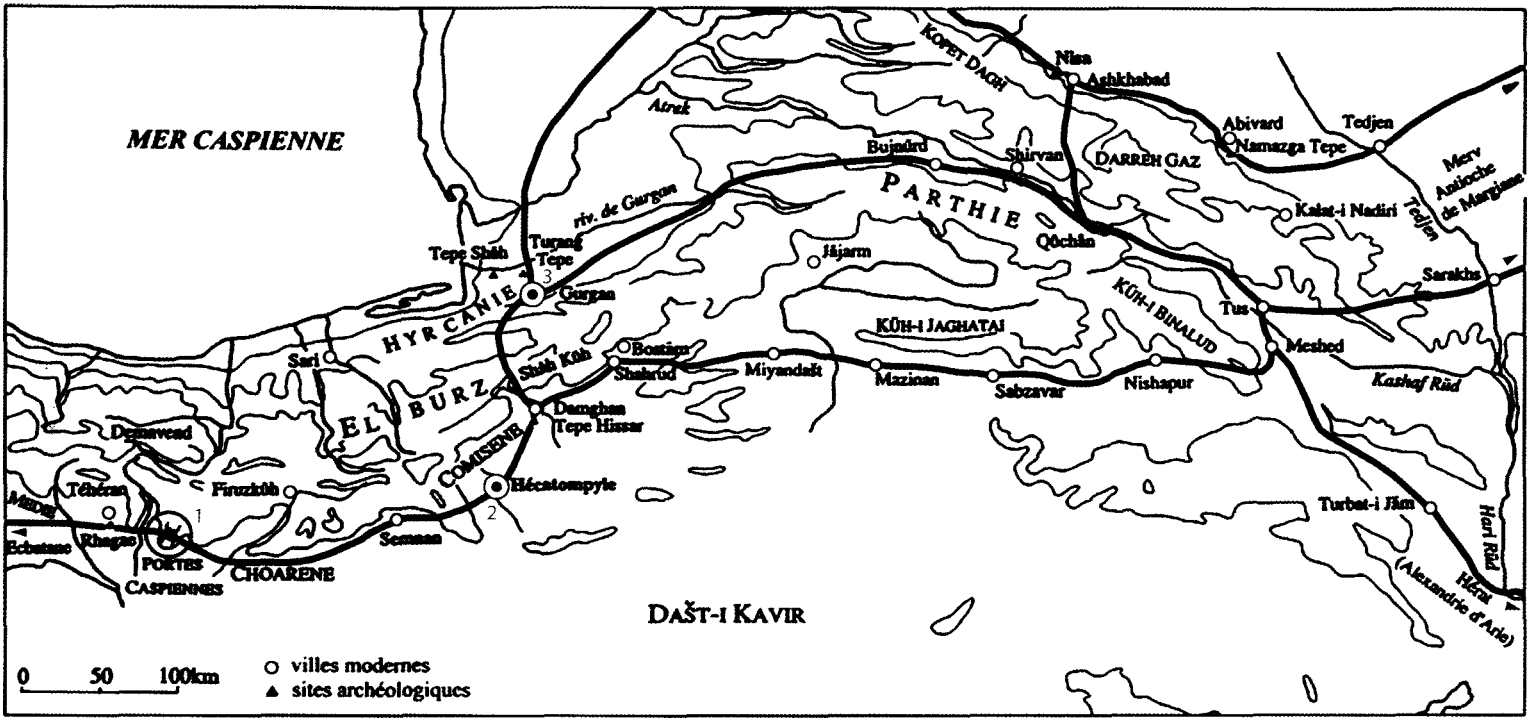
◉ Гиераполь

Карта3. Путь между Гиераполем и Экбатанами

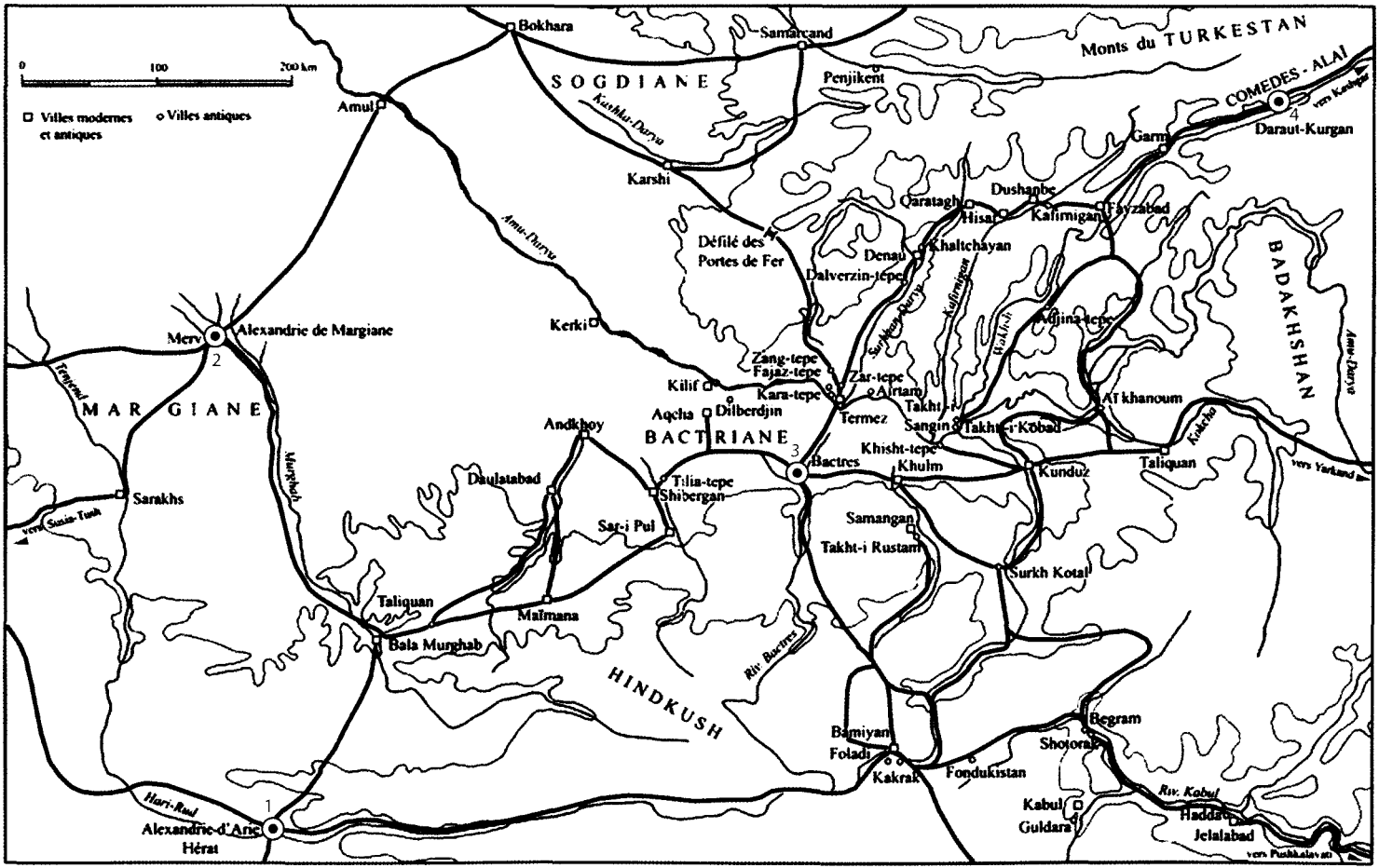
Гиераполь

Экбатаны

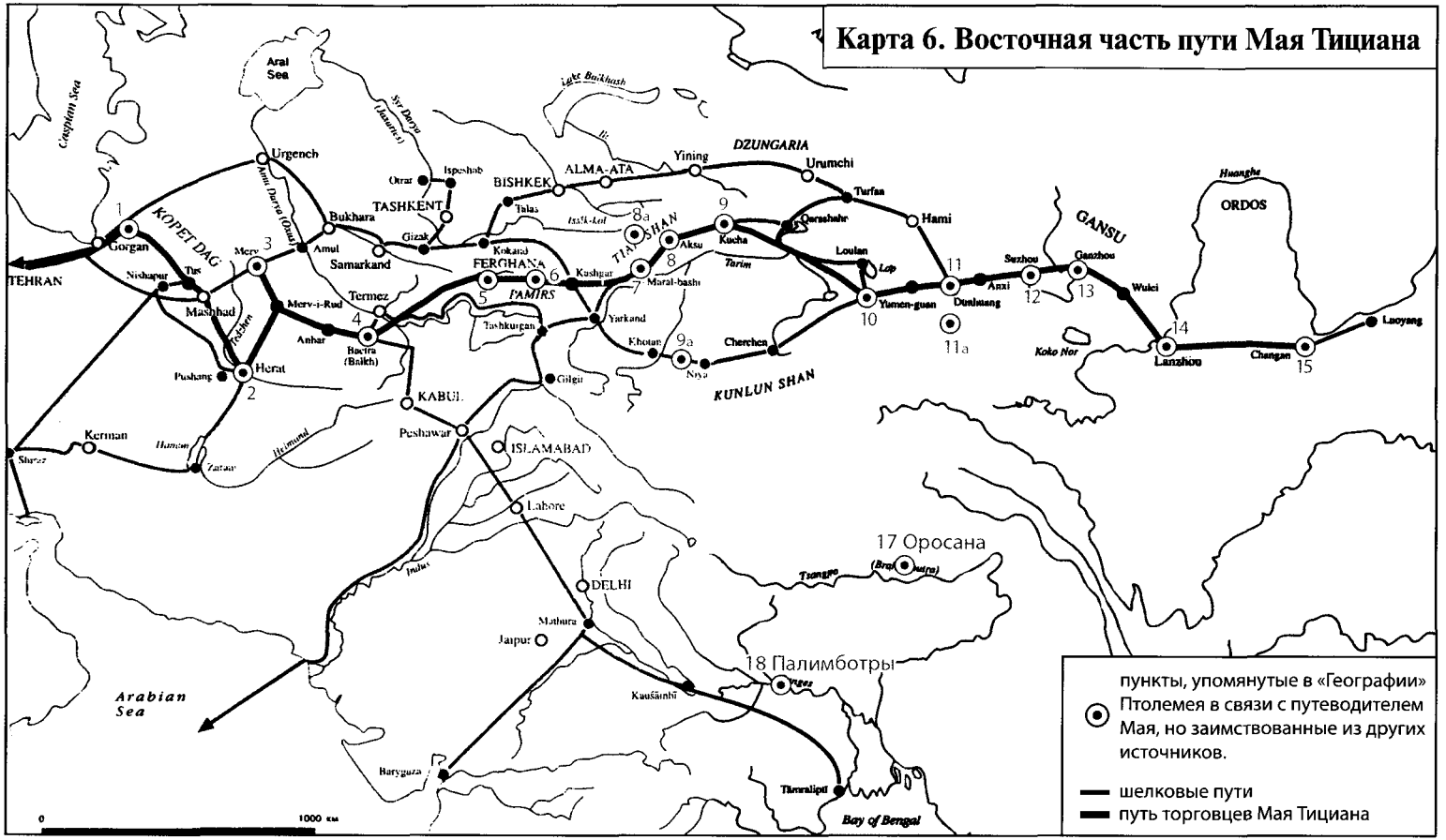
Карта 4. Путь через Парфию и Гирканию

1. Каспийские Ворота
2. Гекатомпил
3. Гиркания

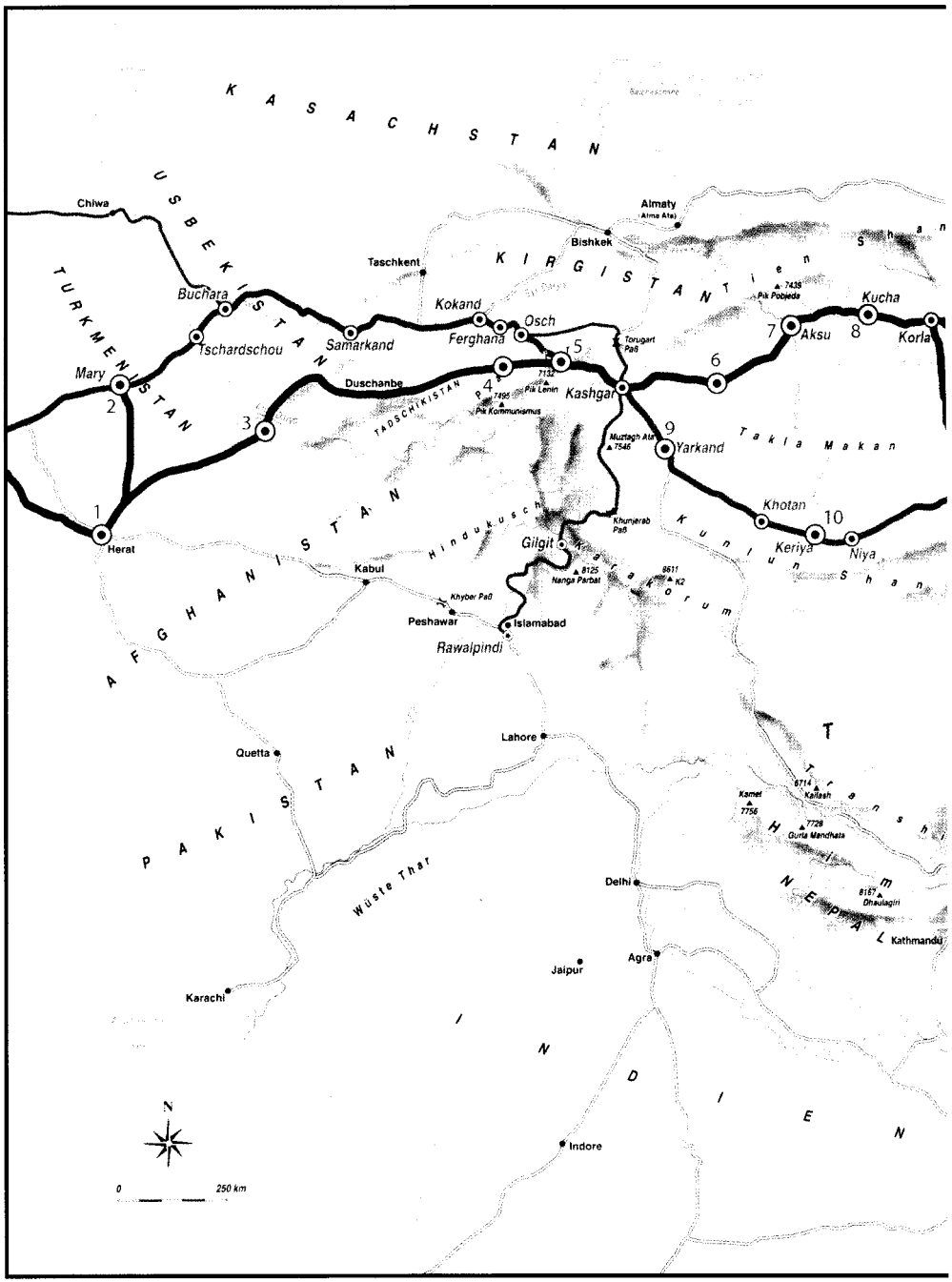

Карта 5. Путь через Бактрию и Страну саков

1. Ария
2. Антиохия в Маргиане
3. бактры
4. Каменная Башня

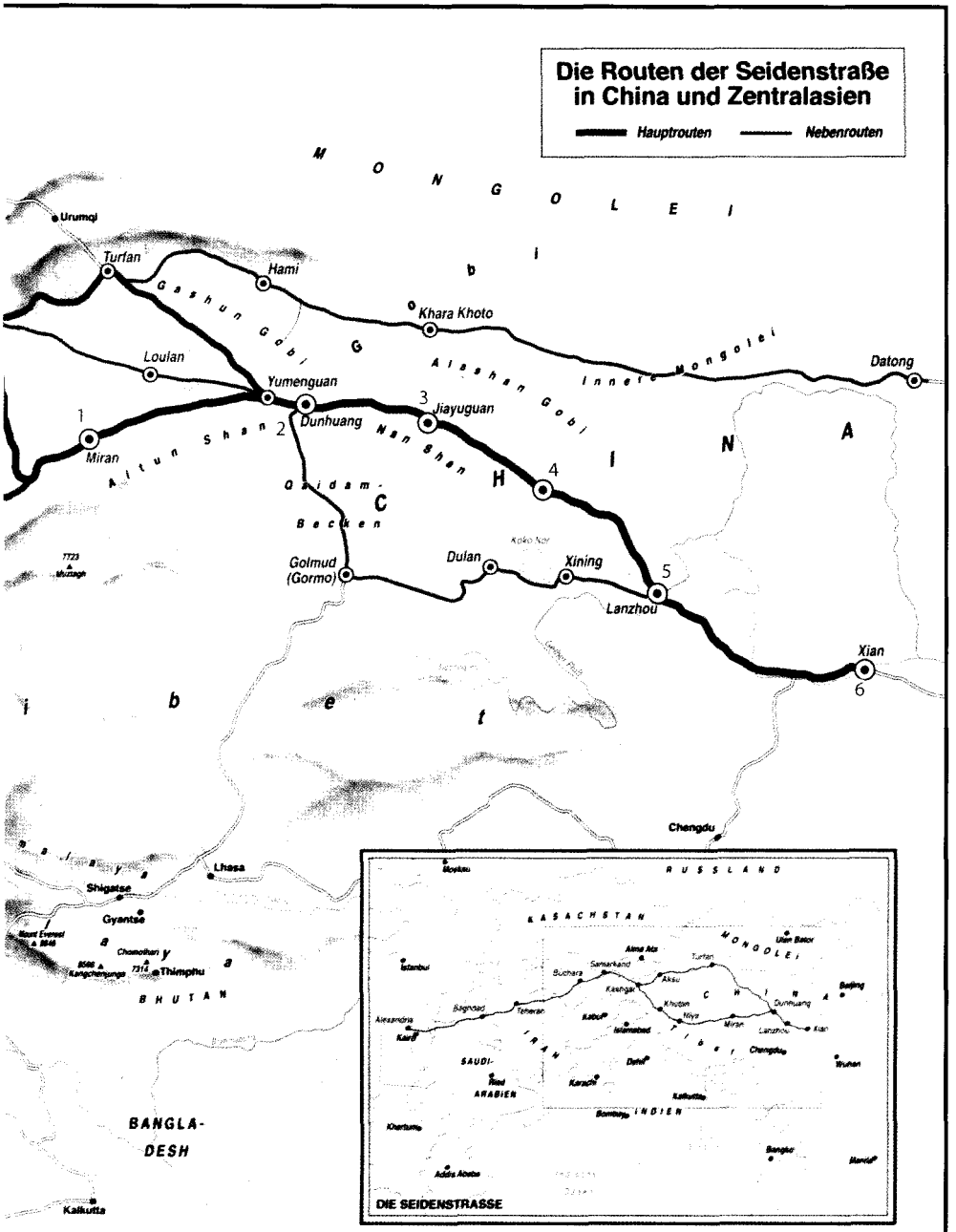

1. Гиркания
2. Ария
3. Антиохия в Маргиане
4. Бактры
5. Каменная Башня
6. Стоянка торговцев
7. Исседон Скифский
8. Дамна
8а. Авзакия
9. Пиала
9а. Исседон Серский
10. Асмирея
11. Троана
11а. Аспакара
12. Дросаха
13. Тогара
14. Даксата
15. Сера
16. Соига

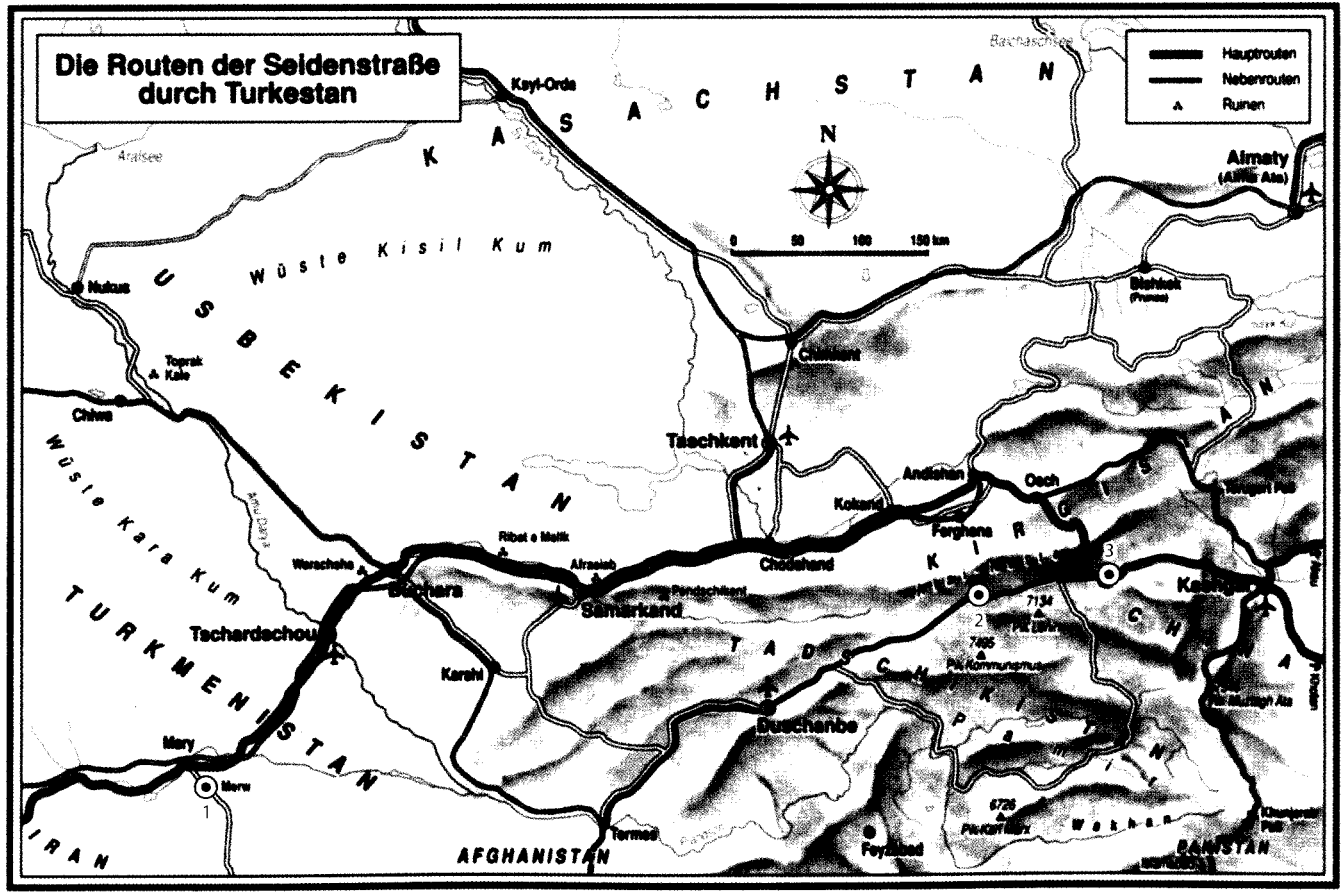

Карта 7. Пути через горы Имай в Серику

1. Ария
2. Антиохия в маргиане
3. Бактры
4. Каменная Башня
5. Стоянка торговцев
6. Исседон Скифский
7. Дамна
8. Пиала
9. Соига
10. Исседон Серский

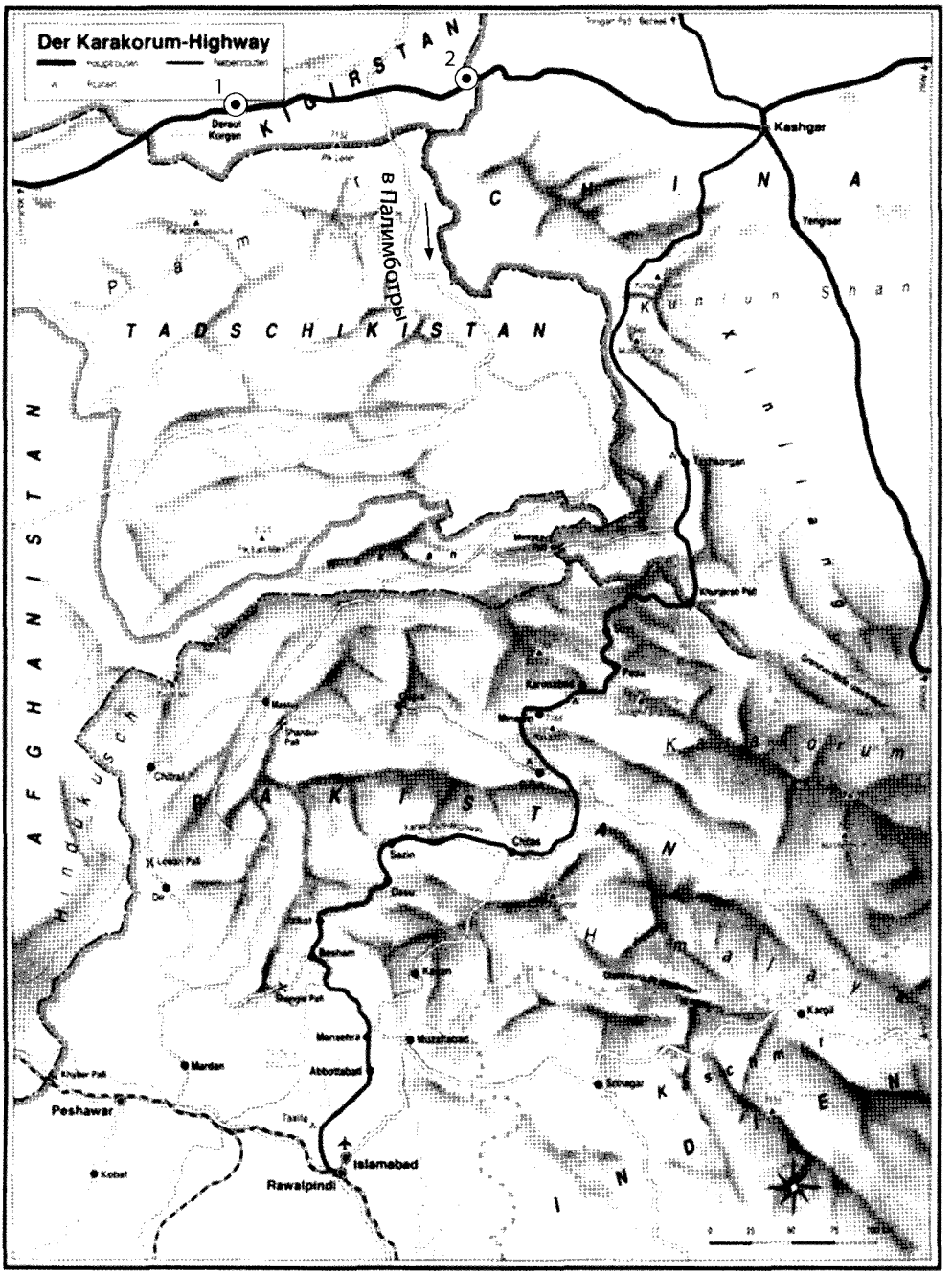
1. Асмирея
2. Троана
3. Дросаха
4. Тогара
5. Даксата
6. Сера

Карта 8.
Путь к Каменной Башне по Стране саков

1. Антиохия в Маргиане
2. Каменная Башня
3. Стоянка торговцев

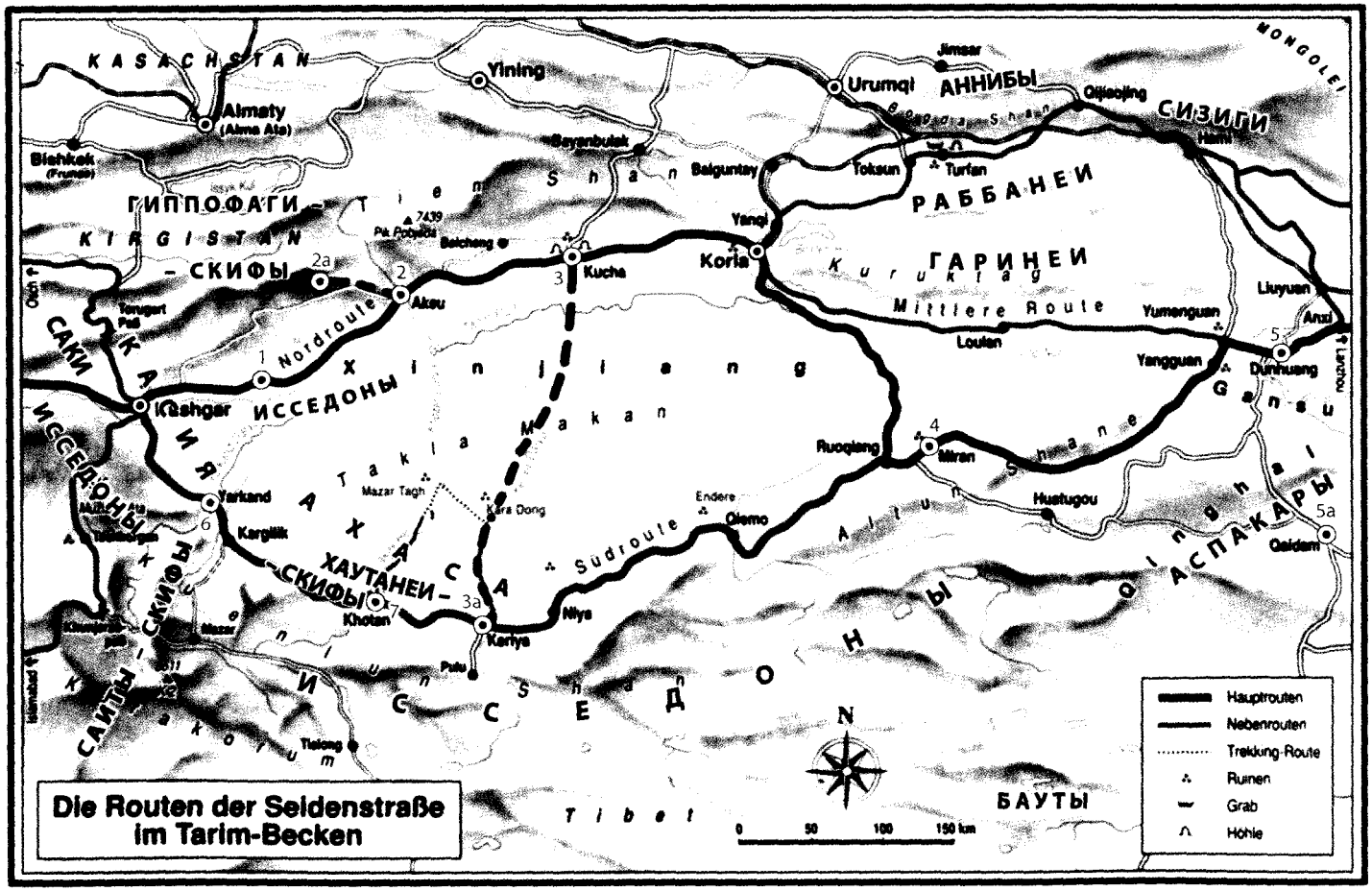
путь торговцев Мая Тициана

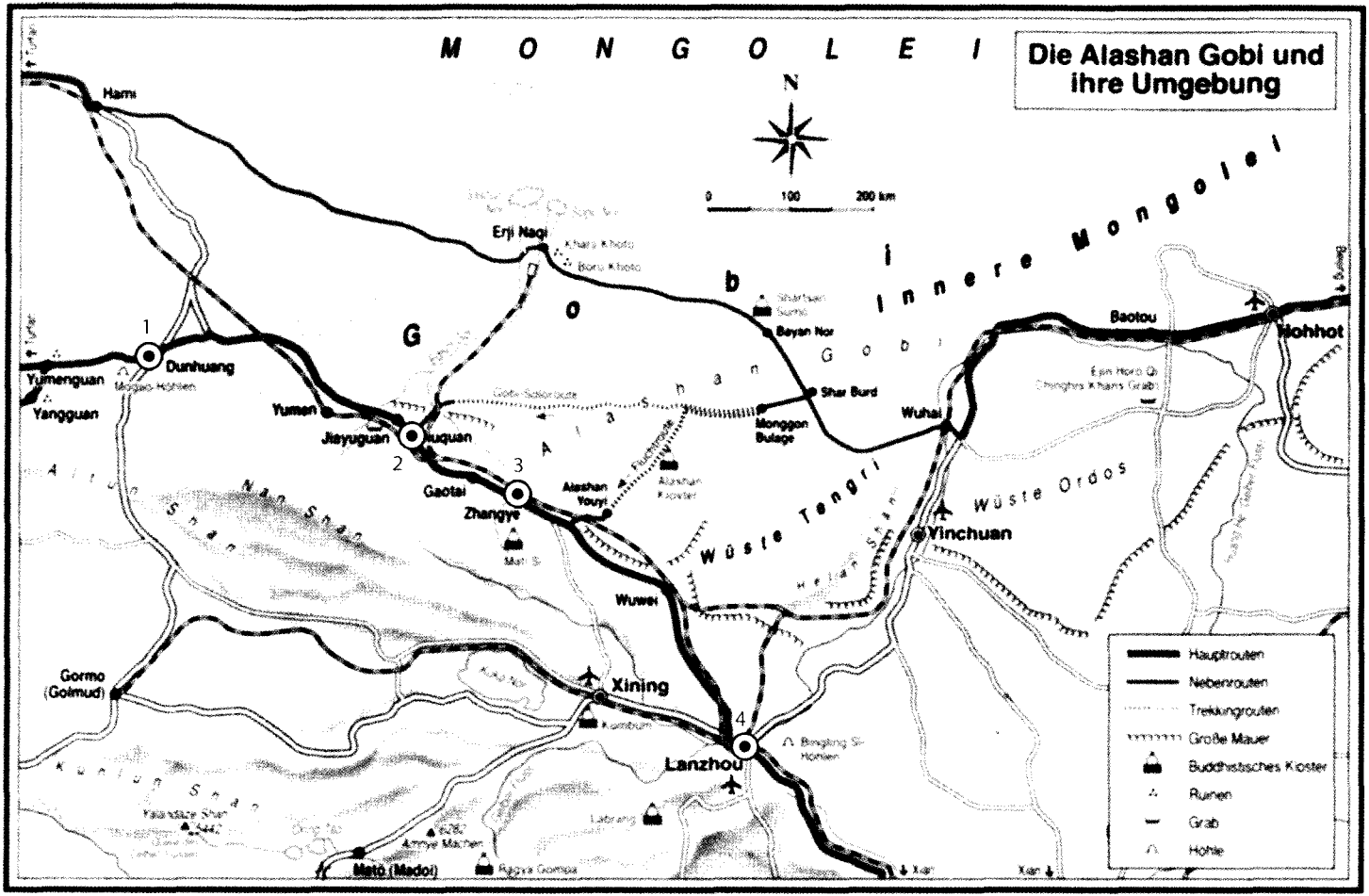

Карта 9. Пути через горы Имай

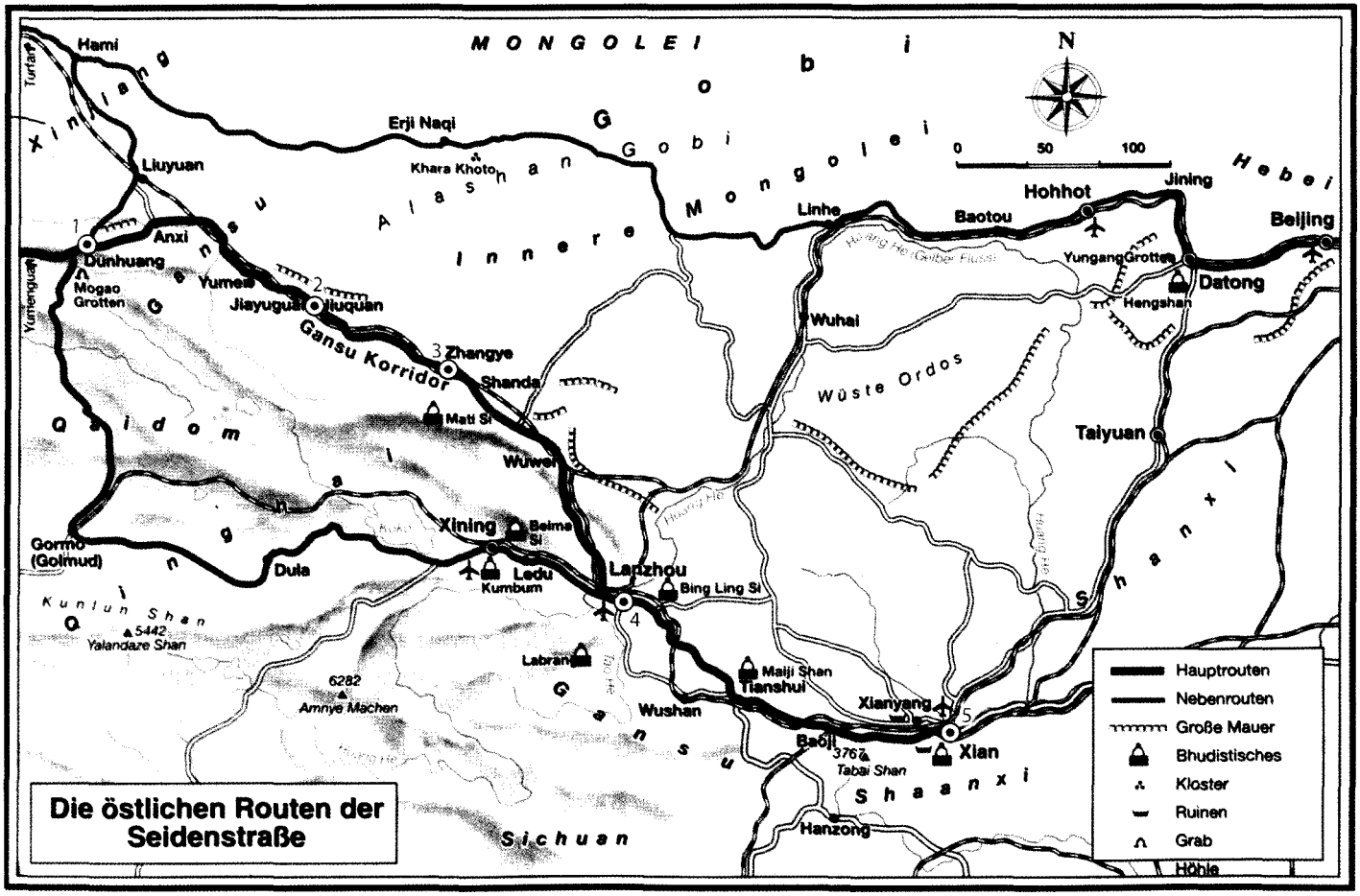
1. Каменная Башня
2. Стоянка торговцев

Карта 10. Пути по Стране айхарлов

KASACHSTAN
KIRGISTAN
MONGOLEI
Almaty
(Alma Ata)
Bishkek
(Frunse)
Yining
Jimsar
Urumqi
АННИБЫ
Qijiaojing
СИЗИГИ
Hami
Bayanbulak
Belguntay
Toksun
Turfan
РАББАНЕИ
ГИППОФАГИ
Tien Shan
Pik Pobjeda
7439
Baicheng
Yanqi
Koria
Kuruktag
ГАРИНЕИ
СКИФЫ
2a
2
3
Kucha
Akou
Mittlere Route
Yumenguan
Liuyuan
Anxi
Loulan
Yangguan
Dunhuang
Gansu
Nordroute
1
Kashgar
ИССЕДОНЫ
Injiang
Takla Makan
Ruoqiang
4
Miran
Südroute
Hustugou
Endere
Oiemo
Altun Shan
Yarkand
Mazar Tagh
Kara Dong
Karghlik
6
ХАУТАНЕИ-СКИФЫ
3a
Khotan
Niya
Keriya
Pulo
ИССЕДОНЫ СЕРСКИЕ
ОЙБЕНАЛЬ-АСПАКАРЫ
5a
Qaidam
САКИ-СКИФЫ
Tsaidam
Tsaidam Pendi
Tsaidam Hu
Tsaidam Shan
Tsaidam Nan Shan
Tsaidam Bei Shan
Tsaidam Xi Shan
Tsaidam Dong Shan
Tsaidam Zhong

Карта 11. На пороге Страны серов 1 — Троана; 2 — Дросаха; 3 — Тогара; 4 — Даксата — путь торговцев Мая Тициана

Карта 12. Путь в Стране серов

1 — *Троана*; 2 — *Дросаха*;
3 — Тогара; 4 — Даксата; 5 — Сера

▬ путь торговцев Мая Тициана

видимо, были коренным населением и многих других оазисов, включая сам Хотан и Шаньшань[1]. Так что ничего удивительного не будет, если окажется, что тибетцы во времена торговцев Мая населяли и оазис Маралбаши, то есть Исседон Скифский. Много веков спустя в оазисах Хотана и Маралбаши обитали ираноязычные саки, оставившие там свои письменные памятники, но во времена Мая саки только начинали осваивать эти края[2].

Но почему тибетцы Куньлуня названы в итинерарии Мая Тициана исседонами? Проблема исседонов имеет долгую историю[3]. Главное в ней — вопрос о том, чью трактовку исседонов, Геродота (V в. до н. э.) или Птолемея (II в. н. э.), положить в основу рещения. В. Томашек предпочел данные Птолемея и полагал, что исседоны всегда обитали там, куда их поместил итинерарий Мая Тициана, то есть в Центральной Азии по соседству с китайцами[4]. Но гипотеза В. Томашека, реконструирующая торговый путь итинерария Мая по данным, доступным во времена этого ученого, так, будто этот путь существовал задолго до Геродота, ныне, после открытий в Центральной Азии, полностью устарела. А. Герман прав, считая, что настоящие исседоны, то есть исседоны Геродота и его предшественников, обитали в Зауралье, а исседоны Центральной Азии — литературная фикция[5]. Но его предположение, что название «исседоны» появилось в Центральной Азии из-за случайных созвучий его с местными названиями или как результат картографических манипуляций, выглядит довольно натянуто.

Я думаю, что объяснение кроется в рассказе о «погребальных» обычаях исседонов. Наиболее характерной, больше всего поражавшей воображение античного читателя частью описания исседонов у Геродота, несомненно, являлся именно этот рассказ (4, 26). Но много позже европейские путешественники Рубрук и Плано Карпини рассказывали о тибетцах почти то же самое, что Геродот говорил об исседонах. Не рассказывали ли нечто подобное о тибетцах и торговые агенты Мая своему хозяину, а Май Тициан или Марин, до которых дошли их сведения, поспешили заключить, что они обнаружили в Заимайской ойкумене Геродотовых исседонов[6]? Тибетцам действительно были свойственны указанные обычаи, а сходство их обрядов с исседонскими объясняется событиями сложной истории Евразийских степей в древности[7].

Аспакары (Ἀσπακάραι) (Geogr. 6, 16, 5), соседи алтынтагских исседонов с юга, — это, видимо, жители Цайдама. С такой локализацией согласуется само их название (иран. Aspakāra, «торговец лошадьми»[8]): в Цайдаме издавна разводили особую породу вьючных лошадей[9]. «И еще дальше за ними» (καὶ ἔτι ὑπὸ τούτους) — **бауты** (в тексте Βαῖται, но следует читать Βαῦται, ср. их река: Βαύτισος)

[1] Крюков 1988: 273–274.
[2] Piankov 1996: 39–41.
[3] Историю вопроса см.: Пьянков 2005: 29–36; Пьянков 2009: 30–31.
[4] Tomaschek 1888: 734–757.
[5] Herrmann 1914: 2235–2246.
[6] Пьянков 1986: 14–15.
[7] Пьянков 2006: 215–238.
[8] Таронян 2007: 347.
[9] Калмыкова, Овдиенко 1957: 172.

(Geogr. 6, 16, 5), в названии которых мы находим древнюю форму самоназвания тибетцев Тибетского нагорья: Bod.

Еще один пункт на Южной дороге, о котором узнали, но лишь понаслышке, торговцы Мая, — это город Соига. С ним связаны область Ахаса и народ саиты.

Город **Соига**, или **Сога** (Σοῖτα, Σότα, Σάτα в дошедшем до нас тексте Птолемея, Geogr. 6, 15, 4; но, по-видимому, первоначальное написание этого названия, Σοΐγα, отражено в Saga Аммиана Марцеллина, 23, 6, 63[1]) — это город Согюй китайских источников, то есть Яркенд. В китайском путеводителе Согюй — конечный пункт Южной дороги в пределах Западного края, от которого далее на запад через Луковые горы пролегает путь во владения Кушанов и Аршакидов. Но от этого же пункта важные пути всегда вели и на юг, через горы в Кашмир — основные пути сношений Индии с Кашгарией. Видимо, указания путеводителя и повлияли на то, что на карте Птолемея город Соига показан в крайнем юго-западном углу Заимайской ойкумены у соединения широтной и долготной ветвей Имая[2]: через первую открывался путь на запад, через вторую — на юг.

Название области **Ахаса** (Ἄχασα) (Geogr. 6, 15, 3) как области Яркенда, возможно, тоже образовано от местной формы названия нефрита, qāš. Наличие месторождения нефрита где-то в горах Согюя специально отмечается в китайском источнике I в. до н. э.[3] В индийских источниках IV в. до н. э. — V в. н. э. это название, Khaśa, выступает как название племени, обитавшего в горах Кашмира и в Чиласе по верхнему (широтному) течению Инда[4].

Название народа **саитов** (Χάται, Χαίται в тексте Птолемея, Geogr. 6, 15, 3; написание Σαίται реконструировано по Saetae Плиния N. H. 6, 134) образовано от Sitā — индийского названия Тарима, главным истоком которого для индийцев была, разумеется, река Яркенда. Саитами, видимо, называлось население горных долин истоков Яркенддарьи в горах Куньлуня. Давно было высказано предположение, что саиты — аборигены обширного горного региона, ныне сохранившейся частью которых являются буришки Гилгита[5]. Древние иранцы называли их каспиями и каспирами, а сами себя они называли яшкунами, и топонимы с элементом -ишк- или -ашк- являются следом их древнего местообитания (ср. еще селение Ашкубель в истоках Яркенддарьи). Считают, что в глубокой древности аборигены, до ассимиляции их на юге индийскими дардами, а на севере иранскими саками, занимали Кашмир (Каспирию) и Гиндукуш с примыкающими районами, Памирское плато и западную часть Таримского бассейна[6].

А вот город **Хаурана** (Χαύρανα) (Geogr. 6, 25, 4) и **хауранеи** (Χαυραναῖοι) — **скифы** близ **Эмодских** (Ἡμωδὰ) **гор** (Geogr. 6, 15, 3) были вставлены в описание Южной дороги рядом с областью Ахаса, к востоку от нее, уже Марином. Эмодские горы (Geogr. 6, 15, 2, 3; 16, 2, 3, 5), отделяющие скифов и серов от Индии,

[1] О Птолемее как источнике Аммиана см.: Дмитриев 2010.

[2] См.: Ronca 1971: Tab. 2.

[3] Бичурин 1950: 189; о разных вариантах перевода этого сообщения см.: Hulsevė, Loewe 1979: 139–140.

[4] Dani 1983: 56, 58.

[5] Таронян 2007: 618.

[6] Пьянков 1984: 107–120; Piankov 1996: 42–46.

здесь фактически дублируют Касийские горы итинерария Мая Тициана. Вставка эта заимствована, скорее всего, у Мегасфена. Как было сказано выше, Мегасфен говорил об Эмоде, или Кавказских горах, которые отделяют Индию на севере от скифского племени саков, дардов и сетов (Σαίται, Saetae). К числу саков Мегасфен, видимо, относил и племя хаутанеев (Χαυταναῖοι — так я реконструирую первоначальную форму названия Χαυραναῖοι; соответственно, Χαύτανα вместо Χαύρανα; реконструированная форма была бы древним произношением названия хотанцев, до стяжения дифтонга au в ō). Впрочем, Хаурану и так многие исследователи, в том числе А. Геррман, отождествляют с Хотаном[1]. Видимо, освоение саками Хотанского оазиса имело место уже во времена Мегасфена.

2. Дорога от Троаны к Сере. Сера и Серика. Торговцы, достигнув Троаны, завершали один этап пути и начинали следующий, последний. Этому этапу должна была соответствовать последняя часть итинерария Мая Тициана. На карте Марина эта часть продолжала предшествовавшую прямо на восток, но на карте Птолемея, резко сократившего расстояния, она оказалась, как уже говорилось, сильно сдвинутой на запад.

На этом участке, за Троаной, торговцы проходили через города Дросаху, Тогару, Даксату и, наконец, прибывали в Серу (Geogr. 6, 16, 7–8; 8, 24, 6, 8)[2]. Локализуются они достаточно уверенно: **Дросаха** (Δρωσάχη) (иран. «Винный источник») — Цзюцюань; **Тогара** (Θογάρα) (от местной формы этнонима «тохары»; город связан с тохарами = малыми юечжи, оставшимися в Ганьсу после ухода основной массы юечжи на запад), Ttaugara сакских документов Хотана, — Чжанъе или Увэй; **Даксата** (Δαξάτα) (иран. «Правильная торговля») — Ланьчжоу; Сера (Σήρα) — видимо, Сиань[3]. В древнем Китае область первых трех городов, начиная с Троаны, — это пограничная область Хэси. В конце II в. до н. э. она была отнята у хуннов и заселена китайцами: Цзюцюань и Увэй были основаны в 121 г. до н. э., Дуньхуан и Чжанъе — в 111 г. до н. э. Город Ланьчжоу у переправы через Хуанхэ в округе Гиньчен был основан в 81 г. до н. э., видимо, для контроля над торговлей[4].

Горы, вдоль северных склонов которых шли здесь торговцы, вновь названы **Касийскими**, и направление их, в общем, указано правильно: на юго-восток, вплоть до городов Тогара и Даксата (Geogr. 6, 16, 2). Эти данные обязаны, конечно, сверке с данными китайского путеводителя, в котором, как уже говорилось, Южный хребет, с самого начала названный торговцами Касийскими горами, уходит на восток вплоть до области Гиньчен. На этот раз торговцы, шедшие от Троаны (Дуньхуана) на восток, Касийскими горами признали хребты Наньшаня. Здесь, в области Тогары и Даксаты, Касийские горы упираются в **Отторокорский** (Ὀττοροκόρας) **хребет** (Geogr. 6, 16, 2, 3). В китайском путеводителе здесь же Южный хребет Западного края соединяется с Южными горами Китая, с хребтом

[1] Herrmann 1937: 1635–1636; Таронян 2007: 620.

[2] См.: Ronca 1971: Tab. 2.

[3] О локализации пунктов на данном участке пути см.: Tomaschek 1888: 734–757; Herrmann 1937: 1635–1636; Herrmann 1938: 109–110; Таронян 2007: 390, 401, 610.

[4] Об истории этого края см.: Бичурин 1950: 170–171; Бичурин 1953: 21, 62–63.

Циньлин. Марин, помещая в этой части ойкумены Отторокорский хребет, обитающих возле него **отторокоров** (Ὀττοροκόραι) и город **Отторокору** (Ὀττοροκόρα) (Geogr. 6, 16, 5, 8), воспользовался номенклатурой индийской мифологической географии (Уттаракуру), дошедшей до него, видимо, тоже через Мегасфена.

У города Даксата торговцы должны были перейти через реку Баутис. Река **Баутис** (Βαύτισος) на карте Птолемея (Geogr. 6, 16, 3) имеет два истока, из которых один начинается в Касийских горах, другой — в Эмодских горах к югу от Касийских; еще в области между этими горами они объединяются в единую реку, которая течет на восток между Касийскими и Отторокорскими горами, мимо Даксаты, огибает с севера Отторокорские горы и подходит к Сере. В том, что река Хуанхэ названа здесь «Тибетской» (Баутис), ничего удивительного нет: торговцы вышли к ней там, где она вытекает с Тибетского нагорья. И указание на то, что северный исток реки берет начало в южных склонах Касийских гор — недалеко от истины.

Но за южный исток, видимо, была принята река Цангпо (Брахмапутра). На карте Птолемея он течет с северных склонов серской части Эмодских гор. Эмодские горы на карте Птолемея, как уже говорилось, — литературное заимствование Марина у Мегасфена. Но весь комплекс сведений о реке Баутис принадлежит итинерарию Мая Тициана и восходит к сообщениям его торговцев. Как могло попасть в него упоминание об Эмоде? Объяснение кроется в указании Птолемея (Geogr. 6, 16, 2): восточная часть Эмодских гор именуется **Серскими** (Σηρικά) **горами.** Видимо, в итинерарии шла речь именно о Серских горах, а уже Марин или Птолемей объединили их с Эмодом. Если так, то под Серскими горами могли иметься в виду Гималаи. На эти места указывает и город **Оросана** (Ὀροσάνα), помещенный на верхнем течении южного истока Баутиса, к северу от Серских гор (Geogr. 6, 16, 8), — название его происходит из иран. Ursāng (область знаменитой впоследствии Лхасы, столицы Тибета)[1].

Что касается морского устья Баутиса, то искать его на карте Птолемея безнадежно: восточный край ойкумены там полностью искажен вследствие априорного принятия Птолемеем «континентальной» теории. Вместо морей ойкумена ограничена у него на востоке «Неизвестной Землей».

Город **Сера** (Σήρα), главный город (μητρόπολις) Серики (Geogr. 6, 16, 8; 8, 24, 8) — конечная цель торговых агентов Мая Тициана. По данным самого итинерария Мая точно установить его местоположение невозможно. Ясно лишь, что он находился в глубине Китая, к востоку от Ланьчжоу. Столицами Китая в это время были: Чанъань (близ Сиани) — до 25 г. до н. э. и Лоян — с 25 г. н. э. Если итинерарий Мая датировать временем около рубежа н. э., то Серой являлась Чанъань.

Здесь мы подходим к проблеме **серов.** В настоящее время всеми исследователями признано, что греческое слово Σῆρες произошло от кит. si, sil (др-кит. *sịər), «шелк» и означает примерно «люди шелка». Форма греческого слова позволяет предполагать даже непосредственное заимствование его из китайского (хотя это и считают невероятным)[2]. В непосредственный контакт с китайцами

[1] Humbach 1972: 96.
[2] Altheim 1947: 67.

греки Бактрии вошли еще во II в. до н. э., когда, совершив поход в бассейн Тарима, они распространили свои владения «вплоть до» (μέχρι) серов и фаунов (Strabo 11, 11, 1–2), то есть до китайцев и хуннов[1].

Тем не менее многие ученые считали и считают, что греки и римляне, по крайней мере, еще в I в. н. э. о подлинных китайцах ничего не знали, а знали лишь о посредниках в торговле шелком, которых будто бы и называли серами. Этих серов-посредников видят в племенах то ли бассейна Тарима, то ли Гималайского региона[2]. Получается странная ситуация: античные купцы и их торговые агенты, участвуя в уже широко развернувшейся торговле шелком, могли разведать путь в восточном направлении на громадном расстоянии, но почему-то остановились на пороге Китая в областях каких-то племен-посредников, которых и приняли за производителей шелка (пользуясь китайским термином!). А о великой китайской цивилизации, стоявшей прямо за спиной этих посредников, так ничего и не узнали!

Данные итинерария Мая Тициана, датированные рубежом н. э., ставят эту ситуацию с головы на ноги. Серы, в том числе и «литературные» серы августовской эпохи, всегда были китайцами. Они обитали на коренной китайской территории к востоку от Ланьчжоу, их столица Сера находилась на месте традиционных китайских столиц древности. Название «серы» если и прилагалось к соседям китайцев, то переходило в античной географической номенклатуре от китайцев к соседям, а не наоборот. Так, Павсаний во II в. н. э. называет серами (не очень уверенно) индоскифов (6, 26, 9), и понятно почему: в I в. н. э. Шелковый путь, огибая территорию Парфянского царства, стал проходить по владениям индоскифов к Индийскому океану. В другом случае соседей Китая стали называть серами потому, что, наоборот, Китай стал посредником в их торговле с римскими купцами. Такие соседи и были главной причиной того, что исследователи отказались признать в серах китайцев.

Об этих последних «серах» хорошо знали в Риме. О них, видимо, говорилось в Хорографии Августа — приложении к карте Випсания Агриппы (общий источник Мелы и Плиния, около 12 г. н. э., но не Варрон). О них же подробно рассказал Плиний (Nat. 6, 85–88), основываясь на сведениях Рахии, посла царя острова Тапробана (Цейлона), прибывшего в Рим между 41–54 гг. н. э.: отец Рахии сам торговал с этими «серами»[3]. Действительно, судя по рассказу Плиния, его «серы» китайцами быть не могли: эти люди были большого, выше обычного, роста, с рыжими волосами и голубыми глазами, язык их изобиловал резкими звуками, а в торговле они обходились без слов — видимо, потому, что язык их был непонятен соседям. О «немой» торговле этого племени было известно обоим упомянутым источникам.

Какой же товар был так популярен у торговых партнеров «серов»? Среди серских товаров, приобретаемых римскими купцами в портах и торговых городах Индии, упоминаются «меха, шкуры» (pelles, δέρματα) наряду с шелком

[1] Пьянков 1986: 16.

[2] Историю вопроса см.: Бухарин 2007: 138–140; Таронян 2007: 569–572.

[3] Пьянков 1986: 7–8, 11–12, 18–19; Пьянков 1997: 112–113.

и железом (Plin., Nat. 34, 145; 37, 204; Periplus mar. Erythr. 39). Когда в источниках говорится о мехах как товаре высокой ценности, то почти всегда можно безошибочно угадать, что речь идет о шкурках северных лесных зверьков типа соболя[1]. Видеть китайцев в лесных охотниках за пушным зверем столь же нелепо как видеть китайцев в описанных Плинием «серах». Очевидно, в том и другом случаях под «серами» имелся в виду какой-то далекий северный народ, который сбывал свою охотничью добычу путем архаичной «немой» торговли соседям-посредникам, в том числе китайцам, через которых он и поступал в Индию. «Серами» этот народ стал по той же причине, по какой, например, «скифами» у греков часто становились те народы, о которых они узнавали или с которыми вели дела через посредство настоящих скифов.

Какой же народ скрывался под именем этих загадочных «серов»? Выдвигались разные кандидаты на его роль. Довольно распространена среди ученых гипотеза А. Геррмана, согласно которой первоначальными «серами» был кочевой народ усуни, обитавший в области озера Иссыккуль[2]. Но усуни соответствуют описанному Плинием народу только по одному признаку — по светлопигментированной европеоидной внешности.

Гораздо больше шансов быть этим народом, поставляющим меха через китайцев на рынки Индии, у обитателей степи по Ангаре и окружающей горной тайги к западу от Байкала. В I в. до н. э. здесь жили племена угъе, союзники хуннов и враги древних (енисейских) киргизов, обитавших к западу от них. Память о них сохранялась и позже у местного населения Восточной Сибири как о неких «утиных людях», именуемых «юги» (йугын, угын). Сообщают о них и китайские источники сначала как о сказочном народе «лошадиных голеней», речь которых напоминала крики диких гусей и уток, а потом, в VI–VII вв. н. э., как о вполне реальном народе бома, бики, или йелочжи. Впоследствии и средневековые мусульманские авторы рассказывали о далеком северном народе бикинов и алакчинов. Из источников выясняется, что внешне эти люди походили на енисейских киргизов, то есть были светлопигментированными европеоидами (что находит подтверждение и в палеоантропологических материалах), но говорили на каком-то другом, своем, языке (поскольку киргизы тогда уже определенно говорили по-тюркски, не значит ли это, что юги еще сохраняли древний центральноазиатский индоевропейский язык?). Они занимались лесной охотой на лыжах, подбитых лошадиной шкурой, хотя знали и пашенное земледелие[3]. Пушнина, добываемая охотниками этого народа, могла попадать к китайцам через хуннов по путям, известным позже как «киргизский» и «уйгурский»[4].

Серы на карте Птолемея имеют не только одноименную с ними столицу, но и обширную страну **Серика** (Σηρική), которая занимает всю восточную часть Заимайской ойкумены (Geogr. 6, 16). Западная ее часть занята Заимайской Скифией (Geogr. 6, 15). Реальную границу между Серикой и Скифией можно проследить по тем местам карты, которые основаны на итинерарии Мая Тициана.

---

[1] Ср.: Ferguson 1978: 589.

[2] Herrmann 1938: 29–33; Tarn 1951: 111; Altheim 1947: 56.

[3] Пьянков 2006: 15. Там же см. ссылки на литературу и источники.

[4] Об этих путях см.: Лубо-Лесниченко 1994: 214, 262–268.

С первого взгляда на карту видно, что граница определялась главным образом по данным о Северной дороге. Первым городом Серики на этой дороге была Дамна (Аксу). Города Авзакия (Уш) и Исседон Скифский (Маралбаши) оставались позади, в Скифии. Далее следовали города Пиала (Куча) и Асмирея (Миран в Шаньшани). У ворот Троаны (Дуньхуан) Северная дорога кончалась, и далее путь шел уже по собственно китайской территории. С этой же дорогой связаны известия о гаринеях (Шаньго), раббанах (Ближнее Чешы) и аннибах (Дальнее Чешы) как о народах и областях Серики.

В области Южной дороги граница гораздо менее определенна. Первым городом Серики здесь показан Исседон Серский (Керия). Город Соига (Яркенд) помещен в Скифию, а о Хотане по современным данным автор итинерария, видимо, вообще не знал.

Показанные далее города Дросаха (Цзюцюань), Тогара (Чжанъе), Даксата (Ланьчжоу) находились уже за Троаной, на собственно китайской территории.

Все эти данные по обеим дорогам свидетельствуют о серах (китайцах) уже как об имперском народе. Какому периоду в истории Китая и его экспансии в западном направлении соответствуют эти данные?

Западный край в интересующий нас отрезок времени (I в. до н. э. — I в. н. э.) был дважды в составе китайской империи Хань в качестве протектората: в 59 г. до н. э. — 23 г. н. э. (фактически — до 16 г. н. э.) и в 74–107 гг. н. э. (с перерывом с 77 по 91 гг. н. э.). Признаком вхождения той или иной области в пределы китайского государства являлось наличие в ней военной колонии, состявшей из китайцев.

В период первого протектората генерал-протектор номинально осуществлял надзор за обеими дорогами, но фактически ему была подвластна лишь Северная дорога, где примерно в середине пути находилась и его резиденция. Китайские военные поселения известны только в ареале Северной дороги. Торговцы Мая Тициана, называя страну Серикой, тоже шли по Северной дороге.

В китайских династийных историях Сулэ (Кашгар) на дальнем конце Северной дороги и Юйтянь (Хотан) на Южной дороге в связи с событиями этого периода не упоминаются. В итинерарии Мая Тициана, как уже говорилось, соответствующие города тоже не упоминаются. Кажется, что несколько не согласуется с таким положением роль Яркенда на дальнем конце Южной дороги в это время. Яркенд (Согюй) хорошо известен китайским династийным историям как один из самых верных сторонников Китая. Какое-то время там даже существовало китайское военное поселение. Этот же город (Соига) упоминался, как уже говорилось, и в итинерарии Мая, но отнесен там не к Серике, а к Скифии. Возможно, что он занимал особое положение в Китайской империи как ключевой город на единственном тогда наземном пути непосредственных сношений с Индией и был подчинен не наместнику Западного края, а непосредственно китайскому двору.

Самым западным китайским военным поселением на Северной дороге было поселение в районе Гумо (Аксу) (основано около 30 г. до н. э.). В итинерарии Мая Тициана граница Серики проходит непосредственно к западу от Дамны (Аксу). Соседние с Дамной город Авзакия (Уш) и его область отделены от Дам-

ны и отнесены к Скифии. Такое положение, как уже отмечалось, было возможно только до 70–15 гг. н. э., когда Вэньсу (Уш) было захвачено правителем Гумо (Аксу).

Далее следовали связанные с Северной дорогой города Гуйцы (Куча), Исюнь (Миран в Шаньшани), Чешы Ближнее (Турфан) и Дальнее (Гучэн). Все они с самого начала входили в состав первого протектората, и все они, по большей части еще до учреждения протектората, имели китайские военные поселения. Так продолжалось до начала нашей эры, когда города Западного края один за другим выходили из-под власти Китая, а вместе с тем прекращали свое существование и китайские военные поселения. К началу правления Ван Мана (8–23 гг. н. э.) китайскую власть признавали из числа названных городов и областей лишь Шаньшань и Чешы. В результате событий 10–16 гг. н. э. первый протекторат фактически перестал существовать. В итинерарии же Мая Тициана все эти города и области, начиная с Дамны (Аксу), а именно, Пиала (Куча), Асмирея (Миран), раббаны (Турфан) и аннибы (Гучэн) признаются еще частью Серики. Таким образом, и в данном случае сведения итинерария указывают на время не позже рубежа нашей эры.

В период второго протектората ситуация была совсем иной. Теперь объединение Западного края под властью Китая, связанное в основном с деятельностью Бань Чао, шло, наоборот, со стороны Южной дороги, через Лоулань (Шаньшань) и Юйтянь (Хотан). Главной опорой Бань Чао были Юйтянь и Сулэ (Кашгар), во времена первого протектората никак себя не проявлявшие. Города и области Северной дороги, известные торговцам Мая Тициана, — Гумо (Дамна) и Вэньсу (Авзакия), Гуйцы (Пиала), Чешы (раббаны и аннибы) — временами подчинялись Китаю, но как только появлялась возможность, отпадали и вступали в соглашения с хуннами. Если бы торговцы шли по Северной дороге в это время, то они отнесли бы ее скорее к Скифии, чем к Серике. Кроме того, в это время большую роль для китайцев стал играть оазис Иу (Хами), что на карте Птолемея не нашло отражения. Лишь на короткое время, когда Бань Чао стал генерал-протектором (91–102 гг. н. э.), весь Западный край вновь объединился под властью Китая (окончательно — с 94 г. н. э.). В это время в некоторых его областях вновь появились и китайские военные поселения. Но все это не меняло существенно общее положение в Западном крае в данный период.

3. Дороги Заимайской ойкумены в свете исторической обстановки в I в. до н. э. — I в. н. э. В целом рассматриваемая часть итинерария Мая Тициана, описывающая путь от Каменной Башни и Стоянки торговцев до Серы, подразумевает, по мнению Марина, движение торговых караванов равномерное и непрерывное, так что по дням и месяцам их пути возможен расчет расстояний (Ptol., Geogr. 1, 11, 3–4). Правда, Птолемей, знакомый с итинерарием лишь через посредство Марина, возражает против этого, но единственную причину возможных задержек видит только в сильных бурях (Geogr. 1, 11, 5). Отсюда можно заключить, что политическая обстановка в Заимайской ойкумене во времена путешествия торговых агентов Мая Тициана была достаточно устойчивой.

Какому периоду в истории Западного края соответствует такая обстановка? Несомненно, только времени первого протектората до рубежа нашей эры. Толь-

ко в это время был возможен свободный проезд торговых караванов по Западному краю в обстановке, подразумеваемой итинерарием. Генерал-протекторы Западного края имели своей специальной задачей обеспечить беспрепятственное движение послов и торговых караванов. О том, как много значил контроль Китая над дорогами для городов Кашгарии, свидетельствуют их постоянные обращения к правителям Китая после ликвидации первого протектората с просьбой восстановить протекторат: такие прошения поступали от Кашгара, Хотана, Лоулани, Согюя и многих других городов начиная с 38 г. н. э., в том числе в 41, 45 и 46 гг. н. э.

С падением власти Китая в Западном крае «дороги сделались непроходимыми» — пишет династийная история Цяньханьшу. Этому способствовали два фактора: новое усиление хуннов, их набеги и поборы и взаимные распри самих городов Кашгарии. В это время на верховную власть в Западном крае претендуют правители Согюя (29–61 гг. н. э.). Но борьба за власть сопровождалась постоянными разорительными походами. Между прочим, правитель Согюя претендовал на полную власть также и над амударьинскими саками[1] и Даванью. В этом явно видно стремление держать в своих руках ключи к двум торговым путям через Среднюю Азию, описанным выше. Сначала Согюй ориентировался на Китай, но после конфликта с ним (45 г. н. э.) «запер дорогу» в Китай. Когда пало могущество Согюя, на первый план вышли Хотан и Лоулань. Но и они не пользовались поддержкой Китая, а ориентировались на хуннов, выплачивая им дань. Дело дошло до того, что города Западного края под давлением хуннов совершили нашествие на китайские владения в Хэси (66 г. н. э.), так что города этой области «и днем были затворены». Вряд ли в такой обстановке была возможна торговля, подразумеваемая итинерарием Мая Тициана.

Но с установлением в Западном крае второго протектората обстановка существенно не изменилась. Китайский полководец Бань Чао, с деятельностью которого связано создание второго протектората, вел непрерывные войны, вряд ли способствовавшие процветанию торговли[2]. Считается, что в это время, когда на территории Западного края сомкнулись владения двух держав — Ханьского Китая и Кушанского царства — прямой путь в Китай стал безопасным. Но об отношении Бань Чао к прямым связям Кушанов с центром Китая говорит такой беспримерный случай: Бань Чао по собственному почину задержал и арестовал кушанское посольство, направлявшееся с богатыми дарами в китайскую столицу сватать ханьскую царевну. За этим последовала война (80-е гг. н. э.), в которой Бань Чао одержал верх, так что пограничный Кашгар оставался под китайской властью, враждебной кушанам, вплоть до 107 г. н. э. Кушанское же влияние утвердилось в нем еще несколькими годами позже. Все это свидетельствует о том, что прямые торговые путешествия в Китай через Кашгар в данное время были

[1] Об амударьинских саках китайского источника как комедах Птолемея на Шелковом пути см.: Markwart 1946: 296–297, 319.

[2] Тем не менее, Р. Хенниг считает, что путешествие, которое описал Май Тициан, состоялось между 100 и 105 гг. н. э., «когда движение караванов в Центральной Азии, вызванное к жизни Бань Чао, было в самом разгаре, и умиротворение страны достигло высшего предела» (Хенниг 1961: 402).

невозможны[1]. Связи же Бань Чао с Мервом, путешествие его посла Гань Ина (97 г. н. э.) по парфянскому царству Арсакидов вплоть до западных пределов царства (показательно, что до римских владений по наземному пути посол так и не дошел) осуществлялось через самую северную амударьинскую переправу, как уже говорилось, неподконтрольную в это время Кушанам. Такая переправа предполагает и иной, по сравнению с описанным в итинерарии Мая Тициана, путь[2].

Таким образом, итинерарий Мая Тициана в его заимайской части и по признакам исторической обстановки ближе всего соответствует эпохе первого китайского протектората в Западном крае, и датируется I в. до н. э., видимо, ближе к его концу, к рубежу нашей эры.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Издания текста и переводы «Географии» Клавдия Птолемея, сохранившей сведения итинерария Мая Тициана

Издания текста и переводы:

Claudii Ptolemaei Geographia. Edidit C.F.A. Nobbe. Editio stereotypa. T. 1–3. Lipsiae 1843–1845.

Claudii Ptolemaei Geographia. E codicibus recognovit, prol., ann., ind., tab. instruxit C. Müllerus. Vol. 1, pars 1. Parisiis 1883.

Ptolemaios. Geographie 6, 9–21. Teil 1. Griech. Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von I. Ronca, mit der lat. Übersetzung des J. Angelus, einer neuen engl. Übersetzung und textkritischen Noten. Rom, 1971.

Ptolemy. Geography. Book 6. Part 1. Text and Engl./Germ. translations by S. Ziegler. Wiesbaden, 1998.

Переводы:

Клавдий Птолемей. Руководство по географии. Книга первая / Перев. К. С. Апта // Античная география. М., 1953, 286–318.

Berggren J. L., Jones A. Ptolemy's Geography: An Annotated Translation of the Theoretical Chapters. Princeton, 2000.

[1] Дж. Д. Лернер считает возможным датировать итинерарий Мая Тициана исходя из того, что Кашгар будто бы находился под китайским контролем, обеспечивавшем беспрепятственное передвижение в Китай, с 73 по 128 г. н. э. (Lerner 1998: 24). Но китайскому полководцу Бань Чао, восстанавливавшему китайскую власть в Западном крае, в первые годы, когда он находился в Кашгаре, пришлось упорно бороться с находившейся у него в тылу Кучей, которую поддерживали хунны. В период с 77 по 91 гг. н. э. верховной китайской власти в Западном крае вообще не существовало вследствие восстания многих городов на Северном пути и наступления хуннов. К 90 г. н. э. относится решающий конфликт Бань Чао с Кушанами, когда последним был закрыт проход по Западному краю. В 107 г. н. э. все города Западного края возмутились, и китайский протекторат был окончательно ликвидирован. Дорогу захватили хунны, которые нападали даже на китайский Дуньхуан. Лишь в 128 г. н. э. правитель Кашгара послал первое посольство в Китай (Крюков 1988: 279–280; Бичурин 1950: 234–235). Как видим, условия в период с 73 по 128 гг. н. э. были отнюдь не идеальными для торговых караванов, которые решили бы идти в Китай прямо через Кашгар.

[2] Историю Заимайского края автор излагает, ориентируясь в основном на следующие источники и литературу: Бичурин 1950: 169–239; Крюков 1988: 223–296.

II. Вторичная литература

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3. М., 1965, 1971.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950; т. 3, 1953.

Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Т. 2. М., 1966.

Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря» / Текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.

Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1976. С. 26–30.

Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху // История и культура народов Средней Азии / Под ред. Б. Г. Гафурова и др. Т. 2. М., 1975. С. 71–75.

Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / Пер. с англ., научная редакция и библиографическое приложение В. П. Никонорова. СПб., 2008.

Дмитриев В. А. «Персидский» экскурс Аммиана Марцеллина. Псков, 2010.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962.

Заходер Б. Н. (ред.). Современный Иран. М., 1957.

Зелинский А. Н. Древние пути Памира // Страны и народы Востока. Т. 3. М., 1964. С. 99–119.

Калмыкова В. Г., Овдиенко И. Х. Северо-Западный Китай. М., 1957.

Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.

Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С. Л. Тихвинского, Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 223–296.

Литвинский Б. А., Ранов В. А. (ред.). История таджикского народа. Т. 1. Душанбе, 1998.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути. М., 1994.

Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.

Мандельштам А. М. [Рец. на кн.]: K. Shiratori, On the Tsungling traffic route described by C. Ptolemaeus. Tokyo, 1957 // Проблемы востоковедения. Т. 2. 1959.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966.

Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1966.

Пилипко В. Н. Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Под ред. Г. А. Кошеленко. М., 1985. С. 243–249.

Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского // Вестник древней истории. Т. 2. 1972. С. 3–21.

Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972.

Пьянков И. В. Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Т. 1. Душанбе, 1984. С. 107–120.

Пьянков И. В. «Шелковый» путь от Гиераполя в Серику (Среднеазиатский участок) // Памироведение. Т. 2 / Под ред. М. С. Асимова. Душанбе, 1985. С. 125–140.

Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1986. С. 6–23.

Пьянков И. В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии / Под ред. В. А. Ранова. Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261–267.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
Пьянков И. В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. Т. 3. Екатеринбург, 2005. С. 15–35.
Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 2 (26). СПб., 2006. С. 215–238.
Пьянков И. В. Западные динлины — первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Т. 2. Актобе, 2006. С. 13–17.
Пьянков И. В. Урал на Ольвийском пути // Веси. № 7–8, 9. 2009. С. 28–33.
Пьянков И. В. Согдиана Птолемея // Gaudeamus igitur / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 318–324.
Риттер К. Землеведение. Восточный или Китайский Туркестан / Перевел ... и дополнил В. В. Григорьев. 2, 1. СПб, 1873.
Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // Вестник древней истории. № 4. 1977. С. 182–187.
Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М., 1977.
Таронян Г. А. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). М., 2007.
Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.
Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-Калы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. 14. Ашхабад, 1969. С. 13–55.
Усманова З. И., Филанович М. И., Кошеленко Г. А., Маргиана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Под ред. Г. А. Кошеленко. М., 1985. С. 226–242.
Хенниг Р. Неведомые земли. 1. М., 1961.
Шеркова Т. А. Египет и Кушанское царство. М., 1991.

Alemany i Vilamajó A. Maes Titianos i la Torre de Pedra. 1 // Faventia. 24. 2. Barcelona, 2002. P. 105–120.
Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. 1–2. Halle, 1947–1948.
Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin, 1970.
Benzinger, s.v. Bambyke // RE. Bd. 2. 1896. S. 2843–2844.
Berggren J. L., Jones A. Ptolemy's Geography: An Annotated Translation of the Theoretical Chapters. Princeton, 2000.
Bernard M. P. Les nomades conquérants de l'Empire Greco-Bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // Académie des inscriptions & belles-lettres. 1987. Novembre-Décembre. P. 758–768.
Cary M. Maes, qui et Titianus // The Classical Quarterly. Vol. 6. № 3–4. 1956. P. 130–134.
Dani A. H. Chilas, The City of Nanga Parvat. Islamabad, 1983.
Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
Ferguson J. China and Rome // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 9, 2. Berlin; New York, 1978. P. 581–603.
Frye R. N. The Heritage of Central Asia. Princeton, 1998.
Gardiner-Garden J. R. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. Bloomington, 1987.
Herrmann A. s.v. Issedoi // RE. Bd. 9. 1914. S. 2235–2246.
Herrmann A. s.v. Kasia // RE. Hlbd. 20. 1919. S. 2261–2263.
Herrmann A. s.v. Oichardai // RE. Hlbd. 34. 1937. S. 2101.
Herrmann A. s.v. Tocharoi // RE. Bd. 6 (2 R.). 1937. S. 1632–1641.
Herrmann A. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig, 1938.
Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.
Honigmann E. s.v. Marinos von Tyros // RE. Hlbd. 28. 1930. S. 1767–1796.
Hulsevé A. F. P., Loewe M. A. N. China in Central Asia. The early stage: 125 B.C. — A.D. 23. Leiden, 1979.

Humbach H. Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 19. Mainz, 1972. S. 89–98.
Kiessling, s.v. Garenaioi // RE. Hlbd. 13. 1910. S. 755.
Kiessling, s.v. Hekatompylos 1 // RE. Bd. 7. 1912. S. 2790–2797.
Kiessling, s.v. Rabbanai // RE. Hlbd. 1 (2 R.). 1914. S. 11.
Kubitschek W. s.v. Lithinos pyrgos // RE. Suppl. 6. 1935. S. 232–233.
Kubitschek W. s.v. Maes // RE. Suppl. 6. 1935. S. 235–236.
Lasserre F. s.v. Marinos 2 // KP. 17. 1969. S. 1028–1029.
Lasserre F. s.v. Klaudios Ptolemaios //KP. 22. 1972. S. 1224–1232.
Lehmann-Haupt, s.v. Stadion 2. Metrologie // RE. Hlbd. 6 (2 R.). 1929. S. 1931–1963.
Lerner J. D. Ptolemy and the Silk Road: from Baktra Basileion to Sera Metropolis // East and West. Vol. 48. № 1–2. 1998. S. P. 9–25.
Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 15. Roma, 1946. P. 123–149, 286–320.
Nikonorov V. P. Apollodorus of Artemita and the date of his Parthica revisited // Ancient Iran and the Mediterranean world / E. Dąmbrowa (ed.). Kraków, 1998. P. 108–122.
Olbrycht M. J. Parthia et ulteriores gentes. München, 1998.
Piankov I. V. The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. 8 (1994). Bloomfield Hills, 1996. P. 37–46.
Piankov I. V. The Tochari — Who are They? // Anabasis: Studia Classica et Orientalia. 1. Rzeszów, 2010. P. 97–106.
Polaschek E. s.v. Ptolemaios als Geograph // RE. Suppl. 10. 1965. P. 680–833.
Raschke M. G. New Studies in Roman Commerce with the East // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 9, 2. Berlin; New York, 1978. S. 604–1361.
Ronca I. Ptolemaios. Geographie 6, 9–21. Teil 1. Rom, 1971.
Streck, s.v. Garamaioi // RE. 7. 1912. S. 750–751.
Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951.
Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Persien. I. Die Strassenzuge der Tabula Peutingerana. Wien, 1883.
Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. 1 // Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Kl. 116. Wien, 1888. S. 715–780.
Weissbach, s.v. Isidoros Charakenos // RE. Hlbd. 18. 1916. S. 2064–2068.

УКАЗАТЕЛЬ

ДРЕВНИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИМЕНА (личные и родовые)

Август 137–138, 205, 596
Авиен 132, 212, 215, 521
Авл Геллий 23, 25, 261
Авх 433
Авхаты 345
Агафархид 60, 74
Агафемер 477–478
Агрерата 320
Агриппа 137–138, 140–141, 146, 180, 186–187, 247, 523, 596
Азес 116
Азонак 85
Аид 79–80, 388
Алексамен 80
Александр Лихн 139, 141
Александр Македонский 31, 60–62, 70, 72–76, 85–90, 99–100, 102, 105–107, 109–110, 114, 116, 118–120, 124–125, 130, 142–143, 159, 161–163, 175, 183, 186–191, 194, 195–197, 203, 209–213, 216–218, 220–223, 225, 228–235, 237–238, 245–246, 248–249, 254, 257–259, 261, 266, 268, 277, 280, 282, 284–290, 292, 296, 337, 353, 356, 372, 395, 451, 480, 496, 498, 519–520, 560, 569, 600, 604
Александр Полигистор 74
Алиатт 431
Аместрида 94
Аминта 47, 292, 306, 309
Амитида 40–41, 44, 52, 552
Амитрохад 213
Аммиан Марцеллин 373, 447, 453, 558, 580
Амомет 134, 139
Аморг, Омарг 13, 40–41, 43, 495–496, 501–502, 504, 517, 519, 555
Амореи 396
Амшаспанды 373–374
Анаксимандр 478
Андрагор 564–565, 569
Андромах 289, 304
Антигон 23
Антиох 310, 494
Антиох I 184, 214, 247, 298
Антиох II 564
Антиох III 225, 259, 471
Антиох Гиеракс 564, 608
Аньси / Арсак / Аршакиды 601 / 564–566, 575–577 / 200, 358, 370, 532, 564, 568–572, 574, 577, 579, 600, 602–603
Аполлинарий Сидоний 448
Аполлодор Артемитский 93, 139–146, 181–183, 189, 195–197, 200, 203, 214, 246–247, 440, 457–459, 521, 562–566, 572, 574–576, 578, 592, 602
Аполлодор Афинский 196–197, 431
Аполлон 415, 543
Аполлонид 14
Аполлоний Родосский 50, 53, 59, 78, 93, 437, 477, 563
Аполлоний Тианский 79
Апулей 78
Арбак 17, 38, 551
Арвайтаданг 374
Арвасара 320
Арватаспа / Лухрасп 323
Ард-Вахш / Ардохшо 101, 231, 237
Арджасп / Арджатаспа 325–327, 462, 502, 552
Арезвак 370
Арженг / Арджуна 320–321
Ари[а]маз, см. также Ари[а]маза скала 76, 341
Аристагор 270
Аристей 80, 132, 140, 150, 382, 402–404, 412, 414–415, 418, 472, 541–543, 546–547, 559
Аристобул 62, 76, 86–90, 105, 144, 183, 189, 197, 220–222, 231, 245, 258–259, 278, 291, 297–302, 304–305, 307–310, 354, 451, 563, 585
Аристоксен 381
Аристотель 18–19, 23, 62, 80, 82, 183, 197, 223, 234, 371, 381, 443, 450–452, 467, 482, 498, 556–559
Армений 50, 78–79, 83, 188
Арнобий 50–51, 58, 74, 77–79, 81–84
Арпоксай / Апр / Фравак 334, 345, 551
Арриан 23, 62, 72, 76–77, 85–90, 105, 109, 116, 119–120, 124–125, 149, 182, 190, 192, 196, 217, 228, 230, 243, 245–246, 258, 266–268, 278–279, 285–291, 294, 297–301, 304–310, 327, 337–341, 431, 448, 483, 504–505, 560, 563–564, 574, 581–588
Арс/шак 471, 563–565, 569, 574–576

Арс/шакиды / Аньси 358, 370, 533, 565, 569–573, 580, 601, 603–604, 632–634, 636, 646–648, 650, 652, 655, 6874, 682
Артабаз 244, 257, 262, 291–292, 306, 308–309
Артаб/пан 30, 44, 47, 94
Артабан I 570
Артабан II 570–571
Артабан III 634, 648–650
Артаксеркс I 14, 18, 28, 44–45, 94, 245, 255, 490
Артаксеркс II 13–15, 17–18, 20–22, 28–30, 110, 255, 260, 262, 282, 551
Артаксеркс IV 457
Артасир 29–30, 43–44, 552
Артафрен 243
Артей 38
Артемидор 139, 141–143, 440
Артин 38, 52
Асидат 338
Асканий 433
Асклепий 13
Аспадат 43
Аспанд 17, 75
Астиа/иг 17, 20, 40–41, 75, 92, 282, 552
Астибар 38, 52, 326
Атросок 386
Аттал 291
Афиней 58, 188, 242, 263, 265–266
Афрасиаб / Франграсьян 218, 318, 416, 423
Африг 280
Ахемен 25
Ахемениды 12–15, 25–31, 91, 109, 111, 124, 153, 187–188, 209–210, 242, 249–250, 257–258, 272, 274, 281–282, 316, 321, 324, 343–344, 358, 365, 370, 379, 446, 490–491, 503–504, 513, 572, 600, 608
Ахумстут 199
Ахурамазда / Ормазд 157, 327, 373, 377, 383
Ашавазд 377
Ашем-яхмай-ушта 377
Ашока 163, 386
Ашшурбанипал 499

Бабил 50, 78–79
Багапат 43–44
Барсаент 338
Бахман 316, 326, 531
Бахрам Чубин 484–485
Бел 33, 35, 66
Белый див 320–321
Берда / Дерда 246, 292, 460
Берос(с) 448, 453, 457–458
Бесс 114, 228–229, 245, 257–258, 300–302, 305, 338–341, 358
Бетон 47, 261, 296
Бол 83
Борей (Аквилон) 134, 402, 541
Бранхиды 31, 109, 300–302
Бхригу 167–168
Вайсака 319
Вакх 468
Валерий Флакк 433, 521, 542–543
Вардан 570, 576
Варрон 137–139, 141
Василий Кесарийский 450
Вахш 101, 160, 226–227, 234–237, 507, 521–524, 582, 587, 589
Вахьяздата 328, 344
Вегерд 336
Вел 50, 78
Вима Кадфиз 155, 529
Виштаспа / Гуштасп / Гистасп 28, 94, 158, 198, 200, 257, 262, 280, 316, 321–323, 332, 334, 348–349, 362, 364, 327, 364, 372–373, 381, 495, 501, 504
Вологас / Валахш 370, 570
Вонон / Эвнон 570, 579

Гайомарт / Гайомартан / Кеюмарс / Джумарт 333–334, 336
Гекатей Абдерский 139, 141, 182, 562
Гекатей Милетский 99, 105, 115, 141, 214–216, 242–243, 246, 248–249, 251, 256, 261, 263–272, 274, 277–278, 281, 283, 435, 437, 441, 450, 469–470, 472–473, 476–487, 493, 542–544, 546, 549, 556–558
Гелланик 33, 66, 431, 433, 441, 456, 470–471, 475, 485, 495, 517, 540–545, 547, 549, 556, 558–559
Геракл 61, 191, 496, 534–537
Гераклид 79–80, 83–84, 382, 559
Гермипп 36, 78, 80–81, 83–85, 381–382
Гермодор 75, 79–80, 82, 381
Геродот 9, 20–23, 31–33, 57, 66, 68, 70, 75, 82–83, 90, 98–100, 103, 105, 114, 116, 118–119, 123–125, 131, 141, 205, 212, 215–216, 243–249, 251–259, 261, 267–268, 271–275, 279, 281–283, 334, 341–345, 410–411, 422–423, 433, 437–438, 447, 450–457, 463–487, 490–497, 499, 502–503, 511, 534–537, 540–549, 553, 557–559, 606
Гефестион 291–292, 306, 308–309, 582–585
Гигес 431
Гидарн 275
Гиппарх 136–138, 140–141, 180, 186, 224, 227, 269, 590–593, 595–596
Гиппократ 13, 540, 548–549
Гистасп / Гуштасп / Виштаспа см. Виштаспа
Гобрий 345
Гомер 59, 221, 430, 434, 440
Го/ундофар 506–507, 533–534, 570
Гонорий Юлий 101, 235, 247, 523, 596
Гопатшах 323
Горгий 291
Горгоны 402
Гордий 432–433
Гостан / Остан 50, 78–79, 81–82
Гот/дарз 569–570, 576, 664–666, 671
Дамасипп 82–83
Дамаст 480–481, 540, 549, 556
Дамигерон 78
Данишвар 532
Дану 167
Дардан 50, 78

Дарий I 14, 18, 28, 31, 100, 109, 123, 199, 235–237, 242–245, 248–249, 257, 262, 270, 275, 279, 281–282, 321, 327, 344–345, 349, 364–365, 380, 387, 446, 448–450, 452–453, 456, 464, 478, 497–498, 502–503, 544, 553–554, 616
Дарий II 13, 18, 30
Дарий III 337, 340, 457, 504
Деимах 184, 213
Деметра 468
Деметрий 23, 59, 91–92, 142–143, 145
Деметрий Скепсийский 431, 434
Демодам / Демонакт 101, 221, 225, 228, 246–247, 298, 310, 346, 493–497, 501, 505, 520–522, 561, 575, 600
Демокед 14
Демокрит 82–83, 183, 189, 197, 203, 212, 382, 475, 557
Дерда / Берда 246, 292, 460
Деркето 20, 35
Джамаспа 369
Джемшид / Йима / Яма 390, 393–394
Дикеарх 187, 269
Динон 61–62, 66–67, 74, 82–84, 100, 197, 373, 448, 453, 555
Диоген 382, 468, 475
Дидим 265
Диодор 13–14, 16, 32, 48, 57, 59–64, 67–76, 85–94, 105, 182, 189–190, 192, 194, 196, 205, 220–221, 231–232, 286–287, 295, 297, 299–300, 302, 304, 306, 308–309, 327, 338, 340, 358, 434–435, 437, 448, 474, 487, 550–551, 555, 584–585, 613
Диодот 225, 564
Дион Кассий 125
Дионис 61, 291, 496
Дионисий Милетский 21, 274, 469, 479–480, 493
Дионисий Периегет 99, 132, 134, 139–140, 142–145, 180–181, 186, 190–191, 195–196, 212, 215–216, 235, 247, 249, 447, 459, 465–466, 468, 471–476, 547
Дити 167
Дракон-Светильник 403
Друваспа 323

Евсевий 47, 57, 468

Заль 539
Зариадр / Заредр / Заривари 325, 501
Зар[и]асп 105–106, 208–209, 323
Зарина / Заринея 39–40, 52, 61, 91, 326, 501–502, 511–513, 552
Зенон 33, 48
Зороастр / Затрауст / Зарат / Зардушт / Заратуштра 33, 36, 50–51, 65–67, 71, 73–75, 78–85, 102, 158–160, 178, 190–191, 197–198, 209–210, 255, 280, 316, 321–324, 327, 335, 348, 357, 361–364, 367–383, 387, 550–551

Иероним 468
Изабат 43–44, 54–55
Иньмофу 519
Иоанн Цец 13, 59, 76, 92, 120, 458
Исидор Харакский 573
Исфандиар / Спандиат / Сфендадат / Спентодата 18, 55, 325, 328, 484–485

Йима / Джемшид / Имра / Яма 165, 390–397

Кадм 431
Каин 442
Каллимах 265, 563
Каллисфен 99, 203, 215–219, 223, 268, 307–310, 336, 452, 470–471, 483
Камбиз 328, 364, 381
Канишка 155
Капелла 132
Каран 289, 304–305
Ката/ен 124, 358
Ка/еяниды / Кавьяниды 198, 532
Кен 291–292, 306, 308–309, 582
Кефалион 33, 57–58, 65–67, 74
Кеюмарс / Гайомарт 333–334, 336
Кидрей 39
Кир 17–18, 20, 25, 28, 30–31, 40–43, 50, 53, 69, 78–79, 81, 92, 99–100, 198, 209–210, 249, 257, 261, 272, 280, 319, 327, 448–463, 470, 480–482, 496–498, 502–503, 544, 552, 605
Кир II 123, 125, 345, 350, 446
Кир Младший 13, 28, 121, 232
Кирсил 480, 487
Клавдий 145–146
Клавдий Птолемей 101, 134, 285, 323, 372
Клеарх 15, 17
Климент Александрийский 78–79, 129
Клит 291–292, 306–310, 584
Клитарх 60–62, 64, 67–68, 70, 72–73, 75–76, 85–90, 93, 105, 197, 208, 217, 220–223, 231, 245, 258, 297–299, 302, 304, 550, 560, 582
Кобад (Кей-Кобад) / Кавата (Кави-Кавата) 316–317
Каватиды 322
Колаксай / [С]колаксай 336, 345
Колот 79
Конон 15
Красс 533
Кратер 183, 190, 230, 290–291
Крез 41, 382, 431
Кроний 80, 382
Ксанф 74–75, 80–82, 245, 371, 382, 432, 514
Ксенофонт 15, 20, 24, 30–31, 69, 71, 205, 232, 282, 338, 353, 434–438, 447, 482, 552
Ксеркс 80, 82–83, 94, 109, 114–115, 121, 244, 255, 257, 274, 279, 281, 382, 490, 497, 503, 544, 574, 577, 605
Ксеркс I 17, 31, 109, 114, 243, 245, 262
Ксеркс II 18
Ктесий 8–51, 53, 55, 57–75, 77–78, 81, 84–94, 105, 115–116, 120, 182, 203–205, 223, 232, 249, 260–262, 271–272, 282, 322, 326, 328, 338,

373, 383, 448, 450–452, 458–460, 475, 496, 498, 501–504, 549–555, 557, 606
Ктесиарх / Ктесиох 13
Курций 60, 62, 67–68, 72–73, 76–77, 85–87, 89–90, 105, 120, 124–125, 129, 187, 196, 208, 216–217, 220–222–223, 229–232, 245–246, 249, 257–258, 285–288, 290, 292, 295, 297–302, 304, 309–310, 337–340, 448, 452, 459–460, 483, 504, 560, 575, 582–586, 588
Кушаны 155, 160, 196, 220, 506–507, 509

Лабиз 44, 55
Лигдамис 499
Липоксай 345
Лукан 215, 474, 484
Лукиан 23, 245, 255
Лухрасп / Арватаспа 316, 323

Мавак 504
Мадий 552
Май Тициан 140–142, 146–149, 312, 523, 525, 527, 589, 591, 595
Маккавеи 163
Максим Тирский 474, 476
Мануучихр / Менучехр 218, 531
Марин Тирский 140–142, 146–148, 150, 224–227, 311–313, 589–590, 592, 595
Ма(р)сагет 553
Маудак 551
Мауес 116, 506–507
Меандрий 82–83
Мегаберн 43, 282
Мегасфен 85–86, 88, 180–184, 189–192, 194, 197–199, 261, 447–448, 507, 520–522, 555, 566
Медьомах 376
Мела Помпоний 99, 101–102, 132, 346, 437, 541, 610
Мелеагр 291–292
Менандр 142–145, 508
Менедем 289–291, 305
Менекрат 431
Менипп Пергамский 434
Менуа 434
Мермер 39, 91
Мид/тас 431–432, 434, 436, 440, 443
Митра 115, 200, 276, 324
Митридат I 569
Митридат II 570, 654
Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) 207, 484
Му-ван 403–404, 409, 414, 419

Нап 345
Неарх 86–87, 183, 186, 189, 192, 197
Нин 17–18, 20, 33–36, 51, 61, 65–69, 71–73, 75–76, 78, 81–82, 84, 261, 272, 550–551
Ниний 33, 35, 552
Новзер / Нодар 322–323, 372
Наутары (Наутариды) 322–323
Нонн 180, 191, 196
Нумений 78

Ойбар 20, 41
Оксиарт 35, 49, 71–76, 338, 341, 550–551, 588
Омарг см. Аморг
Онесикрит 297, 304, 353–354
Онней / Оннес 35–36
Ормазд / Ахурамазда см. Ахурамазда / Ормазд
Ород 533, 638, 646, 648, 654
Ороз/сий 100, 187, 447–448
Оронт 29
Остан / Гостан 50, 78–79, 81–83, 382
Ох 18, 45

Пал 345
Палефат 431, 441
Памфил 50, 78–80, 83, 468
Памфила 25, 65
Пандавы 321
Панини 114, 116, 121
Паньг/ху 419
Паралаты / Парадаты / Пешдадиды 336, 345, 532
Парисатида 14–15, 20, 45, 272
Пармис 41, 52
Паршат 374, 376
Патрокл 100–101, 184, 208, 221, 268, 297–298, 300–301, 457–460, 480, 561, 563
Певколай 291
Пелопиды 431
Пердикка 87, 291
Петесак 41, 47, 53
Пиндар 543
Писсуфн / Пишьяутна 327
Пифагор 381
Платон 78–82, 84, 197, 371, 381–382
Плиний 57, 80, 90, 101, 132–133, 137–146, 180, 182–183, 186, 188–191, 195, 199, 208–209, 212, 214, 225, 234–235, 247, 285–287, 293, 296, 299, 310, 346, 382, 433, 436, 439, 442, 447, 458, 494, 521–522, 541, 543, 558, 560, 565, 573, 580, 587, 594, 596, 609
Плутарх 15, 21, 23, 163, 195–196, 285–289, 296, 299, 302–303, 308, 310, 327, 340, 354, 482, 533, 584
Полибий 100, 205, 214, 234, 340, 463, 471, 485, 575, 609
Полиен 72–73, 77, 196, 448–449, 553–554, 585
Поликлит 221, 297, 301, 343
Полиперхон 230
Помпей Трог 25, 195, 286, 448, 570, 575
Порудахшта 377
Порушаспа 371
Порфирий 163, 195, 354, 356, 468, 475
Посидоний 136–137, 139–145, 180–182, 186, 188–189, 196–197, 224, 227, 235, 247, 354, 563, 590, 592
Приам 431
Присциан 132, 212, 215
Прокандавл 76
Прокл 79–81
Прокопий Кесарийский 441
Протагор 82–83, 382
Псевдо-Скимн 450

Птолемей III 564
Птолемей, сын Лага 86–87, 105, 245, 258, 291, 297, 560
Птолемей Клавдий 101, 134, 139–142, 144–148, 150–151, 181, 188, 210–214, 224–228, 235–236, 247, 249, 253, 278, 285–287, 293, 298–301, 304–305, 307, 310, 372, 456, 460, 487, 508, 523, 525, 527, 589–596

Равеннский географ 145, 247–248
Рахия 145–146, 565
Родогуна 30
Роксана 72–73, 75–76, 230–231, 551
Руса 434
Рустам / Родастахм 167, 512, 531–538
Рхша / Ариш 218–219, 485

Сам 532–533
Сандрокотт / Чандрагупта 181, 190, 213
Сарданапал 17, 38, 61, 90–91
Сасаниды 154, 334, 358, 370. 375, 396, 507, 532
Сатасп 480
Сатибарзан 116, 120, 338
Себеос 219, 484
Секиндиан 18
Селевк I Никатор 181, 184, 190, 213, 247, 298, 310, 346, 459, 494
Селевк II Каллиник 259, 471, 564–565, 608
Селевкиды 162, 209–210, 505, 564, 568
Семирамида 19–20, 33, 35–38, 61–62, 65–67, 71–72, 76, 82, 85–90, 496, 550–551, 554
Сен / Сайна 199, 370, 376
Сесострис 90
Сиавуш / Сьяваршан 318–319
Сибиртий 181
Симма 35, 49
Симмий Родосский 474
Синкелл 58, 565
Сисамн 275
Сисимит/фр, см. также Сисимитра скала 232, 341
Сиямак 334
Скилак 105, 205, 242–243, 246, 248, 251, 256, 261, 267, 270, 478, 481, 484
Скиф 345
Солин 132, 494
Софенет 435
Софокл 163, 265, 434
Спаргапис 319
Спаретра 40, 502, 513
Спартак 534
Спитак 43, 54, 282
Спитам 54, 282
Спитамен 114, 124–125, 129, 245–246, 258, 289–291, 294–295, 304–305, 307, 338, 340–341, 349
Стабробат 89
Стасанор 354, 356
Стефан Византийский 55, 58, 92–93, 196, 204, 208, 242, 256, 261, 263, 266, 326, 434–435, 441
Страбон 23, 62, 76, 87, 89–90, 98–102, 105, 116, 118, 142–144, 161, 163, 179–183, 185–192, 194–197, 204–205, 208, 212–216, 224–225, 227–228, 231, 245, 248, 258, 266, 268, 273–274, 279, 285–287, 293–294, 297, 299, 302, 308–310, 326, 343, 346, 353–354, 356, 359, 430–436, 438, 440–442, 447–448, 450, 453–455, 457–458, 465–471, 474–476, 479–482, 485–486, 491, 499, 502, 506, 518, 541–544, 563–565, 571–576, 579–580, 585–586, 588, 603, 607
Стриангей / Стриалий 39–40, 52, 91, 502
Суппилулиума 435
Сурена 533
Сурены 507, 532, 538
Сухраб 531–533, 536–538
Сфендадат / Спентодата 18, 55, 325, 328
Сыма Цянь 409, 411, 419, 520
Сюань Цзан 319, 525

Таксил 354–355
Таниоксарк 43–44, 55, 261, 272
Тантал 431
Таргитай 334, 336, 345
Тахмине 536–537
Теофил 447
Т/Феофраст 183, 191, 234, 522, 559
Тибетис 44
Тиридат 564
Тиссаферн 13–14
Тиштрия 218
То/амирис 123, 448, 453
Тохар 323
Трог Помпей см. Помпей Трог
Туса 319, 322–323

Уджагорресент 14
Улинь-ван 404
Усан / Усадан / Ушанас 158, 316–318, 320–322, 324, 332

Фарасман 334
Фа/еридун / Трайтауна 334, 538
Фарнак 257, 275
Фарнух 125, 129, 196, 289
Феодор бар Хонай (Конаи) 380
Феодор Мопсуестийский 380
Феофан 480, 487
Ф/Теофраст см. Т/Феофраст
Феопомп 80
Филостефан 38
Филострат Младший 447, 450, 453, 466, 473
Фома (апостол) 533
Фотий 16, 21–23, 25, 32, 48, 52–53, 55, 58–59, 64–65, 70, 93–94
Фраат I 569
Фраат II 569
Фравак / Апр / Арпоксай 334, 345, 551
Фрадахшта 377
Франграсьян / Афрасиаб см. Афрасиаб / Франграсьян
Фратаферн 292
Фрикс 440, 442

Фронтин 100, 448
Фрьяны 377, 487

Харес/т 187, 297, 299, 304, 495, 501, 517
Харон 21
Херил 562
Хозяйка Запада (Сиванму) 403
Хориен, см. также Хориена скала 232, 341
Хосров / Хусрав / Хаусрава / Сушравас /
Хосров (Кей–Хосров) / Хаусрава (Кави–Хаусрава)
316–320, 324, 375, 416
Хосров I Ануширван 370
Христос 380
Хум / Хаума 319
Хушенг / Хаушьянгха 334, 336

Цец Иоанн см. Иоанн Цец

Чандрагупта / Сандрокотт 181
Чжан Цянь 519, 600

Эвагор 15
Эвдокс Книдский 80, 84–85, 381, 557, 592
Эвдокс Родосский 85, 99–100, 471–472, 474–475,
485–487, 491–492, 542
Эвксенипп 505
Эвнон / Вонон 579
Эврипид 163, 338
Эвтидем 225, 340
Элиан 19, 23, 58, 213, 468, 475, 557–558
Элий Аристид 447
Эмилий Драконтий 448
Эпикур 79
Эр 78–84
Эратосфен 99, 101, 136–139, 142, 150, 161, 179–187,
189–190, 195–196, 203, 211–214, 224–228,
232–233, 243, 248, 265, 267–270, 298, 311–313,
459, 471, 477–480, 483–485, 505, 527, 555, 562,
572–573, 586–587, 589–592, 595
Эсхил 204, 340, 439, 547
Эфор 269, 431, 433, 438, 548, 555–556, 558, 561
Эхидна 537

Юлиан 50, 78–79
Юлий Гонорий 101, 235, 247, 523, 596
Юстин 25, 66–67, 100, 195, 245, 286–288, 304,
308–309, 448, 453, 564, 585

Яздегирд 532
Яма / Йима 390
Ясон 38, 480

ДРЕВНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ*

Абдеры с. 82
Абидос с. 431
Абрагана с. 136
Авзакийские г. 135
Авзакитида 135
Авзакия с. 135–136, 147
Адрапсы / Драпсаки с. 105, 313
Адрий р. 526, 542
Азия 17–21, 28, 33, 37, 67–69, 132–133, 136, 138,
142, 182, 185, 187–188, 205, 214, 217, 220–223,
228, 244, 246–247, 252, 261, 264–269, 273, 298,
311
Айватак р. 373–374
Акес р. 244–245, 248, 251–254, 256–257, 271–274,
277–280
Аксий р. 432
Алазия с. 431
Алазоний р. 441
Албания (Кавказская) 197, 362, 480
Алиба / Халиба 430
Александрия у ариев 663
Александрия Египетская с. 134, 136, 148, 286, 293,
296–298, 477
Александрия Эсхата (Крайняя) с. 224–225, 304,
313–314, 595–596
Амасия с. 286
Амис с. 267–268, 477–478, 481, 484
Амиргийская р-на 485, 501, 517
Анкира с. 565
Аннибские г. 135
Антиохия Маргианская с. 311
Антиохия в Скифии с. 505, 561, 595–596
Аншан 344
Аорн с. 105
Апахшира (Голова Сагистана) 376
Апполониатида 661
Аравийский зал. 481
Аравия 88, 150
Аракс / Ариш / Рхша р. 98–100, 111, 123, 211,
214–216, 218–219, 223, 237, 259, 268, 415, 435,

* Сокращения: г. — горы; зал. — залив; м. — море; о. — остров, полуостров; оз. — озеро; прол. — пролив; п-ня — пустыня; р. — река; р-на — равнина; с. — селение, город; хр. — хребет.

441, 447, 449–454, 462–463, 466–469, 472–474, 476–488, 537, 547, 553–554, 557
Аранг / Рангха 218–220, 484–485, 487
Аратта 173
Арахос/зия / Харахвати 158–159, 163, 168–169, 181, 187, 191, 195, 198–199, 221, 275, 327–328, 338, 342, 355, 370, 386, 506–507, 520, 531
Арбелитида 644
Арва / Руа 320
Аргантонские г. 431
Аргирий с. 431
Ардви / Ардви-Сура-Анахита р. 101–102, 375
Аре/ий р. 225, 256
Аре/ия / Харайва 109, 158, 168, 212–214, 218, 260, 273–279, 281, 338, 342, 346, 356, 570–575, 577, 600, 602
Аре/ия с. 338
Ари[а]маза скала 76, 108, 230, 306–307, 310, 341, 582–585
Ариана 157–164, 168, 175, 177–201, 331–332, 338, 348–349, 355, 357–359, 386, 573, 612
Арийская Хшута г. 219
Аркинейский хр. 557
Армения 188, 268, 275, 435–436, 499–500, 637
Армения Малая 434–435, 440
Аррапахитида 644
Аррапха с. 644
Артамис р. 311, 313–314
Артемита (Халасар) с. 145, 182, 247
Арьяна-Вайджа / Эран-Веж 158–159, 166, 280, 322–323, 331, 334, 371–373, 375–378, 391–392
Арьяшайана 322–324
Асаак с. 565
Аскания 432
Аскания / Аскатака / Асканимия р. и оз. 440
Аскатанка г. 147
Асмирейские г. 135
Асмирея с. 136, 147
Аснаванд г. 375
Аспакара с. 136, 147
Ассирия 34, 49, 57, 188–189, 436
Аставена 250, 564, 569, 572–573, 576
Астакенский зал. 431
Астиры с. 431
Атарней с. 431–432
Атиан р. 133
Атлантида 81, 84
Атлантическое м. 467, 480
Атропатена / Атурпатакан 158, 370–372, 377
Аусинд / Ус-Хинду о. и г. 101–102, 375
Аушан-руд р. 373–374
Афины с. 12, 22, 285
Ахаса 135
Ахшарт / Яксарт р. 101, 107, 109, 124, 134, 144–145, 187–188, 209, 211, 216, 218, 221–222, 224–225, 227, 235, 247, 298, 313–314, 378, 494, 505–506, 508, 517–521, 523, 525, 561, 589–595, 600, 605, 610
Баги с. 108
Бакир г. 391
Бактр / Балх-рот р. 208, 378
Бактрия / Бактриана / Бахтри / Бахди /Бахл / Балх 18, 19, 28–29, 31, 36, 61, 68, 72, 75, 142–145, 148, 154–155, 158, 161–164, 170, 181, 188, 191, 195–196, 200–213, 220, 223–229, 233, 237, 247–248, 272, 277, 279, 293, 307, 310–316, 322–323, 326, 328, 336, 349, 484, 502, 520, 563, 588–595, 605
Бактры с. 28–29, 31, 71–73, 76, 87, 105–111, 147, 149, 208–209, 231, 268, 311, 373, 477, 481, 582–583
Бамбуковая р. 404
Баригазы с. 149
Барка с. 31, 109
Басиста 110, 289, 294, 306, 308–309, 314, 584–585
Баскатис р. 627, 658
Баги с. 108
Баутис р. 135, 141, 150
Белая (Всеарийская) п-ня 320, 326, 502, 552
Беотия 286
Бермий г. 431–432
Беста / Буст с. 158, 199, 376
Бет-Гармай 644
Бидасп р. 519, 525
Бик р. и оз. 541–542
Борисфен р. 147, 220, 431, 433, 542–543, 558
Боспор прол. 244, 246, 257, 292, 314, 430, 440, 450, 453, 460, 488, 553, 560
Брахмаварта 168–169
Бубакена 230–232
Буйная р. 412

Вавилон с. 13–15, 20, 35, 61, 87–88, 110, 379, 381, 463, 502, 648
Вавилония 15, 30, 87, 111, 182, 188, 247, 256, 275, 327
Вандабанда 525, 596
Вахви-Датья / Вангхви-Датья 158, 165–167, 200, 323, 325, 334, 373–377, 587
Вех-рот / Вех / Ох / Дати(к) р. 218–219–220, 373–375, 377–378, 484–485, 487, 576, 587
Вахш(у) / Вакшу р. 226–227, 234–235, 237, 507, 520, 522, 524, 582, 587
Великая п-ня 403
Великая Тьма 403
Великое м. 84, 185, 268, 483
Византий с. 147
Вифиния 34, 49, 285, 432, 440
Вологезия с. 633, 650
Ворукаша / Ворукарта / Фрахвкард м. 101–102, 162, 325, 479
Вэньсу с. 667–668, 680

Габы с. 217
Гавгамелы с. 114, 121, 124, 337–338, 340, 513
Газа с. 107, 303
Газаба 231
Галис р. 437–438

Ганг р. 88–89, 135, 144–145, 149, 168, 520, 580
Ганг / Канг р. и с. 318–319, 409, 416, 421, 580
Гандара / Гандарика / Гандаритида / Гандхара 159, 186, 188, 195, 198, 212, 267, 275, 321, 503, 506–507, 650
(Г)арпас р. 435
Гедрос/зия 187–189, 191–192, 198
Гекатомпил с. 564, 572
Геллеспонт прол. 147, 244, 440
Гелон с. 558–560
Гемодские / Эмодские г. 134–136, 143–145, 507, 520–522
Генет с. 437
Гераклея Понтийская с. 432
Геракловы Столбы прол. 269, 467
Герируд р., см. также Теджен 158, 168, 209, 225, 248–251, 253–254, 257, 272–271, 277, 331–332, 378, 563, 587, 611
Герр р. 543
Гибинь 506, 519, 526–527, 529
Гидасп р. 86–90
Гиераполис (Бамбика) с. 147, 637, 643
Гиктанис р. 188
Гимниада / Гимнасия с. 435
Гипанис р. 142, 144–145, 433, 478, 543, 558
Гиркания 30, 100, 104, 109, 142, 188, 215, 219, 221, 243, 250, 254, 257, 259, 267–268, 270, 272, 274, 303–304, 314, 355, 459, 461–462, 471, 481, 483–487, 490, 552, 570–573, 576, 579, 595, 600
Гиркания с. 30, 100, 109, 142, 219, 221, 243, 254, 259, 267–268, 272, 303–304, 314, 459, 461–462, 471, 481, 484, 486–487, 570–571, 576, 579, 600, 606, 608
Гирканский зал. 98–99, 466–467, 479
Гирканское м. 266–267, 269, 451–452, 455, 459, 463, 467, 469, 477, 480–483, 557, 591, 593, 595
Гозбон / Казбион 218–220, 484
Горметерион с. 135, 147
Граник р. 303, 338
Греко-Бактрия 143, 162–163, 184, 195, 223, 235, 332, 565, 604
Греция / Эллада 16, 31, 60, 80, 82–83, 114–115, 162, 243–244, 255, 257, 274, 286, 327, 341, 381–382, 431–432, 503
Гуйцы с. 668, 690
Гумо с. 684–685, 696–697
Гусиные Ворота 403

Давань 506, 519
Даксата с. 136, 147
Дамаск с. 110
Дамна с. 136, 147
Данава / Танаис р. 10, 18–19, 34, 67–68, 107, 118, 167, 187–188, 209, 211, 217–218, 220–223, 233, 257, 288, 290, 300–305, 314, 451, 457, 461, 476–478, 490–496, 505, 513–517, 541–542, 546, 555, 557–559, 574, 559–561, 574–575, 600, 609, 613
Даргам / Даргаман / Даргамис р. 107, 293, 311, 313–314, 372, 378, 587
Даргойд р. 293
Дарджа / Дараджа р. 371–372, 375, 378
Даскилитида оз. 431
Дати(к) / Вахви-Датья р. 158, 165–167, 200, 323, 325, 373–375, 377–378
Дахя 506, 519
Диауехи 436
Дидимы с. 31
Дим р. 627, 658
Дориск с. 243, 274
Дрангиана / Зранка 109, 158, 161, 168–169, 195, 198, 254, 274–275, 282. 316–317, 326, 338, 342, 356, 507, 531, 570
Дрепса / Драпсаки / Адрапсы с. 105, 313, 587, 592, 595
Дришадвати р. 168
Дросаха с. 136, 147
Дуньхуан / Ф/Троана с. 136, 147, 150

Евфрат р. 87–88, 90, 147–148, 187, 311, 435, 440–442
Египет 34, 68, 83

Железные ворота 227, 231–232, 341, 585, 588, 594
Жунлу с. 685, 689

Задракарта с. 666
Зариаспа р. 105–106, 208–209, 293, 314, 323, 652
Зариаспы с. 105, 290–291, 307, 652
Зарис с. 552
Зевгма с. 637, 643
Зелия с. 431
Земной Запор 402, 404, 410
Зишманд р. 378
Золотой Херсонес 150
Зранка / Зранг / Дрангиана 158, 318

Иу с. 697
Имав / Имай / Имайский хр. 261, 626–630, 651, 657, 662–668, 670–674, 678, 680, 682
Инд р. 10, 18–19, 28–29, 37–38, 85–90, 168, 181–182, 186–190, 195, 209, 212, 225, 267, 269–270, 450–451, 501, 520, 674
Индийское м. 355, 483
Индия 16–29, 38, 42, 45, 61, 65, 68, 86, 100, 110, 116, 121, 132, 135–136, 139, 143–145, 162–163, 169–172, 182, 185, 187–195, 207, 212–213, 247, 267, 269, 272, 312, 320–321, 354, 456, 481, 505–507, 512, 519–520, 555, 561, 590–592
Индоскифия 520
Индрапрастха с. 321
Иония 31, 338, 436
Иран 8, 11, 25, 121, 154, 156, 160, 162, 164–166, 170, 184, 218–219, 320, 334, 373, 462, 485, 531–532, 569
Исам 143–145
Испания 132
Исс с. 303
Исседон Серский с. 136, 147
Исседон Скифский с. 135, 141, 147

Истр р. 220, 412, 440, 450, 453, 466, 472–473, 486, 542–543
Италия 25, 133, 286
Ишката 200, 276–277, 324–325

Кавказ / Кавказские г. 144, 186, 211, 213, 224–225, 252, 268, 288, 346, 405, 426, 441–442, 452, 455, 525, 590–591
Казбион / Гозбон 218–220, 484
Каинна р. 144
Камбара р. 133
Камбоджа 321
Каменная Башня 147–148, 150
Кампас р. 402, 404, 543
Канг / Ганг / Кангха / Кангюй 281, 318–319, 509–510, 580, 600, 607, 637
Кангдиз с. 319
Кансавья оз. 317
Каписа с. 328
Каппадокия 34, 223, 232, 244, 275, 338, 442, 499
Каренитида / Карна 435
Карианда с. 242, 270
Кариаты с. 105, 293
Кариск с. 557–559
Кария 13, 34
Карманийская п-ня 185, 573
Кармания 183, 185, 187–188, 190, 344, 570
Карры с. 129, 533
Карфаген с. 87
Касийские г. 135–136
Касия 135
Каспапир с. 267, 269
Каспиана / Каспийская земля 11, 18–19, 34, 70, 223, 272
Каспийские ворота 19, 185–188, 243, 248, 267, 269, 272, 571–572
Каспийский зал. 452
Каспийское м. / Каспида 10–11, 19, 96, 98–102, 111, 133–134, 149–150, 165, 221, 243, 266–269, 277–278, 298, 314, 325, 346–347, 375, 450, 452–455, 457, 459, 461–462, 465–467, 469, 472, 476–477, 479–488, 521, 552–554, 557, 560–561, 563, 576, 580, 593, 595, 597, 600–601, 606, 609, 613
Каспирия 144, 188, 503, 506, 525–529
Кассандрия с. 297
Каттигары с. 150
Керасунт с. 437
Кизик с. 544
Киликия 34, 87–88, 232, 268–269
Киос с. 431, 437
Кипр о. 15, 37, 87–88, 110
Кир р. 111, 480
Киресхата с. 107, 312, 314
Кирнаба зал. 133
Кирополь / Киресхата / Киры 107, 109, 118–119, 123, 130, 217, 304, 312, 314
Кирректика 643
Книд с. 12–13, 15–16, 29
Китай 121, 131, 404–405, 409, 414–417, 421, 569–571, 600
Коас р. 508, 523, 525
Койрас / Каурис г. 391
Колида мыс 133
Колхида 267–268, 412, 440–442, 477
Комед г. 627
Комисена / Кумис/ш 564, 572
Корон г. 646
Кос о. 14
Котиора с. 437
Кофантий 235
Кофет р. 190, 195
Красное м. 185–186, 483
Кремны с. 411
Крорайна / Лоулань с. 669, 670, 691
Ксениппы 106–107, 218, 292, 306, 308–309, 314, 338
Ктесифон с. 646, 648
Курукшетра 321
Кунакса с. 15, 121
Куньу 410, 414
Куча с. 663–671, 679–680

Лакедемон 15–16
Лан р. 133
Лесбос о. 473, 486
Ливанские г. 87
Ливия 31, 67, 109, 480–481
Лидия 30, 34, 53, 338, 431–432, 456
Лик р. 477, 562
Ликия 34
Лимирика 149
Лисимахия с. 268, 353
Лоулань / Крорайна с. см. Крорайна / Лоулань
Луковые г. 663–664, 668, 677

Магнесия 431–432
Македония 244, 297, 432
Мараканда / Маргания с. 106–107, 109–110, 123, 177, 217, 225, 246, 248, 258, 284–294, 296, 299–306, 308–313, 338, 349, 372, 574, 582–585, 587, 592, 595
Маракодра с. и р. 293, 310–313, 592
Марг / Марв р. 378, 459, 596
Маргиана / Мерв / Мулу 74, 158, 195, 214, 225–226, 276–277, 279, 285, 311, 314, 328, 342, 346, 349, 364–365, 456, 459, 544, 562, 570–571, 574–575, 582, 584, 589, 592, 600, 650
Марука с. 587
Масдоранские г. 573
Матиана 188
Мелитена / Мелид / Мелитеа 434, 436
Мелухха 173, 481
Меотийское оз. / Меотида оз. 149, 220–221, 223, 411, 450–451, 457, 461, 478, 541–543, 546, 548, 559–560, 563, 574, 578–579, 599, 602–603, 609
Мерв / Маргиана / Мулу см. Маргиана / Мерв / Мулу
Меру г. 521
Месопотамия 188–189, 396
Мигдония 431–432
Мидия 13, 18, 34, 57, 161, 185–189, 196–199, 238,

243, 255, 267–269, 282, 326, 328, 355, 362, 487, 571–572, 606, 612–613
Микале мыс 268
Милет с. 31, 109, 242–243, 274
Мирлея с. 431
Мисия 34, 49, 338, 432
Модура с. 519
Мосхийские г. 441
Мужа / Муджавант 376
Мулу / Мерв см. Маргиана / Мерв / Мулу

Навазак с. 325, 485
Навтак р. 374, 377–378
Нав/утака 106–107, 228, 230, 294, 306, 309, 314, 338, 585, 588
Наньду 526–527
Нефритовая г. 403
Никефорий 633
Никомедия с. 285, 431
Нил р. 18, 25, 34, 67–68, 481
Нин с. 20, 34
Ни/есея / Нисайя 375, 378
Ниса / Нисея с. 119, 250, 563–564, 570–571, 573, 576, 596, 602
Нисея Маргианская с. 596
Нодар с. 322, 372
Нубия 456

Оар р. 558–559
Одрисса р. 431
Озена 639
Ойхард р. 135
Океан 149–150, 477–478, 480, 482–484, 542, 556, 603
Окс / Оакс р. 31, 100–101, 107, 134, 144–145, 191, 203, 211, 214, 216–219, 224–238, 254, 273, 281, 288, 292–293, 300, 306–308, 312, 314, 338, 448, 450, 452, 459, 461, 471, 480–481, 485–487, 489–490, 498, 505, 507, 520–523, 525, 576, 580–597, 600, 609–610
Оксиана 188
Оксийские г. 585, 593–595, 610
Олизон с. 431
Ольвия с. 472–473, 488, 543
Орксант / Яксарт р. 101, 107, 109, 124, 134, 144–145, 187–188, 209, 211, 216, 218, 221–222, 224–225, 227, 235, 247, 298, 313–314, 451, 494, 505–506, 508, 517–521, 523, 525, 561, 589–595, 600, 605, 610
Оросана с. 136, 141, 150
Остобара с. 293
Островная область 487
Отторокора с. и г. 135–136
Ох / Вех / Вахви р. 225, 234, 293, 306–308, 314, 563–564, 575–576, 582–587, 600

Пактол р. 45
Пактийская земля 242, 267
Палиана с. 136, 141, 150
Палимбоф/тры / Паталипутра с. 150, 181
Паллена о. 244, 431–432
Памфилия 34, 268
Пангей 431
Пара/опам/нис / Параупарисайна 158, 185, 190, 194, 198, 211–214, 237, 252, 268, 346
Парган 374, 378
Паретакена 185, 231–233, 341
Париадр г. 434, 436
Парнасс г. 211–212, 216, 237, 252, 273, 450, 557
Парута 200, 276–277
Парфавниса с. 573
Парфау г. 573
Парфия / Парфиея 104, 121, 185–190, 243, 248, 251–252, 254–257, 266, 274–275, 279, 281–282, 303, 314, 326, 458, 502, 564, 568–573, 606, 611
Пасаргады с. 20, 88, 110, 344
Патишхваргар 219, 343
Пафлагония 49, 437
Пеней р. 244
Пергам с. 431
Персеполь / Персы с. 29, 43, 55, 88, 110, 113, 121, 178, 192–194, 204, 275, 344, 379–380, 449, 503
Персидский зал. 10, 185–187, 633
Персия / Персида 13–14, 16, 19, 21, 28, 34, 41, 53, 65, 92, 154, 161, 186–189, 196, 273, 328, 344
Пешьянсай 377
Пиада / Пиала с. 147
Платеи с. 124, 513
Политимет р. 106–107, 216–217, 284, 289–291, 304–305, 314, 338, 340
Понт м. 19, 147–149, 221, 223, 312, 437, 439, 473, 477, 493
Понт Эвксинский м. 111, 430–432, 541
Прина р. 144
Проконнес о. 402, 543
Пропонтида м. 34, 430, 437–438
Псифара р. 133, 138–139
Птичьих перелетов долина 524

Ра / Раха / Рангха / Аранг / Раса р. 166, 169, 200, 218–219, 479, 484–485, 487
Рага / Раг 371–372, 570, 572
Рагиана 371
Рим с. 60, 132–133, 137, 145–146, 286, 533, 568, 618
Рипейские г. 402, 404, 410, 541, 545–546
Родос о. 15, 147–148
Роксанака с. 108
Руа / Арва 320

Савроматика 188
Сагартия 275
Сайгашень с. 526
Сакасена 505, 519
Сакастана / Сакастан 156, 198, 327, 367, 370, 507, 520, 531–532
Саламин с. 15, 340
Салмидесская бухта 412
Салмунт с. 87
Самос о. 268, 472
Сандабал р. 525

Сарайу / Харайва р. 158, 168
Сарасвати / Харахвати р. 101, 168, 378
Сарды с. 41, 110, 243–244, 382
Сарифа г. 646
Саттагидия 212, 275
Селевкия на Тигре с. 145, 182, 247, 533
Сер р. 139
Сера с. 136, 147–148, 312, 625, 636, 641–642, 663, 665
Серийские / Серские г. 135–136
Серика 134–136, 140–141, 144–145, 147, 150, 188
Сиавушгерд с. 319
Симав р. 431
Синд р. 456, 570, 575–576
Синопа с. 437–438
Сипил г. 431
Сиракена 250, 572
Сирия 34, 37, 76, 87–88, 619, 630, 632, 634, 640, 643
Сирия Глубокая 34
Сисимитра скала 108, 125, 230–234, 341, 586, 588
Ситтакена 644
Сицилия 60, 286
Скены с. 637, 643
Скепсис с. 431
Скидис г. 434, 439
Скифия 134–136, 140–141, 147–148, 150, 207, 216, 218–219, 227, 303, 433, 484, 505, 507, 520–521, 535, 537, 543, 549, 553, 558, 596
Скифские п-ни 452, 605
Скифский зал. 101, 346, 461, 610
Скифский мыс 132–133, 138
Скифский океан 133, 137
Смирна 147
Согд / Согдиана / Сугдия / Сугда 28, 31, 94, 104, 106, 108–110, 134, 145, 155, 158, 161–162, 188, 195–196, 216–219, 224–237, 248, 258, 275, 277–279, 281, 284, 287, 289–295, 298, 300, 306, 309–314, 323, 335, 338, 340–341, 377, 384–387, 445, 456, 498, 502, 504–506, 508, 517, 525, 555, 588–595, 601, 605–606, 610
Согдийская Гава 200, 276
Согдийская п-ня 229
Согдийская скала 72–73, 76, 108, 230, 310, 341, 551, 583–584
Согдийские г. 235, 593–594
Соита / Соига / Согюй с. 135, 147
Солана с. 136, 141, 150
Соляное оз. 663, 667, 669
Соляная п-ня 320, 326, 552, 571, 573
Спарта с. 13, 15, 22
Спасину-Харакс с. 633
Стамена с. 437
Стоянка торговцев с. 527, 627–628, 635, 657, 659, 665, 666, 680
Стримон р. 432
Суз/сиана 19, 34, 272, 275
Сузы с.14–15, 20, 29, 110–111, 272, 275–276, 340
Сулэ 663, 666, 679–680
Сусия с. 277, 572
Сучжоу с. 150
Счастливые о-ва 148

Табис г. 133, 138
Тавр г. 133, 142, 144, 185–188, 214, 268–269, 311–312, 434, 436, 591
Тагурская г. 628, 671
Талка о. 101–102
Танаис / Данава р. 10, 18–19, 34, 67–68, 107, 109, 118–119, 125, 167, 187–188, 209, 211, 214, 217–218, 220–225, 233, 238, 247, 257, 288–290, 300–305, 314, 411, 451, 457, 460–461, 476, 478, 490, 493–498, 501, 504–505, 512–513, 517, 541–542, 546, 555–561, 574–575, 600, 604, 609, 613
Тапробана о. 145–146
Таруана / Тарава с. 344
Теджен / [Та]занд / Тоджан р., см. также Герируд 10, 158, 172, 225–226, 250–251, 271–272, 277–279, 281, 375, 378, 383, 561–563, 587, 611–612
Термет р. 378
Термодонт р. 437, 548
Тигр р. 145, 182, 186, 247, 440
Тингентера с. 132
Тины с. 639
Тир с. 630, 634
Тирас р. 433, 472
Тогарма 436
Тохаристан 155, 158, 218–219, 227, 234
Траксиана 570
Трапезунт с. 434, 436
Трибакта с. 580
Троада 34, 432
Троя с. 432, 440
Тубал / Тубал-Каин 442
Туран 218, 280, 325, 485, 491, 537

Уиндий г. 519
Урук с. 173
Ус-Хинду / Аусинд о. и г. 101
Уча 526
Ушидау о. и г. 317

Ф/Тагурская г. 135
Ф/Тапсак с. 87–89
Фарнакия с. 434–435
Фасис р. 111, 412, 477–478, 541
Фастея с. 108
Фермопилы 413
Фессалия 244
Фех-Хений г. 435
Финикия 34, 37, 87–88, 90, 110
Ф/Тины с. 149–150, 639
Фисон р. 218
Ф/Тогара с. 136, 147
Фраздану оз. 325
Фракия 220, 243–244, 274, 406, 412, 431–432, 442, 498
Фрахвкард / Ворукаша м. 101–102, 325, 375, 479
Фригия 232, 338, 431–432, 434, 436, 442
Фригия Геллеспонтская 34

Ф/Троана / Дуньхуан с. см. Дуньхуан / Ф/Троана
Ф/Тула о. 135
Хаарена 190, 195, 198

Хайтумант / Хетуманд / Этимандр р. 317, 378
Халдия / Халдириулхи / Халиту 434, 436, 439
Халиба / Алиба / Халива 430
Халкидика 431–432
Хара / Харбурз хр. 101–102, 165–166
Харайва / Харойу / Аре/ия 109, 158, 168, 273–279, 281–283, 324–325, 338, 342, 346, 356, 378, 570, 573, 575, 600, 602
Харайва / Харев / Аре/ий / Сарайу р. 168
Харахвати / Арахосия см. Арахос/зия / Харахвати
Харахвати / Арахот / Сарасвати р. см. Сарасвати / Харахвати
Хаттуса с. 440
Хаурана с. 135, 147
Хваджанд р. 378
Хванва г. 219
Хванирата 165–166, 200
Херонея с. 286
Хоана с. 219
Хоарена / Хорена / Хора / Хвар 53–54, 251, 343, 572, 611
Хоасп р. 195, 450, 452
Холбисина с. 587
Хорасмия / Хваризм 108–109, 278, 324, 343
Хориена скала 108, 230–234, 584, 586–588
Хринд / Эринд / Хнинта р. 570, 576
Хриса о. 133, 149
Хукарья / Хугар г. 101
Хшатросаука с. 319, 416
Хюми 526–527

Цзинь 409
Цунлин 522, 524, 529

Чайчаста оз. 319
Чешы 663, 670–671, 679–680

Шаньюэ 670–671, 679
Шаньшань 663, 669–670, 672–673, 679–680
Шуанми 526
Шумер 173

Эгейское м. 12–13
Экбатаны с. 14–15, 110, 305, 340
Эксампей р. 433
Эллада / Греция 16, 31, 60, 80, 82–83, 114–115, 162, 243–244, 255, 257, 274, 286, 327, 382, 431–432, 503
Эмод / Гемод г. 134, 143–144, 507, 520–522
Эойский океан 132–133, 137
Эран-Веж / Арьяна-Вайджа 158–159, 166, 280, 322–323, 331, 334, 371–373, 375–378, 391–392
Эринд / Хринд / Хнинта р. 570, 576
Эриф/трейское м. 19, 149–150, 185–186, 198, 467, 477, 479–483
Эсеп р. 431
Эфес с. 29, 45, 110, 232, 271–272
Эфиопия 37, 90, 481

Юйтянь с. 679–680

Яда 344
Яксарт / Орксант / Ахшарт р. см. Ахшарт / Яксарт, Орксант / Яксарт
Ясония с. 437
Яутия 344

ДРЕВНИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Абасги 607
Абзои 458
Абии 258, 277, 292, 448, 453, 458, 460–461, 608
Абии-скифы см. Скифы-абии
Абдериты 82–83
Авхеты 433, 558
Алазоны / Ализоны / Гализоны 429–443, 542–543
Аланы 114, 570–571, 580
Алародии 476
Амадоки 545
Амазонки 40, 259, 282, 402, 410–414, 418–419, 421, 427, 548–549, 555
Амарды / Марды 343, 346–347, 593–594, 610
Амиргии 485
Амиргийские скифы 494–496
Амиргийские саки 456, 493, 496–498, 500–503, 507, 509–512, 517–520, 522–525, 528
Аннибы 135–136
Андрофаги / Антропофаги 133, 135, 138, 140
Аорсы / Яньцай 111, 560, 578–579, 600–602, 604
Апарны / Парны 569, 575–576
Апасиаки / Апасии / Пасики / Пес(т)ики 100–101, 258–259, 346, 458, 461, 471, 490–492, 521, 564–565, 574, 579, 593, 595, 607–610
Арабы 64, 154
Арамеи 189, 197, 199
Арахосийцы 159, 191
Арбии 185, 192, 196
Аре/ии 116, 120, 274–275, 277, 332, 337, 339–341, 355–356

Ариаспы 182, 254, 326–327, 448
Арии / Арьи / Арианы 157–160, 161, 164–170, 173, 175–176, 178, 180–182, 189, 192, 197–199, 318–319, 322, 324–325, 336, 386–387, 416
Аримаспы 327, 402, 410–412, 414–415, 424, 427–428, 474, 541, 543
Аримфеи 545
Аристеи 592
Армении 435
Арменохалибы 436
Асии / Асианы (Пасианы) / Ятии / Юечжи 206, 279, 319, 386, 506, 509–510, 518, 566, 592, 602, 610
Аспакары 136
Аспасии 116, 118
Ассаке/аны 118
Ассирийцы 33, 36, 51, 64, 66, 77–78, 81, 90, 187, 189, 197, 199, 320, 322, 436, 439–441, 550–551, 572
Аставены 278, 573
Асуры 167, 169, 321
Аттакоры 134, 139, 562
Аугалы 592
Афиняне 15
Ахемениды (как племя) 440

Байты 136, 150
Бактрийцы / Бактрии / Бактрианы / Бактры / Бахлики 10–11, 19, 28–31, 36, 51, 54, 56, 66–68, 73, 75–76, 78, 82, 84, 98, 106, 111, 114, 116, 118, 124–128, 160, 163, 177, 187, 194–196, 199–200, 202, 204–205, 208–209, 211–216, 219, 222–225, 231, 234, 255, 257–258, 260–261, 267–269, 272, 275, 290, 292–293, 321, 323, 337, 340–341, 353–359, 373, 386, 396, 459, 496
Баркании / Гиркании 10–11, 19, 32, 53, 92, 115, 120, 248, 254, 260, 266–267, 269, 274, 278, 282, 459, 606
Билты / Улэй 525, 527
Брагманы (как племя) 144
Бриги / Фригийцы 167–168, 432, 434, 440
Брисары 134
Будины 557–559
Бхарата 168

Вавилоняне 65, 497, 500

Гализоны / Ализоны / Алазоны см. Алазоны / Ализоны / Гализоны
Галлы / Галаты 564
Ганг / Дариды 88
Гандары / Гандарии / Гандхары 116, 118, 212, 255, 266–267, 269, 275, 321
Гаринеи 136
Гедросены 185, 190
Геллеспонтийцы 87–88
Гелоны 476, 558–559
Гемикины 402
Германии / Кармании 10–11, 19, 32, 92, 185, 192, 260–261, 272
Гиперборей 134, 139, 402, 404, 410, 415, 475, 541–542, 562
Гиппофаги-скифы 135,140
Гирканцы / Гиркании / Баркании 10–11, 19, 30, 32, 69, 93, 115–116, 118, 120, 125, 127, 248, 254, 266–267, 274, 278, 282, 326, 354, 459, 570, 593, 606, 610
Гомодоты / Гюаньду 507–508, 517, 521–523
Гордии 476
Греки (Эллины) 14–15, 21, 31, 42, 74–75, 80, 82, 85, 108, 120, 129–130, 162–167, 191, 195, 197–198, 202, 209–210, 242, 244, 246, 291, 296, 332, 356, 359, 381, 403–404, 411, 413, 435, 437, 439, 442, 453, 460, 463, 472–473, 475, 478, 480–481, 494, 496–498, 500–501, 517–518, 524, 534, 561, 572
Гринеи 592

Дайвы / Дэвы 167, 169, 396
Мазанские дайвы 320
Дайтьи 167
Дамны 135
Данавы 167
Дарды / Дарады / Дадики 116, 118, 144, 169–170, 199, 212, 255, 275, 321, 503
Дахи / Даи 129, 257, 457–458, 489–490, 560–561, 563, 574–580, 602–610
Дербики / Дербикки / Дербии / Дербиссы / Деркебии 10–11, 19, 28, 32, 55, 69–70, 92–93, 116, 215, 249, 251, 261, 277, 282, 448, 453, 458–460, 468, 475, 496, 554–555, 579–580, 592–594, 606, 608–610
Дерсеи 355
Дирбеи 10–11, 32, 53, 459, 555
Ди / Дисцы 416–417, 419–420
Ди Красные / Дили 409, 419
Ди Белые 409
Динлин / Динлины / Дили 409–410, 417, 419–420, 422–423, 427
Дранги / Заранги 34, 49, 69, 178, 185, 187, 190, 192, 195, 332, 337, 339–340, 355–356, 594
Дрепсианы 592
Дрибакты / Дре/ибики 580, 593–594, 609

Египтяне 87–88

Жун / Жуны / Жун–ди / Цюань-жуны 403–404, 409–411, 414–416, 416–420, 423–425

Заранги / Дранги 332, 337, 339–340, 355–356, 594

Иберы (кавказские) 259, 441–442
Изы 143
Иллирийцы 303
Индийцы, инды 10–11, 28–29, 33–34, 37, 42, 46, 87, 90, 124, 132, 139, 142–145, 162, 167, 182, 187, 190, 192, 195, 218, 317, 320–321, 354–355, 395, 496
Индо-парфяне 571
Иньцы 409
Ионийцы 31, 88, 109, 243

Исары 143–145
Исседоны 131, 136, 140–141, 215, 402, 404, 412, 415, 418, 423, 466, 472–473, 541, 543, 546–548
Ихтиофаги 185

Кадусии 11, 19, 34, 49, 196–197
Калинги 144
Каллипиды 433, 542
Камбоджи 161, 317, 321, 355
Кандары 593–594
Кармании / Германии 10–11, 19, 32, 92, 185, 192, 260–261, 272, 344
Каспии / Каспиры / Касиры / Каспейры 10–11, 32, 53, 65, 114, 126, 128, 138–139, 143–145, 196, 199, 353–354, 358–359, 455–457, 462, 501, 503–504, 510, 517, 519, 524–525, 528–529, 545
Касситы 170
Кены / Кениты 442
Керкеты 441
Киконы 134
Киммерийцы 406–407, 411, 443
Киприоты 87–88
Кирродеи 592
Киртии 343
Колхи 259, 268, 282, 441, 476–477, 562
Комеды 508, 517, 523–527, 596
Куру 170
Куру-Панчала 321

Левкосиры 437
Ликийцы 196, 289

Маги (как племя) 355, 370–371
Македоняне 142, 146, 246, 268, 338, 572, 583
Макроны (Санны) 435, 437, 440
Маллы 144, 304
Мандеи 144
Марды / Амарды / Мардиены / Мандруаны 343, 343, 346–347, 593–594, 610
Мары 440
Массагеты / Мазкиты 28, 99, 111, 114–116, 118, 120, 123, 125–126, 215, 246, 248–251, 257–258, 277, 282, 292, 295, 318, 326, 417–418, 423, 446, 453–458, 466–475, 482–492, 513, 542, 575, 579–580, 603, 606–609, 614–615
Матеры 487
Матиены 98–99, 215, 441, 466, 476, 486–487
Матикеты 469
Меланхлены 558–559
Мемакены 109, 217
Мигдоны 432
Мидийцы 10, 19, 30, 38–39, 67, 91, 114, 197, 200, 282, 502, 504, 606
Мики 476–477, 566
Моссинойки 437–438, 440, 443, 482
Мус/ши / Мисы / Мёсы 439
Мус/шки / Мосхи / Месхи 439–442

Нав/утаки 230–231, 588
Невры 543, 557–559
Нисеи 278, 574
Одноглазые 402–403, 410–411, 423–424
Ойхарды 135
Оксианы / Оксидранки / Окситтаги 249, 346, 580, 592–594
Олизоны 431
Ориты 159, 185–186, 191–192, 198, 335
Ортокорибантии (острошапочные) 277, 282, 498, 544, 553–554, 606, 609
Отторокоры 136

Пактии 341
Памфилийцы 382
Куру-Панчала 321
Паретаки / Париканы (Пари[та]каны) 108, 230–231, 586–588, 594
Парны / Апарны 569, 575–576
Паропам/нисады (как народ) 186, 190, 192, 194, 198, 212–231, 332, 590
Парфяне / Парфии / Парфиеи / Парфы 10–11, 19, 28, 116–117, 121, 124–128, 184–185, 187, 192, 243, 248, 260–261, 266, 268–269, 272, 277, 503, 509, 533, 552, 564–565, 571, 575, 579
Парсиеты 520
Пасианы / Асианы 279, 506, 509, 518, 566
Пасики / Пес(т)ики / Апасиаки 100–101, 258–259, 346, 458, 461, 471, 490–492, 564–565, 574, 579, 593, 607–610
Патисхоры 343
Персы 19, 28, 30–31, 39, 43, 67, 82, 91, 114, 121, 124, 159, 162, 184, 187, 197, 218, 237, 245, 249, 256, 273, 277, 279, 280–282, 326, 332, 343–345, 451, 456, 463, 481, 486–487, 496–498, 500–502, 510, 553, 605, 609
Пиады 135
Пуру 168

Раббаны 136
Римляне 125, 142, 202, 533, 571

Савроматы / Сирматы / Сарматы / Саримы 117, 259, 418, 421, 423, 476, 512, 541–542, 546–548, 556, 559–560, 577–578, 602, 613
Сагартии 347, 566
Сакарауки / Сакараулы 145, 259, 490, 506, 508–510, 518–519, 566, 608
Саки царские (сай-вань) 496, 567
Саки амиргийские (хаумаварга) 456, 485, 493–503, 509–512, 517–525, 528, 554
Саки острошапочные (тиграхауда) 123, 449, 498, 544, 553–554
Сани / Санийцы / Усуни 506, 508, 510, 569, 577
Санны (Макроны) см. Макроны (Санны)
Сарангеи 254, 273–274, 279, 341
Сарапары 347
Саспиры 347, 476
Серы 133–134, 138–139, 143, 146–150, 565
Сесаты 149
Сизиги 135
Сины 135–136, 150

Сираки 347, 554
Сирийцы 189, 623
Скифины 435, 439
Скифы-абии 135, 140, 300, 314
Скифы царские 345, 496, 542, 558–559
Скифы-пахари 433
Скифы европейские 114, 117, 220, 246, 258, 457, 460, 496–499, 504, 512, 560–561, 575, 605
Скифы азиатские 217, 257, 314, 460, 504, 512–513, 517, 560–562
Скифы острошапочные 277, 282, 609
Сколоты 336
Согдийцы / Согдианы 28, 107, 114–116, 119, 125–129, 155–156, 195–196, 199–200, 231, 217, 224–225, 229, 236, 258, 288, 291–293, 299, 302, 304–306, 308–310, 332, 336–337, 340–341, 353–354, 358, 386, 503–506, 525, 577, 583, 588–590, 592, 600
Спартанцы 15–16
Суз/сийцы 19, 337

Таохи 435–436
Тапиры 10–11, 19, 32, 47, 459, 573
Тербиссы / Дербиссы / Дербики 10–11, 19, 28, 55, 69–70, 93, 116, 249–251, 261, 277, 282, 448, 453, 458–460, 475, 554, 579–580, 592–594, 606, 608–610
Тибарены 437, 440
Тохары / Фокары / Тахоры / Ф/Тагуры / Тукхара 131, 134, 136, 139, 143–145, 155–157, 167, 206–207, 319, 323, 386, 506, 508, 519, 566, 592
Туры 325–326, 391, 422–423
Туры данайские 224

Улэй / Билты 525, 527
Уксии / Уджа 344, 346–347
Урарты 439–440
Усунь / Усуни / Сани 506, 508, 510, 569, 577
Утии 344

Ф/Тагуры 136, 629, 671
Ф/Таманеи 254, 273–274, 279
Фасианы 435
Финикийцы 87–88, 480

Фокары / Тохары см. Тохары / Фокары
Фригийцы / Бриги 167–168, 432, 434, 440
Ф/Троаны 136, 629, 670, 672
Фтирофаги 487
Фуны / Фауны / Фру/ины / Хунны 134, 139, 143–145, 153, 325, 410, 415–417, 420, 422, 425, 506, 565, 569

Халды / Халдеи (Кавказские) 78, 82, 430, 434–435
Халибы 430, 434–443
Арменохалибы 436
Хариматы 441
Хаты-скифы 135, 140, 628
Хауранеи-скифы 135, 628
Хиониты / Хьяуна / Хяньюнь 325, 457, 462, 485
Хиротосаги 143
Хорасмы / Хорасмии / Хорамнии / Хорамнеи 10, 19, 28, 31, 54, 65, 108, 118, 126–128, 177, 242–251, 254, 256–264, 266–275, 277, 280–282, 291–292, 307–309, 326, 341, 355, 461, 550, 592, 594, 608, 610
Хунны / Фуны / Хунну см. Фуны
Хурриты 170
Хюсюнь 523–524, 526–527, 656, 660

Цян / Цяны 409, 419–420
Жо-цяны 526

Чжоу / Чжоусцы 409, 414

Эвергеты 190, 448
Эламиты 344, 396
Эллины (Греки) см. Греки / Эллины
Эфталиты 155–156, 175, 206–207

Юечжи / Ятии / Асии см. Асии / Асианы (Пасианы) / Ятии / Юечжи
Юечжи Большие 519, 526–529

Яксарты 140, 494, 592, 600
Яньцай / Аорсы см. Аорсы / Яньцай
Ятии / Асии / Юечжи см. Асии / Асианы (Пасианы) / Ятии / Юечжи

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 6
Часть 1. Средняя Азия в древнем мире. Разное ... 7
1. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия ... 8
2. Амударья и Каспийское море в древности ... 96
3. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов ... 104
4. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. ... 112
5. Восточный Туркестан в свете античных источников ... 131
6. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии ... 153
Часть 2. Ариана: страны и народы. Зороастр — древний пророк Арианы ... 177
1. Ариана по свидетельствам античных авторов ... 179
2. Бактрия в античной традиции ... 202
3. Хорезм в античной письменной традиции ... 242
4. Хорасмии Гекатея Милетского ... 263
5. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов ... 284
6. Древнейшие государственные образования Средней Азии ... 315
7. Социальный строй древнеземледельческих народов Средней Азии ... 331
8. О погребальном обряде бактрийцев ... 353
9. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени. ... 361
10. Аркаим и индоиранская вара ... 388
Часть 3. Древние кочевники Евразийской степи. Передвижения племен в степном поясе ... 399
1. Жуны и ди, аримаспы и амазонки ... 402
2. Гализоны — халибы — мосхи ... 429
3. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов ... 446
4. Массагеты Геродота ... 465
5. «Саки» (Содержание понятия) ... 493
6. Саки ... 500
7. К этнической истории саков Припамирья ... 516
8. Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? ... 531
Часть 4. Рецензии ... 539
1. Античные авторы о Средней Азии и Скифии ... 539
2. Фундаментальное исследование о связях среднеазиатских кочевников с Парфянским Ираном ... 568
3. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация ... 581
4. Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана» ... 598
Приложение. Великий Шелковый путь: Итинерарий Мая Тициана ... 619
Жизнь и научная деятельность И. В. Пьянкова (*Т. И. Пьянкова*) ... 686
Список трудов И. В. Пьянкова ... 699
Литература о И. В. Пьянкове ... 713
К 60-летию И. В. Пьянкова ... 715
Указатель ... 717
Summary ... 732